ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCCXXII.

1899.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°“. Наб. Фонтанки, 95.
1899.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (11-го ноября 1898 года). *Объ отпускѣ изъ казны суммъ на содержаніе зданій Московской 1 гимназіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ отпускѣ изъ казны суммъ на содержаніе зданій Московской I гимназіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ отпускѣ изъ казны суммъ на содержаніе зданій Московской I гимназіи, *мнѣніемъ положилъ*: отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1899 года, по *пяти тысячъ шестисотъ семидесяти девяти* рублей *тридцати пяти* копѣекъ въ годъ, на содержаніе принадлежащихъ Московской I гимназіи трехъ домовъ, занятыхъ для надобностей управленія Московскаго учебнаго округа.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

Библиотека "Руниверс"

2. (11-го ноября 1898 года). *Объ учрежденіи въ Псковской губерніи третьей должности инспектора народныхъ училищъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ Псковской губерніи третьей должности инспектора народныхъ училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ Псковской губерніи третьей должности инспектора народныхъ училищъ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить, съ 1-го января 1898 года, въ Псковской губерніи третью должность инспектора народныхъ училищъ на основаніяхъ, установленныхъ Высочайше утвержденнымъ, 25-го мая 1874 года, мнѣніемъ государственнаго совѣта о преобразованіи управленія народными училищами (Собр. узак. и расп. Прав. 1874 г. № 56, ст. 740).

II. Вызываемый означенною мѣрою новый расходъ, въ количествѣ *двухъ тысячъ* рублей въ годъ, относить на средства государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

3. (11-го ноября 1898 года). *Объ учрежденіи второй должности инспектора народныхъ училищъ въ Тургайской области.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи второй должности инспектора народныхъ училищъ въ Тургайской области, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи второй должности инспектора народныхъ училищъ въ Тургайской области, *мнѣніемъ положилъ:*

Библиотека "Руниверс"

I. Учредить, съ 1-го января 1899 года, въ Тургайской области вторую должность инспектора народныхъ училищъ, съ присвоеніемъ оной оклада содержанія, а также правъ по чинопроизводству и на пенсію, на основаніи Высочайше утвержденнаго, 25-го мая 1874 года, мнѣнія государственнаго совѣта о преобразованіи управленія народными училищами (Собр. узак. и расп. Прав. 1874 г. № 56 ст. 740).

II. Вызываемый означенною мѣрою новый расходъ, въ количествѣ *двухъ тысячъ* рублей въ годъ, относить на средства государственнаго казначейства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

4. (11-го ноября 1898 года). *Объ учрежденіи второй должности помощника классныхъ наставниковъ при Рязанской четырехклассной прогимназіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи второй должности помощника классныхъ наставниковъ при Рязанской четырехклассной прогимназіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи второй должности помощника классныхъ наставниковъ при Рязанской четырехклассной прогимназіи, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Учредить при Рязанской четырехклассной прогимназіи вторую должность помощника классныхъ наставниковъ, съ служебными правами и преимуществами, предоставленными другимъ такимъ же должностямъ на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 30-го іюля 1871 года, устава и штата гимназій.

II. Расходъ, потребный на производство содержанія упомянутой должности (по пятисотъ двадцати рублей въ годъ) отнести на счетъ суммъ сбора за ученіе въ Рязанской прогимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

Библиотека "Руниверс"

5. (18-го ноября 1898 года). *Объ учрежденіи при Новозыбковскомъ реальномъ училищѣ средняго сельскохозяйственно-техническаго училища и объ утвержденіи штата сего училища.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніе государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Новозыбковскомъ реальномъ училищѣ средняго сельскохозяйственно-техническаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Новозыбковскомъ реальномъ училищѣ средняго сельскохозяйственно-техническаго училища, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Учредить, съ 1-го іюля 1899 г., при Новозыбковскомъ реальномъ училищѣ среднее сельскохозяйственно-техническое училище на общихъ для промышленныхъ училищъ основаніяхъ, закрывъ съ того же срока существующее при названномъ реальномъ училищѣ коммерческое отдѣленіе.

II. Проектъ штата средняго сельскохозяйственно-техническаго училища при Новозыбковскомъ реальномъ училищѣ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

III. На содержаніе упомянутыхъ учебныхъ заведеній ассигновать изъ государственнаго казначейства, сверхъ суммъ, отпускаемыхъ нынѣ на содержаніе Новозыбковскаго реальнаго училища, въ 1899 г.— *десять тысячъ сто шестьдесятъ три* рубля и, начиная съ 1900 г.,— по *двадцати тысячъ триста двадцати шести* рублей ежегодно, съ обращеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ доходъ казны: а) въ 1899 г.—*одной тысячи пятисотъ* рублей, а начиная съ 1900 г. *по три тысячи* рублей въ годъ изъ средствъ мѣстнаго дворянства, и б) въ 1899 г.— *трехъ тысячъ ста пятидесяти* руб., а начиная съ 1900 г.—по *шести тысячъ триста* рублей въ годъ, жертвуемыхъ мѣстнымъ земствомъ.

IV. Отпустить изъ государственнаго казначейства единовременно на оборудованіе средняго сельско-хозяйственно-техническаго училища въ 1899 г. *пять тысячъ* рублей и въ 1900 г. *четыре тысячи* руб., въ дополненіе къ 18.000 рублей, жертвуемымъ на этотъ предметъ мѣстными дворянствомъ и земствомъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

Библиотека "Руниверс"

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: *„Быть по сему“.*

Въ Ливадіи.
18-го ноября 1898 г.

ШТАТЪ

Средняго сельскохозяйственно-техническаго училища при Новозыбковскомъ реальномъ училищѣ.

	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ. Одному. Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	ВСЕГО.	Классы и разряды. По должности.	По штатю на мундиръ.	По пенсіи.
		Рубли.						
Директору реальнаго училища добавочныхъ за завѣдываніе техническимъ училищемъ	—	—	—		1.000			По учебной службѣ.
Преподавателю добавочныхъ за исполненіе обязанности инспектора	—	—	—	—	250			
Законоучителю	1	—	—	—	320			
Учителямъ за уроки	—	—	—	—	7.860	VIII	VIII	
Руководителямъ практическихъ работъ	—	—	—	—	3.996	VIII	VIII	
Надзирателю	1	480	240	натур.	720	VIII	VIII	
Секретарю совѣта и библіотекарю	—	—		—	240			
Письмоводителю (онъ же бухгалтеръ) реальнаго училища добавочныхъ.	—	—	—	—	320			

Библиотека "Руниверс"

Врачу реальнаго училища добавочныхъ	—	—	—	—	200			
На приготовленіе опытовъ по химіи и земледѣлію	—	—	—	—	420			
На наемъ машиниста, кузнеца, подмастерьевъ и на лѣтнія занятія учениковъ	—	—	—	—	1.600			
На учебныя пособія	—	—	—	—	800			
На матеріалы и инструменты	—	—	—	—	1.050			
На наемъ писца и канцелярскіе расходы	—	—	—	—	350			
На наемъ прислуги	—	—		—	3.400			
На содержаніе дома	—	—	—	—				
Итого	—	—	—	—	22.526			

Примѣчаніе. Всѣ служащіе въ техническомъ училищѣ лица, не исключая и директора, пользуются служебными и пенсіонными правами и преимуществами, предоставленными должностнымъ лицамъ среднихъ техническихъ училищъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 26-го іюня 1889 года штатовъ оныхъ, а также ст. 373 уст. пенс. (св. зак. т. III, изд. 1896 г.).

Подписалъ: За предсѣдателя государственнаго совѣта *Д. Сольскій.*

Библиотека "Руниверс"

6. (18-го ноября 1898 года). *Объ открытіи низшей ремесленной школы въ усадьбѣ „Григорьевцево", Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ открытіи низшей ремесленной школы къ усадьбѣ „Григорьевцево" Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ открытіи низшей ремесленной школы въ усадьбѣ „Григорьевцево" Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Учредить, съ 1-го іюля 1899 г., въ усадьбѣ „Григорьевцево", Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи, низшую ремесленную школу, на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 24-го апрѣля 1895 года, мнѣнія государственнаго совѣта и штата.

II. На содержаніе означенной школы (отд. I) ассигновать изъ государственнаго казначейства въ 1899 г. *одну тысячу триста восемьдесятъ пять* рублей, а начиная съ 1900 г.—по *двѣ тысячи семисотъ семидесяти* рублей ежегодно, съ обращеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ доходъ казны изъ мѣстныхъ источниковъ (суммъ, жертвуемыхъ мѣстнымъ земствомъ, и доходовъ съ усадьбы „Григорьевцево"): въ 1899 году — *четырехсотъ* рублей, а съ 1900 г. — по *восьмисотъ* рублей ежегодно.

III. Опустить въ 1899 г. единовременно изъ средствъ государственнаго казначейства на оборудованіе упомянутой школы *четыре тысячи* рублей.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдательствовавшимъ и членами.

7. (18-го ноября 1898 года). *Объ учрежденіи при Кіевской 2-ой гимназіи — четвертой, а при Московской 7-ой гимназіи — третьей должностей помощниковъ классныхъ наставниковъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи при Кіев

Библиотека "Руниверс"

ской второй гимназіи—четвертой, а при Московской седьмой гимназіи—третьей должностей помощниковъ классныхъ наставниковъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи при Кіевской второй гимназіи—четвертой, а при Московской седьмой гимназіи—третьей должностей помощниковъ классныхъ наставниковъ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Учредить при Кіевской второй гимназіи — четвертую, а при Московской седьмой гимназіи — третью должности помощниковъ классныхъ наставниковъ, съ служебными правами и преимуществами, предоставленными другимъ такимъ же должностямъ на основаніи Высочайше утвержденныхъ, 30-го іюля 1871 г., устава и штата гимназій.

II. Расходъ, потребный на производство содержанія упомянутымъ должностямъ (по шестисотъ рублей въ годъ каждой, въ томъ числѣ 300 р. жалованья и 300 р. квартирныхъ) отнести на счетъ суммъ сбора за ученіе въ названныхъ (отд. I) гимназіяхъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

8. (15-го декабря 1898 года). *Объ увеличеніи средствъ канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ увеличеніи средствъ канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ увеличеніи средствъ канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа, *мнѣніемъ положилъ*:

1. Въ дополненіе Высочайше утвержденнаго 27-го января 1881 г., штата Одесскаго учебнаго округа (Собр. узак. и расп. Прав. 1881

Библиотека "Руниверс"

года № 25, ст. 154): а) учредить новыя должности столоначальника и помощника столоначальника канцеляріи попечителя названнаго округа, съ присвоеніемъ симъ должностямъ окладовъ содержанія, а также служебныхъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ другимъ такимъ же должностямъ на основаніи указаннаго штата и б) увеличить отпускаемую той же канцеляріи сумму на канцелярскіе расходы и на наемъ сторожей на 900 руб., а сумму на наемъ помѣщенія, отопленіе, освѣщеніе и другіе расходы на 500 руб. въ годъ.

II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія войти, по соглашенію съ министромъ финансовъ, съ особымъ представленіемъ въ установленномъ порядкѣ о срокѣ приведенія въ дѣйствіе мѣры, указанной въ отд. I, а также объ ассигнованіи кредита на покрытіе вызываемаго оною расхода.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

9. (15-го октября 1898 года). *Объ установленіи форменной одежды для воспитанниковъ учительскихъ семинарій и школъ.*

Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на установленіе для воспитанниковъ учительскихъ семинарій и школъ металлическаго значка на фуражкѣ и на введеніе, не предписывая матеріала, блузы гимназическаго покроя и ременнаго пояса съ иниціалами семинаріи или школы на пряжкѣ, не распространяя, однакожъ, сей мѣры на Новочеркасскую учительскую семинарію.

Государь Императоръ, въ 15-й день октября 1898 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

10. (16-го сентября 1898 года). *Объ утвержденіи формы двубортнаго сюртука для студентовъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи.*

Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія представилъ въ правительствующій сенатъ, для распубликованія, копіи рисунка и описанія Высочайше утвержденной 16-го сентября 1898 года формы двубортнаго сюртука для студентовъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства.

На подлинномъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія написано: „*Высочайше утверждено. Ливадія, 16-го сентября*

Библиотека "Руниверс"

1898 года. Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія Н. Зверевъ".

Описаніе формы двубортнаго сюртука для студентовъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи.

Двубортный, изъ чернаго кастора или сукна, военнаго образца, съ чернымъ бархатнымъ отложнымъ воротникомъ и лацканами, съ выпушкой изъ темно-зеленаго сукна по краямъ воротника и полъ сюртука, съ плечевыми знаками на поперечныхъ погонахъ и металлическими пуговицами Высочайше утвержденнаго образца. Лѣтомъ такой же формы и съ тѣми же знаками и пуговицами сюртукъ изъ свѣтло-сѣрой коломянки.

II. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(16-го января 1899 года). *Назначаются:* экстраординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Юрьевскаго, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Чермакъ* и Новороссійскаго, докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія, коллежскій совѣтникъ *Томсонъ* и исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ русскаго языка и словесности *Истринъ*—ординарными профессорами тѣхъ же университетовъ: первый по каѳедрѣ сравнительной анатоміи, эмбріологіи и гистологіи, второй—по каѳедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія, а третій—по каѳедрѣ русскаго языка и русской литературы; приватъ-доценты Императорскихъ университетовъ: Новороссійскаго, магистръ всеобщей исторіи *Пискорскій* и С.-Петербургскаго, магистръ церковнаго права, коллежскій секретарь *Соколовъ*: первый—экстраординарнымъ профессоромъ историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, по всеобщей исторіи, а второй—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго юридическаго лицея по церковному законовѣдѣнію, изъ нихъ Соколовъ съ 1-го января.

Утверждаются: адъюнктъ Императорской Академіи Наукъ, въ званіи камергера Высочайшаго Двора, статскій совѣтникъ князь *Голицынъ*—экстраординарнымъ академикомъ, по физикѣ, съ 5-го декабря

Библиотека "Руниверс"

1898 г., съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи; оберъ-камергеръ Высочайшаго Двора *Нарышкинъ* — вновь, почетнымъ попечителемъ Тамбовскаго реальнаго училища, согласно избранію, на три года, съ оставленіемъ его оберъ-камергеромъ.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, почетный попечитель Владикавказской гимназіи баронъ *Штейнгель*.

Умершій исключается изъ списковъ, попечитель Западно-Сибирскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ *Флоринскій*, съ 3-го января.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели: гимназій: С.-Петербургской 2-й, *Кузнецовъ* — съ 1-го іюня 1898 г., С.-Петербургской 5-й, *Михайловскій*—съ 20-го августа 1898 г., гимназіи Императорскаго человѣколюбиваго общества, *Антоновъ*—съ 1-го іюля 1898 г., Нарвской, *Пшеницынъ* и Новгородской: *Максимовъ*, оба—съ 1-го августа 1898 г. и *Вознесенскій*—съ 1-го августа 1897 г., Псковской, *Калининъ*—съ 1-го августа 1898 г., Выборгскаго реальнаго училища, *Фроловъ*—съ 3-го іюня 1898 г. и С.-Петербургской Покровской женской гимназіи, *Роговскій* — съ 1-го сентября 1898 г.; по Московскому учебному округу: исполняющій обязанности инспектора Вяземской Императора Александра III гимназіи смоленскаго земства *Бѣллевичъ*—съ 1-го января 1898 г.; инспекторы народныхъ училищъ губерній: Владимірской. (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Чернышевъ*—съ 8-го мая 1897 г. и *Модестовъ*—съ 9-го декабря 1897 г. и Смоленской, *Терпиловскій*—съ 1-го января 1898 г.; астрономъ-наблюдатель Императорскаго Московскаго университета *Штернбергъ*—съ 8-го іюня 1898 г.; учителя: гимназій: Московской 1-й, *Плестереръ* съ 23-го мая 1898 г., Московской 6-й, *Вильоме* — съ 10-го февраля 1898 г., Московской 7-й: *Якушкинъ*—съ 30-го мая 1898 г. и *Бремеръ*—съ 28-го февраля 1898 г., Смоленской: *Гернъ*— съ 24-го октября 1897 г. и *Поризко*—съ 12-го мая 1898 г., Шуйской, *Зезинъ*—съ 6-го февраля 1898 г., Ржевской шестиклассной прогимназіи, *Орловъ* — съ 19-го декабря 1897 г., реальныхъ училищъ: Лифляндскаго, *Кузнецовъ*—съ 1-го февраля 1898 г., частнаго въ Москвѣ Мазинга, *Горячевъ* — съ 1-го декабря 1897 г., Петропавловскаго въ Москвѣ, *Леонарди*—съ 20-го марта 1898 г., Нижегородскаго Владимірскаго, *Токсъ* — съ 25-го іюня 1898 г., Коммисаровскаго техническаго училища, *Рашковъ*—съ 29-го апрѣля 1898 г.; наставникъ Поливановской учительской семинаріи *Соколовъ*—съ 1-го апрѣля 1898 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по С.-Петербургскому учеб-

Библиотека "Руниверс"

ному округу: преподаватели: училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, *Рейманъ* — съ 1-го сентября 1898 г., училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ, *Барбеза* — съ 4-го іюня 1898 г., гимназій: Покровской женской въ С.-Петербургѣ, *Маляренко* — съ 6-го февраля 1898 г.; Нарвской: *Акимовъ* и *Флеровъ*, оба—съ 1-го августа 1898 г., реальныхъ училищъ: Великолуцкаго, *Груздевъ* — съ 15-го августа 1898 г., Выборгскаго, *Теттенборнъ*, Вологодскаго Александровскаго, *Зборомірскій*, оба—съ 1-го августа 1898 г.; надзиратель Архангельскаго Императора Петра I низшаго механико-техническаго училища *Шамаховъ* — съ 1-го августа 1897 г. и преподаватель того же училища *Дулетовъ*—съ 1-го іюня 1897 г.; по Московскому учебному округу: ассистенты клиникъ Императорскаго Московскаго университета: (штатные:) психіатрической, *Сербскій*—съ 18-го января 1896 г., госпитальной терапевтической, *Готье-Дюфайе* — съ 1-го января 1898 г., гинекологической (сверхштатный), *Субботинъ*—съ 3-го апрѣля 1898 г.; штатный лаборантъ при кабинетѣ сравнительной анатоміи того же университета *Львовъ*—съ 29-го сентября 1897 г.; исправляющій должность доцента Демидовскаго юридическаго лицея *Минервинъ*—съ 13-го марта 1898 г.; членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Коммисаровскаго техническаго училища *Грузовъ* — съ 27-го февраля 1898 г.; руководитель практическихъ работъ, онъ же инспекторъ Брянскаго низшаго механико-техническаго училища *Михайловъ* — съ 14-го августа 1898 г.; учителя гимназій: Вяземской Императора Александра III смоленскаго земства, *Масленниковъ*—съ 1-го августа 1897 г. и *Ильинъ*—съ 1-го октября 1897 г., Московской 4-й, *Кохъ* — съ 1-го декабря 1897 г., Московской 7-й: *Острейко*—съ 21-го апрѣля 1898 г. и *Браунъ*—съ 1-го августа 1897 г., шестиклассныхъ прогимназій: Бѣльской, *Козачковъ*—съ 3-го мая 1898 г., Московской, *Поливановъ*—съ 19-го февраля 1898 г., реальныхъ училищъ: Муромскаго, *Тэпферъ* — съ 7-го мая 1898 г. и Петропавловскаго въ Москвѣ, *Галле* — съ 19-го марта 1898 г., частной женской гимназіи Бессъ въ Москвѣ, *Розановъ*—съ 24-го сентября 1896 г.; врачъ Рыбинской Маріинской женской гимназіи *Сосninъ* — съ 1-го августа 1895 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватель С.-Петербургскаго частнаго реальнаго училища Гуревича *Терпиловскій*—съ 1-го августа 1897 г.; учителя городскихъ училищъ: Выборгскаго, въ С.-Петербургѣ, *Потаповъ* — съ 1-го іюля 1898 г., С.-Петербургскаго Коломенскаго четырехкласснаго, *Ѳоминъ*—

Библиотека "Руниверс"

съ 3-го ноября 1897 г., Гатчинскаго пятикласснаго, *Ефимовъ* — съ 8-го августа 1898 г.; учителя-инспектора городскихъ училищъ: Опочецкаго, *Скоковъ* — съ 1-го іюля 1898 г. и Новоржевскаго, *Ильинскій*—съ 1-го іюля 1896 г.; по Московскому учебному округу: ассистенты клиникъ Императорскаго Московскаго университета: гинекологической (сверхштатный), *Секержъ-Зеньковичъ* — съ 23-го августа 1893 г., заразныхъ бараковъ (штатный), *Поліевктовъ*—съ 14-го іюня 1894 г., госпитальной хирургической (сверхштатные): *Березовскій* — съ 13-го марта 1898 г., терапевтическо-клиническаго отдѣленія при Императорской Екатерининской больницѣ, *Богдановъ* — съ 23-го декабря 1897 г., гинекологической, *Поликовъ*—съ 22-го февраля 1898 г., госпитальной терапевтической, *Ансеровъ* — со 2-го января 1898 г., дѣтскихъ болѣзней, *Діаконенко* — съ 4-го января 1898 г.; штатный помощникъ прозектора при каѳедрѣ патологической анатоміи того же университета *Власовъ*—съ 8-го мая 1898 г.; лаборанты того же университета: при гинекологическомъ институтѣ (штатный), *Кувалдинъ*—съ 8-го іюня 1898 г. и при каѳедрѣ физіологіи (сверхштатный), *Самойловъ*—съ 12-го іюня 1897 г.; сверхштатный ассистентъ при ботаническомъ кабинетѣ того же университета *Дейнега* — съ 31-го мая 1898 г.; учителя: Вяземской Императора Александра III гимназіи смоленскаго земства *Якимовъ*—съ 9-го ноября 1896 г. и *Пичинскій*—съ 27-го ноября 1896 г., Сергіевской, въ Сергіевомъ посадѣ, бывшей прогимназіи, нынѣ гимназіи, *Богородскій* — съ 9-го апрѣля 1897 г., частнаго реальнаго училища Воскресенскаго въ Москвѣ, *Ляцкій*—съ 10-го сентября 1897 г.; врачъ Смоленскаго дворянскаго пансіонъ-пріюта *Грѣховъ*—со 2-го апрѣля 1898 г.; учитель Скопинскаго реальнаго училища *Мурашевъ* — съ 1-го декабря 1896 г.; почетный смотритель Коломенскаго городскаго училища *Бородинъ* — съ 22-го февраля 1898 г.; помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Смоленской, *Алексѣевъ*—съ 1-го февраля 1898 г., Ярославской, *Струевъ*—съ 22-го апрѣля 1898 г., реальныхъ училищъ: Нижегородскаго Владимірскаго, *Смотраковъ*— съ 15-го апрѣля 1898 г., Тверскаго, *Крестешниковъ* — съ 1-го іюля 1898 г., Тульскаго, *Глаголевъ* — съ 6-го іюня 1898 г.; учителя городскихъ училищъ: Московскаго, Басманнаго, *Меньшовъ*—съ 15-го мая 1898 г., 1-го Московскаго, *Волковъ*—съ 6-го апрѣля 1898 г., Нижегородскаго четырехкласснаго, *Мараевъ*—съ 1-го іюля 1898 г. и Сычевскаго, *Чередѣевъ* — съ 8-го февраля 1897 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета,

Библиотека "Руниверс"

докторъ славянской словесности *Гротъ* — съ 9-го іюня 1885 г.; по С.-Петербургскому учебному округу: почетный смотритель Царскосельскаго городскаго училища *Струбинскій*—съ 1-го декабря 1897 г.; учителя: С.-Петербургской частной женской гимназіи Стеблинъ-Каменской, *Форсблумъ*—съ 15-го августа 1898 г., городскихъ училищъ: Гатчинскаго пятиклассnаго, *Котельниковъ*—съ 1-го августа 1898 г., Новоржевскаго, *Шастовскій* — съ 1-го іюля 1898 г., Валдайскаго трехклассnаго, *Корниловъ*—съ 1-го ноября 1896 г.; учитель-инспекторъ Павловскаго четырехклассnаго городскаго училища *Ивановъ* — съ 12-го октября 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Псковской гимназіи *Сидоровъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; по Московскому учебному округу: ассистенты клиникъ Императорскаго Московскаго университета: факультетской терапевтической: (штатный) *Поляковъ*— съ 23-го ноября 1895 г. и (сверхштатные): *Ерофѣевъ* — со 2-го декабря 1895 г., при каѳедрѣ частной патологіи и терапіи, *Лавровскій*— съ 10-го мая 1896 г., при нейрологическомъ музеѣ имени Кожевникова, *Прибытковъ* — съ 3-го августа 1895 г., при терапевтическомъ отдѣленіи клиники въ Императорской Екатерининской больницѣ: *Комаровъ*—съ 16-го марта 1896 г. и *Меньшовъ*—съ 1-го декабря 1895 г., при клиникахъ: дѣтскихъ болѣзней, *Виддеръ*—съ 8-го февраля 1892 г., психіатрической, *Сухановъ* — съ 10-го декабря 1895 г., пропедевтической, *Малютинъ* — съ 1-го декабря 1895 г., госпитальной хирургической (штатный), *Зыковъ*—съ 30-го декабря 1895 г., гинекологической (сверхштатный), *Благоволинъ* — съ 20-го января 1896 г., при фармакологическомъ институтѣ, *Грейлихъ*—съ 12-го февраля 1897 г., при хирургическо-клиническомъ отдѣленіи въ Императорской Екатерининской больницѣ, *Мартыновъ*— съ 28-го апрѣля 1896 г., при клиникѣ мочеполовыхъ болѣзней, *Балаповъ* — съ 21-го мая 1896 г., при каѳедрахъ: частной патологіи и терапіи, *Домановъ* — съ 26-го мая 1895 г., патологической анатоміи, помощникъ прозектора *Кедровскій*— съ 11-го февраля 1895 г., лаборанты: при каѳедрѣ фармакогнозіи и фармаціи (штатный) *Кейзеръ*—съ 18-го января 1898 г., (сверхштатные): при агрономической лабораторіи, *Жолцинскій*—съ 18-го декабря 1897 г, и при патолого-анатомическомъ институтѣ, *Шамшинъ*—съ 28-го ноября 1895 г.; почетные смотрители городскихъ училищъ: Арбатскаго въ Москвѣ, *Шереметевскій*—съ 15-го февраля 1897 г.; казенныхъ начальныхъ училищъ гор. Москвы, *Миндеръ*— съ 21-го марта 1896 г., Верейскаго, *Шелонскій*—съ 1-го марта 1898 г.; врачи: 2-го Смоленскаго городскаго училища, *Прайсъ*—съ 29-го октября 1895 г., школы ремеслен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ учениковъ товарищества Прохоровской мануфактуры въ Москвѣ, *Шекуновъ*—съ 15-го марта 1895 г.; учителя: общеобразовательныхъ предметовъ Павловскаго ремесленнаго училища, *Мараховскій* — съ 30-го декабря 1895 г., частной женской гимназіи Бессъ въ Москвѣ, *Власовъ*—съ 5-го августа 1895 г.; младшіе надзиратели Коммиссаровскаго техническаго училища: *Александровскій* — съ 28-го ноября 1893 г. и *Наумовъ* — съ 12-го ноября 1893 г.; учителя: городскихъ училищъ: 1-го Московскаго, *Дмитріевъ* — съ 11-го марта 1898 г., 1-го Смоленскаго, *Падалицынъ*, Рославльскаго, *Тюленевъ*, оба — съ 1-го августа 1892 г., приготовительнаго класса Шуйской гимназіи, *Зарутскій*—съ 16-го декабря 1897 г., Иваново-Вознесенскаго училища для дѣтей мастеровыхъ и рабочихъ *Борисовъ* — съ 21-го сентября 1896 г., Новосильскаго уѣзднаго училища, *Спасскій*—съ 3-го сентября 1896 г.; домашній учитель *Михайловичъ*—съ 22-го апрѣля 1894 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Машарскій*—съ 1-го декабря 1898 г.; хранитель астрономической обсерваторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Малисъ*—съ 1-го мая 1898 г.; учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Сергіевскаго четырехкласснаго, *Дерябкинъ*—съ 14-го января 1897 г., Кирилловскаго трехкласснаго, *Свѣтловъ*—съ 1-го февраля 1894 г., Вельскаго трехкласснаго, *Кашинъ* — съ 1-го іюля 1896 г.; помощники классныхъ наставниковъ: С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища, *Вѣткинъ*—съ 9-го ноября 1896 г. и Александровской Гельсингфорсской гимназіи, *Стратовъ*—съ 29-го апрѣля 1898 г.; по Московскому учебному округу: Императорскаго Московскаго университета: сверхштатный ассистентъ при каѳедрѣ минералогіи *Шкляревскій*—съ 28-го ноября 1897 г.; сверхштатный лаборантъ химической лабораторіи *Усовъ* — съ 28-го октября 1897 г.; управляющій аптекою Императорской Екатерининской больницы провизоръ *Исаевъ*—съ 1-го октября 1896 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Московской 4-й гимназіи, *Фортунатовъ* — съ 16-го февраля 1896 г. и частнаго реальнаго училища Воскресенскаго въ Москвѣ, *Шайдеровъ*—съ 10-го апрѣля 1898 г.; бывшій младшій надзиратель Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая баронъ *Черкасовъ*—съ 28-го іюля 1895 г.; младшій надзиратель Коммиссаровскаго техническаго училища, *Архангельскій* — съ 15-го августа 1892 г.; учителя: городскихъ училищъ: Александровскаго въ гор. Княгининѣ, *Богомоловъ*—съ 1-го октября 1896 г., 1-го Смоленскаго, *Городецкій*—

Библиотека "Руниверс"

съ 1-го августа 1893 г., 2-го Смоленскаго, *Падалицынъ*—съ 16-го мая 1895 г., Рославльскаго: *Комарницкій*—съ 1-го ноября 1895 г. и *Козьминъ*—съ 1-го іюля 1893 г., Александровскаго Киржачскаго женскаго двухкласснаго училища, *Маршиновъ*—съ 18-го ноября 1892 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по С.-Петербургскому учебному округу: учителя: Порховскаго уѣзднаго училища: *Богатыревъ*—съ 12-го апрѣля 1893 г. и *Копыловъ*—съ 1-го сентября 1896 г.; по Московскому учебному округу: почетный членъ попечительнаго совѣта Коммиссаровскаго техническаго училища въ Москвѣ *Губонинъ*—съ 17-го января 1890 г. и членъ-соревнователь попечительнаго совѣта того же училища *Сливинскій*—съ 15-го января 1897 г.; письмоводитель и бухгалтеръ Московской 4-й гимназіи *Осетровъ*—съ 20-го февраля 1898 г.; учитель Дулевскаго двухкласснаго сельскаго училища Владимірской губерніи министерства народнаго просвѣщенія *Говорковъ*—съ 1-го декабря 1893 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по С.-Петербургскому учебному округу: почетный смотритель С.-Петербургскаго Казанскаго городскаго четырехкласснаго училища *Альтаузенъ*—съ 29-го октября 1891 г.; архиваріусъ и журналистъ канцеляріи попечителя *Гордакъ*—съ 5-го октября 1897 г.; учитель Островскаго приходскаго училища *Бойковъ*—съ 26-го іюня 1898 г.; по Московскому учебному округу: бухгалтеръ и казначей Демидовскаго юридическаго лицея *Меньшовъ* — съ 24-го января 1898 г.; помощникъ учителя 2-го Смоленскаго городскаго училища *Карховъ* — съ 12-го марта 1890 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по С.-Петербургскому учебному округу, бывшій учитель 2-го Коломенскаго приходскаго городскаго училища въ С.-Петербургѣ (нынѣ въ отставкѣ) *Яковлевъ*—съ 21-го октября 1893 г.; по Московскому учебному округу: учителя городскихъ приходскихъ училищъ: Скопинскаго 1-го (бывшій) *Егинъ*—съ 19-го февраля 1897 г., Рославльскаго: *Лосевъ*—съ 1-го марта 1894 г. и *Зуевъ*—съ 1-го января 1892 г.; учитель 2-го мѣщанскаго казеннаго начальнаго въ гор. Москвѣ училища *Побѣдинъ*—съ 22-го января 1898 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго совѣтника*, по Московскому учебному округу, инспекторъ учебныхъ мастерскихъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, надворный совѣтникъ *Петровъ*—съ 21-го марта 1898 г.; *коллежскаго ассессора*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели: гимназій: С.-Петербургской 7-й (сверхштатный) *Разумовскій*—съ 1-го августа 1894 г., Императорскаго человѣколюбиваго общества, *Зоргенфрей* —

Библиотека "Руниверс"

съ 1-го сентября 1894 г., Новгородской, *Тюленевъ* — съ 15-го іюля 1894 г., Александровской Гельсингфорсской, коллежскій секретарь *Ивановъ*—съ 1-го августа 1894 г., Нарвской, *Круглый*—съ 1-го сентября 1894 г., училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ, *Смирновъ* — съ 12-го іюня 1894 г., реальныхъ училищъ Богинскаго, въ С.-Петербургѣ, *Адамовъ* — съ 20-го октября 1894 г. и Псковскаго Сергіевскаго, коллежскій регистраторъ *Воано*—съ 1-го августа 1894 г.; по Московскому учебному округу: лаборантъ по каѳедрѣ химической технологіи красильныхъ веществъ Императорскаго Московскаго техническаго училища *Виноградовъ*—съ 5-го февраля 1898 г.; учителя: гимназій: Вяземской Императора Александра III смоленскаго земства, *Яновскій*—съ 7-го января 1894 г., Ярославской: *Ярошевскій*—съ 1-го іюля 1894 г. и *Кунце*— съ 10-го марта 1894 г., Муромскаго реальнаго училища, коллежскій секретарь *Литтеровъ* — съ 1-го августа 1894 г., женскихъ гимназій: Петропавловской въ Москвѣ, *Миллеръ* — съ 16-го ноября 1893 г. и Муромской, *Доброводскій*—съ 1-го октября 1894 г.; *титулярнаго совѣтника*: по Московскому учебному округу: врачи: Ржевской женской прогимназіи, *Бересневъ* — съ 13-го сентября 1893 г. и Тульскаго четырехкласснаго городскаго училища, *Ѳедорченко*—съ 10-го іюня 1891 г., оба по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: по С.-Петербургскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Коломенскаго, *Грѣховъ*, Шлиссельбургскаго, *Рупенинъ*, оба — съ 1-го августа 1894 г., Ямбургскаго, *Гавриловъ*—съ 19-го августа 1894 г., Никольскаго трехкласснаго, *Альбовъ*—съ 1-го марта 1894 г., Мало-Вишерскаго трехкласснаго, *Ширяновъ*—съ 15-го сентября 1894 г,; помощникъ классныхъ наставниковъ училища св. Петра въ С.-Петербургѣ, *Кумантъ* — съ 16-го августа 1894 г.; по Московскому учебному округу: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Коммиссаровскаго техническаго училища *Поповъ* —съ 27-го ноября 1897 г. и почетный смотритель Медынскаго двухкласснаго городскаго училища, *Гончаровъ*— съ 23-го января 1898 г., оба по дипломамъ 1-й степени Императорскаго университета; аптекарскій ученикъ при аптекѣ Императорской Екатерининской больницы въ Москвѣ *Смирновъ*—съ 13-го декабря 1897 г., по степени провизора; бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ Касимовской прогимназіи, нынѣ за штатомъ *Стенькинскій* — съ 1-го іюля 1894 г.; учителя городскихъ училищъ: Переславскаго трехкласснаго, *Горстенъ* — съ 1-го сентября 1893 г., Арбатскаго въ Москвѣ четырехкласснаго: *Заборскій* и *Стрицкій*, оба — съ 24-го августа

Библиотека "Руниверс"

1893 г., Подольскаго, *Толмазовъ*—съ 1-го іюля 1893 г., Бѣльскаго, *Александровъ*—съ 1-го іюля 1892 г., Вяземскаго, *Горчаковъ*—съ 15-го октября 1892 г., 1-го Смоленскаго, *Антроповъ*—съ 20-го мая 1888 г., Сычевскаго, *Васильевъ*—съ 20-го марта 1893 г., Даниловскаго, *Дорманъ*—съ 1-го сентября 1894 г.; помощникъ воспитателя Смоленскаго дворянскаго пансіона-пріюта *Краузъ*—съ 5-го апрѣля 1891 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Московской 7-й гимназіи *Іевлевъ-Ильинскій* — съ 1-го сентября 1893 г.; *коллежскаго регистратора*: по С.-Петербургскому учебному округу, домашній учитель *Добролюбовъ*—со 2-го іюня 1897 г.; по Московскому учебному округу, учитель чистописанія и рисованія Боровскаго уѣзднаго училища *Лисицынъ*—съ 1-го января 1885 г.

Переименовывается въ *коллежскіе секретари*, по Московскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Московской 5-й гимназіи, поручикъ запаса арміи *Глаголевъ*.

(24-го января 1899 года). *Опредѣляется* на службу, инженеръ-технологъ *Сонинъ*—профессоромъ Харьковскаго Технологическаго института Императора Александра III, по построенію машинъ, съ 1-го октября 1898 г.

Назначаются: профессоръ Харьковскаго Технологическаго института Императора Александра III, инженеръ-технологъ, статскій совѣтникъ *Зубашевъ* — временно, впредь до утвержденія положенія и штата Томскаго технологическаго института, директоромъ сего института со всѣми правами и преимуществами, ректору Императорскаго Томскаго университета присвоенными; экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ чистой математики, статскій совѣтникъ *Млодзѣевскій*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ чистой математики; инспекторы народныхъ училищъ: Московской губерніи, статскій совѣтникъ *Добровольскій* и Донской области, статскій совѣтникъ *Арбековъ*—директорами народныхъ училищъ: первый—Тверской губерніи, а второй—Донской области, изъ нихъ *Добровольскій*, съ 1-го января; заслуженный преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Варшавской первой гимназіи, статскій совѣтникъ *Михалевичъ* и инспекторъ Кіевской второй гимназіи, статскій совѣтникъ *Орда*—директорами гимназій: первый—Ломжинской, а второй—Новгородсѣверской; врачъ при дѣвичьихъ школахъ, въ С.-Петербургѣ, вѣдомства Императорскаго человѣколюбиваго общества, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Лимбергъ* — консультантомъ по зубнымъ болѣзнямъ

Библиотека "Руниверс"

Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, преподаватель Волынскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, надворный совѣтникъ *Радецкій* — исправляющимъ должность инспектора народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской.

Увольняются отъ службы: инспекторъ народныхъ училищъ состоящій при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, статскій совѣтникъ *Эсслингеръ*, за выслугою срока; согласно прошенію, директоръ Новгородсѣверской гимназіи, статскій совѣтникъ *Истоминъ*, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Виленскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ Витебской губерніи: *Олешкевичъ*—съ 1-го августа 1898 г. и *Дорошкевичъ* — съ 18-го сентября 1898 г.; учителя гимназій: Слуцкой, *Глѣбовъ*—съ 1-го іюля 1898 г., Минской, *Краснянскій*—съ 1-го августа 1898 г., Могилевской, *Апашнянскій*—съ 1-го сентября 1898 г. и Виленскаго реальнаго училища, *Михельсонъ*—съ 21-го августа 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: учители гимназій: мужскихъ: Иркутской, *Чиринецъ* и Красноярской, *Головня*, оба—съ 23-го іюня 1898 г., женской Иркутской, И. С. Хаминова, *Прейнъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; преподаватели Иркутскаго промышленнаго училища: *Власенко*—съ 26-го октября 1897 г. и *Чтецовъ* съ 23-го іюня 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края, преподаватель Ташкентской мужской гимназіи *Кореньковъ*—съ 23-го іюня 1898 г.; изъ надворныхъ *въ коллежскіе совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватель училища при Евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ *Большевъ*—съ 1-го мая 1898 г.; по Виленскому учебному округу: инспекторы народныхъ училищъ: Виленской губерніи, *Нестеровичъ*—съ 1-го іюля 1896 г. и Витебской губерніи, *Кукушкинъ*—съ 6-го сентября 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, надзиратель Иркутскаго промышленнаго училища *Щаповъ* — съ 9-го іюня 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Туркестанскаго

Библиотека "Руниверс"

края: учитель Ташкентской женской гимназіи *Егоровъ*—съ 1-го августа 1898 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета докторъ славянской словесности *Гротъ*—съ 9-го іюня 1888 г.; по Виленскому учебному округу: наставникъ Свислочской учительской семинаріи *Бируля*—съ 30-го августа 1898 г. и штатный смотритель Невельскаго уѣзднаго училища *Чубовъ*—съ 1-го августа 1897 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: учителя Иркутскихъ городскихъ училищъ: четырехкласснаго Императора Александра III, *Базегскій*—съ 29-го іюля 1897 г. и пятикласснаго, *Зоревъ*—съ 1-го іюля 1897 г.; бывшій преподаватель Иркутскаго (нынѣ Казанскаго) промышленнаго училища *Жаковъ*—съ 1-го ноября 1896 г.; по управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края: учитель Ташкентскаго городскаго четырехкласснаго училища *Русановъ*—съ 1-го іюня 1898 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Одесскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Бердянской гимназіи *Рудой*—съ 1-го сентября 1897 г.; по Виленскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: гимназій: Витебской, *Бобровскій*—съ 1-го сентября 1898 г. и Могилевской, *Поповъ*—съ 6-го мая 1898 г., Поневѣжскаго реальнаго училища, *Селезневъ*—съ 16-го августа 1898 г.; комнатный надзиратель общей ученической квартиры при Виленской 1-й гимназіи *Бахтинъ*—съ 29-го апрѣля 1898 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по Виленскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: Слуцкой гимназіи, *Наркевичъ*—съ 21-го января 1896 г. и Брестской прогимназіи, *Почебутъ*—съ 1-го декабря 1896 г.; учителя городскихъ училищъ: Свенцянскаго, *Ивановъ*—съ 25-го ноября 1894 г. и Минскаго *Косцюкевичъ*—съ 7-го сентября 1897 г.; завѣдывающій Лепельскимъ городскимъ училищемъ *Василенко*—съ 1-го іюля 1885 г.; учители: приготовительнаго класса Виленской 1-й гимназіи *Ковалюкъ*—съ 10-го августа 1896 г. и Виленскаго уѣзднаго училища, *Обухъ*—съ 5-го октября 1894 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: помощникъ классныхъ наставниковъ Иркутской мужской гимназіи, *Инкижиновъ*—съ 1-го ноября 1897 г. и учитель Иркутской женской, И. С. Хаминова, гимназіи *Лихнеръ*—съ 16-го декабря 1897 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края: учитель Владивостокскаго городскаго трехкласснаго училища *Горохова*—съ 10-го октября 1893 г.; по управленію учебными заведеніями Турке-

Библиотека "Руниверс"

станскаго края: учитель Кокандскаго городскаго двухкласснаго училища *Сутягинъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Одесскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Ялтинской Александровской гимназіи *Балковой*—съ 1-го сентября 1895 г.; по Виленскому учебному округу: учителя: Минскаго городскаго училища, *Романовскій* (онъ же Сиротко) — съ 11-го октября 1896 г., уѣздныхъ училищъ: Игуменскаго, *Лобоцкій*—съ 16-го октября 1896 г. и Бѣльскаго, *Рублевскій*—съ 11-го сентября 1893 г.; изъ коллежскихъ регистратовъ въ *губернскіе секретари*: по Виленскому учебному округу: исправляющій должность учителя искусствъ Трокскаго уѣзднаго училища *Казаковъ*—съ 9-го апрѣля 1877 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: учителя приходскихъ училищъ Иркутской губерніи: Зиминскаго: *Россовъ*—съ 14-го марта 1895 г. и Голуметскаго (бывшій, нынѣ въ отставкѣ), *Быковъ*—съ 31-го мая 1895 г.; по управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края: учитель Дмитріевскаго приходскаго училища *Гастевъ*—съ 1-го іюля 1898 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Виленскому учебному округу: бывшій учитель Трокскаго приходскаго училища Виленской губерніи *Яцевичъ*—съ 27-го октября 1895 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: учителя приходскихъ училищъ Иркутской губерніи: Черемховскаго двухкласснаго *Щедринъ*—съ 14-го іюля 1896 г., Евсеевскаго, *Серебренниковъ*—съ 11-го сентября 1896 г., имени Павла Пономарева *Волочневъ*—съ 2-го августа 1897 г., Малышевскаго, *Егоровъ*—съ 5-го іюля 1898 г., Успенскаго, *Бѣлоусовъ*—съ 3-го августа 1893 г. и Алзамайскаго (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Балакшинъ*—съ 31-го іюля 1893 г.; по управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края: учителя приходскихъ училищъ: Казалинскаго русско-туземнаго, *Букинъ*—съ 1-го іюля 1897 г. и Грозненскаго, *Буровъ*—съ 1-го сентября 1897 г., письмоводитель Ташкентскаго реальнаго училища *Минкевичъ*—съ 17-го августа 1898 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: по Виленскому учебному округу: учителя: Слуцкой гимназіи, *Сѣдовъ* и Виленскаго реальнаго училища, *Паливода*, оба—съ 1-го сентября 1894 г., приготовительнаго класса учительскихъ семинарій: Молодечненской, *Ковалевъ*—съ 1-го января 1893 г. и Полоцкой, *Савицкій*—съ 1-го августа 1892 г.; штатный смотритель Бѣльскаго уѣзднаго училища *Трасковскій*—съ 1-го августа 1894 г.; по управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края: преподаватель

Библиотека "Руниверс"

Ташкентскаго реальнаго училища *Вонсовичъ*—съ 1-го августа 1894 г., *титулярнаго совѣтника*, по Виленскому учебному округу: штатный врачъ Бѣлостокскаго начальнаго еврейскаго училища *Гурвичъ*—съ 12-го января 1893 г., по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*, по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, помощникъ классныхъ наставниковъ Енисейской мужской прогимназіи *Бурдинъ*—съ 1-го ноября 1884 г.; *губернскаго секретаря*, по Виленскому учебному округу, бывшій учитель Невельскаго уѣзднаго училища, нынѣ штатный смотритель Себежскаго уѣзднаго училища *Кривошія*—съ 15-го августа 1886 г.; *коллежскаго регистратора*, по Виленскому учебному округу, учитель искусствъ Суражскаго уѣзднаго училища *Двинцкій*—съ 22-го декабря 1872 г.

(29-го января 1899 года). *Назначаются*: инспекторъ С.-Петербургской третьей гимназіи, статскій совѣтникъ *Якубовъ* — директоромъ С.-Петербургской введенской гимназіи; директоръ Преславской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Уаровъ* — директоромъ народныхъ училищъ Херсонской губерніи, съ 1-го января; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора самарскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Хижняковъ* — директоромъ того же училища; инспекторъ народныхъ училищъ Симбирской губерніи, статскій совѣтникъ *Милославскій* — директоромъ Порѣцкой учительской семинаріи.

Утверждаются: исправляющіе должности: адъюнктъ-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи, магистръ сельскаго хозяйства, титулярный совѣтникъ *Бараковъ* и директора Гатчинскаго реальнаго училища Императора Александра III, статскій совѣтникъ *фонъ-Гефтманъ* — въ исправляемыхъ ими должностяхъ, изъ нихъ Бараковъ, съ 1-го января; надворный совѣтникъ *Жежеленко*, коллежскій ассессоръ *Остроградскій* и коллежскій секретарь *Красовскій* — почетными попечителями: первый — Симферопольскаго реальнаго училища, второй — Кременчугскаго реальнаго училища и третій — Елецкой гимназіи, всѣ трое, согласно избранію, на три года; дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дьяченко*, отставной поручикъ, докторъ химіи *Лугининъ*, губернскій секретарь *Дементьевъ* и дворянинъ *Коростовцевъ* — вновь, почетными попечителями: первый — Казанскаго реальнаго училища, второй — Костромской гимназіи, третій — Изюмскаго реальнаго училища и четвертый — Павлоградской гимназіи, всѣ четверо согласно избранію, на три года.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: директоръ Костромскихъ промышленныхъ училищъ имени надворнаго совѣтника Ѳ. В.

Библиотека "Руниверс"

Чижова, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Эшлиманъ*, директоръ Порѣцкой учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гурладій*, за выслугою срока, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ, съ 31-го декабря 1898 года.

Умершій исключается изъ списковъ, экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, статскій совѣтникъ *Корелинъ*, съ 3-го января.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ славянской словесности *Гротъ* съ 9-го іюня 1892 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*, исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго варшавскаго университета, магистръ римской словесности *Вѣховъ* — съ 5-го іюля 1883 года.

(5-го февраля 1899 года). *Назначаются:* ректоръ и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ финансоваго права, тайный совѣтникъ *Алексѣенко* — вновь, ректоромъ сего университета, на четыре года, съ 20-го декабря 1898 г.; директоръ Острогожской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Коноровъ* — директоромъ Сумской Александровской гимназіи.

Увольняется отъ службы, директоръ Сумской Александровской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Сибилевъ*, за выслугою срока, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (30-го ноября 1898 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Ардатовскаго купца Алексѣя Ивановича Николаева при Арзамасскомъ городскомъ четырехклассномъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 26-го мая 1897 года, на проценты съ капитала въ *сто шестьдесятъ семь* рублей, собраннаго по подпискѣ членами Благотворительнаго Братства Св. Кирилла и Меѳодія въ городѣ Арзамасѣ, учреждаются

Библиотека "Руниверс"

при Арзамасскомъ четырехклассномъ городскомъ училищѣ двѣ стипендіи имени бывшаго предсѣдателя сего братства, Ардатовскаго купца Алексѣя Ивановича Николаева.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ городского училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за право ученія двухъ бѣднѣйшихъ учениковъ изъ гражданъ города Арзамаса, заслуживающихъ того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

§ 4. Право избранія стипендіатовъ, а равно и лишеніе ихъ стипендій, при малоуспѣшности и неодобрительномъ поведеніи, принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 5. Если съ теченіемъ времени плата за ученіе будетъ увеличена настолько, что процентовъ съ капитала не будетъ доставать для покрытія этой платы, то педагогическому совѣту предоставляется право поступать по его усмотрѣнію: или прекратить выдачу стипендій до тѣхъ поръ, пока капиталъ пополнится въ достаточной степени, или же предложить стипендіату доплачивать эту сумму самому.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ присоединяются къ капиталу.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія училища въ какое-либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

2. (18-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени ксендза Антонія Фердинандовича Дубиссa-Крачака при Каменецъ-Подольской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *одну тысячу* рублей, завѣщаннаго ксендзомъ Анатоліемъ Фердинандовичемъ Дубиссъ-Крачакомъ, учреждается при Каменецъ-Подольской мужской гимназіи одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствѣ 4%

Библиотека "Руниверс"

государственной ренты на сумму 1.000 рублей, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора, употребляются на содержаніе одного стипендіата.

§ 4. Стипендіатъ избирается педагогическимъ совѣтомъ названной гимназіи изъ числа учениковъ римско-католическаго исповѣданія и при томъ отличныхъ по поведенію и успѣвающихъ въ наукахъ.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ присоединяются къ стипендіальному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (19-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго управляющаго Кѣлецкою казенною палатою, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Якова Александровича Ржепишевскаго при одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Кѣлецкой губерніи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *одну тысячу двѣсти* руб., собраннаго чинами Кѣлецкой казенной палаты и подвѣдомственныхъ ей учрежденій, учреждается стипендія имени бывшаго управляющаго Кѣлецкою казенною палатою, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Якова Александровича Ржепишевскаго.

§ 2. Стипендіею этою могутъ пользоваться дѣти, безъ различія пола, воспитывающіяся въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Кѣлецкой губерніи, и при томъ дѣти лицъ, состоящихъ на службѣ по вѣдомству Кѣлецкой казенной палаты, не имѣющихъ никакого имущества и получающихъ не свыше 900 руб. въ годъ всего содержанія, подъ какимъ бы видомъ оно ни производилось; если же родители оба состоятъ на службѣ и получаютъ свыше названной суммы, то стипендіею этою дѣти ихъ не могутъ пользоваться.

§ 3. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, состоитъ въ вѣдѣніи попечителя Варшавскаго учебнаго округа и хранится въ Варшавской конторѣ государственнаго банка.

Библиотека "Руниверс"

§ 4. Выборъ стипендіата или стипендіатки предоставляется дѣйствительному статскому совѣтнику Ржепишевскому, послѣ же его смерти право это переходитъ къ общему присутствію Кѣлецкой казенной палаты.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ присоединяются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ никакихъ обязательствъ.

4. (21-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго Рижскаго и Митавскаго, нынѣ Казанскаго и Свіяжскаго архіепископа Арсенія, при Рижской Александровской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу двѣсти* руб., собраннаго по добровольной подпискѣ между служащими въ разныхъ учрежденіяхъ Лифляндской и Эстляндской губерній и заключающагося въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, учреждается при Рижской Александровской гимназіи стипендія имени бывшаго Рижскаго и Митавскаго, нынѣ Казанскаго и Свіяжскаго архіепископа Арсенія, въ память архипастырскаго служенія его высокопреосвященства на Прибалтійской окраинѣ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ собственность Рижской Александровской гимназіи, и хранится въ числѣ ея спеціальныхъ средствъ въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выхода въ тиражъ процентныхъ бумагъ, въ которыхъ заключается стипендіальный капиталъ, хозяйственный комитетъ гимназіи пріобрѣтаетъ новыя соотвѣтственной цѣнности государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго сбора, выдаются стипендіату или родителямъ его по-полугодно впередъ, въ январѣ и августѣ мѣсяцахъ.

Примѣчаніе. Расчетъ процентныхъ денегъ, подлежащихъ выдачѣ стипендіату, производится со дня назначенія ему стипендіи.

§ 4. Правомъ на полученіе стипендіи пользуются недостаточные по матеріальнымъ средствамъ ученики названной гимназіи православнаго исповѣданія, отличающіеся безукоризненнымъ поведеніемъ, хо-

Библиотека "Руниверс"

рошимъ прилежаніемъ и удовлетворительными успѣхами въ наукахъ, преимущественно сыновья лицъ, служащихъ и служившихъ по гражданскому или военному вѣдомствамъ въ губерніяхъ Лифляндской и Эстляндской.

§ 5. Право избранія стипендіата изъ числа указаннымъ въ п. 4 учениковъ принадлежитъ пожизненно высокопреосвященнѣйшему Арсенію, который назначаетъ стипендіата по собственному усмотрѣнію или по представленію педагогическаго совѣта гимназіи; послѣ же его смерти, право это переходитъ къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 6. Стипендіатъ лишается получаемой имъ стипендіи: 1) при оставленіи имъ гимназіи и 2) по опредѣленію педагогическаго совѣта гимназіи за плохое поведеніе, а также за малоуспѣшность, если для послѣдней не было какихъ-либо уважительныхъ причинъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи и, по мѣрѣ возможности, обращаются въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги.

Примѣчаніе. Стипендіальный капиталъ можетъ увеличиваться путемъ пожертвованій на сей предметъ со стороны частныхъ лицъ и обществъ.

§ 8. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

5. (22-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Андреевича Макарова при Владимірскомъ Мальцевскомъ ремесленномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *три тысячи девятьсотъ сорокъ восемь* рублей, пожертвованнаго Суздальскимъ очереднымъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ по постановленію 3-го октября 1895 г. въ память 29-ти-лѣтней земской дѣятельности умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Андреевича Макарова, учреждаются при Владимірскомъ-Мальцевскомъ ремесленномъ училищѣ двѣ стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Андреевича Макарова.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, хранится въ числѣ другихъ суммъ въ мѣстномъ казначействѣ, въ денежномъ сундукѣ уѣздной управы, оста-

Библиотека "Руниверс"

вался навсегда неприкосновеннымъ и составляя неотъемлемую собственность училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, назначаются въ стипендію по избранію Суздальской уѣздной земской управой двумъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Мальцевскаго училища, къ какому бы сословію Суздальскаго уѣзда они не принадлежали и которые по удостовѣренію педагогическаго совѣта, отличаются хорошими успѣхами въ наукахъ, прилежаніемъ и поведеніемъ.

§ 4. Ученики, удостоенные стипендіи, получаютъ ее по-полугодно (въ ноябрѣ и маѣ) и пользуются ею во все продолженіе ученія въ училищѣ, но въ началѣ каждаго новаго учебнаго года, начальствомъ училища сообщаются уѣздной управѣ свѣдѣнія объ успѣхахъ и поведеніи стипендіатовъ съ заключеніемъ педагогическаго совѣта, соображаясь съ которыми уѣздная управа рѣшаетъ вопросъ о правѣ стипендіатовъ на продолженіе стипендіи.

§ 5. Оставленіе учениковъ на второй годъ въ томъ же классѣ по безуспѣшности, происходящей отъ лѣни, небрежности и нерадѣнія, лишаетъ ихъ права на стипендіи; если же оставленіе на второй годъ было слѣдствіемъ продолжительной болѣзни или другихъ, лично отъ учениковъ не зависящихъ обстоятельствъ, то уѣздной управѣ предоставляется право рѣшать этотъ вопросъ въ окончательной формѣ и сообщать свое рѣшеніе педагогическому совѣту Мальцевскаго училища.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендій, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, остатки, присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія числа стипендій.

6. (22-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени надворнаго совѣтника Ивана Васильевича Михайлова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *двадцать тысячъ* рублей, завѣщаннаго надворнымъ совѣтникомъ Иваномъ Васильевичемъ Михайловымъ, учреждаются при Императорскомъ Московскомъ университетѣ двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ съ наросшими на него процентами въ количествѣ 2.700 руб., обращенный въ свидѣтельства государ-

Библиотека "Руниверс"

ственной 4% ренты, хранится въ московскомъ губернскомъ казначействѣ или въ московской конторѣ государственнаго банка въ числѣ спеціальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ. Въ случаѣ выхода процентныхъ бумагъ въ тиражъ погашенія, онѣ обмѣниваются правленіемъ университета на другія правительственныя процентныя бумаги.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала въ 20.000 руб. по удержаніи изъ нихъ государственнаго налога, ежегодно выдаются по равной части двумъ самымъ бѣднымъ студентамъ университета, безъ различія факультетовъ и сословій, преимущественно уроженцамъ Рязанской губерніи, заслуживающимъ того своими успѣхами и поведеніемъ.

§ 4. Выборъ стипендіатовъ принадлежитъ правленію университета.

§ 5. Избранные на означенныя стипендіи студенты именуются „стипендіатами Ивана Васильевича Михайлова".

§ 6. Стипендіаты пользуются стипендіями до окончанія курса или выхода ихъ по какимъ-либо причинамъ изъ университета, но во время пребыванія ихъ въ университетѣ они могутъ быть, вслѣдствіе неодобрительнаго поведенія или по малоуспѣшности, лишены стипендій правленіемъ на общихъ основаніяхъ.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ матеріальныхъ обязательствъ по окончаніи ими курса въ университетѣ.

§ 8. Проценты съ упомянутыхъ въ § 2 *двухъ тысячъ семисотъ* рублей и могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендій обращаются правленіемъ университета въ государственныя процентныя бумаги и остаются неприкосновенными, пока изъ нихъ не образуется капиталъ въ 10.000 руб., на проценты съ коего вновь учреждается одна стипендія на основаніяхъ, оказанныхъ въ §§ 3—7 настоящаго положенія.

6. (27-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіи гор. Чистополя при Казанскомъ промышленномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Чистопольскою городскою думою учреждается стипендія на одного воспитанника изъ бѣднѣйшихъ жителей гор. Чистополя при Казанскомъ промышленномъ училищѣ.

§ 2. На содержаніе стипендіата во время прохожденія имъ курса низшаго строительно-техническаго училища назначается изъ город-

Библиотека "Руниверс"

скихъ доходовъ гор. Чистополя по *двести* [200] руб. сер. ежегодно и выдается стипендіату по-мѣсячно черезъ начальство училища.

§ 3. Стипендія предоставляется одному изъ бѣднѣйшихъ мальчиковъ безъ различія сословія, обучавшемуся въ Чистопольскомъ городскомъ училищѣ, имѣющему отъ роду не менѣе 13-ти и не болѣе 15-ти лѣтъ.

§ 4. Право избранія на стипендію предоставляется Чистопольской городской думѣ. Для сего Чистопольская городская управа обращается къ завѣдующему Чистопольскимъ городскимъ училищемъ съ просьбою о сообщеніи управѣ свѣдѣній о желающихъ занять стипендію, объ ихъ успѣхахъ и о поведеніи. По полученіи сихъ свѣдѣній городская управа приглашаетъ родителей избранныхъ кандидатовъ или тѣхъ родственниковъ, на попеченіи коихъ они находятся, или опекуновъ, и получаетъ отъ нихъ письменное согласіе на поступленіе мальчика въ низшее строительно-техническое училище.

При этомъ управа предупреждаетъ ихъ, что, по замѣщеніи мальчика на стипендію, онъ можетъ быть взятъ изъ училища до окончанія курса лишь по болѣзни или по особымъ семейнымъ обстоятельствамъ. Затѣмъ списокъ всѣхъ кандидатовъ со всѣми свѣдѣніями представляетъ въ Чистопольскую городскую думу, которою производится закрытая баллотировка. Получившій большее число избирательныхъ шаровъ считается избраннымъ на занятіе стипендіи. Такимъ же порядкомъ слѣдуетъ назначеніе стипендіата взамѣнъ выбывшаго за окончаніемъ образованія, за смертью и по другимъ причинамъ.

§ 5. Принятый стипендіатомъ лишается стипендіи въ двухъ случаяхъ: при нахожденіи въ одномъ классѣ болѣе двухъ лѣтъ и при исключеніи изъ заведенія подлежащимъ начальствомъ. Въ случаѣ неперехода стипендіата изъ одного класса въ другой, по независящимъ отъ него причинамъ, какъ напримѣръ по продолжительной болѣзни, стипендія эта можетъ по постановленію Чистопольской городской думы остаться за нимъ еще на годъ.

§ 6. По окончаніи курса въ училищѣ стипендіатъ никакой обязательной службѣ не подлежитъ.

§ 7. Опредѣленныя на содержаніе стипендіата деньги препровождаются Чистопольскою городскою управою въ училище, въ установленные для сего сроки, по требованію начальства училища. Въ случаѣ остатка отъ ассигнованныхъ на содержаніе стипендіата суммъ, деньги эти употребляются по усмотрѣнію городской думы, на пособіе стипендіату.

Библиотека "Руниверс"

8. (27-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени Варвары Михайловны Бурмистровой, урожденной Рукавишниковой, при общежитіи братства Свв. Кирилла и Меѳодія для бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *четыре тысячи пятьсотъ* рублей, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Митрофаномъ Михайловичемъ Рукавишниковымъ, учреждается при общежитіи братства Свв. Кирилла и Меѳодія, основанномъ для помѣщенія на полномъ содержаніи отъ братства бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи, одна стипендія имени сестры жертвователя Варвары Михайловны Бурмистровой.

§ 2. Стипендіальный капиталъ внесенъ вкладомъ на вѣчное время въ Нижегородское отдѣленіе государственнаго банка по квитанціи отъ 7-го января 1899 года, за № 1819.

§ 3. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго налога, получаются совѣтомъ братства Свв. Кирилла и Меѳодія и обращаются на содержаніе при означенномъ общежитіи одного стипендіата.

§ 4. Право избранія стипендіата изъ числа бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи, отличающихся благонравіемъ и хорошими успѣхами, предоставляется Митрофану Михайловичу Рукавишникову, послѣ его смерти—брату его Ивану Михайловичу Рукавишникову, а ѣа смертію послѣдняго—совѣту братства Свв. Кирилла и Меѳодія.

§ 5. Въ случаѣ закрытія братства Свв. Кирилла и Меѳодія право распоряженія процентами съ стипендіальнаго капитала, для указанной въ § 3 цѣли, а также и право избранія стипендіата, предоставляется педагогическому совѣту Нижегородской гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (27-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Михайловича Рукавишникова при общежитіи братства Свв. Кирилла и Меѳодія для бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *четыре тысячи пятьсотъ* рублей, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Митрофаномъ Михайловичемъ Рукавишниковымъ, учреждается

Библиотека "Руниверс"

при общежитіи братства Свв. Кирилла и Меѳодія, основанномъ для помѣщенія на полномъ содержаніи отъ братства бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи, одна стипендія имени брата жертвователя потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Михайловича Рукавишникова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ внесенъ вкладомъ на вѣчное время въ Нижегородское отдѣленіе государственнаго банка по квитанціи отъ 7-го января 1899 года, за № 1818.

§ 3. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго налога, получаются совѣтомъ братства Свв. Кирилла и Меѳодія и обращаются на содержаніе при означенномъ общежитіи одного стипендіата.

§ 4. Право избранія стипендіата изъ числа бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи, отличающихся благонравіемъ и хорошими успѣхами, предоставляется Митрофану Михайловичу Рукавишникову, послѣ его смерти брату его Ивану Михайловичу Рукавишникову, а за смертью послѣдняго — право это переходитъ къ совѣту братства Свв. Кирилла и Меѳодія.

§ 5. Въ случаѣ закрытія братства Свв. Кирилла и Меѳодія право распоряженія процентами съ стипендіальнаго капитала, для указанной въ § 3 цѣли, а также и право избранія стипендіата, предоставляется педагогическому совѣту Нижегородской гимназіи.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

10. (28-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени Его Императорскою Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Служащіе при дворѣ, въ конторѣ двора и въ главномъ управленіи имѣніями Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, желая ознаменовать какимъ нибудь добрымъ дѣломъ день исполнившагося пятидесятилѣтія славнаго служенія Его Императорскаго Высочества родной Россіи, собрали между собою по добровольной подпискѣ капиталъ въ *три тысячи* руб. для учрежденія при С.-Петербургскомъ университетѣ на счетъ процентовъ съ сего капитала одной стипендіи Имени Его Императорскаго Высочества.

§ 2. Стипендія эта именуется стипендіею Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.

§ 3. Назначеніе стипендіата зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія

Библиотека "Руниверс"

Его Императорскаго Высочества, а потому каждый разъ при открытіи этой стипендіи, а именно въ случаѣ окончанія курса наукъ прежнимъ стипендіатомъ или за выбытіемъ его изъ университета до окончанія полнаго курса, правленіе университета доводитъ объ этохъ до свѣдѣнія конторы Двора, которая и представляетъ на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Высочества выборъ новаго стипендіата.

§ 4. Въ стипендіаты избираются заслуживающіе одобренія по успѣхамъ, способностямъ и поведенію недостаточные студенты университета безъ различія факультета, преимущественно же сыновья артиллерійскихъ офицеровъ и генераловъ.

§ 5. Стипендія эта можетъ быть назначена студенту или отдѣльно или въ соединеніи съ какою либо другою стипендіею.

§ 6. Для полученія этой стипендіи, равно какъ и для сохраненія ея студентомъ правленіе университета имѣетъ руководствоваться установленными для сего общими правилами.

§ 7. Сбереженія какія могутъ быть отъ незамѣщенія въ теченіи нѣкотораго времени вакансіи стипендіата причисляются къ капиталу Имени Его Императорскаго Высочества, съ цѣлью увеличенія доходовъ съ онаго для производства современемъ стипендіи въ большемъ размѣрѣ.

11. (30-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени врача Александра Константиновича Леонова при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *шесть тысячъ* рублей, пожертвованнаго университету Св. Владиміра вдовою врача, коллежскаго совѣтника Константина Яковлевича Леонова, Ольгою Ивановною Леоновою, учреждается при названномъ университетѣ одна стипендія имени покойнаго сына жертвовательницы, врача Александра Константиновича Леонова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ фондомъ для означенной стипендіи.

§ 3. Годовой размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ, ежегодно получаемыхъ съ стипендіальнаго капитала, по вычетѣ изъ нихъ государственнаго налога.

§ 4. Стипендіатами имени Леонова могутъ быть наболѣе нуждаю-

Библиотека "Руниверс"

щіеся студенты университета, православнаго вѣроисповѣданія, безъ различія сословій.

§ 5. Назначеніе стипендіи должно производиться правленіемъ университета, на основаніи общихъ правилъ о назначеніи стипендій и пособій студентамъ университетовъ.

§ 6. Могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи остатки отъ процентныхъ денегъ съ стипендіальнаго капитала выдаются въ единовременное пособіе стипендіату при окончаніи имъ курса университетскихъ наукъ.

§ 7. Пользованіе стипендіей имени Леонова не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

12. (30-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіи имени владѣльца Корнинскаго сахарнаго завода потомственнаго почетнаго гражданина Николая Яковлевича Сетгофера при Кіевскомъ Александровскомъ городскомъ ремесленномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *три тысячи шестьсотъ двадцать* рублей, собраннаго по подпискѣ между служащими на Корнинскомъ сахарномъ заводѣ потомственнаго почетнаго гражданина Николая Яковлевича Сетгофера, его дѣтьми и ближайшими родственниками, въ ознаменованіе полезной шестидесятилѣтней дѣятельности на поприщѣ сахарной промышленности владѣльца завода, учреждается при Кіевскомъ Александровскомъ городскомъ ремесленномъ училищѣ одна стипендія имени потомственнаго почетнаго гражданина Николая Яковлевича Сетгофера.

§ 2. Обезпечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ государственныхъ или правительствомъ гарантированныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ и составляя неотъемлемую собственность училища.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, назначаются въ стипендію одному ученику ремесленнаго училища христіанскаго вѣроисповѣданія, безъ различія національности, при чемъ, если по уплатѣ за право ученія и содержаніе стипендіата получится остатокъ, то эти деньги должны быть обращаемы цѣликомъ только на необходимыя нужды стипендіата по усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища.

Библиотека "Руниверс"

§ 4. Право избранія стипендіата изъ учениковъ Кіевскаго Александровскаго городскаго ремесленнаго училища принадлежитъ Николаю Яковлевичу Сетгоферу по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ училища, а затѣмъ право избранія изъ дѣтей мастеровыхъ или бѣднѣйшихъ служащихъ на Корнинскомъ сахарномъ заводѣ или его экономіяхъ предоставляется самимъ служащимъ, при чемъ избраніе совершается простымъ большинствомъ голосовъ и кандидатъ утверждается администраціей завода по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 5. Могущіе образоваться отъ незамѣщенія стипендіи или по какимъ либо другимъ причинамъ остатки присоединяются къ капиталу.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на степендіата никакимъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Краткая нѣмецкая грамматика. Составилъ *К. А. Гохъ*. Kurse Deutsche Grammatik. Bearbeitet und herausgegeben von *Karl August Hoch*, Oberlehrer an der Scheiblerschen Schule zu Lodz. Лодзь. 1898. Стр. 55. Цѣна 35 коп. въ переплетѣ"—одобрить въ качествѣ полезнаго руководства для тѣхъ начальныхъ училищъ и для младшихъ классовъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ преподаваніе нѣмецкаго языка ведется на томъ же языкѣ.

— Книгу: „Исторія тридцатилѣтней войны *Ф. Шиллера* въ избранныхъ отрывкахъ, съ примѣчаніями и словарями. Издалъ *А. Баронъ*. М. 1899. Стр. V+110+204. Цѣна 80 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго пособія при изученіи нѣмецкаго языка въ высшихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: „Систематическій сборникъ очерковъ по отечествовѣдѣнію. Составили: *М. Н. Беклемишевъ*, *В. Ѳ. Дерюжинскій*, *Н. А. Карышевъ*, *Л. Е. Лебедевъ*, *Ѳ. А. Макшеевъ*, *В. И. Марковъ*, *Н. А. Обручевъ*, *В. В. Степановъ*, баронъ *А. Е. Тизенгаузенъ*, *А. П. Турчаниновъ* и *В. Г. Яроцкій*. Подъ редакціей генералъ-лейтенанта

Библиотека "Руниверс"

Ѳ. А. Фельдмана. Одинъ томъ въ двухъ частяхъ. Изданіе Императорскаго Александровскаго лицея. С.-Пб. 1898. Стр. XVIII+269+168. Цѣна не обозначена"—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и для раздачи въ награду ученикамъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также допустить въ учительскія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и низшихъ училищъ, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Изъ зеленаго царства. Популярные очерки изъ міра растеній. Сочиненіе *Димитрія Кайгородова,* профессора С.-Петербургскаго Лѣснаго института. (Со многими рисунками). Изданіе третье. С.-Пб. Изданіе *А. С. Суворина.* 1895. Стр. XVI + 304. Цѣна 2 р. 50 коп."—рекомендовать для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, а также и для ученическихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, и одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читалень и библіотекъ.

— Книги, изданныя книжнымъ магазиномъ В. В. Думнова, подъ фирмою „Наслѣдники братьевъ Салаевыхъ: „1) Этимологія русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій (примѣнительно къ правописанію). Составили *А. Кирпичниковъ* и *Ѳ. Гиляровъ.* Исправлено и дополнено по Руководству Императорской Академіи Наукъ. Изданіе 33-е. М. 1899. Стр. 88. Цѣна 40 коп. — 2) Синтаксисъ русскаго языка примѣнительно къ правописанію. Составилъ *А. Кирпичниковъ.* Изданіе 26-е. М. 1898. Стр. 80. Цѣна 40 коп."—одобрить въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: „*В. П. Минина,* преподаватель Московской 3-й гимназіи. Сборникъ геометрическихъ задачъ, примѣненный къ курсамъ гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Задачи алгебраической геометріи. Матеріалы для практическихъ упражненій учениковъ въ теченіи учебнаго года и темы для письменныхъ испытаній. Изданіе седьмое (47-я тысяча экземпляровъ), напечатанное съ дополненіями противъ шестаго. Съ приложеніемъ собранія задачъ, рѣшаемыхъ совмѣстнымъ примѣненіемъ геометріи и тригонометріи. М. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова, подъ фирмою „Наслѣдниковъ братьевъ Салаевыхъ" 1898. Стр. VI+221. Цѣна 90

Библиотека "Руниверс"

коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*И. Скворцовъ*. Записки по педагогикѣ. Часть вторая. Общая дидактика. С.-Пб. 1899. VI + 117. Цѣна 75 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія, а также для учительскихъ институтовъ и семинарій, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи „Записокъ по педагогикѣ" г. Скворцова глава объ анализѣ и синтезѣ была исправлена по замѣчаніямъ ученаго комитета и перенесена въ первую часть названнаго сочиненія („Общую педагогику").

— „*Бріо* и *Букэ*. Прямолинейная тригонометрія. Второе изданіе. Переводъ, свѣренный съ послѣднимъ французскимъ изданіемъ, *Н. И. Мамонтова*. М. 1898. Стр. IV + 114 + VI. Цѣна 50 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „*Л. Манженъ*. Элементарная ботаника. Переводъ съ 3-го французскаго изданія *Н. И. Мамонтова* подъ редакціей *А. Н. Петунникова* съ 2 хромолитографическими таблицами, 444 политипажами и 2 картами распространенія растенія. М. 1899. Стр. XIV + 392 + VIII. Цѣна 2 р. 50 коп."— одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ (средняго и старшаго возраста) библіотекъ для всѣхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюрку: „*И. Селивановскій*. Изъ деревни. I. Какъ я устроилъ несгораемый овинъ. II. Старый Луговикъ. Изданіе К. И. Тихомирова. № 98. М. 1897. Стр. 28. Цѣна 4 коп."—допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книги, составленныя священникомъ *Шумовымъ*: 1) „Для чтенія въ храмѣ, въ семьѣ и въ школѣ. Уроки изъ жизни святыхъ.

Библиотека "Руниверс"

Выпускъ I. Сорокъ три поученія. Изданіе 3-е. М. 1897. Стр. 180+III. Цѣна 60 коп.—Выпускъ II. Тридцать шесть бесѣдъ. Изданіе 2-е. М. 1895. 269+II. Цѣна 75 коп.—Выпускъ III. Десять бесѣдъ. М. 1892. Стр. 63. Цѣна 20 коп.—Выпускъ IV. Пятьдесятъ три бесѣды съ 50-ю рисунками. М. 1896. Стр. 275+III. Цѣна 60 коп.—Выпускъ V. Пятьдесятъ двѣ бесѣды. М. 1896. Стр. 188+III. Цѣна 50 коп.— 2) „Внѣбогослужебныя бесѣды о страданіяхъ и смерти Спасителя. Изданіе 2-е. М. 1888. Стр. 76. Цѣна 25 коп.“ — 3) „Пять бесѣдъ о явленіяхъ Воскресшаго Спасителя. Изданіе 3-е. М. 1893. Стр. 26. Цѣна 10 коп.“—допустить въ ученическія старшаго возраста библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ, въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „Князь *В. А. Кудашевъ*. О сбереженіи почвенной влаги при обработкѣ озимыхъ полей. Докладъ Полтавскому сельскохозяйственному обществу въ засѣданіи 11-го марта 1892 года. Изданіе 3-е, съ исправленіями и дополненіями. Императорскимъ Московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства удостоено большой серебряной медали. М. 1894. Стр. 166. Цѣна 80 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: *А. С. Пругавинъ*. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. С.-Пб. 1898. Изданіе О. Н. Поповой. Стр. XXII+785. Цѣна 3 руб. 50 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, съ тѣмъ чтобы при слѣдующемъ ея изданіи были приняты во вниманіе указанія ученаго комитета.

— Изданіе: „Иллюстрированная классификація главнѣйшихъ сортовъ луговыхъ травъ съ краткимъ описаніемъ каждой травы въ отдѣльности. Печатается съ разрѣшенія главнаго интенданта и санкціи военнаго совѣта. Составилъ штабсъ-ротмистръ главнаго интендантскаго управленія *А. Ю. Лашкаревъ*. 1-е изданіе. Третій выпускъ. 18 хромолитографическихъ таблицъ С.-Пб. 1898. Цѣна не обозначена,“— одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительскихъ библіотекъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ, а также допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе указанія ученаго комитета.

— Книжки: „О страданіяхъ, смерти и погребеніи Господа нашего

Библиотека "Руниверс"

Іисуса Христа. Составилъ для религіозно-нравственнаго чтенія *Ѳ. Ѳедотовъ*. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1899. Стр. 47. Цѣна 15 коп."—допустить въ ученическія и учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Журналъ: „*Крестьянское хозяйство*. (Подъ редакціей *П. Н. Глагина*). Новый, ежемѣсячный иллюстрированный сельско-хозяйственный журналъ, имѣющій задачею распространять практически-полезныя по сельскому хозяйству свѣдѣнія, пригодныя преимущественно для самыхъ мелкихъ хозяевъ, то-есть, для крестьянъ. Подписная цѣна за годъ, съ пересылкою, 1 рубль"—включить въ списокъ періодическихъ изданій, допущенныхъ къ выпискѣ безплатными читальнями и библіотеками.

— Книгу: „Павелъ и Виргинія. Романъ *Бернардена де-Сенъ-Пьера*, въ переводѣ *Константина Льдова*, съ 110 рисунками и 12 отдѣльными картинами М. Лелоара. Изданіе для юношества. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1890. Стр. XI+210+II. Цѣна 3 р. 50 коп."—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „О преподаваніи русскаго языка въ начальныхъ училищахъ. Методика объяснительнаго чтенія, грамматики и письменныхъ упражненій *В. А. Воскресенскаго*, директора Гатчинской учительской семинаріи. С.-Пб. 1899. Стр. 80 коп."—одобрить для учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій и всѣхъ учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Изданіе: „Годовые праздники народной школы. Выпускъ 1-й, 24 картины съ объяснительными листками, формата 5×6 вершковъ, цѣна въ папкѣ 3 р., для школъ 2 р. 40 коп.; формата 7×8 в., цѣна въ папкѣ 4 руб., для школъ 3 р. 20 коп. Изданіе Е. И. Фесенко. Одесса,"—допустить, за исключеніемъ картинъ: „Воскресеніе Христово", Сошествіе Св. Духа на апостоловъ", „Бичеваніе Іисуса Христа", „Іисусъ Христосъ и Пилатъ передъ народомъ", „Святая глава Св. Іоанна Крестителя" и „Преображеніе Господне", а также всѣхъ объяснительныхъ листковъ,—въ начальныя народныя училища въ качествѣ учебнаго пособія, съ тѣмъ, чтобы картины эти, какъ изображенія священныхъ лицъ, находились только въ рукахъ законоучителей и ими были показываемы съ разъясненіями ученикамъ при преподаваніи закона Божія.

— Книги, подъ общимъ заглавіемъ: „Живописное обозрѣніе русскихъ святыхъ мѣстъ. Изданіе типо-хромолитографіи Е. И. Фесенко: 1) Выпускъ 1-й, Кіево-Печерская Лавра. Изданіе 3-е. Одесса. 1897.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 78 + II.—2) Выпускъ 2-й. Троице-Сергіевская Лавра подъ Москвой. Изданіе 2-е, исправленное. Одесса. 1897. Стр. 85 + III.—3) Выпускъ 3-й. Александро-Невская Лавра въ С.-Петербургѣ. Одесса. 1894. Стр. 57 + II.—4) Выпускъ 4-й. Почаевская Успенская Лавра. Одесса. 1894. Стр. 64 + II.—5) Святый градъ Іерусалимъ. Одесса. 1896. Стр. 60 + IV. Цѣна каждаго выпуска 25 коп."—допустить въ библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Брошюры: „1) О бѣшенствѣ у людей и животныхъ. (Общедоступное изложеніе). Д-ра *В. Недригайлова*. Харьковъ. 1895. Стр. 40. Цѣна 20 коп.—2) *Шмулевичъ*. Лечебникъ домашнихъ животныхъ.—3) Млекопитающія. Извлеченіе изъ „Жизни животныхъ *А. Брема*". Для народнаго чтенія. Подъ редакціею *К. Сентъ-Илера*. С.-Пб. 1897. Изданіе Высочайше утвержденнаго товарищества „Общественная Польза". № 3. Кошки Стр. 79. Цѣна 25 коп.—4) Тоже № 16. Быки. 68. Цѣна 20 коп.—5) *Богдановъ*. Какъ нужно обращаться съ животными.—6) *С. Самборскій*. Дешевое и выгодное кормленіе домашнихъ животныхъ, особенно при неурожаѣ кормовъ. Изд. Ком. нар. чт. Изд. 2-е, С.-Пб. 1895. Стр. 76. Цѣна 15 коп.—7) Ящуръ (язычника, рыльнокопытная или афтозная болѣзнь). Составилъ *Ф. А. Березовъ*, ветеринарный врачъ Саратовскаго Губернскаго Земства. Съ рисунками, съ натуры исполненными художникомъ А. Д. Стрембицкимъ. Изданіе книжнаго магазина „Деревня". С.-Пб. 1897. Стр. 16. Цѣна 10 коп.—8) Корова. Какъ ходить за нею, выбирать при покупкѣ и лечить чаще встрѣчающіяся ея болѣзни. Руководство для крестьянъ. Составилъ ветеринарный врачъ *Павелъ Алтуховъ*. Изданіе ветеринарнаго врача М. А. Исакова. Казань. 1897. Стр. 66+III. Цѣна 12 коп.—9) Лошадь. Какъ ходить за нею, выбирать при покупкѣ и лечить чаще встрѣчающіяся ея болѣзни. Руководство для крестьянъ-коневодовъ. Составилъ ветеринарный врачъ *П. Г. Алтуховъ*. Изданіе ветеринарнаго врача М. А. Исакова. Казань. 1897. Стр. 65 + III. Цѣна 12 коп.—10) На досугѣ. Бесѣды дѣдушки Андрея. О печеночно-глистной болѣзни овецъ. Составлены ветеринарнымъ врачемъ *М. А. Исаковымъ*. Казань. 1888. Стр. 15. Цѣна 5 коп.—11) *Коптевъ*. Лошадь."—допустить для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Брошюры, изданныя редакціею журнала „Досугъ и Дѣло": „1) Русскій самоучка Семенъ Прокофьевичъ Власовъ. С.-Пб. 1881. Стр. 22. Цѣна 12 коп. 2) Труженики. Замѣчательный башмачникъ Томасъ Эдвардъ. С.-Пб. 1891. Стр. 23. Цѣна не обозначена.—3) Правда всплыветъ. Повѣсть. Составилъ *Ѳедоръ Старовойтовъ*.

Библиотека "Руниверс"

С.-Пб. 1895. Стр. 32. Цѣна не обозначена"—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Брошюру: „*К. Шиндлеръ*. Изъ практики для практики. Земледѣльческія орудія и машины. II. Плуги оборотные и многокорпусные. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1898. Стр. 74. Цѣна 15 коп."—одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу, изданную О. Н. Поповой: „*Н. П. Дружининъ*. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Часть I. Начальныя понятія, общія опредѣленія и практическія указанія. Часть II. Правомѣрныя начала управленія въ Россіи. Изданіе 2-е. Спб. 1899. Стр. XV+169. Цѣна 75 коп."—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ таковыя же библіотеки городскихъ по положенію 1872 года училищъ, въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Періодическое изданіе: „Читальня народной школы. Журналъ. Редактръ-издатель *Н. Моревъ*. С.-Пб. 1898. Выпуски: Январь по Декабрь (34 книжечки). Цѣна по подпискѣ, съ доставкою, на годъ 3 руб."—допустить для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книгу: Бесѣды о здоровьи. Для народа. Составили: женщина-врачъ *Марія Волкова* и канд. естеств. наукъ *Владиміръ Вольфсонъ*. С.-П. Изданіе В. И. Губинскаго. 1899. Стр. IV.+2+174. Цѣна 50 коп," допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ, въ ученическія библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, городскихъ и уѣздныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета по техническому и профессіональному образованію утвержденному его превосходительствомъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Журналъ, издаваемый *П. Н. Елагинымъ* подъ заглавіемъ: „*Крестьянское хозяйство*; новый ежемѣсячный иллюстрированный сельско-

Библиотека "Руниверс"

хо-зяйственный журналъ. 1899 годъ. С.-Пб. подписная цѣна за годъ, 12 выпусковъ, съ пересылкою, одинъ рубль"—допустить въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и всѣхъ низшихъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, а равно включить въ списокъ періодическихъ изданій, допущенныхъ къ выпискѣ безплатными читальнями и библіотеками.

ОТКРЫТІЯ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 6-го октября минувшаго года состоялось открытіе Быдинскаго сельскаго училища, Челябинскаго уѣзда, при 50 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 16-го октября минувшаго года состоялось открытіе Султановской аульной школы, при 14 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, въ минувшемъ году въ Тургайской области открыты новыя аульныя школы: 21-го октября Кайдаульская, на урочищѣ „Терсъ-Батакъ", при 12 учащихся, и 22-го октября Сарытургайская, при 13 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 31-го октября минувшаго года въ Тургайской области открыта, при 16 учащихся, Майкаринская аульная школа на урочищѣ „Карабасъ-Копа".

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, въ минувшемъ году въ Тургайской области открыты аульныя школы: 3-го ноября Татимская на урочищѣ Сары, Наурзумской волости, при 14 учащихся, и 12-го ноября Исенбаевская на урочищѣ Каракуль, Тусунской волости, при 15 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, въ Тургайской области 10-го декабря минувшаго года состоялось открытіе Таунской аульной школы, при 15 учащихся.

— По донесенію начальства Кіевскаго учебнаго округа, въ деревнѣ Вьюнкахъ, Житомирскаго уѣзда, Волынской губерніи, при стекляномъ заводѣ г. Холоденко открыто 20-го декабря минувшаго года одноклассное народное училище министерства народнаго просвѣщенія, при 41 учащемся.

Библиотека "Руниверс"

— По донесенію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, на станціи Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ „Могилевъ", Подольской губерніи, 11-го минувшаго января открыто одноклассное училище министерства народнаго просвѣщенія, при 22 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Московскаго учебнаго округа, 17-го минувшаго января открыто въ селѣ Чернавскѣ, Елецкаго уѣзда, Орловской губерніи, двухклассное образцовое министерства народнаго просвѣщенія училище, при 148 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 27-го ноября минувшаго года состоялось открытіе начальнаго училища имени тайнаго совѣтника И. И. Маслова въ деревнѣ Калміярѣ, Бирскаго уѣзда, Уфимской губерніи, при 32 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, въ минувшемъ году въ Тургайской области открыты новыя аульныя школы: 23-го октября Урдакунганская, при 15 учащихся, и 10-го ноября Нысановская, при 20 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, состоялось открытіе нижеслѣдующихъ начальныхъ училищъ въ Челябинскомъ уѣздѣ:

а) 1-го октября 1898 г. въ с. Заманиловкѣ, при 30 учащихся,

б) 2-го октября 1898 г. въ д. Воробьевой, при 10 учащихся,

в) 18-го октября 1898 г. въ д. Верхней, при 33 учащихся,

г) 13-го октября 1898 г. въ сл. Кочердыкской, при 39 учащихся,

д) 21-го октября 1898 г. въ д. Губановой, при 14 учащихся,

е) 16-го ноября 1898 г. въ д. Чудиновой, при 26 учащихся, и

ж) 19-го ноября 1898 г. въ д. Щучьей, Кислянской волости, при 30 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, въ минувшемъ году открыто одноклассное министерства народнаго просвѣщенія училище въ с. Обиленахъ, Кишиневскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, при 19 учащихся.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПОѢЗДКИ НА АѲОНЪ [1]).

О грузинскихъ рукописяхъ Ивера.—О св. Варлаамѣ.—О древне-грузинскихъ переводахъ съ армянскаго.

I.

Въ началѣ минувшаго лѣта состоялась ученая экспедиція на старый Аѳонъ, снаряженная Императорскою Академіею Наукъ для изслѣдованія христіанскихъ древностей Св. горы. Во главѣ экспедиціи стоялъ Никодимъ Павловичъ Кондаковъ. Въ числѣ приглашенныхъ принять участіе въ научномъ предпріятіи былъ и я. Приглашеніе со стороны проф. Кондакова отвѣчало давно лелѣянной мною мысли ознакомиться непосредственно съ небольшимъ, но въ высшей степени цѣннымъ собраніемъ грузинскихъ рукописей въ Иверскомъ монастырѣ на Аѳонѣ, и было принято съ чувствомъ радости и признательности. Приглашеніе было тѣмъ пріятнѣе, что мнѣ была предоставлена полная свобода въ занятіяхъ на Аѳонѣ. Ознакомленіе съ грузинскими рукописями Ивера меня интересовало съ точки зрѣнія вопроса о литературномъ общеніи грузинъ, армянъ и сирійцевъ. Въ этомъ смыслѣ былъ давно намѣченъ мною планъ желательныхъ работъ на Аѳонѣ, и, естественно, было бы тяжело, если бы пришлось измѣнить его сколько-нибудь.

Не обошлось дѣло, конечно, безъ случайныхъ, непредвидѣнныхъ, болѣе или менѣе любопытныхъ работъ, обусловленныхъ тѣмъ, что коллекція не оказалась въ порядкѣ. Номера *Каталога*, составленнаго проф. Цагарели, оказались въ несоотвѣтствіи съ номерами самихъ

[1]) Сообщеніе, читанное 17-го декабря 1898 года въ засѣданіи Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Библиотека "Руниверс"

рукописей, и интересовавшіе меня памятники пришлось разыскивать, при чемъ нужно было перебрать и пересмотрѣть всѣ рукописи, около ста. При этомъ бѣгломъ осмотрѣ рукописей выяснилось, что *Каталогъ* проф. Цагарели, безспорно полезный для составленія общаго представленія объ Иверской коллекціи грузинскихъ рукописей, не полонъ и не совсѣмъ совершененъ въ частностяхъ. Такъ, минуя одну датированную рукопись, древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ датированныхъ списковъ *Четвероевангелія*, о которой рѣчь будетъ ниже, въ *Каталогѣ* проф. Цагарели не занесены свѣдѣнія о пятнадцати пергаментныхъ рукописяхъ; между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ списокъ ирмосовъ съ нотными знаками, рукопись X—XI вѣка. О четырнадцати рукописяхъ въ *Каталогѣ* сообщены невѣрныя данныя. Затѣмъ, описаніе рукописей, предложенное въ томъ же *Каталогѣ*, не только не даетъ полнаго представленія о составѣ каждой рукописи, что̀, очевидно, и не имѣлось въ виду авторомъ, но не точно воспроизводитъ извлеченія изъ рукописей X и XI вѣковъ, вводя позднѣйшую орѳографію, умѣстную, и то отчасти, въ спискахъ конца XVIII вѣка.

Этими общими замѣчаніями ограничусь въ отношеніи рукописной коллекціи Иверскаго монастыря. Частности входятъ въ приготовленную къ печати работу, содержащую главнымъ образомъ подробное описаніе пяти пергаментныхъ агіографическихъ рукописей, съ 15-ю приблизительно палеографическими таблицами, образчиками различныхъ почерковъ церковнаго письма X—XI вѣковъ.

Изъ текстовъ, случайно занявшихъ меня въ Иверѣ, отмѣчу два памятника. Во-первыхъ, апокрифическое посланіе Іосифа Аримаѳейскаго о построеніи первой христіанской церкви въ городѣ Лидѣ по великолѣпно сохранившейся пергаментной рукописи X вѣка прекраснымъ инціальнымъ письмомъ. Ввиду несомнѣннаго значенія рукописи для грузинской палеографіи этотъ небольшой памятникъ, оказавшійся любопытнымъ и по содержанію, былъ цѣликомъ сфотографированъ [1]).

Затѣмъ, *Житіе Маріи, матери Симеона Столпника*, представив-

---

[1]) Списки этого памятника отреченной литературы имѣются и внѣ Ивера. По одному такому списку недавно данъ пересказъ на русскомъ языкѣ. Подробныя указанія на литературу предмета какъ по данному памятнику, такъ и по другимъ, упоминаемымъ въ настоящемъ сообщеніи, сохраняются для работъ, посвященныхъ каждому изъ нихъ въ отдѣльности.

Библиотека "Руниверс"

шее интересъ по участію въ немъ грузинъ въ значительныхъ роляхъ и по тому еще, что одинъ изъ нихъ св. Антоній занимаетъ даже епископскую каѳедру въ Селевкіи. Изъ этого житія были извлечены мною всѣ отрывки, относящіеся къ грузинамъ. Хотя грузинскій текстъ и оказался переводомъ греческаго подлинника, уже изданнаго, но ввиду различныхъ самобытныхъ грузинскихъ легендъ о непосредственныхъ сношеніяхъ съ Сиріею весьма желательно выяснить всѣ матеріалы, какими располагали въ древности грузины при созиданіи указанныхъ легендъ.

II.

Изъ числа заранѣе намѣченныхъ мною работъ особенно манилъ на Аѳонъ одинъ вопросъ, неоднократно обсуждавшійся какъ въ засѣданіяхъ Восточнаго отдѣленія, такъ на страницахъ Записокъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: я имѣю въ виду вопросъ о *Душеполезной исторіи Варлаама и Іоасафа*. Къ сожалѣнію, по этому вопросу не удалось найти сколько-нубудь важныхъ матеріаловъ, побуждающихъ принять то или другое опредѣленное рѣшеніе. Въ монастырской библіотекѣ св. Пантелеймона оказался греческій списокъ *Душеполезной повѣсти* съ любопытнымъ заглавіемъ, гдѣ въ опроверженіе мнѣнія о грузинскомъ происхожденіи греческой редакціи, раздѣляемаго и мною, сообщается, что повѣсть переведена на греческій языкъ съ арабскаго. Выражена эта мысль нѣсколько неловко въ формѣ: Ἱστορία ψυχοφελὴς.... παρὰ τοῦ ἐν Ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ συγγραφεῖσα ἀπὸ τῆς Ἀραβικῆς γλώττης πρὸς τὴν ἑλληνικήν.

Заслуживаетъ вниманія то, что большая часть рукописи съ самимъ текстомъ нашей *Исторіи* древняя, а начальные листы, съ любопытнымъ заглавіемъ, писаны совсѣмъ позднимъ греческимъ письмомъ и пришиты впослѣдствіи. Въ самомъ Иверѣ не оказалось новыхъ матеріаловъ на грузинскомъ языкѣ, прямо относящихся къ вопросу, или, что, конечно, также возможно, они ускользнули отъ моего вниманія. Но въ Иверѣ же я списалъ намѣченный по *Каталогу* проф. Цагарели памятникъ, не лишенный значенія для одной частности настоящаго вопроса. Это *Житіе св. Варлаама Подвижника*[1]), если не ошибаюсь,

[1]) Переводъ проф. Цагарели „Варлаамъ Милостивый“ основанъ на ошибочномъ чтеніи текста.

Библиотека "Руниверс"

совершенно неизвѣстное внѣ грузинской литературы. Не пришлось, конечно, и здѣсь обойтись безъ нѣкотораго разочарованія. По краткому пересказу проф. Цагарели, равно по болѣе подробному Платона Іоселіани, цѣликомъ воспроизведенному мною въ *Армянско-грузинскихъ матеріалахъ для исторіи душеполезной повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ* (стр. 64 — 65), выходило такъ, что дѣло имѣемъ съ святымъ Варлаамомъ, подвижникомъ Кавказа, гдѣ либо въ предѣлахъ Грузіи. На самомъ дѣлѣ, этотъ святой, происходившій изъ села Джубіи (а не Джушіи, какъ у Пл. Іоселіани) около Антіохіи, принадлежалъ Сиріи не только какъ уроженецъ, но и какъ подвижникъ, такъ какъ Кавказъ, о которомъ рѣчь въ житіи Варлаама, находился въ Сиріи: Кавказъ этотъ извѣстенъ изъ *Житія Симеона Дивногорца*, и находился напротивъ Дивной горы, возвышавшейся между Антіохіею и моремъ, съ восточной ея стороны.

При такомъ районѣ дѣятельности Варлаама Подвижника само собою падаютъ мои догадки о возможной цѣнности памятника для интересующихся исторіею насажденія христіанства на нашемъ Кавказѣ.

За *Житіемъ* однако остается значеніе памятника, знакомящаго насъ съ однимъ новымъ отшельникомъ христіанской Сиріи, подвижникомъ не позже VI—VII вѣка. Для насъ, конечно, болѣе интересно отношеніе между этимъ памятникомъ и *Повѣстью о Варлаамѣ и Іоасафѣ*.

Содержаніе *Душеполезной повѣсти*, какъ извѣстно, восточнаго происхожденія; въ ней мы имѣемъ индійскую легенду, переработанную въ христіанское житіе, и самая сложная переработка предлежитъ въ греческой редакціи, гдѣ многое, особенно догматическаго характера, внесено заново и кое-что измѣнено, такъ между прочимъ всѣ имена, сохранявшія сколько-нибудь свой индійскій характеръ въ другихъ изводахъ, въ греческомъ изводѣ замѣнены ветхозавѣтными и христіанскими именами, иногда болѣе или менѣе похожими на изгоняемыя. Для исторіи греческаго извода весьма важно, конечно, выслѣдить памятники, использованные при подобныхъ нововведеніяхъ, иногда крупныхъ, иногда мелкихъ. *Житіе Варлаама Кавказскаго*, собственно *Сирокавказскаго*, надо причислить къ тѣмъ памятникамъ, которые давали возможность автору греческаго извода видоизмѣнить подробности, въ данномъ случаѣ взамѣнъ первоначальнаго нехристіанскаго имени индійскаго царевича Балаһвара ввести христіанское имя Варлаамъ.

Чтобы передѣлать имя Балаһваръ (арабскаго извода) или Балаһваръ

Библиотека "Руниверс"

(грузинскаго извода) въ Варлаамъ, конечно, достаточно было существованія въ христіанской церкви святаго съ такимъ именемъ, до извѣстной степени близкимъ по созвучію съ Балаѣваромъ. Къ XI вѣку, ко времени появленія греческаго извода *Варлаама и Іоасафа*, какъ теперь мы знаемъ, существовали два святыхъ Варлаама, одинъ Антіохійскій мученикъ, другой нашъ Сирокавказскій подвижникъ. Извѣстность Антіохійскаго мученика Варлаама за нѣсколько столѣтій до XI вѣка подтверждается рядомъ разнообразныхъ свидѣтельствъ, на которыя не разъ дѣлались ссылки (Н. Марръ, *Армянско-грузинскіе матеріалы для исторіи душеполезной повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ*, стр. 66). Сирокавказскій подвижникъ Варлаамъ также былъ извѣстенъ за много лѣтъ до XI вѣка, и извѣстенъ именно въ греческой литературѣ, какъ можно думать ввиду слѣдующихъ обстоятельствъ. Памятникъ на грузинскомъ языкѣ дошелъ до насъ въ рукописи половины XI вѣка, списанной въ Сиріи, близъ Антіохіи, въ годы настоятельства въ Иверѣ Георгія Переводчика (1047—1057).

Переписчикъ, по имени также Георгій, прислалъ рукопись въ даръ Иверу. Иверцы давно могли быть знакомы съ его греческимъ текстомъ; они, несомнѣнно, знали о существованіи его древняго грузинскаго перевода въ Сиріи, и обращались къ землякамъ съ просьбою выслать имъ списокъ. Писецъ Георгій, отправляя списокъ въ Иверъ на Св. гору, исполнялъ желаніе святогорцевъ, какъ онъ ясно говоритъ въ обстоятельной записи. Изъ записи же узнаемъ, что переводъ сдѣланъ съ греческаго Давидомъ: въ качествѣ древнихъ переводчиковъ съ греческаго, бывшихъ въ Сиріи и Палестинѣ, дѣйствительно извѣстны грузины Давидъ съ Степаномъ, работавшіе „за много времени“ до Евѳимія, то-есть до конца третьей четверти X вѣка.

Обыкновенно эту пару грузинскихъ переводчиковъ относятъ въ V, VI и VII вѣкъ или, если желаютъ быть вполнѣ точнымъ, только въ V и даже IV вѣкъ, когда нѣтъ основанія думать, чтобы вообще была грузинская письменность, но если они жили хотя бы въ VIII вѣкѣ, быть можетъ, въ IX вѣкѣ, то грузинскій переводъ нашего Житія относимъ къ почтенной старинѣ, а греческій его подлинникъ еще къ болѣе ранней эпохѣ.

Замѣтимъ, наконецъ, что нашъ подвижникъ Варлаамъ не только герой литературнаго памятника, но весьма чтимый святой православной церкви. Въ честь его была установлена память 19-го іюля съ особыми молитвами и пѣснопѣніями. Эта служба святаго Варлаама Сирокавказскаго, также переведенная съ греческаго тѣмъ же Дави-

Библиотека "Руниверс"

домъ, предлежитъ въ той же рукописи XI вѣка. Я приведу отрывокъ изъ начала пѣснопѣнія нашему святому, чтобы дать представленіе о славѣ, которою онъ пользовался.

„О ты, желѣза твердѣйшій, мѣди крѣпчайшій, доблестный подвижникъ, Варлаамъ желанный! Ты, величаемый и хвалимый, поправшій діаволовъ, молись Христу, чтобы намъ, которые вѣрою величаемъ твою память, даровалъ Онъ отпущеніе грѣховъ нашихъ. Мы же память твою величаемъ.

„Предводитель монаховъ, учитель схимниковъ, свѣтило пустыни, преподобный отецъ, прежеланный Варлаамъ, тайновидецъ, подобный Моисею, величаемый Богомъ, молись Ему о дарованіи нашимъ душамъ отпущенія нашихъ грѣховъ. Мы же память твою величаемъ.—

„Твореніемъ чудесъ, изгнаніемъ діаволовъ и сокрушеніемъ идола, о блаженный, усилился ты во Христѣ, и молва о тебѣ, преподобный, прошла во всѣ страны. Посему Спаситель даровалъ тебѣ (силу) творить чудеса и исцѣлять наши души. Мы же память твою величаемъ.

„Пріидите, вѣрующіе народы, и возвеличимъ Христа, Который покрылъ блескомъ всехвальнаго Варлаама, гордость отцовъ. Воспоемъ его и скажемъ: „Тебѣ поемъ!“

„Ангельскую жизнь стяжалъ ты, блаженный, постояннымъ пребываніемъ въ пустыняхъ, молитвою и постомъ служилъ ты Христу Владыкѣ и говорилъ: „Тебѣ поемъ“. Сподоби мира народъ Твой, Владыка Христосъ Богъ, чтобы мы достойно украшали память Твоего подвижника Варлаама и говорили: „Тебѣ поемъ!“—

„Ты, преподобный, возлюбилъ съ юныхъ лѣтъ твоихъ жизнь въ одиночествѣ, взялъ ты Крестъ и послѣдовалъ за Христомъ, Который озарилъ тебя свѣтомъ.

„Тебѣ, желанный отецъ, дана была Господомъ благодать для погубленія діаволовъ, исцѣленія людей и обращенія ихъ въ Божью вѣру“ и т. д.

Имя столь прославленнаго подвижника и было, по всей вѣроятности, использовано при нареченіи Балавара въ греческой редакціи Варлаамомъ. Для насъ этимъ и исчерпывается значеніе *Житія Варлаама Сирокавказскаго* въ вопросѣ о *Душеполезной повѣсти*. Для этого не нужно устанавливать внутренней связи обоихъ памятниковъ, и ничего по существу не можетъ быть общаго между легендою объ индійскихъ дѣятеляхъ, обращенною въ христіанскую повѣсть, и житіемъ сирійскаго святаго. Но авторъ греческаго извода, заимствуя изъ житія имя святаго, кромѣ созвучія самихъ именъ Балаѣваръ и

Библиотека "Руниверс"

Варлаамъ, несомнѣнно, могъ руководствоваться въ этомъ выборѣ общимъ обоимъ памятникамъ духомъ и, пожалуй, объяснялъ или хотѣлъ объяснить это общее дѣйствительнымъ родствомъ сюжетовъ.

Если *Мученичество Варлаама Антіохійскаго*, сохранившееся полностью на греческомъ и армянскомъ языкахъ, любопытно еще потому, что приблизительно день памяти этого Антіохійскаго мученика и былъ присвоенъ впослѣдствіи въ православной церкви св. Варлааму, проповѣднику Индіи, то *Житіе Варлаама Сирокавказскаго* возбуждаетъ любопытство еще тѣмъ, что оно примыкаетъ къ тому же виду агіографической литературы, къ какому принадлежитъ *Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ*. Болѣе того, часть *Повѣсти*, относящаяся къ самому отшельнику Варлааму, представляется въ основныхъ чертахъ повтореніемъ содержанія *Житія Варлаама Сирокавказскаго*: человѣкъ, успѣвавшій въ міру, увлеченный христіанскимъ ученіемъ, покидаетъ все, удаляется въ безплодную мѣстность, пустыню, предается строгому подвижничеству и становится прославленнымъ отшельникомъ. Къ нему обращаются жаждущіе истины: онъ многихъ крещаетъ, поучаетъ, прибѣгая порою къ иносказаніямъ, и, наконецъ, умираетъ святымъ угодникомъ, сподобившись видѣть пріуготовленный ему въ томъ царствѣ лучезарный вѣнецъ.

Про Варлаама Сирокавказскаго не сказано въ *Житіи*, что онъ просвѣтилъ какое-либо царство свѣтомъ Христова ученія, какъ это мы знаемъ изъ *Повѣсти* про Варлаама, Іоасафова учителя, обратившаго на путь истины индійское царство. Но какъ ни крупно само по себѣ это легендарное событіе, обращеніе Индіи въ христіанство, въ жизни отшельника Варлаама оно играетъ эпизодическую роль: Варлаамъ, по греческому изводу *Душеполезной повѣсти*, живетъ прославленнымъ отшельникомъ въ пустынѣ, временно лишь оставляетъ ее, чтобы наставить на путь истины индійскаго царевича, и опять возвращается туда для подвижничества. Умолчаніе въ одномъ случаѣ такого эпизода, какъ свиданіе отшельника съ царевичемъ, было бы допустимо и тогда, когда бы въ обоихъ сопоставляемыхъ памятникахъ рѣчь, дѣйствительно, шла объ одномъ лицѣ. Можно было бы представить себѣ дѣло такъ, что жизнь одного и того же Варлаама описана двумя лицами, преслѣдовавшими каждый особую цѣль: одинъ авторъ, положимъ, выбралъ понравившійся ему эпизодъ изъ миссіонерской дѣятельности подвижника и подробно изложилъ его, оставивъ остальное въ сторонѣ или коснувшись слегка, другой же, задавшись мыслью дать цѣльное представленіе о жизни того же лица, не умолчалъ ни

Библиотека "Руниверс"

объ одной сторонѣ его дѣятельности, даже о борьбѣ съ діаволами и чудесахъ, отсутствующихъ въ *Душеполезной повѣсти*, но и не исчерпалъ каждой стороны во всѣхъ подробностяхъ, такъ какъ дѣлъ подвижника было слишкомъ много, чтобы перечесть всѣ, какъ не разъ сказано въ самомъ *Житіи Варлаама Сирокавказскаго*.

Конечно, трудно доказать, но сдается мнѣ, что самъ авторъ греческой редакціи *Варлаама и Іоасафа* не прочь былъ такъ смотрѣть на дѣло. По крайней мѣрѣ, видоизмѣняя нѣкоторыя подробности изъ жизни индійскаго Варлаама, какъ будто онъ имѣлъ въ виду устранить то, что черезчуръ разобщало бы индійскаго и сирійскаго подвижниковъ. Такъ, по грузинскому изводу, проповѣднику Балавару при смерти подъ семьдесятъ: къ царевичу Іоасафу онъ является шестидесятилѣтнимъ старцемъ, и затѣмъ живетъ еще нѣсколько лѣтъ, не болѣе десяти; но въ греческомъ изводѣ Варлаамъ (Балаваръ) къ царевичу Іоасафу является семидесятилѣтнимъ старцемъ и умираетъ приблизительно восьмидесяти лѣтъ. Восьмидесятилѣтнимъ старцемъ умираетъ и Варлаамъ Сирокавказскій. Затѣмъ, по древнему грузинскому изводу *Повѣсти*, подвижникъ Балаваръ, переименованный въ греческомъ изводѣ въ Варлаама, знатнаго рода: онъ былъ вельможею при дворѣ индійскаго царя, что совсѣмъ не ладитъ съ простымъ происхожденіемъ Варлаама Сирокавказскаго, родители котораго занимались „земледѣліемъ и полевыми работами“, какъ сказано въ *Житіи*, и вотъ въ греческомъ изводѣ *Повѣсти* вся придворная жизнь Варлаама (Балавара) опущена и объ его званіи или происхожденіи ни слова: онъ пустынникъ неизвѣстнаго происхожденія. Авторъ греческаго извода даже находитъ нужнымъ утверждать, что онъ не можетъ ничего сообщить ни о происхожденіи, ни о родѣ подвижника (Аѳины, 1885, стр. 24): ὅθεν μὲν ὁρμώμενος, καὶ ἐκ ποίου γένους οὐκ ἔχω λέγειν [1]).

Къ сближенію *Душеполезной повѣсти* и *Житія Варлаама Сирокавказскаго* побуждаетъ между прочимъ то, что какъ въ *Повѣсти*, такъ и въ *Житіи* значительное мѣсто отведено изложенію христіанскаго вѣроученія, а также исторіи ветхаго и новаго завѣта. Еще болѣе любопытно слѣдующее обстоятельство. Изъ *Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ* извѣстно (Аѳ., стр. 137 и сл., груз., изд. Е. Такайшвили, стр. 76 и сл. = русск. перев. И. Джавахова, стр. 37

[1]) Въ восточныхъ версіяхъ, напримѣръ въ персидской, личность Варлаама также отдѣлена отъ подвижника-вельможи, какъ въ греческой, но въ этомъ, быть можетъ, сказывается вліяніе греческой версіи при посредствѣ арабской.

Библиотека "Руниверс"

и сл.), что когда всѣ выбились изъ силъ, но не могли убѣдить царевича Іоасафа въ ложности христіанскаго ученія, и онъ продолжалъ твердо стоять на своемъ, то тогда чародѣй Ѳевдасъ, послушавшись злого духа (οὗς εὐήκοον ὑποκλίνας τῷ πονηρῷ) далъ царю злой и пагубный совѣтъ (βουλὴν πονηρὰν καὶ ολέθριον) соблазнить царевича женскою красотою. Изъ дворца Іоасафа были удалены всѣ служители, и вмѣсто нихъ поставлены женщины; послѣднія прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы совратить молодаго царевича. Особенно трудно было ему не поддаться соблазну, представлявшемуся въ лицѣ красавицы-царевны, однако Іоасафъ устоялъ противъ искушенія; болѣе того, сама царевна, соблазнявшая его, была обращена имъ въ христіанство.

Существенные моменты этого эпизода находимъ въ одной краткой притчѣ нашего *Житія*, гдѣ они обставлены иными, конечно, подробностями. Въ прощальномъ словѣ, обращенномъ къ ученикамъ, Варлаамъ Сирокавказскій говоритъ:

„Итакъ, братья и дѣти мои, будьте всегда готовы и не ищите ничего, что отъ этого міра, такъ какъ образъ этого міра преходящъ, и горе тѣмъ, кто беззаботенъ относительно ухода изъ этого міра.

„Но разкажу вамъ про одинъ великолѣпный и душеполезный случай. Одинъ монахъ спросилъ какого-то старца: „какъ мнѣ быть, отецъ? Діаволъ блуда сильно борется со мною, и я не въ силахъ терпѣть“. Старецъ отвѣтилъ въ гнѣвѣ: „неужели не стыдишься ты слабости своей вѣры во Христа? Вѣдь ты только по имени христіанинъ: тебя не истязали изъ-за Его имени и не подвергали какому-либо иному испытанію, тогда какъ сколько мукъ претерпѣли мученики Христа изъ-за имени Того, Кто за нихъ и за тебя пострадалъ плотью!“ Сказавъ это, старецъ еще разказалъ притчу:

„Нѣкій христіанинъ былъ преданъ въ руки языческаго царя; исчерпавъ на немъ всѣ муки, царь обезсилѣлъ, но не могъ измѣнить его вѣры въ Христа. Царь находился въ полной безпомощности.

„Тогда чародѣи (буквально: люди діавольскіе) дали царю злой совѣтъ: святаго ввели въ темницу, уложили на постель лицомъ вверхъ, руки и ноги привязали крѣпко къ постели и такъ напустили на него блудницу, чтобы она легла съ нимъ противъ его воли. Видя такое злое и безпомощное дѣло, мученикъ вмигъ откусилъ у себя языкъ зубами, наполнилъ кровью ротъ и, выплюнувъ въ лицо блудницѣ, окрасилъ ее.

„Увидѣвъ такое удивительное дѣло, женщина крикнула громко и

Библиотека "Руниверс"

сказала: „я также христіанка и вѣрую въ Христа, изъ-за Котораго мучится этотъ святой".

Вотъ все существенное, что, по моему, можно извлечь изъ сравненія *Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ* съ *Житіемъ Варлаама Сирокавказскаго*, уже готовымъ къ печати.

III.

Главною намѣченною у меня работою для поѣздки на Аѳонъ было собрать матеріалы для основнаго, на мой взглядъ, вопроса по древне-грузинской церковной литературѣ — вопроса о вліяніи армянской литературы на грузинскую. Онъ имѣетъ значеніе не только для грузинской литературы, но и для армянской, а отчасти для сирійской. Безъ разрѣшенія этого, повидимому, частнаго вопроса, безъ выясненія какъ качества, такъ и размѣровъ армянскаго вліянія на грузинскую письменность, нѣтъ никакой возможности уяснить себѣ характеръ литературнаго и вообще христіанско-культурнаго общенія Сиріи, Арменіи и Грузіи.

Только съ фактическимъ выясненіемъ указаннаго умственнаго общенія названныхъ народовъ можемъ мы разобраться въ ходячихъ легендахъ о возникновеніи какъ древне-грузинской, такъ древне-армянской письменности, равно какъ объ исторіи и той и другой въ самую древнюю эпоху. Слишкомъ позднимъ возникновеніемъ историко-литературныхъ интересовъ и въ армянскомъ, и въ грузинскомъ просвѣщенномъ обществѣ объясняется то, что традиціонныя представленія армянъ и грузинъ о своей литературѣ, естественно, тѣмъ болѣе подлежатъ провѣркѣ, чѣмъ древнѣе эпоха, которая въ нихъ изображается. Греческое, точнѣе византійское вліяніе на армянскую и грузинскую литературу, какъ позднѣйшій факторъ въ оживленіи умственной жизни армянъ и грузинъ, извѣстно намъ лучше по самимъ національнымъ традиціямъ армянскимъ и грузинскимъ, основаннымъ на реальныхъ, легко доступныхъ провѣркѣ, данныхъ.

Иначе обстоитъ дѣло съ болѣе ранними вліяніями—сирійскимъ въ армянской литературѣ и армянскимъ въ грузинской. Національныя традиціи относительно эпохъ этихъ вліяній или туманны, или совершенно безмолвны. При отсутствіи страстнаго религіознаго и національнаго антагонизма между сирійцами и армянами, при продолжавшемся и въ позднѣйшія эпохи литературномъ общеніи армянъ и сирійцевъ, плодотворное вліяніе сирійской образованности на дѣло род-

Библиотека "Руниверс"

наго просвѣщенія не могло, конечно, легко изгладиться изъ памяти армянъ, и армянскія традиціи кое-что и говорятъ объ этомъ вліяніи, хотя и въ легендарныхъ по формѣ сказаніяхъ. Совсѣмъ иное наблюдаемъ въ отношеніяхъ грузинъ и армянъ, собственно грузинскаго и армянскаго духовенства, такъ какъ въ рукахъ духовенства и была судьба литературы въ древнѣйшую пору какъ въ Арменіи, такъ и въ Грузіи. Съ церковнаго раскола, изображаемаго армянами какъ измѣна грузинъ апостольской церкви, а грузинами—какъ армянская схизма, всякому церковному, а вмѣстѣ съ тѣмъ литературному общенію былъ положенъ конецъ. И съ той, и съ другой стороны духовенство попыталось было провести свои исключительные взгляды въ самую жизнь и привить паствѣ нетерпимость, доходившую до изувѣрства.

Но ни общество, ни правящія сферы не оказались достаточно воспитанными въ должномъ духѣ, чтобы слѣдовать въ жизненныхъ, дѣловыхъ отношеніяхъ правиламъ, продиктованнымъ религіозною нетерпимостью. За то въ районѣ вліянія церкви врагу могло быть нанесено полное посрамленіе. Въ частности грузинская литература должна была игнорировать армянскую. Въ этотъ періодъ, особенно въ IX—X вѣкахъ, пожалуй, и въ VIII, открываются въ Грузіи, и еще болѣе внѣ Грузіи, центры грузинской книжной дѣятельности, гдѣ грузины занимались переводами съ другихъ языковъ, главнымъ образомъ съ греческаго. Если въ этотъ періодъ и случалось, что грузинъ въ силу какой-либо необходимости переводилъ съ армянскаго, то онъ чувствовалъ угрызеніе совѣсти и просилъ читателя молиться о прощеніи ему такого грѣха, какъ это можно видѣть по предисловію грузинскаго переводчика *Толкованія Епифанія Кипрскаго на Псалмы*, сохранившемуся вмѣстѣ съ самимъ переводомъ въ рукописи X вѣка. Но если новымъ переводамъ съ армянскаго можно было сразу поставить преграду, то не сразу можно было устранить древніе переводы съ армянскаго, освященные традиціями церкви и распространенные въ грузинскомъ грамотномъ обществѣ. Постепенно ихъ можно было подгонять подъ букву греческихъ оригиналовъ, очищать отъ слишкомъ явныхъ арменизмовъ, словомъ, какъ говорилось, исправлять или вытѣснять ихъ вовсе новыми переводами. О совершившемся же фактѣ нужно было молчать, и, дѣйствительно, грузинскія традиціи ничего не говорятъ о древнихъ переводахъ съ армянскаго, имѣющихъ исключительное значеніе для исторіи древне-грузинской литературы. Если даже проскальзывала приписка о переводѣ даннаго памятника съ армянскаго, то позднѣйшее поколѣніе старалось ее уничтожить, какъ

Библиотека "Руниверс"

это случилось съ подобною припиской въ Аѳонскомъ рукописномъ мартирологѣ. Отсюда понятно, насколько важенъ каждый памятникъ древно-грузинской литературы, армянское происхожденіе котораго документально можетъ быть установлено непосредственнымъ изученіемъ текста. Такой памятникъ является любопытнымъ независимо отъ его содержанія, такъ какъ онъ не только даетъ нелицепріятную оцѣнку традиціоннымъ взглядамъ на интересующій насъ предметъ, но и бросаетъ свѣтъ на одинъ изъ главныхъ факторовъ процвѣтанія древнегрузинской письменности.

Основной памятникъ, дающій обильный матеріалъ для вопроса о вліяніи армянской литературы на грузинскую, это св. Писаніе. Если до сихъ поръ держится то мнѣніе, что грузинскій переводъ Библіи сдѣланъ съ греческаго оригинала, то это плодъ недоразумѣнія.

Не выходя изъ рамы настоящаго сообщенія, посвященнаго исключительно бѣглому обзору матеріаловъ по вопросу, собранныхъ въ минувшую поѣздку въ Иверъ, я могу коснуться лишь главнаго пробѣла въ работахъ, относящихся сюда. Это совершенное незнакомство съ исторіею тѣхъ текстовъ библейскихъ книгъ, съ которыми сличался грузинскій переводъ. Напримѣръ, сличая грузинскую Библію съ армянскою, изслѣдователи пользовались печатнымъ армянскимъ текстомъ, не только относясь съ безусловнымъ довѣріемъ къ каждой буквѣ печатнаго изданія, вовсе не критическаго, но и не принимая въ соображеніе, что грузины могли переводить св. Писаніе съ армянскаго лишь въ самую раннюю пору, между тѣмъ первоначально книги св. Писанія на армянскій языкъ переводились съ сирійскаго, а вульгатный общепринятый армянскій текстъ, имѣющійся въ печати, представляетъ позднѣйшую редакцію, точнѣе „рецензію“ древнеармянскаго перевода, исправленнаго въ эллинофильскій или эллинистическій періодъ армянской литературы по греческому тексту. Съ другой стороны и грузинскій текстъ даже Аѳонскаго древняго списка не представляетъ первоначальнаго перевода. Какъ армяне, переведшіе сначала св. Писаніе съ сирійскаго, впослѣдствіи его свѣряли съ греческимъ подлинникомъ, и по своему исправляли, такъ въ свою очередь грузины, послѣ разрыва съ армянами, старые переводы, сдѣланные съ древняго армянскаго текста, старались исправить опять-таки по греческому подлиннику. Это исправленіе могло, конечно, имѣть мѣсто и на Аѳонѣ, но какъ убѣждаетъ изученіе одного до-аѳонскаго списка Четвероевангелія, началось раньше — по всей вѣроятности, вскорѣ вслѣдъ за церковнымъ разобщеніемъ, совершенно установившимся едва ли раньше VIII

Библиотека "Руниверс"

вѣка. Само собой понятно, что при такомъ положеніи вещей вопросъ объ отношеніи грузинской и армянской Библіи долженъ быть формулированъ такъ: сохранились ли въ дошедшемъ до насъ грузинскомъ текстѣ св. Писанія факты, свидѣтельствующіе о зависимости отъ армянскаго подлинника, или нѣтъ? Разъ получаемъ на этотъ вопросъ неотразимо утвердительный отвѣтъ, разъ выясняется, что въ пользу этого говорятъ не единичные факты, а цѣлый рядъ характерныхъ явленій, именно армянскія формы собственныхъ именъ, многочисленныя армянскія слова, цѣликомъ перенесенныя изъ армянскаго текста, армянскіе обороты рѣчи и, конечно, воспроизведеніе армянскихъ варіантовъ, то ясно, что дѣло имѣемъ съ переводомъ съ армянскаго, что части съ этими арменизмами, наиболѣе многочисленныя, составляютъ основной слой, древній переводъ, а никакъ не внесены впослѣдствіи, когда все армянское въ глазахъ грузинскаго духовенства являлось отреченнымъ.

Выясненіе этого факта, то-есть перевода св. Писанія первоначально на грузинскій съ армянскаго, получаетъ обратное значеніе для установленія текста древне-армянскаго перевода, не подвергшагося еще исправленію по греческому подлиннику, и только при помощи такой работы въ свою очередь можетъ быть дано надлежащее освѣщеніе отношеніямъ армянскаго текста и сирійскаго Пешитта. Позволительно, конечно, ожидать, что при выясненіи этихъ отношеній получатся новые, при томъ провѣренные, матеріалы для критики библейскихъ текстовъ.

Въ минувшую поѣздку на Аѳонъ я поставилъ себѣ задачею познакомиться съ состояніемъ ветхо-завѣтныхъ текстовъ по грузинской рукописи 978 года, имѣя въ виду главнымъ образомъ связь грузинскаго текста съ армянскимъ. Съ этой цѣлью были мною сдѣланы извлеченія изъ книги Ездры, ставящія внѣ всякаго сомнѣнія армянское происхожденіе грузинскаго текста. Съ этою же цѣлью двѣ маленькія книги Руѳи и Іоны были списаны, а книга Нееміи сфотографирована цѣликомъ. Изученіе этихъ текстовъ также приводитъ меня къ констатированію зависимости грузинскаго перевода отъ армянскаго подлинника. Непосредственное изученіе Аѳонскаго текста между прочимъ показало и то, что до сихъ поръ мы не имѣемъ почти буквально ни одной строки, которая точно воспроизводила бы чтенія этой цѣнной рукописи.

Большою находкою по вопросу о грузинскомъ переводѣ св. Писанія съ армянскаго оказалась датированная рукопись Четвероевангелія,

Библиотека "Руниверс"

списанная въ Упизійскомъ монастырѣ, въ Грузіи, въ 913 году. Это самый древній изъ извѣстныхъ пока датированныхъ списковъ грузинскаго Четвероевангелія. Упизійскій списокъ былъ въ рукахъ покойнаго археолога Бакрадзе, но такъ какъ въ *Каталогѣ* проф. Цагарели онъ опущенъ, то находка эта была пріятною неожиданностью. Я списалъ все Евангеліе Марка, частью сфотографировалъ, а остальныя Евангелія сличилъ съ печатнымъ изданіемъ, при чемъ однихъ реальныхъ и грамматическихъ разночтеній, минуя орѳографическія, набралось 1846, изъ нихъ 545 на Евангеліе Матѳея, 694 на Евангеліе Луки и 607 на Евангеліе Іоанна.

Текстъ не только въ чтеніяхъ оказался двойникомъ армянскаго подлинника, какъ онъ предлежитъ въ наиболѣе древнихъ армянскихъ спискахъ, но и въ распредѣленіи стиховъ, а также въ игнорированіи нѣкоторыхъ мѣстъ,—такъ подобно большинству древне-армянскихъ рукописей, Упизійскій списокъ опускаетъ всю часть о блудницѣ (Іоан., 7_{53} — 8_{11}), а Евангеліе Марка заканчиваетъ восьмымъ стихомъ 16-й главы.

Упизійскій списокъ также не представляетъ, однако, древне-грузинскаго перевода въ первоначальной чистотѣ; въ него также вошли поправки по греческому тексту. Но и въ этомъ отношеніи весьма любопытенъ этотъ цѣнный списокъ, такъ какъ нѣсколько поправокъ не внесены въ самый текстъ, а надписаны надъ прежними чтеніями, которыя легко читаются изъ-подъ позднѣйшихъ корректурныхъ исправленій. Такое обращеніе наблюдается чаще со словами, вошедшими въ древне-грузинскій переводъ изъ армянскаго оригинала. Такъ обыкновенно въ Евангеліи Матѳея 18_{24} стоитъ греческое слово „талантъ“, въ Упизійскомъ спискѣ это греческое слово надписано сверху, подлинное же чтеніе, какъ въ армянскомъ, „канкар“, что въ свою очередь представляетъ армянскую форму сирійскаго „какра“. Еще характернѣе слѣдующій примѣръ. Въ стихѣ Матѳея 5_{26} „пока не отдашь до послѣдней полушки“ грузинскій вульгатный текстъ обыкновенно удерживаетъ греческое κοδράντης (груз. кодрантэ, кодранті), въ Упизійскомъ же спискѣ *полушка* переводится описательно черезъ „дангіса которі“, то-есть буквально означаетъ „кусокъ деньги“, при чемъ надо замѣтить, что, не касаясь слова „данг“, одинаково употребительнаго въ персидскомъ, сирійскомъ, армянскомъ и грузинскомъ, „которі“ представляетъ чисто армянское слово „котор“ *кусокъ* съ грузинскимъ именнымъ окончаніемъ „і“. Любопытно здѣсь то, что въ дошедшемъ до насъ армянскомъ текстѣ стоитъ совершенно иное чтеніе (накара-

Библиотека "Руниверс"

кіт), которое приходится признать за позднѣйшую армянскую корректуру.

Чтобы покончить съ вопросомъ о грузинскомъ переводѣ библейскихъ книгъ, упомянемъ, что въ Аѳонской, имѣющей занять насъ ниже, рукописи *Мученичествъ*, именно, въ письмѣ Іоанна Сабанидзе, автора *Мученичества св. hАбо*, къ католикосу Самуилу оказалась цитата изъ книги Сираха (3,22), и, слѣдовательно, переводъ этой книги дѣйствительно существовалъ въ древности на грузинскомъ языкѣ, какъ указывали первые издатели грузинской Библіи, напечатавшіе за утратою древняго новый переводъ.

Другой родъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о вліяніи армянской литературы на грузинскую въ древнѣйшую пору, это агіографическія произведенія. Они представляютъ болѣе податливый матеріалъ. Неоднократныя позднѣйшія исправленія библейскаго текста, дѣлавшіяся независимо другъ отъ друга армянами и грузинами, осложняютъ дѣло выясненія отношеній дошедшихъ до насъ грузинской и армянской „рецензій“ священнаго Писанія. Агіографическіе же памятники не подвергались такимъ исправленіямъ, и здѣсь безъ всякихъ подготовительныхъ работъ можно приступить къ сличенію текстовъ, чтобы опредѣлить, существуетъ ли между ними отношеніе перевода къ подлиннику, или нѣтъ. Въ вопросѣ о св. Писаніи всегда открыто поле для догадокъ, что грузинскій переводъ могъ быть сдѣланъ непосредственно съ греческаго, сирійскаго или даже еврейскаго. Въ вопросѣ же о выбранныхъ мною агіографическихъ памятникахъ поле для такихъ догадокъ съуживается или вовсе исчезаетъ, такъ какъ часть ихъ имѣется на армянскомъ и только сирійскомъ, или только греческомъ, а многіе исключительно на армянскомъ, при томъ эти многіе представляютъ житія или мученичества святыхъ армянской церкви, вовсе не признававшихся въ другихъ церквахъ.

Объ Иверской рукописи, заключающей наши агіографическіе памятники, было извѣстно давно; свѣдѣнія о ней сообщались между прочимъ въ *Каталогѣ* проф. Цагарели (стр. 84 — 85). Здѣсь въ неполномъ перечнѣ содержащихся въ рукописи статей въ качествѣ „важныхъ малоизвѣстныхъ Житій грузинскихъ святыхъ“ были поименованы *Житія*, очевидно, армянскихъ святыхъ. Впрочемъ въ предисловіи того же *Каталога* (стр. XXVI) они какъ будто признаны армянскими, но одно неизвѣстное житіе—*Житіе Антонія Джавахи* (ор. с., стр. 85)—обѣщало быть дѣйствительно грузинскимъ, однако надежды не оправдались. Антоній Джавахи оказался арабомъ изъ Да-

Библиотека "Руниверс"

маска, въ мусульманствѣ носившемъ имя Равахъ (что̀ дало поводъ появленію „Джаваха“) и при крещеніи нареченномъ Антоніемъ.

Въ рукописи, пергаментной X вѣка, имѣемъ *Житія* пятидесяти слишкомъ святыхъ и главнымъ образомъ мучениковъ; въ ней предлежитъ собственно половина памятника [1]), представлявшаго изъ себя мартирологъ на весь годъ. Въ сохранившейся части помѣщены *Житія* святыхъ мучениковъ, память которыхъ чтится, за единичными исключеніями, на протяженіи шести мѣсяцевъ, съ 27-го декабря по 27-е іюня. Минуя пока вопросъ объ этомъ церковно-литературномъ трудѣ, какъ о сборникѣ, и оставляя въ сторонѣ оказавшееся въ немъ *Мученичество девяти отроковъ изъ деревни Коли*, у истоковъ Куры, быть можетъ, оригинальное грузинское произведеніе, обращаюсь къ тѣмъ четырнадцати агіографическимъ памятникамъ, которые представляютъ, развѣ за однимъ исключеніемъ, очевидные переводы съ армянскаго. Оговорюсь, впрочемъ, что, выдѣляя четырнадцать статей изъ состава сохранившейся части сборника, я отнюдь не думаю внушать, что въ ней не осталось болѣе ничего, тяготѣющаго къ армянскому источнику. Напротивъ, мнѣ сдается, что если не цѣликомъ весь сборникъ, за исключеніемъ, конечно, нѣкоторыхъ позднѣйшихъ статей, между прочимъ оригинальнаго грузинскаго *Житія Або*, внесенныхъ, очевидно впослѣдствіи, то большая его часть переведена съ армянскаго. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе вынесъ я изъ чтенія многихъ страницъ сборника, усѣянныхъ характерными армянизмами. Если же остановился я на четырнадцати статьяхъ, такъ единственно потому, что я выбиралъ восточныхъ мучениковъ, происходившихъ изъ Арменіи или сосѣднихъ съ нею странъ—Персіи и Осетіи (Аланы). Единственное исключеніе составляетъ *Мученичество Георгія Побѣдоносца*, заинтересовавшее меня тѣмъ, что въ самомъ заглавіи статьи святой Георгій былъ названъ армянскимъ словомъ „зоравар“, означающимъ побѣдоносецъ. Самый текстъ также оказался насыщеннымъ соотвѣтствующими армянизмами, въ словахъ и слогѣ, устраняющими всякое сомнѣніе насчетъ непосредственной зависимости его отъ армянскаго подлинника. Изъ остальныхъ памятниковъ одиннадцать содержатъ исторію святыхъ мучениковъ или мученицъ армянскаго происхожденія или пострадавшихъ въ Арменіи.

---

[1]) Извѣстны и не на Аѳонѣ другіе списки, повидимому, этого же памятника, но въ настоящемъ отчетѣ я ограничиваюсь Аѳонскимъ спискомъ.

Библиотека "Руниверс"

Изученіе ихъ текстовъ дало опредѣленные результаты, сообщаемые вкратцѣ въ слѣдующемъ перечнѣ.

Во-первыхъ, *Мученичество святой Сандухты* оказалось точнымъ переводомъ той армянской редакціи *Житія*, которая занимаетъ страницы 77 — 83 въ VIII томѣ серіи Соперк hайкаканк, изданной въ Венеціи (1853—1854).

Затѣмъ, *Мученичество святаю Сукіаса и сподвижниковъ*, также точный переводъ армянскаго текста, напечатаннаго въ XIX томѣ (стр. 59—66) той же серіи.

Мученичество Сукавецкихъ подвижниковъ,—точный переводъ армянскаго текста, изданнаго въ XIX томѣ (стр. 33 — 56) той же серіи [1]). Впрочемъ, армянскій текстъ въ данномъ случаѣ представленъ съ недостачею: по крайней мѣрѣ въ печатномъ текстѣ сравнительно съ грузинскимъ переводомъ недостаетъ почти четырехъ страницъ въ форматѣ названнаго армянскаго печатнаго изданія въ самомъ началѣ и всего эпилога, гдѣ рѣчь идетъ о мощахъ святыхъ въ связи съ легендарнымъ видѣніемъ царя Константина. Грузинскій текстъ такимъ образомъ восполняетъ утраченныя части армянскаго подлинника, хотя существуетъ указаніе на то, что онѣ, особенно видѣніе Константина, существуютъ полностью и на армянскомъ языкѣ. Грузинскій переводъ настоящаго памятника затрогиваетъ многострадальный вопросъ объ *Исторіи Арменіи* Моисея Хоренскаго. Памятникъ сохранился, какъ было сказано, въ рукописи X вѣка. Съ VIII вѣка, въ эпоху религіозныхъ распрей и взаимнаго отчужденія, все болѣе и болѣе развивавшагося вслѣдъ за церковнымъ разрывомъ Арменіи и Грузіи, грузинскіе писатели избѣгали дѣлать вообще переводы съ армянскаго, и нечего говорить, что они не могли тогда переводить *Житій* національныхъ армянскихъ святыхъ. Самое позднее, когда могъ быть выполняемъ грузинскій переводъ подобныхъ памятниковъ, это въ исходѣ седьмаго вѣка или въ началѣ восьмаго. Слѣдовательно, на армянскомъ языкѣ если не раньше, то съ половины седьмаго вѣка существовала та редакція *Мученичества Сукавецкихъ подвижниковъ*, которая предлежитъ въ нашемъ грузинскомъ переводѣ. Новѣйшіе изслѣдователи, старающіеся изъ Моисея Хоренскаго сдѣлать козла отпущенія за всѣ погрѣшности древне-армянской исторіографіи, утверждаютъ, что этотъ историкъ жилъ въ концѣ восьмаго или въ началѣ

[1]) Кстати, замѣтимъ, что грузинскій католикосъ Антоній I пользовался этимъ переводомъ.

Библиотека "Руниверс"

девятаго вѣка и онъ же сочинитель всѣхъ легендъ, обработанныхъ въ его книгѣ, между прочимъ, онъ-де выдумщикъ аланской царевны съ именемъ Сатеника. Между тѣмъ въ нашемъ памятникѣ, восходящемъ—самое позднее—ко второй половинѣ седьмаго вѣка, поименована уже аланская царевна Сатеника. Остается выбрать одно изъ двухъ: или Хоренскій не сочинялъ имени Сатеники, или Хоренскій писалъ до половины VII вѣка.

Перехожу къ *Мученичеству святыхъ архіереевъ Аристакеса, Вартанеса, Усика, Григориса и Даніила*. Грузинскій текстъ этого *Мученичества* не есть переводъ той пространной редакціи *Житія*, которая издана въ X томѣ (стр. 47—56) Соперк hайкаканк; не ближе стоитъ онъ и къ тексту Агаѳангела (Тифл., стр. 494—498). О самостоятельности грузинскаго текста не можетъ быть рѣчи, между прочимъ ввиду присутствія въ немъ значительныхъ армянизмовъ. Онъ, по всей видимости, точный, какъ обыкновенно, переводъ особой армянской редакціи *Мученичества*, утраченный или, вѣроятнѣе, пока не открытой, которою пользовался М. Хоренскій въ своей *Исторіи*. Обратное явленіе, то-есть зависимость нашего *Мученичества* отъ М. Хоренскаго, мало вѣроятно, но если это будетъ доказано, то станетъ однимъ весьма существеннымъ аргументомъ больше въ пользу того, что М. Хоренскій историкъ не позднѣе половины седьмаго вѣка.

Совершенно такое же значеніе имѣетъ для вопроса о Моисеѣ Хоренскомъ грузинскій текстъ *Мученичества Нерсеса Великаго*. Кстати, въ этомъ же текстѣ находимъ подтвержденіе даннаго мною объясненія (*Записки Восточнаго Отдѣленія*, т. XI, стр. 166—169) грузинскому слову „сазепуро“. По этому объясненію выходитъ, что грузинское „сазепуро“ совершенно такъ же, какъ армянское „sephакан“, должно означать первоначально *сепуѣскій*, то-есть *принадлежащій „сепуѣу“* (главному наслѣднику княжескаго дома) и затѣмъ *придворный, отборный, собственный*. Въ нашемъ грузинскомъ текстѣ грузинское „сазепуро“ дѣйствительно оказывается въ значеніи *сепуѣскаго*. Извѣстно изъ *Исторіи* Хоренскаго, что католикосъ Нерсесъ воспретилъ бракъ между близкими родственниками, практиковавшійся „изъ-за жадности“, изъ-за стремленія къ *сепуѣскимъ* правамъ, буквально къ „сепуѣской вольности“, по-армянски „sephакан азатутеан“. Тоже самое сообщается въ грузинскомъ текстѣ *Мученичества Нерсеса Великаго*, при чемъ армянское слово „sephакан“ *сепуѣскій* передается черезъ „сазепуро“.

Библиотека "Руниверс"

Съ *Мученичествомъ Саѳака Партева*, также оказавшимся въ древнемъ грузинскомъ переводѣ, мы соприкасаемся, минуя пространную его армянскую редакцію, изданную въ Соборникъ Ѳайкаканк (т. II, стр. 5 — 67), съ текстомъ *Исторіи* Лазаря Парпскаго, въ рукахъ котораго, по всей вѣроятности, былъ армянскій подлинникъ грузинскаго перевода.

Затѣмъ два памятника, относящіеся къ эпохѣ войны за вѣру армянъ съ персами, переносятъ насъ въ область вопросовъ, возбуждаемыхъ историческимъ трудомъ Егишэ. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ—*Мученичество святаго Атома, его сына и друзей*,—извѣстенъ самостоятельно и въ армянской литературѣ; грузинскій текстъ представляетъ точный переводъ армянскаго подлинника, напечатаннаго въ XIX томѣ (стр. 70—82) Соборникъ Ѳайкаканкъ, съ урѣзкою десятка строкъ въ началѣ. Другой—это *Мученичество Вардана, братьевъ его Ѳумаека, Ваѳана и Саѳака и съ ними 137 другихъ сподвижниковъ*. Армянскимъ подлинникомъ этого грузинскаго текста, пока неизвѣстнымъ, очевидно, пользовался историкъ Егишэ, который пятую главу своей книги начинаетъ вступительными словами нашего текста и имъ вообще пользуется въ различныхъ частяхъ своего труда. Въ IX томѣ неразъ цитованной серіи Соборникъ Ѳайкаканкъ напечатано на армянскомъ языкѣ *Житіе святой Шушаники*, дочери армянскаго полководца Вардана, въ двухъ редакціяхъ, пространной и краткой, возбуждающихъ вопросъ о первенствѣ. Выясненію этого вопроса, несомнѣнно, посодѣйствуетъ древній грузинскій текстъ, озаглавленный *Мученичество святой Шушаники*, дочери святаго Вардана и, какъ оказалось, представляющій точный переводъ армянской краткой редакціи. Грузинскій переводчикъ, какъ обыкновенно, до такой степени вѣренъ подлиннику, что безъ всякаго измѣненія передаетъ вступительную фразу армянскаго текста, касающуюся просвѣтителей Арменіи. Передаю буквально слова грузина: „святые и блаженные нѣкіе, первые изъ „нахараровъ“ [слово нахараръ, то-есть князь, удержано грузиномъ изъ армянскаго оригинала], надзиравшіе за Арменіею въ священническомъ санѣ, виновники нашего просвѣщенія, достигшіе изъ поколѣнія въ поколѣніе угодною жизнью до святаго Саѳака, который былъ сынъ великаго Нерсеса, сына Аѳенагена, сына блаженнаго Усика, сына великаго Ортанеса, сына святаго Григорія“. Итакъ древній грузинъ, жившій не позже начала VIII вѣка, не стѣсняется назвать армянскихъ іерарховъ, начиная съ Григорія Просвѣтителя, „виновниками“, буквально „причинами, просвѣщенія нашего“, то-есть грузинъ.

Библиотека "Руниверс"

Раза два уже пришлось высказаться, что переводы обсуждаемыхъ памятниковъ не могли быть сдѣланы позже конца VII или начала VIII вѣка. Возникновеніе новаго теченія грузинской литературы въ послѣдующую эпоху стоитъ въ связи не только съ церковными явленіями, какъ, напримѣръ, автокефальностью грузинской церкви, получаемою въ половинѣ восьмаго вѣка, но и съ политическими событіями этой эпохи, съ борьбою арабовъ и византійцевъ. Византійцы учинили страшное гоненіе противъ армянъ за покорность арабамъ. Въ Арменіи во второй половинѣ VII вѣка такъ сильны были эти религіозныя гоненія изъ-за политическаго лозунга „за арабовъ“ или „за грековъ“, что въ самой армянской духовной средѣ зародился было расколъ: часть армянскихъ духовныхъ пастырей выразила стремленіе примкнуть къ халкедонитамъ. Отношенія между армянами и греками обострились до крайности. Въ самомъ началѣ восьмаго вѣка за сочувствіе къ грекамъ представитель албанской церкви обвиненъ былъ въ государственной измѣнѣ передъ арабскими властями; съ разрѣшенія халифа, іерархъ былъ преданъ позорной смерти, при чемъ въ рѣку были брошены цѣлые сундуки книгъ, заподозрѣнныхъ въ „ереси“. Сторонники грековъ, въ числѣ ихъ грузины, надо полагать, не были равнодушными свидѣтелями подобныхъ зрѣлищъ. Между духовенствомъ Грузіи и Арменіи образовалась пропасть, при которой трудно было держаться литературному общенію.

Указаннымъ крайнимъ предѣломъ, концомъ VII или начала VIII вѣка, не устанавливается дата переводовъ съ точностью. Во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія устанавливать одну общую дату для всѣхъ переводовъ. Если даже будетъ доказано со временемъ, что весь нашъ сборникъ *Мученичествъ*, за изъятіемъ указанныхъ въ своемъ мѣстѣ позднѣйшихъ вставокъ, цѣликомъ переведенъ съ армянскаго, то и такимъ возможнымъ фактомъ не исключается вовсе болѣе раннее въ древне-грузинской литературѣ существованіе отдѣльныхъ армянскихъ житій, которыя могли переводиться грузинами и, по всей вѣроятности, переводились по мѣрѣ появленія ихъ на армянскомъ языкѣ. Любопытно, что появленіе самаго поздняго святаго, включеннаго изъ армянскихъ источниковъ въ нашъ сборникъ [1]), относится къ годамъ

[1]) Собственно намъ пока извѣстна, какъ было указано, половина сборника (отъ 27 декабря по 27 іюня), но я не думаю, чтобы въ другой половинѣ оказались статьи значительно болѣе поздняго происхожденія. Еще болѣе хотѣлось бы думать, что эта „другая половина“ не окончательно утрачена.

Библиотека "Руниверс"

армянскаго католикоса Анастасія (661—667), а его мученичество къ 693 году, когда католикосомъ армянъ былъ Саһакъ III. Памятникъ, повѣствующій объ этомъ событіи, на грузинскомъ языкѣ носитъ заглавіе *Мученичество святаго Давида, замученнаго въ Двинѣ*. Мученикъ хотя былъ „сарацииомъ", въ мусульманствѣ называвшимся Сурһаномъ, но армянская церковь чествуетъ его въ числѣ національныхъ своихъ святыхъ, какъ обращеннаго въ христіанство въ Арменіи при участіи армянскаго католикоса и армянскаго князя Григорія Мамиконяна и принявшаго мученическій вѣнецъ въ армянскомъ городѣ Двинѣ. Древне-грузинскій текстъ *Мученичества* во всякомъ случаѣ представляетъ непосредственный переводъ того армянскаго подлинника, который изданъ въ XIX томѣ Сопѣрк Һайкаканк.

Единственно, одинъ памятникъ, несомнѣнно также армянскаго происхожденія, исчезъ изъ армянской литературы безслѣдно: по крайней мѣрѣ въ печатныхъ армянскихъ изданіяхъ мнѣ не удалось пока найдти ни одного намека на него. Тѣмъ пріятнѣе констатировать, что грузинская литература сохранила въ переводѣ утраченный памятникъ древне-армянской агіографіи. Что грузинскій текстъ и въ данномъ случаѣ есть простой переводъ съ армянскаго, въ этомъ убѣждаютъ какъ лексическіе и стилистическіе арменизмы, такъ само содержаніе памятника и пріемы изложенія, между прочимъ датированіе событія по иностраннымъ царямъ, владѣвшимъ Арменіею, и армянскому католикосу.

Памятникъ этотъ интересенъ во многихъ отношеніяхъ. Особенно интересно то, что онъ является живымъ опроверженіемъ офиціальнаго церковнаго представленія объ утвержденіи христіанства въ Арменіи. Конечно, трудно вѣрить, что по крещеніи царя Тирдата вся Арменія сразу обратилась въ христіанскую страну; но о продолженіи язычества рядомъ съ христіанствомъ послѣ офиціальнаго признанія послѣдняго приходилось говорить лишь по догадкѣ. Только въ послѣднее время въ подтвержденіе этой догадки явился фактъ, замѣченный мною при раскопкѣ языческаго могильника въ Ворнакѣ, въ борчалинскомъ уѣздѣ, гдѣ языческія могилы оказывались въ верхнемъ слоѣ земли, покрывавшемъ христіанское кладбище. Въ древне-армянской же литературѣ по этому вопросу царитъ замѣчательное единодушіе. Если и допускается переживаніе язычества въ христіанской Арменіи, такъ это единственно въ Гогтанской области, и тамъ оно, по свѣдѣніямъ армянскихъ источниковъ, благополучно было обезсилено самимъ Месропомъ въ пятомъ вѣкѣ. Между тѣмъ въ

Библиотека "Руниверс"

нашемъ памятникѣ, озаглавленіемъ *Мученичество святыхъ отроковъ двухъ братьевъ Давида и Тирича́на* разказывается о событіи, имѣвшемъ мѣсто въ сѣверо-западной полосѣ Арменіи, если не при Нерсесѣ III въ VII вѣкѣ, то при Нерсесѣ I въ 384 году, когда, судя по подробностямъ *Мученичества*, язычество въ лицѣ кровныхъ армянъ думало еще бороться съ христіанствомъ. Святые Давидъ и Тирича́нъ, дѣти армянскаго князя, погибаютъ отъ руки дяди, язычника, который, хотя и преслѣдовалъ своихъ племянниковъ съ корыстными цѣлями, но въ тоже время убѣждалъ ихъ „оставить христіанство для его вѣры, какъ лучшей". Быть можетъ, гибель армянскаго подлинника нашего памятника находится въ зависимости отъ этого обстоятельства, стоящаго въ противорѣчіи съ единодушными утвержденіями иного значенія армянскихъ историковъ. Не лишены интереса нѣкоторыя подробности, внесенныя въ *Мученичество* изъ армянскаго княжескаго быта. Такъ, когда по смерти мужа Вардана, вдова, по имени Та́гинэ, замѣтила, что деверь посягаетъ на вѣру ея осиротѣвшихъ дѣтей, то она, безпомощная, принуждена была искать убѣжище въ сѣверной области Тай, въ селѣ Важганъ, у родственнаго князя Ваһгена. Здѣсь въ укрѣпленной мѣстности мать съ дѣтьми перебивалась на скудныя средства. У матери было немного овецъ, которыхъ пасли княжичи Давидъ и Тирича́нъ вдвоемъ, выгоняя ихъ на гору, гдѣ они развлекались играми и пѣніемъ.

Наличность спеціально армянскихъ агіографическихъ памятниковъ въ грузинской литературѣ, свидѣтельствуя прежде всего о тѣсномъ церковномъ единеніи армянъ и грузинъ, указываетъ, конечно, и на извѣстное вліяніе армянской литературы на грузинскую. Размѣры этого вліянія въ нашемъ представленіи начинаютъ расти, когда приходится констатировать, что съ армянскаго на грузинскій языкъ переводились агіографическіе памятники, посвященные не однимъ національнымъ армянскимъ святымъ. Мною было уже указано на грузинскій текстъ *Мученичества Георгія Побѣдоносца*, переведенный съ армянскаго. Назову еще два памятника. Одинъ изъ нихъ впрочемъ оставляю подъ сомнѣніемъ—это *Мученичество* одной персидской святой. Оно до послѣдняго времени считалось утраченнымъ въ греческой литературѣ, за исключеніемъ, конечно, синаксарныхъ извлеченій, и во всякомъ случаѣ не было издаваемо. Въ 1897-мъ году была издана одна греческая редакція этого памятника г. Пападопуло-Керамевсомъ въ Ἀναλέκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας (т. IV, стр. 351 — 356,

Библиотека "Руниверс"

ср. т. V, стр. 392—396) подъ заглавіемъ Μαρτύριον τῆς ἁγίας μάρτυρος Γολινδούχ, τῆς μετονομασθείσης Μαρίας.

Но сравнительно съ редакціею, имѣющеюся въ грузинскомъ текстѣ и принадлежащею перу современника, греческая кратка. Извѣстно, что существовала другая греческая редакція *Мученичества* той же святой, но она пока не открыта.

Съ увѣренностью нельзя сказать, получили ли грузины этотъ памятникъ отъ армянъ. Характеръ грузинскаго текста не настолько краснорѣчивъ въ этомъ отношеніи, чтобы не было нужды сличать его съ армянскимъ подлинникомъ, между тѣмъ послѣдній пока извѣстенъ лишь по плохимъ извлеченіямъ, внесеннымъ въ *Синаксаріи*. Въ грузинскомъ текстѣ имѣются лексическіе арменизмы, какъ то „гунді" *войско*, „ճշմարիտі" *истинный*, „вані" *жилище*, „тоһмі" *родъ*, „банакі" *лагерь*, „іаварі" *добыча*, „джур-ғмулі" *колодезь* (отъ армянскаго „джур" *вода*), „һамборі" *поцѣлуй*, „вешапі" *драконъ*, „сенакапапі" *камерьеръ* и др., но, за исключеніемъ одного или двухъ („сенакапапі" и, пожалуй, „вані") слова эти получили широкое право гражданства вообще въ грузинской литературѣ, и не въ переводной, и потому мало характерны для даннаго случая. Въ то же время, помимо заимствованныхъ изъ армянскаго словъ, въ слогѣ памятника замѣчаются кое-какіе арменизмы, позднѣе выходящіе изъ употребленія, и потому если переводъ и не сдѣланъ съ армянскаго, то надо полагать, относится къ ранней порѣ грузинской литературы, когда еще господствовали въ ней армянскія нормы.

Касательно другаго мученика—мага Іезидбозида, святаго VI вѣка—на греческомъ языкѣ имѣемъ лишь указаніе: о немъ говоритъ Менандръ Протикторъ. Стихотворная часть указанія воспроизводится обыкновенно въ изданіяхъ Anthologia graeca. На сирійскомъ сохранилось нѣсколько строкъ о магѣ Іезидбозидѣ. Въ грузинской литературѣ на мученичество Іезидбозида ссылается въ X вѣкѣ католикосъ Арсеній. Грузинскій текстъ есть буквальный переводъ армянскаго подлинника, представляющаго памятникъ полностью и напечатаннаго во второмъ томѣ собранія *Житій и мученичествъ*, изданнаго въ Венеціи въ 1874 году. Армянское происхожденіе грузинскаго текста устанавливается съ большею яркостью. Достаточно здѣсь привести одно доказательство зависимости грузинскаго текста отъ армянскаго. Въ армянскомъ подлинникѣ читаемъ, что правителю Арменіи „Нахапету наслѣдовалъ (другой), котораго звали Кʻнарик. Какой-то

Библиотека "Руниверс"

секретарь его отправился въ темницу" къ мученику и т. д. „Какой-то секретарь" по армянски гласитъ „дпір" (секретарь) „вомн" (нѣкій) или, если прочитать какъ одно слово, „дпироми". Грузинъ принялъ эти два слова за часть имени самого правителя, и имя „Кнарикъ" армянскаго подлинника въ грузинскомъ переводѣ преобразилось въ „К'нарикдпиромнъ", носитель котораго и посѣщаетъ лично мученика въ темницѣ.

Болѣе подробныя указанія найдутъ мѣсто въ приготовленномъ уже къ печати изданіи матеріаловъ, собранныхъ на Аѳонѣ.

Краткія замѣчанія, сопровождавшія предложенный перечень агіографическихъ памятниковъ, имѣли цѣлью оттѣнить хоть сколько-нибудь значеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ для того или иного историко-литературнаго вопроса; въ этомъ смыслѣ можно бы было еще значительно продолжить обсужденіе любаго привлекавшагося къ дѣлу произведенія. Но на первыхъ порахъ не хотѣлось бы затемнять побочными подробностями основнаго интереса, который связанъ съ приведеніемъ въ извѣстность перечисленныхъ агіографическихъ памятниковъ. Существенное значеніе ихъ въ томъ, что они непоколебимо устанавливаютъ зависимость грузинской литературы въ самую древнюю ея пору отъ армянской. Всѣ словесныя противодѣйствія, направлявшіяся противъ даже простой возможности древнихъ переводовъ съ армянскаго на грузинскій, падаютъ сами собою. Совокупными результатами предварительнаго, рекогносцировочнаго изслѣдованія книгъ св. Писанія и агіографическихъ памятниковъ намѣчаются контуры крупнаго въ данной области культурнаго факта, вліянія древне-армянской литературы на древне-грузинскую. Возможно всестороннее выясненіе этого факта должно стать отнынѣ главною очередною задачею для спеціалистовъ грузинологіи и арменистики, представляющею общій интересъ какъ для нихъ, такъ и для ученыхъ, нуждающихся въ содѣйствіи названныхъ отраслей востоковѣдѣнія.

Н. Марръ.

Библиотека "Руниверс"

СМОЛЕНСКОЕ ШЛЯХЕТСТВО ВЪ XVIII ВѢКѢ [1]).

I.

Русское дворянство, слившееся теперь въ такую однородную массу, составилось изъ крайне различныхъ этнографическихъ элементовъ. Эти элементы проникали въ него двоякимъ образомъ. Во-первыхъ въ него заносились отдѣльныя иноземныя частицы: то были выходцы изъ разныхъ земель, являвшіеся искать счастья въ Россію и становившіеся здѣсь родоначальниками нашихъ дворянскихъ фамилій. Эти выходцы довольно скоро русѣли, сливаясь съ общею русскою дворянскою массой. Ихъ прозвища передѣлывались на русскій ладъ и ихъ иностранная кровь безслѣдно растворялась въ массѣ русской. Съ другой стороны, по мѣрѣ того какъ расширялась территорія русскаго государства на счетъ сосѣдей и присоединялись цѣлыя населенныя области—составъ нашего дворянства увеличивался тѣмъ, что въ него цѣликомъ включался высшій слой населенія присоединяемыхъ областей: оно вбирало въ себя сливки присоединяемыхъ обществъ. Естественно, что благодаря своей связи съ мѣстностью, эти окраинныя дворянства оказывали гораздо большее сопротивленіе процессу сліянія съ массой русскаго и, попадая въ общее его русло, долго еще продолжали течь въ немъ отдѣльными замѣтными струями. И теперь еще дворянства нашихъ окраинъ: остзейское, польское и кавказское во многомъ сохраняютъ свою самобытность. Въ прошломъ вѣкѣ такихъ отдѣльныхъ струй въ общемъ руслѣ дворянства было больше. Замѣтны были нѣкоторыя такія, которыя теперь уже окончательно исчезли. Такою отдѣльною струей до 60-хъ годовъ XVIII

[1]) Рефератъ, читанный въ Археографической комиссіи Московскаго Археологическаго общества.

Библиотека "Руниверс"

вѣка было смоленское дворянство, тогда окраинное. Не слѣдуетъ забывать, что Смоленская область была тогда пограничною: рубежъ Россіи съ Польшой до перваго раздѣла проходилъ всего въ какихъ нибудь 400 верстахъ къ западу отъ Москвы и, какъ это ни страннымъ кажется теперь, дворянство одной изъ самыхъ центральныхъ губерній нынѣшней Европейской Россіи хранило многія отличія отъ прочей массы дворянства—бытовыя и юридическія.

Въ Московскихъ архивахъ хранятся документы, позволяющіе подробно ознакомиться съ этими особенностями смоленскаго дворянства въ XVIII вѣка, „смоленской шляхты", какъ оно тогда называлось [1]). Знакомство съ этими особенностями не лишено нѣкотораго научнаго интереса: ими нельзя пренебречь при изученіи того процесса, которымъ складывалось русское дворянство. Химикъ, изучая какое нибудь тѣло, однородное для простаго глаза, производитъ его анализъ, выдѣляетъ элементы, его составляющіе и показываетъ процессъ ихъ соединенія для образованія тѣла. Чтобы разгадать процессъ образованія русскаго дворянства, необходимо также произвести химическій анализъ этой однородной на взглядъ массы, выдѣлить всѣ тѣ составныя части, изъ которыхъ она сложилась и изслѣдовать каждую от-

[1]) Именно въ Архивѣ министр. юстиціи сохранилось два рода документовъ: во-первыхъ дѣла Сената по Смоленскому шляхетству—главнымъ образомъ относящіяся къ служебному его положенію. Эти дѣла частію выдѣлены въ особую группу, частію разсѣяны спорадически по своей необозримой массѣ сенатскихъ дѣлъ за XVIII вѣкъ; сюда относятся №№ (книгъ): 1339—1343, 2533, 2603, 2816, 3015, 3087, 3146, 3218, 3277, 3290, 7301; во-вторыхъ столбцы и книги по Смоленску—съ поземельными дѣлами за XVII и XVIII вѣка. Документы Архива юстиціи были любезно указаны намъ покойнымъ *А. Н. Зерцаловымъ*. Въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ,—въ дѣлахъ Смоленскаго приказа много дѣлъ относящихся къ смоленской шляхтѣ за XVII-й вѣкъ. Положенія смоленскаго шляхетства въ XVIII вѣкѣ коснулся авторъ извѣстнаго труда о русскомъ дворянствѣ XVIII вѣка, проф. *Романовичъ-Славатинскій* (стр. 120). Но коснуться его онъ могъ только вскользь, такъ какъ имѣлъ подъ руками только матеріалъ, попавшій въ Полное Собраніе законовъ; но то что попало въ это собраніе относительно Смоленскаго шляхетства—составляетъ только незначительную долю, въ сравненіи съ документами, хранящимися въ архивахъ. Упоминаетъ о Смоленскомъ шляхетствѣ и *Соловьевъ* въ Исторіи Россіи, но онъ касается его только случайно и отрывочно, не давая обстоятельной характеристики его положенія. Такъ въ т. XIX, стр. 190, изд. 1876 года онъ цитируетъ указъ о невыѣздѣ смоленской шляхты за-границу, въ т. XXII, стр. 101, изд. 1880 г. приводится одно донесеніе командира шляхты, о которомъ см. ниже. Повидимому, дѣла сената, носящія названіе „дѣлъ по смоленскому шляхетству" были ему неизвѣстны, по крайней мѣрѣ въ то время, когда составлялся XXII томъ исторіи.

Библиотека "Руниверс"

дѣльно. Тогда и процессъ его образованія будетъ представленъ отчетливѣе.

Смоленская область имѣла въ русской исторіи межеумочный характеръ. Населенная искони славянскимъ племенемъ кривичей она въ XII вѣкѣ дѣлается достояніемъ одной изъ линій Мономахова дома. Съ XIV вѣка по обѣимъ сторонамъ ея возникаютъ два могущественныя государства, и она становится сначала ареною перемѣнчивой борьбы двухъ вліяній — московскаго и польско-литовскаго, а потомъ дѣлается предметомъ борьбы двухъ государствъ. Въ началѣ XV вѣка она теряетъ самостоятельность, подпавъ подъ власть Литвы, и съ тѣхъ поръ переходитъ изъ рукъ въ руки. Въ началѣ XVI вѣка она переходитъ во власть Москвы, въ началѣ XVII дѣлается опять достояніемъ Польши и, наконецъ, въ половинѣ XVII вѣка присоединяется уже навсегда къ Московскому государству. Это пребываніе въ составѣ Польши не осталось безъ вліянія на высшемъ, по крайней мѣрѣ, слоѣ населенія этой области. Присматриваясь къ фамильнымъ прозвищамъ смоленскаго шляхетства, мы видимъ очень немного великорусскихъ именъ; большая же часть этихъ прозвищъ—со свойственными юго-западной Руси окончаніями на чъ, какъ Адамовичи, Засуличи, Богдановичи, Прокоповичи, Отрошковичи, Карновичи, Станкевичи и др. или, что еще чаще, на *скій, цкій*: Азанчевскіе, Высоцкіе, Вонлярлярскіе, Верховскіе, Воеводскіе, Загряжскіе, Заблоцкіе, Ковалевскіе, Краевскіе, Миклашевскіе, Островскіе, Ровинскіе, Рачинскіе, Храповицкіе и др. Въ этихъ фамильныхъ прозвищахъ съ окончаніемъ на *скій* и *цкій*, заимствованныхъ отъ названій *мѣстности* нельзя не видѣть Польскаго вліянія [1]). Великорусскія дворянскія фамиліи, кромѣ княжескихъ, не имѣютъ такого земельнаго происхожденія. Представители всѣхъ этихъ фамилій еще въ XVIII вѣкѣ говорятъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, сохраненнымъ намъ документами благодаря звуко-

---

[1]) Вотъ перечень наиболѣе видныхъ фамилій Смоленскаго шляхетства: Адамовичи, Азанчевскіе, Богдановичи, Болкошины, Борейши, Борщевскіе, Броневскіе, Верховскіе, Воеводскіе, Волженскіе, Вонлярлярскіе, Воронцы, Высоцкіе, Глинскіе, Грабовскіе, Грибовскіе, Гурко, Догоновскіе, кн. Друцкіе-Соколинскіе, Дубровскіе, Ефимовичи, Заблоцкіе, Загряжскіе, Залѣсскіе, Засуличи, Карновичи, Кеплинскіе, Киркоры, Ковалевскіе, Корсаки, Косовскіе, Коховскіе, Краевскіе, Красовскіе, Ловенецкіе, Маневскіе, Миклашевскіе, Мрачковскіе, Новицкіе, Островскіе, Пассеки, Пенскіе, Пожошны-Отрошковичи, Поплонскіе, Потемкины, Прокоповичи, Пузыревскіе, Рачинскіе, Реутовы, Ровинскіе, Рыдванскіе, Савицкіе, Станкевичи, Сурожевскіе, Храповицкіе, Швыковскіе, Щелканы, Энгель-Гарты.

Библиотека "Руниверс"

вой орѳографіи, пишутъ по большой части латинскимъ шрифтомъ и носятъ національный польскій костюмъ, въ которомъ и являются въ военную службу. Въ 1724 году камеръ-коллегія освѣдомилась, не носитъ ли кто въ Смоленскѣ „неуказаннаго“ (запрещеннаго указомъ русскаго) платья и штрафуютъ ли носящихъ таковое. Смоленская губернская канцелярія въ отвѣтъ доносила, что въ Смоленскѣ обыватели „всѣ ходятъ въ указномъ платьѣ. Только смоленская шляхта и дѣти и служители ходятъ въ платьѣ польскаго манера, а не нѣмецкаго, какъ всегда хаживали и бываютъ въ такомъ платьѣ и въ Петербургѣ, а въ 1721 г. были въ немъ въ Москвѣ на смотру“ [1]). Многіе изъ нихъ, находясь подъ польскимъ владычествомъ перемѣнили не только платье, но и религію и перешли въ католицизмъ. Однако держались его не твердо: по крайней мѣрѣ по возвращеніи Смоленска къ Россіи при царѣ Алексѣѣ много плѣнныхъ смоленскихъ шляхтичей принимали въ Москвѣ вновь православную вѣру, имѣя въ перспективѣ „государево жалованье“, выдаваемое перемѣнявшимъ вѣру [2]). Польское вліяніе не прекращалось и въ XVIII вѣкѣ, въ особенности благодаря тому, что знатные смоленскіе шляхтичи отдавали дѣтей за-границу въ польскія школы, гдѣ они и принимали католицизмъ. Въ 1728 году въ Сенатѣ производилось большое дѣло о „превращеніи“ въ католическую вѣру 30 человѣкъ изъ смоленской шляхты. Обвиняемые принадлежали къ лучшимъ фамиліямъ, игравшимъ наиболѣе видную роль въ смоленскомъ дворянствѣ: Потемкиныхъ, Вонлярлярскихъ, князей Друцкихъ-Соколинскихъ и др. Двухъ изъ нихъ такъ и не удалось привезти въ Москву: они бѣжали за рубежъ, гдѣ одинъ даже постригся въ ксендзы. На допросѣ обвиняемые показывали, что обращены были въ католическую вѣру въ дѣтствѣ, когда ихъ отдавали „для обученія латинскаго языка“ въ Оршу, Мстиславль или Витебскъ въ монастыри „ксендзовъ-езувитовъ“; что эти послѣдніе имъ объявляли, „что какъ греческая такъ и римская вѣра равны“, поэтому они и мѣняли вѣру. Дамы, привлеченныя къ процессу показывали, что мѣняли вѣру также въ дѣтствѣ въ возрастѣ лѣтъ десяти и одиннадцати, когда ихъ отдавали къ знатнымъ польскимъ родственницамъ „для обученія тамошнихъ польскихъ въ церемоніяхъ поступокъ“. Нѣтъ ничего естественнѣе, конечно, что, получая воспита-

[1]) Арх. Мин. Юстиц. дѣла Камеръ-Коллег. вязка 7, дѣло 10.

[2]) Арх. Мин. И. Д. Дѣла Смоленскаго приказа. Столбцы 1655 года, № 1; 1655—1656, № 1, л. 94.

Библиотека "Руниверс"

ніе въ католическихъ монастыряхъ и польскихъ аристократическихъ семействахъ, смоленскіе дворяне и сами переходили въ католическую вѣру. Между смоленскимъ дворянствомъ и дворянствомъ сосѣднихъ польскихъ областей поддерживалось знакомство и родственныя связи; нѣкоторые изъ фигурировавшихъ въ этомъ процессѣ были женаты на католичкахъ. Возвращаясь изъ польскихъ школъ на родину, иные изъ нихъ, какъ выяснилось изъ процесса, хорошо памятуя наставленія о равенствѣ греческой и римской вѣръ, полученныя отъ воспитателей іезуитовъ, ходили на исповѣдь къ православнымъ священникамъ, не совершая формальнаго присоединенія къ православной церкви. Другіе продолжали соблюдать католическіе обряды и заявили желаніе воспріять вновь православную вѣру только тогда, когда были уже арестованы и привезены въ Москву къ допросу. Поэтому и въ приговорѣ, постановленнымъ Верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, послѣдніе были признаны достойными смертной казни и лишь по милосердію только осуждены на вѣчную ссылку въ Сибирь съ конфискаціей всего недвижимаго имущества; тѣ же, которые возвратясь изъ за рубежа соблюдали православные обряды, были подвергнуы денежному штрафу и отданы подъ особо тщательный надзоръ смоленскаго архіерея [1]).

По поводу этого процесса были изданы въ томъ же году Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ два указа общаго характера, цѣлью которыхъ было препятствовать распространенію католицизма среди смоленскаго дворянства. Этими указами предписывалось смоленскому архіерею имѣть попеченіе, „чтобъ смоленская шляхта вѣру греческаго исповѣданія въ благочестіи и исправно содержали и ни мало бъ соблазна въ томъ не происходило“. Сношенія смоленской шляхты съ сосѣдними польскими областями затруднялись. Для того чтобы получить право отъѣзда за-границу по дѣламъ, надо было принести присягу въ неизмѣнномъ соблюденіи греческой вѣры и, кромѣ того представить по себѣ поручителей добрыхъ и знатныхъ людей. Отдавать дѣтей въ Польшу для наукъ положительно воспрещалось; „а ежели смоленская шляхта дѣтей своихъ латинскаго и прочихъ языковъ учить пожелаютъ, чтобъ они ихъ учили въ россійскихъ школахъ, понеже такихъ школъ въ Москвѣ и въ Кіевѣ довольное число“. Запреща-

[1]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сената 1340 № 1. Приговоръ о ссылкѣ не былъ, однако, приведенъ въ исполненіе, и осужденные были возвращены съ дороги, присоединились къ православію и получили помилованіе; имѣнія ихъ были возвращены. Ср. Проток. и Журн. Верх. Тайн. Сов. въ Сбор. Имп. Русск. Истор. Общ., т. LXXXIV, стр. 553.

Библиотека "Руниверс"

лось также держать въ домахъ своихъ для обученія дѣтей учителей или инспекторовъ римской вѣры; въ домашніе наставники позволено было брать только русскихъ подданныхъ, и только за неимѣніемъ этихъ послѣднихъ дозволялось брать иноземцевъ, но непремѣнно греческаго вѣроисповѣданія, въ чемъ они должны были представлять свидѣтельство архіерея. Ограничено было право вступленія смоленскихъ шляхтичей въ бракъ: было запрещено во-первыхъ брать изъ за рубежа невѣстъ католичекъ, во-вторыхъ отдавать замужъ дочерей и родственницъ за жениховъ католической или уніатской вѣры. Но въ особенности строгія мѣры были приняты противъ пріѣзда въ Россію католическаго духовенства. На границѣ караульнымъ офицерамъ драгунамъ подтверждалось „съ жестокимъ прещеніемъ", чтобъ изъ Польши и Литвы ксендзовъ въ Россію въѣзжать не пропускали. Если духовному лицу католическаго исповѣданія надо было пріѣхать въ Смоленскъ по своимъ дѣламъ, то пограничная стража должна была доводить объ этомъ до свѣдѣнія губернатора и архіерея; ему назначался для пребыванія въ Смоленскѣ опредѣленный срокъ, по истеченіи котораго оно должно было его покинуть. Кромѣ того отъ всякаго прибывшаго въ Смоленскъ ксендза брали подписку: „дабы онъ въ бытность свою россійскихъ людей по римской вѣрѣ не исповѣдывалъ и не причащалъ и никакимъ вымысломъ къ своей вѣрѣ не склонялъ и не наговаривалъ, и въ домы ихъ для того ни тайно, ни явно не ходилъ, и платья никакого, кромѣ настоящаго своего ксендзовскаго на себѣ не носилъ". Со всего смоленскаго дворянства предписывалось отобрать письменныя обязательства „подъ жестокимъ истязаніемъ", чтобъ они нигдѣ съ римскими ксендзами ни тайно, ни явно сообщенія не имѣли и никакихъ наговорокъ отъ нихъ не слушали. Виновныхъ въ неисполненіи этихъ постановленій губернаторъ обязанъ былъ присылать въ Сенатъ въ оковахъ, а Сенатъ, произведя слѣдствіе, долженъ былъ докладывать Верховному Тайному Совѣту [1]).

Разсмотрѣнное дѣло и вызванные имъ указы вскрываютъ намъ довольно ясно, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ находился высшій слой населенія Смоленской области къ тогдашнему польскому краю. Едва ли, однако, въ основѣ всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ для устраненія связей смоленскаго дворянства съ сосѣднимъ поль-

[1]) П. С. З. №№ 5238 и 5322. *Соловьевъ* XIX стр. 190 (изд. 1876 г.) Ср. Протоколы и Журналы Верх. Тайн. Сов. въ Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LXXXIV, стр. 45—46.

Библиотека "Руниверс"

скимъ, лежали какія нибудь политическія соображенія, въ родѣ опасенія перехода этого края въ польскія руки: край уже слишкомъ давно принадлежалъ Россіи, а Польша XVIII вѣка была слишкомъ слаба, чтобы его отнять. Скорѣе нужно думать, что поводомъ къ этимъ мѣрамъ послужила исключительно забота о чистотѣ и неприкосновенности православія ради него самого. Какъ-бы то ни было, не говоря уже о свободѣ совѣсти, указы Верховнаго Тайнаго Совѣта ограничивали смоленское дворянство и въ другихъ отношеніяхъ: въ правѣ переѣзда черезъ границу, въ возможности давать дѣтямъ то воспитаніе, которое оно считало наилучшимъ и, наконецъ, въ брачномъ правѣ.

Всѣ эти ограниченія шли, однако, совершенно въ разрѣзъ съ тѣми вольностями, которыми было надѣлено это дворянство еще со времени присоединенія Смоленска и которыхъ оно не забывало до второй половины XVIII вѣка. Если тотъ налетъ польскаго вліянія, который замѣтенъ былъ на смоленскомъ дворянствѣ въ прошломъ вѣкѣ и съ признаками котораго мы только что познакомились, составлялъ одну изъ особенностей, отличавшихъ эту часть русскаго дворянства отъ его массы, особенность, которую можно назвать бытовою; то въ тѣхъ дарованныхъ закономъ или установившихся обычаемъ вольностяхъ и преимуществахъ, которыми оно пользовалось еще и въ прошломъ вѣкѣ сравнительно съ остальною массой русскаго дворянства, заключалась вторая особенность, которую можно назвать юридической. Въ чемъ же состояли эти вольности и преимущества?

II.

Вступивъ въ польскіе предѣлы въ 1654 г. и захватывая городъ за городомъ, правительство царя Алексѣя старалось закрѣплять за собою польскія области не только силою оружія, но и привлекая ихъ населеніе къ добровольному переходу въ подданство московскому государю. Издавались манифесты, въ которыхъ населеніе покоряемыхъ земель приглашалось „поискать къ себѣ государскія милости“, за что въ свою очередь московское правительство давало обѣщаніе перешедшихъ на государеву сторону „во всемъ оберегать и правъ и вольностей ихъ ни въ чемъ не нарушить“. Въ 1658 г. всей смоленской шляхтѣ, уже покоренной, предписывалось грамотой государя составить „сеймикъ“, на которомъ избрать двухъ депутатовъ и затѣмъ послать ихъ въ Вильну, чтобы они тамъ „выславляли государа-

Библиотека "Руниверс"

реву милость и жалованье, что Его Царское Величество ихъ пожаловалъ: вѣры ихъ, правъ и вольностей ни въ чемъ нарушить не велѣлъ и прежними маетностями велѣлъ имъ владѣть по прежнему, да и сверхъ прежнихъ маетностей пожаловалъ ихъ иными многими маетностями". Эти эмиссары должны были приглашать жителей Литовской земли „поискать себѣ покоя у Великаго Государя" [1]). Дѣйствіе этихъ манифестовъ было очень успѣшно. Насколько можно замѣтить по перепискѣ московскаго правительства съ воеводами завоеванныхъ областей: Смоленской, Витебской, Полоцкой—большинство населенія, не только крестьянъ и горожанъ, но и шляхетства легко переходили въ Московское подданство. На государеву сторону выѣзжало множество шляхтичей „слыша его государеву милость къ своей братьѣ" [2]). Какъ извѣстно, отъ большинства пріобрѣтенныхъ въ эту войну областей Москвѣ пришлось отказаться, но Смоленская область съ городами Смоленскомъ, Дорогобужемъ, Бѣлой, Рославлемъ и Невлемъ—остались навсегда за Москвою. Вмѣстѣ съ этими городами навсегда перешло въ русское подданство и дворянство, населявшее ихъ уѣзды, такъ называемыя Смоленская, Бѣльская, Рославльская и Невельская шляхты. Теперь московскому правительству предстояло сдержать обѣщанія, на которыя оно было такъ щедро во время войны. Эти обѣщанія и закрѣпились цѣлымъ рядомъ жалованныхъ грамотъ, данныхъ московскими государями во второй половинѣ XVII вѣка шляхтствамъ присоединенныхъ уѣздовъ, скоро объединившимся подъ общимъ названіемъ „Смоленской шляхты". Всего этихъ грамотъ съ 1654 г. по 1694 г. было издано шесть. На нихъ часто ссылалось смоленское дворянство въ XVIII вѣкѣ, когда заходила рѣчь о его правахъ и преимуществахъ. Посмотримъ, каково было ихъ содержаніе [3]).

Первая грамота по времени (отъ 18-го сентября 1654 г.) была дана смоленской шляхтѣ тотчасъ же послѣ паденія Смоленска, который сдался 10-го сентября. Въ ней — управленіе смоленскими мѣщанами, какъ и смоленскою шляхтою и судъ по ихъ дѣламъ предоставлялись смоленскому судьѣ Голимонту, одному изъ вліятельнѣй-

[1]) Арх. Юст. Дѣла Сен. 3290 л. 278.

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ. Смоленскій Приказъ. Столбцы 1655—1656 гг.

[3]) 18-го сентября 1654 г. П. С. З. № 1299; 1664 г.—Дѣла Сен. 3290 л. 335; 1682 г. П. С. З. № 983; 1694 г.—Дѣл. Сената кн. 1342 л. 88. Тутъ же ссылки на грамоты 1656 и 1668 гг., текста которыхъ намъ не удалось найдти. Впрочемъ грамота 1694 г. есть только подтвержденіе этихъ двухъ.

Библиотека "Руниверс"

шихъ лицъ, убѣдившихъ смоленское населеніе сдаться государю [1]). Впослѣдствіи, однако, управленіе Смоленскомъ перешло всецѣло въ руки воеводѣ. Жалованныя грамоты и обязывали этихъ смоленскихъ воеводъ „*держать къ шляхтѣ ласка, привѣтъ и береженье большое и отъ посторонних отъ всякихъ обидъ ихъ оберегать*“. Эти слова грамотъ не заключали еще въ себѣ никакихъ положительныхъ гарантій; однако и въ позднѣйшихъ челобитныхъ по своимъ частнымъ дѣламъ, въ особенности когда приходилось въ чемъ нибудь жаловаться на воеводъ или позднѣе губернаторовъ, смоленскіе шляхтичи не забывали привести и эти слова, считая ихъ неизлишнимъ аргументомъ.

Вторая статья, которую встрѣчаемъ въ этихъ грамотахъ, тоже не выходила изъ области обѣщаній, также не заключавшихъ въ себѣ ничего реальнаго. Московское правительство заявляло, что оно никакимъ ложнымъ огласкамъ на шляхту вѣрить не будетъ. Очевидно, что въ Москвѣ даже и въ концѣ XVII вѣка все еще не были увѣрены въ полной преданности смоленскаго дворянства и въ невозможности измѣны съ его стороны, или по крайней мѣрѣ само это дворянство было исполнено опасеній, что въ Москвѣ не считаютъ его вѣрность достаточно твердой. Малѣйшаго повода, того, что какой то крѣпостной крестьянинъ Мишка Прокофьевъ „умысля воровски, затѣявъ напрасно, извѣщалъ на Смоленскую шляхту, будто они умышляютъ имъ Великимъ Государямъ измѣнить, чего они, и дѣды, и отцы ихъ и въ мысли себѣ не имѣли и такихъ дѣлъ не дѣлывали“— такого повода было достаточно, чтобы возбудить въ шляхтѣ тревогу и заставить ихъ обратиться къ государямъ (Іоанну и Петру) съ челобитной и ходатайствовать, чтобъ государи пожаловали ихъ „за ихъ службы и за кровь и за раны и за полонное терпѣніе, такимъ его Мишкинымъ затѣйнымъ на нихъ поноснымъ и съ единомышленники его наученымъ словамъ и клеветству и напрасному затѣйному извѣту вѣрить не велѣли“. Дѣло по этому доносу поступило, однако, на разсмотрѣніе государей съ думой: крестьянинъ Мишка за его воровской ложный извѣтъ битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь, а смоленской шляхтѣ было постановлено выдать новую жалованную грамоту, въ которой вновь подтверждалось, что Великіе Государи никакимъ ложнымъ огласкамъ на шляхту вѣрить не будутъ [2]). Не заключая въ

[1]) *Соловьевъ*, X, 322 (по изд. 1877 г.).

[2]) Такое же подозрѣніе возникало на шляхту и въ 1664 г. также по ложному доносу. Грамота 1664 г. заключала въ себѣ также обѣщаніе государя не вѣрить никакимъ ложнымъ огласкамъ.

Библиотека "Руниверс"

себѣ, однако, никакихъ точныхъ юридическихъ опредѣленій, эта статья грамоты имѣла важное значеніе: ею разсѣевались возникавшія сомнѣнія и тревоги и подтверждалось расположеніе государя, бывшее единственною гарантіей сохраненія и прочихъ правъ и преимуществъ.

Двѣ остальныя статьи грамоты вполнѣ положительнаго характера. Одна изъ нихъ гарантировала неприкосновенность земельныхъ владѣній шляхты: „маетностями своими, которыми они владѣютъ въ Смоленскомъ, Бѣльскомъ, Дорогобужскомъ и Рославльскомъ уѣздѣхъ по ихъ Великихъ Государей указомъ и по дачамъ и по привилеямъ королей польскихъ имъ и ихъ дѣтямъ и внучатомъ и правнучатомъ владѣть по прежнему въ роды ихъ неподвижно". Другая статья очень короткая, но гораздо болѣе общаго характера, содержала въ себѣ обѣщаніе „вольностей ихъ и правъ не нарушать". О какихъ вольностяхъ и правахъ эта статья говорила? Подъ этими словами, читая ихъ въ манифестахъ, исходившихъ изъ московскаго лагеря, польскіе шляхтичи до присоединенія ихъ къ Москвѣ, могли подразумѣвать и невѣсть что; но послѣ присоединенія приходилось считаться съ московскимъ политическимъ строемъ и забыть очень многія изъ прежнихъ шляхтскихъ вольностей. Позднѣйшая практика установила этой широкой и неопредѣленной статьѣ довольно ограниченное толкованіе: на нее обыкновенно ссылались, когда рѣчь шла о преимуществахъ смоленскаго дворянства въ отношеніи государственныхъ повинностей, а именно службы и разныхъ казенныхъ поборовъ. Впрочемъ попытки смоленскаго дворянства оградить себя этою статьею отъ податнаго бремени успѣха не имѣли. Никакихъ податныхъ изъятій эта статья ему не обезпечила. Но за то свои служебныя преимущества оно сохранило очень долго. Итакъ, этими двумя статьями гарантировались *поземельныя права* шляхты и ея особый *служебный строй*, отличавшій ее отъ прочаго русскаго дворянства. Намъ и предстоитъ теперь познакомиться во-первыхъ съ нѣкоторыми особенностями въ землевладѣніи шляхты, имѣвшими значеніе до начала XVIII вѣка и во-вторыхъ съ особенностями ея служебнаго строя, сохраненными ею до второй половины прошлаго вѣка.

Переходившіе въ подданство московскому государю польскіе шляхтичи сохраняли свои прежнія земельныя владѣнія—„маетности", какъ они стали называться на московскомъ официальномъ языкѣ. Московское правительство, давая имъ обѣщаніе сохранить ихъ владѣнія неприкосновенными, предписывало воеводамъ оставлять имѣнія за ихъ владѣльцами, которые предъявятъ на нихъ привилеи, данные поль-

Библиотека "Руниверс"

скими королями. Если же у владѣльца не окажется никакихъ письменныхъ крѣпостей на маетность, тогда воеводы должны были „сыскивать про тѣ маетности всякихъ чиновъ людьми всякими сыски накрѣпко“ то-есть опросомъ сосѣдей удостовѣряться въ правильности показаній владѣльца о принадлежности имѣнія ему. Вмѣстѣ съ утвержденіемъ земель за ихъ настоящими владѣльцами производились также и новыя пожалованія. Въ отличіе отъ маетностей эти вновь жалуемыя земли носятъ названіе „помѣстій“ [1]). Въ помѣстья раздавались покинутыя земли шляхетства, оставшагося вѣрнымъ королю. Челобитчикъ обыкновенно пріискивалъ самъ себѣ чье нибудь такое свободное имѣніе, которое за нимъ и утверждалось [2]). Пожалованіе шляхтичей помѣстьями производилось и впослѣдствіи наравнѣ съ прочимъ русскимъ служилымъ сословіемъ. Такъ, по случаю объявленія царевича Ѳедора Алексѣевича наслѣдникомъ престола шляхтѣ были пожалованы помѣстныя придачи въ размѣрахъ отъ 50 до 80 чет. соотвѣтственно тѣмъ четыремъ статьямъ, на которыя подраздѣлялась шляхта [3]). Благодаря съ одной стороны сохраненію земельныхъ вла-

---

[1]) Арх. мин. ин. дѣлъ. Дѣла Смоленскаго приказа стр. 1655 — 1656 л. 30, 82; 1657 г. л. 43 „шляхту переписать всю налицо... и что которымъ шляхтѣ *врежнихъ ихъ маетностей* по привилеямъ и посылкамъ и *вновь помѣстій* дано“.

[2]) Ibid. л. 36 „бивъ намъ челомъ выѣзжей шляхтичъ Самойло Счасновскій Давнаровъ. Слыша де онъ нашу государскую неизреченную милость... пріѣхалъ на наше царское имя на вѣчную службу, а нашего жалованья помѣстья за нимъ нѣтъ нигдѣ... И намъ бы его пожаловать въ Витебскомъ уѣздѣ шляхтича изъ Воинкова помѣстья Асенецкаго деревнею Салтаня, а тотъ де Воинко Асенецкій намъ Великому Государю измѣнилъ въ Польшу отъѣхалъ, а то де его помѣстье по ся мѣста никому не отдано. И мы, Великій Государь... пожаловали“ и т. д.

[3]) П. С. З. № 588. Среди жалованныхъ грамотъ шляхтѣ на земельныя владѣнія находится весьма любопытный примѣръ пожалованія земли на точно обозначенный срокъ: „билъ челомъ намъ Великому Государю полковникъ нашъ Самойло Тихоновецкій, а въ челобитной его написано: въ прошломъ во 164 г. (1656) выѣхалъ онъ, Самойло, на наше царское имя и вѣру намъ... учинилъ, что ему, Самойлу, намъ служити во вѣки неотступно... и нынѣ де у него, Самойла, помѣстья нѣтъ нигдѣ и намъ бы его Самойла пожаловать, велѣти... дать ему, Самойлу, въ Оршанскомъ повѣтѣ княжи Сангушки суффрагана Виленскаго село Смоляны, да Обольцы, да деревни Грушку, да Крупку съ деревнями и со всѣми угодья. И мы Великій Государь... полковника нашего Самойла Тихоновецкаго пожаловали указами ему *тѣ села дати на два годы*. И по нашей государской милости Самойлу Тихоновецкому тѣми селами и деревнями со всѣми угодьи въ нимъ надлежащими владѣть *два годы* и доходы всякіе тѣхъ селъ и деревень со крестьянъ и со всякихъ жилецкихъ людей и съ угодій имати и крестьянамъ тѣхъ селъ и деревень во всемъ его, Самойла, слушать и доходы всякіе, что съ

Библиотека "Руниверс"

дѣній за перешедшею къ Москвѣ шляхтой, а съ другой щедрой раздачѣ имѣній, оставшихся свободными за отъѣздомъ ихъ владѣльцевъ въ королевскую сторону, смоленскій край уже въ 70-хъ годахъ XVII вѣка былъ густо населенъ шляхетствомъ такъ, что въ немъ чувствуется уже недостатокъ въ свободномъ запасѣ земель для дальнѣйшихъ испомѣщеній недорослей. По крайней мѣрѣ въ 1675 г. московское правительство предписывало испомѣщать въ Смоленскѣ дѣтей только тѣхъ смоленскихъ шляхтичей, которые сидѣли въ Смоленскѣ во время осады и по сдачѣ его не отъѣзжали въ литовскую сторону; а дѣтямъ тѣхъ, которые туда отъѣхали или выѣхали къ государю уже по сдачѣ Смоленска, объявить, что въ Смоленскомъ уѣздѣ ихъ испомѣщать „не изъ чего“ и предложить имъ, если они пожелаютъ имѣть помѣстья, получить ихъ въ Казани [1]). Черезъ семь лѣтъ послѣ этого указа въ пользу смоленскаго дворянства была даже установлена особая привилегія: былъ изданъ законъ, предоставлявшій исключительное право на полученіе помѣстій въ Смоленскомъ, Дорогобужскомъ, Бѣльскомъ и Рославскомъ уѣздахъ только лицамъ, принадлежавшимъ къ составу смоленскаго шляхетства и рейтарамъ смоленскаго рейтарскаго полка. „Московскихъ же чиновъ людямъ“ воспрещалось какъ обращаться съ челобитьями о пожалованіи помѣстій или вотчинъ въ этихъ уѣздахъ, такъ и самимъ пріобрѣтать тамъ земельныя владѣнія [2]).

Итакъ, земельныя владѣнія смоленской шляхты раздѣлялись на два вида: „маетности“ и „помѣстья“. Что значилъ на московскомъ юридическомъ языкѣ терминъ „помѣстье“—это хорошо извѣстно. Но

нихъ бывало напередъ сего, давати Самойлѣ... лѣта 7165 мая 12-го“ (1657 г.) Арх. мин. ин. дѣлъ, Дѣла Смоленскаго приказа, столбц. 1657 г. д. № 4.

[1]) П. С. З. № 556. Часть смоленской шляхты была переселена вскорѣ же послѣ завоеванія Смоленска царемъ Алексѣемъ—на „за-камскую черту“ въ Казанскую область и такимъ образомъ оказалась въ XVIII вѣкѣ въ Уфимскомъ уѣздѣ Оренбургской губерніи. Въ екатерининской комиссіи 1767 г. для составленія проекта Новаго Уложенія находился депутатъ отъ этого переселеннаго шляхетства, которое еще не забыло къ тому времени своей связи съ родными мѣстами: оно во-первыхъ официально продолжало именоваться „*смоленскимъ* шляхетствомъ *Уфимскаго* уѣзда“, а затѣмъ просило черезъ своего депутата о дарованіи ему права на наслѣдства, открывшіяся послѣ родственниковъ, въ Смоленской губерніи. Сб. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXII, стр. 469. XIV стр. 55. Наказъ отъ смоленскихъ шляхтичей, живущихъ въ Уфимскомъ уѣздѣ. Сборникъ, т. XCIII, стр. 12—16.

[2]) П. С. З. № 935, 1682 г.

Библиотека "Руниверс"

что такое была „маетность“? Повидимому и у самого правительства нѣкоторое время не существовало опредѣленнаго взгляда на этотъ разрядъ земель. По крайней мѣрѣ первоначально оно не считало маетности совершенно совпадающими съ вотчинами. Въ первое время послѣ завоеванія оно пыталось, кажется, примѣнить къ маетностямъ нѣкоторыя черты помѣстнаго права, предписывая за остающимися послѣ убитыхъ на службѣ отцовъ дѣтьми оставлять отцовское наслѣдство не цѣликомъ, а только въ размѣрѣ $^2/_3$, обращая остальное въ общій фондъ земель, изъ котораго надѣлять безпомѣстныхъ. За дочерьми такихъ отцовъ, при отсутствіи сыновей, этотъ же законъ предписывалъ оставлять до $^1/_2$ отцовской маетности [1]). Но такъ было только въ началѣ. Впослѣдствіи въ законодательствѣ выражается уже довольно ясно взглядъ, сближающій маетности съ вотчинами. Въ самомъ дѣлѣ, рядъ общихъ жалованныхъ грамотъ, данныхъ смоленской шляхтѣ, устанавливаетъ два признака, дѣлающихъ маетности вполнѣ сходными съ вотчинами: эти грамоты во-первыхъ устанавливаютъ переходъ маетностей по наслѣдству, а затѣмъ широкое право распоряженія ими, возможное только относительно вотчинъ: „въ тѣхъ маетностяхъ они (шляхта) и дѣти ихъ и внучаты и правнучаты вольны и продати и заложити и въ приданье дати“.

На практикѣ, какъ можно судить о томъ изъ актовъ, шляхтичи совершенно смѣшивали оба вида владѣнія. Надобно замѣтить, что и самыя маетности въ польскомъ правѣ дѣлились въ свою очередь на двѣ различныя категоріи. Разобранный выше приказный докладъ 1658 г. разъяснялъ, что по показаніямъ шляхты королевскіе привилеи

---

[1]) П. С. З. № 243. 1658 г. Это, очевидно, отрывокъ изъ приказнаго доклада. Что въ этихъ постановленіяхъ рѣчь шла именно о маетностяхъ, а не о вновь пожалованныхъ помѣстьяхъ, это видно во-первыхъ изъ того вопроса, который находимъ въ этомъ докладѣ. Вопросъ здѣсь поставленъ такъ: эти правила примѣнять ли къ однимъ только *старымъ маетностямъ* (то-есть владѣніямъ по королевскимъ привилеямъ), или также и къ тѣмъ владѣніямъ, которыя даны по милостивому государскому жалованью, то-есть *къ помѣстьямъ*. Вопросъ могъ быть вызванъ тѣмъ недоумѣніемъ, которое могло быть возбуждено въ приказѣ въ томъ случаѣ, если бы пришлось примѣнять устанавливаемыя этимъ закономъ нормы къ помѣстьямъ; такъ размѣры, напримѣръ дочерней части здѣсь совершенно иныя, чѣмъ тѣ, которыя знало помѣстное право. Изъ того, какъ былъ поставленъ приказомъ вопросъ, ясно, что приказъ относилъ эти правила къ старымъ маетностямъ и только недоумѣвалъ, распространять ли ихъ на новыя пожалованія. Во-вторыхъ о помѣстьяхъ есть въ этомъ же самомъ законодательномъ памятникѣ совершенно особыя статьи.

Библиотека "Руниверс"

на земли были двухъ сортовъ: во-первыхъ такъ называемые „вѣчистые", дававшіе право распоряженія маетностью (право продажи, залога, отдачи въ приданое) и, сравнительно рѣдкіе, и во-вторыхъ обыкновенные, гарантировавшіе только переходъ маетности по наслѣдству и ея неприкосновенность въ родѣ, ею владѣющемъ, но не дававшіе права отчужденія ея безъ особаго „консесу". Докладъ именно и жаловался на то, что шляхта не хотѣла знать этихъ различій, совершенно ихъ не соблюдала и, имѣя только обыкновенные, а не вѣчистые привилеи тѣмъ не менѣе продавала маетности, закладывала и отдавала въ приданое до перехода подъ московское владычество и также продолжаетъ поступать и послѣ перехода. Отсюда видно, что шляхта уже привыкла до 1654 г. обращаться съ разными видами земельныхъ владѣній, какъ съ полною собственностью. Быть можетъ, соотвѣтственно этой практикѣ и московское законодательство, поколебавшись нѣкоторое время, смѣшало оба разряда маетностей въ одинъ съ характеромъ вотчинъ. Но привыкнувъ не дѣлать различій между разнаго рода маетностями еще до присоединенія къ Москвѣ, шляхта не хотѣла соблюдать также никакихъ различій между маетностями и помѣстьями въ московское время и совершенно одинаково обращалась какъ съ первыми, такъ и со вторыми. Смоленскій шляхтичъ Александръ Чижъ далъ своей женѣ запись на свое помѣстье. Въ этой записи онъ отказывалъ ей это помѣстье по своей смерти, присовокупивъ, что если на него будутъ заявлены претензіи со стороны его родственниковъ, то пусть эти родственники берутъ себѣ это помѣстье, заплативъ его женѣ 600 руб. По смерти Александра братъ его Михаилъ Чижъ выступилъ претендентомъ на его помѣстье. Дѣло разсматривалъ въ 1693 г. извѣстный думный дьякъ посольскаго приказа, которому былъ подчиненъ Приказъ княжества Смоленскаго, вѣдавшій смоленскую шляхту— Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ. При разборѣ дѣла выяснилось, что и прежде смоленская шляхта по польскому обыкновенію „такія записи писывали" и что не разъ такія записи утверждались въ Москвѣ по ихъ челобитьямъ. Украинцевъ нашелъ, что запись составлена совершенно вопреки русскимъ законамъ, такъ какъ по этимъ законамъ бездѣтнымъ женамъ дается изъ помѣстій мужей ихъ только извѣстная часть на прожитокъ, „а всѣхъ помѣстій давать не велѣно", однако въ приговорѣ постановилъ исполнить условіе предусмотрѣнное въ записи, то-есть помѣстье отдать Михаилу Чижу, а съ него взыскать въ пользу жены Александра 600 рублей, какъ разъ сумму, обозначенную въ записи. При этомъ онъ сдѣлалъ только внушеніе на будущее время,

Библиотека "Руниверс"

чтобы „впредь смоленской шляхтѣ такихъ записей между себя не писать“ и относительно своихъ земельныхъ владѣній руководиться правилами о помѣстьяхъ и вотчинахъ, существующими въ Уложеніи и въ новоуказныхъ статьяхъ [1]). Само собою разумѣется, что это внушеніе не могло прекратить сразу дѣйствія установившихся привычекъ. Различія между двумя видами земельнаго владѣнія исчезли постепенно—и черезъ восемь лѣтъ послѣ приговора дьяка Украинцева правительство не нашло ничего лучше, какъ, слѣдуя за жизнью, уничтожить разницу между ними и въ законѣ. Указомъ 30-го декабря 1701 г. было предоставлено смоленской шляхтѣ всѣми своими землями, каковъ бы ни былъ источникъ владѣнія, королевскій ли привилей (маетность) или „дача“ изъ московскаго приказа (помѣстье)—владѣть въ вотчину. „а помѣстьями и маетностьми не писать“. Такимъ образомъ для смоленскаго дворянства разница между помѣстьемъ и вотчиной была уничтожена въ законѣ на тринадцать лѣтъ раньше, чѣмъ для остальнаго русскаго дворянства [2]).

Таковы были особенности въ землевладѣніи шляхты, присоединенной къ Москвѣ послѣ войны за Малороссію. Ей были даны два преимущества сравнительно съ прочимъ русскимъ служилымъ сословіемъ: во-первыхъ ей предоставлено было преимущественное право на владѣніе землею въ смоленской области; во-вторыхъ ея владѣнія ранѣе получили юридическое значеніе полной частной собственности. Вообще съ юридической стороны, въ отношеніи правъ на владѣемую землю, шляхта, перемѣнивъ подданство, не могла почувствовать сильныхъ перемѣнъ. Но зато она почувствовала московскіе экономическіе порядки. Въ этомъ отношеніи она не имѣла никакихъ преимуществъ предъ прочими землевладѣльцами московскаго государства. Въ Польшѣ шляхетская земля платила гораздо меньше и не была отягощена такими стѣсненіями, какъ въ Россіи. Внеся „подымное“, польскій помѣщикъ не зналъ уже никакихъ иныхъ сборовъ. Такъ по крайней мѣрѣ рисовало положеніе дѣлъ въ Польшѣ русское дворянство пограничныхъ съ Польшею областей въ наказахъ депутатамъ, высланнымъ въ знаменитую екатерининскую комиссію 1767 г., въ которыхъ оно жа-

[1]) П. С. З. № 1478.

[2]) П. С. З. № 1885. Мотивомъ этого закона послужило ходатайство смоленскихъ дворянъ, указывавшихъ на неудобства въ поземельномъ дѣлопроизводствѣ вслѣдствіе того, что въ жалованныхъ грамотахъ вмѣсто опредѣленнаго термина „вотчина“ употребляется неопредѣленный „маетность“. Арх. мин. юстиціи. По Смоленску, ст. 15181, л. 270.

Библиотека "Руниверс"

ловалось на массовые побѣги за границу крѣпостныхъ крестьянъ, привлекаемыхъ туда именно этимъ болѣе благопріятнымъ положеніемъ земли.

Нѣсколько уже позднѣе, въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка, смоленское шляхетство съ грустью вспоминало о прежнихъ вольностяхъ, которыми оно пользовалось при польскихъ корояхъ. Вольности эти, даруемыя королевскими привилеями на имѣнья, перечислены были въ челобитной, представленной Екатеринѣ въ 1762 г. депутаціей отъ смоленскаго шляхетства, явившеюся въ Петербургъ ходатайствовать объ ихъ возстановленіи. Онѣ заключались въ томъ, что „всякій привилегированный шляхтичъ имѣлъ право въ деревняхъ своихъ пріумножить и получить себѣ всякіе доходы и къ приращенію оныхъ заводить всякіе заводы и въ тѣхъ своихъ дачахъ строить корчмы, мельницы и отпускать въ портовыя мѣста сельскіе продукты безъ платежа пошлинъ и всякихъ податей въ казенные сборы, кромѣ *подымныхъ*“. Между тѣмъ въ Россіи, гдѣ существовала казенная винная монополія, и цѣлый рядъ разныхъ казенныхъ сборовъ и повинностей—доходность земли была значительно понижена. „Шляхетство, продолжаетъ челобитная, всѣхъ этихъ вольностей „лишены безвинно и положенные всѣ въ казну доходы съ прочими *безъ всякой въ силу грамотъ отмѣны платятъ*, отчего пришли въ крайнюю бѣдность и несостояніе, а кольми паче отъ набору рекрутъ“. Сенатъ, которому императрица поручила разсмотрѣть дѣло, отвѣтилъ депутаціи, что о подтвержденіи жалованныхъ грамотъ имъ просить „не надлежало“, такъ какъ никто ихъ не нарушалъ и служебныхъ ихъ привилегій не измѣнялъ. Что же касается до отмѣны казенныхъ сборовъ и пошлинъ и разрѣшенія содержать въ имѣніяхъ корчмы, то о такихъ льготахъ въ грамотахъ, по мнѣнію Сената, совсѣмъ не упоминалось; напротивъ даже, въ грамотѣ 1682 г. при подтвержденіи правъ шляхты на маетности прямо говорилось: „а доходы имъ съ тѣхъ своихъ маетностей, назначенные въ казну ихъ царскихъ величествъ платить“. „Слѣдственно“, заключалъ Сенатъ, „за силою той грамоты и не можно имъ имѣть корчмы“! Въ послѣдній разъ вздохнули смоленскіе дворяне о золотомъ вѣкѣ польскихъ вольностей въ коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія—но также безрезультатно [1]).

---

[1]) Арх. мин. юст. Дѣла Сен. 3.290, л. 291; наказъ смоленскаго дворянства Сборникъ, т. XIV, стр. 417.

Библиотека "Руниверс"

III.

Въ утратѣ различныхъ экономическихъ преимуществъ и выгодъ Сенатъ утѣшалъ смоленскихъ дворянъ тѣмъ, что за ними сохранены ихъ преимущества служебныя. Посмотримъ, теперь, въ чемъ состояли эти послѣднія. „Смоленское шляхетство“ какъ мы уже видѣли, образовалось изъ нѣсколькихъ шляхетствъ, прежде составлявшихъ отдѣльныя уѣздныя корпораціи. Кромѣ „природныхъ“ фамилій, то-есть тѣхъ, которыя принадлежали къ нему еще при польскихъ корояхъ, послѣ завоеванія въ него попадали новые, посторонніе элементы. Въ XVII вѣкѣ пріобрѣтали себѣ въ смоленской области земли великороссійскіе служилые люди [1]). Правительство запретило эти пріобрѣтенія, но тѣмъ не менѣе чуждые элементы проникали въ смоленское дворянство. Въ 1748 г. Сенатъ распорядился выключить изъ него всѣхъ тѣхъ „изъ великороссійскаго народа“, которые „о бытіи въ томъ шляхетствѣ никакихъ грамотъ и привилегій не имѣютъ“ и включены были туда безъ указовъ [2]). Включеніе это производилось не иначе, какъ Сенатомъ, который требовалъ при этомъ доказательствъ о принадлежности предковъ къ смоленскому шляхетству. Однако въ XVIII вѣкѣ были случаи зачисленія въ него нѣсколькихъ выходцевъ изъ за польскаго рубежа, предки которыхъ неимѣли къ нему никакого отношенія [3]). Численный составъ этого дворянства въ началѣ XVIII вѣка нѣсколько превышалъ 1.000, а въ половинѣ этого вѣка въ немъ насчитывалось уже около 2.700 лицъ мужескаго пола. Разумѣется, цыфры эти далеко не совпадаютъ съ дѣйствительностью. На невозможность привести въ извѣстность его точную цыфру указывается каждый разъ при составленіи его списка [4]).

Какъ и прочее служилое сословіе, смоленское шляхетство несло

---

[1]) Дѣл. Сен. 1.341, л. 379: „да со 195 г. (1687) московскіе жители, которые испомѣщены въ Смоленскомъ, въ Бѣльскомъ и въ Дорогобужскомъ уѣздахъ и *служатъ смоленскою шляхтою*“.

[2]) Дѣл. Сен. 2.816, д. № 10.

[3]) Дѣл. Сен. 1.340, № 44; 1.341, №№ 16, 31; 2.816, № 29.

[4]) Вотъ цифры этихъ списковъ:

1676 г.	365 человѣкъ.	1722 г.	1.178 человѣкъ.
1698 „	951	1744 „	1.487
1701 „	1.142 „	1754—6.	2.700

Дѣла Сен. 1.341 и 1.342.

Библиотека "Руниверс"

военную службу. Но въ то время какъ созданіе регулярной арміи разбило прежнія территоріальныя военныя единицы, уѣздные полки, по которымъ группировалось русское дворянство и въ которыхъ оно выходило на службу—смоленское шляхетство сохранило эту особенность старинnаго служилаго строя до второй половины прошлаго вѣка. Между тѣмъ какъ со времени учрежденія регулярной арміи въ ея различные полки попадали дворяне совершенно различныхъ мѣстностей, смоленское шляхетство составляло свой особый конный полкъ, „Полкъ смоленской шляхты", какъ онъ офиціально назывался, въ которомъ и выходило на службу. Это право служить въ своемъ полку разсматривалось, какъ привилегія, дарованная жалованными грамотами: „смоленская шляхта снабдѣна милостивѣйшими жалованными грамотами и учреждена та смоленская шляхта въ службѣ по древнему обычаю, какъ здревле служили" [1]). Этимъ древнимъ обычаемъ смоленская шляхта очень дорожила въ XVIII вѣкѣ. Но служить именно въ этомъ полку не было для смоленскихъ дворянъ обязательнымъ: имъ не воспрещалось поступать и въ иные полки; однако не у многихъ могло явиться такое желаніе въ виду тѣхъ преимуществъ, какими отличалась служба въ этомъ [2]).

По своему составу полкъ смоленской шляхты былъ чисто дворянскимъ: въ немъ всѣ, отъ командира до послѣдняго рядоваго „были дворяне. По своему внѣшнему виду, среди однообразно обмундированныхъ и вооруженныхъ регулярныхъ полковъ XVIII вѣка, это должна была быть довольно пестрая толпа, какими и бывали старинные русскіе дворянскіе отряды. Подъ „бѣлое государево знамя", пожалованное полку, являлись изъ своихъ мѣстностей смоленскіе дворяне въ различныхъ костюмахъ, съ преобладаніемъ, однако, польскаго и съ разнообразнымъ оружіемъ, „къ какому кто изобыкъ". Полкъ дѣлился на семь ротъ съ очень неравнымъ численнымъ составомъ, каждая подъ командою ротмистра, при которомъ состояли еще поручикъ и хорунжій. Первоначально число ротъ въ полку было пять. Шестую и седьмую составили бѣльская и рославская шляхты, которымъ было повелѣно „писаться смоленскою" [3]); но связь этихъ ротъ съ мѣстными уѣздными дворянствами скоро исчезла: бѣльская и рославская шляхты вполнѣ слились съ общею массой смоленскаго

[1]) Дѣла Сен. кн. 1341, л. 30.
[2]) П. С. З. № 4958.
[3]) Дѣл. Сен. кн. 1341.

Библиотека "Руниверс"

дворянства и всякій шляхтичъ могъ записываться въ любую роту и переходить по доброй волѣ изъ одной въ другую. Рядовая шляхта каждой роты дѣлилась на четыре статьи „по природѣ", то-есть по знатности фамилій.

Во главѣ полка стоялъ въ XVII вѣкѣ полковникъ, въ XVIII — генералъ, назначаемый именнымъ Высочайшимъ указомъ изъ среды смоленскаго же дворянства, которое не разъ вспоминало съ гордостью, что его командирамъ во время походовъ подчинялись иногда командиры регулярныхъ полковъ, желая этимъ указать на высокое положеніе своего начальника въ русской арміи. Ближайшимъ помощникомъ генерала командующаго шляхтой былъ командиръ первой роты, носившій званіе „генеральнаго поручика". Онъ замѣнялъ генерала въ случаѣ его болѣзни или отсутствія. Подъ его начальствомъ находилась полковая канцелярія, такъ называемая „Канцелярія генеральнаго правленія смоленской шляхты". Изъ генеральныхъ поручиковъ обыкновенно и назначались въ командиры надъ смоленской шляхтой.

Хорунжій, поручикъ, ротмистръ, генеральный поручикъ и генералъ-майоръ, командующій полкомъ, такова была іерархія смоленской шляхты. Но кромѣ состава офицеровъ, дѣйствительно командовавшихъ частями, при полкѣ всегда состояло нѣкоторое количество такъ называемыхъ „заполочныхъ" (то-есть ходившихъ „за полкомъ") офицеровъ, среди которыхъ встрѣчаются чины подполковниковъ и полковниковъ. Въ производствѣ во всѣ эти чины были нѣкоторыя особенности сравнительно съ обыкновеннымъ порядкомъ, дѣйствовавшимъ въ регулярныхъ полкахъ. Въ немъ соединялись два начала: назначеніе и выборъ. Въ чины возводилъ Сенатъ, но изъ кандидатовъ, избранныхъ самимъ шляхетствомъ. Въ 1733 году командиръ полка генералъ Потемкинъ былъ оштрафованъ на 50 рублей за самовольное производство офицеровъ безъ указа Сената, и ему было строго внушено, чтобы впредь „такъ собою безъ указу чинить не дерзалъ" [1]). Кандидаты, представленные въ генеральные поручики, утверждались Высочайшимъ указомъ. Командиры шляхты уже не избирались, а прямо назначались верховной властью, но такъ какъ командирами дѣлались обыкновенно прежніе генеральные поручики, то, слѣдовательно, и эта должность имѣла выборный характеръ. Шляхетскіе выборы отличались полною неопредѣленностью. Требовалось только, чтобы представляемому кандидату былъ данъ аттестатъ, подписанный

[1]) Дѣл. Сен. 1340.

Библиотека "Руниверс"

шляхетствомъ, притомъ не только офицерами, но и рядовыми. Въ аттестатѣ обозначались заслуги предлагаемаго кандидата, перечислялись тѣ походы, въ которыхъ онъ участвовалъ, и подвиги, которые онъ совершилъ, и въ заключеніе говорилось, что шляхетство удостоиваетъ его къ назначенію въ такой-то чинъ. Какого нибудь опредѣленнаго числа подписей на аттестатѣ не требовалось. Однако въ 1752 году Сенатъ отказалъ нѣкоему шляхтичу Верховскому въ пожалованіи ему чина поручика вслѣдствіе того, что подъ его аттестатомъ подписалось всего только 9 человѣкъ, и сдѣлалъ общее распоряженіе, чтобы представлялись только такіе кандидаты, подъ аттестатами которыхъ подпишется „знатное число", притомъ первенствующихъ начальныхъ людей и рядоваго фамильнаго шляхетства [1]). Кромѣ такого „удостоинства" отъ шляхетства для производства были необходимы еще два условія: знатность рода и богатство. Эти условія не требовались закономъ, но ихъ создавалъ обычай. Когда Сенатъ въ 1726 году справился у шляхетства, какія у него существуютъ основанія для „произведенія въ чины", то „начальные и чиновные люди смоленской шляхты" отвѣтили, что у нихъ „о произвожденіи въ чины правъ никакихъ не имѣется, а... токмо де какъ прежде сего *по фамиліямъ* и *состоянію* производились, такъ и понынѣ производятся, а не по старшинству и заслугамъ". Въ своей практикѣ Сенатъ и руководился стариннымъ обычаемъ, предписывая представлять кандидатовъ „по фамиліи достойныхъ, состоянія добраго" и, хотя и присоединялъ требованіе, чтобы были указываемы и личныя заслуги кандидата, но это требованіе не исполнялось, и личныя заслуги отходили на второй планъ передъ происхожденіемъ и богатствомъ. Естественно, что на практикѣ при условіи подачи аттестатовъ подписи могли быть собраны только тѣми, кто располагалъ силою и вліяніемъ среди шляхетства; поэтому и въ чины могли попадать только люди богатые и знатные. Этимъ выборнымъ началомъ обусловливался аристократическій и даже олигархическій характеръ полковой іерархіи: въ высшіе чины возводились постоянно люди однихъ и тѣхъ же немногихъ знатныхъ фамилій: Шеиковскіе, Корсаки, Потемкины, Вонлярлярскіе, князья Друцкіе-Соколинскіе.

Другою особенностью чинопроизводства въ полку смоленской шляхты было отсутствіе въ послѣдовательности при прохожденіи чиновъ. Знатный шляхтичъ жаловался иногда прямо изъ рядовыхъ въ полковники.

[1]) Дѣл. Сен. 1342, л. III.

Библиотека "Руниверс"

Все это дѣлало эту полковую іерархію несоизмѣримою съ іерархіей регулярной арміи, а вопросы о соизмѣримости возникали всякій разъ, когда офицеръ полка переходилъ въ какую нибудь регулярную часть. Въ 1744 году подполковникъ смоленской шляхты князь Друцкой-Соколинскій просилъ о переводѣ его съ тѣмъ же чиномъ въ смоленскій гарнизонъ. Сенатъ отвѣтилъ отказомъ, объяснивъ, что „оные съ регулярными войсками не счисляются и въ чины въ той смоленской шляхтѣ производятся не по старшинству, но по фамиліямъ и состоянію", попадая притомъ иногда изъ рядовыхъ въ полковники. Черезъ шесть лѣтъ вопреки этому приговору, что случалось тогда нерѣдко, Сенатъ указалъ военной коллегіи выдать офицерамъ смоленской шляхты обыкновенные патенты на ихъ чины, но коллегія *отказалась* исполнять этотъ указъ и донесла, что она „о дачѣ смоленскому шляхетству на чины патентовъ не безъ сумнѣнія находится и взносить ихъ къ Высочайшему подписанію имѣетъ опасность, ибо оное шляхетство въ оберъ- и штабъ-офицеры производятся не такъ какъ регулярные по старшинству и по линіи, но черезъ многіе чины и не по порядку, но и по однимъ аттестатамъ".

Параллельно съ полковыми чинами въ смоленской шляхтѣ до половины XVIII вѣка еще существовали старинные московскіе чины: стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы. Эти чины были жалуемы смоленскому дворянству, какъ почетныя званія и не имѣли никакого отношенія къ полковой іерархіи. Большинство офицеровъ полка носило, впрочемъ, обыкновенно званіе стольниковъ, но бывали случаи пожалованія этимъ званіемъ и рядовыхъ, которые все-таки и оставались рядовыми. Чины стряпчихъ и жильцовъ носили обыкновенно рядовые. Въ послѣдовательныхъ по времени спискахъ полка эти московскіе чины, вымирая, мелькаютъ все рѣже и рѣже. Такъ по списку 1701 года *въ первой ротѣ* полка считалось среди рядовыхъ 23 стольника, 11 стряпчихъ, 7 московскихъ дворянъ и 11 жильцовъ; по списку 1744 года уже *во всемъ полку* оставалось въ живыхъ только 6 стольниковъ и одинъ стряпчій.

Для высшаго управленія шляхетствомъ, какъ и всею смоленскою областью, заведенъ былъ въ Москвѣ особый Приказъ княжества смоленскаго, подчиненный сначала стрѣлецкому, а потомъ посольскому приказамъ. Въ XVIII в. высшее управленіе смоленскою шляхтой по служебнымъ дѣламъ было передано въ Сенатъ, а по поземельнымъ— въ обыкновенномъ порядкѣ въ вотчинную коллегію. Сенатъ впослѣдствіи и самъ недоумѣвалъ, какимъ образомъ къ нему въ руки попало

Библиотека "Руниверс"

завѣдываніе шляхтой и втеченіе первой половины XVIII вѣка не разъ поручалъ иностранной коллегіи справиться, когда и какимъ образомъ смоленское шляхетство изъ посольскаго приказа очутилось въ вѣдомствѣ Сената; но коллегія неизмѣнно отвѣчала одними и тѣми же выраженіями, что прежде смоленская шляхта состояла въ вѣдѣніи смоленскаго приказа, подчиненнаго посольскому, но со времени учрежденія губерній всѣ документы этого смоленскаго приказа были отправлены въ Смоленскъ и поэтому „такого требуемаго извѣстія подать немочно". Такъ этотъ историческій вопросъ и остался для Сената нерѣшеннымъ, хотя для Сената онъ имѣлъ практическое значеніе. Въ сенатскомъ архивѣ не хранилось никакихъ документовъ, относящихся къ этому шляхетству ранѣе XVIII вѣка; не были совершенно извѣстны ни дарованныя ему правительствомъ права, ни древніе обычаи, которыми оно руководилось. Поэтому, когда возникали затрудненія по разнымъ дѣламъ, касавшимся шляхты, Сенатъ часто не зналъ, чего держаться и на чемъ основывать свои рѣшенія, сплошь и рядомъ сегодня отмѣняя рѣшенное вчера и мало того, дѣлая даже прямо противоположное вчерашнему постановленіе. Такъ, въ 1746 году полковники смоленской шляхты подали доношеніе о томъ, что генеральному поручику не слѣдуетъ замѣнять командира полка въ отсутствіи, такъ какъ онъ не болѣе, какъ ротный командиръ первой роты. Сенатъ согласился, что не слѣдуетъ, и приговорилъ отрѣшить отъ правленія полкомъ генеральнаго поручика Станкевича и передать правленіе на время болѣзни командира генерала Лярскаго старшему изъ полковниковъ. Но когда генералъ Лярскій съ своей стороны „на изобличеніе неправды" этихъ полковниковъ донесъ, что порученіе команды генеральному поручику было правильно „по обыкновенію и по правамъ издревле шляхетскимъ", такъ какъ генеральный поручикъ всегда бывалъ въ полку послѣ генерала первымъ, при чемъ ссылался на авторитетъ бывшаго командира шляхты генерала Потемкина, „яко извѣстнаго древнихъ обрядовъ по старости своей" и заявилъ, что и впредь слѣдуетъ замѣщать генерала генеральному поручику, а не полковникамъ, то и Сенатъ постановилъ, что слѣдуетъ, и отмѣнилъ предыдущее свое распоряженіе. Мы уже видѣли ранѣе случай, когда Сенатъ, только что объявившій въ своемъ приговорѣ, что чины въ полку смоленской шляхты съ чинами регулярныхъ полковъ несравнимы, черезъ нѣсколько времени предписываетъ военной коллегіи выдать офицерамъ смоленской шляхты обыкновенные патенты на чины.

Библиотека "Руниверс"

Съ 40-хъ годовъ XVIII вѣка между смоленскою шляхтой и Сенатомъ вдвигается смоленская губернская канцелярія, до тѣхъ поръ не принимавшая въ дѣлахъ шляхты виднаго участія. Въ военномъ отношеніи полкъ смоленской шляхты еще въ XVII вѣкѣ подчинялся смоленскимъ воеводамъ, имѣвшимъ важное военное значеніе вслѣдствіе пограничнаго положенія области. Съ начала Сѣверной войны это военное значеніе смоленскаго воеводы, а затѣмъ губернатора, еще болѣе возрастаетъ и полкъ подчиняется смоленскому губернатору Салтыкову, какъ командиру корпуса, въ составъ котораго онъ входитъ. Но губернская канцелярія имѣла для шляхты значеніе только судебнаго трибунала, гдѣ оно судилось по обыкновеннымъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, и финансоваго присутственнаго мѣста, куда оно платило подати. Съ 40-хъ годовъ эта канцелярія все болѣе расширяетъ свою власть надъ шляхетствомъ. Въ 1743 года за отъѣздомъ въ Москву генерала и генеральнаго поручика, привлеченныхъ къ допросу, губернской канцеляріи предписывается Сенатомъ временно вѣдать смоленское шляхетство. Изъ временной власти постепенно развивалась постоянная къ величайшему неудовольствію командировъ шляхты, съ выраженіемъ котораго летѣли отъ нихъ доношенія въ Сенатъ. Губернская канцелярія выдала одному изъ шляхтичей паспортъ для проѣзда въ Петербургъ, не считая нужнымъ увѣдомлять о томъ его непосредственное начальство, и командиръ раздраженно доноситъ, что „ежели смоленской губернской канцеляріи впредь вступать безъ письменнаго сношенія въ ихъ команду, то имъ имѣетъ быть не безъ обиды“. Въ другомъ доношеніи тотъ же генералъ Лярскій жаловался Сенату, что онъ „безъ малѣйшей своей вины состоитъ въ немалой обидѣ“, такъ какъ губернская канцелярія присвоила себѣ исключительную власть надъ шляхтичами, стоящими на пограничныхъ форпостахъ, да еще отдала ихъ подъ команду какому-то полковнику драгунскаго полка. Особенно же раздражало его то, что губернская канцелярія начала сноситься съ нимъ „указами“, то-есть какъ учрежденіе высшее съ низшимъ, оставивъ прежнюю, свидѣтельствующую о равенствѣ, форму переписки „сношеніями“. Въ 1745 году депутаты отъ шляхетства просили въ числѣ прочихъ льготъ и милостей о непосредственномъ подчиненіи его Сенату, помимо губернской канцеляріи, какъ это и было прежде. Судьба этого ходатайства неизвѣстна. Извѣстно только, что на практикѣ оно не получило осуществленія. Мало того, что губернская канцелярія все болѣе интересовалась дѣлами шляхетства и все менѣе считала нуж-

Библиотека "Руниверс"

нымъ хотя бы только увѣдомлять командира о принятыхъ ею распоряженіяхъ, его касающихся — отдѣльныя лица изъ шляхетства сами начинаютъ выскальзывать изъ рукъ командира, и число такихъ все увеличивается. Въ Сенатъ поступаютъ одна за другой челобитныя разныхъ шляхтичей о томъ, чтобы имъ подъ вѣдѣніемъ командира смоленской шляхты не быть „за немалою его къ нимъ злобою", а состоять въ вѣдомствѣ смоленской губернской канцеляріи. Сенатъ благодушно соглашался на эти просьбы. По свидѣтельству смоленскаго губернатора въ 1756 году такихъ изъятыхъ изъ подъ команды генерала смоленской шляхты было „уже немалое число". По его же заявленію, эти шляхтичи, хотя и показываютъ въ своихъ челобитныхъ, что имъ подъ начальствомъ этого генерала быть невозможно вслѣдствіе ссоръ съ нимъ, но это дѣлаютъ они по однимъ своимъ прихотямъ безъ всякихъ серьезныхъ основаній, отчего происходитъ только излишнее затрудненіе и упадокъ дисциплины и пользуясь этимъ многіе шляхтичи благополучно скрываются отъ службы.

Служба, которую несло смоленское дворянство, въ половинѣ XVIII вѣка, *не считалась уже обязательной.* Такъ смотрѣла на нее по крайней мѣрѣ комиссія 1762 года, рѣшившая вопросъ о шляхетствѣ: „имѣютъ вольность служить или не служить по своему соизволенію" [1]). Послѣдній командиръ шляхты генералъ Лыкошинъ также доносилъ, что „обряды между ими таковые, что командиры безъ прошенія въ службу не записывали" [2]). Эта свобода отъ обязательной службы установилась не ранѣе XVIII вѣка,—въ XVII ея незамѣтно,—и не въ силу какого либо закона, на что нѣтъ ни малѣйшаго намека, а возникла прямо благодаря практикѣ, такъ какъ начальство фактически не имѣло силы заставить служить того, кто не хотѣлъ и укрывался. Эта практика къ половинѣ XVIII вѣка дѣлается уже *обычнымъ правомъ и отличіемъ смоленскаго дворянства отъ прочаго русскаго.* Такимъ образомъ, подобно тому какъ въ землевладѣніи смоленское дворянство опередило остальное русское въ признаніи своихъ имѣній вотчинами, такъ и въ отношеніи службы оно ранѣе общаго закона получило право служить или не служить по доброй волѣ. Однако эта свобода касалась только начатія службы, а не прекращенія ея. Разъ всту-

[1]) Эта же комиссія замѣтила, что смоленскимъ дворянамъ оставляется „*прежняя*, а нынѣ (послѣ 18 февраля 1762 г.) со всѣми россійскими дворянами вольность служить или не служить." Объ этой комиссіи см. ниже.

[2]) Дѣла Сен. 3290, л. 17.

Библиотека "Руниверс"

пивъ на службу, нельзя было уйдти съ нея по желанію: необходимо было выхлопотать отставку, представивъ одно изъ тѣхъ основаній, на которыхъ она вообще давалась въ XVIII вѣкѣ, то-есть старость или болѣзнь.

Несмотря на добровольность, эта служба была не изъ легкихъ. Шляхетство не получало никакого жалованья и содержалось исключительно со своихъ земель; но условія землевладѣнія въ этомъ краѣ, какъ увидимъ ниже, были весьма печальны[1]). Въ XVII и началѣ XVIII вѣка оно служило подобно всѣмъ стариннымъ московскимъ дворянскимъ полкамъ: собиралось на службу весною, лѣто пробывало въ строю, а съ наступленіемъ сентября уже разъѣзжалось по своимъ деревнямъ. Оно участвовало во всѣхъ войнахъ конца XVII вѣка и съ гордостью вспоминало о своихъ подвигахъ подъ Чигириномъ, въ Крымскихъ и Азовскихъ походахъ, а на похвальную грамоту, данную ему Петромъ за Нарвскій походъ, оно всегда ссылалось наряду съ жалованными грамотами о вольностяхъ. Къ XVIII вѣку на это дворянство выпала гораздо менѣе почетная, но не менѣе тяжелая служба— содержаніе карауловъ на форпостахъ, устроенныхъ по польской границѣ. Для отбыванія этой службы шляхта должна была раздѣлиться на нѣсколько частей, чтобы соблюдать очередь, но на практикѣ такой очереди не соблюдалось. Всякій, кто имѣлъ какія-нибудь средства и связи, находилъ всегда способъ избавиться отъ этой повинности, вся тяжесть которой сваливалась такимъ образомъ на неимущихъ собратьевъ, „мизерную“ шляхту по выраженію одного изъ командировъ. По донесеніямъ равныхъ военныхъ чиновъ, производившихъ обзоры этихъ форпостовъ, они представляли изъ себя печальную картину; назначенные на нихъ шляхтичи постоянно отлучались съ караула: одни разбѣгались по домамъ, не взирая на неоднократныя угрозы Сената, предписывавшаго ихъ штрафовать и возвращать на караулъ подъ карауломъ, другіе — расходились по сосѣднимъ деревнямъ *собирать милостыню себѣ на пропитаніе*, такъ какъ иначе, не получая ни жалованья, ни провіанта, они рисковали умереть съ голоду[2]). Понятно, почему шляхта такъ тяготилась этою службой и неумолчно ходатайствовала объ освобожденіи. Однако эти ходатайства были безуспѣшны.

---

[1]) Д. Сен. 1340. д. 8: „содержатся оные своимъ коштомъ, а изъ казны на нихъ расходу не бываетъ“. Л. 489: „служба оныхъ безжалованная, но съ отчинъ ихъ“. Только если шляхту задерживали въ строю и на зиму—тогда она получала денежное жалованье.

[2]) Д. Сен. 1342. л. 425, донесеніе А. Шувалова.

Библиотека "Руниверс"

IV.

Впрочемъ, въ XVIII вѣкѣ шляхетскій полкъ ни на какую другую службу и не былъ пригоденъ. Сохраняя такъ долго всѣ черты старинной служилой организаціи, онъ былъ въ XVIII вѣкѣ анахронизмомъ, археологическимъ остаткомъ, и не могъ, конечно, сохранить прочность и не растаять въ новой средѣ рядомъ съ войсками регулярнаго строя, бивавшими армію самого Фридриха Великаго. Исторія полка смоленской шляхты за XVIII столѣтіе есть только исторія его разложенія. Главною причиной этого разложенія былъ, конечно, аристократическій строй полка. Нельзя было и думать о поддержаніи какой-нибудь дисциплины, когда каждый рядовой шляхтичъ, происходя изъ такой же благородной фамиліи, склоненъ былъ держать себя совершенно на равной ногѣ съ офицеромъ, а всякій начальникъ долженъ былъ беречь въ своемъ подчиненномъ лишнюю подпись на аттестатѣ для выбора въ слѣдующій чинъ. Шляхетская гордость была очень чувствительна, и задѣть ее — значило вызвать на себя челобитье обиженнаго въ Сенатъ, которое могло все-таки надѣлать хлопотъ, даже если и не сопровождалось особенно непріятными послѣдствіями; а шляхтичи любили жаловаться въ Сенатъ и обращались туда по всякимъ мелочамъ. Въ 1741 году нѣкто Коховскій жаловался сенату на генерала Лярскаго „въ называніи его ругаючись вымысломъ своимъ въ ордерахъ и письмѣ *Кух*овскимъ, а не Коховскимъ", чѣмъ, какъ доказывалъ челобитчикъ, „честь фамиліи нашей, Коховскихъ, онъ, Лярской, поноситъ". Правда, съ „мизерною" шляхтой командиры иногда не церемонились и собственноручно учили ее дисциплинѣ. Въ 1742 году шляхтичъ Прежевскій доносилъ Сенату, что онъ не могъ исполнить одного порученія, даннаго ему генераломъ Лярскимъ, за что̀ тотъ „сталъ меня бранить и ругать и приказалъ въ Смоленскѣ въ домѣ своемъ взять подъ караулъ и заковать въ желѣзы, въ которыхъ оковахъ въ самую полночь велѣлъ людемъ своимъ Алексѣю да Кузьмѣ меня привести къ себѣ въ хоромы и началъ меня прежде онъ, генералъ Лярскій, самъ бить по щекамъ и, за волосы таская, ногами въ голову и въ лицо топтать, а потомъ и дубиною бить меня нещадно, и какъ онъ, генералъ, бія меня обезсилѣлъ, то приказалъ помянутымъ людемъ своимъ бить дубинами, которые бивъ меня тиранско, вытащили въ безпамятствѣ въ черную избу отъ которыхъ его генеральскихъ немилостивыхъ безвинныхъ побоевъ былъ весьма при смерти

Библиотека "Руниверс"

и распухъ весь" [1]). Но и „мизерные" шляхтичи, какъ видно изъ челобитной этого Прежевскаго, „не оставляли обиды" и также обращались въ Сенатъ, приправляя жалобы всякаго рода клеветами. По этимъ жалобамъ Сенатъ предписывалъ производить слѣдствіе въ губернской канцеляріи, отношенія съ которой у командировъ были не всегда гладки. Притомъ даже и такое плохое средство имѣлось у командира только для внушенія страха мелкой шляхтѣ; съ крупною онъ долженъ былъ обходиться совсѣмъ иначе. Вся шляхта была переплетена связями родства и знакомства: взыскать строго съ одного, значило обидѣть многихъ, съ которыми подвергшійся взысканію былъ связанъ, и такимъ образомъ возбудить противъ себя злобу цѣлой партіи. Однимъ командиръ долженъ былъ мирволить, какъ своимъ собственнымъ друзьямъ, родственникамъ и избирателямъ; другимъ—изъ боязни раздражить враговъ, а смоленскіе дворяне не жили дружно. Дѣла Сената о смоленской шляхтѣ вскрываютъ всѣ тѣ раздоры, которые постоянно волновали шляхту, всю ту борьбу мелкихъ разгорѣвшихся страстей, интригъ, клеветъ, сплетень и доносовъ, которая и должна была происходить въ небольшой корпораціи, еще не слившейся съ массой русскаго дворянства, замкнутой въ тѣсную сферу мелкихъ интересовъ и, быть можетъ, не утратившей еще того одушевленія и страсти, для которыхъ она имѣла болѣе широкій просторъ, когда входила въ составъ польскаго королевства. Въ XVIII вѣкѣ смоленское дворянство существовало какъ особая корпорація, обладающая особыми правами, продолжало себя чувствовать чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ остальнаго русскаго дворянства и поэтому не теряло нѣкоторыхъ, пріобрѣтенныхъ при иныхъ обстоятельствахъ чертъ характера, для проявленія которыхъ не было мѣста при тѣхъ новыхъ условіяхъ, въ какія оно попало. Благодаря новымъ условіямъ, и черты эти выраждались, проявляясь на болѣе узкой аренѣ: то, что было прежде политическими страстями, то стало теперь мелкими полковыми дрязгами, и если прежде шляхетство раскалывалось на партіи по вопросу о выборѣ королей, то теперь ему приходилось расходовать тотъ же запасъ страстности исключительно на вопросы о назначеніи того или иного командира или генеральнаго поручика и т. п. Все это дѣлало полкъ смоленской шляхты сильно непохожимъ на другіе полки русской арміи. Каждый изъ послѣднихъ всегда имѣлъ характеръ военнаго братства, а смоленское шляхетство скорѣе напоминало мелкую греческую

[1]) Д. Сен. 1340. л. 200.

Библиотека "Руниверс"

республику, раздираемую партіями, командовать которою было нельзя, не обладая свойствами тирана, а быть тираномъ не всегда было возможно изъ опасенія быть свергнутымъ. Въ 1742 году 43 человѣка шляхты подали въ Сенатъ челобитную, въ которой просили отрѣшить отъ должности своихъ начальниковъ—генерала Потемкина и генеральнаго поручика Лярскаго, которые, какъ жаловались эти челобитчики, „не имѣя никакого респекту", ихъ, шляхту, „ругаютъ и бьютъ"—и на ихъ мѣсто опредѣлить другихъ представленныхъ челобитчиками командировъ. Генералъ Потемкинъ сильно струхнулъ. Съ своей стороны, онъ объяснялъ Сенату, что это прошеніе составилъ на него по злобѣ Иванъ Корсакъ, „приглася къ себѣ ближнихъ своихъ свойственниковъ отставныхъ трехъ полковниковъ и просилъ свойственныхъ и родственныхъ своихъ" изъ смоленской шляхты; жаловался, что они его „безъ малѣйшей вины въ заслуженномъ рангѣ, которымъ онъ пожалованъ именными указами, самовольно отрѣшаютъ" и доказывалъ, что отрѣшать командировъ безъ указа никогда никто „не дерзалъ". Потемкинъ такъ и умеръ во время этихъ дрязгъ, но враждебная партія не прекратила своихъ нападокъ на новаго командира—Лярскаго, и это было для него тѣмъ болѣе неудобно, что ему приходилось какъ разъ собирать подписи для челобитной въ Сенатъ о назначеніи его командиромъ шляхты. Врагами перехвачена была его переписка съ сыномъ и шуриномъ и представлена въ Сенатъ съ новою жалобой, что Лярскій въ этихъ письмахъ, забывъ страхъ Божій, злоумышленно по своей яростной злобѣ „лишая ихъ жалованной за службы Ея Императорскаго Величества чести и повреждая ихъ фамиліи, примѣняетъ къ нимъ всякій непотребный скотъ и, вмѣняя ихъ къ нечестивому духу, приписываетъ ихъ къ противной партіи; да и полку смоленскаго шляхетства желаетъ гибели; и тѣми зловымышленными продерзостными своеручными письмами онъ, Лярскій, ихъ поноситъ и честь ихъ повреждаетъ напрасно". Челобитчики заканчивали свое прошеніе просьбой „милосердно отъ такого его ругательства и поношенія ихъ оборонить, чтобъ имъ, будучи въ такомъ отъ него злояростномъ поношеніи и необычайной клеветѣ, не придти въ напрасную гибель; а ему, Лярскому, за такую его продерзость и за поношеніе ихъ чести учинить по указамъ".

Перехваченныя письма были прочтены въ Сенатѣ: они хорошо рисуютъ всѣ эти дрязги среди смоленскаго шляхетства. „Мой сердечный Іосифушка", писалъ Лярскій сыну, „благословеніе мое родительское препосылаю, здравіе твое посѣщаю, а о нашемъ извѣствую, что, по

Библиотека "Руниверс"

милости Божеской, доселѣ еще живы состоимъ, но отъ противныхъ партій въ разныхъ гоненіяхъ и устрашеніяхъ предъ посторонними оглашаемы есмы. Хотя того каналіи Потемкина (одного изъ полковниковъ враждебной партіи) еще въ сторону здѣшнюю и не было, только того жъ хору діавольскія дѣти адскую свою дорогу изъясняютъ въ слухъ людемъ". Что касается до совѣтовъ поступать съ шляхтою „посредственно", то „ко всякому имѣлъ снисхожденіе и чинилъ довольство и черезъ звычай, какъ Корсаку, хромому діаволу, такъ и другимъ недостойнымъ благодѣянія, какъ и тому Момсу и другому отъ собакъ неублюдку, котораго опредѣлилъ въ наилучшій форпостъ, а они таки свой собачій обычай, какъ ведутъ, такъ и ведутъ; хотя бы оныхъ бальзамомъ помазывалъ, а они другою вонею и псиною смердятъ по своей натурѣ". Лярскій даетъ порученіе сыну ходатайствовать въ Сенатѣ о разрѣшеніи ему самому прибыть въ Москву „ради оправданія, что заочно обрехиваютъ оныя собаки, чтобъ та уже командишка отъ меня не пропала.... А тому Момсу скажи, что я имѣю своихъ кровавыхъ собакъ, лучшихъ вѣрностію его, собаки, и совѣстію и всякою удалостію". Въ письмѣ къ шурину онъ сообщаетъ, что дѣло съ заручною челобитною двигается медленно, подписей „въ скорости не могъ собрать, ибо не въ одномъ мѣстѣ люди состоятъ, а паче тотъ старый обманщикъ Броневскій провелъ", но, впрочемъ, надѣется на благопріятный для себя исходъ дѣла, „а хотя оный Момсъ брешетъ и солнцу ясному, солнце будетъ солнцемъ, а Момсъ момсомъ по старому".

Приглашенный объяснить непонятныя для Сената метафоры писемъ, Лярскій показалъ, что въ письмѣ къ сыну своему онъ писалъ о противной партіи, что „нѣкоторая собравшаяся часть смоленской шляхты противниковъ и ослушниковъ ему, Лярскому, яко своему командиру находятся... И отъ оной партіи онъ вездѣ оглашаемъ былъ, якобы онъ отъ команды низвергнутъ". Подъ „гоненіемъ" себѣ отъ нихъ подразумѣвалъ, что они похвалялись, что-де, конечно, его, Лярскаго, низвергнутъ и послѣ-де того ему и дѣтямъ его поругаются. „Потемкинъ, котораго онъ канальею написалъ—нынѣ при той шляхтѣ состоитъ полковникомъ — Ѳедоровъ... не токмо самъ... посланнымъ отъ него, Лярскаго, ордерамъ учинился ослушнымъ и на форпостъ, куда онъ былъ опредѣленъ въ службу государеву не поѣхалъ, но еще и шляхтича Ивана Ловенецкаго, посланнаго на форпостъ, съ дороги возвратилъ... того ради онъ канальею его и написалъ". О томъ что „того жъ хору дьявольскія дѣти адскую свою дорогу изъясняютъ

Библиотека "Руниверс"

въ слухъ людямъ", писалъ онъ въ такую силу, что „братъ означеннаго Ловенецкаго, Левъ Ловенецкій, видя его, Лярскаго, отъ него, Потемкина, уничтоживаніе, тако жъ съ форпоста отбывши и не явясь къ своимъ командирамъ и совокупясь съ прочими... злословили его, Лярскаго, непристойными словами и вездѣ сказывали и твердили, что уже, конечно, ему генераломъ-майоромъ и командиромъ надъ шляхтою смоленскою не быть, а быть низшимъ чиномъ, и того ради оныхъ такимъ званіемъ и писалъ не стерпя злобости ихъ, и то не къ публичному произвожденію, но къ сыну своему. Корсака хромымъ дьяволомъ писалъ Ивана Богданова сына, не стерпя отъ него язвительнаго ему, Лярскому, поношенія безвинно, что онъ, Корсакъ, лукавно стакавшись съ тою жъ совокупленною противъ его, Лярскаго, частію шляхетства, будучи отставнымъ, неприлично вступилъ въ полковыя дѣла и подписался въ челобитьѣ, испровергая его, Лярскаго, изъ показаннаго чина. А Момсомъ написалъ шляхтича Андрея Котовича, котораго отецъ его, Котовичевъ, отдалъ ему на нѣсколько лѣтъ для обученія грамотѣ и прочей военной экзерциціи, и въ домѣ его, Лярскаго, прочіе служители прозвали его, Котовича, для скуднаго возрасту и короткаго носа тѣмъ званіемъ. А неублютками писалъ Оловенецкаго съ Соколовскимъ для подлости родовъ ихъ и что они такія неистовственныя ему, Лярскому, обиды дѣлали" [1]).

Часть шляхты, расположенная къ Лярскому, подала, съ своей стороны, коллективную челобитную за подписью 128 человѣкъ, въ которой просила не вѣрить „неистовственному челобитью" на Лярскаго противной партіи и оставить за нимъ команду. Сенатъ приговорилъ: генералу Лярскому надъ полкомъ смоленской шляхты команду имѣть по прежнему. Найдя, что въ письмахъ его „никакой важности и интересу ничего касающагося, кромѣ одной партикулярной между ими брани не явилось", Сенатъ предоставилъ обиженнымъ вѣдаться съ нимъ, Лярскимъ, судомъ, гдѣ надлежитъ. При такихъ нравахъ и отношеніяхъ о какой либо военной дисциплинѣ не могло быть, конечно, и рѣчи. Поэтому, неудивительно читать такія жалобы командира: „офицеры и шляхетство многіе чинятся ослушны и съ форпостовъ самовольно съѣзжаютъ въ домы и въ Москву и въ другія разныя мѣста безъ отпуску и паспортовъ". Приводить ихъ на форпосты онъ послалъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, „но оные посланные репортами объявляютъ, что шляхетство никоими мѣры иныхъ выслать не-

[1]) Д. Сен. 1341.

Библиотека "Руниверс"

возможно, понеже-де, оставя свои домы, бѣгаютъ, невѣдомо куда, и хоронятся незнамо гдѣ; а прочіе чинятся посыльнымъ противны, бранятъ и безчестятъ и грозятъ ихъ бить“ [1]).

Невозможность поддерживать дисциплину приводила полкъ въ полное разстройство. Въ 50-хъ годахъ смоленскій губернаторъ князь Оболенскій, которому поручено было произвести „смотръ и разборъ“ смоленскому шляхетству, нашелъ его въ совершенномъ упадкѣ и доносилъ сенату, что „имъ усмотрѣны и примѣчены великіе непорядки и повелѣніямъ неисполненіе“. Полкъ не имѣетъ никакого „регула“. Къ смотру шляхтичи являлись неаккуратно, а многіе и совсѣмъ не явились „и гдѣ они обрѣтаются и живы-ль, иль померли, не токмо о томъ главный ихъ командиръ неизвѣстенъ, но и ротные офицеры про нихъ не знаютъ“. Составъ ротъ крайне неравномѣренъ, при томъ шляхтичи переписываются изъ роты въ роту „сами собою, по прихотямъ своимъ, неспросясь ротныхъ командировъ. Иной шляхтичъ безпрестанно переходитъ изъ роты въ роту и, благодаря этому, „ни по какому наряду никакой службы не служитъ“. Отъ всего этого происходятъ „великіе непорядки и конфузіи“, а ротные командиры ему объявили, что „въ штрафованіи рядоваго шляхетства якобы никакой власти не имѣютъ“ [2]). Изъ доношеній назначеннаго по смерти Лярскаго новаго командира смоленской шляхты генерала Лыкошина видно, въ какомъ хаотическомъ состояніи онъ засталъ полкъ въ 1762 году. Прежде всего нельзя было получить никакихъ свѣдѣній о численномъ составѣ смоленской шляхты: „въ канцеляріи генеральнаго правленія“ дѣлъ хранилось очень немного; всѣ старыя дѣла были разобраны по домамъ наслѣдниками бывшихъ командировъ, которые, считая ихъ не болѣе какъ фамильными документами, отказались ихъ выдать. Въ спискахъ числились многіе, давно уже умершіе; въ нихъ включено было также много такого люда, который не могъ представить рѣшительно никакихъ доказательствъ о принадлежности своей къ смоленскому дворянству. Многіе, считающіеся по списку служащими, „находятся самовольно въ отлучкахъ и не только въ ближнихъ мѣстахъ, но ѣздятъ и въ отдаленныя губерніи и тамъ чрезъ продолжительныя времена проживаютъ. Молодые и богатые люди, видные и здоровые и только что едва еще приспѣвшіе въ службу, объявляютъ о себѣ, что они уже въ отставкѣ полковниками,

[1]) Д. Сен. 1341, л. 153.
[2]) Дѣла Сен. 1342.

Библиотека "Руниверс"

ротмистрами и прочими чинами. Много даже малолѣтнихъ по аттестатамъ родственниковъ имѣютъ чины офицерскіе и даже уже вышли въ отставку. Другіе, наоборотъ, являются самые престарѣлые, увѣчные и службу нести немогущіе и при томъ самые бѣднѣйшіе и неимущіе пропитанія—и тѣхъ требуютъ на форпосты, такъ какъ они еще не въ отставкѣ". Дѣло въ томъ, что отставка давалась Сенатомъ и, чтобы получить ее, надо было самому являться въ ту изъ столицъ, гдѣ находился Сенатъ, а такія поѣздки не всѣмъ были по средствамъ. Лыкошинъ нашелъ далѣе много недорослей, которые „упрямствуютъ вступать на службу, потому что не хотятъ имѣть надъ собою никакой команды"; другіе не подаютъ прошеній по бѣдности. „И вообще, заканчиваетъ Лыкошинъ свое доношеніе—ни въ чемъ никакого порядка и уравненія не имѣется [1]).

Итакъ, бѣдность не позволяла уже многимъ изъ смоленскаго дворянства служить въ своемъ полку. Служба эта, дѣйствительно, обходилась очень дорого: не получая жалованья и принужденный содержать себя и лошадь, шляхтичъ въ то же время отрывался отъ деревенскаго хозяйства, единственнаго источника своихъ рессурсовъ, въ самое важное время—лѣтомъ. Смоленское дворянство, перейдя въ Россію, вообще замѣтно бѣднѣло. Причину этого обѣдненія оно очень ясно указало въ своемъ наказѣ въ екатерининскую коммисію 1767 г.: это былъ побѣгъ крестьянъ цѣлыми деревнями за польскую границу, гдѣ условія землевладѣнія были легче и гдѣ тягости крестьянина были меньше; вслѣдствіе этого побѣга имѣнія смоленской шляхты лишались рабочихъ рукъ и пустѣли. По разбору, произведенному въ 1756 году, общее число шляхты, находившейся въ строю полка, было 1394 лица. Изъ нихъ только 349, то-есть 25%, имѣли 20 душъ крестьянъ и выше; за остальными было менѣе этого числа или совсѣмъ ничего не было. Среди этихъ неимущихъ намѣчалось нѣсколько послѣдовательно ниспускающихся ступеней, по которымъ нисходило бѣднѣющее шляхетство съ высоты своего прежняго положенія. „Хотя всѣ шляхтичи", доносилъ губернаторъ князь Оболенскій, „желаютъ служить въ своемъ полку, но за убожествомъ ихъ не только въ платьѣ, въ ружьѣ и въ лошадяхъ какъ надлежитъ шляхтичу исправно себя содержать, но иные изъ нихъ и пропитанія не имѣютъ. Да и при смотрѣ и разборѣ *многіе были пѣшіе и въ лаптяхъ и въ крестьянскихъ сѣрыхъ кафтанахъ*" Такимъ образомъ многіе шляхтичи до-

[1]) Дѣл. Сен. 3290.

Библиотека "Руниверс"

шли до положенія не выше крестьянскаго. Но это было еще хорошо; встрѣчались и такіе, что не могли являться на службу, такъ какъ по бѣдности теряли самостоятельность и должны были поступать въ услуженіе во дворы къ богатымъ. „Нѣкоторые же есть", сообщалъ генералъ Лярскій въ 1754 году „что не точію положенныхъ за собою душъ, но и земель не имѣютъ и проживаютъ по дворахъ господскихъ для пропитанія". Далѣе, по свидѣтельству Лыкошина, попадались иные „самые природные смоленскіе шляхтичи такъ обѣднѣлые, что *работаютъ съ наймовъ* не только у своей братіи, *но и у разныхъ крестьянъ*, и тѣмъ только себя питаютъ, бродятъ въ раздраныхъ одеждахъ, аки нищіе, а между ними есть люди молодые, здоровые и гораздо видные". Этотъ разрядъ шляхетства спустился стало быть еще ниже и перешелъ уже въ положеніе безземельныхъ батраковъ, нанимавшихся, несмотря на свое знатное происхожденіе, работать у крестьянъ. Такимъ образомъ среди шляхты получался нѣкоторый, бросавшійся въ глаза и обращавшій на себя вниманіе, осадокъ пролетаріата, на почвѣ котораго возникло даже нищенство съ прошеніемъ милостыни. Генералъ Лярскій въ 1746 году доносилъ Сенату, что онъ никакъ не можетъ привести цифру шляхетства въ точную извѣстность, такъ какъ „у иныхъ имѣются въ описаніи за домки движимое и недвижимое имѣніе безъ остатка, а оные *шляхетство скитаются по разнымъ мѣстамъ межъ чужихъ дворъ, питаясь подаяніемъ милостыни*, и сыскать оныхъ въ скорости невозможно". Итакъ въ XVIII вѣкѣ извѣстная доля шляхетства уже совсѣмъ не могла попадать на службу, другая не могла, не имѣя средствъ къ существованію, продержаться на ней долго и разстраивала ряды полка бѣгствомъ. Дурныя экономическія условія, въ которыхъ очутилась шляхта, благодаря пограничному положенію ея области, еще болѣе разрушали ея служебную организацію и безъ того плохую.

V.

Упадокъ, въ который приходила шляхта, и дезорганизація ея службы не могли не обращать на себя вниманія и вызывали разнаго рода проекты мѣръ, направленныхъ къ противодѣйствію этому разложенію. Проекты эти исходили какъ изъ среды самаго шляхетства, такъ и отъ мѣстнаго губернскаго начальства. Въ одномъ сходились тѣ и другіе: въ необходимости собрать точныя свѣдѣнія о шляхетствѣ, опредѣлить его число, возрастъ, силы, имущественное поло-

Библиотека "Руниверс"

женіе каждаго его члена и въ зависимости отъ этихъ условій его служебную годность; затѣмъ распредѣлить служебныя обязанности сообразно съ обнаруженными данными, забравъ на службу укрывающихся годныхъ и исключивъ изъ нея устарѣвшихъ и одряхлѣвшихъ, однимъ словомъ произвести шляхетству „смотръ и разборъ", такъ продолжали говорить еще въ XVIII вѣкѣ. Въ 1754 году генералъ Лярскій доносилъ, что на имѣющемся въ канцеляріи спискѣ шляхты „утвердиться сумнительно" и жаловался, что уже втеченіе 23 лѣтъ не производилось ей ни одного разбора, между тѣмъ какъ прежде они бывали черезъ короткіе промежутки времени, именно въ 1710, 1715, 1722, 1726, 1731 годахъ. Съ разрѣшенія Сената разборъ и былъ предпринятъ лѣтомъ 1755 года смоленскимъ губернаторомъ вмѣстѣ съ генеральнымъ поручикомъ, заступавшимъ мѣсто командира и комиссіей изъ старшихъ чиновъ полка, являвшихся въ роли старинныхъ дворянскихъ „окладчиковъ". Разборъ начался въ іюлѣ; роты являлись къ смотру въ послѣдовательномъ порядкѣ. Каждый шляхтичъ обязанъ былъ представить о себѣ „сказку"—родъ послужнаго списка или curriculum vitae, и затѣмъ доказательства своихъ правъ на принадлежность къ смоленскому дворянству. Годные къ службѣ отмѣчались въ спискѣ. Объявившіе себя больными были свидѣтельствованы лѣкарями смоленскаго гарнизона; негодные къ службѣ представлялись къ отставкѣ; недоросли отдавались родителямъ до 15-ти лѣтъ для обученія; изъ этихъ недорослей оказалось двое, пожелавшихъ ѣхать „для обученія наукъ въ Москву во учрежденный университетъ", куда они и были отпущены. То были первые студенты Московскаго университета изъ Смоленской губерніи—студенты перваго года самого университета [1]). Въ январѣ 1756 года разборъ былъ оконченъ. Онъ то и вскрылъ тѣ „великіе непорядки", съ которыми мы уже познакомились выше по доношенію князя Оболенскаго [2]).

Но разборъ — былъ только первою предварительною мѣрой къ приведенію шляхетства въ порядокъ. Въ проектахъ дальнѣйшихъ мѣръ шляхетское начальство расходилось съ губернскимъ. Шляхетскія депутаціи, являвшіяся въ Петербургъ съ челобитьями, добивались главнымъ образомъ подтвержденія своихъ служебныхъ и возвращенія прежнихъ экономическихъ вольностей, а также независимости

[1]) Василій и Григорій Коховскіе 16 и 15 лѣтъ.
[2]) Дѣла Сен. 1342.

Библиотека "Руниверс"

отъ смоленскаго губернскаго начальства. Такъ, депутація 1762 года просила дать жалованнымъ грамотамъ „полную силу", мотивируя это ходатайство тѣмъ, что эти грамоты „съ лифляндскими, эстляндскими и малороссійскими весьма равносильны". Отсюда видно, какія сепаратистскія стремленія существовали среди смоленскихъ дворянъ еще въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка [1]).

Совершенно противоположный проектъ выработалъ князь Оболенскій послѣ того какъ познакомился съ положеніемъ шляхты, производя ей разборъ. Онъ, наоборотъ, настаивалъ на подчиненіи шляхты по военнымъ дѣламъ личной власти губернатора, а по гражданскимъ — губернской канцеляріи. Не проектируя никакихъ мѣръ для подъема экономическаго благосостоянія шляхетства, онъ предлагалъ радикальное изгнаніе изъ его полка всѣхъ „убогихъ", предоставляя имъ право поступать въ армейскіе полки, гдѣ бы они получали жалованье, и предназначая, такимъ образомъ, полкъ смоленской шляхты исключительно для состоятельнаго слоя дворянства. Наконецъ, вопреки всякимъ стариннымъ правиламъ и „обрядамъ", онъ предлагалъ придать полку регулярный характеръ, „регула имъ дать знать", съ правильнымъ раздѣленіемъ его на части и однообразною форменною одеждой—польскою.

Ни одинъ изъ этихъ проектовъ не былъ осуществленъ. Тѣмъ не менѣе положеніе смоленскаго шляхетства съ 50-хъ годовъ обращаетъ на себя большее вниманіе и въ высшихъ сферахъ, и съ тѣхъ поръ становится вопросомъ. Сенатъ, махнувъ, очевидно, рукой на иностранную коллегію, отъ которой онъ такъ и не могъ добиться доклада о прежнемъ устройствѣ и правахъ смоленскаго шляхетства, въ 1755 году предписалъ учредить для разработки вопроса о томъ, „на какомъ основаніи смоленскому шляхетству быть"—особую коммисію въ Смоленскѣ подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ двухъ „персонъ штатскихъ ранговъ" по назначенію Сената и изъ трехъ депутатовъ, избранныхъ шляхетствомъ. Комиссіи поручалось, изучивъ вопросъ съ исторической и современной точекъ зрѣнія, представить мнѣніе Сенату. О ея дѣятельности намъ ничего не извѣстно. Можно думать, что эта дѣятельность, если только она состоялась, имѣла консервативный характеръ. Во-первыхъ, такое направленіе должны были придать ей три выборныхъ депутата. А затѣмъ и самъ иниціаторъ дѣла, по предложенію котораго и была учреждена коммисія,

[1]) Дѣла Сен. 1342, 3290.

Библиотека "Руниверс"

графъ П. И. Шуваловъ, не высказывался за уничтоженіе особенностей, сохраняемыхъ смоленскихъ шляхетствомъ. „Смоленское шляхетство", писалъ онъ Сенату въ своемъ предложеніи, „хотя издревле нерегулярное, но довольная надежда есть, что многіе изъ оныхъ по благородному своему состоянію и добрымъ кондуитамъ въ случаѣ надобности вѣрные патріоты государству услуги свои приносить могутъ". Какъ бы то ни было, впрочемъ, никакихъ результатовъ отъ этой комиссіи не послѣдовало.

Однако вопросъ не сходилъ съ очереди. По восшествіи на престолъ Екатерины онъ былъ переданъ въ учрежденную тогда общую воинскую комиссію подъ предсѣдательствомъ графа Кирилла Разумовскаго, въ которую вошли наиболѣе видные генералы того времени: фельдцейхмейстеръ Вильбоа, графъ Захаръ Чернышевъ, Петръ Панинъ и другіе. Эта комиссія взглянула на дѣло иначе. 20-го ноября 1764 года она представила императрицѣ докладъ по вопросу о смоленскомъ шляхетствѣ, выработанный ею при участіи смоленскаго генералъ-губернатора графа Фермора. Послѣ краткаго историческаго очерка преимуществъ шляхетства воинская комиссія мрачными красками рисовала современное положеніе дѣла. „Вся производимая отъ нихъ служба", писала комиссія, „состоитъ единственно больше въ нарядахъ и въ счисленіи при тѣхъ мѣстахъ, куда ихъ отряжаютъ, нежели чтобъ на настоящее и исправное содержаніе возлагаемой на нихъ службы съ надеждою полагаться когда либо было возможно; къ тому жъ хотя состоящіе въ томъ корпусѣ чины и именуются тѣми же званіями, какъ и въ регулярныхъ полкахъ, токмо никакого сравненія съ оными не имѣютъ. Наконецъ, практика доказала, что сей образъ службы подалъ случай богатымъ изъ нихъ дойдтить больше происками, нежели службами, до знатныхъ чиновъ, а убогимъ претерпѣвать самую величайшую бѣдность отъ недостатка въ потребномъ себя содержаніи и отъ труда, иногда превосходимаго силу и возможность человѣческую, отъ того что по неустановленію въ ихъ службѣ настоящихъ учрежденій, богатые отъ трудовъ убѣгаютъ, а бѣдные всѣ оные сносить принуждены". Въ виду всего этого комиссія предлагала: „производимую до нынѣ смоленскимъ шляхетствомъ службу безъ жалованья, яко совсѣмъ не полезную ни для государства, ни для нихъ собственно и не согласную съ указомъ о вольности дворянства *оставить и совсѣмъ разрушить*, оставляя имъ вольность служить и не служить по ихъ собственному благоизобрѣтенію на основаніи общихъ государственныхъ узаконеній о дворянствѣ". Такимъ образомъ про-

Библиотека "Руниверс"

ектъ комиссіи совсѣмъ уничтожалъ особый полкъ смоленской шляхты со всѣми его служебными особенностями, предоставивъ смоленскому дворянству служить въ арміи или гвардіи на общихъ правахъ со всѣмъ остальнымъ русскимъ дворянствомъ. За офицерами шляхты сохранялись офицерскіе чины съ пониженіемъ на нѣсколько степеней. Три небольшія слова на докладѣ комиссіи — „быть по сему“ покончили навсегда съ старинными вольностями смоленскаго дворянства [1]). Переставъ существовать какъ отдѣльная военная корпорація, оно скоро растворилось въ общей массѣ русскаго дворянства и потеряло свои польскія черты. Въ комиссіи 1767 года оно еще разъ вспомнило было о своихъ жалованныхъ грамотахъ; но это было уже послѣднее, и безрезультатное, воспоминаніе о минувшемъ.

М. Богословскій.

---

[1]) Дѣл. Сен. кн. 3290. См. также П. С. З. книга штатовъ № 12.304. 1765 г. 11-го января г. Латкинъ въ своей книгѣ „Законодательныя комиссіи въ XVIII вѣкѣ“ стр. 263, неправильно утверждаетъ, что: „сенатскимъ указомъ отъ 14-го марта 1761 года всѣ дѣла о смоленской шляхтѣ, находившіяся прежде въ вѣдѣніи особаго смоленскаго приказа, а потомъ сенатской конторы (?) предписано передать въ герольдмейстерскую канцелярію (?). Этимъ смоленская шляхта совершенно и окончательно сравнивалась съ русскимъ дворянствомъ и съ тѣхъ поръ не было уже ни одного указа, говорившаго объ одной смоленской шляхтѣ“. Послѣднимъ указомъ, говорившимъ о шляхтѣ и уничтожавшимъ ея особенности и былъ докладъ воинской комиссіи, Высочайше утвержденной 11-го января 1765 г. Передача дѣлъ въ герольдмейстерскую контору по указу 1761 года повидимому не состоялась: по крайней мѣрѣ они и теперь хранятся среди дѣлъ сената, а не этой конторы. Во всякомъ случаѣ эта передача еще не сравнивала бы сама по себѣ смоленское шляхетство съ остальнымъ русскимъ дворянствомъ.

Библиотека "Руниверс"

ТРИ ГЛАВЫ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ [1]).

I.

Синкретизмъ древнѣйшей поэзіи и начала дифференціаціи поэтическихъ родовъ [2]).

Попытка построить генетическое опредѣленіе поэзіи, съ точки зрѣнія ея содержанія и стиля, на эволюціи языка-мифа, будетъ по необходимости не полна, если не сосчитается съ однимъ изъ наиболѣе существенныхъ элементовъ опредѣляемаго: ритмическимъ. Его историческое объясненіе въ *синкретизмѣ* первобытной поэзіи: я разумѣю подъ нимъ сочетаніе ритмованныхъ, орхестическихъ движеній съ пѣсней-музыкой и элементами слова.

Въ древнѣйшемъ сочетаніи руководящая роль выпадала на долю ритма, послѣдовательно нормировавшаго мелодію и развивавшійся при ней поэтическій текстъ. Роль послѣдняго въ началѣ слѣдуетъ предположить самою скромною: то были восклицанія, выраженіе эмоцій, нѣсколько незначущихъ, несодержательныхъ словъ, носителей такта и мелодіи. Изъ этой ячейки содержательный текстъ развился въ медленномъ ходѣ исторіи; такъ и въ первобытномъ словѣ эмоціональный элементъ голоса и движенія (жеста) поддерживалъ содержательный, неадекватно выражавшій впечатлѣніе объекта; болѣе полное его выраженіе получится съ развитіемъ предложенія.

---

[1]) Читано въ засѣданіи Нео-Филологическаго Общества С.-Петербургскаго университета 19-го февраля и 11-го марта 1896 г.

[2]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1894 г. № 5, отд. 2, (Изъ введенія въ историческую поэтику); 1895, № 11, отд. 2, (Изъ исторіи эпитета), 1897, № 4, отд. 2, (Эпическія повторенія, какъ хронологическій моментъ); 1898, № 3, отд. 2, (Психологическій параллелизмъ и его формы въ отраженіяхъ поэтическаго стиля).

Библиотека "Руниверс"

Таковъ характеръ древнѣйшей *пѣсни-игры*, отвѣчавшей потребности дать выходъ, облегченіе, выраженіе накопившейся физической и психической энергіи путемъ ритмически упорядоченныхъ звуковъ и движеній. Хоровая пѣсня за утомительною работой нормируетъ своимъ темпомъ очередное напряженіе мускуловъ; съ виду безцѣльная игра отвѣчаетъ безсознательному позыву упражнить и упорядочить мускульную или мозговую силу. Это — потребность такого же *психофизическаго катарзиса*, какой былъ формулированъ Аристотелемъ для драмы; она сказывается и въ виртуозномъ дарѣ слезъ у женщинъ племени Maoris, и въ повальной слезливости XVIII вѣка. Явленіе то же; разница въ выраженіи и пониманіи: вѣдь и въ поэзіи принципъ ритма ощущается нами, какъ художественный, и мы забываемъ его простѣйшія психофизическія начала.

Къ признакамъ синкретической поэзіи принадлежитъ и преобладающій способъ ея исполненія: она пѣлась и еще поется и играется многими, *хоромъ;* слѣды этого хоризма остались въ стилѣ и пріемахъ позднѣйшей, народной и художественной пѣсни.

Если бы у насъ не было свидѣтельствъ о древности хороваго начала, мы должны были бы предположить его теоретически: какъ языкъ, такъ и первобытная поэзія сложилась въ безсознательномъ сотрудничествѣ массы. при содѣйствіи многихъ. Вызванная, въ составѣ древняго синкретизма, требованіями психо-физическаго катарзиса. она дала формы обряду и культу, отвѣтивъ требованіямъ катарзиса религіознаго. Переходъ къ художественнымъ его цѣлямъ, къ обособленію поэзіи, какъ искусства, совершался постепенно.

Матеріалы для характеристики синкретической поэзіи разнообразные, требующіе возможно широкаго сравненія и опасливой критики.

Прежде всего: 1) поэзія народовъ, стоящихъ на низшей степени культуры, которую мы слишкомъ безусловно приравниваемъ къ уровню культуры первобытной, тогда какъ въ иныхъ случаяхъ дѣло идетъ не о переживаніи старыхъ порядковъ, а о возможныхъ бытовыхъ новообразованіяхъ на почвѣ одичанія. Въ такихъ случаяхъ сравненіе съ 2) аналогическими явленіями среди современныхъ, такъ называемыхъ культурныхъ народностей, болѣе доступныхъ наблюденію и оцѣнкѣ, можетъ указать на совпаденія и отличія, получающія значеніе въ глазахъ изслѣдователя.

Въ случаѣ совпаденія, при отсутствіи возможности вліянія одной сферы на другую, факты, намѣченные среди культурной народности. могутъ быть признаны за дѣйствительныя переживанія болѣе древ-

Библиотека "Руниверс"

нихъ бытовыхъ отношеній и въ свою очередь бросить свѣтъ на значеніе соотвѣтствующихъ формъ въ народности, остановившейся на болѣе раннихъ ступеняхъ развитія. Чѣмъ болѣе такихъ сравненій и совпаденій и чѣмъ шире занимаемый ими районъ, тѣмъ прочнѣе выводы, особенно если къ нимъ подберутся аналогіи изъ нашихъ памятей о древнихъ культурныхъ народностяхъ. Такъ греческая подражательная игра Γέρανος (журавль) находитъ себѣ соотвѣтствіе въ такихъ же играхъ-пляскахъ сѣверо-американскихъ индійцевъ, которыя съ своей стороны позволяютъ устранить, какъ позднее историческое измышленіе, легенду, будто Γέρανος введенъ былъ на Делосѣ Тезеемъ въ воспоминаніе и подражаніе своихъ блужданій по Лабиринту. Такъ развитіе амебейнаго пѣнія въ народной поэзіи, не испытавшей литературныхъ вліяній, ставитъ границы гипотезѣ Гейценштейна о культовомъ происхожденіи сицилійской буколики.

Слѣдующія сообщенія группируются, быть можетъ, нѣсколько внѣшнимъ образомъ, по отдѣламъ некультурныхъ и культурныхъ народностей. Записи, касающіяся первыхъ, далеко не равномѣрны: старыя, появившіяся до обособленія фольклора, какъ науки, не имѣли въ виду его запросовъ и могли обходить, какъ неважныя, такія стороны явленій, которыя стали съ тѣхъ поръ въ центрѣ его интересовъ; новыя записи лишь случайно и стороной захватывали ту область народнопоэтическихъ данныхъ, которая подлежитъ нашему наблюденію, и не всегда отвѣчаютъ его спеціальнымъ, иногда мелочнымъ требованіямъ. Такъ, напримѣръ, мы часто въ невѣдѣніи, въ какихъ отношеніяхъ находится текстъ запѣвалы къ припѣву хора, въ чемъ состоитъ припѣвъ, приводится ли онъ изъ хоровой или единоличной пѣсни и т. п.

Иначе обстоитъ дѣло съ параллельными явленіями въ сферѣ культурныхъ народностей: здѣсь, при обиліи матеріаловъ, возможность народныхъ общеній и вліяній можетъ затруднить вопросъ о томъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ свое или чужое, считается или нѣтъ единицей въ суммѣ данныхъ, которыя предстоитъ обобщить. Впрочемъ, въ области обряда и обрядовой поэзіи, обусловленной формами быта, перенесеніе ограничивается, по большей части, эпизодическими подробностями, относительно которыхъ только и можетъ возникнуть сомнѣніе о заимствованіи. Я имѣю ввиду хотя бы пѣсни, играющія роль въ связи обряда: онѣ могутъ быть искони крѣпки ему, могли быть внесены въ него и позднѣе, на мѣсто древнихъ, если отвѣчали содержанію обрядоваго момента. Примѣромъ первыхъ можетъ служить

Библиотека "Руниверс"

финская руна о Сампо, которую поютъ при посѣвѣ; примѣромъ вторыхъ—балладныя пѣсни, которыя исполняются и отдѣльно и при свадебномъ обиходѣ, очевидно, въ связи съ сохранившимися въ немъ слѣдами древняго „умыканія“. Другимъ примѣромъ являются новыя пѣсни, которыя не только поются, но и играются въ стилѣ старыхъ, народносинкретическихъ. Удержалось не содержаніе пѣсни, а хорическое начало исполненія; съ первымъ мы не считаемся, второе подлежитъ нашему обобщенію, какъ переживаніе.

Эти немногія методическія замѣчанія приготовятъ насъ къ слѣдующему обзору, по необходимости, неполному.

I.

Поэзія некультурныхъ народовъ проявляется главнымъ образомъ въ формахъ хорическаго, игроваго синкретизма. Начну съ общей характеристики.

Замѣчательно тонко развитое чувство ритма, даже при отсутствіи мелодіи, ритма, выражающагося постукиваніемъ, хлопаніемъ, подражаніемъ конской рыси (у сингалезцевъ есть ритмъ, носящій именно это названіе) и голосамъ животныхъ.

У кафровъ присутствующіе по очереди импровизуютъ какую-нибудь фразу, на которую отвѣчаетъ хоръ; такъ и у дамаровъ (Африка); здѣсь подхватываніе хора обозначается, какъ refrain. Негры импровизуютъ, ихъ пѣсни родъ речитатива съ хоромъ: запѣвало споетъ стихъ, хоръ подхватываетъ припѣвомъ. Неясно отношеніе хора и запѣвалы на Мадагаскарѣ: содержаніе пѣсни дано обыкновенно въ ея первой строкѣ, по которой пѣсня и зовется; начинаетъ ее хоръ, запѣвало отвѣчаетъ, чтобы снова дать мѣсто хору. На одномъ изъ острововъ Фиджи (Лакемба) игра лицедѣя (клоуна) сопровождается пѣніемъ и музыкой, которыя чередуются другъ съ другомъ; нѣкоторые изъ участниковъ бьютъ въ ладоши, другіе дуютъ въ длинныя бамбуковыя трости, издающія звукъ, похожій на звукъ слабо натянутаго барабана; въ заключеніи каждой пѣсни раздается нѣчто въ родѣ военнаго клика, обычнаго въ Полинезіи. На островахъ Дружбы существуютъ два рода пѣсенъ: однѣ, Hiwa, нѣчто въ родѣ речитатива, другія, Langi, построены строго метрически и снабжены риѳмованнымъ текстомъ. Hiwa предшествуетъ Langi и затѣмъ продолжаетъ чередоваться съ нимъ, при чемъ переходъ отъ перваго ко второму выдѣляется особымъ, рѣзкимъ возгласомъ. Какъ распредѣляется то

Библиотека "Руниверс"

и другое между запѣвалой и хоромъ, мы не знаемъ. Музыканты снабжены бамбуковыми тростями, разнаго тона, звукъ которыхъ напоминаетъ тамбуринъ, когда, стуча ими въ землю, играющіе отбиваютъ тактъ. Пѣвецъ-теноръ аккомпанируетъ себѣ, ударяя небольшими палочками о бамбуковую трость, тогда какъ трое другихъ участниковъ, усѣвшись противъ него, жестами выражаютъ то, о чемъ поется. Въ Полинезіи (Tutuila) дѣвушки пляшутъ, одни изъ присутствующихъ подпѣваютъ веселую пѣсню, другіе издаютъ какіе-то горловые звуки, похожіе на хрюканіе. У минкопіевъ дирижеръ, онъ же сочинитель пляски и пѣсни, отбиваетъ тактъ, ударяя ногою о доску, нормируя пѣвцовъ и пляшущихъ; пока онъ поетъ речитативъ, царитъ общее молчаніе, затѣмъ, по данному имъ знаку, плясуны вторгаются въ кругъ подъ звуки припѣва, который исполняютъ женщины. По свидѣтельству Торквемады древніе мексиканцы пѣли хоромъ: начинали двое запѣвалъ; въ началѣ пѣли тихо и протяжно, въ минорномъ ладѣ, при чемъ первая пѣсня имѣла отношеніе къ содержанію празднества; затѣмъ вступалъ хоръ и начиналась пляска. Въ плясовой игрѣ, которою гренландцы встрѣчаютъ ежегодное появленіе солнца, каждый изъ выступающихъ пѣвцовъ поетъ по четыре пѣсни; первыя двѣ цѣликомъ построены на темѣ Amna-ayah, двѣ слѣдующихъ—речитативы, коротенькіе стихи которыхъ чередуются съ припѣвомъ хора: Amna-ayah.

Это даетъ мнѣ поводъ обратиться къ вопросу объ эволюціи текста, сопровождающаго синкретическія игры. Въ началѣ онъ импровизуется; мы видѣли это у кафровъ и дамаровъ; то же у жителей Тасманіи, ирокезовъ и др. Иногда весь текстъ состоитъ изъ повторяющагося подъ мелодію восклицанія: Heia, heia, какъ у индійцевъ въ британской Гвіанѣ; либо это небольшая фраза, всего нѣсколько словъ, подсказанныхъ какимъ-нибудь случайнымъ событіемъ или впечатлѣніемъ и неограниченно повторяющихся.

Такія пѣсни не знаютъ преданія. У негровъ (Abongo) не существуетъ традиціонныхъ пѣсенъ, которыя бы передавались изъ рода въ родъ; цѣлая пѣсня снуется напримѣръ на такой фразѣ: Бѣлый человѣкъ—добрый человѣкъ, онъ даетъ Абонго соли! Національная пѣсня камчадаловъ состоитъ въ безконечномъ повтореніи одного и того же слова: Bahia; либо запѣваютъ такъ: Дарья все еще пляшетъ и поетъ! Это повторяется до восьми разъ. То же явленіе у австралійцевъ, кафровъ; арабскія женщины перепѣваютъ пять-шесть разъ первые два стиха пѣсни, которые подхватываются присутствующими,

Библиотека "Руниверс"

но третій стихъ, въ которомъ упоминается имя какого-нибудь славнаго витязя, повторяется до 50-ти разъ.

Нѣсколько примѣровъ импровизаціи по поводу. На островѣ Мехіапа у устьевъ Амазонки пѣвецъ начинаетъ: Батюшка (padre) заболѣлъ и не могъ прійдти! Хоръ подхватываетъ эти слова; другой пѣвецъ продолжаетъ: Мы рѣшили на слѣдующій день пойдти узнать о его здоровьи! И эти слова также подхватываются хоромъ. На Нукагивѣ Лангдорфъ присутствовалъ при такой сценѣ: однажды вечеромъ кто-то увидѣлъ огни на одномъ изъ враждебныхъ острововъ; гдѣ они? На Танатѣ, отвѣчали другіе. Это вызвало въ присутствовавшихъ идеи мести и войны, жалости и грусти—и мысли о томъ, когда-то удастся имъ полакомиться человѣческимъ мясомъ. Когда Мунго-Паркъ зашелъ однажды къ одной негритянкѣ, женщины, сидѣвшія за пряжей, тотчасъ же сложили про него пѣсню и напѣвъ: „Дули вѣтры и шелъ дождь, блѣдный бѣлый человѣкъ, слабый и усталый, явился и сѣлъ подъ нашимъ деревомъ. Нѣтъ у него матери, чтобъ подать ему молока, нѣтъ жены, которая намолола бы ему муки“. На это другія отвѣчали: „Приголубимъ бѣлаго человѣка: нѣтъ у него матери, чтобы подать ему молока, нѣтъ жены, которая смолола бы ему муки“. Когда Дарвинъ прибылъ на Таити, дѣвушка сложила про него четыре строфы, исполненіе которыхъ сопровождалось хоромъ.

Интересный образчикъ ex tempore представляетъ лопарская (не хоровая) пѣсня. Лопарь воспѣваетъ всегда то, что видитъ и слышитъ въ данную минуту: пріѣздъ путешественника, чиновника и т. д. Г. Максимовъ такъ описываетъ ихъ пѣніе: „Лопарь сѣлъ за столъ, облокотился и завылъ.... монотонную пѣсню. Онъ не владѣлъ голосомъ, но варьировалъ звукомъ. „Поѣхалъ я за сватовствомъ въ Іоканга... ...А передовой сватъ поѣхалъ въ Лумбовскій (погостъ). А женихъ пріѣхалъ въ Лумбовскій, поставилъ самоваръ и поѣхалъ въ стадо. Пріѣхали чиновники. Вздумалось имъ въ Іокангскій погостъ вмѣстѣ ѣхать. Становой говоритъ: Я схожу на сходъ на два часа. А другой чиновникъ повалился въ балку спать и говоритъ: Ты меня разбуди, когда П. А. пріѣдетъ. Сотскій явился, а чиновникъ, который въ балкѣ спалъ, и говоритъ: Откройте мнѣ (парусину). Вышелъ чиновникъ изъ балки и пошелъ въ отводную квартиру. И сказалъ сотскому: Поди къ П. А. и спроси: долго-ли онъ тамъ? Надо ѣхать впередъ. Сотскій пришелъ и сказалъ: Можете ѣхать въ Куропти, а черезъ часъ я пріѣду. „Физіономія пѣвца сіяла вдохновеніемъ, у слушателей были озабоченныя лица“.

Библиотека "Руниверс"

Сообщенныя выше пѣсни представляютъ образчики уже развитого текста; вызванныя по поводу, онѣ могутъ исчезнуть вмѣстѣ съ нимъ, когда интересъ къ вызвавшему ихъ событію охладѣлъ, но могутъ и прожить нѣкоторое время въ создавшей ихъ средѣ. Когда импровизація ограничивалась двумя-тремя стихами, подсказанными случайнымъ впечатлѣніемъ, наполняющими мелодію безконечными повтореніями, ихъ смыслъ долженъ былъ утратиться тѣмъ быстрѣе. Оттуда явленіе, довольно распространенное на первыхъ стадіяхъ поэтическаго синкретизма: поютъ на слова, которыхъ не понимаютъ; либо это архаизмы, удержавшіеся въ памяти благодаря мелодіи, либо это слова чужаго, сосѣдняго языка, переселившіяся по слѣдамъ напѣва. Въ торжественной умилостивительной пляскѣ карокскихъ индійцевъ (Калифорнія), въ которой участвуютъ одни мужчины, начинаютъ два или три пѣвца, импровизуя воззваніе къ духамъ, а затѣмъ всѣ поютъ установленный хоралъ, текстъ котораго лишенъ всякаго значенія. Въ пѣсняхъ дикихъ, напримѣръ, патагонцевъ, папуасовъ, сѣверо-американскихъ индійцевъ, слова столь же безсмысленны; на островахъ Тонга поются пѣсни на языкѣ Hamoa, котораго туземцы не понимаютъ; то же явленіе наблюдается въ Австраліи и сѣверной Америкѣ: мелодія передается съ словами отъ одного смежнаго племени къ другому и переживаетъ пониманіе текста. Языкъ „змѣиной пѣсни“ индійцевъ Passamaquoddy непонятенъ самимъ пѣвцамъ, какъ слова военной пѣсни ирокезовъ: его словарь либо архаиченъ, либо принадлежитъ къ тайнымъ и условнымъ; австралійцы нерѣдко не понимаютъ текста пѣсенъ, сложенныхъ на ихъ же діалектѣ, адамнанскій пѣвецъ бываетъ принужденъ объяснять хору и слушателямъ значеніе имъ же сложенной пѣсни.

При такихъ отношеніяхъ текста къ мелодіи первый является въ роли стропилъ, лѣсовъ, поддерживающихъ зданіе: дѣло не въ значеніи словъ, а въ ритмическомъ распорядкѣ; часто поютъ и безъ словъ, и ритмъ отбивается напримѣръ барабаномъ, слова коверкаются въ угоду ритма: въ устахъ негровъ тексты Св. Писанія и хорошо имъ знакомыхъ церковныхъ пѣснопѣній искажаются на всѣ лады, лишь бы подогнать ихъ подъ условія ритма. Это явленіе можно прослѣдить и далѣе: Миклошичъ объяснялъ его въ сербскихъ пѣсняхъ въ связи съ „усиленіемъ“, обычнымъ въ турецкомъ языкѣ, напримѣръ: U njega mi bijaše *bri* njegovu *britku* sablju; или въ заговорѣ: *ustu, ustupite*, anatemnici. Такъ, наоборотъ, въ пѣсенномъ исполненіи русскихъ духовныхъ стиховъ Ѳедосовой стихъ обрывался, въ уровень съ концомъ

Библиотека "Руниверс"

музыкальной фразы, на послѣднемъ ударяемомъ слогѣ; слѣдующій, неударяемый, умалчивался. Это невольно поднимаетъ вопросъ: въ какомъ хронологическомъ отношеніи находится текстъ и размѣръ стиха къ сопровождающему его напѣву? Что къ чему прилажено?

Слова вообще не крѣпки къ тексту: индійцы Navajos поютъ подъ рядъ нѣсколько пѣсенъ на тотъ же сюжетъ, но на разныя мелодіи и съ разными припѣвами; маорисы, поэзія которыхъ стоитъ уже на степени значительнаго содержательнаго развитія, подбираютъ слова къ знакомымъ напѣвамъ; когда объ этихъ пѣсняхъ говорится, что онѣ не только держатся въ памяти, но и унаслѣдуются, то понятенъ вопросъ: что подлежитъ традиціи, текстъ или мелодія? Еще въ среднія вѣка мелодія почиталась важнѣе связаннаго съ нею слова и могла распространяться отдѣльно.

Преобладаніе ритмическо-мелодическаго начала въ составѣ древняго синкретизма, удѣляя тексту лишь служебную роль, указываетъ на такую стадію развитія языка, когда онъ еще не владѣлъ всѣми своими средствами, и эмоціональный элементъ въ немъ былъ сильнѣе содержательнаго, требующаго для своего выраженія развитаго сколько нибудь синтаксиса, что предполагаетъ въ свою очередь бо́льшую сложность духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ. Когда эта эволюція совершится, восклицаніе и незначущая фраза, повторяющаяся безъ разбора и пониманія, какъ опора напѣва, обратятся въ нѣчто болѣе цѣльное, въ дѣйствительный текстъ, эмбріонъ поэтическаго; новыя синкретическія формы выростутъ изъ среды старыхъ, нѣкоторое время уживаясь съ ними, либо ихъ устраняя. Содержаніе станетъ разнообразнѣе въ соотвѣтствіи съ дифференціаціей бытовыхъ отношеній, а когда у народа явится и раздѣльная память прошлаго, создастся и поэтическое преданіе, чередуясь съ старой импровизаціей; пѣсня станетъ переходить изъ рода въ родъ, отъ одной народности къ другой, не только какъ мелодія, но какъ самъ по себѣ интересующій текстъ.

Развитіе началось, вѣроятно, на почвѣ хороваго начала. Въ составѣ хора запѣвало обыкновенно зачиналъ, велъ пѣсню, на которую хоръ отвѣчалъ, вторя его словамъ. При появленіи связнаго текста роль запѣвалы-корифея должна была усилиться, участіе хора сократиться; онъ не могъ болѣе повторять всей пѣсни, какъ прежде повторялъ фразу, а подхватывалъ какой-нибудь стихъ, подпѣвалъ, восклицалъ; на его долю выпало то, что мы называемъ теперь refrain'омъ, пѣсня въ рукахъ главнаго пѣвца. Это требовало нѣкотораго

Библиотека "Руниверс"

умѣнія, выработки, личнаго дара; импровизація уступала мѣсто практикѣ, которую мы уже можемъ назвать художественною; она начинаетъ создавать преданіе. Въ малайской хоровой поэзіи пѣсни ex tempore уже чередуются съ тщательно отдѣланными речитативами, которые произносятся главнымъ образомъ при народныхъ празднествахъ. Изъ запѣвалы вышелъ пѣвецъ: онъ владѣетъ словомъ, у него свои пѣсни и мелодіи; на Андаманахъ считается недозволеннымъ пользоваться мелодіей, сложенною другимъ лицомъ, тѣмъ болѣе усопшимъ. Съ этимъ новшествомъ пѣвецъ соединяетъ и репертуаръ древняго хора: индійскіе пѣвцы, занзибарскіе носильщики, о которыхъ говоритъ Томсонъ, дѣйствуютъ, единолично, самостоятельно, сказываютъ и поютъ и пляшутъ, отбивая тактъ руками, и жестикулируютъ, дѣйствуютъ.

Моментъ „дѣйства“, вторящій содержанію хоровой игры, впослѣдствіи и словамъ текста, уже встрѣчался намъ на пути; далѣе мы обратимъ вниманіе на спеціальныя проявленія этого мимическаго начала.

Движенія пляски не безразличны, а содержательны по отношенію къ цѣлому, выражаютъ орхестически его сюжетъ. Такія пляски отбываются часто безъ сопровождающаго ихъ текста; онѣ могли сохраниться изъ той далекой поры хоризма, когда ритмическое начало брало верхъ надъ остальными, и далѣе развиться до пантомимы.

Рядомъ съ однимъ хоромъ нерѣдко выступаютъ два, содѣйствующихъ другъ другу, перепѣвающихся. Таковы хоры негритянокъ, привѣтствовавшіе Мунго-Парка, похоронные хоры австраліекъ. Эта двойственность развила принципъ перепѣвовъ, вопросовъ и отвѣтовъ, популярный въ поэзіи некультурныхъ народовъ: на островахъ Самоа такъ перепѣваются за работой, на греблѣ, на прогулкѣ, нерѣдко издѣваясь надъ непріятными людьми и т. п.; порой какая-нибудь старуха станетъ позорить воина, извѣстнаго своей храбростью, онъ приходитъ въ негодованіе, отвѣчаетъ, хоръ поддерживаетъ его, восхваляя. Изъ этого хороваго чередованья вышло амебейное пѣніе отдѣльныхъ пѣвцовъ, до сихъ поръ держащееся въ европейскомъ народно-пѣсенномъ обиходѣ. Импровизація кафровъ принимаетъ форму вопросовъ и отвѣтовъ, чередующихся между мужчинами и женщинами; у маорисовъ дѣвушки и молодые люди перепѣваются строфами любовнаго содержанія, съ поддержкой и подъ пляску хора; маорійскій краснобай выходитъ ночью за порогъ своего дома и затягиваетъ громкимъ голосомъ какую-нибудь старую, знакомую пѣсню, имѣющую

Библиотека "Руниверс"

отношеніе къ сюжету рѣчи, которую онъ намѣренъ держать; кто-нибудь отвѣчаетъ на его рѣчь, и преніе продолжается далеко въ ночь. У гренландцевъ личное оскорбленіе можно смыть состязаніемъ въ пѣсняхъ, слушатели являются судьями; якутскіе пѣвцы устраиваютъ состязанія другаго рода и поютъ попеременно, добиваясь похвалы слушателей.

Поводы къ проявленію хорической поэзіи, связанной съ дѣйствомъ, даны были условіями быта, очередными и случайными: война и охота, моленія и пора половаго спроса, похороны и поминки и т. п.; главная форма проявленія въ обрядовомъ актѣ.

Подражательный элементъ дѣйства стоитъ въ тѣсной связи съ желаніями и надеждами первобытнаго человѣка и его вѣрой, что символическое воспроизведеніе желаемаго вліяетъ на его осуществленіе. Психическо-физическій катарзисъ игры пристраивается къ реальнымъ требованіямъ жизни. Живутъ охотой, готовятся къ войнѣ,—и пляшутъ охотничій, военный танецъ, мимически воспроизводя то, что совершится на яву, съ идеями удачи и увѣренности въ успѣхѣ: какъ въ пѣснѣ о Роландѣ пораженіе обратилось въ кликъ народнаго самосознанія, такъ въ Суданѣ, когда Іорубы бываютъ разбиты Hanna'ми, они слагаютъ пѣсню, въ которой говорятъ о своемъ могуществѣ, трепетѣ непріятеля. Построеніе нашихъ заговоровъ освѣщаетъ значеніе мимической, обрядовой игры: при заговорѣ есть магическое дѣйство, въ самой формулѣ—элементъ моленія о томъ, чтобы желаемое совершилось, и эпическая часть, въ которой говорится, что это желаемое когда-то совершилось по высшей волѣ; пусть будетъ такъ и теперь. Эта эпическая часть является такимъ же восполненіемъ дѣйства, символическаго волхвованія, какъ въ хорической пѣснѣ текстъ, развивавшійся постепенно на помощь ея мимическому моменту.

Хоровыя пляски съ преобладающимъ въ нихъ мимическимъ, подражательнымъ началомъ, описаны въ значительномъ количествѣ; принадлежатъ онѣ къ разнымъ стадіямъ развитія, съ накопленіемъ древнихъ и новыхъ элементовъ. Постараемся разобраться въ немногихъ примѣрахъ, приводимыхъ далѣе.

У маорисовъ военныя пѣсни — пляски выдержаны въ особомъ ритмѣ и сопровождаются соотвѣтствующими тѣлодвиженіями; туземцы Викторіи пляшутъ передъ боемъ и по окончаніи его; новозеландцы также пляшутъ передъ битвой, чтобы довести бойцевъ до высшей степени остервенѣнія. Въ новомъ южномъ Уэльсѣ военный танецъ представляетъ картину настоящаго сраженія; изъ военныхъ плясокъ

Библиотека "Руниверс"

сѣверо-американскихъ индійцевъ одна представляетъ рекогносцировку непріятеля, другая зовется „Пляской скальпа". Интересна „Пляска стрѣлы": участвующіе становятся въ два ряда. дѣйствуютъ парень и дѣвушка: она является въ особомъ костюмѣ и зовется Малинки. Парень стоитъ впереди фронта на колѣнахъ, съ лукомъ и стрѣлою въ рукахъ, слѣдя внимательно за дѣвушкой, пляшущей вдоль фронта; вотъ она ускоряетъ темпъ—это она увидала врага; пляска становится все быстрѣе, бѣшенѣе; вдругъ Малинки выхватываетъ у молодца стрѣлу, ея тѣлодвиженія показываютъ, что бой начался, стрѣла спущена, непріятель палъ и скальпированъ. Дѣйство кончено, стрѣла отдана молодцу, и новая партія играющихъ выступаетъ на смѣну первой.

У дайяковъ на Борнео въ ходу такая пантомима: представляется битва, одинъ изъ воиновъ падаетъ мертвымъ, и убившій его открываетъ слишкомъ поздно, что онъ поразилъ пріятеля; онъ выражаетъ знаками свое отчаяніе, а мнимо-убитый уже всталъ и предается неистовой пляскѣ. Сходна мимическая игра индійцевъ: на сцену выходитъ человѣкъ, руки его связаны назади веревкой. концы которой держатъ другіе; пока они гоняютъ плѣнника, зрители отбиваютъ тактъ на доскахъ и барабанахъ, обтянутыхъ медвѣжьей шкурой; внезапно является предводитель и нѣсколько разъ вонзаетъ ножъ въ спину плѣнника, пока не покажется кровь (составъ изъ красной смолы, резины, олея и воды) и пораженный не повалится на землю, словно убитый. У племени Тупи поводъ къ подобной сценѣ реальный—принесеніе въ жертву плѣнника: женщины связываютъ ему ноги, кладутъ петлю на шею, послѣ сего раздаются пѣсни: „Мы поемъ о женщинахъ, что схватили за горло птицу и издѣваются надъ плѣнникомъ; ему не уйдти. Если бы ты былъ попугаемъ, что опустошаетъ наши поля, какъ бы ты улетѣлъ?"

О военныхъ пляскахъ ераклйцевъ и мизійцевъ такого же мимическаго характера говоритъ Ксенофонтъ.

Среди племенъ, живущихъ охотой, сложились соотвѣтствующія подражательныя игры. На Борнео подражаютъ обиходу охоты; „Буйволовый танецъ" сѣверо-американскихъ индійцевъ—мимическое дѣйство, всецѣло выросшее на почвѣ охотничьяго быта: когда въ равнинахъ переведутся буйволы, пляска, изображающая охоту за ними, назначена ихъ привлечь; пляшущіе облечены въ буйволовыя шкуры; усталые удаляются изъ круга,—это сраженные звѣри, ихъ замѣняютъ другіе. Въ Катунгѣ одинъ изъ актеровъ представляетъ боа, игра—

Библиотека "Руниверс"

его поимку. На Алеутскихъ островахъ разыгрывается такая сцена: кто-то подстрѣлилъ красивую птичку, она оживаетъ въ образѣ красавицы, въ которую охотникъ тотчасъ и влюбляется. Отмѣтимъ еще слѣдующую пантомиму изъ Австраліи: толпа дикихъ представляетъ собою стадо, вышедшее изъ лѣсу на пастбище: одни лежатъ, подражая жвачкѣ, другіе чешутся будто рогомъ или задней ногой, облизывая другъ друга, потираясь другъ о друга головой. Тогда является другая толпа, осторожно подкрадываясь, выбирая жертву. Двѣ головы пали при восторженныхъ кликахъ зрителей, а охотники принимаются за дѣло, изображая жестами, какъ они сдираютъ шкуру, свѣжуютъ, разнимаютъ туши. Все это сопровождается пояснительною пѣсней распорядителя пантомимы и звуками оркестра, состоящаго изъ женщинъ.

Въ связи съ охотничьими стоятъ широко распространенныя пантомимы, въ которыхъ рядятся звѣрями, перенимая ихъ движенія и голосъ. Въ Африкѣ представляютъ гориллу, туземцы Викторіи пляшутъ, подражая кэнгуру, эму, лягушкѣ, бабочкѣ; папуасы подражаютъ пѣнію птицъ; у индійцевъ (Rocky Mountains) существуютъ пляски медвѣдя, бизона, быка, у другихъ (Sioux) собачій танецъ; камчадалы знаютъ тюленью, медвѣжью, куропачью пляски и т. п.; африканскіе дамары мимируютъ движенія быковъ и овецъ. Въ такихъ пантомимахъ участвуетъ иногда цѣлая труппа китайскихъ актеровъ.

Съ развитіемъ и бо́льшимъ разнообразіемъ бытовыхъ формъ и культурныхъ спросовъ должны были явиться и новые мотивы подражанія. Австралійцы мимируютъ греблю въ лодкахъ; плясовая пѣсня у маорисовъ представляетъ, какъ кто то дѣлаетъ лодку, а его подкараулили враги, преслѣдуютъ его и убиваютъ; пока чукчи подражаютъ жестами движеніямъ войны и охоты, женщины имъ подпѣваютъ и въ свою очередь воспроизводятъ мимически свои повседневныя занятія: какъ онѣ ходятъ по воду, сбираютъ ягоды и т. д. У народовъ земледѣльцевъ станутъ подражать актамъ сѣянія, жатвы, занятій, обусловленныхъ климатомъ, чередующихся въ опредѣленномъ порядкѣ календаря. Какъ у грековъ была игра подъ названіемъ „ростъ ячменя“ (ἀλφίτων ἔκχυσις), такъ у сѣверо-американскихъ индійцевъ green-corn-dance; у Ксенофонта эніаны и магнеты подъ звуки флейты пляшутъ карпаю, танецъ „сѣва“: кто-нибудь представлялся пашущимъ и сѣющимъ, другой—разбойникомъ, который похищаетъ у перваго оружіе, хочетъ отобрать у него и рабочій скотъ, связываетъ его, либо связанъ самъ.

Библиотека "Руниверс"

Надо полагать, что и охотничій промыселъ, и воинственные набѣги за человѣческимъ мясомъ ограничены были благопріятнымъ сезономъ, какъ и половое общеніе въ природномъ быту опредѣленною порой года. Остатки послѣдняго пріуроченія сохранились теперь, на почвѣ личнаго брака, въ немногихъ переживаніяхъ; въ пору общинно-родовыхъ отношеній это пріуроченіе отвѣчало животному, календарному спросу и вызывало такое же развитіе обрядовыхъ, подражательныхъ игръ. Эротическія игры—пляски (Rurerure) у маорисовъ сопровождаются непристойными тѣлодвиженіями; въ Портъ-Джексонѣ пантомима изображаетъ ухаживаніе мужчины за женщиной въ крайне откровенной мимикѣ; на языкѣ сѣверо-американскихъ индійцевъ (Owawhaws) слово Wertche означаетъ и танецъ и половое общеніе. У австралійскихъ вачаудовъ (Watschaudas) при первомъ новолуніи, когда поспѣетъ уатъ (діоскорея, мучнистые корни которой служатъ имъ пищей), послѣ пира и попойки копаютъ яму, которую огораживаютъ кустарникомъ, что должно изображать κτείς; при свѣтѣ мѣсяца въ высшей степени обсценный танецъ совершается вокругъ ямы, въ которую тычутъ копьями (символъ мужской силы); при этомъ поется въ теченіи всей ночи одинъ стихъ: Pulli niga, (трижды) wataka! (не яма, а...).

Календарный обрядъ обнялъ спросы быта и занятія и надежды, овладѣлъ и хорическою пѣсней—игрой. Когда простѣйшее анимистическое міросозерцаніе вышло къ болѣе опредѣленнымъ представленіямъ божества и образамъ миѳа, обрядъ принялъ болѣе устойчивыя формы *культа*, и это развитіе отразилось на прочности хороваго дѣйства: явились религіозныя игры, въ которыхъ элементъ моленія и жертвы поддерживался символическою мимикой, значеніе которой мы знаемъ. Такихъ религіозныхъ плясокъ много у сѣверо-американскихъ индійцевъ: змѣиная пляска, пляска духовъ и т. п. Ряженіе звѣрями, маски и соотвѣтствующія игры пришлись въ уровень съ тотемистическими вѣрованіями: дѣйствующія лица австралійской или африканской религіозной драмы могли въ самомъ дѣлѣ представляться богами, типически осуществлявшими то, о чемъ ихъ молили; драма была заговоромъ въ лицахъ. И въ то же время развитіе миѳа должно было отразиться на характерѣ поэтическаго текста, выдѣлявшагося изъ первоначальнаго хороваго синкретизма, гдѣ онъ игралъ служебную роль: обособлялись внутри и внѣ хороваго состава пѣсни съ содержаніемъ древнихъ повѣрій, пѣсни о родовыхъ преданіяхъ, которыя мимируютъ, на которыя ссылаются, какъ на историческія памяти.

Библиотека "Руниверс"

Внѣ календаря остались такія пѣсни, какъ похоронныя, переходившія, впрочемъ, въ видѣ поминальныхъ, и въ годичную обрядовую очередь. У многихъ народовъ Азіи и Африки, Америки и Полинезіи погребальныя пѣсни поются и пляшутся хоромъ; элементъ сѣтованія соединяется съ похвалой умершему и типическими вопросами: Зачѣмъ ты покинулъ насъ? Не угождали-ли мы тебѣ, не во всемъ-ли былъ у тебя достатокъ и т. д. „Увы, увы, умеръ мой хозяинъ!“ поютъ на Сандвичевыхъ островахъ, „не стало моего господина и друга. А былъ онъ мнѣ другомъ въ пору голода и засухи, въ бурю и непогоду и т. д. Удалился онъ, увы! Никогда не увижу я его болѣе“. Такъ причитаютъ и въ Австраліи, хоромъ, съ тѣмъ же припѣвомъ: (молодыя женщины) „Мой юный братъ! (старухи) Мой юный братъ! (Вмѣстѣ) Никогда болѣе не увижу я его“. У племени Yurapa (на рѣкѣ Shing), хоронящаго своихъ покойниковъ въ домахъ, пѣвецъ, съ трубой въ рукахъ, ходитъ вдоль и поперекъ жилья мимо домашнихъ гробницъ и тянетъ безконечную пѣсню, каждый стихъ которой длится по крайней мѣрѣ минуту, чтобъ повториться вновь.

Внѣ обряда остались гимнастическія игры, маршевыя пѣсни, наконецъ хоровыя и амебейныя пѣсни за работой, съ текстомъ развитымъ или эмоціональнаго характера, часто наборомъ непонятныхъ словъ, лишь бы онъ отвѣчалъ очереднымъ повтореніямъ ударовъ и движеній. Рабочія пѣсни распространены повсюду, отвѣчая такту самыхъ разнообразныхъ производствъ. Судовыя пѣсни извѣстны, напримѣръ, въ Египтѣ, голландской Индіи, Гельголандѣ, на Мадагаскарѣ, гдѣ партія запѣвалы ограничена речитативомъ, содержаніе котораго составляетъ что-нибудь лично пережитое. Это напоминаетъ келевсмы греческихъ и римскихъ моряковъ: онѣ пѣлись въ чередованіе запѣвалы и хора, каждая строфа котораго кончалась возгласомъ: heia! И теперь еще такъ поютъ греческіе судовщики: ἔα λέσα! (при медленномъ подыманіи или опусканіи якоря), ἔα μόλα! (при быстромъ).— Другія работы вызывали другія пѣсни соотвѣтствующаго темпа. Въ древнемъ Египтѣ раздавалась пѣсня погонщика воловъ, обминавшихъ снопы: „Топчите сами, волы, топчите сами, топчите сами колосья; жатва принадлежитъ хозяину“. Пѣсни за жерновами, знакомы древней (ἐπιμύλιος φδή), и новой Греціи, въ сѣверномъ Grottasöngr ихъ поютъ амбейно Fenja и Menja, какъ и финскія женщины, когда ихъ двѣ за работой, поютъ вмѣстѣ, либо чередуясь; содержаніе пѣсенъ гномическое, сатирическое, либо балладное, любовное. Такъ и въ соотвѣтствующей литовской: 1) „Шумите, шумите, жернова! Кажется

Библиотека "Руниверс"

мнѣ, не одна я мелю. 2) Одна я молола, одна пѣла, одна вертѣла рукоятку. 3) Зачѣмъ, милый молодецъ, понадобилась тебѣ я, бѣдная дѣвушка? 4) Вѣдь ты зналъ, дорогой, что у меня нѣтъ двора! 5) По колѣни въ болотѣ, по плечи въ водѣ. Печальны мои дни". Въ сѣверной Африкѣ негритянки поютъ, когда толкутъ пшеницу, о возвращеніи воина, поютъ въ тактъ; внезапно онъ нарушенъ, и пѣсня обращается въ заплачку: утѣшаютъ дѣвушку, у которой убили ея милаго; далѣе говорится, будто закололи козла и по его внутренностямъ рѣшили, что если милый палъ, то съ честью. Тогда песты снова стучатъ въ тактъ и пѣсня кончается подхватомъ хора.—Такъ у Виргилія нереиды поютъ за пряжей о любви Арея и Афродиты, такъ и китайская ткацкая пѣсня говоритъ о подвигахъ какой-то дѣвы—воительницы.

Пѣсни не отвѣчаютъ содержанію работы, но продолжаютъ отвѣчать ея темпу; въ сущности это балладныя пѣсни; старо-французское названіе для такихъ пѣсенъ, chansons de toile, указываетъ на ихъ происхожденіе. Онѣ не создались при работѣ, а примкнули къ ея такту и окрѣпли подъ его вліяніемъ. Наоборотъ, хоровыя пѣсни съ содержаніемъ, отвѣчающимъ извѣстному бытовому моменту и рабочему темпу, могутъ безразлично повторяться и внѣ вызвавшихъ ихъ условій. Такъ по словамъ Стэнли туземцы въ Африкѣ день деньской тянули одну и ту же походную кантилену въ чередованіи запѣвалы и хора и съ эмоціальнымъ припѣвомъ: Куда вы идете?—На войну.—Противъ кого?—Противъ Марамбо и т. д.

Въ хоровой игрѣ обрядоваго характера пѣсня должна была быть крѣпче къ ея содержанію, но и въ обрядѣ были свободные моменты, гдѣ старина скорѣй забывалась и очищалось мѣсто нововведеніямъ, не нарушавшимъ единства цѣлаго. Это уже начало разложенія обрядоваго хора.

На этомъ мы покончимъ обозрѣніе явленій поэтическаго синкретизма среди некультурныхъ народностей. Передъ нами прошли всѣ его виды: древнѣйшія хоровыя игры безъ текста и съ зародышами текста, игры мимическія, обрядовые и культовые хоры. Создалась пантомима съ сюжетами бытоваго характера, вопросы и отвѣты выдѣлили принципъ діалога; собраны элементы драмы, но драмы еще нѣтъ. Она и не выйдетъ изъ обряда, а разовьется въ непосредственной связи съ культомъ. Условія такого развитія впереди, пока выяснился одинъ результатъ, богатый послѣдствіями: изъ связи хора выдѣлился его корифей, пѣвецъ; онъ—носитель текста, речитатива, со-

Библиотека "Руниверс"

чиняетъ пляску, въ Австраліи руководитъ пантомимой, сопровождая ее пояснительною пѣсней; на Явѣ онъ читаетъ libretto, содержаніе котораго играющіе воспроизводятъ жестами. На Явѣ онъ назовется dalang, у центрально-американскихъ индійцевъ holpop — церемоній-мейстеръ; это—единственный актеръ Ѳесписа. Порой онъ выступаетъ и одинъ, самостоятельно.

II.

Тѣ же хоровыя пѣсни мы встрѣчаемъ и въ народной поэзіи культурныхъ племенъ, еще бытующей, либо сохранившейся въ историческихъ воспоминаніяхъ. Пѣли и плясали хоромъ евреи и германцы, римляне и греки, пѣли, совершая обряды, торжествуя побѣду, идя въ битву, на похоронахъ и свадьбахъ. Начну съ воспоминаній: греческія свидѣтельства восходятъ къ Иліадѣ, они и послужатъ къ общей характеристикѣ разновидностей хоровой игры.

Извѣстно изображеніе обрядоваго жатвеннаго хора на щитѣ Ахилла (Il. 18, v. 561 слѣд.): толпа дѣвушекъ и парней въ виноградникѣ, они несутъ зрѣлыя гроздья, среди нихъ юноша поетъ гимнъ, подыгрывая себѣ на киѳарѣ, они же пляшутъ, притопывая въ тактъ и подпѣвая. Имѣется въ виду припѣвъ: Αἴ Λίνε! перенесенный впослѣдствіи, какъ названіе, на пѣсню и на дѣйствовавшее въ ней лицо. Что пѣлось о Линѣ въ этой жатвенной пѣснѣ, мы не знаемъ; позже стали разказывать о мальчикѣ, взрослемъ среди ягнятъ и растерзанномъ псами. „О Линъ“, поется о немъ въ одной народной пѣсенкѣ, „ты почтенъ былъ богами, ибо тебѣ, первому изъ смертныхъ, они послали даръ сладкозвучныхъ пѣсенъ. Фебъ убилъ тебя изъ зависти, Музы тебя оплакиваютъ“.

Аѳеней говоритъ о крестьянской пляскѣ, ἄνθεμα, которую мимировали (μιμούμενοι), припѣвая: Гдѣ же розы, гдѣ фіалки, гдѣ красавица петрушка? Вонъ гдѣ розы, гдѣ фіалки, гдѣ красавица петрушка!

Ποῦ μοι τὰ ῥόδα, ποῦ μοι τα ἴα, ποῦ μοι τὰ καλὰ σέλινα;
Ταδὶ τὰ ῥόδα, ταδὶ τὰ ἴα, ταδὶ τὰ καλὰ σέλινα.

Это отзывается непосредственной свѣжестью весенняго хоровода, напоминая поиски за первою фіалкой, вѣстницей весны, въ нѣмецкомъ Minnesang'ѣ.

Пѣли и исполняли орхестически гипорхемы и дивирамбы, нѣкоторые гимны, иногда пэаны: обрядовыя пѣсни—игры, пристроившіяся къ культу того или другаго божества, съ содержаніемъ его мива,

Библиотека "Руниверс"

которое разработывалось діалогически. Въ отрывкахъ недавно открытаго дифирамба Вакхилида сюжетъ—возвращеніе Тезея изъ Крита; корифей ведетъ партію Эгея, хоръ представляетъ аѳинянокъ: онѣ спрашиваютъ царя о появленіи какого-то незнаемаго витязя, который и окажется Тезеемъ, Эгей отвѣчаетъ. Сохранилось всего четыре строфы, въ чередованіи вопросовъ и отвѣтовъ.

Пѣли, плясали и мимировали; у насъ есть свѣдѣнія объ играхъ, въ которыхъ подражали движеніямъ животныхъ (оттуда названія: левъ, журавль, лиса, σκώψ), актамъ винодѣла; какъ сбираютъ виноградъ, кладутъ въ точила и т. д. На Делосѣ женскій хоръ исполнялъ гипорхему: пѣлъ про Латону и Артемиду, чарующую пѣснь о мужахъ и женахъ старины, и такъ искусно подражалъ, подъ звуки кастаньетъ, голосамъ разныхъ людей, что всякому мнилось, будто онъ самъ себя слышитъ (Hymn. Apol. Delph. 146 слѣд.). Пляшущіе носили соотвѣтствующіе костюмы и имена дѣйствующихъ лицъ миѳа (Plut. Συμποσιακά IX, 15); по другому показанію (Lucian. Περὶ ὀρχήσεως 16), пока хоръ двигался, нѣсколько человѣкъ наиболѣе искусныхъ, отдѣлившись отъ него, выражали жестами содержаніе дѣйствія. Такъ плясали приключенія Діоскуровъ, изступленіе Аякса, судъ Париса, смерть Гектора, и еще въ послѣднюю пору язычества—подвиги и бѣшенство Ираклa; въ пирѣ Ксенофонта юноша и дѣвушка представляютъ встрѣчу Діониса съ Аріадной, покинутой на Наксосѣ и т. д. Изящныя движенія пляски и выразительная мимика возведены были въ искусство: пляска подражала пѣнію музъ (Платонъ), изображала своимъ ритмомъ нравы, страсти, дѣйствія (Аристотель); ей доступны всѣ историческіе и поэтическіе сюжеты (Лесбонаксъ изъ Митилены); жестъ замѣняетъ ей слово, оттуда названіе для владѣющихъ выразительною мимикой: χειροσοφοι (Лесбонаксъ); она наставляетъ и вмѣстѣ ритмически настраиваетъ души зрителей (Лукіанъ).

Психо-физическій катарзисъ древней игровой пѣсни перешелъ въ эстетическій.

Принципъ двухъ или нѣсколькихъ хоровъ, отмѣченный нами въ поэзіи некультурныхъ народностей, удержался и въ условіяхъ культуры [1]). Достаточно привести греческіе примѣры, тѣмъ болѣе интересные, что они продѣлали эстетическую эволюцію, перейдя за по-

[1]) См. мою статью: Эпическія повторенія, какъ хронологическій моментъ. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1897, апрѣль, отд. 2, стр. 278—279, 282.

Библиотека "Руниверс"

рогъ художественной драмы. Въ „Щитѣ Иракла", поэмѣ, приписываемой Гезіоду, изображены два свадебныхъ хора, одинъ съ кіеарой, другой съ скрипкой; напомню свадебные хоры Саффо. У Плутарха въ біографіи Ликурга три хора; хоръ старцевъ начинаетъ: Когда-то и мы были здоровыми молодцами (Ἄμες πόκ' ἦμες ἄλκιμοι νεανίαι), мужи подхватываютъ: Мы таковы, коли желаете, полюбуйтесь нами (Ἄμες δέ γ'εἰμές, αἰ δέ λῆς, αὐγάσδεο); а мы будемъ сильнѣе всѣхъ (Ἄμες δέ γ'ἐσσόμεσθα πολλῷ κάρρονες), припѣваютъ ребята. Укажу на дихорію греческой трагедіи, на два перепѣвающихся, иногда состязающихся хора греческой комедіи. Изъ дихоріи рождалось амебейное состязаніе или чередованіе отдѣльныхъ пѣвцовъ.

На почвѣ хорической поэзіи культурныхъ народностей границы календарно-обрядовой и календарно-бытовой поэзіи съуживаются. Многое, что въ древнемъ быту подчинялось физіологическимъ, либо профессіональнымъ спросамъ, обусловленнымъ порою года, вышло изъ-подъ ихъ вліянія и отбывается болѣе или менѣе свободно. Я имѣю въ виду хотя бы брачныя отношенія, старая календарная обусловленность которыхъ сохранилась лишь въ отдѣльныхъ переживаніяхъ. Образцы календарно-обрядовыхъ игръ, приводимые далѣе, не дадутъ намъ повода коснуться вопроса, не всегда разрѣшимаго въ отдѣльныхъ случаяхъ, о границахъ между обрядомъ, въ нашемъ обычномъ пониманіи этого слова, и культомъ, предполагающимъ бо́льшую органичность формъ, пластически выраженную идею божества, цѣльность миѳа. Обрядъ велъ къ культу и могъ не доразвиться до него, но онъ могъ сохранить и память о культѣ, отжившемъ или устраненномъ, сохраниться, какъ переживаніе полупонятаго обихода и лишенная содержанія внѣшность. На Ливанѣ, въ ночь на 21-е сентября, мужчины и женщины пляшутъ въ теченіе всей ночи вокругъ священнаго дуба; римская надпись на алтарѣ финикійскаго храма солнцу, стоявшаго выше, посвящена богу-покровителю плясовыхъ игрищъ. Освященіе полей живетъ въ современномъ обрядѣ и совершается семьей, общиной; въ Римѣ выработалась для этой цѣли коллегія арвальскихъ братьевъ, мы знаемъ ихъ заговорную орхестическую пѣсню съ припѣвомъ triumpe. Наши весенніе хороводы и греческіе хоровые гимны находятся въ такихъ же взаимныхъ отношеніяхъ. Обрядъ перешелъ въ культъ, формы остались тѣ же, и въ вопросѣ объ ихъ генезисѣ мы считаемся съ ними безразлично. Иной критерій явится, когда на почвѣ культа и культурнаго миѳа обрядовая сторона разовьется до

Библиотека "Руниверс"

новаго художественнаго созданія и побѣговъ поэзіи. Мы встрѣтимся съ этимъ вопросомъ при началахъ греческой драмы.

Пока обратимся къ анализу нѣкоторыхъ календарныхъ обрядовъ и сопровождающаго ихъ хороваго дѣйства, чередуя современное съ древнимъ. Выборъ опредѣлился нашей цѣлью: уследить выдѣленіе пѣсни изъ обрядовой связи.

По римскому повѣрью въ Срѣтенье зима встрѣчается съ лѣтомъ, чтобы съ нимъ побороться, а на Благовѣщеніе, говорятъ, что весна зиму поборола. У насъ это преніе лѣта и зимы, кончающееся пораженіемъ послѣдней, выражается въ формѣ игры: осадой снѣжнаго города; либо соломенное чучело, изображающее зиму или смерть, обносится съ пѣснями по полямъ, а затѣмъ сжигается или бросается въ воду.—На западѣ этотъ обрядъ разработанъ подробнѣе, и у него есть свои литературныя исторіи. Въ воскресенье Laetare, въ срединѣ поста, когда зима и лѣто, морозъ и тепло уравновѣшиваютъ другъ друга, еще недавно совершалась игра, представлявшая борьбу лѣта и зимы, особливо на берегахъ верхняго и средняго Рейна. На сцену выходило двое мужчинъ, одинъ окутанный зеленью, другой соломой и мохомъ, Лѣто и Зима, и состязались другъ съ другомъ. Зима побѣждена, съ нея срывали ея костюмъ, при чемъ собравшаяся молодежь, вооруженная большими жердями, пѣла пѣсни въ привѣтъ веснѣ и на глумленіе зимѣ:

Stab aus, Stab aus,
Stecht dem Winter die Augen aus.

Древнѣйшее упоминаніе этой игры восходитъ къ 1542 году; въ летучихъ листкахъ 1576 и 1580-хъ годовъ сохранилась и соотвѣтствующая пѣсня. Вотъ ея содержаніе: Зима и Лѣто выступаютъ другъ противъ друга среди толпы слушателей, въ веселый день встрѣчи лѣта, и препираются: кто изъ нихъ господинъ, кто слуга. Лѣто пришло съ своею челядью изъ Oesterreich, съ востока, гдѣ всходитъ солнце, и велитъ Зимѣ убраться. А Зима, грубый крестьянинъ, въ мѣховой шапкѣ, явилась съ горъ, принесла съ собою студеный вѣтеръ, грозитъ снѣгомъ и не думаетъ удалиться: она похваляется бѣлоснѣжными полями, Лѣто зелеными долами; лѣтомъ произрастаютъ травы и листья, зимой изобрѣтены разные хорошіе напитки; лѣто даетъ сѣно, жито, вино, но все это уничтожается зимой, и т. д. Очевидно, все это содержаніе распредѣлялось, какъ вопросы и отвѣты, между главными дѣйствующими лицами, за которыми стояла ихъ

Библиотека "Руниверс"

„челядь", хоры. Побѣда остается за Лѣтомъ, Зима называетъ себя его работникомъ и проситъ подать ему руку, чтобы вмѣстѣ пойдти въ другія страны. Тогда Лѣто объявляетъ, что бой конченъ, и желаетъ всѣмъ покойной ночи.

Эта обрядовая игра извѣстна въ Швабіи, Швейцаріи, Баваріи и Хорутаніи. Здѣсь, въ Гурской долинѣ, съ наступленіемъ весны, парни составляютъ двѣ группы: старшая изображаетъ зиму, младшая лѣто. Въ подобающемъ нарядѣ, съ соотвѣтствующими аттрибутами, обѣ группы прогуливаются въ ясный весенній день по селу, состязаясь передъ домами зажиточныхъ крестьянъ въ пѣніи пѣсенъ, пока лѣто не побѣдитъ. Происходитъ это обыкновенно въ мартѣ, мѣстами въ день Срѣтенія.

Игра дала содержаніе двумъ пѣснямъ XIV и XV вѣковъ, одной нидерландской драмѣ и драматическимъ діалогамъ Hans'a Sachs'a: Gespräch zwischen dem Sommer und dem Winter (1538) и Ain schöner perck-rayen von Somer und Winter (1565), перенесшимъ преніе на осень, почему и исходъ другой: побѣдительницей является зима.

На французской и англо-норманской почвѣ воспоминаніе о соотвѣтствующемъ народномъ обычаѣ восходитъ къ XIV вѣку. Въ Англіи древнее преніе является въ новой обстановкѣ: вмѣсто олицетвореній лѣта и зимы—характеризующія ихъ растенія: остролистникъ (holy) изображаетъ собою лѣто, плющъ (evy)—зиму, какъ въ сходной нѣмецкой пѣснѣ въ тѣхъ же роляхъ выступаютъ буксъ съ ивой. Преніе между ними отнесено къ святкамъ, порѣ зимняго поворота солнца; извѣстно, что именно къ святочному циклу пріурочены въ народномъ европейскомъ повѣрьи надежды на будущіе посѣвы и урожай и выражающіе ихъ обряды. Въ одной англійской пѣснѣ XV вѣка поется: остролистникъ стоитъ въ горницѣ, любо на него поглядѣть, а плющъ за дверями, на морозѣ; остролистникъ съ товарищами пляшетъ и поетъ, плющъ и его служанки плачутъ и ломаютъ руки; у плюща ознобъ отъ холода; пусть будетъ то же со всѣми, кто за него стоитъ. У остролистника ягоды алыя, какъ роза, лѣсники и охотники оберегаютъ ихъ отъ звѣрей, а у плюща ягоды черныя, что у терна, ими кормится сова; къ остролистнику прилетаютъ птицы, красивая стая: соловей и попугай, милый жаворонокъ; а у плюща—какія птицы? Ни одной, кромѣ сыча, что кричитъ: у! у!—Припѣвъ этой пѣсни, очевидно, сопровождавшейся въ пору игроваго развитія переодѣваніемъ и мимическимъ дѣйствомъ, приглашаетъ плющъ покориться противнику. И въ Англіи обрядовое преніе зимы и лѣта дало

Библиотека "Руниверс"

сюжетъ для драматическихъ эпизодовъ: въ Summer's last will and testament (1593 г.) Thomas'a Nash'a выведены четыре времени года съ товарищами, между ними весна съ ея свитой, она одѣта въ зеленый мохъ, представляющій короткую молодую травку; ея пѣсня подражаетъ пѣнію кукушки и другихъ весеннихъ птицъ. Въ Шекспировскомъ Love's Labour lost 5, 2 весна и зима представлены кукушкой и совой, и въ ихъ пѣсенномъ преніи слышенъ то весенній припѣвъ: ку-ку! то кликъ ночной птицы. Пѣсни, исполняемыя при этомъ спорящими, несомнѣнно сложены Шекспиромъ, но мотивъ игры народный, только разработанный литературно, какъ напримѣръ у Gil Vicente и въ итальянскихъ Contrasti, гдѣ спорящими являются двѣнадцать мѣсяцевъ.

Подобную попытку литературной разработки мы встрѣчаемъ уже въ каролингскую пору, въ одномъ латинскомъ стихотвореніи VIII—IX вѣка, подражаніи III-й виргиліевской эклогѣ; оно свидѣтельствуетъ объ относительной древности лежащаго за нимъ обряда. Весеннимъ днемъ пастухи, спустившись съ горъ, сошлись въ тѣни деревьевъ, чтобы воспѣть кукушку; въ числѣ другихъ юный Дафнисъ и Палэмонъ постарше. Подошли и Весна въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и старикъ Зима съ всклокоченными волосами, сошлись и подняли великій споръ о пѣніи кукушки. Весна выражаетъ желаніе, чтобы прилетѣла ея любимая птичка, всѣмъ желанная гостья, съ краснень-кимъ клювомъ и хорошими пѣснями: пусть приведетъ съ собою веселые всходы и прогонитъ холодъ; спутникъ и любимецъ Феба, умножающаго свѣтъ, она приноситъ въ клювѣ цвѣты, подаетъ медъ, строитъ дома, открываетъ кораблямъ мирныя волны, заводитъ гнѣздо и одѣваетъ смѣющіеся луга. А Зима отвѣчаетъ бранью на кукушку: пусть не прилетаетъ, а спитъ себѣ въ темныхъ берлогахъ; вѣдь она ведетъ за собой голодъ, будитъ войну, нарушаетъ любезный миръ, волнуетъ землю и море. Споръ переходитъ къ тому, кто изъ препирающихся лучше: Зима хвалится своими богатствами, веселыми пирами, сладостнымъ покоемъ и теплымъ очагомъ; Весна порицаетъ лѣнь и веселое житье противницы, спрашиваетъ, кто же ей, сонѣ, припасаетъ достатокъ? То правда, отвѣчаетъ Зима, но такъ какъ вы работаете, собирая для меня, какъ господина, плоды своего труда, то вы—мои рабы. А Весна считаетъ ее не госпожей, а надменною нищей, которой нечѣмъ было бы прокормиться, еслибъ не питала ее кукушка. Тогда рѣшаетъ съ высокаго сѣдалища Палэмонъ, а вмѣстѣ съ нимъ и весь сонмъ пастуховъ: что расточительной, жестокой зимѣ

Библиотека "Руниверс"

надо умолкнуть, и пусть прилетитъ скорѣе дорогая гостья, кукушка, которую все ждетъ, и земля, и море, и небо. Слава ей во вѣки! Слава!

Мы сказали выше, что въ основѣ этого латинскаго диспута лежитъ таковой же, но народно-обрядовой хорическій или амебейный; именно популярностью этого рода слѣдуетъ объяснить и усвоеніе въ средніе вѣка діалогическаго момента эклоги; пренія бродячихъ потѣшниковъ, школьные диспуты, художественные тенцоны и débats средневѣковыхъ поэтовъ,—все это уложилось въ мѣрку этой популярности [1]). При анализѣ литературныхъ преній необходимо имѣть въ виду возможность взаимныхъ вліяній и разнообразныхъ скрещиваній, но исходною точкой, моментомъ, усвоившимъ остальные, всюду является народный обрядъ. Какъ въ Европѣ, въ пору перелома отъ зимы къ веснѣ, они выступали въ спорѣ другъ съ другомъ, такъ они являются въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ сказкѣ сѣверо-американскихъ индійцевъ и въ эзопической баснѣ (Haln, 414).

Къ спору зимы и весны-лѣта, побѣждавшаго противника, примыкало торжественное чествованіе побѣдителя: декоративный обрядъ, распространенный въ былое время отъ Скандинавіи и сѣверной Германіи до Франціи и Италіи. Я имѣю въ виду обходы Maiгöslein въ Эльзасѣ, процессіи майскаго графа и графини, хожденіе въ лѣсъ за маемъ, символомъ не только обновившейся природы, но и производительной силы, зеленой вѣткой, деревомъ, березкой русскаго обряда; въ великорусскихъ губерніяхъ ее срубаютъ о Семикѣ, наряжаютъ въ женское платье, либо обвѣшиваютъ разноцвѣтными лентами и лоскутками и несутъ изъ лѣса въ деревню, гдѣ она остается въ какомъ-нибудь домѣ гостейкой до Троицына дня. Драматическій характеръ этихъ празднествъ удержался, въ поздней перелицовкѣ, за итальянскимъ Maggio: это—дерево, вѣтка майскаго обряда, и вмѣстѣ съ тѣмъ названіе драматическихъ пьесъ необрядоваго характера, значенія которыхъ мы еще коснемся.

Въ нѣмецкомъ „пренія“, въ народныхъ обрядахъ выноса, изгнанія смерти-зимы и кликанія весны, зима и весна представляются раздѣльными, враждебными другъ другу существами, въ чередованіи побѣды и пораженія. Когда эта двойственность сольется въ представленіе чего-то одного, то обмирающаго, то возникающаго къ новой жизни, религіозное сознаніе подвинется на пути развитія: борьба

[1]) См. мои Эпическія повторенія, l. c., стр. 283.

Библиотека "Руниверс"

жизни и смерти примкнетъ къ мнѣ*нію* существа, бога, выразится въ соотвѣтствующихъ обрядахъ календарнаго характера; когда этотъ мнѣ*нія* обобщится психологическими мотивами, онъ дастъ матеріалъ для художественной діонисовской драмы; либо онъ выйдетъ изъ предѣловъ годичной смѣны зимы и весны къ діонисовскимъ тріэтеріямъ, наконецъ, переселится къ концу мірового года, къ концу дней, когда за гибелью всего существующаго ожидали иного свѣтлаго порядка вещей. Календарный мнѣ*нія* станетъ эсхатологическимъ; такую то эволюцію пережилъ сѣверный мнѣ*нія* о Бальдрѣ [1]).

Но вернемся къ смѣнѣ весны и зимы въ ея новомъ пониманіи. Представляли себѣ, что кто-то умеръ, погибъ, что его убили, изъ зависти, ревности,—и его оплакиваютъ; но пришла весна, онъ очнулся, все зажило, даже маны выглянули на Божій свѣтъ, керы, русалки; въ Германіи о святкахъ души умершихъ проносятся въ сонмѣ дикой охоты: очевидно весенній образъ, отодвинутый къ началу года; въ томъ же освѣщеніи представляются мнѣ теперь и генварскія русаліи болгаръ. По манамъ творятъ поминки, онѣ наводятъ страхъ,—и въ то же время въ эротической хоровой пѣснѣ раздается призывъ къ любви. Наканунѣ зимы, съ поворотомъ солнца эта пѣсня раздавалась снова, смѣняясь печальнымъ настроеніемъ: весну-лѣто хоронили и снова показывались маны, мчалась дикая охота и проносился сонмъ Иродіады. Оба момента печали и ликованія отразились въ разномъ чередованіи и въ весеннихъ играхъ и въ циклѣ обрядовъ, выражавшихъ, что лѣто пошло на склонъ. Сложились типическія легенды о раноотцвѣтшемъ юношѣ, сраженномъ богомъ, растерзанномъ, брошенномъ въ воду. Линѣ или Адонисѣ, Бормѣ или Пелузіи, Гилосѣ или Литіэрзѣ, Діонисѣ; легенды, вышедшія изъ аграрнаго обряда и настроившія его пѣсни: о Линѣ сѣтовали за сборомъ винограда, о Пелузіи—хлѣбопашцы Пелузія, Борма оплакивали маріандинскіе жнецы, къ Гіагнису они взывали во Фригіи съ просьбой о дождѣ: онъ не даромъ погибъ въ Меандрѣ, ввергенный туда Иракломъ. Въ Малороссіи хоронили соломенное чучело Ярилы, вооруженное фаллусомъ, голося надъ нимъ: Померъ онъ, померъ! Не встанетъ онъ больше! Что за жизнь, если тебя нѣтъ! И за тѣмъ этотъ сраженный, умершій, воскресалъ, и все радовалось. Въ Малороссіи, въ

[1]) Для слѣдующаго см. мой Гетеризмъ, побратимство и кумовство въ купальской обрядности (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1894, февраль), passim и Разысканія №№ XIV, XV и XVI.

Библиотека "Руниверс"

началѣ весны, въ первый понедѣльникъ Петровки, хоронили соломенную куклу, надъ которой причитали:

Померъ, померъ, Кострубонько,
Сивый, милый голубонько!

Либо умершаго представляла дѣвушка, лежавшая на землѣ; вокругъ нея двигался съ печальною пѣсней хороводъ; немного погодя она вскакивала и хоръ весело запѣвалъ:

Ожилъ, ожилъ нашъ Кострубонько,
Ожилъ, ожилъ нашъ голубонько!

Въ Эпирской Загоріи дѣвушки собираются для игры въ Зафира (νὰ παίζουν τὸ Ζαφείρη): дѣвушка или мальчикъ представляютъ его, усопшаго, остальные покрываютъ его цвѣтами и причитываютъ, но лишь только раздается заповѣдный припѣвъ (γιὰ σιοὺχ μωρὲ Ζαφείρη μου), мнимый покойникъ вскакиваетъ и, среди общаго хохота и веселья, пускается ловить дѣвушекъ, бросившихся вразсыпную; какую поймаетъ, той быть Зафиромъ; игра кончается пѣніемъ обрядовыхъ весеннихъ пѣсенъ. Иной разъ Зафира изображаютъ четыре листка чемерицы, крестообразно прикрѣпленныхъ къ землѣ шипами аканта, либо кукла. На Ливанѣ среди греческаго населенія мальчики ходили прежде на Пасхѣ изъ дома въ домъ, изображая воскресеніе Лазаря, на Кипрѣ, въ день его памяти, кто-нибудь, одѣтый по праздничному, представляетъ такимъ же образомъ усопшаго; въ его оживленіи принимаетъ участіе и духовенство. Церковь овладѣла весеннимъ обрядомъ, и мы въ состояніи различить долю народнаго и церковнаго элементовъ и въ кахетинской лазарэ, куклѣ, съ которою въ пору засухи ходятъ дѣвочки, распѣвая пѣсни-моленія о дождѣ, и въ обычаѣ болгарскихъ дѣвушекъ лазарвать на шестой недѣлѣ поста, при чемъ имъ подаютъ хлѣбъ, который и зовется куклой [1]).

Мнѣ уже довелось при другомъ случаѣ [2]) поднять вопросъ о возможности перенесенія и усвоенія извѣстной не-христіанской обрядности, уже осложненной гдѣ-нибудь формами и именами христіанской легенды. Къ лазарскимъ пѣснямъ и дѣйству присоединю и другой примѣръ: въ русскомъ повѣрьи Кузьма и Демьянъ представляются

---

[1]) Сл. мои Розысканія VIII, стр. 312—314, 457, (примѣчанія къ стр. 312—314) и Δελτίον τῆς ἱστορ. καὶ ἐθνολογ. ἑταιρί ; τῆς Ἑλλάδος; τομ. V, τεῦχ. 18, стр. 347 слѣд. (Λείψανα τῆς λατρείας τοῦ Λίνου καὶ Ἀδόνιδος ἐν Ἠπείρῳ ὑπὸ τοῦ Δ. Μ. Σάρρου).

[2]) См. Гетеризмъ I. с. стр. 288 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

ковачами: они куютъ „свадебку“, что не трудно было бы объяснить символомъ брака—связи, но въ Изернін, городкѣ близъ Неаполя, тѣ же святые являются въ болѣе откровенной роли, указывающей на слѣды мѣстнаго пріапическаго культа: къ нимъ обращаются съ молитвой дѣвушки и неплодныя жены и на ихъ алтарь возлагаютъ, въ видѣ приношенія, восковыя фигурки въ образѣ фаллуса. Такимъ образомъ и Лазарь далъ лишь имя народному обряду, выражавшему идею оживленія, оплодотворенія, любви, дождя. Оттуда въ болгарскихъ обходахъ типъ „невѣсты“, которую представляетъ одна изъ дѣвушекъ; въ Крыму, въ Лазареву субботу молодежь устраиваетъ скачки: это она встрѣчаетъ Лазаря и Пелагію. По легендѣ (греческой) она дочь Мангупскаго князя, властвовавшаго надъ православными греками, была при смерти, а „четырехдневный Лазарь“ отпросился у Бога, чтобы исцѣлить ее въ день своего воскресенія. Можетъ быть, и Пелагія явилась замѣной какого-нибудь образа, аналогію къ которому мы найдемъ въ „пáрахъ“ весенней обрядности.

Богъ оживаетъ; либо онъ покоился сномъ. и его будятъ. Въ Нерехтѣ, въ четвергъ передъ Духовымъ днемъ, дѣвушки кумятся, цѣлуясь черезъ вѣнокъ, сплетенный въ нижнихъ вѣтвяхъ дерева; одна изъ нихъ бросается на траву, будто опьяненная, и представляется спящею; другая будитъ ее поцѣлуемъ. Въ Бріансонѣ (Дофинэ) существуетъ такой майскій обычай: молодой человѣкъ, милая котораго его покинула, либо вышла замужъ за другаго, лежитъ на землѣ, окутанный зеленью, будто спитъ; это le fiancé du mois de Mau; дѣвушка, чувствующая къ нему склонность, подаетъ ему руку; они идутъ въ таверну—первая пара въ пляскѣ; въ томъ же году они обязаны обвѣнчаться.

Съ проводами лѣта картина мѣняется: за любовными пѣснями нашего ивановскаго цикла слѣдуютъ похороны—сожженіе Купалы.

Мины о Діонисѣ и Адонисѣ обняли весну и зиму, идею жизни и смерти. О діонисовскихъ обрядахъ мнѣ придется говорить въ связи съ вопросомъ о началахъ греческой драмы; Адонисъ далъ сюжетъ для декоративной александрійской пантомимы, воспѣтой Ѳеокритомъ. По легендамъ—онъ плодъ тайной связи отца съ дочерью (Thelas'a съ Смирной, Киниры съ Миррой), любимецъ Афродиты, убитъ вепремъ, образъ котораго принялъ Арей или Аполлонъ; треть года онъ проводилъ у Персефоны, весной возвращался на землю. Весеннія адоніи въ Библосѣ начинались съ сѣтованія по немъ: вокругъ изображенія усопшаго женщины причитали, били себя въ грудь, пѣли подъ

Библиотека "Руниверс"

звуки флейты адоніазмы; обрѣзывали себѣ волосы въ знакъ печали, либо въ теченіе дня отдавались каждому проходящему, и мзда назначалась въ жертву Афродитѣ; обрядъ, отвѣчающій кипрійской легендѣ о сестрахъ Адониса, отдавшихся чужеземцамъ (Apollod. 3, 14, 3). На другой день праздновали возстаніе Адониса и раздавались клики: Живъ, живъ Адонисъ! вознесся на небо (Luc. De Dea syr. 6). Александрійскія адоніи отбывались въ концѣ лѣта, и порядокъ обряда былъ другой; мы знаемъ его по описаніямъ Ѳеокрита и Біона: фигуры Адониса и Афродиты покоились на ложѣ: символъ ихъ брачнаго союза:

Ложе твое пусть займетъ, Киѳерея, прекрасный Адонисъ:
Онъ вѣдь и мертвый прекрасенъ; прекрасенъ, какъ будто уснувшій;
Въ мягкихъ одеждахъ его положи почивать благолѣпно,
Въ конхъ съ тобою вкушалъ онъ глубокою ночью священный
Сонъ на ложѣ златомъ [1]).

Вокругъ разставлены плоды, пироги, изображенія различныхъ животныхъ и такъ называемыя „садики" Адониса, горшки съ засѣянной въ нихъ обрядовой, быстро поднимающеюся и увядающею зеленью, символомъ производительности, и вмѣстѣ могильнымъ: ихъ звали ἀνθήρια. У Ѳеокрита пѣвица славитъ Афродиту, къ которой черезъ годъ Горы вернули милаго отъ вѣчныхъ волнъ Ахеронта; пусть порадуется сегодня, завтра же на зарѣ женщины понесутъ его въ море, распустивъ волосы. обнаживъ грудь, съ громкою пѣсней и пожеланіемъ возврата: „Будь къ намъ милостивъ, Адонисъ, теперь и въ будущемъ году; милостивымъ ты пришелъ, будь такимъ же, когда вернешься". Надгробная пѣснь Адониса у Біона, сохранившая обрядовой refrain, заставляетъ плакать по немъ горы и дубы и рѣки и соловья; причитаетъ сама Киприда, но пѣсня кончается не пожеланьемъ, а призывомъ къ веселью:

Нынѣ свой плачъ прекрати, Киѳерея, вернися къ веселью:
Снова ты слезы прольешь, черезъ годъ снова плакать придется.

На фонѣ этихъ весеннихъ и лѣтнихъ празднествъ вырисовываются пары: дѣвушка, будящая майскаго жениха, майскіе графъ и графиня, Robin Hood и Maid Marian, Купало и Марена, Иванъ и Марья бѣлорусскихъ пѣсень и малорусскихъ преданій, Адонисъ и Афродита, Діонисъ и обрученная ему жена архонта василевса въ обрядѣ

[1]) Біонъ, Надгробная пѣснь Адонису у *В. Латышева*, Переводы изъ древнихъ поэтовъ (С.-Пб. 1898, стр. 34 и слѣд.).

Библиотека "Руниверс"

Анѳестерій. Они—выраженіе идей смерти и любви, наполнившихъ содержаніе и практику обрядовъ; ихъ эротизмъ, находящій себѣ параллель въ соотвѣтствующихъ хоровыхъ играхъ некультурныхъ народностей, восходитъ къ эпохѣ коммунальныхъ браковъ и первоначальной пріуроченности половыхъ сношеній къ извѣстнымъ временамъ года [1]). О безстудствѣ купальскихъ обычаевъ говоритъ уже блаженный Августинъ и свидѣтельствуетъ для XVI вѣка нашъ игуменъ Панфилъ; храмовому эротизму весеннихъ адоній въ Библосѣ отвѣчаетъ показаніе Stubbs'a о майскихъ празднествахъ въ Англіи XVI вѣка: толпы народа выходили въ горы и лѣсъ, приносили майское дерево, вокругъ котораго плясали; разгулъ былъ такъ великъ, что третья часть дѣвушекъ теряла цѣломудріе. Позже этотъ эротизмъ смягчился, принявъ въ переживаніяхъ обряда формы брака и кумовства. У насъ „невѣстятся" въ первое воскресенье послѣ Петрова дня; у славянъ свадьбы являются кое-гдѣ пріуроченными къ извѣстнымъ годовымъ срокамъ; у кассіевъ въ Ассамѣ въ маѣ мѣсяцѣ отбывается большой плясовой праздникъ, при которомъ женщины и дѣвушки, пользуясь обычнымъ правомъ, выбираютъ себѣ пару, женатаго или холостаго. Въ Kindleben'ѣ, близъ Готы, въ Вознесенье, парни и дѣвушки сходятся на смотрины подъ старой липой: кто съ кѣмъ пропляшетъ подъ нею и они вмѣстѣ вернутся, это знакъ, что пары помолвились. Въ средней и южной Италіи молодые люди обоего пола кумятся на Ивановъ день съ обрядностью, напоминающею адоніи и ихъ двойственный символизмъ любви и смерти: весною готовятся сосуды, съ засѣянными въ нихъ традиціонными растеніями; когда они взойдутъ, ихъ ставятъ въ страстную недѣлю на плащаницу; они такіе же надгробные (piatta di sepulcro), какъ садики Адониса. Ихъ главная роль объ Ивановѣ днѣ, когда кумятся: ихъ выставляли у оконъ, украшали лентами, въ былое время, до церковнаго запрета, и женскими статуэтками, либо фигурками изъ тѣста на подобіе пріапа.

Въ современной весенней пѣснѣ, какъ, вѣроятно, и въ старофранцузскихъ майскихъ reverdies, отзвуки этого эротизма не выходятъ изъ границъ новыхъ бытовыхъ порядковъ, но еще даютъ сюжеты и настроенія: просьба любви, исканіе, порывы къ свободѣ наслажденія, бѣгство изъ супружеской неволи, ухаживаніе, сватовство. Обо всемъ этомъ поется, все это играется въ хороводѣ, choreas venereas, какъ назвалъ ихъ одинъ изъ пѣвцовъ Carmina Burana, но пѣсня и

[1]) См. мой Гетеризмъ l. c. стр. 311; ib. 290—4.

Библиотека "Руниверс"

отвлекалась отъ дѣйства, балладная, новеллистическая, иногда съ моментами игроваго діалога. Пѣсня о связи брата съ сестрой выросла на почвѣ купальскихъ обычаевъ и легенды, напоминающей адонисовскую; другую широко-распространенную балладную пѣсню русскіе варьянты позволяютъ привязать не только къ весеннему хороводу, но и къ обряду. Мы знаемъ, какъ весною оплакиваютъ, а затѣмъ привѣтствуютъ воскресшаго Кострубоньку; въ одной малорусской весенней игрѣ дѣвушка стоитъ въ срединѣ хоровода и, обращаясь къ одной изъ участницъ, говоритъ: Христосъ воскресе! Та отвѣчаетъ: Во-истину воскресе! Чи не бачили моего Кострубонька? спрашиваетъ первая; отвѣтъ: Пішовъ у поле орати. Тогда дѣвушка, что въ срединѣ хоровода, представляется, что плачетъ, и поетъ съ поддержкою хора:

Бідна-жъ моя головонька,
Несчастлива годиночка,
А що жъ бо я наробила,
Що Коструба не злюбила!
Прийди, прийди, Кострубочку,
Стану съ тобой до шлюбочку,
А у неділю, у неділечку,
При ранному сніданничку.

Далѣе чередованіе вопросовъ и отвѣтовъ: Чи не бачили моего Кострубоньки?—Лежитъ на поле слабий; умирае; везутъ на цвинтарь; уже поховали. Получивъ такой отвѣтъ, дѣвушка вдругъ принимаетъ веселый видъ, плещетъ въ ладоши, топаетъ ногами, а хороводъ поетъ весело:

Хвалю тебе, Христе Цару,
Що мой милий на цвинтару!
Ноженьками предоптала,
Рученьками приплескала.
А теперь, мій Кострубоньку,
Не лай, не лай, мосі мами,
Ти у глубокій уже ями.

(*Чубинскій*, Нар. днев., стр. 17—18, № 16).

Въ другой хороводной пѣснѣ уже нѣтъ обрядоваго имени Коструба: жена выбѣжала, чтобы поплясать, старый мужъ является и хоровая игра переходитъ въ пререканіе, въ обмѣнъ вопросовъ и отвѣтовъ, съ припѣвомъ и вмѣшательствомъ хора. Таково, въ сущности, построеніе и старой провансальской пѣсни, съ перебоемъ refrain'a и возгласами въ концѣ каждаго стиха, видимо указывающими на хоро-

Библиотека "Руниверс"

вое исполненіе [1]). Пѣсни на тотъ же сюжетъ существуютъ въ современномъ Провансѣ и Гаскони, извѣстны и ломбардскія плясовыя XV вѣка [2]). Либо жена заплясалась, и мужъ зоветъ ее домой: тамъ дѣти плачутъ, ѣсть, спать хотятъ; дѣйствующія лица только мимируютъ, за нихъ говоритъ хоръ (малорусская). Или женѣ, забывшейся въ веселой пляскѣ, говорятъ, что мужу дома нечего ѣсть, пить; поѣстъ, напьется и безъ меня, отвѣчаетъ она; мужъ умеръ: пусть женщины поплачутъ надъ нимъ, пѣвчіе отпоютъ, попы его погребутъ, черви съѣдятъ. Такъ въ Лесбосской хоровой пѣснѣ, къ которой я указалъ французскую параллель; вотъ и нѣмецкая, вѣроятно, исполнявшаяся когда-то хоромъ:

Frau, du sollst nach Hause kommen,
Denn dein Mann ist krank.
Ist er krank, so sei er krank,
Legt ihn auf die Ofenbank
Und ich komm nicht nach Hause.

Далѣе ей говорятъ: твоему мужу стало хуже, онъ скончался, его выносятъ, хоронятъ; она все не хочетъ вернуться, но когда ей сообщаютъ, что пріѣхали женихи, она велитъ не отпускать ихъ:

Sind die Freier in dem Haus.
Ei so lasst mir keinen raus,
Und ich komm gleich nach Haus.

Въ другомъ варіантѣ жена, при повторяющихся вѣстяхъ о болѣзни мужа, продолжаетъ плясать, каждая строфа кончается ея словами:

Noch a Tänzal oder zwei,
Und dann wer i gleich hamet gehn;

Только когда она слышитъ, что „en Andrer ist schon da“, она отвѣчаетъ:

n'Ander da?
Hopsasa!
Nun kan Tänzal mehr, bedank mich schön!
Jetzt, jetzt werd i glei hamet gehn.

Содержаніе слѣдующихъ русскихъ игръ—сватовство: нѣсколько дѣвушекъ становятся въ рядъ, взявшись за руки; противъ нихъ

---

[1]) См. мою Эпическія повторенія l. c. стр. 281—282 прим. 2; ср. ibid. стр. 280 слѣд.

[2]) См. *R. Renier*, Appunti sul contrasto fra la madre e la figliuola стр. 19, прим. 5; см. еще колядку № 137 у *Чубинскаго*. Нар. днев., стр. 409.

Библиотека "Руниверс"

особо двѣ дѣвушки. Кланяясь однѣ другимъ, онѣ поютъ поочередно; начинаютъ стоящія особо, хоръ отвѣчаетъ:

— Царівно, мостіте мости,
Ладо мос, мостите мости!

(Тотъ же припѣвъ послѣ каждаго стиха)

„Царенку, вже й помостили".
— Царівно, ми ваши гості.
„Царенку, зачимъ ви, гості?»
— Царівно, за дівчиною.
„Царенку, за которою?"
— Царівно, за старшенькою.
„Царенку, старшенька крива".
— Царівно, такъ ми й пидемо.
„Царенку, такъ вернітеся".
— Царівно, мостіте мости, и т. д.

Слѣдуетъ такое же предложеніе, касающееся „підстаршей" дѣвушки; но она слѣпа; сваты хотятъ удалиться, ихъ задерживаютъ, и въ третій разъ оказывается, что они пришли за „меньшенькою".

„Царенку, такъ не зряжена".
— Царівно, такъ ми й зрядимъ.
„Царенку, вже жъ ми й зрядили".
— Царівно, такъ ми й візвемо.

При послѣднемъ стихѣ отдѣльно стоящія дѣвушки, сомкнувшись, поднимаютъ руки вверхъ, а подъ ихъ руками хороводъ пробѣгаетъ вереницею; изъ хоровода послѣдняя дѣвушка остается при первой парѣ. Послѣ этого снова повторяется первая пѣсня, до тѣхъ поръ, пока дѣвушки до послѣднихъ двухъ не перейдутъ къ начальной парѣ, такимъ же порядкомъ, какъ и первыя.

Тотъ же сюжетъ сватовства разработанъ въ слѣдующей пѣснѣ по схемѣ пренія; какъ и въ предыдущей часть дѣвушекъ представляютъ парней; символическій мотивъ „мощенія мостовъ", знакомый свадебнымъ пѣснямъ (приготовленія къ браку, брачный поѣздъ), замѣненъ здѣсь другимъ, столь же распространеннымъ, эротическимъ: топтаніемъ проса (сада, винограда и т. д.). Дѣвушки раздѣляются на два ряда-хора, въ десяти шагахъ одинъ отъ другаго. Одинъ хоръ поетъ:

А мы просо сіяли, сіяли,
Ой дідъ ладо, сіяли, сіяли!

Библиотека "Руниверс"

Второй хоръ:

А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой дідъ ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!

(Припѣвъ, повторяющійся послѣ каждаго стиха).

Такъ продолжаютъ, чередуясь:

— А чимъ же вамъ витоптать?
„А ми коні випустимъ".
— А ми коні переймемъ.
„Да чимъ вамъ перейнять?"
— Ой шовковымъ неводомъ.
„А ми коні викупимъ".
— Ой чимъ-же вамъ викупить?
„ А ми дамо сто рублівъ".
— Не треба намъ тисячи.
„А ми дамо дівчину".
— А ми дівчину візьмемо.

Первый хоръ поетъ:

Нашого полку убуде, убуде,

второй:

Нашого полку прибуде, прибуде.

Изъ перваго полка дѣвушка перебѣгаетъ во второй, и это продолжается, пока всѣ не перебѣгутъ.

Къ распространеннымъ мотивамъ весенних пѣсенъ относятся жалобы жены, неудачливой въ бракѣ (Malmariée, Malmaritata), монастырской заключенницы; либо дѣвушка откровенно пристаетъ къ матери, чтобы она выдала ее замужъ: широко распространенный мотивъ канцоны del nicchio, которую въ Декамеронѣ предлагаютъ спѣть Діонео. Такою именно просьбой о мужѣ кончается хоровая игра изъ Минской губерніи: она играется на Благовѣщеніе и носитъ названіе „Шума"; этого „Шума", ходящаго къ „диброви", изображаетъ мальчикъ лѣтъ шести, переходящій во время пѣсенъ по рукамъ играющихъ. Просьба дѣвушки, очевидно, отвѣчаетъ общему содержанію игры съ ея весенними надеждами на урожай, идеями оплодотворенія; отзвуки наивной физіологической подкладки. Во Владимірской губерніи въ Семикъ „водятъ Колосокъ": молодыя женщины, дѣвушки и парни собираются у села и, попарно схватясь руками, становятся въ два ряда лицомъ другъ къ другу. По ихъ рукамъ ходитъ дѣвочка, убранная разноцвѣтными лентами, каждая послѣдняя пара, по рукамъ которой прошла дѣвочка, забѣгаетъ впередъ; такъ образуется безпре-

Библиотека "Руниверс"

рывный мостъ, постоянно подвигающійся къ озимому полю. Достигнувъ его, дѣвочка спускается съ рукъ, срываетъ нѣсколько колосьевъ ржи, бѣжитъ съ ними въ село и бросаетъ у церкви. Въ это время поютъ пѣсни, въ которыхъ дѣвочку величаютъ царицей.

Ходитъ колосъ по яри,
По бѣлой пшеницѣ.
Гдѣ царица шла,
Тамъ рожь густа,
Изъ колосу осьмина,
Изъ зерна коврига,
Изъ полузерна пирогъ,
Родися, родися рожь съ овсомъ,
Живите богаты сынъ съ отцемъ.

Это вводитъ насъ въ кругъ аграрныхъ хоровыхъ игръ, привязанныхъ къ круговороту земледѣльческаго года; ихъ основа—обрядовая, подражательный характеръ напоминаетъ сходныя пляски ряженыхъ у некультурныхъ народовъ. Напомнимъ турицу славянскаго весенняго обряда, хожденіе съ козой, кобылкой у насъ о святкахъ, аналогическое ряженіе оленемъ, старухой, употребленіе звѣриныхъ масокъ въ святочномъ обиходѣ средневѣковаго запада. Извѣстные очередные моменты вызывали особые приливы хороваго веселья: въ пору винограднаго сбора въ Греціи ходилъ веселый комосъ и раздавались фаллическіе хоры, въ Римѣ versibus alternis opprobria rustica.

Я не имѣю въ виду исчерпать весь относящійся сюда богатый матеріалъ, а ограничусь разборомъ нѣсколькихъ игръ мимическаго характера. Иныя изъ нихъ спустились теперь до спеціально дѣтской традиціи, другія видимо отвязались отъ обряда и не дѣются, а поются свободно.

Въ Малороссіи „дівчата“ и „молодиці“ образуютъ собою кругъ, въ середину котораго садится нѣсколько дѣвочекъ, вокругъ которыхъ ходятъ и поютъ:

Ой на горі лѣнъ, лѣнъ,
На горі маковець,
По тысячи молодець,
По шелягу стрілка,
А по денежці дівка.
Мої люби маковочки,
Сходітеся до купочки,
Станьте усі у рядъ.

Потомъ дѣвушки останавливаются и спрашиваютъ у дѣтей, сидящихъ въ срединѣ:

Библиотека "Руниверс"

Соловейку, шпачку, шпачку!
Чи бувавесь ти въ мачку, мачку!
Чи видавесь, якъ макъ копають?

Дѣти отвѣчаютъ, показывая при этомъ жестами на то, что заключается въ пѣснѣ:

Ой бувавъ я въ тимъ садочку,
Та скажу вамъ всю правдочку:
Ото такъ
Копають макъ.

По бо́льшей части это дѣлается такимъ образомъ: спрашиваютъ: „Чи виорано?“ Дѣти отвѣчаютъ: „Виорано“. Потомъ опять ходятъ кругомъ, продолжая спрашивать: Чи зараляно?—Зараляно.—Чи заволочено? — Заволочено. — Чи засіяно? — Засіяно. — Чи збірано? — Збірано. — Чи пора молотити? — Пора. Послѣ этого дівчата и молодиці, составляющіе кругъ, берутъ дѣтей въ руки и, подбрасывая ихъ вверхъ, поютъ:

Ой такъ, такъ
Молотили макъ.

Сходна великорусская игра: хороводъ выбираетъ мать и нѣсколько дочерей. Одна изъ нихъ обращается къ матери:

Научи меня, мати,
На ленъ землю пахати.

Мать жестами показываетъ, какъ это дѣлать:

Да вотъ здакъ, дочи, дочушки!
Да вотъ такъ, да вотъ этакъ!

Играющія дочерей подражаютъ движеніямъ матери. Такимъ порядкомъ продѣлываются всѣ пріемы обработки льна; наконецъ, во время работы, дочери начинаютъ заглядываться на парней и вдругъ озадачиваютъ мать новой просьбой:

Научи меня, мати,
Съ молодцемъ гуляти.

Мать сердится и грозитъ дочерямъ побоями, но онѣ ея не слушаютъ и уже не ждутъ наставленія:

А я сама пойду,
Съ молодцемъ плясать буду,
Да вотъ такъ, да вотъ этакъ.

Нормандская ronde mimique, параллели къ которой извѣстны въ

Библиотека "Руниверс"

Каталоніи и Италіи, не привязана, кажется, ни къ какому обрядовому акту. Сюжетъ—сѣяніе и обработка овса:

Aveine, aveine, aveine,
Que le bon Dieu t'amène!
Avez vous jamais ouï
Comme on sème l'aveine?
Mon père le semait ainsi.

Слѣдуютъ соотвѣтствующія тѣлодвиженія, сопровождающія и дальнѣйшіе вопросы пѣсни: Какъ боронятъ, полютъ, косятъ, вяжутъ, вывозятъ, молотятъ, вѣютъ, мелютъ, ѣдятъ овесъ и т. д., какъ и въ chanson du vigneron или La coupe du vin изображаются послѣдовательно занятія винодѣла:

Plantons la vigne...
La voilà la joli' vigne;
Planti, plantons, plantons le vin;
La voilà la joli' plante au vin
La voilà la joli' plante!
De plante en bine...
La voilà la joli' bine!
Bini, binons, и т. д.

Слѣдующія строфы продолжаютъ: De bine en pousse, De pousse en branche, De branche en fleur, De fleur en grappe, и, наконецъ De verre en trinque.

Русская игровая пѣсня выражаетъ мимически и дальнѣйшій актъ: дѣйствіе напитка, пива:

Мы наварим пива,
Зеленова вина,
Ладу, ладу, ладу!
Что у насъ будетъ
Въ этомъ пивѣ?
Всѣ вмѣстѣ сойдемся,
Всѣ и разойдемся.

(Сходятся и расходятся). Слѣдуютъ вопросы и отвѣты: „Всѣ мы испосядемъ, Посидимъ да встанемъ“ (садятся и встаютъ); „Всѣ мы исполяжемъ, Полежимъ да встанемъ“ (ложатся и встаютъ); „Всѣ вмѣстѣ сойдемся“ (сходятся); „Всѣ пива напьемся, Всѣ и разойдемся“ (расходятся).

Греческія ἐπηλήνιοι ὄρχησις могли отличаться такимъ же мимическимъ характеромъ; у Лонга описываются сельскія забавы: кто то затянулъ пѣсню, какую за работой поютъ жнецы (IV, 38), другой принялся

Библиотека "Руниверс"

потѣхи ради подражать движеніямъ винодѣла.—Подобная мимическая пляска выражаетъ у маорисовъ сажаніе и выкапываніе бататовъ.

У румынъ наканунѣ Новаго года мальчики и парни ходятъ по домамъ съ пожеланіями, пѣніемъ и дѣйствомъ „Плуговой пѣсни". Пѣніе сопровождается игрой на флейтѣ и звяканіемъ желѣзъ отъ сохи, либо звономъ колокольчика, хлопаніемъ бича и игрой на инструментѣ, прозванномъ „быкомъ"; при томъ тащутъ либо настоящій плугъ, либо игрушечный, украшенный цвѣтами и разноцвѣтною бумагой. Сходный обрядъ существуетъ и у галицкихъ русиновъ. Содержаніе румынской пѣсни провожаетъ земледѣльца отъ его перваго выѣзда въ поле съ плугомъ къ пашнѣ, посѣву и жатвѣ, на мельницу а оттуда въ домъ, гдѣ печется румяный святочный „колачъ" [1]). Это—годъ румынскаго земледѣльца, воспѣтый и сыгранный, въ надеждѣ, что представленное въ дѣйствѣ осуществится, что именно символическое дѣйство вызоветъ его осуществленіе. Очень вѣроятно, что и такія потѣшныя игры, какъ сѣяніе мака, пѣсни объ овсѣ и лозѣ имѣли когда то такое же магическое значеніе.

Въ основѣ многихъ народныхъ обрядовъ лежитъ психологическій параллелизмъ съ недосказаннымъ членомъ параллели [2]); это—желаемое; дѣйствіе вызываетъ дѣйствіе; съ окрѣпшимъ значеніемъ слова, чарующая сила присвоивается ему. Мы уже отмѣтили такую именно послѣдовательность развитія въ составѣ заговора. Когда въ совокупности обрядовыхъ моментовъ зародится представленіе божества, дѣйствія будутъ исходить отъ него, слово и подражательный актъ обратится къ нему. Въ Малороссіи ребятишки ходятъ подъ Новый годъ, посыпая зерномъ хозяевъ и хаты, приговаривая: „На счастье, на здоровье, на Новый годъ! Сады, Боже, жито, пшеницю и всяку пашницю", послѣ чего поется „посыпальница":

А въ поли, поли самъ плужокъ ходе,
А зы тымъ плужкомъ самъ Господь ходе,
Святый Петро погоняе.
Богородица істы носыла,
Істы носыла, Бога просыла:
Зароды, Боже, жито, пшеницю,
Жито, пшеницю, всяку пашницю.

(*Этнограф. Обозр.*, VII, 73).

---

[1]) См. Разысканія, VII, стр. 114 слѣд.

[2]) Объ одночленномъ параллелизмѣ см. Психологическій параллелизмъ, l. c., стр. 56 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

Подражательное дѣйствіе румынскаго обряда переселилось въ миѳъ, въ легенду, подсказанную на этотъ разъ апокрифомъ о томъ, какъ „Христосъ плугомъ оралъ“; иногда пашущими являются святые: Василій, Илья и др. Но такое развитіе отъ обряда къ миѳу могло совершаться и органически: такъ сложились изъ жатвеннаго обихода миѳы и пѣсни о Линѣ, Манеросѣ и др. Такія миѳологическія пѣсни, отрѣшившись отъ обряда, поются отдѣльно, какъ съ другой стороны, обрядъ, отрѣшившись отъ своего содержанія, можетъ очутиться простою мимическою игрой; таково, быть можетъ, отношеніе распространенной повсюду пляски „мечей“ (нѣмецкіе Schwerttanze, Bacchuber въ Бріансонѣ и т. д.), которую я сближалъ съ готской игрой византійскаго святочнаго церемоніала — къ болгарскимъ русаліямъ, несомнѣнно люстральнаго характера [1]).

Третье выдѣленіе касается заговорной формулы, забывающей порой пріуроченіе и употребляющейся внѣ календарной связи. Кахетинскіе лазарэ отбываются вообще во время засухи.

III.

Переходъ отъ календарныхъ обрядовъ къ свободнымъ отъ пріуроченія представляютъ тѣ переживанія древняго гетеризма и обрядовъ инціаціи, принятія въ родъ, которые еще услѣдимы, напримѣръ, въ современныхъ обычаяхъ кумленія, попрежнему привязанныхъ къ опредѣленной годовой порѣ. Брачный обиходъ уже вышелъ большею частью изъ этой условности, сохранивъ свой игровой и мимическій характеръ. Народную свадьбу называли не разъ народною драмой; я предпочелъ бы названіе сводной мистеріи: это накопленіе хоровыхъ мимическихъ дѣйствъ, отвѣчающихъ тому или другому моменту одного связнаго цѣлаго, какъ эпическія пѣсни могли спѣваться, объединяясь однимъ сюжетомъ, однимъ героическимъ именемъ. Преобладаетъ хорическое начало (*сл.* старо верхнен. hîleich, англос. brȳdlâc: свадьба, съ основнымъ значеніемъ leich'a: игра, пляска), а именно принципъ двухъ хоровъ: мы уже говорили о двухъ хорахъ греческой свадьбы; та же двучленность присуща и римскимъ carmina nuptialia, извѣстна во французскомъ, этонскомъ и русскомъ брачномъ обиходѣ; есте-

[1]) *Сл.* Разысканія, XIV; о представленіяхъ греческихъ митрагиртовъ, вооруженныхъ мечами и топорами, *сл. Лукіана* и *Апулея*; о готской игрѣ см. теперь изслѣдованіе *Krauss'a* въ Paul's Beiträge, XX, 224 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

ственное дѣленіе на группы дано двумя сошедшимися родами, жениховымъ и невѣстинымъ, они препираются, стараясь показать, что они не „дурной родни", обмѣниваются шутками и прибаутками, задаютъ другъ другу загадки. Отсюда форма амебейности, вопросовъ и отвѣтовъ, діалога, какъ напримѣръ, въ народной свадьбѣ зальцбургскихъ горнорабочихъ отецъ невѣстки препирается съ дружкой; все это перемежается монологами дружки, вопленницы, потѣшника. Не только накопленіе дѣйствъ, но и дѣйствъ, относящихся къ различнымъ порамъ развитія хороваго начала, какъ и въ самомъ содержаніи свадебныхъ актовъ отразились въ пестрой смѣси разновременныя формы брака, напримѣръ, умыканія и купли. Обрядъ раскрывался въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ, слабѣе упроченныхъ символическимъ дѣйствомъ, для свободной импровизаціи, для личной пѣсни, шуточной или балладной. Въ этотъ-то разрѣзъ вторгались захожіе веселые люди, шпильманы и скоморохи, личные пѣвцы, игра которыхъ на свадьбахъ, похоронахъ и поминкахъ вызывала протесты средневѣковой церкви. И, наоборотъ, сложившаяся въ брачномъ или другомъ ритуалѣ пѣсня могла выйдти изъ его состава и разноситься на сторонѣ, оторвавшись отъ родимой вѣтки.

Русскій свадебный обиходъ открывается сватовствомъ, обставленнымъ символическими обрядами и традиціонными разговорами сватовъ съ родителями невѣсты. Разговоръ ведется исключительно въ формѣ загадокъ; этотъ мотивъ состязанія загадками и находчивыми отвѣтами проходитъ по всѣмъ дальнѣйшимъ эпизодамъ свадьбы; удачно разрѣшенная загадка открываетъ женихову поѣзду доступъ въ домъ. Слѣдуетъ рукобитье, съ казовою продажею или пропоемъ невѣсты, послѣ чего начинается рядъ посидѣлокъ или дѣвишниковъ; далѣе— самая свадьба и на другой день, большой столъ или хлѣбины, чѣмъ и кончается торжество. Во всѣхъ этихъ обрядахъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является невѣста, на ея долю выпадаетъ наибольшее количество пѣсенъ; она оплакиваетъ свою дѣвичью волю, прощается съ семьею, жалуется на судьбу, заставившую ее идти въ чужую, дальнюю сторону и т. д. Женихъ играетъ пассивную роль: за него все говоритъ и дѣлаетъ дружка, балагуръ и краснобай, отлично помнящій всѣ тонкости свадебнаго обихода и свадебныхъ „приговоровъ", полный самосознанія, какъ и невѣстой руководитъ дружка, такая же опытная и ловкая, знающая, когда и что слѣдуетъ дѣлать, пѣть и говорить, носящая различныя названія: „княжны-свахи". вытницы, вопленицы, плачеи, пѣвули, стиховод-

Библиотека "Руниверс"

ницы, заводницы и т. д. Она и дружка жениха—распорядители свадьбы, въ составѣ которой мы уже наметили разновременное наслоеніе бытовыхъ формъ въ ихъ пѣсенныхъ и мимическихъ выраженіяхъ. Такова напримѣръ подробность обряда, напоминающаго умыканіе невѣсты: сваты являются подъ вечеръ, въ видѣ странниковъ или охотниковъ, просятъ пустить ихъ обогрѣться, увѣряютъ, что ихъ князь охотился на краснаго звѣря и самъ видѣлъ, какъ одна куница или лисица скрылась во дворѣ именно этого дома. Ихъ пускаютъ во дворъ, но не иначе, какъ послѣ долгихъ переговоровъ и за извѣстную плату, напримѣръ за угощеніе. Въ день свадьбы передъ поѣзжанами жениха запираютъ ворота; разыгрывается примѣрная борьба, иногда даже съ выстрѣлами; братъ невѣсты защищаетъ ее съ саблею въ рукахъ. Вечеромъ, послѣ свадебнаго пира, молодой хватаетъ новобрачную въ охапку и выноситъ изъ дому; та вырывается и бѣжитъ; дѣвушки ее защищаютъ; женихъ и поѣзжане снова овладѣваютъ ею и увозятъ въ домъ жениха. Въ ритуалѣ народной свадьбы на синайскомъ полуостровѣ невѣста бѣжитъ, прячется отъ жениха, которому приходится искать ее. Таково содержаніе и одной фарейской пѣсни, сопровождающей какую то народную игру. Либо невѣста затерялась, тонетъ, ее похитили, и на ея выручку отправляются отецъ, мать, братъ; находитъ ее женихъ. Такія пѣсни существуютъ въ пересказахъ малорусскихъ, венеціанскихъ, сицильянскихъ, новогреческихъ, русскихъ; онѣ ходятъ отдѣльно, кое-гдѣ поются въ связи съ свадебнымъ ритуаломъ, искони ли выражая содержаніе соотвѣтствующаго эпизода, или примкнувъ къ нему со стороны, по созвучію? Что аналогическіе сюжеты могли вытѣснять традиціонное содержаніе обрядовой пѣсни, тому свидѣтельствомъ исторія дифирамба, въ которомъ исконные мотивы діонисовскаго мифа уступили мѣсто героическимъ вообще. Это открывало путь къ пѣсеннымъ нововведеніямъ, уже внѣ видимой связи съ какимъ-бы то ни было обрядовымъ моментомъ; на польской и болгарской свадьбѣ поется на свободно бытовую тему о томъ, какъ мужъ, вернувшись изъ отъѣзда, попалъ на брачный пиръ своей жены. Въ такомъ положеніи является Добрыня-скоморохъ въ былинѣ о немъ; пѣсня могла зайдти въ обрядъ изъ скоморошьяго репертуара; вѣроятнѣе, что она въ немъ только преобразовалась и что ея первоначальное содержаніе навѣяно было бытовымъ мотивомъ брачнаго умыканія.

Другіе эпизоды брачнаго дѣйства напоминаютъ о куплѣ-продажѣ невѣсты: сваты являются въ видѣ купцовъ и обязаны выкупить не-

Библиотека "Руниверс"

вѣсту у ея брата деньгами, либо рѣшеніемъ загадокъ; происходитъ осмотръ товара и примѣрный торгъ, запиваемый могарычемъ.

И все это въ сопровожденіи пѣсенъ, въ чередованіи хоровъ и съ моментомъ ряженія, въ которомъ теперь трудно отличить свое и серьезно-бытовое отъ навѣяннаго и безцѣльно потѣшнаго: рядятся цыганомъ, цыганкой, москалемъ, жидомъ, мужчина одѣвается женщиной и т. д. Нѣкоторую устойчивость обнаруживаютъ „приговоры“: они указываютъ на упроченное преданіе, передававшееся изъ рода въ родъ, отъ одного дружка къ другому; такая же профессіональная передача какъ у вопленицъ нашихъ причитаній, и съ тѣми же результатами: обиліемъ повторяющихся формулъ и образовъ, напоминающихъ и воспроизводящихъ схематизмъ былиннаго стиля. Въ ярославской свадьбѣ „предъѣзжій“ дружка жениха (это его постоянный эпитетъ) съ „молодымъ подружіемъ“ (помощникомъ) подъѣзжаетъ къ невѣстину дому; ворота заперты; онъ говоритъ, что пріѣхалъ „не насильно, не навально“, а посланъ женихомъ. „Нашъ князь молодой новобрачный выходилъ изъ высокаго терема на широкую улицу; я, предъѣзжій дружка съ молодымъ подружіемъ, выходилъ изъ высокаго терема на широкую улицу, запрягалъ своего добраго команя и осѣдлалъ и овозжалъ, шелковой плеткой стегъ; мой добрый конь осердился, отъ сырой земли отдѣлился, скакалъ мой добрый комань съ горы на гору, съ холмы на холму, горы, долы хвостомъ устилалъ, мелки рѣчки перескакивалъ; доскакивалъ мой добрый комань до синяго моря; на томъ синемъ морѣ, на бѣломъ озерѣ, плавали гуси сѣрые, лебеди бѣлые, соколы ясные (?). Спрошу я гусей-лебедей: гдѣ стоитъ домъ, гдѣ стоитъ теремъ нашей княгини молодой новобрачной? На это мнѣ гуси отвѣчали: Поѣзжай къ синему морю въ восточную сторону, тутъ стоитъ дубъ о двѣнадцати корняхъ.— Я поѣхалъ въ восточную сторону, доѣхалъ до того дуба; выскочила кунка; не та кунка, что по лѣсу ходитъ, а та кунка, котора сидитъ въ высокомъ теремѣ, сидитъ на рѣшотчатомъ стулѣ, шьетъ ширинку нашему князю молодому новобрачному. Я предъѣзжій дружка съ молодымъ подружіемъ поѣхалъ по куньему слѣду, доѣхалъ до высокаго терема на широкую улицу къ княгинѣ молодой новобрачной къ высокому терему; слѣдъ куній по подворотницѣ ушелъ, а назадъ дворомъ не вышелъ; слѣдъ куній отведи или ворота отопри!“

Изъ-за воротъ спрашиваютъ: „кто тутъ, комаръ или муха?“

„Я не комаръ, не муха, тотъ ли человѣкъ отъ Святаго Духа. Слѣдъ куній отведи или ворота отопри!“

Библиотека "Руниверс"

Изнутри слышится голосъ: Поди подъ кутное окно; либо: Лѣзь въ подворотню; ворота заперты, ключи въ море брошены; иди ворота лѣсомъ и чащей заросли. На все у дружки есть отвѣтъ, напримѣръ: „нашъ князь молодой новобрачный ѣздилъ къ синему морю, нанималъ рыбачевъ удальцовъ, добрыхъ молодцовъ; они кидали шелковый неводъ, изловили бѣлую рыбицу, въ той бѣлой рыбицѣ нашли златы ключи". За каждымъ отвѣтомъ то же требованіе: Слѣдъ куній отведи или ворота отопри!

Легко было бы подвести къ приведеннымъ примѣрамъ рядъ аналогическихъ изъ свабеднаго обихода другихъ народностей, но они не измѣнили-бы характера тѣхъ обобщеній, которыя мы имѣемъ ввиду. Остановимся лишь на одномъ вопросѣ: когда въ обиходѣ народной свадьбы, какъ и въ гомеровскихъ поэмахъ, встрѣчаются указанія на такія формы брака, которыя, развившись въ послѣдовательной эволюціи семьи, не могли существовать въ практикѣ жизни, ясно, что иныя изъ нихъ спустились къ значенію обрядовыхъ и пѣсенныхъ формулъ: въ обрядѣ онѣ очутились полупонятными переживаніями, въ пѣснѣ общими мѣстами, широко и неопредѣленно суггестивными. Это одинъ изъ источниковъ народно-пѣсенной стилистики.

Похоронная обрядность построена на такомъ же хорическомъ началѣ, выражавшемся въ пѣніи, пляскѣ и дѣйствіи. Такъ уже въ классическомъ мірѣ. Надъ Ахилломъ причитаютъ, чередуясь, отвѣчая другъ другу (ἀμειβόμεναι), девять музъ, нереиды вопятъ (Il. XXIV, 60 слѣд.); при тѣлѣ Гектора пѣвцы заводятъ плачъ—причитаніе. женщины испускаютъ вопли [1]). Говорятъ, что пиррихій (военный танецъ) изобрѣтенъ былъ Ахилломъ, исполнявшимъ его передъ костромъ Патрокла; судя по барельефамъ на египетскихъ похоронахъ плясали скоморохи (douatiou), вооруженные короткими палками (à tête de coucoupha); погребальныя пляски у римлянъ замѣнились впослѣдствіи театральными представленіями, сопровождавшими, еще въ пору Веспасіана (Strab. Vesp. 19), похоронный обрядъ, что объясняетъ отчасти нахожденіе въ гробницахъ масокъ и вазъ съ сценическими изображеніями. Какъ въ Алжиріи мѣстныя плакальщицы плачутъ съ дикими воплями, распустивъ волосы, на свѣжей могилѣ, такъ на армянскихъ похоронахъ, въ языческую и еще христіанскую пору, при-

[1]) Il. XXIV, 720: παρὰ δ'εἶσαν ἀοιδοὺς, θρῆνων ἐξάρχους, οἵ τε στονόεσσαν ἀοιδὴν, οἱ μὲν δὴ θρήνεον, ἐπὶ δὲ στενάχοντο γυναῖκες—Οἵ τε-οἱ μὲν предполагаетъ порчу текста, либо пропускъ, на что и было указано. Ожидаешь двойственной роли пѣвцовъ: одни зачинаютъ, другіе отвѣчаютъ.

Библиотека "Руниверс"

читанія и пѣсни дѣлились на mrmountch (роптаніе), egherg (жалоба), и eghb (заплачка); являлась толпа плакальщицъ, называвшихся dsterg sgo (дочери сѣтованія, траура), съ ними набольшая, mair oghbots, мать сѣтованія. Онѣ плясали, плеща другъ друга по ладонямъ, пѣли, подыгрывая на разныхъ инструментахъ; воспѣвали доблесть, благотворительности покойнаго, обращаясь къ нему, вопрошая, зачѣмъ онъ покинулъ неутѣшную молодую жену и дѣтей, либо прощались отъ его имени съ вдовой и т. д. По словамъ Фавста византійскаго, царь Арзакъ такъ велѣлъ оплакивать Knel'a: Фаранздзема, супруга убитаго, встала во главѣ вопленицъ, и всѣ хоромъ запѣли жалобную пѣсню о коварствѣ Дириты, о ея любовныхъ взорахъ, тайныхъ происках противъ Кнеля, объ убійствѣ послѣдняго; все это раздирающимъ, страстно захватывающимъ голосомъ, на который отвѣчали сѣтованія присутствующихъ.

Извѣстно, какъ ратовала западная церковь противъ saltationes и carmina diabolica на кладбищахъ. Стоглавъ противъ скаканія и пляса и сатанинскихъ пѣсенъ на погостахъ въ троицкую субботу. Козьма Пражскій говоритъ объ игрѣ ряженныхъ и сценическихъ представленіяхъ на могилахъ, какъ позже въ Малороссіи похоронныя, поминальныя пѣсни смѣнились веселыми и пляской въ присядку.

Въ иныхъ случаяхъ погребальный драматизмъ выражался другими чертами. Двѣнадцать витязей объѣзжаютъ могильный холмъ Беовульфа, сѣтуя и славословя (Beovulf V, 3138); Іорданъ такъ описываетъ, со словъ Приска, похороны Аттилы: посреди стана, на холмѣ, подъ шелковымъ наметомъ положили тѣло усопшаго; выбрали изъ гуннскаго народа лучшихъ наѣздниковъ, и они объѣзжали холмъ, восхваляя Аттилу въ искусныхъ пѣснопѣніяхъ, canta funerea: Славный король гунновъ, Аттила, сынъ Мундзука, повелитель храбрѣйшихъ народовъ, владѣлъ въ неслыханной дотолѣ мощи, единолично, скиѳскими и германскими странами, устрашилъ взятіемъ городовъ обѣ римскія имперіи, но, дабы не предавать всего грабежу, снисходя къ просьбамъ, соглашался принимать ежегодную дань. И когда, поддержанный удачей, онъ совершилъ все это, обрѣлъ смерть не отъ раны, нанесенной врагомъ, и не предательствомъ своихъ, а среди своего народа, стоявшаго на верху могущества, среди веселья, радостно и безболѣзненно. Кто же почтетъ прекращеніемъ жизни то, за что никому нельзя отомстить?—Такъ оплакавъ своего повелителя, они совершили на вершинѣ холма тризну (strava), пиръ и попойку и, оставивъ похоронныя причитанія, соединяя противоположное, предались веселью.

Библиотека "Руниверс"

Таковы были хорическіе субстраты обряда, изъ которыхъ выдѣлились греческіе θρῆνοι, римскія neniae, средневѣковыя planctus, complaintes [1]), въ которыхъ лирическій моментъ сѣтованія, возгласа, заплачки естественно чередовался съ моментомъ разказа, воспоминаній о дѣлахъ усопшаго, съ тѣмъ, что можно обособить названіемъ *причитанія*. Они проникались взаимно, или дѣлились; въ послѣднихъ импровизація, пѣніе ex temporе, обусловлена была тѣмъ обстоятельствомъ, что о каждомъ отдѣльномъ лицѣ приходилось поминать разное; заплачка должна была скорѣе принять болѣе прочныя, фиксированныя преданіемъ, формы, согласно съ ограниченною группой вызвавшихъ ее настроеній. Такія заплачки—причитанія могли раздаваться или создаваться и на поминкахъ внѣ обрядоваго дѣйства. Въ какихъ условіяхъ сложилась недавно записанная абиссинская пѣсня, мы не знаемъ.

„Выѣхалъ ты, Балай, съ витязями, верхомъ на своемъ сѣдлѣ.

Бѣлый былъ твой мулъ; при саблѣ, щитѣ и мушкетѣ, ты былъ прекрасенъ, какъ сынъ Бога.

У Балая зубы были бѣлыя, что молоко; твое прекрасное лицо очаровывало все Тигрэ, твоя сабля искала не простыхъ воиновъ, а вождей.

Зачѣмъ же не защитили тебѣ въ бою твои товарищи?

Развѣ въ тотъ день, когда ты палъ, не былъ при тебѣ твой товарищъ Леймаша?

Балай, никогда не замиришься ты съ твоимъ врагомъ, ибо ты палъ подъ деревомъ.

Не сѣтуй, Балай, что я такъ часто называю тебя по имени: убили тебя у камня.

О, еслибъ тебя убили, по крайней мѣрѣ, саблей или пулей, а убили тебя, какъ душатъ собаку.

Но скажи же намъ! Когда тебя убили, развѣ не было при тебѣ твоего пріятеля Семаала?

Балай, Балай, твоя мать ничего не знаетъ о твоей смерти, она говоритъ: Вотъ онъ сейчасъ прискачетъ на своемъ бѣломъ мулѣ!

Твоя мать представляетъ себѣ, какую пыль подняла твоя богатырская нога.

---

[1]) См. Эпическія повторенія l. c. стр. 280.

Библиотека "Руниверс"

Уѣхалъ Балай, сынъ Гуальду, но вмѣсто него вернулась растрепанная пороховница.

Теперь ты лежишь подъ камнемъ и никогда болѣе не двинешься; Балай, Балай, единственный сынъ твоей матери убитъ!

Триста стрѣлковъ поджидали и окружили тебя; выстрѣлы тебя поражали, душилъ дымъ; на тебѣ была красная рубашка, подъ тобой бѣлый мулъ.

Рубашку пробила молнія свинца. Король Іоаннъ много печалился о твоей смерти.

Враги убили твоего сына (обращеніе къ матери?); ты сражался противъ тысячи пушекъ, мы противъ тысячи всадниковъ.

Все это кажется сномъ.

Великій Боже, порази враговъ прежде, чѣмъ они изготовятся къ оборонѣ, и пусть все для нихъ, и земля и небо, будетъ твердо, какъ желѣзо".

Такъ могли воспѣвать гунны смерть Аттилы, вестготы своего короля Теодориха. Средневѣковые planctus, complaintes, сохранившіяся на латинскомъ и народныхъ языкахъ, принадлежащіе уже художественному почину, покоятся на обрядовомъ актѣ и вышедшемъ изъ него хоровомъ или личномъ причитаніи—заплачкѣ. Рядъ относящихся сюда памятниковъ начинается съ planctus на убитаго въ 799 году Эриха Фріульскаго, и съ плача безыменнаго автора на смерть Карла Великаго и т. д.; Пасхазій Радбертъ сообщаетъ (826 г.), что кончина св. Адальгарда была оплакана rustica romana latinaque lingua. Близость подобнаго рода литературныхъ причитаній къ народной почвѣ обнаруживается ритмическимъ строемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, припѣвомъ, наслѣдіемъ хороваго исполненія, и преобладаніемъ эпической канвы надъ лирическимъ сѣтованіемъ. Таковы planctus на смерть Фулькона Реймскаго и Вильгельма Longue-Épée, говорящіе о дѣлахъ покойныхъ и обстоятельствахъ ихъ смерти. Тѣмъ же эпическимъ характеромъ отличаются французскія complaintes, напримѣръ, Рютбёфа; когда во французскихъ chansons de geste смерть витязя вызываетъ съ стороны слагателя, либо изъ устъ дѣйствующихъ лицъ, память и хвалу и молитву объ успокоеніи, въ отраженіи общаго мѣста еще сохранился бытовой откликъ, но моментъ воспоминаній уже уступилъ сѣтованію. Такъ причитаетъ надъ Турпиномъ Роландъ:

El gentils hom, chevalier de bon aire,
Ui te comant al glorios celeste.

Библиотека "Руниверс"

Ja mais n'iert om plus volontiers lo serve,
Des les apostles ne fu mais tel prophete
Por lei tenir e por om atraire.
Ja la votro anme nen ait duel ne sofraite:
De pardis li seit la porte overte.

Въ провансальскихъ planh эпическая тема теряется еще болѣе, развита лирическая часть плача, и создается искусственный жанръ, устранившій всякіе слѣды обрядовой основы.

Именно эпическая часть planctus подлежала раннему обособленію изъ обрядовой связи, если по содержанію она отвѣчала болѣе широкимъ, не мѣстнымъ только интересамъ. Пѣсни—плачи о славномъ витязѣ, народномъ героѣ продолжали интересовать и внѣ роковаго событія, вызвавшаго ихъ появленіе: ихъ повѣствовательная часть дѣлается традиціонной, въ другомъ смыслѣ, чѣмъ фиксированныя подробности лирической заплачки. Такъ выдѣлялись изъ похоронной связи лирико-эпическія причитанія: ихъ могли пѣть по прежнему хоромъ, съ припѣвомъ или отдѣльно, внѣ обряда, который разлагался и съ другой, игровой стороны. Въ современной Греціи причитанія, миріологіи, обратились въ застольную игру: кто-нибудь изъ присутствующихъ представляетъ покойника, надъ нимъ голосятъ подъ звуки музыки (λαλητάδες), пока усопшій не вскочитъ и не начнется общій плясъ. Въ прежнее время плясали на похоронахъ, на жальникахъ, отбывая серьезное дѣйство; теперь въ Бретани вечеромъ по воскресеньямъ еще пляшутъ на погостахъ, по привычкѣ и косности преданія, но пляшутъ подъ звуки балладныхъ пѣсенъ. „Образуются rondes и раздается тонкій голосъ, на простой ритмъ, вызывая хоръ:

C'est dans la cour de Plat-d'Etain.

Всѣ подхватываютъ стихъ. Пляска оживляется.... По большей части морской вѣтеръ уноситъ половину словъ:

.... perdu mon serviteur....
.... porter mes couleurs....

Пѣсня кажется болѣе наивною, привлекательною, когда ее слышишь въ такихъ обрывкахъ, съ странными опущеніями, обычными въ пѣсняхъ, творящихся за пляской, гдѣ интересъ отданъ болѣе ритму, чѣмъ значенію текста". (*Daudet*, Contes du lundi: La moisson au bord de la mer).

Иная судьба ожидала причитаніе тамъ, гдѣ оно зажилось внутри обряда, какъ, напримѣръ, у славянъ и албанцевъ, грековъ и ирландцевъ, на Корсикѣ и въ Сициліи. Обыкновенно причитаютъ женщины,

Библиотека "Руниверс"

какъ надъ Ахилломъ музы, римскія praeficae, италіанскія voceratrici, наши вопленницы; въ армянскомъ похоронномъ ритуалѣ являются дочери — и мать сѣтованій, плачея, нѣчто въ родѣ гомеровскаго ἔξαρχος θρήνων, что̀ указываетъ на хоровое начало. И вотъ въ этой сферѣ замѣчается развитіе спеціализаціи, профессіи: печалятся близкіе люди, но причитаютъ другіе, *вопятъ о чужомъ горѣ, потому что умѣютъ вопить. Выше мы замѣтили, что лирическіе мотивы заплачки, выражающіе группу опредѣленныхъ психическихъ настроеній, необходимо повторялись, внося въ пѣсенный складъ извѣстную устойчивость и вмѣстѣ однообразіе. Къ этому присоединилась теперь устойчивость стиля, выработанная профессіональною привычкой къ такимъ, а не другимъ оборотамъ, къ схематизму положеній, къ ограниченнымъ ими словарю и фразеологіи. Легко ощутить разницу между этою профессіональною и вольною заплачкой, если сличить, напримѣръ, приведенную выше заплачку абиссинца съ нашими олонецкими причитаніями. Присоедините къ опредѣленности психическихъ мотивовъ и образовавшейся устойчивости ихъ словеснаго выраженія еще и любовь къ нѣкоторымъ традиціоннымъ сюжетамъ, повторяющимся изъ рода въ родъ — и мы очутимся на почвѣ эпоса и эпическаго стиля, то-есть, въ концѣ долгаго процесса, первые шаги котораго мы пытаемся уяснить. — На параллель съ стилемъ свадебныхъ приговоровъ указано выше.

Заплачка о видномъ дѣятелѣ становилась историческою былью, балладною пѣсней, и переходила въ преданіе; къ нимъ пристаивали пѣсни, навѣянныя казовыми событіями народной жизни, побѣдами и пораженіями; пѣсни миѳологическаго содержанія. Все это пѣлось хоромъ, порой и плясалось. О предводителѣ саксовъ Гервардѣ говорится, что „mulieres et puellae de eo in choris canebant“; женскій хоръ или хоровая пляска разумѣется въ слѣдующемъ свидѣтельствѣ о битвѣ ирландцевъ съ англичанами при Erkdale:

Jung women, quhen thai will play,
Sing it among theme ilke day.

По поводу смерти Ричарда Англійскаго, убитаго стрѣлою въ Лемозинѣ, такъ разказываютъ Annales Monastici: pro miraculo habetur apud multos, quod per multum tempus ante obitum regis solebant puellae normannicae canere in choreis:

In Lemozin sagitta fabricabitur
Qua tyrannus morte dabitur.

Библиотека "Руниверс"

Какъ въ Одиссеѣ (IX, 266 слѣд.) феакійскіе юноши пляшутъ подъ пѣсню о шашняхъ Арея съ Афродитой, такъ на фэрейскихъ островахъ извѣстныя традиціонныя пляски исполняются подъ баллады изъ цикла сказаній о Нифлунгахъ, а въ Дитмаршѣ въ былое время плясали подъ пѣсни воинственнаго содержанія. Хоромъ пѣли, по свидѣтельству начала XII вѣка, про дѣянія Вильгельма (qui chori juvenum, qui conventus populorum.... non resonant et modulatis vocibus decantant qualis et quantus fuerit); то же предположили и для древне-германскихъ эпическихъ пѣсенъ и тѣхъ греческихъ, которыя мы теперь не различимъ въ спѣвѣ гомеровскихъ поэмъ.

Мы не можемъ поручиться, насколько и въ болѣе древнихъ, приведенныхъ нами примѣрахъ, содержаніе пѣсни искони было крѣпко хору, тѣмъ менѣе обрядовому дѣйству. Твердо сохранился лишь обычай: пѣть хоромъ, играть, плясать пѣсню, содержаніе ея не всегда обязывало. Кантилена о св. Фаронѣ, которую, съ плесканіемъ рукъ, исполнялъ женскій хороводъ, входитъ въ разрядъ былевыхъ, источескихъ, разсмотрѣнныхъ выше, но когда во французской Канадѣ исполняютъ архаическій религіозный танецъ подъ звуки „Евангелистой пѣсни“ [1]), намъ станетъ ясно, что не ду текстомъ и движеніями пляски нѣтъ ничего общаго, что текстъ только опора ритма, игра отвѣчаетъ требованіямъ того ритмическаго катарзиса, который мы встрѣтили при началѣ синкретическаго дѣйства, который греки обобщили въ этическій принципъ.

На этой точкѣ развитія стоитъ цѣлый рядъ хоровыхъ пѣсенъ и плясокъ, которыя мы не въ состояніи пріурочить ни къ обрядовому акту, ни къ мимической игрѣ.

Въ Португаліи перепѣваются два хора, поочередно повторяя двустишія на разныя рифмы, съ однимъ постояннымъ припѣвомъ, при чемъ каждый хоръ подхватываетъ послѣдній стихъ своей же, предыдущей строфы:

1. Per ribeira de rio
Vy remar o navio,

(Припѣвъ) El sabor ey da ribeyra.

2. Per ribeira do alto
Vy remar o barco,

(Припѣвъ).

[1]) См. Мои Разысканія, VI, стр. 82.

Библиотека "Руниверс"

1. Vy remar o navio,
   Ly vay o meu amigo,

(Припѣвъ).

2. Vy remar o barco,
   Ly vay o meu amado

(Припѣвъ) и т. д.

Точно два правильно перевивающихся варіанта одной и той же пѣсни. Пляшутся и поются французскія rondes; я заподозрилъ обрядовое начало въ нѣмецкихъ Schwerttanz'ахъ, хотя, быть можетъ, они по существу подражательно-гимнастическіе, какъ и сходныя военныя пляски, извѣстныя во Франціи. Въ старые годы въ Дитмаршѣ исполняли такъ называемый Lange Dantz, въ его различныхъ видахъ, съ топаньемъ и прыжками, подъ звуки пѣсенъ въ родѣ: Her Heinrich uund sine Brüder alle dre, либо: Mi boden dre hövische Medlein и т. п. Описаніе одного изъ такихъ протяжныхъ танцевъ сохранилъ намъ Neocorus (Iohann Adolph): запѣвало, порой выбиравшій себѣ товарища, который подпѣвалъ бы ему и вообще помогалъ, зачиналъ пѣсню съ кубкомъ въ рукѣ. Пропѣвъ одинъ стихъ, онъ останавливался, и стихъ повторялся остальными. Они либо тутъ же подслушали его, либо знали раньше. Въ томъ же порядкѣ исполнялись и второй и слѣдующіе. Послѣ перваго или второго стиха выступалъ руководитель танца и съ шляпой въ рукѣ принимался плясать, такимъ образомъ приглашая къ тому же и другихъ. Онъ соображался съ пѣніемъ солиста, за нимъ и всѣ участники въ танцѣ; порой онъ также выбиралъ себѣ такого же помощника, какъ и запѣвало.

Особо слѣдуетъ поставить хорическія игры съ характеромъ мѣстныхъ, церковно-легендарныхъ воспоминаній: онѣ могли явиться на смѣну и въ формахъ древнихъ народно-обрядовыхъ, могли и сложиться на-ново изъ элементовъ, накопившихся въ игровомъ преданіи. Примѣромъ послужитъ слѣдующая бытовая картинка изъ Южной Италіи. О св. Павлинѣ, епископѣ Нолы, разказываютъ, что онъ самъ отдалъ себя въ рабство въ Африку, дабы освободить изъ неволи сына одной вдовы, попавшаго въ плѣнъ; когда по нѣкоторомъ времени онъ вернулся, жители встрѣтили его пѣснями и плясками. 22-го іюня въ Нолѣ ежегодно чествуютъ это воспоминаніе праздникомъ гильдій: устраивается по городу процессія, въ которой несутъ громадныя декоративныя башни, украшенныя статуями святыхъ и гильдейскими эмблемами; въ нижнемъ этажѣ башни пахарей Юдиѳь держитъ го-

Библиотека "Руниверс"

лову Олоферна. Въ процессіи везутъ и корабль, на немъ ряженый мавромъ, съ сигарой въ зубахъ, и св. Павлинъ, колѣнопреклоненный передъ алтаремъ. Когда всѣ башни соберутся на площади передъ соборомъ, носильщики начинаютъ качать ихъ взадъ и впередъ, на плечахъ, подъ тактъ, указанный распорядителемъ; затѣмъ башни спускаютъ наземь и вокругъ нихъ устраиваются пляски: пляшутъ кругомъ мужчины, положивъ руки другъ другу на плечи; въ срединѣ круга танцуютъ двое; порой они берутъ къ себѣ третьяго: онъ лежитъ у нихъ на рукахъ, и сначала самъ продѣлываетъ на въ этомъ положеніи, затѣмъ стихаетъ, точно его закачали на смерть—и вдругъ поднимаетъ голову, улыбается и принимается стучать кастаньетами. Другіе въ то же время ломаютъ изъ себя акробатовъ, показывая разные tours de force, тогда какъ рядомъ въ соборѣ епископъ торжественно священнодѣйствуетъ у алтаря святого.—Легендарное воспоминаніе, разработанное народными, обобщившимися игровыми мотивами. Такъ новая пѣсня создается нерѣдко изъ старыхъ формулъ. Не изучивъ историческаго словаря этихъ мотивовъ и формулъ, изслѣдователь какъ безъ въ рукъ въ вопросахъ миѳологическаго и поэтическаго генезиса.

Мы разсмотрѣли въ краткомъ очеркѣ разные виды хоровыхъ дѣйствъ, жившихъ или еще доживающихъ среди культурныхъ народностей. Ихъ легко приравнять къ категоріямъ, установленнымъ нами для народностей некультурныхъ. Передвинулись только, мы видѣли, границы календарнаго обряда, торжествуетъ текстъ, импровизація во многомъ уступила традиціи, и изъ связи хора могутъ выдѣляться отдѣльныя пѣсни, самостоятельныя цѣлыя, живущія своею особою жизнью и опредѣляющія порой формы и роды художественной поэзіи. Такъ обособились балладныя пѣсни изъ цикла весеннихъ, свадебныя, поминальныя, заговорныя. Греческая поэзія полна такихъ выдѣленій, лишь названіемъ напоминающихъ о своемъ обрядовомъ началѣ: элегія уже не вызываетъ въ насъ представленія о погребальной пѣснѣ, сатира о древней синкретической сатурѣ и т. п. Весь этотъ процессъ предполагаетъ, еще за предѣлами литературы, отдѣльныхъ носителей, пѣвца или пѣвцовъ, вышедшихъ изъ хора или дихоріи; и въ то же время на почвѣ хора и въ амебейности даны были условія драматическаго дѣйства: создавались жанровыя сценки, какъ въ нашихъ весеннихъ играхъ, съ типами и масками, какъ въ Ателланахъ, и такіе же сценическіе эпизоды примыкали къ обряду извнѣ, не проникнутые и не обусловленные его содержаніемъ. Таковъ характеръ нѣмецкихъ

Библиотека "Руниверс"

Fastnachtsspiele, нашей святочной игры въ „боярина“ и т. п. Не видно непосредственной эволюціи обрядоваго хора, въ которомъ такъ сильно развиты моменты движенія и діалога, къ тому цѣлому, которое мы назовемъ драмой. Греческая трагедія указываетъ на идеальныя условія такого развитія и на его переходную степень—въ культѣ. Къ этому вопросу, уже затронутому нами выше, намъ еще придется вернуться. Культовая драма средневѣковой Европы, мистерія, остается въ сторонѣ: она вышла не изъ народныхъ источниковъ, въ разрѣзъ и противоположности съ народною обрядностью. Черты послѣдней могли проникнуть въ нее, когда она стала выходить изъ подъ опеки церкви, но онѣ отражаются главнымъ образомъ въ бытовыхъ подробностяхъ, типахъ. И наоборотъ: какъ церковь овладѣла на западѣ народною обрядовою игрой, введя ее въ свой обиходъ, такъ церковная драма пристраивалась къ народнымъ хоровымъ дѣйствамъ въ пору ихъ разложенія или забвенія, какъ одинъ изъ элементовъ новаго синкретизма. Когда въ иныхъ мѣстностяхъ Германіи начальники двухъ народныхъ труппъ, исполняющихъ рождественскую мистерію, обмѣниваются загадками, препираются другъ съ другомъ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, намъ ясно, что церковная драма примкнула къ народному хоровому или амебейному дѣйству. Въ Италіи таковъ былъ, вѣроятно, первоначальный характеръ maggio: вѣтка майскихъ обходовъ, игра и преніе въ родѣ тѣхъ, какія мы наблюдали въ Германіи; позже maggio принялъ рыцарскій колоритъ и перешелъ въ торжественное ристаніе, родъ казоваго турнира; теперь подъ старымъ названіемъ разыгрываются народныя пьесы, заимствованныя изъ легендъ святыхъ и перешедшихъ въ народную книгу феодальныхъ поэмъ и рыцарскихъ романовъ.

IV.

На почвѣ хорическаго дѣйства мы отмѣтили постепенный процессъ дезинтеграціи и, въ результатѣ, ряды органическихъ выдѣленій и неорганическихъ смѣшеній; послѣднія являются и живутъ спорадически, органическія выдѣленія вступили на путь развитія. Въ послѣдующей исторіи поэзіи мы встрѣчаемъ такіе болѣе или менѣе опредѣленные типы, какъ эпику, лирику, драму; въ какихъ отношеніяхъ стоятъ они къ той синкретической, хоровой поэзіи, формы которой мы вправѣ считать древнѣйшими? Въ какой послѣдовательности развились они изъ этой протоплазмы, отвѣчая тѣмъ или другимъ спросамъ бытовой или общественной эволюціи?

Библиотека "Руниверс"

Вопросъ этотъ занималъ эстетиковъ и историковъ литературы; рѣшенія шли въ уровень съ тѣми или другими общими посылками, философскими взглядами и приращеніемъ матеріала сравненій, разрушавшихъ старыя обобщенія, вызывая новыя. На первыхъ порахъ считались съ наличностью историко-литературныхъ данныхъ, среди которыхъ явленіе первоначальнаго синкретизма не выдѣлялось, пока болѣе широкое изученіе фольклора не выставило его въ надлежащемъ свѣтѣ.

Я коснусь лишь въ немногихъ чертахъ исторіи вопроса, въ которой меньше рѣшеній, чѣмъ неупорядоченныхъ колебаній.

Начну съ воззрѣній, полученныхъ изъ а) *односторонняго обобщенія фактовъ греческаго литературнаго развитія*, принятаго за идеальную норму литературнаго развитія вообще. И до Гомера были гимническіе поэты и жреческіе пѣвцы, но грандіозное явленіе гомерическаго эпоса заслонило собою болѣе древнія начинанія; онъ и представился стоящимъ въ началѣ всего; исторія греческой литературы указывала далѣе на расцвѣтъ лиризма, позже на явленіе драмы; эта троичность и эта послѣдовательность были приняты за нормальныя и узаконены a posteriori философскою идеей. Таково построеніе Гегеля: на первомъ планѣ *эпосъ*, какъ выраженіе *объекта*, объективнаго міра, впечатлѣніе котораго полонитъ не развитое еще сознаніе личности, подавляя ее своею массой. Въ другой исторической чередѣ личность начинаетъ развиваться, и ростъ ея самосознанія открывается въ новой поэзіи *субъекта: лирикѣ*. Когда субъектъ окрѣпъ, является возможность критическаго отношенія къ міру объективныхъ явленій, оцѣнка человѣческой роли въ окружающемъ ее эпосѣ, страдательной или побѣждающей, борящейся. Этому и отвѣтило явленіе *драмы*, поэзіи *объекта—субъекта*. Съ этой точки зрѣнія драма могла представляться чѣмъ то композитнымъ, сводомъ, соединявшимъ результаты прежнихъ воззрѣній и формъ для выраженія новаго міросозерцанія. „Драма—эпическій родъ лирическихъ моментовъ, говоритъ Жанъ Поль Рихтеръ; въ ней объективное соединяется съ лирическимъ. Драматическій поэтъ—суфлёръ души. Присутствіе хора у древнихъ было живою, цѣльною лирическою стихіей. У Шиллера сентенціи дѣйствующихъ лицъ можно назвать маленькими хорами". Насколько лирическія партіи хора въ греческой драмѣ участвовали въ этомъ опредѣленіи—ясно само собою.

Воззрѣнія Гегеля надолго опредѣлили схематическое построеніе и чередованіе поэтическихъ родовъ въ послѣдующихъ эстетикахъ. Примѣромъ можетъ послужить Carrière (Wesen und Formen der Poesie):

Библиотека "Руниверс"

„эпическая поэзія—заря культуры, первое слово, которымъ народъ выражаетъ свою сущность"; „можно сказать, что, съ точки зрѣнія искусства, драма представляетъ послѣдній, вершающій камень зданіе, ибо она покоится на соприкосновеніи и сліяніи эпическихъ и лирическихъ элементовъ, да и въ историческомъ отношеніи является лишь тогда, когда послѣдніе уже развились. Самая прозрачная исторія искусства, греческая, доказываетъ это всего яснѣе: такъ послѣ Гомера и Алкея выступаетъ Эсхилъ и Софоклъ, и въ ихъ трагедіяхъ эпическія партіи въ повѣствованіи гонцовъ наслаиваются на лирическія пѣснопѣнія хоровъ". Въ другомъ своемъ трудѣ (Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwickelung и т. д.) Carrière уже дѣлаетъ слабую уступку явленію синкретизма, предварившаго все послѣдующее развитіе, но драма по прежнему является такою же композитной, какъ у Ж. П. Рихтера: въ началѣ культуры поэтическіе роды еще не успѣли выдѣлиться, дальнѣйшее развитіе состоитъ въ послѣдовательномъ обособленіи сначала эпоса, потомъ лирики, которые подъ конецъ, соединяются въ органическое цѣлое драмы. Художественная ея обработка — міровая заслуга грековъ, подвигъ Аѳинъ послѣ персидскихъ войнъ. Для этого не только необходимо было предварительное развитіе музыки и пластики, но и выдѣленіе, изъ первоначальнаго, безразличнаго единства поэзіи, сначала эпоса, потомъ лирики; надо было прежде развить искусство разказа, затѣмъ умѣнье выражать настроеніе чувства, дабы то и другое соединилось въ драмѣ... Такимъ образомъ въ Аѳинахъ слились, въ созданіи новой художественной формы, іонійскій эпосъ, дорическая хоровая лирика и эолійская лирика личнаго чувства.

Подобные взгляды мы встрѣчаемъ и въ поэтикѣ Ваккернагеля, у Benloew'a (la drame qui marie le lyrisme à l'épopée), еще недавно у Лакомба. Въ сторонѣ отъ этого построенія, мирясь и не мирясь съ нимъ, высказано было другое. Основано оно на в) *психологическихъ* посылкахъ, навѣянныхъ современнымъ пониманіемъ лиризма, которое и проектировалось въ начало развитія; туда же вело, быть можетъ, и приравненіе древнѣйшей гимнической поэзіи, выросшей въ обрядовой, хорической средѣ, къ лирикѣ личнаго чувства. Таково пониманіе Жанъ-Поль Рихтера: „Лира предшествуетъ всѣмъ формамъ поэзіи, такъ какъ чувство—мать, искра, возжигающая всякую поэзію, подобно тому, какъ лишенный образа огонь Прометая оживляетъ всѣ образы" Въ комментаріи къ своему переводу поэтики Гегеля Бенаръ выразилъ свое несогласіе съ взглядомъ автора на болѣе позднее,

Библиотека "Руниверс"

будто бы, развитіе лирики сравнительно съ эпикой: наоборотъ, на лирическую поэзію всегда смотрѣли, какъ на самую древнюю и общую форму поэзіи: это — первый крикъ души къ своему Творцу, голосъ, поднявшійся изъ глубины сердца, движимаго благодарностью и восторгомъ; выраженіе наивно-вдохновенной мысли. Всюду лирическая пѣсня предваряла эпическую.—Подобныя воззрѣнія заявлялъ и Benloew (Le lyrisme est la poésie des peuples qui n'en ont pas d'autre), ихъ раздѣляютъ Talvy и Schipper, Westphal и Croiset, Regnaud и др. Leon Gautier мотивировалъ ихъ съ обычнымъ ему паѳосомъ. „Представьте себѣ перваго человѣка въ моментъ, когда онъ вышелъ изъ рукъ своего Творца и впервые окидываетъ взоромъ свои недавнія владѣнія. Представьте себѣ, насколько возможно, живость и глубину его впечатлѣній, когда великолѣпіе трехъ царствъ природы отразилось въ умственномъ зеркалѣ его души. Внѣ себя, опьяненный, почти изступленный отъ изумленія, благодарности и любви, онъ поднимаетъ къ небу очи, которыхъ никогда не удовлетворитъ зрѣлище земли; тогда, открывъ въ небѣ Бога и воздавъ Ему хвалу за красу и свѣжую гармонію Его творенія, онъ разверзаетъ уста; онъ заговоритъ; нѣтъ, онъ запоетъ, и первая пѣсня этого властителя міра будетъ гимнъ Богу-Творцу“. Такіе гимны онъ станетъ пѣть и впослѣдствіи, славословя Создателя; таковъ древнѣйшій поэтическій родъ, который греки назвали по внѣшнему признаку, аккомпанименту на лирѣ—лирикой. Но люди плодились и разошлись въ народы; поэзія гимновъ болѣе не удовлетворяла; славословили Бога, затѣмъ стали пѣть хвалы вождямъ, народнымъ героямъ, но для новаго содержанія формы гимна или оды оказались слишкомъ тѣсными. Тогда зародился новый родъ поэзіи, менѣе восторженный, болѣе повѣствовательный: сказывали (ἔπω) о войнахъ, народныхъ побѣдахъ и невзгодахъ, начали съ миѳовъ, пока еще не проснулся историческій тактъ. Но и этою эпическою поэзіей не удовлетворились, она пріѣдалась; хотѣлось чего то болѣе живаго, захватывающаго. И вотъ у нѣкоторыхъ поэтовъ явился замыселъ: вмѣсто того, чтобы воспѣть гимнъ герою или повѣдать о его подвигахъ, они собрали своихъ друзей и сказали: ты назовешься именемъ такого-то лица, примешь его обликъ, его костюмъ, станешь говорить и дѣйствовать, какъ онъ: ты будешь Орестомъ, Агамемнономъ, Улиссомъ, Ахилломъ, Гекторомъ.—Люди приняли съ восторгомъ эту новинку, замѣнившую разказъ дѣйствіемъ—драму.

Съ подобнымъ взглядомъ на хронологическое первенство лирики

Библиотека "Руниверс"

мы еще встрѣтимся въ одной изъ новѣйшихъ работъ. только мотивы будутъ другіе, не навѣянные идиллическимъ взглядомъ на первобытнаго человѣка съ его воплями благодарности къ Творцу.

Отъ увлеченія нормами греческаго развитія, гдѣ на первомъ мѣстѣ исторіи стоялъ эпосъ, и отъ психологически-отвлеченнаго предпочтенія лирики, какъ естественнаго крика души, 1) *историко-этнографическая школа* выходила послѣдовательно къ понятію древняго хороваго синкретизма (Мюлленгофъ, Ваккернагель, фонъ-Лиліенкронъ, Уландъ, Гейеръ и др.), изъ котораго развились поэтическіе роды. Ужъ Benloew, стоящій за бо́льшую древность лирики, говорилъ о сплетеніи эпическихъ и лирическихъ элементовъ въ поэзіи первобытныхъ народовъ (mais elle n'est cela que virtuellement pour ainsi dire). Неопредѣленнѣе выразился Штейнталь: первые элементы поэзіи и остальныхъ искусствъ даны преданіемъ (Sage) и культурой. Гимнъ, стало быть, лирика. эпосъ и драма, въ началѣ почти нераздѣльные, выступаютъ впослѣдствіи, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, особо и самостоятельно. Какъ языкъ, миѳъ и религія — созданія народнаго духа, такъ и начала поэзіи—въ народной, выразившейся особенно въ лирикѣ, но всего ярче въ эпосѣ.

Гастонъ Парѝ различаетъ въ первобытной поэзіи два теченія, лирическое и эпическое, смѣшанныя, у иныхъ народностей никогда не доходившія до̀ дифференціаціи, выразившіяся въ произведеніяхъ эпическихъ по содержанію, лирическихъ по формѣ. У народовъ съ историческою ролью и преданіемъ является потребность не только высказать свои ощущенія по поводу того или другаго событія, но и разказать о нихъ на память себѣ и потомкамъ. Форма такихъ пѣсенъ на первыхъ порахъ страстная, отрывочная, отстаивается со временемъ въ нѣчто болѣе ясное, правильное, объективное; лирическій элементъ утрачиваетъ почву, и народная поэзія переходитъ къ эпикѣ.

Такъ выяснилось, рядомъ съ понятіемъ синкрэтизма, и другое: понятіе лирико-эпическаго жанра, какъ переходной степени развитія. Остается попрежнему открытымъ вопросъ объ относительной хронологіи эпики и лирики. Изслѣдователи отвѣчаютъ разно: Лахманъ. Ваккернагель, Коберштейнъ, Мартинъ, Бергъ, фонъ-Лиліенкронъ, Вильмансъ ставятъ лирику позже эпики, Я. Гриммъ, Мюлленгофъ, Шереръ это отрицаютъ. Разногласіе объясняется тѣмъ, что въ понятіе древней лирики и эпики безсознательно переносятся моменты различной цѣнности и что подъ лирикой одни разумѣютъ не то, что другіе.

Библиотека "Руниверс"

Поэтика Шерера пролила бы, вѣроятно, свѣтъ на многіе изъ нерѣшенныхъ вопросовъ, еслибъ не осталась наброскомъ, остовомъ лекцій, полнымъ блестящихъ идей, но и недосказанностей. Шереру снилась поэтика будущаго, построенная на массовомъ сравненіи фактовъ, взятыхъ на всѣхъ путяхъ и во всѣхъ сферахъ поэтическаго развитія; широкое сравненіе привело бы и къ новой, генетической классификаціи. Эта поэтика очутилась бы въ такомъ же отношеніи къ старой, законодательной, въ какомъ историко-сравнительная грамматика къ законодательной грамматикѣ до-Гриммовской поры. Все это остается пока и, вѣроятно, надолго останется—идеаломъ.

Шереръ откровенно сталъ на синкретическую точку зрѣнія, но не выдержалъ ее до конца, не выяснилъ моментовъ развитія, когда изъ пестрой связи игровыхъ проявленій выдѣляется то, что мы назовемъ поэзіей, ячейкой поэзіи. Предполагается въ началѣ смѣшеніе поэзіи—пѣсни съ музыкой и мимическою пляской; для древняго періода, который мы пытались характеризовать, когда элементъ слова отсутствовалъ въ синкретической игрѣ, либо выражался восклицаніями, можно сказать, что въ впечатлѣніи цѣлаго слово не играло опредѣляющей роли. Шереръ обобщаетъ этотъ выводъ съ очевидною натяжкой: „поэзія не въ одномъ только художественномъ употребленіи рѣчи“ говоритъ онъ и иллюстрируетъ это примѣрами: балета, обходящагося безъ словъ, пантомимы, наконецъ средневѣковой мистеріи, которая пѣлась и плясалась, производя художественное впечатлѣніе именно въ этой связи, не однимъ только словеснымъ элементомъ. Отсюда выводъ, что пантомима—поэтическое произведеніе безъ словъ (ein dichterisches, poetisches Kunstwerk). Мы выйдемъ изъ противорѣчія, поставивъ внѣ „поэтическаго“ хотя бы „художественное“.

Итакъ: хоровая пѣсня, съ плясомъ, откуда начало поэтическаго ритма; съ радостными кликами и смѣхомъ, потому что поэзія отвѣтила прежде всего требованіямъ забавы, удовольствія; однимъ изъ древнѣйшихъ ея моментовъ былъ эротическій. Въ это опредѣленіе не укладывается многое, о чемъ могли пѣть и пѣли; куда дѣвать напримѣръ причитанія? Нельзя же говорить въ пору зарожденія поэзіи объ эстетической субституціи.

Рядомъ съ ритмическою хоровою пѣснею—сказка въ прозѣ, начало эпики. Чередованіе стиховъ и прозы, встрѣчающееся у разныхъ народовъ [1]), понято, какъ переходная степень эпическаго изложенія;

[1]) См. мои Эпическія повторенія l. c. стр. 299.

Библиотека "Руниверс"

происхожденія самой формы Шереръ не объясняетъ: совершилось ли смѣшеніе сказа, партіи корифея, съ хоровымъ припѣвомъ, что могло бы повести къ чередованію ритмическихъ и неритмическихъ партій? Дальнѣйшей формой будетъ эпическая пѣсня въ стихахъ, но не въ строфахъ, ибо строфа развивается въ хоровомъ исполненіи, а эпическая пѣсня, „эпосъ", какъ выражается Шереръ, сказывается однимъ лицомъ, это его „индивидуальный подвигъ". Любопытно, какъ объяснилась бы съ этой точки зрѣнія строфичность французскихъ chansons de geste. Но и лирика, при ея зарожденіи, оказывается такимъ же индивидуальнымъ дѣломъ: кто-нибудь одинъ выражалъ свою радость, удовольствіе, эротическія чувства; если у него были сочувственные слушатели, его настроеніе сообщалось и имъ; на этомъ основано наше участіе къ лирической поэзіи вообще.

Началъ драмы изъ элементовъ хоровой пѣсни Шереръ не касается вовсе; можно было бы ожидать нѣсколько соотвѣтствующихъ указаній въ отдѣлѣ, посвященномъ „родамъ поэзіи", но именно здѣсь авторъ оставляетъ историческую точку зрѣнія для обычнаго схематизма, орудующаго понятіями эпоса, лирики, драмы, какъ чѣмъ то объективно даннымъ, строго опредѣленнымъ, въ чемъ можно разобраться, плодя новыя формальныя категоріи. Въ эпосѣ подчеркивается, напримѣръ, элементъ повѣствованія; сюда отнесены эпопея—и баллада и романсъ, отмѣченные, впрочемъ, названіемъ эпико-лирическаго рода. Цѣлый рядъ любовныхъ пѣсенъ съ эпическою канвой подобаетъ извлечь изъ отдѣла лирики и отнести къ эпикѣ; надо изъ лирики выдѣлить все эпическое, — хотя эпическій разказъ можетъ быть проникнутъ лирическими моментами. И въ то же время широко распахиваются двери изъ лирики въ драму: діалогическія партіи въ лирикѣ принадлежатъ полудраматическому роду, точно также, какъ „молитва" „посланіе", „героида", хотя, сама по себѣ, она можетъ носить и эпическій характеръ и т. д.

Историко-сравнительная поэтика не освѣтила категорій формальной.

Книга Шерера вызвала болѣе полемики, чѣмъ сочувствія. Съ нею мы вступаемъ въ область повѣйшей литературы, посвященной интересующимъ насъ вопросамъ. Я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ ея явленіяхъ; въ нихъ старое и новое чередуются, эволюціонная точка зрѣнія съ умозрительною, черпающею свои обобщенія изъ современнаго художественнаго опыта. Я не отрицаю значенія умозрѣнія, если его психологическіе и эстетическіе выводы построены не на одиноко

Библиотека "Руниверс"

стоящихъ. хотя бы и казовыхъ фактахъ, а на идеѣ развитія въ широкой исторической перспективѣ.

Начну съ работъ, не задававшихся цѣлями историческаго изученія.

Какой изъ двухъ родовъ поэзіи, лирика или эпосъ, относительно древнѣе, на этотъ вопросъ мы не найдемъ отвѣта въ книгѣ Werner'a (Lyrik); только, полемизуя противъ Шерера, онъ дѣлаетъ замѣчаніе. что въ эпикѣ моментъ чувства, стало быть, лирическій, кажется ему древнѣе повѣствовательнаго; вмѣстѣ съ Шереромъ онъ считаетъ эротическое начало существеннымъ въ лирикѣ эпохи зарожденія. Для поэтическихъ родовъ устанавливаются два дѣленія: по содержанію и по формѣ. По отношенію къ первому слѣдуетъ отличать два рода: лирическій и другой, для обозначенія котораго у насъ, въ сущности, нѣтъ соотвѣтствующаго выраженія; этотъ то родъ и распадается по формѣ на два вида: эпосъ и драму. Какъ видно, первое дѣленіе основано не на процессѣ историческаго развитія, а на знакомомъ старой теоріи признакѣ не содержательно-психологическаго, а формальнаго характера: что лирикъ выражаетъ свои личныя ощущенія. тогда какъ задача эпическаго и драматическаго поэта изображеніе характеровъ, положеній, дѣйствій другихъ людей. Будто все это не вызываетъ и въ личности поэта личной оцѣнки, стало быть, и выраженія индивидуальнаго ощущенія? Вѣдь и лирика, какъ понимаетъ ее Вернеръ, лирика самонаблюденія предполагаетъ раздвоеніе субъекта, часть котораго и становится объектомъ анализа, не говоря уже о народной пѣснѣ и той древнѣйшей, которую мы можемъ конструировать для начала развитія, гдѣ для субъективнаго анализа въ нашемъ смыслѣ слова и не было мѣсто.—Это позволитъ намъ устранить и другую характеристику. не оправдываемую ни психологическими, ни историческими фактами: будто лирика довлѣетъ самой себѣ, одинокій жанръ, einsame Gattung, тогда какъ эпосъ и драма предполагаютъ общество, публику; онѣ — gesellige Gattungen. Одинокая лирика „про себя“ принадлежитъ эстетической абстракціи, какъ школьному схематизму — установленіе 256-ти лирическихъ родовъ. Изъ нихъ лишь 16 признаются чистыми, безпримѣсными; для нѣкоторыхъ другихъ допущено сопроникновеніе лирики и эпоса (знакомый намъ лирико-эпическій жанръ) и предлагается нѣсколько новыхъ опредѣленій, напримѣръ. эпико-эпико-лирики для пьесы, въ которой эпическій элементъ преобладаетъ надъ лирическимъ (Гётевская баллада: Der Fischer); или даже естественно-политической лирики (Natur-politische Lyrik) для политической сатиры Уланда (Schwin-

Библиотека "Руниверс"

delheber). Это напоминаетъ пастушеско-комическія, историко-пастушескія и траги-комико-историко-пастушескія драмы, о которыхъ говоритъ Гамлетъ.

Valentin также недоволенъ ходячимъ распредѣленіемъ поэтическихъ родовъ на эпику, лирику и драматику и, не считая существеннымъ ихъ отличіе по формѣ, строитъ свою теорію на понятіи Gattung, обособляя такимъ образомъ эпику, лирику и поэзію рефлексіи. Но что такое Gattung? Это—*сущность содержанія*, сюжета, столь тѣсно обусловленная природою, настроеніемъ поэта (dichterische Wesenheit), я сказалъ бы: его *особой апперцепціей дѣйствительности*, что всякое измѣненіе первой существенно отразится и на второй. Лиризмъ Жанъ-Поль Рихтера, напримѣръ, не находилъ себѣ выраженія въ эпическихъ формахъ романа и—находилъ въ безформенныхъ Streckverse его прозы. Этимъ устраняется категорія формы.

Далѣе понятіе Gattung двоится: внѣшній міръ дѣйствительности даетъ поэту объективное, эпическое содержаніе, онъ воспринимаетъ его, разрабатываетъ субъективно, одолѣвая его рефлексіею, извлекая изъ него моментъ чувства: матеріалъ лирики. Эпическо-объективное содержаніе является такимъ образомъ общимъ субстратомъ, художнику принадлежатъ рефлексія и чувство, и я устранилъ бы „эпическое“ изъ понятія Gattung; но авторъ продолжаетъ говорить о трехъ Gattungen, въ сущности, трехъ элементахъ, присущихъ, въ разныхъ сочетаніяхъ, каждому поэтическому созданію. Именно разный характеръ сочетаній и приведъ его къ установленію трехъ названныхъ выше поэтическихъ категорій: „мы говоримъ объ эпическомъ процессѣ, когда сообщаются представленія съ цѣлью вызвать въ насъ такія же ощущенія, какія вызвали бы въ воспріимчивой личности дѣйствія, возбудившія эти представленія. Мы говоримъ о лирикѣ, когда чувство, которое желаютъ въ насъ возбудить, не возникаетъ въ насъ непосредственно изъ представленій, а изъ такого же чувства, своеобразно сложившагося въ какой-нибудь личности и въ этой своеобразности сообщающагося другимъ, что, при средствахъ языка, возможно лишь путемъ усвоенныхъ имъ представленій. Наконецъ, мы называемъ рефлектирующимъ процессъ размышленія, вызывающаго оцѣнку и выводы“. Все дѣло въ качествѣ смѣшенія при тождествѣ участвующаго матеріала; мы въ царствѣ переходныхъ сложеній, въ которое отринутое ученіе о формѣ вносило какой-то внѣшній распорядокъ: представленіе вызываетъ представленіе и—повтореніе ощущеній, чувство вызываетъ чувство путемъ представленій языка,

Библиотека "Руниверс"

образныхъ, эпическихъ. Авторъ опирается на это качество языка, чтобы прійдти къ такому опредѣленію поэзіи, въ которомъ расплываются его прежнія понятія объ „эпическомъ", какъ объ одномъ изъ элементовъ, Gattungen, поэтическаго творчества—и какъ о субстратѣ дѣйствительности. Оказывается, что поэзія, какъ словесное искусство,—искусство эпическое, оно поднимается до лирики—музыки, лишь борясь съ своимъ матеріаломъ; между ними—танецъ, который можетъ быть и эпическимъ и лирическимъ. Мы встрѣчали въ первобытной синкретической игрѣ пляску въ соединеніи съ элементомъ дѣйства, изъ котораго разовьются впослѣдствіи формы драмы; но до (художественной) драмы дошли не всѣ народы, говоритъ авторъ, она не „истекаетъ непосредственно изъ сущности поэзіи", не родъ, а форма, которая одинаково служитъ и эпическому изображенію, и лирическому чувству, и рефлексіи.

Иное дѣленіе родовъ находимъ у Лакомба (Introduction à l'histoire litteraire, стр. 7, 318 слѣд., 341). Стоитъ ли устанавливать ихъ іерархію? спрашиваетъ онъ себя и отвѣчаетъ положительно. Если съ философской точки зрѣнія ихъ различіе и можетъ показаться безполезнымъ, то во-первыхъ вопросъ о преимуществѣ одного надъ другимъ неотдѣлимъ отъ вопроса о прогрессѣ въ литературѣ, во-вторыхъ самое существованіе жанровъ—историческій, соціологическій фактъ, одна изъ литературныхъ институцій, заслуживающихъ изученія. Мы ожидаемъ послѣ этого заявленія, что іерархія Лакомба будетъ историческая, соціологическая; вмѣсто того мы получаемъ одну изъ обычныхъ банальныхъ схемъ, построенныхъ на психологическихъ и эстетическихъ посылкахъ. Лирика (въ стихахъ или прозѣ)—это жанръ, гдѣ поэтъ свободно выясняетъ самого себя, свои чувства и мысли. Она по необходимости односторонняя, и это указываетъ ей скромное мѣсто въ іерархіи: романистъ, драматургъ выше лирика по разнообразію вызываемыхъ имъ ощущеній; къ той же оцѣнкѣ ведетъ и положеніе автора, впрочемъ не развитое, что высшая цѣль искусства—роздавать характеры, individuer. Въ противоположности съ лирикой—драматика: сюда относятся всѣ произведенія, въ которыхъ художникъ заставляетъ дѣйствовать, чувствовать, говорить другія лица. Такія произведенія извѣстны были „во всѣ эпохи" (?), рядомъ съ другими, гдѣ авторъ показывается и самъ, поясняя и обсуждая то, что дѣлаютъ его маріонетки. Это — эпика; „логически" — это „смѣшанный родъ", genre mixte.

Отъ отвлеченно-эстетическихъ построеній Вернера, Valentin'a и

Библиотека "Руниверс"

Лакомба, едва ли имѣющихъ обогатить практическую поэтику, перейдемъ къ нѣкоторымъ работамъ, въ которыхъ поставлены были и обобщены вопросы поэтики исторической. Я имѣю въ виду Якобовскаго и Летурно.

Якобовскій выступилъ въ защиту Urlyrik, подчеркивая ея субъективное содержаніе на почвѣ древняго ритмическаго синкретизма. Для него лирика — выраженіе, эмбріонъ зарождающагося субъективизма. Первобытный человѣкъ переживаетъ пріятныя и непріятныя ощущенія; одни изъ нихъ такъ и остаются непроизводительными, тогда какъ другія непосредственно переходятъ, какимъ то психо-химическихъ процессомъ, въ лирику, когда особенно сильный аффектъ выведетъ человѣка изъ состоянія душевной косности. Лирика является такимъ образомъ выраженіемъ ненормальнаго состоянія сознанія; ея матеріалъ—пріятныя и непріятныя ощущенія; форма—звуки, междометія; если-бы сравнительное языкознаніе поставило себѣ задачей изучить восклицанія, общія всѣмъ языкамъ, мы открыли бы въ нихъ слѣды первоначальной лирики. Эмоціональный моментъ восклицанія указываетъ на пѣніе, содержательный—оформленъ въ словѣ; отсюда положеніе, что поэзія (?), слово и пѣніе—три вѣтви, выросшія изъ одного корня. Поэзія упомянута раньше времени; пока мы на почвѣ восклицаній; ими достигается такой же катарзисъ пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній, какъ движеніями сердца, дыхательнаго аппарата, мускуловъ на ходу, въ пляскѣ. Начала лирики въ связи съ пляской, съ пляской ритмическою. Авторъ останавливается на физіологическомъ значеніи ритма, симметріи, играющихъ роль и въ мірѣ животныхъ, гдѣ то и другое служитъ и пособіемъ и приманкою въ пору случки. Ритмическій характеръ первобытной лирики стоитъ въ связи съ ритмомъ сопровождавшихъ ее плясовыхъ движеній; повтореніе движеній вызывало и соотвѣтствующее повтореніе лирическихъ звуковъ, восклицаній: это зародышъ стиха; повтореніе одной и той же мысли, выраженной въ тѣхъ же однообразныхъ звукахъ—начало лирической пѣсни; удовольствіе, какое находили въ сложеніи одинаковыхъ звуковъ, поддерживалось другимъ, умѣньемъ воспроизводить уже сложившіеся, затверженные, въ чемъ мы усмотрѣли выше начинающійся ростъ преданія.

Переходя къ сюжетамъ первобытной лирики, авторъ выдѣляетъ особо лирику основныхъ позывовъ: голода и любви, къ которымъ пристраивается лирика зрительныхъ и звуковыхъ впечатлѣній. Изъ послѣднихъ двухъ отдѣловъ не придется ничего извлечь: нельзя же

Библиотека "Руниверс"

серьезно говорить, по поводу того и другаго, о зарожденіи эстетическаго чувства природы (Ursprung des Naturgefühls), когда рядомъ предполагается лирика аппетита. Что касается любви, основнаго мотива древнѣйшей поэзіи, по мнѣнію Шерера и Вернера, то эта категорія у мѣста лишь въ томъ случаѣ, если мы ограничимъ ее понятіемъ физіологической, обрядовой эротики. Уже не разъ этнографы замѣчали теоретикамъ поэзіи, что собственно любовныя пѣсни не принадлежатъ къ той порѣ развитія, которую имѣетъ въ виду авторъ: въ рамки его субъективизма и выражающей его Urlyrik не укладывается поэзія личнаго чувства.

Первобытная поэзія была чисто субъективною (Urpoesie war reiner Subjektivismus), повторяетъ онъ въ одной изъ послѣднихъ главъ, то-есть была одиноко-лирической, ибо публики—нѣтъ. Нѣчто подобное проскользнуло передъ нами и во взглядахъ Шерера и Вернера. Предполагается, что первобытный человѣкъ жилъ какъ то особью (у Якобовскаго—въ домахъ; это пещерный-то!) и могъ одиноко предаваться своимъ ощущеніямъ. Затѣмъ явилась первая публика—женщины; если пѣвецъ обращался къ ней, онъ уже былъ эпикомъ; если она ему отвѣчала, то выходилъ діалогъ, начало драмы.

Такъ легко устанавливается порядокъ эволюціи, если забыть, вмѣстѣ съ авторомъ, сообщенные имъ же факты и объективные выводы. Субъективная лирика кликовъ и воплей удовольствія или боли понятна, какъ физіологическій субстратъ языка и поэзіи, но отсутствіе публики, то-есть себѣ подобныхъ, предполагаетъ историческія отношенія, мыслимыя развѣ въ отвлеченіи. Далѣе представленія групповыхъ особей мы въ исторіи человѣчества воззойдти не можемъ; языкъ, поэзія, обрядъ (на обрядовую сторону древней поэзіи Якобовскій не обратилъ вниманія) указываютъ на общеніе, „публику“, и это сразу вводитъ насъ въ отношенія синкретизма, съ лирикой его возгласовъ, съ обрывками эпическаго сказа и ритмическимъ дѣйствіемъ. Здѣсь точка оправленія для дальнѣйшаго развитія.

Такъ понятъ этотъ вопросъ и въ компилятивномъ трудѣ Летурно: развитіе идетъ отъ драматическихъ игръ и забавъ (у первобытныхъ и древнихъ народовъ) къ неразвитымъ еще формамъ драмы, отъ которой мало по малу отдѣлилась лирика. Я не остановлюсь на разборѣ этой книги, лишенной самостоятельныхъ взглядовъ; Матовъ попытался соединить ихъ съ теоріей Якобовскаго, отвѣчая на вопросъ: эпосъ ли древнѣйшій родъ поэзіи? Отвѣтъ едва ли изъ удачныхъ. Поэзія, говоритъ авторъ, первоначально связана съ мимикой и танцами:

Библиотека "Руниверс"

драматическіе начатки, проявлявшіеся въ глубокой древности въ играхъ и процессіяхъ. Изъ этой связи выработались и стали особо лирика и эпосъ, и когда развитіе коснулось мимики и музыки, сталъ возможенъ и новый организмъ—драмы. Это напоминаетъ ея опредѣленіе у Ж. П. Рихтера: эпическій родъ лирическихъ моментовъ. Первою выдѣлилась лирика—и мы впадаемъ въ субъективную Urlyrik Якобовскаго съ моногаміей, какъ древнѣйшею формой брака: публики нѣтъ, жена—первая публика для лирика-мужа; отсюда, какъ у Якобовскаго, выходъ къ эпосу и драмѣ: „всякій разъ, какъ только жена отвѣчаетъ мужу не только мимикой, но и словами, лирическая поэзія дѣлаетъ шагъ къ эпосу и получаетъ въ то же время драматическую форму". Но вѣдь драматическая форма уже дана въ первобытномъ синкретизмѣ, изъ котораго выросла Urlyrik? И далѣе мы не выходимъ изъ противорѣчій: лирика сдѣлала шагъ къ эпосу и драматической формѣ, „но настоящая эпика развивается лишь тогда, когда изъ семейства образуются роды. Тогда не только чувство любви, но и другія чувства заставляютъ человѣка дѣлиться своими впечатлѣніями съ другими, а это вызываетъ подражаніе; такимъ, можетъ быть, смутнымъ желаніемъ звуками и движеніями произвести то же чувство, которое создало эти звуки и движенія у того, кто первый ихъ произнесъ, объясняются общественные хороводы и пѣсни у первобытныхъ народовъ". Стало быть, опять новообразованіе драматической формы, уже дважды явившейся на очереди развитія.

Матовъ несогласенъ съ „философами-археологами" (Миклошичъ), полагавшими, что „первоначальная поэзія была эпическою, такъ какъ древнѣйшею формой общественной жизни былъ родъ (союзъ, задруга, кланъ и др.), и такимъ образомъ не было мѣста для индивидуальности, для лирической поэзіи". Опровергая это воззрѣніе, авторъ ломаетъ мечъ и надъ своимъ собственнымъ, усвоеннымъ отъ Якобовскаго. Послѣдній допускаетъ, „что до образованія общества человѣкъ былъ самостоятельною единицей; слѣдовательно, индивидуальность была только во время періода неустройства и только въ это время процвѣтала лирика. Но, можетъ быть, человѣкъ былъ стаднымъ общественнымъ животнымъ,—тогда куда же отнести первичную лирику?" И авторъ сразу переноситъ насъ отъ лирики прачеловѣка къ лирикѣ рода: „одно забывали въ такихъ разсужденіяхъ, продолжаетъ онъ: если исчезаетъ (?) личность въ задругѣ, родѣ, то все же остается нѣкоторое личное сознаніе, а послѣднее, въ болѣе сильныхъ (?) формахъ, и есть родовое, общее. Цѣлый родъ имѣетъ одинаковые инте-

Библиотека "Руниверс"

ресы, одну мораль, вѣру и чувства, и это лучшія условія для лирическихъ произведеній, которыя создаются отдѣльными личностями, но воспроизводятся цѣлымъ родомъ и понятны каждому его члену. И Летурно́ допускаетъ такой именно lyrisme du clan... Въ Греціи... существовали хороводныя пѣсни лирическаго характера и только позднѣе развивается эпосъ. Какъ всѣ эстетическія игры и забавы австралійцевъ; такъ и пѣсни ихъ, соединенныя съ хоромъ и мимикой, обнимаютъ цѣлый кланъ, среди нихъ имѣются и лирическія (?). Папуасы, у которыхъ хоры являются для изображенія всякихъ важныхъ общественныхъ событій, какъ жатва, война и проч., сопровождаютъ хоръ словами, хотя (?) ведутся въ діалогической формѣ, между начальникомъ и родомъ, но, въ сущности, выражаютъ воинственное (то-есть лирическое ?) настроеніе рода и пр. Въ позднѣйшемъ періодѣ времени, когда явилась частная собственность, частные интересы..., когда образовались разные классы, разныя убѣжденія и проч., явилась другая лирика, главное содержаніе которой—любовь".

Кажется, самъ авторъ не пришелъ къ какой-нибудь ясной, генетической формулировкѣ своихъ воззрѣній. Его послѣдніе выводы всюду ставятъ вопросы: „необходимо признать, что только въ усовершенствованной формѣ драма—самый молодой родъ поэзіи, а въ формѣ начальной она могла явиться очень рано". Лирика по прежнему—главное содержаніе первичной поэзіи; „говорю—главное, потому что и эпическія творенія создавались тогда, когда образовывались родъ и семейство, что видимъ изъ наблюденій (?). Позднѣе, вслѣдствіе долгаго промежутка времени и при извѣстныхъ (?) обстоятельствахъ, могъ возникнуть и создаться чистый (?) эпосъ, въ то время какъ чистый (?) лиризмъ свойственъ самой глубокой древности"

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ объ одномъ учебникѣ поэтики и одной новѣйшей попыткѣ основать ее на историческихъ данныхъ. Краткій обзоръ Боринскаго ставитъ лирику во главѣ развитія, не безъ неясностей: чистѣйшее выраженіе поэзіи въ лирикѣ, говоритъ онъ, въ лирикѣ, еще не окутанной внѣшнимъ, фактическимъ матеріаломъ эпоса и драмы; самъ поэтъ—герой своей пѣсни; это переноситъ въ первобытную поэзію понятіе современнаго, старающагося отрѣшиться отъ окружающаго, индивидуализма. Далѣе мы узнаемъ о хоровой пѣснѣ (Chorlied), какъ объ явленіи уже болѣе поздняго порядка: хоровая пѣснь—это единеніе, сліяніе лирическихъ моментовъ (die einheitliche Zusammenfassung einer lyrischen Mehrheit), не сліяніе,

Библиотека "Руниверс"

а первоначальный синкретизмъ эпическихъ и лирическихъ началъ. Этотъ-то сводный хоръ и разложился впослѣдствіи въ греческую и средневѣковую церковную драму; пора Renaissance выработала изъ нея оперу.

Въ недавно явившейся книгѣ Брухмана мы не найдемъ оправданія ея второго заглавія: Poetik, Naturlehre der Dichtung (1898). Исходною точкой является синкретизмъ пѣсни и пляски въ его древнихъ и новыхъ проявленіяхъ, но идея эволюціи намѣчена слабо и указанія практической поэтики занимаютъ оставленное ею поле. Первымъ сказалось въ пѣснѣ чувство; „эту субъективную непосредственность мы называемъ лирическою"; не слѣдуетъ представлять себѣ эту первобытную пѣсню въ формахъ нашей любовной, предполагающей двойственность участвующихъ лицъ, либо въ видѣ соло съ поддержкой хороваго припѣва; всякій былъ личнымъ творцемъ своей пѣсни, хотя пѣлъ не одинъ, а въ присутствіи другихъ. — Не трудно угадать поводы къ такому построенію: надо было спасти въ періодъ хоровой пѣсни субъективизмъ лирики, при чемъ субъективизмъ смѣшивается съ единоличнымъ починомъ, творчествомъ пѣвца; но единоличность не есть непремѣнно субъективизмъ. Авторъ, впрочемъ, самъ противорѣчитъ себѣ въ другомъ мѣстѣ, противополагая эпическому пѣвцу, какъ выдѣлившемуся передъ лицомъ слушателей, древнѣйшую поэзію, которая пѣлась сообща. Такъ могли исполняться, по его мнѣнію, и лирико-эпическія пѣсни, напримѣръ причитанія, которыя предварили появленіе эпическихъ, вызванныя, вѣроятно, религіозною обязанностью поминать предковъ за трапезой, у очага и на могилахъ.

Что общаго говорится далѣе о поэтическихъ родахъ, принадлежитъ стилистикѣ: подобно Вернеру, Брухманъ предлагаетъ отличить лирику отъ другаго жанра, распадающагося въ свою очередь на эпику и драматику; ибо всю поэзію можно раздѣлить, съ формальной точки зрѣнія, на драматическую и не-драматическую, скорѣе, діалогическую и не-діалогическую, съ смѣшеніями и сложными опредѣленіями въ родѣ слѣдующихъ: Манфредъ Байрона—рефлексія въ формахъ фантастической драмы, Королева Мебъ Шелли—эпосъ въ драматической формѣ и т. п. [1]).

---

[1]) Уже во время печатанія этой статьи явилась поэтика Евг. Вольфа (*Eugen Wolf*, Poetik).

Библиотека "Руниверс"

V.

Предложенный разборъ нѣкоторыхъ выдающихся трудовъ, посвященныхъ вопросамъ поэтики, выяснилъ положеніе дѣла: вопросъ о генезисѣ поэтическихъ родовъ остается по прежнему смутнымъ, отвѣты получились разнорѣчивые. Если далѣе я пытаюсь предложить свой отвѣтъ, то, разумѣется, подъ опасеніемъ прибавить одно гипотетическое построеніе къ другимъ. Я обойду періодъ восклицаній и безформенныхъ зародышей текста и начну съ болѣе развитыхъ формъ хорической поэзіи.

Представимъ себѣ организацію хора: запѣвало-солистъ, онъ въ центрѣ дѣйствія, ведетъ главную партію, руководитъ остальными исполнителями. Ему принадлежитъ пѣсня-сказъ, речитативъ, хоръ мимируетъ ея содержаніе молча, либо поддерживаетъ корифея повторяющимся лирическимъ припѣвомъ, вступаетъ съ нимъ въ діалогъ, какъ, напримѣръ, въ дифирамбѣ Вакхилида. Въ греческомъ дифирамбѣ и пэанѣ въ извѣстную пору его развитія, какъ и въ гимнѣ Гераклу Архилоха, пѣсню вчиналъ и велъ (ἐξάρχειν) корифей, участіе хора обозначается словомъ ἐφυμνιάζειν.

Итакъ: пѣсня-речитативъ, мимическое дѣйство, припѣвъ и діалогъ; въ началахъ драмы мы найдемъ всѣ эти моменты, разнобразно выраженные, съ тою же руководящею ролью пѣвца-корифея. Мы видѣли, что австралійская пантомима сопровождалась пѣсней распорядителя-запѣвалы, пояснявшею ея содержаніе; на Явѣ въ его рукахъ libretto, исполнители выражаютъ его суть жестами и движеніями. Средневѣковые люди представляли себѣ въ такихъ именно чертахъ исполненіе классической драмы: кто-нибудь одинъ, recitator, говорилъ діалогическій текстъ за актеровъ, игравшихъ молча. Въ рукописяхъ Теренція встрѣчается такая картинка: въ небольшомъ домикѣ сидитъ recitator Калліопій, онъ высунулся изъ него съ книгой въ рукахъ, передъ нимъ скачутъ и жестикулируютъ четыре пестро-одѣтыхъ фигурки, въ маскахъ и остроконечныхъ шляпахъ, древнемъ pileus, унаслѣдованномъ нашими потѣшниками и клоунами отъ древнихъ комиковъ. Отразилось ли въ такомъ представленіи драмы, какъ театры маріонетокъ, память объ исполненіи трагедіи и пантомимы императорской поры, съ ихъ раздѣленіемъ слова и мимики, или это представленіе поддержано было и народнымъ игровымъ

Библиотека "Руниверс"

преданіемъ? На испанской народной сценѣ un musico поетъ романсъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ поетъ, соотвѣтствующія лица выходятъ на сцену, выражая жестами сюжетъ пѣсни.

Руководящая роль корифея удержалась и въ тѣхъ случаяхъ, когда хоръ участвовалъ въ игрѣ не только мимикой, но и словомъ. Въ греческой драмѣ актеръ произноситъ иногда прологъ, въ индійской дирижеръ играетъ самъ, вводитъ на сцену актеровъ, является истолкователемъ дѣйствія, какъ и въ средневѣковой мистеріи есть evocator, объясняющій публикѣ, въ какихъ обстоятельствахъ и почему дѣйствующія лица будутъ держать тѣ или другія рѣчи.

Все это—выродившіяся и развитыя формы старыхъ хоровыхъ отношеній; ими объясняются и слѣдующіе факты, въ которыхъ, къ сожалѣнію, не ясно распредѣленіе партій сказа и пѣсни. Въ Нормандіи пѣсня за одно поется, сказывается и пляшется: danser, dire et chanter; графъ de Bourmont наблюдалъ такой распорядокъ на одной свадьбѣ: молодые люди, пришедшіе изъ города, пѣли и жестикулировали, крестьяне пѣли, скрестивъ руки и закрывъ глаза; послѣ каждаго припѣва они напередъ говорили, о чемъ будутъ пѣть въ слѣдующемъ куплетѣ.

Позже формула: danser, dire et chanter устраняется другой: dire et chanter, singen und sagen. Она знакома старо-французскому и средневерхненѣмецкому, литературнымъ, не пѣсеннымъ эпосамъ, не отвѣчая ихъ изложенію. Либо это архаистическое выраженіе, уцѣлѣвшее изъ хоровой поры и отвѣчавшее древней смѣнѣ речитатива-сказа и припѣва, либо наслѣдіе единоличныхъ пѣвцовъ, которые сказывали и пѣли, захватывая порой и партію хора, refrain.

Когда партія солиста окрѣпла и содержаніе или форма его речитативной пѣсни возбуждала сама по себѣ общее сочувствіе и интересъ, она могла выдѣляться изъ рамокъ обрядоваго или необрядоваго хора, въ которомъ сложилась, и исполняться внѣ его. Пѣвецъ выступаетъ самостоятельно, поетъ и сказываетъ и дѣйствуетъ. Въ разказѣ Санъ-Галленскаго монаха лонгобардскій жонглёръ поетъ сложенную имъ пѣсню и вмѣстѣ съ тѣмъ исполняетъ ее орхестически (se rotando) въ присутствіи Карла Великаго. Можетъ быть, мы въ правѣ предположить въ данномъ случаѣ не народный типъ, выродившійся изъ хороваго обихода, а типъ захожаго фигляра, мима; позднѣйшіе жонглёры соединяли пѣсню и мимическую пляску еще и съ профессіей фокусника, вожака медвѣдя и т. п. Но мы видѣли подобное же соединеніе на другой почвѣ рядомъ съ практикой хороваго начала: такъ сказы-

Библиотека "Руниверс"

ваютъ и поютъ и дѣйствуютъ единолично индійскіе пѣвцы и носильщики въ Занзибарѣ. У армянъ tzoutzg (stoustg) означало мимическую пляску на какую-нибудь историческую или миѳологическую тему, подъ звуки хоровой пѣсни, но у нихъ былъ и пѣвецъ-актеръ, gousan (отличный отъ ergist'a: пѣвца, музыканта), представлявшій такіе же сюжеты, подпѣвая и подыгрывая себѣ. Такого единоличнаго пѣвца-актера, изображавшаго типы и разыгрывавшаго діалогическія сценки, знали и средніе вѣка: это recitator у Galfredus de vino salvo, contrafazen, remendador провансальцевъ; не иное означаетъ, быть можетъ, и староверхненѣм. глосса: einwigi: singulare certamen — и spectaculum = spil. Отсюда развился литературный жанръ драматическаго монолога: практика и поэтика индійскаго театра оформила его подъ названіемъ bhâna; для среднихъ вѣковъ типомъ можетъ служить le Dit de l'herberie Rustebuef'a (XIII вѣка) и Lefranc archer de Bagnolet.

Въ подробностяхъ такой личный сказъ-пѣсня могъ разнообразиться. Сказывали—пѣли и подыгрывали сами себѣ; въ такихъ случаяхъ пѣвецъ сначала пѣлъ строфу, затѣмъ повторялъ ея мелодію на инструментѣ. Такъ до сихъ поръ поютъ итальянскіе народные пѣвцы, такъ пѣли, вѣроятно, и средневѣковыя эпическія пѣсни. Бретонскіе и уэльскіе lais, въ сущности, мелодіи, исполнявшіяся на rote'ѣ, слова служили какъ бы объяснительнымъ къ ней текстомъ; и теперь еще въ Уэльсѣ мелодію играютъ на арфѣ и пѣвецъ импровизуетъ текстъ на музыкальную тему. Либо сказъ и аккомпаниментъ распредѣлены между разными лицами: сказывали французскія Chansons de geste и кто-нибудь подыгрывалъ на symphonie; жонглёръ подыгрывалъ трубадуру; то-же было во Франціи и Германіи. При такомъ исполненіи получалась большая свобода для мимическаго дѣйства: въ жонглёрскомъ репертуарѣ такое распредѣленіе могло быть обычно: такъ дѣйствуютъ наши скоморохи; у Понтана (въ его діалогѣ Antonius) является histrio personatus и вмѣстѣ съ нимъ пѣвецъ, котораго онъ перебиваетъ своими шутками; когда грузинскіе мествыре ходятъ вдвоемъ, одинъ изъ нихъ играетъ на гудѣ (родъ волынки), другой поетъ о подвигахъ своихъ соотчичей, о минувшихъ бѣдствіяхъ страны, разказываетъ легенды, славитъ природу своей Карталиніи, импровизуетъ привѣтствія слушателямъ, порой пляшетъ и паясничаетъ и падаетъ въ грязь имъ на потѣху. Греческіе гилароды (=симоды) и магоды (=лизіоды) принадлежатъ къ тому же типу: кто-нибудь подыгрывалъ, гилародъ, въ торжественной бѣлой одеждѣ, съ золотымъ

Библиотека "Руниверс"

вѣнкомъ на головѣ, исполнялъ орхестически сцены серьезно-балладнаго содержанія (παρὰ τὴν τραγῳδίαν), магодъ выступалъ въ женскомъ костюмѣ, и сценки его бытовыя (παρὰ τὴν κωμῳδίαν): онъ мимировалъ невѣрныхъ женъ, сводень, человѣка навеселѣ, пришедшаго на свиданіе съ своею милою (Athen. XIX, 620 — 621). О Ливіи Андроникѣ, родоначальникѣ римской литературной драмы, говорятъ, что въ началѣ онъ самъ пѣлъ и мимировалъ дѣйство, но, потерявъ голосъ, раздѣлилъ роли, предоставивъ себѣ лишь молчаливую игру.

До сихъ поръ дѣло шло о выдѣленіи одного пѣвца, уносившаго съ собою речитативъ и вмѣстѣ съ нимъ преданіе хора: dire et chanter. Но мы предположили выше, что выдѣлялись порой и два пѣвца, что дихорія создавала амебейность, антифонизмъ, до сихъ поръ дающій формы народной лирической пѣснѣ. Амебейное начало обняло и гимническіе агоны, и шуточныя пренія, и обмѣнъ загадокъ и діалогическія сценки [1]). Вспомнимъ миѳы о состязаніи Аполлона и музъ съ тѣмъ или другимъ пѣвцомъ (отразившіе, какъ полагаютъ, замѣну одного музыкальнаго лада другимъ), потѣшныя препирательства скомороховъ у Горація (Sat. I, 5, v. 51), жанръ идиллій и эклоги, агоны греческой комедіи, парное выступленія комическихъ типовъ въ эпизодахъ у Плавта и въ итальянской народной шуткѣ; второго актера (stupidus) при главномъ въ исполненіи римскихъ мимовъ, пренія пастуховъ въ старофранцузской мистеріи, нѣмецкое Kranzsingen и т. п. Въ амебейный репертуаръ входили и эпическіе сюжеты: въ чередованіи пѣвцовъ, воспринимавшихъ одинъ другаго, могъ развиваться одинъ и тотъ же пѣсенный сюжетъ [2]). Два варварскихъ пѣвца, прославлявшихъ передъ лицомъ Аттилы его побѣды и доблести, разказъ Vidsid'a о томъ, какъ онъ пѣлъ вдвоемъ съ своимъ товарищемъ Scilling'омъ, ничего не говорятъ о характерѣ ихъ исполненія; на нѣкоторыя соображенія наводитъ діалогизмъ въ эпическихъ произведеніяхъ нѣмецкихъ шпильмановъ; но есть факты, свидѣтельствующіе, что амебейный способъ исполненія эпическихъ пѣсенъ существовалъ и еще существуетъ въ народной практикѣ. Къ примѣрамъ, приведеннымъ мною при другомъ случаѣ присоединю и слѣдующіе. Якутскія былины—олонго пѣлись встарь нѣсколькими лицами: одинъ бралъ на себя разказъ (ходъ дѣйствія, описаніе мѣстности и т. д.: libretto), другой роль добраго богатыря, третій его соперника, остальные пѣли партіи отца, жены,

[1]) См. выше стр. 83.

[2]) См. мои Эпическія повторенія 1. с. стр. 278—9, 296 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

шамановъ, духовъ, и т. п. Теперь чаще случается, что одинъ пѣвецъ исполняетъ всѣ партіи.—Я напомнилъ при другомъ случаѣ [1]) индійскую легенду о Kuça и Lava, близнецахъ, сыновьяхъ Ситы и Рамы, ученикахъ Вальмики, которымъ онъ передалъ свою поэму, дабы они пѣли ее вдвоемъ. Kuçilava—профессіональный пѣвецъ, рапсодъ, актеръ; bharata, изъ рода Bharata'овъ, соединяетъ ту и другую профессію. Тѣ и другіе ходили партіями, Kuçilava'ы пѣли про дѣянія Рамы, сыновья котораго были покровителями ихъ корпораціи, bharata'ы—о приключеніяхъ Пандавовъ. Сказывая, они распредѣляли между собою роли, отличали ихъ костюмами и особыми примѣтами; стало быть, сказывали амебейно, антифонически въ связи эпопеи. Текстъ Магабхараты указываетъ на такое изложеніе: нѣтъ стиховъ, внѣшнимъ образомъ связывающихъ одну рѣчь съ слѣдующимъ отвѣтомъ, а внѣ метра чередуются указанія: такой-то, такая-то сказали. Не намекаетъ-ли такой распорядокъ на древность антифонизма, какъ принципа эпическаго изложенія? Такъ могли сказываться нѣкоторыя діалогическія пѣсни Эдды. Замѣчу кстати, что на одномъ барельефѣ въ Sanchi изображены kathakas, пѣвцы, во время исполненія ими поэмы: у нихъ въ рукахъ музыкальные инструменты, они движутся и принимаютъ позы. Сцена при дворѣ султана Махмуда свидѣтельствуетъ, что этотъ ансамбль уже разложился: Фирдуси читаетъ свое произведеніе, и чтеніе сопровождается музыкой и танцами.

Я рискну поставить вопросъ: не упорядочилъ ли Солонъ или Гиппархъ лишь старый пріемъ сказа, когда обязалъ рапсодовъ эпоса такъ излагать гомеровскія поэмы (ἐξ ὑποβολῆς, ἐξ ὑπολήψεως), чтобы одинъ продолжалъ, гдѣ останавливался другой? (Diog. Laert. I, 57, Ps. Plat. Hipp. 228 b). Въ такомъ случаѣ это было бы не нововведеніе, а возстановленіе нарушавшагося, быть можетъ, обычая.

Въ чередованіи пѣвцовъ отдѣльныя пѣсни свивались (ῥάπτεσθαι) въ цѣлое, οἶμη, въ полные ряды (οἶμος) пѣсенъ, сплетенныхъ другъ съ другомъ (σχοινοτενὴς о пѣснѣ). Легенда о состязаніи Гомера и Гезіода, относящаяся ко времени императора Адріана, напоминаетъ пренія загадками и правилами житейской мудрости, какія до сихъ поръ въ ходу, напримѣръ, на Кипрѣ и въ Германіи, отразились въ пѣсняхъ и сказкахъ и въ діалогахъ стихотворной Эдды; но есть въ этомъ памятникѣ и эпическая часть, только сведенная къ игрѣ остроумія, къ находчивости, съ которою пѣвецъ досказываетъ фразу или

[1]) Эпическія повторенія l. c.

Библиотека "Руниверс"

положеніе, недосказанныя въ стихѣ соперника. Что всего лучше (φέρτατον, κάλλιστον) смертнымъ?—спрашиваетъ Гезіодъ; не родиться, а родившись, скорѣе перейдти врата Анда, отвѣчаетъ на первый разъ Гомеръ; во второй: лучшее — сознаніе мѣры (μέτρον εἶναι—αὐτὸν ἑαυτῷ). Спой мнѣ не о томъ, что было, есть или будетъ, а о чемъ-нибудь другомъ (ἄλλης μνῆσαι ἀοιδῆς).—Никогда звонко бѣгущіе кони не будутъ разбивать колесницъ у гробницы Зевса, состязаясь о побѣдѣ (гробницу Зевса предполагали на Критѣ; пѣвецъ въ это не вѣритъ). Изъ эпической части пренія выбираю нѣсколько примѣровъ: (Гезіодъ) Взявъ въ руки стрѣлы противъ пагубнаго рода гигантовъ, (Гомеръ) Ираклъ снялъ съ плечъ изогнутый лукъ; (Гезіодъ) Совершивъ транезу, они въ черномъ пеплѣ собрали бѣлыя кости Діева умершаго (Гомеръ) сына, отважнаго Сарпедона, богоравнаго и т. п.

Въ такой амебейности, въ подхватываніи, обратившейся теперь въ игру, но когда-то служившей и новообразованію эпической οἶμη, въ діалогическомъ моментѣ я искалъ объясненіе нѣкоторыхъ явленій эпической стилистики. Пѣли попарно, смѣняя другъ друга, подхватывая стихъ или стихи, вступая въ положеніе, о которомъ уже пѣлъ товарищъ, и развивая его далѣе. Пѣсня слагалась въ чередованіи строфъ, разнообразно дополнявшихъ другъ друга, съ повтореніемъ стиховъ и группъ стиховъ, которые и становились исходнымъ пунктомъ новыхъ варіацій. Либо могли чередоваться такимъ же образомъ партіи прозаическаго сказа и стиха, унаслѣдованныя изъ хоровой двойственности речитатива и припѣва, переживаніемъ которой и является сходное чередованіе въ обиходѣ французской свадьбы. Слѣды перваго исполненія я склоненъ приписать тѣмъ древнимъ пѣснямъ, манера которыхъ сохранилась въ пріемахъ и изложеніи старо-французскихъ Chansons de geste, съ ихъ строфичностью и рядами couplets similaires; слѣды второго—въ нѣсколько загадочномъ Aucassin et Nicolette, съ перебоемъ прозаическихъ и стихотворныхъ партій, то вступающихъ другъ въ друга, то послѣдовательно развивающихъ нить дѣйствія. Я назвалъ этотъ памятникъ загадочнымъ: его текстъ пѣлся и сказывался, какъ явствуетъ изъ надписаній, не уясняющихъ вопроса: дѣлалось ли это однимъ лицомъ (or se cante), или двумя или нѣсколькими: or dient et cantent et fablent. Послѣднее выраженіе можно понять, какъ обобщеніе: такъ сказываютъ, поютъ (когда поютъ) пѣвцы, жонглёры вообще.

Если строфичность и захватывающія, непосредственныя повторенія однихъ и тѣхъ же стиховъ и положеній указываютъ на амебей-

Библиотека "Руниверс"

ное, многоголосное исполненіе, то пѣсня единоличнаго пѣвца—развитіе хороваго речитатива, должна обойдтись безъ захватовъ такого рода, и ея бродячія повторенія—формулы принадлежатъ къ явленіямъ болѣе поздняго порядка, къ установившимся въ пѣсенной практикѣ общимъ мѣстамъ эпическаго стиля [1]). Сравните какой-нибудь эпизодъ пѣсни о Роландѣ съ связнымъ, словоохотливо-ширящимся изложеніемъ, напримѣръ, русскихъ и сербскихъ былевыхъ пѣсенъ, и разница бросится въ глаза. Я не рѣшусь отнести ее всецѣло къ различію первоначальнаго исполненія, не отнесу лишь потому, что сравниваемые факты раздѣлены временемъ, одни мы вычитываемъ изъ большихъ поэмъ, другія явились въ позднихъ записяхъ и ихъ стиль могъ испытать рядъ формальныхъ измѣненій.

Гомерическія поэмы не строфичны; строфичны нѣкоторыя пѣсни стихотворной Эдды, приписанныя старымъ народнымъ сказателямъ, þulir; между тѣмъ þula, означавшее родъ арфы, употребляется теперь въ значеніи пѣсни, ряда стиховъ безъ строфическаго дѣленія; lesa i þulu ok þulu — читать, сказывать подъ арфу (употребляется о риѳмованныхъ и аллитераціонныхъ формулахъ); þylja — сказывать, читать, пѣть подрядъ, безъ интонаціи; пѣть—шептать, какъ произносятся заговоры, молитвы.

А. Веселовскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Ср. l. c., стр. 272.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Византійскій Временникъ за пять лѣтъ.

(1894—1898).

Посвящается памяти А. А. Куника.

Подписывая къ печати этотъ листъ, содержащій отчетъ о пятилѣтнемъ существованіи *Византійскаго Временника*, чувствую нравственную потребность присоединить въ самомъ началѣ статьи печальное вступленіе, котораго не было въ первоначальномъ манускриптѣ, относящемся по своему происхожденію къ декабрю минувшаго года. Но 18-го января наступившаго 1899 года въ преклонныхъ лѣтахъ скончался академикъ Императорской Академіи Наукъ, Аристъ Аристовичъ Куникъ (род. въ 1814 г.). Ни полнаго обозрѣнія его трудовъ, ни обстоятельной его біографіи мы пока не въ состояніи представить; однако же, при данномъ случаѣ не можемъ пройдти молчаніемъ тѣхъ заслугъ, какія покойный оказалъ византиновѣдѣнію. Съ самаго начала своего ученаго поприща, на который онъ вступилъ молодымъ заѣзжимъ въ Россію нѣмцемъ, впрочемъ, уроженцемъ славянской нѣкогда Силезіи, въ городѣ Москвѣ, подъ крыломъ М. П. Погодина, въ его „Москвитянинѣ“ (1841 г.), и до послѣдней старости Куникъ не переставалъ ревностно проповѣдывать обязательность византійскихъ занятій для русскихъ ученыхъ и необходимость ихъ для успѣховъ русской науки. Въ этомъ онъ шелъ по стопамъ своего знаменитаго по Академіи предшественника Шлёцера и былъ предупрежденъ развѣ только однимъ русскимъ человѣкомъ, профессоромъ Мо-

Библиотека "Руниверс"

ковскаго университета Никитою Крыловымъ, который въ качествѣ юриста еще въ 1838 году въ университетской торжественной рѣчи провозгласилъ: „наше дѣло обработать исторію византійскаго права, столь важную для исторіи нашего законодательства; но мы какъ будто ожидаемъ, не появится-ли кто-нибудь призванный къ такому трудному подвигу, который бы снялъ съ насъ обязанность и окончилъ одинъ за всѣхъ работу".—„И вотъ въ укоръ нашей робости, прибавляетъ ораторъ,—„уже начинаютъ появляться иностранцы и какъ бы предвосхищаютъ нашу законную добычу".—Итакъ, это было обычное у русскихъ людей самообвиненіе и упреки себѣ и другимъ, могущіе, какъ извѣстно, продолжаться безконечно долгое время. Не то было съ Куникомъ. Онъ сталъ дѣйствительно изучать тѣ византійскіе источники, которые соприкасались съ ходомъ его работъ и въ этомъ пошелъ едва-ли не далѣе Шлёцера. Уже во второй части своего извѣстнаго сочиненія по Варяжскому вопросу, первая часть котораго открыла ему двери въ Академію Наукъ (1844), онъ не только старается привлечь къ дѣлу весь наличный византійскій матеріалъ, но и подвергнуть его дѣйствительно внимательному изученію; хроники подвергаются нѣкоторому критическому анализу, опредѣляется ихъ взаимное отношеніе, дѣлается ихъ оцѣнка на основаніи методическихъ пріемовъ изслѣдованія, а не по субъективному воззрѣнію, какъ бывало прежде. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ дополнительныхъ разысканій, касающихся первыхъ страницъ русской исторіи, похода Аскольда на Византію, издано было въ извѣстіяхъ Академіи амастридское сказаніе объ обращеніи русскаго князя, пріуроченное въ объясненіяхъ къ 865 году, разыскивались путемъ печатныхъ соображеній двѣ *бесѣды* Фотія патріарха на нашествіе Руси, существованіе которыхъ было извѣстно, но слѣдъ которыхъ въ рукописяхъ былъ тогда потерянъ, и т. д., и т. д. Въ 1850 году явились двѣ краснорѣчиво написанныхъ страницы *Грановскаго* въ рецензіи на книгу Медовикова о Латинской имперіи въ Константинополѣ, гдѣ чрезвычайно мѣтко и сильно поставленъ вопросъ о важности изученія византійской исторіи для насъ, русскихъ, и въ то же время убѣдительно сказано, что рѣшеніе самыхъ существенныхъ, основныхъ пунктовъ въ этой области возможно только русскимъ и вообще славянскимъ ученымъ. Большого непосредственнаго дѣйствія эти страницы не имѣли. Но въ 1853 году—тоже безъ всякаго отношенія къ нимъ—въ засѣданіи Академіи (11-го ноября) читалось разсужденіе А. А. Куника на тему: „Почему Византія остается загадкою во всемірной

Библиотека "Руниверс"

исторіи" (оно потомъ напечатано во *второмъ* томѣ Ученыхъ Записокъ по первому и третьему отдѣленіямъ стр. 444—454). Здѣсь уже была выдвинута тяжелая ученая артиллерія; статья тогда же произвела и оставила сильное впечатлѣніе въ подготовленныхъ и воспріимчивыхъ умахъ, и даже мало подготовленныхъ и не все въ ней сначала понявшихъ, къ какимъ долженъ себя за прошлое причислить пишущій эти строки. Въ концѣ концовъ выводъ былъ тотъ же, что и у Грановскаго; пониманіе Византіи доступнѣе православнымъ людямъ славянскаго происхожденія, чѣмъ западнымъ ученымъ, и уже по этому всего скорѣе для нихъ обязательно. Вскорѣ послѣ того эти разсужденія были поддержаны представителемъ славянофиловъ, проф. В. И. Ламанскимъ. Мы должны сказать, что если чрезъ нѣсколько времени проповѣдь дала свой плодъ, то именно потому, что она не была одинокою съ той или другой стороны. Обращаемся, однако, къ А. А. Куник у. Онъ не только разсточалъ укоры и упреки, не только указывалъ дорогу русской учености, но и самъ давалъ образцы настоящей критической разработки интересныхъ моментовъ византійской исторіи; сюда относится его прекрасная статья „Основаніе Трапезундской имперіи въ 1204 году", помѣщенная въ тѣхъ же Ученыхъ запискахъ Академіи Наукъ. Плодотворны были и такія статьи, какъ сообщеніе о трудахъ по византійской исторіи византиниста Тафеля. Покойный Аристъ Аристовичъ былъ человѣкъ живой инициативы и ученаго почина; въ его головѣ постоянно слагались новые планы и кипѣли живыя мысли; онъ умѣлъ одушевлять способныхъ къ работѣ людей. Есть цѣлый рядъ солидныхъ трудовъ, начатыхъ и приведенныхъ къ болѣе или менѣе благополучному концу подъ его руководствомъ. Такъ какъ мы здѣсь поминаемъ только византиниста, то назовемъ единственно „Византійскую хронографію" Муральта (въ двухъ томахъ на французскомъ языкѣ). Каковы бы ни были ея недостатки, ясные уже для самаго инициатора, А. А. Куника, хорошъ или худъ этотъ трудъ, но онъ и до сихъ поръ остается незамѣненнымъ и имъ пользуется весь образованный міръ, не только Западная Европа, но и Америка. Много другихъ плановъ и начинаній въ нашей области принадлежитъ Аристу Аристовичу, исполненіе которыхъ должно когда-нибудь послѣдовать. Однако, мы должны признаться, что Аристъ Аристовичъ въ самомъ началѣ устранился отъ непосредственнаго участія въ редакціи *Византійскаго Временника*—отчасти потому, что занятъ былъ другими работами, отчасти потому, что не сочувствовалъ періодической формѣ изданія, которая, однако, была неизбѣжно необхо-

Библиотека "Руниверс"

дима для осуществленія предпріятія; уже давно страдая извѣстнымъ академическимъ недугомъ ученой мнительности, онъ даже не довѣрялъ прочности и серіозности предпріятія. Тѣмъ не менѣе мы обязаны признать въ немъ одного изъ главнѣйшихъ духовныхъ прародителей нашего изданія. Очень вѣроятно, что если бы не было предшествовавшей дѣятельности А. А. Куника, то и *Византійскій Временникъ* не существовалъ бы. Увѣрены, что посвященіе ему этой статьи не оскорбитъ его памяти; пусть оно послужитъ пока замѣною подобающаго всѣмъ его заслугамъ поминанія.

Основаніемъ самостоятельнаго органа по изученію Византіи имѣлось въ виду удовлетворить давно уже сознававшуюся научную потребность и вмѣстѣ съ тѣмъ внести единство и систему въ византійскія занятія въ Россіи. Было замѣчено, что свѣдѣнія о рукописныхъ памятникахъ и изслѣдованія по разнымъ сторонамъ византійской жизни, публикуемыя въ многочисленныхъ періодическихъ изданіяхъ свѣтскихъ или духовныхъ, часто оставались неизвѣстными и недоступными даже для тѣхъ, для кого они всего больше имѣли значенія. Въ этомъ отношеніи оказывалось особенно неудобнымъ и вреднымъ старинное историческое разъединеніе между русскою свѣтскою и русскою духовною наукой, между университетомъ и духовною академіей. Слишкомъ также обычнымъ явленіемъ въ области византиновѣдѣнія было то, что давно указанныя ошибки и завѣдомо невѣрныя положенія держались по преданію продолжительное время и препятствовали поступательному движенію науки. Очередные вопросы, выдвинутые однимъ поколѣніемъ, скоро забывались и смѣнялись другими вопросами, которымъ также не бывало иногда суждено подвергнуться окончательному рѣшенію. Такимъ образомъ, одною изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ успѣшному ходу византійскихъ занятій, было признано отсутствіе спеціальнаго органа и недостатокъ системы и метода въ частныхъ, между собою ничѣмъ не связанныхъ работахъ. Хотя давнишняя русская идея о самостоятельномъ значеніи византиновѣдѣнія тогда уже получила прямое подтвержденіе и въ ученой Германіи, хотя въ прекрасномъ изданіи профессора Мюнхенскаго университета, академика Крумбахера, *Byzantinische Zeitschrift*, не безъ содѣйствія русскихъ ученыхъ силъ, получила свое осуществленіе и самая мысль о постоянномъ періодическомъ органѣ для разработки вновь признанной спеціальности; однако же было признано, что выходящій въ Германіи ученый журналъ, не смотря на всѣ свои стремленія къ

Библиотека "Руниверс"

международности, все-таки—и по совершенно понятнымъ и оправдываемымъ основаніямъ—не допустившій на свои страницы, наравнѣ съ французскимъ и англійскимъ, также и русскаго языка, не могъ удовлетворять ранѣе сознаннымъ русскимъ потребностямъ; онъ не могъ проникать такъ глубоко, какъ это желательно и возможно для русскаго органа, въ различные слои и классы русскаго образованнаго общества, не могъ служить центромъ объединенія для *всѣхъ* русскихъ ученыхъ силъ и прямо содѣйствовать ихъ союзу и дружной работѣ въ данной области. Въ обнародованной программѣ указывалось на то, что русская наука всегда имѣла и будетъ имѣть при изученіи Византіи свои особенныя задачи и свои спеціальныя темы, тѣсно связанныя съ вопросами русскаго самосознанія, а съ другой стороны на то, что, русскій журналъ нисколько не повредитъ распространенію и успѣху нѣмецкаго, въ которомъ предполагалось имѣть не конкуррента, а союзника.

Итакъ *Византійскій Временникъ* ставилъ своею цѣлью согласовать и объединить византійскія занятія въ Россіи и дать имъ болѣе опредѣленное направленіе въ смыслѣ постановки ближайшихъ научныхъ задачъ, опредѣляемыхъ какъ современнымъ состояніемъ византиновѣдѣнія, такъ и тѣми особенными отношеніями, которыя вытекаютъ изъ разнообразныхъ вліяній Византіи на Россію. Давая мѣсто изслѣдованіямъ, сообщеніямъ и матеріаламъ, относящимся къ Византіи вообще, *Византійскій Временникъ* обѣщалъ съ одинаковымъ вниманіемъ относиться къ фактамъ политической, церковной и соціальной ея исторіи, къ явленіямъ литературы и искусства, языка и права, къ даннымъ географіи, топографіи, этнографіи, хронологіи, нумизматики, палеографіи, эпиграфики и другихъ вспомогательныхъ наукъ. Имѣя, однако, въ виду, что въ изученіи Византіи есть такія стороны, которыя частью были уже выдвинуты ранѣе русскою научною традиціей, частью же составляютъ обязательный долгъ русской науки настоящаго времени, редакція *Византійскаго Временника* находила неизлишнимъ намѣтить нѣкоторыя изъ упомянутыхъ сторонъ, какъ предметъ особенныхъ и ближайшихъ его задачъ. Программа формулировала такія задачи въ слѣдующихъ пунктахъ: „1) Сообщеніе свѣдѣній о хранящихся въ Россіи греческихъ, а также и славянскихъ рукописяхъ, имѣющихъ отношеніе къ Византіи, и оцѣнка содержащагося въ нихъ матеріала. Славянскія рукописи упоминались потому, что какъ извѣстно, онѣ иногда содержатъ переводы потерянныхъ или не отысканныхъ греческихъ подлинниковъ, иногда же болѣе древнія

Библиотека "Руниверс"

редакціи того, что сохранилось въ позднѣйшихъ византійскихъ передѣлкахъ. 2) Провѣрка и разработка хронологіи Византійской исторіи, — старая задача, которую давно преслѣдуетъ наша Академія Наукъ и которую она теперь вновь выдвигаетъ впередъ. Византійскій журналъ могъ бы содѣйствовать достиженію цѣли, помѣщая на своихъ страницахъ хронографическія обозрѣнія отдѣльныхъ царствованій, или же отдѣльныхъ небольшихъ періодовъ и даже десятилѣтій, подготовляя такимъ образомъ фундаментъ и матеріалъ для того обобщающаго и цѣльнаго труда по византійской исторіи, который, конечно, составляетъ настоятельную потребность русской публики, но можетъ быть только плодомъ долгихъ общихъ усилій въ соединеніи съ одушевленіемъ и талантомъ отдѣльнаго лица. Образцомъ при этомъ должны служить извѣстныя нѣмецкія (*Jahrbücher*) и французскія изданія, а также и русскія (Русско-ливонская хронографія). 3) Сводъ историческаго матеріала, почерпаемаго въ житіяхъ святыхъ. Нѣтъ надобности останавливаться на объясненіяхъ особаго значенія такой задачи и можно только порадоваться, что и русскіе представители классической филологіи стали заниматься изданіемъ въ свѣтъ этого рода византійскихъ памятниковъ. Расчищать имъ дорогу, извлекать изъ ихъ работъ непосредственные историческіе и другіе выводы, поддерживать ихъ усердіе будетъ дѣломъ не послѣдней важности. Прибавимъ здѣсь же, что послѣ агіографіи и другіе роды византійской письменности давно ждутъ ученой обработки, и особенно примѣнительно къ нуждамъ и цѣлямъ русскимъ: требуется спеціальное изученіе памятниковъ византійскаго проповѣдничества, для опредѣленія его отношенія къ проповѣди древнерусской, византійской поучительной литературы, ради вполнѣ научнаго обслѣдованія древнерусскихъ поученій отъ отца къ сыну и сборниковъ назидательныхъ изреченій, памятниковъ византійской народной литературы, зачатковъ византійской литургической драмы и т. д.“.

Въ самой разработкѣ византійской исторіи Византійскій журналъ ставилъ себѣ нѣкоторыя ближайшія задачи. Въ программѣ говорилось: „Изучая съ особымъ вниманіемъ аналогіи, а также и противоположности восточно-византійскаго и западнаго развитія, отправляющагося здѣсь и тамъ отъ одного источника, заключающагося въ учрежденіяхъ римской христіанской и даже еще языческой имперіи, русскіе ученые могутъ внести весьма цѣнный вкладъ въ общую сокровищницу исторической науки и содѣйствовать достиженію самыхъ высшихъ задачъ историческаго знанія, соприкасающихся съ философіею

Библиотека "Руниверс"

исторіи. Въ извѣстныхъ случаяхъ, когда идетъ споръ о римскомъ или германскомъ происхожденіи тѣхъ или другихъ институтовъ или порядковъ, сопровождающихъ и характеризующихъ развитіе романо-германскаго міра, византійскія аналогіи могутъ имѣть рѣшающее значеніе. Изученіе варварскаго, въ частности германскаго, элемента равнымъ образомъ соприкасается и съ первоначальною византійскою исторіей и съ очередными задачами русской археологіи. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о вліяніи готовъ на военную и административную систему Византійской имперіи, а также и на ея культурную жизнь. Въ смыслѣ воздѣйствія на учрежденія и вообще на внутреннюю жизнь Византіи въ хронологическомъ порядкѣ за готами слѣдуютъ славяне, поэтому желательны новыя изслѣдованія въ области южно-славянской исторіи, ибо никакъ нельзя думать, что исчерпаны всѣ данныя письменныхъ и монументальныхъ памятниковъ, произведеній искусства, остатковъ далекой старины въ быту и въ учрежденіяхъ Византійской исторіи, по которымъ возможно возстановить живые слѣды славянства въ Византіи".

Точно также и по отношенію къ послѣдующимъ періодамъ византійской исторіи *Византійскій Временникъ* предполагалъ преслѣдовать нѣкоторыя спеціальныя задачи. „Опытъ показываетъ, что пренебреженіе къ византійскимъ источникамъ, до послѣдняго времени господствовавшее въ европейской наукѣ, было причиною существенныхъ пробѣловъ и частныхъ фактическихъ ошибокъ въ сочиненіяхъ, касающихся періода крестовыхъ походовъ и позднѣйшихъ. Нашъ журналъ, преслѣдуя свои особенныя цѣли, и здѣсь можетъ попутно оказать услугу общеевропейской наукѣ, занятой теперь восполненіемъ опущеннаго и недостаточнаго. Но особенно желательно глубокое и всестороннее изученіе миссіонерской и просвѣтительной дѣятельности Византіи по отношенію къ славянамъ и русскимъ, грузинамъ и армянамъ. Такимъ образомъ, изслѣдованія по древней исторіи упомянутыхъ народностей, находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи, изученіе памятниковъ ихъ культуры и искусства, учрежденій и литературы, должны находить себѣ мѣсто въ Византійскомъ спеціальномъ органѣ въ предѣлахъ его возможности и основной цѣли. На этомъ полѣ мы прямо встрѣчаемся съ русскими учеными оріенталистами, которые вообще и всегда были лучшими союзниками византологіи и своими изданіями арабскихъ и армянскихъ источниковъ въ подлинникѣ, особенно же въ переводахъ, а равнымъ образомъ сообщеніемъ желаемыхъ указаній и извлеченій своимъ собратьямъ по на-

Библиотека "Руниверс"

укѣ много содѣйствовали ихъ успѣхамъ: ими самими, или же при ихъ помощи, написаны многія наиболѣе ясныя и точныя страницы византійской исторіи. Журналъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ и по сосѣдству съ единственнымъ въ Россіи Восточнымъ факультетомъ, конечно, и впредь можетъ расчитывать на ихъ вниманіе и участіе".

Византійскій Временникъ въ качествѣ періодическаго изданія предполагалось сдѣлать не только сборникомъ болѣе или менѣе цѣнныхъ статей, но, какъ сказано, объединяющимъ и руководящимъ органомъ византологіи въ Россіи. Въ немъ читатель долженъ находить обозрѣніе всего, что является въ Россіи по византологіи, съ особеннымъ указаніемъ болѣе важнаго и заслуживающаго вниманія, не только перечень, но и критическую оцѣнку работъ русскихъ ученыхъ. Вмѣстѣ съ полнымъ библіографическимъ отдѣломъ, не исключающимъ ни новой греческой ученой литературы, ни западной, критика доброжелательная, направляющая и одобряющая, должна сдѣлать журналъ необходимымъ для всѣхъ интересующихся византологіею и сродными науками. По соображеніямъ отчасти принципіальнымъ, отчасти временнымъ и случайнымъ для обозрѣнія трудовъ и статей, появляющихся въ Греціи и вообще на *православномъ* Востокѣ, равно какъ и для болѣе важныхъ оригинальныхъ сообщеній съ этой стороны, на ряду съ русскимъ языкомъ рѣшено допустить и греческій литературный. Съ самаго начала при этомъ былъ въ виду сотрудникъ по библіографіи изъ среды природныхъ грековъ, недавно переселившійся въ Россію.

Для желающаго слѣдить за ходомъ ученаго движенія въ той или другой излюбленной области бываетъ одинаково важно имѣть свѣдѣнія не только о томъ, что сдѣлано и что уже напечатано, но также и о томъ, что предположено сдѣлать и что вскорѣ можетъ быть напечатано. Для всякаго рода извѣстій о планахъ и предпріятіяхъ ученыхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ, о предпринимаемыхъ экспедиціяхъ и приготовляемыхъ изданіяхъ долженъ былъ служить отдѣлъ мелкихъ замѣтокъ и смѣси, имѣющій назначеніе вообще быть восполненіемъ двухъ предыдущихъ.

Итакъ *Византійскій Временникъ*, обнимая по возможности всѣ стороны и отрасли византиновѣдѣнія, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе три отдѣла:

I) Изслѣдованія и матеріалы: здѣсь помѣщаются и желательны самостоятельныя статьи не только по политической, церковной и со-

Библиотека "Руниверс"

ціальной исторіи, но также по исторіи литературы и искусства, языка и права, не исключая и такъ называемыхъ вспомогательныхъ наукъ. Подъ матеріалами разумѣются небольшіе по объему, но интересные по содержанію неизданные византійскіе памятники по разнымъ отдѣламъ византинологіи, сопровождаемые при томъ объяснительнымъ введеніемъ.

II) Критика и библіографія.

III) Мелкія замѣтки и извѣстія.

Изслѣдованія и сообщенія, принадлежащія постороннимъ Академіи сотрудникамъ, оплачиваются гонораромъ по соглашенію съ редакціей. Относительно критическихъ статей допускается усиленный гонораръ безъ всякаго исключенія. Сверхъ того выдаются отдѣльные оттиски статей по желанію авторовъ въ опредѣленномъ ими количествѣ экземпляровъ, — однако не болѣе ста, — и съ сохраненіемъ первоначальной пагинаціи, но съ обложкою.

Византійскій Временникъ имѣетъ характеръ повременнаго изданія: выпускается *четыре* книжки въ годъ — каждая отъ 10 до 12 листовъ; въ случаѣ нужды допускается соединеніе двухъ нумеровъ въ одномъ выпускѣ. Четыре книжки или нумера составляютъ одинъ томъ изданія.

Редакціей завѣдуютъ по избранію третьяго отдѣленія Академіи Наукъ ординарный академикъ Василій Григорьевичъ *Васильевскій*, на котораго возложена ученая отвѣтственность за направленіе и содержаніе журнала, и приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета магистръ Василій Эдуардовичъ *Регель*, вѣдающій преимущественно дѣловую часть изданія, а также ведущій переписку съ иностранными учеными по дѣламъ журнала [1]).

Только что появившаяся четвертая книжка за истекающій годъ завершаетъ пятилѣтній циклъ въ существованіи журнала, свидѣтельствуя прежде всего о внѣшней исправности его редакторовъ.

Мы имѣемъ предъ собою пять томовъ, которые заставляютъ насъ подробнѣе остановиться надъ изданіемъ, выдержавшимъ извѣстную пробу. Конечно, нельзя утверждать, чтобы пятилѣтній юбилей представлялъ такой періодъ времени, въ который направленіе и харак-

---

[1]) Письма и рукописи могутъ быть присылаемы на имя того или другаго изъ редакторовъ, а книги, журналы и корректуры должны быть направляемы въ помѣщеніе редакціи, на Васильевскомъ островѣ, по 10 линіи, д. 15, кв. В. Э. Регеля.

Библиотека "Руниверс"

теръ изданія могли бы окончательно опредѣлиться. Только въ общихъ чертахъ можно сказать, что направленіе предполагалось строго научное, чуждое всякой тенденціозности и диллетантизма, и такимъ оно было на самомъ дѣлѣ. Въ остальномъ, характеръ изданія зависитъ не отъ одного редактора, но и отъ состава главныхъ и постоянныхъ сотрудниковъ. Именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи журналъ на пространствѣ упомянутаго количества лѣтъ испыталъ цѣлый рядъ перемѣнъ или скорѣе потерь, способныхъ нарушить установившійся тонъ. Уже на второмъ году изданія (т. II, 316) пришлось напечатать некрологъ патріарха византійскихъ занятій въ Россіи, профессора *Г. С. Дестуниса*, который успѣлъ заявить свое расположеніе и сочувствіе журналу только одною статьей, помѣщенной въ первомъ томѣ (стр. 308—318): „Замѣтки по тексту Ѳеофанова Временника". На третьемъ томѣ прекратилъ свою дѣятельность проф. Казанскаго университета *Д. Ѳ. Бѣляевъ*. Болѣзнь, внезапно его постигшая, была жестокимъ ударомъ и для редакціи, такъ какъ этотъ сотрудникъ, прославившійся терпѣливымъ и тщательнымъ изученіемъ наиболѣе неудобоваримаго византійскаго памятника, Книги о придворныхъ обрядахъ Константина Багрянороднаго, снискавшій своими отсюда отправляющимися изслѣдованіями по топографіи Константинополя европейскую извѣстность, несомнѣнно украшалъ журналъ своими сообщеніями и статьями, всякій разъ приносившими много новаго. Вторая половина 1898 года унесла двухъ другихъ сотрудниковъ *Временника* профессора Московскаго университета *А. С. Павлова*, который выдавался своими трудами въ области византійско-славянскаго права, пролагающими новые пути въ наукѣ. *Византійскій Временникъ* успѣлъ почтить его некрологомъ, написаннымъ проф. Демидовскаго юридическаго лицея *Н. С. Суворовымъ*, съ оцѣнкою ученыхъ заслугъ *Павлова*, гдѣ точно и ясно указано содержаніе и характеръ его главныхъ трудовъ, между прочимъ и того собранія греческихъ синодальныхъ постановленій и каноническихъ отвѣтовъ, которое постепенно печаталось въ *Византійскомъ Временникѣ* съ сопровождающими каждый документъ объясненіями и по смерти автора вышло отдѣльною книгой подъ заглавіемъ: „Сборникъ неизданныхъ памятниковъ Византійскаго церковнаго права съ историко-литературными предисловіями" (С.-Пб. 1898). Отсылая къ обзору проф. *Суворова*, мы не будемъ перечислять отдѣльно всѣхъ статей, вошедшихъ въ собраніе; упомянемъ только о прекрасной и чрезвычайно тепло написанной особой статьѣ *А. С. Павлова* „Русскіе поминки по Цахаріе фонъ Линген-

Библиотека "Руниверс"

таль", знаменитомъ нѣмецкомъ патріархѣ современныхъ тружениковъ въ области византійскаго законовѣдѣнія, дѣятельность котораго служила образцомъ для нашего ученаго, связаннаго съ авторомъ „Исторіи греко-римскаго права" личнымъ знакомствомъ, письменными сношеніями и взаимнымъ уваженіемъ (*Византійскій Временникъ*, томъ I, стр. 464—468). Утѣшаемъ себя надеждою, что въ лицѣ проф. *Суворова Временникъ* найдетъ достойнаго преемника *А. С. Павлову*. Третья большая утрата есть безвременная кончина профессора Новороссійскаго университета по церковной исторіи *Н. Ѳ. Красносельцева*, о трудахъ котораго данъ отчетъ въ томъ же самомъ пятомъ томѣ *Временника* (стр. 819 и сл.). Для этого журнала *Красносельцевъ* особенно былъ полезенъ своими обстоятельными и строгими рецензіями на книги, соприкасавшіяся съ его спеціальностью, русскія и иностранныя.

Не можемъ мы далѣе утверждать, что осуществились всѣ надежды, заявленныя въ обнародованной предварительно программѣ изданія, начиная хотя бы съ расчета на объединеніе силъ духовной и свѣтской наукъ, на признаніе пользы новаго органа и распространеніе его между представителями первой. Стремленіе къ единенію получило выраженіе нѣсколько одностороннее. *Византійскій Временникъ* внимательно слѣдитъ за явленіями богословской литературы, насколько они соприкасаются съ его задачею; всѣ они, важныя и неважныя, подробно обозрѣваются и реферируются въ отдѣлѣ критики и библіографіи — всегда въ благожелательномъ, отчасти даже оптимистическомъ тонѣ; въ послѣднихъ книжкахъ вносятся въ списокъ трудовъ даже кандидатскія диссертаціи въ духовныхъ академіяхъ на византійскія темы, произведенія большею частію ефемерныя, осужденныя оставаться въ эмбріональномъ состояніи въ видѣ рукописей, но, конечно, свидѣтельствующія о направленіи умственныхъ или ученыхъ интересовъ. Если же обратиться къ другой сторонѣ и судить по однимъ публичнымъ заявленіямъ, то, пожалуй, можно было бы придти къ заключенію, что извѣстность *Временника* не распространяется далѣе Васильевскаго острова и не достигаетъ Александро-Невской лавры. По крайней мѣрѣ, просматривая въ нѣкоторыхъ органахъ богословской учености обозрѣнія журналовъ духовныхъ и свѣтскихъ, мы не встрѣчаемъ *Византійскаго Временника* ни въ числѣ первыхъ, ни въ числѣ вторыхъ, какъ будто онъ не принадлежитъ ни къ тѣмъ, ни къ онымъ. Отдѣльныя лица, сочувствующія изданію, несомнѣнно существуютъ и здѣсь, равно какъ и

Библиотека "Руниверс"

на Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи. Обращаясь къ другимъ менѣе замкнутымъ кругамъ, мы должны замѣтить, что, помимо разсылки журнала наравнѣ съ прочими періодическими изданіями Академіи ученымъ учрежденіямъ и обществамъ, существуетъ частная и добровольная подписка въ Россіи и за границей, даже болѣе обширная внѣ, чѣмъ внутри Россіи, во всякомъ случаѣ свидѣтельствующая, что журналъ удовлетворяетъ наличной потребности, имѣетъ относительный и сравнительный успѣхъ; существуютъ отзывы иностранныхъ авторитетныхъ спеціалистовъ, признающіе за русскимъ изданіемъ значительныя достоинства. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не только братское сочувствіе со стороны старшаго нѣмецкаго органа по византиновѣдѣнію, издаваемаго проф. *Крумбахеромъ* въ Мюнхенѣ, но и такія явленія, какъ многократныя упоминанія *Византійскаго Временника* при новѣйшемъ изданіи сочиненія объ „Исторіи упадка и разрушенія древней Римской имперіи", предпринятомъ профессоромъ Дублинскаго университета *Бюри*—именно въ приложеніяхъ, составляемыхъ издателемъ-редакторомъ съ цѣлью указать успѣхи, сдѣланныя наукою въ области византиновѣдѣнія въ настоящемъ столѣтіи [1]). Журналъ во всякомъ случаѣ можетъ гордиться тѣмъ, что его заглавіе, а также отдѣльныя имена сотрудниковъ приводятся въ связь и нѣкоторое соотношеніе съ безсмертнымъ твореніемъ *Гиббона*; *Временникъ* какъ бы ставится подъ покровъ великаго имени. Не безъ намѣренія мы отмѣчаемъ далѣе другіе факты, относящіеся къ общенію русской науки съ западно-европейскою въ спеціальной области *Временника*, указывая на отзывы авторитетныхъ иностранцевъ о нашемъ изданіи...

Раздаются, однако, по адресу русскаго журнала нѣкоторые упреки и за границей со стороны византинистовъ. Спрашиваютъ, почему журналъ допускаетъ статьи только на русскомъ и на (ново)греческомъ языкахъ, почему не слѣдуетъ онъ прекрасному примѣру, подаваемому старшимъ его собратомъ, *Византійскимъ Повременникомъ* проф. *Крумбахера* (Byzantinische Zeitschrift). Преобладаніе русскаго языка даже и надъ греческимъ будто бы характеризуетъ предпріятіе какъ ограниченное, узко-русское; оно, де, хочетъ служить не истинѣ

[1]) The History of the decline and fall of the Roman empire by *E. Gibbon* edited in seven volumes with introduction, notes, Appendices, and Index by *I. B. Bury* — — regius Professor of Greek in Dublin university (corresponding Member of the Imperial Academie of sciences, St.-Petersburg). London. vol. I, 1896, vol. VI, 1898.

Библиотека "Руниверс"

вообще, но почти исключительно русскимъ интересамъ. Упрекаютъ, будто бы мы тѣмъ самымъ отъ всѣхъ требуемъ: учитесь по-русски! и затѣмъ говорятъ: „когда мадьяры, чехи и другія маленькія народности предъявляютъ подобныя требованія, то можно извинить ихъ самолюбивое притязаніе. Великая и научно высокоразвитая Россія могла бы быть снисходительнѣе; къ счастію, журналъ *Крумбахера* оказываетъ добрые услуги своему младшему брату, чрезъ посредство своего сотрудника *Эд. Курца* въ Ригѣ онъ даетъ весьма добросовѣстно составленные подробные рефераты о каждой книжкѣ своего русскаго союзника. Еслибы этого не было, то едва ли западно-европейскіе учено-спеціальные кружки узнали бы, что̀ собственно пишется въ русско-византійской хроникѣ (то-есть, во *Временникѣ*, по греческому заглавію—Χρονικά)". Въ этой выпискѣ, приводимой въ буквальной почти передачѣ съ нѣмецкаго [1]), много такого, съ чѣмъ согласиться нельзя. Въ программѣ изданія, какъ мы выше видѣли, объяснены особливыя задачи русскаго органа по византиновѣдѣнію и указаны причины, по какимъ принято ограниченіе языковъ и устранены западно-европейскіе—подобно тому, какъ въ журналѣ *Крумбахера* русскій языкъ тоже исключенъ, и послѣ „внимательнаго взвѣшиванія" всѣхъ условій не поставленъ на ряду съ англійскимъ, италіанскимъ, французскимъ; незачѣмъ обращаться намъ теперь къ взвѣшенному редакціею вопросу; но признавая чрезвычайныя заслуги г. *Курца*, между прочимъ являющагося дѣятельнымъ сотрудникомъ и русскаго журнала въ дѣлѣ ученаго посредничества, мы все-таки должны замѣтить, что знакомство съ русскимъ языкомъ на Западѣ постоянно расширяется, что почти все достойное вниманія доходитъ до свѣдѣнія западной ученой публики и прямо, хотя, конечно, при иномъ положеніи не столь же легко и скоро, и, какъ мы выше замѣтили, встрѣчаетъ признаніе и одобреніе. Соображенія съ высшей идеальной точки зрѣнія, нѣкогда высказанныя въ программѣ, находятъ себѣ подкрѣпленіе въ практическомъ опытѣ съ внѣшней стороны. *Византійскій Временникъ* доселѣ не ощущалъ недостатка въ матеріалѣ и въ теченіи пятилѣтія могъ бы даже обходиться однѣми русскими статьями; каждый изъ пяти томовъ болѣе или менѣе выходилъ своимъ объемомъ за предѣлы первоначально назначенной нормы; дальнѣйшее расширеніе повело бы къ несоотвѣтствію съ денежными средствами, отпускаемыми на *Временникъ*. Что же было бы, еслибы, кромѣ кон-

[1]) Cм. Deutsche Litteraturzeitung. 1898, № 41.

Библиотека "Руниверс"

курренціи небогатой учеными силами Греціи, было допущено соревнованіе со стороны Германіи и Франціи, гдѣ издавна процвѣтаютъ студіи, родственныя съ византійскою спеціальностью, гдѣ въ послѣдніе годы стали даже особенно усердно заниматься разными отраслями византиновѣдѣнія, гдѣ такое обиліе филологовъ, историковъ и юристовъ, принимающихъ участіе въ движеніи? Не повело ли бы и здѣсь начало свободнаго обмѣна къ сокращенію поприща, на которомъ могутъ испытывать и развивать свои силы русскіе молодые начинающіе ученые?

Переходимъ къ частному обозрѣнію содержанія пяти томовъ *Временника* и начинаемъ съ ближайшихъ въ немъ участниковъ. Первому редактору, академику *Васильевскому*, принадлежатъ, кромѣ мелкихъ сообщеній, три обширныхъ статьи:

1) Въ первомъ выпускѣ было напечатано „Василія Охридскаго, митрополита Солунскаго, неизданное надгробное слово на смерть Ирины-Берты, первой супруги императора Мануила Комнина“ (XII вѣка), приведенной изъ Германіи“ (стр. 55 — 132). Изданъ весьма любопытный греческій текстъ съ русскимъ переводомъ и съ обстоятельнымъ комментаріемъ въ формѣ введенія; здѣсь отмѣчены и разъяснены новыя данныя для исторіи политической и культурной, какія могутъ быть извлечены изъ знакомства съ памятникомъ; всего очевиднѣе двѣ-три фактическихъ поправки къ исторіи второго крестоваго похода, какъ онъ излагается по отношенію къ Конраду Гогенштауфену въ наиболѣе подробныхъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ нѣмецкихъ ученыхъ, при чемъ прежде всего разумѣются *Лѣтописи нѣмецкой исторіи*, среди которыхъ два тома посвящены Конраду III [1]). Оказывается, что и здѣсь не точно изложена исторія сватовства Берты за Мануила отцемъ послѣдняго, императоромъ *Іоанномъ*, невѣрно опредѣленъ годъ прибытія Берты въ Константинополь, а только въ видѣ предположенія высказываемая догадка, что Берта-Ирина приняла греческое вѣроисповѣданіе, становится несомнѣннымъ фактомъ, такъ какъ въ рѣчи описано, и съ особенною живостію и наглядностью, принятіе св. причастія Ириною изъ рукъ Василія Охридскаго, автора Слова. Неправильно предполагается, что послѣ второй встрѣчи съ Мануиломъ—именно въ Солунѣ (въ 1150 г.)—Конрадъ посѣтилъ Кон-

[1]) См. Konrad III. Von Wilh. *Bernhardy* (Leipzig. 1885). Самое подробное обозрѣніе царствованія Конрада годъ за годомъ изъ серіи Jahrbücher der deutschen Geschichte.

Библиотека "Руниверс"

стантинополь; напротивъ, изъ Солуня, гдѣ и послѣ оставался Мануилъ. Конрадъ прямо отправился на родину: такія на первый взглядъ мелочныя подробности даютъ, смотря по времени, къ какому пріурочиваются, то или другое освѣщеніе политическимъ событіямъ, съ которыми связаны. Во введеніи большой интересъ имѣютъ страницы, посвященныя отношеніямъ Ирины-Берты къ современной поэтической или точнѣе стихотворной литературѣ, къ покровительственной роли, какую она оказывала Манассіи и педантичнѣйшему Цеци: это снискало ей титулъ „гомеричнѣйшей", то-есть „величайшей любительницы Гомера, котораго неуклюже перелицовывалъ названный стихотворъ. Изъ рѣчи Василія Охридскаго, однако, видно, что послѣ Ирина окружила себя монахами и оказывала къ нимъ наибольшее расположеніе. Что касается Василія, то въ очеркѣ его біографіи обращаютъ на себя вниманіе его отношенія къ политикѣ церковно-политическаго характера, его знаменитое посланіе къ папѣ Адріану, его пренія о вѣрѣ съ папскими уполномоченными послами. Замѣтимъ при этомъ, что вопросъ о Беневентскомъ епископѣ (Гейнрихѣ) и о Вѣнской рукописи, излагающей на греческомъ языкѣ его диспутъ въ Солунѣ (?), требуетъ пересмотра; не мѣшало бы обнародовать самую Вѣнскую рукопись, хотя и есть къ тому затрудненія въ засвидѣтельствованной каталогами неразборчивости текста. *Э. Курцъ* въ журналѣ К. Крумбахера далъ довольно подробный отчетъ о статьѣ *Васильевскаго*, при чемъ, однако, не все новое фактическое было отмѣчено, хотя достаточно для того, чтобы побудить будущихъ нѣмецкихъ изслѣдователей эпохи къ внимательному ознакомленію съ недоступнымъ прежде источникомъ [1]). Особенно цѣнны замѣчанія г-на Курца относительно самого текста рѣчи Василія Охридскаго, какъ онъ установленъ въ изданіи Временника; сдѣланы отличныя и кажется, совершенно непререкаемыя поправки [2]).

2) Во второмъ томѣ (стр. 72—157) появилась (1895 г.) изслѣдованіе о „Хроникѣ Логоѳета на славянскомъ и греческомъ". Здѣсь при помощи славянской переводной рукописной редакціи хроники Логоѳета и при помощи греческихъ неизданныхъ списковъ хроники Георгія монаха (Амартола) и подобныхъ рѣшается очень запутанный вопросъ, но одинъ изъ основныхъ въ византійской исторіографіи, о составѣ хроники Амартола въ напечатанной Вторымъ отдѣленіемъ на-

[1]) *Byzantin. Zeitschrift* IV (1895) S. 178—175.
[2]) *Byzantin. Zeitschrift* IV (1895) S. 173—175.

Библиотека "Руниверс"

шей Академіи распространенной ея редакціи, въ особенности объ ея продолженіи, о происхожденіи и взаимной зависимости цѣлаго ряда примыкающихъ сюда хроникъ. Рѣшеніе главнаго вопроса о хроникѣ Логоѳета и ея отношеніи какъ къ продолженію Георгія Монаха, такъ и къ хроникѣ Льва Грамматика достигается съ простотою, носящею, по пословицѣ, признакъ и печать истины—вмѣсто господствующихъ очень сложныхъ комбинацій, и на столько убѣдительно, что взглядъ автора относительно Логоѳета всецѣло принятъ проф. *Крумбахеромъ* во второмъ изданіи его исторіи Византійской литературы, имѣющей въ глазахъ ученаго міра значеніе наивысшаго ареопага. Точкою отправленія для изслѣдованія послужила рукопись Императорской С.-Петербургской Публичной библіотеки средне-болгарскаго извода, по мѣсту своего происхожденія принадлежавшая Сочавскому монастырю въ Буковинѣ. Она содержитъ Лѣтовникъ (хронику), приписываемый въ заглавіи Симеону Логоѳету и Метафрасту, и отмѣчена Андр. Н. Поповымъ въ его „Обзорѣ русскихъ хронографовъ", впрочемъ, безъ всякаго ближайшаго опредѣленія ея содержанія. Ею заинтересовался также покойный академикъ А. А. Куникъ, для котораго былъ приготовленъ списокъ цѣлаго тома въ 325 листовъ. Явно отличаясь отъ имѣющейся въ печати—въ Парижскомъ и Боннскомъ изданіяхъ — хроники Симеона (магистра) и Метафраста, болгарскій Лѣтовникъ по заглавію, а равно и по содержанію, сходенъ и, сколько можно судить по отрывочнымъ даннымъ, тожественъ съ *неизданными* греческими текстами Венеціанской и Вѣнской библіотекъ; сличеніями съ Венеціанскою рукописью В. Г. Васильевскій обязанъ академику В. К. Ернштедту. Это приводитъ В. Г. Васильевскаго къ убѣжденію, что въ неизданной С.-Петербургской рукописи мы имѣемъ полный и наиболѣе исправный, хотя и переводный, текстъ той хроники Логоѳета, на которую указываютъ приписки въ разныхъ редакціяхъ Амартола подъ 842 годомъ. Она-то, съ одной стороны, и послужила къ продолженію столь знаменитаго въ славянской и древне-русской письменности произведенія, а съ другой — для дополненія и распространенія первоначальной его редакціи путемъ интерполяцій. Совпадая въ своей первой половинѣ съ хронологическимъ и отчасти матеріальнымъ составомъ хроники Амартола, Лѣтовникъ затѣмъ продолжается до 944 года, и подъ этимъ годомъ въ славянскомъ текстѣ читается соотвѣтствующая отмѣтка объ окончаніи труда Логоѳета: то же самое находимъ мы и въ греческомъ текстѣ Амартола, изданномъ Муральтомъ по порученію Академіи Наукъ. Второй важный результатъ

Библиотека "Руниверс"

изслѣдованія заключается въ томъ, что хроника Логоѳета, теперь дѣлающаяся для насъ совершенно осязательною, оказывается почти тожественною съ извѣстными греческими печатными изданіями хроники Льва Грамматика; послѣдняя, очевидно, есть только особый списокъ или изводъ хроники Симеона Логоѳета, а не извлеченіе, какъ обыкновенно думаютъ, изъ распространеннаго и продолженнаго Амартола. Что касается послѣдней части Сочавско-Петербургской рукописи, то она содержитъ въ себѣ продолженіе историческаго повѣствованія съ 944 по 1067 годъ, заимствованное изъ позднѣйшей извѣстной византійской хроники Зонары, и тоже представляетъ значительный интересъ. Однако, эти выводы касательно взаимнаго отношенія между хрониками Амартола и Логоѳета, а также между Логоѳетомъ и Львомъ Грамматикомъ встрѣтилъ также сомнѣнія и хотя несовсѣмъ рѣшительное отрицаніе со стороны другаго заслуженнаго нѣмецкаго византиниста, извѣстнаго отличнымъ изданіемъ обширныхъ византійскихъ текстовъ и давно работающаго надъ подготовкою критическаго возстановленія подлинной хроники Георгія Монаха; разумѣемъ К. де-Боора и имѣемъ въ виду его послѣсловіе къ статьѣ „die Chronik des Logotheten“ [Nachschrift Byzant. Zeitschr. VI, 1897, S. 273—284)]. Здѣсь мы замѣтимъ только, что де-Бооръ, не такъ какъ *Крумбахеръ*, прекрасно владѣющій русскимъ языкомъ, былъ знакомъ съ изслѣдованіемъ академика *Васильевскаго* только по изложенію—спора нѣтъ, очень обстоятельному и точному—г-на *Курца* въ томъ же журналѣ Byzantinische Zeitschrift (V p. 203 f.). Рѣшеніе недоумѣній вмѣстѣ съ *де-Бооромъ* можно предоставить будущему, когда появится въ печатномъ видѣ славянская хроника Логоѳета согласно рѣшенію, принятому Третьимъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ.

3) Въ слѣдующемъ году редакторомъ Временника, академикомъ *Васильевскимъ*, напечатано было во Временникѣ (томъ третій, стр. 233—299), подъ заглавіемъ Epirotica saeculi XIII собраніе весьма цѣнныхъ документовъ, заимствованныхъ главнымъ образомъ изъ переписки Іоанна Апокавка, высокообразованнаго, но дотолѣ мало извѣстнаго іерарха греческой церкви въ городѣ Навпактѣ (теперь Лепанто), являющагося здѣсь въ роли несомнѣннаго вождя національнаго сопротивленія и отпора латинскому завоеванію, интимнымъ совѣтникомъ первыхъ епирскихъ деспотовъ—возстановителей греческой независимости въ Европѣ, подобно никейскимъ, соперничествующимъ властителямъ въ Малой Азіи. Документы—числомъ 29—были выбраны изъ двухъ рукописныхъ сборниковъ XIII и XIV вѣковъ, ведущихъ

Библиотека "Руниверс"

свое происхожденіе изъ Синайскаго монастыря, принадлежавшихъ преосв. Порфирію Успенскому и теперь находящихся въ Императорской публичной библіотекѣ; тексту предшествуетъ краткое введеніе, въ которомъ объяснено значеніе документовъ, приведенныхъ въ порядокъ, отчасти возстановленныхъ въ своей цѣлости, нарушенной вслѣдствіе перепутанности листовъ при переплетѣ съ утратою въ главномъ кодексѣ многихъ. Академикъ *Васильевскій* имѣлъ намѣреніе продолжать трудъ и прежде всего дать подробный объяснительный комментарій къ каждому нумеру изъ числа напечатанныхъ, но дѣло по разнымъ причинамъ замедлилось, и русскаго ученаго предупредилъ греческій, именно г. *Миліараки*, написавшій довольно хорошую исторію имперіи Никейской и епирскаго деспотата: Ἱστορία τῆς βασιλείας τῆς Νικαίας καὶ τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου (1204—1261)—вышедшую въ Аѳинахъ въ 1898 году. *Миліараки* вполнѣ оцѣнилъ первостепенную важность напечатанныхъ во Временникѣ документовъ, широко и умѣло ими воспользовался особенно для разъясненія отношеній между соревнующими за первенство въ національномъ водительствѣ—Никеею и Епиромъ; одинъ документъ перепечаталъ цѣликомъ въ приложеніи, въ примѣчаніяхъ привелъ много буквальныхъ извлеченій и закончилъ признаніемъ, что „письма Іоанна Апокавка, обнародованныя *Васильевскимъ*, проливаютъ обильный свѣтъ на исторію этого періода“ διαχέουσι μέγα φῶς εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς περιόδου ταύτης (стр. 188 прим.). Вообще первыя двѣ книги сочиненія (ихъ всѣхъ пять въ одномъ томѣ) во многомъ основаны на этомъ новомъ источникѣ, начальныя страницы до 200-й испещрены ссылками на Βυζαντινα χρονικα—обыкновенный способъ цитированія документовъ у автора. На другихъ мелкихъ замѣткахъ *Васильевскаю* и сообщеніяхъ изъ рукописей Парижской національной библіотеки мы не останавливаемся, но здѣсь же умѣстно упомянуть о младшихъ сотрудникахъ Временника, связанныхъ съ академикомъ, какъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета, и чрезъ него и со Временникомъ — особенно близкою духовною связью.

Благодаря существованію Византійскаго Временника получили возможность проявить свои способности и безпрепятственно выступить на ученое поприще два поколѣнія младшихъ и совсѣмъ молодыхъ византинистовъ, вышедшихъ изъ аудиторій профессора *Васильевскаго*, гг. *В. Э. Регель*, *Х. М. Лопаревъ* и *П. В. Безобразовъ*, затѣмъ *Б. А. Панченко* и *А. А. Васильевъ*. *В. Э. Регель*, помѣстилъ во Временникѣ (въ первомъ томѣ) чрезвычайно любопытный документъ, касающійся послѣднихъ Па-

Библиотека "Руниверс"

леологовъ, братьевъ Зои-Софьи Ѳоминишны, принесшей въ 1472 году въ приданое Великому князю Московскому предполагаемыя права на византійское имперское наслѣдство; изъ сопоставленій *В. Э. Регеля* обнаруживается, что тѣ-же самыя права продавали позднѣе за небольшія деньги ея братья. Андрей заключалъ подобныя сдѣлки три раза и въ послѣдній разъ, какъ видно изъ хрисовула отъ 13-го апрѣля 1483 года, уступалъ часть своихъ мнимыхъ наслѣдственныхъ государственныхъ правъ графу Осорно, то-есть, перешелъ отъ королей французскаго (Карла VIII) и испанскаго къ простому, хотя и знатному кастильскому гранду. Документъ (на латинскомъ языкѣ) найденъ *В. Э. Регелемъ* въ архивѣ герцоговъ Альба въ Мадридѣ во время его заграничной командировки, въ теченіи которой онъ собралъ богатую жатву рукописныхъ драгоцѣнностей разнаго рода, между прочимъ во время трехмѣсячной затворнической работы въ библіотекѣ Эскуріальскаго монъстыря. Часть сокровищъ обнародована въ другомъ мѣстѣ въ отдѣльныхъ сборникахъ, но можно надѣяться, что еще нѣчто достанется на долю Временника.—*В. Э. Регель* есть главный помощникъ академика *Васильевскаго* и второй редакторъ, всецѣло вѣдающій матеріальную сторону дѣла, съ большимъ самоотверженіемъ жертвующій и временемъ и безплатнымъ трудомъ на многосложныя съ этимъ соединенныя обязанности, сношенія съ типографіей, съ книгопродавцами, авторами принятыхъ и напечатанныхъ статей, въ особенности же переписку съ иностранными греческими учеными, съ аѳонскими монастырями; иныхъ недоступныхъ по обычному укоренившемуся и небезосновательному представленію настоятелей этихъ послѣднихъ онъ умѣетъ привлекать къ сотрудничеству, какъ это выразилось въ печатаніи драгоцѣннѣйшихъ по древности актовъ Иверской и другихъ обителей, сообщенныхъ Александромъ Лавріотомъ (настоятелемъ лавры св. Аѳанасія), появившихся именно въ пятомъ томѣ (стр. 483—493) съ обѣщаніемъ продолженія.

Х. М. Лопаревъ открываетъ, издаетъ и комментируетъ неизданные тексты, греческіе и славянскіе, и охотнѣе и лучше всего греческіе параллельно со славянскими древними переводами; съ особенною любовію останавливается на вопросахъ русско-византійскихъ сношеній [1]), на родственныхъ союзахъ, посѣщеніяхъ и пріѣздахъ на Русь византійскихъ принцевъ и искателей приключеній, а въ послѣднее

[1]) „Византійская печать съ именемъ русской княгини", томъ I (1894), стр. 159—107: Θεοφανω αρχοντισσα Ρωσιας.

Библиотека "Руниверс"

время агіологическими изслѣдованіями, куда относится его обширная статья въ четвертомъ томѣ (стр, 337 — 402) „Описаніе нѣкоторыхъ греческихъ житій святыхъ", плодъ лѣтнихъ занятій въ библіотекахъ горы Аѳонской, вызвавшій подробный рефератъ *Курца* въ нѣмецкомъ Временникѣ *Крумбахера* съ заключеніемъ, поощряющимъ къ продолженію подобныхъ работъ. Здѣсь же должна быть упомянута византійская „Повѣсть объ императорѣ Ѳеодосіѣ II", греческій текстъ которой вмѣстѣ съ древнимъ славянскимъ переводомъ впервые изданъ въ пятомъ томѣ *Временника* (стр. 63 — 90); впереди пространное объяснительное введеніе. Не скроемъ, что въ иныхъ случаяхъ, гдѣ ему бываетъ желательно открыть связи между Византіей и Русью, *Х. М. Лопаревъ* бываетъ склоненъ къ увлеченіямъ, какъ это случилось съ толкованіемъ греческихъ сказаній о положеніи ризы Богоматери— въ статьѣ (второго тома стр. 581 — 628): „Старое свидѣтельство о положеніи ризы Богоматери въ новомъ истолкованіи, примѣнительно къ нашествію русскихъ на Византію въ 860 году". Давъ мѣсто статьѣ уважаемаго сотрудника, во всякомъ случаѣ интересной и важной по вновь сообщеннымъ текстамъ, редакція въ слѣдующей книжкѣ въ лицѣ академика *Васильевскаго* высказалась противъ пріуроченія свидѣтельства къ Руси — см. статью въ третьемъ томѣ: „Авары, а не русскіе, Ѳеодоръ, а не Георгій, замѣчанія на статью Х. М. Лопарева" (стр. 83—96). Въ подобныхъ случаяхъ, которые могутъ быть только рѣдкими, она, то-есть редакція, намѣрена и впредь поступать такимъ же образомъ.

Пав. Вл. Безобразовъ представляетъ посредствующее звено между старшимъ и младшимъ поколѣніемъ С.-Петербургскихъ византинистовъ и потому долженъ быть упомянутъ здѣсь же въ ряду съ другими, хотя онъ во *Временникѣ* печаталъ только критическія статьи (главнымъ поприщемъ его ученo-византійской дѣятельности былъ и остается *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*). На одну изъ такихъ статей мы обращаемъ особенное вниманіе, какъ на выдающееся явленіе. Мы разумѣемъ обширную рецензію на капитальный трудъ Ѳ. И. Успенскаго: „Очерки по исторіи византійской образованности" (С.-Петербургъ, 1892 г.: печатались первоначально въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, а рецензія—*Временника* томъ Ш, стр. 125—150). Рецензентъ расходится съ высоко почитаемымъ всѣми и имъ самимъ авторомъ книги въ самыхъ существенныхъ пунктахъ—по вопросу о жизненности древняго научнаго преданія и высотѣ философской мысли у византійцевъ, проявъ-

Библиотека "Руниверс"

лявшейся своеобразно, но непрерывно въ еретическихъ толкахъ и православной борьбѣ съ ними отъ VIII до XIV вѣка—въ границахъ изслѣдованія Ѳ. И. Успенскаго, а также по взгляду на отношеніе византійскаго образованія къ схоластическому западному, при чемъ послѣднее. по Ѳ. И. Успенскому, въ указанный періодъ стоитъ позади. Чтобы мы ни думали объ отрицательномъ взглядѣ рецензента на Византію, нужно признать, что во многомъ онъ показалъ и твердость научныхъ пріемовъ и глубокое изученіе предмета. Прежде всего это обнаруживается при обсужденіи двухъ частныхъ вопросовъ — о платонизмѣ (Ѳ. И. Успенскій) или же аристотелизмѣ (Безобразовъ) еретика въ концѣ XI вѣка, Іоанна Итала, а также — еще болѣе любопытнаго и многозначительнаго вопроса о взаимномъ отношеніи греческаго руководства по логикѣ, приписываемаго Пселлу (учителю Итала) къ позднѣйшему западному учебнику Петра Испанца (папы Іоанна XXI). Что было оригиналомъ и что переводомъ? такъ какъ тождество ихъ за исключеніемъ языка несомнѣнно. П. П. Безобразовъ оспариваетъ мнѣніе Прантля и Ѳ. И. Успенскаго о воздѣйствіи византійской науки на схоластическую западную, утверждая неправильность надписанія греческаго текста именемъ Пселла и происхожденіе рукописей съ такимъ надписаніемъ и содержаніемъ болѣе позднее, чѣмъ появленіе латинскаго трактата, послужившаго наоборотъ оригиналомъ для греческаго. Въ томъ и другомъ случаѣ П. В. Безобразовъ показываетъ, что эти вопросы ему близко знакомы, что онъ изучалъ ихъ самостоятельно (магистерская его диссертація была о Пселлѣ, но на первый разъ содержала только внѣшнюю его біографію), не только по печатнымъ сочиненіямъ, но и по рукописямъ — Ватиканской и другихъ библіотекъ.

Первый представитель самаго младшаго поколѣнія, *А. А. Васильевъ*, разработываетъ, по внушенію и указаніямъ руководящаго редактора, различные, отчасти болѣе общіе вопросы византино-вѣдѣнія, вводя въ оборотъ результаты новѣйшихъ изслѣдованій въ иностранной литературѣ, слѣдя за ея особенно интересными явленіями. Такого рода статьи. не будучи вполнѣ самостоятельными, бываютъ, однако, нужны и полезны и заслуживаютъ признанія. Такова статья „Вопросъ о славянскомъ происхожденіи Юстиніана“ (томъ первый стр. 469—493), написанная по поводу открытаго англійскимъ ученымъ *Брайсомъ* (Bryce) источника, дающаго возможность рѣшить старый вопросъ отрицательнымъ по отношенію къ славянству образомъ и убѣждающаго, что всѣ эти имена „Управды“, „Бѣгленицы“ суть выдумка позднѣйшаго

Библиотека "Руниверс"

далматинскаго славянскаго патріота (XVI вѣкъ). Такова статья „О греческихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ“ (въ третьемъ томѣ стр. 582—633), знакомящая съ открытіями кардинала Питры относительно ихъ стихотворнаго размѣра и позднѣйшими изслѣдованіями по этому вопросу, католическихъ и протестантскихъ ученыхъ, такъ какъ православные своимъ мало интересовались, за исключеніемъ развѣ грека Параника, издателя сборника гимновъ. Кстати упомянемъ, что въ послѣднемъ выпускѣ Византійскаго Временника тотъ же, еще здравствующій, греческій ученый помѣстилъ (на греческомъ языкѣ) сюда же относящуюся статью „Романа Сладкопѣвца кондакъ на Богоявленіе“ (стр. 681—697). Что же касается *А. А. Васильева*, то послѣднимъ по времени трудомъ его во Временникѣ были двѣ статьи о Славянахъ въ Греціи (V 404—438, 626—670)—пересмотръ знаменитой теоріи *Фальмерайера* о полной славянизаціи Пелопониса и другихъ областей средневѣковой Греціи, при чемъ принята къ свѣдѣнію вся или почти вся новѣйшая литература по вопросу, столь непріятному для современныхъ грековъ, которымъ отказываютъ въ связи по происхожденію съ древними еллинами и навязываютъ кровное родство со славянами; сообщены два-три свидѣтельства изъ источниковъ, прежде неизвѣстныхъ или небывшихъ въ обращеніи; впрочемъ, на одно изъ нихъ, которое для Фальмерайера было бы желанною находкой, именно на свидѣтельство о пребываніи аваръ (слѣдовательно и славянъ) въ Аѳинахъ, не обращено всего должнаго вниманія, да и разказъ Константина Багрянороднаго о пелопоннискихъ славянахъ не подвергнутъ тщательному анализу и сличенію съ грамотою патріарха Николая, гдѣ говорится объ осадѣ города Патръ этими славянами. Общій отвѣтъ дается въ умѣренномъ смыслѣ, то-есть, допускается обширная колонизація славянъ, но отрицается совершенное истребленіе грековъ, отсутствіе капли греческой крови въ жилахъ нынѣшнихъ обитателей страны, говорящихъ по-гречески будто-бы только благодаря непрерывно дѣйствовавшему вліянію церкви и церковной проповѣди на греческомъ языкѣ. Сверхъ того г-нъ *Васильевъ* ведетъ во Временникѣ библіографію французскихъ, англійскихъ и италіанскихъ книгъ по византологіи, и помѣстилъ нѣсколько рецензій въ критическомъ отдѣлѣ журнала.

Младшій всѣхъ по лѣтамъ, но совсѣмъ не послѣдній по своимъ заслугамъ, *Б. А. Панченко* помѣщалъ во Временникѣ свое изслѣдованіе „О тайной исторіи Прокопія“, обширную и весьма зрѣлую работу, выросшую изъ студенческой медальной диссертаціи и затѣмъ

Библиотека "Руниверс"

появившуюся въ оттискахъ отдѣльною книгою; отъ другихъ многочисленныхъ трактатовъ о предметѣ трудъ *Панченка* отличается тою оригинальностью, что, кромѣ вопроса о подлинности, то-есть о принадлежности сочиненія Прокопію, выдвигаетъ другой—о достовѣрности фактовъ, сообщенныхъ въ сочиненіи, окрашенномъ конечно, въ сплошной темный цвѣтъ, имѣющемъ видъ злостнаго памфлета, но, можетъ быть отправляющемся отъ наблюденій надъ горькою дѣйствительностью и возмущеннаго ею чувства. Провѣрка произведена на основаніи глубокаго и всесторонняго изученія другихъ источниковъ для времени Юстиніана, прежде всего его новеллъ; не ускользнули отъ вниманія и недавно обнародованные въ латинскомъ переводѣ отрывки изъ сочиненія монофизитскаго писателя Іоанна Ефесскаго, однимъ мимоходомъ брошеннымъ выраженіемъ подтверждающаго сообщенія Прокопія о скандальномъ прошломъ императрицы Ѳеодоры. Статьи, еще ранѣе обращенія въ отдѣльную книгу, вызвали весьма лестный отзывъ или даже отзывы, такъ какъ похвалы повторяются нѣсколько разъ, со стороны Бьюри (Bury) въ выше упомянутыхъ приложеніяхъ къ новому изданію исторіи Гиббона: Бьюри говоритъ, что „изслѣдованія Дана относительно языка и стиля Тайной исторіи", входящія въ составъ его извѣстной книгѣ о Прокопіѣ (*Dahn*, Procopius) и въ сущности рѣшившія вопросъ о подлинности, „получили еще большую значительность при свѣтѣ тщательной работы Б. Панченка, представляющій полный анализъ сочиненія по его содержанію... Великая заслуга русскаго ученаго заключается въ томъ, что онъ провѣрилъ въ подробности показанія *Тайной исторіи* при свѣтѣ современныхъ свидѣтельствъ, насколько дѣло касается царствованія Юстиніана; такимъ образомъ общая достовѣрность объективныхъ фактическихъ сообщеній Прокопія въ его сочиненіи поразительнымъ образомъ сама собою обнаружилась" [1]).

В. Васильевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) The decline and fall of the Roman empire edit. by J. B. Bury vol. IV, London, 1898, pg. 516, 517). (Dahn's investigation into the diction of this work (Secret history), as compared with the undoubted writings of Procopius, has received greater significance in the light of the elaborate study of *B. Panchenko*, which contains an exhaustive analysis of the work... — — — It is the great merit of Russian scholar, *B. Panchenko*, to have examined in detail the statements of the *Secret history* in the light of the contemporary evidence as to Justinian's reigne; and the general credibility of the objective statements of the Procopian work has been strikingly emerged.—Кромѣ того *Панченку* принадлежатъ нѣсколько рецензій на книги, имѣвшія отношеніе къ той-же эпохѣ Юстиніана.

Библиотека "Руниверс"

Новое изслѣдованіе по исторіи папства въ XI вѣкѣ.

А. С. Вязигинъ. Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ (Гильдебрандъ и папство до смерти Генриха III). С.-Пб. 1898. VIII+300 стр.

I.

Не смотря на современное увлеченіе экономическимъ направленіемъ и такъ называемымъ „экономическимъ матеріализмомъ", личность Григорія VII и его эпоха, когда съ такою яркостью предъ нами обнаруживается могущественное вліяніе *идей*, продолжаетъ привлекать къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ въ иностранной литературѣ появился цѣлый рядъ болѣе или менѣе крупныхъ трудовъ, посвященныхъ — отчасти или цѣликомъ — исторіи этого времени. Такъ, Мартенсъ [1]) въ Германіи и Деляръ [2]) во Франціи дали обширныя біографіи Григорія VII, Мейеръ фонъ-Кнонау [3])—исторію Генриха IV, Лангенъ и Гаукъ—исторію церкви, первый—римской [4]), второй — нѣмецкой [5]), Закуру [6]) принадлежитъ исторія клюнійцевъ и ихъ заслугъ въ дѣлѣ культурнаго и нравственнаго возрожденія западно-европейскаго общества, а Мирбтъ [7]) представилъ обзоръ и характеристику публицистики въ вѣкъ Григорія VII. Не говорю уже о работахъ болѣе частнаго, спеціальнаго характера. Въ этомъ научномъ движеніи приняли дѣятельное участіе и два русскихъ ученыхъ — кн. Е. Н. Трубецкой, авторъ превосходной монографіи: „Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI вѣкѣ. — Идея божьяго царства въ твореніяхъ Григорія VII и публицистовъ — его современниковъ" (Кіевъ, 1897, 2 вып.), и А. С. Вязигинъ.

---

[1]) *Martens*, Gregor VII, sein Leben und Wirken. 1894, 2 т.

[2]) *Abbé Delare*, Saint Grégoire VII et la réforme de l'eglise au XI siècle. 1889, 3 т.

[3]) *Meyer von Knonau*, Jahrbücher d. deutschen Reiches unter Heinrich IV und Henrich V. 1890—1894, 2 т.

[4]) *Langen*, Geschichte d. römisch. Kirche von Nikolaus I bis Gregor. VII, 1892.

[5]) *Hauk*, Kirchengeschichte Deutschlands, 3-й томъ, 1896.

[6]) *Sackur*, Die Kluniacenser in ihrer kirhlichen und allgemein-geschichtlichen Wirksamkeit, 1892—1894, 2 т.

[7]) *Mirbt*, Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII, 1894.

Библиотека "Руниверс"

Г. Вязигинъ давно уже занимается исторіей Григорія VII и его времени. Еще будучи студентомъ, онъ написалъ обширное сочиненіе о „Борьбѣ за инвеституру до избранія анти-короля Рудольфа", удостоенное историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго Харьковскаго университета золотой медали (къ сожалѣнію, оно осталось ненапечатаннымъ), и съ тѣхъ поръ слѣдуетъ рядъ его работъ. „Григорій VII, его жизнь и общественная дѣятельность" (біографическій очеркъ въ коллекціи г. Павленкова. С.-Пб. 1891), „Личность и значеніе Григорія VII въ исторической литературѣ" (статья въ „Историческомъ Обозрѣніи", 1892), „Новое изслѣдованіе объ избраніи Григорія VII" (въ „Запискахъ Императорскаго Харьковскаго университета", 1893), „Петръ Даміани, борецъ за церковно-общественныя преобразованія XI вѣка" (ibid., 1895), „Замѣтки по исторіи полемической литературы XI вѣка" (ibid., 1894 — 1896, и отдѣльно, 1896, 98 стр.) и какъ продолженіе ихъ — статья „Новый сборникъ памятниковъ средне-вѣковой публицистики" (*Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1898), „Распаденіе преобразовательной партіи при папѣ Александрѣ II" („Записки Императорскаго Харьковскаго университета", 1897), и рецензіи на упомянутые выше труды Мирбта, Мартенса и князя Е. Н. Трубецкаго. Во всѣхъ этихъ работахъ ярко обнаруживается самостоятельность автора, тонкій критическій анализъ, замѣчательное знаніе памятниковъ и новѣйшей литературы предмета. Даже рецензіи—и тѣ не представляютъ простой передачи содержанія разбираемой книги, а даютъ рядъ замѣчаній, поправокъ и наблюденій, подчасъ цѣнныхъ, освѣщающихъ вопросъ съ новой точки зрѣнія.

Неудивительно поэтому, что предшествующіе труды г. Вязигина доставили ему среди спеціалистовъ вполнѣ заслуженную репутацію *знатока* изучаемой имъ эпохи (см. у кн. Е. Н. Трубецкаго, passim) и обратили на себя вниманіе даже въ иностранной литературѣ (см., напримѣръ, рецензіи Lauchert'a въ „Revue internationale de théologie", 1897 и Mirbt, „Die Publizistik", стр. 580 — 581, прим.). Съ взглядами и замѣчаніями А. С. Вязигина признаетъ необходимымъ считаться такой спеціалистъ, какъ марбургскій профессоръ Мирбтъ („Die sehr gründliche Besprechung"..., „die Sachkundige Kritik des russischen Forschers regt zu neuen Erwägungen an und bietet manche Ergänzungen wie Berichtigungen...", l. c.).

Все это однако имѣетъ для автора и свою невыгодную сторону: достоинства прежнихъ трудовъ, уже пріобрѣтенная репутація могутъ возбудить—иногда нѣсколько преувеличенныя—ожиданія по отноше-

Библиотека "Руниверс"

нію къ послѣдующимъ работамъ, побуждаютъ предъявить къ нимъ болѣе строгія требованія, примѣнить иной масштабъ, нежели къ работамъ автора только-что начинающаго, ничѣмъ еще себя незаявившаго. Во-вторыхъ, въ предыдущихъ своихъ трудахъ А. С. Вязигинъ имѣлъ уже случай высказать наиболѣе интересныя и существенныя изъ своихъ выводовъ и наблюденій, но иногда—высказать лишь попутно, вскользь. Тѣмъ временемъ выходили въ свѣтъ упомянутые выше выдающіеся труды другихъ ученыхъ, и многіе изъ наблюденій и выводовъ г. Вязигина, къ которымъ онъ приходилъ совершенно самостоятельно, оказывались въ нихъ нерѣдко „предвосхищенными“...

II.

Недавно вышедшій новый трудъ А. С. Вязигина подъ заглавіемъ: „Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ (Гильдебрандъ и папство до смерти Генриха III“), состоитъ изъ 6 главъ. I-я глава посвящена „Темной порѣ въ жизни Гильдебранда“ (стр. 3 — 24), — его дѣтству и молодости до выступленія его на историческое поприще при Іоаннѣ Граціанѣ (папѣ Григоріи VI); II-я глава говоритъ о „Начаткахъ реформъ и папствѣ при Григоріи VI“ (стр. 25—63); III-я—о „Порѣ преобладанія Генриха III надъ папствомъ“ (стр. 64—129), то-есть, о понтификатѣ императорскихъ ставленниковъ — Климента II и Дамаза II—и объ избраніи Льва IX; IV-я глава посвящена „Льву IX, его сотрудникамъ и программѣ“ (стр. 130—175); въ V-й, самой большой, характеризуется „Преобразовательная дѣятельность Льва IX“ (стр. 176—247), а послѣдняя (VI-я) глава изображаетъ „Положеніе апостольскаго престола въ послѣдніе годы Генриха III“ (стр. 248—300); въ ней говорится объ избраніи Виктора II и дается общее заключеніе. Смертью императора Генриха III и папы Виктора II г. Вязигинъ заканчиваетъ свои „Очерки“.

Такимъ образомъ, эти „Очерки“ касаются исторіи папства лишь въ серединѣ XI вѣка, то-есть, того момента, когда папство, при содѣйствіи самого же императорства, поднялось изъ глубокаго нравственнаго упадка, въ которомъ оно находилось передъ тѣмъ, и, ставъ во главѣ преобразовательнаго движенія, вступило въ борьбу преимущественно противъ симоніи и браковъ духовенства. По собственнымъ словамъ автора, онъ „отважился на попытку освѣтить наиболѣе темную пору дѣятельности Гильдебранда, показавъ, подъ какими вліяніями слагались его воззрѣнія и въ какой связи стояли они съ ре-

Библиотека "Руниверс"

лигіозными и общественными запросами его времени, такъ какъ лучшимъ отвѣтомъ на вопросъ о размѣрахъ вліянія того или другаго историческаго дѣятеля и о степени его „оригинальности“ должно служить воспроизведеніе его среды“ („Предисловіе“, стр. VI). Итакъ, г. Вязигинъ „остановился на мысли разсмотрѣть превратности жизни Гильдебранда въ неразрывной связи съ судьбой папства“ при Генрихѣ III, когда, по его выраженію, „не только выяснились вѣщіе признаки грядущихъ столкновеній, но и явственно обнаружилось, на чью сторону должна была склониться побѣда, равно какъ сложился кругъ завѣтныхъ стремленій преобразователей и были выработаны средства для ихъ осуществленія“ (ibid.).

Мы не будемъ подробно, въ систематическомъ порядкѣ, излагать содержаніе книги г. Вязигина, тѣмъ болѣе, что она составилась изъ статей, печатавшихся на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Мы остановимся лишь на ея планѣ и на ея наиболѣе характерныхъ чертахъ.

Планъ „Очерковъ“ А. С. Вязигина, намъ кажется, нельзя назвать вполнѣ удачнымъ: ему недостаетъ цѣльности и стройности. Автору не удалось устранить нѣкоторой двойственности главной темы: на первомъ планѣ у него то Гильдебрандъ, то папство и преобразовательныя стремленія того времени. Цѣльности и стройности вредятъ также многочисленныя отступленія и экскурсы. Напримѣръ, уже I-я глава, начинающаяся безъ всякаго введенія — введеніе въ сущности находится въ началѣ II-й главы,—такъ сказать, ex abrupto, стоитъ какъ бы особнякомъ, въ видѣ отдѣльнаго самостоятельнаго экскурса (въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* она и составляла совершенно особую статью). О Гильдебрандѣ, которому она почти цѣликомъ посвящена, далѣе говорится лишь изрѣдка, а затѣмъ мы надолго теряемъ его изъ виду (до стр. 100 и слѣд.). О первомъ римскомъ соборѣ при Львѣ IX, кажется, лучше было бы говорить тамъ, гдѣ рѣчь идетъ вообще о соборахъ временъ этого папы, то-есть, въ V главѣ, а не въ IV, и проч. [1]). Историческая перспектива въ „Очеркахъ“ А. С. Вязигина не соблюдена; существенное нерѣдко стоитъ наряду съ мелочами и деталями. Из-

[1]) Напримѣръ, по поводу стр. 42 — 44 можно замѣтить, что сначала лучше было бы привести содержаніе буллы, а потомъ уже представить ея анализъ, а не наоборотъ: тогда читателю яснѣе былъ бы и самый анализъ. Порядокъ изложенія на стр. 222 и слѣд. отличается нѣкоторою спутанностью и безсвязностью.

Библиотека "Руниверс"

ложеніе мѣстами страдаетъ излишнею растянутостью и подробностью (см. напримѣръ, о Реймсскомъ соборѣ, въ особенности о дѣлѣ лангрскаго епископа, стр. 180 сл.). При другомъ, болѣе удачномъ, планѣ, при иной группировкѣ матеріала, многіе важные и интересные пункты въ книгѣ г. Вязигина получили бы болѣе яркое освѣщеніе.

Обращаемся къ вопросу: что отличаетъ „Очерки“ г. Вязигина отъ другихъ трудовъ, посвященныхъ исторіи той же эпохи? Иными словами: что въ нихъ *новаго* и *оригинальнаго*? При этомъ само собою разумѣется, что отъ изслѣдованія по средне-вѣковой исторіи нельзя требовать *новизны матеріала*: самостоятельное и новое здѣсь можетъ состоять лишь въ новомъ освѣщеніи и объясненіи фактовъ, въ воззрѣніи на нихъ, въ установленіи между ними связи и въ ихъ группировкѣ, въ аргументаціи и критическихъ пріемахъ, наконецъ — въ привлеченіи свидѣтельствъ и матеріаловъ, хотя и изданныхъ, но почему либо упущенныхъ изъ виду предшествовавшими изслѣдователями и т. п.

Съ этой точки зрѣнія мы и разсмотримъ „Очерки“ А. С. Вязигина.

III.

Основная мысль новаго труда А. С. Вязигина въ сущности та, что обычное воззрѣніе на роль и значеніе Гильдебранда въ исторіи „церковно-общественныхъ преобразованій“ на западѣ въ XI вѣкѣ невѣрно, что эта роль и значеніе не были такъ велики, какъ думали прежніе историки. По мнѣнію г. Вязигина, Гильдебрандъ вовсе не вызвалъ къ жизни тѣхъ воззрѣній, которыя приняты были за норму при Львѣ IX, а наоборотъ — самъ сложился подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ ихъ (стр. 163) [1]). „Всѣ отличительные признаки преобразовательнаго движенія, выразителемъ котораго считается Григорій VII, обнаруживаются задолго до начала его исторической дѣятельности“; онъ не вноситъ „ничего новаго“, „ничего неслыханнаго“. „Нельзя настаивать и на „оригинальности“ Гильдебранда, какъ борца за дѣло преобразованій: еще въ ту пору, когда онъ не занималъ руководящаго положенія, папство вступило на путь принужденія, прибѣгнуло къ воздѣйствію на совѣсть мірянъ и стало

[1]) Излагая взгляды А. С. Вязигина, я стараюсь по возможности придерживаться его собственныхъ словъ.

Библиотека "Руниверс"

искать опоры въ „народѣ“... Не ему принадлежитъ заслуга первыхъ рѣшительныхъ шаговъ куріи на преобразовательномъ поприщѣ. Равнымъ образомъ, если ему и удалось впослѣдствіи поставить папство на значительную высоту, то это произошло не столько въ силу его необычайныхъ талантовъ, сколько въ силу господства опредѣленнаго міровоззрѣнія, съ паденіемъ котораго связано и измѣненіе въ положеніи папства. „Геніальный“ Гильдебрандъ является лишь сотрудникомъ Григорія VI, Льва IX и Виктора II (стр. 299). Авторъ готовъ признать за нимъ одно—„умѣнье пользоваться обстоятельствами для достиженія намѣченной цѣли и дѣлать изъ людей свои орудія“ (ibid.).

А. С. Вязигинъ называетъ Гильдебранда не „руководителемъ“, не „всесильнымъ министромъ“ Льва IX, а только *талантливымъ ученикомъ* его (стр. 244; ср. стр. 160). Умаляя значеніе Гильдебранда при Львѣ IX, г. Вязигинъ выдвигаетъ на первый планъ другихъ сотрудниковъ папы—кардинала Фридриха (впослѣдствіи — папа Стефанъ IX) и въ особенности кардинала Гумберта: рядомъ съ ними Гильдебрандъ, говоритъ онъ, „попадаетъ въ тѣнь и не можетъ расчитывать на рѣшающій голосъ и особое вліяніе“ (стр. 244). Гумбертъ—любимый совѣтникъ и спутникъ папы; „его воззрѣнія сдѣлались программой для цѣлой партіи, изъ рядовъ которой вышелъ и знаменитый Григорій VII“ (стр. 155).

Подобный же взглядъ на роль Гильденбранда и Гумберта высказалъ Мартенсъ (въ 1894 г.); онъ находилъ, что потомство неправильно оцѣнило Гумберта, возвысивъ на его счетъ Гильдебранда („Gregor VII“, I, 17). Но Мартенсъ своего взгляда — по крайней мѣрѣ, относительно Гумберта — обстоятельно не развилъ; А. С. Вязигинъ же старается свое мнѣніе обосновать подробно. Притомъ, первенство тутъ принадлежитъ г. Вязигину: мысль о зависимомъ положеніи Гильденбранда при Львѣ IX и о вліяніи Гумберта—правда, при Николаѣ II—онъ высказалъ вкратцѣ еще въ 1893 г. (см. „Новое изслѣдованіе объ избраніи Григорія VII“, стр. 6), а знаменитый трактатъ кардинала Гумберта („Adversus simoniaeos“) онъ подробно разсмотрѣлъ въ своихъ „Замѣткахъ по исторіи полемической литературы“ (въ „Запискахъ Императорскаго Харьковскаго Университета“ за 1894 г., то-есть, одновременно съ Мирбтомъ).

Но устраняя вліяніе Гильдебранда и выдвигая Гумберта, А. С. Вязигинъ вмѣстѣ съ тѣмъ отстаиваетъ самостоятельность Льва IX, который, по его словамъ, относился осмотрительно къ различнымъ

Библиотека "Руниверс"

внушеніямъ (стр. 244). Колебанія папы г. Вязигинъ объясняетъ не слабостью и безхарактерностью его, а „стремленіемъ добиться истины и добросовѣстнымъ убѣжденіемъ въ правотѣ представителей то тѣхъ, то иныхъ воззрѣній“ (стр. 217). Уже Гаукъ (III, 601) въ краткихъ, но мѣткихъ словахъ охарактеризовалъ значеніе понтификата Льва въ исторіи папства: онъ сравниваетъ его съ значеніемъ понтификата Николая I. Еще далѣе идетъ г. Вязигинъ. По его словамъ, „Левъ открываетъ новую эпоху во всемірной исторіи“ (стр. 136); „онъ — истинный творецъ союза папства съ разрозненными родниками преобразовательнаго теченія“ (стр. 174). Авторъ сопоставляетъ стремленія и пріемы Льва IX и Григорія VII и находитъ между ними сходство: „приписываемое Григорію VII оказывается существующимъ при Львѣ IX и „оригинальныя черты“ перваго замѣчаются во второмъ“ (стр. 245); „Левъ предваряетъ Григорія“ (стр. 299). Ему принадлежитъ большая заслуга: „онъ дѣйствовалъ при сравнительно неблагопріятной обстановкѣ, онъ клалъ первые камни на возобновленіе сильно пострадавшаго за годы безнарядья зданія величія папства, онъ опредѣлилъ планъ постройки и средства для ея выполненія“; онъ съумѣлъ образовать цѣлую „школу“, изъ которой вышли выдающіеся дѣятели и продолжатели его начинаній“ (стр. 245 — 246); въ числѣ ихъ—и Гильдебрандъ. И г. Вязигинъ старается подробно выяснить заслуги Льва: его личности и преобразовательной дѣятельности, его программѣ и соборамъ, которые такъ часто созывались при немъ и служили „сознательнымъ средствомъ для проведенія программы“, посвящено болѣе трети книги (стр. 98—100, 126—247).

Въ исторіи „преобразовательной“ дѣятельности папъ въ XI вѣкѣ прежде часто придавали важное значеніе Клюньи (напримѣръ, Гфререръ и Гизебрехтъ); въ Гильдебрандѣ видѣли осуществителя и проводника идеаловъ клюнійцевъ. Закуръ показалъ, что здѣсь такой тѣсной связи не было (хотя онъ напримѣръ, и считаетъ Одилона Клюнійскаго столь же типичнымъ для XI вѣка, какъ Бернардъ Клервоскій—для XII [II, 298 — 299] и видитъ въ Львѣ IX черты, сближающія его съ клюнійцами [II, 312]). Какъ и Закуръ, А. С. Вязигинъ отодвигаетъ Клюньи на задній планъ и подобно тому же Закуру, Лангену и Гауку, но гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе, указываетъ на вліяніе *каноновъ*. Каноническія предписанія, по его собственнымъ словамъ, „служили мѣриломъ должнаго для огромнаго большинства людей XI вѣка“ („Предисловіе“, стр. VII), были какъ бы „указкою“ (стр. 27) и руководящею нитью для преобразователей.

Библиотека "Руниверс"

„Древніе обычаи", „декреты св. отцевъ", „Св. каноны" становятся боевымъ кличемъ для всѣхъ жаждущихъ преобразованій (стр. 28). „Не только общія и главныя цѣли преобразованій вытекаютъ изъ преклоненія передъ канонами", говоритъ г. Вязигинъ, — „даже мелочи и частности разрѣшаются при помощи ихъ авторитета" (стр. 174). Авторъ старается подробно раскрыть связь между требованіями каноновъ и „преобразовательнымъ движеніемъ" на западѣ въ XI вѣкѣ.

Для уясненія особенностей этого движенія и той среды, въ которой вращался самъ Гильдебрандъ, г. Вязигинъ характеризуетъ руководящія воззрѣнія сборника Бухарда Вормсскаго (нач. XI столѣтія), при чемъ совершенно расходится съ Гауконъ. По Гауку, сборникъ Бурхарда не представляетъ цѣльнаго правоваго воззрѣнія, онъ — зеркало тогдашнихъ фактическихъ отношеній: съ одной стороны Бурхардъ признаетъ, безъ ограниченія, королевскія права по отношенію къ церкви; съ другой—церковь у него является самостоятельною корпораціею, съ избраніемъ епископовъ клиромъ и народомъ (III, 438—440). По мнѣнію А. С. Вязигина. напротивъ — Бурхардъ вполнѣ раздѣляетъ идеалы, требовавшіе, чтобы духовное начало стояло выше свѣтскаго; онъ — противъ вторженія мірянъ въ церковныя дѣла. Бурхардъ, стоя на почвѣ декреталій, отдѣляетъ мірское отъ духовнаго и подчиняетъ мірянъ церковникамъ; онъ „сѣетъ сѣмена жатвы, собранной въ недалекомъ будущемъ папствомъ" (стр. 101—104). Еще подробнѣе г. Вязигинъ останавливается (стр. 161—173) на сборникѣ каноническихъ постановленій, извѣстномъ подъ названіемъ „Diversorum sententiae patrum", который служилъ какъ бы „краткимъ сводомъ существенныхъ постановленій каноновъ", какъ бы „подручнымъ пособіемъ" и „руководящею программой" (стр. 160). между прочимъ и для Льва IX (стр. 173). На этотъ сборникъ, до сихъ поръ остающійся въ рукописи, изслѣдователи мало обращали вниманія, а Фурнье, недавно подвергшій его обстоятельному изслѣдованію (въ *Mélanges d'archéologie et d'histoire*, за 1894), указывая источники, откуда заимствовалъ авторъ сборника свой матеріалъ, приводитъ лишь первыя и послѣднія слова каждаго постановленія, такъ что г. Вязигину приходилось самому разыскивать соотвѣтствующія мѣста въ Лженсидоровыхъ декреталіяхъ.—А. С. Вязигинъ говоритъ (см. стр. 274 — 276) и о сборникахъ каноновъ, распространенныхъ во Франціи, именно о сборникѣ Аббона Флерійскаго и о письмахъ Фульберта Шартрскаго.

Библиотека "Руниверс"

„Проводниками преклоненія передъ канонами" и идей реформы, по словамъ автора („Предисловіе", стр. VIII), были *школы*, и онъ останавливается на характеристикѣ Люттихской школы, имѣвшей во главѣ своей Wazo, или, какъ называетъ его г. Вязигинъ, Вазона, который стоялъ за избраніе папъ помимо свѣтской власти, теоріи императорскаго всемогущества и въ церковныхъ дѣлахъ противопоставлялъ ученіе о раздѣленіи властей, при чемъ свѣтскую власть ставилъ несравненно ниже духовной (стр. 110), и высказывалъ мысль о преимуществѣ святительскаго помазанія надъ царскимъ въ словахъ, обращенныхъ къ Генриху: „насколько жизнь превосходитъ смерть, настолько наше помазаніе выше вашего" (стр. 108).

Вообще, въ „преобразовательномъ движеніи" на западѣ въ XI вѣкѣ А. С. Вязигинъ видитъ не созданіе отдѣльной личности, *а выраженіе общаго настроенія, обусловленнаго особенностями средневѣковаго міросозерцанія* (стр. 174 — 175). Такимъ образомъ онъ выводитъ это движеніе изъ тогдашняго міросозерцанія. Въ разныхъ мѣстахъ своей книги авторъ характеризуетъ ту „идейную почву", на которой выросли „церковно-общественныя преобразованія XI вѣка" (стр. 30). Подобно кн. Е. Н. Трубецкому, онъ говоритъ объ „идеѣ божьяго царства", къ осуществленію которой стремились преобразователи и папство, но тогда какъ кн. Е. Н. Трубецкой необходимымъ признакомъ этого „Божьяго царства" считаетъ „*единство*", г. Вязигинъ указываетъ еще и на другой признакъ—„*миръ*" (стр. 179).

Въ средневѣковомъ же міросозерцаніи, по мнѣнію А. С. Вязигина, коренится и причина послѣдующей борьбы папства съ императорствомъ и торжества перваго. Сила и быстрое распространеніе идеи превосходства духовной власти надъ свѣтскою, говоритъ онъ, „заключается въ ея родствѣ съ самыми основными чертами средневѣковаго міровозрѣнія", съ его вѣрованіями въ цѣль и смыслъ земной жизни, съ его ученіемъ о безконечномъ превосходствѣ духа надъ плотью, а слѣдовательно и духовенства надъ мірянами, папства—надъ императорствомъ (стр. 110): „императорство должно было преклониться предъ святительствомъ, представителемъ высшаго начала" (стр. 169). „Крушеніе императорства обусловливается не личными недостатками отдѣльныхъ императоровъ, а общимъ положеніемъ дѣлъ: при господствѣ средневѣковыхъ феодальныхъ порядковъ и аскетическаго міросозерцанія императорство невозбѣжно было обречено на гибель и паденіе" (стр. 293). „По самой природѣ вещей императоръ не могъ быть носителемъ идеала святости и боговдохновенности,

Библиотека "Руниверс"

качествъ, необходимыхъ для главы земнаго божьяго царства. Вотъ почему императоръ, стремясь изъ органа теократіи сдѣлаться ея верховнымъ представителемъ, одною рукой уничтожаетъ созидаемое другою... Стремленіе императорства къ преобладанію не имѣло корней ни въ общемъ міросозерцаніи, ни въ современныхъ экономическихъ условіяхъ, не дававшихъ въ руки „высшихъ представителей свѣтской власти" необходимыхъ средствъ для осуществленія ихъ притязаній", и т. д. (стр. 295; см. вообще стр. 293—298).

Что касается тогдашняго выразителя средневѣковаго міросозерцанія на императорскомъ престолѣ, то-есть Генриха III, то прежніе нѣмецкіе историки обыкновенно выхваляли его правленіе, какъ апогей могущества германской имперіи (напримѣръ Гизебрехтъ). Лишь Зибель, сообразно своему общему взгляду на средневѣковое императорство, относится отрицательно и къ Генриху (см. его „Die deutsche Nation und das Kaiserreich", 1862). Изъ новѣйшихъ историковъ нѣсколько отрицательное отношеніе къ результатамъ правленія Генриха III проглядываетъ у Штейндорффа и у Мейера ф. Кнонау, но лишь *отчасти* (у перваго—въ концѣ его „Jahrbücher d. deutsch. Reiches unter Heinrich III", у втораго—въ началѣ его „Jahrbücher d. deutsch. Reiches unter den Kaisern Heinrich IV u. Heinrich V"). Гораздо дальше въ этомъ направленіи, подробно развивая свой взглядъ, идетъ г. Вязигинъ. Онъ произноситъ суровый приговоръ надъ Генрихомъ. Его политику онъ называетъ то „своекорыстною" (стр. 88), то „близорукою" (стр. 89). Генриху, говоритъ онъ, чужда была идея „свѣтскаго" государства; онъ подготовилъ послѣдующія событія, имѣвшія всемірно-историческое значеніе (стр. 88). Онъ былъ далекъ отъ мысли о возможности столкновенія и борьбы съ папствомъ (стр. 203). Такимъ образомъ „крушеніе императорскаго идеала было подготовлено его же носителемъ и поборникомъ, Генрихомъ III". Благодаря его политикѣ „силы имперіи были надломлены еще задолго до рѣшительнаго столкновенія. Онъ завѣщалъ своему сыну притязанія, но не оставилъ средствъ для ихъ осуществленія... Генрихъ вырылъ ту яму, въ которую попалъ его сынъ" (стр. 291).

Придавая *идеямъ* первенствующее значеніе въ исторіи „преобразовательнаго движенія" XI вѣка, г. Вязигинъ не игнорируетъ и *экономическихъ факторовъ*. Онъ самъ говоритъ въ „предисловіи", что ему „казалось невозможнымъ объяснить все богатство и разнообразіе явленій исторической жизни исключительно могущественнымъ воздѣйствіемъ или міра „идей", или „экономическихъ условій", счесть ее

Библиотека "Руниверс"

созданіемъ только „геніальныхъ“ личностей, или дѣломъ одной „среды“. Всѣ эти факторы сказываются одновременно и ихъ взаимодѣйствіе объясняетъ историческій процессъ... „Церковно-общественныя преобразованія“ носятъ отпечатокъ и идеальныхъ порывовъ времени и земныхъ расчетовъ церковниковъ“ (стр. VII—VIII). И г. Вязигинъ отмѣчаетъ, что преобразователи становятся и на экономическую почву (стр. 80); что реформа была не только религіознымъ, но и экономическимъ дѣломъ (стр. 107); отмѣчаетъ, какъ соборы и папство оказывали матеріальную поддержку слабымъ и способствовали поднятію матеріальнаго благосостоянія (стр. 195). Онъ указываетъ на связь между успѣхомъ преобразованій и усиленіемъ средствъ куріи (стр. 137). А на стр. 25 и слѣдующей—если только мы правильно понимаемъ его мысль—авторъ даже готовъ развитіе самого средне-вѣковаго міросозерцанія объяснять тѣми бѣдствіями и невзгодами, отъ которыхъ страдало тогдашнее общество!

Говоря о взглядахъ г. Вязигина и о характерныхъ чертахъ его книги, нельзя не коснуться также его *отношенія къ источникамъ* и тѣхъ принциповъ, которыхъ онъ придерживается при критической оцѣнкѣ свидѣтельствъ.

Въ наше время, вѣкъ скептицизма, господствуетъ преимущественно критика *отрицательная*, подрывающая довѣріе къ историческимъ свидѣтельствамъ, которымъ прежде нерѣдко вѣрили безусловно, впадающая часто въ крайность, въ *гиперкритику*. Достаточно вспомнить хотя бы о недавнихъ нападкахъ на Ѳукидида и Аристотеля. съ цѣлью доказать ихъ полную негодность, какъ источниковъ,—въ области греческой исторіи. Подобныя же попытки мы часто встрѣчаемъ и въ области изученія исторіи средневѣковой. А. С. Вязигинъ придерживается иныхъ взглядовъ и принциповъ: онъ стремится согласовать и оправдать извѣстія источниковъ, даже наиболѣе заподозрѣнныхъ въ своей достовѣрности. Вотъ какъ онъ самъ говоритъ въ этомъ „предисловіи“: „Разрушающая критика уничтожаетъ „достовѣрность“ одного средневѣковаго писателя за другимъ, такъ что если принять всѣ ея заключенія, то у изслѣдователя не останется вовсе матеріала для возсозданія прошлаго. Стремленіе отыскивать противорѣчія и устранять совершенно извѣстія, стоящія одиноко, или принадлежащія позднѣйшимъ или „недостовѣрнымъ“ писателямъ, заходитъ слишкомъ далеко: изолированный писатель, какъ современникъ. иногда очевидецъ и участникъ событія, зналъ все-таки несравненно больше подробностей, чѣмъ отдаленный вѣками авторъ „программы“

Библиотека "Руниверс"

или „диссертація"; позднѣйшій источникъ часто располагалъ погибшими для насъ данными; наконецъ, даже „лживыхъ дѣлъ мастеръ" „(NB. подразумѣвается Bonitho, котораго такъ называетъ Мартенсъ)" долженъ примѣшивать ложь къ истинѣ, иначе не будетъ имѣть успѣха при достиженіи своихъ цѣлей. Очень часто легко объяснимыя неточности, обмолвки и различіе основныхъ точекъ зрѣнія и интересовъ подаютъ поводъ къ уничтожающимъ приговорамъ. *Мѣсто старанія создавать и увеличивать противорѣчія должно занять стремленіе къ ихъ уничтоженію и сглаживанію*, такъ какъ отъ прошлаго уцѣлѣло слишкомъ мало данныхъ, чтобы стремиться къ суживанію круга нашихъ свѣдѣній... *Мѣриломъ* пригодности того или другаго свидѣтельства для меня служила не общая „достовѣрность" средневѣковаго автора, но соотвѣтствіе даннаго извѣстія положенію дѣлъ, запросамъ и стремленіямъ времени, равно какъ міросозерцанію средневѣковья" (стр. VII).

Такимъ образомъ критика г. Вязигина — критика, такъ сказать, *положительная*. Свои принципы и пріемы онъ примѣняетъ преимущественно къ Bonizo, или, какъ онъ предпочитаетъ его называть,— Бонитону (Bonitho). Епископъ Сутрійскій Bonitho, современникъ Григорія VII, авторъ сочиненія подъ заглавіемъ „Liber ad amicum", пользуется очень дурною славой, какъ историческій источникъ. Яффе въ предисловіи къ своему изданію „Liber ad amicum" во II-мъ томѣ „Bibliotheca rerum Germanicarum", говоритъ о немъ, что не было историка лживѣе Бонитона: „Mihi opus eius edituro, cum, quantum in me situm est, et universum librum et singulas eius partes accurate perquirerem, mirifice perspicua nihilque prorsus dubitanda occurebant indicia, *Bonithone historico fuisse neminem fere mendaciorem*", p. 586; Мартенсъ называетъ его „лживыхъ дѣлъ мастеромъ"; даже его защитникамъ, Гизебрехту и Saur'y въ (*Forschungen deutschen Geschichte*, т. VIII), только отчасти удалось смягчить суровый приговоръ, произнесенный надъ нимъ критикою. Г. Вязигинъ рѣшительно беретъ Бонитона подъ свою защиту и старается доказать достовѣрность или, по меньшей мѣрѣ, правдоподобіе большинства его извѣстій (напримѣръ не только о брачныхъ замыслахъ Бенедикта IX, о Сутрійскомъ синодѣ и самоосужденіи Григорія VI, но и о пребываніи Гильдебранда въ Клюньи, о встрѣчѣ его съ Бруномъ (Львомъ IX) въ Безансонѣ, объ отказѣ Генриха III отъ „тиранніи патриціата" и т. д.), при чемъ иногда называетъ его показанія „цѣнными" (стр. 255) и вообще старается подкрѣпить ихъ подробною аргументаціею,

Библиотека "Руниверс"

привлекая свидѣтельства другихъ памятниковъ. Можно сказать, что Бонитонъ служитъ г. Вязигину едва ли не главнымъ источникомъ.

Укажемъ еще на нѣкоторыя детали, на выводы и замѣчанія автора болѣе частнаго характера.

Въ I главѣ своихъ „Очерковъ“ г. Вязигинъ между прочимъ развиваетъ ту мысль, что Гильдебрандъ еще въ дѣтствѣ отданъ былъ своими родителями въ монастырь, то-есть что онъ принадлежалъ къ такъ называемый „*pueri oblati*“, которые въ силу родительскихъ обѣтовъ не имѣли уже права покинуть обитель (стр. 6). Этою гипотезою онъ примиряетъ нѣкоторыя противорѣчивыя показанія источниковъ и думаетъ окончательно рѣшить вопросъ, который поднятъ былъ Мартенсомъ (въ брошюрѣ: „War Gregor VII Mönch?“ [1891] и въ экскурсѣ ко II-му тому „Gregor VII“, стр. 251 сл.), былъ ли Григорій VII монахомъ? „Разъ Гильдебрандъ былъ puer oblatus“, говоритъ г. Вязигинъ, „то нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ его монашествѣ“. Въ ересяхъ первой половины XI вѣка на западѣ г. Вязигинъ усматриваетъ доказательство существованія духовныхъ нуждъ общества, остававшихся неудовлетворенными. Онъ сопоставляетъ взгляды еретиковъ и ревнителей „преобразованія“, находя въ нихъ точки соприкосновенія: „ереси и церковныя преобразованія“, по его словамъ, „представляютъ собой родственныя проявленія одного и того же общественнаго броженія“ (стр. 33). По мнѣнію автора, „личные недостатки Бенедикта IX не отражались на теченіи дѣлъ“ (которыми заправляли другія лица), такимъ образомъ даже „развратникъ-папа не является противникомъ церковныхъ преобразованій“ (стр. 16). Буллу, напечатанную у Mansi, XIX, 611 (Migne. 142 томъ, стр. 573—374) и вслѣдъ за Штейндорффомъ обыкновенно приписываемую Григорію VII, А. С. Вязигинъ на основаніи тщательнаго анализа ея содержанія относитъ ко времени Григорія VI (стр. 42) и извлекаетъ изъ нея данныя для характеристики дѣятельности этого папы.—Спорный вопросъ о времени принятія Генрихомъ III сана патриція онъ рѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что Генрихъ принялъ этотъ санъ, какъ викарія или замѣстителя императора, до императорскаго коронованія, но полагаетъ, что послѣ этого коронованія онъ принялъ, сверхъ того, еще санъ патриція „городскаго“ (стр. 73 сл.) то-есть г. Вязигинъ, подобно Heinemann'у („Der Patriciat der deutschen Könige“ 1888) [1]), признаетъ существованіе *двоякаго* патриціата (этого мы еще

[1]) *Heinemann*, по отношенію къ Генриху III, впрочемъ, не говоритъ о двоякомъ патриціатѣ.

Библиотека "Руниверс"

коснемся ниже). По мнѣнію А. С. Вязигина, Wazo въ своемъ письмѣ къ Генриху имѣлъ въ виду не Григорія VI и заступался не за него, какъ обыкновенно думаютъ, а за Бенедикта IX (стр. 95).—См. также нѣкоторыя подробности касательно Реймсскаго собора; взглядъ автора на дѣло Бертольда, предъявлявшаго притязаніе на Безансонскую каѳедру (стр. 201); на обращеніе Льва IX къ бретонскому герцогу (стр. 209); на причину удаленія кардинала Фридриха въ Монтекассино (стр. 263, 269); на избраніе и дѣятельность Виктора II, показывающую „силу традиціи“ и „безсиліе личности измѣнить желѣзную логику событій“, ибо Викторъ II, по мнѣнію автора, пошелъ въ разрѣзъ съ прежними своими взглядами, и проч.

IV.

Итакъ, въ „Очеркахъ“ А. С. Вязигина мы найдемъ немало новаго и оригинальнаго. Но, съ другой стороны, во всемъ этомъ немало и спорнаго, даже, можетъ быть, невѣрнаго. Во многихъ мѣстахъ бросаются въ глаза противорѣчія и натяжки, являющіяся результатомъ увлеченій автора. Самъ онъ въ „Предисловіи“ говоритъ, что „въ критикѣ усматриваетъ для себя лишь вѣрное средство избѣжать погрѣшностей въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ“ (стр. VIII). Поэтому думаемъ, онъ не посѣтуетъ на насъ, если мы откровенно выскажемъ, что намъ кажется спорнымъ или ошибочнымъ въ его взглядахъ и утвержденіяхъ.

Не будемъ касаться того, какъ понимаетъ А. С. Вязигинъ „преобразовательную“ дѣятельность папства въ XI вѣкѣ и насколько можно согласиться съ такимъ пониманіемъ [1]); мы остановимся подробнѣе главнымъ образомъ на двухъ пунктахъ, наиболѣе характерныхъ и, такъ сказать, основныхъ, которымъ онъ самъ, очевидно, придаетъ наибольшее значеніе, именно—*на его взглядѣ на роль и значеніе Гильдебранда въ исторіи папства и церковно-общественныхъ преобразованій на западѣ въ XI вѣкѣ и на его отношеніи къ источникамъ.*

Безспорно, въ защиту А. С. Вязигину должно быть поставлено

[1]) Объ этомъ см. въ рецензіи проф. *А. С. Лебедева* въ февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за текущій годъ (появившейся послѣ того, какъ моя статья была уже отправлена въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*), подъ заглавіемъ: „Ученое увлеченіе папствомъ“. Замѣтимъ, что заглавіе это принадлежитъ не самому автору, а редакціи *Русскаго Вѣстника*, о чемъ и заявляетъ проф. А. С. Лебедевъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, 1899, № 40.

Библиотека "Руниверс"

то, что онъ прекрасно выясняетъ, какъ „среда“ и тогдашнее настроеніе вліяли на развитіе воззрѣній Гильдебранда, какъ почва для дѣятельности Григорія VII была подготовлена его предшественниками и какъ ошибочно все приписывать ему одному. Но если прежніе историки нерѣдко уже слишкомъ преувеличивали вліяніе личности Гильдебранда, то г. Вязигинъ впадаетъ въ другую, противоположную крайность и вмѣстѣ въ противорѣчіе съ самимъ же собою, съ собственными сужденіями и съ имъ же приводимыми фактами. Иногда онъ слишкомъ умаляетъ роль Гильдебранда.

Такъ, на стр. 244 А. С. Вязигинъ утверждаетъ, будто „*нѣтъ никакихъ слѣдовъ въ источникахъ* въ пользу того“, чтобъ его вліяніе при Львѣ IX „было значительнымъ“. Въ доказательство онъ ссылается на то, что въ тогдашнихъ документахъ, грамотахъ и проч. не встрѣчается ни имени, ни подписи Гильдебранда. Но это въ данномъ случаѣ ничего не доказываетъ; отсутствіе имени и подписи Гильдебранда въ документахъ времени Льва IX вполнѣ понятно: высокаго *офиціальнаго* положенія онъ тогда еще не занималъ; его вліяніе было чисто личное [1]). А что оно было „значительнымъ“, объ этомъ говоритъ цѣлый рядъ свидѣтелей: Бонитонъ (источникъ, правда, сомнительный, общая тенденція котораго—возвеличить Гильдебранда, но которому такъ склоненъ вѣрить г. Вязигинъ), Брунонъ Сенійскій [2]), Павелъ Бернридскій [3]), Левъ Монтекассинскій [4]), Манегольдъ [5]), все современники или почти современники [6]) Гильдебранда, изъ ко-

---

[1]) Какъ это видно между прочимъ изъ свидѣтельства *Манегольда*: „Is“ (Левъ IX) „... talibus eius studiis talique industria tantum est delectatus, ut illum jam juvenem auricularium sibi a secreto assumeret, pretermissis plerumque nonnullis amicis et familiaribus suis, solus cum solo colloquium consereret, decernenda queque cum illo examinaret, sicubi vero aliquid aliter ut homo sapiebat, donec id quoque sibi Deus revelaret, eius premonitione corrigi et emendari perdulce et iocundum haberet“ (см. въ „Libelli de lite imperat. et pontif. Roman.“, I, 326).

[2]) См. разказъ объ избраніи Льва IX и его разговорѣ съ Гильдебрандомъ: „ille“ (Левъ) „autem... patienter ei satisfecit, reddita de omnibus sicut ille voluerat ratione“ (*Watterich*, Pontif. Roman. vitae, I, 97).

[3]) „Leo... eius per omnia consilia incepit“ (по другому чтенію—„consiliis uti cepit“); „et haec eorum concordia plurimum in agro Dominico spinis erutis fructicavit“, c. 12 (*Watterich*, I, 478).

[4]) См. его разказъ о посольствѣ Гильдебранда къ Генриху III, по смерти Льва IX, и объ избраніи Виктора II (*Watterich*, I, 183).

[5]) См. уже приведенное выше свидѣтельство.

[6]) Изъ немного болѣе позднихъ можно указать на біографа папъ, *Петра Вильгельма*: „Hic“ (Левъ) „eiusdem Ilderbandi consilio omnia in itinere et in hac civitate fecit“ (*Duchesne*, Liber pontificalis, II, 275).

Библиотека "Руниверс"

торыхъ напримѣръ Брунонъ Сенійскій лично зналъ его и у него черпалъ свѣдѣнія о Львѣ IX [1]). Они сообщаютъ факты, показывающіе, какъ велико было это вліяніе еще въ тотъ періодъ, которому посвящены „Очерки“ А. С. Вязигина. Такъ, извѣстно, что Генрихъ III счелъ необходимымъ отправить Гильдебранда въ Германію вмѣстѣ съ низложеннымъ папой Григоріемъ VI [2]): онъ опасался оставить его въ Римѣ; очевидно, уже тогда молодой монахъ выдавался своимъ вліяніемъ, и его личность обращала на себя вниманіе. И въ ссылкѣ, при императорскомъ дворѣ, онъ дѣлается вскорѣ „замѣтнымъ“, привлекаетъ къ себѣ вниманіе императора и его супруги [3]). Левъ IX беретъ его съ собою въ Римъ, и Гильдебрандъ становится близкимъ къ нему лицомъ и совѣтникомъ [4]). Умирающій Левъ, въ присутствіи всего клира и народа, передаетъ ему заботу о римской церкви [5]). По смерти Льва, въ Германію къ императору отправлено было посольство и во главѣ его Гильдебрандъ: римляне уполномачиваютъ его выбрать тамъ папу *по своему усмотрѣнію* [6]). Гильдебрандъ останавливаетъ выборъ на Гебгардѣ Эйхштедтскомъ. Императоръ не соглашается его отпустить; самъ Гебгардъ не желаетъ быть папой; но Гильдебрандъ преодолѣваетъ ихъ сопротивленіе: въ концѣ концовъ они уступаютъ [7]). Онъ же выбираетъ и имя новому папѣ—Виктора II [8]). Нужно-ли лучшаго доказательства вліянія Гильдебранда, какъ весь этотъ эпизодъ избранія Виктора? его воля торжествуетъ надъ волею императора и самого избранника. Кромѣ того, Генрихъ взялъ съ Гильдебранда клятвенное обязательство ни самому не занимать папскаго престола, ни другому не позволять, безъ согласія императора и его сына [9]),—

---

[1]) По его собственнымъ словамъ, „multa nobis beatus Gregorius Papa ...de hoc viro narrare solebat, a quo et ea, quae usque modo diti, magna ex parte me audivisse memini“, l. c.

[2]) Ср. *Bonitho*, V, p. 630 (Jaffé), и *Beno* (въ „Lib. de lite“, II, 378).

[3]) См. у самого *А. С. Вязигина*, стр. 100.

[4]) См. цитированныя раньше свидѣтельства.

[5]) *Bonitho*, X, p. 636.

[6]) „Ut... de partibus illis, quem ipse tamen vice cleri populique Romani in Romanum pontificem elegisset, adduceret“, какъ говоритъ *Левъ Монтекассинскій*, II, 86 (*Watterich*, I, 183).

[7]) *Bonitho*, V, p. 636; *Leo Casin.*, l. c. („Hunc ergo Hildebrandus invito licet imperatore, invito etiam eodem ipso episcopo... Romam secum adduxit“).

[8]) По свидѣтельству *Льва Монтекассинскаго*, l. c.

[9]) *Benzo*, VII, 2; *Cod. Ud.*, № 48; ср. указаніе самого Григорія, „Registrum“, I, № 39, p. 57 (а не 37, какъ по ошибкѣ напечатано у А. С. Вязигина).

Библиотека "Руниверс"

новое доказательство того, какое значеніе имѣла личность Гильдебранда въ глазахъ Генриха. Есть извѣстіе [1]), что на созванномъ Викторомъ II Флорентійскомъ соборѣ мѣры противъ симоніи и „блудодѣяній“ духовенства были приняты по совѣту именно Гильдебранда.

Вотъ факты. И замѣчательно, что самъ А. С. Вязигинъ не отрицаетъ ихъ: онъ приводитъ ихъ въ своей книгѣ (стр. 61, 100, 242—3, 251 сл.), что свидѣтельствуетъ, конечно, о его добросовѣстности, какъ историка, но вслѣдствіе чего онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою,—съ своею основною мыслью о незначительности роли Гильдебранда. Мало того, г. Вязигинъ не отвергаетъ и такихъ фактовъ, достовѣрность которыхъ подлежитъ сомнѣнію. Напримѣръ, онъ принимаетъ даже свидѣтельство Бонитона, по которому избранный императоромъ въ папы Брунонъ (Левъ IX) только послѣ встрѣчи съ Гильдебрандомъ въ Безансонѣ, подъ вліяніемъ его упрековъ и настояній, отказался отъ мысли предстать передъ избирателями въ Римѣ въ качествѣ императорскаго кандидата и, снявъ съ себя знаки папскаго достоинства, рѣшилъ идти къ гробницѣ апостоловъ въ одеждѣ простаго пилигрима (стр. 125 сл.; мы этого коснемся еще ниже),—и другое сомнительное извѣстіе того-же Бонитона объ отказѣ Генриха отъ „тираніи патриціата“, по настоянію Гильдебранда, при избраніи Виктора II (стр. 255). Вообще, въ послѣдней главѣ „Очерковъ“, вплоть до заключительныхъ замѣчаній, г. Вязигинъ идетъ какъ-бы въ разрѣзъ съ проводимымъ имъ взглядомъ на роль Гильдебранда и уже готовъ признать за нимъ большое вліяніе. Такъ, онъ находитъ „въ высшей степени важнымъ“, что Гильдебрандъ исполнялъ обязанности канцлера архіепископа Кельнскаго: „Гильдебрандъ“, по собственнымъ словамъ автора, „оказывается сотрудникомъ избраннаго имъ „намѣстника апостоловъ“ и вводитъ его въ кругъ интересовъ куріи“ (стр. 265). Сказавъ о посольствѣ Гильдебранда въ Галлію, г. Вязигинъ замѣчаетъ: „изъ Галліи возвратился безстрашный и непреклонный борецъ, окруженный ореоломъ успѣха... Отнынѣ Гильдебрандъ, испытавшій свои силы на дѣлѣ и снова получившій, по своему убѣжденію, поддержку свыше, принимаетъ *самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ куріи и занимаетъ очень вліятельное положеніе*“ (стр. 281—2; ср. стр. 288). Послѣдующія событія и особенное участіе Гильдебранда въ замѣщеніяхъ папскаго престола г. Вязигинъ объясняетъ, впрочемъ, его обязанностями архидіакона: „лицо, занимающее такой важ-

[1]) Принадлежащее *Bonitho*, V, p. 637.

Библиотека "Руниверс"

ный и вліятельный постъ", говоритъ онъ, „получало полную возможность высказывать свое вѣсское слово и играть видную роль въ опредѣленіи политики курія" (стр. 282; ср. также рецензію А. С. Вязигина на книгу князя Е. Н. Трубецкаго, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1897, августъ, стр. 429 сл.). Но еще вопросъ, Гильдебрандъ имѣлъ вліяніе потому ли, что былъ архидіакономъ, или потому, что онъ былъ Гильдебрандъ.

Считаемъ, однако, нужнымъ оговориться: мы не думаемъ оспаривать положеніе А. С. Вязигина, что Гильдебрандъ не былъ *единственнымъ*, *полномочнымъ* руководителемъ папской политикѣ при Львѣ IX,—въ его „Очеркахъ" это доказывается съ достаточною убѣдительностью и обстоятельностью.—Мы возражаемъ только противъ тѣхъ крайностей, въ которыя увлекаетъ автора его стремленіе вообще ограничить роль и значеніе Гильдебранда въ исторіи папства, и указываемъ на встрѣчающіяся у него при этомъ противорѣчія.

Затѣмъ, необходимо имѣть въ виду, что и прежніе историки, за немногими, можетъ быть, исключеніями, вовсе не утверждали, будто вліяніе Гильдебранда было такъ ужъ велико еще при Львѣ; они полагали, что это вліяніе достигло своего апогея лишь позже, что настоящимъ руководителемъ папъ Гильдебрандъ становится лишь при Николаѣ II и Александрѣ II. И въ пользу такого мнѣнія имѣются неопровержимыя свидѣтельства. Можно, конечно, не придавать большаго значенія словамъ такого источника, какъ Вепно, — этого яростнаго противника Григорія VII,—который называетъ Николая II „жалкимъ" созданіемъ („idolum") Гильдебранда [1]) и говоритъ, будто послѣдній „пасъ своего Николая въ латеранскомъ дворцѣ, словно осла въ стойлѣ": „Pascebat suum Nicholaum Prandellus in Lateranensi palacio, quasi asinum in stabulo. Nullum erat opus Nicholaisae, nisi per verbum Sarabaitae" (l. c.). Достаточно сослаться на свидѣтельство Петра Даміани, лица, близко стоявшаго какъ къ Гильдебранду, такъ и къ папскому престолу: Петръ Даміани пишетъ письма *общія* папѣ Александру и Гильдебранду; онъ испыталъ на себѣ самомъ могучее вліяніе личности послѣдняго и называетъ его въ этихъ пись-

[1]) „errexit alterum idolum... Postremo iure iurando ligavit illum miserrimum, quod nil ageret, nisi per eius iussionis verbum.... Corrumpens igitur Prandellus Romanos multis pecuniis multisque periuriis, indixit synodum, ubi regali corona suum coronavit hydolum" (M. 9, XI, p. 672).

Библиотека "Руниверс"

махъ „*своимъ святымъ сатаной*“, „sanctum satanam meum“ [1]), а въ своихъ эпиграмахъ выражается относительно папы и Гильдебранда такъ:

Papam rite colo, sed te prostratum adoro:
Tu facis hunc dominum, te facit iste deum“.
(*Migne*, t. 145, p. 967, epigr. 195),

или, играя словами:

Vivere vis Romae, clara depromito voce:
Plus *domino Papae*, quam *Domno* pareo *Papae*“.
(Ibid., p. 461, epigr. 149).

Поэтому, если А. С. Вязигинъ хотѣлъ доказать несостоятельность господствующаго воззрѣнія на роль Гильдебранда при папахъ, его предшественникахъ, то для полной убѣдительности ему слѣдовало не останавливаться на смерти Виктора II, а пойдти далѣе, коснуться понтификата Николая II и Александра II; иначе его положеніе о незначительности этой роли вообще остается недоказаннымъ.

Въ доказательство отсутствія „оригинальности“ у Гильдебранда и неважности историческаго значенія его личности А. С. Вязигинъ указываетъ, камъ мы видѣли, на современную ему „среду“, на воздѣйствовавшія на него вліянія, на общее настроеніе эпохи, на дѣятельность его предшественниковъ, многое подготовившихъ и намѣтившихъ, и т. д. Но кто же утверждаетъ, что отдѣльная личность всемогуща?.. Отъ преклоненія предъ „героями“, въ духѣ Карлейля, историки давно отрѣшились. Въ настоящее время стало общимъ мѣстомъ, что всякій историческій дѣятель, какъ бы великъ и „оригиналенъ“ онъ ни былъ, находится въ извѣстной зависимости отъ „среды“, нуждается для своей дѣятельности въ извѣстныхъ условіяхъ и подготовкѣ почвы, имѣетъ обыкновенно предшественниковъ; что личность должна быть поставлена въ связь съ ея эпохой. А то, что говоритъ г. Вязигинъ по отношенію къ Гильдебранду, mutatis mutandis можетъ быть сказано о каждомъ историческомъ дѣятелѣ, хотя бы напримѣръ, о Лютерѣ, Бисмаркѣ и проч.: вѣдь и Лютеръ имѣлъ длинный рядъ предшественниковъ, многія изъ проповѣдуемыхъ имъ идей высказывались не разъ раньше его (стоитъ вспомнить Марсилія Падуанскаго, Виклифа, Гуса); объединеніе Германіи было подготовлено въ значи-

[1]) „Sanctum satanam meum humiliter obsecro, ut non adversum me tantopere saeviat, nec eius veneranda superbia tam longis me verberibus atterat, sed iamiam circa servum suum vel satiata mitescat“ (I, ep. 16, *Migne*, t. 144, p. 236).

Библиотека "Руниверс"

тельной мѣрѣ уже по времени Бисмарка, самая идея не была новою; даже такой колоссъ, какъ Петръ Великій, ставится въ преемственную связь съ предшествующею ему эпохой. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что нужно отвергать важность ихъ исторической роли?

Такимъ образомъ, тутъ въ сущности все сводится уже къ вопросу о роли вообще личности въ исторіи...

Что касается Гильдебранда, то мы думаемъ, что въ исторіи папства и его борьбы съ императорствомъ ему принадлежитъ во всякомъ случаѣ великая роль. Въ тогдашнемъ преобразовательномъ движеніи на Западѣ, какъ это признаетъ и А. С. Вязигинъ, было нѣсколько теченій—болѣе крайнее и болѣе умѣренное, воинствующее и мирное: были идеалисты—клюнійцы; были сторонники тѣснаго союза съ свѣтскою властью, подобные Петру Даміани; были ни передъ чѣмъ не останавливающіеся ревнители. Гильдебрандъ является представителемъ направленія самаго крайняго, воинствующаго. Онъ—не только продуктъ тогдашней эпохи, но и могущественный факторъ: онъ самъ, въ свою очередь, вліяетъ на выработку крайней программы, содѣйствуетъ торжеству того, а не другаго направленія, и намъ кажется, что разница между программами Льва IX и Григорія VII — гораздо больше, чѣмъ допускаетъ г. Вязигинъ. Если послѣдующая борьба приняла такіе размѣры и характеръ, то это въ значительной мѣрѣ объясняется вліяніемъ личности Гильдебранда. Недаромъ, по словамъ одного средневѣковаго памятника, Левъ IX говорилъ Гильдебранду: „Если когда-нибудь, Боже избави, вступишь на папскій престолъ, то весь міръ приведешь въ смятеніе“ („Anonym. Haserensis“, M. 9, VII). Стремленія Гильдебранда, его пріемы и образъ дѣйствій вовсе не были ужъ такъ обыкновенны, не совпадали такъ съ общимъ настроеніемъ и съ политикой его предшественниковъ, какъ можно думать, судя по изложенію А. С. Вязигина; они далеко не встрѣчали единодушнаго сочувствія въ средѣ сторонниковъ преобразованій; напротивъ—Григорію VII и его преемникамъ приходилось бороться съ сильнѣйшею оппозиціею въ нѣдрахъ самой католической церкви.

Впрочемъ, г. Вязигинъ и здѣсь нечуждъ противорѣчій. Иногда онъ выражается такъ, какъ будто и самъ признаетъ великое историческое значеніе личности Гильдебранда. Напримѣръ, онъ говоритъ, что уже въ пору своего отрочества „Гильдебрандъ привлекалъ къ себѣ общее вниманіе“ (стр. 10), что еще до выступленія на историческое поприще онъ „чувствовалъ въ себѣ высокія силы небеснаго избранника“ и возбуждалъ къ себѣ „непріязнь и зависть“ (стр. 23).

Библиотека "Руниверс"

Онъ называетъ Гильдебранда „великимъ борцомъ за проведеніе церковно-общественныхъ пребразованій“ (стр. 24) и „великимъ папою“ (стр. 62), говоритъ о его „великомъ духѣ“ (стр. 128). „Дѣятельный, энергичный, не останавливающійся ни передъ чѣмъ для возстановленія попранной истины, Гильдебрандъ“, по его словамъ, „долженъ былъ внести свою долю въ планы новаго папы“ (Григорія VI) „и принять участіе въ ихъ осуществленіи“ (стр. 48). А на страницѣ 122 г. Вязигинъ прямо говоритъ, что „*его желѣзной настойчивости католическая церковь обязана упорною борьбою за безбрачіе духовенства*“. Намъ кажется, что подобные отзывы и замѣчанія стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ общимъ отрицательнымъ взглядомъ автора на роль и значеніе Гильдебранда въ исторіи папства и церковно-общественныхъ реформъ XI вѣка.

V.

Съ методологическими пріемами автора и съ его отношеніемъ къ источникамъ, главнымъ образомъ—къ Бонитону, тоже едва ли можно согласиться вполнѣ.

Мы не можемъ не сочувствовать замѣчаніямъ А. С. Вязигина, направленнымъ противъ увлеченія гиперкритизмомъ. Но по его мнѣнію, какъ мы видѣли, слѣдуетъ стремиться къ уничтоженію и сглаживанію противорѣчій, „*такъ какъ отъ прошлаго ущельло слишкомъ мало данныхъ*“ („Предисл.“, стр. VII). Спрашивается, должны ли мы дѣлать это *во что бы то ни стало*, потому только, что въ нашемъ распоряженіи и безъ того мало данныхъ? слѣдуетъ ли дорожить данными *невѣрными*, примирять непримиримое? Мы полагаемъ, что должно дорожить всякою крупицею матеріала, но только такого, который *послѣ тщательной провѣрки* окажется *доброкачественнымъ*. Иначе это будетъ богатство лишь мнимое, фальшивое, и лучше прямо сознаться въ невозможности прійдти къ точному выводу, гдѣ для этого нѣтъ прочныхъ основаній, нежели строить его на данныхъ невѣрныхъ. Вѣдь цѣль изслѣдователя — достиженіе истины, и эта истина въ его глазахъ должна стоять выше богатства сомнительныхъ данныхъ.

Затѣмъ, конечно, не слѣдуетъ отвергать всѣ свидѣтельства какого-либо источника огульно, безъ разбора; но вполнѣ естественно, что разъ источникъ въ общемъ оказывается тенденціознымъ и сомнительнымъ по своей достовѣрности, мы должны относиться къ его свидѣтельству *осторожно* и, при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій, от-

Библиотека "Руниверс"

давать предпочтеніе тому источнику, общая достовѣрность коего менѣе сомнительна. Относиться же къ Бонитону съ осторожностью и даже съ недовѣріемъ не значитъ еще впадать въ „гиперкритику“ или относиться „придирчиво“. Бонитонъ — во многихъ отношеніяхъ интересный авторъ, излагаетъ живо и сообщаетъ немало любопытныхъ подробностей, но господствующій взглядъ на него основателенъ, и г. Вязигинъ, стараясь примирить показанія этого источника съ другими, пытается примирить иногда непримиримое. Для характеристики Бонитона, чтобы убѣдиться, насколько это ненадежный источникъ, достаточно напомнить слѣдующіе примѣры (ср. *Jaffé*, *Steindorff*. *Martens*, *Watenbach*).

Онъ, бывшій самъ епископъ Сутрійскимъ, говоря о Сутрійскомъ Синодѣ 1046 г., называетъ въ числѣ его участниковъ Поппона, патріарха Аквилейскаго, и Брунона, епископа Аугсбургскаго, изъ коихъ первый умеръ въ 1042 г., а второй — еще въ 1029 (см. *Steindorff*, I, 458; *Giesebrecht*, II, 665). О папѣ Григоріи VI (Іоаннѣ Граціанѣ) Бонитонъ отзывается какъ объ „идіотѣ“ и „человѣкѣ удивительной простоты“ (erat enim idiota et mirae simplicitatis vir“, p. 627, и „ut erat idiota“, p. 628), а черезъ двѣ-три страницы даетъ ему уже эпитетъ „venerabilis“ (p. 630). Положимъ, можетъ быть, это только стереотипное выраженіе въ духѣ и стилѣ того времени; но вотъ болѣе яркій—и нужно сознаться, удивительный—примѣръ: Бонитонъ увѣряетъ, будто нигдѣ не читалъ, чтобы Карлъ Великій получилъ власть императора, „numquam enim eum imperiali legimus auctum fuisse potestate“, V, p. 630; а раньше, III, p. 615, самъ называетъ Карла и Людовика Благочестиваго „императорами“, „ex edictis Karoli et Ludoici imperatorum“ (*Martens*).

Неудивительно поэтому, что о достовѣрности Бонитона были очень низкаго мнѣнія не только Мартенсъ, на котораго негодуетъ г. Вязигинъ, но и Яффе, Штейндорффъ и такой осторожный критикъ, какъ Ваттенбахъ. Во всякомъ случаѣ къ его сообщеніямъ нужно относиться съ большою осмотрительностью; между тѣмъ для А. С. Вязигина, Бонитонъ—основной источникъ, которымъ онъ предпочтительно пользуется и который онъ желаетъ примирить съ другими во что бы то ни стало.

Остановимся на нѣкоторыхъ примѣрахъ.

Разказъ Бонитона о самоосужденіи Григорія VI на Сутрійскомъ синодѣ вполнѣ вѣроятенъ: такой поступокъ папы психологически легко объяснимъ, какъ на это указываетъ и г. Вязигинъ; да и сви-

Библиотека "Руниверс"

дѣтельство Бонитона (V, p. 628), въ данномъ случаѣ находитъ себѣ подтвержденіе въ другихъ источникахъ—у *Льва Монтекассинскаго* и *Дезидерія* (Виктора III). Но нельзя признать убѣдительнымъ доводъ А. С. Вязигина, когда онъ, относительно дальнѣйшей судьбы антипапы Сильвестра склоняясь въ пользу свидѣтельства Бонитона, ссылается на бытность послѣдняго епископомъ Сутрійскимъ, полагая, что онъ „могъ имѣть подъ рукою самые акты собора или слышать о его рѣшеніяхъ отъ современниковъ, очевидцевъ и участниковъ“ (стр. 57): мы уже видѣли, что все это не помѣшало Бонитону напримѣръ назвать участниками собора лицъ давно умершихъ.

Въ подкрѣпленіе извѣстія Бонитона о пребываніи Гильдебранда въ Клюньи А. С. Вязигинъ собралъ много матеріала; его доводы отличаются подчасъ остроуміемъ, находчивостью и—по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ—убѣдительностью. Но мы не можемъ согласиться съ нимъ, что возраженіе Мартенса противъ достовѣрности этого извѣстія Бонитона—„пустыя и неосновательныя придирки“ (стр. 116): Бонитонъ по поводу свиданія Гильдебранда въ Безансонѣ съ избраннымъ въ папы Львомъ говоритъ объ „аббатѣ Клюнійскомъ“, тогда какъ въ то время никакого аббата въ Клюньи не было (Одилонъ умеръ незадолго до того, не указавъ себѣ преемника, а слѣдующій за нимъ аббатъ Гугонъ не былъ еще избранъ); г. Вязигинъ полагаетъ, что это—просто „неточное выраженіе“, „обмолвка“, и что съ такимъ же правомъ Мартенсъ могъ бы „накинуться“ и на Григорія VII, который говоритъ, что „вернулся въ Римъ съ папой Львомъ“, между тѣмъ какъ Брунонъ тогда могъ быть названъ, если требовать точности, лишь избраннымъ въ папы. Но здѣсь есть разница: Бонитонъ имени Гугона не называетъ, а говоритъ: „abbas Cluniacentis“ (V, p. 631); къ тому же Гугонъ, хотя и былъ великимъ пріоромъ, но въ аббаты еще не былъ избранъ, тогда какъ Брунонъ былъ уже избранъ въ папы. Во всякомъ случаѣ, неточность тутъ у Бонитона есть.

Затѣмъ, въ доказательство того, что Гильдебрандъ принадлежалъ къ клюнійцамъ, г. Вязигинъ приводитъ между прочимъ новый доводъ: онъ ссылается на письмо Григорія VII къ Джеральду Остійскому, Reg., I, № 6, p. 15, говоря, будто въ этомъ письмѣ папа называетъ *Гугона Клюнійскаго* „нашимъ собратомъ“. Но это явная ошибка: въ указанномъ письмѣ „нашимъ собратомъ“ названъ *не Гугонъ Клюнійскій* а *Гугонъ Бѣлый*, извѣстный кардиналъ: „hunc confratrem nostrum, videlicet Ugonem Candidum“, сказано тутъ [1]). Что касается

[1]) *А. С. Вязигинъ* отыскалъ потомъ другое мѣсто въ письмахъ Григорія VII,

Библиотека "Руниверс"

извѣстія, будто, Гильдебрандъ былъ пріоромъ въ Клюньи, то напрасно А. С. Вязигинъ о немъ упоминаетъ: доказательной силы оно не имѣетъ; оно принадлежитъ позднѣйшему источнику (Оттону Фрейзингенскому) и является результатомъ смѣшенія знаменитаго Гильдебранда съ другимъ лицомъ того-же имени, бывшимъ пріоромъ въ Клюньи *въ началѣ X вѣка*.

Такимъ образомъ, пребываніе Гильдебранда въ Клюньи представляется намъ хотя и возможнымъ, но по прежнему недоказаннымъ.

Еще менѣе можно согласиться съ г. Вязигинымъ, когда онъ отстаиваетъ достовѣрность разказа Бонитона о свиданіи избраннаго въ папы Брунона тульскаго (Льва IX) съ Гильдебрандомъ въ *Безансонѣ*, на пути въ Римъ, а возраженія новѣйшей критики объясняетъ лишь стремленіемъ „отыскать противорѣчія даже тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, стремленіемъ, порожденнымъ предвзятымъ отношеніемъ къ пресловутой недостовѣрности Бонитона“ (стр. 124). Намъ кажется наоборотъ: стремясь доказать, что между свидѣтельствомъ Бонитона и другими источниками въ данномъ случаѣ нѣтъ противорѣчій (стр. 124, 125) г. Вязигинъ впадаетъ въ явныя натяжки и стремится согласить непримиримое. На самомъ дѣлѣ тутъ мы имѣемъ нѣсколько версій. По Бонитону, встрѣча и разговоръ Льва съ Гильдебрандомъ—по поводу неканоничности избранія перваго въ папы императоромъ, а не клиромъ и римскимъ народомъ,—происходитъ въ Безансонѣ: а по Брунону сенійскому нѣчто подобное происходитъ въ Вормсѣ. По Бонитону только послѣ разговора съ Гильдебрандомъ въ Безансонѣ, подъ вліяніемъ его упрековъ и совѣтовъ, Левъ снялъ съ себя знаки папскаго достоинства, которое онъ дотолѣ носилъ, облекся въ одежду пилигрима, надѣлъ суму и направился въ Римъ; по Брунону же сенійскому и Виберту тульскому Левъ еще въ Вормсѣ, уступая настояніямъ императора и общему желанію, согласился занять папскій престолъ *только съ тѣмъ условіемъ, если получитъ на то согласіе*

гдѣ Гугонъ Клюнійскій дѣйствительно названъ „собратомъ“ (на это мѣсто онъ указалъ мнѣ въ устной бесѣдѣ); это—въ письмѣ къ Манассіи, архіепископу Реймсскому, *Reg.*, VI, № 2, p. 325: „confratribus nostris, Diensi videlicet episcopo et Cluniacensi abbati“. Но здѣсь Клюнійскій аббатъ названъ рядомъ съ епископомъ и по всей вѣроятности, слово „confratres“ употреблено не въ смыслѣ общей принадлежности ихъ къ клюнійцамъ, а въ томъ смыслѣ, въ какомъ „собратами“ обыкновенно назывались епископы (ср. напримѣръ слѣдующее за цитированнымъ письмо, *Reg.*, VI № 3, p. 325: „dilectis *in Christo fratribus* Hugoni Diensiepiscopo et Hugoni Cluniacensi abbati“, и p. 326: „de confratre nostro archiepiscopo Viennensi Warmundo“).

Библиотека "Руниверс"

всею клира и римскаю народа; по тому-же Виберту въ одеждѣ пилигрима отправляется онъ въ Римъ *изъ Туля*. Разница очевидная [1]). Согласить эти свидѣтельства нельзя; вопросъ только въ томъ, какому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Тутъ колебаній быть не должно; свидѣтельства Виберта и Брунона сенійскаго заслуживаютъ, разумѣется, бо́льшаго довѣрія, нежели свидѣтельство Бонитона: Вибертъ, біографъ Льва IX, былъ архидіакономъ тульской церкви при немъ, а Брунонъ сенійскій, какъ мы видѣли, свои свѣдѣнія о Львѣ почерпнулъ изъ разказовъ самого Григорія VII.

Правда, А. С. Вязигинъ отвергая существованіе въ данномъ случаѣ противорѣчій. утверждаетъ, будто Вибертъ „не опредѣляетъ точно момента", „когда его герой надѣлъ одежду богомольца"; считаетъ „несомнѣннымъ", „что на Брунона въ присутствіи императора" (то-есть въ Вормсѣ) „надѣли папское облаченіе"; мало того,—находитъ, что Брунонъ сенійскій не только не противорѣчитъ, а „подкрѣпляетъ показаніе Бонитона": онъ будто бы „вовсе не утверждаетъ, что Левъ призвалъ къ себѣ Гильденбранда въ *Вормсѣ*"; наконецъ, по мнѣнію А. С. Вязигина, „Бенонъ прямо говоритъ", что Гильденбрандъ „присоединился къ папѣ Льву не въ Вормсѣ, а во время путешествія въ Римѣ" (стр. 125—126). Но всѣ эти утвержденія не оправдываются прямымъ смысломъ словъ названныхъ источниковъ. Такъ, Вибертъ, сказавъ о посѣщеніи Туля Бруномъ послѣ избранія его въ папы („ad propriam Leucorum scilicet sedem repedans... ibidem Domini celebravit Natalem...") продолжаетъ: *Inde* humilitate magistra, contra omnium Apostolicorum morem, *sumto peregrino habitu, Romanum arripuit iter*" (*Watterich*, I, 150). Только съ большою натяжкою слова эти могутъ быть истолкованы въ иномъ смыслѣ, чѣмъ въ томъ, что уже изъ Туля Брунонъ отправился въ одеждѣ пилигрима. Затѣмъ Ансельмъ реймсскій, на котораго ссылается г. Вязигинъ въ доказательство „несомнѣнности" того, будто на Брунона въ присутствіи императора надѣли папское облаченіе, напротивъ говоритъ, что знаки папскаго достоинства въ Вормсѣ были Брунону лишь „присуждены", „дарованы" („adiudicata"), возложить же ихъ на себя онъ долженъ былъ въ Римѣ: „unde Apostolicae dignitatis ei *adiudicata sunt* insignia, iussumque ab Augusto, ut *ad haec* secundum ecclesiasticas sanctiones *suscipienda Romana inviseret moenia*"

[1]) Ту-же версію, что и у Бонитона, встрѣчаемъ у *Бозона* (см. Liber pontif., p 355); но Бозонъ налагаетъ по Бонитону.

Библиотека "Руниверс"

(*Watterich*, I, 113), и далѣе: „Quo perveniens, cum favore totius populi honorabiliter excipitur, *Apostolicaeque dignitatis infulis insignitus*... in cathedra beati Petri inthronizatur“ (ibid., p. 114). Да иначе бы его слова противорѣчили показанію Виберта о томъ, что Левъ согласился принять избраніе въ папы лишь условно. Что касается Брунона Сенійскаго, то дѣйствительно по поводу свиданія Льва съ Гильдебрандомъ Вормса онъ прямо не называетъ, но онъ говоритъ, „*ibi*“ [1]), а какъ разъ передъ тѣмъ разказываетъ о Вормсскомъ сеймѣ (*Watterich*, I, 95—96). такъ что подъ ibi, очевидно, слѣдуетъ подразумѣвать Вормсъ или, по крайней мѣрѣ, его ближайшія окрестности (если, конечно, не прибѣгать къ натяжкамъ). Самый фактъ пребыванія Гильдебранда въ Вормсѣ или въ его окрестностяхъ весьма вѣроятенъ: по словамъ того же Брунона, Гильдебрандъ явился туда съ научною цѣлью („discendi causa“); самъ г. Вязигинъ отмѣчаетъ, что онъ долженъ былъ интересоваться канонами, а Вормсъ, какъ извѣстно, славился какъ одинъ изъ центровъ изученія каноновъ (*Sackur*; вспомнимъ сборникъ Бурхарда вормсскаго). Наконецъ, слова Бенона: „Brunoni igitur in itinere magna loquendo se subposuit“ (II, 9; Lib de lite, II, 379), едва ли значатъ, что Гильдебрандъ *присоединился* къ Льву во время пути; скорѣе, судя по контексту. смыслъ ихъ тотъ, что своими разговорами во время пути о важныхъ предметахъ Гильдебрандъ „поддѣлался“ къ Брунону (Льву), съумѣлъ расположить его къ себѣ. Недаромъ нѣсколько далѣе Бенонъ называетъ Гильдебранда „новымъ Протеемъ“ [2]).

Мы видѣли, что А. С. Вязигинъ принимаетъ также свидѣтельство Бонитона, будто Генрихъ III, подъ вліяніемъ убѣжденій Гильдебранда, по смерти Льва IX отказался отъ „тираніи патриціата“, при чемъ авторъ, согласно своей теоріи „двоякаго патриціата“, къ которой мы сейчасъ вернемся, объясняетъ это извѣстіе Бонитона въ томъ смыслѣ, что Генрихъ III „сложилъ съ себя санъ городскаго патриція, съ которымъ связывалось право назначенія „папы“, тогда какъ къ Генриху IV перешли полномочія патриція, замѣстителя императора, имѣющаго право скрѣплять своимъ повелѣніемъ „избраніе клира и народа“ (стр. 255). Но извѣстіе Бонитона довольно сомни-

---

[1]) „Illis autem diebus erat ibi monachus quidam Romanus, Hildebrandus nomine“...

[2]) Замѣтимъ, что мы отрицаемъ лишь достовѣрность сообщенія Бонитона о свиданіи Льва съ Гильдебрандомъ въ *Безансонѣ*, но готовы допустить, что нѣчто подобное происходило въ Вормсѣ, согласно разказу Брунона сенійскаго.

Библиотека "Руниверс"

тельно, мало вѣроятно, не говоря уже о томъ, насколько основательно такое различеніе между патриціемъ городскимъ и патриціемъ замѣстителемъ императора; поводомъ къ нему, кромѣ извѣстной тенденціи, могло послужить то обстоятельство, что послѣдующіе папы избирались помимо германскаго короля (*Langen*, стр. 488, прим.).

Отчасти тоже стремленіе примирить и согласить показанія источниковъ, думается намъ, привело автора къ только что упомянутой гипотезѣ его о *двоякомъ патриціатѣ*,—о двукратномъ принятіи Генрихомъ III сана патриція.

Тутъ прежде всего нужно устранить одно не совсѣмъ вѣрное утвержденіе г. Вязигина. Сказавъ, что по „цѣнному показанію Бенцона Генрихъ, уже выступая съ предложеніемъ избрать Климента, дѣйствовалъ въ качествѣ римскаго патриція", онъ продолжаетъ: „Лишь въ Annales Romani сохранилось указаніе, что этотъ санъ былъ принятъ *королемъ* Генрихомъ, слѣдовательно до возложенія на него императорскаго вѣнца, тогда какъ Левъ въ хроникѣ Монтекассинскаго монастыря не даетъ точнаго опредѣленія, когда римляне удѣлили Генриху почетное званіе патриція" (стр. 72). Но Левъ Монтекассинскій, *послѣ сообщенія объ избраніи Климента II*, говоритъ такъ: „Romani *tunc temporis* eidem Heinrico patriciatus honorem contribuunt, eumque *praeter imperialem coronam* aures circulo uti decernunt". Изъ словъ: „praeter *imperialem* coronam", можно вывести заключеніе, что по мнѣнію Льва Монтекассинскаго санъ патриція былъ принятъ Генрихомъ уже *послѣ* императорскаго коронованія. Да и въ Annales Romani, хотя въ одномъ мѣстѣ Генрихъ дѣйствительно названъ *королемъ*, по поводу принятія имъ сана патриція („in potestate *regis* Heinrici"), но нѣсколькими строками раньше, именно въ началѣ разказа о принятіи имъ этого сана, онъ названъ *императоромъ* (sicut *imperatori* decreverant), и самое сообщеніе о патриціатѣ Генриха идетъ *послѣ* сообщенія объ избраніи Климента и объ императорскомъ коронованіи [1]). Слѣдовательно, въ Annales Romani имѣется двѣ различныя версіи.

Вообще относительно времени принятія Генрихомъ сана патриція

---

[1]) S. a. 1046: „Die nativitatis domini nostri Iesu Christi ipse prenominatus rex a suo sancto-benignoque pontifice coronatus est... Itaque serenissimus princeps cernens Romanorum omnium voluntatem, circulum, quod ab antiquitus Romani coronabant patricios, cum omnium voluntatem, sicut *imperatori* decreverant, in capite posuit suo".

Библиотека "Руниверс"

мы имѣемъ съ одной стороны показанія Бенцона и части Annales Romani, съ другой — показанія Льва Монтекассинскаго, Бонитона и другой части Annales Romani; по первой версіи Генрихъ короновался патриціемъ до императорскаго коронованія, по второй — послѣ этого коронованія. Казалось бы, что изъ этихъ двухъ версій слѣдуетъ выбрать одну, какъ болѣе достовѣрную или вѣроятную, и на ней остановиться. Вмѣсто этого, А. С. Вязигинъ принимаетъ обѣ и полагаетъ, что Генрихъ двукратно принималъ санъ патриція — до императорскаго коронованія и послѣ него: первый разъ онъ принялъ этотъ санъ, какъ викарій или намѣстникъ императора; второй разъ — какъ „городской" патрицій.

Но это—своего рода „диттографія", и гипотеза автора о двоякомъ патриціатѣ не столько уясняетъ дѣло, сколько запутываетъ. Не даромъ Heinemann [1]), вообще различающій двоякаго рода патриціатъ, не нашелъ однако возможнымъ говорить о двукратномъ принятіи этого сана Генрихомъ. Здѣсь возникаетъ рядъ вопросовъ и недоумѣній. Неясно, во-первыхъ, какая разница въ правахъ того и другаго патриція? Въ изложеніи А. С. Вязигина она оказывается слишкомъ тонкою, можно сказать — неуловимою. А людямъ того времени, думается намъ, были чужды такія юридическія тонкости. Затѣмъ, если Генрихъ два раза вѣнчался патриціемъ, то спрашивается, какое различіе въ обрядѣ вѣнчанія и во внѣшнихъ знакахъ того и другаго патриція? Г. Вязигинъ, говоря о провозглашеніи Генриха *городскимъ* патриціемъ, замѣчаетъ, что на него возложены были „знаки новаго сана": онъ ссылается на Annales Romani, по словамъ которыхъ „Генрихъ былъ увѣнчанъ *золотымъ ободомъ*". Но о такомъ же „золотомъ ободѣ" говоритъ и Бенцонъ [2]). свидѣтельство котораго А. С. Вязигинъ пріурочиваетъ къ принятію Генрихомъ достоинства патриція, какъ *императорскаго намѣстника*. Вообще, изъ описанія вѣнчанія въ патриціи въ нашихъ источникахъ не видно, чтобы тутъ было какое-либо различіе. Наконецъ, говоря о Генрихѣ, *наши источники знаютъ только одинъ патриціатъ* [3]). Въ самыхъ грамотахъ, въ ти-

---

[1]) *Heinemann*, Der Patriciat der deutschen Könige. 1888.

[2]) Ср. An. Rom.—цитир. уже раньше слова („*circulum*... in capite posuit suo"), и *Benzo*: „*coronatur eiusdem praelaturae aureo circulo*".

[3]) Если не видѣть намека на существованіе двоякаго патриціата въ сомнительныхъ словахъ Бонитона о „тираніи патриціата" и объ откупѣ отъ нея Генриха III при избраніи Виктора II. См. объ этомъ выше.

Библиотека "Руниверс"

тулѣ Генриха нѣтъ никакого указанія на двоякій патриціатъ: „Patricius Romanorum", такъ называется онъ въ одной римской грамотѣ [1]).

Доказывая, что до своего императорскаго коронованія Генрихъ III, долженъ былъ принять санъ патрпція, какъ замѣстителя императора, г. Вязигинъ ссылается на „крайнюю необходимость" для него „занять правовое, освященное „старинным обычаем" и скрѣпленное примѣрами прошлаго положенія по отношенію къ замѣщенію „апостольскаго престола" (стр. 73): „чрезвычайныя обстоятельства требовали правовыхъ основъ для вмѣшательства Генриха" въ это замѣщеніе (стр. 72). „Для германскаго короля далеко не было безразлично, кто возложитъ на него „діадему міра", а потому онъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы достигнуть руководства избраніемъ римскаго первосвященника. Задача Генриха сводилась къ тому, чтобы, не покидая почвы общественныхъ каноническихъ постановленій, оставить за собой рѣшающій голосъ. Патриціатъ и далъ ему желанное право" (стр. 73 — 74). Но, вѣдь, неимѣніе „правовыхъ основъ" не воспрепятствовало же Генриху принять самое дѣятельное участіе въ Сутрійскомъ синодѣ и въ низложеніи прежнихъ папъ; безъ этихъ основъ, именно въ виду „чрезвычайности обстоятельствъ", по всей вѣроятности, можно было обойдтись и при замѣщеніи папскаго престола, тѣмъ болѣе. что *формально* Климентъ II былъ *выбранъ* [2]) клиромъ и народомъ, хотя *фактически* рѣшающимъ моментомъ была, конечно, воля Генриха.

Быть можетъ, гипотеза автора о двоякомъ патриціатѣ и не возбуждала бы столько сомнѣній и значительно выиграла бы въ своемъ правдоподобіи, если бы онъ развилъ ее подробнѣе и основательнѣе и лучше выяснилъ ту разницу, которую онъ усматриваетъ между патриціемъ городскимъ и патриціемъ замѣстителемъ императора. Но онъ ограничился въ сущности лишь нѣкоторыми довольно сбивчивыми намеками и указаніями на этотъ счетъ. За то А. С. Вязигинъ прекрасно объясняетъ, почему большинство нѣмецкихъ источниковъ обходитъ молчаніемъ принятіе Генрихомъ сана патриція, и выясняетъ значеніе патриціата *вообще*.

Что касается натяжекъ, то онѣ обнаруживаются не только тамъ,

---

[1]) См. у *А. С. Вязигина* же, стр. 68—73, съ ссылкой на *Gregorius*, Gesch. d. Stadt Rom im Mittelalter, IV, 64.

[2]) Какъ объ этомъ говоритъ рядъ свидѣтельствъ. См. у *А. С. Вязигина*, стр. 75.

Библиотека "Руниверс"

гдѣ авторъ старается оправдать или примирить показаніе Бонитона но и въ толкованіи другихъ источниковъ. Напримѣръ на второе письмо Петра Даміани къ Григорію VI (Migne, t. 144, p. 206—207) А. С. Вязигинъ ссылается два раза: сначала—на стр. 38 въ доказательство того, что Петръ Даміани и впослѣдствіи не считалъ этого папу „человѣкомъ запятнаннымъ и недостойнымъ", а затѣмъ на стр. 54 онъ уже усматриваетъ въ немъ выраженіе „нѣкотораго разочарованія и недовѣрія къ Григорію VI". Но на самомъ дѣлѣ въ письмѣ этомъ нѣтъ и слѣда какого-либо „разочарованія" или „недовѣрія" къ папѣ: въ немъ выражается лишь грусть и скорбь при сознаніи того, что въ Италіи не находится лицъ, достойныхъ епископскаго сана, и мы склонны были бы предположить, что авторъ просто смѣшалъ по ошибкѣ *второе* письмо Петра Даміани съ *третьимъ*, адресованнымъ не къ Григорію VI, а къ Клименту II,—письмомъ, въ которомъ дѣйствительно явно проглядываютъ упреки и разочарованіе, если бы онъ самъ не приводилъ изъ него обширной выдержки на стр. 91—92 своихъ „Очерковъ".

VI.

Мы не будемъ такъ подробно останавливаться на другихъ пунктахъ въ „Очеркахъ" А. С. Вязигина и ограничимся краткими замѣчаніями.

Такъ, 1) мѣстами авторъ, какъ намъ кажется, слишкомъ идеализируетъ папство. „Не на грубой силѣ", говоритъ онъ на стр. 238, „не на экономическихъ выгодахъ, а на чисто идейныхъ началахъ основываются его притязанія и ихъ признаніе коренится въ тайникахъ души средневѣковыхъ людей"—въ ихъ міросозерцаніи. Такимъ образомъ, дѣйствія папъ г. Вязигинъ выводитъ здѣсь изъ однихъ, такъ сказать, идеальныхъ побужденій, изъ сознанія долга, изъ стремленія осуществить идею „Божьяго Царства". Мы менѣе, чѣмъ кто-либо, склонны отрицать могущественное вліяніе идей въ исторіи; но полагаемъ, что историческія явленія и дѣйствующіе въ исторіи мотивы слишкомъ сложны, чтобы выводить ихъ изъ одного начала. Объ этомъ прекрасно говоритъ самъ А. С. Вязигинъ въ своемъ „Предисловіи", стр. VII—VIII, признавая, что „церковно-общественныя преобразованія носятъ отпечатокъ и идеальныхъ порывовъ времени и земныхъ расчетовъ церковниковъ". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги онъ, какъ мы видѣли, отмѣчаетъ вліяніе экономическихъ инте-

Библиотека "Руниверс"

ресовъ, но онъ забываетъ отмѣтить и такія чисто земныя побужденія несомнѣнно руководившія папами, какъ напримѣръ *властолюбіе*, въ свою очередь, разумѣется, обусловленное самою исторіею папства: сама сила вещей заставляла римскихъ епископовъ взять въ свои руки и свѣтскую власть, а разъ отвѣдавъ ее, они ужъ не могли, конечно, легко разстаться съ нею.

2) Для характеристики притязаній папъ слѣдовало бы подробнѣе коснуться распри съ греками и раздѣленія церквей.

3) Мы видѣли уже не разъ, что авторъ далекъ отъ „экономическаго матеріализма". Онъ прекрасно понимаетъ духъ средневѣковья, его міросозерцаніе, такъ сказать, психологію средневѣковаго человѣка. Но начало II-й главы, стр. 25—26, даетъ поводъ къ недоразумѣнію: можно думать, что здѣсь происхожденіе средневѣковаго міросозерцанія г. Вязигинъ склоненъ объяснять тѣми невзгодами и дѣйствіями, отъ которыхъ страдало тогдашнее общество; а такимъ объясненіемъ едва ли можно удовлетвориться.

4) Для полноты „Очерковъ" автору слѣдовало болѣе подробно, а главное—болѣе систематично, охарактеризовать тогдашнюю публицистическую литературу и ея важнѣйшихъ представителей, такъ какъ безъ сомнѣнія, она подобно канонамъ, оказывала вліяніе на „преобразовательную" дѣятельность папъ. Оправданіемъ автору служитъ, впрочемъ, то обстоятельство, что исторіи полемической литературы XI вѣка имъ были посвящены особыя „замѣтки".

5) Сборники каноновъ, которымъ г. Вязигинъ придаетъ такое значеніе, являлись не только *факторомъ*, но въ свою очередь и *продуктомъ* „преобразовательнаго движенія"; они сами создавались подъ воздѣйствіемъ этого движенія, и едва ли ихъ воззрѣніе и тенденція отличались такою стройностью и цѣльностью: вѣрнѣе будетъ сказать, что въ этихъ сборникахъ былъ довольно разнообразный матеріалъ, изъ котораго можно было дѣлать и разнообразныя, иногда совершенно противоположные выводы (мимоходомъ это признаетъ и самъ авторъ на стр. 213 и 224).

6) Политика Генриха III по отношенію къ церкви едва ли была такъ исполнена противорѣчій, какъ характеризуетъ ее А. С. Вязигинъ.

7) По отношенію къ Мартенсу г. Вязигинъ слишкомъ ужъ строгъ и не совсѣмъ правъ: онъ отзывается о немъ съ явнымъ раздраженіемъ, употребляя даже такія фразы, которыя неумѣстны въ серьезномъ трудѣ. Напримѣръ, защищая Бонитона, г. Вязигинъ говоритъ, что изъ его обмолвки (по поводу Гугона Клюнійскаго, названнаго

Библиотека "Руниверс"

„аббатомъ“) „никакъ нельзя вывести цѣлый ворохъ обвиненій, предположеній, увѣреній и откровеній, какимъ угощаетъ Мартенсъ, увлеченный своею излюбленной, но вполнѣ неосновательной идеей“ (стр. 117), или на стр. 260: „Мартенсъ съ присущею ему развязностью замѣчаетъ“... Не такъ относятся къ Мартенсу такіе спеціалисты, какъ Закуръ и Мирбтъ [1]); его трудъ въ всякомъ случаѣ имѣетъ и достоинства, и самъ г. Вязигинъ приходитъ къ тому же выводу, что и Мартенсъ, по одному изъ основныхъ для него вопросовъ, именно относительно роли Гильдебранда и кардинала Гумберта.

Еще нѣсколько замѣчаній, касающихся деталей.

Авторъ приводитъ мнѣнія относительно года рожденія Гильдебранда и не останавливается ни на одномъ изъ нихъ; между тѣмъ на этотъ счетъ все-таки есть указанія въ источникахъ: такъ, напримѣръ, говоря о началѣ понтификата Льва (1049), Манегольдъ называетъ Гильдебранда „juvenis“, а Павелъ Бернридскій—„adolescens“, и слѣдовательно, едва ли Гильдебрандъ родился значительно раньше 1020 г., хотя бы понятія, связанныя съ словомъ „juvenis“ и „adolescens“, были и очень растяжимы (ср. А. С. Вязигинъ, стр. 3—4).

Доказывая, что въ извѣстіи Павла бернридскаго о странствованіяхъ Гильдебранда въ молодости подъ „Франціей“ слѣдуетъ понимать прирейнскую Германію и что Гильдебрандъ уже тогда побывалъ при дворѣ нѣмецкаго короля, авторъ въ подтвержденіе этого ссылается между прочимъ на письмо Григорія VII къ сестрѣ Генриха VI, въ которомъ тотъ говоритъ о почетѣ и расположеніи, оказанныхъ ему ея отцемъ, императоромъ Генрихомъ III, и ея матерью Агнессою *съ того времени, какъ узнали его*, „ex quo me cognoverunt“ (*Regist.*, II, № 44, p. 157; ср. и къ Рудольфу Швабскому, I, № 19, p. 33). „Обыкновенно думаютъ“, замѣчаетъ г. Вязигинъ, что первая встрѣча могущественнаго императора и будущаго великаго противника его сына произошла въ Италіи при низложеніи Григорія VI, когда Генрихъ заставилъ Гильдебранда отправиться въ изгнаніе вмѣстѣ съ низложеннымъ папой. Но это мнѣніе стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ приведенными письмами папы: отправляемый въ ссылку Гильдебрандъ не могъ говорить о почетѣ и расположеніи съ момента знакомства. Стало быть, оно состоялось раньше“ (стр. 21 — 22). Намъ

[1]) См. рецензіи Мирбта въ „*Histor. Zeitschrift*“, 1892, N. F., 32 B., s. 455,7 (о книжкѣ Мартенса: „War Gregor VII Mönch?“) и ibid., 1895, N. F., 40 B., S. 116—119 (о „Gregor VII“).

Библиотека "Руниверс"

кажется, выводъ слѣдуетъ сдѣлать иной, а именно: стало быть, оно состоялось позже этой ссылки. Ибо не менѣе странно было бы говорить о почетѣ и уваженіи, оказываемыхъ Гильдебранду *съ самого момента знакомства* его съ Генрихомъ, если бы ссылка его произошла вообще *послѣ* этого знакомства. Легко можетъ быть, что когда Генрихъ отправлялъ Гильдебранда узникомъ въ Германію, онъ его лично не зналъ или зналъ мало; впослѣдствіи онъ его узналъ ближе, и съ того момента сталъ оказывать ему почетъ и расположеніе; слова Григорія: „ex quo me cognoverunt“, какъ намъ кажется, на это и указываютъ. А что Гильдебрандъ, живя въ ссылкѣ, успѣлъ расположить къ себѣ императора и императрицу, этого не отвергаетъ и г. Вязигинъ (стр. 101). Есть даже мнѣніе, не лишенное вѣроятія, что Григорій имѣетъ въ виду еще болѣе поздній моментъ—когда онъ былъ посломъ отъ римлянъ при дворѣ императора послѣ смерти Льва IX [1]).

Г. Вязигинъ приписываетъ Бенедикту IX планъ — сдѣлаться родоначальникомъ династіи папъ (стр. 35). Въ источникахъ на это нѣтъ ни малѣйшаго указанія, а брачные замыслы Бенедикта въ нихъ объясняются иными мотивами.

На страницѣ 69 — 70, гдѣ авторъ касается трактата Петра Даміани: „Disceptatio synodalis“, для читателя, незнакомаго съ этимъ трактатомъ, неясно, о какомъ „королевскомъ адвокатѣ“ и „защитникѣ римской церкви“ идетъ тутъ рѣчь: слѣдовало пояснить это хотя бы въ двухъ-трехъ словахъ.

Авторъ склоненъ думать, что Климентъ II умеръ насильственною смертью (стр. 93). Но, какъ это видно изъ грамотъ и писемъ самого папы, болѣзнь его тянулось долго (см. *Langen*, стр. 443—4). Предположеніямъ и показаніямъ нашихъ источниковъ на этотъ счетъ нельзя особенно вѣрить: по свидѣтельству, напримѣръ, Бенона въ короткое время шесть папъ погибли отъ отравы!

Изъ изложенія г. Вязигина неясно, кто былъ библіотекаремъ при Львѣ XI? На страницѣ 47 онъ говоритъ „Петръ же остается библіотекаремъ и при папѣ Львѣ“ до самой своей смерти; на страницѣ 155 — оказывается, что преемникомъ Петра былъ, повидимому, Гумбертъ; но на страницѣ 159 читаемъ: „Послѣ смерти Петра библіотекаря Фридриху вскорѣ былъ порученъ отвѣтственный и важный

[1]) *Martens*, Die Besetzung d. päpstlich. Stuhls unter den Kaisern Heinrich III und Heinrich IV. 1887, стр. 20.

Библиотека "Руниверс"

постъ библіотекаря и канцлера св. римскаго престола", и немного далѣе, на той-же страницѣ: „Удонъ" (сопровождавшій своего воспитателя, Льва IX въ Римѣ") занялъ вскорѣ важный постъ библіотекаря".

VIII.

Таковы тѣ возраженія и замѣчанія, которыя вызываютъ „Очерки" А. С. Вязигина. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ ихъ во многихъ отношеніяхъ выдающеюся книгою. Это—не компиляція, а трудъ, хотя и несвободный отъ промаховъ и увлеченій, но *вполнѣ самостоятельный*, основанный на тщательномъ изученіи первоисточниковъ. Насколько намъ извѣстно, въ новѣйшей литературѣ (если, конечно, не считать устарѣлаго сочиненія *Will*'я, „Die Anfänge der Restauration der Kirche im XI Jahrh.", 1859 — 1864, 2 т.) не было еще такой обстоятельной монографіи о преобразовательной дѣятельности папъ средины XI вѣка и о молодыхъ годахъ Гильдебранда, о воздѣйствовавшихъ на него вліяніяхъ: многія стороны и явленія въ исторіи той эпохи г. Вязигинъ попытался освѣтить съ небывалою еще полнотой, нерѣдко съ новой точки зрѣнія. Немудрено, если при этомъ онъ иногда и впадаетъ въ ошибки, поддается увлеченію. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ взгляды А. С. Вязигина совпадаютъ съ выводами другихъ новѣйшихъ изслѣдователей, но у него эти взгляды, къ которымъ онъ приходитъ совершенно самостоятельно, или подробнѣе развиты и обоснованы (напримѣръ, вліяніе каноновъ), или же высказаны имъ раньше, въ прежнихъ его работахъ (напримѣръ, относительно Гильдебранда и Гумберта), или же расходятся въ деталяхъ и освѣщеніи. Въ этомъ отношеніи стóитъ сравнить, напримѣръ, изложеніе исторіи Реймсскаго и другихъ соборовъ времени Льва IX въ „Очеркахъ" А. С. Вязигина и въ извѣстной „Conciliengeschichte" *Гефеле*, чтобы увидѣть разницу.

Но что составляетъ безспорное, неотъемлемое крупное достоинство книги г. Вязигина—это удивительное знаніе источниковъ и новѣйшей литературы, обнаруживаемое авторомъ и въ ней такъ же ярко, какъ и въ прежнихъ трудахъ. Въ области памятниковъ онъ полный хозяинъ. Лѣтописи и хроники, полемическія сочиненія, сборники каноновъ, монашескіе уставы, все это тщательно изучено А. С. Вязигинымъ. Онъ привлекаетъ не разъ свидѣтельства, на которыя раньше или совсѣмъ не обращали вниманія или обращали въ недо-

Библиотека "Руниверс"

статочной мѣрѣ (напримѣръ—монашескіе уставы и каноническіе сборники, или см. прим. 9 на стр. 7 и прим. 2 на стр. 105). Онъ принимаетъ въ соображеніе даже разночтенія (напр. стр. 108, прим. 3) или разныя редакціи (напр. запрещенія симоніи у *Героха*, стр. 81). Онъ относится къ тексту средневѣковыхъ авторовъ такъ, какъ филологи—къ тексту классиковъ. Отъ него не укрылось, что прежніе издатели обыкновенно опускали одну изъ главъ „Liber gratissimus" Петра Даміани (стр. 83). Въ самомъ изложеніи г. Вязигина, въ его языкѣ, обнаруживается прекрасное знаніе источниковъ: онъ говоритъ, такъ сказать, ихъ языкомъ, употребляя, какъ бы мимоходомъ, эпитеты и характерныя выраженія, прямо взятые изъ памятниковъ. Не менѣе хорошо знакомъ г. Вязигинъ и съ новою литературой, не только съ важнѣшими трудами по исторіи изучаемой имъ эпохи, но и съ многочисленными спеціальными монографіями и диссертаціями, часто по своему содержанію имѣющими лишь самое отдаленное отношеніе къ его главной темѣ, даже съ тѣми, которыя вышли въ самое послѣднее время, такъ сказать въ моментъ печатанія его „Очерковъ" (см. стр. 252, прим. 1; 255, прим. 3; 262, прим. 1; 267, прим. 6). Все это тѣмъ болѣе заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что А. С. Вязигинъ работаетъ въ провинціальномъ городѣ, съ небогатой научными пособіями библіотекой [1]).

Наконецъ, самое изложеніе г. Вязигина съ внѣшней стороны, — за исключеніемъ нѣкоторыхъ неудачныхъ мѣстъ, страдающихъ излишнею растянутостью, въ общемъ — вполнѣ литературное, живое и легкое, мѣстами даже воодушевленное и образное. Тѣмъ непріятные дѣйствуютъ немногія отдѣльныя фразы, направленныя противъ Мартенса и не соотвѣтствующія общему серьезному характеру книги: онѣ звучатъ рѣзкимъ диссонансомъ.

„Очерки" А. С. Вязигина—диссертація на степень магистра всеобщей исторіи. По нашему глубокому убѣжденію, г. Вязигинъ эту степень давно уже заслужилъ. Уже нѣкоторыя изъ его прежнихъ

---

[1]) Не можемъ только не поставить автору въ упрекъ его способъ цитированія, излишне краткій и неопредѣленный: обыкновенно онъ не обозначаетъ ни заглавія цитируемаго сочиненія, ни изданія, по которому цитируетъ. Это очень затрудняетъ при чтеніи и справкахъ. Правда, въ началѣ книги приложенъ списокъ главнѣйшихъ источниковъ (съ обозначеніемъ изданій) и пособій (съ обозначеніемъ заглавій); но списокъ этотъ не полонъ. Для примѣра берёмъ страницу 4 и 5: на страницу г. Вязигинъ ссылается на „Гуго Флавинія" такъ: Lib. II, p. 422, но изданіе не упомянуто; на стр.— *Greeving*, p. 13, и только!

Библиотека "Руниверс"

работъ, напримѣръ, „Петръ Даміани", „Замѣтки по исторіи полемической литературы XI вѣка", не смотря на свой небольшой объемъ, стоятъ цѣлой диссертаціи, — г. Вязигину достаточно было бы лишь нѣсколько передѣлать и распространить ихъ, и мы думаемъ, что если онъ этого не сдѣлалъ, то тутъ сказалось та крайняя добросовѣстность и требовательность автора къ себѣ, которыя такъ его отличаютъ.

В. Бузескулъ.

Отвѣтъ г. В. В. Никольскому.

По поводу рецензіи г. *Никольскаго* на мое сочиненіе „Право и фактъ въ римскомъ правѣ" (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Декабрь 1898 года).

Я поставленъ въ печальную необходимость въ интересахъ истины констатировать тотъ фактъ, что г. Никольскій и отнесся къ моей работѣ не вполнѣ добросовѣстно (въ литературномъ смыслѣ) и оказался не въ состояніи понять ее. Г. Никольскій говоритъ (стр, 377—378): „Строя свою теорію на основаніи литературы, а не источниковъ, г. Покровскій не обратилъ въ послѣднихъ вниманія ни на одну подробность, литературно вовсе незатронутую и потому совершенно оставилъ безъ разсмотрѣнія вопросъ *объ эксцепціяхъ in factum*... Между тѣмъ самый фактъ наличности этихъ эксцепцій гораздо сильнѣе опровергаетъ всю теорію г. Покровскаго... Вѣдь извѣстно, что всякая эксцепція опиралась на фактическія основанія и была преторскаго происхожденія,—и однако римляне отличали особыя in factum exceptiones. Но у г. Покровскаго *нѣтъ ни слова* объ этихъ послѣднихъ, хотя вопросъ стоилъ обсужденія"

Все это совершенно ложно. На стр. 128 моей книги читатель найдетъ слѣдующее примѣчаніе: „*подобный же смыслъ имѣетъ и выраженіе exceptio in factum*", затѣмъ слѣдуетъ ссылка на источники. Какой именно смыслъ,—это ясно опредѣляется въ текстѣ. Тамъ ставится по отношенію къ actiones in factum тотъ же вопросъ, который ставитъ г. Никольскій по отношенію къ exceptiones in factum. „Въ Corpus juris civilis, говорю я, мы встрѣчаемъ многочисленныя actiones in factum, которыя противополагаются тамъ не только различнымъ цивильнымъ искамъ, но и искамъ безспорно преторскаго происхожденія. Какъ же это послѣднее обстоятельство можетъ быть со-

Библиотека "Руниверс"

гласовано съ нашею точкой зрѣнія? Казалось бы, что разъ всякій преторскій искъ есть actio in factum, то подобное противоположеніе было бы невозможно". — И затѣмъ дается слѣдующій отвѣтъ: „Всякій преторскій искъ есть actio in factum, но многіе изъ преторскихъ исковъ имѣютъ уже разъ навсегда опредѣленныя условія и послѣдствія, имѣютъ свою особенную также опредѣленную формулу, а большинство и свое особенное имя. Но сложившійся съ теченіемъ времени циклъ этихъ фиксированныхъ исковъ оказывался часто все-таки недостаточнымъ для удовлетворенія безостановочно растущихъ потребностей юридической жизни; отъ поры до поры на поверхности этой жизни всплывали новыя отношенія, которыя не находили себѣ защиты въ системѣ уже установленныхъ исковъ, но которыя взывали о ней къ претору. И преторъ давалъ эту защиту, создавая искъ ad hoc и приспособляя его къ условіямъ и потребностямъ конкретнаго случая. Эти то создаваемые ad hoc преторскіе иски, не вылившіеся еще въ опредѣленный типъ и не пріобрѣвшіе еще особаго названія, остаются подъ общимъ именемъ actio in factum или actio praetoria и подъ этимъ именемъ противополагаются всѣмъ прочимъ уже установившимся искамъ, какъ цивильнымъ, такъ и преторскимъ. Подобно contractus innominati эти иски могли бы быть названы actiones innominatae".

Если теперь въ примѣчаніи сказано „подобный же смыслъ имѣетъ и выраженіе exceptio in factum",—то это показываетъ, смѣю думать, не только то, что я съ этимъ вопросомъ встрѣчался. но также и то, что я высказалъ о немъ свое весьма опредѣленное мнѣніе.

Г. Никольскій *не понялъ многихъ изъ моихъ положеній, несмотря на вполнѣ ясныя и опредѣленныя выраженія.* Выберу наиболѣе существенное.

По моему (и господствующему) воззрѣнію въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ для одного и того же правоотношенія двойныя формулы, формула in factum исторически предшествуетъ формулѣ in jus. Этимъ самымъ, заявляетъ г. Никольскій (стр. 389), „говорится, что преторскіе иски могли съ теченіемъ времени *превращаться* (курсивъ мой) въ цивильные и что, значитъ, praetor jus facere potuit". То же повторяетъ онъ снова на стр. 391: „Вѣдь если преторъ давалъ иски in factum, а потомъ *они становились* (курсивъ мой) въ эдиктѣ цивильными исками, то надо принять, что universum jus civile praetores fecerunt. А это было бы такой „перспективой", которая можетъ завести только въ непроходимыя дебри".

Библиотека "Руниверс"

Въ отвѣтъ на это я предлагаю читателямъ только слѣдующія выдержки изъ моей книги:

„Что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ не только двойственность формулъ, но и *двойственность исковъ, изъ которыхъ одинъ—in factum есть искъ преторскій, а другой—in jus*—цивильный, это признавалось и раньше насъ почти всѣми учеными... Мы сталкиваемся здѣсь не съ двойственностью въ формѣ только, а съ двойственностью въ самомъ существѣ, съ двойственностью самыхъ матеріальныхъ основаній. Одинъ и тотъ же юридическій фактъ—depositum или commodatum—разсматривается здѣсь съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: для цивильнаго права это есть юридическая сдѣлка, договоръ, рождающій между сторонами цивильное обязательство bonae fidei; для преторскаго права—это простой фактъ, рождающій для отвѣтчика обязанность возмѣстить убытки", (стр. 97—98).

Итакъ, я и цитированные мною авторы утверждаемъ, что здѣсь было не двѣ формулы для одного и того же иска, а два различныхъ иска—одинъ преторскій, другой—цивильный. Изъ этихъ исковъ исторически древнѣйшимъ мы считаемъ искъ преторскій—in factum; искъ цивильный—in jus—появляется позже. *Но это не есть „превращеніе" одного иска въ другой, а конкурренція обоихъ исковъ*, конкурренція, наблюдаемая и во многихъ другихъ случаяхъ и оканчивающаяся различно: иногда полнымъ вытѣсненіемъ древнѣйшаго преторскаго иска, иногда ихъ продолжающимся параллельнымъ существованіемъ. *Творцомъ этого болѣе новаго цивильнаго иска in jus мы считаемъ отнюдь не претора, а обычное право*, тотъ же самый факторъ, который создалъ цивильныя actiones emti-venditi, locati-conducti и т. д.

Все это вполнѣ опредѣленно изложено на стр. 98 — 101 моей книги. Для того, чтобы показать читателю степень этой опредѣленности, приведу только слѣдующія строки:

„Мы имѣемъ здѣсь собственно не перенесеніе, не воспріятіе нормъ преторскаго права въ обычное jus civile, а совмѣстную работу и цивильнаго и преторскаго права надъ одними и тѣми же житейскими отношеніями. Потребность въ извѣстной юридической нормировкѣ того или иного отношенія одинаково сильно заставляетъ работать и самихъ участниковъ оборота (лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ этихъ отношеніяхъ) и преторскую юрисдикцію. Въ первомъ направленіи эта работа ведетъ къ постепенной выработкѣ соотвѣтственнаго *цивильнаго обычнаго права*, во второмъ—она вызываетъ появленіе преторскихъ actiones in factum... Являясь „живымъ

Библиотека "Руниверс"

голосомъ народнаго оборота", преторъ естественно раньше, чѣмъ медленно развивающееся *обычное право*, приходитъ всегда на помощь назрѣвающей потребности, и этимъ объясняется тотъ фактъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ преторскія actiones in factum появляются раньше, чѣмъ соотвѣтственныя actiones civiles" и т. д. и т. д.

Мнѣ кажется, что достаточно лишь немного вниманія и обыкновенной студенческой подготовки, чтобы увидѣть насколько курьезенъ упрекъ г. Никольскаго въ элементарнѣйшемъ абсурдѣ, къ которому приводитъ будто бы возрѣніе, высказываемое мною и многими другими авторами.

Резимируя свой отзывъ о моей книгѣ, Г. Никольскій сводитъ ея пороки къ тремъ основнымъ: во-первыхъ, мое воззрѣніе будто бы приводитъ къ абсурду, что praetor jus facere potest; во-вторыхъ, я будто бы ни словомъ не обмолвился объ exceptiones in factum; въ-третьихъ, наконецъ, я будто бы незнакомъ съ литературой русскою и итальянскою и вслѣдствіе этого открываю давно открытыя Америки.—О первыхъ двухъ порокахъ только что сказано; пороки эти существуютъ не въ моей книгѣ, а только въ воображеніи г. Никольскаго. Остается третій упрекъ.

„Главная основная мысль г. Покровскаго, говоритъ рецензентъ, въ которой лежитъ весь смыслъ и вѣсъ его книги, мысль, которую онъ въ 1896 г. преподнесъ, какъ оригинальную новость, нѣмецкому ученому міру, еще въ 1883 г. была самымъ недвусмысленнымъ и категоричнымъ образомъ высказана нашимъ соотечественникомъ"—именно Муромцевымъ. Муромцевъ на стр. 250 своей извѣстной книги „Гражданское право древняго Рима" говоритъ слѣдующее: „Въ своемъ новомъ употребленіи—для защиты цивильныхъ правъ—формула называлась f. in jus concepta, основанная на правѣ. Подъ „правомъ" технически разумѣлось цивильное право, въ противоположность преторскому праву, которое составляло не болѣе, какъ простой „фактъ", почему формула, основанная на преторскомъ правѣ, называлось f. in factum concepta".—„Какого бы кто мнѣнія ни былъ, говоритъ г. Никольскій, о произведеніяхъ Муромцева, русскій спеціалистъ не имѣетъ права не знать ихъ, хотя бы для того, чтобы предостеречь отъ нихъ или осудить ихъ молчаніемъ"...

Совершенно правильно, но дѣло въ томъ, что сочиненія Муромцева я знаю и, какъ читатель увидитъ ниже, гораздо лучше г. Никольскаго.

Правда, г. Муромцевъ обмолвился приведенною фразой, но непосред-

Библиотека "Руниверс"

ственно слѣдующее затѣмъ его же собственное изложеніе радикально противорѣчитъ ей; противорѣчитъ настолько, что истинное воззрѣніе автора на actiones in factum оказывается совершенно подобнымъ господствующему. Оставляя въ сторонѣ болѣе мелкія характерныя черты ученія Муромцева, укажу только слѣдующее:

Разбирая различныя комбинаціи въ составѣ формулъ, Муромцевъ (на стр. 253) говоритъ, что двѣ части—intentio и condemnatio—составляли формулы in factum conceptae. „Впрочемъ, продолжаетъ онъ, по формулѣ своей intentio была въ этомъ случаѣ подобна demonstratio и, можетъ быть, получила свое названіе „intentio" относительно поздно, изъ подражанія искамъ предшествующей категоріи; сначала же указательная часть формулъ in factum conceptae могла называться demonstratio".

Если бы Муромцевъ дѣйствительно хотѣлъ высказать мысль, что *всѣ* преторскіе иски суть actiones in factum, то онъ не могъ бы написать этого. Вѣдь и искъ прокуратора и искъ bonorum possessor'a (съ фикціей si heres esset) есть искъ преторскій, а между тѣмъ, о demonstratio здѣсь и рѣчи не могло быть. Очевидно, Муромцевъ представлялъ себѣ actiones in factum совершенно въ духѣ господствующаго ученія.

Общія фразы, вродѣ цитированной г. Никольскимъ изъ книги Муромцева, встрѣчались въ литературѣ уже давнымъ давно (ср. изложенныя въ моей книгѣ ученія Келлера въ его Litiscontestation, Савиньи, Бухка и т. д.), *и если эти общія фразы считать за открытіе Америки, то Америка была открыта неизмѣримо раньше г. Муромцева.* Ученіе Муромцева въ этомъ отношеніи не представляетъ изъ себя рѣшительно ничего оригинальнаго и въ частности содержитъ тѣ же самыя характерныя противорѣчія, которыя, помимо прочихъ, были отмѣчены мною при разсмотрѣніи ученія Eisele (стр. 19—21), ученія, опубликованнаго въ 1871 году. Если г. Никольскій припомнитъ, то изложеніемъ этого ученія я заканчиваю историческій обзоръ литературы вопроса и говорю слѣдующее (стр. 21):

„Формальная точка зрѣнія пустила такимъ образомъ въ нашемъ вопросѣ прочные корни. Вмѣстѣ съ тѣмъ кончена и наша задача—прослѣдить исторію ученія о занимающемъ насъ дѣленіи исковъ... Въ послѣдніе 25 лѣтъ не было внесено сюда ничего новаго: если тотъ или иной изъ авторовъ при случаѣ касался этого дѣленія исковъ, то всегда предполагалось келлеровское ученіе о нихъ"...

Я хотѣлъ такимъ образомъ дать лишь очеркъ *развитія* ученія,

Библиотека "Руниверс"

то-есть лишь тѣхъ взглядовъ, которые такъ или иначе двигали вопросъ (отсюда и хронологическій порядокъ очерка), а не сборникъ возможно большаго количества цитатъ.

Остается пагубное для меня забвеніе итальянской литературы въ видѣ вышедшей 30 лѣтъ тому назадъ статьи *Алибранди*!

По заявленію г. Никольскаго. забвеніе Алибранди пагубно для меня въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ Алибранди уже раньше меня доказалъ, что выраженіе „actio in factum civilis“ въ fr. 5. 2. D. 19. 5 есть интерполяція, и мнѣ, слѣдовательно, нечего было открывать эту Америку.

Г. Никольскому слѣдовало бы однако прочесть внимательнѣе только слѣдующую фразу моей книги (стр. 80):

„Эта интерполяція въ fr. 5. 2. de pr. v. была впрочемъ признаваема *еще со временъ Куяція*, и было бы излишне приводить всѣ эти доказательства еще разъ, если бы въ установленныхъ фактахъ мы не находили важныхъ указаній, при помощи которыхъ мы можемъ понять надлежащимъ образомъ всю работу компиляторовъ въ области такъ называемыхъ actiones pr. verbis“.

Какъ видитъ читатель, на открытіе *этой* Америки я отнюдь не претендовалъ, ибо она была открыта не Алибранди, какъ думаетъ г. Никольскій, а гораздо раньше.

Во-вторыхъ, по мнѣнію г. Никольскаго мнѣ слѣдовало бы считаться съ Алибранди въ ученіи объ actiones in factum въ области lex Aquilia. По изложенію самого г. Никольскаго основная мысль Алибранди въ этомъ вопросѣ состоитъ въ томъ, что между actiones in factum и actiones utiles существовало какое-то незначительное различіе въ формулахъ, хотя и не то, которое предполагалъ Савиньи (то-есть не фикція при actiones utiles), *но не существовало никакой матеріальной разницы*. Такимъ образомъ въ этомъ послѣднемъ единственно существенномъ для меня пунктѣ ученіе Алибранди совпадаетъ съ господствующимъ ученіемъ, съ которымъ я и боролся, опять таки отнюдь не задаваясь цѣлью исчерпать всѣ незначительные нюансы его (ср. примѣчаніе на стр. 104: см. *вмѣсто всѣхъ* Windscheid“...) и входитъ въ разсмотрѣніе всевозможныхъ препирательствъ между самими представителями господствующаго ученія.

Хотя г. Никольскій и самъ не признаетъ ученія Алибранди правильнымъ, тѣмъ не менѣе онъ говоритъ:

„Теорія Алибранди спасла бы теорію г. Покровскаго отъ самыхъ опасныхъ для нея трудностей: разъ utilis=in factum, то не о чемъ

Библиотека "Руниверс"

и толковать, незачѣмъ и различать двоякіе иски подъ однимъ терминомъ".

Конечно, чего бы проще? Но что намъ дѣлать тогда съ источниками, съ тѣми мѣстами, которыя приведены мною, и прежде всего—съ § 16 Inst. IV, 3? Выбросить этотъ § 16 просто за бортъ, какъ то совѣтуетъ Алибранди? Объяснить его „глупостью" или „непониманіемъ" компиляторовъ?

Г. Никольскій по моему поводу говоритъ противъ моднаго нынѣ „интерполяціоннаго" направленія, стремящагося многое непонятное въ юстиніановскомъ сводѣ ставить на счетъ „неразумію" или „глупости" компиляторовъ (стр. 374). *Г. Никольскій забываетъ при этомъ, что именно сознаніе ложности такого направленія (ср. стр. 122, 123, 132, 133 моей книги) и вызвало во мнѣ настойчивое исканіе какого либо разумнаго смысла въ этомъ осужденномъ всѣми § 16 Inst. IV, 3.* Я этотъ разумный смыслъ нашелъ; правильно или неправильно, это другой вопросъ, о которомъ я и желалъ бы выслушать мнѣніе болѣе серьезныхъ критиковъ, чѣмъ г. Никольскій.

Такимъ образомъ въ тѣхъ трехъ смертныхъ грѣхахъ, которые приписаны мнѣ г. Никольскимъ (praetor jus facere potest; exceptiones in factum; открытіе Америкъ, давно открытыхъ русской и итальянской литературой) *повиненъ не я, а самъ г. Никольскій*, который не отнесся къ моей книгѣ съ внимательностью, обязательною для рецензента. Остаются, по собственному заявленію г. Никольскаго, грѣхи болѣе легкаго свойства. О нѣкоторыхъ изъ нихъ скажу нѣсколько словъ.

Въ работѣ моей при изслѣдованіи вопроса о томъ, какіе изъ исковъ относились къ категоріи actiones in factum, я старался примѣнить методъ индуктивный въ противоположность исключительно примѣнявшемуся до сихъ поръ методу дедуктивному. Сущность моего метода состоитъ въ томъ, чтобы прежде всего на основаніи положительныхъ данныхъ источниковъ установить, какимъ образомъ совершалась процессуальная consumtio при той или иной категоріи исковъ: ipso jure или ope exceptionis. Если ope exceptionis,—тогда на основаніи Gai. IV, 106—107 необходимо отнести данную категорію исковъ къ actiones in factum.

Г. Никольскій признаетъ этотъ методъ по существу правильнымъ и цѣлесообразнымъ, но находитъ, что по разнымъ причинамъ этотъ методъ здѣсь не приложимъ. Разсмотримъ эти выставленныя г. Никольскимъ причины.

Библиотека "Руниверс"

Во-первыхъ, говоритъ г. Никольскій, consumtio ope exceptionis имѣла мѣсто не только при actiones in factum, но и при actiones in rem, и при actiones in personam in jus conceptae, если послѣднія велись въ формѣ judicium imperio continens. Какія же вѣрныя заключенія можно дѣлать изъ того факта, что въ данномъ случаѣ consumtio совершалось ope exceptionis, восклицаетъ г. Никольскій.

Вполнѣ можно, и только г. Никольскій не далъ себѣ труда вдуматься въ вопросъ. Я беру вездѣ только actiones *in personam* и если нахожу, что consumtio совершалось ope exceptionis, то отношу данную категорію личныхъ исковъ къ actiones in factum. Обезсилить мое заключеніе можно только заявленіемъ, что какъ разъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ judicium quod imperio continetur. Съ такимъ заявленіемъ, разъ оно было сдѣлано въ литературѣ, я считаюсь, въ чемъ г. Никольскій могъ бы убѣдиться, прочитавъ стр. 60—61 моей книги. Но при этомъ очевидно, что въ случаѣ подобнаго заявленія onus probandi лежитъ не на мнѣ, а на моемъ противникѣ.

Во-вторыхъ, г. Никольскій говоритъ: Consumtio ipso jure была устранена компиляторами, „а стало быть мы смѣло можемъ предположить въ Corpus обиліе интерполяцій, замѣнившихъ консумцію ipso jure источниковъ консумціей ope exceptionis“. Какъ это ни странно слышать отъ рецензента, который нѣсколькими страницами позже объявляетъ себя такимъ ярымъ противникомъ „интерполяціоннаго“ направленія,—но пусть будетъ такъ. Въ такомъ случаѣ, однако, пусть г. Никольскій докажетъ наличность этихъ интерполяцій въ тѣхъ мѣстахъ, которыми я пользуюсь; „предположенія“ же его, очевидно, ни для кого необязательны и не убѣдительны.

Наконецъ, говоритъ г. Никольскій, „ученіе о консумціи всегда должно было страдать неясностью въ эпоху формулярнаго процесса по поводу actiones mixtae: консумировались ли онѣ ipso jurе, какъ иски in personam, или же ope exceptionis, какъ иски in rem, и, если двояко, то когда въ какой формѣ наступала консумція?“—Для разрѣшенія этого сомнѣнія я могу только посовѣтовать г. Никольскому припомнить, какіе иски причислялись къ категоріи actiones mixtae и какую природу они имѣли; въ крайнемъ случаѣ могу отослать его напримѣръ къ учебнику Келлера (Civilpr. § 87); говорить же о такихъ элементарныхъ вещахъ здѣсь не приходится.

Излагая далѣе мое приложеніе этого (здѣсь уже просто „превратнаго“) метода къ отдѣльнымъ категоріямъ исковъ, г. Никольскій обнаруживаетъ цѣлый рядъ поразительныхъ наивностей.

Библиотека "Руниверс"

„Съ точки зрѣнія г. Покровскаго, говоритъ онъ, ... пришлось бы и Publicianam, то-есть вещный искъ, признать, прямо вопреки Гаю, искомъ in factum“... Во-первыхъ, какъ это „прямо вопреки Гаю“? А во-вторыхъ, для г. рецензента все-таки остается тайной, что цѣлый рядъ писателей дѣйствительно признавали a. Publiciana за actio in factum (Savigny, Buchka, Demelius, B. Hollweg и др.—см. мою книгу)!

Но г. Никольскій пускается и въ болѣе общія разсужденія. „Логически, учитъ онъ, немыслимо отожествлять фикціонные иски съ исками in factum: какъ послѣдніе почерпаютъ всю свою силу изъ дѣйствительности, превозмогающей (что ?) даже въ области права во имя справедливости (aequitas), такъ первые, напротивъ, держатся вымысломъ, допущеніемъ реальности завѣдомо несуществующихъ отношеній. Это противоположные полюсы, которые можно сближать развѣ какъ крайніе контрасты, и вычурная уловка Демеліуса, которую подхватываетъ г. Покровскій, будто фикціонная формула была просто искусною редакціей описанія factum, представляется лишь medicamentum heroicum, которое можетъ только продлить агонію теоріи, а не спасти ее отъ вѣрной гибели“ (стр. 370—371).

Итакъ, actiones in factum представляются г. рецензенту, какъ иски, почерпающіе свою силу изъ aequitas, а actiones ficticiae, какъ иски, держащіеся только вымысломъ. *Что же это за вздорные иски, которые держатся только вымысломъ?* Откуда они и зачѣмъ существуютъ? „Логика“ г. рецензента, очевидно, и крѣпко хромаетъ: вѣдь и actio Publiciana, и actiones ficticiae bonorum possessor'a и т. д. „почерпаютъ свою силу изъ дѣйствительности, превозмогающей даже въ области права во имя справедливости“ ничуть не менѣе, чѣмъ какая нибудь actio in factum противъ либерта, который безъ разрѣшенія магистрата позвалъ патрона въ судъ... И тотъ контрастъ, о которомъ говоритъ г. рецензентъ, есть только плодъ его недисциплинированной наукою фантазіи.

Если бы г. Никольскій подумалъ объ этомъ лучше, то и принимаемая мною аргументація Демеліуса не показалась бы ему „вычурною уловкой“ и „medicamentum heroicum“. Вотъ здѣсь то именно не мѣшало бы г. Никольскому вспомнить и Муромцева, который о фикціяхъ выражается такъ: „Фикція имѣетъ своимъ предметомъ *конструкцію юридическихъ отношеній*; она приравниваетъ одно отношеніе къ другому“... (стр. 364); „*фикція была пріемомъ аналогіи* наиболѣе юнымъ и въ основаніи ея лежалъ не столько консерватизмъ

Библиотека "Руниверс"

въ строгомъ смыслѣ, *сколько простая экономія юридическихъ идей. Большинство фикцій образовалось потому, что безъ нихъ пришлось бы ломать строй установившихся понятій,*—работа, которая могла казаться римскимъ юристамъ черезчуръ трудною и вовсе ненужною"... (стр. 365); „*Чтобы не изыскивать новыхъ выраженій* преторъ просто указываетъ судьѣ, что въ данномъ случаѣ перегринъ долженъ быть трактуемъ, какъ римскій гражданинъ" и т. д.... (стр. 366).

Если г. Никольскій сравнитъ эти выраженія съ аргументаціей Демеліуса, то онъ увидитъ, что и Муромцевъ всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія этого послѣдняго.

Наконецъ еще одинъ обращикъ критическихъ пріемовъ г. Никольскаго. Онъ цитируетъ изъ моей книги слѣдующія строки: „Если мы соберемъ вмѣстѣ всѣ эти отдѣльныя, упоминаемыя въ Corpus, actiones in factum, то мы получимъ нѣчто чрезвычайно пестрое; мы не будемъ въ состояніи не только свести ихъ къ какому нибудь общему принципу, но даже и раздѣлить ихъ на какія нибудь опредѣленныя юридическія категоріи". Приведя эти строки, г. Никольскій съ торжествомъ восклицаетъ: „Выходитъ такимъ образомъ, что новая теорія приводитъ насъ къ столь же прискорбному положенію, какъ и опровергаемая ею господствующая, ибо самъ г. Покровскій считаетъ главнымъ недостаткомъ послѣдней, что при ней „изъ подъ нашихъ ногъ ускользнула твердая почва". Г. Никольскій при этомъ не приводитъ читателю ни того, что непосредственно стоитъ у меня передъ этими строками, ни того, что непосредственно за ними слѣдуетъ. Я же говорю слѣдующее:

„*Въ глазахъ современной догматики* всѣ эти спорадическія... actiones in factum должны представляться конечно чѣмъ то въ высокой степени страннымъ... (послѣ нѣсколькихъ словъ слѣдуетъ цитированная г. Никольскимъ фраза). *Но совершенно въ иномъ свѣтѣ представятся онѣ, если мы будемъ разсматривать ихъ въ ихъ реальной исторической связи*" (стр. 129—130 моей книги). И затѣмъ слѣдующія страницы посвящены выясненію моего взгляда на эти разсѣянныя въ Corpus actiones in factum.

Почему же г. Никольскій не процитировалъ вмѣстѣ и этихъ немногихъ подчеркнутыхъ словъ? *Почему онъ предпочелъ вырвать фразу изъ ея общей связи и выставить то, что вытекаетъ изъ нынѣшняго, господствующаго воззрѣнія, какъ то, къ чему будто бы приводитъ моя теорія?!*

Опредѣляя общее значеніе моей работы, г. Никольскій говоритъ:

Библиотека "Руниверс"

„Вообще статья г. Покровскаго очень мало была замѣчена въ Германіи, хотя и появилась въ авторитетнѣйшемъ спеціальномъ журналѣ, такъ что даже объективно-цѣнныя частности въ ней прошли безъ вліянія: такъ напримѣръ Зомъ въ только что вышедшемъ 7 изданіи своихъ институцій безъ оговорокъ сохранилъ свои пространныя умствованія по поводу „actiones in factum civiles", хотя г. Покровскій (*Покровскій? Почему же не Алибранди? вправѣ спросить г. Никольскаго читатель его рецензіи*) и доказалъ вполнѣ удовлетворительно нелѣпость и невозможность такого термина" (стр. 383).

Мнѣ очень пріятно, что инертность Зома очевидна даже для г. Никольскаго, но не въ этомъ дѣло. Мало-ли, много-ли была замѣчена моя статья въ Германіи, объ этомъ судить г. Никольскій взялся еще немножко рано. Онъ охотно, говоря о моей теоріи, употребляетъ выраженіе „революція", причемъ употребляетъ его однако такъ, что читатель можетъ подумать, будто я самъ пустилъ въ оборотъ это выраженіе. А между тѣмъ „революціонное" значеніе моей теоріи было объявлено не мной, а моимъ заграничнымъ противникомъ—Erman'омъ. Когда я пишу эти строки, на моемъ письменномъ столѣ лежитъ послѣдняя, только что вышедшая книжка *Zeitschrift der Savigny-Stiftung*—„авторитетнѣйшаго спеціальнаго журнала", гдѣ полемикѣ со мной Erman посвящаетъ статью въ 100 страницъ. По поводу новыхъ возраженій Erman'а я расчитываю вести рѣчь впослѣдствіи—но не съ г. Никольскимъ, конечно. Здѣсь же мнѣ хотѣлось бы отмѣтить только слѣдующее. Erman, сообщая объ авторахъ, высказавшихся противъ меня, сообщаетъ въ то же время (на основаніи его частныхъ свѣдѣній), что мою теорію, кромѣ H. Krüger'а принимаютъ и „многіе" другіе товарищи по спеціальности („mehrere andere Fachgenossen"—см. стр. 263 прим., стр. 283). Значитъ „революція" вовсе не такъ ужъ эфемерна, какъ то полагаетъ г. Никольскій. Самъ Erman, не признавая моихъ конечныхъ выводовъ, тѣмъ не менѣе слѣдующими словами опредѣляетъ ихъ значеніе:

„Τὸ θαυμάζειν ἀρχὴ τοῦ φιλοσοφεῖν—und so hat denn auch Pokrowsky durch seine rücksichtslos folgerichtige Dialektik die Romanisten zum θαυμάζειν gezwungen, damit zugleich aber zum φιλοσοφεῖν, zu erneuter Inangriffnahme des bis zu ihm beschaulich dahinschlummernden Themas" (стр. 264).

Къ чему приведетъ это „φιλοσοφεῖν", эта новая разработка вопроса,—это, надѣемся, покажетъ время, хотя, быть можетъ, и не завтрашній день.

Библиотека "Руниверс"

Я прекращаю рѣчь о рецензіи г. Никольскаго, и въ частности не стану терять время на обсужденіе его собственныхъ взглядовъ на actiones in factum: о его „actio in judicium concepta“ серьезно говорить не стоитъ. Тонъ маэстро ужъ совершенно не къ лицу г. Никольскому.

І. Покровскій.

Отвѣтъ Э. Л. Радлову.

Въ ноябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1889 г. была помѣщена критическая статья о моемъ „Учебникѣ Логики“. Статья эта не подписана именемъ автора [1]) но въ подстрочномъ къ ней примѣчаніи сказано, что она имѣлась въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Такъ какъ бо́льшая часть возраженій, сдѣланныхъ въ этой рецензіи, оказываются, какъ мнѣ кажется, недоразумѣніями и ошибками, то на слѣдующихъ страницахъ я постараюсь выяснить, въ чемъ они состоятъ.

I. Первый рядъ возраженій г. рецензента касается *понятія о представленіи*. Онъ находитъ (стр. 3), что „представленіе играетъ у нашего автора двойную роль: съ одной стороны, оно предваряетъ мышленіе, доставляя ему матеріалъ..., съ другой стороны, сами представленія являются уже результатомъ мышленія (напримѣръ логическое отношеніе основанія къ слѣдствію тоже отнесено къ числу представленій...)“.

Въ моемъ „Учебникѣ“ терминъ „представленіе“ мы употребляемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, обозначая имъ всѣ факты сознанія, которые не суть воля или чувство, то-есть всѣ познавательные факты, и слѣдуемъ въ этомъ употребленіи терминологіи *Канта* (Kritik der reinen Vern², стр. 376), *Гербарта*, *Штейнталя*, *Фолькмана* и мн. др. Если поэтому иногда представленія оказываются предваряющими сужденіе, а иногда результатами его, то въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, ибо при этомъ идетъ дѣло о разныхъ представленіяхъ. Отсюда, конечно, возникаетъ обязанность всегда указывать, о какого именно рода представленіяхъ идетъ рѣчь, но это въ нашемъ руко-

---

[1]) Авторъ ея, Э. Л. Радловъ, не встрѣчаетъ препятствій къ раскрытію анонима.

Библиотека "Руниверс"

водствѣ всегда и дѣлается прямо или, по крайней мѣрѣ, ясно обнаруживается изъ контекста.

Г. рецензентъ, сопоставляя стр. 12 — 13 „Учебника“, гдѣ говорится о томъ, что *воспоминанія ощущеній* являются простыми ослабленными копіями послѣднихъ, со стр. 105, гдѣ сказано, что мы обладаемъ *воспоминаніями или представленіями*, соотвѣтствующими не только одной какой-нибудь вещи, но цѣлому ряду сходныхъ вещей (общія представленія), заключаетъ, что, слѣдовательно, для автора всякое представленіе есть воспоминаніе, и всякое воспоминаніе лишь ослабленная копія ощущенія, то-есть не содержитъ мышленія. Такой выводъ однако явно несостоятеленъ, ибо изъ того, что (на стр. 105) общія представленія названы воспоминаніями, конечно вовсе не слѣдуетъ, что всякое представленіе есть воспоминаніе [1]), а равнымъ образомъ, изъ того, что (на стр. 12) сказано о воспоминаніяхъ *ощущеній* вовсе не слѣдуетъ, что это относится ко *всякому* воспоминанію. Такимъ образомъ, оба предположенія г. рецензента о томъ, что мы отожествляемъ всякое представленіе съ воспоминаніями, и всякое воспоминаніе считаемъ лишь копіею ощущенія, являются произвольными. Такое предположеніе о яко-бы лишь чувственномъ характерѣ всѣхъ представленій тѣмъ болѣе странно, что въ „Учебникѣ“ цѣлый § посвященъ анализу представленій (стр. 32 и слѣд.), и въ этомъ § подробно разъясняются разнообразные виды представленій, входящихъ въ составъ сужденія, то-есть составляющихъ его антецеденты; напримѣръ на стр. 34 сказано: „*представленіе* о самой вещи есть, въ сущности, лишь обязательно мыслимое нами отношеніе признаковъ, то-есть закономѣрная *для нашего мышленія* связь этихъ признаковъ“ О представленіяхъ сходства, различія и тожества сказано: „для установленія этихъ отношеній необходимо наше мышленіе сравнивающее и различающее“ (стр. 37). О представленіи причинности говорится: „это отношеніе дѣйствія къ причинѣ никогда намъ не дано въ самихъ вещахъ, но лишь предполагается *нашею мыслію, есть мысль нами* вносимая въ наблюдаемые факты“ (стр. 37),

---

[1]) Для того, чтобы предупредить возможность ложнаго предположенія, что въ общихъ представленіяхъ мышленіе (то-есть сознанія отношеній) совсѣмъ отсутствуетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указать, что эти отношенія сознаются въ нихъ еще недостаточно ясно (въ противоположность понятіямъ), мы на стр. 109 „Учебника“ говоримъ: „общія представленія составляютъ ничто иное, какъ группы, или, лучше сказать, груды... элементарныхъ представленій, но еще безсвязныхъ, отношенія между которыми нами еще не сознаются или *сознаются недостаточно*“.

Библиотека "Руниверс"

и т. д. Принимая въ соображеніе эти и другія подобныя выраженія, мы должны признать непозволительнымъ предположеніе г. рецензента, будто мы отожествляемъ представленіе вообще лишь съ копіями ощущеній.

Прежде, чѣмъ перейдти къ дальнѣйшимъ возраженіямъ рецензента, сдѣлаемъ мимоходомъ двѣ поправки къ его психологическимъ взглядамъ.

1) На стр. 5 онъ говоритъ, „что терминъ „воспріятіе“ лишь недавно появилось въ нашихъ (то-есть русскихъ) психологическихъ сочиненіяхъ и имъ обозначается объективированное ощущеніе“.—Въ дѣйствительности, *психологически* воспріятіемъ называется не одна объективація ощущенія, но и его осложненность воспоминаніями (см. Психологію *Джемса*, стр. 250 перв. изд., Очерки Психологіи *Гефдинга*, стр. 140 перв. изд.): одно объективированное ощущеніе, напримѣръ сопротивленія, не есть еще воспріятіе.

2) Г. рецензентъ на стр. 5 съ рѣшительностью говоритъ объ одномъ „недоразумѣніи... встрѣчающемся почти во всѣхъ руководствахъ психологіи“ и равнымъ образомъ, и въ нашемъ „Учебникѣ“, а именно, что ассоціація сходства ставится на ряду съ ассоціаціей смежности, тогда какъ первая предполагаетъ-де мышленіе (въ смыслѣ сознанія о сходствѣ), а вторая — чисто механическая.—Извѣстно однако, что въ объясненіи ассоціаціи сходства психологи еще далеко не столковались, и многіе изъ нихъ полагаютъ (не безъ основаній), что для ассоціаціи сходства вовсе не необходимо *сознаніе* о сходствѣ, а лишь объективное сходство вещей, или, лучше сказать, близость физіологическихъ субстратовъ, соотвѣтствующихъ ихъ воспріятіямъ. Такова напримѣръ теорія *Спенсера*, а въ работѣ *Эббингауза* о памяти г. рецензентъ можетъ найдти даже экспериментальное подтвержденіе этого факта (*Ueber das Gedächtniss*, стр. 83 и слѣд.).

II. Касательно ученія о сужденіи, изложеннаго въ „Учебникѣ Логики“, г. рецензентъ дѣлаетъ два главныхъ возраженія, во-первыхъ, о характерѣ и числѣ синтезовъ, заключающихся въ разныхъ сужденіяхъ, во-вторыхъ, о раздѣленіи сужденій на аналитическія и синтетическія.

Что касается перваго вопроса, мы опять встрѣчаемся здѣсь съ произвольнымъ толкованіемъ. Г. рецензентъ говоритъ: „на стр. 53 („Учебника“) ...мы читаемъ:... „„мы разсмотрѣли главнѣйшіе виды описательныхъ сужденій и нашли, что во всѣхъ нихъ мы про-

Библиотека "Руниверс"

изводимъ синтезъ между нашими представленіями, причемъ синтезъ этотъ въ разныхъ сужденіяхъ былъ различный"", но *я думаю*, что эту мысль слѣдуетъ понимать скорѣе (?) въ томъ смыслѣ, что результаты синтеза, то-есть сужденія, были различны, самый же актъ синтеза былъ во всѣхъ случаяхъ однороднымъ; въ этомъ убѣждаетъ насъ мысль автора, которую онъ высказываетъ по поводу отрицательныхъ сужденій: на стр. 67 мы читаемъ: „„Самая связь подлежащаго со сказуемымъ не представляетъ въ отрицательныхъ сужденіяхъ никакихъ новыхъ свойствъ, кромѣ тѣхъ, которыя мы уже изучили въ сужденіяхъ утвердительныхъ. Иными словами, нѣтъ особой связки *не есть*, связка въ сужденіи отрицательномъ та же, что и въ сужденіи положительномъ, но только она отвергается нами, какъ ложная"". Итакъ, мы вправѣ заключить, что синтезъ *во всѣхъ* сужденіяхъ однороденъ, по мнѣнію проф. Ланге (стр. 7). Исходя изъ такого предположенія, и встрѣчая затѣмъ классификацію сужденій по синтезамъ, г. рецензентъ не безъ основанія удивляется, какъ она возможна, разъ синтезы во всѣхъ сужденіяхъ признаны были, въ сущности, одинаковыми.

Но это опять лишь результатъ ложнаго предположенія, сдѣланнаго г. рецензентомъ. Синтезъ въ сужденіяхъ, будучи сознаніемъ разнообразныхъ отношеній, мыслимыхъ между логическимъ подлежащимъ и логическимъ сказуемымъ, остается, правда, повсюду синтезомъ, но тѣмъ не менѣе столь же разнообразенъ, какъ и самыя эти мыслимыя отношенія или связи. Мы нарочно отмѣтили курсивомъ въ предъидущихъ цитатахъ слова г. рецензента *я думаю* и *во всѣхъ*, чтобы указать, въ чемъ лежитъ причина этого ошибочнаго предположенія: изъ того, что, согласно моимъ взглядамъ, развитымъ на стр. 66 и слѣд., въ отрицательныхъ сужденіяхъ мы имѣемъ тѣ же логическія связи, какъ въ утвердительныхъ (съ присоединеніемъ отрицанія, объявляющаго ихъ ложными), отнюдь не слѣдуетъ, конечно, что во всѣхъ утвердительныхъ сужденіяхъ синтезы повсюду одинаковы, также какъ изъ того, что во всѣхъ человѣческихъ расахъ мужчины имѣютъ такой же цвѣтъ какъ и женщины, не слѣдуетъ, конечно, что у женщинъ всѣхъ расъ цвѣтъ одинаковъ. И это обстоятельство, то-есть разнообразіе синтезовъ прежде всего и раздѣляетъ сужденія наименованія отъ сужденій о свойствахъ и дѣйствіяхъ предмета, и эти послѣднія—отъ сужденій объ отношеніяхъ между вещами. Въ первомъ классѣ сужденій предметъ относится къ субъекту какъ сходный съ нѣкоторыми изъ слагаемыхъ, составляющихъ субъектъ,

Библиотека "Руниверс"

какъ сумма признаковъ; во второмъ—эта связь есть мыслимое отношеніе свойства съ вещью, которой оно принадлежитъ; въ третьемъ—нѣкоторое логическое отношеніе, остающееся внѣшнимъ самимъ сравниваемымъ вещамъ („Учебникъ", стр. 44 и слѣд., 46 и слѣд., 50 и слѣд.) [1]).

Второе возраженіе противъ изложенной въ „Учебникѣ Логики" теоріи сужденій касается дѣленія ихъ на аналитическія и синтетическія. Это дѣленіе основывается въ „Учебникѣ" на *способѣ происхожденія* сужденій, и именно сужденіями аналитическаго происхожденія я называю (вслѣдъ за Зигвартомъ) тѣ, въ которыхъ сужденію предшествуетъ разложеніе или анализъ сложнаго представленія на его элементы, и эти элементы входятъ затѣмъ въ составъ сужденія въ той связи, въ которой они уже находились въ первоначальномъ сложномъ представленіи, только болѣе расчлененной и ясной; напротивъ въ сужденіяхъ синтетическаго происхожденія связь элементовъ сужденія не дана заранѣе въ сложномъ представленіи, но эти элементы существовали раздѣльно и соединяются въ сужденіи или на основаніи довѣрія къ свидѣтельству другаго лица или на основаніи вывода, черезъ рядъ посредствующихъ посылокъ. Само собою разумѣется, что это раздѣленіе сужденій вовсе не совпадаетъ съ Кантовскимъ дѣленіемъ аналитическихъ и синтетическихъ сужденій, какъ то и разъяснено на стр. 64 и слѣд. „Учебника".

Возраженіе, дѣлаемое г. рецензентомъ противъ этихъ, повидимому, столь простыхъ и ясныхъ мыслей, сводится, въ сущности, къ слѣдующему. Взявъ два примѣрныхъ сужденія, анализированныхъ въ нашемъ „Учебникѣ", именно сужденія: *это вино кисло* и *эта болѣзнь опасна*, г. рецензентъ указываетъ, что хотя эти сужденія явно логически сходны, однако при разъясненіи одного изъ нихъ (именно пер-

---

[1]) Что касается до *числа* синтезовъ и, въ частности, до вопроса, дѣйствительно ли въ сужденіяхъ отношенія должно отличать три раздѣльныхъ синтеза („Учебникъ", стр. 50), то г. рецензентъ находитъ, что въ выбранномъ мною примѣрѣ (эта гиря вдвое тяжелѣе той) имѣютъ мѣсто не три, а четыре синтеза: два синтеза наименованія (эта гиря, та гиря), одинъ синтезъ свойства предмета (тяжелѣе) и одинъ синтезъ отношенія (вдвое тяжелѣе). Весьма сомнительно, однако, можно ли считать терминъ *тяжелѣе* свойствомъ вещи, а не ея отношеніемъ къ другой вещи, и правильно ли отдѣлять терминъ *вдвое* отъ термина *тяжелѣе*, какъ особую мысль. Вѣдь если такъ разсуждать, то напримѣръ выраженіе „NN есть членъ ученаго общества" будетъ означать, во-первыхъ, что NN есть членъ, во-вторыхъ связь между NN и ученымъ обществомъ.

Библиотека "Руниверс"

ваго) указаны въ „Учебникѣ“ три ступени возникновенія (1) сложное воспріятіе, (2) разложеніе его на элементы и (3) сложеніе этихъ элементовъ въ сужденіе; при разъясненіи же втораго примѣра сказано, что въ немъ заключены (1) сокращенное сужденіе наименованія и (2) синтезъ частнаго свойства съ общимъ представленіемъ о предметѣ. Итакъ, говоритъ г. рецензентъ, относительно однородныхъ сужденій указаны разныя ступени ихъ образованія; „нечего прибавлять, заключаетъ онъ, что только одно разъясненіе сужденія правильно и согласно съ воззрѣніями проф. Ланге“, а именно второе, ибо я-де отожествляю сужденіе съ синтезомъ и, слѣдовательно, не долженъ уже допускать его аналитическаго происхожденія.

Вся эта аргументація г. рецензента есть одно лишь недоразумѣніе. Во-первыхъ, считая сужденіе синтезомъ, то-есть логическою связью подлежащаго со сказуемымъ, мы вовсе не обязаны потому отрицать, что для констатированія и установленія этой связи нуженъ предварительный анализъ, подобно тому какъ мы предварительно развязываемъ узлы на веревкѣ, чтобы затѣмъ вновь крѣпче ихъ связать. Значеніе такого анализа, предшествующаго образованію опытныхъ сужденій, столь ясно показано во многихъ изъ новыхъ логикъ, напримѣръ у Вундта, что не требуетъ для лицъ свѣдующихъ никакого новаго доказательства.

Что же касается до приведенныхъ въ „Учебникѣ“ двухъ примѣрныхъ разъясненій, то ихъ различіе объясняется по-просту тѣмъ, что въ одномъ случаѣ (именно тамъ гдѣ разъясняется сужденіе *это вино кисло*, стр. 60) дѣло идетъ дѣйствительно о *происхожденіи* этого сужденія, то-есть о предшествующихъ ему по времени психологическихъ ступеняхъ, а объясненіе втораго сужденія (эта болѣзнь опасна) взято совсѣмъ изъ иного отдѣла книги („Учебникъ, стр. 46 и слѣд.), гдѣ разъясняются вовсе не психологическія условія происхожденія сужденій, но ихъ *логическій составъ*, то-есть число и качество заключенныхъ въ нихъ логическихъ синтезовъ Такимъ образомъ, эти два объясненія одинаковыхъ сужденій различны потому, что сужденія эти разсматриваются съ разныхъ точекъ зрѣнія, въ одномъ мѣстѣ—съ точки зрѣнія логическихъ ихъ элементовъ, въ другомъ—съ точки зрѣнія ихъ психологическихъ антецедентовъ. Противорѣчія въ этомъ также мало, какъ въ томъ, что въ иныхъ главахъ ботаническаго сочиненія растеніе объясняется изъ строенія его сѣмени, а въ другихъ—изъ строенія корня, листовъ и цвѣтовъ.

Для характеристики аргументаціи г. рецензента остановимся еще

Библиотека "Руниверс"

на одномъ его возраженіи противъ нашего дѣленія синтетическихъ и аналитическихъ сужденій. Въ примѣръ сужденій аналитическаго происхожденія въ „Учебникѣ“ приведено сужденіе *это вино кисло*, возникающее изъ анализа непосредственно даннаго опыта; въ примѣрѣ же сужденій, въ которыхъ связь подлежащаго со сказуемымъ не дана заранѣе, но возникаетъ на довѣріи къ авторитету другаго лица, мы привели сужденіе „въ сѣверныхъ моряхъ существуютъ плавучія горы“: для ребенка, живущаго въ среднихъ широтахъ и никогда не видавшаго плавающихъ горъ, истина связи, установляемой въ этомъ сужденіи, основывается не на анализѣ его собственныхъ представленій о горахъ и плавающихъ предметахъ. но на довѣріи къ авторитету учителя. По этому поводу г. рецензентъ говоритъ: „Для болѣе полнаго доказательства (синтетическаго характера *всякаго* сужденія) разберемъ примѣры, приводимые проф. Ланге: „это вино кисло“ и „въ сѣверныхъ моряхъ существуютъ плавучія горы“... Вопросъ... въ томъ, отличаются ли они по происхожденію;... въ этомъ отношеніи различія нѣтъ. То, что проф. Ланге называетъ „сужденіемъ непосредственнаго опыта“, напримѣръ сужденіе: „это вино кисло“, точно также не могло возникнуть *безъ нѣкотораго предварительнаго обученія*, какъ и сужденіе относительно ледяныхъ горъ, ибо откуда же ребенокъ могъ узнать, что эта жидкость есть вино, откуда могъ познакомиться со свойствами того тѣла, которое называется жидкостью, и т. д.; все это точно также основано на предварительномъ... обученіи, какъ это имѣетъ мѣсто и въ другомъ приведенномъ примѣрѣ... Итакъ, мы вправѣ сказать, что различіе аналитическихъ сужденій отъ синтетическихъ, какъ его понимаетъ проф. Ланге, не выдерживаетъ критики..., слѣдовательно, главу о различіи аналитическихъ и синтетическихъ сужденій необходимо исключить“ Прежде однако чѣмъ послѣдовать столь рѣшительно высказанному совѣту г. рецензента, посмотримъ достаточно ли онъ обоснованъ. Вѣдь вся его аргументація сводится лишь къ утвержденію, что въ обоихъ случаяхъ необходимо предварительное *обученіе*; съ этимъ, конечно, возможно согласиться, но спрашивается, одинаково ли значеніе этого обученія для обоихъ сужденій. Въ примѣрѣ вина роль обученія играетъ личный опытъ, дающій сложное воспріятіе кислаго вина, причемъ кислый вкусъ наблюдается уже именно какъ свойство вина, а работа мысли состоитъ въ разложеніи этого сложнаго воспріятія на двѣ части, могущія составить подлежащее и сказуемое сужденія, и въ словесномъ выраженіи ихъ связи, уже предопредѣленной въ сложномъ опытномъ

Библиотека "Руниверс"

воспріятіи; во-второмъ же примѣрѣ ребенокъ, имѣя уже представленія о горахъ и о плавучихъ предметахъ, не имѣетъ однако никакого основанія для ихъ синтезированія въ сужденіи, и этотъ синтезъ возникаетъ лишь по традиціи отъ другаго лица. Это существенное различіе можетъ быть только затемнено столь неопредѣленными фразами, какъ о предварительномъ обученіи и т. под. Поэтому, если уже говорить о „необходимости исключенія" чего-либо, то мы съ большимъ правомъ, чѣмъ г. рецензентъ, можемъ утверждать, что такому исключенію должно подвергнуть его собственныя разсужденія объ аналитическихъ и синтетическихъ сужденіяхъ, а не соотвѣтственную главу нашего „Учебника", въ которой мы излагали лишь взгляды столь вдумчиваго и глубокомысленнаго логика, какъ Зигвартъ (см. его *Logik*, I, стр. 128 и слѣд. втораго изд.).

III. Третья группа возраженій г. рецензента относится къ ученію о логическихъ законахъ; изъ нихъ наиболѣе интересными являются тѣ возраженія, которыя направлены противъ нашего изложенія закона противорѣчія. „Что касается до закона противорѣчія, говоритъ г. рецензентъ, то этотъ основной законъ логики формулируется проф. Ланге обычнымъ образомъ". Уже эти слова обнаруживаютъ, что г. рецензентъ недостаточно оцѣнилъ своеобразіе взглядовъ Зигварта на законы противорѣчія, усвоенные нами въ „Учебникѣ Логики". Что значитъ выраженіе „обычнымъ образомъ"? Существуютъ двѣ весьма различныя формулы этого закона, изъ которыхъ одна принадлежитъ Аристотелю, а другая—Лейбницу, Канту и многимъ новымъ логикамъ. Эта послѣдняя формула гласитъ, что *А не есть non—А*, т. е. запрещаетъ, какъ ложныя, сужденія, въ которыхъ предикатъ есть противорѣчащее субъекту понятіе. Напротивъ, формула Аристотеля гласитъ, что два сужденія вида *А есть В* и *А не есть В* не могутъ быть вмѣстѣ истинны, какъ противорѣчащія. Первая формула указываетъ на отношеніе предиката къ подлежащему въ одномъ и томъ-же сужденіи, вторая—видитъ противорѣчіе въ отношеніи между двумя сужденіями, утвердительнымъ и отрицательнымъ; Лейбницъ и Кантъ объявляютъ одно сужденіе само по себѣ и абсолютно взятое ложнымъ, именно если въ немъ заключены противорѣчащіе другъ другу подлежащее и сказуемое, Аристотель-же объявляетъ одно изъ сужденій ложнымъ, если даны два противорѣчащихъ сужденія. Спрашивается теперь, которое изъ этихъ толкованій г. рецензентъ считаетъ „обычною формулировкою" закона противорѣчія. Скорѣе всего таковою должно признавать Кантовское толкованіе, какъ болѣе но-

Библиотека "Руниверс"

вое и господствующее въ формальной логикѣ. Между тѣмъ въ нашемъ „Учебникѣ“ мы старались строжайшимъ образомъ провести Аристотелевскую формулу, Кантовскую же, напротивъ, отвергаемъ, какъ безплодную и связанную съ ложнымъ предположеніемъ, будто отрицательные термины (non—A) имѣютъ яко-бы какое-то содержаніе. Отрицаніе, какъ подробно разъясняется въ „Учебникѣ“, имѣетъ значеніе лишь въ отношеніи сужденій, а не понятій. Если мы примемъ во вниманіе, что софистическія хитросплетенія Фихте и Гегеля основаны именно на ложномъ толкованіи отрицательныхъ терминовъ (non—A, не—Я. и т. д.), то критическое значеніе такого возвращенія къ формулѣ Аристотеля станетъ очевиднымъ.

Всѣ дальнѣйшія разсужденія г. рецензента доказываютъ, что онъ недостаточно оцѣнилъ это различіе нашей (то-есть Аристотелевской) формулы отъ Кантовской. Такъ на стр. 14 онъ говоритъ: „Итакъ, разницы между противорѣчіемъ и противоположностью (понятій) установить, повидимому, нельзя, нельзя опредѣлить, какія представленія не соединяются, какъ противоположныя. При такихъ обстоятельствахъ читателя должно удивить, что онъ встрѣчается съ закономъ противорѣчія, а не противоположности, и что вообще можетъ быть найдено правило, которымъ эта противуположность или противорѣчіе устанавливается, когда на предшествующей страницѣ сказано, что эта противоположность можетъ быть установлена лишь на дѣлѣ“.—Здѣсь, что ни фраза, то недоразумѣніе. Въ дѣйствительности, на предшествующихъ страницахъ идетъ рѣчь лишь о томъ, что противорѣчащихъ *понятій* не существуетъ, что понятія вида *non—A* не имѣютъ никакого содержанія, и что, слѣдовательно, законъ противорѣчія относится не къ понятіямъ, а къ *сужденіямъ*. И нѣтъ ровно ничего удивительнаго въ томъ, что существуетъ общее правило о противорѣчіи, то-есть несоединимости, *сужденій*, хотя общаго правила несоединимости *понятій*, то-есть подлежащаго со сказуемымъ, не можетъ быть установлено: первое выражается въ Аристотелевской формулѣ, второе тщетно старались дать формулы Лейбница, Канта и ихъ послѣдователей.

Вслѣдъ за симъ г. рецензентъ обращается къ критикѣ нашего основнаго положенія, именно, что термины вида *non—A* не имѣютъ, строго говоря, никакого опредѣленнаго значенія. Было-бы весьма интересно подвергнуть этотъ столь важный для логики тезисъ Зигварта основательному обсужденію. Къ сожалѣнію, мы должны признать, что въ своей критикѣ г. рецензентъ ограничился чисто голословнымъ

Библиотека "Руниверс"

отрицаніемъ. Въ нашемъ „Учебникѣ“ (стр. 65) мы говоримъ: „отрицательные термины, вродѣ *не-бѣлый*, *не-прямой*, *не-лошадь*, *не-я*, и вообще, термины вида *non—A* (гдѣ A есть положительный терминъ), не имѣютъ никакого опредѣленнаго значенія, напримѣръ терминъ *не-лошадь* можетъ обозначать все, что угодно (кромѣ лошади), то-есть и корову, и треугольникъ, и красный цвѣтъ, и все прочее. Если подобные отрицательные термины употребляются въ языкѣ (напримѣръ безконечный, безсмертный, неутомимый и т. д.), то *не въ полномъ или строгомъ* значеніи отрицанія, но для обозначенія извѣстнаго положительнаго значенія: *безсмертіе* означаетъ не только исключеніе смертности, но и продолженіе жизни, *неутомимость* есть не одно только отрицаніе утомленія, но и положительное значеніе силы“, и т. д. Что-же на это возражаетъ г. рецензентъ? „Если кто-либо говоритъ „это не лошадь“, то, конечно, терминъ „не лошадь“ никакого значенія не имѣетъ, въ сужденіи же „это не лошадь“ онъ получаетъ значеніе. Что касается содержанія „не-лошади“, то этимъ терминомъ сказано не только то, что разсматриваемое представленіе можетъ быть всѣмъ, чѣмъ угодно, за исключеніемъ лошади, *но и то, что разсматриваемое представленіе можетъ быть принято за лошадь*, то-есть, что *оно имѣетъ съ нею сходные признаки*, и самое сужденіе имѣетъ смыслъ предостереженія передъ смѣшеніемъ разсматриваемаго представленія съ представленіемъ лошади“ (стр. 15).

Что касается до утвержденія г. рецензента, что сужденіе *это не лошадь* означаетъ будто, что *это* похоже на лошадь, то-есть признаніе сходства *этою* съ *лошадью*, то такое утвержденіе явно произвольно. Иногда это сходство можетъ имѣть мѣсто, иногда нѣтъ (напримѣръ въ сужденіи лошадь не треугольникъ); но и тамъ гдѣ такое сходство имѣетъ мѣсто, должно быть прямо указано, въ чемъ оно состоитъ, то-есть слѣдовательно, сказуемое должно быть дополнено утвердительнымъ терминомъ, безъ чего сужденіе столь-же мало имѣетъ *логическаго* значенія, какъ молчаніе [1]).—Притомъ, если г. рецензентъ видитъ смыслъ сужденія *это не лошадь* въ нѣкоторомъ положительномъ значеніи термина *не лошадь*, то такая интерпретація

---

[1]) Замѣтимъ, что логика, какъ мы старались показать въ „Учебникѣ“ (стр. 81 и слѣд.) имѣетъ дѣло лишь съ разумными, то-есть объективными условіями истины, и потому всѣ психологическія, то-есть субъективныя ея условія (вродѣ осторожности въ мышленіи, внимательности и т. под.) не составляютъ предмета логики, какъ науки.

Библиотека "Руниверс"

есть ничто иное, какъ перефразировка нашихъ-же вышеуказанныхъ замѣчаній объ обычномъ или неточномъ смыслѣ отрицательныхъ терминовъ, употребляемыхъ въ языкѣ, именно, что эти термины всегда заключаютъ въ себѣ нѣчто кромѣ отрицанія (неутомимость—не только отрицаніе утомленія, но и положительный признакъ силы, и т. п.).

Иначе обстояло-бы дѣло, если-бы г. рецензентъ намъ доказалъ, что сужденіе *это есть не лошадь*, въ его *точномъ* и *логическомъ* смыслѣ, значитъ иное, чѣмъ сужденіе *это не есть лошадь*. Мы утверждали въ „Учебникѣ“, что отрицаніе имѣетъ точное логическое значеніе лишь какъ отрицаніе нѣкотораго утвердительнаго сужденія, что сужденіе „А есть non—В“ значитъ лишь, что сужденіе „А есть В“ объявлено ложнымъ, то-есть этотъ синтезъ А и В отвергается. Для того, чтобы опровергнуть это ученіе необходимо показать, какое иное, положительное и точное значеніе можетъ имѣть сужденіе „А есть non В“, то-есть указать точное положительное значеніе термина *non B*. Но этого-то и не сдѣлалъ г. рецензентъ, и это, насколько мы понимаемъ, и не можетъ быть сдѣлано [1]).

IV. Въ послѣдней части рецензіи указываются нѣкоторыя неудачныя или неточныя выраженія, встрѣчающіяся въ „Учебникѣ“. Съ иными изъ этихъ замѣчаній можно согласиться, но другія невольно напоминаютъ намъ анекдотъ, разсказанный Тургеневымъ о томъ игривомъ цензорѣ, который вычернулъ слова „эта дѣвушка цвѣла какъ роза“ и замѣнилъ ихъ словами „эта дѣвица походила на пышную розу“. Такъ напримѣръ по поводу нашей фразы: „сужденіе, какъ *дѣятельность* мышленія, предшествуетъ и обусловливаетъ сужденіе, какъ *продуктъ* мышленія, *также какъ* творчество поэта предшествуетъ и обусловливаетъ возникновеніе поэтическаго произведенія“, г. рецензентъ замѣчаетъ, что вмѣсто *также какъ* слѣдовало сказать „подобно тому, какъ“.—О выраженіи „всѣ эти различія составляютъ предметъ

---

[1]) Въ примѣчаніи на стр. 16 г. рецензентъ замѣчаетъ: „о законѣ исключеннаго третьяго въ изложеніи проф. Ланге замѣчу только, что вывести этотъ законъ ему удается изъ простыхъ сужденій, изъ множественныхъ же сужденій этого не удалось-бы, ибо два общихъ сужденія, отличающихся только качествомъ, могутъ быть оба ложными“.—Признаюсь, я не понимаю смысла этого замѣчанія: само собою разумѣется, что такое доказательство относительно множественныхъ сужденій *не удалось-бы*, по выраженію г. рецензента, разъ законъ исключеннаго третьяго не имѣетъ приложенія къ этимъ сужденіямъ, подобно тому, какъ никому не можетъ *удастся* доказательство, что всѣ кошки сѣры, разъ они не всѣ сѣры. Но развѣ въ „Учебникѣ“ сдѣлана гдѣ-нибудь такая нелѣпая попытка.

Библиотека "Руниверс"

изученія для психологіи, а не для логики", г. рецензентъ кратко и энергически говоритъ: „словѣ(а?) *для* слѣдуетъ вычеркнуть.—Приведя нашу фразу „отрицательныя множественныя сужденія подобны утвердительнымъ", г. рецензентъ не безъ строгости вопрошаетъ: „что здѣсь значитъ слово „подобны", хотя въ непосредственно слѣдующемъ за этою фразою разъясненіи въ „Учебникѣ" самъ могъ найдти точный отвѣтъ на свой вопросъ (Учебникъ, стр. 77).—Наконецъ, по поводу нашего выраженія „указать въ этомъ и другихъ подобныхъ случаяхъ какія-нибудь общія правила нельзя: это дѣло искусства", г. рецензентъ дѣлаетъ глубокомысленную догадку: „не искусства, конечно, но искусства изслѣдователя". Справедливость заставляетъ насъ признать, что г. рецензентъ угадалъ правильно.

Н. Ланге.

Нѣсколько замѣчаній по поводу возраженія проф. Ланге.

Возраженія проф. Ланге на мою рецензію его учебника дѣлятся на три части; въ первой онъ указываетъ на мои ошибки и недоразумѣнія; во второй—исправляетъ два моихъ взгляда, касающихся психологіи, въ третьей—шутитъ по поводу моихъ замѣчаній, касающихся стиля уважаемаго профессора.

Въ свое оправданіе скажу, что Учебникъ логики проф. Ланге изложенъ не во всѣхъ частяхъ вполнѣ удобопонятно, и проф. Ланге повидимому не всегда пишетъ то, что хотѣлъ написать. На стр. 46 учебника мы напримѣръ читаемъ. „Когда я говорю „это сплавъ серебра и мѣди", то такое сужденіе можетъ быть получено лишь помощью химическаго анализа". Очевидно, проф. Ланге не хотѣлъ сказать того, что сужденія добываются химиками въ ретортахъ. Или на стр. 191: „Генетическія классификаціи основаны на предположеніи, что въ группѣ сходныхъ предметовъ сначала появились нѣкоторыя различія, обусловливающія нынѣ распаденіе ихъ потомковъ на соотвѣтственные роды.....". И тутъ очевидно, проф. Ланге не хотѣлъ сказать, что у предметовъ бываютъ потомки, и только не вполнѣ удачно выразилъ свою мысль; въ этихъ случаяхъ мысль понятна и неудачна лишь форма, но иногда это неотчетливое выраженіе мыслей можетъ ввести читателей въ заблужденіе. Это случилось со мною. Мои замѣчанія относительно двойственной роли представленія оказались неправильными, какъ увѣряетъ проф. Ланге (и я ему охотно

Библиотека "Руниверс"

вѣрю), но я не ошибся бы, еслибъ въ учебникѣ было дано опредѣленіе представленія, а его въ учебникѣ нѣтъ; оно находится въ возраженіи уважаемаго профессора, но было бы удобнѣе, еслибъ опредѣленіе понятій, съ коими оперируетъ проф. Ланге, находились въ учебникѣ, а не въ возраженіи, котораго ученики, можетъ быть, читать не будутъ. Проф. Ланге признаетъ „непозволительнымъ" предположеніе объ отожествленіи представленій съ копіями ощущеній, но изъ его возраженій ясно, что такого предположенія (незаключающаго въ себѣ впрочемъ ничего „непозволительнаго") я не дѣлалъ: утвержденіе, что представленіе играетъ у г. Ланге двойственную роль, исключаетъ возможность отожествленія представленій съ копіями ощущеній.

Касательно ученія о сужденіяхъ проф. Ланге дѣлаетъ два возраженія на мои замѣчанія; первое имѣетъ ввиду ученіе о синтезѣ, второе—ученіе объ аналитическихъ сужденіяхъ. Возраженія мнѣ кажутся неубѣдительными.

Различіе сужденій вовсе не обозначаетъ еще различія самихъ синтезовъ. Самъ проф. Ланге весьма правильно различилъ два значенія слова „сужденіе": сужденіе какъ результатъ мышленія и сужденіе въ смыслѣ дѣятельности. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что сужденія по содержанію различны, но по смыслу синтетической дѣятельности они однородны въ изображеніи проф. Ланге. Возраженіе же относительно числа синтезовъ заключаетъ въ себѣ невѣрную передачу моей мысли: я вовсе не отдѣлялъ термина „вдвое", отъ термина „тяжелѣе", а лишь указалъ на то, что здѣсь два различныхъ акта, первымъ констатируется, что извѣстная вещь тяжелѣе другой, вторымъ въ точности опредѣляется во сколько она тяжелѣе, именно вдвое,—и это, мнѣ кажется, неоспоримымъ.

Не убѣдила меня защита дѣленія сужденій на аналитическія и синтетическія, которая проводится какъ у проф. Ланге, такъ и въ книгѣ Зигварта.

Откуда проф. Ланге получаетъ возможность „предварительнаго анализа" это для меня неясно, о предварительномъ анализѣ въ учебникѣ онъ нигдѣ не говоритъ и если, по его словамъ, всякое сужденіе есть синтезъ (и въ этомъ, какъ мнѣ кажется, онъ правъ), то даже возможность анализа не совсѣмъ понятна. „Мы предварительно развязываемъ" говоритъ проф. Ланге „узлы на веревкѣ, чтобы затѣмъ вновь крѣпче ихъ связать", но этотъ примѣръ, я думаю, правильнѣе будетъ повернуть, сказавъ: „мы должны сначала

Библиотека "Руниверс"

завязать узлы на веревкѣ, иначе мы не имѣли бы возможности ихъ развязать". Во всякой логикѣ, въ которой за мыслью признаются два одинаково первичныхъ акта, анализъ и синтезъ, объясненіе аналитическихъ сужденій не представляетъ трудностей. но проф. Ланге самъ закрылъ себѣ путь для такого объясненія, поэтому никакія ссылки на Вундта ему помочь не могутъ. Во всякомъ случаѣ, читатель учебника проф. Ланге въ правѣ желать, чтобы эти разъясненія находились не только у Вундта, но и въ книгѣ уважаемаго профессора. Замѣчу еще, что проф. Ланге ошибается, полагая, что учебники пишутся для лицъ свѣдующихъ; напротивъ, они пишутся для несвѣдующихъ и, къ сожалѣнію, не всегда лицами свѣдующими.

Ссылка на то, что дѣленіе сужденій на аналитическія и синтетическія есть дѣленіе по ихъ происхожденію, которое слѣдуетъ различать отъ дѣленія по составу, тоже мнѣ кажется неубѣдительною и вотъ по какой причинѣ. Объясненіе логическаго состава сужденій проф. Ланге видитъ въ числѣ и качествѣ заключенныхъ въ сужденіяхъ логическихъ синтезовъ; но что же заключается въ указаніи синтетическаго характера сужденія, какъ не указаніе на психологическія условія, при которыхъ и изъ которыхъ сужденія образуются. Я нисколько не отрицаю возможности различать сужденія, основанныя на личномъ опытѣ, отъ сужденій, основанныхъ на авторитетѣ (можно, далѣе, различать сужденія основанныя на авторитетѣ одного, двухъ и т. д. лицъ), но зачѣмъ же это дѣленіе обозначать терминами, которые давно вошли во всеобщее употребленіе въ совершенно иномъ значеніи.

Я можетъ быть слишкомъ рѣшительно высказался относительно того, что это дѣленіе слѣдовало бы исключить изъ учебника; конечно, его можно оставить, но тогда въ учебникѣ будетъ однимъ крупнымъ недостаткомъ больше.

Возраженія проф. Ланге на мои замѣчанія о законѣ противорѣчія кажутся мнѣ весьма основательными. Въ этомъ пунктѣ я, какъ кажется, не понялъ того, что хотѣлъ сказать авторъ. Моя ошибка объясняется отчасти тѣмъ противорѣчіемъ, въ которомъ стоитъ законъ тожества въ формулировкѣ проф. Ланге съ его толкованіемъ закона противорѣчія. Законъ тожества устанавливаетъ совпаденіе и несовпаденіе представленій (стр. 58 „если же это совпаденіе установить невозможно, то правильнаго сужденія нѣтъ"), законъ же противорѣчія, какъ оказывается, не можетъ этого сдѣлать и касается только сужденій. Я не могъ (и теперь не могу) объяснить себѣ этого различія; каза-

Библиотека "Руниверс"

лось бы, что законъ тожества долженъ точно также касаться сужденій, какъ и законъ противорѣчія. По существу я этого обстоятельства здѣсь не стану разбирать и не стану спорить съ проф. Ланге. Различеніе проф—мъ Ланге формулъ Канта и Аристотеля очень блестяще, но я сомнѣваюсь, чтобы различныя толкованія закона противорѣчія, встрѣчаемыя у Аристотеля, могли бы быть сведены къ одной формулѣ.

За двѣ поправки моихъ психологическихъ взглядовъ я очень благодаренъ проф. Ланге, но воспользоваться ими не могу, ибо никогда не сомнѣвался въ томъ, что въ образованіи воспріятій участвуютъ воспоминанія. Этотъ фактъ изложенъ лучше чѣмъ у Гефдинга и Джемса, на которыхъ указываетъ проф. Ланге, у многихъ другихъ психологовъ, напримѣръ у Лазаруса въ его Leben der Seele, томъ 2-ой и въ его Zur Lehre von den Sinnestäuschungen. Лазарусъ въ такой же мѣрѣ принадлежитъ къ русской литературѣ (о которой я говорилъ въ своей рецензіи) какъ и Джемсъ и Гефдингъ, и, можетъ быть, слѣдовало-бы различать русскую литературу отъ той, которая нынѣ такъ усердно расхищается неумѣлыми компиляторами и переводчиками,—прискорбный фактъ, который, я полагаю, не откажется признать и проф. Ланге. Защищая ассоціаціи по сходству, авторъ ссылается на Спенсера и Эббинггауса; это, безъ сомнѣнія, авторитетные ученые и знатоки психологіи, особенно Эббинггаусъ; множество другихъ почтенныхъ психологовъ раздѣляютъ это же воззрѣніе, и все-таки я думаю, что это воззрѣніе ложное.

Наконецъ, что касается шутокъ проф. Ланге по поводу моихъ замѣчаній, то онѣ, конечно, весьма забавны, въ особенности заимствованная у Тургенева; тѣмъ не менѣе замѣчанія мои вполнѣ умѣстны. Кто прочтетъ возраженіе проф. Ланге, тому это станетъ вполнѣ яснымъ. Впрочемъ я не сталъ бы брать на себя столь неблагодарной задачи, какъ поправка стиля, если бы дѣло не касалось учебника.

Въ заключеніе замѣчу лишь, что мнѣ несовсѣмъ понятны причины той рѣзкости, съ которою проф. Ланге защищаетъ мнѣнія, принадлежащія профессору Зигварту.

Э. Радловъ.

Библиотека "Руниверс"

Книжныя новости.

Vjestnik Kr. Hrvatsko-Slavonsko-Dalmatiskog Zemaljskog Arkiva. Uredjuje. *D-r. Ivan Bojničić Kninski*, Kr. Zemaljski arkivar. Godina I, svezak 1. 8°. 64 стр. Zagreb. 1899. Цѣна въ годъ на 4 книжки или выпуска 3 гульд. или 6 марокъ. — Новый юго-славянскій органъ по архивовѣдѣнію, исторіи мѣстнаго права и администраціи имѣетъ цѣлью устранить недостатокъ существованія на славянскомъ югѣ журнала исторіи, въ которомъ помѣщались бы и мелкія историческія сообщенія, извѣстія, рецензіи и обзоры спеціальной литературы. Академическія изданія „Starine“ и „Rad“ выходятъ не періодическими сроками, а по мѣрѣ накопленія матеріала. До сихъ поръ было уже нѣсколько журналовъ по археологіи юга, но ни одного по исторіи. Хорватскій Банъ далъ не только свое согласіе на такого рода изданіе, но и средства на его напечатаніе. Такимъ образомъ вышелъ 1-й выпускъ этого новаго историческаго журнала или юго-славянскаго „Kvartalnica“. Въ этой книжкѣ укажемъ на статьи *Э. Лашовскаго* и самого редактора архивиста д-ра *Ив. Бойничитя-Книнскаго*. Кромѣ краткаго введенія „Naša zadaća“, *г. Бойничичъ* пріобщилъ къ первой книгѣ „Вѣстника“ Хорватскаго Земскаго архива фототипическіе снимки древнихъ грамотъ: а) грамоты короля Коломана отъ 1111 года, городу *Раб.*; и в) грамоты короля Белы II (III) „крчкимъ князямъ“ и общій видъ „скрыни“ привилегій. *Лашовскій* разказываетъ исторію юго-славянскаго земскаго архива и даетъ краткій обзоръ его содержанія; сообщаетъ на стр. 31 описаніе обычаевъ при распредѣленіи имущества въ туропольской боярской (дворянской) общинѣ, на стр. 41—регесты турецкихъ грамотъ о православныхъ монастыряхъ въ Срѣмѣ (Сирмін). Академикъ Ив. Ткалчичъ (53 сл. 7) описываетъ основаніе прихода св. Клары въ Запрудьи въ 1366 г. Исторіи XVIII вѣка касаются сообщенія: 1) *Лашовскаго* объ архивѣ гр. Эрдеди (Erdödy) отъ 1777 года; 2) *М. Спордича*, письмо императора Іосифа II 1788 года. Не мало интереса возбуждаетъ наконецъ статья *Клайча* „Porieklo banske časti u Hrvata“ 21—26. Банская власть до XII вѣка нигдѣ не существовала, но впослѣдствіи она существуетъ не только въ Хорватіи, но и въ Босніи и въ Рагузѣ. Банъ, Βοάνος βοάνος—по Шафарику отъ имени аварскаго кагана „Баянусъ“, какъ король отъ Карла Великаго, другими производится отъ чешско-польскаго „панъ“, по Даничитю отъ Бojo, какъ Стоянъ отъ Стojo и наконецъ отъ нѣмецкаго и средне-вѣковаго „Bann“, bannus, слова еще не достаточно выясненнаго, но культурно-историческаго весьма любопытнаго происхожденія.

П. Лашкаревъ. Церковно-археологическіе очерки, изслѣдованія и рефераты. Кіевъ. 1898. Переиздавая свои сочиненія, въ одной книгѣ, г. П. Лашкаревъ руководился ихъ „внутренней связью“ и имѣлъ въ виду „пріурочить выпускъ книги къ предстоящему въ Кіевѣ XI археологическому съѣзду“, такъ какъ „всѣ археологическіе опыты такъ или иначе касаются памятниковъ мѣстной старины, которая, по связи ея съ обще-русскою стариною, не можетъ прямо или косвенно не входить въ программу занятій съѣзда“. Въ книгу вошли:

Библиотека "Руниверс"

1) Религіозная монументальность", самый обширный очеркъ, напечатанный впервые въ 1866 г.; 2) „Что осталось отъ древней кіевской церкви Спаса на Берестовѣ?"; 3) „По вопросу объ архитектурѣ XII вѣка въ Суздальскомъ княжествѣ"; 4) „Кіевская архитектура X—XII вѣковъ"; 5) „Развалины церкви св. Симеона и Копыревъ конецъ древняго Кіева"; 6) „Киварій, какъ отличительная архитектурная принадлежность алтаря въ древнихъ церквахъ"; 7) „Остатки древнихъ зданій Кіево-Печерской Лавры"; 8) „Остатки древней церкви въ городѣ Переяславлѣ", и 9) „Соборная Успенская церковь въ городѣ Каневѣ". Въ концѣ книги помѣщено нѣсколько поправокъ и дополненій къ страницамъ 4-й и 5-й. Послѣднимъ по времени составленія является рефератъ—„Соборная Успенская церковь въ городѣ Каневѣ",—читанный въ Церковно-археологическомъ обществѣ 17-го декабря 1891 г. Въ текстѣ книги имѣются рисунки и планы.

І. Сырцовъ. Архипастыри Костромской епархіи за 150 лѣтъ ея существованія (1745—1898 гг,). Кострома. 1898.—Настоящій очеркъ предпринятъ ректоромъ мѣстной семинаріи прот. І. Сырцовымъ по случаю исполнившагося въ прошломъ году 50-лѣтія служенія епископа Виссаріона, пребывающаго въ костромской епархіи восьмой годъ. Сказавъ предварительно нѣсколько словъ объ учрежденіи въ 1745 г. Костромской епархіи, о мѣстномъ каѳедральномъ Ипатьевскомъ монастырѣ, мѣстопребываніи архіереевъ, и о каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ, авторъ переходитъ къ отдѣльнымъ біографіямъ 24 костромскихъ архипастырей и начинаетъ ихъ съ извѣстнаго Симона Тодорскаго. Посвящая каждому изъ нихъ приблизительно страницу или немного болѣе, онъ сообщаетъ самыя краткія свѣдѣнія, останавливаясь нѣсколько подробнѣе только на дѣятельности ихъ въ костромской епархіи, но при этомъ указываетъ источники для болѣе подробнаго ознакомленія. Изъ сообщаемыхъ свѣдѣній видно, что одни изъ архипастырей (Сильвестръ Кулябка, Геннадій Андреевскій и др.) заботились по преимуществу о просвѣщеніи костромскаго духовнаго юношества, открывая и устроя духовную семинарію и училища; другіе (Даніилъ Аскаронскій, Симонъ Лаговъ и иные), сосредоточивали свое вниманіе и труды на украшеніи храмовъ и монастырей; третьи (Платонъ Ѳиваидскій, Августинъ и др.) вводили въ духовенствѣ строгую дисциплину и вообще заботились о поднятіи нравственнаго уровня сельскаго духовенства. Въ послѣднее время епископъ Александръ, Августинъ и Виссаріонъ много потрудились для развитіе въ епархіи миссіонерскихъ становъ для борьбы съ раскольниками, для устройство церковно-приходскихъ школъ, внѣбогослужебныхъ собесѣдованій и т. п. Первые епископы были учениками Кіевской духовной академіи; кромѣ нея болѣе, сравнительно, костромскихъ епископовъ вышли изъ Московской духовной академіи (6), и затѣмъ изъ Петербургской (4). Долѣе всѣхъ на каѳедрѣ оставался (22 г.) епископъ Павелъ Зерновъ. Нѣсколько епископовъ было назначено въ другія епархіи архіепископами, и одинъ Филоѳей умеръ въ 1882 г. кіевскимъ митрополитомъ. Слѣдующіе изъ епископовъ оставили по себѣ ученые труды: Симонъ Тодорскій, Сильвестръ Кулябка, Евгеній Романовъ, Павелъ II Подлипскій, Владиміръ Алявдинъ, Платонъ Ѳиваидскій, Августинъ Гуляницкій и Виссаріонъ Нечаевъ.

Библиотека "Руниверс"

П. Ильинскій. Луховская Тихонова пустынь Костромской губерніи. Историческій очеркъ. Кострома. 1898. — Въ прошломъ году исполнилось 400 лѣтъ существованія находящагося въ 5 верстахъ отъ заштатнаго города Луха третьекласснаго мужскаго монастыря, извѣстнаго болѣе подъ именемъ „Тихоновой пустыни". Хотя послѣдняя всегда была сравнительно незначительною и бѣдною, но тѣмъ не менѣе она сыграла свою историческую роль сначала въ дѣлѣ распространенія грамотности и просвѣщенія, а потомъ въ дѣлѣ мирной борьбы съ раскольниками. Остановившись сперва на жизни св. Тихона, основателя монастыря, авторъ далѣе слѣдитъ шагъ за шагомъ за всею прошлою жизнью обители, и наконецъ подробно, въ VI главѣ, говоритъ о современномъ ея состояніи. Кромѣ печатнаго матеріала авторъ воспользовался и нѣкоторыми рукописными, сохранившимися въ монастырѣ, которые и помѣстилъ въ „Приложеніяхъ". Здѣсь мы находимъ: 1) тарханную грамоту Іоанна IV отъ 20-го іюня 1577 г., которою погорѣвшей пустыни жаловались „всѣ деревни, угодья и почники" изъ вотчины И. Д. Бѣльскаго и село Сокольское и отмѣнялись съ нея казенныя повинности; 2) жалованныя грамоты Ѳедора Іоанновича (1593), Ѳедора Алексѣевича (1681 г.) и царей Іоанна и Петра Алексѣевичей (1684 г.); 3) благословенную грамоту патріарха Іоакима, разрѣшающую построить въ пустынѣ церковь „иждивеніемъ посадскаго человѣка Максима Ѳедорова сына Попова" (1678 г.); 4) челобитную вкладчиковъ и крестьянъ пустыни царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ „о небытіи ей въ приписке къ Воскресенскому монастырю" (1686 — 1690); 5) „повинную старцевъ и крестьянъ пустыни Воскресенскимъ властемъ" (1686 — 1690 г.); 6) опись имущества монастыря (1756 г.), и нѣкоторыя другія. Въ текстѣ помѣщены пять рисунковъ.

Отчетъ Петровскаго общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1896 г., съ приложеніемъ рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ общества. Астрахань. 1898. - Хотя Петровское общество проявило въ отчетномъ году и незначительную научную дѣятельность—имѣло всего шесть засѣданій (два—по историко-этнографической секціи, одно—по естественно-исторической и три общихъ собранія), но успѣшно дѣйствовало по устройству собственныхъ музея и библіотеки. Вполнѣ приведенный въ порядокъ музей привлекъ въ 1896 году до 18.000 посѣтителей и обогатился 500 №№ новыхъ экспонатовъ что, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ и о нѣкоторомъ богатствѣ музея и о возбуждаемомъ имъ интересѣ среди жителей. Послѣ отчетовъ: общаго по дѣятельности общества, о состояніи музея и казначейскаго списка книгъ и брошюръ, поступившихъ въ общество въ 1896 г. и списка его членовъ, въ книгѣ помѣщены слѣдующіе рефераты: 1) Х. Н. Сергѣева, „О Волго-Каспійскомъ каналѣ". Являясь сторонникомъ устройства названнаго канала, референтъ останавливается, главнымъ образомъ, на опредѣленіи расходовъ и убытковъ, которые несутъ товароотправители вслѣдствіе неустройства устьевъ Волги и Каспійскаго поморья и которые простираются ежегодно, по его подсчету, до 3 милл. руб. Сообщеніе это вызвало, помимо мелкихъ замѣчаній, два обширныхъ возраженія,—г. Нефедьева, доказывавшаго, что „убытки" по отношенію къ нефти значительно ниже приводимой референтомъ цифры, и г. Герстфельда, которыя тутъ же и напечатаны, 2) В. Н. Виноградскаго,— „О необхо-

Библиотека "Руниверс"

димости наблюденій надъ почвенною водой и о способѣ осушенія почвы города Астрахани". Здѣсь авторъ указываетъ на то, что подъ построеннымъ нѣкогда на болотѣ городомъ слишкомъ много почвенной воды, на весьма ничтожной глубинѣ отъ поверхности, что вода эта приноситъ значительный вредъ жителямъ и постоянно грозитъ разрушеніемъ постройкамъ, и что, поэтому, крайне необходимо ея удаленіе. Для этой цѣли онъ предлагаетъ во-первыхъ, извѣстное уже средство—насажденіе деревьевъ и растеній, во-вторыхъ, дренажъ и въ-третьихъ, американскія эклипсы, которые считаетъ наиболѣе выгоднымъ и удобнымъ средствомъ, 3) В. В. Дремкова, „Объ условіяхъ подряда ловцовъ въ Астраханскомъ и Красноярскомъ уѣздахъ", 4) В. В. Александрова, „Къ исторіи сношеній Россіи съ Хивою". Статья эта, составленная на основаніи архивныхъ данныхъ, открываетъ передъ читателемъ небезъинтересную картину сношеній нашихъ въ 1761 гг. съ Хивою, пріема хивинскаго посланника Алла-Шукуръ-Бая и вообще отношеній русскаго правительства къ этому ханству; кромѣ того, сообщаетъ нѣкоторые матеріалы и для исторіи торговли на Каспійскомъ морѣ и въ Астрахани съ восточными народами, такъ какъ Алла-Шукуръ-Бай кромѣ офиціальной цѣли — поздравить Русскаго Государя съ восшествіемъ на престолъ—имѣлъ еще порученіе похлопотать объ упорядоченіи торговыхъ сношеній. Наконецъ 5) рефератъ В. Бирюкова, „Участіе астраханскихъ калмыковъ и казаковъ Астраханскаго казачьяго полка въ войнахъ 1807 и 1812—1814 гг.", также составленный по архивнымъ даннымъ—по дѣламъ архива главнаго управленія калмыцкимъ народомъ и дѣламъ войсковаго архива Астраханскаго казачьяго войска, — значительно пополняетъ свѣдѣнія объ этомъ историковъ войнъ Александра I.

Въ теченіе февраля мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги и брошюры:

— *Адамовичъ, В. И.* Встрѣчный искъ. (Къ ученію о зачетѣ). Изслѣдованіе. I. С.-Пб. 1899.

— *Благовидовъ, Ѳ. В.* Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. (Развитіе оберъ-прокурорской власти въ синодальномъ вѣдомствѣ). Опытъ историческаго изслѣдованія. Казань. 1899.

— *Шляпкинъ, И. А.* 1799—1899. Къ біографіи А. С. Пушкина. (Малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя). С.-Пб. 1899.

— Востокъ христіанскій. Александрійская патріархія. Сборникъ матеріаловъ, изслѣдованій и записокъ, относящихся до исторіи Александрійской патріархіи. Томъ I, составленъ архимандритомъ *Порфиріемъ* (*Успенскимъ*). Изданіе Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей *Хр. М. Лопарева*. С.-Пб. 1898.

— *Фортунатовъ, А. Ѳ.* Населеніе и хозяйство Австраліи. (Изъ журнала „Русская Мысль", 1898 г. Отдѣльное изданіе въ пользу недостаточныхъ студентовъ Ново-Александрійскаго института). М. 1898. Цѣна 25 к.

Библиотека "Руниверс"

— Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени. Сборникъ статей, изданный подъ редакціей *В. Н. Сторожева*. Вып. I. (Библіотека для самообразованія. XIII). М. 1898.

— *Лорсцъ*, *Г.* Элементы высшей математики. Основанія аналитической геометріи, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій и ихъ приложеній къ естествознанію. Переводъ съ дополненіями измѣненіями и историческимъ очеркомъ развитія математическаго анализа *В. П. Шереметевскаго*. (То же, XIV). М. 1898.

— *Чичерина*, *Б. К.* О народномъ представительствѣ. (То же, XIX). М. 1898.

— *Майръ*, *Р.* Закономѣрность въ общественной жизни. Теорія статистическаго метода. Статистика народонаселенія. Нравственная статистика. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. Н. Романова*, просмотренный и дополненный *В. Э. Деномъ*, подъ редакціей *А. И. Чупрова*. (То же, XX), М. 1899.

Мэллокъ, *В. Х.* Соціальное равенство. Переводъ съ англійскаго *А. А. Велицына*. (Соціально-политическая библіотека). М. 1899.

— *Алеенко*, *В.* О медоносныхъ растеніяхъ, имѣющихъ сельско-хозяйственное значеніе. С.-Пб. 1899.

— *Бобровниковъ*, *Н. А.* Методика начальнаго преподаванія ариѳметики и сборникъ упражненій въ умственномъ счетѣ. Казань. 1898.

— *Бобровниковъ*, *Н. А.* Что такое хорошій урокъ. Изъ бесѣдъ съ учителями. Казань. 1898.

— Годичный актъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, 8-го февраля 1899 г. С.-Пб. 1899.

— Рѣчь и отчетъ, читанные въ годичномъ собраніи Московскаго сельскохозяйственнаго института 26-го сентября 1898 г. М. 1898.

— Акты, издаваемые Виленскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXV. Инвентари и разграничительные акты. Вильна. 1898.

— Статистика Россійской имперіи. Прибавленіе къ XLIII-му выпуску. Гминные доходы и расходы за 1892—1894 годы въ 10-ти Привислинскихъ губерніяхъ.—То же, XLVI. Урожай 1898 года I. Озимые хлѣба и сѣно. Изданіе Центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. С.-Пб. 1898.

— Искусство и художественная промышленность. Ежемѣсячное иллюстрированное изданіе Императорскаго общества поощренія художества.— Редакторъ *Н. П. Собко*. № 4—5 январь, февраль 1899 г. Содержаніе: Памяти П. М. Третьякова (съ портретомъ, гравированнымъ крѣпкою водкою *Матэ*). *Рерихъ*, *Н. К.* Искусство и археологія. — *Григоровичъ*, *Д. М.* Замѣчательный скульпторъ.—Изъ записной книжки, художника *В. В. Верещагина*.—Строга-

Библиотека "Руниверс"

новское училище техническаго рисованія въ Москвѣ. — *Собко, Н. П.* Императорскій фарфоровый заводъ въ Петербургѣ.—*Жакъ Соррезъ*, Художественное движеніе въ 1898 г. во Франціи, корреспонденція изъ Парижа.—Художественная хроника.—Утраты за 1898 г. (И. И. Шишкинъ, Н. А. Ярошенко, И. И. Ендогуровъ, Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій, Н. Е. Сверчковъ). Некрологи—художниковъ, художницъ, скульпторовъ, архитекторовъ (19-ти лицъ). Разныя извѣстія. Библіографія. Съ 5-ю приложеніями на особыхъ листахъ и множествомъ политипажей въ текстѣ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Систематическій Сборникъ разказовъ—для пересказа и перевода съ русскаго на нѣмецкій. I часть. *Ѳ. К. Андерсона.* Пятое исправленное и дополненное изданіе. С.-Пб. 1898. Стр. 131. Цѣна 50 коп.

Первыя два изданія вышепоименованной книги уже были допущены къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ, въ качествѣ учебнаго пособія при изученіи нѣмецкаго языка.

Нынѣ представленное 5-ое изданіе той же книги значительно отличается отъ прежнихъ изданій: между тѣмъ какъ въ послѣднихъ грамматическій матеріалъ и всѣ относящіяся къ нему статьи были раздѣлены только на 12 группъ, въ 5-мъ изданіи мы находимъ 18 такихъ группъ.

Соотвѣтственно такому увеличенію числа отдѣловъ сборника и число статей для чтенія, пересказа и перевода съ русскаго языка на нѣмецкій и наоборотъ, увеличено до 150 противъ 139 второго изданія.

При такомъ раздѣленіи всего предлагаемаго учебникомъ матеріала авторъ, какъ онъ самъ говоритъ во введеніи къ своему сборнику, имѣлъ въ виду, уменьшить количество грамматическихъ правилъ въ отдѣльныхъ группахъ и такимъ образомъ облегчить усвоеніе ихъ учащимися.

Далѣе, многіе разказы, оказавшіеся въ прежнихъ изданіяхъ слиш-

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

комъ трудными для перевода въ среднихъ классахъ, въ 5-омъ изданіи значительно упрощены тѣмъ, что авторъ тщательно избѣгалъ такихъ русскихъ выраженій, которыя не могутъ быть переведены на нѣмецкій языкъ безъ значительныхъ измѣненій.

Улучшеніемъ новаго изданія въ сравненіи съ прежними нельзя не признать также помѣщеніе въ немъ не малаго числа нѣмецкихъ статей, которыхъ въ предыдущихъ изданіяхъ вовсе не было. Статьи эти, помѣщенныя въ началѣ каждаго отдѣла книги и предназначенныя для чтенія и пересказа, даютъ учащимся возможность предварительно усвоить себѣ въ нѣмецкихъ образцахъ тѣ правила нѣмецкой грамматики, которыя они затѣмъ должны будутъ примѣнять при переводѣ разныхъ статей на нѣмецкій языкъ.

Приложенные къ сборнику словари, какъ постатейный, такъ и алфавитный, ничѣмъ не уступаютъ такимъ же словарямъ прежнихъ изданій.

Типографская сторона книги также довольно удовлетворительна.

1) Leitfaden zur Einführung in die Schaetze der deutschen Dichtkunst. Kurzgefaste Darstellung der Geschichte der poetischen Litteratur der Deutschen nebst einem Anhang: Auswahl deutscher Gedichte. Verfasst und zusammengestellt von *Fr. Jürgenson*. Odessa, 1898. Стран. 131+VI. Цѣна 60 коп. (а вмѣстѣ со „Сборникомъ“ 1 р.).

2) Auswahl deutscher Gedichte herausgegeben als Anhang zum Leitfaden zur Einführung in die Schätze der deutschen Dichtkunst vom Verfasser des Leitfadens *Fr. Jürgenson*. Odessa. 1898. Стран. 154+VI. Цѣна 40 коп.

Первая изъ вышепоименованныхъ книжекъ заключаетъ въ себѣ исторію нѣмецкой *поэзіи*, съ самыхъ ея началъ до нашего времени, раздѣленную авторомъ на восемь періодовъ и изложенную имъ въ двухстахъ параграфахъ. Авторъ, какъ видно изъ заглавія первой изъ представленныхъ имъ книжекъ, обѣщаетъ дать „*краткое* изложеніе“ исторіи нѣмецкой поэзіи, предназначая ее, главнымъ образомъ, для старшихъ двухъ классовъ женскихъ гимназій въ качествѣ учебнаго пособія.

Не отрицая, что данное г-номъ Юргенсономъ изложеніе можетъ быть названо довольно краткимъ въ сравненіи съ большимъ богатствомъ поэтическихъ произведеній нѣмецкой литературы, но тѣмъ не менѣе мы не считаемъ возможнымъ признать составленную имъ книжку *краткимъ* руководствомъ, если принимать во вниманіе, съ одной стороны, то обстоятельство, что она заключаетъ въ себѣ исто-

Библиотека "Руниверс"

рію одной только нѣмецкой *поэзіи*, а не всей столь богатой и образцовой прозою нѣмецкой литературы,—и, съ другой стороны, что число уроковъ, назначенныхъ въ высшихъ классахъ женскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія крайне незначительно, а именно: въ VI — 3, а въ VII — даже только два урока, такъ что и требованія, предъявляемыя ученицамъ этихъ классовъ весьма скромныя, какъ это видно изъ учебныхъ плановъ этихъ заведеній, гдѣ мы читаемъ § 8, п. 1, 2: „Было бы весьма *желательно*, чтобы дѣвицы въ VI и VII классахъ *могли* познакомиться съ *нѣкоторыми* изъ образцовыхъ произведеній французской *или* нѣмецкой литературы.

Къ такимъ соображеніямъ присоединяется еще то обстоятельство, что вся книжка написана на нѣмецкомъ языкѣ, безъ всякаго словаря или какихъ-бы то ни было объясненій или примѣчаній на русскомъ языкѣ, что совершенно противорѣчитъ указаніямъ и требованіямъ учебныхъ плановъ и объяснительныхъ къ нимъ записокъ. При этомъ языкъ, которымъ написана книга, вообще трудный и для русскихъ ученицъ весьма мало доступный, примѣромъ чего могутъ служить §§ 64, 65 и многіе другіе.

Что же теперь касается второй изъ выпущенныхъ г-номъ Юргенсономъ книжекъ „Auswahl deutscher Gedichte“ и т. д., то она, заключая въ себѣ довольно большое число стихотвореній, относящихся къ 8-ми вышеупомянутымъ періодамъ исторіи нѣмецкой поэзіи, приведенныхъ въ историческомъ порядкѣ, служитъ какъ бы иллюстраціей первой книжки, то-есть вышепоименованнаго руководства (Leitfaden) того же автора, какъ послѣдній самъ выражается въ введеніи къ своему труду. Какъ иллюстрація она, можетъ быть, хороша и цѣлесообразна, но какъ самостоятельное учебное пособіе при изученіи нѣмецкаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нашего вѣдомства, книжка эта едва ли можетъ быть признана годною, такъ какъ она рядомъ съ нѣмецкою хрестоматіею оказывается лишнею, а съ другой стороны, хрестоматіи замѣнить собою не можетъ: для этого она предлагаетъ слишкомъ мало матеріала и притомъ только стихотворенія и никакой прозы, что, конечно, неудобно. Сверхъ того и эта вторая книжка (Auswahl deutscher Gedichte) не снабжена ни словаремъ, ни объясненіями, ни примѣчаніями, еще болѣе необходимыми здѣсь, чѣмъ въ вышеназванномъ руководствѣ.

Библиотека "Руниверс"

1) Звуковой натуральный методъ преподаванія иностранныхъ языковъ и его примѣненіе къ англійскому языку. *Л. Ѳ. Чудновской.* Одесса. 1898. Стр. IV+45. Цѣна 50 коп.

2) Англійскіе разказы и стихотворенія. Посвящаются русскимъ дѣтямъ. Собраны *Л. Чудновской.* Пособіе при преподаваніи англійскаго языка по натуральному, звуковому методу въ классѣ и дома. Одесса. 1898. Стр. IV+114. Цѣна 1 руб.

Первая изъ этихъ книгъ представляетъ собою, въ сущности, только предисловіе ко второй—предисловіе столь же длинное, сколько мало обстоятельное и запутанное. Оно съ выгодою могло бы быть замѣнено нѣсколькими толковыми страницами въ началѣ „Англійскихъ разказовъ и стихотвореній".

Г-жа Чудновская признаетъ „общепризнанный" (по ея мнѣнію) способъ преподаванія иностранныхъ языковъ, основанный на заучиваніи грамматическихъ правилъ и на упражненіяхъ въ переводѣ, утомительнымъ и малопроизводительнымъ, и отдаетъ предпочтеніе способу, который называетъ „натуральнымъ, интуитивнымъ", но который собственно давно примѣняется подъ болѣе простымъ именемъ „практическаго", и состоитъ въ усвоеніи языка со слуха, путемъ навыка.

Съ особеннымъ вниманіемъ г-жа Чудновская останавливается на примѣненіи этого способа въ школахъ Берлитца въ Америкѣ.

Берлитцъ съ перваго же урока говоритъ съ учащимися на преподаваемомъ языкѣ. Даже первыя слова заучиваются не съ указаніемъ значенія ихъ на языкѣ отечественномъ, а „наглядным способомъ". Преподаватель указываетъ на таблицахъ изображенія обыденныхъ предметовъ и называетъ ихъ, строго слѣдя за тѣмъ, чтобы учащіеся точно усвоили себѣ звуки чужаго языка. Такъ языкъ „усвояется какъ бы тѣмъ же процессомъ, какимъ ребенокъ научается родному языку", говоритъ Берлитцъ. Затѣмъ, пріучивъ слухъ къ звукамъ чужаго языка, Берлитцъ комбинируетъ фразы, вводитъ учащихся въ разговоры, а читать и писать они начинаютъ только достаточно прислушавшись къ чужой рѣчи. Ученіе по методу Берлитца „должно замѣнить учащемуся пребываніе въ чужой странѣ".

Собственно это тотъ же методъ, который въ русскихъ семьяхъ примѣняютъ бонны француженки, англичанки, нѣмки, не знающія русскаго языка, но онъ болѣе систематизированъ; матеріалъ предлагается не случайно, а въ извѣстной послѣдовательности, болѣе или менѣе удобной для усвоенія.

Библиотека "Руниверс"

Г-жа Чудновская, однако, находитъ, что методъ этотъ слишкомъ исключительно даетъ работу памяти, не развивая мышленія; кромѣ того не можетъ быть примѣненъ въ русской школѣ. Наши преподаватели—видите-ли—слишкомъ привыкли къ задаванію и спрашиванію уроковъ, а „натуральный“ методъ требуетъ классной работы; съ другой стороны и вниманіе нашихъ школьниковъ не дисциплинировано; они—по мнѣнію г-жи Чудновской—пріучены не внимать, а отдыхать въ классѣ; въ классъ они являются больше отдыхать при спрашиваніи отъ утомленія подготовкою уроковъ на дому.

Г-жа Чудновская предлагаетъ вести у насъ преподаваніе по методу Берлитца въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Она, такъ же, какъ и онъ, въ основу курса кладетъ твердое ознакомленіе съ звуками чужаго языка, ведетъ курсъ путемъ практической классной работы, но допускаетъ объясненія на отечественномъ языкѣ. Кромѣ того она предполагаетъ слушателей, уже знакомыхъ съ грамматикой русскаго языка, а, въ большинствѣ случаевъ, и съ языкомъ французскимъ. Этими знаніями она пользуется для нѣсколькихъ указаній на особенности англійской рѣчи уже въ первый годъ преподаванія, и тѣмъ болѣе во второй годъ, когда ознакомляетъ учащихся съ составомъ словъ (префиксами, суффиксами), съ употребленіемъ предлоговъ и т. д. Въ концѣ второго года г-жа Чудновская надѣется довести своихъ учениковъ до свободнаго чтенія произведеній Диккенса, Теккерея, В. Скотта. Полный курсъ, по ея мнѣнію, требуетъ трехлѣтнихъ занятій.

Все это, пожалуй, разумно. Затрудняюсь только понять, что новаго въ этомъ „звуковомъ, нормальномъ“ способѣ, кромѣ названія? Впрочемъ, повторяю, изложеніе г-жи Чудновской такъ туманно и запутано, что, быть можетъ, я не вполнѣ понялъ ее.

Книжка „*Англійскія разказы и стихотворенія*“—пособіе для прохожденія *перваго курса* по методу г-жи Чудновской. Въ немъ методическихъ указаній нѣтъ никакихъ. Учителю предоставляется пользоваться матеріаломъ, какъ онъ знаетъ. Вначалѣ даны правила произношенія звуковъ англійскаго языка и подобрано нѣсколько рядовъ словъ для упражненія въ правильномъ произношеніи. Въ виду значенія, какое г-жа Чудновская придаетъ произношенію, матеріала для такихъ систематическихъ упражненій недостаточно. Онъ, казалось бы, долженъ быть пополненъ. Разказовъ, стихотвореній около шестидесяти. Нѣкоторые изъ нихъ неумѣстны: изъ соображеній педагогическихъ лучше бы выпустить разказъ 7-й (The sleepy boy), а въ особенности

Библиотека "Руниверс"

статьи 55 и 56 (стр. 90, 92), слишкомъ печальныя по содержанію, а также прощальную пѣснь Чайльдъ Гарольда. Видѣть ее очень странно въ небольшой книжкѣ, которая начинается стишками для дѣтей 5—6 лѣтъ, на половину наполнена побасенками и сказочками (вродѣ сказокъ о Красной Шапочкѣ, о Золушкѣ, о бременскихъ музыкантахъ). Вообще трудно сказать—какой возрастъ учащихся г-жа Чудновская имѣла въ виду при составленіи своего пособія.

И. Коростовецъ. Китайцы и ихъ цивилизація. Съ приложеніемъ карты Китая, Японіи и Кореи. Изданіе второе. С.-Пб. 1898. Стран. 625. Цѣна 3 руб. 75 коп.

Сочиненіе состоитъ изъ 28 главъ. Послѣ характеристики расовыхъ особенностей китайцевъ г. Коростовецъ останавливаетъ вниманіе читателей на движеніи населенія и особенно на государственномъ устройствѣ и чиновничествѣ (главы: 5, 7 и 8) и на государственномъ культѣ (главы: 21, 22, 23 и 24); съ нѣкоторыми подробностями излагаются обрабатывающая и добывающая промышленность и въ связи съ ними финансовые порядки (главы: 9, 10, 11, 12 и 15), при чемъ земледѣліе и культура чая занимаютъ отдѣльную главу. Семейная и общественная жизнь китайцевъ, средства образовательныя, ихъ литература, искусства, театръ и музыка также подробно изложены авторомъ (главы: 13, 14, 16, 17 и 19). Не мало мѣста удѣлено въ книгѣ историческому обозрѣнію торговыхъ сношеній европейцевъ съ китайцами, а равно христіанской миссіонерской дѣятельности въ Китаѣ, при чемъ исторія нашей духовной миссіи въ Пекинѣ изложена обстоятельно, начиная съ древнѣйшихъ временъ и оканчивая ея современнымъ состояніемъ. Характернымъ пополненіемъ къ вопросу объ отношеніяхъ европейцевъ къ Китаю служитъ глава 20-я подъ названіемъ „Жизнь европейцевъ въ Пекинѣ“. Заканчивается трудъ г. Коростовца обозрѣніемъ китайско-японской войны и послѣдними событіями въ Кореѣ (гл.: 27—28).

Въ предисловіи г. Коростовецъ говоритъ, что его книга назначается не для синологовъ-спеціалистовъ, а для людей образованныхъ и интеллигентныхъ, или, употребляя его выраженіе, главная цѣль его труда—„просвѣтить профановъ, интересующихся Китаемъ и его судьбами“, и въ виду этого, также по собственнымъ словамъ автора, „на первомъ мѣстѣ поставлены популярность и общедоступность изложенія“. Сверхъ того, въ предисловіи говорится: „Статьи и очерки, изъ которыхъ составилась эта книга, писались понемногу, безъ опре-

Библиотека "Руниверс"

дѣленной программы, по мѣрѣ накопленія впечатлѣній и знакомства съ страною".

Становясь на точку зрѣнія автора, необходимо сказать, что книга достигаетъ своей цѣли; именно въ очеркахъ характерныхъ, хотя и не вездѣ въ одинаковой степени популярно изложенныхъ, г. Коростовецъ сообщаетъ все, что можетъ интересовать читателя даже съ среднимъ образованіемъ, но съ пробужденнымъ интересомъ къ географіи, исторіи и политикѣ. Достоинство труда г. Коростовца, какъ популярнаго, состоитъ еще въ томъ, что главы, составляющія наибольшій интересъ и особенности китайскаго быта, какъ-то: чиновничество, государственные экзамены, Конфуцій и его ученіе, даосизмъ, буддизмъ и ламайство, равно какъ подробности о бытовой сторонѣ китайцевъ, объ архитектурѣ и искусствѣ, повторяемъ, главы обо всѣхъ этихъ предметахъ могутъ быть прочитаны отдѣльно, внѣ связи съ другими. Точно также къ достоинствамъ книги надо отнести и осторожность автора или, точнѣе говоря, стремленіе его держаться средины между противоположными мнѣніями синологовъ о современномъ состояніи Китая; такъ, онъ не считаетъ Китая страною прогрессирующею, какъ думаютъ нѣкоторые изъ нашихъ извѣстныхъ синологовъ, но также и не утверждаетъ, что онъ находится въ упадкѣ политическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ.

Такой же, такъ сказать, средины нашъ авторъ держится и въ разныхъ частныхъ вопросахъ; такъ, напримѣръ, онъ считаетъ, употребимъ его выраженіе, экзажераціею и сентиментализмомъ утвержденіе, будто торговля опіумомъ составляетъ позорное пятно современной цивилизаціи, а равно утвержденіе, будто китайцы вырождаются и умираютъ отъ злоупотребленія имъ. Впрочемъ, въ одномъ пунктѣ г. Коростовецъ вдается въ крайность, именно въ вопросѣ, что Китай можетъ сдѣлаться побѣдителемъ на всемірномъ рынкѣ, такъ какъ онъ обладаетъ наиболѣе дешевымъ трудомъ; но это— крайнее мнѣніе, высказываемое не первымъ г. Коростовцемъ.

Наконецъ, достоинствомъ книги нужно признать то обстоятельство, что авторъ все, о чемъ онъ говоритъ, подкрѣпляетъ всегда данными, ссылками на сочиненія болѣе или менѣе авторитетныя о Китаѣ, а равно на газеты туземныя и на свои личныя наблюденія, которыя, судя по разнымъ хронологическимъ даннымъ, какъ, напримѣръ, о случаяхъ изъ судебной практики, изъ государственныхъ экзаменовъ, имѣютъ видъ новизны и свѣжести.

Судя по источникамъ, на которые указываетъ авторъ въ текстѣ,

Библиотека "Руниверс"

а равно и по списку, приложенному къ концу книги, г. Коростовецъ пользовался, главнымъ образомъ, сочиненіями иностранными и по преимуществу англійскими.

Нельзя сказать, чтобы въ списокъ вошли всѣ наилучшія современныя иностранныя сочиненія о Китаѣ; такъ, напримѣръ, мы не находимъ сочиненій Симона, Леже, которымъ наши знаменитые синологи Васильевъ и Георгіевскій придаютъ большую цѣну; но если и безъ этихъ и подобныхъ сочиненій нашъ авторъ нашелъ возможнымъ однако же сообщить много важныхъ свѣдѣній о Китаѣ, то этого упущенія въ упрекъ ему поставить нельзя. Важнѣе опущеніе нѣкоторыхъ русскихъ сочиненій, какъ-то: Леонтьева, Куропаткина, Лопатина, Барабаша и Венюкова, при помощи которыхъ составитель могъ бы дать не силуэты Манчжуріи, интересующей въ настоящее время всякаго образованнаго русскаго читателя, а болѣе опредѣлительныя свѣдѣнія о характерѣ страны и ея богатствахъ, о народонаселеніи, военныхъ силахъ и о ея торговлѣ съ Россіею — явной и контрабандной.

Къ сочиненію приложена карта весьма четкая, ясная, съ показаніемъ телеграфныхъ линій, существующихъ и проектированныхъ желѣзныхъ дорогъ, караванныхъ пунктовъ, открытыхъ для иностранной торговли, и пунктовъ, гдѣ есть русскія консульства.

Въ нашей популярной литературѣ есть только одна книжка, посвященная спеціально культурѣ Китая, именно „Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа“ А. Столповской; но книжка эта, хотя и толково составленная, особенно по вопросу о религіи китайцевъ, довольно суха и не можетъ много интересовать учащихся. Разсматриваемая книга г. Коростовца, по нашему мнѣнію, болѣе пригодна къ этой цѣли.

„Обозрѣніе Россійской имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами“. Конспективный курсъ VI класса реальныхъ училищъ. Составленъ по учебнымъ планамъ, утвержденнымъ въ 1895 г. Второе переработанное изданіе. *И. Словцова*, директора Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища и дѣйствительнаго члена Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Стр. VI + 97. Москва. 1898. Цѣна 50 коп.

Разсматриваемое изданіе въ отношеніи точности фактовъ, новизны цыфроваго матеріала имѣетъ уже много преимуществъ предъ прежнимъ. Сверхъ того, въ отдѣлы о народонаселеніи и промышленности авторъ ввелъ 11 діаграммъ, полезныхъ въ методическомъ отноше-

Библиотека "Руниверс"

нія, и схематическую карту важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Россіи. Но несмотря на эти улучшенія, учебникъ г. Словцова все-таки остается переполненнымъ такимъ количествомъ географическихъ названій, статистическихъ данныхъ, что, по нашему мнѣнію, справиться съ нимъ при одномъ урокѣ ученикамъ возможно будетъ только при значительныхъ опущеніяхъ. Между тѣмъ въ этомъ отношеніи составитель въ настоящемъ изданіи, подобно предшествующему, не облегчилъ труда преподавателя. Правда, онъ выдѣлилъ изъ текста и помѣстилъ въ приложеніи подъ названіемъ „Статистическаго листка" такія цифровыя данныя, мѣсто которымъ съ перваго взгляда не въ учебникѣ, а въ справочной книгѣ или, какъ говорятъ нѣмцы, въ Taschenbuch. Но и за этимъ ограниченіемъ въ учебникѣ все-таки остается еще много такого матеріала, который можетъ быть предложенъ только для прочтенія, а отнюдь не для заучиванія. Замѣчательно, что такого разграниченія матеріала учебнаго и неучебнаго не сдѣлано даже на страницахъ измѣненныхъ и дополненныхъ, какъ напримѣръ, физическія подробности о Сѣверномъ океанѣ (стр. 7), о берегахъ Чернаго моря (стр. 9), геологическія свѣдѣнія о почвѣ Россіи (стр. 12); или, напримѣръ, свѣдѣнія о значеніи для русской промышленности протекціонной системы, о винокуреніи (стр. 61—63) и т. д.

Дрюммондъ, Генри. Эволюція и прогрессъ человѣка. Переводъ съ англійскаго пр.-доцента Московскаго университета *Н. А. Иванцова*. Москва. 1897 г. 8°, стр. 393. Цѣна 2 р. 50 к.

Эта книга извѣстнаго теолога и натуралиста состоитъ изъ введенія, въ которомъ онъ устанавливаетъ критически свою точку зрѣнія на эволюцію, и изъ 10 главъ, въ коихъ онъ рисуетъ эволюціонный процессъ. Книга написана весьма талантливо, въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ, свойственномъ вообще Генриху Дрюммонду, съ полнымъ знаніемъ соотвѣтственной литературы. Нѣсколько удивило насъ, что въ числѣ авторитетовъ, на коихъ ссылается или о коихъ упоминаетъ Дрюммондъ, мы встрѣтили имена князя Крапоткина и миссъ Бекли. Вообще говоря, введеніе обѣщаетъ болѣе, чѣмъ даетъ самая книга.

Авторъ сначала устанавливаетъ свой взглядъ на эволюцію. „Начало должно истолковывать, исходя изъ конца, не конецъ изъ начала... Эволюція человѣка есть, слѣдовательно, завершеніе и исправленіе всѣхъ другихъ формъ эволюціи. Только съ этой высоты открывается полный видъ, вѣрная перспектива, связный міръ. Вся ошибка

Библиотека "Руниверс"

натурализма состояла въ объясненіи природы съ точки зрѣнія атома въ изученіи механизма, движущаго этотъ великій міръ, просто какъ механизма, забывая, что корабль имѣетъ пассажировъ, а пассажиры капитана, а капитанъ извѣстный курсъ" (стр. 10—11). Эволюцію можно объяснить изъ двухъ факторовъ, соотвѣтствующихъ двумъ функціямъ, отправляемымъ всѣми живыми существами, растеніями и животными — питанія и воспроизведенія; первая составляетъ основу борьбы за жизнь, вторая—основу борьбы за жизнь другихъ. Ходячія эволюціонныя теоріи забываютъ о второмъ факторѣ и въ этомъ заключается ея слабость. „Объясняя ходъ эволюціи научно, съ ея-ли исходной точки въ первоначальной протоплазмѣ или съ собирательнаго пункта ея двухъ великихъ силъ въ соціальномъ организмѣ настоящаго, становится все болѣе и болѣе несомнѣннымъ, что только изъ совмѣстной дѣятельности обоихъ можно составить правильное сужденіе о характерѣ процесса"... „Стезя прогресса и стезя альтруизма одна и та же" (стр. 41). Вотъ интересная и многообѣщающая точка зрѣнія автора. Эта точка зрѣнія отводитъ человѣку, какъ главному носителю и выразителю эволюціи, весьма почетное мѣсто; человѣкъ является сотрудникомъ въ созиданіи природы. „Прошлое природы это—образецъ, какъ могутъ создаваться міры. Есть вѣроятность предполагать, что нѣтъ лучшаго способа ихъ созданія. Если человѣкъ будетъ дѣлать такъ, какъ только онъ можетъ, этого будетъ достаточно. Во всякомъ случаѣ онъ можетъ начать лишь оттуда, гдѣ остановилась природа, и работать съ тѣми орудіями, которыя даны ему въ руки" (стр. 47—48). Если въ природѣ видѣть только борьбу за жизнь, то непремѣнно встрѣтишься съ неизбѣжнымъ затрудненіемъ, то-есть съ невозможностью объяснить нравственность. Человѣческій разумъ приведенъ въ замѣшательство нарушеніемъ закона непрерывности, положеннаго въ основу теоріи эволюціи. „Мы стараемся показать", говоритъ авторъ на стр. 66, „что фондъ альтруистическаго чувства медленно созидался въ расѣ природой или черезъ природу, какъ прямой и неизбѣжный результатъ той борьбы за жизнь другихъ, которая во всѣ времена была условіемъ существованія". Таковы главныя мысли введенія.

Самое изложеніе и доказательство тезисовъ насъ нѣсколько разочаровало. Авторъ тщательно подыскиваетъ факты, говорящіе въ пользу его утвержденія, но нужно сознаться, что дѣлаетъ онъ это иногда нѣсколько односторонне; иногда вмѣсто доказательства приходится довольствоваться простымъ утвержденіемъ. Мы не станемъ

Библиотека "Руниверс"

слѣдить за всѣми фазами развитія эволюціоннаго романа — ибо приходится сознаться, что мы имѣемъ дѣло пока съ фантастичнымъ, можетъ быть правдоподобнымъ разказомъ, но далеко не съ научной теоріей. Въ этомъ разказѣ развязка извѣстна и къ этой развязкѣ приходится сочинять подходящее начало и развитіе. При этомъ, конечно, дѣло не обходится безъ натяжекъ. Остановлюсь лишь на 3-ей главѣ, носящей названіе: „Прекращеніе тѣлеснаго развитія". Автору нужно доказать, что на землѣ никогда не будетъ существа болѣе высокаго, чѣмъ человѣкъ (стр. 113). На доказательство этого положенія, повидимому, мало вѣроятнаго a pріori съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи, авторъ потратилъ много остроумія. Авторъ, напримѣръ, доказываетъ, что развитіе *руки* закончено. „Роковымъ для руки днемъ было открытіе орудій. Отнынѣ все, что обыкновенно дѣлала рука... стало исполняться при помощи внѣшнихъ приспособленій... совершенствуется теперь не рука, а орудіе..." (стр. 117). Это остроумно, но невѣрно: развитіе инструментовъ требуетъ и усовершенствованія самихъ рукъ. Стоитъ припомнить хотя бы музыкальные инструменты. Рояль нынѣшней конструкціи требуетъ гораздо большей ловкости пальцевъ, чѣмъ это было необходимо ранѣе. „Переберите", говоритъ далѣе авторъ, одну за другой функціи животнаго тѣла, и вы увидите, какъ на немъ наложенъ тотъ же перстъ прекращенія развитія" (стр. 118). Очки остановили развитіе глаза. Чувство обонянія у цивилизованнаго человѣка почти совершенно исчезло. Слухъ въ противоположность слуху дикаря притупился. Кожа отъ постояннаго употребленія одеждъ потеряла свою силу въ смыслѣ защиты (стр. 122). Односторонность разсужденій автора здѣсь вполнѣ очевидна. То, что органы чувствъ, благодаря цивилизаціи, теряютъ въ интенсивности, то они выигрываютъ въ экстенсивности. Интенсивность зрѣнія можетъ быть ослабла, но способность различать цвѣта возрасла значительно. Удивительно, какъ авторъ забылъ о цѣлой литературѣ (съ Гладстономъ во главѣ), занятой доказательствомъ того, что распознаваніе красокъ съ теченіемъ времени, въ историческій періодъ жизни людей, значительно возросло. То же самое слѣдуетъ сказать и о слухѣ (стоитъ вспомнить только факты изъ исторіи музыки) и относительно другихъ категорій ощущеній. Такихъ односторонніхъ доказательствъ въ книгѣ можно встрѣтить много, что не мѣшаетъ, однако, книгѣ быть весьма талантливымъ произведеніемъ. Авторъ, какъ истый англичанинъ, утверждаетъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ прослѣдить пути эволюціи, не достигнувъ при вершинѣ

Библиотека "Руниверс"

христіанства, но это, конечно, только красивая фраза, каковыхъ въ книгѣ очень много, ибо весьма невѣроятно, чтобы теорія эволюціи могла бы быть соединенной съ христіанской догматикой, да и самому автору приходится тратить краснорѣчіе на примиреніе того, что по существу заключаетъ противорѣчіе. Авторъ, напримѣръ, утверждаетъ, что „идея имманентнаго Бога, который есть Богъ эволюціи, безконечно выше случайнаго чудотворца, который есть Богъ старой теологіи“ (стр. 379). Если такъ, то зачѣмъ же въ такомъ случаѣ рекомендовать христіанство.

Несмотря на талантливость автора и на интересъ, который возбуждаетъ книга Друммонда, именно эта смѣсь теологіи и натурализма и заставляетъ меня опасаться, что чтеніе ея не принесетъ той пользы, которой можно бы ожидать отъ интереснаго введенія.

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВОПРОСЪ О БОСНІИ И ГЕРЦЕГОВИНѢ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ И ВЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Два года назадъ принцъ Георгій поспѣшилъ было на Критъ, чтобы помочь своимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ сбросить то чужеземное ярмо, нести которое стало окончательно не подъ силу. Но сильные міра сего, великія державы Европы сказали ему „стой!“ и онъ долженъ былъ воротиться съ болью въ сердцѣ и съ разбитыми надеждами. Эта попытка въ то время не прошла для Греціи даромъ, вовлекши ее въ войну, окончившуюся для нея пораженіемъ. Новое бѣдствіе, новыя страданія, поколебавшія на нѣкоторое время даже прочность королевскаго дома!

А теперь тотъ же греческій принцъ, которому прежде сказали „стой“, является правителемъ Крита, какъ mandataire европейскихъ державъ и въ то же время султанъ будетъ его сувереномъ, которому онъ долженъ будетъ оказывать извѣстный hommage.

Принцъ Георгій съ этимъ назначеніемъ получилъ полное удовлетвореніе и долженъ радоваться, что болѣе трехъ сотъ тысячъ грековъ, хотя и различныхъ исповѣданій, но съ преобладаніемъ христіанскаго греко-восточнаго,—наконецъ, никого не тревожа, будутъ наслаждаться миромъ и на свободѣ развивать свое благосостояніе.

Что касается критянъ, то они, конечно, должны благословлять свою судьбу, что управлять ими будетъ ихъ единоплеменникъ и единовѣрецъ. А мы тому даже удивляемся, потому что до сихъ поръ та-

Библиотека "Руниверс"

ками исполнителями опредѣленій высшаго европейскаго ареопага являлись всегда принцы нѣмецкой крови, какъ то было въ Греціи и Болгаріи, а въ старое время въ отдаленныхъ государствахъ Италіи, включительно до Ломбардо-Венеціанскаго королевства; сюда же попала и Далмація съ южнымъ Адріатическимъ приморьемъ. Италія впрочемъ, со временемъ освободилась отъ этой благодати; Далмація же съ южнымъ приморьемъ окончательно вошла въ составъ Австрійской имперіи.

Такое рѣшеніе судьбы Крита мы привѣтствуемъ, какъ нѣчто новое и справедливое, видя въ немъ знакъ уваженія къ національности, вѣрѣ и естественному расположенію страны и признаніе за народомъ права вложить и свое участіе какъ въ рѣшеніе своей судьбы, такъ и въ дальнѣйшее свое устройство.

По этому рѣшенію Критъ сразу становится автономною провинціей; та незначительная часть иностраннаго войска, которая за все время своего пребыванія на немъ истинно служила умиротворенію страны, нейтрализуя вліяніе Турціи, тотчасъ его оставитъ, какъ только водворится правитель и организуется правительство, и затѣмъ не потребуется больше со стороны ни войска, ни чиновниковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что у критянъ и теперь уже есть желаніе соединиться съ родственною имъ Греціей, и въ самой Греціи готовы пойдти навстрѣчу такому стремленію; но въ то же время, получивъ полную автономію и устроившись совершенно по своей волѣ, первымъ нѣтъ причины и повода мѣнять своего положенія, обезпеченнаго и безбѣднаго, на какое бы то ни было другое; и самой Греціи нѣтъ въ томъ надобности, такъ какъ и безъ того ей открытъ путь къ общенію съ Критомъ, матеріальному и духовному; нарушеніе же нейтралитета въ этомъ отношеніи непремѣнно поведетъ къ новымъ осложненіямъ и волненіямъ.

А между тѣмъ выступаетъ на очередь устройство такимъ же образомъ и другихъ провинцій, которыя страдаютъ отъ неурядицъ, переживаемыхъ Европейскою Турціей, еще больше, чѣмъ когда-либо страдалъ Критъ. Этого ждутъ отъ Европы албанцы, сербы, болгары, частью тѣ же греки и куцовлахи, населяющіе Албанію, Македонію, Старую Сербію и частью другія, прилегающія къ нимъ провинціи, раздѣленныя при томъ на различныя вѣроисповѣданія и живущія въ вѣчномъ междоусобіи и антагонизмѣ. Всѣ эти элементы въ настоящее время представляютъ собою вѣчно бурлящую массу, которая сама себя уничтожаетъ, не давая мира и своимъ сосѣдямъ.

Библиотека "Руниверс"

И эти страны, подобно Криту, ожидаютъ отъ Европы благотворнаго умиротворенія и ихъ дѣло стоитъ на очереди. Сознавая неизбѣжность того, сама Турція принимается за какія-то реформы, хотя врядъ ли въ состояніи будетъ провести ихъ какъ слѣдуетъ, безъ участія и настояній Европы.

Но, расширяя такимъ образомъ свою дѣятельность въ смыслѣ умиротворенія народовъ, Европа беретъ на себя нравственную отвѣтственность передъ человѣчествомъ въ томъ, что умиротвореніе это является не однимъ усмиреніемъ волновавшихся элементовъ, а дѣйствительнымъ примиреніемъ ихъ между собою и вообще улучшеніемъ судьбы всего населенія страны. Поэтому она должна оглядываться назадъ на дѣло, уже совершенное, справляться; какъ оно идетъ, а не умывать руки, какъ Пилатъ передъ распятіемъ Христа, предавши страну на милость и немилость исполнителей ея рѣшенія.

Такою страною является Боснія и Герцеговина, переданныя европейскимъ ареопагомъ Австріи для водворенія въ нихъ мира, порядка и народнаго благосостоянія.

И вотъ прошло уже болѣе 20 лѣтъ, какъ Австрія тамъ хозяйничаетъ; времени достаточно, чтобы исполнить возложенную на нее миссію; и теперь пора спросить: что же принесла странѣ австрійская оккупація, которою Европа хотѣла ее облагодѣтельствовать? Объ этомъ мы и поведемъ рѣчь. Но, чтобы понять и оцѣнить современное положеніе, мы должны сказать прежде, что представляли изъ себя эти двѣ провинціи передъ оккупаціей и нѣсколько заглянуть въ ихъ исторію.

I.

Состояніе Боснія и Герцеговины отъ ихъ начала до австрійской оккупаціи.

Намъ нѣтъ надобности излагать всю ихъ фактическую исторію; для нашей цѣли достаточно указать и охарактеризовать главные моменты и то направленіе въ ихъ исторіи, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась жизнь и выработался характеръ народа.

Исторія эта представляетъ настоящій мартирологъ отъ первыхъ шаговъ Боснія на аренѣ исторіи и до послѣдняго, въ наши дни, на нашихъ глазахъ переживаемаго ею момента.

Христіанство, всѣмъ народамъ, во всѣ времена приносившее блага

Библиотека "Руниверс"

просвѣщенія, для нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ имѣло роковое значеніе. Такъ, славяне, занимавшіе сѣверную часть Средней Европы, полабскіе (по р. Лабѣ или Эльбѣ) и прибалтійскіе за ихъ упорство въ язычествѣ подверглись со стороны тогдашнихъ христіанъ-нѣмцевъ чуть не совершенному истребленію, оставивши память о себѣ только въ географическихъ названіяхъ мѣстностей. Принявши же христіанство, они опять подвергались гоненію нѣмецкихъ епископовъ за славянское богослуженіе, переданное имъ славянскими братьями свв. Кириллomъ и Меѳодіемъ. А съ раздѣленіемъ церквей, державшіеся восточнаго исповѣданія подвергались интригамъ Рима, которыя вносили раздоръ и разложеніе въ страну. Кромѣ того, слишкомъ искренніе и глубоко вѣровавшіе, что представители церкви должны быть чисты и незапятнаны никакими плотскими вожделеніями, одни изъ нихъ въ лицѣ своего учителя вѣры Гуса подняли голосъ противъ папы и клира, погрузившихся въ суету міра и предававшихся самой разнузданной порочной жизни; но, опередивъ другіе народы и неподдержанные ими, они подверглись тяжкимъ ударамъ тридцатилѣтней войны, отъ которой въ продолженіи двухъ почти столѣтій не могли подняться. Это были чехи; а два столѣтія прежде нихъ въ такомъ же положеніи оказались сербы въ Боснiи, увлекшись богумильскимъ ученіемъ.

Богумиловъ смѣшиваютъ съ манихеями, павликіянами и другими сектами, въ которыхъ много мрачныхъ мистическихъ вѣрованій Востока; но они были не мистики, а скорѣе раціоналисты, своего рода протестанты, при чемъ на ихъ дѣятельности довольно замѣтно отразились характерныя черты сербской народности, сохранившіяся у сербовъ и понынѣ, между прочимъ и въ ихъ стремленіи слить церковь съ народомъ, такъ сказать—*омірщить* ее.

Помимо религіозной стороны, въ богумильствѣ, какъ и въ гуситствѣ, были элементы соціальные и демократическіе; но во всемъ этомъ они не доходили до крайностей, и потому ихъ ученіе тайно или явно исповѣдывали многіе изъ аристократіи и даже баны, начиная съ Кулина-бана (1168—1204), когда оно стало господствующимъ.

То же самое было и въ Зетѣ; но тамъ очищеніе церкви отъ этой примѣси произведено своимъ же государемъ, съ не малою помощью греческаго духовенства и безъ большихъ насилій и потрясеній, тогда какъ въ Боснію ворвались чуждые народу католическіе прелаты съ цѣлымъ войскомъ своего духовенства. Это были люди, не только чуждые всякой народности, но и враждебные вообще всякой свободѣ

Библиотека "Руниверс"

и свѣту, вѣчно ползающіе у пороговъ знати и капитала, чтобы господствовать надъ темною массой.

Но въ Босніи въ то время у населенія была пробуждена умственная жизнь и темной массы, среди которой можно бы было вербовать слѣпыхъ исполнителей своихъ плановъ, не существовало; а потому римская курія направила на нее своихъ вѣрныхъ слугъ, королей Венгріи, которые частью въ видахъ присоединенія къ своей коронѣ лакомаго куска, а частью изъ пустаго тщеславія и слѣпаго фанатизма, характеризующихъ всю ихъ исторію, готовы были идти всюду, куда прикажетъ Римъ. Соединивъ подъ своимъ знаменемъ, кромѣ полчищъ мадьяръ, хорватовъ и нѣмцевъ, еще множество авантюристовъ изъ различныхъ католическихъ земель, имъ ничего не стоило пройдти Боснію съ огнемъ и мечемъ, обратить въ пепелъ цѣлыя села, избить или разогнать ея населеніе. Но съ удаленіемъ этого войска скрывшіеся въ лѣса и горы мирные жители возвращались на свои пепелища и опустошенныя нивы и снова бороздили и поливали трудовымъ потомъ свою родную землю, недавно политую кровью, и по прежнему прокармливали себя и своихъ голодныхъ господъ.

Римъ, однако, не оставилъ ихъ въ покоѣ и въ концѣ-концовъ принудилъ послѣдняго боснійскаго короля Степана Томаша Остоича не только самого отречься отъ богумиловъ, но и добиться того, что на сеймѣ въ Коньицѣ (1446 г.) издано было противъ нихъ постановленіе, которое ускорило внутреннее разложеніе и окончательное паденіе Босніи. Вслѣдствіе этого постановленія 40.000 лучшихъ ея людей удалились въ Герцеговину и Зету, оставшіеся же были ожесточены, и, конечно, на ихъ помощь не могла расчитывать корона въ борьбѣ съ аристократіей, опиравшеюся на помощь Рима и Венгріи; а впослѣдствіи они отказались защищать землю и противъ турокъ и безъ борьбы приняли магометанство.

Съ тѣхъ же поръ какъ турки водворились на территоріи Босніи, эта несчастная страна никогда не знала мира, служа театромъ войны для турокъ, мадьяръ, хорватовъ и нѣмцевъ. И это длилось цѣлыхъ три столѣтія, въ продолженіи которыхъ то турки распространяли свое господство до Вѣны, то австрійскія войска проникали внутрь Босніи до Зворника, Сараева и вершинъ Врбоса. И, благодаря тому, сколько славныхъ именъ сіяетъ на историческомъ горизонтѣ Венгріи, Хорватіи и Австріи: Іоаннъ Корвинъ, Франджепани, Црини, Орловичи, Кеглевичи, Батіани, Канижи, Людвигъ маркграфъ Баденскій, Евгеній Савойскій, Лаудонъ!..

Библиотека "Руниверс"

Сама же Боснія, подобно своей восточной сестрѣ Сербіи (Бѣлградскій пашалыкъ), была страдалицей, которую одинаково разоряли какъ свои братья хорватскіе баны и сербскіе воеводы, такъ и турецкіе паши и сераскиры. Народъ не зналъ, куда дѣваться: бѣжалъ онъ за р. Саву на австро-венгерскую территорію,—турки проникали туда; возвращался назадъ, — война переносилась на турецкую территорію.

Въ концѣ XVIII вѣка, однако, между Турціей и Австріей устанавливаются мирныя отношенія. Именно, *Систовскимъ* миромъ (1791 г.) между ними поставлены опредѣленныя границы, и съ тѣхъ поръ Турція все болѣе вступаетъ въ интимныя отношенія съ Австріей, напрягая всѣ свои силы противъ Россіи. Не опасаясь болѣе за цѣлость своей территоріи со стороны Австріи, Турція предоставляетъ Боснію самой себѣ и при такой свободѣ, собственно для магометанъ, въ ней усиливается мѣстная аристократія, которая играетъ важную роль въ провинціи, а въ городахъ янычары. Тяжело стало народу отъ своеволія беговъ, капетановъ и янычаръ, противъ которыхъ не было суда, такъ какъ султанскій вали (генералъ-губернаторъ) сидѣлъ въ Травникѣ безъ всякой власти и значенія. Была даже попытка у боснійцкихъ беговъ, подъ предводительствомъ Гусейна-Капитана Градашчевича съ Посавинѣ (1828 г.) совсѣмъ отложиться отъ султана.

Конецъ такому состоянію положилъ Омеръ-паша (съ 1850—1851гг.) и съ того времени Босніей завладѣла османлійская или стамбульская бюрократія.

Сокрушая могущество мѣстной аристократіи и какъ будто ограждая христіанъ вообще отъ магометанъ, а *кметовъ* (обработывавшихъ земли беговъ) отъ ихъ беговъ, Омеръ-паша постарался въ то же время придавить ихъ политически и экономически, установилъ новыя, болѣе тяжелыя дани и пошлины и, отобравъ оружіе, такимъ образомъ лишилъ ихъ послѣдней возможности защищаться, послѣдняго аттрибута свободы, котораго до того не могли не уважать ихъ притѣснители.

Въ началѣ христіане почувствовали себя въ такомъ положеніи, что стали уходить въ Австрію и Сербію, но послѣ положеніе дѣлъ измѣнилось для нихъ къ лучшему.

Со времени такъ называемаго „счастливаго танзимата", проведеннаго тяжелою рукою Омара-паши, совершенно измѣнились внутреннія отношенія въ Босніи. Аристократія, когда то гордая своею независимостью и богатствомъ, присмирѣла; политическая роль ея кончи-

Библиотека "Руниверс"

лась. Съ тѣхъ поръ беги стали скромно проживать на своихъ „чифтликахъ“ (имѣнья), довольствуясь только тѣмъ, что приводилось получать отъ кметовъ по закону. Они уже не были болѣе хозяевами богатой Босніи; всѣми богатствами земли теперь завладѣло стамбульское правительство и его чиновники, которые какъ будто для того и посылались туда, чтобы имѣть возможность обогатиться. Ни одинъ паша не выѣзжалъ изъ Босніи безъ того, чтобы не вывести изъ нея по меньшей мѣрѣ десяти возовъ съ грузомъ серебра, золота и разнаго имущества.

Османъ-паша пріѣхалъ въ Сараево весьма скромно на двухъ экипажахъ: въ одномъ ѣхалъ онъ самъ, въ другомъ—его гаремъ, то-есть немногочисленное семейство; а когда уѣзжалъ изъ Босніи, пробывъ лѣтъ пять, то за нимъ тянулся цѣлый обозъ до 50 телѣгъ съ его имуществомъ. Нѣкогда „гордая Боснія“ (*Босна поножа*) стала золотою.

Удалившись отъ политической дѣятельности и принужденные проживать нажитое прежде, беги стали бѣднѣть. Иные пошли въ чиновники; но большинство, питая въ душѣ безсильную ненависть противъ османлисовъ, устранялись отъ службы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, потерявъ власть и постепенно растрачивая свои средства, они измѣнили прежній надменный тонъ по отношенію къ христіанамъ, стали до нѣкоторой степени жалостливѣе и разумнѣе во всѣхъ своихъ требованіяхъ по отношенію къ своимъ кметамъ: не обирали ихъ до послѣдняго, видя въ томъ свое собственное разореніе; брали ихъ всегда подъ защиту противъ притѣсненій чиновниковъ, а въ нуждѣ оказывали имъ помощь и давали разнаго рода льготы. И вообще магометане стали терпимѣе по отношенію къ христіанамъ.

Таково было состояніе въ общемъ, тогда какъ въ частностяхъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ были, конечно, явленія и обратныя. Но они уже не были такъ повседневны и такъ крупны, какъ въ прежнее время. Подъ вліяніемъ такого общаго состоянія произошло значительное поднятіе гражданскаго уровня и матеріальнаго благосостоянія христіанъ. Города Босніи стали украшаться новыми постройками большихъ церквей и школъ; въ нихъ значительно умножилось число торговцевъ изъ христіанъ; иные, какъ напримѣръ Хаджи-Ристичъ въ Сараевѣ, держали въ своихъ рукахъ всю заграничную торговлю. Нѣкоторыя стали пріобрѣтать земли отъ разоряющихся беговъ и сами дѣлались агами (господами, помѣщиками).

Пріобрѣтеніе это обыкновенно происходило такимъ образомъ: ту-

Библиотека "Руниверс"

рокъ-бегъ или ага постоянно нуждается въ деньгахъ и занимаетъ ихъ у торговца христіанина, закладывая ему то лавку, то ниву, то рощицу лѣса, то два-три двора; а потомъ совершалась уже окончательная продажа заложеннаго съ придачею еще новаго, и тогда дѣлалась общая продажная запись, на что и давалась *танія* (документъ на владѣніе), формально засвидѣтельствованная и утвержденная турецкимъ судомъ. Дѣло шло такъ, что современемъ значительная часть турецкихъ земель должна была перейдти въ руки христіанъ.

Надо замѣтить, что все это были православные сербы, а не католики, которые, не смотря на болѣе защищенное положеніе, такъ какъ имъ помогало сосѣдство Австріи, дружившей съ Турціей, стояли далеко ниже православныхъ, какъ въ экономическомъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ гражданственности. Чтобы убѣдиться въ зажиточности и нѣкоторой свободѣ православныхъ сербовъ, достаточно было видѣть прекрасныя церкви и при нихъ зданія школъ въ Бѣлинѣ, Брчкѣ, Нижней-Туалѣ, не говоря уже о Сараевѣ и Мостарѣ.

И въ этотъ то періодъ, можно сказать, лучшій въ жизни босній-скаго народа съ того времени, какъ имъ завладѣли турки, начинаются періодическія возстанія христіанъ, бросившія Боснію опять на революціонный путь, на которомъ она находилась передъ тѣмъ, съ тою разницею, что тогда было движеніе магометанско-аристократическое, во имя возстановленія чистоты ученія Пророка и противъ всякой попытки сравнять хотя бы и въ малой степени гяуровъ съ правовѣрными, а теперь настало движеніе христіанско-демократическое противъ господства мусульманства и во имя возвращенія правъ, отнятыхъ имъ у христіанства. Движеніе это вызывается уже не крайностью положенія христіанъ, а сознаніемъ своихъ правъ, которое явилось у нихъ именно вслѣдствіе улучшенія ихъ положенія, поднявшаго ихъ матеріальное благосостояніе и умственный уровень. Сознаніе это росло, по мѣрѣ того какъ народъ, входя въ болѣе свободное общеніе съ сосѣдними Австріей и Сербіей, — а торговые люди бывали и въ другихъ странахъ Европы, — знакомился съ лучшими порядками и проникался убѣжденіемъ, что Турціи рано или поздно предстоитъ распаденіе, какъ слѣдствіе ея неспособности усвоить себѣ вполнѣ европейскія формы политической жизни.

Къ этимъ внутреннимъ причинамъ присоединилась политическая агитація извнѣ и главнымъ образомъ со стороны Австріи, которой въ этомъ случаѣ помогало сосѣдство и родственность населенія по ту и другую сторону границы.

Библиотека "Руниверс"

Движеніе это, перешедшее потомъ въ открытое возстаніе (1875—1876 г.), было усилено агентами Австріи и раздуто ея журналистикой; русскіе только подхватили его и сербы также увлеклись имъ, тѣ и другіе безсознательно работая для Австріи. И планы Австріи удались вполнѣ: турецкое господство въ Босніи и Герцеговинѣ прекратилось, а подъ предлогомъ умиротворенія и благоустроенія страны ей же предоставлена временная ея оккупація.

II.

Оккупація; какъ она совершена; какое положеніе заняло австрійское правительство къ различнымъ группамъ населенія и что сдѣлало вообще для страны.

Теперь мы можемъ обратиться къ тому, что сдѣлала Австрія для Босніи и Герцеговины, занявши ихъ, и какъ исполнила возложенный на нее мандатъ, въ чемъ она должна отвѣтить, какъ передъ конгрессомъ, который возложилъ на нее эту миссію, такъ и передъ страной, судьба которой вручена ей для умиротворенія враждовавшихъ когда то между собою различныхъ элементовъ и для благоустройства.

Начала она съ того, что вступила въ страну не съ оливковою вѣтвью, какъ слѣдовало ожидать отъ миротворца, и не церемоніальнымъ маршемъ съ музыкой, какъ то обѣщалъ генералъ Филиповичъ; она вступила съ 70-ти-тысячною арміей всевозможнаго оружія, съ полнымъ комплектомъ артиллеріи и громадными обозами, подкрѣпляемою военною флотиліею на р. Савѣ, составлявшей границу между Турціей и Австріей, и прежде всего стала бомбардировать города и мѣстечки по всей этой линіи. Находясь въ то время въ г. Шабцѣ (въ Сербіи) у границы съ Босніей, мы три дня слышали это бомбардированіе, а послѣ своими глазами видѣли разрушеніе Брчки, лучшаго торговаго города Босніи. Надобно замѣтить, что въ Брчкѣ въ то время не было ни одного жителя; слѣдовательно бомбардировали пустой городъ.

Такое вступленіе заставило жителей бѣжать или отбиваться оружіемъ. Но послѣднее было почти невозможно, такъ какъ народъ не имѣлъ ни оружія, ни боевыхъ снарядовъ; а передъ нимъ стояла цѣлая европейская армія во всеоружіи современнаго военнаго искусства.

При всемъ томъ корпусъ Сапари подъ Тузлой потерпѣлъ пораженіе и занялъ ее, только спустя мѣсяцъ, когда въ его распоряженіе

Библиотека "Руниверс"

дано было 40.000 войска. Сильно пострадала австрійская конница подъ Маглаемъ на пути въ Сараево, и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ было сопротивленіе, безсильное остановить большую армію, но задержавшее его на мѣсяцъ и болѣе. Самое опасное положеніе было Іовановича въ Герцеговинѣ. Но ему помогло то обстоятельство, что князь черногорскій Николай, полагаясь на ручательство державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ, въ томъ, что Боснія и Герцеговина останутся свободными, и не желая подвергать страну новому кровопролитію и разоренію, убѣдилъ 8 герцеговинскихъ баталіоновъ, находившихся въ Черногоріи, возвратиться и положить оружіе. Благодаря этому Іовановичъ занялъ Герцеговину безъ выстрѣла, если не считать незначительнаго столкновенія съ турками кореничами у крѣпости Кнобука.

Первымъ дѣломъ Австріи было устройство дорогъ, которыми прорѣзали Боснію и Герцеговину вдоль и поперекъ, и какими роскошными дорогами! Но онѣ строились народомъ, который сгоняли силой и подъ штыками заставляли работать, не смотря на глубокую осень, когда падалъ уже снѣгъ и дѣлалась непролазная слякоть. Мы своими глазами видѣли эту работу людей, еле державшихся на ногахъ, посинѣлыхъ, отрепанныхъ, и чуть не надъ каждымъ стоялъ солдатъ, отлично закутанный и хорошо, конечно, накормленный. За малѣйшее неповиновеніе солдатъ имѣлъ право убивать и убивалъ; а были случаи, что и рабочій убивалъ солдата.

Тяжкимъ бременемъ ложился на народъ и постой войска, при чемъ дѣлались всевозможныя насилія; а всякое сопротивленіе считалось возмущеніемъ и затѣмъ слѣдовало разореніе того дома, а иногда и цѣлаго села. Были случаи, что солдатъ прокалывалъ штыкомъ дѣвушку, которая защищала отъ него свою *дѣвочну скриню* (сундукъ), въ которой она копила себѣ приданое. Мечети обращены были въ склады провіанта, и что особенно было тяжело туркамъ (то-есть магометанамъ) это то, что въ томъ провіантѣ, какъ нарочно, заключалось и свиное сало.

Своимъ чередомъ шло умиротвореніе края, которое состояло въ томъ, что хватали бунтовщиковъ; набирая ихъ массами, наполняли ими тюрьмы: а иныхъ разстрѣливали или же еще для большаго внушенія страха—вѣшали.

Какъ хорошіе хозяева, австрійцы взяли въ руки всѣ документы, находившіеся въ турецкихъ канцеляріяхъ, и по нимъ стали собирать *десятину*, поземную подать, и ужъ не по турецки, кое какъ, а ак-

Библиотека "Руниверс"

куратно и не дѣлая ни малѣйшаго послабленія. На себя же правительство взяло и сборъ подати въ пользу турокъ землевладѣльцевъ съ ихъ кметовъ христіанъ; при этомъ употреблялись всѣ средства, чтобы поссорить турокъ и сербовъ, что до нѣкоторой степени и достигалось.

Затѣмъ началось гоненіе на православную общину, на ея церковь и школу. Страна наводнилась солдатами, чиновниками и торговцами, которые накинулись на нее, какъ голодная саранча, и стали высасывать свѣжіе соки изъ ея мало разработанной, мѣстами совершенно дѣвственной почвы.

Закипѣла торговля; въ городахъ появились блестящіе магазины, гостинницы съ европейскимъ комфортомъ; улицы мостились, и украшались новыми зданіями и на первыхъ же порахъ мѣстная власть позаботилась открыть дома для ночныхъ развлеченій, различными способами вербуя матеріалъ изъ мѣстныхъ элементовъ.

Народъ недоумѣвалъ, что съ нимъ дѣлается, и въ этомъ недоумѣніи обращался къ европейскимъ дворамъ съ петиціями, посылалъ депутаціи, объясняя свое положеніе и ссылаясь на берлинскій трактатъ, но ни въ комъ не находилъ ни привѣта, ни отвѣта. Тогда онъ возсталъ, и возстаніе это длилось болѣе двухъ лѣтъ съ весны 1881 года до половины 1883 года, да и тогда не совсѣмъ еще улеглось; а мира настоящаго, полнаго, нѣтъ и теперь. Минуло уже 20 лѣтъ со времени оккупаціи, а правящая страною Австрія не находитъ еще возможнымъ снять съ нея военное положеніе. Аграрныя отношенія остаются въ томъ же положеніи, въ какомъ были при туркахъ; только, какъ мы замѣтили выше, они для платящей стороны стали тяжелѣе, потому что всѣ платежи взыскиваются строже и неумолимѣе. Всѣ налоги и пошлины прямые и косвенные неимовѣрно повышены. Правительство Босніи стоитъ слишкомъ дорого и его бюджетъ громаденъ для страны, въ которой нѣтъ своей индустріи, а всѣ естественные источники богатства, какъ лѣса, соль, руды, табакъ и т. д. захватило въ свои руки правительство. Въ добавокъ ко всему введена воинская повинность, которую отбываютъ не дома, а въ Вѣнѣ и Пештѣ, подвергаясь утратѣ того, что всякому народу всего дороже—народности.

Но политическая дѣятельность правительства главнымъ образомъ направлена противъ православной церкви.

Надобно замѣтить, что при туркахъ католиками управляли францисканцы, пришедшіе въ Боснію еще въ XIII вѣкѣ, и рядомъ съ ними

Библиотека "Руниверс"

было немного доминиканъ. Францисканцы скоро почувствовали себя какъ дома и сдѣлались людьми народа, которые понимали свою задачу — охранять паству отъ магометанства и не давать въ обиду туркамъ, при чемъ они дѣйствовали за одно съ православнымъ духовенствомъ. Вслѣдствіе такихъ отношеній между клиромъ и паствой обоихъ исповѣданій не было ни малѣйшаго антагонизма. До послѣдняго времени въ Конищѣ (на южной границѣ Босніи), когда пріѣзжалъ *фратаръ* (францисканскій монахъ), чтобы совершать требы у католиковъ, и разбивалъ походную церковь, въ нее приходили молиться и православные; а въ находящійся неподалеку въ Герцеговинѣ православной монастырь точно также приходили католики. Говорятъ даже, что при этомъ также обоюдно совершались и нѣкоторыя требы. Настоятель францисканскаго монастыря въ Крешевѣ фра-Грго Мартичъ былъ одинаково популяренъ и у сербовъ.

Австрія привела за собою іезуитовъ, которые повели дѣло совсѣмъ иначе. Имъ не только подчинены всѣ католическія духовныя корпораціи, но открыто широкое поле пропаганды и дано право вмѣшиваться въ школы и даже нѣкоторыя церковныя дѣла православныхъ. А чтобы обезсилить православную церковь, постарались какъ можно дальше отдѣлить ее отъ цареградскаго патріархата, съ которымъ теперь связываютъ только малозначащія формальности, а главное— назначеніе ея митрополитовъ—принадлежитъ австрійскому императору; митрополитъ въ свою очередь не можетъ сдѣлать ни одного назначенія въ подвѣдомственномъ ему клирѣ безъ согласія свѣтскаго правительства. Поэтому назначаются исключительно такія личности, которыя прежде всего австрійскіе чиновники и потому не только не радѣютъ о религіозныхъ и національныхъ интересахъ своего народа, а скорѣе дѣйствуютъ противъ нихъ.

Отсюда—распря между митрополитомъ и православною общиной и непризнаніе поставляемыхъ имъ священниковъ. Дѣло дошло до раскола: народъ не идетъ въ церковь и не совершаетъ церковныхъ требъ; хоронятъ иногда безъ священника; митрополитъ становится подъ охрану австрійской полиціи.

Правительству это на-руку; а больше всего торжествуютъ и радуются іезуиты, потому что въ этомъ значительная доля ихъ работы и представляются новые шансы для успѣха ихъ пропаганды. Католики, находясь въ значительномъ меньшинствѣ, прежде держались скромно съ православными, а въ тоже время старались не возбуждать противъ себя и магометанъ и вообще не играли значительной роли.

Библиотека "Руниверс"

Теперь же роли совершенно измѣнились. Называя себя хорватами (прежде это имя совершенно было неизвѣстно ни въ Босніи, ни въ Герцеговинѣ), они относятся къ своимъ согражданамъ и братьямъ сербамъ съ тою же нелюбовью, какая существуетъ (тоже не съ давняго времени) между хорватами и сербами въ Австріи. Магометане всегда относились къ православнымъ съ нѣкоторою сдержанностью и даже съ почтеніемъ, уважая проявляемые ими въ борьбѣ смѣлость и энергію, чего не встрѣчали въ католикахъ, къ которымъ вслѣдствіе этого относились съ пренебреженіемъ, боясь только хитрости ихъ священниковъ, почитаемыхъ ими за какихъ то волшебниковъ и знахарей. Чтобы привлечь противъ сербовъ на сторону католиковъ магометанъ, ихъ также называютъ хорватами. И находятся между ними личности безхарактерныя, прислуживающіяся правительству, въ родѣ бега Капетановича, которыя приняли на себя эту кличку; но большинство, масса народа отъ этого отрекается и скорѣе склоняется къ имени серба, сознавая, что для названія туркомъ нужно быть *османліей*.

Навязывая хорватство не хорватамъ, истинные хорваты исполняютъ роль воловъ, запряженныхъ въ чужой плугъ, и возбуждаютъ антагонизмъ въ своихъ настоящихъ братьяхъ, хотя бы они не носили ихъ имени и были другаго исповѣданія. Служа правительству въ Босніи, не они, однако, пользуются плодами своей работы, а нѣмцы и мадьяры, которые тѣснятъ ихъ вмѣстѣ съ другими словаками въ ихъ собственной родинѣ.

Какъ бы то ни было, а на почву Босніи и Герцеговины перенесена та же борьба народностей и исповѣданій, которая господствуетъ въ Австріи и на которой основано существованіе имперіи Габсбурговъ. Разница, однако, существенная въ томъ, что тамъ эта борьба ведется на конституціонной и вообще на болѣе гражданственной почвѣ; а здѣсь на почвѣ военнаго положенія, подъ сильною военно-полицейскою диктатурой.

Однимъ словомъ австрійская оккупація не только не внесла примиренія разнородныхъ, боровшихся когда то между собою и впослѣдствіи примирившихся элементовъ, а еще болѣе развила эту борьбу, прибавивъ новые, болѣе враждебные другъ другу элементы.

Но есть и другая сторона, которую мы не можемъ не поставить на видъ и которая прежде всего обращаетъ на себя вниманіе путешественниковъ и писателей, это — культурное и экономическое развитіе страны.

Библиотека "Руниверс"

Въ этомъ отношеніи дѣйствительно сдѣлано очень много. Всюду прекрасныя дороги—есть даже желѣзныя, благоустроенные города, съ бьющею въ глаза красивою внѣшностью зданій и торговою дѣятельностью. Множество учрежденій, удовлетворяющихъ и высшей, духовной потребности: школы различныхъ типовъ, библіотеки, музеи; различныя общества съ цѣлями просвѣтительными, религіозными, музыкальными, гигіеническими, есть общества: „Женское", „Самаритинское", „Взаимопомощи", „Покровительства животнымъ" и т. д.

До двадцати, если не болѣе, различныхъ повременныхъ изданій, между которыми есть чисто ученыя, какъ „Вѣстникъ Земскаго музея въ Сараевѣ" и „Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und der Herzegovina" (печатается въ Вѣнѣ на счетъ боснійскаго бюджета); есть иллюстрированныя изданія, какъ „Нада" (надежда) и „Босанска Вила". Стоитъ только побывать въ сараевскомъ музеѣ, чтобы видѣть, сколько сдѣлано для разработки исторіи, этнографіи, археологіи края и для изученія его естественныхъ богатствъ. Вы встрѣчаете здѣсь цѣлый рядъ писателей, посвятившихъ себя изученію края и уже пріобрѣвшихъ заслуженную ученую репутацію, такъ Truhelicka, Hoernes, Hörman, Delitch, Asboth, Strausz, Radimski, и др. Такое учрежденіе съ такими дѣятелями, при томъ очень преданными ему,—сдѣлало бы честь любому государству въ Европѣ.

Само собою разумѣется, что все это содержится на счетъ страны и не окупается, объ чемъ однако можно и не жалѣть, такъ какъ оно дѣйствительно приноситъ пользу странѣ и народу, знакомя его съ его настоящимъ и прошлымъ, показывая ему, какими богатствами обладаетъ его отечество, хотя дѣло и не является совсѣмъ въ чистомъ видѣ вслѣдствіе тенденціозности писателей.

Но больше всего эти учрежденія приносятъ пользу самому правительству, которое поэтому только и не щадитъ на нихъ средствъ. Правительство съ своей стороны ведетъ всему самый точный подсчетъ, который и является въ различныхъ статистическихъ, правительственныхъ изданіяхъ. Большое удобство во всемъ этомъ и для путешественника, желающаго познакомиться со страной и написать о ней. И съ какою предупредительностью къ такимъ путешественникамъ относится правительство, начиная съ высшаго сановника области, г. Калая! Не остаются у него въ долгу и эти путешественники: они въ дифирамбахъ разносятъ имя его по цѣлому свѣту, выставляя въ то же время благодѣтельность австрійской оккупаціи. Одинъ такой путешественникъ французъ (G. Capus), восхваляя неутомимую и

Библиотека "Руниверс"

разностороннюю дѣятельность этого государственнаго дѣятеля, говоритъ, что онъ создалъ новую эру, которая и называется тамъ „ère Kallay“, и что онъ любитъ эти страны, по его (Калая) собственному выраженью, „какъ любятъ дѣтей, которыя больше всего приносятъ вамъ огорченій“.

Путешественнику, прибывшему въ Сараево, нѣтъ надобности трудиться изучать, потому что все подносится ему въ готовомъ видѣ: всевозможныя описанія со статистическими данными, историческими и археологическими справками, съ иллюстраціями. Нѣтъ надобности даже путешествовать по странѣ; развѣ только проѣхаться по желѣзной дорогѣ до Метковичей, крайняго пункта Герцеговины, съ остановкою въ Мостарѣ, чтобы придать своему сочиненію больше аутентичности. Впрочемъ отчего и не проѣхаться? Для того есть всѣ удобства; а по дорогѣ встрѣчаются прелестные виды, очень характерныя мѣстности и оригинальныя поселенья съ еще болѣе оригинальными жителями. Къ услугамъ путешественника всегда найдется какой нибудь путеводитель, иногда даровой и даже непрошенный, или же даются рекомендаціи къ какому нибудь офицеру, доктору или просто мѣстному обывателю, въ которомъ или за которымъ часто скрывается полицейскій надзоръ за путешественникомъ.

III.

Сочиненія о Босніи и Герцеговинѣ за послѣднее время и ихъ критика.

О Босніи и Герцеговинѣ въ послѣднее время такъ много пишется, что все написанное составляетъ цѣлый и большой отдѣлъ литературы, такъ что за всѣмъ трудно и услѣдить. Поэтому мы остановимся только на самыхъ недавнихъ и болѣе важныхъ сочиненіяхъ.

Въ 1896—1897 годахъ вышли три большихъ сочиненія со множествомъ прекрасныхъ иллюстрацій. Авторы ихъ принадлежатъ тремъ великимъ націямъ: изъ нихъ одинъ нѣмецъ (австрійскій) H. Renner, другой — французъ Guillaume Capus и третій—англичанинъ H. C. Thomson. Первый изъ нихъ собственно не путешественникъ; онъ вступилъ въ Боснію, какъ корреспондентъ, вмѣстѣ съ оккупаціонною австрійскою арміей и оставался тамъ долго, даже издавалъ литографированный журналъ (ежедневный) „Bosnische Correspondenz“, который въ то время былъ единственнымъ источникомъ, изъ котораго можно

Библиотека "Руниверс"

было почерпнуть какія нибудь свѣдѣнія о происходившемъ въ оккупированной странѣ. Надобно замѣтить, что, при всемъ его сочувствіи оккупаціи, онъ иногда высказывался противъ слишкомъ грубаго насилія, и въ концѣ концовъ подвергся изгнанію. Но впослѣдствіи произошло примиреніе съ существующими порядками и онъ опять былъ въ Босніи, что и дало ему поводъ написать цѣлое сочиненіе.

На немъ мы не будемъ останавливаться, потому что нѣмецъ не можетъ имѣть другаго взгляда на страну nullius, какъ на территорію для нѣмецкой культуры и колонизаціи, и въ Австріи очень естественно видятъ предшественницу Германіи, пролагающей ей дорогу, а для фактическихъ данныхъ и у него тотъ же указанный выше источникъ, какъ и у другихъ.

Совсѣмъ другое представляетъ собою сочиненіе, вышедшее въ 1898 году на нѣмецкомъ же языкѣ, но совсѣмъ въ другомъ родѣ: оно написано съ большою претензіей на ученость и съ сильною тенденціей доказать право и необходимость оккупаціи Босніи и Герцеговины, какимъ то авторомъ, подписавшимся Dr. Petrinjensis. Ему мы должны будемъ посвятить особенное вниманіе, а пока обращаемся къ двумъ другимъ изъ вышеназванныхъ сочиненій.

1.

Guillaume Capus, docteur des sciences, chargé de mission scientifique par le ministère de l'instruction publique.—A travers la Bosnie et l'Herzégovina. Etudes et impressions de voyage. Paris. Librairie Hachette et C-ie, 1896, in 4°, VIII, 350. Это—роскошное изданіе съ рисунками въ текстѣ и большими картинками на отдѣльныхъ листахъ и съ картою въ 1 : 80.000, очень отчетливо сдѣланною по послѣднимъ съемкамъ австрійскихъ топографовъ. Здѣсь вы найдете географію, исторію, археологію съ подробностями ученаго труда, данныя относительно экономическаго состоянія страны, торговли и естественныхъ богатствъ; описаніе жилищъ и быта народа; свѣдѣнія о земледѣліи и скотоводствѣ, о народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ и т. д. Но все это вы найдете и въ упомянутыхъ выше источникахъ. Какъ компиляція, это сочиненіе имѣетъ большія достоинства, потому что подноситъ публикѣ полное всестороннее и фактически вѣрное описаніе страны, при томъ въ прекрасномъ изложеніи и богато иллюстрированное. Личныя наблюденія автора ограничиваются обычными описаніями пути, ночлеговъ, встрѣчъ и т. п.; не забываетъ онъ по-

Библиотека "Руниверс"

мянуть добрымъ словомъ людей, помогавшихъ ему въ ознакомленіи съ краемъ, восхваляетъ любезность и предупредительность австрійскихъ властей, особенно превозноситъ Каллая, а супругу его изобразилъ на портретѣ.

Политическая сторона также имъ не забыта; она то насъ главнымъ образомъ и занимаетъ, а также его взглядъ на нѣкоторыя стороны народной и общественной жизни.

Свой взглядъ на положеніе Босніи и Герцеговины, онъ устанавливаетъ во введеніи къ своей книгѣ слѣдующими словами: „Австро-Венгрія въ силу берлинскаго трактата сдѣлалась хозяйкою (maîtresse) двухъ провинцій, изстари бывшихъ турецкими, въ которыхъ приблизительно одна треть населенія принадлежитъ исламу. Это, говоря по истинѣ, австро-венгерская колонія, гдѣ она въ нѣкоторомъ отношеніи занимаетъ положеніе, сходное съ положеніемъ Франціи въ Алжирѣ и Тунисѣ“ (стр. 1—2). Далѣе слѣдуетъ подробное изложеніе исторіи вопроса отъ берлинскаго трактата и до разсмотрѣнія его въ парламентѣ и делегаціяхъ Австро-Венгріи.

Не будемъ входить въ разсужденіе, насколько могутъ быть оправданы захваты европейцевъ въ странахъ, считающихся дикими и ничьими, какъ напримѣръ Африка, Австралія и др.; замѣтимъ только, что подобнаго рода захваты съ точки зрѣнія современной науки права не оправдываются и считаются хищничествомъ, хотя на практикѣ они еще совершаются на нашихъ глазахъ. Но никому еще не приходило въ голову приравнивать къ Африкѣ и Европу.

Очевидно, взглядъ этотъ внушенъ автору въ Сараевѣ, а другаго, своего онъ не имѣетъ. Еще курьезнѣе оцѣнка различныхъ этнографическихъ группъ. Вотъ какъ, напримѣръ, характеризуются сербы: „Православные, говорятъ, особенно несклонны къ мускульной работѣ и, подобно армянамъ, евреямъ, левантинцамъ, они предпочитаютъ торговлю и спекулятивную дѣятельность производительной работѣ рукъ и мускульной силы. Они легче достигаютъ богатства, предпочитая его болѣе почетному положенію. Но это отнюдь не особенность, которая находится въ связи съ религіозною схизмой (sic!); можетъ быть, объясненія слѣдуетъ искать въ томъ болѣе глубокомъ презрѣніи, которое они встрѣчали со стороны турокъ, въ отличіе называвшихъ ихъ сербами, а не босняками, такъ какъ доказано, что духъ меркантильной и лукавой спекуляціи легко зарождается у народовъ и отдѣльныхъ личностей, надъ которыми тяготѣетъ общественное недовѣріе и родъ презрѣнія“ (стр. 75—76).

Библиотека "Руниверс"

Кто же это могъ сказать автору такую нелѣпость, будто православный сербъ преимущественно передъ другими имѣетъ отвращеніе къ мускульному труду? Да чѣмъ же, какъ не мускульнымъ трудомъ, добываютъ себѣ пропитаніе 637,246 православныхъ (по свѣдѣнію 1898 г.). И чьими руками православный добываетъ свой хлѣбъ! Ужъ не кормятъ ли его магометане и католики?

Если-бы docteur des sciences сколько нибудь подумалъ, онъ самъ понялъ бы нелѣпость такого утвержденія и тогда ему не привелось бы,—устраняя schisme religieuse, какъ онъ, будучи докторомъ наукъ, называетъ православіе, прибѣгать къ еще болѣе нелѣпымъ объясненіямъ своего открытія. Но авторъ явился жертвою своего, jurare in verba magistri, то-есть того австрійскаго чиновника, который его посвящалъ въ тайны познанія. Не менѣе несообразно и объясненіе, какое даетъ авторъ указанному имъ, и по существу—невѣрному, факту.

На основаніи не того, что „говорятъ", а по близкому знакомству со всѣми этими группами, мы утверждаемъ, что турки Босніи и Герцеговины всегда относились къ православнымъ съ несравненно большимъ уваженіемъ, чѣмъ къ католикамъ, признавая въ первыхъ храбрость и энергію, а вторымъ приписывая лукавство, къ которому они прибѣгаютъ именно вслѣдствіе сознанія своей слабости; и какъ во время оккупаціи, такъ и въ возстаніи 1881—1883 году противъ Австріи турки и сербы были заодно. У турокъ существуетъ даже такое предубѣжденіе, что католика нельзя прямо принять въ свою вѣру, а что для того онъ долженъ прежде перейдти въ православіе, которое должно его, такъ сказать, подготовить и очистить. Къ сожалѣнію, несправедливое отношеніе стоящаго во главѣ управленія католичества къ православію, заставляетъ и православныхъ считать болѣе близкими себѣ магометанъ. Никакого „публичнаго недовѣрія и нѣкотораго презрѣнія", которое бы тяготѣло надъ сербами, не существуетъ; поднимаются же они на высшія общественныя степени не вслѣдствіе какого то особеннаго нерасположенія къ физическому труду, а по тѣмъ общимъ причинамъ, по которымъ къ тому же стремится и все человѣчество, если чувствуетъ въ себѣ необходимыя для того умъ и энергію, которые могутъ проявить себя въ различныхъ сферахъ — въ общественной дѣятельности, въ торговлѣ и въ войнѣ.

Что касается уклоненія отъ мускульнаго труда, иначе черной работы, то въ этомъ турки въ Босніи превосходятъ всѣхъ другихъ, и никто однако не скажетъ, что это происходитъ вслѣдствіе тяготѣющаго надъ ними публичнаго презрѣнія; это является оттого, что они

Библиотека "Руниверс"

господа, а господства добились въ свое время именно умомъ и энергіей, которые тогда потеряла Европа, запутавшись въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, потерявши способность видѣть вещи въ настоящемъ свѣтѣ.

Для сравненія положенія православныхъ и католиковъ мы находимъ очень любопытныя указанія у одного французскаго же писателя, который спеціально занялся изученіемъ религіознаго вопроса въ Босніи и Герцеговинѣ. Это Gabriel Charmes, въ сочиненіи: La Question religieuse en Bosnie et en Herzégovine (*Revue des deux Mondes*. 1-er juin 1885 pp. 619—668). Онъ также превозноситъ Австро-Венгрію за ее политику очень гуманную и тактичную, въ противоположность политикѣ Англіи въ Египтѣ, Франціи въ Тунисѣ и Россіи въ Болгаріи, при чемъ относительно Россіи говоритъ, что: „une ingérence maladroite et parfois brutale dans les affaires intérieures du pays a plutôt diminuer l'immense popularité dont elle jouissait au lendemain de la guerre de la délivrance“ (стр. 619). Далѣе онъ повѣствуетъ и хвалитъ, правительство Босніи за основаніе въ Травникѣ семинаріи подъ управленіемъ іезуитовъ, которые единственно и могли выполнить педагогическую миссію въ духѣ католицизма, а распущеніе съ другой стороны въ Мостарѣ православной церковно-школьной общины, такъ какъ она стала заниматься политикой (стр. 653). Изъ этого видно, что авторъ вовсе нерасположенъ къ православнымъ; а вотъ что онъ далѣе въ исторической части своего сочиненія говоритъ о католикахъ и православныхъ:

„Послѣ паденія Бѣлграда въ 1521 г. говоритъ, онъ,—началась большая эмиграція изъ Босніи; множество кинулось искать убѣжища по ту сторону р. Савы. Французы поддерживали своихъ (то-есть католиковъ). Православные же страдали больше, потому что были вассалами (то-есть кметами) беговъ; они первые подверглись ихъ тираніи (vexations). Болѣе бѣдные, занятые работами въ минахъ или простые поденьщики, католики находили протекцію dans leur médiocrité même (въ ихъ незначительности). Еще больше: папство, особенно при Сикстѣ V, не щадило ничего, чтобы имъ помочь“ (стр. 634). „Слѣдовательно уже въ то время православные, не смотря на полнѣйшее отсутствіе помощи и покровительства съ чьей-бы то ни было стороны, представляли собою силу, съ которою турки считались, тогда какъ католики, пользуясь сильнымъ покровительствомъ могущественной въ то время Франціи и папства, представляли собою médiocrité, которая единственно ихъ и спасала“.

Библиотека "Руниверс"

Къ этому намъ прибавлять нечего. Съ такимъ характеромъ тѣ и другіе оставались до австрійской оккупаціи. Но откуда происходитъ сила однихъ и безсиліе другихъ, это вопросъ, рѣшеніе котораго заключается, можетъ быть, именно въ нихъ бытѣ и культурѣ, въ тѣсной связи съ ихъ отношеніями къ своей церкви, исполнявшей въ то время роль культурную и воспитательную.

Не вдаваясь въ этотъ вопросъ, мы остановимся на одномъ явленіи, которое бросается въ глаза всякому наблюдателю. Сербъ въ своей приходской церкви чувствуетъ и сознаетъ себя хозяиномъ, а на священника смотритъ, какъ на своего ставленника, который, будучи спеціально подготовленъ и посвященъ высшею церковною властью въ священническій санъ, служитъ посредникомъ между прихожанами и церковью. Поэтому въ церкви онъ держится свободно: поетъ, что знаетъ наизустъ, а если хорошо грамотенъ, читаетъ различныя молитвы и даже апостола; ставитъ свѣчки, любитъ звонитъ въ колокола, или бить въ *звечку* (чугунная доска, подвѣшенная на веревкѣ), и всегда готовъ положить свою жизнь за церковь; случалось, что многіе, запершись въ своей церкви, чтобы не дать ее на поруганіе, всѣ въ ней погибали. Совсѣмъ другое въ церкви католической. Тамъ полный хозяинъ священникъ, а прихожанинъ входитъ въ церковь какъ бы по принужденію и съ нѣкоторымъ страхомъ предъ священникомъ. Я видѣлъ, какъ одинъ, опоздавши къ началу службы, сталъ на колѣни за дверьми; а сторожъ за шиворотъ втащилъ его въ церковь, и тамъ священникъ разразился грознымъ поученіемъ тѣмъ, которые прежде обѣгаютъ весь базаръ и только послѣ того идутъ въ церковь.

Съ формальной стороны католическій священникъ поступаетъ совершенно правильно, но нельзя не признать, что это принижаетъ человѣка; и сербъ не позволилъ бы такого обращенія съ собой. Здѣсь можетъ быть два вывода: или таковъ народъ по натурѣ, что съ нимъ можно такъ поступать; или онъ сталъ такимъ, потому что съ нимъ такъ поступаютъ. Мы выставляемъ только фактъ, который лично наблюдали, показывающій приниженность католика; а откуда онъ проистекаетъ—дѣло не наше.

Говоря о различіи въ характерахъ католика и православнаго въ Босніи, отмѣтимъ еще одно явленіе въ народной жизни, которое можетъ быть выражено и статистическими данными.

Англійскій путешественникъ по юго-славянскимъ землямъ, Freeman, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, указывая на то, что въ Босніи ма-

Библиотека "Руниверс"

гометанскіе аги (landlords) очень мало уважали честь женъ и дочерей своихъ подчиненныхъ, прибавляетъ: „Впрочемъ, въ странѣ какъ Боснія, гдѣ нравственность стоитъ на очень низкой ступени, это не можетъ служитъ тяжелымъ обвиненіемъ".

Evans, также путешествовавшій по Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи и дѣйствительно хорошо изучившій эти страны, въ своихъ „Illyrian Letters" возражаетъ Фриману:

„Такое заявленіе о нравственности боснійской райи жестоко несправедливо. Г. Фриманъ безъ сомнѣнія впалъ въ ошибку вслѣдствіе обобщенія съ обществомъ въ Сараевѣ, которое совершенно различно отъ внутреннихъ округовъ. У писателей, хорошо знакомыхъ съ Босніей, какъ Ами-Буэ, Тёммель и Роскевичъ, особенно строгая нравственность боснійской райи, по крайней мѣрѣ принадлежащей православной церкви, составляетъ предметъ особенной похвалы. Къ этому могу добавить, что все, извѣстное мнѣ лично о Босніи, и что я могъ узнать отъ резидентовъ въ странѣ, которые знаютъ ее гораздо лучше, чѣмъ я, свидѣтельствуетъ о чистотѣ ихъ семейной жизни".

H. C. Thomson, останавливаясь на томъ же вопросѣ, постарался добыть отъ правительства Босніи статистическія данныя относительно незаконнорожденныхъ дѣтей въ Босніи и Герцеговинѣ за 10 лѣтъ (1885—1895) [1]).

Воспользуемся и мы его табличкой, но для краткости ограничимся только тремя годами.

Рожденіе дѣтей.

ГОДЫ.	Магометанъ.		Православныхъ.		Католическихъ.	
	Закон.	Незакон.	Закон.	Незакон.	Закон.	Незакон.
1886	14.854	7	23.452	88	12.273	57
1890	16.042	9	24.427	106	12.641	98
1895	18.296	10	27.394	196	14.451	178

Приходится на общее число рожденій—незаконныхъ рожденій:

въ 1886 г. у магом. 1 на 2.970;—правосл. на—266;—катол. на 127.
„ 1895 „ — 1.829; 140; 81.

[1]) Сочиненіе его мы указываемъ ниже.

Библиотека "Руниверс"

Жаль, что не имѣется данныхъ за турецкое время, когда число незаконнорожденныхъ, безъ всякаго сомнѣнія, было весьма незначительно: подъ австрійскимъ господствомъ оно, очевидно, прогрессируетъ.

И здѣсь главную роль, конечно, играютъ города, въ особенности Сараево. Намъ говорили сараевскіе жители, что у нихъ нравственность пошатнулась только въ послѣдніе годы турецкаго господства, когда губернаторомъ былъ Костакъ-паша, христіанинъ по вѣрѣ (кажется, грекъ), но по духу испорченный турокъ, который, какъ христіанинъ, устраивалъ вечеринки и балы, привлекая на нихъ мужей съ женами и дочерьми, и самъ посѣщалъ христіанскіе дома, и тѣмъ пользовался для разврата.

Найдя такимъ образомъ въ Сараевѣ почву, уже нѣсколько подготовленную, австрійцы постарались такіе нравы развить и привить внутри страны, гдѣ ея не было. Тотчасъ послѣ оккупаціи въ Сараевѣ мы слышали жалобы на ужасныя вольности, которыя позволяли себѣ офицеры и чиновники въ обращеніи съ женщинами; это можно было наблюдать не въ какихъ нибудь укромныхъ уголкахъ, а прямо на улицѣ. Когда же открыли въ Сараевѣ спеціальное заведеніе для разврата, то случился такой курьезъ: одна турчанка пришла въ полицію жаловаться, что не записали ея дочь, которая не хуже другихъ; она думала, несчастная, что это приготовляется гаремъ для какого то великаго паши. Въ такихъ привлекательныхъ краскахъ представляла свое заведеніе австрійская полиція!

Въ первые годы въ Сараевѣ болѣе видные граждане изъ православныхъ не водили своихъ женъ и дочерей на балы и ни на какія увеселенія, которыя устраивались австрійцами, хотя бы при участіи ихъ собственныхъ женъ и дочерей, а также и принимали ихъ у себя въ домѣ не иначе, какъ удаливши изъ пріемной комнаты свое семейство. За это ихъ осуждали, какъ варваровъ и фанатиковъ, державшихъ въ заперти женщинъ; но это было единственнымъ средствомъ противъ вторженія разврата въ семью. Впослѣдствіи отношенія въ Сараевѣ измѣнились; но въ Мостарѣ православные держатся этого до сихъ поръ; за то имъ и приходится круто!

Возвращаясь къ табличкѣ и обращая вниманіе на бо́льшее прогрессированіе незаконнорожденныхъ у католиковъ, чѣмъ у православныхъ, мы опять останавливаемся на причинахъ такого явленія; а такъ какъ вся предшествовавшая жизнь тѣхъ и другихъ, выработавшая эти различія въ ихъ характерахъ, складывалась подъ непосред-

Библиотека "Руниверс"

ственнымъ руководствомъ ихъ священниковъ, бывшихъ въ то же время ихъ единственными учителями и воспитателями, то мы такое явленіе не можемъ приписать ничему другому, какъ вліянію тѣхъ же самыхъ ихъ руководителей.

Поэтому г. G. Capus напрасно старается принизить православныхъ тѣмъ, что они вслѣдствіе своего нерасположенія къ физическому труду стремятся къ обогащенію съ помощію торговли; это напротивъ возвышаетъ ихъ, показывая ихъ, силу и энергію, чего не достаетъ католикамъ; а въ нравственномъ отношеніи они также стоятъ выше послѣднихъ.

Къ сожалѣнію подъ австрійскимъ господствомъ православные оказываются въ худшемъ положеніи, чѣмъ были при туркахъ, и безнравственность прогрессируетъ и у нихъ. хотя значительно меньше, чѣмъ у католиковъ.

Заслуживаетъ сожалѣнія то, что люди, которые берутся писать о Босніи и Герцеговинѣ, смотрятъ на все глазами австрійскаго правительства и, увлекаясь внѣшнею стороною культурности страны, не замѣчаютъ, что народъ въ массѣ остается внѣ этихъ культурныхъ успѣховъ и положеніе его, какъ матеріальное, такъ и моральное ухудшается, а пользуются всѣмъ только элементы чуждые странѣ; другими словами: Австрія живетъ на счетъ Босніи и Герцеговины, третируя ихъ населеніе не лучше, чѣмъ турки райю, особенно православныхъ. Она держится тамъ насильственно посредствомъ войска и массы чиновниковъ, которыхъ въ 1886 г. было 1.586 или 1 на 842 души; но въ томъ числѣ не сосчитаны жандармы и воинскіе чины, которые разсыпаны по всей странѣ, даже въ самыхъ маленькихъ селахъ; а сколько войска по всѣмъ городамъ, въ крѣпостяхъ, укрѣпленныхъ казармахъ и блокгаузахъ, которыми оцѣплена вся черногорская граница! Кромѣ того 2.271 священникъ и 498 учителей; монастырей православныхъ — 13, католическихъ — 31 и магометанскихъ—15; школъ 760 магометанскихъ, 59 православныхъ, 27 католическихъ, 13 еврейскихъ, казенныхъ и коммунальныхъ—67. И все это содержится на счетъ страны, на счетъ народа, которой самъ находится въ жалкомъ состояніи.

Такъ было 12 лѣтъ назадъ; а съ тѣхъ поръ все это еще увеличилось.

Впрочемъ, просвѣщенный путешественникъ, извѣстный экономистъ M. Émile de Laveley въ своемъ сочиненіи: En deçà et au delà du Danube (*Revue des Deux Mondes*, 1885, іюнь, августъ и сентябрь),

Библиотека "Руниверс"

обративъ на это вниманіе, дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Число чиновниковъ очень умножилось, и это необходимо (c'est une nécessité). Они представляютъ собою цивилизацію, такъ какъ здѣсь именно (но не въ его отечествѣ?) на нихъ можно смотрѣть, какъ на орудіе прогресса“ (15 sept. p. 321).

2.

H. C. Thomson—The outgoing Turk.—Impressions of a journey through the western Balkans. London (William Heinemann), 1897, in 8°, XXI, 281, съ 76-ю иллюстраціями по фотографіямъ, сдѣланнымъ авторомъ и другими, и съ тремя картами.

Англичанинъ Thomson, путешествуя по Босніи, также пользовался услугами австрійцевъ; но это не помѣшало ему сохранить на все свой собственный взглядъ. Дѣлаетъ, однако, и онъ ошибки, поддаваясь фактамъ, неправильно освѣщеннымъ другими.

Такъ онъ говоритъ, что правительство склонило турокъ землевладѣльцевъ на плату отъ ихъ кметовъ десятины, вмѣсто прежней третины (стр. 40). Въ этомъ онъ смѣшиваетъ двѣ различныя вещи: десятина взималась въ пользу казны еще при туркахъ; она взимается казною и теперь. А между землевладѣльцами и кметами устанавливалась плата по уговору, при чемъ третина была высшая плата, а то платили четвертую, пятую, и даже осьмую часть и съ этого на практикѣ часто дѣлались скидки. Австрійское же правительство ради однообразія установило всюду третину, чѣмъ, само собою разумѣется, оказало большую услугу владѣльцамъ туркамъ, но еще большую несправедливость, которую при этомъ ничѣмъ нельзя оправдать ихъ кметамъ, христіанамъ. И далѣе авторъ ставитъ въ большую заслугу правительству то, что число кметовъ, владѣющихъ землею, съ 117.000 въ 1885 г. возросло въ послѣднее время до 200.000 (тамъ же).

Мы уже указывали, какимъ образомъ еще во время господства турокъ турецкія земли переходили во владѣніе христіанъ торговцевъ; но эти самые торговцы потомъ уступали земли кметамъ; бывали случаи, что сами турки уступали кметамъ часть своей земли, и этотъ процессъ перехода земли отъ турокъ къ христіанамъ облегчился и ускорился съ прекращеніемъ господства турокъ, за которымъ послѣдовало массовое выселеніе ихъ изъ Босніи. Поэтому оказалось множество земель, которыя можно было пріобрѣтать за безцѣнокъ; а поселяне босній-скіе вовсе не были такими бѣдняками, какими казались по одеждѣ

Библиотека "Руниверс"

и по грязной, можно сказать, убогой обстановкѣ ихъ жизни. Они должны были такими казаться, потому, что турокъ отнималъ у него все, что ему кидалось въ глаза, новый поясъ, расшитый кисетъ и т. п.; а въ сущности каждый домохозяинъ имѣлъ у себя скрытую кубышку съ золотыми, которые они и стали вынимать, когда удалились турки; бывало, что иной, потерявши 40 штукъ скота, тотчасъ же снова купилъ столько же, не прибѣгая къ займу. Нѣкоторыя земли съ удаленіемъ турокъ попали въ руки правительства, которое часть оставило за собою и изъ нея награждало *чифтликами* (помѣстьями) чиновниковъ и другихъ нужныхъ ему людей, напримѣръ, эмигрантовъ изъ Черногоріи, а часть уступило поселянамъ не даромъ, конечно, а на обоюдно выгодныхъ условіяхъ.

Иностранцу путешественнику, конечно, трудно все это понять; у него нѣтъ средствъ правильно оцѣнить факты, сообщаемые ему въ извѣстномъ освѣщеніи. Иногда вслѣдствіе этого онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Такъ г. Томсенъ вѣритъ, что Австріею выполненъ мандатъ, которымъ ей поручено управленіе Босніей и Герцеговиной относительно неприкосновенности жизни, имущества и правъ состоянія населенія, и потому говоритъ: „Она установила правительство и порядокъ на мѣсто анархіи и хаоса, и подъ ея правленіемъ всѣ расы и всѣ религіи не только терпимы, но и покровительствуемы. Сама по себѣ католическая держава, и ревностно (ardently) католическая, она не сдѣлала ни одного покушенія ни на турокъ, ни на православныхъ въ пользу католиковъ“ и т. д. (стр. VII—VIII).

А между тѣмъ изъ дальнѣйшаго изложенія мы узнаемъ, что всюду господствуетъ борьба между элементами, различными по вѣрѣ и народности, которую правительство само поддерживаетъ, и въ сущности служитъ исключительно католикамъ, а православнымъ нельзя ждать ничего для себя хорошаго.

Такой разладъ автора съ самимъ собою объясняется предвзятою, нескрываемою имъ политическою идеей, что однако не мѣшаетъ ему высказать много интереснаго и истиннаго, заслуживающаго, чтобы познакомиться ближе съ его взглядами.

Между прочимъ о магометанахъ онъ пишетъ: „Боснійскіе магометане не говорятъ по турецки и большая часть ихъ не понимаетъ турецкаго языка, а только знаетъ извѣстное число турецкихъ словъ, которыя внесены были османлійскими чиновниками. Я называю ихъ языкъ „славянскимъ“ (Slavonic), такъ какъ это названіе

Библиотека "Руниверс"

относится ко всему населенію Боснін, которое въ дѣйствительности говоритъ однимъ языкомъ. Австрійцы же, въ надеждѣ слить эти разнородные славянскіе элементы въ одну націю, ввели въ употребленіе слово „боснійскій" для народа и языка" (стр. 118). Но авторъ пропустилъ сказать, что тамъ же очень распространено вмѣсто того и другаго слово „сербскій", которое со стороны правительства положительно подвергается запрещенію и гоненію. Онъ не вѣритъ, однако, въ возможность осуществленія австрійскихъ надеждъ вслѣдствіе сильнаго антагонизма между православными и католиками, и далѣе распространяется объ этомъ антагонизмѣ, указывая, на чемъ онъ основанъ (стр. 119—121).

Возражая Эвансу, который говорилъ, что будущность этихъ странъ въ рукахъ православныхъ сербовъ, а не католиковъ хорватовъ, и въ то же время прямо не опровергая этого, онъ поясняетъ дѣло такою фразой: „Но „Illyrian Letters" были написаны почти 20 лѣтъ назадъ и оккупація совершила большую перемѣну" (стр. 100), то-есть, Австрія убила сербовъ.

Цитируя документъ, въ которомъ говорится, будто императоръ Александръ II соглашался на присвоеніе Австріею Боснін и части Герцеговины, онъ дѣлаетъ такое заключеніе: „Какъ бы хорошо и гуманно ни было австрійское правительство, оно никогда не можетъ быть признано хорошимъ (acceptable) для сербскаго населенія единственно вслѣдствіе вѣры, такъ какъ оно католическое, а сербы православные. Католическая Австрія не можетъ внушить православнымъ сербамъ чувства вѣрности ей (loyalty), какъ православная Россія не можетъ достигнуть того же въ католической Польшѣ" (стр. 102).

„Православные—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—слишкомъ недовѣрчиво относятся ко всякому вмѣшательству въ ихъ церковныя дѣла, и жестоко оскорблены послѣднимъ распоряженіемъ, по которому правительственный чиновникъ долженъ присутствовать на всякомъ церковномъ собраніи. Они въ этомъ видятъ попытку секуляризировать ихъ церковь, и этого было достаточно, чтобы возбудить большое недовольство (еще бы!). Греки на Критѣ точно также очень чувствительны ко вмѣшательству въ ихъ церковныя дѣла. Религіозный вопросъ проявляетъ себя вездѣ и дѣлаетъ совершенно невозможнымъ, чтобы оккупація государства неправославнаго была когда-либо, хорошо принята (acceptable) православнымъ населеніемъ" (X).

Не нужно, конечно, и прибѣгать къ оккупаціи такого рода; но

Библиотека "Руниверс"

Австрія и не думаетъ о томъ, чтобы быть одинаково хорошею для сербовъ, какъ для католиковъ; а магометанамъ даетъ нѣкоторое удовлетвореніе, чтобы только имѣть ихъ на своей сторонѣ противъ сербовъ. „Ихъ (турокъ)—продолжаетъ Томсенъ—600.000 и сербовъ приблизительно столько же; тогда какъ хорватовъ-католиковъ только 350.000 и потому они въ сравненіи съ первыми представляютъ собою ничтожную величину. Сербы естественно склоняются къ своимъ единоплеменникамъ въ Сербіи и Черногоріи, и Австрія, возбуждая противъ нихъ турокъ, управляетъ совершенно такъ, какъ мы управляемъ въ Индіи посредствомъ антагонизма между мусульманами и индусами" (стр. 122).

Такимъ образомъ онъ въ довольно невыгодномъ свѣтѣ выставляетъ политику Австріи, находя, однако, оправданіе ей въ подобной же политикѣ его отечества.

Съ такою же беззастѣнчивостью онъ открываетъ, что Германія и Англія заранѣе уже договорились относительно занятія Австріею Босніи и Герцеговины, чтобы положить предѣлъ вліянію въ тѣхъ краяхъ Россіи, что потомъ санкціонировалъ берлинскій конгресъ; и такимъ образомъ Боснія, служившая оплотомъ Турціи противъ Австріи, обратилась въ австрійскую твердыню, въ которой для охраненія границъ со стороны Сербіи, Черногоріи и Турціи ей достаточно гарнизона въ 22.000 солдатъ и 2.500 военнополицейскихъ (стр. 234—235).

Не смотря на проведеніе въ политикѣ такихъ односторонне эгоистическихъ принциповъ, сочиненіе г. Томсена представляетъ много интереснаго и оригинальнаго.

Онъ очень хорошо понимаетъ и характеризуетъ дѣйствія хорватовъ въ Босніи. Имѣя своихъ приверженцевъ въ западной ея части, смежной съ Далмаціей, а также вообще между католиками, они, не смотря на свое громадное меньшинство, мечтаютъ присоединить къ себѣ всю Боснію и тогда, создавъ великую хорватскую державу, стать въ независимое положеніе по отношенію къ Венгріи. Томсенъ, видимо, этому сочувствуетъ и для Австріи выставляетъ на видъ то, что хорваты всегда были ей вѣрны, и помогши имъ, она станетъ на болѣе прочную почву въ борьбѣ съ мадьярами (стр. 101—102).

Много останавливается онъ на сербской *задругѣ*, правильно оцѣнивая ея экономическое значеніе и потому съ сожалѣніемъ относясь къ ея разложенію подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни.

Будучи другомъ Австріи и слѣдовательно непріятелемъ славянъ, Томсенъ высказываетъ мысль, что Бокка-Катарская (Bocche

Библиотека "Руниверс"

di Cattaro) по своему естественному положенію должна принадлежать Черногоріи, у которой ее отняли вслѣдствіе „наслѣдственной дружбы ея съ Россіей“, но что это было со стороны Англіи политическою ошибкой (стр. 198).

Онъ, однако, не останавливается исключительно на Боснiи и Герцеговинѣ и трактуетъ ихъ въ связи со всѣми землями Балканскаго полуострова въ виду приближающагося прекращенія турецкаго господства въ Европѣ. При этомъ онъ объясняетъ перемѣну ролей Россіи и Англіи по отношенію къ Турціи; и вообще его сильно занимаетъ участіе и роль Россіи на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Много говоритъ онъ объ Албаніи и Македоніи, вопросъ о которыхъ стоитъ на очереди. А въ заключеніе пять послѣднихъ главъ (XVI—XX) посвящаетъ изложенію своего политическаго взгляда на всѣ вопросы, существующіе и имѣющіе возникнуть на Балканскомъ полуостровѣ (стр. 207—277).

Со многимъ, конечно, можно не соглашаться, особенно въ конечныхъ результатахъ, къ которымъ автору желательно придти, но нельзя не признать, что онъ отлично знакомъ съ общимъ положеніемъ дѣлъ; и потому съ его мнѣніями нужно считаться, тѣмъ болѣе, что онъ является выразителемъ мнѣній, господствующихъ въ Англіи; и какъ политическому другу Австріи, о которой онъ утверждаетъ, что она въ Боснiи установила миръ и порядокъ и, будучи сама католическаго исповѣданія, ничего не дѣлаетъ въ пользу католиковъ на счетъ другихъ исповѣданій, предложимъ статистическія данныя, извѣстныя, конечно, и ему, въ которыхъ самымъ точнымъ образомъ характеризуется вся дѣятельность Австріи.

Австріи поручены Боснія и Герцеговина, конечно, не для эксплуатаціи ихъ богатствъ и развитія высшей культуры, а для умиротворенія страны, для примиренія постоянно враждовавшихъ между собою различныхъ по вѣрѣ элементовъ населенія, для установленія порядка на основаніи справедливости и одинаковости отношеній передъ властью и правительствомъ всѣхъ безъ различія исповѣданій, чего не могло выполнить магометанское турецкое правительство.

Поэтому намъ нѣтъ никакого дѣла до той высокой культуры, которую Австрія насадила въ оккупированныхъ ею провинціяхъ; а прежде всего обратимся къ тому живому элементу, ради котораго и существуютъ всѣ правительства, къ населенію, благосостояніе котораго прежде всего выражается въ его прибыли.

Для этого мы представимъ нѣсколько табличекъ.

Библиотека "Руниверс"

Населеніе Боснія и Герцеговины по отдѣльности до послѣдней войны 1875—1878 гг. (по соч. G. Thoemmal. Beschreibung des Vilaiet Bosnien и т. д. Wien. 1867 г.).

	Магометанъ.	Православныхъ.	Католиковъ.	Евреевъ.	Цыганъ.	Всего.
Босния .	325.020	390.460	136.287	2.145	7.890	861.802
Герцеговина	56.000	101.448	49.217	65	1.340	207.970
	381.020	491.908	185.504	2.210	9.230	1.069.772
	Процентное отношеніе.					
Босния .	37	42,52	15,81	0,24	0,91	
Герцеговина .	27,32	48,70	2,36	0,03	0,64	
Общее	35,60	45,98	17,34	0,27	0,86	

За слѣдующіе годы по австрійской официальной статистикѣ для Босніи и Герцеговины вмѣстѣ.

ГОДЫ.	Магометанъ.	Православныхъ.	Католиковъ.	Евреевъ.	Протест. и назарянъ.	Всего.
1879 .	448.613	496.761	209.391	3.420	—	1.158.453
1885 .	492.700	571.250	265.788	5.729	630	1.336.097
1895 .	548.632	673.246	334.142	8.212	3.859	1.568.092
Прибыль за 10 лѣтъ	55.932	101.996	68.354	2.484	3.220	231.995
	Процентное отношеніе.					
1879 .	38	42	18,16	0,29	—	
1885 .	36,87	42,75	19,89	0,42	0,04	
1895 .	34,98	42,29	21,30	0,53	0,24	
	Сараево.					
При туркахъ .	31.200	6.000	200	1.600	цыганъ 1.000 разныхъ 517	40.000
1885 .	15.786	4.431	3.326	2.619		26.268
1895 .	17.074	5.855	10.473	3.994	—	37.713
	Процентное отношеніе.					
1885 . .	60	16,49	12,66	0,98		
1895 .	45,33	15.33	27,68	10,58		

Библиотека "Руниверс"

Время турецкаго и австрійскаго господства представляютъ совершенно обратныя явленія: въ первомъ — громадное преобладаніе населенія православныхъ и магометанъ; а католиковъ было вдвое меньше, чѣмъ православныхъ. Подсчетъ, сдѣланный во время австрійскаго господства въ 1879 году, мало измѣняетъ эту пропорцію, только въ процентномъ отношеніи у православныхъ произошло уменьшеніе почти съ 46% на 42%, что можно объяснить войною, въ которой ихъ больше другихъ погибло и выселилось. За десятилѣтній же періодъ австрійскаго господства съ 1885 по 1895 годъ замѣчается большой упадокъ въ магометанахъ, а затѣмъ въ православныхъ; у католиковъ же и евреевъ особенно сильное возрастаніе. Еще рѣзче это можно видѣть въ Сараевѣ; нѣчто подобное происходитъ, безъ сомнѣнія, и въ другихъ городахъ, вслѣдствіе наплыва торговцевъ, промышленниковъ и чиновниковъ, изъ которыхъ многіе прибываютъ съ семействами; всѣ они за малыми исключеніями, католики. Совершенно новый элементъ составляютъ протестанты и назареяне.

Увеличиваются пришлыми элементами не одни города, но и села. Въ 1885 году было пришлецовъ 17.400, въ числѣ которыхъ 15.273 было изъ Австро-Венгріи, а остальные 2.127 изъ Германіи. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ относительно 1895 года, когда число ихъ должно, по крайней мѣрѣ, удвоиться, такъ какъ съ 80-хъ годовъ только началось ихъ заселеніе. Всѣ эти колонисты поселяются на лучшихъ земляхъ, въ такъ называемой Посавинѣ (по долинѣ рѣки Савы) и другихъ подобныхъ долинахъ.

Итакъ первый результатъ австрійской оккупаціи составляетъ ослабленіе магометанъ и православныхъ, и усиленіе, *на ихъ счетъ* пришлыми элементами, католиковъ и евреевъ.

Въ городахъ, какъ въ Сараевѣ, главными были турки, какъ господствующіе (31.200), за ними шли православные (6.000), потомъ евреи, цыгане, а католики были послѣдніе (200); теперь же ихъ стало почти вдвое больше, чѣмъ православныхъ; они скоро догонятъ магометанъ и съ ними же ростутъ евреи.

Между пришлыми элементами въ торговомъ классѣ, конечно, первую роль играютъ евреи, а въ сельскомъ изъ Австро-Венгріи и Германіи нѣмцы; такимъ образомъ колонизуются Босніа и Герцеговина элементомъ нѣмецко-еврейскимъ, и на счетъ не только православныхъ и магометанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и католиковъ туземцевъ.

Однимъ словомъ австрійская оккупація готовитъ Босніи и Герце-

Библиотека "Руниверс"

говинѣ судьбу вообще колоній, гдѣ пришельцы дѣлаются господами, а туземцы обращаются въ илотовъ или грубый матеріалъ, который употребляютъ для черной работы или для утучненія почвы.

Что Австрія дѣйствуетъ на Балканскомъ полуостровѣ въ качествѣ уполномоченнаго Германіи и Англіи, это теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію. Первая преслѣдуетъ въ этомъ случаѣ свои колоніальные интересы, такъ какъ, вмѣсто того чтобы искать мѣстъ для колоній въ отдаленныхъ частяхъ свѣта, гдѣ онѣ со временемъ могутъ и отдѣлиться отъ метрополіи, нѣмцамъ представляется возможность селиться на сосѣдней территоріи, которая по естественнымъ богатствамъ не уступаетъ другимъ отдаленнымъ. А Англія на той же территоріи хочетъ нанести ударъ Россіи. Вотъ почему въ послѣдніе годы ее очень озабочиваетъ измѣненіе Россіею своихъ отношеній къ Турціи. Послушаемъ по этому поводу опять откровеннаго Томсена.

„Изъ всѣхъ государствъ—говоритъ онъ—Австріи угрожаетъ самая большая опасность, если продолжится такое положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ (то-есть мирное, благодаря хорошимъ отношеніямъ между Россіей и Турціей). Она установила порядокъ въ Босніи, но не могла пріобрѣсти расположенія къ себѣ и тѣмъ самымъ не только не укрѣпила своей позиціи, но матеріально ее ослабила (а выше авторъ говорилъ совсѣмъ другое!). Цѣлью ея и цѣлью Англіи должно быть ускорить разрушеніе Европейской Турціи, а не отдалять его; усилить, сколько возможно, Сербію и Грецію, поднявши въ нихъ національный духъ и указавши имъ на возможность поглощенія ихъ Россіей. Поэтому оккупаціей Крита (въ то время было такое предположеніе и Австрія готовилась) Австрія совершила бы надъ собою самоубійство. Это произвело бы возбужденіе противъ нея во многихъ частяхъ Балканъ, возбужденіе, которое сдѣлало бы невозможнымъ движеніе ея впередъ, какъ піонера христіанства (Германіи?). Она одна недостаточно сильна для этого; но искренній союзъ Австріи Англіи, Сербіи и Греціи можетъ идти впередъ къ осуществленію желаннаго равновѣсія и къ освобожденію Македоніи, и Россія въ виду такой комбинаціи не успѣла бы принять никакихъ активныхъ мѣръ въ пользу султана“ (стр. 274—275).

Если произойдетъ такое движеніе, то является вопросъ: „Должны ли Англія и Австрія помогать его подавленію или помогать инсургентамъ, предоставивши это бремя Россіи, такъ какъ она объявила себя помощницей и союзницей магометанъ, вмѣсто того, чтобы по старому быть съ христіанами? По всѣмъ вѣроятіямъ Россія не

Библиотека "Руниверс"

рѣшится поддерживать турокъ и Македонія освободится отъ турецкаго правленія. Но съ другой стороны Россія въ собственныхъ интересахъ должна будетъ воевать, пока не началось дальнѣйшее дробленіе турецкой территоріи, и тогда Англія должна остаться при своей декларація и въ смыслѣ сказанныхъ въ Доверѣ словъ Солсбюри „высказаться противъ, какъ охранительница цивилизаціи, какъ другъ мира, но въ то же время какъ несокрушимая защитница независимаго народа, въ чемъ заключается ея слава и ея назначеніе". Лордъ Солсбюри, дѣлая такую политическую декларацію, зналъ расположеніе континента и потому говорилъ это не иначе, какъ приготовившись, въ случаѣ необходимости, поддержать свои слова дѣйствіемъ. Это въ томъ случаѣ; еслибъ нельзя было безъ войны предпринять никакихъ существенныхъ мѣръ для освобожденія Македоніи; но, если бы война явилась необходимостью, то нація пустилась бы на это предпріятіе не легко, а только по долгу справедливости и чести" (стр. 276—277).

Насколько въ этомъ угрожающемъ положеніи двухъ союзницъ было дѣйствительной опасности, мы не можемъ судить; но знаемъ, что у Австріи постоянно на умѣ двѣ вещи: превращеніе оккупаціи Босніи и Герцоговины въ аннексію и движеніе впередъ въ Новобазарскій санджакъ, а, если позволятъ, то и до Солуна.

Не знаемъ, насколько этотъ планъ готовы поддержать всѣ другіе европейскіе дворы; но сербы отъ такихъ слуховъ приходятъ въ страхъ и волненіе, видя въ томъ себѣ смертный приговоръ, тяжелѣе всякаго Коссова поля; тамъ они 1389 г. потеряли Сербское царство, но потомъ продолжали жить и дѣйствовать, какъ народъ; а тутъ ему то и угрожаетъ окончательная погибель. На время воспользовались бы этимъ другія народности, но только на время; въ концѣ же концовъ всѣхъ ожидаетъ одинаковая участь, будутъ ли они прямо аннексированы къ Австріи или поставлены подъ ея протекціей; сформированныя въ отдѣльныя политическія единицы, всѣ они тогда войдутъ въ сферу экономическихъ и политическихъ интересовъ Австро-Германіи, гдѣ и должны обезличиться и потерять свое индивидуальное существованіе.

Основательно такое предположеніе или нѣтъ, но оно служитъ memento mori не для однихъ сербовъ, но вообще для славянъ; поэтому чехи, чувствительные ко всему, что касается славянства, и искушенные въ вѣчной борьбѣ съ нѣмцами, въ парламентѣ постоянно протестуютъ противъ аннексіи Босніи и Герцеговины къ Австріи, хотя сами и имѣютъ въ томъ свои выгоды, такъ какъ имѣютъ тамъ

Библиотека "Руниверс"

хорошій сбытъ своихъ мануфактурныхъ произведеній и сами занимаютъ мѣста чиновниковъ, учителей и въ различныхъ другихъ профессіяхъ. Врядъ ли кто сочувствуетъ этому и изъ другихъ славянъ. Добиваются этого единственно хорваты со всею горячностью своего темперамента.

Само собою разумѣется, что Австрія готовится къ тому, въ ожиданіи благопріятныхъ обстоятельствъ, то-есть ждетъ чтобы произошли какія-нибудь замѣшательства на Балканскомъ полуостровѣ, а главное, чтобы Россія очутилась въ затруднительныхъ обстоятельствахъ въ родѣ того, какъ было во время послѣдней войны съ Турціей (1877—1878 гг.) и берлинскаго конгресса. Зная, какое значеніе въ этомъ вопросѣ сербы придаютъ Россіи, прозелиты аннексіи пользуются всякимъ выраженіемъ добрыхъ отношеній между русскимъ и австрійскими правительствами, чтобы возвѣстить о согласіи на нее Россіи, запугать и учинить давленіе на ея противниковъ и принудить на какія-либо уступки. Недавно говорилось даже, будто, султанъ подарилъ Боснію и Герцоговину германскому императору для того, конечно, чтобы послѣдній поднесъ ее въ видѣ юбилейнаго подарка императору Францу-Іосифу.

Въ старое время такія вещи были возможны и бывали, потому что на страну и народъ смотрѣли, какъ на безличную и безправную массу, изъ которой можно дѣлать, что угодно — дарить, продавать, цѣликомъ или дробить, вырѣзывать изъ нея куски и приставлять къ другимъ для ихъ округленія и т. д.; но надѣемся, что это время отошло въ вѣчность и такія вещи стали невозможными.

Есть однако люди и цѣлыя группы людей, которыя и теперь готовы вернуться къ этому прошлому и выступаютъ съ старыми и дикими политическими принципами и взглядами. Какъ разъ въ этомъ духѣ недавно выступилъ нѣкто D-r Petrinjensis (псевдонимъ, безъ сомнѣнія хорватъ изъ г. Петриньи, Хорватской Границы).

3.

D-r Petrinjensis—Bosnien und das Kroatische Staatsrecht. Eine historisch-juridische Studie. Agram. Druck von Anton Scholz; 1898, in Marin 8°, I, 261.

Цѣль этого сочиненія доказать, что Боснія и Герцоговина должны быть присоединены къ Кроаціи по тремъ причинамъ: 1) потому что эти провинціи принадлежатъ ей юридически по историческому праву; 2) потому что хорваты всегда были вѣрны Габсбургскому Дому и

Библиотека "Руниверс"

3) того требуетъ экономическая необходимость, такъ какъ безъ того Кроація помретъ съ голоду.

Постулаты сочиненія достаточно показываютъ, какъ высоко стоитъ въ ученомъ отношеніи этотъ историко-юридическій этюдъ, и ими опредѣляется уровень политическаго смысла автора: поэтому съ нихъ мы и должны начать, чтобы оцѣнить цѣлое сочиненіе и его тенденцію.

Вотъ какъ онъ мотивируетъ свое сочиненіе.

„На оккупацію Босніи — говоритъ онъ—совершенную въ 1878 г. войсками Австро-Венгерской монархіи, до сихъ поръ, подвергая ее неоднократному обсужденію, смотрятъ, какъ на актъ, оправданіе которому находится въ средневѣковомъ jus fortioris (кулачное право)".

Съ первыхъ же строкъ мы встрѣчаемся съ ложью или непониманіемъ автора.

Оккупацію никто не считалъ и не можетъ считать актомъ „права сильнѣйшаго", примѣненію котораго въ этомъ случаѣ небыло и мѣста; такъ какъ Австрія совершила его по международному трактату, уполномоченная на то великими державами, представительницами Европы, при томъ съ согласія настоящаго хозяина оккупированныхъ провинцій, турецкаго султана. Поэтому ни одинъ турецкій солдатъ не повернулъ ружья противъ вступавшихъ австрійцевъ и турецкая военная власть въ Сараевѣ не оставалась тамъ, какъ только австрійцы вступили. Отъ Австріи зависѣлъ только выборъ способа и свойствъ для совершенія возложенной на нее миссіи. Какъ она это исполнила, мы уже видѣли.

Но авторъ идетъ еще дальше. Онъ старается доказать, „что свѣтлая Габсбургская Династія, какъ владѣтельница хорватской короны и носительница хорватскаго государственнаго права, имѣла и имѣетъ не только право, но и священный долгъ владѣть старою хорватскою провинціей, Босніей вмѣстѣ съ Герцеговиной, и возсоединить ее съ метрополіей. Съ этою цѣлью авторъ и написалъ свое сочиненіе, — и „является выразителемъ юридическаго самосознанія (Rechtsbewusstsein) цѣлаго народа, слѣдовательно, говоритъ во имя народа". „Это обстоятельство—говоритъ онъ далѣе—и сознаніе, что говоришь во имя того народа, который съ чистою совѣстью и справедливою гордостью можетъ выступить передъ своимъ королемъ и утверждать, что онъ никогда не требовалъ для себя ничего такого, что въ то же время не было бы въ интересѣ династіи и цѣлой монархіи, даетъ намъ мужество побѣдить препятствія и поднять нашъ голосъ за доброе право хорватскаго народа".

Библиотека "Руниверс"

Вспомнивъ, какъ хорваты съ 1527 и до 1849 г. были выставляемы въ примѣръ вѣрности Габсбургамъ передъ другими ихъ подданными, онъ приходитъ къ заключенію, что оккупація Босніи и совершена была на историческомъ, юридически неоспоримомъ основаніи, которое въ глазахъ Европы должно оправдать и вытекающую изъ того аннексію.

Все это говорится въ предисловіи; а затѣмъ слѣдуютъ доказательства этихъ правъ на основаніи историческихъ данныхъ.

Но, встрѣтивъ на первыхъ же порахъ фактъ, что хорваты сами очень рано (1102 г.) подпадаютъ подъ власть венгерскихъ королей и остаются въ такомъ положеніи до сихъ поръ, авторъ старается доказать, что съ ними вмѣстѣ въ такихъ же отношеніяхъ къ Венгріи находилась и Боснія; а хорватское королевство простиралось и дальше „на западъ и на югъ, такъ что Боснія находилась какъ разъ посрединѣ королевства“ (стр. 46).

„Кроація и Болгарія изстари находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ. Поэтому ошибочно полагать, что Сербія когда то занимала тѣ же мѣста, какія теперь занимаетъ. Эта ошибка сбила съ настоящаго пути многихъ историковъ и составителей атласовъ“ (стр. 35).

„Прежде всего мы здѣсь встрѣчаемся съ свидѣтельствомъ Константина Порфиророднаго, что кроатскій народъ завоевалъ и населилъ Далмацію, Паннонію и Иллирику. А къ тогдашней Иллирикѣ относилась не только вся нынѣшняя Сербія, а также и большая часть нынѣшней Болгаріи. Мы сами считали бы слишкомъ смѣлымъ утвержденіе, что хорватскій народъ занималъ не только нынѣшнюю Сербію, но и большую часть Болгаріи, еслибъ не имѣли свидѣтельства изъ древняго времени. Это — свидѣтельство Ѳеофана (Исповѣдника, 816 г.), который разказываетъ, что болгарскій народъ, когда завоевалъ нынѣшнюю Болгарію (между Дунаемъ и Балканами), нашелъ тамъ двѣ славянскихъ расы, именно въ Балканскихъ горахъ Северовъ, а въ западной части, такъ „называемыхъ славянъ семи родовъ“. Это послѣднее указаніе можно географически и исторически понять, только отнесши его къ хорватскому народу“ (стр. 36—37).

„Итакъ съ первыхъ же дней прибытія болгары были сосѣдями хорватовъ, и это непосредственное сосѣдство можно прослѣдить до XIV столѣтія“ (стр. 37). „Въ 1019 г. Болгарія перестаетъ существовать, какъ индивидуальность съ народнымъ правомъ (völkerrechtliche Individualität). Въ 1712 г. Болгарія сдѣлалась византійскою провинціей, оставалась въ такомъ положеніи во время царя Исаака Ангела

Библиотека "Руниверс"

(1185 г.) и тогда (1019), значитъ, Кроація на востокѣ граничила съ Византійскою имперіей" (стр. 37).

Никифоръ Бріаннскій (впослѣдствіи византійскій императоръ съ 1078 года) разказываетъ, какъ во время императора Михаила (его предшественника), страдала имперія: съ одной стороны скиѳы напали на Ѳракію и Македонію, съ другой словакскіе народы (Σλαβίνων ἔθνοι), сбросивъ ромейское (византійское) иго, грабежемъ и опустошеніемъ проходили по Болгарской землѣ. Стопле и Нишъ были опустошены; и даже Сирмія (Сремъ) и города въ области Скволя, равно какъ и большіе города на Дунаѣ внизъ до Виддина ужасно пострадали. Съ другой стороны вся Иллирика сильно страдала отъ волненій хорватовъ и діоклейцевъ (стр. 39).

Останавливаясь на вопросѣ, кто были „народы славенъ", авторъ отвѣчаетъ, что это не могъ быть никто другой, какъ хорваты. А діоклейцы были также хорваты; такъ какъ Діоклея была „червонна Кроація" (rothe Kroatiën), которая въ 949 году отдѣлилась отъ остальной Кроаціи и сдѣлалась потомъ вассальнымъ государствомъ по отношенію къ Византіи (стр. 42).

Къ этой „червонной Кроаціи" относились Хумъ, Тровунія, Приморье и Зета (стр. 44).

„Сербы пришли на Балканскій полуостровъ позже хорватовъ (конечно, не раньше, какъ по окончаніи войны съ аварами", которыхъ уничтожили хорваты. Они были въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ хорваты. Поэтому, когда хорваты, уничтоживъ аваръ, завоевали три римскихъ провинціи и населили ихъ, для поселенія сербовъ осталась менѣе опустошенная провинція Македонія, „тема" Ѳессалоніи (стр. 30).

Слабые численно сербы не могли рядомъ съ сильными сосѣдями удержать свою самостоятельность и потому вся исторія ихъ съ VII до XII вѣка показываетъ, что они находились подъ византійскою или болгарскою верховною властью (стр. 31).

Въ концѣ концовъ, Византія, распоряжавшаяся частями нынѣшней Сербіи къ востоку отъ рѣки Моравы, могла имъ дать эту часть, и тогда изъ нихъ образовалось вассальное государство, жупановъ котораго утверждала Византія. При всемъ томъ тогдашнюю Сербію нельзя искать въ предѣлахъ Сербіи нынѣшней, но на юго-западѣ отъ города Ниша, приблизительно между Нишемъ, Скоплемъ (восточная ораница) и королевствомъ Діоклеей или Червонною Кроаціей, съ которой ее никакъ нельзя соединять, такъ какъ она отнюдь не была серб-

Библиотека "Руниверс"

скимъ государствомъ, а хорватскимъ, признававшимъ одновременно съ сербскимъ жупаномъ Стефаномъ Немошей, верховную власть византійскаго императора (стр. 43—44).

Кромѣ того сербы были уничтожены не только политически, болгарскимъ царемъ Симеономъ; и только послѣ его смерти съ помощью Византіи и подъ ея верховною властью они возвращаются въ свое прежнее государство (стр. 34).

Совсѣмъ другое представляютъ хорваты. Паннонскіе и иммерскіе хорваты хотя и имѣли своихъ государей (Herrscher), но признавали верховное господство (Oberherrschaft) главы далматинскихъ хорватовъ, которому они приносили дань (Tribut) въ формѣ подарковъ. Изъ этого обстоятельства мы заключаемъ, что хорваты всѣ вмѣстѣ представляли одно соединенное государство, которому уже сообразно съ границами завоеванной хорватами древней провинціи Далмаціи должна принадлежать и Боснія" (стр. 30).

„А изъ того, что Константинъ (Порфирородныхъ) говоритъ о границахъ и городахъ хорватовъ и сербовъ [1]) въ его время, не слѣдуетъ что это такъ именно было deregula. Потому что въ то время въ Кроаціи и Сербіи были исключительныя обстоятельства. Въ Кроаціи господствовала полная анархія" (стр. 31) и т. д.

И при всемъ томъ, мы и тогда находимъ Боснію не принадлежащею Сербіи (стр. 32—33).

За то авторъ всѣми силами старается предать ее Венгріи, которой въ то время (и еще раньше) подчинились хорваты. Вообще, ставя высоко В. Клаича, какъ поборника хорватства, онъ вооружается и противъ него за признаніе боснійскаго бана Кулина сувереномъ, а не вассаломъ венгерскаго короля и посвящаетъ этому нѣсколько страницъ (13—18).

Довольно странно встрѣтить въ хорватѣ такого ревностнаго защитника правъ Венгріи, гражданинѣ той Хорватіи будущаго, исторія которой отъ самыхъ старыхъ временъ до сегодня представляетъ непрерывную борьбу съ венграми. Но дѣло объясняется тѣмъ, что хорватъ этотъ подъ именемъ Венгріи понимаетъ Кроацію и употребляетъ названія или слитно Венгро-Кроація, или Кроація, какъ часть вмѣсто цѣлаго. Это терминъ, изобрѣтенный въ новѣйшее время, когда яви-

[1]) „Отъ рѣки Цетинье начинался предѣлъ хорватовъ и простирался на Истрію, а до рѣки Цетинье и Хлевены (нынѣшній городъ Ливно) предѣлъ сербовъ. Имъ же принадлежали страна Боснія (Βόσωνα), Катера и Десницъ".

Библиотека "Руниверс"

лось и пароходное общество „Ungore-croati"; какимъ же образомъ онъ могъ попасть въ старые документы?

Изъ множества приведенныхъ нами цитатъ можно видѣть, какъ авторъ не стѣсняется дѣлать выводы, перескакивая средній членъ, долженствующій связывать начало съ концомъ. На основаніи того, что паннонскіе и иллирійскіе хорваты давали главѣ далматинскихъ хорватъ подарки, онъ заключаетъ—значитъ, были его данниками; далѣе, значитъ, всѣ они составляли одно государство; слѣдовательно къ завоеванной хорватами Далмаціи принадлежала и Боснія (стр. 30). Упоминается въ хроникѣ, что болгары нашли между Дунаемъ и Балканами въ горахъ сѣверовъ, а въ западной части „славянскіе народы, такъ называемыхъ семи родовъ (ἑπτὰ γενεάς)"; отсюда авторъ заключаетъ, что это были хорваты (стр. 36—37).

Въ другой хроникѣ говорится: „Regnum (Zvonimiri) in partes secessisset—Bosnenses dominium suum sortiti sunt, Noronenses suum, Croati alienum" и еще: „Bela Pannoniae Rex.... possedit omnes Regni partes: Bosnam, Croatiam, Dalmatiam, Naronam". Въ первомъ случаѣ мы видимъ, что три провинціи находились въ личной уніи съ королемъ Звонимиромъ, а послѣ его смерти онѣ раздѣлились; а потомъ венгерскій король Бела опять соединилъ ихъ, придавъ еще Далмацію; но ясно, что каждая изъ этихъ провинцій представляла собою отдѣльную единицу, а г. Петринскій видитъ въ этомъ, что Боснія принадлежала Кроаціи, которая и сама была одною изъ трехъ или четырехъ провинцій (стр. 45—46).

Греческій писатель говоритъ, что съ одной стороны какіе то славяне разорили Болгарію, города Скопле, Нишъ и т. д., а въ то же время хорваты и діоклейцы тревожили весь Иллирикъ. Подъ славянами безъ особеннаго имени нашъ авторъ сейчасъ же разумѣетъ хорватовъ, хотя тамъ, гдѣ они были дѣйствительно, они и упомянуты (стр. 38 — 39). Сербовъ въ то время, какъ будто, не существовало.

Сочиненіе Константина Порфиророднаго о границахъ цѣнится очень высоко, потому что его показанія оправдываются позднѣйшими свидѣтельствами; и указанная граница между хорватами и сербами рѣка Цетини (въ Далмаціи), сохранила силу и до настоящаго времени; именно за это г. д-ръ Петринскій и не признаетъ этого автора, что однако не мѣшаетъ ему ссылаться на него въ случаяхъ, гдѣ ему это выгодно.

Цитируя документы, онъ нѣкоторыя выраженія передѣлываетъ посвоему; это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ докумен-

Библиотека "Руниверс"

такъ Hungariae онъ прибавляетъ „i. e. Croatiae“ (стр. 13); вмѣсто coronatus in Hungariae Regem—„zum König von Kroatien“ (стр. 205), то же самое и далѣе (стр. 206): tota Selavonia толкуетъ „tota Croatia“ (стр. 246) и т. д.

Существуютъ письма папы Иннокентія III къ зетскому государю Вулкану и Вулкана папѣ, въ которыхъ папа титулуетъ его: „ad Vulcanum regem Dalmatiae et Diocleae; illustris Regis Dalmatie et Dioclie (1199 г.); nobili viro S. Magno Jupano et uxori ejusdem: in regno Karissimi in Christo filii nostri Vulcani Illustris Regis Dioclie et Dalmatie (того же года); а въ отвѣтахъ тому же папѣ Вулканъ подписывается „eadem gratia Dioclie atque Dalmatie Rex“) (того же года) и еще письмо, гдѣ онъ называется великимъ жупаномъ „totius Serviae“ (Theiner—Monum. slavorum merid. T. I, № VIII—XI, стр. 5—6). Г. д-ръ Петринскій къ Далмаціи произвольно прибавляетъ: superioris (Croatiae rubrae)“ (стр. 15).

На подтасовкахъ такого рода основано все сочиненіе и съ помощью ихъ авторъ изъ всѣхъ силъ старается доказать, что Боснія населена хорватами, никогда не была самостоятельнымъ государствомъ, а принадлежала Кроаціи; а короли Венгріи въ то же время и Кроаціи владѣли ею только въ силу хорватскаго права на нее; съ Сербіей же она не имѣла никакой связи. Правда, Боснія часто подпадала подъ верховную власть венгерскихъ королей; но въ то же время она имѣла своихъ бановъ и королей, которые управляли ею самостоятельно. И признавалось суверенство венгерскихъ королей не въ силу какого-либо права, а потому что сами баны и короли, чувствуя свою слабость передъ своими болѣе сильными сосѣдями, сербскими великими жупанами и королями, сами искали ихъ покровительства, не платя имъ впрочемъ никакихъ податей, для выраженія подданническихъ или вассальныхъ отношеній, и сохраняя самостоятельность внутренней жизни, что и дало возможность развиться богумильству. При томъ за венгерскими королями всегда стояли римскіе папы, которые въ то время, при упадкѣ Византіи, представляли громаднѣйшую силу, такъ что православные короли сербскаго государства получали отъ нихъ свои вѣнцы, такъ: великій жупанъ Діоклеи Михаилъ Бославовъ (1050—1080), Стефанъ, сынъ Немани (1196—1228), Владиславъ Рапавый (рабой) отъ двоихъ: отъ сербскаго архіепископа Саввы II и потомъ отъ папскаго легата (1228—1234 г.). Вспомнимъ при этомъ, что съ 1204 по 1261 г. Византію на Балканскомъ полуостровѣ заступала Латинская Имперія; а прежде того католическая Европа вторгалась

Библиотека "Руниверс"

въ него въ лицѣ крестоносцевъ, между которыми былъ и Фридрихъ Барбароса со 150.000 войска, предлагавшій первому Неманѣ титулъ короля, отъ котораго тотъ отказался.

Сербскіе государи искали покровительства Рима, часто лично поступались православіемъ, а также старались пріобрѣсть дружбу и венгерскихъ королей, для чего вступали съ ними въ родственныя связи; но вассальныхъ отношеній тутъ не было.

Боснія по своему географическому положенію была положительно въ зависимости отъ Венгріи и потому угождала ея королямъ, которые, пользуясь своею силой и положеніемъ упоминали о ней въ своемъ титулѣ; но дальше этого дѣло не шло.

Посмотримъ теперь, какъ боснійскіе баны и короли сами себя титуловали, что также должно быть принято во вниманіе.

Различныя письма ихъ, около 20, находятся въ извѣстномъ собраніи Миклошича: Monumenta Serbica (Viennae, 1858 г.) [1]).

„Господинь Стефань, по милости божіи бань Босни и Усори и Соли и господинь хомскои земли“ (№ 89, 1333 г.); „яко быти ми о Христѣ Исусѣ благовѣрному и богомь поставленьному Стефану, краю Срьблемь и Боснѣ и Поморію и западнимь странамь, и потомь начехь сь Богомь кралевати и правити прѣстоль срьбьские земле“ (№ 181, 1378 г.): „Стефань Тврткo краль Срблемь и Боснѣ и Приморию.— сподоблень быхь вѣньца... прьвыхь моихь родитель светыхь, Господе србьске, кралевь и царь“ (№ 190), 1382 г.); Стефань Дабиша, по милости его божьства краль Срьблеѣ, Босни и Прѣморью“ (№ 206, 1392 г.); въ другомъ его-же дипломѣ прибавлено „хльмсцѣ земли, дольнимь краемь, западнѣмь странамь, Усорѣ, Соли и Подринию“ (№ 210, 1395 г.); тоже самое № 211; (см. еще №№ 224, 225, 226 и 236 и др., 1398 и 1399 гг.). Въ письмѣ дубровницкой общины, въ которомъ Остоя извѣщается о принятіи его въ граждане Дубровника и т. д., встрѣчаются такія выраженія: „каконо смо били у прьве господе срьбске и босанске: — господа срьпска и босански“ 228, 1399 г.) и т. д. (№№ 237, 243, 264, 316). Есть одно дарственное письмо латинскими буквами (№ 324, 1422—35 г.): „mi Ostogia, milostgiu bozgiom chralg Bosni, Usori, Soli, Primorgiu. Dagnim Chragiem, Harvatom, Humsci Zemgli i c tomu“ и т. д.; и къ письму этому сдѣлано примѣчаніе: „Ex apographo saec. XIV archegraphi sine dubio cyrillici: Exempla privilegiorum Almisse scripta illirice“.

[1]) Отъ правописанія оригинала мы уклоняемся въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ недостаетъ знаковъ въ нашей гражданской азбукѣ.

Библиотека "Руниверс"

И еще: Стефань Томашъ краль божіомь мілостью Срьблемь, Босни, Приморію, Хомьсці Землі, Дальмьци, Хорьватомь, Доніемь Краемь, Западнимь страномь и к тому"—дано въ Крешевѣ (№ 346, 1444 г.); то же и № 363; „Щефань Степань Томашевичь краль срьблемь, Босни, Приморью, Хумсци земля, Далмации, хрьватомь, донимь краемь, западнимь странамь, Усорѣ, Соли, Подринью и к тому" (№ 291, 1461 г.); то же №№ 392, 93, 94 и 95 того же года; „ми господинь Сандаль, велики воевода босаньски" и т. д. онъ даетъ венеціанцамъ свободный проѣздъ черезъ его земли въ Которъ (Catharum); сзади означено: „1423 primo novembris in castello Blagai, Bossina.—Privilegium est *in lingua serviana scriptum* traductum in linguam nostram vernaculam" (№ 284). Въ Римѣ находится надгробная плита умершей тамъ (1478 г., на 54 г. отъ рожденія) „Катарини кралици босаньскио Стѣпана херцога отъ светога Саве" и т. д. и добавлено „споминак не (ея) писмомь поставлень" (№ 463).

Во всѣхъ этихъ документахъ не видно никакого отношенія Босніи къ Кроаціи, а изъ нѣкоторыхъ видно только, что по временамъ власть боснійскихъ кралей простиралась на Далмацію и края, населенные хорватами. Писаны они кирилловскими письменами, которыя употреблялись православными сербами, языкомъ сербскимъ, какъ то значится въ одной припискѣ на латинскомъ языкѣ. Тотъ же языкъ и тѣ же кирилловскія писмена встрѣчаемъ на памятникѣ боснійской кралицы, умершей въ Римѣ.

Г. д-ръ Петринскій, по своему обычаю подтасовывать, говоритъ: „Извѣстно, что въ правленіе Солимана, самаго знаменитаго султана послѣ Мухамеда II, турецкій дворъ былъ такъ хорватизированъ (kroatisirt), что даже султанъ говорилъ по-хорватски, а его посланникъ Али-паша на этомъ языкѣ говорилъ даже на нѣмецкомъ сеймѣ. Почти всѣ визири и предводители войскъ были хорваты: Рустемъ-паша Опуковичъ изъ Мостара, Синань-паша, великій визирь Мехмедъ Соколовичъ" и т. д. (стр. 244).

Въ отвѣтъ на это мы только перечислимъ рядъ писемъ турецкихъ султановъ и ихъ чиновниковъ, писанныхъ на сербскомъ языкѣ кирилловскими письменами.

Султанъ Амуратъ II дозволяетъ дубровчанамъ проѣзжать по его землямъ „по Натоліе, по Романие, по бугарьскои и по влашкои земли, по срьблехь, по арбанасехь, по Босне и по свехь инехь мистехь" (№ 339, 1442 г.). Магометъ II тоже Дубровнику; писано „у Визе" (№ 437, 1471 г.); онъ же „одь херцегове земле саньжаку Хамьса-

Библиотека "Руниверс"

бегу" (№ 438, 1471 г.). Онъ же Дубровнику; писано „у Цариграду" (№ 447, 1480 г.), то же „дань у Константинополлѣ" (№ 448, 1451—81 г.); Баязета II — „у Дренополю" (№ 449, 1481); — въ Новомъ (№ 450, 1483); — одь хотьче каднѣ и новскому дазьдару" (№ 451, 1483 г.); — одь херьцегове земьле саньжаку Мустафи-бегу" (№ 452, 1484 г.); — Дубровнику дань „на Бане" (№ 454, 1484 г.). Во имя султана Баязета Ахматъ-паша пишетъ Дубровнику, чтобы выплатили на монастыри Хиландарскій и св. Павла на Аѳонѣ сумму по уговору съ царицею Мазгой (№ 469, 1501 г.). Баязетъ пишетъ Дубровнику изъ Цареграда (№ 472, 1512 г.); Селимъ I—Дубровнику „дань у мисто Броси" (№ 473, 1514 г.); то-же № 476, 1517 г. Султанъ Сулейманъ II—Дубровнику „у месту Сивазу" (№ 477, 1520—1523 г.). „Отъ Мустафе воеводе капитана дунайскога брату и пріятелу и суседу моему, господу капитану острогоскому Петру — писа сѣе книга у пещи (№ 478, 1536). Скендербегъ Кастріотъ на томъ-же языкѣ ведетъ всю свою переписку съ Дубровникомъ (№№ 356, 385, 386).

Даже венгерскій король Матвей пишетъ по-сербски францискапскому брату Александру въ Дубровникъ „Матиацѣ милостю божиомь краль угарски, далматински и хрвацки и к тому.—дана на Брадусавскомь на Градищихь" (№ 403, 1465 г.). А также и Іоаннъ Заполый „краль угрьски, хрьватски, далматіински, поморавски и лужацски марколабь и обоимь Шлижіями герцогь—господару срьбскіе земле, сканчоку смедеровьскому, белградскому, подунавьскому, посавьскому, посремскому, инемь више крашнимь градовомь господоару Мехмед-бегу Яхіяпашикю—писа у граду Великомь Вараду" (№ 479, 1537 г.). Молдавскій госпадарь Александръ по сербски пишетъ Дубровнику, прося помощи Катаринѣ и Маріѣ, правнукамъ герцога Стефана „кои е био у врieме минуто господарь земле Херцеговине а ваш бегь, града Дубровника суседь и пріятель — писа Драгомир срьбинь у месту Сучове" (№ 483, 1566 г.). Не хорватскій языкъ былъ распространенъ при турецкомъ дворѣ, а сербскій, какъ то ни тяжело для серба, потому что съ этимъ соединяются воспоминанія о гибели сербскаго царства, о выдачѣ замужъ за султановъ сербскихъ княженъ, о плѣненіи сербскихъ принцевъ и отнятіи отъ семействъ родныхъ дѣтей, чтобы сдѣлать изъ нихъ слугъ султану и утѣснителей своей братьи, православныхъ сербовъ, каковы были Одуковичи, Синань-паши, Соколовичи и др. Нѣкоторые однако и тогда оставались вѣрны своему народу и даже помогали ему строить церкви и монастыри.

Библиотека "Руниверс"

Въ Босніи же выработалось особенное сербское письмо *босанчица*, которымъ пользовались и магометане и пользуются донынѣ. Въ Далмаціи же даже у католиковъ служба въ церкви совершалась на славянскомъ языкѣ, какъ у всѣхъ православныхъ славянъ, при томъ глаголицей, почему и священники, употреблявшіе ее, назывались *глаголяши*; они были и въ Босніи.

Хорватство связано съ католичествомъ и латинскими письменами, въ Босніи и Герцоговинѣ то и другое распространено слабо.

Это отлично знаетъ д-ръ Петринскій и потому прибѣгаетъ опять къ уловкѣ, которая никакимъ образомъ не должна быть допускаема.

Онъ къ хорватамъ причисляетъ магометанъ и тогда выходитъ, что въ Босніи 56,30% кроатовъ противъ 43,26% сербовъ; а въ Герцоговинѣ 65,75% хорватовъ и только 34,25% сербовъ.

Странно, конечно, вообще причислять магометанъ къ христіанамъ, и еще страннѣе отожествлять ихъ съ католиками, которые въ лицѣ Австріи являлись нарушителями ихъ правъ господства въ Босніи и оскорбителями ихъ религіи.

Но г. Петринскій, кромѣ такого невозможнаго сближенія, прибѣгаетъ еще къ другому, вовсе не научному способу доказывать свои слова—къ поддѣлкѣ статистическихъ данныхъ.

Пользуясь тѣми же данными за 1895 г., какъ и мы, въ которыхъ показано населеніе Босніи и Герцеговины вмѣстѣ, онъ произвольно относитъ къ ихъ одной Босніи въ отдѣльности; а затѣмъ откуда то беретъ цифры только для Герцеговины.

Откуда же взялись эти цифры?

Для выясненія дѣла прошу читателя обратиться къ нашимъ, приведеннымъ выше табличкамъ. Тамъ мы находимъ по даннымъ, приведеннымъ у Тёммеля, за турецкое время, что отдѣльно для Герцеговины было населеній въ 207.970 душъ; а у г. Патринскаго 219.212; слѣдовательно, больше чѣмъ за 30 лѣтъ (отъ 1867 г.) увеличилось населеніе на 11.242 души, или на 5,74%; тогда какъ за 10 лѣтъ (съ (1885—1895 г.) общее населеніе увеличилось на 17,34%.

Такая невѣроятность объясняется очень просто. Г. Петринскій взялъ общую для всей Герцеговины цифру у Тёммеля, увеличивъ ее немного; а съ частными цыфрами произвелъ такую продѣлку: число магометанъ увеличилъ на 135 д., католиковъ на 38.971, а православныхъ убавилъ на 26.558, и вышло то, чего онъ добивался всякими неправдами.

Не довольствуясь такою подтасовкою фактовъ и поддѣлкою

Библиотека "Руниверс"

цифръ, авторъ обращается къ европейскимъ державамъ, доказывая имъ необходимость присоединенія Босніи къ Кроаціи.

„Мы того мнѣнія, говоритъ онъ — что какъ нѣмцы, такъ французы и итальянцы должны признать справедливыми домогательства Кроаціи. Потому что, если нѣмцы и французы не въ состояніи поступиться одною пядью земли, то какъ же Кроація можетъ поступиться половиною своей территоріи? Эльзасъ-Лотарингія составляетъ нѣчто совершенно необходимое для могущества, какъ Германіи, такъ и Франціи; но обѣ и безъ нея остаются великими державами, и все-таки Германія въ продолженіи 200 лѣтъ не могла забыть утрату этихъ провинцій, а Франція и теперь все еще хочетъ завладѣть ими. А что же должна сказать Кроація, которая безъ Босніи не можетъ жить, не говоря уже о движеніи впередъ?—Почти всѣ европейскія государства устремляются въ заморскія области и завоевываютъ земли, на которыя они никогда не имѣли никакихъ видовъ, потому что имъ, такъ обыковенно говорятъ, даютъ на то право „народно-экономическіе интересы“. Почему, quo jure, хорватской націи не даютъ взять того, что ей принадлежитъ, и чѣмъ владѣть неумолимо предписываютъ ей народно-экономическая необходимость? Или, можетъ быть, это составляетъ священное право нашего народа, послѣ четырехъ сотъ лѣтъ войны за Европу, теперь въ угоду политическаго каприза той или другой державы умереть съ голоду?“ (стр. 260).

Исчерпавъ такимъ образомъ весь запасъ доказательствъ изъ всѣхъ областей исторіи, этнографіи, права и народной экономіи, онъ въ заключеніе обращается къ тому, къ кому обращался и вначалѣ, къ своему королю, съ слѣдующими словами: „Нашъ достославно царствующій король сдѣлалъ первый шагъ, чтобы исполнить свой священный долгъ, опять присоединить Боснію къ ея метрополіи Кроаціи, и Кроація шлетъ горячія молитвы къ Всемогущему сохранить монарха еще на многіе годы, чтобы онъ могъ сдѣлать еще второй и послѣдній шагъ и тѣмъ осчастливить неизмѣнно вѣрный хорватскій народъ!“ (стр. 260—261).

VI.

Заключеніе.

Нельзя сказать, чтобы не было сочиненій совершенно иного направленія, чѣмъ тѣ, на которыхъ мы остановились.

Есть сочиненіе E. Morbeau, La Bosnie depuis l'occupation austro-

Библиотека "Руниверс"

hongroise—1880 г., въ которомъ выставляются всѣ притѣсненія, претерпѣваемыя въ Боснін сербами отъ австрійскаго правительства. A. Malé, La Bosnie et l'Herzégovine [1]) (въ *Revue Bleu* 1896 г.), который то же изобличаетъ неправды, чинимыя Австріей въ Боснін, между прочимъ, говоря о тамошней журналистикѣ, онъ замѣчаетъ о двухъ журналахъ—*Боснякъ*, органъ магометанъ и *Голосъ Герцеговинцевъ* — католическій, что они издаются на средства правительства, а редактируются полиціей, а въ заключеніе говоритъ: „Европа сдѣлала бы актъ человѣчности, если-бы обратила вниманіе на эту сторону; а можетъ быть, это было-бы съ ея стороны просто актомъ осторожности и предусмотрительности".

Послѣднее замѣчаніе особенно важно; притѣсненія австрійскаго правительства въ Боснін и Герцеговинѣ, направленныя на сербовъ и магометанъ, составляющихъ болѣе $^3/_4$ всего населенія, такъ велики, что можно ожидать другаго возстанія, какъ то было въ восьмидесятыхъ годахъ. И другаго исхода для нихъ нѣтъ, потому что исчерпаны уже всѣ средства мирныя и легальныя, испробованы всѣ пути, чтобы добиться справедливости.

Подавались императору Францу-Іосифу петиціи съ сотнями подписей, отправлялись депутаціи изъ лицъ, пользующихся правомъ представительства и непричастныхъ ни къ какимъ агитаціямъ противъ правительства и все это остается втунѣ. Депутаціи не выслушиваются, не принимаются, а по возвращеніи въ Боснію подвергаются преслѣдованію въ формѣ тюремнаго заключенія, штрафовъ и разныхъ мѣръ, ведущихъ къ разоренію. Какія несправедливости творятся по отношенію сербовъ, о томъ можно читать почти въ каждомъ номерѣ сербской газеты, издаваемой не въ Боснін; рядъ статей, изобличающихъ злоупотребленія правителей Боснін и Герцеговины, въ особенности ихъ ловкаго шефа Калая былъ помѣщенъ въ одной нѣмецкой вѣнской газетѣ (помнится, „*Deutsche Zeitung*" 1897 г.). И чего же добиваются сербы? Свободы своей православной церкви отъ вмѣшательства въ ея дѣла чиновниковъ иновѣрцевъ и іезуитовъ; свободы называться сербами и свой законъ, свои произведенія, литературныя и художественныя — называть сербскими; свободы содержать свою школу съ преподаваніемъ на сербскомъ языкѣ. Всѣмъ этимъ они невозбранно пользовались, еще когда были подъ управленіемъ Тур-

[1]) Сочиненіе это мы знаемъ только по переводу его въ сербскомъ журналѣ „Дело" 1897 г., май, стр. 334—46).

Библиотека "Руниверс"

ціи; а теперь все это запрещается. Воздвигнуто гоненіе именно на вѣру и народность. Это неслыханное дѣло не только въ Европѣ, но и ни въ одномъ государствѣ въ другихъ частяхъ свѣта. Путешественники, въ родѣ француза G. Carus'a, очарованные прекраснымъ пріемомъ и способные видѣть только показную сторону, не въ состояніи отрѣшиться отъ внѣшнихъ пріятныхъ впечатлѣній и проникнуть во внутренній смыслъ видѣннаго, гдѣ они нашли бы очень много и непріятнаго.

Другіе же, какъ англичанинъ Thomson, отлично понимаютъ истинное положеніе дѣла и къ страдающей сторонѣ относятся, пожалуй, сочувственно и говорятъ иногда въ защиту ея, если на нее дѣлаются нападки или взводятся несправедливыя обвиненія; но въ существѣ дѣла они такой порядокъ считаютъ необходимымъ, потому что на немъ держатся политическіе расчеты ихъ отечества. Такъ вообще смотрятъ нѣмцы и англичане: первые смотрятъ на Боснію и Герцеговину, какъ на территорію, на которой они могутъ развить свою торговлю, а со временемъ совсѣмъ утвердиться и пойдти дальше: а вторые видятъ въ этомъ противовѣсъ Россіи, которую немогутъ терпѣть ни въ Европѣ, ни въ Азіи (конечно не всѣ).

Но чего хочетъ г. Петринскій? Если онъ не орудіе той клики, которая и теперь совершаетъ въ Босніи всевозможныя неправды, а истинный хорватъ, то мы удивляемся его близорукости.

Развѣ хорватами колонизуется лучшая часть Босніи, Посавина? Развѣ ими наполняются всѣ города, начиная съ Сараева, держащіе въ своихъ рукахъ посредствомъ торговли и канцелярій всю страну, эксплоатируя ее и разоряя туземное населеніе? Развѣ Калай, царящій надъ Босніей, хорватъ? Развѣ Габсбурги, если завладѣютъ окончательно Босніей, передадутъ ее когда-нибудь хорватамъ? Вѣдь они прежде всего австрійскіе эрцгерцоги, создавшіе Австрійскую имперію, облѣпивши свое нѣмецкое герцогство конгломератомъ изъ самыхъ разнообразныхъ формацій. И имперія эта прежде всего нѣмецкая, и въ поступательномъ движеніи поддерживаетъ ее никто другой, какъ Германія, которая въ свою очередь смотритъ на Австрію, какъ на своего піонера. И зачѣмъ Австріи добиваться аннексіи, когда и теперь въ оккупированной странѣ она распоряжается самовольнѣе, чѣмъ въ своихъ старыхъ австрійскихъ земляхъ? Хорватамъ же отъ того не можетъ быть ни тепло, ни холодно. Имъ и теперь въ Босніи развязаны руки для того только, чтобы дѣлать несправедливости сербамъ, и они это дѣлаютъ; но дальше этого ихъ не пустятъ, хотя-бы безъ Босніи, по словамъ г. Петринскаго,

Библиотека "Руниверс"

имъ и угрожала голодная смерть; потому что Австрія заняла её для себя и для своихъ, которые и теперь уже кормятся ею и будутъ кормиться, а хорватовъ до этого не допустятъ.

И зачѣмъ было писать цѣлую книгу и всякими неправдами доказывать, что Боснія принадлежитъ хорватамъ по своему этнографическому составу и по хорватскому государственному праву, когда вопросы подобнаго рода рѣшаются не этнографами и юристами, а на политической аренѣ, гдѣ состязаются дипломатія, финансы и войско?

Франція завладѣла Эльзасомъ и Лотарингіей въ то время, когда эти провинціи по народности были нѣмецкія: а потомъ, когда жители ихъ стали французами, ими завладѣла Германія, и конечно, не по праву, какому то ни было, а потому, что эти провинціи ей были нужны, и она чувствовала себя въ то время сильнѣе Франціи.

Точно въ такомъ положеніи находится и Боснія. Австрія до сихъ поръ управляетъ ею не по какому-либо праву, а только вслѣдствіе полномочія, даннаго ей великими державами; полномочію этому, однако, срокъ не назначенъ, поэтому она можетъ оставаться въ Босніи безсрочно до того момента, когда тѣ же державы попросятъ ее уйдти; но объ этомъ онѣ, кажется, вовсе не думаютъ; а если кто изъ нихъ и думаетъ, то не выступаетъ съ такимъ предложеніемъ, не чувствуя себя готовымъ поддержать свое требованіе силой. Австрія по той же причинѣ не осмѣливается сама совершить аннексію; но какъ только почувствуетъ въ себѣ силу, она не замедлитъ объявить аннексію, не справляясь ни съ какими правами, ни съ чьими-либо желаніями, единственно потому, что эти провинціи ей необходимы: во-первыхъ, для обезпеченія себя со стороны материка въ Далмаціи и во-вторыхъ, чтобы стать прочно на Балканскомъ полуостровѣ.

Тогда престижъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ падетъ; а на его мѣстѣ возвысится престижъ Австро-Германіи.

Въ какомъ положеніи тогда окажутся хорваты, сербы и остальные австрійскіе славяне Балканскаго полуострова, предоставляемъ дорисовать имъ самимъ.

Р—цкій.

Библиотека "Руниверс"

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ ВЪ 1897—1898 АКАДЕМИЧЕСКОМЪ ГОДУ [1]).

Минувшій академическій годъ представилъ тридцать первый годъ со времени возникновенія — въ 1867 на 1-мъ съѣздѣ естество-испытателей въ С.-Петербургѣ—мысли о необходимости устройства правильныхъ курсовъ для женщинъ по историко-филологическимъ и физико-математическимъ наукамъ; двадцатый — со времени учрежденія въ С.-Петербургѣ въ 1878 году высшаго женскаго учебнаго заведенія, носившаго имя покойнаго академика Конс. Ник. Бестужева-Рюмина и девятый — со времени Высочайше утвержденнаго 27-го іюня 1889 положенія комитета министровъ о С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ.

Въ настоящее время высшіе женскіе курсы представляютъ вполнѣ организованное высшее женское учебное заведеніе съ общеобразовательнымъ академическимъ характеромъ и методомъ преподаванія. Они состоятъ изъ двухъ отдѣленій: историко-филологическаго и физико-математическаго, подраздѣляющагося со II курса на чисто математическое и химическое.

На историко-филологическомъ отдѣленіи читаются: Богословіе. Науки философскія: логика; психологія; исторія древней и новой философіи; исторія педагогики; теорія эмпирическаго познанія. Науки историческія: исторіи Россіи; исторія древняго міра; исторія среднихъ вѣковъ; исторія новаго времени; исторія славянскихъ племенъ. Исторія литературъ:—древне-римской;—всеобщей (исторія западно-евро-

[1]) Извлеченіе изъ отчета, читаннаго на актѣ 21-го ноября 1898 года профессоромъ курсовъ *Н. И. Билибинымъ*.

Библиотека "Руниверс"

пейскихъ литературъ: итальянской, французской, нѣмецкой и англійской) въ главнѣйшихъ явленіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ развитію русской литературы; главнѣйшихъ славянскихъ литературъ. Исторія искусства. Науки филологическія: русскій и церковно-славянскій языки въ связи съ общими вопросами историческаго и сравнительнаго языковѣдѣнія; латинскій языкъ, древне-славянскій нарѣчія; французскій языкъ, нѣмецкій языкъ.

На физико-математическомъ отдѣленіи читаются: Богословіе. Чистая математика, а именно: геометрія, тригонометрія, введеніе въ анализъ съ теоріею опредѣлителей, аналитическая геометрія, высшая алгебра, дифференціальное и интегральное исчисленія съ теоріею эллиптическихъ функцій, теорія чиселъ и теорія вѣроятностей съ теоріею конечныхъ разностей. Механика. Физика элементарная и высшая, физическая географія, математическая географія и астрономія. Зоологія. Ботаника. Физико—химія. Химія неорганическая, органическая и аналитическая. Минералогія съ кристаллографіею. Французскій, нѣмецкій и латинскій языки (необязательно). Съ нынѣшняго учебнаго года академическая программа курсовъ расширена введеніемъ преподаванія аналитической химіи, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, каковое совѣтомъ профессоровъ признано необходимымъ.

Въ личномъ составѣ курсовъ за отчетный годъ произошли слѣдующія перемѣны:

Изъ преподавательской корпораціи выбыли: С. Л. Степановъ, профессоръ древней исторіи, М. Д. Львовъ, профессоръ неорганической химіи (временно) и А. А. Гершунъ—ассистентъ при каѳедрѣ физики.

Вновь назначены: руководитель учебною частью курсовъ по историко-филологическому отдѣленію, профессоръ С. Ѳ. Платоновъ и инспектриса курсовъ В. П. Веселовская — непремѣнными членами правленія общества вспомоществованія слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ. Окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета П. Ю. Шмидтъ—ассистентомъ при каѳедрѣ зоологіи; бывшій преподаватель Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи М. И. Ростовцевъ — преподавателемъ римской исторіи; окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ по физико-математическому факультету В. Ѳ. Митковичъ — ассистентомъ при каѳедрѣ физики; окончившая курсъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ (помощница инспектрисы курсовъ) Е. И. Максимова — руко-

Библиотека "Руниверс"

водительницей практическихъ занятій по логикѣ и психологіи; окончившія курсъ наукъ на тѣхъ же курсахъ Л. И. Воронова и А. Ф. Соколова—первая помощницею библіотекаря, а вторая—помощницею письмоводителя высшихъ женскихъ курсовъ.

Въ началѣ отчетнаго 1897—1898 академическаго года всѣхъ учащихся на курсахъ состояло: слушательницъ 747 и вольнослушательницъ 61, всего 808; изъ нихъ на историко-филологическомъ отдѣленіи 624 и на физико-математическомъ—184. Окончило полный курсъ ученія 93 слушательницы и 15 прослушали полный курсъ наукъ въ качествѣ вольнослушательницъ. Въ теченіе года выбыло до окончанія курса по разнымъ причинамъ 97 слушательницъ и вольнослушательницъ. (Замѣчено, что ежегодно выбываетъ до окончанія полнаго курса отъ 10 до 14% слушательницъ и вольнослушательницъ).

Такимъ образомъ къ началу текущаго академическаго года изъ учащихся въ минувшемъ академическомъ году оставалось 603. Число это превышаетъ соотвѣтствующее число минувшаго года на 96.

Установленный въ 1889 году комплектъ для ежегоднаго пріема на высшіе женскіе курсы новыхъ слушательницъ уже въ 1892 году не соотвѣтствовалъ числу желавшихъ получить высшее образованіе на курсахъ, а между тѣмъ число это съ каждымъ годомъ увеличивалось и увеличивается.

Число отказовъ въ пріемѣ съ 1892 года до настоящаго времени равно приблизительно 1.050,

Принимая во вниманіе увеличивающееся съ каждымъ годомъ, среди оканчивающихъ женскія среднія учебныя заведенія Имперіи, стремленіе къ высшему образованію; принимая во вниманіе, что высшіе женскіе курсы есть единственное въ Имперіи женское учебное заведеніе, гдѣ это высшее образованіе можетъ быть получено, и желая, по мѣрѣ возможности, удовлетворить этому благородному стремленію, и именно въ Россіи, въ своемъ отечествѣ, директоръ курсовъ вошелъ съ ходатайствомъ объ увеличеніи комплекта пріема новыхъ слушательницъ въ 1898 году. Г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ принять 300 человѣкъ. Но число поданныхъ прошеній, равное 560, превысило почти что вдвое разрѣшенное число. Тогда съ разрѣшенія г. товарища министра, управляющаго министерствомъ, были приняты, по особому списку, 34 слушательницы, и затѣмъ, по отдѣльнымъ распоряженіямъ министерства и г. попечителя учебнаго округа были приняты еще 23 слушательницы. Такимъ образомъ въ 1898 г. на с.-петер-

Библиотека "Руниверс"

бургскіе высшіе женскіе курсы приняты 357 человѣкъ: 244 слушательницъ и 9 вольнослушательницъ на историко-филологическое отдѣленіе,—и 102 слушательницы и 2 вольнослушательницы на физико-математическое (въ томъ числѣ 4 бывшія слушательницы). Отказано въ пріемѣ 203 лицамъ.

Въ настоящее время общее число учащихся на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ составляетъ 960 человѣкъ,—число, превышающее соотвѣтствующія числа во все время существованія курсовъ, при чемъ 719 обучаются на историко-филологическомъ отдѣленіи и 241—на обоихъ отдѣленіяхъ физико-математическаго отдѣленія.

Слушательницы распредѣляются:

По званію: дворянскаго сословія и дочерей военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ — 585; дочерей лицъ, имѣющихъ высшія ученыя степени — 23; духовнаго званія—56; почетныхъ гражданокъ — 50; городскихъ сословій—178; крестьянокъ—32; слушательницъ дочерей военныхъ чиновниковъ—4; женъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній—9; иностранныхъ подданныхъ—23.

По семейному положенію: дѣвицъ—919; замужнихъ—40; вдовъ—1.

По вѣроисповѣданію: православныхъ—867; римско-католическаго—18; евангелическо-лютеранскаго—29; реформатскаго—4; армяно-григоріанскаго—13; караимскаго—3; старообрядческаго—2; іудейскаго—24.

По лѣтамъ: 16-ти лѣтъ—6, 17—40, 18—95, 19—162, 20—160, 21—132, 22—121, 23—97, 24—42, 25—35, 26—22, 27—14, 28—9, 29—6, 30—5, 31—5, 32—4, 33—1, 34—2, 36—1, 41—1.

По образованію окончившихъ курсъ: на высшихъ женскихъ курсахъ 1, въ заграничныхъ университетахъ 1, на педагогическихъ курсахъ 11, въ институтѣ 85, въ гимназіяхъ 786, въ епархіальныхъ училищахъ 31, въ учебныхъ заведеніяхъ, съ правами женскихъ гимназій 34, въ частныхъ пансіонахъ 2, (вольнослушательницъ имѣющихъ свидѣтельство на званіе домашней учительницы 7 и 2 — домашняго образованія).

557 слушательницъ окончили среднія учебныя заведенія съ наградами, а именно: съ шифрами 15, съ золотыми медалями 273, съ серебряными медалями 160, съ золотымъ браслетомъ 3, съ книгами 104, съ похвальными листами 2.

Научныя занятія на курсахъ въ минувшемъ академическомъ году начались 1-го сентября 1897 г. и окончились во второй половинѣ марта. Съ половины марта до половины мая и въ теченіе первой половины сентября производились переходныя и выпускныя испытанія

Библиотека "Руниверс"

по предметамъ обоихъ отдѣленій — въ комиссіяхъ, состоявшихъ изъ преподавателей предметовъ и ассистентовъ изъ состава совѣта профессоровъ подъ предсѣдательствомъ или директора курсовъ или руководителей учебною частью академика Сонина и профессора Платонова.

Кромѣ того, на испытаніяхъ присутствовали въ качествѣ депутатовъ слѣдующія лица:

1) Отъ духовнаго вѣдомства: наблюдатель за преподаваніемъ Закона Божія въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія преосвященный Іоаннъ, епископъ нарвскій, ректоръ С.-Петербургской духовной академіи.

2) Отъ министерства народнаго просвѣщенія: а) по историко-филологическому отдѣленію: 1) академикъ Шахматовъ и профессоръ Некрасовъ; 2) по физико-математическому отдѣленію:—членъ учебнаго комитета Дмитріевъ и профессоръ С.-Петербургскаго университета Боргманъ.

Кромѣ слушательницъ и вольнослушательницъ курсовъ—въ отчетномъ году, съ особаго разрѣшенія г. попечителя округа, были допущены къ испытанію по латинскому языку и по исторіи римской литературы, съ цѣлью полученія права для поступленія въ женскій медицинскій институтъ, по программѣ курсовъ и въ тѣ дни, въ которые слушательницы держали экзамены по указаннымъ предметамъ окончившія курсъ по физико-математическому отдѣленію, г-жи Колосова, Барташева и Шумкова, которыя обнаружили удовлетворительныя познанія по указаннымъ предметамъ, въ чемъ и получили удостовѣренія.

Въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущіе годы слушательницамъ предлагались, подъ руководствомъ профессоровъ, въ обширномъ размѣрѣ, по предметамъ обоихъ отдѣленій, практическія занятія. Занятія эти преслѣдовали слѣдующія цѣли: лучшее усвоеніе преподаваемаго и пріученіе къ самостоятельнымъ работамъ. Въ отчетномъ году можемъ отмѣтить слѣдующія практическія занятія:

По философіи—на 1 и 2 курсахъ занятія эти состояли преимущественно въ анализѣ различныхъ логическихъ процессовъ, для чего соотвѣтствующій матеріалъ черпался главнымъ образомъ изъ логическихъ задачниковъ, составленыхъ Уэтли, Джевонсомъ и Минто. Занятія эти вела, по указаніямъ и подъ наблюденіемъ профессора Введенскаго, г-жа Е. И. Максимова.

По русской исторіи. Подъ руководствомъ профессора Платонова, практическія занятія слушательницъ старшихъ курсовъ со-

Библиотека "Руниверс"

стояли въ разработкѣ, на основаніи научныхъ пособій и первоисточниковъ, вопросовъ, относящихся къ исторіи низшихъ, тяглыхъ и зависимыхъ, классовъ древне-русскаго общества и къ исторіи податной организаціи московскаго періода. Какъ всегда, участницы работъ дѣлились на группы и совмѣстно изучали какую либо изъ предложенныхъ темъ. Результаты изученія представлялись аудиторіи въ видѣ систематически изложенныхъ тезисовъ, объясненіе и обсужденіе которыхъ производились въ устной бесѣдѣ. Всего было доложено и обсуждено 11 рефератовъ слушательницами: Арнольди, Бундель, Виленцъ, Волковичъ, Добронравовою, Дубяго, Заксъ, Ладинскаго, Столица и Усовою. Профессоръ съ удовольствіемъ заявлялъ о прекрасныхъ достоинствахъ представленныхъ рефератовъ и о самомъ серьезномъ отношеніи работавшихъ къ избраннымъ имъ темамъ и къ общему предмету занятій.

Слушательницами перваго курса было представлено около десяти рефератовъ на темы, взятыя въ предѣлахъ излагаемаго профессоромъ курса. Авторы этихъ рефератовъ, слушательницы: Аслева, Вейхельдъ, Кремлева, Ладинская, Окорокова, Пятницкая и Сычева. старательно воспользовавшись указанными имъ пособіями, умѣли возбудить въ аудиторіи большой интересъ къ дѣлу и вызвать оживленныя бесѣды, въ которыхъ принимало большое участіе значительное число присутствующихъ. Въ развитіи необязательныхъ бесѣдъ по поводу читаемаго курса слѣдуетъ видѣть одно изъ существенныхъ условій успѣшности преподаванія.

По древней исторіи—подъ руководствомъ проф. Иванова, большое число слушательницъ ознакомились съ произведеніями Курціуса и Фюстель де Куланжа. Нѣсколько слушательницъ прочли кромѣ того наиболѣе крупныя изъ имѣющихся въ русскомъ переводѣ произведеній замѣчательнѣйшихъ греческихъ писателей, въ числѣ ихъ—и трактатъ Аристотеля объ аѳинской политіи и нѣкоторые діалоги Платона. Одна изъ слушительницъ написала обстоятельную работу о дельфійскомъ оракулѣ и его политическомъ значеніи у древнихъ грековъ.

Систематическій семинарій по исторіи среднихъ вѣковъ устраиваемый ежегодно подъ руководствомъ профессора И. М. Гревса, въ отчетномъ году былъ сосредоточенъ около дополнительнаго курса, открытаго имъ въ видѣ опыта и предложеннаго для желающихъ рядомъ съ обычнымъ общимъ курсомъ, входящимъ въ кругъ обязатель-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ предметовъ. Темы для рефератовъ, объединенныхъ въ одно цѣлое внутреннею связью, были пріурочены къ слѣдующимъ задачамъ:

1) уясненію основныхъ началъ средневѣковаго общественнаго строя (*феодализма и монархіи*) и міросозерцанія (*теократіи*);

2) подробной разработкѣ *возникновенія и развитія городскаго движенія* (преимущественно во Франціи).

Общій порядокъ занятій осуществлялся на основѣ того же плана, который былъ указанъ и разъясненъ въ предыдущемъ году. Одушевлялись они тою же основною идеею, которая была тамъ формулирована, и должны были представить слѣдующій шагъ или дальнѣйшую степень при выполненіи поставленной тогда цѣли и установленныхъ методовъ. Всего состоялось въ отчетномъ году 16 вечернихъ собраній; составлено и разобрано было 12 большихъ работъ и дополнительныхъ къ нимъ этюдовъ.

Профессоръ-руководитель не останавливается на подробной характеристикѣ хода и результата практическихъ занятій въ отчетномъ году, такъ какъ пришлось бы и нынѣ повторить приблизительно то же, что было высказано въ предшествующемъ. Можно сказать въ формѣ общаго вывода, что поставленная цѣль была достигнута не только въ той степени и съ тѣхъ сторонъ, какъ въ прошломъ году, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ шире и глубже. Около осуществленія предложенной задачи образовалась искренно заинтересованная дѣломъ, относившаяся къ нему вполнѣ сознательно, добросовѣстно и упорно работавшая группа слушательницъ, преимущественно старшихъ курсовъ. Онѣ то и составили основное зерно, которое руководило дѣломъ, несло на своихъ плечахъ дѣйствительно коллективное веденіе его и дружно поддерживало вновь присоединившихся. Такъ какъ съ другой стороны между участвующими находилось нѣсколько лицъ, уже раньше работавшихъ въ томъ же направленіи, то оказалось возможнымъ предъявлять къ выполненію, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ темъ *особенно* серьезныя требованія, обращая авторовъ не только къ широкому ознакомленію съ учеными сочиненіями, но и къ изученію *первоисточниковъ*. Большинство представленныхъ рефератовъ можно считать основательными и нерѣдко удачными опытами аналитическаго разсмотрѣнія историческихъ явленій. Нѣкоторые же изъ нихъ обнаруживаютъ въ авторахъ умѣніе прекрасно справляться съ обширною литературою сложнаго вопроса (таковы, напримѣръ, работы О. Добіашъ и Л. Кремлевой) и могутъ даже приниматься за самостоятельныя

Библиотека "Руниверс"

научныя изслѣдованія (таково сочиненіе О. Козакевичъ, о развитіи королевской власти во Франціи).

Отмѣчая съ удовлетвореніемъ обнаруженные его учениками трудовые успѣхи въ дѣлѣ собственнаго ихъ научнаго просвѣщенія и въ сферѣ укрѣпленія научной традиціи въ историческихъ занятіяхъ на высшихъ женскихъ курсахъ, замѣчая съ радостью, что рядъ лицъ, уже раньше называвшихся въ числѣ его особенно ревностныхъ сотрудницъ, продолжаетъ идти дальше по начертаной дорогѣ, руководитель семинарія по средней исторіи не можетъ не обратить вниманіе на выдающіеся результаты занятій слушательницы 4 курса, Софіи Александровны Новиковой. Какъ видно изъ отчетовъ предыдущихъ лѣтъ, она уже третій годъ систематически работаетъ въ исторической области. Занимаясь развитіемъ общественнаго строя во вторую половину среднихъ вѣковъ во Франціи и Италіи, она спеціально интересуется разъясненіемъ вліянія идейнаго начала въ процессѣ образованія и роста его институтовъ. Объединяя этою точкою зрѣнія свой трудъ, она умѣетъ основательно изучить и ярко изобразить анализируемый вопросъ, а также правильно поставить его въ отношеніи сосуществованія и послѣдовательности, взаимодѣйствія и генезиса съ другими современными и предшествующими движеніями и процессами. Обстоятельно ознакомившись съ развитіемъ демократическихъ учрежденій и связанными съ ними умственными движеніями во Франціи и Италіи въ средніе вѣка, г-жа Новикова пріобрѣла необходимыя свѣдѣнія о римскихъ прецедентахъ этихъ явленій и распространяетъ свой интересъ на послѣдующую эпоху Возрожденія. Кромѣ уже значительныхъ и все расширяющихся знаній, которыми всегда богаты работы г-жи Новиковой, онѣ свидѣтельствуютъ и о вѣрномъ историческомъ пониманіи, тонкомъ чутьѣ правды, которыми обладаетъ авторъ, и всегда проявляютъ его прекрасный вкусъ. Эти свойства характерно отражаются на самомъ языкѣ, которомъ написаны ея сочиненія, рефераты и этюды, и который осуществляетъ привлекательную гармонію содержанія и формы. Стремленія ея здѣсь постоянно направлены къ истинному познанію, освѣщены безпристрастною мыслью, согрѣты гуманнымъ чувствомъ и проникнуты желаніемъ оказывать дѣятельную помощь сотрудницамъ въ общей работѣ. Уже сказанное побуждаетъ признать С. А. Новикову въ полной степени достойною оставленія при курсахъ для дальнѣйшихъ занятій наукою.

Въ заключеніе сообщеннаго выше краткаго отзыва о работахъ слушательницъ по средневѣковой исторіи въ 1897 — 1898 учебномъ

Библиотека "Руниверс"

году, профессоръ-руководитель считаетъ долгомъ высказать слѣдующее сужденіе.

Разсмотрѣнный здѣсь частный случай организаціи коллективныхъ практическихъ занятій наукою является для него новымъ и особенно убѣдительнымъ доказательствомъ возможности строить систему преподаванія въ стѣнахъ нашего учебнаго заведенія на принципѣ научности, проведенномъ во всей строгости и полнотѣ. Слушательницы способны одушевляться жаждою научной правды и добиваться воспитанія въ себѣ необходимой для этого трудовой выдержки. Поэтому расширеніе программы преподаванія на курсахъ есть назрѣвшая необходимость, и, можетъ быть, слѣдуетъ даже сдѣлать опыты устройства при курсахъ скромнаго подобія парижской „Ecole des hautes études" для усовершенствованія подготовки тѣхъ изъ слушательницъ, которыя не хотятъ разставаться съ наукою и по окончаніи образованія.

По исторіи русской литературы, подъ руководствомъ проф. Шляпкина, слушательницамъ 3 курса предлагались занятія по чтенію древнихъ рукописей и актовъ. Были представлены и прочтены три реферата.

Слушательницы 4 курса занимались разборомъ критическихъ статей и отзывовъ о „Войнѣ и Мирѣ" графа Толстого и о „Преступленіи и Наказаніи" Достоевскаго. Кромѣ того, одна изъ слушательницъ занималась собираніемъ матеріаловъ для біографіи и оцѣнки дѣятельности Некрасова.

По исторіи искусствъ, нѣкоторыя слушательницы, уѣзжая за-границу, обращались передъ каникулами къ проф. Щукареву за совѣтомъ относительно музеевъ, памятниковъ и прочихъ достопримѣчательностей тѣхъ странъ (преимущественно Италіи), куда имъ предстояло ѣхать. Эта весьма желательная любознательность была по возможности удовлетворена. Нѣкоторыя изъ слушательницъ собрались однажды вмѣстѣ съ профессоромъ въ „Музей древностей и искусства" С.-Петербургскаго университета, гдѣ и были совмѣстно просмотрѣны различныя изданія памятниковъ и намѣчена программа обзора главныхъ достопримѣчательностей.

По латинскому языку, нѣкоторыя слушательницы, подъ руководствомъ проф. Холодняка, посѣщали рукописное отдѣленіе Императорской Публичной библіотеки, гдѣ ознакомились съ латинскими средне-вѣковыми образцами рукописнаго письма.

На практическія занятія слушательницами 1 курса по математикѣ обращалось и обращается особое вниманіе. Причиною таковаго

Библиотека "Руниверс"

является недостаточная подготовка по математикѣ оканчивающихъ курсъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Практическія занятія, подъ руководствомъ г-жи Шиффъ, состояли 1) въ изложеніи слушательницами того, что онѣ прослушали на лекціяхъ, 2) въ рѣшеніи задачъ въ присутствіи г-жи Шиффъ и 3) въ домашнихъ работахъ.

Эти практическія занятія и были главною причиною того, что большинство слушательницъ перваго курса овладѣло всѣмъ тѣмъ, что ими было прочитано по математикѣ и вполнѣ подготовилось къ слушанію высшаго анализа на старшихъ курсахъ, что и было ими доказано на экзаменахъ.

Какъ результатъ своихъ практическихъ занятій по высшему анализу со слушательницами старшихъ курсовъ г-жа Шиффъ, бывшая слушательница курсовъ, издала въ нынѣшнемъ году прекрасный сборникъ задачъ и упражненій по дифференціальному и интегральному исчисленіямъ, въ каковомъ давно нуждается русская учебная литература. Сборникъ этотъ, будучи рекомендованъ въ нѣкоторыхъ университетахъ, разошелся въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, и г-жа Шиффъ должна была приступить къ 2-му изданію.

Слушательница Леванда представила проф. Коляновичу рефератъ на тему: „Объ уравненіи Якоби“, въ которомъ подробно и обстоятельно разсмотрѣны различные исключительные случаи, встрѣчающіеся при рѣшеніи уравненія Якоби.

По астрономіи занятія въ обсерваторіи, подъ наблюденіемъ проф. Жданова, состояли въ опредѣленіи поправокъ хронометра изъ наблюденій въ меридіанѣ и широты мѣста изъ наблюденій въ первомъ вертикалѣ. Кромѣ того, наблюдалось покрытія звѣздъ и планетъ луною и затменія спутника Юпитера.

Въ занятіяхъ профессору помогала бывшая слушательница г-жа Стахевичъ.

Старшія слушательницы посѣтили Пулковскую обсерваторію съ цѣлью ознакомленія съ инструментами первоклассной обсерваторіи.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о дѣятельности бывшихъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ г-жи Максимовой и Жиловой, работающихъ на Пулковской обсерваторіи. Въ отчетѣ за 1897 — 1898 годъ, представленномъ комитету Николаевской главной астрономической обсерваторіи, ея директоромъ, академикомъ Баклундомъ, читаемъ:

„Какъ и въ предшествующіе годы Евгенія Александровна Мак-

Библиотека "Руниверс"

симова и Марія Васильева Жилова съ полнымъ успѣхомъ принимали участіе въ вычисленіяхъ наблюденій.

Ссылаясь на отчетъ за 1895—1896 годъ, гдѣ мотивировано приглашеніе женщинъ-астрономовъ, я съ особымъ удовольствіемъ теперь констатирую, что польза, которую онѣ принесли нашимъ работамъ, не только оправдала, но даже превзошла мои ожиданія. Ихъ усердіе и научное пониманіе много способствовали ходу обработки наблюденій. Къ этому надо прибавить, что, кромѣ выполненія порученныхъ имъ работъ, онѣ производили и собственныя самостоятельныя научныя изслѣдованія".

На стр. 30 того же отчета читаемъ: „г-жи Максимова и Жилова занимались изслѣдованіями малыхъ планетъ типа Гекубы".

Въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ за апрѣль 1898 года напечатана работа г-жи Жиловой подъ заглавіемъ: „Positionen von tausend ein und vierzig Sternen des Sternhaufens fünf Messiers aus photographischen Aufnahmen abgeleitet".

Занятіями слушательницъ въ физической лабораторіи завѣдывала А. Е. Сердобинская; ея помощницей состояла А. К. Диксонъ. Въ истекшемъ году въ физической лабораторіи работало всего 52 слушательницы. По постановленію педагогическаго совѣта каждая изъ слушательницъ физико-математическаго отдѣленія обязана за время пребыванія своего на курсахъ исполнить не менѣе 8-ми работъ. Изъ 12-ти слушательницъ, окончившихъ курсъ въ этомъ году:

2 исполнили по 21 работѣ, 3 по 18 работѣ, 2 по 15 работѣ, 1 по 13 работѣ, 2 по 11 работѣ, 1 по 10 работѣ, 1 по 8 работѣ.

Слушательницы 3-го курса г-жи Амелина и Пензина предприняли изслѣдованіе физическихъ свойствъ 10% раствора мѣднаго купороса, а слушательницы 3-го же курса г-жи Тихомирова и Энденъ—изслѣдованіе физическихъ свойствъ насыщеннаго раствора сѣрно-кислаго цинка.

Слушательницамъ 1-го курса А. Е. Сердобинская читала лекціи элементарной физики, сопровождая свои чтенія опытами и демонстрированіями, при чемъ должность ея ассистента любезно приняла на себя А. Г. Емельянова. Эту должность г-жа Емельянова безвозмездно исполняетъ уже 3-й годъ. Бывшія слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ А. Г. Емельянова, В. А. Кашерининова и Е. І. Бакстъ продолжали теоретическое изученіе физики и работали въ лабораторіи подъ руководствомъ О. Д. Хвольсона и С. Я. Терешина. А. Г. Емельянова опредѣлила, пользуясь баллометромъ, лучепоглощательную

Библиотека "Руниверс"

способность различныхъ стеколъ въ зависимости отъ ихъ толщины. В. А. Кашерининова, по просьбѣ одного изъ химиковъ, опредѣлила показателей преломленія и дисперсію нѣсколькихъ растворовъ. Е. І. Бакстъ опредѣлила по методу Увриста діэлектрическія постоянныя сѣрнаго эфира и сѣро-углерода.

Слушательницы IV курса работали въ химической лабораторіи по агрономическому анализу подъ руководствомъ проф. Густавсона при участіи руководительницы практическими работами по химіи О. М. Попперъ. Въ программу работъ по агрономическому анализу входитъ изученіе методовъ изслѣдованія почвъ, удобреній, сельскохозяйственныхъ продуктовъ и т. п. Не исключаются при этомъ также и изслѣдованія болѣе спеціальнаго характера въ томъ же направленіи. Такъ, напримѣръ, въ отчетномъ году слушательницею Танаторъ было опредѣлено содержаніе никотина въ нѣсколькихъ сортахъ русскаго табака. Изъ научныхъ работъ по химіи, которыя, понятнымъ образомъ, требуютъ и много времени и полной химической подготовки и поэтому возможны только для окончившихъ курсъ, въ отчетномъ году окончены въ нашей лабораторіи и доложены на химической секціи X съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ двѣ работы: 1) отъ имени Л. Э. Кауфманъ „о вліяніи солей на скорость бромированія ароматическихъ углеводородовъ“ и 2) отъ имени О. М. Попперъ и Г. Густавсона „о диметилтриметиленѣ“. Коснувшись занятій окончившихъ курсъ, необходимо здѣсь отмѣтить то знаменательное обстоятельство, что постоянно повышавшійся со стороны заводовъ и нѣкоторыхъ техническихъ учрежденій спросъ на спеціалистокъ по химіи изъ высшихъ женскихъ курсовъ, настолько возросъ въ текущемъ году, что даже не могъ быть вполнѣ удовлетворенъ наличными силами, за недостаткомъ ихъ. Такимъ образомъ *всѣ*, выбравшія своею спеціальностью химію и пожелавшія примѣнить пріобрѣтенныя ими знанія на практикѣ, достигли этого и продолжаютъ далѣе трудиться въ той же области знаній, которая дала имъ возможность занять самостоятельное положеніе въ жизни.

Слушательницы II и III курсовъ физико-математическаго отдѣленія по обыкновенію проходили въ химической лабораторіи подъ руководствомъ И. В. Богомольца практическій курсъ аналитической химіи.

Слушательницы III и IV курсовъ сдѣлали подъ руководствомъ проф. Мушкетова двѣ экскурсіи. Одну въ музей горнаго института, для осмотра минералогическихъ и геологическихъ коллекцій, а также

Библиотека "Руниверс"

для ознакомленія слушательницъ съ горнозаводскими машинами и съ образцовымъ рудникомъ, въ которомъ слушательницы имѣли возможность наглядно познакомиться съ характеромъ и формами залеганія различныхъ рудныхъ мѣсторожденій, а также съ способами ихъ разработки и съ разными типами подземныхъ выработокъ. Кромѣ того въ началѣ мая (8-го—9-го) сдѣлана была экскурсія на водопадъ Иматру, въ которой принималъ участіе директоръ курсовъ Н. П. Раевъ. Въ эту экскурсію подъ руководствомъ проф. Мушкетова слушательницы (около 80 человѣкъ) ознакомились съ различными физико-географическими и геологическими элементами; такъ въ окрестностяхъ Выборга они осматривали формы залеганія и структуру вулканическихъ породъ (преимущественно финляндскихъ гранитовъ), измѣненіе формы ихъ подъ вліяніемъ дѣятельности древнихъ ледниковъ, условія образованія подземныхъ источниковъ, озерныхъ отложеній и современныхъ озеръ. Въ окрестностяхъ Иматры познакомились съ условіями образованія водопадовъ и вообще дѣятельностью проточной воды, съ происхожденіемъ и развитіемъ рѣчныхъ долинъ, съ древними ледниковыми и озерными отложеніями, между которыми особенно внимательно осмотрѣли древнюю конечную морену-сальпо-селька, ограничивающую съ юга озеро Сайма. Здѣсь же наглядно убѣдились въ тѣсной зависимости современнаго рельефа этой части Финляндіи отъ древняго ледниковаго покрова, а также въ тѣсной связи современной растительности съ различнаго рода геологическими образованіями. Словомъ, экскурсія на Иматру была поучительна во многихъ отношеніяхъ и представляла серьезное дополненіе къ теоретическому курсу, а благодаря участію Н. П. Раева была организована прекрасно.

Практическія занятія по зоологіи велись подъ наблюденіемъ ассистента при зоологическомъ кабинетѣ г. Шмидта и состояли, главнымъ образомъ, въ демонстрированіи и приготовленіи микроскопическихъ препаратовъ.

Практическія занятія съ микроскопомъ по анатоміи растеній велись по особо выработанной программѣ подъ руководствомъ ассистента г. Рихтера; въ весеннемъ полугодіи слушательницы приступили къ практическимъ занятіямъ по физіологіи растеній (впервые въ Россіи), состоящихъ изъ ряда задачъ, знакомящихъ работающихъ какъ съ различными сторонами жизни растительнаго организма, такъ и съ спеціальными методами.

Въ демонстраціяхъ и практическихъ занятіяхъ по систематикѣ растеній помогала академику Коржинскому слушательница IV курса

Библиотека "Руниверс"

А. Ф. Петрушевская. Въ теченіе года въ кабинетѣ занималась слушательница IV курса историко-филологическаго отдѣленія О. С. Кулжинская провѣркою работъ Haberlandt'a, Klebs'a и Townsend'a надъ ролью ядра въ образованіи клѣточной оболочки. Слушательница Шерръ IV курса лѣтомъ 1898 года микроскопировала въ Бессарабіи надъ болѣзнями виноградной лозы.

По окончаніи переводныхъ и выпускныхъ испытаній выяснились слѣдующіе результаты:

По историко-филологическому отдѣленію:

Переведены:	на	II курсъ	168 слуш.	и 11	вольнослуш.
	„	III	110 „	8	
„	„	IV	132 „	9	
Окончили курсъ			80 „	8	„
Оставлены на 2-й годъ:		на I курсѣ	10	слуш.	
		II	9	„	
		III	9	„	
		IV	3	„	

По физико-математическому отдѣленію:

Переведены:	на	II курсъ	51 слуш.	и 3	вольнослуш.
		III „	24	1	
		IV	26	1	„

Окончили курсъ: по математическому отдѣленію 6 слуш. и 6 вольнослуш. и по химическому отдѣленію 6 слуш. и 1 вольнослуш. Оставлены на 2-й г.: на I курсъ 19 слуш. и на 3-й г.:—1 слуш.
II 7 —1 „
„ III 3 —1 „

О положеніи окончившихъ въ отчетномъ году курсъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія: 8 слушательницъ, оставлены, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, совѣтомъ профессоровъ на 5-й годъ при курсахъ для усовершенствованія въ избранныхъ ими предметахъ, и также для приготовленія себя къ преподавательской дѣятельности, 2—поступили въ заграничные университеты, 23—въ женскій медицинскій институтъ, одна—на историко-филологическое отдѣленіе курсовъ, 25—занимаются педагогическою дѣятельностью, 8—въ различныя учрежденія (Археологическая комиссія, палата мѣръ и вѣсовъ, таможня,

Библиотека "Руниверс"

Правленіе жел. дор., хим. лаб. Мор. вѣд., канцелярія Высшихъ женскихъ курсахъ).

Здѣсь кстати должно отмѣтить дѣйствія въ отчетномъ году общества вспоможенія окончившимъ курсъ на Высшихъ женскихъ курсахъ, открытаго въ 1893 г.

За 1897 годъ общество выдало пособія 23 лицамъ на сумму въ 1.375 руб., и къ 1-му января 1898 года располагало капиталомъ въ 2.650 руб.

Библіотека.

Къ началу отчетнаго года въ главной библіотекѣ состояло 7.040 названій въ 16.478 томахъ и 260 брошюръ.

	Названія.	Томы.	Брошюръ.
Въ библіотекѣ пріобрѣтенной отъ вдовы проф. Замысловскаго.	1.910	3.151	1.502
Въ библіотекѣ пожертвованной вдовой академика Обломіевскаго.	366	570	38
Затѣмъ пріобрѣтено согласно постановленію гг. проф.:			
по Богословію.	36 названій	въ 61 томъ.	
по историко-филологическому отдѣленію	93 „	„ 193 „	
по физико-математическому отдѣленію	107 „	„ 178 „	
Итого	236 названій	въ 432 томахъ.	

Кромѣ того, получалось по подпискѣ нѣсколько періодическихъ изданій:

„*Bulletin astronomique de France*“; „*Liebig's Annalen der Chemie*“; „*Beilstein Handbuch der Chemie*“; „*L'année philosophique*“; „*Chemisches Central-Blatt*“; „*Wiedemann's Annalen der Physik*“; „*Ibid. Beiblätter zu den Annalen.*“; „*Berichte der Deutschen Chemischen Gesellschaft и др.*

Всего пріобрѣтено на сумму	2.072	рублей	29 коп.
За переплеты книгъ уплочено	307 „	— „	
Всего израсходовано.	2.379	рублей	29 коп.

На средства получаемыя отъ продажи перевода слушательницъ „Древняя философія“ Виндельбандта 47 названій въ 50 томахъ на 96 р. 39 к.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ того, Ю. М. Вохина, пожертвовала, оставшуюся послѣ смерти художницы Анны Осиповны Константиновой, прекрасно подобранную библіотечку, состоящую изъ 157 названій, 300 томовъ. Г-жа Вохина пожелала, чтобы библіотека А. О. Константиновой находилась всегда въ отдѣльномъ шкапу имени покойной; шкапъ этотъ по желанію г-жи Вохиной пріобрѣтенъ на ея средства. Разными лицами и учрежденіями въ отчетномъ году пожертвовано 190 названій, 410 томовъ, 23 брошюры. Всего къ 1-му сентября 1898 г. состоитъ 9.946 названій, 21.391 томъ, 1.823 брошюры.

Въ отчетномъ году книгами изъ библіотеки пользовались 675 слушательницъ, и ими было взято 5.203 тома.

По отдѣламъ взятыя книги распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	На русск. яз.	На иностр. яз.	Всего.
Было взято сочиненій по Богословію	6	—	6
Философіи, логикѣ, психологіи.	500	170	670
Всеобщей исторіи.	1.006	415	1.421
Русской исторіи	700	3	703
Беллетристикѣ.	308	100	408
Русскіе и европейс. классики.	140	130	270
Всеобщей литературѣ.	328	181	504
Русской литературѣ.	110	—	110
Общественнымъ наукамъ.	85	20	105
Исторіи искусствъ .	35	17	52
Филологіи и лингвистикѣ .	33	7	40
Математикѣ и астрономіи	172	130	302
Физикѣ.	241	71	312
Біологическимъ наукамъ.	79	6	85
Химіи.	152	8	160
Геологіи.	36	14	50
Итого.	3.931 томъ	1.272 тома	5.203 тома.

Зоологическій кабинетъ обогатился нѣсколькими пожертвованіями. Особенно слѣдуетъ упомянуть о микроскопѣ, пожертвованномъ родными бывшей слушательницы курсовъ Маріи Ивановны Павловой, окончившей курсъ въ 1888 году и скончавшейся въ 1896 г.

По окончаніи курсовъ Марія Ивановна сдѣлалась учительницей гимназіи въ своемъ родномъ городѣ Варшавѣ и приступила къ науч-

Библиотека "Руниверс"

нымъ занятіямъ по зоологіи въ лабораторіи профессора Насонова. Здѣсь ею была сдѣлана большая и тщательная работа „Къ строенію кровеносной и симпатической нервной системы у насѣкомыхъ, преимущественно прямокрылыхъ", напечатанная въ „Работахъ при лабораторіи зоологическаго кабинета Императорскаго варшавскаго университета"

Пожертвованный микроскопъ будетъ такимъ образомъ служить на курсахъ памятью о преждевременно скончавшейся труженицѣ.

Изъ другихъ пожертвованій слѣдуетъ упомянуть: 1) о коллекціи бабочекъ, пожертвованной г. Кузнецовымъ, лаборантомъ при физіологической лабораторіи университета; 2) о нѣсколькихъ поступившихъ отъ М. Ѳ. Позенъ тщательно исполненныхъ акварельныхъ рисунковъ морскихъ животныхъ и образцовъ мимикріи у насѣкомыхъ, скопированныя по наилучшимъ иллюстрированнымъ изданіямъ.

Физическій кабинетъ обогатился слѣдующими приборами:

1) Лекціоннымъ приборомъ для демонстрированія опытовъ Герца.

2) Большою катушкою Румкорфа.

3) Приборомъ Бунзена для опредѣленія пло. ости газовъ по скорости ихъ истеченія.

Кромѣ сего, въ аудиторію, гдѣ читаются лекціи по физикѣ, проведенъ перемѣнный токъ со станціи Смирнова.

Введеніе въ практическій курсъ ботаники физіологіи растеній (впервые въ Россіи) вызвало значительное усиленіе инвентаря: кромѣ стеклянной посуды и спеціальныхъ приборовъ изъ стекла, кабинетъ обогатился капитальнымъ пріобрѣтеніемъ въ видѣ стерилизатора Chamberland и шкапа—étuve для постоянныхъ температуръ доктора Roux; благодаря этимъ приборамъ слушательницы получили возможность знакомиться съ культурою низшихъ организмовъ; пріобрѣтено большой микроскопъ Serbert'a съ набором системъ до гомогенной включительно.

Обсерваторія курсовъ и въ этомъ году пользовалась инструментами, принадлежащими главной Николаевской обсерваторіи въ Пулковѣ, а именно: переноснымъ пассажнымъ инструментомъ, небольшою зрительною трубою и звѣздными хронометрами. Теперь приступлено къ установкѣ универсальнаго инструмента, изготовленнаго въ мастерскихъ механика Бамберга (въ Берлинѣ).

Учрежденный на курсахъ въ пособіе преподаванія теоріи и исторіи искусствъ небольшой музей, состоящій главнымъ образомъ изъ

Библиотека "Руниверс"

графическихъ и учебныхъ пособій по названнымъ предметамъ, въ отчетномъ году обогатился слѣдующими пріобрѣтеніями:

Пріобрѣтены покупкою отъ различныхъ фирмъ 330 фотографій. Эти фотографіи воспроизводятъ памятники музеевъ Аѳинъ, Олимпіи, Лондона, Рима, Неаполя, Палермо и Сиракузъ. Кромѣ этого капитальнаго пріобрѣтенія кабинетъ предложилъ получать стѣнныя таблицы Зеемана и Лаупица, Classiches Bilderschatz и Classiches Sculpturenschatz. Въ виду значительно увеличивающагося числа слушательницъ пришлось пріобрѣсти къ существующимъ 10 экземплярамъ атласа Зеемана, служащаго для иллюстраціи чтеній, еще пять. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе приходится убѣждаться, что для такой аудиторіи, какая теперь на курсахъ, единственная подходящая иллюстрація чтеній—проекціонный фонарь, пріобрѣтеніе каковаго и составленіе коллекцій картинъ должно быть теперь ближайшею задачею кабинета.

Положеніе въ будущемъ библіотеки и учебно-вспомогательныхъ учрежденій значительно облегчится вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго 15-го декабря 1897 года слѣдующаго мнѣнія Государственнаго Совѣта: „С.-Петербургскіе Высшіе женскіе курсы имѣютъ право получать изъ за-границы печатныя произведенія, рукописи и учебные предметы и пособія безъ разсмотрѣнія цензуры и оплаты пошлины, при условіи непосредственной выписки указанныхъ выше предметовъ и пособій изъ за-границы".

Совѣтъ профессоровъ имѣлъ въ отчетномъ году 7 засѣданій, на которыхъ было разсмотрѣно и рѣшено 69 вопросовъ.

Дѣятельность Попечительнаго совѣта въ отчетномъ году выразилась въ составленіи смѣты прихода и расхода денежныхъ суммъ и въ рѣшеніи другихъ вопросовъ, касавшихся хозяйственной части учебнаго заведенія. Изъ рѣшеній совѣта можно отмѣтить возбужденіе ходатайства объ увеличеніи платы за помѣщеніе въ интернатѣ съ 270 до 300 р., вызванное увеличеніемъ числа слушательницъ, обязанныхъ жить въ общежитіи, потребовавшемъ найма частныхъ квартиръ, цѣны на которыя сильно поднялись.

На содержаніе высшихъ женскихъ курсовъ въ отчетномъ году получено 181.243 р. 59 к., при чемъ эта сумма составилась такимъ образомъ:

	Рубли.	Коп.
1) отъ слушательницъ за право слушанія лекцій	77.150	—
2) отъ слушательницъ за общежитіе	49.155	—

Библиотека "Руниверс"

3) отъ приходящихъ слушательницъ за обѣды и завтраки	7.626	32
4) субсидіи отъ министерства народнаго просвѣщенія и Спб. городской думы по 3.000 каждая	6.000	—
5) отъ общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ видѣ пожертвованій, членскихъ взносовъ, сборовъ отъ базара, концертовъ, лекцій и др., % на капиталы, отъ продажи деревяннаго дома, платы за квартиры въ домѣ № 31, возвратъ долга общежитіемъ . .	41.292	—
Изъ этой суммы израсходовано 181.082 р. 71½ к., а именно:		
1) на учебно-административную часть	60.243	13½
2) на канцелярію.	1.500	—
3) расходы по общежитію	54.331	08
4) расходы по обѣдамъ .	7.626	32
5) на стипендіи и пособія слушательницамъ .	6.799	51
6) уплачено въ счетъ постройки новаго дома.	23.000	—
7) ремонтъ домовъ . ,	6.559	18
8) уплата % по долговымъ обязательствамъ	9.885	03
9) Телефонъ, освѣщеніе, отопленіе, прислуга, ремонтъ мебели, страхованіе, водоснабженіе и т. п. и разные мелкіе расходы.	11.138	46

Изъ указанной суммы 23.000 р. уплачено въ счетъ постройки новаго дома. Высшіе женскіе курсы уже давно нуждаются въ увеличеніи своихъ помѣщеній и вслѣдствіе расширенія учебнаго плана, требующаго аудиторій, и вслѣдствіе увеличенія числа слушательницъ.

Это расширеніе помѣщеній начало осуществляться. Подъ наблюденіемъ академика архитектуры А. Ѳ. Красовскаго и по плану, имъ составленному, приступлено къ постройкѣ новаго дома, который будетъ непосредственно соединяться съ нынѣшнимъ зданіемъ курсовъ.

Къ сожалѣнію, ограниченность средствъ позволила приступить въ настоящемъ году къ постройкѣ только части проектированнаго зданія, но можно надѣяться, что русское общество, для котораго столь необходимы женщины съ высшимъ образованіемъ и которому высшіе женскіе курсы дали много полезныхъ дѣятельницъ и въ семейной жизни и на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности и которое уже дало средства для устройства нынѣшнихъ помѣщеній курсовъ, не откажетъ въ своей поддержкѣ и въ настоящемъ случаѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ пользу слушательницъ и въ уплату за слушаніе лекцій поступило: 1) отъ щедротъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и 2) отъ различныхъ лицъ и учрежденій — всего 21.240 р. 55 к.

Вся эта сумма израсходована безъ остатка.

Кромѣ сего, постановленіемъ С.-Петербурской городской думы въ увѣковѣченіе памяти скончавшагося статсъ-секретаря Грота учреждены 3 стипендіи его имени на высшихъ женскихъ курсахъ по 100 р. каждая.

На помощь недостаточнымъ слушательницамъ приходило открытое 28-го февраля общество вспомоществованія слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ, непремѣнными членами коего состоятъ профессоръ С. Ѳ. Платоновъ и инспектриса курсовъ В. П. Весселовская. Изъ поступившихъ до сего времени въ кассу общества 3.322 р. 50 к. израсходовано въ пользу слушательницъ 2.500 р.

Въ имѣющихся при курсахъ общежитіяхъ, помѣщающихся частью въ особо построенномъ домѣ рядомъ съ курсами, частью во вновь пріобрѣтенномъ частномъ домѣ, тоже рядомъ съ новымъ зданіемъ курсовъ, а частью—на нанимаемыхъ обществомъ для доставленія средствъ высшихъ женскихъ курсовъ въ частныхъ домахъ квартирахъ помѣщалось 208 слушательницъ. Отчетный годъ можно назвать довольно благополучнымъ по числу заболѣваній, бывшихъ между слушательницами высшихъ женскихъ курсовъ, находившимися въ общежитіи.

Не можемъ не упомянуть съ глубокою благодарностью о безкорыстно оказываемой помощи заболѣвавшимъ слушательницамъ ординаторомъ больницы Св. Маріи Магдалины Юріемъ Григорьевичемъ Барховымъ, который неизмѣнно являлся по первому зову и въ общежитія и на частныя квартиры.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПО ПОВОДУ КНИГИ С. А. ЖЕБЕЛЕВА

„Изъ исторіи Аѳинъ, 229 — 31 годы до Р. Х.—Историческія судьбы Аѳинъ со времени освобожденія ихъ отъ македонской зависимости до Актійской битвы".

Двѣсти лѣтъ исторіи Аѳинъ, хотя бы и періода упадка, обширная и прекрасная тема. Время избранное С. А. Жебелевымъ гораздо менѣе изслѣдуется и обрабатывается учеными, чѣмъ болѣе раннее; по одному этому оно должно привлекать къ себѣ занимающихся греческою исторіею. Оно довольно богато надписями, и всѣ онѣ изучены г. Жебелевымъ и поставлены на подходящее мѣсто. Для приведенія въ порядокъ документовъ, для возстановленія исторіи прежде всего требуется возстановить потерянный списокъ архонтовъ, и г. Жебелевымъ сдѣлано многое для достиженія этой цѣли. Предлагаемая статья не есть полный разборъ труда г. Жебелева, она назначается для выясненія нѣкоторыхъ документовъ, нѣкоторыхъ фактовъ древней исторіи. Общій отзывъ мой о работѣ г. Жебелева такой, что это прекрасная книга, украшеніе нашей научной литературы.

I. Куманудисъ въ III томѣ Ἀθήναιον издалъ минускулами ѳивскую надпись, заключающую въ себѣ конецъ аѳинскаго и начало ѳивскаго постановленія по одному и тому же поводу, и отнесъ ее къ взятію Мунихіи Димитріемъ Поліоркитомъ въ 307 году. В. В. Латышевъ помѣстилъ въ VII томѣ аѳинскихъ Mittheilungen эпиграфическій текстъ надписи по своей копіи, присоединился къ мнѣнію Куманудиса о времени надписи и сопоставилъ ее съ двумя (весьма обломанными) аѳинскими постановленіями, или двумя экземплярами одного постановленія, C. I. A. II 252 и Mittheilungen V p. 322

Библиотека "Руниверс"

(теперь Supplementa Vol. II № 252 d, p. 73). Кёлеръ считаетъ эти два обломка за два экземпляра одного постановленія; но части тождественныхъ фразъ встрѣчаются только въ концѣ втораго обломка по сличенію съ началомъ перваго (всего въ 7 строкахъ) [1]). Первый обломокъ, № 252, гораздо больше; въ немъ упоминается архонтъ Евксенипп, 305—304, въ обоихъ обломкахъ упоминается архонтъ Анаксикратъ, 307—306, во второмъ два раза встрѣчается имя царя Димитрія и три раза имя Мунихіи: несомнѣнно, дѣло шло о взятіи Мунихіи Димитріемъ Поліоркитомъ.—Ѳивскую надпись Куманудиса и В. В. Латышева Диттенбергеръ помѣстилъ въ Inscriptiones Graeciae Septentrionalis подъ №№ 2405—2406 и высказалъ предположеніе, что она относится къ 229 году, и что ѳиване помогли аѳинянамъ при сборѣ денегъ на уплату 150 талантовъ воинамъ Діогена, фрурарха македонскаго, перешедшаго на сторону аѳинянъ послѣ смерти царя Димитрія, сына Антигона Гоната. С. А. Жебелевъ (стр. 7—14) принимаетъ догадку Диттенбергера.

Прежде всего надобно сказать, что начертанія ѳивской надписи позволяютъ относить ее къ концу IV вѣка, какъ предложили два ученыхъ спеціалиста, списывавшихъ надпись. Диттенбергеръ *ничего* не говоритъ о начертаніяхъ.—Далѣе замѣчательно *участіе Ареопага въ денежныхъ дѣлахъ*, которое является въ ѳивскомъ постановленіи; Ареопагъ упоминается и въ сохранившемся концѣ аѳинскаго, и въ обоихъ обломкахъ 252 и 252 d. Такое участіе Ареопагитовъ въ денежныхъ дѣлахъ встрѣчается, если не ошибаюсь, *еще только въ одной надписи*, а именно въ отчетѣ казначеевъ богини *за послѣдніе годы IV вѣка*. Этотъ документъ въ высшей степени замѣчателенъ, такъ какъ до открытія его полагали, что въ казнѣ богини Аѳины въ концѣ IV вѣка уже не было денегъ; и всѣ отчеты казначеевъ Аѳины за IV вѣкъ [2]) инвентари вещей; въ отчетахъ V вѣка встрѣчаются, кромѣ инвентарей, списки *выданныхъ* казначеями суммъ, но не отысканы списки *пріема денегъ*, а въ упомянутой надписи отмѣчены и выдачи, и поступленія денегъ. Это № 737 II тома C. I. Att., p. 97 и Addenda p. 508 sqq. (Dittenberger Sylloge 130). „При Евксениппѣ архонтѣ, при Антигонидѣ первой пританеѣ, 14-го числа

[1]) Диттенбергеръ, по видимому, не нашелъ сходныхъ фразъ, потому что вмѣсто № 252 упоминаетъ № 253, который по внѣшней формѣ больше подходитъ къ № 252 d.

[2]) Кромѣ развѣ Ликурговскихъ списковъ διαιτητικοῦ.

Библиотека "Руниверс"

доставилъ деньги (ἀνεκόμισεν — единственное число оставлено по небрежности), по постановленію народа, которое написалъ Димохаръ Левконоеецъ, 'Αρεοπαγιτῶν οἵδε—слѣдуютъ имена и ταμίας τῶν στρατιωτικῶν Филиппъ Ахарнеецъ: серебра Аттическаго столько то и золотыхъ столько то; и другія деньги, которыя доставилъ (ἐκόμισε) Хіонидъ Θріасіецъ и такой-то, столько-то. Сумма всѣхъ денегъ, что доставили Ареопагиты и ταμίας τῶν στρατιωτικῶν Филиппъ Ахарнеецъ: столько-то".—Мы видѣли, что въ № 252 также упоминаются дѣла при Евксениппѣ архонтѣ.—Издавая въ первый разъ въ полномъ видѣ отчетъ казначеевъ Аѳины конца IV вѣка (находящійся на другой сторонѣ камня съ надписью № 737), Кёлеръ припомнилъ, что Димитрію Фалерейскому приписываютъ усиленіе надзора Ареопага за нравственностью гражданъ, но отрицаетъ, что на основаніи только что приведеннаго мѣста отчета можно предположить, что Димитрій Фалерейскій предоставилъ Ареопагу и финансовый надзоръ (Mittheilungen, томъ V, p. 281). Изъ упомянутыхъ надписей, мнѣ кажется, скорѣе можно вывести, что участіе въ финансовомъ правленіи дано Ареопагу демократіею, возстановленною въ 307 году, послѣ изгнанія Димитрія Фалерейскаго, подъ покровительствомъ Димитрія Поліоркита. Димохаръ Левконоеецъ, по предложенію котораго Ареопагъ и ταμίας τῶν στρατιωτικῶν вносятъ деньги въ казну богини, былъ главою демократической партіи, вмѣстѣ со Стратокломъ. Итакъ упоминаніе объ участіи ареопагитовъ въ государственныхъ финансовыхъ дѣлахъ при Евксениппѣ архонтѣ какъ нельзя лучше подходитъ къ предположенію В. В. Латышева о времени ѳивской надписи. Приведемъ ѳивское постановленіе съ подстрочнымъ переводомъ или объясненіемъ, насколько они возможны.

...ἔλεξε· ἐπιδεῖ ἐπιθεμένω τῶ δά[μω τῶ 'Αθανήων]
Такой-то предложилъ: такъ какъ, когда народъ аѳинскій напалъ,
[τοὶ στροτιώτη τοὶ] καταλειφθέντες ἐν τοῖ Πειρα[εῖι]
воины; оставленные въ Пиреѣ,
[ἐβώλονθο] ἀποδόμεν τὰμ Μωνοχίαν, κομί[τται ἀργύριον]
согласны были отдать Мунихію, достать деньги
['Αθ]ανῆοι τοῖς στροτιώτης αὐτοὶ αὐ[τίκα οὐκ ἔχοντες
ἀδυνατίοντες]
аѳиняне воинамъ сами тотчасъ не будучи въ состояніи,
5. [ἀναμιμνά]σκονθι τὰ εὐεργετ[είματ]α γεγεν[ειμένα]
напоминаютъ добрыя услуги бывшія—

Библиотека "Руниверс"

[ἀγα]θῶν τῶν προ[τ]ην[ὶ πεπρ]αγμέ[νων]
благихъ дѣлъ нѣкогда совершенныхъ
[—ἐπιδ]έξασθη τῶν χρειμάτων τῶν [ὀφειλομένων]
и просятъ взять на себя денегъ должныхъ
\Ιτια ὅπως κα κομιττάμενοι τ[ὰν Μωνυχίαν]
ἐπαίτια?
гарантію, чтобы, доставъ себѣ Мунихію
повинность,
[κ]ὴ λιμένα[ς] διατελίωνθι φίλοι —
и гавани, пребывали друзьями
10. μεν τῆ πόλι Θειβήων τᾶς ἀπολ—
— города Ѳивянъ—
[τοῖς στ]ρατιώτης, δεδόχθαι τοῖ δάμς[ι
воинамъ, пусть постановитъ народъ (то-есть ѳивскій)
— — ὁπόττα παρκέκλειχε αὐ[τὸν ὁ]
взять на себя сколько увѣщевалъ его
[δᾶμος Ἀθανήων ἐν τ]οῖ Προστατειρίοι μεινὶ κα—
народъ Аѳинянъ, въ Простатиріѣ мѣсяцѣ
τ[αμία]ς κὴ τοὶ Ἀρεοπαγῖτη κὴ—
казначей и Ареопагиты и—
15. [τα]λάντων κὴ δύο κὴ δρα[χμ]ά[ων
талантовъ и двухъ и драхмъ
[κὴ—ὀβολ]ῶν κὴ ἡμιωβελίω, τὸ ἐπιβάλλον
и — оболовъ и половины обола, приходящуюся долю
должную
[τᾶς πόλιο]ς Ἀθανήων [ἔ]χι ἁ πόλις Θειβ
расписку города аѳинянъ имѣетъ городъ Ѳивянъ
[ήων———] ων, ὅπως κα διαμένοι ἁ φ[ιλία —
чтобы пребывала дружба
ος ἄνδρας ο

Возстановленія, какія я себѣ позволилъ, грѣшатъ, вѣроятно, противъ віотійскаго діалекта; я имѣлъ въ виду только объяснить, что по смыслу должно быть добавлено. Диттенбергеръ замѣчаетъ, что въ надписи віотійскій діалектъ не строго выдержанъ. Я предполагаю, что кто нибудь обѣщалъ аѳинянамъ немедленно внести нужныя для уплаты воинамъ деньги съ тѣмъ, чтобы ѳивяне поручились, или взяли на себя обязанность (ἐπιδέξασθη τῶν χρειμάτων ἐπαίτια) уплатить за

Библиотека "Руниверс"

аѳинянъ въ мѣсяцѣ Простатиріѣ. Казначей и ареопагиты, пріѣхавъ въ Ѳивы, заявили, какая сумма нужна (32 таланта, или 22 и пр.). Ѳивы получили расписку Аѳинъ въ должной суммѣ, или какой нибудь залогъ (τὸ ἐπιβάλλον ἐνέχυρον или σύγγραμμα). Куманудисъ и Мейстеръ читали въ стр. 8 (ѳивскаго постановленія) ἄρτια, но В. В. Латышевъ замѣчаетъ, что вторая буква скорѣе I. Само собою разумѣется, что мы имѣемъ ѳивское постановленіе, а не переводъ аѳинскаго, какъ думалъ Мейстеръ.—Упоминаніе *о казначеѣ* я дополнилъ по аналогіи съ вышеприведеннымъ мѣстомъ отчета казначеевъ Аѳины. Ѳиване могли назвать аѳинскаго ταμίας τῶν στρατιωτικῶν просто ταμίας.

Но ко взятію Мунихіи Димитріемъ ѳивское постановленіе все-таки едва ли относится. Видно, что ѳиване сильно помогли аѳинянамъ, а въ 307 году на чьей сторонѣ были Ѳивы? Они были возстановлены Кассандромъ въ 315 году, при чемъ аѳиняне τὸ πολὺ μέρος τοῦ τείχους ἀνέστησαν (Diod. XIX 54). Вотъ, между прочимъ, recens εὐεργέτημα аѳинянъ (см. стр. 5 и 6 ѳивскаго постановленія). Въ 312 году Птолемей (въ надписи Полемей), племянникъ и полководецъ Антигона, взялъ Кадмею, изгналъ гарнизонъ Кассандра и освободилъ Ѳивы (Diod. XIX 78). Въ 310 году Птолемей отпалъ отъ Антигона и перешелъ на сторону Кассандра (Diod. XX 19); въ 309 онъ былъ убитъ Птолемеемъ сыномъ Лага (27). Въ разказѣ Діодора и Плутарха о взятіи Мунихіи и освобожденіи Аѳинъ Димитріемъ въ 307 году упоминается, что Димитрій Фалерейскій былъ отпущенъ Димитріемъ Поліоркитомъ съ проводниками въ Ѳивы, какъ просилъ. Г. Жебелевъ справедливо видитъ здѣсь, что Ѳивы скорѣе на сторонѣ Кассандра. Но главное, въ Пирей ворвался и Мунихію осаждалъ и взялъ самъ Димитрій съ большимъ войскомъ, и Діонисій, начальникъ гарнизона Мунихіи, былъ взятъ въ плѣнъ, и гарнизонъ положилъ оружіе, или принужденъ былъ передаться Димитрію. Діодоръ XX 45: διὰ τῶν πετροβόλων ἐρημωθέντος τοῦ τείχους, ἐνέπεσον εἰς τὴν Μουνυχίαν, καὶ τοὺς μὲν φρουροὺς ἠνάγκασαν θέσθαι τὰ ὅπλα [1]), τὸν δὲ φρούραρχον Διονύσιον ἐζώγρησαν. Плутархъ Dem. 10: πάλιν ἐπανελθὼν πρὸς τὴν Μουνυχίαν καὶ στρατοπεδεύσας ἐξέκοψε τὴν φρουρὰν καὶ κατέσκαψε τὸ φρούριον. По Плутарху Димитрій, обложивъ Мунихію, взялъ Мегары, а потомъ вернулся къ Мунихіи, по Діодору взялъ Мегары послѣ взя-

[1]) Выраженіе τίθεσθαι τὰ ὅπλα μετὰ τῆς πόλεως употребляется въ смыслѣ добровольнаго перехода на сторону аѳинянъ, но тогда вмѣстѣ со словами: παρακαλοῦντος τοῦ δήμου, ὑπήκουσεν τῷ δήμῳ. C. I. A. II 317.

Библиотека "Руниверс"

тія Мунихіи. Новонайденный обломокъ Marmoris Parii подтверждаетъ разказъ Плутарха; тамъ двѣ отдѣльныя эпохи: Димитрій взялъ Пирей при архонтѣ Керимѣ; Димитрій разрушилъ Мунихію при архонтѣ Анаксикратѣ. По Плутарху Димитрій подплылъ къ Пирею πέμπτῃ φθίνοντος Θαργηλίωνα, положимъ въ концѣ мая 307, слѣдовательно еще въ годъ Керима; а Мунихія была взята, можетъ быть, черезъ два мѣсяца, то-есть, въ началѣ года Анаксикрата. Гарнизонъ Мунихіи или былъ перебитъ, или сдался. Ни о какихъ уплатахъ денегъ гарнизону Мунихіи въ 307 году не могло быть рѣчи. Метикъ, въ честь котораго аѳинское постановленіе обломковъ 252 и 252 d (если дѣйствительно это два экземпляра одного постановленія). Пирръ или Пиррій Ираклеотъ, давалъ нѣсколько разъ деньги аѳинянамъ при архонтѣ Анаксикратѣ, во время осады Мунихіи, или во время разрушенія ея, и вообще χρήσιμον ἑαυτὸν παρέσχετο (252 d, vs. 5); давалъ деньги и εἰς τὴν σιτωνίαν (252, vs. 11), и при Евксениппѣ.

Къ освобожденію Пирея и Мунихіи 229 года ѳивское постановленіе также не можетъ относиться, потому что тогда не было никакого нападенія аѳинянъ на Пирей. Услуга Діогена, сдавшаго Пирей, Мунихію и другія крѣпости, была поставлена аѳинянами чрезвычайно высоко; такъ что потомъ ему даже божескія почести воздавали. Въ постановленіи въ честь Евриклида заслуга Діогена ставится выше заслуги Евриклида: καὶ τὴν ἐλευθερίαν ἀποκατέστησεν τῇ πόλει μετὰ τοῦ ἀδελφοῦ Μικίωνος μετὰ τοὺς ἀποδόντας τὸν Πειραιᾶ. Такого выраженія (въ родѣ μετά γε τοὺς θεούς) нѣтъ ни въ какомъ другомъ почетномъ постановленіи. Далѣе слѣдуетъ: καὶ τὰ εἰς τὸν στέφανον τοῖς στρατιώταις τοῖς ἀποκαταστήσασιν μετὰ Διογένους τὰ χωρία χρήματα ἐπώρισεν (C. I. A. II 379, Dittenberger Syll. 180). Не было бы такого почета, такой благодарности (γυμνάσιον Διογένειον, праздникъ Διογένεια), еслибы еще пришлось ἐπιτίθεσθαι (см. стр. 1 ѳивскаго постановленія).

Припомнимъ, въ самыхъ краткихъ чертахъ, исторію Аѳинъ послѣ 307 года. Послѣ битвы при Ипсѣ 301 года аѳиняне отпали отъ Димитрія. Въ 295 году Димитрій взялъ Аѳины, оставилъ имъ самоуправленіе, но не отдалъ Пирея. Въ 294 году Димитрій сдѣлался царемъ Македоніи. При Лисіѣ архонтѣ, въ 292—291 году, аѳиняне возмутились противъ Димитрія. (См. А. Н. Щукарева Изслѣдованія, стр. 90 слѣд.). Димитрій опять покорилъ Аѳины, можетъ быть, въ 290 году, и тогда поставилъ гарнизонъ въ Мусіѣ, въ самомъ уже

Библиотека "Руниверс"

городѣ. Павсаній I, 25, 5: Δημήτριος — μετὰ τὴν Λαχάρους φυγὴν οὐκ ἀπέδωκε σφισι τὸν Πειραιᾶ, καὶ ὕστερον πολέμῳ κρατήσας ἐσήγαγεν ἐς αὐτὸ φρουρὰν τὸ ἄστυ, τὸ Μουσεῖον καλούμενον τειχίσας. Плутархъ смѣшиваетъ двѣ войны Димитрія съ аѳинянами въ одну, но и онъ говоритъ, что Димитрій, не довольствуясь Пиреемъ и Мунихіею, поставилъ гарнизонъ въ Мусій. Надписи совершенно подтверждаютъ этотъ фактъ. Въ 287 году, послѣ сверженія Димитрія съ македонскаго простола, аѳиняне опять возмутились противъ Димитрія, напали, подъ предводительствомъ Олимпіодора, на Мусій и взяли это укрѣпленіе. Pausan. I, 26, 1, 2. При этомъ аѳиняне потеряли убитыми 13 человѣкъ. Pausan. I, 29, 11. Надписи C. I. A. II 317 и 318 (два экземпляра одного постановленія) показываютъ, что часть воиновъ гарнизона Мусія передалась на сторону аѳинянъ (см. статью мою объ Аристомахѣ аргосскомъ). Переворотъ лѣта 287 года, начала архонтства Діокла, отмѣченъ въ нѣсколькихъ большихъ надписяхъ аѳинскихъ, въ постановленіяхъ въ честь Спартока, въ честь Авдолеонта, въ честь Филиппида; постановленіе въ честь Зинона, наварха Птолемея, такъ прекрасно сложенное А. Н. Щукаревымъ изъ двухъ обломковъ, состоялось тотчасъ по освобожденіи Аѳинъ, и конечно прибытіе флота египетскаго было въ связи съ возстаніемъ аѳинянъ, можетъ быть дало сигналъ возстанію (А. Н. Щукаревъ, Изслѣдованія 113, Supplementa Vol. II, 309 b). При Діоклѣ архонтѣ возвратился въ Аѳины Димохаръ, какъ сказано въ извѣстномъ постановленіи въ честь его, приложенномъ къ біографіямъ X ораторовъ. Аѳиняне хлопочутъ теперь о томъ, чтобы выручить Пирей съ Мунихіею, гдѣ еще оставался гарнизонъ Димитрія. Филиппидъ, пользовавшійся расположеніемъ Лисимаха, постоянно просилъ царя „помочь и деньгами, и хлѣбомъ, чтобы народъ (аѳинскій) пребывалъ свободнымъ и досталъ себѣ какъ можно скорѣе Пирей и крѣпости“. Итакъ въ Боидроміонѣ мѣсяцѣ архонтства Евѳія, въ сентябрѣ 284 года Пирей еще занятъ гарнизономъ Димитрія, или его сына, Антигона Гоната, такъ какъ въ это время Димитрій былъ уже въ плѣну; онъ умеръ въ 283 г., и тогда Антигонъ надѣлъ царскую діадему. Владѣнія Антигона Гоната были только въ Элладѣ: Коринѳъ, Мегары, Пирей, вѣроятно Евбея, Димитріада. Скоро произошла война Лисимаха съ Селевкомъ. Послѣ убіенія Селевка Птолемеемъ Керавномъ Антигонъ борется съ Птолемеемъ, старается завладѣть Македоніею. Это было въ 280 г.; именно весною этого года Пирръ съ большимъ войскомъ отправляется въ Италію. Греки воспользовались такими благопріятными обстоятель-

Библиотека "Руниверс"

ствами: смертью Лисимаха и Селевка, отсутствіемъ Антигона и Пирра, междоусобіемъ въ Македоніи. Именно въ 280 году возобновляется ахейскій союзъ, сначала между четырьмя городами, какъ извѣстно изъ Поливія. Вотъ что говоритъ Юстинъ (XXIII): Interim in Graecia dissidentibus inter se bello Ptolemaeo Cerauno et Antiocho et Antigono regibus omnes ferme Graeciae civitates ducibus Spartanis, velut occasione data ad spem libertatis erectae, missis invicem legatis, per quos in societatis foedera alligarentur, in bellum prorumpunt. Вполнѣ вѣроятно, что въ это именно время Олимпіодоръ и выручилъ Пирей и Мунихію. Разказавъ о взятіи Мусія Олимпіодоромъ, Павсаній прибавляетъ: Ὀλυμπιοδώρῳ δὲ τόδε μέν ἐστιν ἔργον μέγιστον, χωρὶς τούτων ὧν ἔπραξε Πειραιᾶ καὶ Μουνοχίαν ἀνασωσάμενος. Я предполагаю, что ѳивское постановленіе относится къ этому освобожденію Пирея и Мунихіи Олимпіодоромъ. *Аѳиняне напали* на Пирей, и *воины, оставленные въ Пиреѣ*, согласились *отдать Мунихію* за деньги. Аѳиняне дѣйствительно *выручили Мунихію и гавани*: во время Хремонидовской войны, положимъ съ 269 до 265 года, когда Антигонъ осаждалъ Аѳины, Пирей былъ въ рукахъ аѳинянъ, тамъ начальствовалъ Главконъ, братъ Хремонида; Антигонъ, кромѣ сухопутнаго войска, флотомъ запиралъ аѳинянамъ морскія сообщенія, слѣдовательно блокировалъ Пирей (καὶ ναυσὶν ἅμα ἐκ θαλάσσης κατεῖργεν—Pausan. I, 1, 1—πεζῷ τε καὶ ναυσὶν ἐπὶ Ἀθήνας στρατεύει).

Что касается ѳеспійской надписи, или двухъ надписей (Inscript. Graeciae Sept. 1737 и 1738: Диттенбергеръ думаетъ, что это обломки одного камня), то тамъ отмѣчено только, что аѳиняне должны ѳеспійцамъ столько-то, что *ѳеспійцы за народъ аѳинскій* заплатили кому-то, должно быть. Диттенбергеръ замѣчаетъ, что по начертаніямъ и діалекту ѳеспійскіе обломки отлично подходятъ къ 229 году. Возможно, что аѳиняне занимали у ѳеспійцевъ въ 229 году, но изъ этого ничего не слѣдуетъ для ѳивскаго постановленія.

Въ 287 году была въ Аѳинахъ возстановлена демократія: это видно изъ многихъ выраженій надписей въ честь Спартока, Филиппида и пр.; Димохаръ былъ изгнанъ ὑπὸ τῶν καταλυσάντων τὸν δῆμον, а возвращенъ въ 287. Филиппида въ 284 году хвалятъ за вѣрность демократіи: καὶ οὐθὲν ὑπεναντίον πρὸς δημοκρατίαν οὐδεπώποτε ἐποίησεν οὔτε λόγῳ οὔτ' ἔργῳ: Supplem. 314, p. 86. Точно такія же похвалы даются Димохару въ постановленіи его сына Лахита: καὶ φυγόντι μὲν ὑπὲρ δημοκρατίας, μετεσχηκότι δ' οὐδεμιᾶς ὀλιγαρχίας οὐδ' ἀρχὴν οὐδεμίαν ἠρχότι καταλελυκότος τοῦ δήμου и пр. καὶ μηδὲν ὑπεναντίον τῇ δημοκρατίᾳ

Библиотека "Руниверс"

πεπραχότι μήτε λόγῳ μήτε ἔργῳ. Въ оивскомъ постановленіи мы видимъ въ 280 году (если справедлива моя догадка) такое же участіе Ареопага въ финансовыхъ дѣлахъ при демократіи, какъ въ 305. Ареопагитская рѣчь Исократа изображаетъ демократію съ вліяніемъ Ареопага, демократію до реформы Эфіальта какъ идеалъ народнаго правленія. Въ концѣ IV вѣка хотѣли осуществить этотъ идеалъ.

Вернемся еще разъ къ отчету казначеевъ Аѳины 306 и слѣдующихъ годовъ (C. I. A. II 737, Addenda; Dittenb. Syll. 130). Въ немъ сказано, что Авронъ сынъ Ликурга Вутадъ былъ при Коривѣ архонтѣ ταμίας τῶν στρατιωτικῶν (306—305). Въ большой надписи о ремонтѣ стѣнъ C. I. A. II 167 Авронъ въ должности τοῦ ἐπὶ τῇ διοικήσει вмѣстѣ съ политами (οἱ πωληταί) отдаетъ съ подряда работы. Необходимо принимать, что Авронъ получилъ должность τοῦ ἐπὶ τῇ διοικήσει не на четырехлѣтіе до 306—305 года, какъ полагаетъ Кёлеръ (Mitthеil. V 267), а на четырехлѣтіе съ 305 до 301, потому что званіе τοῦ ἐπὶ τῇ διοικήσει едва ли было совмѣстимо съ властью Димитрія Фалерейскаго; или что Авронъ былъ ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει въ годъ архонта Анаксикрата 307—306; такъ какъ не доказано, чтобы эта должность всегда давалась на четыре года, и нѣтъ необходимости считать начало ея непремѣнно съ великихъ Панаѳиней. Затѣмъ слѣдуетъ согласиться съ Кёлеромъ, что подъ *четырехлѣтнею* войною надобно разумѣть войну Кассандра съ Димитріемъ въ Элладѣ, или съ эллинами, освобожденными Димитріемъ. Четыре года войны надобно считать съ 305 до 301 года. Въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ упоминается τετραετὴς πόλεμος, сказано, что Димохаръ строилъ стѣны, приготовлялъ оружіе, метательные снаряды и машины и укрѣпилъ городъ во время четырехлѣтней войны. Именно къ этому времени и относится ремонтъ стѣнъ Аврона. Въ нѣсколькихъ надписяхъ упоминается о построеніи башенъ, о приготовленіи оружія и метательныхъ снарядовъ въ эти послѣдніе годы IV вѣка. Напримѣръ, въ нижней части поставленія въ честь Никандра и Полизила Suppl. 270, p. 78, по сравненію съ II, 733 B. О войнѣ въ Элладѣ въ 304 и слѣдующихъ годахъ разказывается у Діодора. О походахъ Кассандра на Аттику въ эти годы упоминается въ постановленіяхъ въ честь Тимосѳена каристійскаго (уже при Коривѣ архонтѣ, C. I. A. II 249, Ditt. Syll. 129), въ честь Андротима (Ἀνδρότιμος, сынъ знаменитаго адмирала Неарха,—имя возстановлено по догадкѣ г. Панченка, сообщенной мнѣ на студенческихъ занятіяхъ надписями, C. I. A. II 266, Ditt. Syll. 133). О наступательной кампаніи Димитрія и ополченія

Библиотека "Руниверс"

эллиновъ противъ Кассандра въ 302 году, разказанной Діодоромъ и кончившейся мирнымъ договоромъ въ Θессаліи, см. статью мою „Александръ сынъ Кратера“ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1897. Въ новомъ обломкѣ Marmoris Parii упоминается, и подъ вѣрною датою 302—301, этотъ предварительный мирный договоръ, неутвержденный Антигономъ и тотчасъ же нарушенный. Послѣдняя кампанія четырехлѣтней войны была въ 301 году, и теперь эллины все время отступали передъ Кассандромъ. Я предполагаю, что объ этомъ именно отступленіи упоминается въ началѣ постановленія аѳинскаго въ честь Аристомаха аргосскаго (см. ту же статью), что аргосцы со своимъ вождемъ Аристиппомъ отступали вмѣстѣ съ аѳинянами до длинныхъ стѣнъ и Пирея. Къ моей догадкѣ прямо подходитъ упоминаніе Павсанія I, 26, 3 о такомъ подвигѣ Олимпіодора: πρότερον δὲ ἔτι τούτων (то-есть, раньше взятія Мусія 287, освобожденія Пирея и Мунихіи 280, побѣды надъ македонянами въ стычкѣ при Элевсинѣ, которая могла быть въ 297 году), ἐσβαλόντος εἰς τὴν Ἀττικὴν Κασσάνδρου πλεύσας Ὀλυμπιόδωρος εἰς Αἰτωλίαν βοηθεῖν Αἰτωλοὺς ἔπεισε, καὶ τὸ συμμαχικὸν τοῦτο ἐγένετο Ἀθηναίοις αἴτιον μάλιστα διαφυγεῖν τὸν Κασσάνδρου πόλεμον. Олимпіодоръ былъ тотъ τῶν τε πεζῶν ἡγεμὼν καὶ τῶν ἱππέων, который упоминается въ надписи въ честь Аристомаха. Когда пришлось отступить до Аѳинъ и укрыться въ длинныхъ стѣнахъ и Пиреѣ, Олимпіодоръ отправился въ Этолію и успѣлъ устроить диверсію со стороны этолійцевъ. Дройзенъ справедливо замѣчаетъ, что слова: διαφυγεῖν τὸν Κασσάνδρου πόλεμον не подходятъ ни къ какой войнѣ Кассандра съ аѳинянами до 302—301 года. Онъ относитъ походъ Кассандра въ Грецію ко времени послѣ битвы при Ипсѣ, къ веснѣ 300 года. Но неужели Кассандръ въ 301 году ровно ничего не дѣлалъ? И аѳиняне конечно, тотчасъ, какъ узнали о битвѣ при Ипсѣ, перешли подъ покровительство Лисимаха и Кассандра. Когда Олимпіодоръ помогъ элатейцамъ отбить осаду Кассандра, о чемъ Павсаній упоминаетъ въ трехъ мѣстахъ своего сочиненія, трудно сказать; всего вѣроятнѣе, также въ 301 году.

Послѣ 280 года и раньше возвращенія Пирра въ Грецію аѳиняне заключили союзъ съ Антигономъ, или примкнули подъ его покровительство. Мы не знаемъ исторіи этого времени: могло быть много политическихъ комбинацій, остающихся намъ неизвѣстными. Македонія потерпѣла въ 279 году страшное разореніе отъ галловъ. Страшная опасность соединила грековъ. Въ отраженіи нашествія галловъ, бывшаго весною 278 года, приняли участіе аѳиняне, этолійцы, віотійцы

Библиотека "Руниверс"

и нѣкоторые другіе эллины, и цари Антіохъ и Антигонъ прислали на помощь отряды. Въ слѣдующіе годы Антигонъ одержалъ побѣду надъ галлами. Аѳинское постановленіе при Іеронѣ архонтѣ гласитъ, что попечители мистерій, выбранные на годъ архонта Поліевкта, принесли жертвы Димитрѣ и Корѣ и другимъ богамъ за совѣтъ и народъ аѳинскій, дѣтей и женъ и за царя Антигона. Suppl. 323, 6, Поліевктъ, вѣроятно, 277—276 года, Іеронъ 276—275. А. Н. Щукаревъ, стр. 155—161.

II. Никто изъ древнихъ авторовъ не ставитъ вопроса, почему Аратъ не присоединилъ Аѳины къ ахейской симполитіи; такой вопросъ ставятъ только новые ученые. Во-первыхъ Аратъ не имѣлъ надъ Аѳинами въ 229 году силы. Опять припомнимъ, какъ аѳиняне цѣнили услугу Діогена [1]). Аратъ только помогъ аѳинянамъ деньгами. Во-вторыхъ, имя Аѳинъ было слишкомъ велико и грандіозно, чтобы имъ называться „аѳинянами-ахейцами“. И римляне не включили Аѳины въ Achaia, была ли она provincia, или часть провинціи. Много разъ судьба ставила аѳинянъ въ положеніе виноватыхъ передъ римскимъ правительствомъ, и все-таки и Сулла, и Цезарь, и Августъ оставили Аѳины свободнымъ городомъ.

III. Политическія отношенія въ Греціи при заключеніи мира Филиппа съ этолійцами въ 217 году и въ послѣдующее время изложены С. А. Жебелевымъ не вполнѣ точно (стр. 78). Никакого *союза* грековъ съ македонянами не было въ 217 году заключено. Союзъ ахейцевъ, віотійцевъ, акарнановъ и другихъ съ Македоніею оставался со времени Антигона Досона. Никакого *временнаго увлеченія* аѳинянъ Филиппомъ (стр. 82) незамѣтно. Ксенофанъ аѳинянинъ, бывшій въ 215 году посломъ отъ Филиппа къ Аннибалу, не былъ *посредникомъ* (стр. 74), но служилъ у Филиппа.

IV. Римлянамъ удалось удержать Филиппа въ Греціи и Иллиріи на все время аннибаловской войны. Филиппъ дѣйствовалъ очень мѣшкотно. Въ 214 году пропретору М. Валерію Левину поручено было наблюдать за Филиппомъ и охранять Брундизій и берегъ Калабріи; у него былъ одинъ легіонъ и небольшой флотъ. Узнавъ о прибытіи Филиппа къ берегу Иллиріи, Валерій переправился къ Орику, и посланный имъ простой praefectus sociorum Кв. Невій Криста ночнымъ нападеніемъ нанесъ пораженіе Филиппу подъ Аполлоніею, союзнымъ

[1]) Возстановленіе имени Діогена въ спискѣ ἐπιδόσεων, стр. 24 книги г. Жебелева, весьма удачно.

Библиотека "Руниверс"

съ Римомъ городомъ. Филиппъ возвратился въ Македонію. Съ тѣхъ поръ Валерію постоянно продолжали команду и предоставили заботу о Греціи и Македоніи. Въ 211 году Валерію удалось заключить союзъ съ этолійцами. Условлено было, что этолійцы тотчасъ начнутъ войну противъ Филиппа; что римляне будутъ имъ помогать флотомъ не менѣе 25 квинкверемъ; что всѣ города, какіе будутъ взяты во всей землѣ къ югу и востоку отъ Коркиры, съ ихъ округами будутъ отданы этолійцамъ, а вся добыча (то-есть люди и все движимое имущество) римлянамъ; положено пригласить къ союзу элейцевъ, лакедемонянъ, Аттала и Плеврата и Скердиланда. Левинъ обѣщалъ возвратить этолійцамъ города, отнятые отъ нихъ Филиппомъ и македонянами; возвратить въ этолійскую симполитію акарнановъ. Во время союзнической войны (220—217) этолійцы дѣйствительно потеряли нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ Эніады. И вотъ еще въ 211 году Левинъ взялъ Эніады и возвратилъ этолійцамъ: Liv. XXVI 24. Cf. Polyb. IV 65, IX 39. Весною 210 года Левинъ прибылъ изъ Коркиры въ Навпактъ и объявилъ, что онъ имѣетъ намѣреніе напасть на Антикиру, и чтобы Скопа стратигъ и этолійцы были тамъ въ то же время—ut praesto ibi Scopas Aetolique essent. Sita Anticyra est in Locride laeva parte sinum Corinthiacum intranti. Tertio ferme post die utrimque oppugnari coepta est. Черезъ нѣсколько дней городъ сдался и отданъ этолійцамъ, добыча римлянамъ. Затѣмъ Левинъ получилъ извѣщеніе, что онъ заочно избранъ въ консулы, и что ему назначенъ въ Греціи преемникомъ П. Сульпицій проконсулъ. Такъ довольны были римляне дѣйствіями Валерія Левина въ Греціи. Liv. XXVI 26. Но приморскіе города Греціи теперь были въ крайней опасности отъ разбойническаго договора этолійцевъ съ римлянами. Въ отрывкахъ IX книги Полибія сохранились большія рѣчи бывшихъ въ Спартѣ пословъ, этолійскаго Хленея и акарнанскаго Ликиска. Этолійцы, очевидно, приглашаютъ лакедемонянъ, какъ то было предусмотрѣно въ договорѣ съ римлянами, присоединиться къ союзу римлянъ съ этолійцами. Акарнанецъ говоритъ съ отвращеніемъ о договорѣ римлянъ съ этолійцами и упоминаетъ о недавнемъ взятіи Антикиры. „Этолійцы нынѣ заключили договоръ съ римлянами противъ всей Эллады. Кто не будетъ опасаться наступленія римлянъ, ненавидѣть отчаянность этолійцевъ, что они дерзнули заключить такой договоръ?“ "Α τίς οὐχ ἂν πυθόμενος ὑπίδοιτο μὲν τὴν Ρωμαίων ἔφοδον, μισήσαι δὲ τὴν Αἰτωλῶν ἀπόνοιαν, ὅτι τοιαύτας ἐθάρρησαν ποιήσασθαι συνθήκας; ἤδη παρῄρηνται μὲν Ἀκαρνάνων Οἰνιάδας καὶ Νῆσον, κατέσχον δὲ πρφην τὴν τῶν τα-

Библиотека "Руниверс"

λαιπώρων Ἀντικυρέων πόλιν, ἐξανδραποδισάμενοι μετὰ Ρωμαίων αὐτήν, καὶ τὰ μὲν τέκνα καὶ τὰς γυναῖκας ἀπάγουσι Ρωμαῖοι, πεισόμενα δῆλον ὅτι ἅπερ εἰκὸς ἐστι πάσχειν τοῖς ὑπὸ τὰς τῶν ἀλλοφύλων πεσοῦσιν ἐξουσίας, τὰ δ'ἄδαφη κληρονομοῦσι τῶν ἡτυχηκότων Αἰτωλοί. Polyb. IX 38, 39. Павсаній въ своемъ весьма запутанномъ изложеніи VII 7 и X 36 два раза упоминаетъ о раззореніи Антикиры, *что въ Фокидѣ*, какимъ то римскимъ полководцемъ Отиліемъ, который былъ посланъ противъ Филиппа защищать аѳинянъ и этолійцевъ; Фламининъ, по Павсанію, былъ преемникъ Отилія въ командѣ. См. стр. 148 и слѣд. книги г. Жебелева. Конечно Павсаній прочиталъ что нибудь о раззореніи Антикиры локрійской 210 года. Антикира фокидская является подъ властью Филиппа въ 198 году. Ее беретъ Фламининъ—Anticyra haud multum in oppugnando morae praebuit: Liv. XXXII 18.

Антикиру Локриды западной смѣшивали съ Антикирой Фокиды и новые географы. См. статью Antikyra въ лексиконѣ Pauly-Wissowa и Bursian Geographie von Gr. p. 148. Бурзіанъ говоритъ, что точное указаніе Ливія (въ исторіи взятія 210 года) не позволяетъ думать о фокидскомъ городѣ. Съ нимъ согласны всѣ новѣйшіе авторы. Дѣйствительно, по Ливію breve terra iter eo, brevis a Naupacto navigatio est. На третій день послѣ приказа, отданнаго Левиномъ въ Навпактѣ, началась осада Антикиры съ суши и съ моря. Скопа съ этолійцами не поспѣлъ бы къ Антикирѣ фокидской въ одно время съ римскимъ флотомъ. Что взята была Антикира Локриды, видно и изъ отчета Левина въ сенатѣ: ibi Laevinus, quo statu Macedonia et Graecia, Aetoli Acarnanes Locrique essent, quasque ibi res ipse egisset terra marique, exposuit: Liv. XXVI 28.

Но все-таки съ этою Антикирою западной Локриды, враждебною этолійцамъ, соединяются нѣкоторыя затрудненія. Мы представляемъ себѣ обыкновенно, что во второй половинѣ III вѣка и въ первой половинѣ II до Р. Х. западная Локрида тѣсно соединена съ этолійцами, находится въ этолійской симполитіи. Послѣ разгрома этолійцевъ въ 189 году Локрида западная все-таки осталась за этолійцами, что несомнѣнно изъ надписей (Никитскій, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1884, декабрь, стр. 62. Salvetti и Arci въ Studi di storia antica fasc. 2, 1893). Побѣдитель въ 132-ую олимпіаду, 252 года, Ксенофанъ, былъ Aetolus ex Amphissa. Euseb. I 207, Schöne. Аратъ, въ первую стратигію, 245, воюя съ этолійцами, опустошаетъ берега западной Локриды. Plut. Arat. 16, Pausan. II 8. Въ подробномъ описаніи *союзнической* войны (Филиппа и его союз-

Библиотека "Руниверс"

никовъ) противъ этолійцевъ у Поливія въ IV и V книгахъ не упоминается, чтобы въ западной Локридѣ, недалеко къ востоку отъ Навпакта, былъ укрѣпленный городъ, враждебный этолійцамъ и, значитъ, подвластный Филиппу или союзный съ нимъ. Кромѣ Ливія объ Антикирѣ локрійской упоминаетъ Страбонъ IX, 5, 10. „Въ Этейской землѣ Антикира, ὁμώνυμος τῇ ἐν Λοκροῖς τοῖς ἑσπερίοις". Но почему онъ здѣсь не упомянулъ объ Антикирѣ фокидской, о которой онъ упоминаетъ въ описаніи Фокиды IX, 3, 1, 3, при чемъ повторяетъ, что фокидская Антикира ὁμώνυμος Этейской, а въ описаніи Локриды западной не упоминаетъ объ Антикирѣ?

Сальветти въ статьѣ объ этолійскомъ союзѣ въ высшей степени затрудняется разказомъ Ливія о взятіи Антикиры локрійской въ 210 году. Онъ полагаетъ, что Ливій (или источникъ его) ошибся, смѣшалъ Антикиру локрійскую съ фокидской, что взята была въ 210 году Антикира фокидская. Но такъ какъ въ 198 году Антикира фокидская во власти Филиппа, то возникаетъ новое затрудненіе. Сальветти предполагаетъ, что Филиппъ снова взялъ Антикиру фокидскую раньше 205 года. Но объ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія у Ливія. И Антикира, взятая въ 210, была совершенно уничтожена. Замѣчательно, что Сальветти все-таки признаетъ, что существовали три Антикиры, въ томъ числѣ локрійская (p. 120)! Ему надобно было доказывать, что локрійской Антикиры вовсе не было, потому что существованіе ея связано съ разказомъ Ливія о взятіи 210 года.

Антикира этейская или малійская или трахинская упоминается у Геродота и во многихъ надписяхъ (напримѣръ, Beaudouin въ Bull. de corr. hellen. 1881). Антикира фокидская также упоминается въ надписяхъ (напримѣръ, посредническое опредѣленіе легата Г. Авидія Нигрина о границахъ Дельфъ: inter Anticyrenses et Delphos). Антикира западной Локриды, сколько мнѣ извѣстно, *не встрѣчается въ надписяхъ*.

Однако разказъ Ливія такъ ясенъ и обстоятеленъ, что трудно представить такую значительную ошибку съ его стороны. Источникомъ Ливія былъ Поливій. Скопѣ невозможно было поспѣть изъ Навпакта сухимъ путемъ—черезъ Локриду и черезъ дельфійскую землю къ Антикирѣ фокидской въ одно время съ римскимъ флотомъ, и ему не былъ бы brevis iter.

Въ надписяхъ западной Локриды и въ географическомъ спискѣ дельфійскихъ проксеновъ встрѣчается городъ Κύρα, τὸ ἐθνικὸν Κυραεῖς (А. В. Никитскій въ упомянутой статьѣ стр. 60). Становится вѣро-

Библиотека "Руниверс"

ятнымъ существованіе города Ἀντίκυρα—противъ Киры, на берегу моря. Было время, когда самый Калидонъ былъ въ ахейскомъ союзѣ. Если этолійцы отвлекали отъ ахейской симполитіи въ свою Орхоменъ, Мантинею, Тегею, то и ахейцы могли на берегу западной Локриды присоединить къ себѣ или выстроить городъ Антикиру. И это могло быть раньше союзнической войны, то-есть раньше 220 года.

Въ пользу вѣрности разказа Ливія объ Антикирѣ западной Локриды ясно говоритъ (упущенное Сальветти изъ виду) упоминаніе, что Филиппъ въ 208 году переправился изъ Пелопонниса въ Антикиру (фокидскую) и собралъ тамъ флотъ. Итакъ, Антикира цѣла и принадлежитъ Филиппу уже въ 208 году. Liv. XXVIII 8. Значитъ, акарнанскій посолъ оплакиваетъ не фокидскую Антикиру.

Война римлянъ и этолійцевъ противъ Филиппа состояла изъ мелкихъ стычекъ и раззореній разныхъ городовъ. Нельзя сказать, что этолійцамъ „удалось на восточномъ берегу пріобрѣсти рядъ городовъ, отвоеванныхъ у нихъ македонянами“ (стр. 82). П. Сульпицій и этолійцы взяли Эгину и опять, согласно съ договоромъ, людей взяли римляне, а островъ этолійцы. Они продали Эгину Атталу за 30 талантовъ. Но на восточномъ берегу Фѳіотиды Филиппъ отнялъ у этолійцевъ Эхинъ, въ восточной Локридѣ Ѳроній. Два года оставляли римляне этолійцевъ безъ помощи (Liv. XXIX 12): въ 207 и въ 206. Событія въ Греціи 209 года Ливій разказываетъ, какъ извѣстно, подъ 208; а событія 208 подъ 207.

V. Въ договоръ римлянъ съ Филиппомъ 205 года аѳиняне включены какъ союзники римлянъ. Въ 209 году аѳиняне, вмѣстѣ съ послами Птолемея, родосцами и хіосцами пытались примирить римлянъ съ этолійцами—venerunt ad dirimendum inter Philippum atque Aetolos bellum: Liv. XXVII 30. С. А. Жебелевъ совершенно справедливо заключаетъ, что тогда, значитъ, аѳиняне еще не были римскими союзниками (стр. 83). Римляне никогда не допускали своихъ союзниковъ къ подобному посредничеству. Итакъ, заключеніе союза аѳинянъ съ римлянами произошло между 209 и 205 годами. „Гробница Кифисодора, бывшаго во главѣ народа аѳинскаго (δήμου προστάντος), и бывшаго рѣшительнымъ противникомъ (ἐς τὰ μάλιστα ἐναντιωθέντος) Филиппа сына Димитрія, царя македонянъ. Кифисодоръ устроилъ союзъ аѳинянъ съ царями Атталомъ Мисійцемъ и Птолемеемъ египетскимъ, а съ автономными народами—съ этолійцами, родосцами и критянами. А такъ какъ вспомогательныя войска изъ Египта и Мисіи и отъ критянъ большею частью запаздывали (τὰ πολλὰ ὑστέριζον

Библиотека "Руниверс"

αἱ βοήθειαι), а родосцы, сильные однимъ флотомъ, немного помогали противъ оплитовъ македонянъ, тогда Кифисодоръ, отправился моремъ въ Италію съ другими аѳинянами и умолялъ римлянъ о помощи. Римляне послали имъ войско и вождя, которые настолько сокрушили Филиппа и македонянъ, что потомъ Персей, сынъ Филиппа, потерялъ власть и самъ былъ привезенъ плѣнникомъ въ Италію". Такъ Павсаній I 36. Какіе точные факты соотвѣтствуютъ этому краткому, неточному и смутному изложенію? Во всякомъ случаѣ нельзя переводить слова τὰ πολλὰ ὑστέριζον αἱ βοήθειαι—„вспомогательныя войска сильно запоздали", какъ С. А. Жебелевъ стр. 85. Г. Жебелевъ склоненъ относить эту опоздавшую помощь къ одному факту, къ нападеніямъ македонянъ на Аттику въ 200 году. И дѣйствительно, раньше войны Филиппа противъ аѳинянъ изъ за акарнановъ мы не знаемъ событія, когда бы аѳинянамъ понадобилась военная помощь—за все время съ 220 года, а раньше 216 года не Кифисодоръ былъ προστάτης τοῦ δήμου. По прямому смыслу словъ Павсанія выходитъ, что Кифисодоръ поѣхалъ просить помощи у римлянъ именно тогда, когда Филиппъ нападалъ на аѳинянъ: г. Жебелевъ относитъ посольство Кифисодора къ 200 году (стр. 119 и слѣд.). Павсаній не говоритъ даже, что Кифисодоръ заключилъ союзъ съ римлянами; но союзъ былъ заключенъ въ то время, когда Кифисодоръ былъ руководителемъ аѳинской политики (προστάτης τοῦ δήμου; выраженіе „К. носилъ титулъ" предстоятеля стр. 85—неточно).

Подъ 200 годомъ С. А. Жебелевъ собралъ слишкомъ много фактовъ. Не будемъ входить въ подробное опроверженіе его хронологическихъ положеній. Событія не могли идти такъ быстро, какъ выходитъ по изложенію С. А. Жебелева на стр. 97 — 144. По ясному разказу Ливія, консулъ 200 года П. Сульпицій (бывшій уже консуломъ въ 211 году и командовавшій въ Греціи съ 210 до 208 года) переправился въ Иллирію только осенью — autumno ferme exacto: XXXI 22. Походъ Сульпиція въ верхнюю Македонію былъ весною и лѣтомъ 199 года. Преемникъ Сульпиція, консулъ 199 года P Villius пріѣхалъ къ войску также осенью своего года; а консулъ 198 года Фламининъ пріѣхалъ рано, такъ что Виллій ничего не успѣлъ сдѣлать: XXXII 9.

По разказу С. А. Жебелева выходитъ, что война между Филиппомъ и аѳинянами началась раньше убіенія акарнанскихъ юношей. Набѣгъ на Аттику Никанора, македонскаго вождя, упоминаемый Поливіемъ XVI 27, по мнѣнію г. Жебелева не стоитъ въ связи съ

Библиотека "Руниверс"

убіеніемъ юношей и былъ раньше, въ самомъ началѣ 200 года, прибытіе Аттала въ Аѳины въ январѣ (стр. 110), убіеніе юношей во второй половинѣ февраля или началѣ марта (115), въ малыя мистеріи. Но за что же Никаноръ опустошалъ Аттику до Академіи—κατατρέχοντος τὴν Ἀττικὴν ἕως τῆς Ἀκαδημίας?—У Ливія совершенно ясно сказано, что причина войны Филиппа противъ аѳинянъ было убіеніе акарнанскихъ юношей: contraxerant autem sibi cum Philippo bellum Atheniensis haudquaquam digna causa, dum ex vetere fortuna nihil praeter animos servant. Acarnanes duo juvenes etc. — id tam foede atque hostiliter gens Acarnanum factum ad Philippum detulit, impetravitque ab eo, ut datis Macedonum auxiliis bellum se inferre Atheniensibus pateretur. hic exercitus primo terram Atticam ferro ignique depopulatus cum omnis generis praeda in Acarnaniam rediit. et irritatio quidem animorum ea prima fuit. postea iustum bellum decretis civitatis ultro indicendo factum. Attalus enim rex Rhodiique persecuti cedentem in Macedoniam Philippum cum Aeginam venissent, rex Piraeeum renovandae confirmandaeque cum Atheniensibus societatis causa traiecit. Liv. XXXI 14. Ни малѣйшаго сомнѣнія нѣтъ, что и вторженіе Никанора, и вторженіе акарнановъ, и пріѣздъ Аттала были послѣ убіенія юношей. Самъ С. А. Жебелевъ говоритъ (стр. 102), что набѣгъ Никанора всѣми учеными ставится въ связь съ умерщвленіемъ юношей. Юноши были убиты не передъ самымъ нашествіемъ Никанора, а, можетъ быть, за два года раньше. Акарнаны не такъ скоро, можетъ быть, и узнали объ убіеніи юношей, не такъ скоро добились и рѣшенія Филиппа.

Когда установлена фила Атталида? Атталъ пріѣхалъ въ Аѳины въ началѣ зимы 201 года, или весною 200, смотря по тому, когда Филиппу удалось проплыть изъ Каріи въ Македонію. Аѳиняне встрѣтили Аттала великолѣпно и тогда же постановили учредить филу по имени Аттала и включить его въ число эпонимовъ героевъ (καὶ φυλὴν ἐπώνυμον ἐποίησαν Ἀττάλῳ, καὶ κατένειμαν αὐτὸν εἰς τοὺς ἐπωνύμους τῶν ἀρχηγετῶν Polyb. XVI 25: *въ эпонимы архигетовъ* значитъ приравнять къ тѣмъ героямъ изъ началовождей, по имени которыхъ филы названы. Напримѣръ Ѳисей, конечно, тоже ἀρχηγέτης, но не принадлежитъ къ ἐπώνυμοι. Въ письмѣ къ народному собранію Атталъ настоятельно предлагалъ аѳинянамъ объявить войну Филиппу: ἦν δὲ τὰ κεφάλαια τῶν γεγραμμένων—παράκλησις εἰς τὸν κατὰ Φιλίππου πόλεμον. Народъ готовъ былъ объявить войну: τῆς δὲ ἐπιστολῆς ταύτης ἀναγνωσθείσης ἕτοιμον ἦν τὸ πλῆθος ψηφίζεσθαι τὸν πόλεμον. Затѣмъ вступили

Библиотека "Руниверс"

въ городъ родосскіе послы и также уговаривали аѳинянъ объявить войну. Народъ аѳинскій постановилъ начать войну противъ Филиппа: ἔδοξε τοῖς Ἀθηναίοις ἐκφέρειν τῷ Φιλίππῳ τὸν πόλεμον: Polyb. XVI 26. Это именно и сказано въ словахъ Ливія: iustum bellum decretis civitatis ultro indicendo factum. Въ словахъ ultro indicendo не заключается мысли „по указанію съ другой стороны“ (стр. 112). Здѣсь С. А. Жебелевъ, какъ и въ переводѣ словъ τὰ πολλὰ ὑστέριζον, передаетъ то, что дѣйствительно случилось, а не то, что сказано древнимъ авторомъ.

Итакъ, аѳиняне объявили войну Филиппу въ то время, когда Атталъ былъ въ Аѳинахъ. До прибытія Аттала было вторженіе акарнановъ, неизвѣстно когда, можетъ быть лѣтомъ 201 года. Кромѣ того были военныя дѣйствія или грабежи на морѣ. Родосцамъ аѳиняне дали (во время пребыванія Аттала въ Аѳинахъ) исополитію, за то, что родосцы возвратили аѳинянамъ захваченные непріятелями корабли и бывшихъ въ плѣну людей. (Polyb.). Ливій выражается такъ: (Rhodiorum) recens erat beneficium, quod naves longas quattuor Atheniensium captas nuper a Macedonibus recuperatasque remiserant, XXXI 15. Ливій пользовался полнымъ текстомъ Поливія, а у насъ отрывки. Далѣе у Ливія: honores regi Attalo immodici—habiti. tum primum mentio inlata de tribu, quam Attalida appellarent, ad decem veteres tribus addenda. Итакъ, мы можемъ сказать, что Атталида учреждена въ 200 году, когда бы ни было проведено въ подробностяхъ самое учрежденіе.

Нашествіе Никанора произошло уже послѣ пріѣзда Аттала. Такъ совершенно ясно изъ порядка отрывковъ Поливія и изъ того, что нашествіе было во время пребыванія римскихъ пословъ въ Аѳинахъ, а римскіе послы вступили въ городъ вмѣстѣ съ Атталомъ (Polyb. XVI 25, 27). Филиппъ въ первую половину 200 года велъ войну на Геллеспонтѣ, взялъ Авидъ; во вторую половину два раза опустошалъ Аттику. Въ промежуткѣ между первымъ и вторымъ опустошеніемъ Филиппа опустошалъ Аттику вождь Филиппа Филоклъ. Лѣтомъ 199 года, когда флотъ Л. Апустія прибылъ къ берегу Эрміонскому и соединился съ флотомъ Аттала, аѳиняне излили ненависть свою въ постановленіяхъ противъ Филиппа. Вѣроятно, въ это время и были уничтожены филы Антигонида и Димитріада.—Какимъ образомъ могъ С. А. Жебелевъ выразиться, что въ 198 году аѳиняне выходятъ окончательно изъ прежняго нейтралитета (стр. 152)? Такія *неполитическія* замѣчанія попадаются въ книгѣ нерѣдко. Стратигія Дамократа была, конечно, съ сентября 200 до сентября 199 г.

Библиотека "Руниверс"

VI. Слова: plus auctoritatis Achaei habuerunt deprecantes, quia, ni impetrassent pacem Boeotis, bellum simul gerere decreverant (Liv. XXXIII 29, въ 196 году) значатъ: римляне больше внимали мольбамъ ахейцевъ пощадить віотійцевъ, потому что ахейцы постановили вести вмѣстѣ съ римлянами войну противъ віотійцевъ, если не выпросятъ віотійцамъ мира. Переводъ г. Жебелева можетъ ввести читателей въ заблужденіе (стр. 155): „ахейцы же объявили, что, если віотійцамъ не будетъ дано мира, они сами начнутъ воевать". Переводъ г. Адріанова также неправиленъ: „Просьба ахеянъ имѣла болѣе силы, такъ какъ они рѣшили, если не добьются мира для беотійцевъ, вести вмѣстѣ съ ними войну (V, стр. 154)". По смыслу переводовъ г. Жебелева и г. Адріанова, ахейцы грозятъ римлянамъ войною. Тогда Фламининъ прежде всего началъ бы воевать противъ ахейцевъ. Когда родосцы осмѣлились во время войны съ Пѣрсеемъ сказать римлянамъ, что они желаютъ, чтобы римляне и Персей заключили миръ, что они о томъ же послали сказать Персею; изъ за кого войнѣ не будетъ положенъ конецъ, что дѣлать противъ того, родосцы подумаютъ (per quos stetisset, quo minus belli finis fieret, adversus eos quid sibi faciendum esset Rhodios consideraturos esse, Liv. XLIV 14 — ὅτι βουλεύσονται): римляне чуть не истребили родосцевъ за это посольство. Ливій даже замѣчаетъ: ne nunc quidem haec sine indignatione legi audirive posse certum habeo.

VII. На стр. 158 г. Жебелевъ говоритъ: „Что касается Стратоникіи, то она, какъ извѣстно, была завоевана Антіохомъ и подарена имъ родосцамъ" Polyb. XXXI, 7, 6. У Полибія родосцы (наказанные римлянами за только что изложенную провинность) говорятъ: καὶ Στρατονίκειαν ἐλάβομεν ἐν μεγάλῃ χάριτι παρ' Ἀντιόχου καὶ Σελεύκου. Такъ въ рукописяхъ, и такъ надобно оставить. Вѣроятно, родосцы пріобрѣли Стратоникію во время борьбы Селевка Каллиника съ Антіохомъ Іераксомъ. Нибуръ исправлялъ Ἀντιόχου τοῦ Σελεύκου. Но Антіохъ I самъ выстроилъ Стратоникію и конечно не отдалъ ее родосцамъ, а царствованіе Антіоха III намъ хорошо извѣстно: у него не было никакого повода дарить города родосцамъ, и родосцы никакой большой услуги ему не оказывали.

VIII. Любопытна надпись на базѣ статуи философа Карнеада: Καρνεάδην Ἀζηνιέα Ἄτταλος καὶ Ἀριαράθης Σωπολήττιοι, Dittenberger Sylloge 220. Аріаравъ—Аріаравъ V, царь каппадокійскій, царствовавшій съ 162 до 130, человѣкъ образованный, преданный наукамъ, гуманный, другъ Карнеада. Говоря словами г. Жебелева, „единст-

Библиотека "Руниверс"

венное литературное наслѣдіе Карнеада составляли нѣсколько писемъ послѣдняго къ Аріаратѣ" (стр. 206. Diog. Laert. IV 65. Diodor. XXXI 28). Кёлеръ, Диттенбергеръ и г. Жебелевъ полагаютъ, что надпись до 162 года, когда Аріаратъ получилъ царскій титулъ, и что Атталъ—братъ Евмена II, царствовавшій потомъ съ 159 до 138. Но самъ же г. Жебелевъ (стр. 193) приводитъ свидѣтельство Цицерона Tusc. Disp. IV, 3, 5, что Діогенъ и Карнеадъ, бывшіе послами въ Римѣ въ 155 году, не были гражданами аѳинскими. Итакъ, надпись непремѣнно послѣ 155 года, когда уже Аріаратъ V былъ царемъ. Это не помѣшало ему назваться на базѣ статуи своего любимаго учителя просто по имени аѳинскаго своего дима, къ которому кстати принадлежалъ и Атталъ. Атталъ надписи—будущій Атталъ III, сынъ Евмена, извѣстный также своею ученостью, хотя и не похожій на Аріаратъ V другими свойствами. Надпись относится къ такому времени, когда Карнеадъ былъ уже аѳинскимъ гражданиномъ, а Аттилу было лѣтъ 19, то-есть къ 152 году. Аріаратъ могъ посѣтить въ это время Аѳины. Объ отношеніяхъ Аѳинъ къ царямъ пергамскимъ и каппадокійскимъ, о стоѣ Аттала, объ Аріаратѣ V говоритъ г. Жебелевъ весьма хорошо и интересно, и прекрасно разбираетъ найденную въ 1896 году большую надпись—постановленіе общества Діонисовыхъ художниковъ въ честь царя Аріарата V и его супруги царицы Нисы. Въ этой надписи въ стр. 42 слѣдуетъ, вѣроятно, дополнить (ἑκάσ)του μηνός. Назначаются каждый мѣсяцъ праздники или обряды культа Аріарата.

IX. Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что г. Жебелеву необходимо было перечитать повнимательнѣе еще разъ свое сочиненіе передъ печатаніемъ, чтобы удалить разныя обмолвки и противорѣчія, досаднымъ образомъ затрудняющія чтеніе. Такихъ обмолвокъ много. Напримѣръ, на стр. 47, о времени архонта Иліодора. Къ концу книги обмолвки становятся чаще. На стр. 231 несомнѣнно выходитъ, что Аѳиніонъ прибылъ въ Аѳины *въ концѣ 88 года* и тогда же захватилъ власть. На самомъ дѣлѣ это случилось цѣлымъ годомъ раньше, зимою съ 89 на 88, о чемъ совершенно ясно говорится на стр. 236 и слѣд., и что очевидно по ходу событій. На стр. 257: „Марій, умершій въ серединѣ апрѣля 86 года". Марій прожилъ 17 дней своего VII консульства по Плутарху, 13 по Ливію; не слѣдуетъ ли читать: въ серединѣ января. „Ирода *сына* Евкла" стр. 282, должно быть *отца*. Въ надписи ὑπὲρ τοῦ πατρὸς Ἡρώδου. На стр. 322 анархія ставится на 88 годъ, троекратное архонтство Мидія годы 91, 90, 89. Какъ

Библиотека "Руниверс"

это понимать? Если 88 — 87, то это будетъ невѣрно. Анархія была въ 89—88 году, архонтства Мидія въ 92 — 91, 91 — 90, 90 — 89. Такъ и надобно было написать.

Вторая половина книги г. Жебелева, послѣ того, какъ онъ освобождается отъ неудачно разобранной войны противъ Филиппа, имѣетъ болѣе высокое научное значеніе и цѣнность, чѣмъ первая. Возстанія рабовъ въ Аттикѣ, перемѣна формы правленія и ограниченіе демократіи по волѣ римлянъ, тираніи Аѳиніона и Аристіона (весьма удачно различенныя), наконецъ хронологія и имена художниковъ II вѣка до Р. Хр.—все это очень интересно и имѣетъ значительную научную цѣнность.

Ѳ. Соколовъ.

Библиотека "Руниверс"

ДРЕВНѢЙШАЯ ВАТИКАНСКАЯ РУКОПИСЬ МАРЦІАЛА.

Въ числѣ Ватиканскихъ рукописей Марціала вниманіе изслѣдователей обращалось съ давнихъ поръ на такъ называемый codex antiquissimus, по сравненію съ другими рукописями собственно Ватиканской и вошедшихъ въ составъ ея другихъ библіотекъ, — V[aticanus latinus № 3294]. Первоначальное мѣсто происхожденія рукописи нельзя опредѣлить съ достовѣрностью. Изъ помѣтъ на ней видно, что она принадлежала библіотекарю короля Матвѣя Корвина, Taddeo Ugoleti, а потомъ извѣстному гуманисту Fulvio Orsini. Французскій ученый, г. de Nolhac, посвятившій составу библіотеки Орсини обстоятельное и интересное изслѣдованіе [1]), высказалъ предположеніе [2]), что Ugoleti привезъ съ собой эту рукопись изъ Германіи, подобно знаменитому кодексу эклогъ Кальпурнія, легшему въ основаніе изданія этого поэта 1492 г. [3]). Но въ послѣднее время высказаны были довольно сильныя сомнѣнія касательно германскаго происхожденія кодекса Кальпурнія [4]); равнымъ образомъ весьма трудно утверждать то же и касательно нашей рукописи: г. Нолякъ не обратилъ вниманія на то, что, по брошенному мимоходомъ свидѣтельству Angelo Polizіano [5]), наша рукопись, до Ugoleti, находилась въ вла-

[1]) La bibliothèque de Fulvio Orsini, Paris 1887 (74-й выпускъ серіи Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes).

[2]) L. c., стр. 231.

[3]) О значеніи этого кодекса для текста Кальпурнія см. изданіе *Шенкля* (Calpurnii et Nemesiani Bucolica, Вѣна 1885, пред., p. 43); ср. также статью того же автора въ Wiener Studien, V, 283 sqq.

[4]) *Шенкль*, o. c., pp. 45—46.

[5]) Miscellaneorum cap. XXIII, ср. *Scriverius*, Animadversiones in Martialem, Lugduni Batavor. 1618, p. 275, *Шнейдевинъ*, Martialis, ed. maior, I, pp. XXXI—II.

Библиотека "Руниверс"

дѣніи флорентійскаго купца Saxetti. Поэтому, въ концѣ концовъ, утвердительно можно сказать только одно, именно, что переписчикъ оригинала третьей фамиліи текста Марціала (C), къ которой принадлежитъ и наша рукопись, былъ по происхожденію германцемъ [1]).

Рукопись писана въ четверку, на пергаменѣ, въ 2 столбца, четкимъ и красивымъ почеркомъ, буквы котораго скорѣе приближаются къ первоначальнымъ минускуламъ, чѣмъ къ позднѣйшимъ, что позволяетъ отнести ее къ раннему времени. Орсини, который, какъ и вообще старинные палеографы [2]), склоненъ былъ преувеличивать возрастъ своихъ рукописныхъ богатствъ, давалъ, какъ это видно изъ его помѣты [3]), кодексу 800 или 900 лѣтъ. Шнейдевинъ, со словъ своихъ сотрудниковъ, отнесъ рукопись къ X или XI вѣку, г. Нолякъ къ XII. Мнѣ кажется, что Орсини на этотъ разъ почти не ошибся, и опредѣленіе Шнейдевина (конецъ X, самое начало XI вѣка) вполнѣ правильно. Въ этомъ могутъ убѣдить, между прочимъ, слѣдующія соображенія: 1) полное отсутствіе акцентовъ на i, какъ двойномъ, такъ и въ соединеніи его съ u,—явленіе, которое встрѣчается, уже начиная съ 11-го столѣтія [4]); 2) частое употребленіе хвостика при e (ę), исчезающаго въ Италіи въ XII, а въ Германіи въ XIII столѣтіи [5]), небольшой язычекъ у средины e проведенъ послѣдовательно;

---

[1]) Замѣчаніе это впервые высказано Шнейдевиномъ (l. c., I, p. CXIX) на томъ основаніи, что фамилія C (EVXA) пропускаетъ нелестную для германскаго самолюбія эп. XI 96. Къ этому соображенію я могу добавить слѣдующія два: 1) только патріотизмомъ переписчика можно объяснить варіантъ domino... Rheno (XABV и, по моей коллаціи, P) вм. очевиднаго domito... Rheno въ эп. II, 2, 3; 2) для переписчика италіанца страненъ варіантъ saxonum (вм. servorum, эп. X. 56, 6) въ EVXA.

[2]) Разительнѣйшій примѣръ этого представилъ *Шваре*, въ собранныхъ имъ testimonia Catulliana (Catulli Veronensis liber ² Berol, 1886, p. XXIII, test. 92): *„Ripamontius in historia urbis Mediolani 30, 15 narrat Frederico Borromaeo cardinali ab episcopo melfitano donatum esse* Catullum, quem aut poetae ipsius manu aut aetate certe illa scriptum diceret quisquis perite faciem ductusque litterarum aestimaret: et fama hodie illum codicem inter cetera pretiosa bibliothecae sequitur: *„scilicet is codex est ambrosianus D 24 scriptus circa annum 1500: cf. Heysii convers. Cat. german. p. 285“* (курсивъ подлинника).

[3]) „Marciale antichissimo di 800 ò 900 anni“ etc., ср. *Schneidewin*, o. c., I, p. XCIV.

[4]) *Wattenbach*, Anleitung zur lat. Palaeographie ⁴ (1886), p. 52.—*Fr. Blass*, Palaeographie, въ Iw. Müller's Handbuch I², p. 330.

[5]) *Wattenbach*, ibid., p. 49.—*Blass*, ibid., p. 330.

Библиотека "Руниверс"

3) полное отсутствіе застрочнаго удлиненія бокового штриха у h, каковое явленіе относится къ концу XII столѣтія [1]).

Болѣе близкое знакомство ученыхъ съ рукописью начинается со времени Николая Гейнзія, который выписалъ колляцію XI и XII книгъ въ своемъ экземплярѣ Марціала, но, какъ видно, читалъ ее всю, потому что въ своихъ многочисленныхъ комментаріяхъ къ римскимъ поэтамъ онъ, подъ именемъ Vaticanus antiquissimus и veterrimus, разумѣетъ всегда нашу рукопись [2]). Затѣмъ чтенія нѣсколькихъ эпиграммъ [3]) были извѣстны Шмидеру (1776—1838), директору гимназіи въ Бригѣ, который готовилъ изданіе Марціала. Когда Шнейдевинъ предпринялъ свое большое изданіе эпиграмматика, то К. О. Мюллеръ сличилъ для него эп. I, 49 и III, 17, 1—2, а секретарь германскаго археологическаго института въ Римѣ, Абекенъ, первыя 12 стихотвореній XI книги. Наконецъ по словамъ Шнейдевина [4]), вполнѣ рукопись была сличена нѣкіимъ г. Альбертомъ Дрезселемъ изъ Марбурга, при чемъ издатель Марціала выражалъ пожеланіе, чтобы эта колляція была опубликована. Такъ какъ доселѣ ея не появлялось [5]), то въ бытность свою въ Римѣ осенью и зимой 1895 г. я по возможности тщательно сличилъ рукопись съ первымъ (большимъ) изданіемъ Марціала Шнейдевина, какъ заключающимъ наиболѣе богатый критическій аппаратъ, и позволяю себѣ представить въ настоящей статьѣ результаты своей работы. Давать полную колляцію рукописи представляется мнѣ излишнимъ въ виду того, что Ватиканскій кодексъ, какъ было уже сказано, принадлежитъ къ тому многочисленному от-

---

[1]) *Wattenbach*, ibid., p. 51.

[2]) Сказанное можно провѣрить, напримѣръ, слѣдующими мѣстами Гейнзіева Клавдіана (Elzevir 1665): примѣч. къ Prob. et Olybr. cons. 45 (M. VIII, 78, 9); III cons. Hon. (M. III, 5, 5); Nupt. Honor. et Mar. 267 (M. IX, 26, 6); cons. Manl. Theod. 157 (M. IX, 47, 4) и т. д. Замѣчу кстати, что обозначеніе Гейнзіемъ въ одномъ изъ его писемъ (Scheidewin, Martialis, I, p. LXXXVIII) кодекса X, какъ „parum antiquus“ представляется опечаткой или инымъ какимъ-либо искаженіемъ текста, какъ это предполагалъ уже и Шнейдевинъ, потому что въ томъ же изданіи Клавдіана (ad Nupt. H. et M. 267). Гейнзій называетъ кодексъ X „antiquissimus“, а въ примѣчаніи къ IV cons. Hon. 652—„vetustus“. Колляція XI и XII-й книгъ Гейнзіемъ приведена у Шнейдевина.

[3]) I, 4—11, 27, 32, 33, 45, 50; III, 15; IV, 1—3, 30; V, 21, 34. Praef. l. VIII, ср. Schneidewin, I, p. XCV.

[4]) L. c., I, p. XCV.

[5]) Изъ издателей Марціала послѣ Шнейдевина, ни Гильбертъ, ни Фридлендеръ рукописи не видали.

Библиотека "Руниверс"

дѣлу, или семейству рукописей Марціала, который называется со времени Шнейдевина C, или точнѣе Ca, а всѣ древнѣйшіе представители этого отдѣла рукописей отличаются весьма большимъ сходствомъ между собою. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи я остановлюсь только на слѣдующихъ пунктахъ: 1) отступленіяхъ нашей рукописи отъ чтеній Ca; 2) указаніи, съ какой рукописью этой фамиліи V связанъ тѣснѣе другихъ; 3) заглавіяхъ; 4) корректурахъ рукописи.

Доказывать, что Ватиканскій кодексъ принадлежитъ къ фамиліи Ca, какъ это принималъ уже и Шнейдевинъ, особенно нечего. Скажу только, что ему присущъ характерный признакъ этой фамиліи текста—пропускъ эпиграммъ X 57—72 и 88—91, въ чемъ сомнѣвался Шнейдевинъ [1]); вторая рука, правда, восполнила эти эпиграммы, какъ и всѣ другіе пропуски, но, какъ показано будетъ ниже, въ нашей рукописи болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, надо отличать вторую руку отъ первой [2]). Еще со времени перваго изданія Шнейдевина полагаютъ, что изъ всѣхъ представителей фамиліи Ca наиболѣе близокъ къ оригиналу кодексъ E[dinburgensis], X вѣка, хотя и его нельзя назвать безусловно чистымъ представителемъ этого семейства, такъ какъ и E иногда склоняется къ фамиліи текста B, см., напримѣръ, критическій аппаратъ въ изданіи Фридлендера [3]) къ эп. V, 12, 1; IX, 18, 4; X, 26, 1; XII, 74, 4; XIII, 10, 1; 45, 2. Что касается V, то онъ уклоняется отъ фамиліи Ca, подъ которой я разумѣю только собраніе наиболѣе древнихъ кодексовъ ея (EXABG) въ слѣдующихъ болѣе замѣтныхъ случаяхъ:

I,	93, 4	legis V. leges EAG; legas X.
VIII,	81, 7	duobus (=фам. B) V duabus EAXG.
IX,	20, 3	o felix quantis V фам. B *o* omitt. E.
X,	3, 7	psitacus V фам. B spittacus XAG.
XI,	1, 2	sindone V фам. B sidone EXA.
XI,	20, 5	omissus in V, exstat in XA.
XI,	39, 5	crevit V фам. A фам. B crevi EXA.

[1]) L. c., I, p. CXIX. Замѣчу кстати, что пропуски эти представляются мнѣ не совсѣмъ понятными: обычное мнѣніе Шнейдевина объ утратѣ одного листа въ оригиналѣ вѣрно только для X. 57—72, но не идетъ къ пропуску 88—91.

[2]) Отсюда очень неудачно замѣчаніе *Фридлендера* (I, p. 88), что наша рукопись имѣетъ недостающую въ Ca эпиграмму XII 2, такъ какъ это стихотвореніе прибавлено корректоромъ.

[3]) Чтеніе рукописи E извѣстны мнѣ только изъ колляціи *Lindsay*, сдѣланной имъ для изданія Фридлендера.

Библиотека "Руниверс"

XII, 53, 8 et quid V ut quid X.
82, 4 exceptas V acceptas X.
XIV, 167, 2 exhornent V exordent EXAG.

Это, повторяю, наиболѣе существенныя отступленія, иногда же они касаются только орѳографіи, напримѣръ, XII, 44, 7 deerant V фам. B, derant EX.

Затѣмъ считаю не лишнимъ привести рядъ мнимыхъ отступленій нашей рукописи, отмѣченныхъ въ критическихъ аппаратахъ Гильберта [1]) и Фридлендера на основаніи крайне небрежной колляціи V Гейнзіемъ и сотрудниками Шнейдевина, именно [2]):

---

[1]) При ссылкахъ на Гильберта я разумѣю „исправленное стереотипное изданіе" текста Марціала (editio stereotypa emendatior), помѣченное 1896 годомъ, но вышедшее въ свѣтъ только въ 1898 г.

[2]) Изъ другихъ болѣе мелкихъ промаховъ аппарата Шнейдевина укажу на слѣдующіе: I, 11, 1 nominismata V_1 (nomismata Schn.); V, 34, 3 Heration V_1 (= B) — Herotion Schn. Особенно много ошибокъ въ колляціи XI и XII книгъ Гейнзіемъ, напримѣръ, XI, 21, 7 dephitico V_1 delphitico V_2 (de phitico V_2 *Heins.*); 22, 3 ne satis V_1 ne sed satis, ne sit satis V_2 (ne sit satis V_1 *Heins.*); 24, 2 garriento—corr. libr. V (garriente V *Heins.*); 27, 2 cari V_1 dari V_2 (dari *Vaticani*) 4 sed V_1 se V_2 (ne V); 31, 14 cybili V (cibili); 52, 2 veni V_1, venit V_2 (venit V_1), 18 acerno V (aceno); 56, 9 culcita V_1 (culcitra V_1); 58, 2 puta V_1 (puto V_1), 5 supē (= superest) V (subsit V_2); 70, 2 plorantis V (plorandis), 11 negantem V_1 negatve V_2 (negatve V); 73, 6 umbollam (corr. libr.) V (umbollam); 82, 4 per longasque preces V_1 per longosque praeceps V_2 (per longos praeceps V_1); 98, 6 acerato V (cerato); 106, 1 vacabit hora V_2 (vacabit hora V_1). Кромѣ того, почти совершенно не отмѣчены поправки корректора, напримѣръ, въ 3 lemma (V_2 add. de suis libellis); 10 l. (V_2 de Turno poeta); 11 l. (V_2 ad puerum); 13 l. (V_2 Epit. Paridis); 15, 1 (add. V_2); 16, 4 (V_2 tartersiaco); 18, 12 bis, 13; 36, 5; 37, 1,2; 39, 4; 45, 3; 51,5; 55, 1, 5; 56, 5; 70, 1; 84,2, 6, 17; 87, 2; 90, 5; 91, 6 и др. Въ XII книгѣ: Pr. 12 convictis V_1 (convictus *Schn.*); 17, 3 tectum V_1 (tecum); 18, 18 rupta V_1 rapta V_2 (rapta V_1); 24, 9 hinc ait victus V_1 hic avictus V_2 (hinc ait instus); 43, 6 audeat V_1 audiat V_2 (audiat V_1); 55, 11 facit haec tamen V_2 (facit haec tamen V_1); 57, 3 cogitandi (cogitandis), 16 qđ (= quod) V_1 qt (= quot) V_2 (quot V_1); 63, 2 lustra se nec (lustras nec); 74, 4 utilibus (utilis), 75, 5 Amphyam V_1 Amphyon V_2 (Amphiam); 77, 3 Aechion (Aethion). Чтеніе 2-й руки почти вовсе не указаны, напримѣръ Praef. 3, 12, 13 (voluptatibus V_2), 21, 24; epigr. 4, 5; epigr. 5 — 6, 1—6 add. V_2; 11 add. V_2; 15 add. V_2; 17, 10 (eat V_2); 24, 6; 32, 7, 9 (Hirus V_2), 10 (clivum V_2), 14 (suberat V_2); 36 add. V_2; 44,7 (iuvaret V_2); 52, 10 (Parim V_2), 11 (loca leta V_2); 55, 1 (puellae V_2), 3 (ne V_2). 4 (negat hoc); 75,7 (fastus V_2); 82, 3, 6; 83, 3, 6 (V_2 se miser); 84, 3; 87, 2 (negligentem V_2); 4 (sagax V_2); 95, 1 (Mussei V_2), 4; 97, 8 (sed n^c V_2). Ошибочно стоитъ у Шнейдевина для I, 4, 1 corrangeres вмѣсто contingeres и III, 17, 1 stribititita вмѣсто scribitia, какъ XAB.

Библиотека "Руниверс"

III, 31. Всѣ лучшіе представители Ca, именно EXABG, опускаютъ эту эпиграмму, равно какъ и въ нашей рукописи она восполнена только корректоромъ. Поэтому мы не имѣемъ права толковать о чтеніяхъ фамиліи Ca въ этомъ стихотвореніи, какъ поступаетъ Гильбертъ для стиховъ 2, 3 и 4 [1]); то же можно сказать и объ эп. XII, 15, 5. Въ подобную же ошибку впадаетъ Гильбертъ, говоря о чтеніяхъ фам. Ca для эп. X, 59, 6 и 88, 1, такъ какъ выше сказано было, что эти эпиграммы опущены въ фам. Ca.

VI, 62, 1 Salanus V, какъ и EXABG, вмѣсто чего у Фридлендера ошибочно Salnus.

Въ XI, 23, 8 Гильбертъ и Фридлендеръ даютъ для нашей рукописи чтеніе mittes et (вмѣстѣ съ фам. B), тогда какъ она имѣетъ mittes sed, какъ Ca. Подобнымъ же образомъ въ XI, 29, 3 V имѣетъ murem, а не vitam; въ XI, 35, 2 ad te, а не a te; въ XII, pr. 22 consueram, а не consueveram; въ XII, 3, 13 subbit—V_2, а V_1 superbis; въ XII, 6, 8 possit V, а не posset; въ XII, 44, 5 tenero V_1 lepido V_2, а не lepido V_1; въ XII, 59, 9 V имѣетъ desioculus (=BC), а не „подобное“ (такъ Гильбертъ) этому чтеніе; въ XII, 61, 7 queras V, а не quaeres; въ XII, 62, 4 sis V_1 а не „sita?„; въ XII, 70, 6 quod V_1 а не qui; въ XII, 74, 4 geminis V, а не gemmis. Приведенныя ошибки принадлежатъ Гильберту одному, или вмѣстѣ съ Фридлендеромъ, но у послѣдняго, кромѣ того, есть нѣсколько отдѣльныхъ ошибокъ, напримѣръ, въ XII, pr. 26 nitore V_1 nidore V_2, а не nidore V; точно также въ XII, 57, 15 quis есть не корректура V, а основное чтеніе; въ XII, 81, 3 halicam V, а не haliculam (въ данномъ случаѣ ошибка Фридлендера не понятна, какъ какъ у Шнейдевина приведено вѣрное чтеніе V).

Въ XIII, 44, 2 Гильбертъ даетъ для фам. Ca ошибочно чтеніе effluit, такъ какъ EXABV имѣтъ effluet; въ XIII, 65, 2 Ca имѣетъ не lautorum mandere, а lautorum madere EV_1AB; въ XIV 7 заглавіе въ Ca есть не membranae, а membra V (membr E, membran XB); въ XIV, 44, 1 Ca (EV_1 XABG) имѣетъ fient, а не fiet; въ XIV, 114, 1 Ca даетъ Cumano-testa (EVX), а не Cumano-testam. Въ XIV, 130, 2 Фридлендеръ ошибочно даетъ для V чтеніе nusquam вмѣсто numquam (вмѣстѣ съ XB, иначе EAG).

Въ общемъ Ватиканскій кодексъ, представляя мало интересныхъ

---

[1]) Гильбертъ, очевидно, не совсѣмъ ясно представляетъ себѣ, что значитъ въ критическомъ аппаратѣ Шнейдевина выраженіе „reliqui“.

Библиотека "Руниверс"

новыхъ чтеній [1]), является однимъ изъ лучшихъ представителей фамиліи Ca; такъ, наряду съ EX онъ имѣетъ въ X 35 оба стиха 11 и 12 [2]); сохраняетъ (только вмѣстѣ съ F) истинное чтеніе въ XI, 58, 12 leicazin (= λειχάζειν); даетъ иногда, вмѣстѣ съ E, лучшія чтенія сравнительно съ прочими рукописями фам. Ca, им. V, 84, 9 abeat (XABG habeat); XII, 53, 8 et quid (ut quid X). Но заключеніе Шнейдевина [3]), что нашъ кодексъ всего ближе, сравнительно съ другими членами фамиліи Ca, подходитъ къ E, есть вполнѣ ошибочное и высказано, вѣроятно, только потому, что почтенный издатель Марціала не зналъ хорошо ни V, ни E. Весьма странно, между тѣмъ, что до сихъ поръ еще никѣмъ изъ изслѣдователей не отмѣчено поразительнаго, бросающагося въ глаза сходства нашей рукописи съ рукописью B (=Vossianus [4]) изъ той-же фамиліи Ca. Такъ, иногда эти два кодекса даютъ лучшія чтенія, чѣмъ прочіе представители одного съ ними семейства, именно:

III, 76, 4 Hecaben VB (Haec aben EA Hecuben XG).
VII, 74. 9 ministrat VB (ministrorum E).

Но подобныхъ случаевъ очень немного, гораздо чаще VB представляютъ худшія чтенія сравнительно съ другими членами Ca; вотъ рядъ примѣровъ [5]):

II, 26, 3 teraem (te rem—прочіе).
II, 33, 4 cur non basio te Phillene (V) falsa es, тогда какъ въ XA стоитъ Haec qui basiat o Philaeni (basiate X basiat te A) fellat (fallat).
IV, 25, 2 cons VB conscientia XAG_1.
XIV, 95, 2 namque labor si sit VB (nam meo sistit (sisit) labor и nam meus iste labor—проч.).

---

[1]) Къ такимъ чтеніямъ отношу I, 48, 6 Caveae.
VI, 74, 2 Semitatur (vulg. semitatus).
VII, 28, 3 Carpasiacis (vulg. Tartesiacis).
IX, 22, 3 turba (vulg. gleba).
IX, 47, 4 dependet (vulg. praependet). У Шнейдевина „Vaticanus Heinsii".
X, 78, 3 etum? (vulg. quae cum).

[2]) Ср. *Шнейдевинъ*, I, p. LXXXVII.

[3]) O. c., I, p. CXIX.

[4]) Чтенія ея беру изъ перваго изданія Шнейдевина, у котораго было 4 коллаціи рукописи (o. c., I, p. LXXIV).

[5]) Число этихъ примѣровъ можно значительно увеличить.

Библиотека "Руниверс"

Еще тѣснѣе связываются обѣ рукописи тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ имѣютъ иногда общіе, присущіе имъ только пропуски какъ цѣлыхъ эпиграммъ и стиховъ, такъ и отдѣльныхъ словъ, именно въ VB не хватаетъ: II, 20, 2 и 21, 1; IV, 26, 3 (словъ vicenos ter); 46, 9; V, 16, 14; 81, 1 (словъ si pauper es); VIII, 64, 2—3; XI, 52, 4 (словъ sint Stephani); XI, 68; XII, 31, 10; 54, 1 (слова niger); XIV, 10 и 177.

Эти поразительныя совпаденія позволяютъ сдѣлать предположеніе, что одна рукопись списана съ другой. B относится къ XII вѣку [1]), поэтому она должна быть списана съ V. Правда, г. Нолякъ [2]) относитъ и V къ XII вѣку; но если-бы это было и вѣрно, все-же V есть оригиналъ для B, а не наоборотъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ такихъ мѣстъ, какъ:

IV, 66, 6. inexagitata B, вслѣдствіе очевиднаго недоразумѣнія ея переписчика, такъ какъ въ V_1 ex даны два варьянта inagitata.

VIII, 36, 11. tangit pulsat B; въ V_1 опять оба варьянта pulsat tangit.

XII. 50. 2. nunc non B; V_1 nc̄ non.

Конечно, можно найти небольшое число мѣстъ, гдѣ B разнится отъ V, но разница эта основана, вѣроятно, на томъ, что переписчикъ B плохо разбиралъ оригиналъ, напримѣръ V, 84, 10 scis certe V susscette B. Затѣмъ переписчикъ B, какъ замѣтилъ Шнейдевинъ, „homo a litteris alienus fuit, sed qui non raro sibi sapere videretur“ [3]); поэтому нѣкоторыя изъ этихъ различныхъ чтеній (B отъ V) надо отнести на его счетъ. Не можетъ мѣшать моему предположенію то, что въ B эп. XI, 49, 3 — 72 помѣщены послѣ XII, 49, такъ какъ этотъ кодексъ „a bibliopega perverse habitus“ [4]). Послѣ высказаннаго о B, какъ копіи съ V, нельзя не назвать курьезнымъ мнѣніе Гильберта, что изъ рукописей семейства Ca—ΔABCGEV — *только XABE* nunquam ad aliam familiam deflectunt [5]).

---

[1]) *Шнейдевинъ*, I, p. LXXIII.
[2]) *Nolhac*, l. c., p. 231.
[3]) *Шнейдевинъ*, I, p. LXXIII.
[4]) *Шнейдевинъ*, ibid.
[5]) *Гильбертъ*, praefatio, p. IX.

Библиотека "Руниверс"

Что касается заглавій нашего кодекса, то въ виду полной неразработанности еще этого отдѣла рукописнаго преданія Марціала, о нихъ приходится сказать очень немного. Я сличилъ ихъ съ вполнѣ извѣстными заглавіями въ кодексѣ X, съ которыми въ общемъ они имѣютъ весьма большое сходство. Кромѣ чисто ороографическихъ отличій считаю нелишнимъ отмѣтить слѣдующія:

VII, 41 Ad Castricum V (X лучше ad Tuccam).
VIII, 15 Ad Cesarem V (Ad Domitianum X).
XI, 14 Ad heredes V (X хуже Ad viatorem).
XI, 69 De lidia (X хуже De Lyzia).
XII, 8 Ad Romanum de Cesare (X лучше Ad Romam de C).
XII, 40 Ad Pontilianum (X хуже Ad Ponticum).
XIII, 35 Lucanice (въ X нѣтъ).
XIII, 55 De petasone VB (чтеніе другихъ рукописей неизвѣстно; вѣроятно, petaso).
XIV, 20 Arculi VB (Halculi XG).
XIV, 59 Opobalsamum VB (чтеніе другихъ неизвѣстно; вѣроятно, Opobalsama).
XIV, 120 Ligula VB (Lagina argentea G).
XIV, 190 Titi Livii in membranis V (Titus Livius in membranis TXAB).

До сихъ поръ я тщательно избѣгалъ говорить о сдѣланныхъ красными чернилами корректурахъ нашей рукописи. Совершенно новый свѣтъ былъ пролитъ на нихъ не разъ цитованнымъ изслѣдованіемъ г. де-Нолякъ [1]), который показалъ, что всѣ многочисленные варіанты и поправки кодекса принадлежатъ Taddeo Ugoleti,—значитъ, не восходятъ ранѣе половины XV-го столѣтія [2]), поэтому необходимо самымъ строгимъ образомъ отличать первую руку кодекса отъ руки корректора, а не смѣшивать ихъ, какъ это дѣлаетъ Фридлендеръ [3]), который относитъ нашу рукопись къ числу написанныхъ или исправленныхъ при помощи фамилій A и B. Какими же источниками рас-

---

[1]) L. c., p. 231.

[2]) Годы правленія Матвѣя Корвина, у котораго, какъ выше сказано, Уголети служилъ библіотекаремъ, приходятся на 1458—1490.

[3]) *Friedländer*, Martialis, I, p. 88.—Вздорно также утвержденіе Гильберта, приведенное у Фридлендера (ibid.), будто нашъ кодексъ сходится въ диттографіяхъ съ фам. B, такъ какъ приведенные два примѣра этого не показываютъ.

Библиотека "Руниверс"

полагалъ Уголети для исправленія своего любимаго кодекса? [1]). Очевидно, въ его распоряженіи находились нѣсколько рукописей, какъ это показываетъ сдѣланная сзади текста приписка, извѣстная и Шнейдевину: „In quibusdam codicibus hoc legitur penultimumm epi libri VIII: Rure morans quid agam respondeo“ (=I suppos. по Шнейдевину). Но кодексы эти, къ сожалѣнію, были новые и плохіе, написанные тогда, когда уже утрачено было строгое раздѣленіе текста на три фамиліи [2]). Поэтому изслѣдованіемъ варіантовъ Уголети заниматься нечего, такъ какъ удачныхъ поправокъ текста въ нихъ сравнительно немного, а новыхъ, вѣроятно, нѣтъ совсѣмъ. Касательно способа работы Уголети можно сказать слѣдующее: онъ исправлялъ зачеркиваніемъ только очевидныя ошибки рукописи; такъ, напримѣръ, въ VIII, 39, 5, въ словѣ ore онъ вычеркиваетъ e и пишетъ o, ср. также XII, 8, 6, XII, 17, 2 и 3 и много друг.; что же касается варіантовъ, то онъ приписывалъ ихъ или сверху, или на поляхъ; если, при этомъ, ему было извѣстно нѣсколько варьянтовъ, то онъ приводилъ ихъ всѣ, напримѣръ къ безсмысленному anna (VI, 47, 3) Уголети приписываетъ antris и amne, или въ VI, 78, 3 къ erat прибавлено Heras и dixit; въ XII, 3, 2, приведено io и tu и т. д. Здѣсь же отмѣчу, что въ XI, 56, 11 Уголети далъ варіантъ miscens, который Шмидеръ, а затѣмъ, независимо отъ него, Гильбертъ, предложили какъ конъектуру. Какъ выше упомянуто было, Уголети не только исправилъ рукопись и приписалъ варьянты, но и восполнилъ ея пропуски, при чемъ нѣкоторыя стихотворенія прибавлены имъ на поляхъ, а эп. X, 57—72, 88—91 и XII, 26 и 29 приписаны впереди текста Марціала [3]). Изъ этихъ приписокъ можно заключить съ нѣкоторой увѣренностью, что въ распоряженіи Уголети было O (=римское изданіе Марціала 1473 г. [4]). По крайней мѣрѣ всѣ заглавія эпиграммъ сходятся буквально съ этимъ изданіемъ.

Изъ разобранныхъ выше мѣстъ (IV, 66, 6: VIII, 36, 11; XII,

---

[1]) *Г*. *Ноякъ* вѣрно замѣтилъ, что, судя по обилію поправокъ и варіантовъ, можно заключить о томъ, что нашъ кодексъ часто перелистывался своимъ владѣльцемъ (l. c., ibid.).

[2]) Характеристику подобныхъ рукописей см. у *Шнейдевина*, I, p. CXXVI.

[3]) Причемъ въ текстѣ рукописи сдѣланы соотвѣтствующія помѣты, напримѣръ послѣ X, 56 (fol. 72 b): „Quaere i principio ubi deficientia epi posita sunt“ и впереди текста (на бумагѣ): „Haec epi deficiunt in libro X° post illud epigrāma Totis galle iubes me tibi (sic!) servire diebus“.

[4]) См. объ этомъ изданіи у *Шнейдевина*, I, p. XVI sqq.

Библиотека "Руниверс"

50, 2) можно было бы казалось, предположить, что рукопись пытался исправлять и дополнять уже переписчикъ ея [1]). Но отъ этого предположенія легко будетъ отказаться, если принять въ соображеніе, что нашъ librarius, судя по всѣмъ даннымъ, былъ человѣкомъ малограмотнымъ и плохо разбиралъ минускулы оригинала (напримѣръ, въ IX, 25, 1 онъ пишетъ uma вмѣсто vina); затѣмъ, въ завѣдомо испорченныхъ мѣстахъ онъ ставилъ на поляхъ крестъ (напримѣръ при VI, 27, 7; 47, 1; 49, 7; 50, 3; VII, 38, 3; 51, 11; 61, 10; IX, 22, 9 и т. д.), а отнюдь не пытался исправлять ихъ proprio Marte. Все это позволяетъ предположить, что и приводимые имъ варіанты стояли уже въ томъ оригиналѣ, съ котораго онъ списывалъ.

Что касается книги зрѣлищъ („M. V. Martialis spectaculor liber incipit ad caesarem"), то она прибавлена въ началѣ нашей рукописи, на бумагѣ, неизвѣстной рукой второй половины XV-го столѣтія, и текстъ этой книги не представляетъ ничего отличнаго отъ плохихъ рукописей.

А. Малеинъ.

---

[1]) Укажу еще слѣдующія чтенія первой руки: I, 42, 5 duxit; IX, 57, 4 molę; 86, 2, patris; X, 10, 12, tos; XII, 17, 4, ostrea (ср. B_2 estrea); XII, 91. Ad Magullum.

Библиотека "Руниверс"

АРХОНТЪ ӨРАСИФОНТЪ И АРХОНТЫ СПИСКА C. I. A. II 859.

Кому приходилось заниматься установленіемъ хронологіи аѳинскихъ архонтовъ III и послѣдующихъ вѣковъ, знаетъ, какъ рѣдко представляется возможнымъ установить *вполнѣ точно* дату того или другаго изъ эпонимовъ. Вновь находимые и издаваемые документы позволяютъ, однако, придти иной разъ къ опредѣленному результату даже и въ этой темной области.

Въ вышедшемъ, въ концѣ прошлаго года, вторымъ изданіемъ извѣстномъ сборникѣ греческихъ надписей Диттенбергера [1]) помѣщено, между прочимъ, нѣсколько *новыхъ* надписей, найденныхъ О. Керномъ при раскопкахъ въ Магнисіи на Меандрѣ [2]). Изъ нихъ особый интересъ для насъ представляетъ надпись № 256 сборника. Не касаясь надписи въ ея цѣломъ составѣ, выпишемъ интересующія насъ строки (11 сл.): ἐπιφανοῦς δὲ γινομένης [τῆς Ἀρτέμιδος] προσδεξαμένου τὸν χ[ρ]ησμὸν ἐπὶ στ[εφανηφόρου] Ζηνοδότου, ἐν Ἀθήναις δὲ ἄρ[χ]οντος Θρασοφ[ῶντος, Πύθι]α δὲ κιθαρωιδοῦ νικῶντο[ς τ]ῶι προτέρωι ἔτ[ει .....] ου Βοιωτίου, Ὀλύμπια δὲ τῶι ὑστέρωι ἔτει τ(ὴν) [ἑκατοστὴν] καὶ τετταρακοστὴν Ὀλυμπιάδα νικῶντος [ἀνδρῶν π]αγκράτιον Ἀγησιδάμου Μεσσηνίου πρῶτ[ον τὸν στεφανί]την ἀγῶνα θεῖναι τῶγ κατοικούντων τὴν Ἀσίαν

[1]) Sylloge inscriptionum graecarum, iterum edidit *G. Dittenberger*. Volumen prius, Lipsiae. 1898. „Первый томъ“ новаго изданія, содержащій 424 №№. соотвѣтствуетъ „первому выпуску“ стараго изданія, 1883 года, содержавшему 293 №№.

[2]) Въ предисловіи, p. IX, Диттенбергеръ на первомъ планѣ высказываетъ благодарность Керну, „qui benignissime mihi permisit ut collectione titulorum Magnesiae ad Maeandrum erutorum iam priusquam in publicum emitteretur uterer ideoque typothetam singulas plagulas recentes a prelo ad me transmittere iussit.“.

Библиотека "Руниверс"

[ἐπεβάλον]το и пр. Такое совпаденіе параллельныхъ датъ не часто встрѣчается въ документахъ. „Memorabilis Olympiadis numerus, замѣчаетъ Диттенбергеръ, in titulo tam antiquo. Olympiae prima quae lapidi inscripta inveniatur Olympias centesima undeoctogesima (a. 64 a. Chr.) est; cf. Olympia V p. 587 n. 530". Магнисійскій стефаниферъ Зинодотъ исправлялъ свою должность въ тотъ годъ, когда въ Аѳинахъ былъ архонтомъ Ѳрасифонтъ. Годомъ ранѣе одержалъ побѣду на Пиѳіяхъ нѣкій киѳародъ віотіецъ. Годомъ позже побѣдилъ на Олимпіяхъ въ панкратіи („cur pancratii, non ut moris est stadii victor nominetur in definienda Olympiade, latet"—замѣчаніе Диттенбергера) Агисидамъ мессиніецъ. Олимпіада была сто сороковая. Первый годъ 140-й олимпіады=$220/19$ г. до Р. Хр.; значитъ, Ѳрасифонтъ былъ архонтомъ въ $221/0$ г.; побѣда віотійца на Пиѳіяхъ приходится на $222/1$—*третій* годъ 139-ой олимпіады.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что тотъ архонтъ Ѳрасифонтъ, имя котораго упоминается въ отчетѣ по переплавкѣ мелкихъ приношеній въ святынѣ Героя Врача (C. I. A. II 403), тождественъ съ Ѳрасифонтомъ магнисійской надписи. Помѣстивъ Ѳрасифонта *предположительно* на $214/3$ г., мы (Изъ исторіи Аѳинъ. 229—31 гг. до Р. Хр., 40[1]), ошиблись, слѣдовательно, на 7 лѣтъ, но все же подошли ближе къ истинной датировкѣ, чѣмъ тѣ, кто относилъ архонтатъ Ѳрасифонта къ концу III вѣка (Кёлеръ, ср. также Michel. Rec. 687. Larfeld, Handb. d. griech. Epigraphik, II, 130).

Важность новаго документа не исчерпывается, однако, тѣмъ, что, благодаря ему, является возможнымъ совершенно точно датировать архонтатъ Ѳрасифонта. Въ связи съ этимъ мы имѣемъ возможность датировать, съ большею увѣренностью, рядъ другихъ эпонимовъ, близкихъ по времени къ Ѳрасифонту. Для этого мы должны обратиться опять къ извѣстному списку архонтовъ C. I. A. II 859, уже дважды разбиравшемуся на страницахъ нашего журнала, А. Н. Щукаревымъ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1888, іюнь, отд. класс. фил., 71 сл.) и нами (тамъ-же, 1897, іюнь, отд. класс. фил., 125 сл.).

Въ своемъ изслѣдованіи списка архонтовъ C. I. A. II 859 А. Н. Щукаревъ исходилъ изъ декрета въ честь стратига Дименета (C. I. A. IV, 2, 619 b=Michel, Rec. 609=Dittenberger, Syll.[2] 246). Мы подошли къ списку съ другой стороны и опредѣляли хронологію его архонтовъ въ связи съ вопросомъ о времени учрежденія Птолемаидъ (Στέφανος, 24 сл.). Признавъ датировку А. Н. Щукарева пра-

Библиотека "Руниверс"

вильною въ принципѣ, мы сочли, однако, необходимымъ передвинуть ее на три года назадъ, какъ, впрочемъ, предугадывалъ и А. Н. Щукаревъ. Позже (Изъ исторіи Аѳинъ, 40 сл.) мы нашли возможнымъ заполнять нѣкоторыя лакуны списка, и окончательно представили его въ такомъ видѣ (Изъ исторіи Аѳинъ, 95).

230/29 [Διομέδων]	221/20 [Χαιρεφ]ῶν Ἀλωπε.
229/28 [Ἡλιόδωρος Δ]ιομ.	220/19 [Σωσιγένης] (?)
228/27 Λεωχάρης Παλλ.	219/18 [Ἀρχέλαος] (?)
227/26 Θεόφιλος ἐξ Οἴου	218/17 [Φιλῖνο]ς (?) Ἐρχιε.
226/25 [Ἐ]ργοχάρης Σφητ.	217/16 Διοκλῆς Κοδαθ.
225/24 Νικήτης Σκαμβων.	216/15 Εὐφίλητος Προβ.
224/23 Ἀντίφιλος Ἀφιδν.	215/14 Ἡράκλειτο[ς Ἀθμο.
223/22 Καλλ.....	214/13 [Θρασυφῶν] (?)
222/21 Μενεχράτης Οἰθεν.	213/12 [Αἴσχρων].

221/20 годъ былъ занятъ Херефонтомъ, отъ имени котораго въ спискѣ С. I. A. II 859 сохранилось лишь окончаніе—ων. Теперь, на основаніи магнисійской надписи, вмѣсто [Χαιρεφ]ῶν слѣдуетъ, разумѣется, дополнять [Θρασυφ]ῶν [1]).

---

[1]) Замѣчательно, въ обоихъ случаяхъ имя архонта состоитъ изъ 8 буквъ. Диттенбергеръ въ комментаріи къ надписи Дименета принимаетъ въ общемъ объясненіе ея, предложенное А. Н. Щукаревымъ, но возражаетъ противъ нѣкоторыхъ частностей объясненія. По его мнѣнію, „cur C. I. Att. II, 859 d, 15 ex ingenti nominum in -ων cadentium numero potissimum [Χαιρεφ]ῶν Ἀλωπε(κῆθεν) reponamus cum Stsch(ukareff), nulla est satis idonea causa". Но до тѣхъ поръ, пока не былъ извѣстенъ точно годъ Ѳрасифонта, дополненіе [Χαιρεφ]ῶν въ спискѣ С. I. A. II 859 напрашивалось само собою и вытекало изъ общаго смысла разсужденій А. Н. Щукарева. Далѣе Диттенбергеръ колеблется вообще отождествлять архонтовъ, упоминаемыхъ въ надписи Дименета, съ одноименными архонтами списка С. I. A. II 859. „Nomen, говоритъ Диттенбергеръ, quod est Διοκλῆς certe non minus quam sex archontes eponymos Atheniensium gessisse observavit Stsch. Qui quod ex eis hic in censum venire indicavit Cydathenaeensem quem habet catalogus C. I. Att. II, 859 b, 13, eo quidem nomine non absurde fecit, quod Koehlerus homo harum rerum peritissimus eum recensum postremae tertii a. Chr. n. saeculi parti vindicavit. Sed certum id ita modo haberi liceret, si etiam reliquorum duorum qui hic occurrunt archontum illic vestigio occurrerent. Quod non ita est". Все это такъ; но сопоставленіе архонтовъ, упоминаемыхъ въ надписи Дименета, съ архонтами списка С. I. A. II 859, сдѣланное А. Н. Щукаревымъ, останется, конечно, въ полной силѣ, если даже вмѣсто [Χαιρεφ]ῶν надо возстановлять [Θρασυφ]ῶν. Это будетъ ясно изъ дальнѣйшаго. Что касается „шести" эпонимовъ съ именемъ Διοκλῆς, то изъ нихъ, въ данномъ случаѣ, можетъ идти въ расчетъ лишь тотъ Діоклъ, которымъ датированы документы С. I. A. II

Библиотека "Руниверс"

Но какъ поступить съ остальными архонтами списка С. I. A. II 859? По нашему мнѣнію, первая половина его ($2^{30}/_{29}$ — $2^{22}/_{21}$) должна остаться безъ измѣненія, и возможность точно датировать архонтатъ ӨрасифонтаговоритЪ, по видимому, въ пользу установленной нами датировки: разъ мы отнесли архонта [.....]ων Ἀλωπε. списка къ $2^{21}/_{20}$ г., и всѣ предшествующіе архонты списка, имена которыхъ сохранились на камнѣ безъ пропусковъ, должны придтись именно на тѣ годы, на которые мы ихъ поставили [1]).

Во второй половинѣ С. I. A. II 859 приходится сдѣлать нѣкоторую, несущественную, впрочемъ, перетасовку. Прежде всего: куда помѣщать архонтатъ Херефонта? Выборъ возможенъ только между двумя годами, свободными въ спискѣ, $2^{20}/_{19}$ и $2^{19}/_{18}$: годъ $2^{18}/_{17}$ въ разчетъ идти не можетъ, такъ какъ на камнѣ сохранилась послѣдняя буква имени архонта — ς.

Стратигія Дименета, приходившаяся на годъ Херефонта, имѣла мѣсто, несомнѣнно, во время Союзнической войны: на это указываютъ слова документа, гдѣ сказано, что Дименетъ всячески заботился о томъ, чтобы „нигдѣ не было причинено никакого насилія ни въ странѣ, ни въ крѣпостяхъ“. И скорѣе слѣдуетъ помѣстить Херефонта на $2^{20}/_{19}$ годъ, когда война была еще въ разгарѣ и когда приходилось

---

839. IV, 2, 385 d, такъ какъ остальные Діоклы относятся или ко времени гораздо болѣе раннему, или значительно болѣе позднему, чѣмъ то время, когда составленъ списокъ С. I. A. II 859. Наконецъ, третьяго архонта, Эсхрона, упоминаемаго въ надписи Дименета, ничто не препятствуетъ относить ко времени составленія списка С. I. A. II 859, такъ какъ декретъ оргеоновъ (С. I. A. II 622), датированный Эсхрономъ, можетъ и не относится непремѣнно „къ первымъ десятилѣтіямъ II вѣка“, какъ предполагалъ Келеръ, ибо, по замѣчанію Диттенбергера, „hic (въ декретѣ оргеоновъ) ut in simili Archelai archontis monumento (cf. n. 242) insignis scripturae neglegentia, quam utrobique K. ipse notat, levis erroris in aetate definienda causa fuisse videtur“.

[1]) Сомнѣнія, конечно, могутъ быть, относительно двухъ начальныхъ именъ списка [Διομέδων] и [Ἡλιόδωρος Δ]ιομ. Что касается Діомедонта, то теперь Диттенбергеръ (Syll.[2] 232) не относитъ уже его болѣе ко времени Хремонидовской войны, а помѣщаетъ „paullo ante a. 229 a. Chr.“ и, такимъ образомъ, почти приближается къ истинѣ. Въ датированіи Иліодора Диттенбергеръ (Syll.[2] 241) слѣдуетъ Омоллю (Heliodoro quidem ipsum annum $21^{7}/_{6}$ a. Chr. tribuit perquam probabiliter). Но это невозможно, по причинѣ, указанной нами (Изъ исторіи Аенвъ, 46 сл.). Важною для датировки Иліодора надписью С. I. A. IV 385 b Диттенбергеръ не пользуется и даже ея не упоминаетъ. Пока не найдено новыхъ документовъ, мы считаемъ нашу датировку Діомедонта и Иліодора все-таки довольно вѣроятною.

Библиотека "Руниверс"

принимать серьезныя мѣры предосторожности для безопасности Аттики. Такимъ образомъ, одно изъ трехъ свободныхъ мѣстъ списка, непосредственно за Өрасифонтомъ, занято Херефонтомъ. Остаются два свободныхъ года — $2^{19}/_{18}$ и $2^{18}/_{17}$. Изъ трехъ архонтовъ, помѣщенныхъ нами въ лакуну списка, между $2^{20}/_{19}$ — $2^{18}/_{17}$ гг. (Сосигенъ, Архелай, Филинъ), одинъ долженъ быть удаленъ, такъ какъ его мѣсто теперь занято Херефонтомъ. Архелая мы, во всякомъ случаѣ, должны оставить, такъ какъ въ документѣ, имъ датированномъ (C. I. A. IV, 2, 385 c = Michel, Rec. 191 = Dittenberger, Syll.^{2} 242), упоминаются еще Езриклидъ и Микіонъ, умершіе около 215 г. (Изъ исторіи Аѳинъ, 53 сл.) [1]). Такимъ образомъ, удаленію подлежитъ или Сосигенъ, или Филинъ, кто именно, пока рѣшать не беремся. Слѣдующіе три архонта: Діоклъ, Евфилитъ и Ираклитъ остаются на своихъ мѣстахъ. Өрасифонтъ переставляется съ $2^{14}/_{13}$ года на $2^{21}/_{20}$. Что касается Эсхрона, то его, быть можетъ, слѣдуетъ передвинуть съ $2^{13}/_{12}$ по $2^{14}/_{13}$ годъ, хотя это пока остается подъ сомнѣніемъ; во всякомъ случаѣ, удалять Эсхрона слишкомъ далеко отъ Херефонта и Діокла едва-ли возможно, въ виду того, что всѣ эти три архонта упоминаются въ одномъ документѣ.

Пока все идетъ гладко. Но далѣе затрудненіе слѣдующаго рода. Архонты Херефонтъ, Діоклъ и Эсхронъ, упоминаемые въ надписи Дименета, „слѣдовали другъ за другомъ не непрерывно, а въ пентетеристическомъ порядкѣ, то-есть, раздѣляемые другъ отъ друга промежутками въ три года. Это несомнѣнно слѣдуетъ изъ упоминанія великихъ Элевсиній въ годы этихъ архонтовъ. Элевсинія эти несомнѣнно тожественны съ пентетеридой Элевсиній“ (А. Н. Щукаревъ, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1888, іюнь, отдѣлъ классической филологіи, 61). Если такъ, то всѣ наши предыдущіе расчеты должны рухнуть. Однако Диттенбергеръ нашелъ возможнымъ усумниться въ правильности обычнаго пониманія издателями и комментаторами словъ надписи „γινομένης δὲ καὶ τῆς παντη[γύρε]ως τῶν Ἐλευσ[ι]νίω[ν] τῶμ μεγάλων ἐν τοῖς ἔτεσιν οἷς ἐστρατήγηκεν, ἔθυσεν ταῖς θεαῖς μετὰ τῶν ἐξ Ἐλευσῖνος περὶ τ[ῆ]ς τοῦ δήμου σωτηρίας· ἐπεμελήθη δὲ καὶ τῆς τῶν μυστηρίων [τελ]ετῆς καθ' ἑκάστην στρατηγίαν“. Диттенбергеръ замѣчаетъ: editores haec sic accipiunt, ut in unamquamque ex tribus Demaeneti

[1]) Диттенбергеръ годъ Архелая точно не опредѣляетъ: certe Archelaus aut proximo post Heliodorum anno, id quod mihi longe verisimillimum videtur, aut certe perexiguo spatio interiecto in magistratu fuit.

Библиотека "Руниверс"

praeturis Eleusiniorum magnorum ferias incidisse statuant ideoque quaternos annos inter binos ex eis magistratibus intercessisse sumant. Sed id aliter enuntiaturum fuisse rogatorem plebisciti mihi persuadet v. 29, ubi de mysteriis, *quae annua fuerunt*, dicitur καθ' ἑκάστην στρατηγίαν. *Unam* igitur Eleusiniorum penteterida in illos tres annos incidisse statuo". Лица, основательнѣе насъ усвоившія строй аттическихъ надписей, рѣшатъ, правъ Диттенбергеръ или нѣтъ въ данномъ случаѣ. Для предлагаемой нами датировки Херефонта, Діокла и Эсхрона его замѣчанія, во всякомъ случаѣ, на-руку [1]).

Пентетерида Элевсиній „можетъ падать только или на третій, или на четвертый годъ олимпіады" (А. Н. Щукаревъ, ук. ст. 61). Принявъ это въ соображеніе, посмотримъ, можетъ-ли совпасть пентетерида, въ томъ и другомъ случаѣ, съ одною изъ стратигій Дименета за промежутокъ 140-й и 141-ой олимпіадъ.

Ол. 140, 1 ($2^{20}/_{19}$) [Χαιρεφῶν] — 1-ая стратигія Дименета.

140, 2 ($2^{19}/_{18}$) [Ἀρχέλαο] / [Σωσιγένη] ς Ἐρχιε.

140, 3 ($2^{18}/_{17}$) [Φιλῖνο]

„ 140, 4 ($2^{17}/_{16}$) Διοκλῆς Κυδαθ. — 2-ая стратигія Дименета.

„ 141, 1 ($2^{16}/_{15}$) Εὐφίλητος Προβ.

„ 141, 2 ($2^{15}/_{14}$) Ἡρακλειτο[ς Ἀ]θμο.

„ 141, 3 ($2^{14}/_{13}$) [Αἴσχρων] — 3-ья стратигія Дименета.

Если пентетерида Элевсиній приходилась на третій годъ олимпіады, она совпадала съ третьей стратигіей Дименета, въ годъ Эсхрона, если—на четвертый, то — съ второй стратигіей Дименета, въ годъ Діокла. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ пентетерида, за время отправленія Дименетомъ должности стратига, могла имѣть мѣсто только одинъ разъ.

С. Жебелевъ.

---

[1]) Не можемъ, однако, согласиться съ послѣдующими словами Диттенбергера: non definite indicari quanam potissimum praetura id acciderit nihil habet offensionis, praesertim si statuamus continuo triennio ter illum praetorem fuisse id quod statuere licet dummodo Dioclem archonta distinguamus ab illo cognomini Cydathenaeensi. Во-первыхъ, нѣтъ основанія различать, какъ указано выше, Діокла списка C. I. A. II 859 и Діокла надписи Дименета; во-вторыхъ, однимъ изъ стратиговъ въ союзническую войну былъ, по видимому, Экфантъ, сынъ Евфана, ѳріасіецъ (Изъ исторіи Аеинъ, 65); въ-третьихъ, куда помѣщать тогда архонтатъ Архелая?

Библиотека "Руниверс"

НЕИЗДАННЫЕ ОТРЫВКИ РУФА ЭФЕССКАГО.

Въ одной изъ самыхъ интересныхъ рукописей Московской Синодальной библіотеки, помѣченной въ каталогѣ арх. Владиміра № 436 [1]), на л. 115 читается небольшое извлеченіе изъ сочиненій Руфа, писанное рукою XIV вѣка и до сихъ поръ не изданное.

Рукопись наша, писанная отчасти въ XIV, отчасти въ XV вѣкѣ, дала уже ранѣе нѣсколько любопытныхъ anecdota [2]).

Отрывокъ, или, вѣрнѣе, отрывки, такъ какъ ихъ числомъ четыре, находящіеся въ упомянутой рукописи и воспроизведенные съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей правописанія, представляютъ слѣдующій текстъ: fol. 115 r.:

[3]) Ροῦφου φιλοσόφου περὶ τῆς τοῦ πηγάνου χρήσε(ως) διδοχισμασ μένον δι ἀπείρασ + + + |

Πήγανον οὐδὲν ἔττομ(εν) εἰς τὴν ἰατρικὴν χρησι|μότερον. καθα ἀὐ τότε
ά
καὶ ἄλλο φαρμκω ε|πὶ βοηθέντες· ἄλλην μὲν ἐνέργειαν ἔχει τὸ ἄ|γριον. ἄλλην
x
δὲ τὸ ἥμερον ἀπὸ βραχῆς ἐν ἠνω ἢ ε|νὔδατι καὶ πινόμενον αρ τῆς γάμμα |

---

[1]) Арх. Владиміръ, Систематическое описаніе рукописей Московской Синодальной (Патріаршей) библіотеки. Ч. I. Рукописи греческія. Москва. 1894.

[2]) См. Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regiis libellus. Ediderunt B. Wassiliewsky V. Iernstedt, Petropoli 1896. В. Ернштедтъ, Забытыя греческія пословицы (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893, апрѣль, май). А. Н. Веселовскій, Изъ исторіи романа и повѣсти. Вып. I. Греко-византійскій періодъ. С.-Пб. 1886, стр. 416 слл. В. Истринъ, Александрія русскихъ хронографовъ, Москва 1893, стр. 4, прим. 2.

[3]) Слова Ροῦφου—δι ἀπείρας писаны киноварью; въ скобкахъ—сокращенія.

Библиотека "Руниверс"

Γάλαχατασπεῦσαι [1]) καὶ ἔμει ναᾶγει· ἄγνου σπέρμ σον οἴνο πινόμ[ε] [2])τοῦ αὐτοῦ || fol. 115 v.

[3]) . αλαχατασπάναι . ἔμμεινα ἄγει. ζύχο ὁμ ἐφούμ[ε] | καὶ μεταλέας ἐσθιόμενος |

[4]) . αλαχατὰσ βέσαι γοναικὸς αμτρος φερόμ[ε] | ἅλμη θαλασσήα συνεχῶς ἀντλουμένη θερ:—

На лл. 109 v.—115 r. нашимъ отрывкамъ предшествуютъ Ἀποφθέγματα (καὶ) γνῶμαι διαφόρων φιλοσόφ(ων) σον ἀλεξάνδρω τῶ βασιλεῖ. ϵϵϵ (все киноварью). Эти апофѳегмы изданы проф. Веселовскимъ въ указанномъ выше мѣстѣ. Въ концѣ отрывковъ Руфа киноварью нарисованъ драконъ, за которымъ также киноварью написано слѣдующее: Στρατηγηκεῖ ἔνθέσεις καὶ σύνταξις νικηφόρου δεσπότου:—περὶ πεζῶν κτλ.

Конечно, немного требуется искусства для того, чтобы реставрировать пострадавшій отъ неоднократной переписки текстъ нашихъ отрывковъ. Приводимъ этотъ текстъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ долженъ былъ читаться, по нашему мнѣнію, еще въ древности:

[Ῥούφου φιλοσόφου περὶ τῆς τοῦ πηγάνου χρήσεως—δεδοκιμασμένον διὰ πείρας].

Fr. I.

Πηγάνου οὐδὲν ἔχομεν εἰς τὴν ἰατρικὴν χρησιμώτερον καθ' ἑαυτό τε καὶ ἄλλῳ φαρμάκῳ ἐπιβοηθοῦντες· ἄλλην μὲν ἐνέργειαν ἔχει τὸ ἄγριον, ἄλλην δὲ τὸ ἥμερον ἀποβραχὲν ἐν οἴνῳ ἢ ἐν ὕδατι καὶ πινόμενον

Fr. II.

Γάλα κατασπεῦσαι καὶ ἔμμηνα ἄγειν· ἄγνου σπέρμα σὺν οἴνῳ πινόμενον

---

[1]) Г киноварью.
[2]) τοῦ αὐτοῦ киноварью.
[3]) Въ началѣ строки оставлено мѣсто для буквы киноварью.
[4]) То же.

Библиотека "Руниверс"

Fr. III.

Γάλα κατασπάσαι καὶ ἔμμηνα ἄγειν. ἄγνος ζύθῳ ὁμοῦ ἑφούμενος καὶ μετ' ἐλαίας ἐσθιόμενος

Fr. IV.

Γάλα κατασβέσαι γυναικὸς ἀμέτρως φερόμενον· ἅλμη θαλασσία συνεχῶς ἀντλουμένη θερμή .

Разсматривая возстановленный текстъ по его содержанію и формѣ, мы замѣчаемъ, что онъ распадается на двѣ части: къ первой относится Fr. I, ко второй—остальные три отрывка, которые покуда мы оставимъ въ сторонѣ и обратимся къ первому отрывку. Что это — отрывокъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, кажется, не нужно и доказывать. Правда, начало его какъ будто походитъ на начало главы или отдѣла, говорится о необычайной пользѣ руты, затѣмъ авторъ говоритъ. что дикая рута обладаетъ одними свойствами, садовая— другими, но въ чемъ заключаются ихъ свойства, онъ не указываетъ, хотя послѣ подобнаго вступленія мы въ правѣ ожидать такого рода главной части отрывка. Откуда можетъ быть заимствованъ нашъ отрывокъ?

Очевидно, изъ такого сочиненія, гдѣ излагалась materia medica, а такихъ фармакологическихъ сочиненій изъ разныхъ эпохъ древности мы знаемъ нѣсколько, при чемъ въ однихъ изъ нихъ матеріалъ былъ расположенъ по лѣкарствамъ и обыкновенно въ алфавитномъ порядкѣ, какъ, напримѣръ: Περὶ κράσεως καὶ δυνάμεως τῶν ἁπλῶν φαρμάκων Галена (книги VI—X), περὶ τῶν ἁπλῶν φαρμάκων Орибасія (Coll. med. XV), первая часть второй книги его же сочиненія περὶ εὐπορίστων, первая часть VII книги Павла Эгинскаго, I книга Аэтія; также слѣды такого распредѣленія матеріала мы замѣчаемъ у Скрибонія Ларга (§ 153 слл.) и еще болѣе въ IV книгѣ Псевдо-Плинія, хотя у нихъ обоихъ не соблюденъ алфавитный порядокъ, равно какъ и въ сочиненіяхъ Діоскорида περὶ ὕλης ἰατρικῆς и περὶ δηλητηρίων φαρμάκων. Въ другихъ матеріалъ распредѣлялся по группамъ, по физіологическому дѣйствію и родству эффектовъ различныхъ лѣкарствъ при различныхъ заболѣваніяхъ, какъ, напримѣръ, въ XIV книгѣ Συναγωγῶν Ἰατρικῶν Орибасія, во второй книгѣ Συνόψεως, во второй части второй книги Εὐπορίστων (гл. 2—23) и др. Здѣсь каждая группа лѣ-

Библиотека "Руниверс"

карствъ часто также располагалась въ алфавитномъ порядкѣ, какъ это мы находимъ въ указанныхъ примѣрахъ изъ Оривасія, но здѣсь обыкновенно излагались только названія лѣкарствъ, а болѣе или менѣе точное и подробное описаніе ихъ нужно было искать подъ соотвѣтственной буквою и соотвѣтствующимъ названіемъ въ сочиненіяхъ или части сочиненія перваго рода. Такимъ образомъ нашъ первый отрывокъ, несомнѣнно, долженъ быть отнесенъ къ сочиненію первой категоріи, и, можетъ быть, въ записи rubro кроется оригинальное заглавіе отдѣла или по крайней мѣрѣ заглавіе, бывшее въ рукописяхъ Руфа: περὶ τῆς τοῦ πηγάνου χρήσεως или, еще вѣроятнѣе— просто περὶ πηγάνου, ср. Gal. II, χρασ. κτλ. VIII, 18 (ed. Kühn. t. XII, p. 100 sq.) Dioscor. II, ὕλης ἰατρ. III, 45 (52) ed. Sprengel, Lips. 1829, vol. I, p. 391 sqq. Но этимъ не исчерпывается еще все, что можно сказать о нашемъ первомъ отрывкѣ. Замѣтимъ, что въ 327-й главѣ первой книги своихъ Βιβλία ἰατρικὰ ἑκκαίδεκα, главѣ, трактующей также о рутѣ, Аэтій эксцерпируетъ слѣдующее мѣсто изъ неизвѣстнаго сочиненія Руфа [1]): [Ῥοῦφος δέ φησι·] τοῦ μὲν ἀγρίου πηγάνου ἡ

---

[1]) Этотъ отрывокъ въ изданіи сочиненій Руфа (Oeuvres de Rufus d' Éphèse etc. par D-r Ch. Daremberg. Cont. et term. par Ch. Émile Ruelle. Paris 1879, p. 311—313) помѣщенъ подъ № 56 и начинаетъ собою серію извлеченій изъ Аэтія. По просьбѣ нашей, проф. Берлинскаго университета Ю. Пагель сличилъ этотъ отрывокъ (по указанному изданію Дарамбера и Рюэля) съ хранящейся въ Берлинской Публичной Библіотекѣ рукописью Аэтія (Cod. Ms. Graec. fol. № 37), въ которой глава 327-я (πήγανον) начинается на л. 33v и продолжается до середины л. 34r. Такъ какъ, по справедливому замѣчанію проф. Пагеля, сообщаемые имъ варіанты имѣютъ извѣстную важность, то мы считаемъ нужнымъ опубликовать по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые относятся къ данному отрывку Руфа, и кстати пользуемся случаемъ выразить нашу благодарность за ту любезность и готовность, съ какой онъ сличилъ для насъ рукопись № 37. Сожалѣемъ, что присланные имъ позже варіанты такъ называемаго Nachlass'a Вейгеля (см. J. Pagel. Einführung in die Geschichte der Medicin. Berlin 1898. S. 143. Oeuvres d'Oribase etc. par les docteurs Bussemaker et Daremberg. t. I, Paris. 1851. Préf. p. XXXVII suiv.), представляющаго изъ себя коллацію трехъ парижскихъ манускриптовъ съ изданіемъ Альда, изъ коихъ одинъ (№ 1883/1847) находится въ числѣ тѣхъ, которыми пользовались Рюэль и Дарамберъ при изданіи отрывковъ Руфа (см. l. c. Préf. p. XXVII), не имѣютъ отношенія къ данному отрывку. Варіанты рукописи № 37 слѣд.: v. 1. послѣ φησι стоитъ ὅτι. || v. 2. ἐστιν ἑλκωτικὴ | καὶ διὰ || v. 3. τὴν ἀγρίου | πονήρως. || v. 4. τὴν κύστιν διατίθενται καὶ δασι δὲ ἐνέγκωσιν (oder ἐνεύκωσιν Pagel) || v. 5. μίγεις вм. μίσγεις || v. 6. τῷ ἡμέρῳ || v. 8. οἷον πνευματίας вм. ἢ πνευματίας. || v. 9. δακέντας вм. ὀηχθέντας. | εἰ κυσα (вм. ἣν κύουσα) margo. || v. 10. καὶ omiss.; то-есть, δὲ πρὸς τὸν τῆς || v. 13.

Библиотека "Руниверс"

δύναμις διαπυρός ἐστι καὶ ἑλκωτικὴ καὶ μάλιστα κύστεως. Διὰ τοῦτο καὶ οἱ τὸ ποδαγρικὸν πίνοντες φάρμακον (τὸ διὰ τοῦ ἀγρίου πηγάνου) [1]) πονηρῶς διατίθενται τὴν κύστιν. Ὅσοι δ' ἂν ὑπενέγκωσιν αὐτὸ ἐπιφανέστερον ὠφελοῦνται· ἀγαθὸν γὰρ πρὸς τὰ ἀρθριτικά. Εἰ δὲ μίσγεις τοῦ ἡμέρου, ἀσφαλέστερον, καίτοι καὶ αὐτὸ τὸ ἥμερον βλαβερὸν κύστεως, ἀλλ' ἧττον. Χρώμεθα δὲ τῷ ἀγρίῳ, ἐφ' ὧν κατεψυγμένον τι μειζόνως βουλόμεθα ἀναθάλψαι· ἢ πνευματίας ὑδέρους καὶ τοὺς ἀνὰ σάρκα ὠφελεῖ καὶ τοῦτο ὑπὸ ἐχίδνης ἢ μυγαλῆς δηχθέντας, καὶ μᾶλλον ἡν κύουσα ἡ μυγαλὴ δάκῃ (καὶ μάλιστα ἐπὶ ὑποζυγίων) [2]). Ἰσχορὸν δὲ καὶ πρὸς τὸν τοῦ μήκωνος ὀπὸν ποθέντα, καὶ πρὸς ἀκόνιτον μετ' οἴνου. Τὸ δὴ ἥμερον πήγανον πραΰνει καὶ τὰ τῶν περιόδων ῥίγη πινόμενον πρὸ τῆς ἐπισημασίας, καὶ ἐπὶ κολικῶν ἀλγημάτων πινόμενόν τε καὶ ἐνιέμενον, καὶ ἐπὶ ὑστερικῆς πνιγός. Καὶ ὀξυδερκὲς ἐσθιόμενον· καὶ διὰ τοῦτο οἱ ζωγράφοι συνεχῶς αὐτοῦ ἀπογευόμενοι ὀξύτερον βλέπουσι. Καὶ μέλιτι δὲ τὸν χυλὸν μίξας ἄλοπον ὀξυωπὲς ἐργάσει φάρμακον. Βοηθεῖ δὲ καὶ δυσουρίαις, μετ' ἐλαίου ἑψόμενον, καὶ πυριωμένης τῆς κύστεως· βοηθεῖ γὰρ εἴπερ τι καὶ ἄλλο τούτοις. Ἐπὶ δὲ ὀσφύος καὶ δυσπνοϊκῶν δοθὲν μετ' ὀξυμέλιτος παραχρῆμα ὤνησεν. Ἐπὶ δὲ ληθαργικῶν πινόμενον καὶ διὰ κλυστῆρος ἐνιέμενον, ἀγαθὸν σφόδρα. Καὶ λειώσαντα δὲ χρὴ μετὰ ῥοδίνου καὶ ὄξους, χρίειν αὐτῶν τὴν κεφαλήν. Λύει δὲ καὶ τοὺς τῶν ἰσχίων πόνους πινόμενον, καὶ καταπλασσόμενον καὶ ἐνιέμενον. Καταπλασσόμενον δὲ ἐπὶ ποδαγρικῶν καὶ τῶν τὰ γόνατα ἐμφυσωμένων, ταχὺ ὀνίνησι, καὶ τὰς ὀδύνας ταχὺ πραΰνει. Ἐσχάρας δὲ καὶ τὰς ἀπὸ ἀνθράκων ταχὺ ἀφίστησι, καταπλασσόμενον μετὰ μέλιτος ἢ σταφίδων.

Уже съ перваго взгляда видно, что слова τοῦ μὲν ἀγρίου ктл. не могутъ быть началомъ ни новой главы, ни новаго отдѣла того сочиненія, изъ котораго они выхвачены Аэтіемъ, судя же по небольшому размѣру отрывка, никто, конечно, не подумаетъ, что онъ можетъ принадлежать той книгѣ, которую цитируетъ арабскій врачъ середи-

---

ὀξυδερκές ἐστι ἐσθιόμενον || v. 15. μίξαι τὸν χυλὸν | ἐργάσῃ. || v. 17. ἐπὶ δυσπνοικῶν || v. 18. ἐπὶ ληθαργικῶν δὲ καὶ || v. 19. κολυστῆρος | Λειώσαντας χρὴ || v. 20. αὐτῷ || v. 22. καὶ ἐπὶ ποδαγρικῶν δὲ καὶ τῶν τὰ γόνατα ἐχόντων ἐμφυσώμενα καταπλασσόμενον ὀνίνησι || v. 23. ταχὺ omiss. || v. 24. ἀσταφίδων.

[1]) По видимому, интерполяція Аэтія, а еще вѣрнѣе неизвѣстнаго схоліаста, о чемъ, кажется, думалъ и Рюэлль, когда глухо замѣтилъ по поводу даннаго мѣста: Nous reproduisons le chapitre en entier.

[2]) Рюэлль ad loc. замѣчаетъ: Ces derniers mots n' offrent pas un sens satisfaisant,—не угадавъ, что это—схолія къ словамъ ἐφ' ὧν (см. выше), гдѣ, можетъ быть, какая-нибудь рукопись давала еще глоссу ἐφ' ὧν ἀνῶν (= ἀνθρώπων).

Библиотека "Руниверс"

ны X вѣка ег—Rhazi [1]) (Rhazes) подъ именемъ книги о рутѣ [2]), а Мугаммедъ Бенъ Исхакъ [3])—подъ именемъ كتاب في السذاب مقالة (книга о пиганѣ называемая) [4]), такъ какъ послѣднее все-таки должно было отличаться болѣе или менѣе внушительнымъ размѣромъ сравнительно съ нашимъ отрывкомъ, который, очевидно, исчерпываетъ все самое главное, что можно было бы сказать о рутѣ въ сочиненіи, посвященномъ описанію не одного какого-либо врачебнаго средства, а описанію нѣсколькихъ и, вѣрнѣе сказать, даже многихъ лѣкарственныхъ снадобій, а такого рода сочиненія, какъ мы видѣли [5]), были двухъ родовъ—они или описывали свойства лѣкарствъ и ихъ дѣйствіе на различные органы и различныя заболѣванія и располагали матеріалъ лишь въ алфавитномъ порядкѣ,—или распредѣляли его по группамъ, судя по физіологическому ихъ дѣйствію, но сочиненія втораго рода ограничивались обыкновенно лишь перечисленіемъ названій однородныхъ по результатамъ лѣкарствъ, избѣгая мало-мальски подробныхъ экскурсовъ и описаній. Слѣдовательно, нѣтъ никакихъ затрудненій отнести отрывокъ Аэтія къ сочиненію того же рода, къ какому мы отнесли первый отрывокъ московской рукописи [6]). Но мы пойдемъ еще далѣе. Разсматривая цитату Аэтія, изъ словъ его Ῥοῦφος δέ φησι и слѣдующей затѣмъ прямой рѣчи, да еще съ частицей μέν въ началѣ предложенія мы заключаемъ, что предлагаемый отрывокъ представляетъ намъ точный текстъ потеряннаго сочиненія Руфа о materia medica, безъ всякихъ отмѣнъ и сокращеній, особенно если мы вспомнимъ, какой точностью отличается Аэтій въ своихъ выпискахъ и цитатахъ [7]). Слѣдовательно, если Аэтій его не пере-

---

[1]) См. Leclerc, Histoire de la médecine arabe. Paris 1876, I, p. 337—354.

[2]) См. Daremberg, l. c. préf. p. XXXVIII № 71 (Rhaz. fol. 211). Wenrich. De auctor. Graecorum uersionib. et commentar. syriacis etc. Lips. 1842 p. 224 sq. — Leclerc l. c., I p. 241 (гдѣ ошибочно читается de la vue вм. de la rue).

[3]) Мугаммедъ бенъ Исхакъ Аннадимъ, иначе Абульфараджъ бенъ-Аби-Якубъ Альварракъ написалъ около 987 г. исторію арабской литературы. См. Wenrich. l. c. Préf. p. XIX sq.

[4]) Wenrich, l. c., p. 224.

[5]) См. выше, стр. 123.

[6]) См. выше, стр. 124.

[7]) См. С. Ковнеръ. Исторія средневѣковой медицины. Вып. I, Кіевъ, 1893, стр. 43: „Аэтій вообще дѣлалъ позаимствованія почти у всѣхъ предшествовавшихъ ему врачей, которыхъ онъ *всегда добросовѣстно цитируетъ*“ (курсивъ

Библиотека "Руниверс"

дѣлалъ, то мнѣніе наше, что этотъ фрагментъ не „можетъ быть началомъ ни новой главы, ни новаго отдѣла того сочиненія [1]), изъ котораго онъ выхваченъ этимъ врачемъ“, находитъ себѣ новую поддержку, такъ какъ, вникая въ планъ отрывка, мы видимъ, что онъ дѣлится на двѣ главныя части: въ одной говорится о дикой рутѣ, ея свойствахъ и употребленіи (слова τοῦ μὲν ἀγρίου πηγάνου δύναμις—καὶ πρὸς ἀκόνιτον μετ'οἴνου),—въ другой идетъ изложеніе въ томъ же порядкѣ свойствъ и употребляется τοῦ ἡμέρου πηγάνου (слова: τὸ δὲ ἥμερον πήγανον—μετὰ μέλιτος ἢ σταφίδων). Но нельзя было автору, прежде чѣмъ приступить къ главной части, не предпослать ей небольшаго введенія, гдѣ онъ долженъ былъ сказать о сортахъ руты и вкратцѣ намѣтить тѣ пункты, которые далѣе развиваются съ большей полнотой и подробностью. О томъ, въ какихъ видахъ рута приготовляется и дается больнымъ, какая разница между дикой и садовой рутой — это авторъ только *могъ* сказать, но сказать, что рута дѣлится по крайней мѣрѣ на два сорта [2]), онъ былъ прямо *обязанъ*. И дѣйствительно, мы видимъ, что такъ, напримѣръ, поступилъ Діоскоридъ въ соотвѣтственномъ отдѣлѣ περὶ πηγάνου [Π. ὕλης ἰατρικῆς III, 45 (52) ed. Sprengel, Lips. 1829, vol. I, p. 391 sqq.].

Коннера). — J. Pagel. Einführung etc. S. 143: Ich habe an der Hand des 16. Buches... durch Vergleich mit den gedruckten Ausgaben festgestellt, dass Soranus wörtlich abgeschrieben ist. Daraus gestatte ich mir den Schluss dass Aëtius auch bezüglich der übrigen Autoren *in denjenigen Theilen, die er speciell als entlehnt bezeichnet, möglichst sich eng an dem Wortlaut der Originale anschliesst*. (Курсивъ нашъ).

[1]) См. выше, стр. 125.

[2]) Ринне насчитываетъ у Діоскорида 4 вида руты (Das Receptbuch des Scribonius Largus etc. von Felix Rinne, въ Historische Studien aus dem Pharmakologischen Institute der Kais. Univ. Dorpat. Herausgeg. v. D-r Rudolf Kobert. Bd. V. Halle 1896, S. 70 f.), очевидно, на основаніи ниже упоминаемаго мѣста π. ὑλ. ἰατρ III, 45, гдѣ говорится: τὸ ὀρεινὸν δὲ καὶ ἄγριον τοῦ ἡμέρου καὶ κηπευτοῦ δριμύτερον καὶ ἀθετον πρὸς βρῶσιν. Но такъ какъ, насколько намъ извѣстно, ни одинъ древній врачъ не говоритъ болѣе чѣмъ о двухъ видахъ руты, а также принимая во вниманіе, что въ указанномъ мѣстѣ Діоскорида горная и дикая рута противопоставляется домашней и садовой, и припоминая, что только что передъ тѣмъ Діоскоридъ говорилъ лишь о двухъ видахъ (Πήγανον ὀρεινὸν οἱ δὲ ῥυτὴν ὀρεινήν, Ῥωμαῖοι ῥοῦτα μοντάνα. Πήγανον κηπευτὸν, Ῥωμαῖοι ῥοῦτα ὀρτένσις), мы должны думать, что почтенный наслѣдователь былъ введенъ въ заблужденіе союзомъ καί, который онъ принялъ въ буквальномъ его значеніи „и“, между тѣмъ какъ онъ долженъ обозначать здѣсь „или“ и стоять въ значеніи ἤ. Ср. также примѣчанія К. Шпренгеля ad loc. t. II, p. 516, равнымъ образомъ ничего не говорящаго о 4 видахъ руты.

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ, мы замѣчаемъ, что съ одной стороны московскій отрывокъ представляетъ вступленіе къ болѣе подробному описанію обоихъ видовъ руты, а съ другой — что цитата Аэтія какъ разъ является такимъ описаніемъ, но не имѣетъ надлежащаго вступленія. Соединяя оба отрывка въ одинъ, мы получаемъ цѣлое и полное описаніе руты. Слѣдовательно, первый отрывокъ московской рукописи и есть именно то потерянное начало главы, о которомъ мы говорили по поводу цитаты Аэтія.

Что касается возможнаго возраженія, что отрывокъ московской рукописи есть лишь сокращеніе цитаты Аэтія, то такое предположеніе не выдерживаетъ серьезной критики въ виду слѣдующихъ соображеній:

1) Появленіе въ рукописи трехъ слѣдующихъ отрывковъ о молокѣ не оправдываетъ такого предположенія, такъ какъ иначе они также должны являться сокращеніемъ, но они не только не сокращены, но даже не находятъ себѣ соотвѣтствующаго контекста въ извѣстныхъ намъ произведеніяхъ Руфа. Если же они, положимъ сокращены изъ сочиненій потерянныхъ, то вѣдь во всякомъ случаѣ какое нибудь вступленіе должно же было предшествовать отрывку Аэтія, а слѣдовательно эпитоматору проще было бы выписать это вступленіе, чѣмъ пропустить его и начать сокращать остальную часть главы. По крайней мѣрѣ такъ поступаетъ Орибасій съ Галеномъ [1]), у котораго онъ беретъ только начало статьи о рутѣ. Впослѣдствіи этотъ же отрывокъ Галена послужилъ и Павлу Эгинскому [2]), и Аэтію, который въ виду краткости получившейся выдержки распространяетъ ее еще заимствованіемъ изъ Руфа, можетъ быть только потому, что рута считалась въ древности если не универсальнымъ (ср. Plin. HN. XX, 10, 43), то во всякомъ случаѣ однимъ изъ самыхъ употребительныхъ и полезныхъ, какъ говоритъ и нашъ отрывокъ [3]), лѣкарствъ.

---

[1]) Cp. Orib. Coll. méd. XV, 1, 16, 21, sqq. (Oeuvres d'Oribase etc. par les docteurs Bussemaker et Daremberg t. II, Paris. 1854, p. 674), съ Gal. π. τῆς τῶν ἁπλῶν φαρμ. κρασ. καὶ δυνάμεως VIII, 18 (= t. XII p. 100 ed. Kühn.); ср. также Orib. Eupor. II, 1, π, 9 sqq (t. V, p. 632).

[2]) Παύλου Αἰγινήτου ἰατροῦ ἀρίστου βιβλία ἑπτά. Venet. (ap. Ald.) 1528, fol. 115 r. (lib. VII, ἀρχὴ τοῦ π.).

[3]) См. выше стр. 122; ср. также. D-r R. v. Gret: Ueber die in der hippokratischen Schriftensammlung enthaltenen pharmakologischen Kenntnisse, въ Histor. Stud. etc. v. D-r R. Kobert. I. Halle 1889, p. 98 sq и Г. Кёлеръ. Руководство физіологической терапевтики и materiae medicae. С.-Пб. 875. Вып. I, стр. 535.

Библиотека "Руниверс"

2) Авторъ московской рукописи или ея оригинала выписываетъ, какъ мы увидимъ ниже [1]), дѣйствительно только однѣ первыя строки главъ.

3) Если эпитоматоръ сокращалъ отрывокъ по цитатѣ Аэтія, то странно, что онъ выбралъ для этого середину главы и именно отрывокъ Руфа, а не началъ съ первыхъ словъ Аэтія (заимствованныхъ, какъ сказано выше [2]), у Галена). Къ тому же, это предположеніе не объясняетъ, откуда заимствованы Fr. II, III, IV', такъ какъ Аэтій ни одного подобнаго текса не заимствовалъ у Руфа. Если же эпитоматоръ сокращалъ по рукописямъ подлинныхъ сочиненій Руфа, то мы приходимъ къ возраженію, которое мы изложили въ первомъ пунктѣ.

Покончивъ съ первымъ отрывкомъ нашей рукописи, мы обращаемся къ остальнымъ тремъ фрагментамъ ея. Что эти три отрывка (или, при крайнемъ скептицизмѣ, одинъ первый) также принадлежатъ Руфу. указываютъ слова τοῦ αὐτοῦ въ концѣ перваго отрывка, несомнѣнно относящіяся къ предшествующему, а не къ послѣдующему тексту. Слѣдовательно, послѣ выдержки о рутѣ нельзя предполагать выпавшимъ какое-либо другое имя или заглавіе, относящееся къ Fr. II, и относить слова τοῦ αὐτοῦ къ Fr. III, слѣдующему за ними, тѣмъ болѣе, что этотъ § начинается, какъ и I, II и IV' отрывки, съ красной буквы.

Что слова τοῦ αὐτοῦ принадлежатъ непремѣнно первому отрывку и не попали въ конецъ его случайно потому, что еще было мѣсто въ концѣ страницы, которое писецъ не хотѣлъ оставить не заполненнымъ, убѣждаетъ насъ то, что 1) эти слова не отдѣляются отъ предшествующаго никакимъ знакомъ, между тѣмъ какъ отъ послѣдующаго ихъ отдѣляетъ небольшое пустое пространство въ концѣ строки и страницы; 2) τοῦ αὐτοῦ не имѣло бы смысла въ началѣ слѣдующаго отрывка, еслибы не было сказано, кому принадлежитъ первый §; 3) въ нашей рукописи во многихъ мѣстахъ (въ предшествующихъ на лл. 110 v.—115 r. ἀποφθέγματα et alibi) имя автора стоитъ зачастую не въ началѣ, а въ концѣ той цитаты, къ которой оно относится; ср. лл. 114 r. 114 v. etc.

Если первый отрывокъ принадлежитъ сочиненію въ родѣ первой книги Аэтія, то отрывки II, III, IV' принадлежатъ ко второй категоріи такихъ сочиненій, гдѣ матеріалъ былъ расположенъ по груп-

[1]) См. стр. 130.
[2]) См. стр. 128.

Библиотека "Руниверс"

намъ, и въ этомъ случаѣ соотвѣтствуютъ заимствованной изъ Галена главѣ Оривасія περὶ τῶν τὸ γάλα ποιοσῶν δυνάμεων καὶ καταμήνια κινουσῶν (Σ. I. XIV, 63. t. II. 591 ssq.) или ὅσα γάλα γεννᾷ (Synops. II, 52 t. V, p. 68). При томъ всѣ три отрывка представляютъ намъ первыя строки главъ, такъ какъ слова γάλα κατασπεῖσαι κτλ. [1]), γάλα καταστάσαι κτλ., γάλα καταβάσαι — не что иное, какъ заглавія отдѣловъ. Поэтому слѣдующія слова и начинаются съ α (ἄγνος и ἅλμη), какъ, напримѣръ, у Оривасія, Аэтія etc. [2]). Въ такомъ случаѣ и здѣсь авторъ московской рукописи или ея оригинала ограничился лишь выпиской первыхъ словъ изъ 3 разныхъ главъ Руфа, а что слова γάλα κατασπεῖσαι etc. не могли стоять въ серединѣ главы и непремѣнно должны были быть заглавіемъ, показываютъ слова ἀρ τῆς γάμμα въ концѣ отрывка о рутѣ. Можно бы было думать, что Fr. II, III, IV взяты изъ какого-либо словаря, такъ какъ всѣ они начинаются съ Γ и толковать ἀρχὴ τῆς γάμμα какъ обозначеніе отдѣла словъ, начинающихся съ этой буквы, но женскій родъ τῆς не позволяетъ намъ сдѣлать такого заключенія и мы объясняемъ ἀρχ(ὴ) τῆς γάμμα какъ непонятое переписчиками ἀρχὴ τῆς γ′ (βίβλου),—ergo слѣдующій отрывокъ представляетъ изъ себя начало книги и слова γάλα κτλ. — есть дѣйствительно названіе главы; въ такомъ случаѣ въ III и IV отрывкахъ γάλα κτλ. также служитъ заглавіемъ.

Въ такомъ случаѣ первый отрывокъ относится или къ одной изъ первыхъ двухъ книгъ, или къ слѣдующей четвертой. Къ третьей книгѣ того же фармакологическаго сочиненія Руфа могутъ, пожалуй, быть отнесены также отрывки 108, 109 и нѣкоторые другіе [3]) находящіе себѣ ссотвѣтствующія заглавія въ XIV книгѣ Συναγωγῶν Ἰατρικῶν Оривасія, II книгѣ Аэтія и т. п.

Что касается названія этого погибшаго произвенія, то какъ намъ кажется, опредѣлить его не будетъ трудно, такъ какъ фармакологи-

---

[1]) Можетъ быть, нужно читать тоже κατασπάσαι или, вѣрнѣе, κατ

[2]) Ср. стр. 123.

[3]) Напр., нѣкоторые фрагменты такъ называемаго الجامع المفرد (Traité des simples) арабскаго врача XIII вѣка Ибнъ-эль Бейтара Daremb. l. c., p. 648 sqq.—Leclerc. l. c., II, 225—237.

Библиотека "Руниверс"

ческихъ сочиненій у Руфа очень немного. Рюэлль въ предисловіи къ изданію Руфа [1]) называетъ слѣдующія сочиненія:

19. Poésie (citée par Gal. Compos. med. sec. loc. I, 1) t. XII, p. 425.

20. Poème en vers hexamètres sur les plantes en 4 livres (Gal. Praef. in t. VI, de simpl. medicam. facult.), t. XI, p. 796 [2]).

74. Liste de poisons (cp. l'art. 47).

47. Des médicaments toxiques.

71. De la rue (Rh. f. 211).

59. Des classes de médicaments.

Затѣмъ большой отрывокъ Περὶ καθαρτηρίων, читающійся у Оривасія (Σ. I. VII, 26, t. II. pp. 90—145), и, можетъ быть, сочиненіе Βοτανικῶν (βίβλοι?), цитуемое схоліастомъ Оривасія [3]) и считаемое Рюэллемъ идентичнымъ съ поэмой, о которой упоминаетъ Галенъ, (см. выше § 20 перечня), хотя ничто не показываетъ, чтобы ботаника, упоминаемая схоліастомъ Оривасія, была писана гексаметрами.

Такъ какъ мы уже выше говорили [4]), что о принадлежности перваго отрывка сочиненію о рутѣ нельзя думать, то единственною возможностью остается признать, что отрывокъ I взятъ или изъ того ботаническаго сочиненія, которое цитуетъ схоліастъ Оривасія, если оно не идентично съ поэмой, изданной у Лерса, или изъ сочиненія des classes de médicaments, которое Daremberg [5]) называетъ Des degrés des médicaments и считаетъ, по видимому, подобнымъ XV-й книгѣ Σ. I. Оривасія. Но допустивъ первое предположеніе, мы не можемъ объяснить, откуда попали въ рукопись отрывки второй, третій и четвертый, между тѣмъ какъ второе предположеніе вполнѣ объясняетъ ихъ происхожденіе, такъ какъ, очевидно, это сочиненіе, извѣстное также изъ цитатъ арабскихъ историковъ литературы и медицины Мугаммеда Бен-Исхака [6]) и Эбн-Аби Оссаибеа [7]) (XIII вѣка) подъ

---

[1]) Daremb. l. c. Préf. p. XXVII—XL.

[2]) Cp. Poëtae bucolici et didactici edd. Fr. Dübner et F. S. Lehrs. Paris Didot. 1862.

[3]) v. t. II, p. 744: Ἀντίῤῥινον ἢ κυνοκεφάλιον..... ὁ δὲ Ῥοῦφος ἐν Βοτανικῶν γ' καὶ Πάμφιλος ἐν τῷ Περὶ βοτανῶν μέμνηται αὐτῆς.

[4]) См. стр. 125.

[5]) l. c. Préf. p. XXXVII, n. 7.

[6]) См. выше стр. 126.

[7]) См. Leclerc l. c. II, p. 187—193.

Библиотека "Руниверс"

названіемъ كتاب في مراتب الأدوية مقالة (книга о степеняхъ лѣкарствъ называемая) [1]) по формѣ своей удовлетворяло обоимъ условіямъ, выставленнаго нами выше на стр. 123, такъ какъ первый отрывокъ принадлежалъ той части, гдѣ въ алфавитномъ порядкѣ описывались различные медикаменты, — вѣроятно, въ первой книгѣ—а отрывки второй, третій и четвертый начинали собою первую, вторую и третью главу III книги того же сочиненія, гдѣ матеріалъ былъ распредѣленъ сначала по группамъ, а затѣмъ уже и по алфавиту.

Во второй книгѣ или продолжалось описаніе медикаментовъ (положимъ, не растительнаго царства) [2]), или же шли собственно такъ называемыя τάξεις или ἀποστάσεις τῶν φαρμάκων [3]), благодаря чему, можетъ быть, и все сочиненіе получило названіе „книги о степеняхъ“, такъ какъ арабское слово مراتب соотвѣтствуетъ вполнѣ по значенію греческому τάξις.

А. Бекштремъ.

---

[1]) Wenrich., l. c., p. 221 и 224.

[2]) Ср. напримѣръ, вышеупомянутыя книги Галена „о простыхъ лѣкарствахъ“.

[3]) Ср. вторую книгу Συνόψεως Оривасія и пр.

Библиотека "Руниверс"

5605. Dve zapévu staroruských, totiz: o výpravě Igorově a Zadonština, vydal Karel *Jaromir Erben*. V. Psaze—1870. —Рец. См. ст.: **Н. А. Лавровскаго:** О новомъ чешскомъ переводѣ „Слова о полку Игоревѣ".

5606. Неизданный дубровницкій поэтъ Антонъ Маринъ Глегевичъ. Историко-литературное изслѣдованіе *Владиміра Качановскаго*.—Рец. **В. Макушева.** 1883, ч. 227, май, отд. II, стр. 75—108.

5607. *Wictor Crojewski.* Historia literatury czeskiej od czasów odrodzenia do chwili biezącej. Warszawa. 1886.—Рец. **А. И. Степовича.** 1887, ч. 249, январь, отд. II, стр. 185—193.

5608. Rumänische Märchen, übersetzt von *Mite Kremnitz*. Leipzig. 1882.—Рец. **А. Веселовскаго.** 1883, ч. 225, январь, отд. II, стр. 216—228.

5609. Matthiae Casimiri Sarbevii Carmina postuma edidit *Ioannes Krytyniancki*. Львовъ.—Рец. 1877, ч. 194, ноябрь, отд. II, стр. 107.

5610. *И. Кулаковскій.* Вукъ Караджичъ, его дѣятельность и значеніе въ сербской литературѣ. М. 1882.—Отзывъ въ статьѣ **Нила Попова:** Къ вопросу о реформѣ Вука Караджича.

5611. Слѣды русскаго вліянія на старопольскую письменность. Ст. *В. В. Макушева* въ Слав. сборникѣ. т. III, Спб. 1876.—Рец. **С. Пташицкаго.** 1877, ч. 191, май, отд. II, стр. 126-162.

5612. Ornitologia poporană română de *S. Fl. Marianŭ*. Cernaŭtĭ. 1883. 2 тома—Отзывъ въ статьѣ **А. Н. Веселовскаго:** Новыя книги по народной словесности.

5613. *Episcop Melchisedec.* Viéta si scrierile luĭ Grigorie Tamblacŭ. BucuresIĭ. 1884.—Отзывъ въ статьѣ **П. Сырку:** Новый взглядъ на жизнь и дѣятельность Григорія Цамблака.

5614. Beiträge zur Kenntniss der slavischen Volkspoësie von d-r *Fr. v. Miklosich*. Wien. 1870.—Рец. **И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.** 1871, ч. 154, мартъ, отд. II, стр 90—93.

5615. Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности. Критички текст и расправа *од Стојана Новаковића*. У Београду. 1878.—Рец. **В. Качановскаго.** 1880, ч. 210, августъ, отд. II, стр. 431—442.

5616. Краледворская рукопись, въ двухъ транскрипціяхъ текста съ предисловіемъ, словарями, примѣчаніями, приложеніями. Трудъ *И. Некрасова*. С.-Пб. 1872.—Рец. **А. С. Будиловича.** 1872, ч. 160, апрѣль, отд. II, стр. 295—301.

5617. *Pajek.* Črtice iz duševnega žitka Štajerskich Slovencov. V Ljubljani. 1884.—Отзывъ въ статьѣ **А. Н. Веселовскаго:** Новыя книги по народной словесности. — 1886, ч. 244, мартъ, отд. II, 171—221.

5618. *Периодическо Списание* на Българското Книжевно Дружество. Учреждда се отъ дѣловодителятъ на Дружество то В. Д. Стоянова. Година I. Кн. I—XII. Браила. 1870—1876. —Рец. въ статьѣ **П. Сырку:** Журналъ болгарскаго литературнаго общества.

5619. *Периодическо Списание* на Българското Книжовно Дружество въ Срѣдецъ. Редакторъ В. Д. Стояновъ Кн. I. Срѣдецъ. 1882.—Рец. въ статьѣ **П. Сырку:** Журналъ Болгарскаго литературнаго общества.

5620. Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине. Епске пјесме старјеч времена, скупио *Богољуб Петрановић*.. Биоград. 1867.—Рец. (въ ст. **Л. Каравелова:** Южно-славян. библіографія за 1867 г.) 1868, ч. 138, іюнь, отд. II, стр. 882—884.

5621. Dvé povédky české literatúre XV století. Podava D-r *Jiří Policka*

Библиотека "Руниверс"

V Praze. 1889.—Рец. **А. Н. Веселовскаго.** 1890, ч. 267, февраль, отд. II, стр. 356—361.

5622. Сказаніе о возстановленіи иконопочитанія (по сербской рукописи XV в.) Казань. 1886. (Изд. *М. П. П—скій.*)—Рец. 1886, ч. 245, іюнь, отд. II, стр. 439. (Кн. новости).

5623. Modlitwy Wacława. Zabytek języka polskiego z wieku XV odkryty i skopijowany przez ś. p. Alexandra hr. Pozezdhieckiego: Wydał i objaśnił *Lucijian Malinovski.* W Krakowie. 1875.—Рец. **И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.** 1875, ч. 182, ноябрь, отд. II, стр. 224—231.

5624. *В. Д. Спасовичъ и А. Н. Пыпинъ.* Исторія славянскихъ литературъ. Изд. 2-е, т. 1. С.-Пб. 1879.—Рец. **А. Будиловича.** 1879, ч. 203, іюнь, отд. II, стр. 277—311.

5625. Очеркъ исторіи чешской литературы. Составилъ *А. Степовичъ.* Кіевъ. 1886. — Рец. 1886, ч. 248, ноябрь, отд. II, стр. 224—225. (Кн. новости).

5626. Listy *Juliusza Słowackiego* do matki. Львовъ.—Рец. 1877, ч. 194, ноябрь, отд. II, стр. 87—88.

5627. *P. Syrku.* Zur mittelalterlichen Erzählungslitteratur aus dem Bulgarischen (Archiv für slavische Philologie VII).—См. статью **А. Веселовскаго:** Болгарскія повѣсти Букурештскаго сборника.

5628. Зарожденіе литературы у Словинцевъ. Примусъ Труберъ. Изслѣд. *Аркадія Соколова.* Кіевъ. 1878.—См. ст. **В. Качановскаго.** Замѣтки о Словенскомъ языкѣ.

5629. Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. Vydali *Martin Hattala* a *Adolf Patera.* Texty a transkripce. V. Praze. 1881.—Рец. **Ю. Анненкова.** 1881, ч. 214, апрѣль, отд. II, стр. 379—394.

5630. Glasnik zemaljskog muzeja u Bosni i Herzegovini. Urednik *Kosta Hörmann,* vladin savejetnik. Knyiga I—III. Sarayevo. 1889.—Рец. **П. А. Сырку.** 1890, ч. 267, январь, отд. II, стр. 136—156, февраль, отд. II, стр. 310—346; ч. 268, мартъ, стр. 239—256.

5631. *Шапкаревъ.* Български народни приказки и вѣрования. Пловдивъ. 1885.—Отзывъ въ статьѣ **А. Н. Веселовскаго:** Новыя книги по народной словесности.

5632. *Ягичъ.* Трубадуры и древнѣйшіе хорватскіе лирики. (Rad. J. A. J. IX).—Рец. (въ ст. **А. Будиловича:** Славян. библіографія) 1871, ч. 157, октябрь, отд. II, стр. 366—367.

5633. *Ягичъ.* Изданіе нѣкоторыхъ памятниковъ старохорватской прозы (Starine J. A. U. I). — Рец. (въ ст. **А. Будиловича:** Славян. библіогр.). 1871, ч. 157, октябрь, отд. II, стр. 367.

5634. *А. Янежичъ.* Cvetnik slovenske slovesnosti. V. Celovcu. 1868.—Рец. (въ ст. **А. Будиловича.** Славян. библіогр. за 1868). 1869, ч. 143, іюнь, отд. II, стр. 430—431.

9. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ ЛИТОВСКОЙ И ФИНСКОЙ.

А. Статьи.

5635. **Э. А. Вольтеръ.** Изъ области латышской письменности и словесности. (По поводу изданій: 1) A. Bezzenberger und A. Bielenstein. Undeutsche Psalmen und geistliche Lieder oder Gesenge, welche in den Kirchen des Fürstenthums Churland und Semigallien in Liefflande gesungen werden. Königsberg, bey George Osterbergern. 1587, neu herausgegeb.

Библиотека "Руниверс"

1886. 2) Ѳ. Я. Трейманда-Бривземніакса, Латышскія народныя сказки. (Сборн. матеріаловъ по этногр., изд. при Дашковск. музеѣ, в. II, М. 1887).—1887, ч. 252, іюль, отд. II, стр. 176—182.

5636. Э. А. Вольтеръ. Новые матеріалы для изученія литовскаго именослова. (Отзывъ о трудахъ: 1) И. Я. Спрогисъ. Географич. словарь древн. Жимойтской земли XVI в., составленный по 40 актовымъ книгамъ Россіенск. земскаго суда. Вильна. 1888. 2) Инвентари имѣній XVI в. (Акты, издаваемые Виленск. Археографич. Комиссіею. т. XIV. Вильна. 1888).—1890, ч. 269, іюнь, отд. II, стр. 376—383.

5637. В. Н. Майновъ. Новая книга о финскомъ народномъ эпосѣ. (Рец. книги: Cron. Suomalaisen kirjallisuuden historia. I. Kalevala. 1. Kaunotietlellinen katsahdus Kalevalaan. Helsing. 1883)—1884, ч. 233, май, отд. II, стр. 134—148.

5638. Всев. Миллеръ. Отголоски финскаго эпоса въ русскомъ.—1879, ч. 206, декабрь, отд. II, стр. 121—140

Б. Рецензіи.

5639. *Cron.* Suomalaisen kirjallisuuden historia. I. Kalevala. 1. Kaunotietlellinen katsahdus Kalevalaan. Helsing. 1883.—См. статью **В. Н. Майнова.** Новая книга о финскомъ народномъ эпосѣ.

5640. A. Bezzenberger und A. Bielenstein, Undeutsche Psalmen und geisliche Lieder oder Gesenge, welche in den Kirchen des Fürstenthums Churland und Semigallen in Liefflande gesungen werden. Königsberg, bey *Georgo Osterbergern.* 1587, neu herausgegeben 1886. — См. статью **Э. Вольтера:** Изъ области латышской письменности и словесности.

5641. *Ѳ. Я. Трейманда-Бривземніакса.* Литовскія народныя сказки. (Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, издав. при Дашковскомъ музеѣ, подъ ред. В. Ѳ. Миллера, вып. II. М. 1887.) — См. статью **Э. Вольтера:** Изъ области латышской письменности и словесности.

5642. Калевичъ (Kalewi poeg). Древняя эстонская сага въ 20 пѣсняхъ. Перевелъ *Юрій Трусманъ.* Вып. I. Ревель. Спб. 1886. — Рец. 1887, ч. 249, январь, отд. II, стр. 201. (Кн. новости).

5643. Die Mythen, Sagen und Legenden der Zamaiten (Litauer). Von *Dr. Edm. Veckenstedt.* B. I—II. Heidelberg. 1883.—Рец. **Ю. И. Трусмана.** 1884, ч. 236. ноябрь, отд. II, стр. 69—76.

5644. Maurycy Stankiewicz. Studya bibliograficzne nad literatura litewska. I. Wiadomośc o Biblii Litewskiej drukowanej w Londynie 1663 r. i o wrzekomym jej tłómaczem *Samuelu Bogusławie Chylinskim.* Krakow. 1886.—Рец. **Э. А. Вольтера.** 1887, ч. 251, іюнь, отд. II. стр. 407—408.

10. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВЪ ВОСТОКА.

А. Статьи.

5645. А. Я. Гаркави и Г. М. Страхъ. О коллекціи восточныхъ рукописей А. С. Фирковича, находящихся въ Чуфутъ-Кале.—1875, ч. 178, мартъ отд. IV, стр. 5—49.

5646. В. А. Жуковскій. Колыбель

Библиотека "Руниверс"

ныя пѣсни и причитанія осѣдлаго и кочеваго населенія Персіи.—1889, ч. 261, январь, отд. II, стр. 93—126.

5647. К. А. Коссовичъ. Объ ученыхъ трудахъ Д. А. Хвольсона.—1869, ч. 141, январь. отд. II, стр. 259—265.

5647bis. К. А. Коссовичъ. Объ ученыхъ трудахъ проф. Григорьева.—1868, ч. 140, ноябрь, отд. II, стр. 649—656.

5648. Г. С. Лыткинъ. По вопросу о зырянскомъ языкѣ и зырянской грамотѣ. Отвѣтъ на замѣчанія г. А. П.—1884, ч. 236, декабрь, отд. IV, стр. 91—108.

5649. В. Ѳ. Миллеръ. Ведійскіе этюды (по поводу изслѣдованія Ф. Ѳ. Фортунатова: Samaveda—Aranyaka-Samhita. М. 1875.)—1876, ч. 185, іюнь, отд. II, стр. 279 — 325. Поправки (опечатки), ч. 186, іюль, стр. 173.

5650. Вс. Миллеръ. Кавказскія преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ.—1883, ч. 225, январь, отд. II, стр. 100—116.

5651. И. П. Минаевъ. Индійскія сказки.—1874, ч. 176, ноябрь, отд. II, стр. 68—104. — 1876, ч. 183, февраль, отд. II, стр. 368—403; ч. 184, апрѣль, стр. 314—340; ч. 185, май, стр. 69—97.

5652. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Ведійскіе этюды.—1891, мартъ. ч. 274, отд. II, стр. 1—17.

5653. А. П. По вопросу о зырянскомъ языкѣ и зырянской грамотѣ. Два письма изъ Усть-Сысольска. 1) О переводахъ г. Лыткина на зырянскій яз. 2) О сужденіяхъ г. Лыткина касательно прежнихъ переводовъ на зырянскій яз.—1884, ч. 236, декабрь, отд. IV, стр. 91—95.

5653bis. Баронъ В. Розенъ. О предполагаемомъ изданіи арабскаго историка Табари.—1876, ч. 186, іюль, отд. II, стр. 167—172.

5654. Баронъ В. Розенъ. Еще объ изданіи Табари (арабскаго лѣтописца).—1877, ч. 194, ноябрь, отд. II, стр. 107—113.

5654bis. В. Стасовъ. Замѣтки о „руссахъ" Ибнъ-Фадлана и другихъ арабскихъ писателей (съ рисункомъ) — 1881, ч. 216, августъ, отд. II, стр. 281—315.

5655. Д. А. Хвольсонъ. Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ, Болгарахъ, Мадьярахъ, Славянахъ и Русскихъ. Абу-Али-Ахмеда-бенъ-Омаръ-Ибнъ-Даста, араб. пис. X в.—1868, ч. 140, декабрь, отд. II, стр. 657—771; 1870, ноябрь, ч. 152, отд. II, стр. 87—89.

5656. * Давидъ Сасунскій** (Армянскій народный эпосъ).—1881, ч. 218, ноябрь, отд. II, стр. 51—82.

Б. Рецензіи.

5657. *Fr. Dietricki.* Die sogenannte Theologie des Aristoteles aus dem Arabischen übersetzt und mit Anmerkungen ansehen. Lpz. 1883.—Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 452. (Учено-литературныя новости по классич. филологіи).

5658. *В. А. Жуковскій.* Али-Ахаддинъ Энвери. Матеріалы для его біографіи и характеристики. Спб. 1883.—Рец. **К. Залеманъ.** 1883, ч. 230, ноябрь, отд. II, стр. 160—176.

5659. *August Conat.* La poésie Alexandrine sous les trois premiers Ptolemées. Paris. 1882.—Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 449—450. (Учено-литер. новости по классич. филологіи).

5660. Разборъ ведійскаго мноа о соколѣ, принесшемъ цвѣтокъ Сомы, въ связи съ концепціей рѣчи и экстаза. *Д. Куликовскаго.* М. 1882.—

Библиотека "Руниверс"

Рец. **В. Миллера.** 1883, ч. 227, іюнь, отд. II, стр. 288—300.

5661. Tam tu kinh, ou le livre des phrases de trois caractères avec le grand commentaire de Vu'ong tàn thăng. Texte, transcription annamite et chinoise, explication literale et traduction complètes par *Abel Des Michels*., prof. Paris. 1883.—Рец. **А. М. Позднѣева.** 1884, ч. 233, іюнь, отд. II, стр. 301—310.

5662. La bibliothéque d'Edchmiadzine et les manuscrites arméniens. Par *I. Mourier*. Tiflis. 1886.—Отзывъ въ статьѣ **В. Стасова**: Армянскія рукописи и ихъ орнаментація. 1886, ч. 246, іюль, отд. II, 133—154.

5663. *Parthey G.* Die thebanische Papyrus fragmente im Berliner Museum. Berlin. 1869.—Рец. 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 412. (Нов. ин. уч. лит.).

5664. Συλλογὴ τῶν κατὰ τὴν Ἤπειρον δημοτικῶν ἀσμάτων, ὑπὸ Γ. Χρ. Χασιώτου. Ἐκδιδόντος Κ. Τεψαιρίχη. Ἐν Ἀθήναις. 1866. — Рец. 1870, ч. 150, іюль, отд. II, стр. 152—154.

5665. Lao-tse's Táo-tĕking, nach Reinhold von Plaenkner's Uebersetzung bearbeitet von E. A. *von Fricde*. St.-Petersburg. 1884.—Рец. **А. Позднѣева.** 1884, октябрь, ч. 235, отд. II, стр. 360—366.

II. СТАТЬИ ПО ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ И ПО ЛИТЕРАТУРѢ НѢСКОЛЬКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ ВМѢСТѢ.

А. Статьи.

5666. Ѳ. Д. Батюшковъ. Сказанія о спорѣ души съ тѣломъ въ средневѣковой литературѣ. (Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія). —1890, ч. 271, сентябрь, отд. II, стр. 158—204; ч. 272, ноябрь, стр. 105—134; 1891, ч. 273, февраль, стр. 326—342; ч. 274, мартъ, стр. 147—179, апрѣль, стр. 324—351; ч. 275, іюнь, стр. 418—442; ч. 276, іюль, стр. 57—85, августъ, стр. 394—433.

5667. А. Н. Веселовскій. Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса. По поводу италіанскихъ сказокъ. (Разборъ изданій: 1) Volksmärchen aus Venetien, von G. Widter, A. Wolf und R. Köhler. Jahrbücher für romanische und englische Literaturgeschichte. VII, 1, 2, 3. 1866. 2) Italienische Märchen, mitgetheilt von H. Knust, ibid., VII, 4. 3) Italienische Volksmärchen, von R. Köhler, ibid. VIII, 3. 4) Christian Schneller. Märchen und Sagen aus Wälschtirol. Ein Beitrag zur deutschen Sagenkunde. Innsbruck. 1867).—1868, ч. 140, ноябрь, отд. II, стр. 281—359.

5668. А. Н. Веселовскій. Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романтическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы.—1873, ч. 165, февраль, отд. II, стр. 147—187.

5669. А. Н. Веселовскій. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды. — 1875, ч. 178, апрѣль, отд. II, стр. 283—331; ч. 179, май, стр. 43—130; 1876, ч. 183, февраль, отд II, стр. 241 — 288 (поправка) ibid., стр. 444; ч. 184, мартъ, стр. 50—116, апрѣль, стр. 341—363; ч. 185, іюнь, стр. 326—367. 1877, ч. 189, февраль, отд. II, стр. 186—252; ч. 191, май, стр. 76—125.

5670. А. Н. Веселовскій. Новыя книги по народной словесности. (1) Scheffler. Die französische Volksdichtung und Sage. 1884—1885. Два тома. 2) Richard M. Meyer. Alte deutsche Volksliedchen. 1885. 3) Сборникъ Шапкарева. Български народни приказки и вѣрования. Ілов-

Библиотека "Руниверс"

довъ. 1885. 4) Гернигъ: Islendzk Aeventyri. Isländische Legenden, Novellen und Märchen. Два тома. 1883 — 1884. 5) Boyle. Ueber die Echtheit Heinrichs VIII von Schakespeare. St.-Pbg. 6) Boyle. Schakespeare's Wintermärchen und Sturm. 1885. 7) Pajek. Črtice iz duševnega žitka štajerskich slovencov. V Ljubljani. 1884. 8) Ornitologia poporană română de G. Fl. Marianŭ. Cernăuti. 1883. 2 т.)—1886, ч. 244, мартъ, отд. II. стр. 171—221.

5671. **А. Н. Веселовскій.** Къ народнымъ мотивамъ баллады о Ленорѣ. (По поводу сочинен.: 1) Jean Psichari. La ballade de Lénore en Grèce. P. 1884. 2) Τὸ δημοτικὸν ἆσμα περὶ τοῦ νεκροῦ ἀδελφοῦ. Ὑπὸ Ν. Ι. Πολίτου. Ἐν Ἀθήναις. 1885).—1885, ч. 242, ноябрь, отд. II, стр. 71—79.

5672. **А. Веселовскій.** Новые журналы по народной словесности и миѳологіи. — [Вопросы метода. — Cîntarile и молитва ап. Павла отъ змія. — Иродіада и трясавицы.— Португальскій журналъ (Archivio per lo studio delle tradizioni popolari гг. Питрэ и Саломоне-Марино; Revista de etnologia e de glottologia. Esudos e notas par F. Adolpho Coelho).—1882, ч. 223, сентябрь, отд. II, стр. 209—221.

5673. **Г. С. Дестунисъ.** Сказаніе о братѣ-мертвецѣ или женихѣ-мертвецѣ. (По поводу трудовъ: 1) Wollner W. Der Lenorenstoff in der slavischen Volkspoësie. 2) Psichari, I. La ballade de Lénore en Grèce. 3) Πολίτου Ν. Γ. Τὸ δημοτικὸν ἆσμα περὶ τοῦ νεκροῦ ἀδελφοῦ).—1886, ч. 244, мартъ, отд. II, стр. 76—100.

5674. **А. И. К—въ.** Новые иностранные критическіе журналы. (Rivista critica della Letteratura Italiana, Allgemeine Oesterreichische Literaturzeitung, Literarisches Centralorgan für die Oester.-Ungar. Monarchie).—1885, ч. 239, іюнь, отд. II, стр. 351—356.

5675. **А. Кирпичниковъ.** Письма темныхъ людей. (Эпизодъ изъ исторіи эпохи возрожденія).—1869, ч. 143, май, отд. II, стр. 126—171.

Б. Рецензіи.

5676. Изъ исторіи романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія академика *А. Н. Веселовскаго*. Выпускъ II. Славяно-романскій отдѣлъ. Спб.—Рец. 1888, ч. 260, ноябрь, отд. II, стр. 172. (Кн. новости).

5677. Storia universale della leteratura di *Angelo De Gubernatis*. Vol. I. Storia del teatro drammatico. Vol. II. Florilegio drammatico. Milano. 1883. —Рец. **П. У.** 1883, ч. 228, іюль, отд. II, стр. 151—156.

5678. Geschichte der volkswirthschaftlichen Litteratur in Mittelalter von Dr. Heinrich C. W. *Cantzen*. 1869. — Рец. 1871, ч. 155, іюнь, отд. II, стр. 324.

5679. Всеобщая исторія литературы, начата подъ редакціей *В. Ѳ. Корша*, продолжается подъ редакціей проф. *А. Кирпичникова*. Вып. XXIV. Спб. 1890.—Рец. 1891, ч. 275, іюнь, отд. II, стр. 503—505. (Кн. новости).

5680. Die Siebenschläferlegende, ihr Ursprung und ihre Verbreitung. Eine mythologisch-literatur-geschichtliche Studie von *John Koch*. Lpz. 1883.—Рец. **А. Веселовскаго**. 1883, ч. 230, ноябрь, отд. II, стр. 152—159.

5681. *А. Штерн*. Всеобщая исторія литературы. Переводъ съ нѣмецк., дополн. библіографич. указаніями. Спб. 1885.—Рец. **М. И—ча**. 1885, ч. 238, апрѣль, отд. II, стр. 361—363.

Библиотека "Руниверс"

VII. ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВЪ И АРХЕОЛОГІЯ.

1) ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВЪ.

А. Статьи.

5682. Ѳ. И. Булгаковъ. Возраженія на разборъ „Художественной Энциклопедіи". — 1886, ч. 248, ноябрь, отд. II, стр. 202—208.

5683. В. Виноградскій. Два открытія въ Неаполитанской области по христіанской живописи. — 1868, ч. 137, мартъ, отд. II, стр. 945—951.

5684. К. К. Герцъ. Новый иконографическій словарь. (По поводу: Caractéristique des saints dans l'art populaire, par le P. Ch. Cahier, t. I. Paris. 1867).—1867, ч. 136, ноябрь, отд. II, стр. 629—639.

5685. К. К. Герцъ. Восточное и древне-греческое искусство. (По поводу изданія: Musée Napoléon III. Choix des monuments antiques pour servir a l'histoire de l'art en Orient et en Occident. Texte explicatif par Adrien de Longpérier. Paris. Livraisons 1—24).—1871, ч. 154, апрѣль, отд. II, стр. 239—272.

5686. А. Кирпичниковъ. Сказанія о житіи Дѣвы Маріи и ихъ выраженіе въ средневѣковомъ искусствѣ. (По поводу трудовъ: 1) Alvin Schultz. Die Legende vom Leben der Jungfrau Maria und ihre Darstellung in der bildenden Kunst des Mittelalters. Lpz. 1873. 2) A. F. von Lehner. Die Marienvereherung in den ersten Jahrhundert. Stuttgart. 1881). — 1883, ч. 228, іюль, отд. II, стр. 16—66).

5687. А. П. Ахиллъ Эрмитажа (съ рис.).—1868, ч. 139, августъ, отд. II, стр. 395—406.

5688. А. В. П. Новѣйшія направленія въ европейскомъ искусствѣ (первая международная художественная выставка 1869 г. въ Мюнхенѣ).—1870, ч. 152, ноябрь, отд. II, стр. 15—71.

5689. А. В. Праховъ. Очерки художественной жизни современной Европы. Живопись и ваяніе на Вѣнской всемірной выставкѣ. — 1874, ч. 172, мартъ, отд. II, стр. 80—102.

5690. Н. П. С. Отвѣтъ г. Булгакову.— 1886, ч. 248, ноябрь, отд. II, стр. 208—222.

5691. Э. Шульце. О времени происхожденія Микенскихъ древностей и объ изображеніи Психеи въ греческомъ искусствѣ. — 1880, ч. 211, октябрь, отд. V, стр. 414—428.

Б. Рецензіи.

5692. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Трудъ *Н. М. Благовѣщенскаго*. Спб. — Рец. 1891, ч. 274, апрѣль, отд. II, стр. 463. (Кн. новости).

5693. *Heinr. Brokhaus.* Die Kunst in den Athos Klöstern. Leipz. 1891.— Рец. 1891, ч. 278, ноябрь, отд. II, стр. 241. (Кн. новости).

5694. Художественная энциклопедія (иллюстрирован. словарь искусствъ и художествъ). Составилъ *Ѳ. Булгаковъ*. Т. I. А.—I. Спб. 1886.—Рец. Н. П. С. 1886, № 247, октябрь

Библиотека "Руниверс"

отд. II, стр. 380–392; см. еще 1886, ч. 248, ноябрь, отд. II, 202—222.

5695. Mittheilungen über neue Forschungen auf dem Gebiete serbischer Kirchenbaukunst, von *M. Waltrowits*. Wien. 1878. — Рец. **В. Качановскаго**. 1880, ч. 211, октябрь, отд. II, стр. 462—465.

5696. *N. Wecklein*. Ueber die Technik und den Vortrag der Chorgesänge des Aeschylus. Lpz. 1882.—Рец. 1883, ч. 230, декабрь, отд. II, стр. 461—464. (Учено-литературныя новости по классич. филологіи).

5697. *Rud. Westphal*. Die Musik des griechischen Alterthums nach den alten Quellen neu bearbeitet. Lpz. 1883. — Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 463. (Учено-литер. новости по классич. филологіи).

5698. Исторія искусствъ съ древнѣйшихъ временъ, *П. П. Гнѣдича*, съ 430 гравюрами въ текстѣ. Спб. 1885. Изданіе А. Ф. Маркса.– Рец. **В. П. Ш.** 1886, ч. 247, октябрь, отд. II, стр. 353—380.

5699. *Hermann Grimm*. Das Leben Raphaels von Urbino. Italiänischer Texst von Vasari mit Uebersetzung und Commentar. I Theil. Berlin. 1872. — Рец. 1872, ч. 164, декабрь, отд. II, стр. 405—409. (Нов. ин. уч. лит.).

5700. *Karl von Jan*. Die Griechischen Saiteninstrumente. Mit 6 Abbildungen in Zinkätzung. Lpz. 1882.—Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 464—466. (Учено-литер. новости по классич. филологіи).

5701. Caractéristiques des saints dans l'art populaire, par le *P. Ch. Cahier* t. I. Paris. 1867.—Рец. См. ст. **Е. К. Герца**: Новый иконографическій словарь.

5702. *Conze*. Beitrage sur Geschichte der Griechischen Plastik. Halle 1869. —Рец. (въ отд. Нов. иностр. ученой литературы) 1869, ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 478—480.

5703. *A. F. von Lehner*. Die Marienvereherung in den ersten Jahrhunderten. Stuttgart. 1881.—См. статью **А. Кирпичникова**: Сказанія о житіи Дѣвы Маріи и ихъ выраженіе въ средневѣковомъ искусствѣ.

5704. Les chefs d'oeuvre de la peinture italienne, par *Paul Mantz* Paris 1869. — Рец. 1870, ч. 150, іюль, отд. II, стр. 172—174. (Нов. ин. уч. литер.).

5705. *Julius Meyer*. Corregio. 1871.— Рец. 1872, ч. 164, декабрь, отд. II, стр. 409—411. (Нов. ин. уч. литер.).

5706. *D-r A. Milchhöfer*. Die Anfänge der Kunst in Griechenland. Lpz.— Рец. 1883, ч. 229, октябрь, отд. II, стр. 390—392. (Учено-литературныя новости по классич. филологіи).

5707. *Григорій Павлуцкій*. Фидій. Съ тремя фототипическими таблицами. Кіевъ. 1890.—Рец. 1890, ч. 270, отд. II, стр. 189—190. (Кн. новости).

5708. Изслѣдованія по исторіи греческаго искусства. I. Древнѣйшіе памятники пластики изъ Ксанѳа въ Ликіи (съ атласомъ). II. О композиціи фронтовыхъ группъ эгинскаго храма Аѳины, соч. *Адріана Прахова*. Спб. 1871. — Рец. **К. Люгебиля**. 1871, ч. 155, іюнь, отд. II, стр. 297—316.

5709. *А. Праховъ*. Критическія наблюденія надъ формами изящныхъ искусствъ. Вып. 1. Зодчество древняго Египта. Спб. 1880.—Рец. **В. В. Стасова**: Русское сочиненіе о египетской архитектурѣ. 1880, ч. 211, октябрь, отд. II, стр. 402—445.

5710. Monuments de l'art antique, publiés sous la direction *de M. Olivier Rayet*. Livrais. III et IV. Paris. 1882.—Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 466—467. (Учено-литер. новости по классич. филологіи).

5711. Вѣстникъ изящныхъ искусствъ,

Библиотека "Руниверс"

издаваемый при И. Академіи Художествъ подъ ред. *А. И. Сомова* за 1883, 1884 и 1885 гг.—Рец. **В. П. Ш.** 1886, ч. 246, іюль, отд. II, стр. 175—195.

5712. *D-r Friederichs.* Bausteine zur Geschichte der griechisch-römischen Plastik. Düsseldorf. 1868.—Рец. (въ ст. нов. иностр. ученой литер.).—1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 522—523.

5713. Die Sammlung Saburoff. Kunstdenkmäler aus Griechenland. Herausgegeb. von *Adolf Furtwängler.* Zwei Bände. Berlin. 1882. — Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 467—471. (Учено-литер. новости по классич. филологіи).

5714. Das Homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. Archäologische Untersuchungen von *W. Helbig.* Lpz. 1884.—Рец. **А. Д. Вейсмана.** 1885, 239, іюнь, отд. II, стр. 317—335.

5715. *D-r Herm. Schrader.* Die Sirenen nach ihrer Bedeutung und kunstlerischen Darstellung im Alterthum. Berlin. 1868.—Рец. 1870, ч. 150, іюль, отд. II, стр. 140.

5716. *Th. Schreiber.* Die Athena Parthenos des Phidias und ihre Nachbildungen. Ein Beitrag zur Kunstgeschichte. Lpz. 1883. — Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 473—476. (Учено-литер. новости по классич. филологіи).

5717. *Alwin Schultz.* Die Legende vom Leben der Jungfrau Maria und ihre Darstellung in der bildenden Kunst des Mittelalters. Lpz. 1878 (Beiträge zur Kunstgeschichte. I). — См. статью **А. Кирпичникова:** Сказанія о житіи Дѣвы Маріи и ихъ выраженіе въ средневѣковомъ искусствѣ.

2) АРХЕОЛОГІЯ.

А. Статьи.

5718. Н. Горбачевскій. Отвѣтъ на рецензію г. Коялович. — 1873, ч. 166, апрѣль, отд. IV, стр. 145—148. (См. ноябрь, 1872).

5719. Ѳ. Ф. Зѣлинскій. Происхожденіе христіанской василики. (Разборъ соч. K. Lange. Haus und Halle. Studien zur Geschichte des antiken Wohnhauses und der Basilica. Lpz. 1885).—1885, ч. 242, декабрь, отд. II, стр. 226—231.

5720. А. Кирпичниковъ. О миніатюрахъ одной вѣнской рукописи XIV в. (Biblia historica allegorica—iconologica Veteris Testamenti).—1883, ч. 226, мартъ, отд. II, стр. 33—36.

5721. В. В. Макушевъ. Объ изданіи историческихъ памятниковъ Марки Анконской.—1870, ч. 151, октябрь, отд. II, стр. 315—317.

5722. М. Marmor Parium.—1874, ч. 172, апрѣль, отд. V, стр. 83—94.

5723. Научныя предпріятія Православнаго Палестинскаго Общества. (Раскопки близъ храма Воскресенія въ Іерусалимѣ. Обзоръ грузинскихъ древностей на Синаѣ и въ Іерусалимѣ). — 1884, ч. 234, іюль, отд. IV, стр. 1—16.

5724. Е. К. Рѣдинъ. Рукописи съ византійскими миніатюрами въ библіотекахъ Венеціи, Милана и Флоренціи. — 1891, ч. 278, декабрь, отд. II, стр. 299—317.

5725. О. С. Равенна и ея древности.

Библиотека "Руниверс"

(Изъ путевыхъ записокъ). — 1877, ч. 191, іюнь, отд. II, стр. 330 — 347; ч. 192, іюль, стр. 1—36.

5726. В. В. Стасовъ. Армянскія рукописи и ихъ орнаментація. (Отзывъ о книгѣ: La bibliothèque d'Edchmiadzine et les manuscripts arméniens. Par J. Mourier. Tiflis. 1885).—1886, ч. 246, іюль, отд. II, стр. 133—154. (Съ листомъ снимковъ).

5727. И. Турцевичъ. О субструкціяхъ Капитолія и объ aedes (templum) Vestae. — (По поводу критическихъ и объяснительн. замѣчаній Гр. Зенгера къ одѣ Горація кн. I, 2)—1887, ч. 250, мартъ, отд. II, стр. 74—90.

5728. И. И. Холоднякъ. Къ надписи Сципіона Барбата. — 1888, ч. 259, сентябрь, отд. V, стр. 221—222.

5729. И. Цвѣтаевъ. Италійскія надписи.—1886, январь, ч. 243, отд. V, стр. 1—38.

5730. Ernestus Schulze. De clavo purpureo, tunicae romanae ornamento.—1874, ноябрь, ч. 176, отд. V, стр. 17—21.

5731. В. Ш. Мальтаія и Бавіанъ. Скульптурныя изображенія и символическіе знаки въ окрестностяхъ древней Ниневіи. — 1880, ч. 211, сентябрь, отд. II, стр. 124—166.

Б. Рецензіи.

5732. *Д. Н. Анучинъ.* Лукъ и стрѣлы. Археолого-этнографическій очеркъ. Съ 73 рисунками въ текстѣ. М. 1887. —Рец. 1888, ч. 255, январь, отд. II, стр. 262 — 263. (Кн. новости).

5733. Археологическія находки. — 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 429—430. (Нов. ин. учен. лит.).

5734. Wiener Vorlegeblätter für archäologische Uebungen. 1888. Mit Unterstützung des K. K. Ministeriums für Cultus und Unterricht, herausgegeben von *Otto Benndorf*. Wien. 1889. —Рец. **В. Мальмберга**, 1889, май, ч. 263, отд. II, стр. 209—213.

5735. *A. Bezzenberger.* Ueber das litauische Haus. Ein Untersuch. Königsberg in Pr. 1886.—Рец. **Э. А. Вольтера.** 1887, ч. 251, іюнь, отд. II, стр. 409—411.

5736. *Brunn, Heinr.* Beschreibung der Glyptothek König Ludwig's I zu München. München. 1868.—Рец. (въ ст. Нов. иностр. ученой литер.) 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 523.

5737. *Wieseler, Fr.* Das Dyptychon Quirinianum zu Brescia nebst Bemerkungen über die Dyptiche über haupt. Göttingen. 1868.—Рец.(въ отд. Нов. иностр. ученой литературы). 1869, ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 480.

5738. Le monument bilingue de Delphes, par *M. Wescher*. Paris. 1868.—Рец. (въ ст. Нов. иностр. ученой литературы). 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 513—514.

5739. Двадцатипятилѣтняя дѣятельность Ив. Ал. Голышева. 1861 — 1886. Владиміръ. 1886.—Рец. 1886, ч. 245, іюнь, отд. II, стр. 441. (Кн. новости).

5740. L'Asclepiceion d'Athenes, d'après de récentes découvertes, par *Paul Girard*. Paris. 1882.—Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 471 — 472. (Учено-литер. новости по классич. филологіи).

5741. *Jahn, O.* Ueber Darstellungen des Handwerks und Handelsverkehrs auf antiken Wandgemälden. Leipzig. — Рец. (въ ст. нов. иностр. ученой литерат.) 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 523—524.

Библиотека "Руниверс"

5742. *Cavaniol.* Les monuments en Chaldée, en Assyrie et à Babylone d'après les récentes découvertes archéologiques, avec neuf planches lithographiées. Paris. 1870. — Рец. 1870, октябрь, ч. 151, отд. II, стр. 303—304.

5743. Cours d'épigraphie latine. Deuxième édition entierement refondue et accompagnée de planches et de figures par *René Cagnant.* Paris. 1889. — Рец. **И. В. Помяловскаго.** 1890, ч. 267, январь, отд. II, стр. 156—167.

5744. Die antiken Bildwerke im Theseion zu Athen, beschrieben von *Reinhard Kekule.* Leipzig. 1889. — Рец. 1870, ч. 150, іюль, отд. II, стр. 140—142. (Нов. ин. уч. литер.).

5745. *K. Lange.* Haus und Halle. Studien zur Geschichte des antiken Wohnhases und der Basilika. Lpz. 1885. — Отзывъ въ статьѣ **Ѳ. Зѣлинскаго.** Происхожденіе христіанской базилики.

5746. Musée Napoléon III. Choix des monuments antiques pour servir à l'histoire de l'art en Orient et en Occident, par *Adrien de Longpérier.* Paris. — См. ст. **К. К. Герца.** Восточное и древнее Греческое искусство.

5747. Базилика имп. Константина въ святомъ градѣ Іерусалимѣ. По поводу русскихъ раскопокъ близъ храма Гроба Господня. *Б. Максурова.* М. 1885.—Рец. П. Р. 1886, ч. 243, февраль, отд. II, стр. 360—367.

5748. Ἀριστοξένου ἁρμονικῶν τὰ σωζόμενα. Die harmonischen Fragmente des Aristoxenes von *Paul Marquard.* Berlin. 1868. — Рец. (Нов. иностр. ученой литературы) 1869, ч. 144, августъ, отд. II, стр. 396.

5749. Mélanges d'archéologie et d'histoire. Paris et Rome, 1881—1882.— Рец. 1883, май, ч. 227, отд. II, стр. 159—163.

5750. *Грн. Павлучкій.* Древне-греческія росписныя вазы. Кіевъ. — 1889, ч. 262, апрѣль, отд. II, стр. 441. (Кн. новости).

5751. *A. M. Podschiwalow.* Monnaies des rois du Bosphore Cimmerien. Dynasties des Spartocides et des Achemenides (Eupator I.). Moscou. 1887. — Рец. 1888, ч. 255, январь, отд. II, стр. 261 — 262. (Кн. новости).

5752. Русское сочиненіе о египетской архитектурѣ. Критическія наблюденія надъ формами изящныхъ искусствъ. Сочиненіе *Адріана Прахова.* Выпускъ 1-й. Зодчество древняго Египта. Спб. 1880. — Рец. **В. Стасова.** 1880, октябрь, ч. 211, отд. II, 402—445.

5753. *Herm. Reinhard.* Athenae. Stuttgart. 1868. — Рец. 1869, августъ, ч. 144, отд. II, стр. 388—389. (Нов. ин. уч. литер.).

5754. *Herm. Reinhard.* Roma vetus. Stuttgart. 1868.—Рец. 1869, августъ, ч. 144, отд. II, стр. 388—389. (Нов. ин. уч. литер.).

5755. *J. H. Reinhard.* Album des classischen Alterthums. Stuttgart. 1868. — Рец. 1869, августъ, ч. 144, отд. II, стр. 389—390. (Нов. ин. уч. литер.).

5756. (*Herm.*) *Reinhard.* Gallia C. Julii Caesaris temporibus. Stuttgart. 1868. —Рец. 1869, августъ, ч. 144, отд. II, стр. 390. (Нов. ин. уч. литер.).

5757. Посмертное изданіе. Византійскій альбомъ графа *А. С. Уварова.* Т. I. Вып. I. М. 1890, съ атласомъ. — Рец. 1890, ч. 269, іюнь, отд. II, стр. 384. (Кн. новости).

5758. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Соч. *А. фонъ-Фрикена.* М. 1872 — 1885. 4 тома. — Рец. 1886, ч. 243, февраль, отд. II, стр. 367 — 368. (Кн. новости).

Библиотека "Руниверс"

5759. *W. Fröhner.* Choix de vases grecs inédits de la collection de son Altesse Imperiale le prince Napoléon. Paris. 1867 (съ рис.). — Рец. 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 416—417. (Нов. ин. уч. лит.).

5760. *Helbig, W.* Wandgemälde der vom Vesuw verschütteten Städte Campaniens. Leipzig. 1868. — Рец. (въ отд. Новости иностран. ученой литер.). 1869, ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 481—482.

VIII. ПРАВОВѢДѢНІЕ И СОЦІОЛОГІЯ.

1) ПРАВОВѢДѢНІЕ.

A. Статьи.

5761. Р. Вазинеръ. Неприкосновенность частной собственности въ международныхъ войнахъ. — 1870, ч. 151, сентябрь, отд. II, стр. 1—60, октябрь, отд. II, 175—196.

5762. С. И. Варашевъ. Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи перваго съѣзда русскихъ юристовъ 8-го іюня 1875 г. — 1875, ч. 181, сентябрь, отд. IV, стр. 13—14.

5763. В. П. Безобразовъ. Интернаціональный институтъ международнаго права въ Гентѣ. — 1874, ч. 172, апрѣль, отд. II, стр. 343—371.

5764. В. П. Безобразовъ. Объ условіяхъ поступленія на государственную гражданскую службу въ Европейскихъ государствахъ.—1876, ч. 183, февраль, отд. II, стр. 404—426; — ч. 185, май, стр. 152—161.

5765. В. П. Безобразовъ. Институтъ международнаго права съ 1873 по 1876 г.—1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 170—192.

5766. В. Богишичъ. По поводу ст. г. Леонтовича „Замѣтки о разработкѣ обычнаго права“, — 1880, ч. 209, май, отд. II, стр 179—219.

5767. М. Владимірскій-Буда новъ. Неизданные законы юго-западныхъ славянъ. Законникъ гор. Каствы и законъ общины Вепринской.—1881, ч. 214, мартъ, отд. II, стр. 93—138.

5768. И. Я. В. О черногорскомъ гражданскомъ уложеніи, его направленіи и методѣ его составленія.—1890, ч. 267, январь, отд. IV, стр. 13—36.

5769. А. Д. Градовскій. Политическія теоріи XIX столѣтія I. Бюшезъ. (Отзывъ о его соч. Traité de politique et de science sociale, 2 vol. Paris. 1866).—1867, ч. 136, ноябрь, отд. II, стр. 507—577; 1867, ч. 136, декабрь, отд. II, стр. 965—1031.

5770. А. Д. Градовскій. Политическое устройство Германской имперіи. — 1874, ч. 171, январь, отд. II, стр. 1—57, февраль, стр. 293—352; ч. 172, мартъ, стр. 1—51; ч. 173, май, стр. 158—199, іюнь, стр. 264—299; ч 174, сентябрь, стр. 21—52, октябрь, стр. 84—111; 1875, ч. 177, январь, отд. II, стр. 54—92; ч. 178, апрѣль, стр. 332—385; ч. 182, ноябрь, стр. 1—48; 1876, ч. 183, январь, отд. II, стр. 168—189.

5771. П. Ефименко. Юридическіе знаки.—1874, ч. 175, октябрь, отд. II, стр. 53 — 83, ч. 176, ноябрь, стр. 145—170, декабрь, стр. 271 — 293. (Съ таблицей знаковъ).

Библиотека "Руниверс"

5772. **Н. М. Коркуновъ.** Отвѣтъ профессору Реннекампфу. — 1888, ч. 257, іюнь, отд. II, стр. 448—466.

5773. **Ѳ. И. Леонтовичъ.** Указатель источниковъ и изслѣдованій по исторіи славянскихъ законодательствъ. —1867, ч. 135, августъ, отд. II, стр. 365 — 413. Поправки (опечатки). 1867, ч. 136, октябрь, отд. II, стр. 320.

5774. **Ѳ. И. Леонтовичъ.** Отвѣтъ на статью проф. Н. А. Попова о монголо-калмыцкомъ уставѣ.—1880, ч. 207, январь, отд. II, стр. 261—271.

5775. **В. И. Лешковъ.** Рѣчь, произнесенная при открытіи съѣзда русскихъ юристовъ 5-го іюня 1875 г.— 1875, ч. 181, сентябрь, отд IV, стр. 7—12.

5776. **Ѳ. Мартенсъ.** О задачахъ современнаго международнаго права. —1871, ч. 155, іюнь, отд. II, стр. 251—268.

5777. **В. Сокольскій.** Вліяніе кельтическаго и германскаго права на систему каръ и покаяній западной церкви.—1882, ч. 222, іюль, отд. II, стр. 1 — 57; ч. 223, сентябрь, стр. 1—28; октябрь, стр. 286 — 311; ч. 224, ноябрь, стр. 1—44.

5778. **В. В. Сокольскій.** Очеркъ исторіи науки и литературы римскаго права въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ.—1891, ч. 273. февраль, отд. II, стр. 273—325.

5779. **П. А. С — скій.** Юридическіе обычаи Мордвы. (Отзывъ о трудѣ Вл. Майнова: Юридическій бытъ Мордвы. Спб. 1885).—1886, ч. 243, январь, отд. II, стр. 128—149.

5780. **П. А. С—скій.** Юридическій бытъ осетинъ. (Отзывъ о трудѣ Максима Ковалевскаго: Современный обычай и древній законъ. Обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи. Два тома. М. 1886).—1887, ч. 250, мартъ, отд. II, стр. 150—163.

5781. **П. А. С—скій.** Первобытное право. (Отзывъ о сочиненіи Максима Ковалевскаго: Первобытное право. Вып. I. Родъ. Вып. II. Семья М. 1886—1887).—1887, ч. 251, май, отд. II, стр. 171—179.

5782. **Дм. Тальбергъ.** Насильственное похищеніе чужой движимой собственности по русскому праву. — 1879, ч. 206, ноябрь, отд. II, стр. 19—70, декабрь, стр. 156—169; 1880, ч. 207, январь, стр. 44—72, февраль, стр. 384—415; ч. 208, апрѣль, стр. 219—237; ч. 209, май, стр. 1—60.

5783. **Дм. Тальбергъ.** Исправительные пріюты и колоніи въ Россіи.— 1882, ч. 219, февраль, отд. II, стр. 225—287.

5784. **М. В. Чистяковъ.** О нравственно-исправительныхъ заведеніяхъ въ Гамбургѣ, Бельгіи, Франціи, Швейцаріи. (Изъ путешествія въ 1866 году).—1868, ч. 137, январь, отд. II, стр. 78—142.

Б. Рецензіи.

5785. Сборникъ государственныхъ знаній, подъ ред. *В. П. Безобразова*, т. II, Спб. 1875. — Рец. Р. 1875, ч. 182, ноябрь, отд. II, стр. 218—224.

5786. *Б. Богишичъ.* Glavnije crte obiteljskoga pisanoga prava v Stagrom Dubrovniku. (Rad. I. A. V).— Рец. въ ст. **А. Будиловича:** (Славянская библіографія).—1869, ч. 143, іюнь, отд. II, стр. 421—423.

5787. Сборникъ нынѣшнихъ юридическихъ обычаевъ у южныхъ славянъ сост. *В. Богишичемъ.* — Рец.

Библиотека "Руниверс"

Н. А. Попова. 1875, ч. 178, мартъ, отд. II, стр. 153—168.

5788. *Бюшезъ.* Traité de politique et de science sociale, 2 vol, Paris. 1866. — См. ст. **А. Градовскаго.** Политическія теоріи XIX столѣтія.

5789. Европейское международное право *А. В. Гефтера.* Переводъ барона *К. Таубе.* Спб. 1880. — Рец. **Н. И.** 1880, ч. 208, мартъ, отд. II, стр. 180—181.

5790. Encyclopädie der Rechtswissenschaft in systematischer und alphabetischer Bearbeitung, v. *Fr.* v. *Holtzendorff.* 1-er Theil: Systematische Darstellung. 1870. — Рец. **Н. Рейненкампфа.** 1870, ч. 148, апрѣль, отд. II, стр. 457—463.

5791. *Н. И. Гродековъ.* Киргизы Сыръ-Дарьинской области. Т. I. Юридическій бытъ. Ташкентъ.—Рец. 1889, ч. 266, ноябрь, отд. II, стр. 260 — 261. (Кн. новости).

5792. *Максимъ Ковалевскій.* Первобытное право. Вып. 1. Родъ. Вып. 2. Семья. М. 1886 — 1887.—Отзывъ см. въ статьѣ **П. А. С — скаго.** Первобытное право.

5793. *Максимъ Ковалевскій.* Современный обычай и древній законъ. Обычное право осетинъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи. — Отзывъ см. въ ст. **П. А. С — скаго.** Юридическій бытъ осетинъ.

5794. *Ір. Л. Комаровскій.* Обзоръ современной литературы по международному праву. М. 1887. — Рец. **Д. П. Николъскаго.** 1888, ч. 255, январь, отд. II, стр. 247—259.

5795. Лекціи по общей теоріи права. *Н. Коркунова.* Спб. 1887.—Рец. **Н. К. Рейненкампфа.** 1888, ч. 256, мартъ, отд. II, стр. 247—272.

5796. Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ. *Н. Коркунова.* Ч. I. (Государство и его элементы). Спб. 1890.—Рец. **Н. К. Рейненкампфа.** 1891, ч. 276, августъ, отд. II, стр. 438—446.

5797. *М. Н. Коркуновъ.* Отвѣтъ профессору Рейненкампфу. — 1888, ч. 257, іюнь, отд. II, стр. 448—466.

5798. Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ. Изъ чтеній по церковному праву **П. А. Лашкарева.** Кіевъ. 1886. — Рец. 1886, ч. 248, декабрь, отд. II, стр. 423—424. (Кн. новости).

5799. Юридическій бытъ Мордвы. *Влад. Майнова.* (Записки И. Русск. Географич. Общества по отдѣлу этнографіи, т. XIV, вып. 1). Спб. 1885. — Отзывъ въ статьѣ **П. А. С — скаго:** Юридическіе обычаи Мордвы.

5800. *И. Тарасовъ.* Краткій очеркъ науки административнаго права. Т. I. Введеніе и общая часть. Ярославль. 1888.—Рец. **Н. М. Коркунова.** 1889, ч. 261, февраль, отд. II, стр. 399—408.

5801. Фабричное законодательство цивилизованныхъ государствъ о работѣ малолѣтнихъ и женщинъ на фабрикахъ. *А. Федорова.* Спб. 1884. —Рец. **Е. Н. А.** 1884, ч. 235, сентябрь, отд. II, стр. 233—236.

5802. Программа для собиранія свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ, составленная секретаремъ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи *М. Н. Харузинымъ.*—Рец. 1887, ч. 253, октябрь, отд. II, стр. 341—342. (Кн. новости).

5803. *Н. Чижовъ.* Право и его содержаніе по ученію Лоренца-фонъ-Штейна. Въ 2-хъ частяхъ. Одесса. 1889—1890.—Рец. **А. И. Ивановскаго.** 1891, ч. 276, іюль, отд. II, стр. 213—235.

Библиотека "Руниверс"

2) СОЦІОЛОГІЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

А. Статьи.

5804. **Н. Д. Ватюшковъ.** Связь экономическихъ явленій съ законами энергіи.—1889, ч. 262, мартъ, отд. II, стр. 92—124, апрѣль, стр. 269—334.

5805. **К. Векперъ.** Матеріалы для газетной и журнальной статистики за 1869 г.—1871, ч. 157, сентябрь, отд. II, стр. 162—174. (Съ приложеніемъ таблицъ, стр. I—XLVI).

5806. Матеріалы для статистики газетнаго и журнальнаго дѣла въ Россіи за 1868 г.—1870, ч. 147, январь, отд. II, стр. 195—243.

5807. **Н. И. Бунге.** Джонъ Стюартъ Миль, какъ экономистъ (John Stuart Mill. Principles of political economy with som of their applicatiоns to social philosophy 1865). — 1868, ч. 140, октябрь, отд. II, стр. 1—100.

5808. **В. В. Григорьевъ.** Объ отношеніяхъ между кочевыми народами и осѣдлыми государствами.—1875, ч. 178, мартъ, отд. II, стр. 1—27.

5809. **С. Матвѣевъ.** Перепись народонаселенія во Франціи въ 1876 г. сравнительно съ германскою въ 1875 г.—1877, ч. 194, ноябрь, отд. IV, стр. 1—17.

5810. **И. Минаевъ.** Землевладѣніе въ современной Индіи. (Рецензія книги: B. H. Baden-Powell: A Manual of the land revenue systems and land-tenures of British India. Calcutta 1882). — 1883, ч. 230, ноябрь, отд. II, стр. 135—152.

5811. **Ф. Шмигельскій.** Ипотечная система и ея реформа. — 1875, ч. 179, іюнь, отд. II, стр. 241 — 291; ч. 180, іюль, стр. 1 — 51; ч. 182, ноябрь, стр. 49—86.

5812. **Д. Ѳ. Щегловъ.** Отвѣтъ г-ну Ю. Я. на его рецензію книги: „Исторія соціальныхъ системъ". — 1870, ч. 151, сентябрь, отд. II, стр. 120—148.

Б. Рецензіи.

5813. *Д. Н. Анучинъ.* О географическомъ распредѣленіи роста мужскаго населенія Россіи (по даннымъ о всеобщей воинской повинности въ имперіи за 1864—1883 гг.) сравнительно съ распредѣленіемъ роста въ другихъ странахъ. Съ десятью раскрашенными картами. Спб. — Рец. 1889, ч. 265, октябрь, отд. II, стр. 357—358. (Кн. новости).

5814. *B. H. Baden-Powell.* A Manual of the land revenue systems and land-tenures of British India. Calcutta. 1882.—См. статью И. Минаева: Землевладѣніе въ современной Индіи.

5815. Der Hildesheimer Silberfund. 1 Abtheilung. von *Fr. Wieseler.* Göttingen. 1869. — Рец. И. П. 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 422—429. (Нов. ин. учен. лит.).

5816. Нижегородскій Сборникъ, издаваемый Нижегородскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, подъ редакціей *А. С. Гацискаго.* Т. VII. Нижній Новг. 1887. — Рец. П. М. М — ва. 1887, ч. 254, декабрь, отд. II, стр. 373—376.

Библиотека "Руниверс"

5817. Статистическая таблица государств. и владѣній всѣхъ частей свѣта, сост. по 17-му нѣм. изд. *О. Гюбнера*. Спб. 1869.—Рец. 1869, ч. 146, ноябрь, отд. II, стр. 158—159.

5818. Представительство сельско-хозяйственныхъ интересовъ и мѣстные органы управленія сельскаго хозяйства. *П. Н. Исакова*. Спб. 1889.—Рец. 1890, ч. 267, январь, отд. II, стр. 230—232. (Кн. новости).

5819. Календарь Вятской губ. на 1888 г. Вятка. 1887.—Рец. 1888, ч. 256, мартъ, отд. II, стр. 285—286. (Кн. новости).

5820. *А. В. Лихачевъ*. Самоубійство въ Западной Европѣ и въ Европейской Россіи. Опытъ сравнительно статистическаго изслѣдованія. Спб. 1882.—Рец. Д. А—на. 1883, ч. 225, январь, отд. II, стр. 164—183.

5821. *С. А. Макѣевъ*. Крестьянскій кредитъ, частная задолженность и гминныя ссудо-сберегательныя кассы. 1889.—Рец. 1890, ч. 268, апрѣль, отд II, стр. 474—475. (Кн. нов.).

5822. *John Stuart Mill*. Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. (Начала политической экономіи и нѣкоторыя изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи, соч. *Дж. С. Милля*). 1865. — См. ст. **Н. И. Вужге**. Джонъ Ст. Милль, какъ экономистъ.

5823. Вологодскій сборникъ, издаваемый при Вологодскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ подъ редакціей секретаря комитета *Н. А. Полѣевктова*. Томы 3, 4 и 5. Вологда 1883—1885. — Рец. **П. А. С—скаго**. 1887, ч. 250, апрѣль, отд. II. стр. 349—352.

5824. О значеніи Дж. Стюарта Милля въ ряду современныхъ экономистовъ. *Н. Н. Рождественскаго*. Спб. 1867.—Рец. Д. Ѳ. Щеглова. 1868, ч. 137, январь, отд. II, стр. 184—198.

5825. Ссудо-сберегательныя товарищества въ Россіи по отзывамъ литературы. *П. А. Соколовскаго*. Спб. 1889. Рец. **П. М. М.** 1889, ч. 263, іюнь, отд. II, стр. 505—509.

5826. Дѣятельность земства по устройству ссудо-сберегательныхъ товариществъ. *П. А. Соколовскаго*. Спб. 1890. — Рец. **П. М. М.** 1890, ч. 267, январь, отд. II, стр. 208—212.

5827. О производительныхъ силахъ Россіи. *Л. В. Тенгоборскаго*. 2 ч. переводъ съ французскаго. *И. В. Вернадскаго*. М. 1854. — Рец. **Мостовскаго**. 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 234.

5828. Статистическіе труды *И. Ѳ. Штукенберга*, 2 т., переводъ съ нѣм. Спб. 1858. — Рец. **Мостовскаго**. 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 233.

5829. Исторія соціальныхъ системъ отъ древности до нашихъ дней. *Д. Щепова*. Въ двухъ томахъ, т. I. Спб. 1870. — Рец. **Ю. Я.** 1870, ч. 149, май, отд. II, стр. 204—220.

5830. Направленія въ научной обработкѣ нравственной статистики. *Ю. Янсона*. Спб. 1871.—Рец. Д. Ѳ. Щеглова. 1872, ч. 160, мартъ, отд. II, стр. 99—157.

Библиотека "Руниверс"

IX. ГЕОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ, ЭТНОГРАФІЯ И АНТРОПОЛОГІЯ.

1) ГЕОГРАФІЯ.

А. Статьи.

5831. **В. В. Вельяминовъ-Зерновъ.** Землевѣдѣніе К. Риттера. (По поводу изд.: Географія странъ Азіи, находящихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Россіей. Кабулистанъ и Кафиристанъ. Перевелъ, съ присовокупл. примѣчаній и дополнилъ проф. В. Григорьевъ. Спб. 1867).—1867, ч. 134, май, отд. III, стр. 615 635.

5832 **Н. Д.** Замѣтка (по поводу ст. Маева: Орографія Европ. Россіи). — 1870, ч. 149, май, отд. II, стр. 223—225.

5833. **Е. Замысловскій.** Историко-географическія извѣстія Герберштейна (XVI в.). Моря, омывающія Восточную Европу.—1878, ч. 197, іюнь, отд. II, стр. 167—202; 1879, ч. 206, ноябрь, отд. II, стр. 1—18.

5834. **Н. В. Кудрявцевъ.** Русская Лапландія.—1884, ч. 232 мартъ, отд. II, стр. 36—71, апрѣль, стр. 210—242.

5835. **Маевъ.** Орографія Европейской Россіи.—1870, ч. 148, апрѣль, отд. II, стр. 391—456; ч. 149, май, отд. II, стр. 44—135, іюнь, стр. 282—384.

5836. **А. Позднѣевъ.** Города сѣверной Монголіи.—1880, ч. 208, апрѣль, отд. II, стр. 238—297; ч. 211, октябрь, стр. 263—318.

5837. **П. Ровинскій.** Очерки Черногорья.—1880, ч. 212, декабрь, отд. II, стр. 297—324.

5838. О повѣркѣ площадей карты Россійской Имперіи полковника **Стрѣльбицкаго.**—1877, ч. 189, февраль, отд. IV, стр. 79—89.

Б. Рецензіи.

5839. *Karl Andree.* Geographie des Welthandels. 1867—1869.—Рец. 1870, ч. 151, октябрь, отд. II, стр. 308.

5840. *В. Андреевскій.* Египетъ. Спб. 1884.—Рец. **Г. А. Л—скаго.** 1884, ч. 234, августъ, отд. II, стр. 331—352.

5841. Британская Имперія въ Индіи, соч. шведскаго генер. лейтен. *гр. Біорнштіерна*, съ картою. М. 1847. —Рец. **Страхова.** 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 249.

5842. Сборникъ матеріаловъ для изученія Москвы и Москов. губ., изд. Моск. губ. стат. ком. подъ редакціей *Ник. Бочарова*, вып. I. М. 1864 (съ планомъ г. Волоколамска).—Рец. **Васильковскаго.** 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 237—238.

5843. *Ami Boué.* Beiträge zur Erleichterung einer geografischen Aufnahme dor Europeischen Turkei. Sitzungsberichte der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften. Wien. 1867.—Рец. 1869, іюнь, ч. 143, отд. II, стр. 427—429.

5844. Опытъ статистико-географическаго словаря Псковскаго уѣзда. *И. И. Васильева.* Псковъ. 1882.—Рец. **Р. Д.** 1882, ч. 224, декабрь, отд. II, стр. 367—369.

Библиотека "Руниверс"

5845. Обозрѣніе географическихъ сочиненій оригинальныхъ и переводныхъ на русскомъ языкѣ. (Рецензіи **Васильковскаго, Мостовскаго и Страхова.** — 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 232—252.

5846. Климаты земнаго шара, въ особенности Россіи. Съ прилож. 14 графич. таблицъ и 10 картъ. *А. И. Воейкова.* Спб. 1884.—Рец. **О. Д. Х.** 1884, ч. 236, декабрь, отд. II, стр. 259—262.

5847. Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой, соч. *Гофмана*, пер. съ нѣм. Спб. 1856.—Рец. **Мостовскаго.** 1858, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 139.

5848. Географія странъ Азіи, находящихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Россіею К. Риттера, перев. и доп. *В. В. Григорьевъ.* Спб. 1867. — См. ст. **В. Вельяминова-Зернова:** Землевѣдѣніе К. Риккера.

5849. Всеобщее землеописаніе. Географія для чтенія и справокъ *Дистервега*, перев. съ измѣн. и доп. *П. Усова* и *А. Ратина.* Спб. 4 т.—Рец. **Васильковскаго.** 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 246—247.

5850. Описаніе Западной Сибири, *Ив. Завалишина.* 3 т. I т. М. 1862. II т. М. 1865. Т. III. 1867.—Рец. **Васильковскаго.** 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 240—241.

5851. Енисейскій округъ и его жизнь. Соч. *М. Ѳ. Кривошапкина.* Спб. 1865.—Рец. **Васильковскаго.** 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 240.

5852. Европейская Россія въ физическомъ и этнографич. отношеніяхъ. Сост. *В. Лядовъ.* Спб. 1861.—Рец. **Мостовскаго.** 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 234.

5853. *Р. Маахъ.* Вилюйскій округъ Якутской области. Три части. Спб. 1886—1887.—Рец. **П. А. С—скаго.** 1888, ч. 255, февраль, отд. II, стр. 519—524.

5854. Туркестанъ. Геологическое и орографич. описаніе по даннымъ, собраннымъ во время путешествія съ 1874 по 1880 г. *И. В. Мушкетова.* Спб. 1886.—Рец. 1887, ч. 249, февраль, отд. II, стр. 406. (Кн. новости).

5855. *Новаковичъ.* Опись Босне и Герцеговине (съ карт.) въ Гласникѣ т. III и IV. 1866—1867.—Рец. (въ ст. **А. Будиловича:** Славян.-библіогр. за 1868). 1869, ч. 143, іюнь, отд. II, стр. 427—429.

5856. *Новаковић Стојан.* Земљиште радње Неманьине. Историјско-географијска студија. У Београду. 1877.—Рец. **В. Качановскаго.** 1879, ч. 201, февраль, отд. II, стр. 407—410.

5857. Сѣверно-Уссурійскій край. Сочиненіе *И. Надарова.* Спб.—Рец. 1887, ч. 253, октябрь, отд. II, стр. 340—341. (Кн. новости).

5858. Очерки Печорскаго края. М. 1858.—Рец. **Мостовскаго.** 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 239.

5859. Очерки Зауральской степи и внутренней или Букеевской орды. М. 1859.—Рец. **Мостовскаго.** 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 239—240.

5860. *М. Н. Царуковъ.* Планъ Св. града Іерусалима, составленный по Бедекеру и другимъ свѣдѣніямъ. 1884.—Рец. **В. П. Ш.** 1887, ч. 253, октябрь, отд. II, стр. 331—335.

5861. Очерки Россіи, изд. *Вад. Пассекомъ.* Спб. 1838. 4 ч. съ атласомъ. —Рец. **Мостовскаго.** 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 232—233.

5862. Карта Палестины, д-ра *Піерроти.* Женева. 1868.—Рец. 1869, ч. 146, декабрь, отд. II, стр. 379—380.

5863. *А. Е. Прикъ* и *А. Д. Бѣляевъ.* Владивостокъ и Южно-Уссурійскій

Библиотека "Руниверс"

округъ Приморской области. Путеводитель и справочная книга съ приложеніемъ адресъ-календаря города Владивостока. С.-Пб. — Рец. 1891, ч. 278, ноябрь, отд. II, стр. 242—243. (Кн. новости).

5864. Характеристики изъ сравнительнаго землеописанія и этнографіи *Вилл. Пютца*, пер. съ нѣм. *М. Тихоновичъ*. М. вып. 1. 1861. вып. 2. 1864. вып. 3. 1865.—Рец. **Васильковскаго**. 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 245—246.

5865. *Johann Roskiewicz*. Studien über Bosnien und die Herzegovina. Leipzig und Wien. 1868.—Рец. 1869, іюнь, ч. 143, отд. II, стр. 427—429.

5866. Географическо-статистическій словарь Россійской Имперіи. Сост. *П. Семеновъ*. Спб. 1863.—Рец. **Мостовскаго**. 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 234.

5867. Дунай, какъ международная рѣка. *А. Л. Форштетера*. М. 1890. —Рец. **В. Э. Грабаря**. 1890, ч. 270, августъ, отд. II, стр. 403—409.

5868. Geologische und phisico-geographische Beobachtungen in Olonezer Bergrevier. Von *Gr. von Helmersen*. S.-Pb. 1882.—Рец. **А. Иностранцева**. 1883, ч. 226, апрѣль, отд. II, стр. 291—320.

5869. Italia. Herausgegeben von *Karl Hillebrand*. B. IV. 1877.—Рец. **Н. И.** 1878, ч. 195, февраль, отд. II, стр. 418—429. (Нов. ин. уч. лит.).

5870. Asie Mineure. Description physique, statistique et archéologique de cette contrée par *P. de Tchihatscheff*. Paris. 1853.—Рец. **Страхова**. 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 243—244.

5871. Россія дальняго Востока. Соч. *Фр. Шперка*. Спб. 1885.—Рец. 1885, ч. 242, ноябрь, отд. II, стр. 96. (Кн. новости).

5872. *П. Ѳ. Ѳедоровъ*. Соловки. (Записки Имп. Русск. Географ. Общества по отдѣленію этнографіи, т. XIX, вып. I). Кронштадтъ. 1889. —Рец. 1890, ч. 268, апрѣль, отд. II, стр. 472—474. (Кн. новости).

2) ПУТЕШЕСТВІЯ.

А. Статьи.

5873. А. Будиловичъ. Путевыя замѣтки о долинѣ Средняго и Нижняго Дуная.—1874, ч. 176, декабрь, отд. IV, стр. 132—174.

5874. Н. И. Веселовскій. Путешествія Г. С. Карелина по Каспійскому морю (Записки Имп. Русскаго Географическаго Общества по общ. географіи. Т. X. Спб. 1883). —1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 421—431.

5875. А. И. Кирпичниковъ. Двѣ недѣли на островѣ Халки.—1887, ч. 253, сентябрь, отд. IV, стр. 1—8.

5876. И. П. Минаевъ. Въ Бихарѣ. —1876, ч. 188, ноябрь, отд. II, стр. 1—29.

5877. И. П. Минаевъ. Изъ путешествія по Индіи.—1876, ч. 188, декабрь, отд. II, стр. 194—236.

5878. И. П. Минаевъ. Забытый путь въ Китай. (Отзывъ о сочиненіи: Четвертое путешествіе въ центральной Азіи. Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки. Изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима. Н. М. Пржевальскаго. Спб. 1888).—1889, ч. 264, іюль, отд. II, стр. 168—189.

Библиотека "Руниверс"

5879. Объ ученой поѣздкѣ академика О. В. Струве въ Америку.—1880, ч. 208, апрѣль, отд. IV, стр. 97—104.

5880. О командировкѣ проф. В. В. Богишича въ Черногорію.—1874, ч. 174, августъ, отд. IV, стр. 57—67.

5881. О предполагаемой русской ученой экспедиціи въ южно-славянскія земли.—1880, ч. 210, августъ, отд. IV, стр. 29—43.

5882. П. Ровинскій. Наблюденія во время путешествія по Босніи въ 1879 году.—1880, ч. 208, мартъ, отд. II, стр. 1—71.

5883. П. А. Сырку. Путешествія румынскихъ ученыхъ по славянскимъ землямъ.—1880, ч. 210, августъ, отд. IV, стр. 44—60; ч. 211, сентябрь, стр. 1—21, октябрь, стр. 69—85.

5884. Ал. Цагарели. Изъ поѣздки въ Закавказскій край лѣтомъ 1877 года. (Матеріалы для изученія мингрельскаго языка).—1877, ч. 194, декабрь, отд. II, стр. 208—231.

5885. Экспедиція Н. М. Пржевальскаго за Тянь-Шань и на Лобъ-Норъ.—1877, ч. 194, декабрь, отд. IV, стр. 85—97.

Б. Рецензіи.

5886. *А. Адріановъ.* Путешествіе на Алтай и за Саяны, совершенное лѣтомъ 1883 г. по порученію Имп. Русскаго Географическаго Общества и его Западно-Сибирскаго отдѣла. Предварительный отчетъ. Омскъ.—Рец. 1888, ч. 260, ноябрь, отд. II, стр. 175—176. (Кн. новости).

5887. *С. Алфераки.* Кульджа и Тянь-шань. Путевыя замѣтки (Оттискъ изъ Записокъ Императорскаго Русскаго географическаго общества, томъ XXIII). Спб.—Рец. 1891, ч. 278, ноябрь, отд. II, стр. 241—242. (Кн. новости).

5888. Поѣздка въ Южную Россію *А. Аванасьева-Чужбинскаго* изд. 2. 2 ч. Спб. 1863.—Рец. **Васильковскаго.** 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 236—237.

5889. *J. Bianu.* Nôte d'intro excursione in Moldova (статья въ журналѣ Columna lui Traian. Bucuresci. 1882, № 2).—Рец. **П. Сырку** въ статьѣ: Остатки славянской литературы въ Молдавіи.

5890. Кабулъ. Путевыя записки сэра *Александра Борнса* въ 1836, 1837 и 1838 гг. пер. съ анг. 2 ч. М. 1847. —Рец. **Страхова.** 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 248—249.

5891. Сочиненія *Василія Петровича Боткина.* Т. I. Путешествія. Изданіе журнала „Пантеонъ литературы". Спб.—Рец. 1890, ч. 271, октябрь, отд. II, стр. 425—426. (Кн. новости).

5892. Путешествія и открытія д-ра Эд. Фогеля въ Центр. Африкѣ, Велик. Пустынѣ и земляхъ Судана, сост. *Гер. Вагнеромъ*, перев. съ нѣм. *Н. Деппина* съ рис. Спб. 1861.—Рец. **Васильковскаго.** 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 249—250.

5893. Географич. словарь западнославянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилегающихъ странъ, составл. *Як. Головацкимъ.* Съ прилож. географ. карты. Вильна. 1884.—Рец. **А. С. Будиловича.** 1884, ч. 234, августъ, отд. II, стр. 293—312.

5894. Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ сѣверо-западную Сибирь *Н. Л. Гондатти.* М.—Рец. 1888, ч. 260, декабрь, отд. II, стр. 327—328. (Кн. новости).

5895. Воспоминанія о путешествіи по Татаріи *Е. Р. Гюка*, пер. съ франц.

Библиотека "Руниверс"

1866. М.—Рец. **Страхова**. 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 248.

5896. *Чарльзъ Дарвинъ*. Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ Бигль, пер. подъ ред. *А. Бекетова*. Спб. 1865.—Рец. **Страхова**. 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 252.

5897. Путешествіе въ южную Россію и Крымъ чрезъ Венгрію, Валахію и Молдавію. *А. Демидова*. М. 1848 съ рис. —Рец. **Мостовскаго**. 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 236.

5898. Путешествіе по Востоку и его научные результаты. Отчетъ о заграничной командировкѣ въ 1887—1888 году, съ приложеніями, доцента Кіевской духовной академіи *А. Дмитріевскаго*. Кіевъ.—Рец. 1890, ч. 269, іюнь, отд. II, стр. 384—385. (Кн. новости).

5899. Путь къ Синаю 1881 г. *А. В. Елисѣева* (Правосл. Палестин. Сборникъ, т. II, в. 1. Спб 1884).—Рец. **И. Помяловскаго**. 1884, ч. 234, іюнь, отд. II, стр. 122—131.

5900. Съ русскими паломниками по Святой землѣ весною 1884 г. Очерки, замѣтки и наблюденія *А. В. Елисѣева*. Спб. 1885.—Рец. 1885, ч. 242, декабрь, отд. II, стр. 256. (Кн. новости).

5901. Путешествіе по Сѣвероамериканскимъ штатамъ, Канадѣ и острову Кубѣ. *А. Лакіера*. 2 т. Спб. 1859.—Рец. **Страхова**. 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 244.

5902. Годъ на Сѣверѣ, соч. *Максимова*, 2 ч. Спб. 1864.—Рец. **Мостовскаго**. 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 238—239.

5903. Очерки Финляндіи. Путевыя записки 1851—1852 г. Спб. 1856.—Рец. **Васильковскаго**. 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 238.

5904. Письма о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи отъ С.-Петербурга до Крыма, *К. Победоносцева* и *И. Бабста*. М. 1864. — Рец. **Васильковскаго**. 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 235.

5905. По Святой Землѣ. Изданіе Православнаго Палестинскаго Общества. Спб. — Рец. 1889, ч. 265, октябрь, отд. II, стр. 355—356. (Кн. новости).

5906. *Г. Н. Потанинъ*. Очерки сѣверо-западной Монголіи. Результаты путешествія 1876—1877 г. Вып. I. Дневникъ путешествія и матеріалы для физической географіи и топографіи. Вып. II. Матеріалы этнографическіе. Спб. 1881.—Рец. **Д. Анучина**. 1882, ч. 223, сентябрь, отд. II, стр. 185—200.

5907. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste. Recueilliées et publiées par *Ch. Potvin*, avec des notes géographiques et une carte, par I. C. Houzeau-Louvain. 1878. — Рец. **Л. Н. Майкова**. 1879, ч. 206, декабрь, отд. II, стр. 233—243.

5908. Третье путешествіе въ центральной Азіи. Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки. *Н. М. Пржевальскаго*. Спб. 1883.—Рец. **А. М. Позднѣева**. 1884, ч. 232, апрѣль, отд. II, стр. 316—351.

5909. Четвертое путешествіе въ центральной Азіи. Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки. Изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима. *Н. М. Пржевальскаго*. Спб. 1888.—См. статью **И. П. Минаева**: Забытый путь въ Китай.

5910. Путешествіе (Пундита) въ неизвѣстную часть Тибета.—Рец. 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 532—542. (Нов. ин. уч. лит.).

5911. Путешествіе по Дагестану и Закавказью съ картами, планами и видами. Изд. 2. Казань. 1850.—

Библиотека "Руниверс"

Рец. **Страхова.** 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 241—242.

5912. Путешествіе по сѣверной Персіи, съ портр. Мухамедъ-Шаха, планами и видами. Казань. 1852.— Рец. **Страхова.** 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 241—242.

5913. Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ внутренняго Китая *М. В. Пѣвцова.* Съ картою Монголіи. Омскъ. 1883.— Рец. **А. М. Повднѣева.** 1885, ч. 238, мартъ, отд. II, стр. 87—123.

5914. *И. Я. Пясецкій.* Путешествіе по Китаю въ 1874—1875 гг. Въ двухъ томахъ. Спб. 1880.—Рец. **А. Повднѣева.** 1881, ч. 215, іюнь, отд. II, стр. 323—353.

5915. Кругосвѣтнымъ путемъ изъ Москвы на Амуръ и по Сибири. *А. И. Розова.* М. 1889. — Рец. 1889, ч. 262, апрѣль, отд. II, стр. 441. (Кн. новости).

5916. Путешествіе великаго князя Михаила Павловича по Пензенской губерніи въ 1817 году. *А. Ѳ. Селивановъ.* Пенза. — Рец. 1889, ч. 266, ноябрь, отд. II, стр. 260. (Кн. новости).

5917. Путевыя замѣтки по сѣв. Россіи и Норвегіи, академика архитектуры *В. В. Суслова.*—Рец. 1889, ч. 264, іюль, отд. II, стр. 202. (Кн. новости).

5918. Путешествія и открытія 2-ой Гриннельской экспедиціи въ сѣв. полярныя страны для отысканія сэра Дж. Франклина, пер. съ нѣм. *А. Тихменева.* 2 изд. съ рис. Спб. 1866.— Рец. **Страхова.** 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 251.

5919. *Вл. Турбинъ.* Морской полярный путь въ Сибирь и его значеніе для экономическаго и культурнаго развитія края. (Приложеніе къ №№ 6—7 Экономическаго Журнала за 1891 годъ). Спб. — Рец. 1891, ч. 278, ноябрь, отд. II, стр. 244—245. (Кн. новости).

5920. Кавказъ. Путевыя замѣтки графини *П. С. Уваровой.* М.—Рец. 1887, ч. 251, май, отд. II, стр. 220. (Кн. новости).

5921. Montenegro. Schilderung einer Reise durch das Innere nebst Entwurf einer Geographie des Landes von D-r *Bernhard Schwarz.* Mit Illustrationen nach eigenen Aufnahmen und einer Karte. Leipzig. 1883.— Рец. **А. О—ского.** 1883, ч. 225. февраль, отд. II, стр. 392—447.

3) ЭТНОГРАФІЯ И АНТРОПОЛОГІЯ.

А. Статьи.

5922. Е. В. Богишичъ. О несложной сельской семьѣ у сербовъ и хорватовъ.—1885, ч. 237, февраль, отд. II, стр. 278—315.

5923. А. Веселовскій. Онѣмеченное славянское поселеніе въ Тиролѣ.— 1879, ч. 206, ноябрь, отд. II, стр. 71—83.

5924. П. В. Голубовскій. Объ Узахъ и Торкахъ. — 1884, ч. 234, іюль, отд. II, стр. 1—21.

5925. В. В. Григорьевъ. Объ отношеніяхъ между кочевыми народами и осѣдлыми государствами.—1875, ч. 178, мартъ, отд. II, стр. 1—27.

5926. М. Д. Словаки и словенское окольe въ Угорщинѣ.—1868, ч. 139, августъ, отд. II, стр. 555—645. Поправки (опечатки). ч. 139, сентябрь, отд. II, стр. 1072.

5927. П. Д. Драгановъ. Новый трудъ по этнографіи македонскихъ сла-

Библиотека "Руниверс"

вянъ. (Отзывъ о сочиненіи A. Ofeikoff. La Macedoine au point de vue ethnographique, historique et philologique. Philippopoli. 1887). — 1888, ч. 256, апрѣль, отд. II, стр. 526—531.

5928. А. Елисѣевъ. Обитатели каменистой Аравіи. (Антропологическій очеркъ).—1882, ч. 221, іюнь, отд. II, стр. 207—234; ч. 223, октябрь, стр. 251—285; ч. 224, декабрь, стр. 331—352.

5929. В. А. Жуковскій. О положеніи гебровъ въ Персіи. — 1885, ч. 237, январь, отд. II, стр. 77—94.

5930. В. А. Жуковскій. Колыбельныя пѣсни и причитанія осѣдлаго и кочеваго населенія Персіи.—1889, ч. 261, январь, отд. II, стр. 93—126.

5931. Ѳ. П. Кешкенъ. Матеріалы къ вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ индо-европейскаго и финно-угорскаго племени.—1886, ч. 246, августъ, отд. II, стр. 199—233; ч. 247, октябрь, стр. 191—211; ч. 248, ноябрь, стр. 21—64, декабрь, стр. 227—250.

5932. К. Мережковскій. Антропологическія изслѣдованія въ Россіи. (Рецензія книги В. Майнова: Результаты антропологическихъ изслѣдованій среди Мордвы - Эрзи. Спб. 1883).—1883, ч. 229, октябрь, отд. II, стр. 339—355.

5933. К. С. Мережковскій. Антропологическія изслѣдованія въ Россіи. (Разборъ труда Л. Шренка: Объ инородцахъ Амурскаго края. Спб. 1883).—1884, ч. 235, сентябрь, отд. II. стр. 177—218.

5934. К. С. Мережковскій. Антропологическія изслѣдованія въ Россіи. (Рецензія труда Покровскаго: Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ, преимущественно Россіи. М. 1884). 1885, ч. 237, февраль, отд. II, стр. 357—383.

5935. И. Минаевъ. Новыя свѣдѣнія о Кафирахъ. (Отзывъ о сочиненіи: Tribes of the Hindoo Koosh by Major I. Biddulph. Calcuta. 1880).—1882, ч. 221, май, отд. II, стр. 139—157).

5936. И. Минаевъ. Родовой бытъ въ современной Индіи. (Отзывъ о трудахъ: 1) Sir Alfred C. Lyall. Asiatic Studies, Religions and Social. Lond. 1882. 2) C. L. Tupper Punjab Customary Law. Calcutta. 1881).—1883, ч. 226, мартъ, отд. II, стр. 164—180.

5937. Новыя соображенія о древнѣйшихъ обитателяхъ Европы. — 1879, ч. 205, сентябрь, отд. IV, стр. 62—74.

5938. П. Ровинскій. Очерки Черногорья. — 1880, ч. 212, декабрь, отд. II, стр. 297—324.

5939. В. Сокольскій. Къ ученію объ организаціи семьи и родства въ первобытныхъ обществахъ, преимущественно у кельтовъ и германцевъ.—1881, ч. 214, апрѣль, отд. II, стр. 193—244; ч. 216, іюль, стр. 59—101.

5940. Н. Сумцовъ. О славянскихъ народныхъ воззрѣніяхъ на новорожденнаго ребенка.—1880, ч. 212, ноябрь, отд. II, стр. 68—94.

5941. П. А. Сырку. Болгарская этнографія. (Отзывъ объ изданіи: Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Издава министерството на народното просвѣщение. Книга I. София. 1889).—1890, ч. 269, май, отд. II, стр. 188—203.

5942. С. Шафрановъ. О складѣ народной русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвомъ. — 1889, ч. 205, отд. II, сентябрь, стр. 50—111.

Библиотека "Руниверс"

Б. Рецензіи.

5943. Кавказскіе евреи-горцы. *Ильи Шеребетовича Анисимова.* Изъ „Сборника матеріаловъ по этнографіи", издаваемаго при Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ. М. 1888.— Рец. **Ѳ. И.** 1889, ч. 262, мартъ, отд. II, стр. 236 - 237. (Кн. новости).

5944. *Д. Н. Анучинъ.* О задачахъ русской этнографіи. (Нѣсколько справокъ и замѣчаній). М.—Рец. 1889, ч. 263, отд. II, стр. 512—514. (Кн. новости).

5945. Причитанія Сѣвернаго края, собран. *Е. Б. Барсовымъ.* Ч. II. Плачи завоенные, рекрутскіе и солдатскіе. М. 1882.—Рец. **Л. Н. Майкова.** 1882, ч. 223, октябрь, отд. II, стр. 415—424.

5946. *Ch. Bartsch.* Dainu Balsai. Melodien litauischer Volkslieder gesammelt und im Auftrage der Litauischen litterarischen Gesellschaft herausgegeben. Heidelberg. 1886.—Рец. **Э. А. Вольтера.** 1887, ч. 249, январь, отд. II, стр. 193—195.

5947. Tribes of the Hindoo Koosh by Major *I. Biddulph.* Calcutta. 1880. — Отзывъ въ статьѣ **И. Минаева:** Новыя свѣдѣнія о кафирахъ.

5948. *Blau.* Ausflüge in Bosnien. Berlin. 1867. — Рец. (въ ст. **Будиловича:** Славян. библіографія). 1869, ч. 143, іюнь, отд. II, стр. 427—429.

5949. Вотяки Сосновскаго края. *Гр. Верещагина.* Спб. 1886. (Записки И. Рус. Географич. Общества по отд. этнографіи. Т. XIV, в. 2). — Рец. 1887, ч. 249, февраль, отд. II, стр. 404—406. (Кн. новости).

5950. Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди лѣтомъ 1887 года. *Э. А. Вольтера.* Спб. 1887.— Рец. 1888, ч. 256, апрѣль, отд. II, стр. 534—535. (Кн. новости).

5951. Принципы жизни китайцевъ (ошибка въ названіи книги; она называется „Принципы жизни Китая"). Сочиненіе *Сергѣя Георгіевскаго.* Спб. 1888. — Рец. **А. О. Ивановскаго.** 1888, ч. 258, іюль, отд. II, стр. 192 — 197.

5952. Записки Имп. Географическ. Общ. по отдѣленію этнографіи, ч. I. Спб. 1867.—См. ст. **О. Ѳ. Миллера.** Сборникъ по русской народной словесности за 1866 г. ст. 2-ая.

5953. Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. *Вл. Исленина.* Спб. 1847. — Рец. **Мостовскаго.** 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 239.

5954. Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности, сост. кап. ген. штаба *Л. Костенко.* Спб. 1870 (съ картою).—Рец. **В. Г.** 1871, ч. 154, мартъ, отд. II, стр. 77—90.

5955. *Liebrecht Felix.* Zur Volkskunde. Alte und neue Aufsätze. 1879.— Рец. **А. Н. Веселовскаго.** 1879, ч. 205, сентябрь, отд. II, стр. 112—124.

5956. *Sir Alfred C. Lyall.* Asiatic Studies, Religions and Social. London. 1882 —Отзывъ въ статьѣ **И. Минаева:** Родовой бытъ въ современной Индіи.

5957. Результаты антропологическихъ изслѣдованій среди Мордвы-Эрзи. *В. Майнова.* (Записки Имп. Русскаго Географ. Общества по отдѣленію этнографіи, т. X. Спб. 1883).—См. статью **К. Мережковскаго:** Антропологическія изслѣдованія въ Россіи.

5958. Свѣдѣнія о Мишарякъ. *Прот. Е. А. Малова.* Этнографич. очеркъ. Казань. 1886.—Рец. 1886, ч. 243,

Библиотека "Руниверс"

январь, отд. II, стр. 192. (Кн. новости).

5959. *Мандельштамъ.* Опытъ объясненія обычаевъ (индо-европейскихъ народовъ), созданныхъ подъ вліяніемъ мяса. Спб. 1882.—Рец. **А. Веселовскаго.** 1882, ч. 224, ноябрь, отд. II, стр. 137—145.

5960. *Franz Miklosich.* Ueber die Mindarten und die Wanderungen der Zigeuner Europa's. I—VI. Wien. 1872—1876. **И. Минаева.** 1877, ч. 190, мартъ, отд. II, стр. 190—194.

5961. *Miklosich.* Beiträge zur Kenntniss der Zigeuner Mundarten. Wien I, II. 1874. III. 1876.—Рец. **И. Минаева.** 1877. ч. 190, мартъ, отд II, стр. 190—194.

5962. Русская масляница и западноевропейскій карнавалъ. *Вс. Миллера.* М. 1884.—Рец. **Ѳ. Т.** 1884, ч. 236, декабрь, отд. II, стр. 253—259.

5963. Сборникъ матеріаловъ по этнографіи, издаваемый при Дашковскомъ этнографич. музеѣ. Вып. I, подъ ред. *В. Ѳ. Миллера.* М. 1885. —Рец. 1886, ч. 243, февраль, отд. II, стр. 368 — 369. (Кн. новости).

5964. То же. Вып. II, подъ ред. *В. Ѳ. Миллера.* М. 1887. — Рец. 1887, ч. 250, мартъ, отд. II, стр. 184 — 185. (Кн. новости).

5965. *В. Ѳ. Миллеръ.* Осетинскіе этюды. Ч. 3-я. Изслѣдованія. М.— Рец. 1887, ч. 253, октябрь, отд. II, стр. 339—340. (Кн. новости).

5966. Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго этнографическаго музея. Составлено хранителемъ музея *В. Ѳ. Миллеромъ.* Вып. I. М. 1887.—Рец. 1888, ч. 255, январь, отд. II, стр. 263—264. (Кн. новости).

5967. *В. Наливкинъ* и *М. Наливкина.* Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы. Казань. 1886.—Рец. **Н. И. Веселовскаго.** 1887, ч. 250, апрѣль, отд. II, стр. 266 285.

5968. *А. Ofeïkoff.* La Macedoine au point de vue ethnographique, historique et philologique. Philippopoi. 1887.—См. статью **П. Д. Драганова:** Новый трудъ по этнографіи македонскихъ славянъ.

5969. *Н. Первухинъ.* Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. Вятка.—Рец 1888, ч. 260, декабрь, отд. II, стр. 328—329. (Кн. новости).

5970. Ансаріи. Изслѣдованіе *К. Д. Петковича* (Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 19-й). Спб. 1889.—Рец. 1890, ч. 268, мартъ, отд. II, стр. 264—265. (Кн. новости).

5971. Антропологія *Э. Ю. Петри.* Вып. I. Спб.—Рец. **Э. Р.** 1889, ч. 262, мартъ, отд. II, стр. 233—234. (Кн. новости).

5972. *Pitrè.* Saggio di giuochi fanciulleschi siliani.—Рец. **А. Н. Веселовскаго.** 1878, ч. 195, январь, отд. II, стр. 155—186.

5973. *Pitrè.* Saggio di feste popolari sicilane.—Рец. **А. Н. Веселовскаго.** 1878, ч. 195, январь, отд. II, стр. 155—186.

5974. *Покровскій.* Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ преимущественно Россіи. М. 1884. —Изданіе Имп. Общества любит. естествознанія, антропологіи и этнографіи.—Отзывъ въ статьѣ **К. С. Мережковскаго:** Антропологическія изслѣдованія въ Россіи.

5975. *А. А. Потебня.* Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ. II. Колядки и щедровки. Варшава. 1887.—Рец. 1888, ч. 255, февраль, отд. II, стр. 532—533. (Кн. новости).

5976. *Д. Ровинскій.* Русскія народныя картинки.—См. двадцать пятое

Библиотека "Руниверс"

присужденіе наградъ графа Уварова.

5977. Русскія народныя картинки. Собралъ и издалъ *Д. Ровинскій*. Спб. 1881. Пять томовъ съ атласомъ.—Рец. **В. Стасова**. 1882, ч. 223, октябрь, отд. II, стр. 312—401.

5978. *Е. Романовъ*. Бѣлорусскій сборникъ. Т. I. Губернія Могилевская. Вып. I и II. Пѣсни, пословицы и загадки. Кіевъ. 1886.—Рец. **Ѳ. М. Истомина**. 1886, ч. 245, май, отд. II, стр. 161—175.

5979. *Е. Романовъ*. Бѣлорусскій сборникъ. Т. I. Губ. Могилевская. Вып. 3. Сказки. Витебскъ. 1887.—Рец. 1888, ч. 256, мартъ, отд. II, стр. 283—285. (Кн. новости).

5980. Пѣсни, собран. *П. Н. Рыбниковымъ* ч. IV. Спб. 1867.—Рец. **Л. Н. Майкова**. 1868, ч. 138, май, отд. II, стр. 611—630.

5981. Картины Россіи и бытъ разноплеменныхъ ея народовъ. *П. П. Семенова*. Спб. 1839. Ч. I.—Рец. **Мостовскаго**. 1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 233.

5982. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстности и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія Кавказскаго учебнаго округа. Вып. I и II. Тифлисъ. 1881—1882.—Рец. **В. Ѳ. Миллера**. 1883, ч. 225, февраль, отд. II, стр. 384—391. Вып. III. Тифлисъ. 1883.—Рец. Его же. 1884, ч. 235, октябрь, отд. II, стр. 340—349. Вып. IV. Тифлисъ. 1884.—Рец. Его же. 1885, ч. 239, май, отд. II, стр. 83—96. Вып. V. Тифлисъ. 1886.—Рец. Его же. 1886, ч. 248, декабрь, отд. II, стр. 354—367. Вып. VI. Тифлисъ. 1888.—Рец. Его же. 1888, ч, 259, октябрь, отд. II, стр. 332—343. Вып. VII. Тифлисъ. 1889.—Рец. Его же. 1889, ч. 264, іюль, отд. II, стр. 122—132. Вып. IX. Тифлисъ. 1890.—Рец. Его же. 1890, ч. 269, іюнь, отд. II, стр. 363—376. Вып. X. Тифлисъ. 1890.—Рец. Его же. 1890, ч. 272, ноябрь, отд. II, стр. 202—217. Вып. XII. Тифлисъ. 1891.—Рец. Его же. 1891, ч. 277, сентябрь, отд. II, стр. 204—215.

5983. Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Издава министерството на народното просвѣщение. Книга I. София. 1889.—См. статью. **П. А. Сырку**: Болгарская этнографія.

5984. *И. Н. Смирновъ*. Слѣды человѣческихъ жертвоприношеній въ поэзіи и религіозныхъ обрядахъ приволжскихъ финновъ. Казань.—Рец. 1889, ч. 263, май, отд. II, стр. 236—237. (Кн. новости).

5985. *Н. Сумцовъ*. О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ. Харьковъ. 1881.—Рец. **А. Кирпичникова**. 1881, ч. 216, іюль, отд. II, стр. 172—184.

5986. *S. A. Guastella*. L'antico Carnavale della contea di Modica. 1876.—Рец. **А. Н. Веселовскаго**. 1878, ч. 195, январь, отд. II, стр. 155—186.

5987. *C. L. Tupper*. Punjab Customary Law. Calcutta. 1881.—Отзывъ въ статьѣ **И. Минаева**: Родовой бытъ въ современной Индіи.

5988. *А. Харузинъ*. Киргизы Букеевской орды. Антропо-этнологическій очеркъ. Вып. II. Ч. I. (Извѣстія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, томъ LXXII. Труды антропологическаго отдѣла, томъ XIV, I. М. 1891.—Рец. **А. О.** 1891, ч. 277, октябрь, отд. II, стр. 571—573.

5989. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ *П. В. Шейномъ*. Т. I, ч. I. Бытовая и семей-

Библиотека "Руниверс"

ная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ. Спб. 1887.—Рец. Ѳ. М. Истомина. 1888, ч. 260, ноябрь, отд. II, стр. 132—147.

5990. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края. *П. Шейна.* Т. I, ч. I. Спб. 1887.—См. въ статьѣ Е. Ѳ. Карскаго: Два новые источника для изученія бѣлорусскихъ говоровъ.

5991. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ *П. В. Шейномъ.* Т. I. Ч. II. Спб. 1890.—Рец. Е. Ѳ. Карскаго. 1890, ч. 272, ноябрь, отд. II, стр. 175—190.

5992. Объ инородцахъ Амурскаго края. *Л. Шренка.* — Разборъ въ статьѣ К. Мережковскаго: Антропологическія изслѣдованія въ Россіи.

5993. *И. С. Ястребовъ.* Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ (въ Призрѣнѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дибрѣ). Спб. 1886.—Рец. П. А. Ровинскаго. 1886, ч. 248, декабрь, отд. II, стр. 382—405.

X. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И МАТЕМАТИКА.

А. Статьи.

5994. **Вахерахтъ.** Солнечное затмѣніе 10 (22) декабря 1870 г.—1871, ч. 153, янв., отд. II, стр. 138—144.

5995. **А. Ѳ. Брандтъ.** По поводу сочиненія Склэтера: О современномъ состояніи нашихъ познаній въ географической зоологіи.—1877, ч. 193, окт., отд. II, стр. 194—232.

5996. **Я. И. Вейнбергъ.** Николай Коперникъ и его ученіе.—1873, ч. 167, май, отд. II, стр. 164—210, іюнь, стр. 294—362; ч. 168, іюль, стр. 45—114.

5997. **М. И. Извольскій.** Историческій обзоръ доказательствъ теоремы о параллелограммѣ силъ.—1888, ч. 260, ноябрь, отд. II, стр. 117—131.

5998. **А. А. Иностранцевъ.** Историческій очеркъ дѣятельности Везувія съ 1857 г. до нашихъ дней.—1873, ч. 165, янв., отд. II, стр. 1—30. (Съ чертежомъ Везувія).

5999. **А. Иностранцевъ.** Подраздѣленіе каменнаго періода на отдѣлы.—1880, ч. 209, іюнь, отд. II, стр. 225—250.

6000. **К. Важнѣйшія явленія въ области эвтомологіи за 1868 г.**—1869, ч. 144, авг., отд. II, стр. 334—347.

6001. **Н. Ѳ. Леваковскій.** О современныхъ геологическихъ явленіяхъ въ южной Россіи, производимыхъ дѣйствіемъ воды.—1867, ч. 133, февр., отд. II, стр. 269—301.

6002. **Н. Ѳ. Леваковскій.** Объ электрическихъ токахъ раздражимыхъ органовъ растеній.—1867, ч. 134, іюнь, отд. II, стр. 723—734.

6003. **С. Л.** Жизнь и труды Фуко.—1879, ч. 202, апрѣль, отд. II, стр. 317—333. По поводу книги. Recueil des travaux scientifiques de Léon Foucault, publie par M—me veuve Foucault sa mère, mis enordre par C. M. Gariel, et précedé d'une notice sur les oeuvres de L. Foucault par S. Bertrand. Paris. 1878.

6004. **К. Мазингъ.** Историческій

Библиотека "Руниверс"

очеркъ развитія счисленія.—1873, ч. 169, сент., отд. II, стр. 113—135.

6005. И. И. Мечниковъ. Современное состояніе науки о развитіи животныхъ.—1869, ч. 142, мартъ, отд. II, стр. 158—186; ч. 145, октябрь, стр. 310—326.

6006. И. И. Мечниковъ. Нѣсколько зоологическихъ изслѣдованій на Средиземномъ морѣ лѣтомъ 1869 г. — 1870, ч. 151, окт., отд. II, стр. 264—275.

6007. И. И. Мечниковъ. Успѣхи науки о развитіи животныхъ (за вторую половину 1869 г. и первую половину 1870).—1871, ч. 153, янв., отд. II, стр. 96—137.

6008. А. Д. П. Космографическіе часы. — 1888, ч. 258, августъ, отд. III, стр. 17—19.

6009. Ѳ. Ѳ. Петрушевскій. Методы измѣренія, употребляемые въ наблюдательной физикѣ.—1867, ч. 134, май, отд. II, стр. 385—426.

6010. Ѳ. Ѳ. Петрушевскій. Прежнія и новыя понятія о магнетизмѣ. —1870, ч. 148, апр., отд. II, стр. 271—291.

6011. Вліяніе свѣта на климаты. (Статья *Родэ*). (Заимствована изъ Revue des deux Mondes 1866).—1867, ч. 133, мартъ, отд. II, стр. 477—498.

6012. А. Н. Савичъ. Коперникъ (въ память 400-лѣтней годовщины рожденія).—1873, ч. 166, мартъ, отд. II, стр. 1—12.

6013. А. Савичъ. О кометахъ, появлявшихся въ послѣдніе два года. —1882, ч. 224, декабрь, отд. II, стр. 298—310.

6014. К. Скачковъ. Судьба астрономіи въ Китаѣ.—1874, ч. 173, май, отд. II, стр. 1—31.

6015. К. Н. С—скій. Труды В. В. Бобынина по исторіи математики. (Отзывъ о сочиненіяхъ: 1) Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. XVII столѣтіе. Изслѣдованіе В. В. Бобынина. Вып. I. М. 1886. 2) Опыты математическаго изложенія логики. Составилъ В. В. Бобынинъ. Вып. I. М., 1886. 3) Происхожденіе, развитіе и современное состояніе исторіи математики.—Историко-библіографическое изслѣдованіе В. В. Бобынина. М. 1886. 4) Біографіи знаменитыхъ математиковъ XIX ст. Собралъ В. В. Бобынинъ. Вып. I. Германъ Грассманъ. М. 1886). — 1887, ч. 250, апрѣль, отд. II, стр. 337—342.

6016. Рѣчь гр. **Д. А. Толстаго** въ Москвѣ 21 авг. 1869 г., на обѣдѣ по случаю 2-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей.—1869, ч. 145, сент., отд. IV, стр. 1—2.

6017. В. М. Шимкевичъ. Задачи современной зоологіи.—1890, ч. 267, январь, отд. II, стр. 72—94.

6018. Г. Е Щуровскій. Объ общедоступности или популяризаціи естественныхъ наукъ. — 1868, ч. 137, янв., отд. II, стр. 39—52.

Б. Рецензіи.

6019. Опытъ математическаго изложенія логики. Составилъ *В. В. Бобынинъ*. Вып. I. М. 1886.—См. статью К. Н. С—скаго: Труды Бобынина по исторіи математики.

6020. Физико-математическія науки въ ихъ настоящемъ и прошедшемъ. Журналъ чистой и прикладной математики, астрономіи и физики, издаваемый *В. В. Бобынинымъ*. Т. I. М. 1885.—Рец. **А. Д. П.** 1885, ч. 242, ноябрь, отд. II, стр. 86—91.

Библиотека "Руниверс"

6021. Физико-математическія науки въ ихъ настоящемъ и прошедшемъ. Журналъ чистой и прикладной математики, астрономіи и физики, издаваемый *В. В. Бобынинымъ*. Т. 1. Отдѣлъ научныхъ новостей, критики и библіографіи №№ 4—9. Отдѣлъ научныхъ статей № 2, вторая четверть года. М. 1885.—Рец. **А. Д. П.** 1886, ч. 247, октябрь, отд. II, стр. 345—353.

6022. *Л. Вуконитовичъ*. O kamenom uglja i ugljiénoj kiselini. (Rad. J. A. V.).—Рец. (въ ст. **А. Будиловича**: Славян. библіогр. за 1868).—1869, ч. 143, іюнь, отд. II, стр. 429—430.

6023. Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе *Н. Я. Данилевскаго*. Т. I. въ 2-хъ част. Спб., 1885.—Рец. 1886, ч. 243, январь, отд. II, стр. 186—187. (Кн. новости).

6024. Успѣхи знанія. (1883—1884). Физика, метеорологія, зоологія, ботаника, географія, этнографія и путешествія. Годъ I. Составилъ *М. И. Демковъ*. Черниговъ. 1885. — Рец. О. Д. Х. 1885, ч. 241, октябрь, отд. II, стр. 332—339.

6025. Примѣненіе электричества къ домашнему быту. Составилъ *М. М. Денисьевскій*. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1888.—Рец. 1889, ч. 263, іюнь, отд. III, стр. 70 72.

6026. Исторія математическихъ наукъ д-ра *Генр. Зутера*, ч. I, съ древнѣйшихъ временъ до конца XVI ст. Пер. и допол. *Антонъ Мануйловъ*. Кишиневъ. 1876.—Рец. 1877, ч. 193, окт., отд. III, стр 37—41.

6027. Вредныя насѣкомыя. Сочиненіе *Ѳ. Кеппена*. Изданіе департ. земледѣлія и сельск. промышленности. 3 тома. Спб. 1881—1883.—Рец. 1884, ч. 231, февраль, отд. II, стр. 432—433.

6028. Очеркъ исторіи химіи,—рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Бѣлостокскаго реальнаго училища преподавателемъ *А. Князевымъ*. Вильна 1875.—Рец. 1877, ч. 193, окт., отд. III, стр. 41.

6029. *А. Д. Путята*. Космологія—(общепонятное изложеніе). Ч. I. Системы міра. Кн. 1-я: геометрическія и динамическія отношенія небесныхъ тѣлъ. Спб. 1876—1880.—Рец. **А. Савича**. 1881, ч. 218, декабрь, отд. II, стр. 322—343.

6030. *Sclater, D-r*. On the present state of our Knowledge of Geographical Zoology. 1875.—См. ст. **А. Ѳ. Брандта**. По поводу сочиненія Склятера: О современномъ состояніи нашихъ познаній въ географической зоологіи.

6031. *Торбаръ*. Элементы матеріи Бошковича сравнительно съ нынѣшнею атомистикой (Rad. J. A. j. VI). — Рец. (въ ст. **А. Будиловича**: Славян. библіогр.). 1871, ч. 157, окт., отд. II, стр. 368—369.

6032. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ. Доктора физики *О. Хвольсона*. 2-е изданіе. Спб. 1886.—Рец. **Н. А. Л.** 1886, ч. 246, іюль, отд. II, стр. 168—175.

6033. *Hehn, Victor*. Kulturpflanzen und Hausthieren in ihrem Uebergang aus Asien nach Griechenland und Italien, sowie in das übrige Europa. Berlin. 1870. — Рец. 1870, ч. 151, окт., отд. II, стр. 306 — 307.

6034. Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики, изд. *Э. К. Шпачинскимъ*. Кіевъ. 12 №№ 1-го семестра и 3 №№ 2-го сем. 1886—1887 уч. года.—Рец. **О. Д. Х.** 1887, ч. 253, октябрь, отд. II, стр. 335—337.

6035. *Шулекъ*. О жизни и произведеніяхъ славнаго физіолога Ивана

Библиотека "Руниверс"

Пуркине (Rad. J. A. j. XII).—Рец. (въ ст. А. Будиловича: Славян. библіографія). 1871, ч. 157, окт., отд. II, стр. 369—370.

6036. Матеріалы для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія Кавказскаго учебнаго округа. Вып. I и II. Тифлисъ. 1881—1882.—Рец. Вс. Миллера. 1883, ч. 225, февраль. отд. II, стр. 384—391. Далѣе: Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа". Вып. II. Тифлисъ. 1883.—Рец. В. Ѳ. Миллера. Вып. III. Тифлисъ. 1883.—Рец. Его же. 1884, ч. 235. октябрь, отд. II, стр. 340—349. Вып. IV. Тифлисъ 1884.—Рец. Его же. 1885, ч. 239, май, отд. II, стр. 83—96. Вып. V. Тифлисъ. 1886. — Рец. Его же. 1886, ч. 248, декабрь, отд. II. стр. 354—367. Вып. VI. Тифлисъ. 1888. — Рец. Его же. 1888, ч. 259, октябрь, отд. II, стр. 332—343. Вып. VII. Тифлисъ. 1889.—Рец. Его же. 1889, ч. 264, іюль, отд. II, стр. 122—132 Вып. IX. Тифлисъ. 1890. — Рец. Его же. 1890, ч. 269, іюнь, отд. II, стр. 363 — 376. Вып. X. Тифлисъ. 1890. — Рец. Его же. 1890, ч. 272, ноябрь, отд. II, стр. 202—217. Вып. XII. Тифлисъ. 1891. — Рец. Его же. 1891, ч. 277, сентябрь, отд. II, стр. 204—215.

I. БИБЛІОГРАФІЯ И КАТАЛОГЪ КНИГЪ ДЛЯ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

А) Статьи.

6037. Алфавитный указатель къ неофиціальной части журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія съ начала 1866 по 1872 г. включительно. — 1873, ч. 167, май, стр. 1—32, іюнь, стр. 33—48.

6038. Алфавитный указатель къ неофиціальной части журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія съ начала 1873 по 1875 годъ включительно.—1876, ч. 186, іюль, стр. 1—22. (Приложеніе).

6039. Алфавитный указатель къ неофиціальной части журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія съ 1876 по 1878 годъ включительно.—1881, ч. 213, февраль; особое приложеніе, стр. 1—21.

6040. Библіографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ (первая треть 1869 г.).—1871, ч. 155, іюнь, отд. I, стр. 1—48 (въ приложеніи), ч. 156, августъ, стр. 49—112, ч. 157, октябрь, стр. 113—176, ч. 158, ноябрь, стр. 177—208.

6041. Библіографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ на 1869 годъ. (Приложеніе). — 1872, ч. 159, январь, стр. 209—240, февраль, стр. 241—256, ч. 160, мартъ, стр. 257—272.

6042. Библіографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ на 1869 г. — 1873, ч. 168, іюль, стр. 273—288(въ приложеніи), августъ, стр. 288—320.

6043. Библіографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ русскихъ

Библиотека "Руниверс"

періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ на 1869 г. — 1873, ч. 169, сентябрь, стр. 321—352 (въ приложеніи), октябрь, стр. 353 - 384, ч. 170, ноябрь, стр. 385—407.

6044. Каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій, которыя могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.—1875, ч. 181, октябрь, стр. 1—36 (въ приложенія).

6045. Каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій, которыя могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія съ приложеніемъ списка книгъ одобренныхъ для реальныхъ училищъ. — 1878, ч. 197, май, отд. I, стр. 1—50. (Приложеніе).

6046. Каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій, которыя могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ съ приложеніемъ списка книгъ, одобренныхъ для реальныхъ училищъ. Спб. 1881, Приложеніе 1881, ч. 215, іюнь, стр. 1—72.

6047. Каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій, которыя могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, съ приложеніемъ списка книгъ, одобренныхъ для реальныхъ училищъ. Спб. 1882, при майской книжкѣ за 1882 г., ч. 221, стр. 1—68.

6048. Каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій, которыя могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ приложеніемъ списка книгъ, одобренныхъ для реальныхъ училищъ. Спб. 1883. Отд. приложеніе къ ч. 227, 1883 г., май, стр. 1—74.

6049. Каталогъ руководствъ и учебныхъ пособій, употребляемыхъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ съ приложеніемъ списка книгъ, одобренныхъ для реальныхъ училищъ. Спб. 1884, стр. 1—87.—Отд. 1884, ч. 234, августъ.

6050. (**А. Кочетовъ**). Каталогъ книгъ для употребленія къ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (по 1-е января 1891). — Приложеніе при 1891, ч. 273, февраль, стр. 1—115.

6051. Дополнительный каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій, которыя могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ приложеніемъ списка книгъ, одобренныхъ для реальныхъ училищъ. Спб. 1886, стр. 1—24.—Отд. прилож. при 244 ч., апрѣль, 1886, стр. 3.

6052. Второй дополнительный каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій, которыя могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, съ приложеніемъ списка книгъ, одобренныхъ для реальныхъ и женскихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1890, стр. 1—32. Отд. прил. къ 1890, ч. 268, апрѣль.

6053. Опытъ каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.—Отд. прил. при 1889, ч. 266, ноябрь, стр. 1 — 102.

6054. Каталогъ книгамъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. — 1875, ч. 182, ноябрь, стр. 1—48.

6055. Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.—1878, ч. 197, май, отд. I, стр. 1—59. (Приложеніе).

Библиотека "Руниверс"

6056. Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1881. — Отд. приложеніе, 1881, ч. 216, іюль, стр. 1—68.

6057. Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1882, при іюньской книжкѣ за 1882 г., ч. 221, стр. 1—76.

6058. Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства Министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1883. стр. 1—90.— Отдѣльное приложеніе къ 1883 г., ч. 227, іюнь.

6059. Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1887. стр. 1—92+ 3 ненум. — При 1887, ч. 253, сентябрь.

6060. Л. Л-ръ. Обозрѣніе современныхъ явленій въ области ученой литературы во Франціи. — 1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 363—397.

6061. Л. Л-ръ. Письмо изъ Парижа. (Новости ученыя). — 1875, ч. 178, отд. IV, мартъ, стр. 73—80, апрѣль, стр. 137—144.

6062. Л. Л-ръ. Письмо изъ Парижа. (Новости научныя). — 1875, ч. 180, іюль, отд. IV, стр. 115—121.

6063. Л. Л-ръ. Письмо изъ Парижа. (Новости ученыя). — 1876, ч. 188, ноябрь, отд. IV, стр. 91—98.

6064. Л. Л-ръ. Письмо изъ Парижа. (Литературно-научныя новости).— 1882, ч. 220, мартъ, отд. IV, стр. 59—64.

6065. Л. Л-ръ. Письмо изъ Парижа. Ноябрь, 1884 г. (Учено-литературныя новости). — 1884, ч. 236, декабрь, отд. IV, стр. 125—133.

6066. Л. Л-ръ. Письмо изъ Парижа. (Новости научныя) — 1891, ч. 273, январь, отд. IV, стр. 14—21.

6067. В. И. Межовъ. Библіографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ (за 1869 г.). — 1869 ч. 144, августъ, отд. II, стр. 429—458, ч. 145, сентябрь, отд. II, стр. 199 — 215, ч. 146, ноябрь, стр. 183—215.

6068. Новости иностранной ученой литературы.—1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 509—542.

6069. Новости иностранной ученой литературы. — 1869, ч. 144, іюль, отд. II, стр. 194—230, 1869, ч. 144, августъ, отд. II, стр. 386—408.

6070. Н. И. Новости иностранной литературы.—1876, ч. 187, октябрь, отд. II, стр. 211—235.

6071. Обозрѣніе русскихъ журналовъ. I. Исторія Западной Руси. 1868, ч. 137, мартъ, отд. II, стр. 928—944. II. Русская исторія.— 1868, ч. 139, іюль, отд. II, стр. 308—350.

6072. Обозрѣніе русскихъ журналовъ, III. Правовѣдѣніе. — 1867, ч. 135, іюль, отд. II, стр. 144 — 173. II. Этнографія.—1867, ч. 135, сентябрь, отд. II, стр. 798 — 814. V. Географія Россіи. — 1867, ч. 136, ноябрь, отд. II, стр. 640—656.

6073. Обозрѣніе иностранныхъ журналовъ. I. Новѣйшія путешествія и географическія открытія. — 1867, ч. 133, мартъ, отд. II, стр. 677—732; II. Древняя исторія и этнографія, ч. 134, апрѣль, стр. 259 — 279; III. Языковѣдѣніе, май, стр. 657—681; IV. Естествознаніе, іюнь, стр. 888—924.

6074. Обозрѣніе иностран. журналовъ. IV. Политич. экономія и статистика. —1867, ч. 135, августъ, отд. II, стр. 461 — 498. V. Философія. — 1867 ч. 136, октябрь, отд. II, стр. 262—286. VI. Эстетика.—1867, ч. 136, ноябрь, отд. II, стр. 657—677.

6075. К. А. О—ой. Новый русскій

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ CCCXXII.

1899.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°“. Наб. Фонтанки, 95.
1899.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ генералъ-адъютанту Ванновскому произвести всестороннее разслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ безпорядковъ, начавшихся 8-го сего февраля въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ и затѣмъ распространившихся на нѣкоторыя другія учебныя заведенія, и о результатахъ сего разслѣдованія представить на Высочайшее благовоззрѣніе.

Вмѣстѣ съ симъ Его Императорскому Величеству благоугодно было указать, что принятіе мѣръ къ возстановленію въ помянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ обыденнаго порядка остается на обязанности главныхъ начальниковъ сихъ заведеній.

(*Правительственный Вѣстникъ* № 41, 1899 г. 20-го февраля).

10. (3-го декабря 1898 года). *Объ учрежденіи при Пинскомъ реальномъ училищѣ стипендіи въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.*

Служащіе и учащіеся въ Пинскомъ реальномъ училищѣ, въ ознаменованіе дня Священнаго Коронованія Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, составили въ теченіе двухъ лѣтъ путемъ добровольныхъ пожертвованій капиталъ до 1.006 руб. 23 коп. для учрежденія на проценты съ онаго при названномъ училищѣ одной стипендіи, съ присвоеніемъ ей на-

Библиотека "Руниверс"

именованія: „Стипендія въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14-го мая 1896 г.“.

Высочайшее соизволеніе на учрежденіе означенной стипендіи послѣдовало по всеподданнѣйшему о томъ докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 3-й день декабря 1898 года.

12. (3-го декабря 1898 года). *О присвоеніи Батумской гимназіи наименованія: „Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича гимназія“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 3-й день декабря 1898 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе Батумской мужской гимназіи Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.

13. (9-го декабря 1898 года). *Объ учрежденіи въ гор. Темрюкѣ, Кубанской области, Маріинскаго женскаго училища.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ гор. Темрюкѣ, Кубанской области, Маріинскаго женскаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить:

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ гор. Темрюкѣ, Кубанской области, Маріинскаго женскаго училища, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Преобразовать съ 1-го іюля 1899 года., существующее въ гор. Темрюкѣ, Кубанской области, двухклассное женское начальное училище въ Маріинское женское училище, на основаніи правилъ, постановленныхъ въ ст. 2904—2925 уст. учебн. зав. (Св. Зак., т. XI, ч. 1, изд. 1893 г.).

II. Отпускать съ указаннаго въ отд. 1 срока на содержаніе преобразуемаго училища по *четыре тысячи сто* рублей въ годъ, съ отнесеніемъ части сего расхода въ размѣрѣ *одной тысячи девятисотъ*

Библиотека "Руниверс"

руб. въ годъ на средства государственнаго казначейства, а остальной части (2.200 р.) на средства, ассигнуемыя мѣстнымъ городскимъ обществомъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

14. (9-го декабря 1898 года). *О преобразованіи Бѣльской 6-ти классной прогимназіи въ полную гимназію.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Бѣльской 6-ти классной прогимназіи въ полную гимназію, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преобразованіи Бѣльской 6-ти классной прогимназіи въ полную гимназію, *мнѣніемъ положилъ:*

I Преобразовать Бѣльскую 6-ти классную прогимназію въ полную гимназію съ тѣмъ, чтобы съ 1-го іюля 1899 г. былъ открытъ VII классъ, а съ 1-ю іюля 1900 г. VIII классъ.

II. Ассигновать изъ государственнаго казначейства, въ дополненіе къ отпускаемымъ нынѣ суммамъ, на содержаніе преобразуемой прогимназіи: въ 1899 г.—двѣ тысячи тридцать семь рублей пятьдесятъ копѣекъ, въ 1900 г.—четыре тысячи девятьсотъ сорокъ пять рублей и, начиная съ 1901 г.—по пяти тысячъ восьмисотъ пятнадцати рублей въ годъ, съ обращеніемъ въ доходъ казны: въ 1899 г.—одной тысячи восемнадцати рублей семидесяти пяти коп. отъ мѣстныхъ земства и городскаго общества, въ 1900 г.—двухъ тысячъ ста тридцати девяти рублей двадцати двухъ копѣекъ отъ земства и трехсотъ тридцати трехъ рублей двадцати восьми копѣекъ отъ городскаго общества и, начиная съ 1901 г.—по двѣ тысячи пятисотъ семи рублей пятидесяти копѣекъ отъ земства и четыреста рублей отъ городскаго общества ежегодно.

III. Могущіе образоваться отъ содержанія VII и VIII классовъ Бѣльской гимназіи остатки раздѣлять на двѣ равныя части, изъ коихъ одну передавать, на общемъ основаніи, въ государственное казначей-

Библиотека "Руниверс"

ство, а другую оставлять въ распоряженіи мѣстныхъ земства и городскаго общества для употребленія на нужды названной гимназіи.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

15. (15-го декабря 1898 года). *О предоставленіи окружнымъ инспекторамъ Московскаго учебнаго округа права на полученіе суточныхъ денегъ при разъѣздахъ по округу.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о предоставленіи окружнымъ инспекторамъ Московскаго учебнаго округа права на полученіе суточныхъ денегъ при разъѣздахъ по округу, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о предоставленіи окружнымъ инспекторамъ Московскаго учебнаго округа права на полученіе суточныхъ денегъ при разъѣздахъ по округу, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Предоставить окружнымъ инспекторамъ Московскаго учебнаго округа право на полученіе при служебныхъ разъѣздахъ, сверхъ прогонныхъ, также и суточныхъ денегъ въ опредѣленномъ закономъ размѣрѣ (ст. 630 уст. о служб. Прав., св. зак. т. III, изд. 1896 г.).

II. Вызываемый означенною мѣрою (отд. I) расходъ относить на сумму въ 5.000 р., ассигнуемую на основаніи Высочайше утвержденнаго, 27-го января 1881 г., штата управленій учебныхъ округовъ (Собр. узак. и расп. прав. 1881 г., № 25, ст. 154) на разъѣзды для осмотра учебныхъ заведеній Московскаго учебнаго округа.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

16. (15-го декабря 1898 года). *Объ учрежденіи въ Варшавскомъ учебномъ округѣ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ и помощника инспектора училищъ города Варшавы и объ увеличеніи содержанія инспектору училищъ города Варшавы и канцелярскихъ ею средствъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ Варшавскомъ

Библиотека "Руниверс"

учебномъ округѣ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ и помощника инспектора училищъ гор. Варшавы и объ увеличеніи содержанія инспектору училищъ гор. Варшавы и канцелярскихъ его средствъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ Варшавскомъ учебномъ округѣ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ и помощника инспектора училищъ гор. Варшавы и объ увеличеніи содержанія инспектору училищъ гор. Варшавы и канцелярскихъ его средствъ, *мнѣніемъ положилъ:*

I. Учредить, съ 1-го января 1899 г., въ Варшавскомъ учебномъ округѣ: а) двѣнадцать должностей инспекторовъ народныхъ училищъ (въ томъ числѣ: въ Лодзинской и Варшавской учебныхъ дирекціяхъ по двѣ должности, а въ остальныхъ восьми дирекціяхъ по одной), и одну должность помощника инспектора училищъ г. Варшавы, съ присвоеніемъ каждой изъ сихъ должностей оклада содержанія по *двѣ тысячи рублей* въ годъ (въ томъ числѣ жалованья по 1.500 рублей и на разъѣзды по 500 р.), VI класса по чинопроизводству, VI разряда по шитью на мундирѣ и права на пенсію по учебной службѣ изъ оклада въ 1.500 р. на основаніи дѣйствующихъ въ Варшавскомъ учебномъ округѣ узаконеній и б) вторую должность писца въ канцеляріи инспектора училищъ гор. Варшавы съ ежегоднымъ вознагражденіемъ по *триста рублей* и съ тѣмъ, чтобы эта должность замѣщалась по найму, безъ всякихъ служебныхъ правъ, если лицо, поступающее на сію должность, не принадлежало ранѣе къ эмеритальному обществу въ губерніяхъ Царства Польскаго, въ противномъ же случаѣ съ правомъ участія и на дальнѣйшее время въ этомъ обществѣ.

II. Присвоить, съ того же срока, должностямъ: а) инспектора училищъ гор. Варшавы—окладъ содержанія въ *три тысячи руб.* въ годъ, V классъ по чинопроизводству, V разрядъ по шитью на мундирѣ и пенсію изъ оклада въ 3.000 р. и б) дѣлопроизводителя канцеляріи названнаго инспектора—окладъ содержанія въ *девятьсотъ рублей* въ годъ, VIII классъ по чинопроизводству, VIII разрядъ по шитью на мундирѣ и VI разрядъ по пенсіи, если лицо, занимающее

Библиотека "Руниверс"

означенную должность, пользуется правомъ на выслугу пенсіи изъ казны.

III. Сумму на канцелярскіе расходы канцеляріи инспектора училищъ гор. Варшавы увеличить, съ 1-го января 1899 г., на *пятьдесятъ рублей* въ годъ.

IV. На покрытіе вызываемыхъ указанными мѣрами (отд. I—III) расходовъ ассигновать изъ государственнаго казначейства по *двадцати семи тысячъ рублей* въ годъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

17. (15-го декабря 1898 года). *Объ отпускѣ средствъ на снаряженіе экспедиціи для градусныхъ измѣреній на остр. Шпицбергенъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта объ отпускѣ 100.000 р. на экспедицію для производства градусныхъ измѣреній на островѣ Шпицбергенѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ отпускѣ 100.000 руб. на экспедицію для производства градусныхъ измѣреній на островѣ Шпицбергенѣ, *мнѣніемъ положилъ:*

Отпустить изъ государственнаго казначейства въ теченіе 1899 и 1900 гг., въ распоряженіе Императорской Академіи Наукъ, по 50.000 р. въ годъ, а всего *сто тысячъ рублей* на снаряженіе экспедиціи для производства градусныхъ измѣреній на островѣ Шпицбергенѣ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

18. (15-го декабря 1898 года). *Объ объединеніи дѣятельности метеорологическихъ учрежденій.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ объединеніи дѣятельности метеорологическихъ учрежденій, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Библиотека "Руниверс"

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ и министерства народнаго просвѣщенія объ объединеніи дѣятельности метеорологическихъ учрежденій, *мнѣніемъ положилъ*:

Въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Для согласованія дѣятельности всѣхъ существующихъ въ Имперіи метеорологическихъ учрежденій и для разсмотрѣнія касающихся метеорологіи вопросовъ, возбуждаемыхъ разными вѣдомствами и установленіями, созываются, по мѣрѣ надобности, при Императорской Академіи Наукъ, по распоряженію президента оной, метеорологическіе съѣзды.

2) Метеорологическіе съѣзды (ст. 1) состоятъ подъ предсѣдательствомъ президента Императорской Академіи Наукъ или лица, имъ назначаемаго, изъ представителей какъ всѣхъ вѣдомствъ, содержащихъ метеорологическія станціи, такъ и отдѣльныхъ метеорологическихъ сѣтей, а также изъ лицъ, приглашаемыхъ по усмотрѣнію президента Академіи.

3) Общія метеорологическія наблюденія на всѣхъ станціяхъ, содержимыхъ разными вѣдомствами или же получающихъ отъ нихъ пособія, производятся по издаваемымъ Академіею Наукъ инструкціямъ. Инструменты для производства этихъ наблюденій сличаются, посредствомъ образцовъ, съ нормальными инструментами главной физической обсерваторіи.

4) Общія метеорологическія наблюденія высылаются въ главную физическую обсерваторію, которая провѣряетъ, обрабатываетъ и печатаетъ ихъ въ своихъ лѣтописяхъ. Присланные оригиналы наблюденій хранятся въ обсерваторіи, но составляютъ собственность того вѣдомства, на средства котораго наблюденія производились. Библіотека и архивъ главной физической обсерваторіи должны быть открыты для занимающихся метеорологіею и изученіемъ земнаго магнитизма.

5) Предварительно возбужденія ходатайства объ ассигнованіи новыхъ кредитовъ на метеорологическія наблюденія, подлежащія вѣдомства сообщаютъ свои предположенія по сему предмету на заключеніе Императорской Академіи Наукъ для выясненія вопроса, въ ка-

Библиотека "Руниверс"

кой мѣрѣ заявляемыя вновь потребности уже удовлетворяются или могутъ быть удовлетворены имѣющимися средствами.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

19. (15-го декабря 1898 года). *Объ утвержденіи новаго штата Геологическаго музея Императорской Академіи Наукъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ утвержденіи новаго штата минералогическаго музея Императорской Академіи Наукъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ утвержденіи новаго штата минералогическаго музея Императорской Академіи Наукъ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Минералогическому музею Императорской Академіи Наукъ присвоить названіе геологическаго музея.

II. Проектъ штата геологическаго музея Императорской Академіи Наукъ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе.

III. Исчисленную въ означенномъ (отд. II) штатѣ на содержаніе названнаго музея сумму, въ размѣрѣ *семи тысячъ пятисотъ* рублей ежегодно, отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства, начиная съ 1-го января 1899 года.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

Библиотека "Руниверс"

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: *„Быть по сему“.*

Въ Москвѣ.
15-го декабря 1898 г.

ШТАТЪ

геологическаго музея императорской академіи наукъ.

	Содержаніе въ сут.					Классные разряды.
	Жалованье.	Столовыя деньги.	Квартирныя деньги.	Всего въ годъ.	На столъ.	По шитью на мундирѣ.	По вещи.
Ученый хранитель	1				VI	VI	По учебной службѣ.
Ученый помощникъ хранителя							
Ученый помощникъ хранителя							
Ученый помощникъ хранителя, завѣдывающій лабораторіею, и препаратор							
Препаратор							

Примѣчанія.

1) Ученый хранитель геологическаго музея Императорской Академіи Наукъ избирается, по представленію директора музея, физико-математическимъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи, простымъ большинствомъ голосовъ.

2) Ученый хранитель геологическаго музея Императорской Академіи Наукъ не можетъ занимать другихъ должностей внѣ музея.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ.*

Библиотека "Руниверс"

20. (4-го января 1899 года). *Объ учрежденіи въ м. Хони, Кутаисской губерніи, Маріинскаго женскаго училища.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта объ учрежденіи въ мѣстечкѣ Хони, Кутаисской губерніи, Маріинскаго женскаго училища, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ мѣстечкѣ Хони, Кутаисской губерніи, Маріинскаго женскаго училища, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Преобразовать, съ 1-го іюля 1899 г., содержимое въ мѣстечкѣ Хони, Кутаисской губерніи, Иваномъ Шарашидзе женское двухклассное начальное училище въ Маріинское женское училище, на основаніи правилъ, постановленныхъ въ статьяхъ 2904—2906, 2911—2915, 2917—2923 и 2925 уст. учеб. зав. (св. зак. т. XI, ч. I, изд. 1893 г.), съ нижеслѣдующими дополненіями:

1) Къ кругу вѣдѣнія педагогическаго совѣта училища, сверхъ предметовъ, означенныхъ въ ст. 2913 уст. учеб. зав., относятся: а) наблюденіе за правильнымъ расходованіемъ училищныхъ суммъ; б) опредѣленіе размѣра платы за ученіе, и в) освобожденіе отъ нея недостаточныхъ ученицъ, но не свыше 10% всего числа учащихся въ училищѣ.

2) Постановленія педагогическаго совѣта, касающіяся размѣра платы за ученіе, представляются на утвержденіе директора народныхъ училищъ Кутаисской губерніи.

3) Учредитель двухкласснаго женскаго начальнаго училища въ мѣстечкѣ Хони, преобразованнаго въ Маріинское, Иванъ Шарашидзе состоитъ пожизненно почетнымъ смотрителемъ сего училища и пользуется всѣми правами, присвоенными этой должности въ уѣздныхъ училищахъ.

II. Отпускать съ указаннаго въ отд. I срока на содержаніе преобразуемаго училища изъ государственнаго казначейства по *три тысячи* руб. въ годъ, съ обращеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ доходъ казны

Библиотека "Руниверс"

по *одной тысячѣ двѣсти* рублей ежегодно изъ спеціальныхъ средствъ училища.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

21. (4-го января 1899 года). *О преобразованіи Юрьевскаго Маріинскаго женскаго училища въ женскую гимназію.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ государственнаго совѣта, о преобразованіи Юрьевскаго Маріинскаго женскаго училища въ женскую гимназію, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преобразованіи Юрьевскаго Маріинскаго женскаго училища въ женскую гимназію, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Преобразовать, съ 1-го іюля 1899 г., Юрьевское Маріинское женское училище въ женскую гимназію по положенію 24-го мая 1870 года.

II. На покрытіе вызываемаго означенною мѣрою (отд. I) расхода ассигновать изъ государственнаго казначейства, въ дополненіе къ 3.270 р., отпускаемымъ нынѣ изъ того же источника на преобразуемое училище: въ 1899 г.—*двѣ тысячи триста восемьдесятъ* рублей, въ 1900 г.—*три тысячи семьсотъ тридцать* рублей и, начиная съ 1-го января 1901 г., по *пяти тысячъ двѣсти тридцати* рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы ассигнованіе сего кредита продолжалось лишь до тѣхъ поръ, пока не окажется возможнымъ отнести этотъ расходъ на городскія средства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

22. (18-го января 1899 года). *Объ учрежденіи въ гор. Самаркандѣ женской гимназіи.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ

Библиотека "Руниверс"

государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ городѣ Самаркандѣ женской гимназіи, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго ссвѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ городѣ Самаркандѣ женской гимназіи, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Преобразовать, съ 1-го іюля 1899 г., существующее въ городѣ Самаркандѣ, Маріинское женское училище въ женскую гимназію согласно Высочайше утвержденному, 28-го мая 1883 г., штату Ташкентской женской гимназіи (собр. узак. и расп. прав. 1883 г., № 75, ст. 565).

II. На содержаніе означенной гимназіи по упомянутому (отд. I) штату ассигновать изъ государственнаго казначейства въ дополненіе къ суммѣ, отпускаемой на преобразуемое Маріинское училище въ 1899 г. *восемь тысячъ триста шестьдесятъ семь* руб. *пятьдесятъ* коп., а начиная съ 1-го января 1900 г. по *шестнадцати тысячъ семисотъ тридцати пяти* руб. ежегодно.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(15-го февраля 1899 года). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, коллежскій секретарь баронъ *Черкасовъ*—директоромъ Саратовскаго Александровскаго дворянскаго пансіона-пріюта, съ 1-го декабря 1898 г.

Назначаются: ректоръ и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, докторъ всеобщей исторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Фортинскій* — вновь, ректоромъ сего университета, на четыре года, и экстраординарный профессоръ означеннаго университета, докторъ астрономіи, надворный

Библиотека "Руниверс"

совѣтникъ *Фогель*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ астрономіи.

Умершій исключается изъ списковъ экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, старшій хранитель Императорскаго Эрмитажа, членъ археографической комиссіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Куникъ*, съ 18-го января.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ славянской словесности *Гротъ* — съ 9-го іюня 1896 г.; по Харьковскому учебному округу: учителя гимназій: Александровской Старобѣльской, *Поповъ*—съ 18-го апрѣля 1898 г., Воронежской, *Новочадовъ*—съ 1-го іюня 1898 г. и Харьковскаго реальнаго училища, *Крюгеръ*—съ 14-го апрѣля 1895 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя гимназій: Новгородсѣверской, *Добротворскій*—съ 28-го сентября 1898 г. и Житомірской 2-й, *Фуксъ*—съ 17-го сентября 1898 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Харьковскому учебному округу: учителя: гимназій: Пензенской женской, *Берви*—съ 6-го марта 1880 г. и Корочанской Александровской, *Функенштейнъ*—съ 14-го іюня 1898 г., Бѣлгородскаго учительскаго института, *Шевелинъ*—съ 18-го ноября 1897 г. и Тамбовскаго реальнаго училища, *Ширяевскій*—съ 29-го декабря 1897 г.: инспекторъ народныхъ училищъ Пензенской губерніи *Орелкинъ*—съ 16-го января 1898 г.; воспитатель пансіона при Курской гимназіи *Подпрятовъ*—съ 15-го февраля 1898 г.: по Кіевскому учебному округу: учителя: гимназій: Глуховской, *Малинка*—съ 12-го сентября 1898 г. и Житомірской 1-й, *Зубковскій*—съ 8-го октября 1898 г., Роменскаго реальнаго училища, *Денисьевскій*—съ 10-го октября 1898 г.; надзиратель гимназіи, состоящей при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, *Кашпровскій* — съ 21-го сентября 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края: учитель Благовѣщенской Алексѣевской женской гимназіи *Ершовъ*—съ 28-го сентября 1898 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники:* по Харьковскому учебному округу: учителя: Задонской школы ремесленныхъ учениковъ, Воронежской губерніи, *Тугариновъ*—съ 31-го декабря 1889 г., Таганрогскаго городскаго четырехкласснаго училища: *Дузь*—съ 1-го августа 1893 г. и *Чумаченко*—съ 27-го сентября 1893 г., Новочеркасскаго атаманскаго техническаго училища, *Мейеръ* — съ 1-го августа 1895 г.; гимназій: Ростовской на Дону, *Ивановъ*—съ 21-го мая 1896 г., Александровской Сумской, *Аваевъ*—

Библиотека "Руниверс"

съ 10-го іюля 1896 г., Воронежской, *Сазоновъ* — съ 8-го января 1897 г., Воронежской прогимназіи, *Бѣлотѣловъ* — съ 18-го ноября 1895 г.; учителя-инспекторы городскихъ четырехклассныхъ училищъ: Славянскаго, Харьковской губерніи, *Воронковъ*—съ 1-го іюля 1896 г. и Инсарскаго, Пензенской губерніи, *Симаковъ*—съ 1-го августа 1896 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Харьковской губерніи *Ордынскій*—съ 19-го августа 1892 г.; врачъ Харьковской Вознесенской женской гимназіи, состоящей при евангелическо-лютеранской церкви, *Хавкинъ*—съ 14-го марта 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Харьковской 1-й гимназіи *Багровъ*—съ 26-го августа 1898 г. и воспитатель пансіона при той же гимназіи *Наслѣдышевъ*—съ 4-го октября 1898 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: Кіево-печерской гимназіи: *Брунекъ* — съ 1-го ноября 1896 г. и *Русси* — съ 30-го ноября 1893 г., реальныхъ училищъ: Ровенскаго *Альдингеръ*—съ 13-го октября 1897 г., Полтавскаго, *Лукьяновъ*—съ 30-го сентября 1898 г.; столоначальникъ канцеляріи попечителя *Луцкевичъ*—съ 22-го октября 1898 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Новгородсѣверской гимназіи, *Котляровъ*—съ 1-го сентября 1898 г., Черкасской прогимназіи, *Коломацкій*—съ 30-го сентября 1898 г., Кременчугскаго реальнаго училища, *Дамринъ*—съ 12-го октября 1898 г.; учитель Глуховскаго учительскаго института *Солошенко*—съ 1-го іюля 1898 г.; по Рижскому учебному округу, учитель Митавской гимназіи *Лунинъ*—съ 1-го августа 1894 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края: исправляющій должность директора народныхъ училищъ Забайкальской области *Михайловскій*—съ 19-го августа 1898 г.; учитель Хабаровскаго городскаго Николаевскаго училища *Кондратьевъ*—съ 4-го іюля 1897 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Харьковскому учебному округу: врачи: Новочеркасскаго атаманскаго техническаго училища, *Воиновъ*—съ 6-го апрѣля 1893 г.; Воронежской прогимназіи, *Хрущовъ*—съ 10-го іюля 1893 г. и Таганрогской гимназіи (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Орбинскій* — съ 5-го апрѣля 1896 г.; учитель Керенскаго городскаго трехкласснаго училища Пензенской губерніи *Филипповъ* — съ 12-го февраля 1898 г.; лаборантъ при химической лабораторіи Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III *Цилеръ* — съ 12-го марта 1898 г.; по Одесскому учебному округу, исправляющій должность помощника классныхъ наставниковъ Кишиневской 1-й гимназіи *Станевичъ* — съ 12-го ноября 1898 г.; по Кіевскому учебному округу: штатный смотритель Ольгопольскаго двухкласснаго городскаго учи-

Библиотека "Руниверс"

лища *Каретниковъ* — съ 1-го августа 1893 г.; учителя городскихъ училищъ: Глуховскаго трехкласснаго, „Ѳ. Терещенко", *Снацкій*—съ 16-го августа 1895 г., Погарскаго двухкласснаго, *Ивженко*—съ 20-го сентября 1897 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Бѣлоцерковской гимназіи *Соловей*—съ 6-го октября 1898 г.; учитель приготовительнаго класса Полтавскаго реальнаго училища *Криворотченко*—съ 8-го августа 1896 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по Харьковскому учебному округу: помощники классныхъ наставниковъ: Тамбовскаго реальнаго училища, *Терновъ* — съ 27-го мая 1894 г. и Таганрогской гимназіи, *Китаевъ* — съ 1-го января 1896 г.; учителя: городскихъ училищъ: четырехклассныхъ: Таганрогскаго, *Рухлинъ* — съ 12-го октября 1895 г., Нижне-Ломовскаго, Пензенской губерніи, *Яременко* — со 2-го декабря 1895 г., Ростовскаго-на-Дону пятикласснаго, *Логашевъ* — съ 31-го августа 1896 г., Путивльскаго ремесленнаго училища, „Маклаковыхъ", *Савельевъ*—съ 7-го ноября 1895 г., Усть-Медвѣдицкаго окружнаго училища, Донской области, *Поляковъ*—съ 6-го сентября 1897 г.; почетный смотритель Мокшанскаго уѣзднаго училища Пензенской губерніи *Зуль*—съ 31-го января 1898 г.; секретарь по студенческимъ дѣламъ Императорскаго Харьковскаго университета *Сабо*—съ 14-го іюля 1898 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Золотаревъ* — съ 11-го сентября 1898 г.; по Одесскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Камратскаго реальнаго училища *Старжицкій*—съ 10-го іюня 1897 г.; по Кіевскому учебному округу, учитель глуховскаго городскаго трехкласснаго училища, „Ѳ. Терещенко", *Козырь* — съ 1-го іюля 1895 г.: изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари:* по Харьковскому учебному округу: письмоводитель Рыльской прогимназіи *Крутиковъ*—съ 31-го августа 1894 г.; помощникъ учителя Таганрогскаго городскаго четырехкласснаго училища *Чухновъ*—съ 8-го октября 1896 г.; почетный смотритель Нижне-Дѣвицкаго городскаго трехкласснаго училища Воронежской губерніи *Иваньшинъ* — съ 9-го марта 1898 г.; столоначальникъ канцеляріи попечителя *Брагинъ* — съ 1-го января 1899 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя: городскихъ двухклассныхъ училищъ: Бердичевскаго, *Слесаренко* (онъ же Слюсарь)— съ 8-го марта 1892 г. и Таращанскаго, *Чернышъ*—съ 26-го октября 1897 г.; почетный смотритель Черниговскаго городскаго трехкласснаго училища *Лебедевъ*—съ 29-го сентября 1898 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: по Харьковскому учебному округу: учителя приходскихъ училищъ: Донской области: Ново-Александров-

Библиотека "Руниверс"

скаго, *Марковъ*—съ 21-го октября 1891 г., Вешенскаго, *Васюковъ*—съ 20-го августа 1893 г., Клѣтскаго, *Дьяконовъ*—съ 1-го сентября 1895 г., Воронцовскаго, Воронежской губерніи, *Зиновьевъ*—съ 27-го августа 1882 г., городскихъ приходскихъ училищъ: Острогожскаго, Воронежской губерніи, *Гончаровъ* — съ 1-го августа 1896 г., Саранскаго, Пензенской губерніи *Гридинъ*—съ 25-го августа 1897 г., 1-го Пензенскаго *Стекловъ*—съ 10-го сентября 1897 г., 2-го Пензенскаго, *Давыдовъ* — съ 9-го апрѣля 1898 г., письмоводители гимназій: Александровской Старобѣльской, *Роговенко* — со 2-го ноября 1895 г. и Корочанской Александровской, *Бакѣевъ* — съ 10-го мая 1898 г.; по Одесскому учебному округу, письмоводитель Одесской 5-й гимназіи *Хрущовъ* — съ 1-го января 1894 г.; по Кіевскому учебному округу, учитель Иванковецкаго, „В. Г. Левицкаго", двухкласснаго приходскаго училища *Левандовскій* — съ 29-го января 1896 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Харьковскому учебному округу: учителя приходскихъ училищъ: Донской области: Сальско-Кагальницкаго, *Кузнецовъ*—съ 1-го декабря 1898 г., Новочеркасскаго 4-го, *Сорокинъ* — съ 1-го сентября 1896 г., Верхне-Чирскаго, *Новиковъ* — съ 15-го сентября 1894 г., Заплавскаго, *Кіевскій* — съ 1-го сентября 1895 г., Николаевскаго, *Быкадоровъ*—съ 15-го ноября 1895 г., Кривокосскаго, *Аксеновъ* — съ 22-го февраля 1896 г., Малодѣльскаго, *Вѣтровъ* — съ 25-го февраля 1898 г., Теникинскаго, *Елисѣевъ* — съ 12-го августа 1898 г., Камышинскаго, *Власовъ* — съ 21-го сентября 1896 г., Ермаковскаго, *Губаревъ*—съ 1-го октября 1896 г., Петровскаго, *Шевченко*—съ 15-го августа 1897 г., Итеревскаго, *Волковъ*—съ 1-го сентября 1897 г., Шигровскаго, Курской губерніи, *Булаковъ*—съ 10-го августа 1897 г., 5-го Курскаго, *Пузановъ*—съ 1-го сентября 1897 г., почетный смотритель Краснослободскаго городскаго четырехкласснаго училища, Пензенской губерніи, *Бакулинъ*—съ 31-го декабря 1896 г.; по Кіевскому учебному округу, учитель Козелецкаго городскаго приходскаго училища *Ньговскій* — съ 1-го октября 1898 г.; по Кавказскому учебному округу, надзиратель пансіона Кубанскаго реальнаго училища *Волошинъ* — съ 28-го декабря 1895 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, бывшій учитель Зейской школы на верхнеамурскихъ пріискахъ, нынѣ въ отставкѣ, *Непомнющій*—съ 1-го августа 1896 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: по Харьковскому учебному округу: учитель Харьковской 1-й гимназіи *Великановъ* — съ 7-го марта 1894 г.; преподаватель Бѣлго-

Библиотека "Руниверс"

родскаго учительскаго института *Ильинскій*—съ 26-го августа 1894 г.; по Кіевскому учебному округу: учителя гимназій: Кіево-Печерской *Семеновъ* — съ 1-го января 1894 г., Немировской, *Мироновичъ* — съ 29-го октября 1894 г., женскихъ: Прилукской, *Неѣловъ* — съ 26-го октября 1893 г., Новгородсѣверской, *Неговоровъ*—съ 31-го октября 1894 г.; *титулярнаго совѣтника*: по Харьковскому учебному округу, штатный смотритель 2-го Донскаго окружнаго училища *Бановъ* — съ 12-го октября 1892 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, руководитель практическихъ работъ и преподаватель спеціальныхъ предметовъ Читинскаго ремесленнаго училища Императора Николая II *Васильевъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; *коллежскаго секретаря:* по Харьковскому учебному округу, учитель Ростовскаго на Дону городскаго пятикласнаго училища *Гладилинъ*—съ 28-го января 1894 г.; по Одесскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Одесской 4-й гимназіи *Злочевскій* — съ 26-го октября 1894 г.; по Кіевскому учебному округу, помощникъ классныхъ наставниковъ Глуховской гимназіи *Мессонъ*—съ 30-го сентября 1894 г.; по управленіями учебными заведеніями Приамурскаго края, помощникъ классныхъ наставниковъ Троицкосавскаго реальнаго училища *Кожевниковъ*—съ 20-го іюля 1894 г.; *губернскаго секретаря*: по Харьковскому учебному округу: учителя уѣздныхъ училищъ: Землянскаго, Воронежской губерніи, *Аленичъ*—съ 10-го августа 1893 г., Наровчатскаго, Пензенской губерніи, *Мироновъ* — съ 4-го сентября 1893 г.; 1-го Донскаго окружнаго училища, *Самсоновъ*—съ 1-го августа 1894 г.; *коллежскаго регистратора*, по Харьковскому учебному округу, учитель чистописанія и рисованія Липецкой женской прогимназіи Тамбовской губерніи *Великольповъ*—съ 18-го іюля 1894 г.

По Императорской Академіи Наукъ. *Производятся*: за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, завѣдывающій работами въ отдѣленіи станцій 2-го разряда при главной физической обсерваторіи *Берманъ*—съ 1-го января 1898 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: ученый секретарь Главной физической обсерваторіи *Керсновскій* (Іосифъ)—съ 1-го января 1898 г.; завѣдующій Константиновскою магнитно-метеорологическою обсерваторіею въ городѣ Павловскѣ *Дубинскій* — съ 1-го декабря 1897 г.; завѣдующій отдѣленіемъ станцій 3-го разряда при Главной физической обсерваторіи *Бергъ*—съ 1-го января 1898 г.; завѣдующій отдѣленіемъ Главной физической обсерваторіи по изданію ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня *Керсновскій* (Брониславъ)—съ 1-го марта

Библиотека "Руниверс"

1898 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: завѣдующій работами въ отдѣленіи станцій 2-го разряда при Главной физической обсерваторіи *Каминскій* и помощникъ директора магнитно-метеорологической обсерваторіи въ городѣ Екатеринбургѣ *Мюллеръ*, оба—съ 1-го января 1898 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: младшіе наблюдатели Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ городѣ Павловскѣ: *Бойчевскій* — съ 1-го февраля 1898 г. и *Ганнотъ*—съ 1-го октября 1897 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*, старшій наблюдатель Тифлисской физической обсерваторіи *Фигуровскій* — съ 3-го декабря 1896 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: наблюдатель Екатеринбургской магнитно-метеорологической обсерваторіи *Мазеингъ* — съ 1-го апрѣля 1898 г.; канцелярскій чиновникъ канцеляріи правленія той же Академіи *Петровъ* — съ 26-го іюня 1898 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: управляющій типографіею *Мартенсъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; ученый хранитель Минералогическаго музея баронъ *Верманъ*—съ 9-го октября 1897 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго совѣтника*: юдъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи *Диченко*—съ 30-го іюня 1897 г.; младшій зоологъ Зоологическаго музея *Аделунгъ*—съ 10-го сентября 1897 г.; *коллежскаго ассессора*, библіотекарь Зоологическаго музея *Шмидтъ*—съ 15-го октября 1897 г.; *титулярнаго совѣтника*: адъюнкты при главной физической обсерваторіи: отдѣленія по изданію ежедневнаго метеорологическаго бюллетеня, *Нейманъ* и отдѣленія станцій 2-го разряда, *Лихачъ*, наблюдатели отдѣленія наблюденій и повѣрки инструментовъ при главной физической обсерваторіи: *Узнадзе* и *Давель*, всѣ четверо—съ 1-го января 1898 г.; адъюнктъ отдѣленія Главной физической обсерваторіи по изданію ежемѣсячнаго и еженедѣльнаго бюлленей о состояніи погоды *Недзвѣдзскій*—съ 1-го августа 1897 г.; вычислитель отдѣленія Морской метеорологіи телеграфныхъ сообщеній о погодѣ и штормовыхъ предостереженій при главной физической обсерваторіи *Красильниковъ* — съ 1-го февраля 1897 г.; *коллежскаго секретаря*: вычислители отдѣленія станцій 2-го разряда главной физической обсерваторіи *Тихомировъ* — съ 1-го іюня 1898 г. и *Надѣинъ*—съ 1-го сентября 1898 г., *Тисфельдтъ* и *Корвинъ-Коссаковскій*, оба — съ 1-го января 1898 г.; сверхштатный помощникъ директора главной физической обсерваторіи *Семеновъ*—съ 15-го октября 1896 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; *губернскаго*

Библиотека "Руниверс"

секретаря, лаборантъ химической лабораторіи *Вульфъ*—съ 16-го сентября 1897 г., по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго университета.

(19-го февраля 1899 года). *Назначаются*: экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Казем-Бекъ*—ординарнымъ профессоромъ сего университета и по кафедрѣ учебной діагностики; наставникъ Гатчинской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ *Поповъ*—директоромъ Череповецкой учительской семинаріи.

Утверждаются: исправляющій должность инспектора и экстраординарнаго профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, магистръ армянской словесности *Халатьянцъ*—въ должности инспектора, съ оставленіемъ его исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора того же института; коллежскій совѣтникъ *Хвостовъ*—вновь, почетнымъ попечителемъ Орловской гимназіи, согласно избранію, на три года.

(5-го марта 1899 года). *Назначаются*: товарищъ управляющаго государственнымъ банкомъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ *фонъ-деръ-Остенъ-Дризенъ*—постояннымъ членомъ отъ правительства при управленіи главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Екатеринбургскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Степановъ*, инспекторъ Бобровской прогимназіи, статскій совѣтникъ *Цвѣтковъ* и инспекторъ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи, магистръ богословія, коллежскій совѣтникъ *Ждановъ*—директорами: первый—Екатеринбургскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, второй—Острожской прогимназіи, а третій—Преславской учительской семинаріи.

Утверждаются: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тютчевъ*, отставной полковникъ гвардіи *Новосильцевъ* и надворный совѣтникъ *Хараджаевъ*—почетными попечителями: первый—вновь, Московской седьмой гимназіи, второй—псковскаго Сергіевскаго реальнаго училища, а третій—вновь, Маріупольской Александровской гимназіи, всѣ трое, согласно избранію, на три года.

Увольняется, согласно прошенію, ямбургскій, С.-Петербургской губерніи, уѣздный предводитель дворянства, постоянный членъ отъ правительства при управленіи главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, въ зва-

Библиотека "Руниверс"

нія камергера Высочайшаго Двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ *Сиверсъ*—отъ второй изъ означенныхъ должностей, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, сверхштатный ординарный професоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ чистой математики, статскій совѣтникъ *Тихомандрицкій*, за выслугою срока, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

Производятся. за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники:* по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели: технологическаго института Императора Николая I, *Дешевой*—съ 13-го ноября 1898 г., гимназій: С.-Петербургскихъ: 2-й: *Желобовскій*—съ 1-го августа 1898 г. и *Протасовъ*—съ 14-го августа 1898 г., Ларинской, *Добошинскій*—съ 7-го апрѣля 1898 г., Вологодской женской Маріинской, *Яворскій*—съ 20-го іюля 1895 г., С.-Петербургскаго 2-го реальнаго училища, *Шенбергъ*—съ 15-го октября 1898 г.; наставникъ Гатчинской учительской семинаріи *Поповъ*—съ 5-го августа 1888 г.; по Одесскому учебному округу: учителя: женскихъ гимназій: Бердянской, *Тищенко*—съ 15-го сентября 1897 г., Ѳеодоссійской, *Фигаровскій*—съ 15-го октября 1898 г., Херсонскаго реальнаго училища, *Юрасовъ*—съ 17-го октября 1898 г.; по Кавказскому учебному округу: инспекторъ народныхъ училищъ Терской области *Чичинадзе*—съ 10-го апрѣля 1898 г.; учитель, исполняющій обязанности инспектора Шушинскаго реальнаго училища, *Чепиго*—съ 20-го сентября 1898 г.; учителя: Тифлисскихъ гимназій: 1-й: *Романовскій*—съ 1-го іюля 1898 г. и *Дорофѣевъ*—съ 1-го октября 1898 г., 2-й: *Чаленковъ*—съ 1-го іюля 1898 г., *Вире* и 3-й, *Сидоровъ*, оба съ 1-го іюня 1898 г., Екатерининской городской женской гимназіи въ гор. Екатеринодарѣ, *Калашниковъ*—съ 1-го сентября 1898 г., Пятигорской прогимназіи: *Евлаховъ*—съ 16-го августа 1898 г., *Цетнаровичъ*—съ 10-го октября 1898 г., Бакинскаго реальнаго училища, *Остапенко*—съ 10-го сентября 1898 г., Тифлисскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины, *Ѳедоровскій*—съ 18-го октября 1898 г.; воспитатель пансіона Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реальнаго училища *Михайловскій*—съ 1-го сентября 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, инспекторъ Читинской мужской гимназіи *Королевъ*—съ 1-го августа 1898 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники:* по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели гимназій: С.-Петербургской Введенской, *Смирновъ*—съ 10-го іюня 1898 г., Гельсингфорской Александровской, *Авер-*

Библиотека "Руниверс"

бургъ и Выборгской женской, *Рыбинскій*, оба—съ 1-го октября 1898 г., лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Тищенко*—съ 24-го сентября 1898 г.; по Одесскому учебному округу: лаборантъ технической лабораторіи Императорскаго Новороссійскаго университета *Немировскій*—съ 10-го мая 1898 г.; учитель Симферопольской женской гимназіи *Щиченковъ*—съ 14-го октября 1898 г., наставникъ Новобугской учительской семинаріи *Черный*—съ 3-го сентября 1898 г.; врачи: Екатеринославской гимназіи, *Зубаревъ*—съ 6-го ноября 1898 г., Симферопольскаго еврейскаго одноклассnаго начальнаго училища, *Жежеленко*—съ 29-го марта 1898 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: гимназій: Тифлисскихъ: 1-й: *Карпинскій*—съ 1-го августа 1898 г., *Цатуровъ*—съ 23-го августа 1898 г., *Сапаровъ*—съ 1-го сентября 1898 г., 3-й, *Никитскій*—съ 10-го іюня 1898 г., Ставропольской, *Дейнке*—съ 11-го сентября 1898 г., Владикавказской, *Григоровичъ*—съ 16-го сентября 1898 г., Бакинской Императора Александра III, *Никоновъ*—съ 1-го ноября 1898 г., реальныхъ училищъ: Кубанскаго Александровскаго, *Аккермановъ*—съ 6-го августа 1898 г., Бакинскаго, *Эдель*—съ 13-го августа 1898 г.; исправляющій должность учителя Бакинской Маріинской женской гимназіи *Калантаровъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя: Тобольской гимназіи, *Шиллеревъ*—съ 16-го августа 1898 г., Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, *Перешиваловъ*—съ 15-го ноября 1898 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели (сверхштатный) Великолуцкаго реальнаго училища, *Желѣзнякъ*—съ 5-го апрѣля 1898 г., Вологодской Маріинской женской гимназіи, *Масленниковъ*—съ 1-го августа 1895 г., училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ, *Нусбаумъ*—съ 28-го декабря 1893 г., помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Барановскій*—съ 1-го октября 1898 г. и лаборантъ физическаго кабинета того же университета *Скобельцынъ*—съ 1-го іюня 1898 г., учитель Гатчинскаго городскаго училища *Преображенскій*—съ 1-го іюля 1895 г., помощникъ классныхъ наставниковъ С.-Петербургской 7-й гимназіи *Хлапонинъ*—съ 26-го ноября 1898 г., по Одесскому учебному округу: учителя: Одесской 4-й гимназіи, *Пашалери*—съ 24-го декабря 1897 г., Одесскаго городскаго ремесленнаго училища: *Гончаровъ*—съ 10-го октября 1898 г., *Ляхницкій*—съ 6-го іюня 1898 г., городскихъ трехклассныхъ училищъ: Аккерманскаго, *Стояновъ*—съ

Библиотека "Руниверс"

26-го іюля 1894 г., Перекопскаго, *Дегтяревъ*—съ 1-го ноября 1898 г., помощникъ классныхъ наставниковъ Херсонскаго реальнаго училища *Изотовъ*—съ 30-го декабря 1898 г.; по Кавказскому учебному округу: учителя: гимназій: мужскихъ: Бакинской Императора Александра III, *Карлбломъ*—съ 29-го ноября 1895 г., приготовительнаго класса 2-й Тифлисской, *Местіевъ*—съ 1-го іюля 1898 г., женскихъ: Тифлисской 2-й Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны, *Шенгеръ*—съ 1-го сентября 1898 г., Тифлисской 3-й *Каганъ*—съ 1-го сентября 1897 г., Владикавказскаго Николаевскаго шестикласснаго городскаго училища, *Гергіевъ*—съ 27-го августа 1898 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Владикавказской гимназіи: *Соколовскій* (Фульвіанъ)—съ 1-го августа 1898 г., *Юркевичъ*—съ 3-го сентября 1898 г., Тифлисскаго реальнаго училища, *Стахьевъ*—съ 1-го октября 1898 г., исправляющій должность помощника воспитателя пансіона Тифлисской 1-й гимназіи *Соколовскій* (Евгеній)—съ 1-го декабря 1898 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учителя Томской гимназіи: *Верховцевъ*—съ 15-го іюня 1897 г. и *Тыжновъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, учитель приготовительнаго класса Благовѣщенской гимназіи *Рождественскій*—съ 23-го января 1897 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе асессоры*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватель Императорской Царскосельской Николаевской гимназіи *Пановъ*—съ 12-го ноября 1895 г.; врачъ Свято-Троицкаго городскаго училища въ С.-Петербургѣ *Соловьевъ*—съ 31-го января 1896 г., хранитель минералогическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета *фонъ-Петцъ*—съ 23-го октября 1898 г., помощникъ классныхъ наставниковъ Императорской Царскосельской Николаевской гимназіи *Фишеръ*,—съ 1-го марта 1898 г.; по Одесскому учебному округу, учитель Одесскаго городскаго трехкласснаго караимскаго училища *Рыбаковъ*—съ 1-го августа 1897 г.; по Кавказскому учебному округу: врачъ Бакинскаго низшаго механико и химико-техническаго училища *Ларіоновъ*—съ 4-го октября 1887 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Кутаисской гимназіи, *Тенцовъ*—съ 1-го октября 1898 г.; Бакинскаго реальнаго училища, *Красноуховъ*—съ 1-го октября 1898 г., исправляющій должность помощника воспитателя пансіона Тифлисской 1-й гимназіи *Андріевъ*—съ 1-го ноября 1893 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учитель-завѣдывающій Копальскимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ *Архангельскій*—съ 15-го января 1896 г., приватъ-доцентъ при каѳедрѣ дѣтскихъ болѣзней Импера-

Библиотека "Руниверс"

торскаго Томскаго университета и врачъ Томскихъ мужской и женской гимназій *Тимашевъ*—съ 1-го января 1897 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники:* по С.-Петербургскому учебному округу: помощникъ инспектора студентовъ технологическаго института Императора Николая I *Высокоостровскій*—съ 24-го ноября 1898 г., лаборанты химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета: *Меншуткинъ*—съ 1-го октября 1898 г., техническаго отдѣленія *Мокіевскій*—съ 1-го января 1899 г., хранитель зоологическаго кабинета того же университета *Римскій-Корсаковъ*—съ 1-го ноября 1898 г., учителя городскихъ училищъ въ С.-Петербургѣ: Вознесенскаго: *Григорьевъ*—съ 1-го августа 1897 г. и *Петровъ*—съ 1-го февраля 1897 г., Коломенскаго (сверхштатный) *Александровъ*—съ 6-го сентября 1896 г., Царскосельскаго, *Ровинскій*—съ 1-го апрѣля 1897 г., чистописанія, училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны, въ С.-Петербургѣ, *Бейеръ*—съ 1-го января 1897 г., завѣдывающій Лодейнопольскимъ городскимъ училищемъ *Яковлевъ*—съ 1-го іюня 1894 письмоводитель Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи *Козьминъ*—съ 15-го іюня 1898 г.; по Одесскому учебному округу: учителя городскихъ училищъ: Одесскаго шестикласснаго, имени В. Н. Лигина, *Сетраковъ*—съ 1-го августа 1898 г., Николаевскаго четырехкласснаго, *Васютинскій*—съ 1-го октября 1898 г., Бобринецкаго трехкласснаго, *Долининъ*—съ 9-го декабря 1896 г., помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Бердянской *Серно-Соловьевичъ* (онъ же Соловьевичъ)—съ 15-го февраля 1897 г., Елисаветградской, *Завиновскій*—съ 26-го марта 1897 г.; письмоводитель Одесскаго реальнаго училища *Дунинъ-Марцинкевичъ*—съ 15-го октября 1893 г.; по Кавказскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Владикавказской гимназіи *Лерманъ*—съ 21-го января 1897 г.; учителя: приготовительнаго класса Эриванской учительской семинаріи, *Мухинъ*—съ 15-го января 1897 г.; Владикавказскаго Николаевскаго шестикласснаго городскаго училища, *Говоровъ*—съ 17-го августа 1894 г.; почетный смотритель Бакинскаго городскаго Михайловскаго трехкласснаго училища *Сапаровъ*—съ 20-го мая 1897 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учитель Бійскаго двухкласснаго городскаго училища *Михайловъ*—съ 16-го января 1887 г.; учитель-завѣдывающій Ленсинскимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ *Прокудинъ*—съ 1-го іюля 1892 г.; помощникъ учителя Бійскаго двухкласснаго городскаго училища (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Воронинъ*—съ 7-го августа 1894 г.; секретарь совѣта

Библиотека "Руниверс"

Императорскаго Томскаго университета *Кузнецовъ*—съ 8-го января 1899 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по С.-Петербургскому учебному округу, почетный смотритель городскаго училища въ Казанской части гор. С.-Петербурга *Альтгаузенъ*—съ 29-го октября 1894 г.; по Одесскому учебному округу: помощникъ библіотекаря Императорскаго Новороссійскаго университета *Шестериковъ*—съ 22-го декабря 1892 г.; почетный смотритель Бобринецкаго городскаго трехкласснаго училища *Бредюковъ*—съ 11-го марта 1898 г.; по Кавказскому учебному округу: помощникъ классныхъ наставниковъ Ставропольской гимназіи *Хмыловъ*—съ 26-го сентября 1898 г.; учителя: Кизлярскаго городскаго трехкласснаго училища, *Джапаридзе*—съ 1-го іюля 1898 г., начальнаго училища при Эриванской учительской семинаріи, *Суворовъ*—съ 23-го іюня 1898 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу, учитель Ялуторовскаго уѣзднаго училища *Холдинъ*—съ 4-го іюня 1896 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари:* по С.-Петербургскому учебному округу: помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Рябко*—съ 1-го августа 1897 г.; помощникъ учителя Олонецкаго двухкласснаго городскаго училища *Романовскій*—съ 23-го марта 1892 г.; по Одесскому учебному округу: учитель городскаго приходскаго училища предмѣстья гор. Одессы „Слободки Романовки", имени А. С. Пушкина, *Дубиновъ*—съ 26-го іюля 1898 г.; помощникъ учителя Симферопольскаго городскаго четырехкласснаго училища *Канаки*—съ 1-го марта 1897 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* по С.-Петербургскому учебному округу: учитель Вологодскаго, имени Колесникова, приходскаго городскаго училища *Якубовъ*—съ 22-го сентября 1897 г.; по Кавказскому учебному округу: учитель-завѣдывающій Балаханскимъ одноклассным училищемъ совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ *Трофимовъ*—съ 1-го іюля 1898 г.: учитель-смотритель Бакинской городской 3-й русско-татарской школы *Эфендіевъ*—съ 1-го сентября 1898 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: бывшій учитель, завѣдывавшій Токмакскимъ приходскимъ училищемъ Семирѣченской области (нынѣ въ отставкѣ) *Ровнягинъ*—съ 15-го августа 1896 г.; учитель Томскаго заозернаго мужскаго приходскаго училища *Леманкинъ*—со 2-го сентября 1897 года.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*: по С.-Петербургскому учебному округу: преподаватели: женскихъ гимназій: частной Стоюниной въ гор. С.-Петербургѣ, *Станевичъ*—съ 14 го декабря 1894 г., Архангельской Маріинской, *Прото-*

Библиотека "Руниверс"

*попов*ъ—съ 1-го августа 1894 г., Гельсингфорсской Маріинской, *Терентьев*ъ—съ 1-го декабря 1893 г., Великолуцкаго реальнаго училища, *Краснопольскій* — съ 1-го декабря 1894 г.; врачъ С.-Петербургской 1-й гимназіи, *Георгіевскій*—съ 16-го декабря 1895 года, по степени доктора медицины; по Кавказскому учебному округу: учитель 1-й Тифлисской Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны женской гимназіи *Кацкевич*ъ—съ 27-го декабря 1894 г.; воспитатель пансіона Ставропольской гимназіи *Котылевскій*—съ 21-го іюня 1894 г.; *титулярнаго совѣтника*: врачъ С.-Петербургскаго Сестрженцевичева уѣзднаго училища *Корабевич*ъ—съ 23-го октября 1893 г., по степени лекаря; по С.-Петербургскому учебному округу: хранитель анатомо-гистологическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета *Сентъ-Илер*ъ—съ 1-го декабря 1897 г., по степени магистра зоологіи; по Одесскому учебному округу: лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго Новороссійскаго университета *Петренко-Критченко* — съ 20-го февраля 1897 г., по степени магистра химіи; врачъ гимназіи Императора Александра III-го въ Бѣлградѣ, *Желъзко*—съ 8-го октября 1894 г., по степени лекаря; по Западно-Сибирскому учебному округу: лаборантъ при каѳедрѣ общей патологіи Императорскаго Томскаго университета *Дмитріевскій* — съ 20-го октября 1894 г.; врачъ Вѣрненской мужской гимназіи *Сперанскій* — съ 10-го декабря 1894 г.; ординаторъ факультетской терапевтической клиники Императорскаго Томскаго университета *Вершининъ* — съ 1-го января 1895 г., всѣ трое—по степени лекаря; *коллежскаго секретаря:* по С.-Петербургскому учебному округу: хранители кабинетовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета: агрономическаго, *Клюссъ*—съ 1-го ноября 1896 года, минералогическаго, *Сущинскій* — съ 1-го іюля 1898 г., соотомическаго, *Линко* и зоологическаго, *Шульцъ*, оба—съ 1-го ноября 1898 г., всѣ четверо по дипломамъ 1-й степени Императорскаго университета; почетный смотритель Нарвскаго городскаго училища *Ганъ* и лаборантъ химической лабораторіи Императорскаго С.-Петербургскаго университета баронъ *Вревскій*, оба—съ 1-го сентября 1898 г., первый, по степени кандидата правъ, а второй, по диплому 1-й степени Императорскаго университета; помощники классныхъ наставниковъ: Кронштадтскаго реальнаго училища, *Брюховъ*—съ 1-го сентября 1890 г., Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи *Голиковъ* — съ 1-го октября 1893 г.; учителя городскихъ училищъ: С.-Петербургскихъ: Андреевскаго, *Никоновъ*—съ 22-го августа 1894 г., Выборгскаго, *Сихвоненъ* и Петергофскаго, *Пятницкій*, оба—съ 1-го

Библиотека "Руниверс"

августа 1894 г.; по Одесскому учебному округу: лаборанты лабораторій Императорскаго Новороссійскаго университета: ботанической, *Зеленецкій*—съ 11-го декабря 1896 г., по степени кандидата естественныхъ наукъ Императорскаго университета, химической, *Писаржевскій*—съ 23-го сентября 1898 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; хранитель зоологическаго кабинета при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ *Линау*—съ 8-го августа 1898 г., по диплому 1-й степени Императорскаго университета; учителя городскихъ училищъ: Одесскаго шестиклассnаго имени В. Н. Лигина, *Пановъ*—съ 1-го сентября 1894 г.,, трехклассныхъ: Екатеринославскаго 2-го, *Іоришъ*—съ 24-го марта 1894 г., Очаковскаго, *Гайчукъ*—съ 1-го августа 1893 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Одесскаго реальнаго училища *Подгаецкій*—съ 1-го октября 1894 г.; по Кавказскому учебному округу, учитель приготовительнаго класса Бакинскаго реальнаго училища *Герасименко*—съ 1-го октября 1894 г.; по Западно-Сибирскому учебному округу: учитель завѣдывающій Пржевальскимъ двухклассnымъ городскимъ училищемъ *Яковлевъ*—съ 9-го сентября 1894 г.; бывшій учитель Новомосковскаго городскаго училища, нынѣ помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Томскаго университета *Краснянскій*—съ 24-го сентября 1894 г.; *губернскаго секретаря*: по Кавказскому учебному округу: смотритель-учитель Алтыскачскаго сельскаго нормальнаго двухклассnаго училища *Куракинъ*—съ 23-го ноября 1891 г.; учитель приготовительнаго класса Майкопской городской школы (бывшій, нынѣ въ отставкѣ) *Тамбіевъ*—съ 1-го августа 1892 г.; *коллежскаго регистратора*: по С.-Петербургскому учебному округу: домашніе учителя: *Сидоровъ*—съ 19-го января 1899 г., *Полетаевъ*—съ 16 января 1899 г.; по Одесскому учебному округу, помощникъ учителя Старо-Крымскаго городскаго одноклассnаго училища *Шматовъ*—съ 21-го сентября 1894 года.

(12-го марта 1899 г.) *Утверждается* статскій совѣтникъ *Швейцеръ*—вновь почетнымъ попечителемъ Порѣцкой учительской семинаріи, согласно избранію, на три года.

Умершій исключается изъ списковъ, директоръ Московскаго промышленнаго училища, статскій совѣтникъ *Крыловъ*, съ 16-го февраля.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: по Варшавскому учебному округу: учителя: мужскихъ гимназій: Лодзинской: *Броке*—съ 1-го сентября 1898 г. и *Карпинскій*—съ 1-го августа 1898 г., Холмской, *Боруц-*

Библиотека "Руниверс"

кій—съ 1-го сентября 1898 г., Маріампольской, *Георгіевскій*—съ 1-го января 1898 г., Варшавскаго реальнаго училища, *Михаловскій*—съ 1-го сентября 1898 г.; учитель-завѣдующій Ломжинской женской гимназіей *Говорко*—съ 26-го октября 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, учитель Красноярской мужской гимназіи *Гиршфельдъ*—съ 29-го сентября 1897 г.; по управленію учебными заведеніями Приамурскаго края, учитель Читинской женской гимназіи *Рябининъ*—съ 12-го сентября 1898 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: по Варшавскому учебному округу: учителя: гимназій: Люблинской мужской, *Чихановъ*—съ 13-го августа 1898 г., Варшавской 1-й женской, *Бородичъ*—съ 4-го декабря 1898 г., Замостской мужской прогимназіи, *Ярема*—съ 1-го августа 1898 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: по Варшавскому учебному округу: старшій помощникъ секретаря совѣта Императорскаго Варшавскаго университета *Турчиновичъ*—съ 1-го ноября 1898 г.; учителя мужскихъ гимназій: Варшавской 3-й, *Блюмъ*—съ 27-го августа 1896 г., Люблинской: *Краузе*—съ 4-го марта 1898 г. и *Нечаевъ*—съ 31-го декабря 1890 г.; учитель-инспекторъ Томашковскаго Александровскаго четырехкласснаго городскаго училища *Короткевичъ*—съ 13-го сентября 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: учителя: Енисейской женской гимназіи, *Лежинскій*—съ 15-го іюня 1897 г.; Енисейской мужской шестиклассной прогимназіи, *Автономовъ*—съ 21-го августа 1897 г., чистописанія Иркутской учительской семинаріи, *Болотовъ*—съ 15-го мая 1895 г.; наставникъ той же семинаріи *Сидоровъ*—съ 1-го августа 1897 г.; преподаватели Иркутскаго промышленнаго училища: *Маянскій*—съ 3-го апрѣля 1898 г., *Стадниковъ*—съ 1-го августа 1897 г., бывшій преподаватель, нынѣ почетный членъ попечительства при томъ же училищѣ. *Янчуковскій*—съ 19-го августа 1895 г.; по управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края, учитель Ташкентскаго реальнаго училища *Феннеръ*—съ 1-го октября 1898 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: по Варшавскому учебному округу: лекторъ Императорскаго Варшавскаго университета *Михайловъ*—съ 22-го февраля 1898 г.; секретарь правленія того же университета *Дегтяревъ*—съ 1-го января 1899 г.; штатный ординаторъ при госпитальной хирургической клиникѣ того же университета *Коцвткевичъ*—съ 10-го марта 1896 г.: учителя: мужскихъ гимназій: Варшавской 2-й, *Архангельскій*—съ 24-го ноября 1898 г., Люблинской, *Лопацинскій*—съ 1-го

Библиотека "Руниверс"

августа 1889 г., Варшавскаго реальнаго училища, *Францевъ*—съ 1-го августа 1897 г.; по управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края, помощникъ классныхъ наставниковъ Ташкентской мужской гимназіи *Васильевъ*—съ 1-го сентября 1897 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: по Варшавскому учебному округу: учителя: гимназій: Ченстоховской мужской, *Волынскій*—съ 24-го сентября 1898 г., женскихъ: Калишской, *Имшенецкій*—съ 1-го августа 1897 г., Ломжинской, *Промысловъ*—съ 13-го октября 1898 г., Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища: *Кувшиновъ* — съ 1-го августа 1898 г., чистописанія, *Лыткинъ*—съ 20-го октября 1898 г., Сосновицкаго реальнаго училища, *Троицкій*—съ 1-го августа 1898 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Люблинской мужской гимназіи *Назаровичъ*—съ 1-го октября 1895 г.; по управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края, учитель Перовскаго городскаго училища *Губачевъ*—съ 1-го іюля 1896 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: по Варшавскому учебному округу, исправляющій должность архиваріуса канцеляріи Плоцкой учебной дирекціи, *Зѣлинницкій*—съ 1-го ноября 1897 г.; писецъ и смотритель зданія Плоцкой женской гимназіи *Сускій*—съ 16-го марта 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края, учитель приготовительнаго класса Ташкентскаго реальнаго училища *Степановъ*—съ 1-го іюля 1895 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: смотритель и казначей Императорскаго россійскаго историческаго музея въ Москвѣ Имени Императора Александра III *Піотровскій* — съ 1-го января 1899 г.; по Варшавскому учебному округу, экономъ Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ *Козловъ*—съ 7-го декабря 1888 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: учителя: начальнаго училища при Иркутской учительской семинаріи, *Долгоруковъ*—съ 1-го іюля 1898 г., приходскихъ училищъ Иркутской губерніи: двухкласснаго Усольскаго, *Петровъ*—съ 24-го іюля 1894 г., Ново-Александровскаго, *Силантьевъ*—съ 25-го іюня 1895 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: по Одесскому учебному округу, письмоводитель и исправляющій должность бухгалтера Симферопольской мужской гимназіи *Цитовичъ*—съ 25-го декабря 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: учителя приходскихъ училищъ Иркутской губерніи: Осинскаго, *Наумовъ*—съ 10-го іюля 1894 г., Молькинскаго инородческаго, *Суходольскій*—съ 1-го августа 1893 г., Троицкаго, *Сухихъ*—съ 1-го сентября 1898 г., Ользоновскаго инородческаго, *Большедвор-*

Библиотека "Руниверс"

скій—съ 21-го іюля 1898 г.; письмоводитель Красноярской мужской гимназіи *Хромыхъ*—съ 15-го августа 1898 г.; по управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края: завѣдующій Чалдаварскимъ приходскимъ училищемъ *Голубевъ*—съ 1-го октября 1898 г.; надзиратель ученической квартиры при Ауліеатинскомъ городскомъ училищѣ *Леонтьевъ*—съ 1-го августа 1897 г.; завѣдующій 3-ею Ташкентскою русско-туземною школою *Машковцевъ*—съ 16-го октября 1898 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ, *коллежскаго совѣтника*, по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства, инспекторъ народныхъ училищъ Иркутской губерніи *Арцуновъ*—съ 26-го января 1898 г.; *коллежскаго ассессора*: по С.-Петербургскому учебному округу, преподаватель С.-Петербургской Введенской гимназіи *Конюченко*—съ 1-го февраля 1895 г.; по Варшавскому учебному округу: учителя гимназій: Плоцкой мужской, *Смочинскій*—съ 30-го октября 1894 г. (сверхштатный), Варшавской 2-й женской, *Богдановъ*—съ 25-го октября 1894 г.; по управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края, преподаватель Ташкентской мужской гимназіи *Дукмейеръ*—съ 1-го августа 1894 г.: *титулярнаго совѣтника*, по Варшавскому учебному округу, штатный ординаторъ при факультетской терапевтической клиникѣ Императорскаго Варшавскаго университета *Дамскій*—съ 27-го іюня 1894 г., по степени лекаря; *коллежскаго секретаря*: по Варшавскому учебному округу: инспекторъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Сиволобовъ*—съ 28-го января 1884 г., сверхштатный лаборантъ при второй каѳедрѣ общей химіи (по предмету органической химіи) Императорскаго Варшавскаго университета *Милобендзкій*—съ 25-го августа 1898 года, по степени кандидата Императорскаго университета; помощникъ классныхъ наставниковъ Варшавской 1-й мужской гимназіи *Пигулевскій*—съ 1-го января 1892 г.; бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ Варшавской 2-й мужской гимназіи, нынѣ учитель Пинчовской мужской прогимназіи *Ольшевскій*—съ 21-го октября 1894 г.; учитель пѣнія Холмской учительской семинаріи *Слюсаревскій*—съ 1-го августа 1893 г.; по управленію учебными заведеніями Иркутскаго генералъ-губернаторства: помощникъ классныхъ наставниковъ Красноярской мужской гимназіи *Купрессовъ*—съ 4-го іюня 1894 г.; *губернскаго секретаря*: по Варшавскому учебному округу: учителя: гимназій: женскихъ: сверхштатные: Варшавской 2-й, *Булашевъ*—съ 20-го января 1894 г.: Сѣдлецкой, *Пясецкій* и Ломжинской, *Левицкій*,

Библиотека "Руниверс"

оба съ 15-го августа 1894 г., Варшавской 3-й (штатный) *Добровъ*— съ 1-го августа 1893 г., приготовительнаго класса Варшавской 3-й мужской, *Черноземовъ*—съ 25-го іюля 1879 г., Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища *Смарагдовъ*—съ 15-го сентября 1894 г.; учитель-инспекторъ Сейнскаго трехкласснаго городскаго училища *Гринкевичъ*—съ 15-го августа 1894 г., изъ нихъ: Булашевъ, Пясецкій, Левицкій, Добровъ, Гринкевичъ, всѣ пятеро — по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго университета. Смарагдовъ — по диплому 2-й степени Императорскаго университета.

По Императорской Академіи Наукъ. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, старшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ городѣ Павловскѣ *Егоровъ*—съ 1-го января 1899 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, бухгалтеръ канцеляріи правленія академіи *Воробьевъ*—съ 1-го января 1899 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, младшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ городѣ Павловскѣ *Бейеръ* — съ 1-го декабря 1898 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: старшій помощникъ библіотекаря I отдѣленія библіотеки академіи *Срезневскій*—съ 10-го декабря 1897 г.; письмоводитель при II отдѣленіи академіи *Симони*—съ 6-го сентября 1898 г.; лаборантъ физическаго кабинета *Гольдбергъ*—съ 20-го января 1898 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: старшій препараторъ зоологическаго музея академіи *Приходко* (Сергѣй), смотритель главной физической обсерваторіи *Церна* и канцелярскій чиновникъ канцеляріи правленія той же академіи *Приходко* (Николай), всѣ трое—съ 1-го января 1899 г.; канцелярскій чиновникъ канцеляріи того же правленія *Майновъ*—съ 16-го октября 1898 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*. врачъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи *Крихъ*—съ 4-го іюня 1860 г., по степени доктора медицины; *титулярнаго совѣтника*, архитекторъ академіи *Бахъ*—съ 3-го іюня 1893 г., по званію академика архитектуры; *коллежскаго секретаря*, вычислитель отдѣленія станцій II разряда главной физической обсерваторіи *Прощинъ*—съ 1-го октября 1898 г.

Библиотека "Руниверс"

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

13. (10-го февраля 1899 года). *Циркулярное предложеніе господину попечителю учебнаго округа.*

Высочайше утвержденнымъ 8-го мая 1895 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта дано было разрѣшеніе включать въ проекты смѣтъ, подъ наименованіемъ „условныхъ", такіе кредиты, которые ко времени составленія смѣтъ не могли быть оправданы особыми штатами, положеніями и Высочайшими повелѣніями, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы этими назначеніями предусматривались лишь потребности вполнѣ неотложныя, чтобы предметомъ ихъ служили мѣропріятія, не требующія обширной предварительной разработки и подробнаго обсужденія въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ, и чтобы представленія, оправдывающія необходимость испрашиваемыхъ условныхъ кредитовъ, вносились въ государственный совѣтъ не позже 1-го ноября, предшествующаго смѣтному года.

Въ настоящее время департаментъ государственной экономіи государственнаго совѣта обратилъ вниманіе на то, что приведенное Высочайшее повелѣніе вызываетъ поступленіе значительнаго ежегодно возрастающаго количества представленій объ отпускѣ условныхъ кредитовъ въ послѣднихъ числахъ октября, когда названный департаментъ особенно обремененъ занятіями по разсмотрѣнію финансовыхъ смѣтъ.

Вслѣдствіе этого Высочайше утвержденнымъ 28-го декабря 1898 года заключеніемъ департамента государственной экономіи разъяснено, что 30-го октября должно считаться лишь крайнимъ предѣломъ для внесенія вышеуказанныхъ представленій, но что истинный смыслъ правилъ 1895 г. состоитъ въ томъ, чтобы такія представленія не откладывались до послѣдняго мѣсяца, а вносились равномѣрно въ теченіе всего года, причемъ особенно желательно, чтобы они поступали въ государственный совѣтъ еще въ продолженіе весенней его сессіи. Тѣмъ же заключеніемъ департамента государственной экономіи вмѣнено въ обязанность министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями принять зависящія отъ нихъ мѣры къ примѣненію указанныхъ выше правилъ 8-го мая 1895 г. по настоящему ихъ смыслу.

Сообщая объ изложенномъ заключеніи департамента государственной экономіи вашему превосходительству, вмѣстѣ съ тѣмъ считаю

Библиотека "Руниверс"

нужнымъ указать и на то, что представленія объ отпускѣ новыхъ кредитовъ должны быть вносимы министерствомъ въ государственный совѣтъ за нѣкоторое время до окончанія весенней сессіи, дабы они могли быть разсмотрѣны до наступленія каникулъ, и что этимъ представленіямъ всегда предшествуетъ болѣе или менѣе значительная переписка. Такъ, по всѣмъ дѣламъ объ отпускѣ какихъ-либо суммъ изъ казны требуется, какъ извѣстно, каждый разъ особое соглашеніе съ министерствомъ финансовъ; но, кромѣ того, какъ названному министерству, такъ и министерству народнаго просвѣщенія очень часто встрѣчается надобность обращаться по этимъ дѣламъ къ подчиненнымъ имъ мѣстнымъ учрежденіямъ съ просьбой о доставленіи дополнительныхъ свѣдѣній и разъясненій. Означенная предварительная переписка, вмѣстѣ съ изготовленіемъ представленія въ государственный совѣтъ, требуетъ иногда очень много времени, обыкновенно не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Вслѣдствіе этого министерство имѣетъ возможность вносить въ продолженіе весенней сессіи государственнаго совѣта представленія по всѣмъ ходатайствамъ, поступившимъ въ ноябрѣ; изъ числа же прочихъ—лишь по тѣмъ, которыя, будучи получены въ министерствѣ не позже января, въ то же время не вызываютъ надобности ни въ какой предварительной перепискѣ, кромѣ сношенія съ министерствомъ финансовъ.

По указаннымъ основаніямъ и во исполненіе вышеизложеннаго Высочайше утвержденнаго заключенія департамента государственной экономіи, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія о томъ, чтобы на будущее время представленія управленій учебныхъ округовъ объ испрошеніи новыхъ кредитовъ поступали въ министерство преимущественно въ теченіе ноября, а по менѣе сложнымъ дѣламъ, по которымъ не предвидится надобности въ значительной предварительной перепискѣ во всякомъ случаѣ, не позже января мѣсяца, предшествующаго смѣтному года.

Къ сему имѣю честь присовокупить, что по тѣмъ ходатайствамъ, которыя поступятъ послѣ указаннаго срока, министерство будетъ имѣть возможность вносить, какъ въ весеннюю, такъ и въ осеннюю сессіи государственнаго совѣта, лишь немногія представленія, въ первую—за недостаткомъ времени, а во-вторую—вслѣдствіе требованія департамента государственной экономіи о сокращеніи числа означенныхъ представленій; испрошеніе же кредитовъ по всѣмъ остальнымъ представленіямъ министерство принуждено будетъ откладывать до слѣдующаго смѣтнаго періода.

Библиотека "Руниверс"

14. (18-го февраля 1899 года). *Циркулярное предложеніе господину попечителю учебнаго округа.*

Циркулярнымъ предложеніемъ министерства народнаго просвѣщенія отъ 29-го января 1897 г., за № 2517, лицамъ домашняго воспитанія предоставлено право держать экзаменъ вмѣстѣ съ учениками среднихъ учебныхъ заведеній по всѣмъ предметамъ въ объемѣ учебныхъ программъ тѣхъ классовъ, курсъ которыхъ пройденъ ими при домашнемъ обученіи, при чемъ, въ случаѣ удовлетворительности испытаній, имъ выдается отъ учебнаго заведенія свидѣтельство съ обозначеніемъ въ немъ, что свидѣтельство это предоставляетъ тѣ же права, какія предоставлены какъ по гражданской службѣ, такъ и по отбыванію воинской повинности лицамъ, окончившимъ курсъ соотвѣтственныхъ классовъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ.

Признавая справедливымъ распространить дѣйствіе означеннаго циркуляра и на тѣхъ лицъ домашняго воспитанія, которыя держали испытанія въ среднемъ учебномъ заведеніи съ цѣлью поступить въ тотъ или другой классъ сего заведенія, выдержали это испытаніе удовлетворительно, но не поступили въ заведеніе за неимѣніемъ достаточнаго числа свободныхъ вакансій или по какимъ-либо другимъ причинамъ, я нахожу возможнымъ дополнить циркулярное предложеніе министерства народнаго просвѣщенія отъ 29-го января 1897 г. еще однимъ (10-мъ) пунктомъ слѣдующаго содержанія:

„Лица домашняго образованія, державшія при среднемъ учебномъ заведеніи экзаменъ съ цѣлью поступить въ это заведеніе и удовлетворительно выдержавшія пріемныя испытанія, но не поступившія въ заведеніе по неимѣнію вакансій или по другимъ причинамъ, также могутъ получать свидѣтельства, подобныя означеннымъ въ пунктахъ 4 и 8 приведеннаго циркуляра, при чемъ прошенія о выдачѣ таковыхъ свидѣтельствъ должны быть подаваемы на точномъ основаніи пункта 7-го сего циркуляра со всѣми указанными въ этомъ пунктѣ приложеніями".

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для зависящихъ распоряженій.

15. (12-го марта 1899 года). *Циркулярное предложеніе господину попечителю учебнаго округа.*

Въ 1886 г. Святѣйшимъ Синодомъ предпринято изданіе Новаго Завѣта на четырехъ языкахъ: греческомъ, славянскомъ, русскомъ и латинскомъ. Въ настоящее время вышелъ седьмой выпускъ сего изда-

Библиотека "Руниверс"

нія, заключающій въ себѣ посланія къ коринѳянамъ и галатамъ. Выпуски восьмой, въ которой имѣютъ войти остальныя посланія Св. Апостола Павла, и девятый, въ который войдетъ Откровеніе Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, приготовляются къ печати. Изданіе это предпринято Святѣйшимъ Синодомъ на пользу православныхъ христіанъ, ищущихъ „испытывати Писанія“ и въ пособіе россійскимъ отрокамъ и юношамъ къ изученію упомянутыхъ языковъ.

Объ этомъ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, покорнѣйше прося предложить начальствамъ мужскихъ гимназій и прогимназій пріобрѣсти означенное изданіе для своихъ библіотекъ, если они, по состоянію своихъ средствъ, признаютъ это возможнымъ, присовокупляя, что вышедшимъ семи выпускамъ Новаго Завѣта на четырехъ языкахъ Святѣйшимъ Синодомъ назначена цѣна 3 р. 50 коп., для учебныхъ же заведеній сдѣлана процентная уступка, а именно: 10 экземпляровъ отпускаются за 25 руб. (ок. 30%), 5 экземпляровъ за 13 р. 25 коп. (ок. 25%) и 1 экземпляръ за 3 руб. (ок. 15%) Учебнымъ заведеніямъ съ требованіями слѣдуетъ обращаться непосредственно въ С.-Петербургскую синодальную типографію, при чемъ пересылка книгъ будетъ производится казенной почтой.

16. (15-го марта 1899 года). *Циркулярное предложеніе господину попечителю учебнаго округа.*

Министерство финансовъ обратило свое вниманіе на то, что въ казначейства поступаютъ отъ разныхъ распорядительныхъ управленій ассигновки съ текстомъ, воспроизведеннымъ посредствомъ пишущей машины.

По мнѣнію государственнаго контроля, раздѣляемому и министерствомъ финансовъ, такой способъ воспроизведенія текста ассигновокъ не отвѣчаетъ значенію этихъ документовъ. Краска употребляемая на пишущихъ машинахъ, значительно уступаетъ въ прочности обыкновеннымъ черниламъ и легко поддается чисткѣ резиной. Кромѣ того, шрифтъ пишущихъ машинъ лишенъ тѣхъ индивидуальныхъ особенностей, какими отличаются почерки разныхъ лицъ, что, при возможности легко замѣнить текстъ подписанной уже ассигновки другимъ содержаніемъ, даетъ просторъ злоупотребленіямъ и, въ то же время, затрудняетъ раскрытіе послѣднихъ.

Въ виду изложеннаго министерство финансовъ, по соглашенію съ государственнымъ контролемъ, признавало бы возможнымъ, въ случаѣ частаго повторенія въ ассигновкахъ одного и того же текста допу-

Библиотека "Руниверс"

стить, для сокращенія канцелярскаго труда, пріемъ къ оплатѣ лишь такихъ ассигновокъ съ печатнымъ текстомъ, которыя изготовляются типографскимъ либо литографскимъ способами, но отнюдь не посредствомъ пишущей машины или гектографа, съ тѣмъ, однако, чтобы цифровыя данныя въ такихъ ассигновкахъ (смѣтный періодъ, параграфъ, сумма выдачи, рознаго рода удержанія) и фамилія кредитора были прописываемы непремѣнно отъ руки.

Сообщая объ этомъ, министерство финансовъ проситъ сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство предложить начальникамъ учебныхъ заведеній и учрежденій ввѣреннаго вамъ учебнаго округа руководствоваться на будущее время, при изготовленіи ассигновокъ, вышеизложенными указаніями министерства финансовъ и государственнаго контроля и ни въ какомъ случаѣ не отправлять въ казначейства ассигновокъ, воспроизведенныхъ на пишущей машинѣ или гектографѣ.

17. (7-го декабря 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы статскаго совѣтника Маріи Ѳедоровны Ушаковой при Казанской Ксенінской женской гимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., на проценты съ капитала въ *двѣ тысячи пятьсотъ* руб., пожертвованнаго вдовою статскаго совѣтника Маріею Ѳедоровною Ушаковой, учреждаются при Казанской Ксенінской женской гимназіи двѣ стипендіи для бѣдныхъ ученицъ изъ дворянъ Казанской губерніи.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ $3^1/_2\%$ закладныхъ листовъ государственнаго дворянскаго банка, составляетъ неотъемлемую собственность Казанской Ксенінской женской гимназіи и хранится въ казанскомъ отдѣленіи государственнаго банка, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала употребляются на взносъ платы за право обученія въ упомянутой гимназіи избранныхъ стипендіатокъ.

§ 4. Стипендіи предоставляются бѣднѣйшимъ ученицамъ изъ дво-

Библиотека "Руниверс"

рянъ Казанской губерніи, отличающимся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Въ случаѣ малоуспѣшности или дурнаго поведенія стипендіатокъ, попечительному совѣту предоставляется право лишать таковыхъ стипендіи и на мѣсто ихъ избирать другихъ.

§ 6. Выборъ стипендіатокъ предоставляется пожизненно жертвовательницѣ, а впослѣдствіи право назначать таковыхъ переходитъ къ попечительному совѣту гимназіи.

§ 7. Могущія образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатокъ никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Казанской Ксенінской женской гимназіи въ какое либо другое учебное заведеніе стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе этого послѣдняго, для употребленія по назначенію.

18. (9-го декабря 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго смоленскаго уѣзднаго предводителя дворянства Александра Александровича Гернгроса при Смоленской Маріинской женской гимназіи.*

(Утверждено г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., на проценты съ пожертвованнаго дворянствомъ Смоленскаго уѣзда капитала въ *девятьсотъ* руб. учреждается при Смоленской Маріинской женской гимназіи одна стипендія имени Александра Александровича Гернгроса.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ билетахъ 4% государственной ренты, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ смоленскомъ отдѣленіи государственнаго банка, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе избранной стипендіатки.

§ 4. Назначеніе стипендіатки предоставляется вдовѣ умершаго А. А. Гернгроса Еленѣ Григорьевнѣ Гернгросъ, а послѣ ея смерти попечительному совѣту гимназіи.

§ 5. Преимущественное право на полученіе этой стипендіи имѣютъ воспитанницы гимназіи изъ потомственныхъ дворянъ Смолен-

Библиотека "Руниверс"

скаго уѣзда, отличающіяся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 6. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ стипендіальнаго капитала остатки причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Смоленской Маріинской женской гимназіи въ какое либо другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе этого послѣдняго, для употребленія по назначенію.

19. (17-го декабря 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника К. П. Воскресенскаго при Верейскомъ трехклассномъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 года, при Верейскомъ городскомъ училищѣ учреждается, въ ознаменованіе 25 лѣтъ педагогической дѣятельности дѣйствительнаго статскаго совѣтника К. П. Воскресенскаго, одна стипендія его имени на проценты съ пожертвованнаго бывшими учениками К. П. Воскресенскаго капитала въ *триста* рублей.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты, по 100 руб. каждая, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища.

§ 3. Проценты съ стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, поступаютъ на уплату за ученіе одного стипендіата и ему на учебники и учебныя пособія.

§ 4. Право избранія стипендіата принадлежитъ, согласно желанію К. П. Воскресенскаго, общему собранію „общества бывшихъ воспитанниковъ реальнаго училища Воскресенскаго".

§ 5. Стипендіатъ избирается изъ числа учениковъ училища крестьянскаго сословія Петровской или другихъ волостей Верейскаго уѣзда, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и прилежаніемъ въ наукахъ.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки

Библиотека "Руниверс"

отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала присоединяются къ оному, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Верейскаго городскаго училища въ другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается сему заведенію, съ сохраненіемъ прежняго назначенія.

20. (21-го декабря 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени бывшаго городскаго и училищнаго врача Владиміра Михайловича Квасовскаго при Ольгопольскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ по положенію 26-го мая 1869 года.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., учреждается одна стипендія имени бывшаго городскаго и училищнаго врача В. М. Квасовскаго на проценты съ капитала въ *триста* рублей, пожертвованнаго почитателями покойнаго.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, по 100 руб. каждое, составляетъ неотъемлемую собственность училища и хранится въ мѣстномъ казначействѣ вмѣстѣ съ спеціальными средствами училища, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе въ упомянутомъ училищѣ избраннаго стипендіата или стипендіатки.

§ 4. Выборъ стипендіата или стипендіатки (по очереди, черезъ годъ) предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища.

§ 5. Стипендіей могутъ пользоваться бѣднѣйшіе изъ учащихся въ Ольгопольскомъ городскомъ училищѣ, пробывшіе въ училищѣ не менѣе года и достойные по успѣхамъ и поведенію.

§ 6. Могущіе образоваться по какому либо случаю остатки отъ стипендіи или могущіе быть взносы для той же стипендіи причисляются къ основному капиталу, для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата или стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Ольгопольскаго городскаго училища въ другое учебное заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ

Библиотека "Руниверс"

спеціальныя средства новаго учебнаго заведенія для употребленія по назначенію.

21. (22-го декабря 1898 года). *Положеніе о стипендіи имени вдовы коллежскаго совѣтника Софіи Федоровны Урель въ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г. учреждается въ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны С.-Петербургѣ стипендія имени вдовы коллежскаго совѣтника С. Ф. Урель на проценты съ пожертвованнаго ею капитала въ *три тысячи семьсотъ сорокъ одинъ* руб. *восемьдесятъ восемь* коп.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, составляетъ неотъемлемую собственность церкви св. Анны и находится въ завѣдываніи церковнаго ея совѣта.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 г., употребляются на взносъ платы за ученіе въ означенномъ училищѣ избранной стипендіатки.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ бѣднѣйшихъ ученицъ училища, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ, при чемъ стипендія сохраняется за стипендіаткою въ теченіе всего времени пребыванія ея въ училищѣ.

§ 5. Выборъ стипендіатки предоставляется усмотрѣнію педагогическаго совѣта училища.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки не причисляются къ капиталу, а накапливаются и выдаются стипендіаткѣ при окончаніи ею курса въ училищѣ.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

§ 8. Въ случаѣ закрытія училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны, выдача стипендіи прекращается, а пожертвованный капиталъ поступаетъ въ полное распоряженіе церковнаго совѣта.

Библиотека "Руниверс"

22. (30-го декабря 1898 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени тайнаго совѣтника Евгенія Васильевича Богдановича при Муромскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 5-го декабря 1881 года и 27 мая 1897 года при Муромскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ учреждаются двѣ стипендіи имени тайнаго совѣтника Евгенія Васильевича Богдановича, на проценты съ капитала въ *триста* руб. ассигнованнаго Муромской городской думой.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ трехъ билетахъ 4% государственной ренты, хранится въ Муромскомъ уѣздномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ названнаго училища и, составляя его собственность, остается навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе двухъ учениковъ названнаго училища и на выдачу имъ пособія.

§ 4. Стипендіи выдаются ученикамъ училища, изъ бѣднѣйшихъ гражданъ города Мурома, отличающимся хорошимъ поведеніемъ и удовлетворительными успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Въ случаѣ неуспѣшности стипендіатовъ въ наукахъ или неодобрительнаго ихъ поведенія педагогическому совѣту училища предоставляется право лишать ихъ стипендіи и сообщать городской думѣ о назначеніи другихъ учениковъ болѣе достойныхъ.

§ 6. Выборъ стипендіатовъ предоставляется усмотрѣнію Муромской городской думы, по представленію педагогическаго совѣта училища.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Муромскаго городскаго трехкласснаго училища въ какое либо другое заведеніе, стипендіальный капиталъ передается въ вѣдѣніе этого послѣдняго для употребленія по назначенію.

§ 10. Въ случаѣ закрытія Муромскаго городскаго училища, капиталъ передается въ другое учебное заведеніе по усмотрѣнію Муромской городской думы.

Библиотека "Руниверс"

23. (8-го января 1899 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени Елизаветы Ивановны Короваевой при Вятской Маріинской женской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшихъ повелѣній 6-го декабря 1881 г. и 26-го мая 1897 г., при Вятской Маріинской женской гимназіи учреждается четыре стипендіи имени Елизаветы Ивановны Короваевой на проценты съ капитала въ *двѣ тысячи* руб., завѣщаннаго вятскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Ильичемъ Короваевымъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4% государственной рентѣ, хранится въ Вятскомъ губернскомъ казначействѣ и составляетъ неотъемлемую собственность гимназіи, оставаясь неприкосновеннымъ на вѣчныя времена.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на взносъ платы за ученіе въ гимназіи избранныхъ стипендіатокъ.

§ 4. Стипендіатки избираются изъ числа бѣднѣйшихъ учениць Вятской Маріинской женской гимназіи, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ.

§ 5. Назначеніе стипендій начинается съ того времени, когда проценты съ капитала будутъ достаточны для уплаты за ученіе четырехъ учениць гимназіи.

§ 6. Право избранія стипендіатокъ, равно какъ и лишеніе ихъ стипендій, предоставляется попечительному совѣту названной гимназіи.

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала остатки прибавляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 8. Пользованіе сими стипендіями не налагаетъ никакихъ обязательствъ на стипендіатокъ.

24. (5-го февраля 1899 г.) *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Антона Даниловича Люстиха при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *пять тысячъ* руб., пожертвованнаго по духовному завѣщанію потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Антономъ Даниловичемъ Люстихомъ, учреждается при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ одна стипендія имени завѣщателя.

Библиотека "Руниверс"

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты, хранится въ Харьковскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Годовой размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ процентныхъ денегъ со стипендіальнаго капитала въ годъ, за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго сбора по закону 20-го мая 1885 года.

§ 4. Стипендіей могутъ пользоваться студенты всѣхъ факультетовъ Харьковскаго университета, православнаго исповѣданія, бѣдные уроженцы Крыма, удовлетворяющіе требованіямъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ студентамъ университетовъ.

§ 5. Избраніе стипендіата предоставляется правленію университета.

§ 6. Могущіе образоваться отъ временнаго незамѣщенія стипендіи остатки должны быть присоединяемы къ стипендіальному капиталу для образованія, съ теченіемъ времени, второй стипендіи на счетъ процентовъ съ возросшаго капитала.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

25. (11-го февраля 1899 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени контръ-адмирала Геннадія Александровича Ратькова-Рожнови и супруги его Надежды Андреевны при Нижегородскомъ Владимірскомъ среднемъ механико-техническомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ *двѣ тысячи семьсотъ* руб., пожертвованнаго Александромъ Геннадіевичемъ, Андреемъ Геннадіевичемъ, Маріей Геннадіевной Ратьковыми-Рожновыми и Пелагеей Геннадіевной Сосновской, учреждаются въ среднемъ механико-техническомъ училищѣ, состоящемъ при Нижегородскомъ Владимірскомъ реальномъ училищѣ, въ память родителей названныхъ лицъ—отца контръ—адмирала Геннадія Александровича и матери Надежды Андреевны Ратьковыхъ-Рожновыхъ двѣ стипендіи (одна имени отца, а другая имени матери) на слѣдующихъ основаніяхъ.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ механико-техническаго училища, составляя его неотъемлемую собственность.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ въ казну государственнаго 5% сбора, по закону 20-го мая 1885 года,

Библиотека "Руниверс"

употребляются на уплату за право ученія двухъ стипендіатовъ по равной части.

§ 4. Стипендіи предоставляются ученикамъ механико-техническаго училища православнаго вѣроисповѣданія изъ дѣтей лицъ, служащихъ въ пароходномъ обществѣ „Самолетъ". Въ случаѣ же ликвидаціи дѣлъ означеннаго общества стипендіи предоставляются ученикамъ православнаго исповѣданія изъ дѣтей лицъ, служащихъ въ другихъ пароходныхъ обществахъ на Волгѣ.

§ 5. Стипендіаты могутъ быть лишаемы стипендіи, какъ въ пользу другихъ болѣе нуждающихся кандидатовъ, такъ и въ пользу кандидатовъ, болѣе достойныхъ стипендій по своимъ успѣхамъ и поведенію. Оставленіе стипендіатовъ на второй годъ въ однихъ и тѣхъ же классахъ по уважительной причинѣ не лишаетъ учениковъ права пользоваться стипендіями.

§ 6. Выборъ стипендіатовъ и лишеніе ихъ стипендій принадлежитъ управляющему пароходствомъ общества „Самолетъ" по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ училища, а въ случаѣ ликвидаціи дѣлъ названнаго общества—педагогическому совѣту.

§ 7. Если въ механико-техническомъ училищѣ не окажется учениковъ изъ дѣтей лицъ, имѣющихъ по § 4 право пользоваться стипендіями, то поступающій по стипендіямъ доходъ причисляется къ стипендіальному капиталу, а проценты по этому доходу, равно какъ и остатки отъ стипендій, выдаются стипендіатамъ на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій, платья и обуви.

§ 8. Когда стипендіальный капиталъ отъ присоединенія къ нему дохода по незамѣщеннымъ стипендіямъ достигнетъ такого размѣра, что процентовъ по каждой стипендіи будетъ получаться 100 рублей въ годъ, то могущій быть вновь доходъ по незамѣщеннымъ стипендіямъ обращается на составленіе капитала для учрежденія новыхъ стипендій имени контръ-адмирала Г. А. Ратькова-Рожнова и супруги его Н. А. Ратьковой-Рожновой.

§ 9. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

26. (12-го февраля 1899 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени ихъ Императорскихъ Величествъ при Шушинскомъ реальномъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *три тысячи восемьсотъ* руб., пожертвованнаго жителями города Шуши и привилегиро-

Библиотека "Руниверс"

ваннымъ сословіемъ Шушинскаго уѣзда, учреждаются при Шушинскомъ реальномъ училищѣ двѣ одинаковыхъ стипендіи Имени ихъ Императорскихъ Величествъ.

Примѣчаніе. Означенный капиталъ заключается въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, и на обязанности начальства училища лежитъ забота о томъ, чтобы билеты, вышедшіе въ тиражъ, были своевременно обмѣнены на другія таковыя же бумаги.

§ 2. Обезпечивающій стипендіи капиталъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Шушинскаго реальнаго училища. Проценты съ этого капитала, составляющіе стипендіи, за удержаніемъ 5% государственнаго сбора, выдаются стипендіатамъ два раза въ годъ: въ январѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ равными частями.

Примѣчаніе. Пользованіе стипендіей не препятствуетъ освобожденію стипендіата отъ платы за право ученія, если педагогическій совѣтъ найдетъ это необходимымъ.

§ 3. Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту училища.

§ 4. Стипендіатъ избирается изъ числа бѣдныхъ учениковъ училища, безъ различія вѣроисповѣданія и національности.

§ 5. Стипендіатъ въ теченіе всего времени пользованія стипендіею долженъ отличаться вполнѣ безукоризненнымъ поведеніемъ и оказывать удовлетворительные успѣхи въ наукахъ. Въ противномъ случаѣ производство стипендіи прекращается и въ стипендіаты избирается другой ученикъ. Стипендіатъ, оставленный въ томъ же классѣ на 2-й годъ, сохраняетъ право на стипендію въ томъ только случаѣ, если педагогическій совѣтъ признаетъ, что непереходъ его въ слѣдующій классъ произошелъ по уважительной причинѣ.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ присоединяются къ стипендіальному капиталу и, по накопленіи въ достаточномъ количествѣ, обращаются въ государственныя процентныя бумаги.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. Если Шушинское реальное училище будетъ преобразовано въ какое-либо другое учебное заведеніе, то стипендіи сохраняются въ этомъ послѣднемъ на тѣхъ же основаніяхъ. Въ случаѣ же совершеннаго упраздненія реальнаго училища въ Шушѣ, стипендіи переносятся въ другое учебное заведеніе министерства народнаго просвѣ-

Библиотека "Руниверс"

щенія, по соглашенію попечителя учебнаго округа съ Шушинскимъ городскимъ обществомъ и привилегированнымъ сословіемъ Шушинскаго уѣзда.

27. (12-го февраля 1899 года). *Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Константина Никитича Лытикова при Рыбинскомъ механико-техническомъ училищѣ и ремесленной при немъ школѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Комарова.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу двѣсти рублей*, собраннаго по подпискѣ Рыбинскимъ городскимъ обществомъ, учреждаются при Рыбинскомъ механико-техническомъ училищѣ и ремесленной при немъ школѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Комарова стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Константина Никитича Лытикова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ двухъ свидѣтельствахъ государственной 4% ренты и хранящійся въ Рыбинскомъ отдѣленіи государственнаго банка, составляетъ собственность механико-техническаго училища дѣйствительнаго статскаго совѣтника Комарова и остается навсегда неприкосновеннымъ.

Примѣчаніе. Педагогическому совѣту училища предоставляется право обмѣна свидѣтельствъ государственной 4% ренты на другія правительственныя, или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, если онъ найдетъ это нужнымъ въ цѣляхъ увеличенія размѣра стипендіи.

§ 3. Проценты съ капитала, за вычетомъ изъ нихъ въ казну 5% государственнаго налога по закону 20-го мая 1885 года, поступаютъ на взносъ платы за право ученія, а въ случаѣ надобности и за содержаніе учениковъ техническаго училища дѣйствительнаго статскаго совѣтника Комарова.

§ 4. Стипендіями могутъ пользоваться исключительно православнаго вѣроисповѣданія, бѣднѣйшіе, способные и отличнаго поведенія ученики.

§ 5. Право выбора стипендіатовъ принадлежитъ пожизненно почетному гражданину Константину Никитичу Лытикову по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ училища, а по смерти его педагогическому совѣту, при чемъ преимущество при выборѣ отдается уроженцамъ г. Рыбинска.

§ 6. Стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія курса въ

Библиотека "Руниверс"

училищѣ или выхода его по какимъ-либо причинамъ изъ училища, но во время пребыванія его въ училищѣ можетъ быть и лишенъ стипендіи по постановленію педагогическаго совѣта за неодобрительное поведеніе и неудовлетворительные, безъ уважительной причины, успѣхи въ наукахъ.

§ 7. Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

28. (15-го февраля 1899 г.). *Положеніе о стипендіяхъ профессора бывшаго Виленскаго университета Захарія Нѣмчевскаго при Ковенской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи п. 14 духовнаго завѣщанія профессора бывшаго Виленскаго университета Захарія Нѣмчевскаго, составленнаго имъ 30 ноября 1820 года, учреждаются при бывшей Крожской, а нынѣ Ковенской гимназіи четыре стипендіи его имени, по 200 рублей каждая, на счетъ процентовъ съ капитала въ *двадцать одну тысячу тридцать рублей*, образовавшагося изъ пожертвованной Нѣмчевскимъ на сей предметъ суммы въ 3866 руб. и приращеній оной ежегодными свободными остатками.

Примѣчаніе. Размѣръ стипендій въ 200 руб. можетъ быть увеличенъ или уменьшенъ, сообразно количеству $^0/_0$, получаемыхъ съ капитала.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность Ковенской гимназіи, остается на вѣчное время неприкосновенно и хранится въ государственныхъ процентныхъ билетахъ въ Ковенскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Правомъ на полученіе стипендій пользуются наиболѣе бѣдные родственники завѣщателя, носящіе фамилію „Нѣмчевскихъ", а въ случаѣ отсутствія таковыхъ, ближайшіе родственники его изъ другихъ фамилій: Кутынскихъ, Старцевъ, Рогальскихъ, Болондзь, Марцинкевичей, Губилевичей, Павловичей, Цѣмполонскихъ, Бутвидъ и Добошинскихъ.

Примѣчаніе. Стипендіаты пользуются стипендіями только до окончанія ими курса гимназіи. Стипендіи выдаются стипендіатамъ одинъ разъ въ годъ, 23-го апрѣля.

§ 4. Выборъ и назначеніе стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту гимназіи.

Библиотека "Руниверс"

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала причисляются къ капиталу для увеличенія стипендій.

§ 6. Въ случаѣ преобразованія Ковенской гимназіи въ какое-либо другое среднее учебное заведеніе, капиталъ съ процентами поступаетъ въ вѣдѣніе этого заведенія для той же цѣли; если же, по какимъ-либо обстоятельствамъ, Ковенская гимназія будетъ совершенно закрыта, то таковые передаются съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое среднее учебное заведеніе Ковенской губерніи, по усмотрѣнію попечителя Виленскаго учебнаго округа.

§ 7. Могущія возникнуть какія-либо недоразумѣнія при назначеніи стипендій разрѣшаются попечителемъ Виленскаго учебнаго округа.

29. (15-го февраля 1899 года). *Положеніе о стипендіяхъ доктора философіи Іосифа Володзько при Ковенской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ память доктора философіи Іосифа Володзько учреждаются при бывшей Крожской, а нынѣ Ковенской гимназіи, три стипендіи его имени, по 70 руб. въ годъ каждая, для учениковъ гимназіи и одна въ 130 руб. для студента одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, на счетъ процентовъ съ капитала въ *шесть тысячъ шестьдесятъ два рубля*, изъ коихъ 5.850 руб. образовались изъ свободныхъ остатковъ отъ аренды, получаемой съ завѣщаннаго Іосифомъ Володзько дома и 212 руб. изъ самой аренды съ означеннаго дома.

Примѣчаніе. Размѣръ стипендій, опредѣленныхъ п. 1-мъ, можетъ быть увеличенъ или уменьшенъ, сообразно количеству доходовъ, получаемыхъ съ капитала и дома.

§ 2. Наличный капиталъ и арендная плата съ дома, составляя неотъемлемую собственность Ковенской гимназіи, остаются на вѣчное время неприкосновенными и хранятся въ Ковенскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

Примѣчаніе. Въ случаѣ продажи дома, вырученная за оный сумма обращается въ билеты государственнаго банка и пріобщается къ наличному капиталу.

§ 3. Правомъ на полученіе стипендій пользуются всѣ родственники завѣщателя безъ различія ихъ званія и состоянія, но преимущество передъ другими имѣютъ потомки ближайшихъ его родственниковъ, а именно: Антона Рогальскаго, Семена Судзя, Емиліи — по первому

Библиотека "Руниверс"

мужу Угинтовичъ, а по второму—Мацкевичъ, Іосифа Папера, Марьяны Борткевичъ и Викентія Піотровскаго. Доказательствомъ родства служатъ свидѣтельства настоятелей приходовъ, къ которымъ принадлежатъ лица, предъявляющія свои права на стипендію. За отсутствіемъ же родственниковъ завѣщателя, гимназическія стипендіи назначаются и другимъ завѣдомо бѣднымъ ученикамъ Ковенской гимназіи христіанскихъ исповѣданій, безъ различія ихъ званія, но съ тѣмъ, что если явится родственникъ завѣщателя, то посторонній ученикъ уступаетъ ему стипендію.

§ 4. Университетская стипендія выдается только родственнику завѣщателя, окончившему курсъ гимназіи и пользовавшемуся стипендіей его имени. Если же таковыхъ будетъ нѣсколько, то первенство предоставляется тому изъ нихъ, который, по мнѣнію педагогическаго совѣта, окажется наиболѣе способнымъ къ наукамъ.

Стипендіи выдаются стипендіатамъ два раза въ годъ, въ началѣ каждаго учебнаго полугодія.

§ 5. Выборъ и утвержденіе стипендіатовъ предоставляется педагогическому совѣту Ковенской гимназіи, по свидѣтельству настоятелей приходовъ, при чемъ педагогическій совѣтъ можетъ назначить стипендію воспитанникамъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній Виленскаго учебнаго округа при непремѣнномъ условіи, если они будутъ состоять въ родствѣ съ завѣщателемъ.

§ 6. Гимназическими стипендіями пользуются стипендіаты до окончанія ими курса гимназіи, а университетской стипендіей—только четыре года; пятый же годъ можетъ быть выдаваема послѣднему стипендія только въ такомъ случаѣ, если стипендіатъ университета будетъ заслуживать этого по своему поведенію и если не будетъ другаго изъ окончившихъ курсъ гимназіи съ правомъ на стипендію.

§ 7. Могущіе образоваться, за удовлетвореніемъ наличнаго состава стипендіатовъ, остатки отъ получаемыхъ съ капитала и дома доходовъ, обращаются на выдачу единовременныхъ пособій: а) стипендіату гимназіи изъ родственниковъ завѣщателя на путевыя издержки, по окончаніи гимназическаго курса, въ размѣрѣ *двадцати* рублей, и б) на приданое дочерямъ ближайшихъ несостоятельныхъ родственниковъ завѣщателя, въ размѣрѣ *ста пятьдесяти* руб. каждой. Если же не окажется лицъ, имѣющихъ право воспользоваться этими пособіями, то всѣ остатки, образующіеся за удовлетвореніемъ стипендіатовъ, причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

Библиотека "Руниверс"

Примѣчаніе. Правомъ на полученіе приданаго въ размѣрѣ *ста пятьдесяти* руб. пользуются дочери ближайшихъ и притомъ несостоятельныхъ родственниковъ завѣщателя, упоминаемыхъ въ 3-мъ пунктѣ настоящаго Положенія, выходящія замужъ за дворянина, но только въ томъ лишь случаѣ, если будутъ свободные остатки отъ стипендіи, назначаемой студенту одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній.

§ 8. Въ случаѣ преобразованія Ковенской гимназіи въ какое-либо другое среднее учебное заведеніе, капиталъ съ процентами и домъ, находящійся въ городѣ Вильнѣ, по Покровской улицѣ подъ № 121, поступаютъ въ вѣдѣніе этого заведенія для той же цѣли. Если же по какимъ-либо обстоятельствамъ Ковенская гимназія будетъ совершенно закрыта, то таковые передаются въ другое среднее заведеніе Ковенской губерніи, по усмотрѣнію попечителя Виленскаго учебнаго округа.

§ 9. Могущія возникнуть какія-либо недоразумѣнія при выполненіи означеннаго Положенія разрѣшаются попечителемъ Виленскаго учебнаго округа.

30. (15-го февраля 1899 года). *Положеніе о стипендіяхъ ротмистра Іосифа Радвилловича при Ковенской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи п. 3 духовнаго завѣщанія ротмистра Іосифа Радвилловича, составленнаго 17-го ноября 1819 года и того же числа явленнаго въ Россіенскомъ земскомъ судѣ, учреждаются при бывшей Крожской, а нынѣ Ковенской гимназіи двѣ стипендіи его имени, по 45 руб. каждая на счетъ процентовъ съ капитала въ *двѣ тысячи пятьсотъ пятьдесятъ* руб., образовавшагося изъ пожертвованной Радвилловичемъ суммы 1.500 руб. и приращеній къ ней отъ свободныхъ остатковъ.

Примѣчаніе. Размѣръ стипендій въ 45 руб. можетъ быть увеличенъ или уменьшемъ, сообразно количеству процентовъ, получаемыхъ съ капитала.

§ 2. Капиталъ, составляя неотъемлемую собственность Ковенской гимназіи, остается на вѣчное время неприкосновеннымъ и хранится въ $^0/_0$ билетахъ въ ковенскомъ губернскомъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

§ 3. Правомъ на полученіе стипендій пользуются дѣти завѣдомо бѣдныхъ дворянъ, не имѣющихъ собственныхъ средствъ на воспи-

Библиотека "Руниверс"

таніе ихъ въ гимназіи, но при этомъ первенство предъ другими отдается происходящимъ изъ рода завѣщателя Радвилловича.

§ 4. Выборъ и назначеніе стипендіатовъ предоставляется дворянину Ѳедору Юшкевичу и его наслѣдникамъ. За прекращеніемъ же рода Юшкевича, право выбора и назначенія стипендіатовъ переходитъ къ педагогическому совѣту гимназіи.

§ 5. Стипендіаты пользуются означенными стипендіями не болѣе шести лѣтъ, по истеченіи которыхъ на ихъ мѣсто избираются новые стипендіаты порядкомъ, указаннымъ въ предыдущемъ параграфѣ.

Примѣчаніе. Стипендіи выдаются стипендіатамъ одинъ разъ въ годъ 23-го апрѣля.

§ 6. Могущіе образоваться, за удовлетвореніемъ наличнаго состава стипендіатовъ, остатки отъ $^0/_0$, получаемыхъ съ капитала, причисляются къ капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 7. Въ случаѣ преобразованія Ковенской гимназіи въ какое-либо другое среднее учебное заведеніе, капиталъ съ процентами остается въ томъ же заведеніи и для той же цѣли; если же по какимъ-либо обстоятельствамъ Ковенская гимназія будетъ совершенно закрыта, то таковой передается съ тѣмъ же назначеніемъ въ другое среднее заведеніе Ковенской губерніи, ближайшее отъ мѣстечка Кроже, по усмотрѣнію попечителя Виленскаго учебнаго округа.

§ 8. Могущія возникнуть какія-либо недоразумѣнія при назначеніи стипендій разрѣшаются попечителемъ Виленскаго учебнаго округа.

31. (17-го февраля 1899 года). *Положеніе о пятой стипендіи имени поэта В. А. Жуковскаго при Тульской мужской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ память заслугъ В. А. Жуковскаго на поприщѣ русской литературы и особенно поэзіи учреждается при Тульской мужской гимназіи, въ добавокъ къ существующимъ при оной четыремъ стипендіямъ, еще одна стипендія имени В. А. Жуковскаго на счетъ процентовъ, въ количествѣ *314* руб., остающихся свободными вслѣдствіе увеличенія стипендіальнаго капитала, составившагося изъ остатковъ отъ сдѣланныхъ почитателями таланта поэта пожертвованій на сооруженіе ему надгробнаго памятника.

§ 2. Получающій эту стипендію именуется стипендіатомъ В. А. Жуковскаго.

§ 3. На стипендію могутъ быть опредѣлены только дѣти потомственныхъ дворянъ Тульской губерніи, Бѣлевскаго уѣзда.

Библиотека "Руниверс"

§ 4. Назначеніе стипендіата предоставляется тульскому губернскому предводителю дворянства, по предварительному соглашенію съ Бѣлевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

§ 5. Стипендіатъ сохраняетъ право на полученіе стипендіи во все продолженіе своего обученія въ гимназіи и можетъ потерять это право только въ случаѣ, если по нерадѣнію, или неспособности, или по какимъ-либо другимъ причинамъ онъ не будетъ признанъ достойнымъ перевода въ слѣдующій классъ, однакожъ не иначе, какъ по постановленію педагогическаго совѣта гимназіи и съ утвержденія попечителя Московскаго учебнаго округа.

§ 6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: „*Г. Я. Юревичъ.* Курсъ элементарной алгебры и систематическій сборникъ алгебраическихъ задачъ. Часть I. Юрьевъ. 1894. Стр. IV + 279. Цѣна 80 коп. — Часть II. Стр. 279. Цѣна 80 коп.“ — допустить какъ руководство при прохожденіи алгебры. (Повторяется въ виду неправильно напечатаннаго имени автора въ февральской книжкѣ).

— Книгу: „*Л. Манженъ.* Элементарная ботаника. Переводъ съ 3-го французскаго изданія *Н. И. Мамонтова* подъ редакціей *А. Н. Петунникова* съ 2 хромолитографическими таблицами, 444 политипажами и 2 картами распредѣленія растеній. М. 1899. Стр. XIV + 392 + VIII. Цѣна 2 р. 50 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ (средняго и старшаго возраста) библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. (Повторяется въ виду неправильно напечатаннаго въ мартовской книжкѣ опредѣленія ученаго комитета).

— Книжку: „Глаголы въ нѣмецкомъ языкѣ; ихъ образованіе, классификація и особенности спряженія. Составилъ *А. Говоровъ*, проф. Казанской духовной академіи. Казань. 1899. Стр. II + 67. Цѣна

Библиотека "Руниверс"

40 коп." — рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книжку: „Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Говардъ. Его жизнь и общественно-филантропическая дѣятельность. Біографическій очеркъ *Г. Б. Сліозберга*. Съ портретомъ Говарда, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ. С.-Пб. 1891. Стр. 71. Цѣна 25 коп." — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ и допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Теорія поэзіи. *П. Житецкаго*. Кіевъ. 1898. Стр. II+292. Цѣна 1 руб." — одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Очерки изъ исторіи поэзіи. (Пособіе для изученія теоріи поэтическихъ произведеній). *П. Житецкаго*. Кіевъ. 1898. Стр. 5+273. Цѣна 1 руб." — одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книжку: „Памятная книжка православнаго христіанина о Святой Библіи (объ ея богодухновенности, о происхожденіи, содержаніи входящихъ въ составъ ея книгъ и достодолжномъ къ ней отношеніи) законоучителя Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая священника *Іоанна Соловьева*. Второе дополненное и исправленное изданіе. М. 1898. Стр. 63. Цѣна 30 коп." — одобрить для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Библіотека „Дѣтскаго Чтенія". Національная героиня Франціи. (Жанна д'Аркъ). Біографическій очеркъ *Ив. Ив. Иванова*. Съ двѣнадцатью рисунками. Изданіе редакціи журнала „Дѣтское Чтеніе" М. 1898. Стр. 108. Цѣна 30 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ и допустить въ ученическія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ, въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ школъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*А. Манцони*. Обрученные. (Promessi sposi). Романъ. Переводъ съ итальянскаго *Е. Некрасовой*. С.-Пб. 1899. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 546. Цѣна 1 р. 25 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и допустить въ учительскія библіотеки всѣхъ низ-

Библиотека "Руниверс"

шихъ училищъ того же министерства и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „Энциклопедическій словарь, издаваемый акціонернымъ обществомъ „Издательское Дѣло", бывш. „Брокгаузъ и Ефронъ", начатый подъ редакціей проф. *И. Е. Андреевскаго* и заслуженнаго проф. *Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго* (вышло 50 полутомовъ; цѣна каждаго полутома 3 р. въ переплетѣ и 2 р. 70 коп. безъ переплета)"—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ.

— Книжку: „Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и холя. Руководство для учащихся съ 10-ю таблицами рисунковъ и 44-мя отдѣльными политипажами въ текстѣ. Составилъ д-ръ *К. Бокъ*, бывшій профессоръ патологической анатоміи въ Лейпцигѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею *І. Паульсона*. Одиннадцатое изданіе, исправленное. С.-Пб. 1898. Стр. VII + 216. Цѣна 40 коп."—допустить въ ученическія библіотеки средне-учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки народныхъ школъ и въ безплатныя читальни.

— Книжку: „Книга для экскурсій. Руководство къ набивкѣ чучелъ, собиранію насѣкомыхъ, растеній и вообще, къ постановкѣ коллекцій трехъ царствъ природы. Составилъ *Николай Сорокинъ* по Карлу Глазелю. Съ 19-ю рисунками въ текстѣ. Изданіе пятое, дополненное. Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина. М. 1899. Стр. VI + 144. Цѣна 40 коп."—одобрить для учительскихъ библіотекъ тѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, въ которыхъ преподается естествознаніе.

— Изданные *Иваномъ Поддубнымъ* два портрета А. С. Пушкина (цѣна каждаго портрета 30 коп., для учебныхъ заведеній—согласно заявленію издателя—15 коп.)"—допустить въ ученическія библіотеки гимназій, реальныхъ училищъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „*В. Шимкевичъ*, профессоръ С.-Петербургскаго университета. Популярные біологическіе очерки. Съ 56-ю рисунками въ текстѣ и 4-мя портретами. С.-Пб. Изданіе редакціи журнала „Образованіе". 1898. Стр. IV + 204. Цѣна 1 р. 25 коп." — одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Библиотека "Руниверс"

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Брошюрки, подъ общимъ заглавіемъ: „Народы Россіи, подъ редакціей *Н. Харузина*, изданныя Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ: 1) „№ 757 (а на заглавномъ листѣ 749). Якуты. *К. Сергѣева*. М. 1898. Стр. 40. Цѣна 3 коп.“;—2) „№ 755. Вотяки. *В. Х.* М. 1898. Стр. 48. Цѣна 5 коп.“;—3) „№ 759 (а на заглавномъ листѣ 758). Разказы о кавказскомъ племени осетинахъ. *Н. Жданова*. М. 1898. Стр. 64. Цѣна 6 коп.“;—4) „№ 756 (а на заглавномъ листѣ 749). Остяки. *Д. Турскаго*. М. 1898. Стр. 56. Цѣна 6 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ихъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета.

— Книжки, составленныя *А. П. Валуевой* (*Мунтъ*), подъ общимъ заглавіемъ: „Разказы о великихъ и хорошихъ людяхъ, изданія К. И. Тихомирова: 1) „Не отъ міра сего. (Изъ жизни Елисаветы Кульманъ). (1808—1825). Изданіе 2-е. М. 1898. Стр. 56. Цѣна 10 коп.“;—2) „Друзья слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, (аббатъ Л'Эпе, Самуилъ Гейнике и Валентинъ Гей). М. 1898. Стр. 46. Цѣна 10 коп.“;—3) „Христоферъ Колумбъ. Изданіе 2-е. М. 1898. Стр. 109. Цѣна 25 коп.“;—4) „Авраамъ Линкольнъ. Изданіе 4-е. М. 1898. Стр. 72. Цѣна 20 коп.“—допустить первую въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни, третью—въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, вторую же и четвертую—въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Книжки, изданныя М. В. Клюкинымъ: 1) „*В. М. Сысоевъ*. Мотылки. Разказы для дѣтей. Съ рисунками. М. 1898. Стр. 106. Цѣна 45 коп.“;—2) *Н. И. Позняковъ*. Блесточки. Воспоминанія и разказы для дѣтей. Съ рисунками Литвиненко и другихъ. М. 1899. Стр. 70. Цѣна 40 коп.“—допустить для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ, для таковыхъ же, младшаго возраста, библіотекъ

Библиотека "Руниверс"

среднихъ учебныхъ заведеній и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Изданія, составленныя *А. Карасевымъ*: 1) „Методика пѣнія. Часть 1-я. Руководство къ постановкѣ и преподаванію хороваго пѣнія въ народныхъ, церковно-приходскихъ школахъ и прочихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изданіе 3-е, значительно переработанное и дополненное. Пенза. 1897. Стр. IV+143. Цѣна 1 руб.“;—2) „Тоже. Часть 2-я. Руководство для теоретическаго изученія хорового пѣнія съ учащимися средняго и старшаго возраста,—для организаціи пѣвческихъ хоровъ, въ связи съ изученіемъ началъ гармоніи и регентскаго дѣла. Приспособлено и къ самообученію. 2-е, вновь переработанное и значительно дополненное, изданіе. Пенза. 1897. Стр. 211. Цѣна 1 руб. 40 к. и Добавленіе. Стр. 212—258. Цѣна 20 к.“;—3) „Уроки пѣнія. Часть 1-я. Пособіе для обученія пѣнію въ народныхъ, церковно-приходскихъ школахъ и первыхъ классахъ всѣхъ учебныхъ заведеній. Изданіе 11-е, дополненное. М. Стр. 33. Цѣна 20 коп.—То-же. Изданіе 12-е, дополненное. М. Стр. 44. Цѣна 30 коп.“;—4) „То-же. Часть 2-я. Пособіе для учащихся старшаго возраста и для церковныхъ пѣвческихъ хоровъ. Вновь переработанное и значительно дополненное изданіе. М. Стр. 67. Цѣна 60 коп.“;—5) „Музыкальная хрестоматія. Добавленіе къ „Методикѣ“ и „Урокамъ“ пѣнія. Часть 1-я. Приготовительный курсъ. Сборникъ упражненій и свѣтскихъ напѣвовъ. Изданіе 2-е, дополненное. М. Стр. 55. Цѣна 40 коп.“;—6) „То-же. Часть 2-я. Сборникъ музыкальныхъ произведеній для мужскихъ, женскихъ и смѣшанныхъ хоровъ. 2-е изданіе. Стр. 87. Цѣна 60 коп.“;—7) „Подвижныя ноты (5 листовъ). Изданіе 8-е“;—8) „Объясненіе къ подвижнымъ нотамъ и начальныя занятія по пѣнію въ школѣ, для учащихъ. Изданіе 3-е, исправленное. Пенза. 1897. Стр. 12. Цѣна 10 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, съ условіемъ исправленія въ части 1-й „Уроки пѣнія“ и въ части 1-й „Музыкальная хрестоматія“, при слѣдующемъ ихъ изданіи, указанныхъ недосмотровъ.

— Книгу: „*И. Потапенко*: Счастье поневолѣ. Изданія Д. Ефимова и М. Клюкина. М. Стр. 420. Цѣна 2 руб.“—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Библиотека "Руниверс"

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЕ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіемъ отдѣленія ученаго комитета по техническому и профессіональному образованію, утвержденному его превосходительствомъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Брошюру: *Д. Озеркова*, подъ заглавіемъ: „Общедоступная пиротехнія". (Руководство для изготовленія и спуска фейерверковъ), съ 36-ю рисунками. С.-Пб. 1897. 160 стр. Ежемѣсячное приложеніе къ журналу „Природа и Люди, книга 7-я за май 1897 г." — допустить въ библіотеки промышленныхъ училищъ.

— Книгу: *М. А. Нетыкса*: „Краткое руководство слесарнаго дѣла. Москва. 1897. Изданіе К. И. Тихомирова, 220 стр., съ 255-ю политипажами въ текстѣ. Цѣна 60 коп." — одобрить для ученическихъ библіотекъ ремесленныхъ училищъ всѣхъ типовъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: *Е. И. Орлова*, подъ заглавіемъ: „Катехизисъ химическихъ производствъ. Справочная книга для сѣрниковъ, заводскихъ химиковъ и студентовъ-практикантовъ. Изданіе К. И. Тихомирова. Москва. 1898. 132 стр. Цѣна 30 коп."—одобрить, какъ учебное пособіе, для воспитанниковъ среднихъ и низшихъ промышленныхъ училищъ по химико-технической спеціальности.

— Книгу: *Рябкова*, подъ заглавіемъ: „Курсъ геометрическаго черченія. Для реальныхъ, техническихъ, ремесленныхъ и другихъ училищъ, съ атласомъ къ нему, изъ 35 таблицъ. Одесса. 1898. 102 стр. Цѣна 1 р. 50 коп."—допустить въ библіотеки ремесленныхъ и низшихъ техническихъ училищъ, какъ пособіе для преподавателей.

— „Журналъ новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній съ приложеніемъ къ нему „Общедоступной технической энциклопедіи за 1897 и 1898 гг., издаваемый инженеръ-технологомъ *Н. А. Песоцкимъ*. Общедоступный еженедѣльный журналъ съ безплатнымъ приложеніемъ 12 выпусковъ „Общедоступной Технической энциклопедіи. С.-Пб. 1897. Подписная цѣна на годъ 7 руб. съ доставкою" — одобрить этотъ журналъ за означенные выше года для библіотекъ среднихъ и низшихъ промышленныхъ и ремесленныхъ училищъ.

— Книгу: *А. А. Иконниковой*, подъ заглавіемъ: „Подробное руководство къ практическому изученію производства искусственныхъ

Библиотека "Руниверс"

цвѣтовъ и листьевъ изъ матеріи. Съ 475-ю рисунками. С.-Пб. 1898. 208 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп."—одобрить для употребленія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— „Программы обученія рукодѣлію въ сельскихъ начальныхъ, городскихъ одноклассныхъ училищахъ съ трехгодичнымъ курсомъ въ прогимназіяхъ и гимназіяхъ, выработанныя особой комиссіей, разсмотрѣнныя и утвержденныя 4-го января 1896 г. VI секціей II съѣзда по техническому и профессіональному образованію и объяснительная записка къ программамъ, составленная предсѣдательницей IV секціи по женскому профессіональному образованію *М. К. Каблуковой*. Москва. 1897. 47 стр. Цѣна 15 коп."—рекомендовать для употребленія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 6-го декабря минувшаго года въ Тургайской области состоялось открытіе Романовской аульной школы, при 28 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, 17-го минувшаго января на станціи „Корсунь", фастовской желѣзной дороги, въ предѣлахъ Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи, состоялось открытіе однокласснаго сельскаго желѣзнодорожнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, при 28 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 19-го января сего года состоялось преобразованіе Жуковской и Александровской аульныхъ школъ, Тургайской области, въ начальныя училища по положенію 25-го мая 1874 года., при 48 учащихся въ первой и при 34 учащихся во второй.

— По донесенію г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, 26-го января сего года состоялось открытіе Аккерманскаго второго женскаго городскаго приходскаго училища, по уставу 8-го декабря 1828 г., при 124 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 3-го минувшаго февраля состоялось открытіе русско-башкирскаго училища въ деревнѣ Старо-Бикметевой, Бирскаго уѣзда, Уфимской губерніи, при 44 учащихся.

Библиотека "Руниверс"

— По донесенію г. попечителя Московскаго учебнаго округа, 7-го минувшаго февраля при станціи „Владиміръ", Нижегородской желѣзной дороги, открыто одноклассное министерства народнаго просвѣщенія училище, при 45 учащихся.

— Начальствомъ Харьковскаго учебнаго округа разрѣшено преобразовать, съ начала 1899—1900 учебнаго года, Козловскую, Тамбовской губерніи, женскую прогимназію въ семиклассную гимназію на точномъ основаніи положенія 24-го мая 1870 года.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Для разсмотрѣнія возникшаго въ Ученомъ Комитетѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія вопроса объ употребляемыхъ нынѣ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ учебникахъ физики, при названномъ Комитетѣ была образована, съ разрѣшенія бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія графа И. Д. Делянова, особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ заслуженнаго ординарнаго профессора физики въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго, изъ товарища предсѣдателя—ординарнаго профессора физики въ томъ же университетѣ И. И. Боргмана, и членовъ: ординарнаго профессора того же предмета въ названномъ университетѣ и члена ученаго комитета О. Д. Хвольсона, профессора физики въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ Императора Николая I Н. А. Гезехуса и преподавателей физики: въ V С.-Петербургской гимназіи—В. Л. Розенберга, въ VI С.-Петербургской гимназіи — П. М. Новикова и въ Петровскомъ училищѣ С.-Петербургскаго купеческаго общества—Н. А. Трифонова.

Означенная коммиссія, разсмотрѣвъ учебники физики, употребляемые нынѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, нашла, что содержащійся въ этихъ учебникахъ матеріалъ, вслѣдствіе чрезмѣрно большого объема своего, выходящаго за предѣлы учебныхъ программъ названныхъ учебныхъ заведеній, и вслѣдствіе недовольно сжатаго и яснаго изложенія, не можетъ быть достаточно твердо усвоенъ учениками въ назначенное на прохожденіе физики въ упомянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ число уроковъ. Въ виду сего, коммиссія пришла къ заключенію, что учебники физики, употребляемые нынѣ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, подлежатъ, прежде всего, значительному сокращенію. Такъ, напримѣръ, въ нихъ, по мнѣнію коммиссіи, могутъ быть опущены нижеслѣдующіе вопросы, встрѣчающіеся въ двухъ учебникахъ физики, принадлежащихъ къ наиболѣе распространеннымъ.

Ноніусъ. Катетометръ. Сферометръ. Растяженіе, сгибаніе, всестороннее сжатіе, сдвигъ и крученіе. Законы тренія и жесткость веревокъ. Центръ тяжести треугольника и пирамиды. Десятичные вѣсы.

Библиотека "Руниверс"

Вѣсы Робервaля. Піезометръ. Виды равновѣсія плавающихъ тѣлъ (метацентръ). Опредѣленіе удѣльнаго вѣса дерева. Поверхностное натяженіе въ жидкостяхъ. Движеніе жидкостей. Барометръ Краевича. Подробности объ устройствѣ гидравлическаго пресса и воздушныхъ насосовъ. Формула барометрическаго опредѣленія высотъ горъ. Мѣхи. Пожарная труба. Отступленіе отъ закона Маріотта. Опредѣленіе плотности газовъ. Героновъ шаръ и фонтанъ. Маріоттовъ сосудъ. Пульверизаторъ. Раствореніе и движеніе газовъ. Кинетическая теорія газовъ. Подробности о приготовленіи термометровъ. Формула уравнительнаго маятника и компенсація въ карманныхъ часахъ. Приборы Руа и Рамсдена. Поправка барометра на температуру. Абсолютная температура. Сравнимость термометровъ. Приборъ Реньо и приборъ Рудберга для опредѣленія коэффиціента расширенія газовъ. Формула, выражающая законы Маріотта и Гей-Люссака. Приборъ Депре. Опытъ Берже для опредѣленія теплопроводности ртути и приборъ Кундта для сравненія теплопроводности жидкостей. Приборъ и формула для опредѣленія удѣльной теплоты газовъ. Гигрометръ Соссюра. Законъ Дюлонга и Пти. Удѣльный вѣсъ паровъ. Критическая температура. Приборы, служащіе для ожиженія газовъ. Опредѣленіе скорости звука въ чугунѣ. Хладніевы фигуры. Сирена Коньяръ де Латура. Комбинаціонные тона. Теорія Гельмгольца о роли Кортіева органа. Физіологическое объясненіе консонанса и диссонанса. Фотометръ Бунзена. Формула увеличенія въ сферическихъ зеркалахъ. Опредѣленіе показателя преломленія посредствомъ наименьшаго отклоненія. Опредѣленіе формулы положенія оптическаго центра. Ахроматизмъ. Химическіе лучи. Флуоресценція. Камера обскура для срисовыванія видовъ. Солнечный микроскопъ. Законы дѣйствія магнитныхъ силъ (единица магнетизма). Способы намагничиванія. Законъ Кулона и крутильные вѣсы. Выводъ свойствъ магнита изъ его частичнаго строенія. Распредѣленіе магнетизма. Напряженіе земного магнетизма. Магнитныя карты. Законъ Кулона для электричества и единица количества электричества. Подробности объ электрическомъ потенціалѣ. Электрофорная машина. Электричество прикосновенія и законы Вольты. Электроскопъ Фехнера. Элементы Грене, Лекланше, Бунзена и Грове. Мультипликаторъ и астатическая стрѣлка. Коммутаторъ. Реохордъ Поггендорфа. Мостикъ Уитстона. Наивыгоднѣйшее смѣшанное соединеніе гальваническихъ элементовъ. Явленіе Пельтье. Соединеніе двухъ телеграфныхъ станцій и одновременное телеграфированіе въ двухъ направленіяхъ. Выводъ формулы центробѣжной

Библиотека "Руниверс"

силы. Гармоническое движеніе. Уравненіе количествъ движенія. Подробное описаніе примѣненія маятниковъ въ часахъ и уравнительный маятникъ. Оборотный маятникъ. Выводъ формулъ, относящихся къ удару упругихъ шаровъ. Условіе чувствительности вѣсовъ. Полиспастъ. Зубчатыя колеса. Повѣрка законовъ паденія на наклонной плоскости. Безконечный ремень. Клинъ. Формула винта.

Кромѣ того, коммиссія нашла, что въ этихъ же двухъ учебникахъ физики многіе вопросы изложены слишкомъ подробно. Сюда относятся: Волосность. Влажность. Паровая машина. Колебаніе струнъ. Духовые инструменты. Музыкальные тона и гаммы. Электролизъ. Электродвигатели. Явленія электродинамическія. Индукція токовъ. Отраженіе, преломленіе и разложеніе свѣта. Лучистая теплота. Оптическіе приборы. Теорія свѣта.

Приведеннымъ въ этомъ спискѣ указаніямъ отнюдь не слѣдуетъ приписывать обязательнаго характера; они, по мнѣнію коммиссіи, должны служить лишь въ видѣ примѣра, разъясняя что, ею вообще считается болѣе или менѣе излишнимъ въ нынѣ существующихъ учебникахъ физики.

Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія считала необходимымъ установить нижеслѣдующія требованія, которымъ, по ея мнѣнію, долженъ удовлетворять нормальный учебникъ физики:

1) Онъ долженъ заключать въ себѣ, приблизительно, не болѣе 26 печатныхъ листовъ, включая въ это число рисунки и задачи.

2) Содержаніе и изложеніе учебника должны соотвѣтствовать научнымъ требованіямъ: въ учебникѣ должны содержаться, насколько позволяетъ его элементарность, главнѣйшіе установившіеся выводы науки.

3) Учебникъ долженъ быть написанъ легкимъ, яснымъ и правильнымъ языкомъ, безъ излишнихъ иностранныхъ словъ.

4) Всѣ опредѣленія должны быть изложены кратко по содержанію и возможно сжато по формѣ. Вообще лишнія повторенія и многословіе въ учебникѣ нежелательны.

5) Изложеніе физическихъ закочовъ, управляющихъ явленіями природы, должно быть опредѣленно и строго, подобно формулировкѣ теоремъ геометрія.

6) Желательно, чтобы къ каждому отдѣлу учебника были приложены соотвѣтствующія задачи, при чемъ, для выясненія способовъ рѣшенія, къ нѣкоторымъ основнымъ задачамъ должны быть присоединены рѣшенія съ объясненіемъ, а къ остальнымъ только отвѣты.

Библиотека "Руниверс"

7) Относительно чертежей желательно, чтобы, кромѣ схематическихъ чертежей сложныхъ приборовъ были помѣщены, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ приборовъ, и рисунки несхематическіе, болѣе близкіе къ дѣйствительности.

8) При описаніи приборовъ необходимо обращать вниманіе только на главныя части ихъ и устранять подробности, затрудняющія образованіе правильнаго представленія о приборѣ.

9) Желательно, чтобы въ учебникѣ не помѣщались нестрогія доказательства формулъ. Если нельзя дать возможно строгаго доказательства, лучше приводить формулу совсѣмъ безъ доказательствъ.

10) Желательно, чтобы опредѣленія разныхъ физическихъ понятій и формулировки законовъ были напечатаны особымъ шрифтомъ, но ни этотъ шрифтъ, ни шрифтъ, которымъ будутъ напечатаны прочія части текста, не должны быть мелки.

Ученый Комитетъ, соглашаясь съ заключеніями коммиссіи и признавая цѣлесообразнымъ руководствоваться этими требованіями при опредѣленіи пригодности учебниковъ физики, которые имѣютъ быть представляемы на его разсмотрѣніе и одобреніе, объявляетъ о вышеизложенномъ, съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, для свѣдѣнія и руководства составителей упомянутыхъ учебниковъ.

Библиотека "Руниверс"

ТРИ ГЛАВЫ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ [1]).

VI.

Мы снова пришли къ вопросу, уже затронутому нами выше [2]): объ обособленіи отдѣльныхъ пѣсенъ изъ воспитавшей ихъ хоровой. На этотъ разъ я имѣю въ виду *форму*, *стиль* тѣхъ пѣсенъ, которыя, за неимѣніемъ болѣе подходящаго названія, принято называть *лирико-эпическими*. Въ общихъ чертахъ опредѣленія всѣ согласны: повѣствовательный мотивъ, но въ лирическомъ, эмоціональномъ освѣщеніи. Сюда относятъ древне-греческіе номы и гимны, тѣ и другіе вышедшіе изъ хороваго исполненія къ единоличному; но сохранившіеся отрывки и образцы слишкомъ немногочисленны и уже испытали личную, литературную обработку, почему и не показательны въ нашемъ вопросѣ. Въ ту же категорію помѣщаютъ и сѣверныя баллады, и старо-французскія chansons de toile, chansons d'histoire; говорятъ и о лирико-эпическомъ характерѣ Калевалы. Все дѣло въ томъ, какъ понимать, какъ формулировать лирическій элементъ этихъ пѣсенъ и чѣмъ первоначально онъ выразился. Знакомый намъ составъ хорической поэзіи и типы современной балладной пѣсни позволяютъ отвѣтить на это теоретически. Эпическая часть—это канва дѣйствія, лирическое впечатлѣніе производятъ то тормозящіе, то ускоряющіе его захваты, возвращеніе къ тѣмъ же положеніямъ, повтореніе сти-

[1]) *Продолженіе*. См. мартовскую кн. *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

[2]) См. l. c., стр. 109 и слѣд.

Библиотека "Руниверс"

ховъ (какъ у Тиртея Bergk II, № 10: ἐπὶ προμάχοισι πεσόντα, μετὰ προμάχοισι πεσόντα, ἐν προμάχοισι πέσων). Refrain хора также переселился въ лирико-эпическую пѣсню, какъ ритурнель, какъ настраивающій эмоціональный возгласъ; рефренъ хороваго пэана: ἰὴ παιάν — остался за народными монодическими. Для той поры зарожденія, какую мы себѣ представляемъ, нѣтъ еще унаслѣдованнаго традиціей стиля, нѣтъ эпическаго схематизма, нѣтъ типическихъ положеній, которыя позднѣйшая эпика будетъ вносить въ изображеніе любаго событія, нѣтъ приравненія воспѣваемаго лица къ условному типу героя, героизма и т. п. Пѣсня ведется нервно, не въ покойной связи, а въ перебоѣ эпизодовъ, съ діалогомъ и обращеніями и перечнемъ подвиговъ, если ихъ подсказываетъ сюжетъ. Абиссинская заплачка, приведенная выше, можетъ послужить къ характеристикѣ лирико-эпическаго стиля, какъ я его понимаю. Не лишнее будетъ привести еще нѣсколько образцовъ. Вотъ, напримѣръ, пѣсня (военная или похоронная) сѣверо-американскихъ индійцевъ: пѣсня о пораженіи и надеждахъ, что новое поколѣніе подрастетъ и выступитъ на смѣну побѣжденныхъ.

„Въ тотъ день, когда наши воины полегли, полегли, — Я бился рядомъ съ ними и, прежде, чѣмъ палъ, — Чаялъ отмстить врагу. врагу!

„Въ тотъ день, когда наши вожди были сражены, сражены, — Я бился лицомъ къ лицу во главѣ моей дружины, — И моя грудь истекла кровью, кровью!

„Наши вожди болѣе не вернутся, не вернутся, — А ихъ братья по оружію, которые не могутъ показать рану за рану,—Словно женщины, будутъ оплакивать свою судьбу, свою судьбу!

„Пять зимъ въ охотѣ мы проживемъ, проживемъ, — Тогда снова поведемъ въ битву нашихъ юношей, когда они станутъ мужами, — И кончимъ жизнь, какъ наши отцы, какъ наши отцы!“

Въ Суданѣ подобныя пѣсни входятъ въ репертуаръ народныхъ рапсодовъ. гріотовъ, ими и слагаются. Храбрость Суны возбудила зависть другихъ вождей, и они отдѣлались отъ него, предательски пустивъ ему въ спину пулю—во время битвы. Вотъ какъ объ этомъ поется:

„Ты правъ, Суна, ты правъ, сынъ Kodaré Dialo! Всякій разъ, когда дѣло заходило о войнѣ, тебя надо было призывать, потому что ты всегда сражалъ воиновъ и выбивалъ изъ сѣдла всадниковъ, гдѣ только бывала стычка.

Библиотека "Руниверс"

„Ходили на Guingélény; всѣ Peulh'ы обратились въ бѣгство, не бѣжалъ одинъ Суна.

„Ходили на Таматугу, Суна не бѣжалъ.

„Ходили на Diassakouloumo, Суна и т. д.

„Ходили на Diaramana, Суна и т. д.

„Въ воскресенье ты бился при Сиблѣ, въ субботу въ бою при Sansandig; всюду ты проявилъ свою храбрость. Ты былъ при Oroguila'ѣ, въ бою при Boumoundo: оба дѣла покрыли тебя славой.

„Съ копьемъ въ рукахъ Суна мчался по долинѣ, выбилъ изъ сѣдла всадника на рыжемъ конѣ. Четыре всадника напали на деревню Kémédaly, Суна погнался за ними, троихъ взялъ въ плѣнъ; одинъ изъ нихъ былъ на гнѣдомъ конѣ, другой на бѣлоногомъ.

„На войнѣ Суна никогда не убиваетъ врага, не обезаруживъ его. Храбрость Суны такъ возбудила зависть Peulh'овъ, что они стали пріискивать средство, какъ бы его извести.

„Мы нападемъ на деревню Ouro, говорятъ они, онъ одинъ проникнетъ туда, куда никто изъ насъ не рѣшится пойдти. Найдется ли храбрецъ, который взялся бы выстрѣлить по немъ? А когда его убьютъ, мы скажемъ, что убитъ онъ пулями враговъ.

„Взялся исполнить это подлое дѣло нѣкій человѣкъ, по имени Oumarou; нѣкій mabé (=гріотъ, пѣвецъ) узналъ о ковахъ, которыя готовили его господину.

„Сказалъ онъ ему: Не ходи съ войскомъ, что готово выступить; твои соперники полны зависти къ тебѣ. — Mabé Guéladio, отвѣчалъ Суна, всѣ пельскія дѣвушки и въ деревнѣ любятъ меня и были бы огорчены, еслибъ я не пошелъ, стали бы говорить, что не пошелъ я изъ страха. Пусть лучше узнаютъ, что я убитъ, чѣмъ провѣдаютъ, что я не послѣдовалъ за войскомъ.

„Заплакалъ Mabé Guéladio и запѣлъ: Выходите, деревенскія дѣвушки, поглядѣть на Суну; онъ ѣдетъ на войну и не вернется; выходите, деревенскія дѣвушки, поглядѣть на Суну; его убьютъ.

„Онъ отправился въ Ouro, гдѣ его убили.

„Когда отрядъ вернулся въ Kémédaly, Mabé Guéladio, плакавшій по своемъ господинѣ, сказалъ: Говорилъ я вамъ, женщины Kala'ы, что Суна не вернется; онъ не вернулся, убитъ пулей завистниковъ. Сынъ Dougaba'ы, тебя убили, но ты никогда не зналъ позора".

Невольно вспоминается страхъ передъ male chanson, въ пѣснѣ о

Библиотека "Руниверс"

Роландѣ, передъ тѣмъ, что скажутъ и о чемъ станутъ пѣть. Вмѣстѣ съ чувствомъ воинской чести развивается и общественная сила пѣсни.

Слѣдующая, записанная въ той же области, вводитъ насъ въ кругъ бытовыхъ, балладныхъ. Поется ли она хоромъ, или напоминаніе о хорѣ въ началѣ и концѣ принадлежитъ къ внѣшнимъ мотивамъ, оставшимся отъ хороваго преданія? Пѣсня начинается запѣвомъ, въ которомъ говорится объ охотѣ на птицъ, очевидно, въ связи съ темой дальнѣйшаго разказа, но за запѣвомъ слѣдуетъ еще эпизодъ съ изреченіями общаго характера, безъ всякаго, повидимому, отношенія къ цѣлому.

„Diah! Птички! Diambéré, бородатый человѣкъ, дай намъ поохотиться на птицъ! Пусть всѣ запоютъ хоромъ: Diah! Diah! Diah! птички! Diah.

„Дозволь намъ любить птичекъ, человѣкъ въ блестящей, свѣтло-синей одеждѣ, съ шелковыми нарукавниками, съ французскимъ двуствольнымъ ружьемъ! Вѣдь тѣ люди, что пляшутъ пѣсню Kono, разрушили Djingo, тѣ, что пляшутъ пѣсню Kono, разрушили Солибу.— Diambéré, бородатый человѣкъ! Дай намъ поохотиться на птицъ! Пусть всѣ запоютъ хоромъ: Diah! Diah! Diah! птички! Diah!

„Вы, властители Manassi, Dissé (и др.)! Война даетъ власть, война ея и лишаетъ; война доставила вамъ отческій кровъ, вамъ, потомкамъ Massa'ы, война его и лишила: побѣдоносное войско вѣдь не знаетъ силы побѣжденнаго. Вѣдомо вамъ, родъ Massa'ы и Moriba'ы, что міръ стоитъ не съ нынѣшняго дня; довѣряться своимъ противникамъ то же, что полагаться на воды высоко вздувшейся рѣки. Неблагоразумно довѣряться врагамъ.

„Внучка Alahi вышла изъ своего жилья въ отцовскій огородъ, чтобы отгонять птицъ, поѣдавшихъ просо; а молодаго человѣка, на котораго она положила всѣ свои надежды, обуяла любовь, и захотѣлось ему побыть вдвоемъ съ милой. Пошелъ онъ въ огородъ, который отецъ поручилъ ей сторожить день-деньской. Была у царевны служанка изъ плѣнницъ и гріотка (изъ сословія гріотовъ); не хотѣлось царевнѣ, чтобы онѣ довѣдались о ея отношеніяхъ. Когда, бывало, солнце стояло въ полуднѣ, она говорила гріоткѣ: Пойди, пройдись въ ту сторону огорода; а плѣнницѣ: Прогуляйся во другую. Когда онѣ удалялись, царевна подавала своему милому знакъ: Diah! Diah! Diah! птички! Diah! Юный воинъ въ наручникахъ, всадникъ, на бѣломъ арабскомъ конѣ, тебѣ я говорю! Зачѣмъ оставляешь ты меня одну отгонять птицъ? Юноша въ полотняныхъ шароварахъ,

Библиотека "Руниверс"

развѣ не слышалъ ты, что о насъ говорятъ: говорятъ, что два свободныхъ человѣка вступили въ постыдную связь? Придется покориться, извѣдать срамъ. Вчера родители позвали меня, велѣли объявить имя того, отъ кого я понесла; я не хотѣла сказать; они грозились убить меня, коли я не открою виновника, я отвѣтила, что они вольны меня убить, но что имени я никогда не произнесу. Если я стою на отказѣ, то потому, что правдивые мужчины теперь въ рѣдкость, и я не увѣрена, не сталъ ли бы ты отрицаться, еслибъ я назвала тебя. Коли это покроетъ тебя стыдомъ, то лучше мнѣ взять на себя грѣхъ, ибо свободный мужчина не долженъ испытать стыдъ, который перенесетъ женщина. Я беру на себя тяжесть всего, что произошло; женщина можетъ сказать только: я убита, но никогда: я посрамлена. Среди всего населенія Kaarta говорю: Diah! другъ мой, я опечалилась бы, еслибъ увидѣла тебя покрытаго безчестіемъ. Diah! Kono! Diah! Diah! Пусть всѣ споютъ хоромъ: Diah! Diah! Diah! Kono! Diah!“

Таковъ могъ быть, въ своей свободной разбросанности, складъ эпико-лирической пѣсни, когда она вышла впервые изъ хоровой связи. Позже эта разбросанность придетъ въ извѣстный порядокъ, образуется балладный стиль, съ чередующимися припѣвами или безъ нихъ, съ зачатками эпическаго схематизма, съ любовью къ троичности и т. д., какъ, напримѣръ, въ слѣдующей новогреческой пѣснѣ:

„Тамъ на берегу моря, тамъ на побережьѣ, мыли бѣлье хіотскія дѣвушки, мыли поповскія дочки; мыли и рѣзвились и играли на пескѣ. Проходила каравела недавно снаряженная. Подулъ сѣверикъ, подулъ вѣтеръ съ полночи, поднялъ у нея (у дѣвушки) серебромъ, шитую юбку; выглянула ея серебряная ножка, засіяли оттого и море и все побережье.—Пойдемъ-ка, дѣтки, пойдемъ, палликары, заберемъ что тамъ свѣтится впереди. Коли золото то будетъ, наше сообща будетъ, коли желѣзо, пригодится на каравелу, коли дѣвушка, — достанется нашему капитану. — По волѣ Божіей и Пресвятой Богородицы то была дѣвушка, капитану она и досталась“.

Болѣе полное развитіе схематизма представляютъ финскія эпико-лирическія пѣсни, многія изъ которыхъ вошли въ искусственный сводъ Калевалы. Это—обрядовыя руны, раздающіяся на свадьбѣ, заплачки, руны-заклятія, магическія. Пѣсня исходила изъ обряда въ почти готовыхъ эпическихъ формахъ; я имѣю главнымъ образомъ въ виду выдѣленіе пѣсенъ миѳологическаго содержанія. О строеніи заговора мнѣ не разъ приходилось говорить: его эпическая часть вли-

Библиотека "Руниверс"

яетъ на демоническія силы природы разказомъ объ ихъ дѣяніяхъ, либо знахарь достигаетъ того же путемъ насилія, проявленіемъ вѣщаго знанія: онъ властенъ надъ тѣми силами, знаетъ слово, сущность вещей; въ быту, проникнутомъ идеями рода, знаніе выражалось часто въ формахъ генеалогіи: откуда что пошло? На это отвѣтили многочисленныя légendes des origines—одинъ изъ мотивовъ эпической части заклинанія: заклинаютъ желѣзо, огонь, медвѣдя и т. д. и разказываютъ о его происхожденіи. Руна о Сампо, символъ аграрнаго благоденствія, пѣлась при посѣвѣ и пахотѣ: сказывали о томъ, какъ создалось это чудо и какъ его раздобыли. Выше мы видѣли русскую мимическую игру — пѣсню о варенiи и дѣйствіи пива [1]), финская руна поетъ о его изобрѣтеніи:

Хмель родился отъ гуляки,
Малымъ былъ онъ брошенъ въ землю,
Малымъ въ почву былъ положенъ,
Какъ змѣя онъ брошенъ въ землю
На краю ручья Калевы,
На краю поляны Осмо;
Тамъ подросъ младой отростокъ,
Поднялся зеленый прутикъ,
Потянулся по деревьямъ,
Поспѣшилъ къ вершинѣ прямо.
А ячмень посѣялъ старецъ,
Старецъ счастья въ полѣ Осмо;
Хорошо ячмень родился,
Въ вышину прекрасно выросъ
На концѣ поляны Осмо,
На поляхъ сыновъ Калевы.
Мало времени проходитъ,
Зажужжалъ тамъ хмель въ деревьяхъ,
Говорилъ ячмень на полѣ
И вода въ ручьѣ Калевы:
„Такъ когда же мы сойдемся
И пойдемъ одинъ къ другому?
Въ одиночествѣ намъ скучно,
Двумъ, тронмъ жить вмѣстѣ лучше“.

Тогда Осматаръ беретъ шесть зёренъ ячменя, семь концовъ у хмеля, восемь ложекъ воды, ставитъ все это въ котлѣ на огонь; но

---

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаю Просвѣщенія*, мартъ, l. c., стр. 95.

Библиотека "Руниверс"

ея пиво не бродитъ. И вотъ, взявъ въ руки щепку и потеревъ ее о верхнюю часть бедра, она создаетъ векшу и говоритъ ей:

Векша, золото въ высотахъ,
Цвѣтъ холмовъ, земли веселье!
Побѣги, куда пошлю я.

Она посылаетъ ее достать сосновыхъ иглъ, тонкихъ ниточекъ еловыхъ; положила ихъ въ пиво, но оно не поднялось; куница, созданная изъ лучинки, принесла дрожжей изъ медвѣжьей берлоги, пѣны, что льется изъ медвѣжьей пасти, и опять не забродило пиво, пока третье созданіе Осматаръ, пчелка, сотворенная ею изъ стручечка, но прилетѣла къ ней съ медомъ. Какъ положили его въ ушатъ,

Пиво пѣнится до ручекъ,
Черезъ край оно стекаетъ,
Убѣжать на землю хочетъ.
И упасть стремится на полъ.

Это уже почти традиціонный эпическій стиль, медленно текущій въ ряду тавтологій, систематизирующій (сл. троичность: хмель, ячмень, вода; сосновыя иглы, дрожжи, медъ), любовно останавливающійся на всякой подробности. Такъ и въ слѣдующемъ заговорѣ-рунѣ „отъ колотья“: Выросъ дубъ такой высокій, что его вѣтви затемняли солнце и луну, запирая въ небѣ путь облакамъ. Никто не въ силахъ свалить его; тогда изъ моря вышелъ карликъ, съ топоромъ на плечѣ, съ каменнымъ шлемомъ на головѣ, въ каменныхъ башмакахъ. По третьему удару онъ свалилъ дубъ; вершиной къ востоку, корнемъ къ западу, онъ лежалъ вѣковѣчнымъ мостомъ, ведущимъ въ мрачную Похйолу. Щепки, что упали въ море, вѣтеръ отнесъ въ незнаемую страну, гдѣ живетъ злой духъ Hiisi; его песъ схватилъ ихъ своими желѣзными зубами и отнесъ къ дѣвѣ Hiisi. Посмотрѣла она на нихъ и сказала: Изъ нихъ можно что-нибудь подѣлать; если отдать ихъ кузнецу, онъ сработаетъ изъ нихъ плугъ. Слышалъ это злой духъ, понесъ ихъ къ ковачу, велитъ надѣлать изъ нихъ стрѣлъ, чтобы колоть людей и коней, украсилъ ихъ перьями; а чѣмъ ихъ прикрѣпилъ? Волосами дѣвы Hiisi; какъ закалилъ? Змѣинымъ ядомъ. Сталъ онъ пытать ихъ на своемъ лукѣ: первая стрѣла полетѣла къ небу, такъ высоко, что потерялась; другая въ землю, такъ глубоко, что ея нельзя было доискаться; пустилъ онъ третью, и она пролетѣла сквозь землю и воды, горы и лѣса, задѣла камни и угодила въ кожу человѣка, въ тѣло несчастнаго.

Библиотека "Руниверс"

Эпическая часть заговора естественно выдѣлялась изъ его состава; такъ старо-германскій spel, заклинательная формула, обособилось впослѣдствіи къ значенію поученія, побасенки, сказки.

Выше, говоря о формальныхъ особенностяхъ древней лирико-эпической пѣсни, я назвалъ старо-французскія chansons de toile и сѣверныя баллады. Это даетъ мнѣ поводъ оговориться: не всѣ пѣсни сходнаго стиля подлежатъ одинаковой хронологической оцѣнкѣ; необходимо отдѣлить содержаніе отъ отстоявшейся въ преданіи формы. Пѣсни, близкія къ событіямъ, волновавшимъ народное чувство, невольно принимаютъ лирическій колоритъ; таковы малорусскія думы, за вычетомъ испытаннаго ими школьнаго вліянія; но такія пѣсни могли выразиться въ формѣ, уже опредѣленной предыдущимъ развитіемъ лирико-эпической поэзіи, какъ съ другой стороны та же готовая форма могла облечь сюжеты, не вызывавшіе, повидимому, лирическаго настроенія.

На сѣверѣ, напримѣръ, поютъ лирико-эпическія баллады, съ припѣвомъ и подхватами, на тему сказаній о Нифлунгахъ; эти сказанія извѣстны сѣверной старинѣ, стихотворной Эддѣ, но тамъ ихъ стиль и метрика другія. Восходитъ ли современная баллада къ какой-нибудь заглохшей древней формѣ хорическаго, позднѣе лирико-эпическаго исполненія, или она усвоила поэзію и сюжетъ, и стиль, и ея генеалогія смѣшанная?

Содержаніе сообщенной выше финской заговорной руны — легендарно-миѳическое; таковы должны были быть сюжеты лирико-эпическихъ пѣсенъ у племенъ, не тронутыхъ бытовыми волненіями, распрями враждующихъ родовъ или тѣми, которые неизбѣжны на межѣ двухъ племенъ. Эти распри создавали новые интересы, столкновенія объединяли племенное сознаніе; создавались лирико-эпическія пѣсни-кантилены, международныя (если можно говорить о народности) въ томъ смыслѣ, что тамъ и здѣсь попеременно пѣли о побѣдахъ и пораженіяхъ, выходили на сцену, въ освѣщеніи хвалы, порицанія или страха, однѣ и тѣ же имена витязей, вождей; вокругъ нихъ собранъ интересъ, вокругъ нихъ ихъ боевые товарищи, дружина, о нихъ слагаются пѣсни брани и мести, поминальныя, величальныя; поются и циклизуются, притянутыя тѣмъ или другимъ рѣшающимъ событіемъ, славой одного имени. Такую *естественную циклизацію* слѣдуетъ представить себѣ уже въ лирико-эпическую пору: слагалась, вызванная ex tempore однимъ и тѣмъ же фактомъ, подвигомъ, не одна пѣсня, а нѣсколько; однѣ изъ нихъ забывались, другія переживали.

Библиотека "Руниверс"

переходили изъ одного поколѣнія въ другое вмѣстѣ съ памятью подвига, что предполагаетъ и его цѣнность въ глазахъ потомства и начала исторической традиціи, родовой и народной. Разумѣется, въ слѣдующихъ поколѣніяхъ эти пѣсни не могли вызывать тѣхъ жгучихъ аффектовъ горя и ликованья, какъ въ ту пору, когда онѣ выживались, и ихъ лирическія партіи могли оттѣняться слабѣе, забывались и нѣкоторыя подробности далекаго событія, удерживалась его схематическая часть, общія нити и характерныя черты героя. Начало такого *обобщенія*, съ его результатами, типическими, идеализирующими пріемами пѣсенной памяти, слѣдуетъ искать въ *механической работѣ народнаго преданія*.

Остальное довершили *пѣвцы*, въ той новой роли, которую оно имъ создало. Въ боевую пору, родовую или дружинную, пѣвецъ естественно воспѣвалъ вождей и витязей, лелѣялъ ихъ славу, слагалъ лирико-эпическія пѣсни на событія дня, но помнилъ и старыя пѣсни предковъ и о предкахъ своего героя. Онъ зналъ ихъ родословную, и это знаніе вносило въ его репертуаръ новый принципъ *генеалогической циклизаціи*; въ его памяти чередовались въ длинной вереницѣ героическіе образы и обобщался идеалъ героизма, который естественно вліялъ на все новое, входившее въ кругозоръ пѣсни: типы физической мощи и красоты, храбрости и вѣжества, предательства и вѣрности, подвига; чѣмъ далѣе отъ основнаго преданія, тѣмъ чаще могло случаться, что такого рода типическія черты вмѣнялись не надлежащему лицу, какъ *общее мѣсто*: коли герой, то онъ могъ совершать то-то, и совершалъ. Такъ незамѣтно открывалась брешь въ историческія основы пѣсеннаго преданія. Процессъ, отвѣтившій таковому же жизненному: создавшійся въ жизни типъ героизма вызывалъ подражаніе; его стремились осуществить; пѣсни, сложившіяся о немъ, поневолѣ служили образцомъ, схемой, въ формахъ которой отливаются и позже воспоминанія о витязяхъ новыхъ поколѣній. Такъ въ пору феодальнаго эпоса и легенды держались въ памяти и подражаніи постоянные образы идеальнаго подвига и подвижничества, и chansons de geste и житіе складывались въ безсознательномъ повтореніи старыхъ идеаловъ.

Рядомъ съ общими мѣстами содержанія, отвѣчая имъ, развилось такое же явленіе въ области *стиля*: онъ сталъ *типическимъ*, тѣмъ, что я выше назвалъ эпическимъ схематизмомъ. У пѣвцовъ свой пѣсенный Домострой, отраженіе, иногда застывшее, бытоваго: герои опредѣленнымъ образомъ снаряжаются къ бою, въ путь, вызываютъ

Библиотека "Руниверс"

другъ друга, столуютъ; одинъ, какъ другой; все это выражается опредѣленными формулами, повторяющимися всякій разъ, когда того потребуетъ дѣло. Складывается прочная поэтика, подборъ оборотовъ, стилистическихъ мотивовъ, словъ и эпитетовъ: готовая палитра для художника. При данныхъ условіяхъ продукція пѣвца напоминаетъ пріемы commedia dell' arte: данъ коротенькій libretto, знакомы типы Арлеккино, Коломбины, Панталоне; актерамъ предоставленъ опредѣленный всѣмъ этимъ діалогъ и свобода lazzi. Пѣвецъ знаетъ пѣсни, характерныя черты дѣйствующихъ лицъ, все остальное доскажетъ его поэтика; тотъ же или другой пѣвецъ пропоетъ ту же пѣсню въ другой разъ иначе, разница будетъ въ подборѣ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ, въ забвеніи того или другаго эпизода libretto, но существенное повторится. Устойчивость такого стиля—въ *пѣвческомъ*, я бы сказалъ, *школьномъ преданіи*. Когда на финскихъ свадьбахъ и другихъ народныхъ празднествахъ раздаются руны, тотъ, кто въ такихъ случаяхъ услышитъ незнакомую пѣсню, старается ее запомнить, но повторяя ее передъ другими, скорѣе держится ея содержанія, чѣмъ буквальной передачи: то, чего онъ не запомнитъ слово въ слово, онъ споетъ своими словами, и часто даже лучше, чѣмъ самъ слышалъ. За него говоритъ сложившаяся стилистика.

Мы на почвѣ *эпики*: ея носители родовые, дружинные пѣвцы, знатоки родовыхъ историческихъ преданій, греческіе аэды, англосаксонскіе и франкскіе scopas, позже—пѣвцы другаго разбора, смѣшавшіеся съ захожими jaculatores отжившаго греко-римскаго міра и принявшіе ихъ названіе: jongleurs, spielleute. Имъ принадлежитъ и дальнѣйшее претвореніе традиціонной поэзіи. Они бродили, слышали и знали много пѣсенъ, спѣвали ихъ подъ рядъ, и на смѣну генеалогической циклизаціи явились спѣвы пѣсенъ, сложившихся порознь и въ разное время. Хронологія не мѣшала — пѣсня создавала свою: Карлъ императоръ заслонилъ собою молодаго короля—начинателя, и пѣсня о Роландѣ уже знаетъ его вѣнчаннымъ имперскою короной; его враги баски, саксы, одинаково обратились въ сарациновъ; въ разказъ о событіи вносились лица, не современныя другъ другу и т. п.; „свиваются оба полы времени“. Рядомъ съ безсознательнымъ нарушеніемъ хронологіи столь же естественнымъ слѣдствіемъ такого рода спѣвовъ явилась попытка наново мотивировать связь спѣтыхъ вмѣстѣ дѣйствій, начатки новаго внутренняго плана. Изложеніе ширится, видимо привлекая само по себѣ; матеріалъ даютъ унаслѣдованные и съ лихвой развитые пріемы старой пѣсни: излюблено троякое повто-

Библиотека "Руниверс"

реніе одного и того же акта, параллелизмъ, лежащій въ основѣ народно-пѣсенной психологіи [1]) и ритмики. Какъ у Карла двѣнадцать пэровъ, такъ и у сарацинскаго властителя; пораженіе врага двоится: того требовалъ и стиль, и народное самосознаніе. Въ дошедшей до насъ пѣснѣ о Роландѣ Карлъ не только разбиваетъ Марсиля, но впослѣдствіи еще и полчища Балиганта; разказъ о послѣднемъ признаютъ позднѣе включеннымъ въ текстъ пѣсни о Роландѣ изъ поэмы, разказывавшей именно о Балигантѣ. Интерполяція доказывается противорѣчіями содержанія и неловкостью спая, но ничто не мѣшаетъ предположить, что самая интерполяція вызвана была какимъ нибудь указаніемъ, стихомъ древней кантилены, намекавшимъ на вторичную отместку или призывавшимъ ея повтореніе.

Сложившись въ рукахъ родовыхъ или дружинныхъ профессіональныхъ пѣвцовъ такая эпика еще продолжаетъ жить кое-гдѣ въ *циклахъ пѣсенъ*, объединенныхъ именемъ или событіемъ, Кіевомъ или Косовской битвой, либо въ циклическихъ спѣвахъ, въ родѣ якутскихъ былинъ, олонго, пѣніе которыхъ занимаетъ нѣсколько вечеровъ. Пѣсни эти спустились теперь въ народъ, еще лелѣютъ народное самосознаніе тамъ, гдѣ оно стоитъ или стояло на уровнѣ условій, впервые вызвавшихъ ихъ проявленіе и продукцію; въ такихъ условіяхъ мыслимо и новое пѣсенное сложеніе въ формахъ стараго. Иначе пѣсня теряетъ свою жизненность и сохраняется, какъ старина, не дающая отпрысковъ; держится своей—поэтикой. И тамъ и здѣсь къ ней потянули пѣсни житейскаго, балладнаго, сказочнаго содержанія; поютъ люди, знающіе старину, слѣпцы, эпигоны древнихъ профессіональныхъ пѣвцовъ.

На пути этого разложенія бывали задержки, какъ бы новыя формы творчества, отвѣчавшія тому же подъему народнаго самосознанія, какъ и древнія эпическія пѣсни, но болѣе широкаго, сознанія политически сплотившейся народности, чающей историческихъ цѣлей. Я разумѣю появленіе народныхъ *эпопей* вродѣ пѣсни о Роландѣ. Очевидно, это не механическій спай эпическихъ пѣсенъ—кантиленъ, какъ то полагали многіе, а нѣчто новое, обличающее одного автора, его индивидуальный подвигъ. Я не подчеркну особо въ этомъ опредѣленіи черту индивидуальности, потому что склоненъ искать ее и ранѣе, въ той эпохѣ развитія, которая восходитъ въ сѣдую даль, къ пѣвцу или пѣвцамъ, выдѣлившихся изъ хороваго синкретизма. Это развитіе

[1]) См. мой Психологическій параллелизмъ, l. c.

Библиотека "Руниверс"

не останавливалось; съ нимъ надо считаться, покинувъ туманныя представленія о хоровомъ, массовомъ началѣ, создавшемъ явленіе эпопей. Если замѣнить слово „спай“ понятіемъ „спѣва“, какъ мы установили его ранѣе, и представить себѣ обусловленную имъ психологическую и стилистическую работу, работу обобщеній, перенесеній и мотивировки, пѣсня о Роландѣ представится намъ однимъ изъ многихъ, столь же индивидуальныхъ спѣвовъ, пережившихъ другіе, потому что онъ стоилъ того. Прогрессъ не въ индивидуальномъ починѣ, а въ его сознаніи, въ цѣнности, которая дается пѣсенному акту, въ записи, которой закрѣпляется не пѣсня—сводъ, а поэтическое произведеніе, когда пѣвецъ ощутитъ себя—поэтомъ.

Такая поэма, какъ пѣсня о Роландѣ является новой точкой отправленія. Ея печать лежитъ на другихъ такихъ же спѣвахъ; далѣе поэмы не спѣваются, а сочиняются, и на почвѣ этихъ сочиненныхъ chansons de geste повторяются тѣ же процессы циклизаціи: героямъ преданія даютъ небывалыхъ предковъ и потомковъ, литературный матеріалъ заглушаетъ остатки традиціоннаго, мѣняется и метрическая форма, пока наконецъ стихъ не уступаетъ мѣсто прозѣ. Еще одинъ шагъ, и изувѣченное преданіе возвращается, въ видѣ народной лубочной книги, въ сферу, гдѣ доживаютъ свой вѣкъ и старыя эпическія пѣсни.

Все это относится уже къ спеціальной исторіи эпоса, о которой здѣсь не идетъ рѣчь. Остановлюсь лишь на одномъ эпизодическомъ фактѣ этой исторіи. О томъ или другомъ лицѣ могли слагаться, непосредственно послѣ событія, и лирико-эпическая пѣсня, впослѣдствіи обобщившаяся въ эпическую, и преданіе, разказъ, анекдотъ, не знавшій пѣсенной формы. Пѣвцамъ, современникамъ онъ могъ быть извѣстенъ, знакомъ и ихъ слушателямъ; почему его обошли пѣсней, мы никогда не узнаемъ: можетъ быть случайно, или потому что онъ не отвѣчалъ цѣлямъ идеализаціи. Позже, съ развитіемъ чистой эпики, отдалившейся отъ непосредственности воспоминаній, такія преданія, Sagen, могли попасть и въ теченіе пѣсни, особенно въ ту пору эпики, когда она раскрылась для новыхъ, не традиціонныхъ, а просто интересныхъ по содержанію мотивовъ. Отсюда два вывода: нельзя заключать по преданіямъ, напримѣръ, меровингскихъ и южнорусскихъ лѣтописей, какъ бы ни казались они намъ фактически невѣроятными, не историчными, что объ этихъ преданіяхъ слагались когда то недошедшія до насъ былины и кантилены. Нельзя также говорить съ Voretsch'емъ, что источникъ „эпоса“ не въ лирико-эпи-

Библиотека "Руниверс"

ческихъ кантиленахъ, а именно въ преданіи, Sage. Преданіе—это, будто бы, перепутье отъ исторіи къ эпосу, устное, органическое развитіе историческаго факта (mündliche Ueberlieferung—Zwischenglied zwischen Geschichte und Epos; organische Weiterbildung der Ueberlieferung), эпосъ, Dichtung—его неорганическое развитіе. Исторія понимается здѣсь какъ то абстрактно, какъ будто и на страницахъ лѣтописи она не отразилась въ томъ коллективно-субъективномъ освѣщеніи, которое опредѣляетъ и развитіе саги и темы пѣсни. Разница въ выборѣ того, что интересуетъ, что кажется выдающимся по содержанію, и въ уровнѣ и гомогенности среды, для которой пишется лѣтопись, въ которой слагаются преданіе и пѣсня. Съ точки зрѣнія Voretsch'a выходитъ, что эпическій пѣвецъ ждалъ, пока надъ историческимъ фактомъ наслоится преданіе, и лишь тогда переводилъ его въ пѣсню; неужели ждала его и лирико-эпическая заплачка, пѣсня ликованія о побѣдѣ? Такъ можетъ творить, выискивая традиціонные сюжеты, лишь поэтъ новаго времени. Сага и эпическая пѣсня идутъ объ-руку; объяснять сложеніе „эпоса“ (Voretsch, очевидно, разумѣетъ эпопею) изъ преданій—значитъ забывать предыдущія фазы развитія эпики.

VII.

Эпосъ — объектъ, лирика — субъектъ; лирика — выраженіе зарождающагося субъективизма. На эти опредѣленія я уже успѣлъ возразить; еслибъ я захотѣлъ присоединить къ нимъ и свое, я подчеркнулъ бы субъективизмъ эпоса, именно *коллективный субъективизмъ*; я говорю о началахъ эпоса. Человѣкъ живетъ въ родовой, племенной связи и уясняетъ себя самъ, проектируясь въ окружающій его объективный міръ, въ явленія человѣческой жизни. Такъ создаются у него обобщенія, типы желаемой и нежелаемой дѣятельности, нормы отношеній; тотъ же процессъ совершается и у другихъ, въ одинаковыхъ относительно условіяхъ и съ тѣми же результатами, потому что психическій уровень одинъ. Каждый видный фактъ въ такой средѣ вызоветъ оцѣнку, въ которой сойдется большинство; пѣсня будетъ коллективно-субъективнымъ самоопредѣленіемъ, родовымъ, племеннымъ, дружиннымъ, народнымъ; въ него входитъ и личность пѣвца, то-есть того, чья пѣсня понравилась, пригодилась. Онъ анонименъ, но только потому, что его пѣсню подхватила масса, а у него нѣтъ сознанія личнаго авторства. Оно

Библиотека "Руниверс"

выростаетъ постепенно вмѣстѣ съ съуженіемъ коллективизма: выдѣленію личнаго начала предшествуетъ групповое, сословное. Дружинный пѣвецъ обусловленъ интересами дружины, это опредѣляетъ его міросозерцаніе и настроеніе репертуара; его пѣсни не всенародныя, а кружковыя; онѣ могли спуститься въ народъ, какъ наши былины въ онежскія захолустья, какъ сословный эпосъ въ извѣстныхъ условіяхъ становится простонароднымъ.

Итакъ: проекція коллективнаго „я“ въ яркихъ событіяхъ, особяхъ человѣческой жизни. Личность еще не выдѣлилась изъ массы, не стала объектомъ самой себѣ и не зоветъ къ самонаблюденію. И ея эмоціональность коллективная: хоровые клики, возгласы радости и печали и эротическаго возбужденія въ обрядовомъ дѣйствѣ или весеннемъ хороводѣ. Они типичны, остаются устойчивыми и въ пору сложенія пѣсеннаго текста, когда онъ вышелъ изъ періода возгласовъ, въ которомъ застыла хоровая пѣсня иныхъ некультурныхъ народовъ. Слагаются refrains, коротенькія формулы, выражающія общія, простѣйшія схемы простѣйшихъ аффектовъ, нерѣдко въ построеніи параллелизма, въ которомъ движенія чувства выясняются безсознательнымъ уравненіемъ съ какимъ нибудь сходнымъ актомъ внѣшняго міра [1]). И здѣсь выясненіе собственнаго „я“ происходитъ тѣмъ же путемъ, прислоненіемъ къ міру лежащей внѣ его объективности.

Такими коротенькими формулами полна всякая народная поэзія, не испытавшая серьезныхъ вліяній художественной. Это—ходячія дву—и четверостишія; послѣднія (спѣтыя, вѣроятно, изъ двухъ первыхъ, ибо двустишіе само по себѣ удовлетворяетъ требованію параллелизма) распространены отъ Китая, Индіи и Турціи до Испаніи и Германіи. Они встрѣчаются въ обрядовой связи, напримѣръ, въ свадебномъ дѣйствѣ, въ запѣвахъ и припѣвахъ лирико-эпической и эпической пѣсни—наслѣдіе хороваго возгласа: это ихъ крѣпкое, исторически, мѣсто. Но они ходятъ и отдѣльно: зачаточные, формальные мотивы того жанра, который мы назовемъ *лирикой*. Ими обмѣниваются въ амебейномъ чередованіи, импровизуя въ старыхъ формахъ, народные пѣвцы, и пѣсня выходитъ иногда изъ послѣдовательности вопросовъ и отвѣтовъ. Такое сложеніе пѣсни наблюдается въ Германіи, Сициліи, Сардиніи [2]); въ Португаліи изъ пренія (desafios) пѣвцовъ, обмѣнивающихся строфами, съ подхватами риѳмы и стиха, об-

[1]) См. Психологическій параллелизмъ, l. c.

[2]) См. мои Эпическія повторенія, l. c., 285 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

разуются цѣлыя серіи, despiques, напоминающія романсы; одна нѣмецкая пѣсня на тему невѣрной жены разработана мотивами, обычными въ пѣсенной реторикѣ; въ этомъ смыслѣ о ней и говорится, что спѣли ее „наново“ два ландскнехта. Но и внѣ этого исполненія то, что мы зовемъ народною лирическою пѣсней, не что иное, какъ разнообразное сочетаніе тѣхъ же простѣйшихъ мотивовъ, стиховъ или серій стиховъ: вы встрѣтите ихъ тамъ и здѣсь, какъ общее мѣсто; порой они накопляются видимо безцѣльно, подсказанные мелодіей и темпомъ, какъ во французскихъ motets, порой развиваются содержательно, одинъ мотивъ вызываетъ другой, сродный, какъ риема вызываетъ риему [1]). Все это бываетъ связано незатѣйливо, діалогомъ либо какимъ нибудь положеніемъ: кто нибудь ждетъ, задумался, плачется, зоветъ и т. п., и стилистическія формулы служатъ къ анализу психологическаго содержанія, формулы печали, разставанья, привѣта, какъ въ эпической пѣснѣ есть формулы боя, столованья и т. д.; тотъ же стилистическій Домострой. Если положеніе перейдетъ въ дѣйствіе, мы получимъ схему лирико-эпической, балладной пѣсни; черту раздѣла между нею и лирической трудно себѣ представить при выходѣ изъ общаго хороваго русла.

Аффективная сторона этой лирики монотонна, выражаетъ несложныя ощущенія коллективной психики. И здѣсь выходъ къ субъективности, которую мы привыкли соединять съ понятіемъ лирики, совершился постепенными групповыми выдѣленіями культурнаго характера, которыя перемежались такими же періодами монотонности и формализма, ограниченныхъ предѣлами группы. Когда изъ среды, коллективно настроенной, выдѣлился, въ силу вещей, кружокъ людей съ иными ощущеніями и инымъ пониманіемъ жизни, чѣмъ у большинства, онъ внесетъ въ унаслѣдованныя лирическія формулы новыя сочетанія въ уровень съ содержаніемъ своего чувства; усилится въ этой сферѣ и сознаніе поэтическаго акта, какъ такового, и самосознаніе поэта, ощущающаго себя чѣмъ-то инымъ, чѣмъ пѣвецъ старой анонимной пѣсни. И на этой стадіи развитія можетъ произойдти новое объединеніе съ тѣми же признаками коллективности, какъ прежде: художественная лирика среднихъ вѣковъ—сословная, она наслоилась надъ народной, вышла изъ нея и отошла въ новомъ культурномъ движеніи. И она монотонна настолько, что, за исключеніемъ двухъ-трехъ именъ, мы почти не встрѣчаемъ въ ней личныхъ

[1]) См. мой Психологическій параллелизмъ, стр. 43 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

настроеній, такъ много условнаго, повторяющагося въ содержаніи и выраженіи чувства. Разумѣется, слѣдуетъ взять въ разсчетъ, что въ этой условности современники вычитывали многое и разнообразное, чего не въ состояніи подсказать мы; но въ сущности мы не ошибемся, если усмотримъ въ этомъ однообразіи результатъ извѣстнаго психическаго уравненія, наступающаго за выдѣленіемъ культурной группы, какъ руководящей. Показателемъ ея настроенія становится какой нибудь личный поэтъ; поэтъ родится, но матеріалы и настроеніе его поэзіи приготовила группа. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что петраркизмъ древнѣе Петрарки. Личный поэтъ, лирикъ или эпикъ, всегда групповой, разница въ степени и содержаніи бытовой эволюціи, выдѣлившей его группу.

Нѣсколько примѣровъ изъ исторіи зарожденія художественной лирики уяснятъ эти теоретическія соображенія.

Дошедшіе до насъ обрывки и образцы, собранные подъ рубрикой народной греческой лирики, не даютъ раздѣльнаго понятія объ ея характерѣ и содержаніи, о той степени литературной обработки, которой они подверглись при записи. Коротенькія пѣсенки, обрядовые, хоровые припѣвы въ родѣ весенняго: Гдѣ роза, гдѣ фіалка?—и тѣхъ, которыми обмѣнивались хоры спартанскихъ старцевъ, мужей и юношей [1]). Въ числѣ народныхъ формулъ мы встрѣтимъ и кликанье весны, совершенно аналогичное съ такимъ же обрядовымъ кликомъ современнаго греческаго простонародья, и пѣсенку о Линѣ, очевидно, далеко отошедшую по своему содержанію отъ той, которая раздавалась въ гомеровскую пору подъ хоровой припѣвъ виноградарей. Такой мотивъ, какъ жалоба влюбленной, обманутой дѣвушки, сохранившійся изъ Александрійской эпохи, но не отвѣчающій ея общественнымъ типамъ, восходитъ также къ сюжетамъ народной, отзвучавшей пѣсни, не знавшей культа гетеръ.

За вычетомъ этихъ болѣе или менѣе народныхъ пѣсенныхъ фрагментовъ, матеріаломъ для изученія греческой художественной лирики въ пору ея возникновенія остаются памятники хоровой и монодической поэзіи, и не столько памятники, бо́льшая часть которыхъ не дошла до насъ, сколько свѣдѣнія о нихъ, сохранившіяся у древнихъ писателей. И тѣ и другія указываютъ уже на литературную обработку сюжетовъ и формъ, зародившихся на почвѣ народнаго хора.

---

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1899, мартъ, l. c., стр. 77, 78—79.

Библиотека "Руниверс"

То, что древніе говорятъ объ эволюціи формъ, обличаетъ нерѣдко склонность вмѣнить личному почину результаты органическаго развитія и разложенія.

Мы знаемъ, напримѣръ, что выдѣленіе соло лирико-эпическаго характера, съ содержаніемъ мина или героической легенды, было естественнымъ явленіемъ въ исторіи хороваго начала; такъ хорическій пэанъ могъ стать эпико-лирическимъ, и когда намъ сообщаютъ и Ксенократѣ, что онъ развилъ въ первомъ партію миѳологическаго, эпическаго сказа, мы склонны ограничить его новшество художественными цѣлями. Если ввести эту и подобныя легенды въ генетическую связь, въ какой мы представили себѣ развитіе хоровой поэзіи, онѣ займутъ въ ней свое мѣсто, и эволюція греческихъ поэтическихъ жанровъ изъ народныхъ началъ представится намъ въ цѣльности, формы которой оставалось лишь развивать пѣвцу или поэту. Изъ хорическихъ гимновъ вышли лирико-эпическіе, съ содержаніемъ мина или героической были, матеріалъ эпическихъ спѣвовъ — и эпопеи. Элегія, первоначально печальная, похоронная пѣсня, могла выработаться изъ обрядовой заплачки съ ея моментами сѣтованія, утѣшенія и общими мѣстами традиціонной гномики; этотъ гномическій характеръ удержался за ней, когда она перешла въ руки личнаго поэта, выражая содержаніе его личнаго или сословнаго міросозерцанія, вдали отъ обряда. Такъ хоровой разгулъ комоса въ пору Діонисій либо въ концѣ пира обратился въ Ständchen подъ окномъ красавицы и лирическія пѣсенки Алкея и Анакреона носятъ это названіе. Вся хорическая лирика грековъ не что иное, какъ разработка средствами цѣльнаго хора, эпико-лирической темы, обособившейся въ немъ вмѣстѣ съ корифеемъ. Въ этомъ смыслѣ о Стезихорѣ можно было сказать, что онъ установилъ хоръ (πρῶτος κιθαρῳδίας χορὸν ἔστησεν. Suid.), положивъ на лиру бремя эпопеи. Подобную же реформу дифирамба приписываютъ Аріону, но съ колебаніями, указывающими на забвеніе традиціи. Извѣстно, что въ исполненіи дифирамба главныя партіи принадлежали корифею, онъ вчиналъ и велъ пѣсню, хоръ только поддерживалъ его, вступая съ нимъ въ діалогъ [1]). И вотъ объ Аріонѣ говорятъ, что онъ смѣнилъ эту драматическую двойственность хоровымъ, строфическимъ мелосомъ; вотъ почему Платонъ могъ отнести позднѣйшій дифирамбъ къ произведеніямъ не подражательной (драматической), а повѣствовательной, излагающей поэзіи; послѣднюю форму

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1899, мартъ, стр. 125.

Библиотека "Руниверс"

Аристотель считаетъ древнѣйшей. изъ нея, будто-бы, выработался дифирамбъ того амебейнаго типа, изъ котораго вышла драма. Это было-бы развитіе—противъ теченія. Со всѣмъ этимъ не соединимо показанія Свиды, что Аріонъ ввелъ въ дифирамбъ сатировъ съ метрическими рѣчами (ἔμμετρα), что можетъ быть истолковано лишь въ смыслѣ художественной разработки старыхъ хоровыхъ началъ.

Развитіе такой лирики, выросшей изъ цѣльности народнаго хора. именно у дорянъ, указываетъ на устойчивость у нихъ древнихъ поэтическихъ формъ, чему отвѣчалъ и архаизмъ бытовыхъ отношеній; эолійскій монодизмъ выразилъ окрѣпшее индивидуалистическое чувство въ формахъ хоровой эмоціональности; драма сохранила и въ своемъ художественномъ составѣ всѣ элементы хороваго синкретизма: корифея—актера, хоры и діалогъ.

Обратимся къ бытовымъ условіямъ выдѣленія греческой индивидуалистической лирики.

Какъ всякая эпика историческаго характера, такъ и греческая выросла въ періодъ наступательныхъ, завоевательныхъ движеній народности. въ условіяхъ дружиннаго быта и аристократической монархіи. Дружинный вождь, царь, окруженный именитыми людьми, признающими его первымъ изъ равныхъ; онъ и военачальникъ, и владыка, и судья; народъ руководится и внемлетъ; интересъ, біеніе исторической жизни сосредоточены въ одномъ кружкѣ, онъ дѣйствуетъ. о немъ идетъ пѣсенная молва. Является дружинный пѣвецъ и слагается дружинная боевая пѣсня. Въ началѣ VIII вѣка до Р. Х. былевыя пѣсни гомеровскаго типа уже не создаются болѣе; къ началу Олимпіады относятся тѣ спѣвы, которые мы назовемъ Иліадой и Одиссей; нѣтъ новой пѣсенной продукціи, потому что нѣтъ для нея условій: періодъ завоеваній кончился, уже гомеровскія поэмы указываютъ на водвореніе новыхъ порядковъ и воззрѣній, войны не любятъ, бѣгство не вызываетъ осужденія, славится мудрость и хитрость Одиссея. Монархическое начало уступаетъ напору многихъ, желающихъ раздѣлить его преимущества и считающихъ себя призванными. „Когда умножилось число достойныхъ людей, въ городахъ обрѣлись многіе. равные по достоинству, они перестали выносить монархическую власть. начали искать нѣчто общественное и устроили свободную общину“ (Аристотель). Выдѣляется сословная аристократія; ея древнѣйшая исторія протечетъ въ борьбѣ съ демократическимъ началомъ, приводившей порой къ явленіямъ тираннін, демократическо-культурной монархіи. Старыя эпическія пѣсни, „старина и дѣянье“, не забыты, ихъ

Библиотека "Руниверс"

поютъ на панаѳинеяхъ, рапсоды ихъ повторяютъ, но онѣ не отвѣчаютъ болѣе интересамъ времени, занятаго вопросами, въ которыхъ надо было разобраться. „Не пойму я ничего въ борьбѣ вѣтровъ, поетъ Алкей (fr. 18): волны перекидываются туда и сюда, мы же — на черномъ кораблѣ, сильно терпимъ отъ страшной бури; конецъ мачты въ водѣ, парусъ въ лохмотьяхъ болтается на свободѣ, канаты повисли". Общественная борьба создаетъ политическую, партійную пѣсню; возникаетъ на почвѣ новыхъ сословныхъ выдѣленій, но изъ старыхъ хоровыхъ началъ, новая поэзія, художественная лирика. Мы отмѣтимъ въ ней теперь же характеръ *современности*.

Выходъ изъ стараго порядка вещей предполагаетъ его критику, комплексъ убѣжденій и требованій, во имя которыхъ и совершается переворотъ; они ложатся въ основу *сословно-аристократической этики*. Эта этика обязываетъ всѣхъ; оттого аристократъ типиченъ, процессъ индивидуализаціи совершился въ немъ въ формахъ сословности. Онъ знатенъ по рожденію, по состоянію и занятіямъ, блюдетъ завѣты отцовъ, горделиво сторонясь отъ черни; не вырости розѣ изъ луковицы, свободному человѣку не родиться отъ рабыни, говоритъ Теогнисъ. А между тѣмъ завоеванное, не обеспеченное давностью положеніе надо было упрочить, и это создавало рядъ требованій, подсказанныхъ жизнью и отложившихся въ правила сословной нравственности, которымъ греческая аристократія отвѣчала въ свои лучшіе годы: жить не для себя, а для цѣлаго, для общины, гнушаться стяжаній, не стремиться къ наживѣ и т. п. Все это вело къ самонаблюденію, сатирѣ и анализу, обнимавшему не одни явленія дѣйствительности, но и общіе вопросы жизни и назначенія человѣка. Аристократъ не отвѣчалъ ли своему нравственному призванію, Архилохъ крикнетъ ему: Прочь, ты изъ знати! (fr. 106); аристократія рода выживаетъ, начинаетъ царить золото: Въ деньгахъ человѣкъ, ни одинъ бѣднякъ ни знатенъ, ни почтенъ, скажетъ аристократъ Алкей (fr. 51). Въ борьбѣ партій призывъ къ выдержкѣ, мужеству, мѣрѣ желаній чередуется съ отчаяніемъ и покорностью судьбѣ: несчастье постигаетъ то того, то другаго, предоставь все богамъ, они воздвигаютъ простертыхъ, свергаютъ бодро ступающихъ (см. Архилохъ, fr. 5, 13, 24, 58, 68). Но гдѣ же справедливость Зевса, спроситъ Теогнисъ: хорошіе страдаютъ, неправедные счастливы, дѣти несутъ наказаніе за грѣхи отцовъ; остается молиться Надеждѣ, единственному божеству, пребывающему среди людей; другіе ушли на Олимпъ (v. 730 слѣд., 1135 слѣд.). Отсюда пессимистическій взглядъ Симонида на

Библиотека "Руниверс"

жизнь, какъ на нѣчто пошлое, безсодержательное, безцѣльное; въ цѣльность религіознаго сознанія вносится элементъ сомнѣній и соглашеній; старые миѳы толкуются на ново.

Такія изреченія житейской мудрости встрѣчались и на почвѣ эпоса; въ греческой лирикѣ они отвѣтили волненіямъ новаго быта, явившагося на смѣну стараго, и сложились въ систему. Греческая лирика разовьетъ элементъ учительности, *гномики*; элегія-причитаніе, еще близкая стилистически къ эпосу, станетъ гномическою. Сходныя отношенія связываютъ *сатирическую* поэзію *ямба* съ его культовыми началами: миѳъ разказывалъ о служительницѣ Деметры, Ямбе, развеселившей богиню своими потѣшными выходками; въ ямбахъ выражалась въ культѣ Деметры народная издѣвка; на почвѣ лирики сатира въ ямбическомъ метрѣ, эта воинствующая гномика, обняла явленія личной и общественной жизни. Извѣстны сатирическія выходки Симонида (изъ Аморгоса или Самоса) противъ женщинъ: на десять женщинъ, пошедшихъ отъ нечистыхъ или вредныхъ животныхъ, обезьяны, собаки, свиньи, найдется развѣ одна изъ рода— пчелы. Эти нареканія совпали съ пѣснями любви Сапфо, какъ въ средніе вѣка любовные восторги трубадуровъ съ невоздержными нападками на „злыхъ женъ“.

Сатира Архилоха выходила изъ партійности съ ярко эгоистическимъ порывомъ, Симонидъ обобщаетъ извѣстныя явленія абстрактно, предлагая нормы житейской оцѣнки; въ средѣ, относительно застывшей въ архаическихъ формахъ быта, какова спартанская, гдѣ личность поглощена была общиной, поэтъ обращался къ слушателямъ отъ лица хора, видимо устраняя свою индивидуальность, являясь какъ бы носителемъ общихъ воззрѣній, празднуя со всѣми чью-нибудь побѣду, поминая старые миѳы и незамѣтно внося въ нихъ личное освѣщеніе. Я имѣю въ виду личность групповаго характера, на этомъ покоится взаимное пониманіе поэта и его среды. Говорятъ, что Гомеръ и Гезіодъ создали грекамъ ихъ боговъ, лирика продолжала то же дѣло въ уровень съ міросозерцаніемъ своего общества, формулируя его, иногда съ колебаніями. Въ одномъ изъ своихъ гимновъ Стезихоръ говорилъ объ Еленѣ, полюбившей Париса и увезенной имъ въ Трою; въ палинодіи онъ отнѣкивается отъ этого миѳа: „Нѣтъ, это неправда; ты не вступила на корабль, хорошо снабженный веслами, не направилась къ Троянскимъ твердынямъ“; въ Троѣ явился лишь ея призракъ, εἴδωλον. Миѳы были не только образнымъ выраженіямъ религіозной мысли, но и готовыми формулами поэтическаго

Библиотека "Руниверс"

творчества, плодившіе новые образы и обобщенія. Чѣмъ шире и глубже становился поэтическій горизонтъ, тѣмъ больше на нихъ спросъ: въ оборотъ пускаются частные, мѣстные мины, не связанные общенароднымъ преданіемъ, иногда балладныя легенды. Стезихоръ первый разказалъ объ Аѳинѣ, вышедшей во всеоружіи изъ головы Зевса; о странствованіяхъ Енея на западъ; онъ пѣлъ о Радинѣ и Каликѣ. Радину продали коринѳскому тирану; ея двоюродный братъ любитъ ее, является въ Коринѳъ; оба преданы смерти и ихъ трупы отосланы въ Самосъ; но насильникомъ овладѣло отчаяніе, и онъ велитъ вернуть тѣла убитыхъ, чтобы предать ихъ погребенію. Калика любитъ Эватлоса, молитъ Афродиду устроить ихъ бракъ, но Эватлосъ гнушается дѣвушкой, которая погибаетъ, бросившись съ Левкадійскаго утеса.

Когда поэтъ чувствуетъ себя относительно свободнымъ въ орудованіи миѳомъ, попытка свободы на почвѣ унаслѣдованныхъ поэтическихъ формъ должна явиться, какъ естественное слѣдствіе. Развитіе пошло по разнымъ путямъ въ соотвѣтствіи съ качествомъ общественной среды. Мы видѣли, какъ дорическій лиризмъ своеобразно разработалъ преданіе хора. Стезихоръ ввелъ въ его перепѣвы строфу и антистрофу и завершающую ихъ эподу; его гимны, расположенные по системѣ тріады, развиваютъ лирико-эпическую тему; онъ еще близокъ къ языку эпоса, богатъ эпитетами. Въ области монодической лирики Архилоху приписываютъ рядъ ритмическихъ и музыкальныхъ нововведеній, но по всей вѣроятности, онъ только ввелъ въ оборотъ художественной лирики уже готовыя формы и формулы, отвѣчавшія новому содержанію чувства, какъ введеніе незнакомыхъ дотолѣ миѳологическихъ сюжетовъ отвѣтило требованіямъ болѣе широкаго анализа. У Алкея и Сапфо̀—стиль народной пѣсни, съ ея образами и сравненіями, въ которыхъ они подчеркнули черты реальности, выражающія интимное чувство природы. Пѣсни Сапфо̀ полны розъ и золотыхъ цвѣтковъ; Алкей, подражая Гезіоду, приглашаетъ выпить, когда палитъ солнце, все истомилось отъ жажды, цвѣтетъ волчецъ, а въ листвѣ слышно стрекозу, роняющую съ крыльевъ звонкія, частыя трели своей пѣсни (fr. 39). Архилохъ сравниваетъ островъ Тазосъ съ хребтомъ осла, поросшемъ дикимъ лѣсомъ (fr. 20), и не гнушается образомъ вороны, весело отряхивающей крылья (fr. 100).

Господство надъ содержаніемъ и формою рождаетъ *самосознаніе* пѣвца. Музы дали мнѣ славу, память обо мнѣ не пройдетъ, говоритъ Сапфо̀ (fr. 10, 32); я положилъ свою печать на эти стихи, плодъ

Библиотека "Руниверс"

моего искусства, поетъ Теогнисъ, никто не похититъ ихъ, не подмѣнитъ, всякій скажетъ: вотъ стихи Теогниса изъ Мегары (v. 19—23). Я далъ тебѣ крылья, ты полетишь надъ землей и моремъ, продолжаетъ онъ, обращаясь къ другу, котораго воспѣлъ; на всѣхъ праздненствахъ юноши станутъ пѣть про тебя; даже когда ты будешь въ Аидѣ, твоя память не минется, а распространится даромъ Музъ, увѣнчанныхъ фіалками. Всюду, гдѣ только будутъ чтить искусство пѣсни, ты будешь жить, пока стоятъ земля и солнце (v. 237—252). Пѣсня станетъ силой: она дастъ славу воспѣтому, и за нее будутъ платить.

Самосознаніе пѣвца—самосознаніе личности, выходившей изъ сословной замкнутости и партійныхъ предубѣжденій. Анонимный пѣвецъ эпическихъ пѣсенъ смѣняется поэтомъ, и о немъ ходятъ не легенды, какъ о Гомерѣ и Гезіодѣ: у него есть біографія, подсказанная отчасти имъ самимъ, потому что самъ онъ охотно говоритъ о себѣ, заинтересовалъ собою и себя и другихъ. Біографіи трубадуровъ указываютъ на зарожденіе такого же интереса. Архилохъ и Алкей—индивидуальности, за Архилохомъ нѣтъ даже партіи: онъ самъ по себѣ. Боецъ по призванію, энтузіастъ борьбы, мечемъ или ядовитымъ ямбомъ, служитель Арея и Музъ (fr. 1), онъ откровенно выноситъ на показъ свои личные счеты и недочеты, иронизируетъ надъ самимъ собою (fr. 5), реалистъ и идеалистъ вмѣстѣ, ищущій мѣры, (fr. 66), которая не лежала въ его натурѣ. Въ Алкеѣ эта мѣра дана его жизнерадостностью: онъ аристократъ, рыцарь партіи, поетъ политическія пѣсни, но воспѣваетъ и вино и красоту и любовь. Къ Сапфо онъ обратился съ двустишіемъ: Цѣломудрая Сапфо, съ кудрями цвѣта фіалки, съ медвяной улыбкой, хотѣлъ бы я сказать тебѣ нѣчто, да меня удерживаетъ стыдъ (fr. 55). Она отвѣчала: Еслибъ твое желаніе направлено было на благое и хорошее, и языкъ не готовъ былъ примѣшать что-либо дурное, стыдъ не покрылъ бы твоего чела, и ты сказалъ бы все по правдѣ, откровенно (fr. 28). Съ застѣнчивою просьбой Алкея сличите новогреческое четверостишіе:

Θέλο νὰ σὲ εἰπῶ, κυρά μου,
Τὸν κάψωνα τῆς ἀγάπης,
ἀλλ' ἐντρέπομαι, κυρά μου,
Τί νὰ σοῦ τὸ συντυχαίνω.

Такъ обмѣниваются въ Сициліи крестьяне и крестьянки любовными stornelli; четверостишія Алкея и Сапфо — художественная

Библиотека "Руниверс"

разработка знакомой намъ народной лирической формы: „не сидится мнѣ за станкомъ, милая мама. одолѣла меня Афродита страстью къ стройному юношѣ“, поетъ Сапфо, совершенно въ стилѣ весеннихъ пѣсенъ Carmina Burana.

Такихъ народныхъ мотивовъ полны эпиталамы Сапфо, отъ которыхъ сохранились лишь отрывки и отзвуки въ подражаніяхъ Ѳеокрита и Катулла. Идетъ женихъ, и пѣсня Гименея весело обращается къ плотникамъ: пусть подвысятъ крышу, женихъ подобенъ Арею, выше высокаго мужчины (fr. 91). Такъ въ ярославской свадьбѣ дружка, входя въ избу невѣсты, приговариваетъ. спрашивая: Нѣтъ ли у васъ на мостахъ калиновыхъ столбовъ близко, перекладовъ низко, чтобы мнѣ, дружкѣ, ступить да головы не проломить?—Яблоко, символъ дѣвушки, невѣсты въ народныхъ пѣсняхъ, является, очевидно, съ такимъ именно значеніемъ: оно алѣетъ на верху вѣтки, собирающіе забыли его; не то что забыли, а достать его не могли (fr. 93). Другому распространенному символу, выражающему брачный актъ срываніемъ, топтаніемъ цвѣтка, отвѣчаетъ образъ гіацината, на который въ горахъ наступили пастухи, а онъ склонилъ долу свою пурпурную головку (fr. 94). Есть игра словами: Гесперъ, ты приводишь все, что разсѣяла свѣтлая Эосъ: приводишь овцу, приводишь козу,—уводишь отъ матери дочку (fr. 95). Она хочетъ остаться въ дѣвушкахъ (№ 96), но ее отдаютъ, на то отецъ (fr. 96). Въ иныхъ формулахъ встрѣчаются повторенія чисто народнаго стиля: Съ кѣмъ бы получше сравнить тебя, женишокъ? Сравнить лучше всего съ прямою вѣткою (fr. 104). Дѣвичество уходитъ: Дѣвичья доля, дѣвичья доля, зачѣмъ покидаешь меня, оставляешь?—Не приду я къ тебѣ болѣе, не приду! (fr. 109). Это, вѣроятно, припѣвъ хора.

Въ лирикѣ, выразившей прогрессъ личности на почвѣ групповаго движенія, вопросъ чувства, любви. займетъ первое мѣсто. Пѣсни Сапфо посвящены любви и красотѣ; красотѣ тѣла, дѣвушекъ и эфебовъ, торжественно состязавшихся въ ней у храма Геры на Лесбосѣ; любви, отвлеченной отъ грубости физіологическаго порыва къ культу чувства, надстраивавшагося надъ вопросами брала и пола, умѣрявшаго страстность требованіями эстетики, вызывавшаго анализъ аффекта и виртуозность его поэтическаго, условнаго выраженія. Отъ Сапфо выходъ къ Сократу: не даромъ онъ называлъ ее своей наставницей въ вопросахъ любви. Все это выходило облагороженнымъ изъ бытовыхъ условій, спеціально развившися въ греческой жизни, и принимало ихъ формы, какъ и новыя вѣянія рыцарской любви нашли

Библиотека "Руниверс"

себѣ выраженіе въ такихъ же бытовыхъ формахъ, обеспечивавшихъ свободу чувства. По отношенію къ любовной лирикѣ, тамъ и здѣсь, я говорю именно о формахъ быта, не всякая пѣсня трубадура предполагаетъ реальный субстратъ, а нѣчто искомое, не всегда осязательное, отвлеченное отъ дѣйствительности, гдѣ желаемому не было мѣста, тогда какъ фантазія могла работать надъ нимъ, изощряя чувство и раскрывая его до дна.

Сапфо выразила его въ разнообразіи переливовъ свѣта и тѣни, ревности и страсти и томленія въ одиночествѣ. Любовь потрясаетъ ее, какъ вихръ, спускающійся на горные дубы (fr. 42); богу подобенъ, кто сидитъ возлѣ тебя, слышитъ твой голосъ, твой милый смѣхъ. Какъ увижу я тебя, мое сердце всполохнется въ груди и я нѣмѣю; огонь пробѣгаетъ подъ кожей, въ глазахъ тускнѣетъ, въ ушахъ жужжитъ; я вся въ поту, дрожу, цвѣтъ лица травяной, точно подходитъ смерть (fr. 2). Отъ этой реальной картинки къ другой: Сапфо вспоминаетъ, какъ Афродита явилась когда то на ея зовъ, покинувъ золотыя хоромы Зевса; птички несли ея колесницу надъ темной землею, часто потрясая крыльями. О чемъ молишь ты? спросила богиня; та, что гнушается твоею любовью, еще будетъ искать тебя, полюбитъ, если не любила (fr. 1). — И снова Сапфо одна: Зашла Селена и Плеяды, ужъ полночь; часъ проходитъ, а я одна на моемъ ложѣ! (fr. 52).—Это мотивъ Ständchen сѣвернаго стиля.

Когда говорятъ о началахъ ново-европейской лирики, соединяютъ ее въ одинъ отдѣлъ съ гномикой (Koegel), либо обособляютъ, въ отдѣлѣ chanson, ея объективные жанры отъ субъективныхъ, лирику древняго народнаго типа отъ рыцарской (Jeanroy). Поводы къ такому выдѣленію даны не отличіемъ настроеній, характеризующихъ коллективную эмоціональность народной пѣсни съ одной стороны и лирику личнаго чувства съ другой, а формальнымъ признакомъ: въ пѣсняхъ перваго рода выводятся на сцену постороннія пѣвцу лица, самъ онъ рѣдко заявляетъ о себѣ; оттуда опредѣленіе объективности. Если провести этотъ внѣшній критерій до конца, границы субъективной и объективной лирики пошатнутся, многое, отнесенное въ область первой, получитъ свое объясненіе въ явленіяхъ второй и въ началѣ всего развитія объявится древнѣйшій пластъ хоровой, обрядовой поэзіи, пѣсни въ лицахъ и пляскѣ, изъ которыхъ послѣдовательно выдѣлились эпическіе и лирическіе жанры: французскіе chan-

Библиотека "Руниверс"

sons à danses, caroles, чему въ субъективной лирикѣ отвѣтятъ rondet и balette, пров. balada, dansa, нѣм. reige; обращикъ нѣмецкой игровой лирико-эпической пѣсни (Die Tänzer von Köbigk) восходитъ, по мнѣнію Шредера, къ половинѣ XI вѣка. Діалогическій, амебейный стиль пастурели, отнесенной къ объективной группѣ, родственъ по своему происхожденію съ тенцоной и jeu parti; нужды нѣтъ, что послѣдними формами овладѣла субъективная, художественная поэзія: мы знаемъ, что онѣ развивались въ связи съ хоромъ, какъ изъ хороваго речитатива обособилась лирико-эпическая пѣсня, chanson d'histoire, de toile, à personnages, что на другой почвѣ мы назовемъ балладой или романсомъ. Такія пѣсни выносили свою эпическую канву изъ хороваго дѣйства, ихъ исполняли мимически и діалогически, прежде чѣмъ сложился ихъ связный текстъ, подъ который продолжали плясать. Пѣсни Нейдгарта начинаются приглашеніемъ къ танцу и переходятъ въ сценку: либо старуха уговариваетъ дѣвушку воздержаться отъ пляски, либо дѣвушка подговариваетъ подругу идти и т. п. Вильмансъ считаетъ такое соединеніе лирическаго обращенія съ эпическимъ сюжетомъ явленіемъ позднимъ; отвѣтомъ могутъ служить приведенныя нами [1]) игровыя пѣсни о женѣ и нелюбимомъ мужѣ и т. п. Связь дана была дѣйствомъ.—Трехчленное строеніе строфы въ нѣмецкомъ Minnesang'ѣ приписываютъ вліянію провансальскихъ и французскихъ образцовъ, но оно естественно развилось изъ подхватовъ, повтореній хора или хоровъ и приставшаго къ повтореніямъ припѣва.

Но какъ представить себѣ начало собственно лирической пѣсни, chanson, развившейся въ художественный жанръ провансальскаго vers, canso, съ неисчерпаемымъ богатствомъ ея отраженій?

Выше я привязалъ эти начала къ эмоціональнымъ кликамъ древняго хора, къ коротенькимъ формуламъ разнообразнаго содержанія [2]); изъ нихъ и вокругъ нихъ выростала пѣсня. Либо это формула параллелизма, въ родѣ:

Gruonet der walt allenthalben,
Wa ist mîn geselle alse lange?
(Carm. Bur. 188);

---

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаю Просвѣщенія*, 1899, мартъ, l. c., стр. 89—90.

[2]) См. выше, стр. 236—237.

Библиотека "Руниверс"

либо призывъ къ любви:

Kume, kum, geselle mîn,
ih enbiete harte dîn,
ih enbiete harte dîn,
Kume, kum, geselle mîn.

(См. тамъ же въ другой пѣснѣ: Ich sage dir, ich sage dir, mîn geselle kum mit mir).

Или это пожеланіе, привѣтъ, обращенный къ милому, какъ въ Руодлибѣ: у меня столько любви, сколько листьевъ въ чащѣ. Это salut d'amour, развитый въ художественный родъ провансальскою и французскою лирикой. Къ такимъ формуламъ принадлежатъ и нѣмецкія: „Ты моя, я твой", съ образомъ милой, навсегда запертомъ въ сердцѣ влюбленнаго. Гномическіе и сатирическіе мотивы, являющіеся порой въ запѣвѣ или припѣвѣ пѣсни, могли быть ея основною темой: Кто любитъ, сладко спать, Qui s'entreaiment, soef dorment, слышится въ припѣвѣ одной chanson d'histoire (Le samedi au soir); женщину и охотничью птицу легко приручить (wîp unde vederspil die werdent lihte zam): на этомъ построена пѣсенка народнаго типа изъ числа приписанныхъ von Kürenberg'у. Французскіе refrains, припѣвы, въ сущности, мотивы пѣсни; испанское refran—поговорка.

Содержаніе этой народной лирики должно было отвѣчать бытовому уровню народной среды и качествамъ ея аффективности. Церковные люди называли эти пѣсни, хоровыя (choros), плясовыя (ballationes, saltationes) или монодическія (cantica paellarum?)—діавольскими, безстудными, cantica turpia, luxuriosa; монахинямъ запрещаютъ писать и посылать любовныя пѣсенки (winileodos); Gesta abbatum Trudonensium (l. XII, 11 слѣд.) говорятъ о безчинствахъ, сопровождавшихъ обрядовые хороводы. Многое въ этихъ отрицательныхъ отзывахъ можно объяснить узкостью церковнаго взгляда, но вызывавшіе его факты существовали. Мы говорили о слѣдахъ стараго эротизма въ майскихъ пѣсняхъ и обрядахъ [1]); онъ отразился въ нѣкоторыхъ пьэсахъ Carmina Burana, въ подражаніяхъ Нейдгарта; французскія chansons d'histoire берутъ сюжетами: нелюбовь жены къ старому мужу, жалобы дѣвушки, заключенной въ монастырь — темы майскихъ хоровыхъ игръ. Таково могло быть настроеніе древней „безстудной"

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1899 г., мартъ, l. c., стр. 87 слѣд.

Библиотека "Руниверс"

пѣсни: наивные порывы чувства, весело идущаго къ цѣли, наивнаго, какъ природный спросъ; выражали его одинаково мужчина и женщина; починъ часто принадлежалъ ей, какъ вообще въ народной любовной лирикѣ она выступаетъ самостоятельнѣе, свободнѣе, не только сѣтуетъ и молитъ, но и призываетъ. Діалогизмъ пѣсни естественно выражалъ эти отношенія; простѣйшая эпическая схема, на-ряду съ другими, бытовыми: ожиданіе гдѣ то, выходъ къ хороводу и т. п. Все это уже въ старой народной пѣснѣ могло очутиться общимъ мѣстомъ.

Первыя художественныя проявленія нѣмецкой лирики на почвѣ культурнаго рыцарскаго класса воспроизводитъ такой именно типъ пѣсни. Въ числѣ немногихъ пьесъ, дошедшихъ до насъ изъ этого періода развитія, есть строфы съ народными мотивами, діалогами, откровеннымъ настроеніемъ любви и иниціативой женщины. Она не стѣсняется признаніемъ; такъ у фонъ-Кюренберга: „Когда я стою одна, раздѣтая (in mînem hemede), и раздумаюсь о тебѣ, благородный рыцарь, краснѣю, какъ роза на шипу, и на сердце ложится печаль“ (M. F. 8, 11 сл.); „Поздно ночью стоялъ я у твоего ложа, говоритъ ей ея милый, и не рѣшился разбудить тебя.—Да накажетъ тебя Господь, вѣдь я не медвѣдь какой“, отвѣчаетъ она (ib. 8, 9 слѣд.). Она страдаетъ предчувствіемъ разлуки, жалуется на людей, помѣшавшихъ ея счастью (ib. 7, 19 слѣд.; 9, 13 слѣд.); холила сокола-молодца, а онъ отлетѣлъ: Господь да сведетъ тѣхъ, кто любитъ другъ друга (ib. 8—9, 33 слѣд.). Такимъ пожеланіемъ, встрѣчающимся въ одной старо-португальской пѣснѣ, кончается пѣсенка, попавшая въ серію приписанныхъ фонъ-Кюренбергу. Въ другой, анонимной, либо обозначенной именемъ Дитмара von Aiste, мотивъ сокола поставленъ иначе: дама смотритъ въ даль, поджидаетъ своего милаго, сѣтуетъ: другія завидуютъ ей, отнимутъ его; пролетаетъ соколъ, и сама она начинаетъ завидовать его свободѣ: ему вольно выбрать дерево, на которое опуститься (l. c. 37, 4). Но она бываетъ и назойлива не въ мѣру: пѣсня фонъ-Кюренберга начинается такимъ же общимъ мѣстомъ, какъ и одна изъ предыдущихъ: „Поздно ночью стояла я на забралѣ, слышала, какъ въ толпѣ статный рыцарь пѣлъ—на напѣвъ Кюренберга. Онъ будетъ моимъ; коли—нѣтъ, пусть покинетъ этотъ край.—Подай мнѣ скорѣй моего коня, дай мою броню, говоритъ (конюху) рыцарь: придется мнѣ покинуть этотъ край изъза одной дамы. Хочетъ она приневолить меня къ любви, пусть же останется безъ нея навсегда“ (l. c. 8, 1 слѣд., 9, 29 слѣд.).

Библиотека "Руниверс"

Пѣсни Дитмара von Aiste, Meinloh von Sevelingen, бургграфа Регенсбурга и др. принадлежатъ къ тому же лирическому стилю. Дѣйствующія лица: рыцарь и дама, frouwe, но она зоветъ его friunt (amî), geselle, trût (druz), helt, онъ ее friwendin; желанія выражаются реальныя: обнять, приласкать, провести счастливую ночь (bî ligen, umbevangen, guote naht); о томъ говоритъ женщина; въ альбѣ Дитмара фонъ Эйстъ она будитъ своего дружка: уже птичка взлетѣла на вѣтви липы, надо разстаться; нѣтъ любви безъ горя, lieb âne leit mac niht gesîn, говоритъ онъ, уѣзжая. Въ нѣмецкой альбѣ, Tagelied, удержалась на сторонѣ женщины инициатива страстности, когда въ другихъ лирическихъ родахъ уже воцарился новый идеалъ любви, хотя и позже, въ пору расцвѣта Minnesang'a, реализмъ народной пѣсни продолжаетъ отзываться у Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде, Нейфена, и др.

Какія дѣйствительныя отношенія рыцарскаго быта отразила эта лирика? Ставлю этотъ вопросъ въ виду недавней попытки Бергера спасти цѣломудріе нѣмецкаго рыцаря, доказавъ, въ противорѣчіи со всѣми другими изслѣдователями, что культъ чужой жены, главное вѣроученіе романскаго кодекса любви, коснулся Германіи лишь стороною, что здѣсь рыцари любили только незамужнихъ женщинъ съ цѣлью брака, а если и замужнихъ, то по памяти о юношескомъ увлеченіи дѣвушкой, ставшей потомъ женой другаго. Это сдѣлало бы честь нѣмецкимъ рыцарямъ, если бы оправдывалось фактами, но не спасло бы Бергера отъ необходимости сосчитаться съ такими выраженіями, какъ bî ligen и т. п., обычными въ лирикѣ еще мало тронутой романскимъ вліяніемъ. Я становлюсь здѣсь на точку зрѣнія Бергера, не увидавшаго своихъ собственныхъ противорѣчій: „нельзя заключать по темамъ фабліо объ огульности женской „злобы", по современному французскому роману—о безнравственности общества, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ; эту мѣрку надо было перенести и на средневѣковую лирику и не защищать нѣмецкую нравственность", а объяснить себѣ условность нѣкоторыхъ поэтическихъ формулъ, которыя и при самомъ зарожденіи могли выражать скорѣе желаемое, чѣмъ реальное, и далѣе удержаться въ обиходѣ среди общественныхъ отношеній, при которыхъ это реальное еще менѣе было возможно.

Нѣмецкая рыцарская лирика древняго типа еще идетъ въ колеѣ народной, перенимая ея образы и положенія, чувственно свѣжая и непосредственная; въ вопросахъ любви женщинѣ принадлежитъ здоровая, дѣятельная роль въ предѣлахъ извѣстной равноправности съ

Библиотека "Руниверс"

мужчиной. Затѣмъ положеніе мѣняется: женщина какъ будто вышла изъ живаго общенія чувства, повышена надъ нимъ, мужчина имъ порабощенъ. Роли дѣйствующихъ лицъ переставились, измѣнилось и пониманіе любви: она становится идеальнѣе, абстрактнѣе, несмотря на матеріальныя формы выраженія. Мы во второй порѣ нѣмецкаго Minnesang'a.

Возможно ли было выйдти къ этому новому пониманію средствами старой нѣмецкой лирики фонъ-Кюренберга и его сверстниковъ—отвѣтить на это трудно: развитіе нарушено было вліяніемъ лирики Прованса и воспитанной на ней французской. Этимъ не устраняется предположеніе, что уже пѣсни Кюренберга, какъ и trautlied австрійскихъ рыцарей, о которыхъ говоритъ Генрихъ von Melk (около 1160—1170 годовъ) могли испытать раннее вліяніе романскихъ образцовъ (черезъ сѣверную Италію и Фріуль, по мнѣнію Шёнбаха), овладѣть ихъ условной фразеологіей, наприм., понятіемъ „служенія", встрѣчающимся и въ нѣмецкихъ строфахъ Carmina Burana. Но воздѣйствіе это не тронуло, повидимому, идеальнаго содержанія чувства; оно измѣнилось, когда непосредственное вліяніе Прованса и Франціи водворило новый кодексъ любви, сложившійся въ средѣ культурнаго романскаго рыцарства и настроившій его поэзію. Дѣло идетъ не о зарожденіи новаго этическаго взгляда на женщину, что считаютъ существенною заслугой именно нѣмецкаго Minnesang'a, а о расширеніи и обогащеніи мужскаго идеала любви. Это не весенній порывъ, не одно колебаніе желаній и удовлетвореній, а нѣчто болѣе полное, охватывающее весь душевный строй, выводящее чувственность къ идеальности аффекта, дающее радость и горе высшаго порядка; нѣчто такое, къ чему стоитъ стремиться, что не дается захватомъ, а надо пріобрѣсть трудомъ и мольбой, служеніемъ той, кто свободно располагаетъ правомъ снизойдти или отвергнуть. Въ семьѣ права были на сторонѣ мужа, дѣвушка рыцарскаго класса показывалась въ люди, но состояла подъ охраной сословнаго этикета, далекая отъ деревенской свободы; прежде всего—объектъ брака. Когда чувство настроилось на тему „служенія", оно естественно найдетъ для своего выраженія бытовую формулу: любимая женщина будетъ сюзереншей того, кто ищетъ ея взаимности; не своя жена, ибо она при сюзеренѣ мужѣ, а жена другаго, независимая, полноправная. Головная, утопическая формула, вызванная сословною эволюціей чувства, формула, которой могли отвѣчать, порой и отвѣчали, дѣйствительныя отношенія жизни, но которая вовсе не предполагаетъ ихъ въ основѣ, какъ точку отправленія;

Библиотека "Руниверс"

къ лирикѣ она приладилась, заполнивъ ее, какъ формула „желаемаго“. Разница между нею и условно-символическими образами нашего поэтическаго языка лишь въ томъ, что ея обхватъ былъ шире, что она обняла цѣлую область духовныхъ интересовъ, стоявшихъ на очереди развитія, и послужила ихъ анализу. Схема „служенія“ разработалась до мелочей чертами феодальныхъ нравовъ и обычаевъ: дама—сюзеренъ, рыцарь—вассалъ, онъ ея подданный, обязанный ей неизмѣнною вѣрностью, оберегающій ея честь, свою и ея тайну—и въ словарь новой лирики входятъ такіе термины, какъ domnei, donnoi dienen, undertân и т. п., что напоминаетъ фразеологію римскихъ элегиковъ: domina, servire. Отношенія и обороты старой пѣсни получаютъ въ этой обстановкѣ новый колоритъ. Образный параллелизмъ народныхъ запѣвовъ обратится въ формулу, мы сказали бы, въ музыкальную прелюдію Natureingang'a. Когда-то любящіе видѣлись ночью украдкой и разставались, лишь только птицы или ночной сторожъ подадутъ вѣсть, что свѣтаетъ; теперь сцена переселилась въ замокъ, гдѣ дама сердца живетъ подъ строгой охраной (huote), окружена соглядатаями (merkere; losengiers—lugenaere), и въ рыцарскую альбу входитъ новое идеальное лицо,—пріятеля влюбленныхъ, стоящаго на стражѣ и предупреждающаго ихъ, что пора разойдтись.—Птица-вѣстникъ народной пѣсни перешла и въ рыцарскую, но чаще является посланецъ (Bote); это шло къ обстановкѣ. Далѣе явятся образы, подсказанные аллегоріями Физіолога, чтеніемъ Овидія; условныя выраженія получаютъ права гражданства: складывается особый стиль, отвѣчающій новому настроенію чувства, которое раскрывается въ своихъ тайникахъ, разбирается по мелочамъ, съ неизбѣжными повтореніями и настоятельностью. Надъ понятіемъ реальной любви, спустившейся къ значенію низменной, выступаетъ идеалъ чистой, возвышенной любви (fin amor, amistat fina, hohe Minne), облагораживающей человѣка, очищающей его вожделѣнія, поднимающей его духъ (hochgemuot) надъ волненіями плоти къ чему то, что мы готовы назвать симпатіей сердца, платонической дружбой. Безъ нея не заслужить милости Божіей, поетъ Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде: никогда она не ютится въ лживомъ сердцѣ и такъ угодна небу, что я молю ее—показать мнѣ туда путь (81, 25). Ее-то надо воспитать въ себѣ, къ ней стремиться, по ней томиться—и въ фразеологію лирики входятъ слова: senen, klagen, kumber; такое чувство довлѣетъ самому себѣ, служитъ себѣ объектомъ: все дѣло въ радостномъ самоощущеніи, въ наслажденіи мыслью, желаніемъ (wân, gedanke, gedinge).

Библиотека "Руниверс"

психическимъ процессомъ, раскрывающимъ въ насъ новую духовную цѣнность. Кѣмъ онъ вызванъ—можетъ быть безразлично: „поступай въ услуженіи дамы такъ, чтобы и другимъ это было по сердцу; тогда, можетъ статься, иная осчастливитъ тебя, если эта не пожелаетъ“ (Walter v. d. Vogelweide 93—34); Зачѣмъ любите вы столькихъ рыцарей, столькимъ юношамъ дарите вѣнки? спросилъ Филиппъ англійскій мадонну Лизу; она отвѣчала: Я люблю многихъ, какъ могла бы любить и одного, и люблю одного такъ, чтобы мнѣ можно было любить себя и того болѣе.

Естественное, реальное чувство невольно прорывалось въ абстракціяхъ fin amor, требуя исхода, выражаясь ярко и откровенно, порой угрозами; его устраняютъ, съ нимъ борются, но съ нимъ и играютъ, идутъ ему на встрѣчу въ увѣренности побѣды, побѣды не легкой. Это настраивало элегически страстно, поднимало самосознаніе, въ такой жертвѣ есть доля сладострастія. Мистики баюкали себя чувственными образами, которымъ давали духовный смыслъ; но они отрѣшились отъ свѣта; рыцарская любовь отвлекалась отъ чувственности къ сознанію другихъ, нравственно-эстетическихъ отношеній, но они не ладили съ спросами темперамента и условіями быта. Все это грозило формализмомъ. Сюзеренша сердца не подняла значенія женщины: попрежнему она юридически безправна, существо низшаго разряда, предметъ грубаго вожделѣнія, вызываетъ шутку и злословіе и соблазнительный анекдотъ. Она царитъ въ мірѣ условнаго чувства, и если съумѣетъ овладѣть имъ, привлечь симпатіи, самъ проникается сознаніемъ предоставленныхъ ей правъ, своего преимущества передъ мужчиной, принимаетъ его служеніе, какъ должное, сдерживаетъ его порывы, созидаетъ салонные нравы. Это женщина—формула рыцарской лирики, окруженная нерѣдко фиктивною дѣйствительностью; моментъ самоанализа для поэта, занятаго своимъ чувствомъ, бесѣдующаго съ собою: діалогизмъ, естественно развивавшійся въ отношеніяхъ народной пѣсни, долженъ былъ спуститься къ значенію риторическаго общаго мѣста. Разумѣется, милая поэта—красавица; она тонетъ въ цвѣтущихъ сравненіяхъ; у Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде пьеса въ 50 стиховъ занята описаніемъ ея физическихъ прелестей (53, 23), что опять напоминаетъ римскихъ элегиковъ: другая обременяетъ ее семью эпитетами подъ рядъ (edeliu, reine, wolgekleidet, wol gebunden, hovelichen, hochgemuot, umbesehend ein wênec). Она обуяла душу и тѣло поэта, онъ молитъ о взаимности, клянется, колеблется между надеждой и отчаяніемъ, служилъ долго, напрасно, безплодно; порой

Библиотека "Руниверс"

она склоняется къ нему, настроена страстно, чаще остается неприступною, враждебною: существенная, типическая черта формулы служенія, безъ которой поэтъ былъ бы какъ безъ рукъ. У средневѣковыхъ лириковъ есть серіи любовныхъ пѣсенъ, слагающихся какъ бы въ личный романъ; нѣтъ нужды искать въ нихъ непремѣнно отраженія дѣйствительности, исторіи встревоженнаго кѣмъ-то сердца, этого мы не станемъ требовать и отъ современнаго романа; что поражаетъ—это преобладаніе рецепта, въ которомъ доля влюбленныхъ заранѣе опредѣлена, дама сердца иконографически условна и неподвижна. Ограниченный кругозоръ рыцарскаго пѣвца не въ состояніи оживить ее.

Таковъ былъ идеалъ любви, наполнявшій средневѣковую лирику и романъ: такое-же выраженіе сословной личности, какъ рыцарская этика, поскольку она не опредѣлена была вліяніемъ церкви, какъ рыцарское вѣжество (courtoisie), какъ понятіе чести и культъ подвига ради подвига, устремлявшагося въ безцѣльную даль авантюры. Во всемъ этомъ были элементы нравственнаго прогресса, но они вызывали рядъ противорѣчій выспренной любви съ отношеніями семьи, физіологіи съ отвлеченнымъ чувствомъ, грубости нравовъ съ куртуазіей, личнаго героизма съ наростающими вопросами общественности и политики. Все это уживалось въ предѣлахъ культурнаго класса, въ сословномъ досугѣ; кое-что, новое и идеальное, переходило въ практику жизни, но чаще мирилось съ ней, какъ мирится фантастика съ дѣйствительностью, не поднимая вопроса о противорѣчіяхъ. Фантастическая автобіографія Ульриха фонъ-Лихтенштейнъ наивно играетъ ими; романъ—формула, въ которомъ выразились отрицательные итоги сословнаго идеализма.

Когда рыцарство пало, какъ живая сила, спустилось къ уровню салона и турнира (Фруассаръ) или кулачнаго права, обнаружилась односторонность его этическаго содержанія, и его лирика изсякла въ перепѣвахъ. Непосредственный реализмъ народной пѣсни, къ которой прислушивался Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде, не послужилъ ей источникомъ обновленія; Нейдгартъ шаржируетъ ее, создается искусственный родъ пастурели, вышедшій изъ амебейныхъ сценокъ обрядовой поэзіи; народностью балуются, играютъ въ paysannerie. Чѣмъ-то архаически печальнымъ вѣетъ отъ виртуозныхъ пѣсенокъ Карла Орлеанскаго, продолжавшаго, въ пору англійскаго погрома, играть въ головное чувство, воспитанное въ сословной замкнутости; и въ то-же время у другаго изъ послѣднихъ рыцарскихъ пѣвцовъ, Освальда фонъ-Волькенштейнъ, слышится народная, реальная струя.

Библиотека "Руниверс"

Признаки времени: наслѣдіе рыцарской этики и куртуазіи переходитъ въ другія руки, усвоивается формально или содержательно. Мы входимъ въ новую сословную эволюцію поэзіи.

Въ XIV вѣкѣ вновь раздается, во Франціи и Германіи, давно забытая народная пѣсня; ее записываютъ, ей подражаютъ; намъ говорятъ о возникновеніи ея особаго литературнаго жанра, къ которому примкнула, будто бы, традиція современной народной пѣсни съ ея бытовыми рыцарскими мотивами и фразеологіей. Передатчиками могли быть непосредственно бродячіе пѣвцы, но, быть можетъ, и культурная буржуазія: она переняла вѣжество рыцаря, знакома съ его лирикой, и вмѣстѣ съ тѣмъ близка къ народу и его пѣснѣ; то и другое могло объединиться въ обиходѣ буржуазной семьи; въ этой то сферѣ создались нѣмецкія Hof-и Gesellschaftslieder, переселившіяся далѣе на площадь и въ деревню.

Это вызываетъ рядъ вопросовъ. Несомнѣнно вліяніе поэзіи культурныхъ классовъ на народную тамъ, гдѣ эта двойственность существовала, что было, напримѣръ, во Франціи, Германіи и Италіи, и чего не было у насъ; но необходимо отличить, что именно было заимствовано и что вернулось, какъ старое наслѣдіе, пережившее на сторонѣ извѣстную культурную эволюцію и только давшее новыя формы тому, что было и не забывалось. Когда, напримѣръ въ XV вѣкѣ и позже, народная нѣмецкая пѣсня и пѣсня народнаго стиля говорятъ о завистникахъ (neider), сплетникахъ, доносчикахъ (klaffer), всегда готовыхъ помѣшать чужому счастью, то это—мотивъ, навязывавшійся повсюду: о сплетникахъ, завистникахъ говоритъ Катуллъ, греческія пѣсни о сосѣдяхъ—зложелателяхъ (γείτονες, κακοθελητάδες), русская пѣсня о пересудахъ, ворогахъ, которые брешутъ, какъ рыцарская лирика о losengiers, lugenaere, merker. Но нѣмецкая народная пѣсня знаетъ и о „служеніи“ дамѣ сердца, дѣвушкѣ, ибо „сюзеренша“ исчезла вмѣстѣ съ условіями соотвѣтствующаго быта:

Ich dient ir frue und ganz mit trewen
Demselben frewelein,
Ich dient ir in allen reien
Biz auf das ende mein;

либо:

Mein feins lieb wolt mich leren
Wie ich im dienen soll.

Отголоски ли это рыцарскаго служенія, или выраженіе отношеній, самостоятельно возникшихъ въ народномъ быту на смѣну тѣхъ, ко-

Библиотека "Руниверс"

торыя такъ ярко отражаются въ пѣсняхъ, напримѣръ, весенняго цикла? Отвѣтить трудно; еще не написана исторія мужскаго идеала любви въ народныхъ пѣсняхъ и бытѣ, стоявшихъ вдалекѣ отъ воздѣйствій культурныхъ классовъ и воспитаннаго ими чувства. Намъ говорятъ о женской „долѣ", не о мужской куртуазіи. Въ ней несомнѣнно совершался прогрессъ, опредѣленный тѣми или другими условіями. Слѣдующіе примѣры отведутъ насъ далеко за предѣлы средневѣковой европейской лирики, но они не безынтересны съ теоретической точки зрѣнія. Намъ знакомъ эротизмъ, сохранившійся въ переживаніяхъ старыхъ весеннихъ обрядовъ; въ теченіи времени онъ смягчился до формъ болѣе абстрактныхъ и идеальныхъ: церковь преслѣдовала древнія русаліи, но не отказывала въ своемъ освященіи явленіямъ побратимства и посестримства; народное кумовство связываетъ явленія бытоваго и церковнаго порядка. Далѣе пошелъ сванетскій линтурали, несомнѣнно вышедшій изъ обрядоваго принятія въ родъ— къ формамъ служенія дамѣ, близко напоминающимъ рыцарское. Линтурали [1]) — это обрядъ, устанавливающій родственныя отношенія между сваномъ и сванеткой, замужней или дѣвушкой, и дающій первому право служить послѣдней; отношенія понимаются не въ смыслѣ побратимства, а какъ бы между сыномъ и матерью. Получивъ согласіе дамы, ея родителей или мужа, сванъ отправляется въ означенный вечеръ въ ея домъ, въ сопровожденіи друга; его встрѣчаютъ съ почетомъ и угощаютъ; хозяинъ и всѣ присутствующіе поднимаютъ чаши съ водкой и просятъ Бога благословить линтурали; послѣ этого сванъ преклоняетъ колѣна и голову передъ дамой и, въ знакъ неизмѣнной преданности: спрашиваетъ: ему ли прикоснуться зубомъ къ ея груди, то-есть ему ли быть ея отцемъ, или ей быть его матерью. Въ послѣднемъ случаѣ обожатель растегиваетъ ей платье и, насыпавъ на ея грудь соли, прикладывается зубомъ трижды, повторяя: Ты мать, я сынъ. Обрядъ завершается поцѣлуемъ, а на другой день обмѣномъ подарковъ, послѣ чего между мужчиной и женщиной устанавливается кровное родство: они бываютъ другъ у друга, даже спятъ вмѣстѣ, но пока никто не сомнѣвался въ чистотѣ ихъ отношеній. Обычай этотъ зовется „христіанство" (ликрисдъ); мyро, которымъ помазывали новыхъ родственниковъ, сваны доставали когда то отъ своихъ жрецовъ, а тѣ получали его отъ христіанскихъ священниковъ.

[1]) См. мою замѣтку въ *Кавказѣ* 1897 г. № 152: Сванетскій линтурали и рыцарское служеніе дамѣ.

Библиотека "Руниверс"

Прикосновеніе къ груди — символъ молочнаго родства по кормилицѣ или, какъ здѣсь, по фиктивной матери; такого рода связь устанавливала и молочное братство и посестримство; символомъ побратимства, какъ и средневѣковаго compagnonage и рыцарства, было еще общеніе крови. Сванъ и сванетка скрѣпляли свой союзъ поцѣлуемъ, какъ клятвой, и поцѣлуемъ скрѣплялись такія же отношенія между рыцаремъ и дамой, ленная присяга — поцѣлуемъ и передачей перчатки. Самое названіе обычая („христіанство") указываетъ на вмѣшательство церкви, освятившей и болѣе широкія явленія побратимства и рыцарскаго обряда. Вездѣ однѣ и тѣ же требованія нравственной чистоты, готовность къ одинаковому искусу: сванъ и сванетка спятъ вмѣстѣ, не помышляя о чемъ бы то ни было грѣховномъ; провансальскія и итальянскія дамы XII—XIII вѣковъ дозволяли своимъ поклонникамъ проводить съ ними ночь, обязавъ ихъ клятвенно не требовать отъ нихъ ничего, кромѣ поцѣлуя. Идеалъ сюзеренши такая же гарантія неприкосновенности, какъ фиктивная мать сванетскаго любовнаго союза. Невольно подсказывается и еще одна параллель изъ Gérard de Roussillon: жена императора Карла отдаетъ свою любовь графу Жерару при свидѣтеляхъ; символомъ союза была передача перстня; „и всегда была между ними любовь, и никогда не было ничего дурнаго".

Народная пѣсня могла отразить тѣ или другія стороны рыцарской лирики, но могла и отдать ей, отражая самостоятельный прогрессъ народнаго быта, нѣкоторые основные мотивы, которымъ оставалось развернуться въ обиходѣ рыцарства и въ идеализаціи „выспренней любви".

На почвѣ буржуазіи рыцарскую лирику постигла иная судьба. Въ Германіи горожане овладѣли ея формами и символами, не ея содержаніемъ; формы они хранятъ съ суевѣрнымъ почетомъ, кропотливо разрабатывая ихъ технику въ своихъ пѣсенныхъ цехахъ; французская поэзія XIV—V вѣковъ вводитъ и новые поэтическіе виды, дотолѣ незнакомые, но все дѣло сводится къ постановкѣ опредѣленныхъ лирическихъ типовъ, къ филигранной чеканкѣ стиха и виртуозному сплетенію риѳмъ. Всему этому надо было учиться, поэтическое дѣло стало цеховой наукой, art et science de rhétorique, не отвѣчавшей ни вѣяніямъ новаго времени, ни настроенію пріютивней поэзію среды. Нѣмецкая буржуазія живетъ по Домострою; семейная и хозяйственная, дѣловая и набожная, она настроена къ серьезному назиданію и заглядываетъ въ книжки; элементъ дидактики и рели-

Библиотека "Руниверс"

гіозности, уже предъявлявшійся въ рыцарской и духовной лирикѣ, выступаетъ теперь на первый планъ; культу дамы нѣтъ мѣста въ жизни. Въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка Іоганъ Гадлаубъ разказываетъ о своей любви, зародившейся съ дѣтскихъ лѣтъ, какъ въ дантовской Vita Nuova; это—переживаніе рыцарской формулы; муки любви для Гадлауба то же, что непосильный трудъ угольщика или повозщика. Либо поднимается педантскій споръ между Мейстеромъ Фрауенлобомъ и Регенбогеномъ: какое названіе почетнѣе—Weib или Frau?—Въ противорѣчіяхъ содержанія и формы—причины обѣднѣнія поэзіи въ Германіи и Франціи XIV—XV вѣковъ; во Франціи оно ощущается не столь рѣзко, многое искупаетъ Виллонъ, поэтъ городской богемы, но нѣмецкій Meistergesang производитъ впечатлѣніе почтеннаго буржуа въ потертой салонной одеждѣ.—На почвѣ Италіи, среди горожанъ, богатыхъ образовательнымъ преданіемъ, развивавшемъ самосознаніе личности, при эстетическомъ досугѣ и не увядавшемъ античномъ культѣ красоты, возможно было усвоеніе формъ и идеаловъ: сицилiанская лирика, отблескъ провансальской, перекочевала въ Тоскану, восприняла здѣсь реализмъ народной пѣсни и настроенія классической культуры, и изъ этой весенней встрѣчи вышелъ il dolce stil nuovo, Данте и Петрарка. Canzoniere такой же не-реальный романъ, какъ любовныя признанія средневѣковыхъ поэтовъ; Лаура такой же типъ, въ которомъ слились многія, живыя и фантастическія Лауры: поэтическое обобщеніе всего, что поэтъ пережилъ и способенъ былъ пережить въ области своего аффекта. Но этотъ аффектъ сталъ содержательнѣе, тоньше, разнообразнѣе; типъ женщины оживаетъ чѣмъ-то, что мы назовемъ личнымъ началомъ. Возрожденіе повторило чудо Пигмаліона. Начинается новое групповое выдѣленіе, надолго опредѣлившее содержаніе и формы лирики европейской.

VIII.

Эпосъ и лирика представились намъ слѣдствіями разложенія древняго обрядоваго хора; драма, въ первыхъ своихъ художественныхъ проявленіяхъ, сохранила весь его синкретизмъ, моменты дѣйства, сказа, діалога, но въ формахъ, упроченныхъ культомъ, и съ содержаніемъ мiоа, объединившаго массу анимистическихъ и демоническихъ представленій, расплывающихся и не дающихъ обхвата. Культовая традиція опредѣлила бо́льшую устойчивость хоровой, потребовала и постоянныхъ исполнителей: не всѣмъ дано было знать разно-

Библиотека "Руниверс"

образіе миѳовъ, и обрядъ, который отбывался родомъ, держась въ преданіи старшихъ, переходилъ въ вѣдѣніе профессіональныхъ людей, жрецовъ. Они знаютъ молитвы, гимны, сказываютъ миѳъ или и представляютъ его; маски старыхъ подражательныхъ игръ служатъ новой цѣли: въ ихъ личинахъ выступаютъ дѣйствующія лица религіознаго сказанія, боги и герои, въ чередованіи речитатива, діалога и хороваго припѣва.

Такъ можно теоретически представить себѣ развитіе драмы. Выходъ изъ культа будетъ моментомъ ея художественнаго зарожденія; условія художественности—въ очеловѣченномъ и человѣчномъ содержаніи миѳа, плодящемъ духовные интересы, ставящемъ вопросы нравственнаго порядка, внутренней борьбы, судьбы и отвѣтственности.

Такова греческая трагедія. Иначе сложится драматическое дѣйство, вышедшее изъ обрядоваго хора: оно ограничится миѳологическою или эпическою темой, разбитой на діалоги, съ аккомпаниментомъ хора и пляски (Индія), либо разовьетъ, въ непосредственной близости къ обряду, рядъ бытовыхъ сценокъ, слабо связанныхъ или и не связанныхъ его нитью. Таковъ типъ Ателланъ и южно-италіанскаго мима. На всѣхъ стадіяхъ этого развитія мы встрѣтимъ слѣды стараго хороваго состава, иногда болѣе ясные тамъ, гдѣ мы всего менѣе ихъ ожидаемъ, запутанные тамъ, гдѣ, казалось бы, близость къ обрядовому источнику должна была гарантировать ихъ бо́льшую сохранность. Вмѣшательство посторонняго преданія затемняетъ порой ходъ естественной эволюціи, но вездѣ ставятся вопросы, бросающіе на нее свѣтъ. Укажу хотя бы на различія въ общественномъ положеніи актеровъ.

Начну съ сибирской „медвѣжьей драмы“: она всего ближе къ началу развитія, еще колеблется между обрядомъ и культомъ.

Празднества въ честь медвѣдя принадлежатъ къ распространеннымъ среди инородцевъ западной и восточной Сибири, у Гиляковъ, Айно, и др.; связаны они съ обычнымъ у нихъ почитаніемъ медвѣдя, какъ существа, одареннаго божественной силой и мудростью, сына неба или верховнаго бога (остяки, вогулы); съ древнимъ, нѣкогда широко раскинутымъ, во всякомъ случаѣ до-эллинскимъ культомъ, удержавшимся въ обиходѣ аттическихъ Вравроній, въ залежахъ европейскихъ повѣрій и суевѣрій, новыхъ и старыхъ, вызывавшихъ когда-то обличенія церкви [1]). Что сохранилось въ Европѣ какъ от-

[1]) См. Разысканія, вып. IV, стр. 447 слѣд., прим. къ стр. 131—2, 133, прим. 2; стр. 170—1, 184—7.

Библиотека "Руниверс"

рывочныя переживанія, вошло эпизодически въ составъ греческаго очеловѣченнаго мива, то объединяется для насъ на инородческой почвѣ въ самостоятельный циклъ вѣрованій и обрядовъ, въ ихъ различныхъ этапахъ, отъ охотничьяго праздника съ подражательной игрой до культоваго дѣйства съ божественнымъ героемъ-медвѣдемъ въ его центрѣ.

Ибо медвѣдь — звѣрь священный, говоритъ преданіе. Жилъ онъ когда-то у Нуми Торумъ, на небѣ, въ золотомъ его домѣ, въ переднемъ углу на кухнѣ. Разъ Нуми пошелъ на охоту; удаляясь, заперъ медвѣдя, предупредивъ его, чтобы онъ дверей не ломалъ, а сидѣлъ бы дома. Сидѣлъ медвѣдь, надоѣло ему; подошелъ къ дверямъ, попробовалъ ихъ — заперты; сталъ напирать, замокъ и сломался; испугался сначала, но потомъ видитъ — бога нѣтъ; вышелъ изъ дому и отправился гулять. Гулялъ долго, — все одно и то же: лѣсу нѣтъ, одна только трава; скучно стало; вдругъ видитъ божьихъ лошадей, побѣжалъ къ нимъ, хотѣлъ съ ними поиграть, а тѣ испугались и бросились въ сторону, онъ за ними. Вдругъ оглянулся; смотритъ — яма, внизу виднѣются многочисленные лѣса и воды; захотѣлось ему туда, а нельзя, дороги нѣтъ. Бился медвѣдь долго, но ничего не добился; разсердился, пошелъ домой и по дорогѣ сталъ все ломать; приходитъ и прежде всего разорвалъ свою постель. Вдругъ слышитъ — возвращается богъ, подходитъ къ дому и такъ сильно отрясаетъ лыжи, что самъ говоритъ: „Если бы не сынъ мнѣ ихъ дѣлалъ, давно бы онѣ у меня сломались“. Входитъ въ домъ, видитъ безпорядокъ, спрашиваетъ медвѣдя, уже смирно сидѣвшаго въ углу: „Это что?“ Тотъ волей не волей долженъ былъ сознаться, какъ все было, только извинилъ себя тѣмъ, что ему ужъ очень надоѣло сидѣть, онъ и пошелъ. Разсердился на него богъ, обругалъ его, затѣмъ надѣлъ фартукъ и сталъ изъ старыхъ ножей, топоровъ, лопатъ приготовлять цѣпь, длиною въ триста саженъ, сдѣлалъ затѣмъ изъ бересты люльку, посадилъ туда медвѣдя, который во все время приготовительныхъ работъ дрожалъ отъ страху, и подвелъ его къ отверстію, виднѣнному медвѣдемъ; спустилъ туда люльку и подвѣсилъ ее такъ, чтобы она земли не касалась и вѣтеръ свободно качалъ ее изъ стороны въ сторону, для чего поднялъ сильную бурю. Отъ этого медвѣдя закачало до того, что когда богъ на третій день подошелъ къ отверстію и спросилъ медвѣдя, каково ему живется, онъ немедленно сказалъ: Какъ тебѣ не стыдно надо мной смѣяться? Я и такъ чуть живъ! Послѣ этого богъ смиловался и говоритъ: „Это я тебѣ въ наказанье. Те-

Библиотека "Руниверс"

перь же я исполню твое желаніе, спущу тебя на землю, только смотри, не ѣшь ничего изъ человѣческихъ амбаровъ, а то отощаешь и погибнешь; если исполнишь приказаніе — то будешь жирнымъ; поручить тебѣ рыбу и другіе запасы въ амбарахъ нельзя, потому что ты будешь ихъ раззорять и даже людей убивать".

Спустился медвѣдь, обѣщая исполнить приказаніе, но лишь только увидѣлъ человѣческій амбаръ, какъ взломалъ его и сталъ ѣсть все, что тамъ только было. Слѣдствія такого непослушанія обнаружились скоро: онъ отощалъ до того, что еле сталъ ходить. Увидала его разъ россомаха, спросила, отчего онъ такой худой, и посовѣтовала быть послушнымъ; лишь только онъ исправился и пересталъ трогать человѣческіе запасы, опять сталъ жирнымъ. На зиму онъ сдѣлалъ себѣ по указанію бога домъ-берлогу въ землѣ и питался тѣмъ, что сосалъ особый комочекъ, полученный имъ отъ бога при спусканіи его на землю. Жилъ онъ такъ долго, питаясь ягодами и корнями, но и ему насталъ конецъ: разъ увидалъ его богатырь Узынъ-одыръ-пыхъ, убилъ его и даже наглумился надъ нимъ, употребивъ переднія лапы, какъ метелки для пола и очага, заднія—какъ лопатки, а всей шкурой сталъ замыкать чувалъ. Оскорбилась на это тѣнь медвѣдя, пошла въ лѣсъ и привела съ собой новыхъ десять медвѣдей. Богатырь перебилъ ихъ, а затѣмъ и другихъ, приведенныхъ поочередно въ количествѣ 20, 30 и 40. Тогда пришелъ 51 медвѣдь, изъ которыхъ послѣдній былъ пестрый. Это былъ именно тотъ, котораго спустили съ неба: Нуми Торумъ позволилъ его тѣни принять прежній видъ и быть вѣчнымъ обитателемъ земли, почему его и до сихъ поръ видятъ иногда на Уралѣ. Богатырь 50 медвѣдей убилъ, но пестраго одолѣть не могъ; испуганный, онъ спрятался въ амбаръ, потомъ въ домъ, но медвѣдь разметалъ то и другое. Запросилъ тутъ богатырь прощенія: „Не зналъ я, что богомъ положено почитать медвѣдей, да по правдѣ сказать, и теперь не совсѣмъ вѣрю; если хочешь это доказать, съѣшь этотъ топоръ". Думалъ онъ, что медвѣдь обломаетъ себѣ всѣ зубы, но этого не случилось: топоръ былъ весь изгрызенъ, а богатырь, несмотря на обѣщаніе жить мирно, растерзанъ.

О происхожденіи приведенныхъ медвѣдей разказывается легенда, знакомая и по другимъ, европейскимъ версіямъ: о человѣкѣ, обращенномъ въ медвѣдя силой проклятія. Будто въ одномъ селеніи на землѣ жила женщина съ сыномъ, который былъ такъ силенъ, что еще въ малолѣтствѣ, съ кѣмъ ни начиналъ играть, непремѣнно всякаго обидитъ, а иногда и убьетъ. Мать просила его, приказывала

Библиотека "Руниверс"

быть осторожнымъ, наконецъ, выведенная изъ терпѣнія, прокляла. Богъ услышалъ это проклятіе; разъ когда парень пошелъ гулять и собаки стали бросаться на него съ страшнымъ лаемъ, онъ увидѣлъ, оглядѣвъ себя, что сталъ медвѣдемъ. Когда онъ вернулся домой и мать бросилась отъ него бѣжать, онъ остановилъ ее и назвался; стала она плакать и просить бога о прощеніи, затѣмъ принялась упрекать сына, зачѣмъ довелъ онъ ее до того, что она его прокляла. Разсердился онъ тутъ, зарычалъ: „Молчи, еслибы ты не была мнѣ матерью, я растерзалъ бы тебя!“ Поцѣловалъ ее и ушелъ навсегда въ лѣсъ, гдѣ нашелъ себѣ подругу изъ богатырскихъ дочерей, превращенную въ медвѣдицу за избіеніе, по злости, всѣхъ своихъ братьевъ; зажилъ онъ съ нею и прижилъ дѣтей, такъ что теперь медвѣди являются потомками той четы. Какъ и спущеннаго съ неба, такъ и превращенныхъ Нуми Торумъ сдѣлалъ представителями истины и справедливости на землѣ: „Ѣшьте только тѣхъ людей и тотъ скотъ, которые въ чемъ либо провинились и на которыхъ вамъ будетъ указано, другихъ же не трогайте, ибо сами погибнете“. Не мудрено поэтому, что всякій, сознающій за собою грѣхъ, невольно дрожитъ при встрѣчѣ съ медвѣдемъ; тѣмъ не менѣе всякій стремится на охоту за нимъ, хотя и со страхомъ, но вмѣстѣ и съ тайною надеждой, что богъ пошлетъ ему такого медвѣдя, который согрѣшилъ чѣмъ нибудь и котораго богъ рѣшилъ наказать, а исполнителемъ этого наказанія изберетъ его, угоднаго себѣ человѣка. Кромѣ того богъ разрѣшилъ медвѣдю мстить тѣмъ людямъ, которые при жизни или по смерти будутъ надъ ними насмѣхаться или оказывать малое почтеніе: хотя и убитый, онъ все видитъ и слышитъ; вотъ почему каждый инородецъ, убившій медвѣдя, бьется изо всѣхъ силъ, чтобы только доказать, что онъ любитъ и уважаетъ его, расчитывая, что всѣ знаки проявленія этихъ чувствъ вознаградятся ему потомъ сторицею; задабриваетъ онъ его, извиняется, что убилъ, говоря: „Ты прости меня и не суди строго, вѣдь убилъ тебя не я, а русскій: отъ него я получилъ ружье, порохъ, свинецъ, я же тебя всегда любилъ и уважалъ, и въ доказательство этого устрою празднество въ твою честь“.

Таковы представленія о божественномъ медвѣдѣ; ихъ двойственность указываетъ на среду, не вышедшую еще изъ борьбы съ природой, не выяснившую себѣ нравственныхъ принциповъ въ постоянной борьбѣ животнаго страха съ животнымъ же эгоизмомъ. Въ небѣ царитъ Нуми Торумъ и водворяетъ истину и справедливость, но онѣ понимаются наивно-лицемѣрно: медвѣдю позволено пожирать лишь

Библиотека "Руниверс"

тѣхъ, кто чѣмъ нибудь погрѣшилъ, какъ нашъ Юрій указываетъ волкамъ „повелѣнную“ имъ добычу; и наоборотъ, туземецъ успокоиваетъ себя, что также убилъ повиннаго въ чемъ нибудь звѣря. Его боятся, клянутся надъ его лапой и мордой, женщины, обходя его слѣдъ, оставляютъ на немъ, въ видѣ жертвы, хотя бы нѣсколько волосъ, а убивъ, завѣряютъ въ любви, и сами боги приходятъ увѣриться, какой почетъ воздаютъ ему люди. Въ сценахъ медвѣжьяго праздника они являются эпизодически; его драматизмъ выросъ въ преданіяхъ теріоморфическаго обряда и культа.

Главная охота на медвѣдя, „хозяина землянаго дома“, бываетъ осенью, но и весною и лѣтомъ. Когда медвѣдь убитъ въ берлогѣ, его вытаскиваютъ, закидывая обязательно арканъ на шею, и начинаютъ бросаться снѣгомъ или мохомъ и землею, съ цѣлью взаимнаго очищенія. Затѣмъ уже приступаютъ къ снятію шкуры, для чего предварительно на грудь и брюхо убитаго звѣря кладутъ пять или четыре (если убитая—самка) поперечныя палочки, означающія застежки верхней одежды (ягушки), которыя разрѣзаютъ, какъ будто развязываютъ застежки: представленіе, напоминающее обутаго теленка Діонисовскаго обряда на Тенедосѣ. Сдираютъ шкуру со всего тѣла, за исключеніемъ головы и переднихъ лапъ, гдѣ оставляютъ ее съ конца пальцевъ до костевыхъ сгибовъ. Когда шкуру и мясо привезутъ въ домъ, женщины устраиваютъ въ переднемъ углу, какъ наиболѣе почетномъ мѣстѣ, ложе для убитаго: шкура растилается на скамьѣ или нарахъ, подъ нее подкладываютъ деревянныя перекладины, три для самца, двѣ для самки; морда располагается между лапъ и передъ нею ставятъ нѣсколько оленьихъ изображеній изъ хлѣба или бересты; на глазахъ прикрѣпляются серебряныя монеты, на конецъ морды надѣвается берестяный кружокъ, на пальцы кольца, если убитая самка, монеты и намордникъ потому, что женщины недостойны смотрѣть медвѣдю въ глаза и цѣловать его въ губы, что̀ продѣлываютъ мужчины, а если цѣлуютъ, то черезъ платокъ; поэтому онѣ и лицо закрываютъ платкомъ, когда увидятъ медвѣдя. Когда его вносятъ въ жилье, подъ порогъ обыкновенно кладутъ топоръ.

Затѣмъ приготовляютъ все къ празднеству, совершаемому всегда по ночамъ, такъ какъ боги преимущественно въ это время посѣщаютъ землю и такимъ образомъ могутъ видѣть, какъ почитается тѣнь убитаго звѣря. Очищаютъ помѣщеніе въ жильѣ, достаютъ изъ запасовъ рыбу и мясо, водку и табакъ; даютъ знать сосѣдямъ о счастливой охотѣ. Собирается иногда до 60—100 человѣкъ, пригла-

Библиотека "Руниверс"

шенныхъ или нѣтъ. Празднества продолжаются не менѣе трехъ дней, если убитый — молодой медвѣдь, четырехъ, если самка, пяти, если самецъ, но нерѣдко празднуютъ двѣнадцать ночей, смотря по состоятельности охотника. Если подъ конецъ у хозяина не хватитъ запасовъ, сосѣди приносятъ, что могутъ, безъ отдачи. Иногда шкура переносится въ другой домъ, даже неучастника охоты, если онъ человѣкъ со средствами.

Сходятся и съѣзжаются въ сумерки. Охотникъ, убившій медвѣдя, сидитъ у него по правой сторонѣ и лѣвую руку держитъ у него на шеѣ; по лѣвую сидятъ играющіе на сангульданѣ, музыкальномъ инструментѣ въ видѣ длиннаго узкаго ящика, обыкновенно изъ ели, съ пятью струнами, большею частью изъ оленьихъ жилъ; при игрѣ его кладутъ на колѣни и перебираютъ струны сразу обѣими руками, при чемъ звукъ получается въ высшей степени мягкій и мелодичный. Всѣ одѣты въ лучшія одежды; всякаго, въ первый разъ вступающаго въ домъ, гдѣ лежитъ медвѣжья шкура, обливаютъ водой или осыпаютъ снѣгомъ, съ цѣлью очищенія; входящіе прикладываются къ медвѣдю, а кому случится выйдти изъ помѣщенія, тотъ выходитъ, пятясь.

Празднество заключается въ пѣніи, пляскѣ, представленіяхъ и угощеніи. Представляютъ всегда мужчины; если надо изобразить женщину, то надѣваютъ женскій костюмъ и стараются, по мѣрѣ возможности, подражать женщинѣ въ походкѣ, голосѣ и движеніяхъ. Число участвующихъ рѣдко бываетъ болѣе трехъ; они всегда надѣваютъ на лицо маски, преимущественно берестяныя и рѣдко деревянныя, большею частью грубоватой формы; на этихъ маскахъ красною краской (нэрпъ) или котельною сажей дѣлаются брови, усы и борода; иногда къ носу или къ подбородку подвязываются какіе нибудь кружечки и треугольники и т. д., при чемъ носы дѣлаются самые уродливые. Назначеніе масокъ — скрывать лица играющихъ отъ медвѣдя, потому будто бы, что хотя онъ и любитъ увеселенія, но не терпитъ нахальства, оттого и нельзя плясать, смотря ему въ глаза. Костюмы играющихъ обычные, только нѣсколько измѣненные, вывернутые, съ придѣланнымъ горбомъ, и т. д.; говорятъ обыкновенно не своимъ голосомъ, и хотя всѣ присутствующіе, по крайней мѣрѣ теперь, отлично знаютъ, кто играетъ и кто какъ одѣтъ, ни одинъ изъ нихъ не можетъ называть участвующихъ ихъ именами, а какими нибудь вымышленными; даже участники, по отношенію другъ къ другу, строго это соблюдаютъ. Говорить и дѣлать имъ разрѣшается

Библиотека "Руниверс"

положительно все: ихъ личность на время представленія забывается и даже не вспоминается послѣ; остается только слава хорошаго актера, и эта свобода доходитъ до того, что какой нибудь родовой старшина, который строго наказалъ бы въ иное время человѣка, осмѣлившагося указывать на его поборы и непохвальныя дѣянія, теперь долженъ наряду со всѣми выслушивать всѣ насмѣшки и нападки, иногда въ высшей степени мѣткія, не смѣя ничѣмъ ихъ остановить. Подобныя остроты бываютъ направлены и на другихъ присутствующихъ, которыхъ пародируютъ на сценѣ, и на это сердиться не полагается, артисты пользуются полною свободой движеній и выраженій, потому что считаются не простыми людьми, а особенными, способными принимать видъ того или другаго представляемаго ими лица. Царитъ грубая шутка, циническія выходки, и публика принимаетъ въ ней живое участіе, вступая въ разговоръ съ актерами.

Всякая ночь начинается съ пѣнія: трое мужчинъ въ шапкахъ, или вообще съ покрытою головой, становятся передъ медвѣдемъ, отвѣсивъ ему низкій поклонъ, берутся мизинцами за руки и, все время размахивая ими, начинаютъ пѣть. При окончаніи каждой пѣсни, одинъ изъ почетныхъ гостей, сидящій по лѣвую руку отъ медвѣдя, звонитъ въ колоколецъ, либо ударяетъ палкой въ металическую доску, послѣ чего дѣлается короткій промежутокъ для отдыха пѣвцовъ, и слѣдуетъ вторая пѣсня и т. д.; если убитый медвѣдь самецъ, то поютъ иногда до 5-ти пѣсенъ, при самкѣ до 4-хъ, при маленькомъ медвѣдѣ ограничиваются и двумя, но обыкновенно бываютъ три.

Пѣснями кончается первая половина ночи, послѣ чего слѣдуетъ угощеніе хозяиномъ всѣхъ присутствующихъ. Вторая половина состоитъ изъ представленія отдѣльныхъ сценъ въ перемежку съ плясками.

Во время пѣнія музыки не бываетъ, всѣ молчатъ и слушаютъ съ глубокимъ вниманіемъ; поютъ безъ масокъ и костюмовъ, поющіе иногда мѣняются мѣстами, такъ какъ поетъ главнымъ образомъ лишь стоящій въ срединѣ, остальные ему подтягиваютъ; когда средній устаетъ, его замѣняетъ или одинъ изъ крайнихъ, или кто нибудь изъ присутствующихъ.

Мотивъ пѣсенъ довольно разнообразный, то живой, то медленный, то страстный, то монотонный, то веселый, то грустный. Послѣ окончанія послѣдней пѣсни пѣвцы иногда сами начинаютъ плясать, только подъ музыку, взявъ въ обѣ руки по платку, которымъ посто-

Библиотека "Руниверс"

янно машутъ. Поютъ про медвѣдя, какъ онъ гулялъ по лѣсу, какъ нашелъ себѣ подругу, какъ сдѣлалъ берлогу; про его прежнюю жизнь на небѣ и на землѣ; про богатырей и прежнее славное время, когда не было пришельцевъ и всего было вдоволь — и звѣря, и птицы, и рыбы; поютъ про боговъ, про ихъ любовь и ненависть другъ къ другу и ихъ отношеніе къ людямъ. Пляски промежъ пѣсенъ приноровлены къ ихъ содержанію, подражательныя: если поютъ про медвѣдя, то подражаютъ ему, если про лѣшихъ (мэнкковъ), то имъ, съ сильными тѣлодвиженіями, присвистомъ, топотомъ, какъ то дѣлаютъ. по мнѣнію инородцевъ, лѣсныя божества. При началѣ и окончаніи каждой пляски, пѣсни и представленія отдаютъ низкій поклонъ медвѣдю, какъ при входѣ въ жилье. Между отдѣльными сценами пляшутъ не только мужчины, но и женщины съ дѣтьми, закрывая лицо платкомъ и втягивая руки въ рукава, чтобы не показать медвѣдю нагаго тѣла; во время пляски у женщинъ руки всегда согнуты въ локтяхъ и немного приподняты пальцами кверху; онѣ поднимаютъ ихъ и опускаютъ въ тактъ музыкѣ. Послѣ каждой сцены представляющіе немного пляшутъ, но затѣмъ ихъ замѣняютъ другіе.

Когда въ послѣднюю ночь выносятъ шкуру медвѣдя, убившій его спрашиваетъ его въ слухъ или на ухо, скоро ли и кѣмъ будетъ опять убитъ медвѣдь, при чемъ называетъ охотника по имени; если скажетъ вѣрно, то шкура поднимается съ мѣста легко. Происходятъ и другія гаданья.

Шкуру выносятъ въ тундру или лѣсъ, но женщины при этомъ не участвуютъ; онѣ бросаются снѣгомъ или обливаются водой и варятъ предоставленный имъ медвѣжій задъ; остальное мясо уже съѣдено на празднествѣ, мужчины въ полѣ готовятъ себѣ голову, сердце и лапы; костей не дробятъ, а разнимаютъ по суставамъ. Все ненужное отъ туши бросаютъ въ огонь, а черепъ вѣшаютъ на дерево въ увѣренности, что медвѣдь въ благодарность за оказанныя ему почести будетъ приносить счастье всѣмъ присутствующимъ на празднествѣ.

Представленій, сопровождающихъ медвѣжье празднество, бываетъ по нѣскольку на каждую ночь; на послѣднюю приходятся обязательно такія, гдѣ дѣйствующими лицами выступаютъ боги, призываемые какъ бы въ свидѣтельство хорошаго обращенія съ медвѣдемъ. Въ центрѣ, очевидно, стоялъ онъ, основой была охотничья мимическая игра, разнообразившаяся въ своихъ эпизодахъ, но сюжеты ея постепенно разростались, мимика касалась другихъ сторонъ быта, пере-

Библиотека "Руниверс"

ходила въ паясничество; вторгались схемы сказки и потѣшныя, бытовыя, заставляющія забывать о серьезной сути празднества.

Начнемъ съ медвѣдя.

Входятъ на лыжахъ, какъ бы издалека. трое мужчинъ, видятъ много собравшагося народа, удивляются и спрашиваютъ, что ихъ сюда привело. Одинъ изъ зрителей отвѣчаетъ: развѣ они не знаютъ, что такой-то убилъ медвѣдя, шкура его лежитъ тутъ же въ помѣщеніи, а они собрались воздать ему послѣдній долгъ? Пришедшіе въ началѣ не понимаютъ, смѣшиваютъ слова, острятъ, но затѣмъ, увидѣвъ шкуру, бросаются къ выходу, давя другъ друга; ихъ уговариваютъ, останавливаютъ, они понемногу начинаютъ подходить, но все-таки дрожатъ, нѣсколько разъ опять убѣгаютъ, двое даже не возвращаются, а третій остается и со страхомъ и трепетомъ подходитъ къ медвѣжьей шкурѣ и осторожно цѣлуетъ морду.

Въ другой сценкѣ два охотника набрели на берлогу; они никогда не видали медвѣдя, но одна умная старуха научаетъ ихъ, что это за звѣрь, котораго они добываютъ и свѣжуютъ. Медвѣдя представляетъ дубинка, покрытая малицей.

Либо является на лыжахъ инородецъ-хвастунъ: онъ никого не боится, для него нѣтъ ничего страшнаго. Видитъ медвѣдя, спрашиваетъ, что это такое; ему говорятъ, что это звѣрь священный, а онъ бьетъ его по щекѣ. Зрители въ ужасѣ, предсказываютъ ему всякія несчастія, а онъ и въ усъ себѣ не дуетъ и продолжаетъ храбриться. Вдругъ онъ останавливается на полусловѣ, оборачивается. смотритъ себѣ подъ ноги. Что съ нимъ? спрашиваютъ его; онъ ничего не видитъ, но къ чему-то прислушивается, оглядывается и, наконецъ, обратясь къ зрителямъ, проситъ спасти его отъ враговъ, которые бѣгаютъ у него промежъ ногъ. Всѣ вглядываются, видятъ небольшую мышь и смѣются; но пришедшему оттого не легче, онъ проситъ защиты, падаетъ на колѣни и молитъ убить мышь и дать ему пожить еще немного. При этомъ онъ сознается, что всего боится и далеко не такъ храбръ, какъ говоритъ. Зрители прощаютъ, и начинается общая пляска.

Отецъ, мать и сынъ плывутъ на лодкѣ по рѣкѣ. Сынъ выпросился на берегъ, объѣлся черемухи и умеръ. Стали его старики продувать спереди и сзади, но ничто не помогло. Отецъ сдѣлалъ гробъ и пошелъ съ нимъ отыскивать укромное для него мѣсто; идетъ и поетъ про то, какъ разъ одинъ старикъ заблудился въ лѣсу, какъ незамѣтно провалился въ медвѣжью берлогу и какъ ему, испуганному,

Библиотека "Руниверс"

медвѣдь сталъ давать въ руки какой-то комокъ; слышалъ онъ отъ стариковъ, что богъ медвѣдямъ на зиму далъ комокъ, который тотъ и сосетъ всю зимнюю пору и такимъ образомъ не умираетъ съ голоду. Сталъ старикъ лизать свой комокъ, полизалъ и заснулъ. Черезъ нѣкоторое время проснулся и вновь полизалъ, повернулся на другой бокъ и проснулся лишь тогда, когда подъ него стала течь вода. Видитъ, весна настала, берлога покрыта водой, а медвѣдя и слѣдъ простылъ. Вышелъ изъ берлоги и думаетъ, куда ему идти; вдругъ видитъ вдали медвѣдя, который манитъ его къ себѣ; пошелъ за нимъ и черезъ нѣсколько времени вышелъ на дорогу, по которой и добрался до дому.—Пока старикъ пѣлъ эту пѣсню, не замѣчалъ усталости, неся гробъ; потомъ сѣлъ отдохнуть, вынулъ сына изъ гроба, отрубилъ ему ноги и понесъ; затѣмъ поочередно, когда тяжело становилось, онъ отрубаетъ ему туловище, руки по локти, голову, а затѣмъ бросилъ и все остальное; остался только гробъ. Приходитъ старикъ на мѣсто, а жена, обогнавъ его, уже тамъ; захотѣлось ей еще разъ взглянуть на сына, а въ гробу его нѣтъ. Мужъ показываетъ удивленное лицо и говоритъ, что, навѣрно, Нуми Торумъ взялъ ихъ сына на небо; жена вѣритъ и, на радостяхъ, начинаетъ плясать вмѣстѣ съ мужемъ.

Въ другихъ сценахъ женщина выдѣлываетъ шкуру соболя и при этомъ поетъ, какъ соболь живетъ въ лѣсу, выводитъ дѣтей, учитъ ихъ ловить добычу и избѣгать западней. Либо изображается воръ на рыбномъ самоловѣ, попавшійся на крючекъ; человѣкъ, принимающій свою тѣнь за нѣчто живое, удивляющійся ея подражательнымъ движеніямъ; человѣкъ, отмахивающійся во снѣ отъ комаровъ.

Затѣмъ мы вступаемъ въ область анекдота и бытовой шутки. Самоѣдъ увозитъ жену остяка, у котораго былъ въ гостяхъ, опьянивъ его особымъ напиткомъ изъ мухоморовъ. Либо молодой инородецъ посватался за дочь старика, жившаго неподалеку, но ни разу не удавалось ему увидѣть ея лицо, потому что она постоянно закрывалась платкомъ. Взмолился онъ къ Нуми Торумъ и проситъ помочь горю. Поѣхалъ онъ опять; какъ поднимется вѣтеръ, сорвалъ платокъ съ дѣвушки, и женихъ ахнулъ, увидѣвъ ея безобразіе. Онъ повернулъ лодку и давай грести; гребетъ и оглядывается, не нагоняютъ ли его, и дома еще отплевывается и надсмѣхается надъ собой и невѣстой, а бога благодаритъ за спасеніе отъ такой жены.

Въ одной пьесѣ выведенъ дуракъ, младшій изъ обычной въ сказкахъ троицы братьевъ. Попросился онъ съ ними на охоту и все дѣ-

Библиотека "Руниверс"

лаетъ навыворотъ. Не умѣетъ навьючить нарту, тянетъ ее въ обратную сторону, когда ее потащили братья; ему велятъ снѣгъ разбирать, а онъ сталъ въ лицо бросать; велятъ дровъ нарубить, а онъ имъ ноги попортилъ; попортилъ и ужинъ. Поколотили его братья. Когда на другой день они пошли лѣсовать, младшій сталъ потихоньку дѣлать сангульданъ. Вечеромъ братья принесли кто соболей, кто бѣлокъ, а младшій разказалъ, что у него глаза разбѣжались, столько онъ увидѣлъ звѣря, да не удалось ничего убить. Съ ужиномъ повторилось то же; пришлось братьямъ поѣсть одной сухой рыбы. Когда они снова ушли на охоту, дурачекъ додѣлалъ сангульданъ и спряталъ въ снѣгъ; на другой день, оставшись дома одинъ, онъ игралъ на немъ вплоть до разсвѣта. Побѣжалъ на ночлегъ, а братья уже спятъ; на слѣдующій разъ онъ проигралъ всю ночь; стали его искать братья, не медвѣдь ли его съѣлъ; вдругъ одинъ изъ нихъ слышитъ: кто-то вдали играетъ. Свистнулъ другому брату, но этотъ свистъ услыхалъ и играющій, испугался, бросился прятать свой сангульданъ, но зрители увѣряютъ его, что то не свистъ, а вѣтеръ; при второмъ свистѣ его успокоили, что то скрыпнули его лыжи. Наконецъ братья подкрались, схватили дурачка и стали требовать сангульданъ. Въ началѣ онъ не отдавалъ, потомъ уступилъ; принялись они играть—ничего не выходитъ, а когда заигралъ младшій, такъ заигралъ, что всѣ пустились въ плясъ.

Я счелъ нужнымъ подробнѣе остановиться на описаніи медвѣжьяго праздника, потому что на немъ можно рельефно прослѣдить зарожденіе культовой драмы (если позволено примѣнить это названіе къ сценическимъ эпизодамъ, приведеннымъ выше) изъ обрядоваго хора, назначеннаго повліять на успѣшность охоты. Въ основѣ это такое же мимическое дѣйство, какъ „буйволовая пляска“ сѣверо-американскихъ индійцевъ, привлекающая буйволовъ на оставленныя ими равнины; напомню такую же австралійскую игру, изображающую облаву на стадо, охоту за звѣремъ, свѣжеваніе туши и т. д.; одна изъ сценокъ медвѣжьей драмы представляетъ аналогическое содержаніе. Древнія драматическія части обряда еще легко выдѣлимы изъ-подъ позднѣйшихъ наслоеній: хоръ, съ солистомъ во главѣ, пѣлъ про медвѣдя, про его жизнь въ лѣсу и на небѣ, и т. п.; пѣлъ, подражая въ пляскѣ его тѣлодвиженіямъ. Къ этимъ сюжетамъ пѣсенъ пристали другіе, сродные, и границы мимическаго дѣйства расширились; то и другое дало содержаніе отдѣльнымъ сценамъ, съ особыми исполнителями, актерами. Они не профессіональные, и ничто, повидимому, не указываетъ на ихъ

Библиотека "Руниверс"

спеціальную связь съ культомъ; между отдѣльными сценами они сами пляшутъ, что, быть можетъ, указываетъ на ихъ отношенія къ пляшущему хору, изъ котораго и выродилась сценическая часть обряда; они въ постоянномъ общеніи съ зрителями, вмѣшивающимися въ ихъ дѣйство. И вмѣстѣ съ тѣмъ они поставлены какъ-то особо, принимаютъ на время представленія новыя имена, считаются не простыми людьми, а способными представлять другое лицо, можетъ быть, вѣрнѣе: являться другимъ лицомъ, богомъ, демономъ. Мимическое дѣйство имѣло цѣлью вызвать участіе въ людскихъ дѣлахъ нездѣшней силы, и можно представить себѣ, что въ раннюю пору культовой драмы грань между подражаніемъ и объектомъ подражанія терялась. драма становилась заговоромъ въ лицахъ, на что̀ я указалъ уже, говоря о начаткахъ религіозной драмы у некультурныхъ народовъ. Оттуда употребленіе масокъ: онѣ могли служить цѣлямъ подражанія, затѣмъ культа, выдѣляя извѣстныя лица изъ общенія толпы; если намъ говорятъ, что маски медвѣжьей драмы назначены скрыть лица играющихъ отъ медвѣдя, не любящаго нахальства, то такое объясненіе едва ли не позднее, этіологическое. На точкѣ зрѣнія такого отождествленія становится понятною и свобода слова, безвозбранно предоставленная актерамъ и удержавшаяся за ними по наслѣдству.

Этотъ элементъ мы встрѣтимъ въ культовыхъ началахъ греческой драмы и въ южно-индійскомъ аграрномъ обрядѣ въ честь мѣстной сельской богини. Обрядъ этотъ состоитъ въ животныхъ жертвахъ. между прочимъ, въ закланіи священнаго буйвола; въ немъ участвуютъ и брахманы, но руководятъ имъ туземцы не арійскаго происхожденія, паріи и другія презрѣнныя у брахмановъ касты; являются и танцовщицы изъ касты паріевъ, Asádi или Dásasi, служащія во храмѣ богини, при нихъ музыканты, Ранига, играющій роль скомороха, буффона. Когда въ послѣдній день праздника совершался торжественный обходъ общинныхъ полей, съ преднесеніемъ изображенія богини и буйволовой головы, наступалъ моментъ разнузданности, смѣнявшій серіозные моменты культа: Ранига осыпалъ нареканіями богиню и власти, деревенскаго старшину и всякаго встрѣчнаго, такъ что отъ него откупались какою нибудь мелкою подачкой; паріи и Asádi нападали на самыхъ почтенныхъ обывателей, на брахмановъ, лингаитовъ и замандаровъ, танцовщицы вскакивали имъ на плечи, пастухи били въ барабаны. Все это служило катарзису чувства, приподнятаго торжественнымъ актомъ и разнузданно выражавшагося въ противорѣчіяхъ; зародилось въ связи съ культомъ, зара-

Библиотека "Руниверс"

жало зрителей и принимало иной традиціонный колоритъ: въ Элевсисѣ, во время празднованія мистерій, когда предшествовавшая имъ процессія проходила по мосту на Кефиссѣ, колкости и язвительныя насмѣшки сыпались на ея участниковъ; фаллофоры Діонисовскаго обряда—носители безцѣльной шутки, но и сатиры; не участники культа, а зрители изъ толпы, за ними свобода слова; матеріалъ для зарожденія греческой комедіи.

Изученіе народной обрядности современной Индіи въ ея драматическихъ элементахъ, вѣроятно, прольетъ свѣтъ на начала индійской драмы въ ея отношеніяхъ къ культу и, вмѣстѣ, на развитіе эпоса; то и другое вызываетъ немало теоретическихъ вопросовъ. И здѣсь точкой отправленія была поэзія хороваго обряда съ мимическою пляской, пѣсней-сказомъ и діалогомъ. „Пляска пріятна богамъ, ея безконечно свободныя движенія какъ бы воспроизводятъ міровую гармонію; подъ ея вѣчный ладъ пляшетъ властелинъ, пляшетъ Ума“ (Mâlavikâgnimitra 4). Шива плясунъ, это его особенность, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ патронъ актеровъ; санскритское названіе для драмы: nâtya указываетъ на такой синкретизмъ; lâsya=пляска обнимаетъ понятіе пѣсни и речитатива. Соединеніе всѣхъ трехъ хорическихъ элементовъ встрѣчается на почвѣ культа: нѣкоторые гимны Ригведы построены амебейно, съ чередованіемъ хоровъ или пѣвцовъ; число перепѣвающихся не превышаетъ трехъ. Въ одномъ гимнѣ Индра бесѣдуютъ съ Марутами, и въ концѣ вторгается пѣвецъ, слагатель пѣсни. Такіе гимны стояли внѣ культоваго обихода, ихъ ставили въ особую категорію діаловъ, легендарныхъ разказовъ; Ольденбергъ предполагаетъ, что въ основѣ лежалъ разказъ такого именно содержанія, не получившій опредѣленной поэтической формы, но онъ забытъ, сохранились лишь діалоги дѣйствующихъ лицъ, боговъ и святыхъ, обработанные рапсодомъ. Именно указаніе, что такого рода гимны стояли внѣ культа, говоритъ, быть можетъ, за ихъ болѣе древнее происхожденіе: я имѣю въ виду одинъ изъ моментовъ выдѣленіи эпической пѣсни изъ чередованія пѣвцовъ обрядоваго хора, смѣнявшихъ другъ друга и діалогически развивавшихъ одну какую нибудь традиціонную тему, не входя въ подробности, не гоняясь за связью легенды, всѣмъ понятной изъ суггестивныхъ недомолвокъ лирико-эпической пѣсни. Мы знаемъ уже, что индійскій эпосъ исполнялся въ такомъ именно чередованіи [1]; соотвѣтствующіе діалогиче-

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1899 г., мартъ, I. с., стр. 129.

Библиотека "Руниверс"

скіе гимны Ригведы были бы доказательствомъ ранняго вторженія въ культъ эпическо-драматическаго сказа, сложившагося до культоваго обихода. Съ точки зрѣнія обособившагося драматическаго рода имя эпическаго, дружиннаго пѣвца, сказывавшаго діалогически, естественно переходило къ значенію игреца, актера; нѣкоторые жанры индійской драмы, въ родѣ vyâgoga, не что иное, какъ легенда, въ началѣ воинственнаго содержанія, разбитая на сцены; одинъ изъ условныхъ говоровъ, употребляемыхъ въ драмѣ классической поры, mâgadhî, ведетъ, быть можетъ, свое начало отъ mâgadhas, древнихъ эпическихъ пѣвцовъ, славившихся по всей Индіи.

То, что мы можемъ назвать типомъ индійской драмы, какъ она сложилась до Калидасы, сводится, въ сущности, къ такой же обработкѣ эпическаго сюжета съ лирическими партіями, участіемъ музыки и мимической пляски. Если все это не привело къ драматической разработкѣ положеній и характеровъ, то это зависѣло отъ сущности индійскаго міросозерцанія, не знающаго психической борьбы, а только силу предопредѣленія, увлекающаго человѣка къ той или другой участи въ силу его заслугъ или проступковъ. Здѣсь распутіе индійскаго и греческаго драматическаго развитія; въ данномъ случаѣ дѣло не въ этомъ: мы въ началѣ эволюціи формъ, и вопросъ идетъ объ отношеніяхъ драмы къ культу, въ чемъ мы усмотрѣли одно изъ условій ея художественнаго роста.

Между діалогическими гимнами Ригведы и явленіемъ драмы нѣтъ видимой преемственности; утрачены посредствующія звенья на мѣстныхъ діалектахъ, оставившихъ свои слѣды въ техникѣ классической поры и въ искусственныхъ, діалектически окрашенныхъ говорахъ, обязательныхъ для актеровъ, исполнявшихъ низменныя роли. Особое значеніе въ этой исторіи драмы дается области Çurasena'овъ, гдѣ возникла и развилась религія Кришны и его поэтическая легенда питала хоровое, мимическое дѣйство. Одинъ изъ эпизодовъ Harivaṃça'ы переноситъ насъ на почву хора и къ воспоминаніямъ орхестически исполнявшихся греческихъ миѳовъ: апсарасы пляшутъ подъ звуки инструментовъ, другія поютъ, жестикулируя, сплетаютъ хороводъ (râsa), изобрѣтенный Кришной, подражая языку, одеждѣ той или другой стороны, изображая тѣлодвиженіями смерть Камсы и Праламбы и другіе подвиги Кришны, тогда какъ Муни Нарада вторгается порой въ ихъ кругъ, всклокочивъ волосы, и смѣшитъ зрителей комическими выходками, представляя ихъ въ лицахъ и передразнивая.

Библиотека "Руниверс"

Другой эпизодъ той же поэмы знакомитъ насъ съ очертаніями уже сложившейся регулярной драмы, съ началами натаки: сынъ Кришны съ товарищами является во дворецъ демона Vajranâbha'ы подъ видомъ актеровъ; они распредѣляютъ между собою роли героя, шута, режиссера и др.; сюжеты взяты изъ цикловъ Рамаяны и Куверы; представленіе происходитъ во время празднества Kâla'ы въ нарочно устроенномъ для того театрѣ.

Натака—типическая форма индійской художественной драмы; практика и поэтика, разработанная до мелочей, подвела подъ педантическія правила такія формы народнаго хороваго дѣйства, которыя мы въ правѣ вмѣнить его до-классическому, областному развитію, опираясь на параллели, знакомыя намъ изъ хоровыхъ игръ, еще бытующихъ среди некультурныхъ народовъ. Укажу, между прочимъ, на значеніе дирижера, сказывающаго молитву, являющагося въ прологѣ и въ главной партіи драмы, которою онъ руководитъ, выводя на сцену то или другое лицо, объясняя зрителямъ ходъ пьесы, досказывая его. Такихъ руководителей мы встрѣчали въ народныхъ мимическихъ дѣйствахъ и началахъ театра [1]); они выработались изъ древняго хороваго корифея. Молитва, благословеніе въ началѣ пьесы, nândi, вводитъ драму въ оборотъ культа; въ Бенгалѣ молитву поетъ теперь хоръ. За нею слѣдуетъ другая, обращенная къ богу, которому празднуютъ, съ упоминаніемъ въ ней соотвѣтствующаго времени года: быть можетъ, архаическое указаніе на древнюю пріуроченность дѣйства къ календарному обряду. Къ этому присоединяется рядъ другихъ религіозныхъ формулъ, когда, напримѣръ, актеръ приступаетъ къ гримировкѣ и т. п. Драма вошла въ храмъ, разыгрывается въ немъ передъ статуей божества; вышла ли она изъ культоваго обихода, или только примкнула къ нему изъ сложившейся на сторонѣ хоровой игры—вотъ вопросъ, возбуждаемый общественнымъ положеніемъ ея исполнителей. Тѣсная связь греческой драмы съ породившимъ ее культомъ продолжается и въ эпоху ея расцвѣта: драма была почестью, которую народъ воздавалъ одному изъ своихъ божествъ; священный характеръ дѣйства отразился и на положеніи актеровъ: ихъ профессія не заподозрѣна, они пользуются почетомъ, нерѣдко являются въ роли пословъ и т. п. Иначе въ Индіи и Китаѣ: китайскіе лицедѣи представляютъ при храмахъ эпизоды изъ житія Будды.

---

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1899 г., мартъ, 1. с., стр. 76—77, 126.

Библиотека "Руниверс"

но ихъ профессія считается презрѣнною, въ Индіи ихъ каста одна изъ низшихъ, брахманы не общаются съ ними, не могутъ принимать отъ нихъ пищи, развѣ въ случаѣ большой крайности; они слывутъ обжорами, ихъ жены распутницами, которыми торгуютъ мужья; ихъ можно бить, и ихъ свидѣтельство не принимается на судѣ. Между тѣмъ они должны были обладать извѣстнымъ образованіемъ, знаніемъ литературнаго языка; иные водятъ дружбу съ поэтами, вхожи ко двору. Если принять въ расчетъ почетъ, которымъ окружены были въ Индіи эпическіе пѣвцы, бхараты, положеніе актеровъ выяснится исторически: они не сложились въ профессіональныхъ носителей дружинныхъ воспоминаній и не крѣпки культу, а примкнули къ нему съ практикой хоровой игры, какъ лицедѣи, которыхъ призывали для цѣлей религіознаго торжества. При гипотезѣ діалектическихъ народныхъ началъ индійской драмы такое объясненіе представляется вѣроятнымъ: какъ брахманы присутствовали на празднествѣ сельской богини, отбывавшемся паріями, такъ элементы народной игры воспринимались подъ сѣнь храма, тогда какъ надъ ея исполнителями продолжало тяготѣть иго касты.

Именно соціальное положеніе актеровъ заставляетъ насъ обратиться теперь же къ началамъ римской драмы, расцвѣтъ которой совершился подъ вліяніемъ и по стезямъ греческой. Я имѣю въ виду народныя начала, запутанныя посторонними воздѣйствіями,—дѣйствительными или легендарными? Аналогическія явленія въ исторіи драмы вообще позволятъ намъ разобраться въ этомъ пестромъ смѣшеніи.

У насъ есть свѣдѣнія о римскихъ религіозныхъ дѣйствахъ драматическаго характера, люстраціонныхъ (Луперкаліи), аграрныхъ, мимическихъ, заговорныхъ (Ambarvalia) и т. п. Были и хоровыя игры, съ участіемъ музыки, импровизованныхъ пѣсенъ, сказа и пляски, безъ выясненнаго плана: древняя сатура, настроеніе которой характеризуется литературнымъ родомъ сатиры, выработавшимся изъ нея, какъ греческая элегія вышла изъ обрядоваго причитанія; между этою сатирой и греко-итальянскими σάτυροι нѣтъ ни этимологической, ни генетической связи; возможенъ лишь вопросъ о позднѣйшемъ вліяніи. Изъ хороваго дѣйства мы всюду предположили выходъ къ пѣсенкамъ амебейнаго характера, сатирическаго содержанія (opprobria rustica), которыми обмѣнивались встарь (agricolae prisci) въ праздникъ виноградная сбора и жатвы (condita post frumenta, Hor. Epist. 2, 1, 139). Говорятъ, что пѣсенки такого рода, фесценнины, занесены были изъ этрусскаго города Fescennium; я склоненъ понять это такимъ

Библиотека "Руниверс"

образомъ, что тамъ онѣ могли стать цѣльнымъ, модньмъ жанромъ и, какъ таковыя, повліять на формы, уже естественно развившіяся по стезямъ народной хоровой поэзіи. Амебейность создаетъ драматизмъ, типы, участвующіе въ бытовыхъ сценкахъ. И здѣсь намъ говорятъ с такомъ же перенесеніи, которое мы понимаемъ, какъ усвоеніе чужаго, болѣе совершеннаго, своимъ встрѣчнымъ преданіемъ. Въ южной Италіи, греческой и осской, изъ хоровой игры вышли интермедіи съ комическими масками, ателланы и мимы, преданія которыхъ разнесутъ единоличные потѣшники, гилароды, мимоды и т. п., уже встрѣтившіеся намъ на путяхъ драматическаго развитія [1]). Ателланы и мимы переселились въ Римъ; обрядовыя начала первыхъ несомнѣнны: онѣ освоились на новой почвѣ и вызвали подражанія, а между тѣмъ еще въ эпоху Августа ихъ исполняли на оскскомъ языкѣ при какомъ то культовомъ дѣйствѣ.

Съ этими матеріалами въ рукахъ мы можемъ обратиться къ показанію Ливія (VII, 2), передающаго какой нибудь древній источникъ, о началахъ римскихъ ludi scenici. Поводъ къ нимъ религіозный: разказывается, что когда въ 364 году до Р. Х. настало моровое повѣтріе, вызваны были изъ Этруріи жрецы, ludiones, съ цѣлью умилостивить гнѣвъ неба; они плясали молча, безъ мимики, которая выражала бы содержаніе танца, но съ движеніями, не лишенными изящества, подъ звуки флейты. Это нововведеніе понравилось: римская молодежь стала подражать захожей пляскѣ, приноровивъ къ ней принципъ народныхъ амебейныхъ пѣсенокъ, перебрасываясь стихами въ стилѣ фесценнинъ (inconditis inter se jocularia fundentes versibus; fescennino versu similem incompositum temere ac rudem alternis jaciebant) и сопровождая ихъ соотвѣтствующими тѣлодвиженіями (nec absoni a voce motus erant). На этомъ не остановились народные игрецы (vernaculis artificibus), названные, отъ этрусскаго слова ister= ludius, гистріонами: случайная импровизація фесценнинъ уступила мѣсто пѣснѣ съ установленнымъ текстомъ, прилаженнымъ къ звукамъ флейты, и движенія пляски—сатуры подчинились опредѣленной мелодіи. Такъ можно понять слова Ливія: non, sicut ante, fescennino versu similem incompositum temere ac rudem alternis jaciebant, sed impletas modis saturas, descripto jam ad tibicinem cantu, motuque congruenti perageBant. Это—страничка изъ знакомой намъ исторіи хоро-

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1899 г., мартъ, стр. 127—128.

Библиотека "Руниверс"

вой игры: въ началѣ пляска обрядоваго характера съ мимическимъ, заговорнымъ дѣйствомъ, безъ словъ; затѣмъ появленіе текста въ импровизаціи фесценнинъ; далѣе выдѣленіе пѣсни—сказа, нормирующаго движенія—и мимику хора. Судя по слѣдующему сообщенію Ливія, во всемъ этомъ не было фабулы, которая объединила бы пѣсню и дѣйство цѣльностью сюжета; сюжетовъ, положеній могло быть нѣсколько; мы уже знаемъ, что при плясовой игрѣ они развивались въ рядъ бытовыхъ сценокъ. Позднѣйшая связь сатуры съ Ателланами можетъ служить косвеннымъ доказательствомъ того, что и въ ней самой существовали встрѣчные Ателланамъ элементы.

На этомъ Ливій обрываетъ исторію сатуры, чтобы перейдти къ Ливію Андронику, изъ Тарента, первому на римской почвѣ представителю греческой драматической и сценической традиціи. О немъ говорится, что, въ противоположность къ разбросанности сатуръ, онъ первый рѣшился создать фабулу дѣйства (qui ab saturis ausus est primus argumento fabulam serere), которую пѣлъ единолично, изображая ее и жестами; разказывали, что когда впослѣдствіи онъ потерялъ голосъ, онъ поручилъ пѣсенную партію мальчику, оставивъ за собой мимическую. Можетъ быть, это лишь анекдотическое объясненіе: въ исторіи хоровой поэзіи мы встрѣчали и единоличныхъ пѣвцовъ, изображавшихъ движеніями содержаніе своей пѣсни, и раздѣленіе пѣнія или музыки—отъ мимики. Андроникъ могъ внести преданіе греко-итальянскаго гиларода. Оно привилось, говоритъ Ливій: стали пѣть въ аккомпаниментъ, подъ руку (мимировавшимъ) гистріонамъ, предоставивъ имъ только діалогическія партіи. Это раздѣленіе canticum и diverbia сохранилось въ организмѣ римской комедіи.

Нововведеніе Ливія Андроника оказалось слишкомъ серьезнымъ, продолжаетъ историкъ, возвращаясь къ позднѣйшей исторіи сатуры: не было мѣста смѣху и веселью, и вотъ римская молодежь снова обратилась къ традиціи фесценнинъ, и, предоставивъ гистріонамъ драму новаго типа, продолжала попрежнему перепѣваться въ потѣшныхъ импровизаціяхъ (ipsa inter se more antiquo ridicula intexta versibus jactitare coepit), примкнувшихъ къ Ателланамъ и въ этомъ видѣ являвшихся въ роли экзодій, комическихъ пьесъ, слѣдовавшихъ за серьезными драмами, какъ въ Греціи сатировская драма вѣнчала трилогію.

На эту связь съ Ателланами, раскрывающую древній составъ и народно-сценическіе элементы сатуры, указано было выше. Подтвержденіемъ этихъ соображеній можетъ служить и слѣдующее: драма

Библиотека "Руниверс"

предоставлена была гистріонамъ, она—захожая, не своя, ея исполнители, взымавшіе мзду, безправны, infames (August. De Civ. Dei l. II c. 13; Cornelius Nep. praef.; Quintil. De Inst. orat. l. III c. 16: Digest. De his qui notantur infamia l. II, par. 5), въ Ателланахъ же участвовала лишь полноправная римская молодежь, не исключавшаяся изъ трибовъ и не лишавшаяся права военной службы (Liv. l. c.). Безправность римскихъ гистріоновъ объясняется аналогіей съ индійскими: они не прошли черезъ освящающую стадію культа, какъ ихъ греческіе собратья; особое положеніе исполнителей Ателланъ (и сатуры) указываетъ на переживаніе забытаго преданія, на обрядовое дѣйство, которое отбывали когда то члены семьи и рода, община. Въ сибирскомъ медвѣжьемъ праздникѣ актеры—охочіе люди.

Народныя начала римской драмы, освобожденныя отъ нѣкоторыхъ легендъ, входятъ такимъ образомъ въ картину общей драматической эволюціи. Греческое вліяніе не дало имъ доразвиться самостоятельно; мы перехватимъ прерванную нить на почвѣ Греціи.

Здѣсь первые шаги яснѣе; мы, разумѣется, не знаемъ, какъ слагалось обрядовое дѣйство въ ту пору религіознаго сознанія, которую мы можемъ возстановить лишь по слѣдамъ и намекамъ и—аналогіи съ зооморфическимъ характеромъ сибирской медвѣжьей драмы. Когда греческое міросозерцаніе вышло къ человѣкоподобнымъ, если не всегда гуманнымъ богамъ и создало о нихъ разказы, развивавшіеся въ уровень съ общественно-нравственнымъ сознаніемъ, измѣнилось и содержаніе культовой драмы, съ миѳомъ въ центрѣ, мѣстнымъ или общимъ, характеризовавшимъ дѣянія и сущность того или другаго божества. Выше мы говорили о мимическихъ пляскахъ такого содержанія [1]); къ нимъ примкнули дѣйства торжественно-культоваго характера. Въ Критѣ представляли рожденіе Зевса; на Самосѣ, въ Кноссѣ на Критѣ и въ Аѳинахъ—бракосочетаніе Геры съ Зевсомъ; въ Платеѣ отбывали Δαίδαλα; мальчикъ, обносившій въ Танагрѣ, въ праздникъ Гермеса, ягненка вокругъ городскихъ стѣнъ, изображалъ самого бога; въ Дафнефоріяхъ Ѳессаліи и Беотіи ряженому въ костюмѣ Аполлона сопутствовалъ хоръ дѣвъ; въ Дельфахъ, въ первый день празднованія, молодой человѣкъ, одѣтый Аполлономъ, въ блестящей туникѣ, пѣлъ, играя на киварѣ, про свою побѣду надъ Пиѳономъ, которая и представлялась съ возможною реальностью; на другой день

[1]) См. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1899 г., мартъ, l. c., стр. 77–78.

Библиотека "Руниверс"

сюжетомъ мимической пляски былъ діонисовскій миѳъ—оживленіе Семелы,—и другой, приставшій къ нему по содержанію: самоубійство Харилы. Сюжеты дѣйства разростались по смежности культовъ и соединенныхъ съ ними легендъ: Аполлона и Діониса въ Дельфахъ. Діониса и Деметры въ Элевзисѣ. Въ послѣднемъ случаѣ къ смежности присоединилось и внутреннее сродство религіозныхъ представленій: тамъ и здѣсь земледѣльческій, календарный миѳъ, въ стилѣ тѣхъ, которые мы разобрали въ связи съ миѳомъ Адониса. Зимой замираетъ производительная мощь природы, весной возстаетъ къ новой жизни; Діонисъ страдалъ и умиралъ, чтобы воскреснуть; Персефону-Кору похищалъ Плутонъ, когда она собирала цвѣты; печальная Деметра ищетъ дочери, весной она снова вернется на землю. Въ большихъ мистеріяхъ Элевзиса въ Боедроміонѣ (сентябрь—октябрь) орхестически исполнялись сцены похищенія, исканія и возврата; о малыхъ, приходившихся въ Анѳестеріонѣ (февраль—мартъ) у насъ мало свѣдѣній, но, очевидно, культовыя προχαριστήρια были выраженіемъ благодарности за возвращеніе Коры-Персефоны изъ царства мертвыхъ. Съ нею возвращались на этотъ свѣтъ и маны, временно оживавшія, на страхъ живущимъ. Въ празднествахъ такого рода, гдѣ идеи жизни и смерти смѣнялись въ разномъ чередованіи, моменты сѣтованія естественно сосѣдили съ откровенными символами творческой силы и фаллическаго веселья. Понятно взаимодѣйствіе діонисовскаго и элевзинскаго культовъ и дѣйствъ: Діонисъ—Якхъ занялъ въ послѣднемъ мѣсто послѣ Деметры и Персефоны, его сдѣлали даже сыномъ Деметры, въ мистеріяхъ представляли его рожденіе, орхестически изображали уходъ за новорожденнымъ (Lucian, De salt. 39), какъ въ Дельфахъ тіады будили въ колыбели малютку Діониса въ то время, какъ жрецы изъ коллегіи ὅσιοι приносили жертву у его гробницы (Plat. de Isid. Os. 35). Жизнь плодила смерть, возникая изъ нея и снова къ ней возвращаясь; срѣзанный колосъ, который въ послѣднюю ночь большихъ мистерій іерофантъ показывалъ мистамъ среди благоговѣйной тишины, символически обобщалъ идеи земледѣльческаго миѳа, невольно переносившіяся на явленія общественной и личной жизни, гдѣ таже смѣна паденій и возникновеній, не заслуженнаго торжества и страданія, не успокоивала мысль непререкаемостью природнаго процесса, а поднимала тревожные вопросы о назначеніи человѣка, о предопредѣленіи и отвѣтственности, ихъ противорѣчіяхъ и возможности ихъ примиренія и равновѣсія въ сознаніи, въ жизни за гробомъ. Эзотерическія таинства Элевзиса, доступныя

Библиотека "Руниверс"

лишь посвященнымъ, пытались отвѣтить на эти вопросы, символически раскрывая идеи зла и добра, вины и возмездія. Неофитовъ вводили въ область мрака и тишины, нарушавшейся порой страшными звуками или видѣніемъ адскихъ чудовищъ и мукъ, ожидающихъ грѣшниковъ, а затѣмъ разливался въ темнотѣ ночи яркій солнечный свѣтъ, и посвящаемые приносили поклоненіе сіяющимъ ликамъ божества.

Эзотерическое ученіе таинствъ обобщило содержаніе мнеа; идеи промысла и долга, судьбы и вмѣняемости преобразили его содержаніе, и въ немъ раскрылись сюжеты для драмы душевныхъ конфликтовъ. Всѣ наши помыслы, рѣшенія, страсти внушены божествомъ, говорило старое повѣрье; руку Ореста направилъ на мать Аполлонъ, убійцу матери преслѣдуютъ Эриніи — и онъ страдаетъ невольно; Федра полюбила пасынка по наущенію Афродиты, избравшей ее орудіемъ своей мести противъ Ипполита,—и мы сочувствуемъ Федрѣ. Родовая связь, вызывавшая родовую отвѣтственность и, въ практикѣ жизни, месть за месть, тяготѣвшую надъ поколѣніями, отложилась въ понятіе родовой вины, искупаемой потомками, судьбы, нависшей надъ безвинными—но она представляется намъ въ конфликтѣ предопредѣленія, мойры, и свободной воли, родовой и личной нравственности, и трагическое чувство очищалось на образахъ Эдипа, Антигоны, Прометея, Ореста. Либо идея родовой вмѣняемости переносилась на народно-политическую арену и рокъ некультурности рѣшалъ судьбу Персовъ въ драмѣ Эсхила.

Если развитіе художественной аттической драмы примкнуло къ культу и народно-обрядовымъ дѣйствамъ Діониса, то слѣдуетъ, быть можетъ, припомнить, что въ самыхъ легендахъ о немъ, съ ихъ рѣзко опредѣленными мотивами страданій и торжества, „игрой созиданія и разрушенія индивидуальнаго міра“ (Нитше), было дано сочетаніе сюжетовъ, шедшихъ на руку драмѣ и вызывавшихъ психологическое обобщеніе.

Діонисъ — богъ творческой силы природы, податель плодородія, отъ него—лѣсныя чащи и лоза; священная лоза на одной изъ вершинъ Киѳефона, ежедневно приносила по зрѣлой ягодѣ; оттуда эпитеты бога: δενδρίτης, σταφυλίτης и др.; одинъ изъ его символовъ—фаллосъ, ему посвящены козелъ и быкъ; самъ онъ обратился въ козленка, избѣгая преслѣдованій Геры; его зовутъ ἐρίφιος; козлиный ликъ сатировъ, очевидно, восходитъ къ той порѣ, когда его чествовали мимически, принимая его образъ; ряженіе звѣрями въ играхъ некультурныхъ народовъ освѣщаетъ этотъ забытый періодъ діонисовской драмы—и вмѣстѣ воздѣйствіе обрядоваго акта на мнеъ: сатиры—ряженые очутились въ

Библиотека "Руниверс"

миѳѣ служителями, свитой Діониса, какъ менады и тіады могли первоначально обозначать женщинъ, шумно, бѣшено отбывавшихъ его празднества.—Но его любимымъ образомъ и символомъ былъ быкъ; оттуда его прозвища: βουγενής, βοηλάτης; въ Аргосѣ его призывали молитвой: Приди, о Діонисъ, съ харитами, вступи въ храмъ бычачьей ногой, славный быкъ! — Онъ самъ принимаетъ порой его видъ, пугаетъ имъ, его изображаютъ быкомъ, небольшіе рога остались его аттрибутомъ и въ позднѣйшихъ антропоморфическихъ изображеніяхъ. Быкъ былъ обычною ему жертвой, одной изъ наградъ побѣдителю на діонисовскихъ поэтическихъ состязаніяхъ.

Но бога производительности и жизненной мощи преслѣдуютъ, онъ погибаетъ. Ликургъ разгоняетъ его кормилицъ, самъ онъ бросается въ море, къ Ѳетидѣ, или ищетъ убѣжища у Музъ; Персей убилъ его и бросилъ въ озеро Lerna; либо титаны его разорвали. когда послѣ многихъ превращеній онъ принялъ образъ быка. Послѣдній миѳъ, принадлежащій къ распространеннымъ, покоится, очевидно, на обрядѣ: по свидѣтельству Еврипида къ обрядности Діониса принадлежалъ обычай разрывать на части и пожирать живьемъ быковъ и телятъ; на Критѣ загрызали быка, въ память такой же участи бога. Тенедосскій обычай приноситъ новыя черты къ эволюціи религіознаго міросозерцанія: стельную корову холили и за ней ухаживали, какъ за человѣческою родильницей; теленокъ отъ нея, котораго приносили въ жертву, былъ обутъ въ котурны; указаніе на то, что животная жертва явилась на смѣну человѣческой, въ самомъ дѣлѣ практиковавшейся въ Хіосѣ и Орхоменѣ. Интересно и слѣдующее: за человѣкомъ, заколовшимъ теленка, гнались до морскаго берега. бросая въ него камнями. Когда мимическій обрядъ сталъ культовымъ, религіознымъ, въ объектѣ подражательнаго дѣйства яснѣе предстало имманентное ему божество; жертва неизбѣжна, но ея исполнителя—преслѣдуютъ. Такъ въ южно-индійскомъ аграрномъ обрядѣ, изъ котораго выше сообщенъ былъ эпизодъ [1]): одинъ изъ участниковъ, носящій имя бога, котораго онъ служитель (Pótraj), гипнотизируетъ теленка, дѣлая надъ нимъ нѣсколько пассовъ руками, отчего тотъ становится недвижимъ. Тогда Потраю завязываютъ руки на спинѣ, и всѣ пляшутъ надъ нимъ, испуская громкіе крики. Онъ поддается общему изступленію, бросается на теленка. лежащаго въ гипнозѣ, впивается зубами въ горло, загрызаетъ его. Ему подносятъ

[1]) См. выше стр. 270—271.

Библиотека "Руниверс"

блюдо жертвеннаго мяса, въ которое онъ погружаетъ свое лицо; мясо и остатки теленка хоронятся у алтаря, а Потраю развязываютъ руки и онъ обращается въ бѣгство.

Прежде, чѣмъ это мистически-культовое дѣйство обратилось къ значенію жертвы, принесенной божеству, тождественность той и другаго выразилась и въ другихъ формахъ: закалали дѣйствительно зооморфическое божество, пріобщаясь къ нему, къ его жизненной силѣ, къ его крови, наполняясь имъ. Въ этомъ освѣщеніи понятны разказы о менадахъ, терзавшихъ въ божественномъ изступленіи звѣрей и людей; когда виноградъ и вино, еще не игравшіе, какъ полагаютъ, роли въ древнемъ Діонисовскомъ культѣ, вошли въ его символическій круговоръ, вино явилось, быть можетъ, замѣной крови. Это даръ Діониса людямъ; въ весеннія діонисовскія празднества имъ совершали тризну по усопшимъ; могли представлять себѣ, что они оживали, пріобщившись къ вину — крови; таково могло быть и первоначальное представленіе о кэрахъ — эринніяхъ, душахъ, жаждущихъ человѣческой крови. Въ средневѣковой легендѣ вино — это кровь Вакха, св. Гроздія, замученнаго въ точилахъ.

Пока Діонисъ въ царствѣ Аида у манъ, но онъ вернется съ того свѣта, родится вновь. Въ Аргосѣ его, быкороднаго, вызываютъ изъ озера Лерна трубными звуками; когда титаны разорвали и пожрали его, Зевсъ успѣлъ проглотить его сердце, которое даетъ Семелѣ; отъ него рождается вновь Діонисъ-Загрей; за малюткой ухаживаютъ, будятъ его; съ его возвращеніемъ на землю природа оживаетъ среди чудесъ: долины текутъ молокомъ и медомъ, медъ точится съ тирсовъ менадъ, отъ ихъ ударовъ открываются въ землѣ источники воды и вина; оживаютъ маны. Все пріобщается къ Діонису, онъ всюду разлитъ: его метаморфозы въ образѣ льва, быка, пантеры и т. п.— символы его жизненной вездѣсущности. Онъ царитъ невозбранно: никто не въ состояніи избѣжать его наитія, точно какой то невѣдомой силы, поднимающей самосознаніе жизни, энтузіазмъ веселья, доводящій до изступленія, которое благодатный богъ очищаетъ, умиротворяя: таково первоначальное значеніе катарзиса; но онъ и насылаетъ его на тѣхъ, кто попытался бы противиться его власти. Весеннее чувство неотразимо; Пентей у Еврипида говоритъ о разнузданности менадъ, какъ средневѣковые обличители о крайностяхъ майскаго разгула. Таково могло быть физіологически-психологическое настроеніе соотвѣтствующей календарной обрядности; перенесенное на почву исторіи, оно отложилось въ миѳахъ о богѣ, карающемъ маніей гонителей его культа.

Библиотека "Руниверс"

Таковы легенды о Діонисѣ, какъ онѣ сложились, наслоившись на болѣе древніе аграрные культы и въ соприкосновеніи съ культомъ Элевзиса. Это—миѳы о ежегодно возникающемъ и обмирающемъ богѣ, всюду вызывавшіе соотвѣтствующіе календарные обряды, черты которыхъ взаимно освѣщаются. Пріуроченіе Діониса къ культу вина и виноградаго дѣла только измѣнило календарный порядокъ оживанія и смерти.

Были ли деревенскія Діонисіи (декабрь—январь) и слѣдовавшія за ними Ленеи (январь — февраль) праздникомъ виноградаго сбора, какъ полагали въ противорѣчіи съ временемъ года, или праздниками еще не выбродившаго вина — это безразлично: мимическое дѣйство обряда обобщало символическую суть божества и въ этомъ смыслѣ можетъ быть ретроспективно, какъ, наоборотъ, наши святочные обходы съ плугомъ подражаютъ весеннимъ аграрнымъ актамъ. Въ пору зимнихъ празднествъ Діонисъ представляется на верху жизненной мощи, онъ полонъ неизсякаемой силы, которую разливаетъ вокругъ; вино вышло изъ страданій точилъ, даритъ людямъ веселье и радость. А въ виду новыя страданія и смерть, потому что обычный круговоротъ совершится; трагическій моментъ естественно присоединялся, какъ ожиданіе, къ моменту торжества. Это двойственное настроеніе отражалось въ обиходѣ празднества. Среди его исполнителей мы различаемъ двѣ группы: блюстителей обрядоваго акта, ставшаго культомъ, и публику, толпу энтузіастически настроенныхъ поклонниковъ. Первые продолжаютъ старое мимическое дѣйство: это сатиры, ряженые въ личину бога, когда онъ еще являлся въ звѣриномъ образѣ. Хоровой, плясовой дифирамбъ, съ ряжеными сатирами, старая народная пѣсня въ честь Діониса, страстная, патетическая, выражала то бѣшеное веселье, сопровождавшееся неистовыми танцами, то настраивалась къ образамъ плача и смерти. Когда хоръ вращался вокругъ сельскаго жертвенника, корифей разказывалъ объ испытаніяхъ и страдахъ Діониса, о его сверстникахъ и миѳологическихъ герояхъ, притянутыхъ къ нему по соотвѣтствію содержанія (напр. Адрастъ). Такъ разростались сюжеты будущей трагедіи; корифей сталъ выступать въ лицѣ бога или героя, хоръ отвѣчалъ ему, подпѣвая, завязывая діалогъ. Можно представить себѣ въ этомъ обиходѣ и перекликаніе двухъ хоровъ, — будто бы нововведеніе Лазоса.

Роль непричастныхъ къ культу поклонниковъ была другая; они всецѣло вживались въ моменты разнузданнаго веселья, не сдержаннаго серьезною стороной празднества; для нихъ Діонисъ былъ богомъ

Библиотека "Руниверс"

жизни и здоровья; сидя на повозкахъ, въ которыхъ крестьяне привозили вино, они въ обиходѣ Леней, какъ и въ процессіи Анѳестерій, сыпали на зрителей шутками и остротами; паралели къ столь же свободному вмѣшательству толпы въ драму культа намъ извѣстны [1]). Либо устраивался χῶμος: толпа подгулявшихъ шумно двигалась съ преднесеніемъ фаллоса и соотвѣтствующими пѣснями, τὰ φαλλικά, по дорогѣ задѣвая прохожихъ, порой останавливаясь, чтобы разыграть какую нибудь импровизованную комическую сценку (Athen. XIV, 622: στάδην... ἔπραττον). Дѣйствующія лица—обыватели, фаллофоры Діониса, Ѳиванцы зовутъ ихъ ἐθελοντάς, охочіе, другіе αὐτοκάβδαλοι (Athen. XIV, 621) [2]). Въ выдержкѣ изъ Семоса Делосскаго у Атенея (XIV, 922) фаллофоры, являющіеся въ одномъ (культовомъ, сценическомъ?) дѣйствѣ рядомъ съ ифифаллами, едва ли не отличены отъ нихъ, какъ „охочіе“ отъ представителей культа.

Элементъ ряженія, наслѣдіе обрядоваго подражанія лику божества, естественно развивался и обобщался въ этой обстановкѣ; мазали себѣ лицо винными подонками, красились въ бѣлый, черный, красный цвѣтъ, костюмировались, дѣлали себѣ бороду изъ листьевъ, надѣвали маски изъ дерева и коры, звѣриныя маски. Остатки мимическихъ дѣйствъ, доживающихъ среди некультурныхъ народностей.

Аттическія Анѳестеріи, праздновавшіяся весною (февраль - мартъ) въ теченіи трехъ дней, примыкали къ зимнему циклу Діонисій. Ихъ „деревенское“ содержаніе можно подсказать: пока богъ вина и веселья торжествуетъ, но скоро ему конецъ; зерну, John Barleycorn, уйдти въ землю, Діонису—спуститься въ Аидъ. Оттуда новыя чередованія брачныхъ образовъ съ обрядами тризны и поминокъ. Открывали бочки выбродившаго вина (оттуда названіе перваго дня Анѳестерій Πιθοίγια), хозяева приносили жертву Діонису, они и домашняя челядь участвовали въ возліяніяхъ, которыя на другой день принимали характеръ состязанія: побѣдитель удостоивался награды. Это какъ-бы вступленіе въ слѣдующее празднество, Χόες: Діонисъ еще разъ вступалъ въ жизнь, наканунѣ перенесли его статую изъ Ленейскаго храма въ Керамикъ и теперь шли съ ней обратно въ торжественной процессіи, въ которой участвовали ряженые горами, нимфами, вакханками, въ маскахъ; съ повозокъ, провожавшихъ шествіе, раздавались

[1]) См. выше стр. 270—271.

[2]) Проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Quaest. com. 51, сближаетъ—κάβδαλος съ κάβηλος. κόβαλος,—дуракъ; въ αὐτο—я вижу элементъ „охочаго“.

Библиотека "Руниверс"

веселые клики, сатирическія выходки. Въ храмѣ обручали Діониса съ супругой второго архонта, она приводила къ присягѣ четырнадцать женщинъ въ томъ, что онѣ соблюдали чистоту и по отцовскому обычаю будутъ служить богу. Это—невѣсты Діониса. Но показались и выходцы съ того свѣта, керы, ихъ боятся; они бродятъ среди людей, отъ нихъ стараются огородиться въ теченіе μιαραὶ ἡμέραι придорожникомъ, либо вымазывая двери дегтемъ. Напомнимъ аналогическую черту элевзинскихъ празднествъ. Душамъ и подземному Діонису совершали либацію виномъ: обычай пить взапуски не имѣетъ другаго основанія; вечеромъ участники тризны несли свои обвитые вѣнками кубки въ ленейскій храмъ, вручали вѣнки жрицѣ и изливали въ честь Діониса оставшееся въ кубкахъ вино.

Послѣдній день празднества, Χύτροι съ ихъ Πανσπερμία' ей, снѣдью изъ вареныхъ злаковъ, всецѣло посвященъ поминкѣ по усопшимъ, кончающейся ихъ изгнаніемъ: „Прочь керы, конецъ Анѳестеріямъ! кричатъ имъ въ слѣдъ; имъ нѣтъ мѣста среди живыхъ". Такъ, провожая весну, изгоняютъ у насъ манъ—русалокъ.

Къ празднику Хитръ принадлежали и поэтическія состязанія, Χύτρινοι ἀγῶνες, содержанія которыхъ мы не знаемъ; въ самомъ обиходѣ Хитръ было много драматическихъ элементовъ, между тѣмъ зарожденіе драмы примкнуло, по общему признанію, не къ нимъ, а къ обиходу деревенскихъ Діонисій и Леней. Городскія Діонисіи (мартъ-апрѣль) переняли въ художественной формѣ наслѣдія культоваго и обрядоваго дѣйства. Я еще разъ настаиваю на этомъ отличіи, какъ мнѣ кажется, капитальномъ для исторіи драмы.

По словамъ Аристотеля трагедія вышла изъ диѳирамба, отъ вчинавшихъ его, ἀπὸ τῶν ἐξαρχόντων τὸν διθύραμβον; хоръ или хоры, вращавшіеся съ культовою пѣсней вокругъ жертвенника Діониса, опредѣлили обстановку и персоналъ трагедіи. То мѣсто въ оркестрѣ, гдѣ ея хоры совершали свои эволюціи, продолжало называться θυμέλη, жертвенникомъ; „сатировская" драма, слѣдовавшая за трагедіей, впослѣдствіи за трилогіей, удержала названіе и маски культовыхъ исполнителей древняго диѳирамба; между ней и трагедіей распредѣлились веселые и серьезные моменты; принципъ амебейныхъ, перепѣвающихъ хоровъ выразился и въ дихоріи, и въ обычаѣ агоновъ, состязаніи трагедіями или трилогіями.

Важнѣе художественныя метаморфозы хороваго состава. Мы знаемъ, что въ исполненіи диѳирамба главную партію велъ корифей, онъ вчиналъ его, вводилъ въ его содержаніе. Изъ него вышелъ ак-

Библиотека "Руниверс"

теръ Ѳеспида. О Ѳеспидѣ говорится, что онъ изобрѣлъ πρόλογον καὶ ῥῆσιν; прологъ, принадлежитъ, очевидно, его единственному актеру, это подтверждается аналогическими фактами изъ исторіи развитія хороваго дѣйства вообще [1]) и можетъ вызвать вопросъ: дѣйствительно ли прологъ греческой трагедіи произносился первоначально всѣмъ хоромъ, а не актеромъ, какъ въ Агамемнонѣ, Хоэфорахъ и у Еврипида?—Съ выдѣленіемъ корифея и текстъ его сказа долженъ былъ принять устойчивыя формы, смѣнивъ капризы импровизаціи: Ливію Андронику приписывается введеніе опредѣленной фабулы; не иное значеніе имѣетъ, повидимому и ῥῆσις Ѳеспида. Три маски, въ которыхъ поочередно является его актеръ, наслѣдіе стараго мимическаго обряда и вмѣстѣ—переходная степень къ двумъ актерамъ Эсхила (въ Агамемнонѣ. Хоэфорахъ и Эвменидахъ ихъ, впрочемъ, уже три), къ тремъ исполнителямъ Софокла, хотя и въ періодъ культоваго дѣйства можно представить себѣ не одну, а нѣсколько руководящихъ ролей въ лицѣ запѣвалы и его помощниковъ, въ корифеяхъ двухъ хороковъ.

Дивирамбическій хоръ подпѣвалъ корифею, завязывался діалогъ, развивавшій и сюжетъ фабулы: корифей отвѣчалъ. Актеръ трагедіи, ὑποκρίτης—„отвѣчающій“; вступительная сцена „Скованнаго Прометея“ развивается въ чередованіи актера и хора; сценическій остовъ трагедіи построенъ на діалогахъ хора и актеровъ. хоровъ и хоревтовъ между собою.—Либо хоръ дивирамба ограничивался припѣвомъ, изъ котораго развились лирическія партіи трагическаго хора. Его στάσιμα едва-ли не выродились изъ перепѣвовъ двухъ хоровъ: чередующіяся строфы и антистрофы часто подхватываютъ другъ друга, не только въ параллелизмѣ содержанія и идей какъ у Софокла, но и въ повтореніи тѣхъ же словъ и образовъ, начальной рифмы (анастрофа), какъ у Эсхила (Ξέρξης μὲν ἄγαγεν ποποί, Ξέρξης δ' ἀπώλεσεν, τοτοῖ, Ξέρξης δὲ πάντ 'ἐπέσπε δυσφόνως—Νᾶες μὲν ἄγαγεν ποποί, Νᾶες δ' ἀπώλεσεν, τοτοῖ, Νᾶες πανωλέθροισιν ἐμβολαῖς). Точно couplets similaires старофранцузскаго эпоса, вышедшіе изъ чередованія и подхватовъ пѣвцовъ, какъ refrain, распространяющійся въ народѣ Агамемнона на три строфы (Αἴλινον, αἴλινον εἰπέ. τὸ δ' εὖ νικάτω), унаслѣдовалъ. быть можетъ, формы стараго дивирамбическаго припѣва.

Участіе хора, постепенно сокращавшееся въ трагедіи, по мѣрѣ того, какъ въ ней брало перевѣсъ сценическое дѣйство, настолько

[1]) Сл. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, мартъ. l. c., стр. 125—126.

Библиотека "Руниверс"

отошло отъ своего древняго значенія въ дифирамбѣ, что его пришлось объяснять на-ново. Горацій (Ad Pisones 193) еще слѣдуетъ какому-то древнему свидѣтельству, когда требуетъ отъ хора, чтобы онъ принималъ участіе въ дѣйствіи; для Аристотеля актеры представляютъ героевъ, хоръ—народъ, зрителей (Probl. 48—49); А. В. Шлегель назвалъ его „идеальнымъ зрителемъ", другіе сдѣлали изъ него представителя общественной совѣсти, творящаго вслухъ нравственную оцѣнку личностей въ связи событій, исходъ которыхъ онъ провидитъ, обобщающаго противорѣчія судьбы и свободной воли, выясняя ихъ и примиряя. Для Нитше хоръ—символъ всей діонисовской возбужденной массы.

Такъ одухотворилось понятіе діонисовскаго, реальнаго катарзиса, идеализовался хоръ дифирамба, обрядовыя маски котораго выросли въ опредѣленные типы — маски художественной трагедіи. Тотъ же процессъ совершился и въ области ея сюжетовъ, разросшихся за предѣлы діонисовскаго мифа, еще въ границахъ дифирамба; они отвѣтили новому содержанію мысли и также идеализовались. Остановлюсь на одномъ примѣрѣ: на праздникѣ Хоэс совершались возліянія по усопшимъ, и они показывались: маны, „роженицы", правящія долей своихъ родичей, посылающія ее и строго карающія нарушеніе родовыхъ завѣтовъ: керы и, вмѣстѣ, эринніи. Возліяніе въ честь манъ совершалось сообща, но такъ, что каждый пилъ отдѣльно, послѣ чего всѣ несли свои увѣнчанные кубки въ храмъ Діониса. Дѣлалось это, будто-бы, въ память Ореста, исключеннаго за матереубійство изъ общенія съ другими людьми, отлученнаго отъ храмовъ, пока божество не примирило его, очистивъ отъ невольнаго грѣха. Невольнаго потому, что Аполлонъ заставилъ его наложить руки на мать, убійцу отца; но за священныя права матери мстятъ ея родовыя маны, эриннія. Мифъ отразилъ культурныя отношенія, когда древній матріархатъ боролся съ патріархатомъ, водворявшимъ новые порядки вещей. Мѣсто этого мифа въ діонисовскомъ культѣ объясняется связью Діониса съ хеоническимъ міромъ; онъ могъ быть однимъ изъ сюжетовъ дифирамба, у Эсхила онъ является въ сіяніи трагическаго катарзиса.

Художественная драма сложилась, сохраняя и вмѣстѣ съ тѣмъ претворяя и свои культовыя формы и сюжеты мифа. Выработка эпическаго преданія и ростъ личной художественной лирики не могли не найдти въ ней отраженія, но она—не новый организмъ, не механическое сплоченіе эпическихъ и лирическихъ партій, а эволюція древ-

Библиотека "Руниверс"

нѣйшей синкретической схемы, скрѣпленной культомъ и послѣдовательно воспріявшей результаты всего общественнаго и поэтическаго развитія. Свободное отношеніе къ содержанію религіозной легенды и ея ёмкость были однимъ изъ условій ея художественнаго разцвѣта; для средневѣковой литургической драмы на ея переходѣ къ мистеріи они не существовали, потому что религіозное преданіе считалось неприкосновеннымъ. Драма могла выдѣлиться изъ церковнаго ритуала и перейдти на площадь, не ставъ тѣмъ, чѣмъ стала трагедія по отношенію къ дивирамбу деревенскихъ Діонисій.

Судьбы комедіи иныя, потому что и ея источникъ былъ другой. Она вышла, по Аристотелю, изъ фаллическихъ пѣсенъ, раздававшихся въ деревенскихъ Діонисіяхъ, ἀπὸ τῶν ἐξαρχόντων τὰ φαλλικά. Если понять ἐξάρχων въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о „вчинанія“ дивирамба, то зародыша комедіи можно представить себѣ въ комическихъ сценкахъ на пути комоса, когда какой нибудь ряженый потѣшалъ, мимируя сосѣда, изображая типы, напримѣръ, болтливаго старика, поддерживающаго свою воркотню ударами палки, (Аристофанъ, Облака, парабаза), пьянаго и т. п., вызывая смѣхъ и веселое вмѣшательство добровольныхъ хоревтовъ.

Въ такихъ сценкахъ, невольно принимавшихъ амебейный характеръ, не было въ сущности ничего религіознаго, діонисовскаго, кромѣ веселья; ни жертвенника, ни культоваго дѣйства, ни традиціонныхъ сатировъ, ни содержанія мива; онѣ могли зарождаться и зарождались и внѣ діонисовскаго обихода, какъ южно-итальянскіе мимы и Ателланы съ ихъ литературнымъ и народнымъ наслѣдіемъ. Комедія выростала изъ подражательнаго обрядоваго хора, не скрѣпленнаго формами культа; у ней есть положенія и реальные типы, нѣтъ опредѣленныхъ сюжетовъ мива и его идеализованныхъ образовъ. Когда эти положенія и типы свяжутся единствомъ темы, ее возьмутъ изъ быта, потѣшнаго разказа, изъ міра фантастики, съ хорами звѣриныхъ масокъ, съ типами, полными шаржа, назойливо откровенными, какъ фаллическая пѣсня, съ столь же откровенною сатирой на личности и общественные порядки, какая раздавалась съ повозокъ діонисовскихъ празднествъ.

Комедія Аристофана, въ сущности, комедія типовъ, шаржа и сатиры. Трагедія дала ей свои художественно-цѣлостныя формы, не овладѣвъ ея формальною разбросанностью: остались лирическія пѣсенки, капризно вброшенныя въ ея составъ, осталась загадочная парабаза, съ амебейными строфами и сказомъ корифея, перебивающая

Библиотека "Руниверс"

дѣйствіе и не стоящая съ нимъ въ органической связи; агоны греческой комедіи, состязаніе въ родѣ λόγος δίκαιος καὶ ἄδικος (Аристофанъ) и т. п. — наслѣдіе амебейныхъ сценокъ комоса. Въ „новой" комедіи эти шероховатости примирились, она покинетъ грубый шаржъ для изображенія нравовъ, отражая послѣднія эволюціи трагедіи, когда ея героическіе типы спустятся у Еврипида къ нормамъ простой человѣчности и психологіи. Идеализація человѣка началась вокругъ алтарей, завершилась въ сферахъ героизма, поднятаго надъ дѣйствительностью: здѣсь слагались типы и переносились въ жизнь къ оцѣнкѣ ея реальныхъ отношеній и явленій. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что вышедшая изъ культа трагедія подняла комедію изъ бытоваго шаржа въ міръ художественныхъ обобщеній.

Попытаюсь подвести нѣсколько итоговъ.

Въ началѣ движенія — ритмически-музыкальный синкретизмъ, съ постепеннымъ развитіемъ въ немъ элемента слова, текста, психологическихъ и ритмическихъ основъ стилистики.

Хорическое дѣйство, примкнувшее къ обряду.

Пѣсни лирико-эпическаго характера представляются первымъ естественнымъ выдѣленіемъ изъ связи хора и обряда. Въ извѣстныхъ условіяхъ дружиннаго, воинственнаго быта онѣ переходятъ, въ рукахъ сословныхъ пѣвцовъ, въ эпическія пѣсни, которыя циклизуются, спѣваются, иногда достигая формъ эпопеи.—Рядомъ съ этимъ продолжаетъ существовать поэзія хороваго обряда, принимая или нѣтъ устойчивыя формы культа.

Лирическіе элементы хоровой и лирико-эпической пѣсни сводятся къ группамъ короткихъ образныхъ формулъ, которыя поются и отдѣльно, спѣваются вмѣстѣ, отвѣчая простѣйшимъ требованіямъ эмоціональности. Тамъ, гдѣ эти элементы начинаютъ служить выраженію болѣе сложныхъ и обособленныхъ ощущеній, слѣдуетъ предположить въ основѣ культурно-сословное выдѣленіе, болѣе ограниченное по объему, но болѣе интензивное по содержанію, чѣмъ то, по слѣдамъ котораго обособилась эпика; художественная лирика позднѣе ея.

И въ эту полосу развитія протягиваются предыдущія: обрядовой и культовой хоризмъ, эпика и эпопея и культовая драма. Органическое выдѣленіе художественной драмы изъ культовой требуетъ, повидимому, условій, которыя сошлись лишь однажды въ Греціи и не даютъ повода заключать о неизбѣжности такой именно стадіи эволюціи.

Библиотека "Руниверс"

Все это обходилось не безъ обоюдныхъ вліяній и смѣшеній, новое творилось безсознательно въ формахъ стараго; являлись и подражанія, когда въ каждомъ отдѣльномъ родѣ создались образцы художественнаго эпоса, лирики, драмы, какъ то было въ Греціи и Римѣ. Ихъ формы обязывали, поэтика Аристотеля и Горація обобщили ихъ, какъ классическія, и мы долго жили ихъ обобщеніями, все примѣряя къ Гомеру и Виргилію, Пиндару и Сенекѣ и греческимъ трагикамъ. Поэтическія откровенія, не предвидѣнныя Аристотелемъ, плохо укладывались въ его рамку; Шекспиръ и романтики сдѣлали въ ней большую брешь, романтики и школа Гриммовъ открыли непочатую дотолѣ область народной пѣсни и саги—и Карльеръ, Ваккернагель и другіе распахнули передъ ними двери старыхъ барскихъ покоевъ, гдѣ новымъ гостямъ было не по себѣ. Затѣмъ явились этнографы, фольклористы; сравнительно-литературный матеріалъ на столько расширился, что требуетъ новаго зданія, поэтики будущаго. Она не станетъ нормировать наши вкусы односторонними положеніями, а оставитъ на Олимпѣ нашихъ старыхъ боговъ, помиривъ въ широкомъ историческомъ синтезѣ Корнеля съ Шекспиромъ. Она научитъ насъ, что въ унаслѣдованныхъ нами формахъ поэзіи есть нѣчто закономѣрное, выработанное общественно-психологическимъ процессомъ, что поэзію слова не опредѣлить отвлеченнымъ понятіемъ красоты и она вѣчно творится въ очередномъ сочетаніи этихъ формъ съ закономѣрно измѣняющимися общественными идеалами; что всѣ мы участвуемъ въ этомъ процессѣ, и есть между нами люди, умѣющіе задержать его моменты въ образахъ, которые мы называемъ поэтическими. Тѣхъ людей мы называемъ поэтами.

Александръ Веселовскій.

Библиотека "Руниверс"

„АББАДОНА“ [1]).

Повѣсть Николая Полевого.

ГЛАВА I.

Появленіе „Аббадоны“ Полевого. — Отзывы о повѣсти Бѣлинскаго и современниковъ. — Сюжетъ повѣсти.

Въ № 9 „Московскаго Телеграфа“ за 1833 годъ Полевой напечаталъ начало повѣсти „Живописецъ“, изображавшей жизнь художника, полную бѣдствій и лишеній, если не всегда матерьяльныхъ, то всегда нравственныхъ. Аркадій, герой повѣсти, художникъ по призванію. Онъ получилъ хорошее артистическое образованіе въ домѣ одного широко развитаго сановника, вдали отъ той скромной и чуждой высокихъ стремленій чиновничьей жизни, которою жили въ маленькомъ уѣздномъ городишкѣ его отецъ, отставной казначей, и братья—исправные канцеляристы. Недовольство жизнью уѣзднаго чиновника и отвращеніе къ схоластическимъ пріемамъ, царившимъ въ Петербургскомъ училищѣ живописи, сдѣлали Аркадія въ глазахъ общества человѣкомъ непутнымъ, сбившимся съ толку и подающимъ опасный примѣръ другимъ. Смерть покровителя, поддерживавшаго его своимъ авторитетомъ, поставила его въ безпомощное положеніе, среди чуждой ему и холодной столицы... Однако талантъ и нѣкоторая посторонняя помощь помогли ему облегчить жизнь со стороны матерьяльной.

Нравственный же гнетъ по прежнему тяготѣлъ надъ нимъ. Какой нибудь чиновникъ, дослужившійся до чина коллежскаго совѣтника и ордена Владиміра въ петлицѣ, презрительно отзывается о неокончившемъ курса мазилкѣ; отецъ любимой дѣвушки не рѣшается

[1]) Докладъ, читанный въ нео-филологическомъ обществѣ.

Библиотека "Руниверс"

выдать дочь свою за человѣка, занимающагося такимъ неопредѣленнымъ „ремесломъ“, да и сама дочь, при всей своей видимой симпатіи къ Аркадію, не понимаетъ написанной имъ картины и соглашается выйдти замужъ за глупаго, но богатаго и подающаго большія надежды по службѣ чиновника. Не особенно крѣпкое здоровье Аркадія не выдерживаетъ столькихъ ударовъ, онъ уѣзжаетъ за-границу и тамъ умираетъ истомленный жизнью и непонятый людьми.

Чувство артиста всегда возмущалось въ Аркадіи, который бичевалъ людей. „Ничего“!—сказалъ онъ, горько улыбаясь: „они (люди) уничтожили высокій міръ художника, разбили истуканъ изящнаго, которому молился онъ въ Греціи, отняли у искусства религіозную святость среднихъ вѣковъ и хохочутъ надъ тѣмъ, кто стремится въ эти погибшіе міры искусствъ. Онъ врагъ имъ, нынѣшнимъ ремесленникамъ, и они всѣ заодно противъ него, мстятъ ему, какъ человѣку; отказываютъ ему, если онъ соглашается на бѣдное счастье людское; боятся его, клеймятъ его позоромъ и насмѣшкою“... [1]).

„Живописецъ“ былъ первою повѣстью о художникѣ Полеваго, который въ слѣдующемъ 1834 году приступилъ къ печатанію другаго бо́льшаго по объему произведенія съ подобнымъ же сюжетомъ — „Аббадоны“.

Желаніе избѣгнуть возможныхъ цензурныхъ непріятностей, а также, быть можетъ, избѣгнуть затрудненій, тѣсно связанныхъ съ вѣрнымъ и точнымъ изображеніемъ русскихъ типовъ и русскаго общества—послужило причиной тому, что Полевой въ своемъ новомъ произведеніи взялъ сюжетъ изъ нѣмецкаго быта. Впрочемъ, выборъ подобнаго сюжета есть общее явленіе въ тогдашней литературѣ; представители ея чувствовали нѣкоторое пристрастіе къ иноземной жизни и иноземнымъ героямъ.

Полевой писалъ къ цензору „Аббадоны“ — Ивану Михайловичу Снегиреву: „цѣль моя показать, что безумныя мечты поэтовъ не годятся для міра вещественнаго, что въ наше время исчезъ уже отдѣльный поэтическій міръ, какой воображаемъ мы себѣ у грековъ (да у нихъ не было, ибо онъ несбыточенъ); что только соединеніе добра съ поэзіей будетъ совершенство—вслѣдствіе сего роль актрисы, падшаго ангела *Аббадоны*, которая никакъ не можетъ помириться съ святою душою поэта Вильгельма и погибаетъ. Но и поэту, когда онъ хочетъ развиться вполнѣ, ему мѣшаетъ міръ условій, при-

[1]) *Живописецъ*, изд. 1834, стр. 93.

Библиотека "Руниверс"

личій, отвычки людей. Вотъ цѣль, а не сатирическія картины, которыя служатъ только оправою главной идеѣ“ [1]).

Первое изданіе „Аббадоны“ (1834 года) появилось въ свѣтъ не безъ цензурныхъ затрудненій.

Два главныхъ дѣйствующихъ лица привлекли вниманіе бдительной цензуры. Это были Элеонора, актриса, фаворитка министра, и самъ министръ, баронъ Калькопфъ. Первая нѣсколько разъ высказывала желаніе окончить жизнь самоубійствомъ, а второй, эгоистически преслѣдуя личные интересы, иной разъ готовъ поставить ихъ выше интересовъ государства [2]). Подобные факты возбудили недоумѣніе цензора И. М. Снегирева, который не рѣшился взять на себя отвѣтственность за пропускъ соблазнительной рукописи и представилъ дѣло на разрѣшеніе Московскаго цензурнаго комитета. Послѣдній раздѣлялъ взгляды цензора и сдѣлалъ донесеніе министру народнаго просвѣщенія, препроводивъ ему для просмотра отрывки изъ наиболѣе рѣзкихъ, по его мнѣнію, сценъ „Аббадоны“.

Представленіе С. С. Уварову было слѣдующаго содержанія: „Г. цензоръ Снегиревъ, по разсмотрѣніи имъ двухъ главъ 2-й части [3]) рукописи сочин. Н. Полеваго, подъ заглавіемъ: „Судьба Аббадоны“, представилъ на разрѣшеніе комитета слѣдующее обстоятельство, приводящее его въ затрудненіе, тѣмъ болѣе, что на сочиненія сего писателя предписано высшимъ начальствомъ обращать строжайшее вниманіе: хотя г. цензоръ и не находитъ романъ сей по содержанію и по цѣли явно противнымъ предписанію г. министра народнаго просвѣщенія, отъ 1833 года за № 231, но сомнѣвается, не покажутся

---

[1]) Рукописи П. Н. Полеваго.

[2]) Элеонора носитъ на груди въ медальонѣ „страшный ядъ изъ лѣсовъ гвіанскихъ“ и такъ описываетъ свое состояніе передъ самоубійствомъ... „я оторвала страшное сокровище, которое берегла съ давнихъ лѣтъ—это сокровище былъ ядъ! Тогда подумала я, что мнѣ не для чего было оставаться въ мірѣ—я хотѣла проглотить этотъ ядъ, взялась за него... (ч. III, 164)“. Что же касается Калькопфа, то онъ, по словамъ одного авантюриста барона Хилея, во время владычества Наполеона и его колебанія на тронѣ, вслѣдствіе неопредѣленной и запутанной политики, для того чтобы удержаться на мѣстѣ, „велъ тайные переговоры, въ одно время съ Фуше и съ врагами Наполеона, готовъ былъ наклонить политику на обѣ стороны“. (Ч. III, 115 и т. д.).

[3]) Дѣло, повидимому, шло не о 2-хъ главахъ 2-й части исключительно, ибо объ отравленіи говорится въ 3-й части. Впрочемъ, весьма возможно, что порядокъ главъ рукописи не сходится съ напечатаннымъ текстомъ перьваго изданія „Аббадоны“.

Библиотека "Руниверс"

ли слишкомъ рѣзкими картины самоубійства актрисы и въ изображеніи министра Калькопфа не унижается ли характеръ государственнаго сановника тѣмъ, что онъ легкое оскорбленіе ставитъ на ряду съ государственнымъ преступленіемъ [1]), употребляя ввѣренную ему власть для удовлетворенія страстей своихъ“.

Особо назначенные министромъ чиновники разсматривали представленную рукопись. Правда, они не нашли въ ней ничего, „подлежащаго запрещенію“, но самая возможность возникновенія подобнаго дѣла достаточно ярко рисуетъ понятія эпохи.

Характерно и отношеніе къ дѣлу министра, созвавшаго особую комиссію и написавшаго на бумагѣ комитета: „разсмотрѣть и доказать“ [2]).

Изданныя, наконецъ, четыре части „Аббадоны“ не были однако окончены; въ такомъ же видѣ была вторично отпечатана повѣсть въ 1840 г. Но избранный сюжетъ, повидимому, очень интересовалъ автора, и въ двухъ номерахъ (седьмомъ и девятомъ) „Сына Отечества“ 1838 года были помѣщены два отрывка изъ „Эпилога Аббадоны“; въ этихъ отрывкахъ обрисовывалась дальнѣйшая судьба героевъ и героинь повѣсти, которая, однако, и здѣсь не имѣетъ окончательной развязки.

По поводу обоихъ изданій „Аббадоны“ писались рецензіи, характеризующія отношеніе къ произведенію Полеваго, какъ современныхъ ему литераторовъ, такъ, отчасти, и читающей публики.

Рецензіи 1835 года чрезвычайно благосклонны для Полеваго.

„Аббадона“ несравненно выше „Клятвы при гробѣ Господнемъ“, писалъ Бѣлинскій въ „Молвѣ“. Можетъ быть это происходитъ оттого, что здѣсь г. Полевой былъ, такъ сказать, болѣе въ своей тарелкѣ, ибо вообще его талантъ, не смотря на всю его многосторонность, особенно торжествуетъ въ изображеніи такихъ предметовъ, которые имѣютъ близкое отношеніе къ нему самому по опыту жизни. Представить художника въ борьбѣ съ мелочами жизни и ничтожностью людей—вотъ тема, на которую г. Полевой пишетъ съ особенною любовью и съ особеннымъ успѣхомъ: доказательствомъ тому его повѣсть „Живописецъ“ и разсматриваемый мною романъ. Эти два произведе-

---

[1]) Мѣста въ романѣ, гдѣ выставлялось бы равное вниманіе Калькопфа къ личному оскорбленію и государственному преступленію, мы не нашли. Не было ли оно вычеркнуто цензоромъ?

[2]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія № 908, (№ 147, 743), дѣла 1835 года.

Библиотека "Руниверс"

нія я почитаю лучшими произведеніями г. Полеваго: въ нихъ онъ самъ *является художникомъ*".

Критикъ признаетъ борющагося „между влеченіемъ своего генія и обольщеніями жизни" художника Вильгельма лицомъ, „привлекающимъ къ себѣ вниманіе читателя"; Элеонора представляется ему „чуднымъ, дивнымъ, высокимъ, прелестнымъ созданіемъ", которое „испытываетъ надъ собою высокое таинство любви, очищается въ ея священномъ пламени отъ ржавчины порока и возстаетъ отъ своего паденія въ мощномъ, исполинскомъ величіи"; Генріетта же есть одна изъ тѣхъ милыхъ и кроткихъ „нѣмочекъ-кухарочекъ", которыхъ онъ любитъ до смерти; второстепенныя лица считаются „интересными".

„Разказъ вообще живой и увлекательный; положенія по большей части новыя и оригинальныя; обрисовка характеровъ мастерская, обличающая руку твердую и рѣзкую; множество картинъ и описаній истинно художественныхъ (слѣдуетъ ихъ перечень); наконецъ прекрасный слогъ—вотъ достоинства новаго произведенія Полеваго" [1]).

Такъ писалъ Бѣлинскій; не менѣе одобрительно отозвался объ „Аббадонѣ" другой рецензентъ—Плаксинъ, сотрудникъ „Сына Отечества".

„Въ *Аббадонѣ* — говоритъ онъ — главная идея, хотя и не нова, отличается истинною возвышенностію, идеи частныя или подчиняются ей, или противодѣйствуютъ, и онѣ необходимы для созданія, какъ движущія силы; характеры дѣйствующихъ лицъ въ проявленіи этой идеи ознаменованы занимательною особенностью; каждая сцена, отдѣльно взятая, поставляетъ дѣйствователя въ новое положеніе, усиливаетъ борьбу духа съ міромъ и заставляетъ принимать въ немъ участіе. Положенія второстепенныхъ и даже маловажныхъ лицъ при каждой встрѣчѣ становятся затруднительнѣе и занимательнѣе.

Мечты и размышленія не только истинныя, но и софистическія превосходны; эпизоды прелестны; особенное же вниманіе заслуживаетъ разказъ о пери Аллоа".

Рецензентъ отмѣчаетъ и недостатки повѣсти: пресѣченіе движенія и отсутствіе развязки интригъ, повтореніе разговоровъ автора и дѣйствующихъ лицъ (на это, впрочемъ, указываетъ и Бѣлинскій въ только что цитованной статьѣ), встрѣчающуюся тяжеловатость слога, признавая при всемъ этомъ, что „новое произведеніе г. Поле-

---

[1]) Соч. *Бѣлинскаго*, т. I, 340—341 (1859 г.).

Библиотека "Руниверс"

ваго исполнено высокихъ и прекрасныхъ идей по вымысламъ, по силѣ творчества и должно радовать любителей изящной словесности“ [1]).

Прошло шесть лѣтъ; въ 1841 году, по случаю втораго изданія той же повѣсти, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Литературной Газетѣ„ были помѣщены статьи совсѣмъ другаго характера. Восторги и похвалы значительно стихли, и ихъ мѣсто заняла иногда даже очень придирчивая критика, какую напечаталъ редакторъ „Литературной Газеты“.

Отзывъ Бѣлинскаго значительно умѣреннѣе, но и отъ него вѣетъ холодомъ.

Бѣлинскій упрекаетъ Полеваго за несвоевременную выдачу въ свѣтъ романа, который уже не можетъ интересовать публику такъ, какъ прежде, который похожъ на простодушнаго помѣщика, прожившаго въ деревнѣ лѣтъ тридцать, пріѣхавшаго въ столицу и не признаваемаго тамъ прежними „товарищами по воспитанію и службѣ“, ибо эти товарищи „уже успѣли нажить себѣ новыхъ друзей и изъ повѣсъ-шалуновъ успѣли сдѣлаться людьми разсудительными, солидными, людьми comme il faut“. „Пять лѣтъ въ русской литературѣ— продолжаетъ критикъ — да это все равно, что пятьдесятъ въ жизни иного человѣка“, а потому и не удивительно, „что та же самая публика, которая *очень радушно* приняла „Аббадону“ въ 1835 году, теперь велитъ ей говорить: „дома нѣтъ“.

Рейхенбахъ есть, по мнѣнію Бѣлинскаго, то, что „нѣмцы называютъ прекрасною душою (schöne Seele)“. Когда-то это понятіе имѣло „благородное и похвальное значеніе“, а теперь является выраженіемъ „чего-то комическаго, смѣшнаго“.

„Рейхенбахъ г. Полеваго есть полный представитель такой „прекрасной души“, и онъ тѣмъ смѣшнѣе, что почтенный сочинитель нисколько не думалъ издѣваться надъ нимъ, но отъ чистаго сердца убѣжденъ, что представилъ намъ въ своемъ Рейхенбахѣ истиннаго поэта, душу глубокую, пламенную, могучую“.

„Въ немъ нѣтъ ничего поэтическаго; онъ просто добрый и *весьма недалекій* малый, а между тѣмъ авторъ поставилъ его на высокія ходули“.

Бѣлинскій находитъ въ высшей степени комичной любовь поэта къ Генріеттѣ, да и сама Генріетта уже не возбуждаетъ въ немъ симпатіи.

---

[1]) *Сынъ Отечества*, 1835, № 169 (488).

Библиотека "Руниверс"

„Рейхенбахъ хочетъ обожать Генріетту до гробовой доски. Она также не прочь отъ этого. Но въ ихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего поэтическаго, невыговариваемаго авторомъ, но понятнаго для читателя. Вся любовь ихъ испаряется въ словахъ, въ дерзкихъ поцѣлуяхъ со стороны поэта, и въ „ахъ, что вы это!“ со стороны хорошенькой мѣщаночки!“.

Элеонора, эта актриса и femme emancipée нашего времени, оттого не совсѣмъ удалась Полевому, что послѣдній не заставилъ ее возродиться. Главный же недостатокъ повѣсти въ предпочтеніи Рейхенбахомъ „добренькой кухарочки“ „сильной, пламенной и страстной душѣ“.

„Видите ли, какъ ложная, натянутая идеальность сходится наконецъ съ пошлою прозою жизни, мирится съ нею на конфетныхъ страстишкахъ, картофельныхъ нѣжностяхъ и плоскихъ шуткахъ“.

Но проницательный критикъ, даже въ пылу раздраженія на неожиданную развязку повѣсти (предпочтеніе Вильгельмомъ Генріетты изложено въ „Эпилогѣ Аббадоны“), очертилъ и положительныя качества разбираемаго произведенія.

„Но есть въ „Аббадонѣ“ — читаемъ далѣе—„другая сторона, и сторона очень хорошая. Если идеальныя лица, герои этого романа, смѣшны и приторны до неестественности, то прозаическія очеркнуты очень удачно. Баронъ Калькопфъ, директоръ театра, баронъ Хилей, мать Генріетты, пріятельница ея совѣтница и другія лица не даютъ вамъ бросить романа и заставляютъ дочитать до конца“.

Въ повѣсти „сцены прозаической жизни чрезвычайно живы и увлекательны, и впечатлѣніе, производимое ими, нерѣдко бываетъ тяжело и грустно—именно оттого, что въ нихъ есть истина“.

Встрѣчается въ „Аббадонѣ“ „много мыслей умныхъ, вѣрныхъ, высказанныхъ живо и увлекательно“; встрѣчаются и истинно *поэтическія* мѣста, къ которымъ Бѣлинскій относитъ вечеръ въ загородномъ домѣ Элеоноры и разговоръ ея съ Лалагой [1]).

Такимъ образомъ, если сравнить приведенный выше отзывъ знаменитаго критика съ только что изложеннымъ, то разница получается значительная. И совершившаяся перемѣна во взглядахъ Бѣлинскаго съ 1884 по 1841 годъ, и неожиданная развязка романа, столь оскорбившая эстетическое чувство его, и, быть можетъ, до нѣкоторой степени, справедливо указанная имъ *несвоевременность* выдачи „Абба-

[1]) Соч. *Бѣлинскаго*, т. 5, 280 (1885).

Библиотека "Руниверс"

доны“ съ подобнымъ эпилогомъ — всѣ эти причины вліяли на измѣненіе прежней оцѣнки произведенія Полеваго.

Нѣчто иное представляетъ изъ себя критика „Литературной Газеты“. Въ ней ярко обнаруживается та злостная литературная антипатія, какую могли чувствовать противники Полеваго на журнальномъ поприщѣ. Недоброжелательство, рѣзкія выходки, не имѣющія прямаго отношенія къ разбору повѣсти, ѣдкое издѣвательство, внушенное личными и партійными счетами, характеризуютъ эту рецензію.

Критикъ начинаетъ издалека, съ опредѣленія личности Полеваго и его дѣятельности.

„Полевой—такой человѣкъ, который смотритъ на похвалы, какъ на должную дань своимъ сочиненіямъ, а на порицаніе, какъ на признакъ зависти и недоброжелательства; онъ имѣетъ похвальную привычку самъ отдавать себѣ должную справедливость въ журналахъ, которыхъ былъ редакторомъ или сотрудникомъ“.

Въ произведеніяхъ Полеваго есть и дурное, и хорошее. „Впрочемъ“ — прибавляетъ критикъ: „мы разумѣемъ здѣсь только тѣ его сочиненія, которыя писаны имъ до 1838 года—этой эпохи, когда онъ навсегда примирился съ своими бывшими соперниками по литературѣ и заключилъ съ ними союзъ на вѣчную нерушимую дружбу [1]). Великое событіе въ исторіи русской литературы! Сколько было браней и чернилопролитія! Сколько было усилій — увѣрить публику въ томъ мнѣніи, которое соперники имѣли другъ о другѣ. И публика уже повѣрила, какъ вдругъ—конецъ войнѣ—*скачите холмы, плещите руками рѣки, помавайте главами лѣса. Миръ благодатный! Оливковыя вѣтви! Міръ уже въ мирѣ; и миръ въ мірѣ! Этотъ союзъ поддержитъ нашу литературу въ благодатномъ состояніи сладко-дремлющей неподвижности. Оливковыя вѣтви растутъ изъ нѣкоторыхъ кармановъ и приносятъ пышные плоды*“.

Послѣ иронической фразы, что въ лицѣ Полеваго русская литература обрѣла своего Шекспира, критикъ затѣмъ переходитъ къ разбору „Аббадоны“.

„Аббадона“ написана г. Полевымъ еще въ 1835 г., слѣдовательно задолго до знаменитаго заключенія союза, обезпечившаго участь русской литературы: посему въ немъ много слабаго, стран-

---

[1]) Съ 1838 года Н. А. Полевой окончательно сошелся со своими литературными врагами: Гречемъ и Булгаринымъ и сдѣлался негласнымъ редакторомъ „*Сѣверной Пчелы*“ и „*Сына Отечества*“.

Библиотека "Руниверс"

наго, дурнаго, но есть и занимательное, пріятное и хорошее. Въ этомъ романѣ лица раздѣляются на добрыхъ и злыхъ, идеальныхъ и прозаическихъ: и первыя въ немъ очень смѣшны и пошлы, а вторыя очерчены умно, ловко и съ извѣстною степенью вѣрности и истины. Смѣшнѣе всѣхъ Вильгельмъ Рейхенбахъ, изъ котораго г. Полевой силился создать идеалъ великаго поэта въ борьбѣ съ прозою жизни, но какъ-то невзначай, противъ воли, сдѣлалъ карикатуру (и довольно злую) на поэта. Страстная актриса Элеонора вышла также неудачно: это пошлая фраза на ходуляхъ. Отъ Генріетты пахнетъ вареным картофелемъ. За то, Калькопфъ, директоръ театра, мать Генріетты, совѣтница Шницеръ-Памеръ и прочіе представляютъ собой характеры, очерченные болѣе или менѣе вѣрно. Сцены любви, ревности, восторговъ — смѣшны до комизма; сцены прозаической жизни, карикатурные литературно-музыкальные вечера во дворцѣ князя, пріемная барона Калькопфа и т. п. весьма живы и занимательны, хотя сильно напоминаютъ Кота Мура Гофмана“ [1]).

Такимъ образомъ статья „Литературной Газеты“, въ началѣ наполненная чисто полемическими рѣзкостями, кончается болѣе спокойнымъ, а потому и болѣе трезвымъ анализомъ разбираемой повѣсти. Если окончательный приговоръ и не вполнѣ вѣренъ, то во всякомъ случаѣ критикъ не закрылъ глаза на хорошія стороны „Аббадоны“ и не изливалъ своего краснорѣчія въ огульной брани. Въ заключеніе нельзя не отмѣтить того факта, что какъ Бѣлинскому, въ его второй рецензіи, такъ и критику „Литературной Газеты“ болѣе нравились отрицательные типы романа, чѣмъ положительные, тогда какъ въ рецензіяхъ 1835 года явно сквозило сочувствіе къ Рейхенбаху и актрисѣ Элеонорѣ, которые еще не казались неудачными восхищавшимся ими рецензентамъ.

Сюжетъ повѣсти не сложенъ: „мечты поэтовъ не годятся для міра вещественнаго“. Но, кромѣ основной темы, встрѣчаются любопытные типы и идеи. Такъ мы видимъ типъ художника-идеалиста, типъ женщины, которую Бѣлинскій назвалъ „femme etancipeé“, типъ кающейся грѣшницы, стремящейся къ возрожденію (оба послѣднихъ типа соединены въ одномъ лицѣ — Элеонорѣ), типъ министра, мецената и сластолюбца, типы изъ мелкаго бюргерства; затрогиваются также вопросы объ отношеніи общества къ искусству и подчеркивается идея, что только соединеніе добра съ поэзіей представляетъ совершен-

[1]) *Литературная Газета*, 1841, № 28.

Библиотека "Руниверс"

ство. Вильгельмъ Рейхенбахъ, вышедшій изъ мѣщанской среды, пробивавшійся, вдали отъ родныхъ, скудными заработками отъ перевода подчасъ безсмысленныхъ книгъ на нѣмецкій языкъ и влюбленный безъ ума въ хорошенькую, простенькую, но недалекую мѣщаночку Генріетту, благодаря своей трагедіи „Арминій“, которая понравилась любовницѣ министра Калькопфа, актрисѣ Элеонорѣ, попадаетъ въ фаворъ къ знати и снискиваетъ себѣ популярность. Но такъ какъ счастье и несчастье ходятъ рука объ руку, то и на Вильгельма, наряду съ успѣхомъ въ обществѣ начинаютъ сыпаться разныя невзгоды. Генріетта, въ которой онъ не чаялъ души, ревнуетъ его къ поэзіи, къ славѣ и отказывается выйдти за него замужъ; какъ придворному поэту, ему много приходится терпѣть отъ традицій и условій общества,—и, наконецъ, однимъ изъ главныхъ для него ударовъ является сначала любовь, а потомъ ненависть Элеоноры, ненависть, выразившаяся въ преслѣдованіи предпочтенной Рейхенбахомъ и примирившейся съ нимъ впослѣдствіи Генріетты.

Стараніями Элеоноры, выведшей Вильгельма изъ неизвѣстности и доставившей ему расположеніе при дворѣ, Рейхенбахъ лишился всего этого, какъ только вернулся къ прежней любви. Подъ вліяніемъ чистой и свѣтлой любви къ молодому поэту Элеонора измѣнила образъ жизни и стала возрождаться душой; но, будучи отвергнута, видя, что отъ нея ускользаетъ послѣдняя надежда на лучшее существованіе, и не имѣя силъ, послѣ всего происшедшаго, играть прежнюю роль содержанки Калькопфа, она пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы отмстить Вильгельму за поруганное чувство.... Новая трагедія Вильгельма не имѣетъ успѣха, онъ лишается мѣста въ канцеляріи министра, его Генріетта подвергается опасности сначала быть выданной замужъ за клеврета Элеоноры, мерзавца и шулера Хилея, а затѣмъ быть похищенной; самъ Рейхенбахъ схваченъ людьми Элеоноры, привезенъ въ загородный замокъ барона Калькопфа, гдѣ и разыгрывается трагическая сцена, исполненная романтическихъ ужасовъ.

Связаннаго Рейхенбаха въ темной готической залѣ замка встрѣчаетъ Элеонора, похудѣвшая, поблѣднѣвшая, въ длинномъ бѣломъ одѣяніи. Она упрекаетъ поэта за невѣрность ей, за увлеченіе пустенькой Генріеттой, за оскорбленіе лучшихъ и свѣтлыхъ движеній души; говоритъ, что не въ силахъ пережить это несчастье, не въ силахъ уступить его другой; она вынимаетъ ядъ и кинжалъ, которые должны покончить существованіе обоихъ.... Но вдругъ, подъ вліяніемъ все еще жившей въ ней любви къ Рейхенбаху и жалости къ нему, она

Библиотека "Руниверс"

даруетъ ему жизнь, а сама принимаетъ ядъ, перерѣзавъ веревки, впившіяся въ тѣло несчастнаго. Между тѣмъ извѣщенный обо всемъ Калькопфъ врывается въ комнату! Элеонора посылаетъ ему проклятіе и умираетъ въ страшныхъ мученіяхъ, скорбя о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ долженъ подвергнуться Вильгельмъ со стороны министра. На этомъ обрывается неоконченная повѣсть.....

Что касается выведенныхъ Полевымъ дѣйствующихъ лицъ, взятыхъ въ отдѣльности, то Рейхенбахъ, на нашъ взглядъ, наименѣе удался автору. Въ созданіи типа молодаго художника чуется какая-то невыдержанность и нѣкоторое противорѣчіе. Видно, что Полевой хотѣлъ въ немъ представить человѣка, далеко недюжиннаго, превосходящаго головою толпу, одареннаго божественною искрой поэзіи, что и ставитъ его въ такія тяжелыя отношенія съ нравственно и умственно неразвитымъ, хотя и блестящимъ по внѣшнему виду обществомъ.

Какъ выдающійся талантъ, высоко цѣнящій свое призваніе, Рейхенбахъ долженъ страдать; какъ человѣкъ съ чуткою и воспріимчивою душой, долженъ еще болѣе увеличивать свои мученія..... Контрастъ между чуждымъ обременительныхъ и часто нелѣпыхъ свѣтскихъ оковъ поэтомъ, обладателемъ свободнаго и гордаго ума, и затянутымъ въ корсетъ приличій обществомъ, живущимъ моментомъ и увлекающимся мишурой, былъ цѣлью, намѣченною авторомъ. Но что же оказывается? Рейхенбахъ, увлеченный было обратившеюся на путь истины, умною и развитою Элеонорой, вмѣсто того, чтобы спасти отъ гибели эту чудную женщину, вновь возвращается къ своей Генріеттѣ и добровольно хочетъ замуравить себя въ жизнь нѣмецкаго бюргерства, жизнь, лишенную всякихъ высокихъ интересовъ, всю заключающуюся въ хлопотливыхъ заботахъ объ огородѣ, барашкахъ, кухнѣ и въ проведеніи принциповъ слишкомъ приторныхъ и слащавыхъ добродѣтелей.

Остаются также невыясненными тѣ причины, которыя побудили Вильгельма порвать сношенія съ Элеонорой, и остается въ туманѣ та душевная борьба, которая должна была предшествовать этому разрыву.

Типъ Элеоноры выполненъ лучше. Передъ нами прежде всего образованная, самостоятельная, энергичная женщина, съ огненнымъ, пламеннымъ характеромъ и желѣзною силой воли; затѣмъ, изъ-за этой красивой оболочки проглядываетъ падшая женщина, съ омерзеніемъ

Библиотека "Руниверс"

относящаяся къ той долѣ, которая ей выпала, женщина глубоко несчастная.

Истинный драматизмъ ея положенія заключается въ томъ, что полюбивъ впервые чистою, облагораживающею любовью молодаго поэта, она, начавшая уже мечтать о лучшей жизни, вдругъ теряетъ его изъ-за пустенькой и простенькой Генріетты, а вмѣстѣ съ нимъ теряетъ надежду и на свое возрожденіе, и на свое счастье. Когда ея завѣтная мечта не осуществилась, когда ея чувство не оцѣнили по достоинству, тогда въ ея разбитомъ сердцѣ вспыхиваетъ месть Генріеттѣ и все еще любимому ею Вильгельму.

Послѣдняя глава повѣсти, гдѣ представлена картина послѣдняго свиданія Рейхенбаха съ Элеонорой, страдаетъ нѣкоторымъ излишествомъ ультра-романтическихъ выходокъ, которыя, впрочемъ, очень нравились въ свое время и фигурировали въ произведеніяхъ корифеевъ нѣмецкой и французской литературы.

Не чуждо также эксцентричности желаніе Элеоноры умереть для людей и жить подъ чужимъ именемъ съ Рейхенбахомъ; но нѣкоторыя сцены, въ которыхъ дѣйствуетъ она, какъ: разговоръ съ Лалагой, съ Рейхенбахомъ въ будуарѣ и др. написаны живо, картинно и, пожалуй, поэтично.

Недурно очерчена личность Генріетты, этой миленькой „нѣмочки-кухарочки“, существа кроткаго, смиреннаго, вполнѣ добродѣтельнаго и вполнѣ зависящаго отъ маменьки, существа съ узкими взглядами, видящаго идеалъ въ тихой, домашней жизни съ милымъ сердцу и въ вѣчныхъ хлопотахъ по хозяйству. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ этой, повидимому, безотвѣтной дѣвушкѣ затрогивается самолюбіе и говоритъ чувство собственнаго достоинства (такова сцена свиданія съ Элеонорой). Но, если въ созданіи идеальныхъ типовъ „Аббадоны“ и есть какіе нибудь промахи, то въ обрисовкѣ отрицательныхъ ихъ гораздо менѣе. Фигура директора театра, человѣка безъ совѣсти, съ іезуитскими пріемами, идущаго къ намѣченной цѣли; высокая особа мецената Калькопфа, занятаго больше сигарками и охотой, чѣмъ научными сочиненіями и государственными дѣлами; комическая мѣщанка, мѣтящая въ аристократки и богачки г-жа Шульце; мать Генріетты; жадная сводница Шницеръ-Памеръ; безсовѣстный шулеръ Хилей—типы, очерченные живо.

Хотя въ изображеніи жизни мелкаго бюргерства чувствуется отсутствіе юмора, того юмора, который обезсмертилъ „Старосвѣтскихъ

Библиотека "Руниверс"

помѣщиковъ" Гоголя; хотя въ картинахъ Полеваго преобладаетъ сатирическій элементъ, склонный болѣе къ карикатурному, чѣмъ добродушно-ироническому воспроизведенію жизни, но нельзя не сознаться, что, вѣдь, и типы этого живущаго болѣе растительно, чѣмъ духовно бюргерства и въ самой жизни, и въ самой дѣйствительности являются какими-то карикатурами.

ГЛАВА II.

Западное вліяніе, отразившееся на „Аббадонѣ".

Существуютъ два рода вліяній западной литературы на произведенія русскихъ писателей. Къ первому роду относится вліяніе *извѣстнаго* образца, которымъ увлекался русскій авторъ; ко второму—вліяніе цѣлой *серіи* перечитанныхъ авторомъ образцовъ, слѣды знакомства съ которыми не могли не наложить отпечатка (правда, болѣе общаго, чѣмъ въ первомъ случаѣ) и на его произведенія.

Наконецъ, такъ какъ всякое вліяніе можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, когда уже въ значительной степени подготовлена литературная почва для воспринятія этого вліянія, и такъ какъ получающаяся вслѣдствіе сравнительнаго анализа общность схемъ, типовъ и деталей указываетъ на какой-то общій законъ въ развитіи европейской мысли, то, при разсмотрѣніи иностранныхъ образцовъ, такъ или иначе повліявшихъ на разбираемое произведеніе, можно отмѣчать и такіе, извѣстность которыхъ автору хотя и нуждается еще въ доказательствахъ, но сходство которыхъ съ даннымъ произведеніемъ не подлежитъ малѣйшему сомнѣнію. Такимъ образомъ, получаетъ интересъ и значеніе уже не только вліяніе, само по себѣ, но и тотъ фактъ, что каждая эпоха инстинктивно имѣетъ свои излюбленныя идеи и интересуется своими типами.

Выводомъ изъ подобнаго сопоставленія произведеній разныхъ народовъ, пріуроченныхъ къ извѣстному промежутку времени, въ виду *неслучайности* какого угодно вліянія, имѣвшаго свой историческій ростъ, является *неизбѣжно повторяющаяся связь* сходныхъ идей, схемъ и типовъ, въ литературахъ разныхъ народовъ, то-есть извѣстный законъ, игравшій роль въ органическомъ процессѣ развитія европейскаго ума, конечно, въ предѣлахъ пока чисто литературныхъ.

Библиотека "Руниверс"

Высказанныя положенія можно положить въ основу сравнительнаго анализа „Аббадоны“, что еще болѣе удобно, такъ какъ анатомическое расчлененіе произведенія непервостепеннаго поэтическаго таланта яснѣе обнаружитъ искомое сходство отдѣльныхъ частей.

Изъ разсмотрѣнія „Московскаго Телеграфа“ видны тѣ авторы, которые интересовали Полеваго, а вмѣстѣ съ нимъ и читающую публику (число подписчиковъ на журналъ доходило до 2.000—цифры, для своего времени весьма почтенной).

Изъ нѣмцевъ встрѣчаются упоминанія *о Шиллерѣ*, *Гете*, *Жанъ-Полѣ*, *Тикѣ*, *Гофманѣ*, *Шлегеляхъ*, изъ французовъ — *о Шатобріанѣ*, *Сталь*, *Гюго*, *Виньи*, *Бенжаменѣ-Констанѣ*, *Нодье*, *Бальзакѣ*, *Евг. Сю;* изъ англичанъ—*о Байронѣ*, *Муръ*, *Вальтерѣ-Скоттѣ и Байронѣ;* изъ поляковъ — *о Мицкевичѣ* (а иногда и отрывки изъ произведеній, и разборы ихъ). Произведенія нѣкоторыхъ авторовъ изъ приведеннаго (кстати сказать, *далеко не полнаго*) перечня оказали свое вліяніе и на повѣсть „Аббадону“.

Есть и еще одна писательница, романы которой нельзя не принять во вниманіе при разсмотрѣніи повѣсти Полеваго. Это—Жоржъ-Зандъ. О Жоржъ-Зандъ мы должны сказать нѣсколько словъ, такъ какъ, вслѣдствіе неупоминанія ея имени на страницахъ „Московскаго Телеграфа“, возникаетъ вопросъ объ отношеніи къ ней Полеваго.

Сочиненія Жоржъ-Зандъ были извѣстны Полевому, ибо на страницахъ „Аббадоны“ есть ея имя [1]). Въ годъ изданія повѣсти ея произведенія пользовались у насъ большою популярностью, хотя не всѣ ихъ цѣнили одинаково.

Если къ новому направленію, проявившемуся въ этихъ произведеніяхъ, и могли относиться сочувственно въ такихъ литературныхъ кружкахъ, какъ кружокъ Герцена, то журналы, въ родѣ „Библіотеки для чтенія“ считали „проповѣди“ Жоржъ-Зандъ „безнравственными“, а ее самое „расторжительницей узъ, самыхъ священныхъ и необходимыхъ для человѣческаго счастія“ [2]).

---

[1]) „Аббадона“, ч. III, 20.

[2]) *Библіотека для чтенія* 1834 г., т. III смѣсь, 129 — 130; т. II, смѣсь, 83. Въ томѣ IV за тотъ же годъ есть пародія Булгарина. „Петербургская чухонская кухарка, или женщина на всѣхъ правахъ мужчины. La femme emancipée de St. Simoniens. Эпилогъ къ философическимъ глупостямъ XIX вѣка (отд. Проза 88).

Библиотека "Руниверс"

Полевой также могъ не вполнѣ раздѣлять взгляды великой романистки, на что указывалъ Чернышевскій [1]), могъ не вполнѣ усвоить ихъ, но все-таки отчасти находиться подъ ихъ вліяніемъ [2]). Наконецъ, какъ указано выше, даже просто сходные сюжеты и типы въ произведеніяхъ, относящихся къ извѣстному промежутку времени, заслуживаютъ вниманія.

При разборѣ „Аббадоны", подъ *первую* категорію повліявшихъ образцовъ можно подвести, на нашъ взглядъ, трагедію Шиллера „Kabale und Liebe", что отмѣчено уже было въ свое время Бѣлинскимъ [3]).

Сюжетъ и детали трагедіи одинаковы съ основною схемой и отдѣльными частями „Аббадоны". Фердинандъ, сынъ президента одного нѣмецкаго герцогства, влюбленъ въ Луизу, *дочь бѣднаго* музыканта Миллера, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ влеченіе къ *фавориткѣ* герцога, Леди Мильфордъ, которая впервые привязалась къ молодому человѣку и почувствовала отвращеніе къ своему положенію. Въ трагедіи, какъ и въ „Аббадонѣ", изображено свиданіе двухъ соперницъ; есть наперсница и кровавыя сцены [4]).

a) Леди Мильфордъ, несмотря на свое положеніе куртизанки, тяготится пустотой свѣтской жизни и обществомъ придворныхъ, что и высказываетъ своей *камеристкѣ*.

„Soll ich meine Zimmer mit diesem Volk tapezieren? Das sind schlechte, erbärmliche Menschen, die sich entsetzen, wenn mir ein warmes, herzliches Wort entwischt, Mund und Nasen aufreissen, als sähen sie einen Geist—Sklaven eines einzigen Marionettendrahts, den ich leichter als mein Filet regiere! Was fang' ich mit Leuten an,' deren Seelen so gleich als ihre Sackuhren gehen"... (2-й актъ 1-я сцена). „Какъ они надоѣли мнѣ, какъ они отравили мнѣ жизнь мою, эти люди!" — восклицаетъ Елеонора въ разговорѣ со своей служанкой Лалагой: „Какъ они отвратительны мнѣ, откупщики ума, подрядчики добродѣтели!"... [5]).

b) Той же наперсницѣ раскрываетъ Мильфордъ свои отношенія къ Фердинанду.

---

[1]) Очерки Гоголевскаго періода, 38, 40 (изд. 1893 г.).

[2]) Тѣмъ болѣе, что романы Жоржъ-Зандъ развили идеи, уже болѣе или менѣе извѣстныя русской публикѣ изъ романовъ г-жи Сталь. Произведенія же Сталь появились въ русскомъ переводѣ еще въ 1803 и 1809 гг.

[3]) Т. I, (1859), 340 и д.

[4]) Въ концѣ трагедіи Фердинандъ отравляетъ ложно оклеветанную передъ нимъ Луизу и, надъ ея трупомъ, принимаетъ ядъ.

[5]) Аббадона, изд. 1834, ч. I, 170.

Библиотека "Руниверс"

„Gieb mir den Mann, den ich jetzt denke,—den ich anbete—sterben. Sophie, oder besitzen muss. (Schmelzend). Lass mich aus seinem Munde es vernehmen, dass Thränen der Liebe schönerglänzen in unsern Augen, als die Brillanten in unserm Haar, (feurig) und ich werfe dem Fürsten sein Herz und sein Fürstenthum vor die Füsse, fliehe mit diesem Manne, fliehe in die entlegenste Wüste der Welt (2-й актъ, 1-я сцена).

Слова Элеоноры: „что если бы голова моя могла покоиться на его груди; если бы онъ обнялъ меня и шепталъ мнѣ: „люблю тебя Элеонора!“

„Я брошу имъ (людямъ) въ глаза ихъ золото и брильянты, и тогда свободно могу сама броситься въ объятья моего поэта!... „Сыщите мнѣ тогда какую нибудь пустыню на краю моря; на утесѣ какомъ нибудь повѣсьте намъ хижину“ и т. д. [1]).

c) Не имѣя силы отказаться отъ Фердинанда, Мильфордъ призываетъ къ себѣ Луизу съ цѣлью увидѣть ее и поговорить съ ней. Во время разговора Миледи подмѣчаетъ въ Луизѣ гордость и душевное величіе, прорывающіяся сквозь прирожденную скромность и робость. Мильфордъ начинаетъ предполагать, что у Луизы былъ въ этомъ отношеніи учителемъ Фердинандъ.

„Sieh doch!—und diesen Trotzkopf hat sie von ihm“, или „unerhört! unbegreiflich! Nein Mädchen! Nein! diese Grösse hast du nicht auf die Welt gebracht, und für einen Vater ist sie zu jugendlich: Lüge mir nicht! Ich höre einen andern Lehrer“ (4-й актъ, 7-я сцена).

И по мнѣнію Элеоноры, „Вильгельмъ“ передалъ ей (Генріеттѣ) всю душу свою; „у него привыкла она такъ смотрѣть, такъ говорить“ [2]).

Сцена же свиданія двухъ соперницъ происходила почти при однихъ и тѣхъ же условіяхъ [3]).

d) Не расчитывая на любовь къ себѣ Фердинанда и видя стойкую гордость Луизы, Мильфордъ даетъ полный ходъ своему негодованію; она клянется разлучить влюбленныхъ. „Ich will über diese schimpfliche Leidenschaft siegen, mein Herz unterdrücken und das deinige zermalmen — Felsen und Abgründe will ich zwischen euch werfen; eine Furie will ich mitten durch euren Himmel gehn и т. д. (4-й актъ, 7-я сцена).

[1]) „Аббадона“, ч. I, 165, 170, 172.
[2]) Ibidem, ч. IV, 101.
[3]) Ibidem, ч. IV, 75—101.

Библиотека "Руниверс"

Слова Элеоноры: „отнынѣ я клянусь вамъ (Генріеттѣ) непримиримою ненавистью — я буду преслѣдовать васъ, какъ самаго смертельнаго врага моего, я отравлю ваше счастіе“ и т. д. [1]).

Есть и еще нѣсколько сходныхъ пунктовъ въ обоихъ произведеніяхъ. Таковы: благотворительность Мильфордъ и Элеоноры [2]); ревность, возбужденная въ той и другой при видѣ красоты соперницы [3]); гордое отреченіе отъ любимаго человѣка Луизы и Генріеты [4]) и др.

Кромѣ вліянія драмы Шиллера, на второстепенныхъ дѣйствующихъ лицахъ „Аббадоны“ замѣтно также *непосредственное* вліяніе нѣкоторыхъ типовъ, встрѣчающихся въ произведеніяхъ Гофмана, Жанъ-Поля и Гете.

а) Какъ справедливо было замѣчено современною критикою, на характеристику двора и князя повѣсти Полеваго повліялъ „Котъ Мурръ“ Гофмана.

Князь Ириней, повелитель маленькаго княжества Зигхартсвейлеръ, напоминаетъ князя N — скаго княжества, въ которомъ жилъ Рейхенбахъ.

„Ириней какъ-то пользовался славой образованнаго человѣка, любителя наукъ и искусствъ. Однажды пронесся даже слухъ, что онъ написалъ прелестную поэму, въ которой изложилъ романтическое желаніе удалиться въ маленькій домикъ, на берегъ журчащаго ручейка, и вести уединенную идиллическую жизнь procul negotiis“ [5]).

Князь N—скій также „нерѣдко посѣщалъ театръ, радуясь, что это училище нравственности ничего ему не стоитъ, а между тѣмъ веселитъ всѣхъ его подданныхъ, и, также какъ отцу его, снискиваетъ ему славу покровителя искусствъ“ [6]). Кромѣ того, онъ проявилъ и свой талантъ, сочинивъ интермедію [7]). Совѣтникъ Зигхартсвейлерскій, подъ видомъ серьезныхъ занятій просиживающій ночи для составленія записокъ о стиркѣ бѣлья и напускающій на себя олимпійское величіе—прототипъ чванныхъ оберъ-камердинеровъ и гоф-суперинце-церемоніймейстеровъ при дворѣ его свѣтлости, которые немилосердно терзаютъ Рейхенбаха.

---

[1]) Аббадона, ч. IV, 95.
[2]) „Kab. и Liebe“, 2-й актъ, 3-я сцена; „Аббадона“, ч. I, 190, (изд. 1834).
[3]) „Kab. и Liebe“, 4-й актъ, 7-я сцена; „Аббадона“, ч. IV, 78—79.
[4]) „Kab. и Liebe“, 4-й актъ, 7-я сцена; „Аббадона“, ч. IV, 90.
[5]) Котъ Мурръ, перев. *Н. Кетчера*, 1840, ч. I, 54—59.
[6]) Аббадона ч. 1, 82.
[7]) Ibidem, ч. I, 193, 194, 195, 198.

Библиотека "Руниверс"

б) Изъ произведеній Гете и Жанъ-Поля Полевымъ заимствованъ типъ бездарнаго книжника. Набившій голову массой познаній, перечитавшій безчисленное множество книгъ и рукописей, но пристрастившійся къ буквѣ, а не духу науки, чуждый общихъ интересовъ знанія, не способный къ выводамъ, Вагнеръ, столь живо схваченный Гете (Фаустъ), — родоначальникъ тупыхъ буквоѣдовъ, увлеченныхъ однимъ процессомъ набиранія разнородныхъ свѣдѣній. Жанъ-Поля— Вуцъ и Фикслейнъ, каждый въ своемъ родѣ, достойные сотоварищи Вагнера. Первый, не имѣя возможности покупать цѣнныя произведенія и запасшись каталогомъ лейпцигской ярмарки, самъ сочиняетъ по заглавіямъ каталога замѣчательныя книги; второй собираетъ и сравниваетъ опечатки, отмѣчаетъ встрѣчающіяся болѣе часто и болѣе рѣдко и твердо убѣжденъ въ важности своего труда [1]).

Указанный типъ находится и въ „Аббадонѣ“. Членъ пяти академій Федеръ-Фриссенъ, познакомившійся съ Рейхенбахомъ, принадлежитъ къ числу ученыхъ дураковъ. Съ гордостью разказываетъ онъ о своихъ безсмысленныхъ статистическихъ таблицахъ. „Я исчислилъ и доказалъ“, говоритъ Федеръ-Фриссенъ между прочимъ: „что въ Мейнингенѣ выходитъ въ годъ по $3^{3}/_{10}$ печатныхъ листа на обитателя, и что если бы кто нибудь читалъ ежедневно въ теченіе 24 часовъ, произнося каждую секунду по одному слову, то могъ бы прочесть книги, объявленныя на пасхальной лейпцигской ярмаркѣ, въ 79 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ и 17 дней; далѣе, дѣлая посылку къ жизни разныхъ званій, я доказалъ, что изъ числа книгъ, выходящихъ ежегодно въ Германіи, должны оставаться непрочитанными $4.892^{1}/_{2}$ книги.— Хе! вотъ Милостивый государь, вычеты—вотъ таблицы. Числа правятъ міромъ, нѣтъ, нѣтъ! словамъ я не вѣрю—подавай мнѣ цифры [2]).

Къ категоріи типовъ и идей „Аббадоны“, появившихся подъ *общимъ* вліяніемъ прочитаннаго авторомъ, принадлежатъ типы художника, кающагося грѣшника, эмансипированной, мужественной женщины и вопросъ объ отношеніи къ искусству общества.

1) Типъ художника—поэта—излюбленный типъ нѣмецкихъ романтиковъ, зашедшій отъ послѣднихъ и въ французскую литературу.

Поэтъ есть геній, жрецъ, пророкъ.

Поэзія есть священнодѣйствіе: она выше мысли, выше логики, выше самой жизни, въ ней духовная сторона человѣка получаетъ

---

[1]) *А. Шаховъ*, „Гете и его время“, стр. 276—277.

[2]) Аббадона, ч. II, 14—18.

Библиотека "Руниверс"

высшее идеальное выраженіе. Очевидно, что поэзіи, по понятіямъ романтиковъ, нельзя было научиться. Это—природный даръ вдохновеніе свыше, иногда даже мистическій экстазъ, своего рода безуміе. Художникъ — священное лицо, избранникъ Божій, вождь общества, его цвѣтъ, его лучшій представитель.

Peuples, écoutez le poète,
Ecoutez le rêveur sacré!
Dans votre nuit, sans lui complète,
Lui seul a le front éclairé (Hugo) [1].

Въ романахъ и повѣстяхъ Гете, Тика, Гофмана, Шлегелей, въ „Коринѣ“ г-жи Сталь, въ „Le peintre de Saltzbourg“ Нодье—обнаруживается интересъ къ артистической натурѣ. „Wilhelm Meisters Lehrjahre“ (1796) Гете положили основы произведеніямъ такого рода. Вильгельмъ, сынъ зажиточныхъ родителей, еще въ дѣтствѣ увлекается театромъ и начинаетъ чувствовать въ себѣ способность понимать артистическую игру и сдѣлаться актеромъ. Артистъ въ душѣ, онъ влюбляется въ Маріанну, также актрису, а разочаровавшись въ ней, покидаетъ родительскій домъ и, подъ предлогомъ сбора денегъ по векселямъ и роспискамъ отца, путешествуетъ по Германіи съ труппой бродячихъ музыкантовъ и актеровъ.

Таково содержаніе первыхъ частей романа, сколкомъ съ котораго является „Franz Sternbalds Wanderungen“ Людвига Тика. Канва произведенія слѣдующая. Францъ Штернбальдъ еще ребенкомъ покидаетъ домъ своихъ воспитателей, уходитъ къ знаменитому живописцу Альбрехту Дюреру и дѣлается ученикомъ послѣдняго.

Затѣмъ, для усовершенствованія таланта, онъ посѣщаетъ Италію и другія страны. Онъ встрѣчается во время путешествія съ разными живописцами (Lukas van Leyden), монахами, негоціантами, графиней, пока не достигаетъ желанной страны, гдѣ сталкивается съ *той*, которую видѣлъ раза два въ жизни и образъ которой, несмотря на это, навѣки запечатлѣлся въ его сердцѣ.

За Гюго и Тикомъ послѣдовалъ въ изображеніи типовъ художника Гофманъ. Большая часть его мелкихъ повѣстей въ „Серапіо новыхъ братьяхъ“ заимствовала сюжетъ изъ жизни актеровъ, музыкантовъ, живописцевъ. То Трауготъ на нужной и срочной бумагѣ рисуетъ картины, бросаетъ своего компаньона Эліаса Рооса и отправляется въ Италію, отыскивая предметъ своей любви (Der Artus-

[1]) *А. Шаховъ*, Очерки Литературнаго движенія 1894, стр. 134.

Библиотека "Руниверс"

hut); то два пѣвца: одинъ носитель чистаго вдохновенія, другой предавшійся дьяволу, состязаются, чтобы заслужить благосклонность графини Матильды (Der Kampf der Sänger); то художникъ Эдмундъ Леезенъ при помощи волшебныхъ продѣлокъ своего чуднаго друга Леонгарда добивается руки своей возлюбленной, а потомъ отправляется въ Италію (Die Brautwahl); то художникъ-хирургъ Антоніо Скаччіани, послѣ долгихъ мытарствъ, благодаря извѣстному живописцу Сальватору Розѣ, женится на прекрасной Маріаннѣ, вырванной имъ изъ рукъ скупца и сластолюбца Паскуале (Signor Formica)...

Въ романѣ Ф. Шлегеля „Люцинда“ является геніальный *живописецъ* Юлій, „нашедшій въ Люциндѣ такую возлюбленную, обладаніе которой объяснило ему сущность любви и представило ему весь міръ въ новомъ освѣщеніи“ [1]).

Генрихъ, герой романа Новалиса, поэтъ, влюбляется въ Матильду и странствуетъ по Италіи, Востоку, Греціи, Риму, Германіи [2]).

Знакомство съ Гёте, Тикомъ [3]) и другими нѣмецкими поэтами оказало свое воздѣйствіе и на французскую литературу. Начинателемъ былъ, если не ошибаемся, Шарль Нодье.

Въ предисловіи къ своему роману „Le peintre de Saltzbourg“ (1803) авторъ говоритъ: „Nous lisions Werther, Goëtz de Berlichingen et Charles Moor“. „Mon héros a vingt ans; *il est poète; il est peintre*, il est *allemand*“.

Художникъ „Charles Münster“, изгнанный изъ Баваріи, много путешествуетъ, возвращается, наконецъ, въ родную землю и узнаетъ, что его возлюбленная Евлалія вышла замужъ за нѣкоего Шпронка. Шпронкъ, оказавшійся очень чувствительнымъ человѣкомъ, желая уничтожить преграду между влюбленными, кончаетъ жизнь самоубійствомъ; Евлалія постригается въ монахини, а Мюнстеръ находитъ смерть въ волнахъ Дуная.

Немного спустя въ 1807 году появился въ свѣтъ романъ г-жи Неккеръ — „Коринна“, въ которомъ главную роль играетъ женщина-поэтъ. Непризнанная въ своемъ отечествѣ — Англіи, Коринна находитъ хорошій пріемъ въ Италіи, гдѣ цѣнятъ по заслугамъ ея выдающееся поэтическое дарованіе. Несчастная, страстная любовь къ лорду

---

[1]) *Гайм*, Романт. школа, переводъ Невѣдомскаго, 429.

[2]) Ibidem, 343—344 (Генрихъ Офтердингенъ).

[3]) Отмѣтимъ, что романъ Тика переведенъ на французскій языкъ въ 1823 г. подъ заглавіемъ: „Sternbald, ou le peintre voyageur“, trad. par m-me Isab. de Montolieu.

Библиотека "Руниверс"

Нельвилю заставляетъ ее вновь посѣтить родину, затѣмъ опять вернуться въ Италію, гдѣ и кончается жизнь надорванной измученной Коринны, которая, послѣ свиданія съ своей соперницей, Люсилью Эджермондъ, ввѣряетъ послѣдней беззавѣтно ею любимаго человѣка.

Замѣчательно, что даже въ романѣ Жоржъ-Зандъ Лелія, обращаясь къ Стеніо, называетъ его „mon poète".

Въ результатѣ излюбленнымъ типомъ романтиковъ является типъ a) художника, b) или покидающаго домъ родительскій ради искусства, или просто путешествующаго по Европѣ и c) влюбляющагося счастливо или несчастливо въ падшую или невинную женщину.

Большой интересъ представлялъ типъ художника и для русскихъ писателей начала XIX столѣтія.

„Съ небесъ слетало вдохновеніе" къ Жуковскому, для котораго „поэзія была земной сестрой религіи"; „жрецъ искусства" „возносился духомъ надъ суетой" въ глазахъ Веневитинова; поэтъ „пророкъ" по представленіямъ Пушкина и Лермонтова. Этотъ „пророкъ" долженъ „жечь глаголомъ сердца людскія", его стихъ долженъ „носиться надъ толпой, какъ Божій духъ", и быть „необходимымъ для толпы, какъ ѳиміамъ въ часы молитвы".

Поэтъ герой многихъ произведеній.

Въ „Моцартѣ и Сальери" дѣлаются характеристики генія и таланта; въ „Египетскихъ ночахъ" выводится импровизаторъ, „страдающій отъ сѣвернаго равнодушія"; продавши за деньги святое искусство, гибнетъ Чартковъ въ повѣсти Гоголя.

И не только первоклассные генія, но и такіе таланты, какъ таланты Одоевскаго и Кукольника, были увлечены интересомъ къ артистической натурѣ.

Жизнь нѣмецкаго органиста прежнихъ лѣтъ—сюжетъ „Себастіана Баха"; человѣкъ, пріобрѣтшій искусство творческаго дара за цѣну „все видѣть, все знать, все понимать"—герой повѣсти „Импровизаторъ"; ужасающая картина послѣднихъ дней великаго композитора рисуется яркими красками въ „Послѣднемъ квартетѣ Бетховена".

Джуліо Мости Кукольника — поэтъ, ставшій на ложную дорогу, ведущую къ одной цѣли — заглушенію всѣхъ свѣтлыхъ душевныхъ стремленій и потерѣ таланта; драма „Торквато Тассо" представляетъ жизнь Тассо, полную лишеній, его печальную любовь и не менѣе печальную кончину въ моментъ, когда судьба, сжалившись надъ нимъ, возвела его на кресло въ Капитоліи, гдѣ былъ возложенъ на умирающаго Вергиліевъ вѣнецъ.

Библиотека "Руниверс"

Тотъ же типъ и приблизительно та же схема, которая указана выше, повторяется въ „Аббадонѣ“, гдѣ выведены: молодой поэтъ, женщина—актриса, бросаніе дома родительскаго [1]), увлеченіе поэзіей и неудачная любовь къ падшей женщинѣ.

2) Вторымъ замѣчательнымъ типомъ, выставленнымъ романтиками. былъ типъ той женщины, которую Бѣлинскій назвалъ „femme emancipée“.

Эта женщина была надѣлена двумя непремѣнными свойствами, сверхъ прочихъ: нѣкоторымъ умственнымъ развитіемъ и извѣстною твердостью характера.

Правда и въ классической литературѣ, и въ драмахъ Шекспира и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей встрѣчаются типы мужественной, энергичной женщины, столь чуждые вообще литературѣ XVII—XVIII вѣковъ,—однако они не всегда отличаются духовнымъ развитіемъ, необходимымъ условіемъ для образованія „femme emancipée“.

Въ романахъ Сталь, повидимому, впервые появляется указанный типъ во французской литературѣ; у нѣмцевъ же онъ зародился нѣсколько ранѣе, хотя и не получилъ такого развитія, какъ во Франціи.

Въ романѣ Жанъ-Поля „Titan“ есть любопытная личность, такъ называемая *титанида* Линда де-Ромейро. Это женщина съ твердымъ, почти мужскимъ характеромъ и самостоятельнымъ образомъ мыслей.

Linda's standhafter Sinn war recht nach seinem (Albanós), wie der stolze Blick und Gang der Römerinnen (II, 108).

Она говоритъ про себя: „Ich bin, was ich bin, und werde schwerlich anders. Wenn nur der Mensch einmal einen Willen hat, der durch das Leben geht, nicht von Minute zu Minute, von Mensch zu Menschen wechselt'das ist die Hauptsache“ (II, 111).

Линда рѣзко выдѣляется изъ толпы и по своему образованію.

На ея столикѣ герой романа Албано нашелъ много книгъ. „Er warf einen zufälligen Blick auf ihre kleine Tisch-Bibliothek.

„Lauter Franzosen! sagte sie; er fand den *Montaigne*, das Leben der *Guyon*, den *Contrat Social* und zuletzt *M-me Stael*, „*Sur l'influence des passions*“ (II, 111).

Философскія сочиненія ей также нравятся „ich nehme ein philosophisches Buch denn Dichter greifen mich jetzt zu heftig an“ (II, 114).

---

[1]) Въ „Аббадонѣ“ есть указанія на согласіе Вильгельма путешествовать по Европѣ съ Элеонорой, см. послѣднюю главу IV части.

Библиотека "Руниверс"

Она любитъ свою подругу за то, что она „die deutscheste Französin ausser M-me Necker“ (II, 125) [1]).

Въ 1802 году былъ изданъ романъ „Delphine“, гдѣ героиня также не похожа на прекрасныхъ, скромныхъ, нравственныхъ, но неразвитыхъ до крайности и робкихъ женщинъ, какими являются героини Ричардсона и Гретхенъ Гете. Протестующій голосъ за женщину впервые послышался во Франціи.

Дельфина—женщина, стоящая выше свѣтскихъ предразсудковъ, покровительствующая несчастнымъ, подставляющая себя нападкамъ общественнаго мнѣнія, страдающая изъ-за этого, но всетаки не измѣняющая своимъ принципамъ. Ея принужденный разрывъ съ Леонсомъ, безъ котораго ей и жизнь не мила, разрывъ, совершившійся единственно для счастія Матильды; ея стойкое выдерживанье всякихъ несправедливыхъ и огульныхъ нареканій со стороны чопорныхъ соотечественницъ; ея умная, тонкая, благородная переписка съ своей родственницей (Albémar) и Леонсомъ, все обнаруживаетъ развитой умъ и сильную волю.

Коринна, другой типъ, созданный г-жею Сталь, о которомъ мы уже упоминали, есть также умная и сильная женщина. Импровизація въ Капитоліи, разсужденія о литературѣ и былой славѣ Рима даютъ понятіе объ ея начитанности и гибкости мысли; ея отношенія къ Освальду—объ ея характерѣ. „Il sentait toujours que Corinne, n'était pas la femme faible, timide, doutant de tout, hors de ses devoirs et de ses sentiments, qu'il avait choisie, dans son imagination pour la compagne de sa vie“, или: une supériorité si grande, si simple, si vraie, lui (à Oswald) parut au-dessus de toutes les règles singulières [2]).

Съ 1832 по 1833 годъ появились романы Жоржъ-Зандъ: „Индіана“, „Валентина“, и „Лелія“.

Индіана, вышедшая замужъ за стараго и неразвитаго человѣка Дельмара, влюбляется въ умнаго, но увлекающагося, непостояннаго Раймона де-Рамьеръ. Презирая злословіе свѣта, брань, даже побои мужа, она два раза сама является въ домѣ своего возлюбленнаго, который оказывается вполнѣ недостойнымъ ея любви, ея вниманія. Валентина существо болѣе мягкое, но и она, изъ необходимости найдти

[1]) Titan von Jean Paul (Richter). Leipzig.

[2]) Oeuvres complètes de M. la b. de Stael - Holstein. Tome, I. Paris 1844, 705—706.

Библиотека "Руниверс"

поддержку, которой она не встрѣчаетъ въ окружающихъ, пренебрегаетъ традиціями свѣта и рѣшается сдѣлать окончательный безповоротный шагъ (она принимаетъ у себя Бенедикта, а затѣмъ, по смерти мужа, хочетъ выйдти за него замужъ. хотя онъ простолюдинъ).

Въ Леліи представленъ Жоржъ-Зандъ идеалъ глубоко чувствующей женщины, обладающей блистательнымъ умомъ. Уже пораженная болѣзнью вѣка—невѣріемъ и сомнѣніемъ, Лелія чувствуетъ призваніе къ общественной дѣятельности; ея рѣшительный характеръ и упорное преслѣдованіе извѣстныхъ цѣлей дѣлаютъ ее начальницей монастыря и доводятъ до гибели.

Въ заключеніе скажемъ, что и Элеонора въ романѣ Бенжамена Констана имѣетъ сходныя черты съ разбираемымъ типомъ: она твердо переноситъ свое шаткое положеніе: какъ при графѣ П., такъ и при Адольфѣ.

Элеонора Полеваго — подходитъ также подъ типъ „femme emancipée“. Ея развитіе, вдохновляемое любовью, заставляетъ ее разыграть на сценѣ истинную Веледу [1]); она читаетъ „Эгмонта“ Гете, знакома съ литературой вообще; она понимаетъ музыку Моцарта и Бетховена....[2]).

Разсужденія Элеоноры обнаруживаютъ тонкій вкусъ и большую начитанность. „Какъ понимала она жизнь сердца, какъ мило осуждала она въ стихахъ Гете злую насмѣшку, проглядывавшую сквозь восторгъ и добродушіе поэта, какъ досказывала она къ стихамъ Шиллера, чего не умѣлъ сказать себѣ самъ этотъ поэтъ, скорбный житель неба, упавшій на землю, отростившій здѣсь крылья свои и опять улетѣвшій на небо, едва только могъ онъ подняться на своихъ крыльяхъ. Дикія созданія Жанъ-Поля гармонировались отъ взгляда Элеоноры, и вопль горести Байроновой она преображала въ тихій ропотъ Пери, окованной злыми дивами“ [3]). Душа ея способна отозваться на чужое горе, а пламенный, рѣшительный темпераментъ не знаетъ себѣ предѣловъ. Если любимый человѣкъ ей измѣняетъ, она идетъ на все, лишь бы уничтожить соперницу и всѣ преграды или погибнуть самой. Общественныя традиціи не гнетутъ ее, и на всѣхъ ея поступкахъ лежитъ отпечатокъ нѣкоторой эксцентричности.

3) Говоря про любовь художника къ *падшей*, мы имѣли въ виду,

---

[1]) Аббадона, ч. II, 275 и д.
[2]) Ibidem II, 175, 191—192 (ч. I, 163).
[3]) Ibidem, ч. II, 178.

Библиотека "Руниверс"

что изъ за типа „femme emancipée", представленнаго въ Элеонорѣ, проглядываетъ типъ пытающейся возвратиться на истинную дорогу просвѣтленной грѣшницы.

Идея возрожденія падшаго — идея, принадлежащая глубокой старинѣ.

Въ разсужденіяхъ Платона о погрязшей въ чувственности душѣ, въ „метаморфозахъ" Апулея, въ христіанско-легендарной литературѣ, въ англійскихъ моралитэ и французскихъ миракляхъ повторялся одинъ и тотъ же сюжетъ, не забытый и въ позднѣйшее время.

Лафонтенъ взялъ основную идею для своего разказа „Les amours de Psyché" у Апулея, но такъ какъ стремился къ шутливому любезничанью (au galant et à la plaisanterie), совсѣмъ не развилъ ее; за то въ серьезномъ и глубокомъ видѣ проявилась она въ „Мессіадѣ" Клопштока.—Одно мѣсто, привлекшее на себя вниманіе Жуковскаго, изображаетъ паденіе уже начавшаго возрождаться Аббадоны [1]).

Стремленіе падшаго духа къ утраченному чистому и свѣтлому блаженству—тема, повторенная Муромъ и Виньи.

Въ главномъ произведеніи перваго „Лалла Рукъ" (Lalla Rookh an oriental romance) Фераморсъ, царственный женихъ прекрасной героини повѣсти, разказываетъ легенду о Раѣ и Пери (Paradies and the Peri).

Молодая Пери тоскуетъ о Раѣ, котораго лишена; она изыскиваетъ средства для достиженія своей цѣли, но тщетно. Наконецъ, слезы злодѣя, умиленнаго теплою, невинною молитвой младенца, отворили запертыя для Пери врата райскія [2]).

Въ „Eloa la soeur des anges" Альфреда де Виньи готовый было покаяться демонъ вновь повергается въ пучину грѣха, увлекая за собою повѣрившую ему Элоа.

Кромѣ духовъ, возрождаться могли и падшіе люди, что ближе и понятнѣе живущимъ на землѣ.

Въ стихотвореніи Гете „Der Gott und die Bajadere" представлена сцена изъ жизни куртизанки. Магадевъ, владыка земли, увидѣлъ въ порокѣ зародышъ лучшаго бытія, и возродившаяся баядера оправдываетъ прозрѣніе Божества.

Нѣкоторое чувство душевнаго очищенія испытываетъ и Маріанна,

---

[1]) См. Романъ *Полевого*, ч. IV, 255 (1884), гдѣ приведено указанное мѣсто.

[2]) Произведенія Т. Мура переводились на русскій языкъ съ двадцатыхъ годовъ. (М. Т. 1833, № 13, 106).

Библиотека "Руниверс"

бѣдная актриса и содержанка, когда впервые полюбила чистою любовью юношу (Wilhelm Meisters Lehrjahre).

„Nun aber hatte das arme Mädchen sich Augenblicke in eine bessere Welt hinübergerückt gefühlt, hatte, wie von oben herab, aus Licht und Freude ins Öde, verworfene ihres Lebens heruntergesehen, hatte gefühlt, welche elende Kreatur ein Weib ist, das mit dem Verlangen nicht zugleich Liebe und Ehrfurcht einflösst, und fand sich äusserlich und innerlich um nichts gebessert. Sie hatte nichts, was sie aufrichten konnte.

Wenn sie in sich blickte und suchte, war es in ihrem Geiste leer, und ihr Herz hatte keinen Widerhalt. Je trauriger dieser Zustand war, desto heftiger schloss sich ihre Neigung an den Geliebten fest; ja die Leidenschaft wuchs mit jedem Tage, wie die Gefahr, ihn zu verlieren, mit jedem Tage näher rückte“ [1]).

Въ „Дельфинѣ“ (Delphine) г-жи Сталь также выведены двѣ кающіяся Магдалины XIX вѣка: г-жа R. и Thérèse d'Ervins.

Г-жа R. „c'est une personne très inconséquente, et qui s'est perdue de réputation par des torts réels et par une inconcévable légèreté“!

Въ благодарность Дельфинѣ, выручившей ее изъ затруднительнаго положенія въ салонахъ королевы, она дѣлаетъ ей слѣдующее признаніе: „Généreuse Delphine! vous m'avez donné la seule leçon qui pût faire impression sur moi! Vous m'avez fait' aimer la vertu, son courage et son ascendant. Vous apprendrez dans quelques années, qu' à compter de ce jour *je ne serai plus la même*.

Il me faudra longtemps avant de me croire digne de vous voir; mais c'est le but que je me proposerai, c'est l'espoir qui me soutiendra“ [2]).

„Thérèse d'Ervins“, изъ за преступной любви которой къ Сарбеллану гибнетъ мужъ, наброшена тѣнь на Дельфину и не состоялся бракъ послѣдней съ Леонсомъ, открыто признается послѣднему въ своихъ грѣхахъ передъ *поступленіемъ въ монастырь*. „J'ai abandonné—говоритъ она: „tous mes droits personnels sur les biens de mon malheureux époux, et j'entre aprés-demain dans un couvent; je suis donc libre à présent de réparer aux yeux du monde le tort que j'ai pu faire à la réputation de madame d'Albémar“ [3]).

---

[1]) *Goethe's* Werke, Deutsche National—Litteratur, 96, I, 28—29.

[2]) Oeuvres complètes t. I, 383 (1844).

[3]) Ibidem, 503.

Библиотека "Руниверс"

Въ порывѣ раскаянія она хотѣла даже разглашать о своей преступной любви всякій разъ, когда можно смыть пятно съ чести Дельфины [1]).

Высшаго расцвѣта достигло направленіе, увлеченное интересомъ къ падшему, въ драмѣ Виктора Гюго „Marion de Lorme", съ которою сопоставляютъ только позднѣе явившуюся не менѣе знаменитую пьесу А. Дюма—„Dame aux camélias".

Маріонъ, куртизанка большаго свѣта, вращавшаяся среди высшихъ слоевъ общества и дѣлившая свою любовь между представителями французской аристократіи, влюбляется впервые въ нѣкоего Дидье, человѣка безъ роду и имени, не знавшаго ни отца, ни матери. Благодаря пробудившемуся чистому чувству, душа несчастной просвѣтляется. А когда Дидье, за дуэль съ Саверньи, подвергается преслѣдованіямъ, грозящимъ ему казнью, Маріонъ бѣжитъ съ нимъ, скитается съ труппою бродячихъ актеровъ, вымаливаетъ ему, уже схваченному клевретомъ Ришелье Laffemas, прощеніе у Людовика XIII и, послѣ всѣхъ тщетныхъ попытокъ къ освобожденію Дидье, предается гнусному клеврету, лишь бы спасти любимаго человѣка.

Какъ была возмущена Маріонъ предложеніемъ клеврета и какъ она надѣялась нравственно возродиться черезъ свое чистое, впервые испытанное чувство, видно изъ ея перваго отвѣта Laffemas, настаивавшему на своей подлой комбинаціи.

Il faut que vous soyez un homme bien infâme,
Bien vil,—décidément! pour croire qu'une femme—
Oui! Marion Delorme,—après avoir aimé
Un homme, le plus pur que le ciel ait formé,
Aprés s'être épurée à cette chaste flamme
Aprés s'être refait une âme avec cette âme,
Du haut de cet amour si sublime et si doux,
Peut retomber si bas qu'elle aille jusqu' à vous
(acte V, scène II) [2]).

Типы женщинъ, стоящихъ на скользкомъ пути, иной разъ безъ всякаго стремленія къ возрожденію, выведены въ нѣкоторыхъ другихъ романахъ этого времени: „Адольфѣ", и „Леліи". Въ произведеніи Бенжамена Констана любовница графа, Элеонора, даже покинувъ его ради Адольфа, сохранила благородство чувствъ, честность и избѣ-

[1]) Ibidem, 504.

[2]) Marion de Lorme, V. Hugo, „Théatre"; t. II (1884), p. 313.

Библиотека "Руниверс"

гала многаго, что другимъ казалось невинностью. Пульхерія, куртизанка Жоржъ-Зандъ, истинная представительница матерьялизма въ связи съ теоріей наслажденія, въ своихъ поступкахъ видитъ *правильный* и едва ли не единственный, съ своей точки зрѣнія, образъ жизни.

Элеонора, созданная Полевымъ, очищается благодаря любви къ Рейхенбаху.

При свиданіи въ бесѣдкѣ она обращается къ Вильгельму со слѣдующими словами: „съ тѣхъ поръ, какъ Элеонора увидѣла, узнала тебя—она *достойна твоей любви*“ [1]). Въ письмѣ своемъ она пишетъ: „я *измѣнилась* съ тѣхъ поръ, Вильгельмъ, съ того времени, когда ты назвалъ меня *твоею* Элеонорою—я не принадлежу ни себѣ, никому—я твоя, Вильгельмъ, твоя! Зачѣмъ же нѣтъ тебя со мною? Иди, спѣши, ко мнѣ, въ мои объятья, Вильгельмъ — они *очищены твоею любовью* отъ порока, и никогда сердце болѣе чистое, болѣе благородное не билось ни въ чьей груди человѣческой, какое бьется теперь, въ моей, Вильгельмъ, мой избавитель, мой хранитель-геній! [2])

Въ послѣдней главѣ „Аббадоны“ въ порывѣ отчаянія у Элеоноры вырывается крикъ озлобленія и безконечной скорби: „Ты *пробудилъ* въ душѣ моей *небо*, и для нея, для Генріетты бросилъ, презрѣлъ, оставилъ меня“ и т. д. [3]).

4) Однимъ изъ общихъ мѣстъ въ произведеніяхъ романтической литературы является недовольство окружающею средой, переходящее иногда въ форму соціальнаго протеста и въ стремленіе къ уединенію и отчужденію отъ общества.

Тотъ-же вопросъ затрагивается и въ болѣе частной формѣ отношенія общества къ искусству.

Недовольство въ формѣ протеста, столь ярко обнаружившееся еще въ раннихъ драмахъ Шиллера (Разбойники, Коварство и Любовь), въ которыхъ сказалось отрицаніе существующихъ общественныхъ формъ, предразсудковъ и исключительности касты, получило развитіе во Франціи въ упомянутыхъ выше романахъ Шарля Нодье, Сталь, Жоржъ-Зандъ и Бенжамена Констана.

Шарль Мюнстеръ озлобленъ обществомъ и раздраженъ противъ него: „Pourquoi les hommes m'ont ils fait leur captif, et pourquoi

---

[1]) Аббадона, ч. III, 113.

[2]) Аббадона, ч. III, 165—166.

[3]) *Сынъ Отечества*, 1838 г. № 9, 150.

Библиотека "Руниверс"

m'ont-ils amené prisonnier dans leurs cités? Vous l'eussiez vu ce lion, dans le désert se jeter sur la terre alterée, oublier qu'elle brûle, et la goûter longtemps entre ses dents.

Dans le désert—ai-je dit,—car dans *les liens de fer de la societé* et sous les poids de ses institutions ignominieuses,—pauvres esclaves que nous sommes—nos organes lassés ne pourraient pas supporter longtemps l'eclat de cette nature exubérante" [1]). Безконечные толки, нареканія и злословіе преслѣдуютъ несчастную Дельфину, какъ за ея состраданіе къ неудачникамъ (Сербелланъ и Тереза), такъ и за ея любовь къ Леонсу. Раздутыя сплетни о ея связи съ Сербелланомъ разрушили возможность ея брака съ избранникомъ сердца; выходъ ея изъ монастыря, гдѣ на нее сыпались укоры за мнимое паденіе съ M. de Valorbe, даетъ новую пищу для злыхъ языковъ. „Au fond de mon coeur", писала она Лебензею: „je ne me crois point coupable; mais tout m'annonce que je serai jugeé ainsi, que j'offense l'opinion dans toute sa force, dans toute sa violence" [2]).

Общество, въ которомъ вращается Коринна во время пребыванія въ Англіи, въ семьѣ Edgermond,—чопорно, все стянуто этикетомъ приличій; въ немъ не было возможности развиться таланту, и всякое дарованіе подвергалось преслѣдованію. Разговоръ женщинъ въ этой средѣ состоялъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, въ родѣ: „Ma chère, croyez-vous que l'eau soit assez bouillante pour la jeter sur le thé?" и т. д.[3]).

Всюду царило убѣжденіе, что „les femmes n'ont d'autre vocation que les devoirs domestiques [4]).

„Quel plus grand malheur que de vivre là où la superiorité ferait naître la jalousie et point d'enthousiasme, là où l'on serait haï comme une puissance, en étant moins fort qu'un être obscur" [5]), восклицаетъ Коринна, вспоминая свою раннюю юность.

Когда измученная средой дѣвушка захотѣла навсегда покинуть Англію, ей былъ данъ такой отвѣтъ: „si vous prenez un parti *qui vous déshonore dans l'opinion*, vous devez à votre famille de changer de nom et de vous faire passer *pour morte*" [6]).

Непосильная борьба женщины съ обществомъ, которое не приз-

[1]) Romans de Charles Nodier, 1873, p. 55.
[2]) Oeuvres (1844), t. I, 614.
[3]) Oeuvres complètes, (1844) t. I, 781.
[4]) Ibidem, 780.
[5]) Ibidem, t. I, 782.
[6]) Ibidem, 787.

Библиотека "Руниверс"

наетъ правильнымъ ея чувства, заклейменнаго именемъ беззаконнаго, представлено въ „Адольфѣ“. „Vous les connaîtrez, ces hommes que vous remerciez aujourdhui d'être indifférents“ — пишетъ Элеонора Адольфу: „et peut être un jour, froissé par ces *coeurs arides*, vous regretterez ce coeur dont vous disposiez, qui vivait de votre affection, qui eut bravé mille périls pour votre défense, et que vous ne daignez plus récompenser d'un regard.“ (chap. X [1]).

Соединенію Бенедикта и Валентины, въ романѣ Жоржъ-Зандъ, препятствуетъ масса преградъ, заключающихся въ различіи сословій (Бенедиктъ—простолюдинъ) и разныхъ предразсудковъ касты. Сама Валентина чувствуетъ пристрастіе къ простой жизни и отвращеніе отъ холоднаго блеска свѣтскаго общежитія. Вотъ ея слова Бенедикту: „Je crois, vraiment que j'étais née pour être fermière! Oh! que j'aurais aimé cette vie simple et ces calmes occupations de tous les jours!“ „Si vous saviez combien de fois dans les salons, au milieu des fêtes, ennuyeé du bruit de cette foule, je me suis prise à rêver que j'étais une gardeuse de moutons, assise au coin d'un pré! mais l'orchestre m'appelait dans la cohue, mais mon rêve était l'histoire du pot au lait. (Partie II, chap. XIV [2]).

Общество узаконило глубокую тиранію г-на Дельмара надъ Индіаной, тиранію, доводящую несчастную до унизительнаго состоянія быть битой. Когда Индіанѣ посчастливилось, по смерти мужа, соединиться съ горячо преданнымъ ей Брауномъ, то оба они переселяются на островъ Бурбонъ, гдѣ и живутъ на лонѣ природы идиллическою жизнью, чуждаясь людей. Ральфъ порицаетъ общество въ разговорѣ съ случайно зашедшимъ къ нимъ незнакомцемъ.

„Vous-êtes jeune; pour vous, conscience naïve et pure que n'a pas salie le monde notre bonheur signe notre vertu, pour le monde, il fait notre crime. Allez, *la solitude est bonne, et les hommes ne valent pas un regret*“. (Partie IV, ch. XV) [3]).

Лелія, въ которой Жоржъ-Зандъ воплотила одну изъ наклонностей своей души—наклонность къ спиритуализму и общественной дѣятельности, также неудовлетворена окружающими ея жизненными условіями; при этихъ условіяхъ, могутъ вырабатываться только люди, подобные Стеніо. „Sténio“, характеризуетъ его сама Жоржъ-Зандъ:

---

[1]) Benjamin Constant „Adolphe“ (Paris, Marpon et Flammarion), 198—199.
[2]) Ed. Paris, 1853, p. 115.
[3]) Indiane, Ed. Bruxelles, 1832, 271—3.

Библиотека "Руниверс"

„l'enthousiasme et la faiblesse d'un temps, où l'intelligence monte très haut, entraîneé par l'imagination et tombe très bas, *écrasée* par une *réalité sans poésie et sans grandeur*“ [1]).

При подобномъ положеніи общества, неразвитаго и неимѣющаго высшихъ стремленій, вопросъ объ искусствѣ играетъ довольно жалкую роль. Естественные, грубо-практическіе интересы вытѣснили всѣ другіе—и искусство считается чуть ли не праздной утѣхой человѣка, имѣющаго возможность бездѣльничать.

Въ „*Титанѣ*“ Жанъ-Поля встрѣча етсямнѣніе объ искусствѣ, высказанное Домомъ Гаспаромъ. „Für einen Mann von Stande sind gelehrte und schöne Wissenschaften, die für andre Endzwecke sind, nur Mittel und Erholung; und so gross deine Neigung dafür sein mag, so wirst du doch am Ende Handlungen den Vorzug vor Genüssen geben!“ (Ith, 5z).

Штернбальдъ Тика чувствуетъ себя неловко въ богатомъ домѣ одного фабриканта Zeugner'a, къ которому ему далъ письмо Дюреръ. Тутъ онъ ясно сознаетъ и ничтожество окружающихъ его богачей, и ничтожество своего положенія, какъ художника, къ которому относятся снисходительно и съ пренебреженіемъ. „Nur wenige bemerkten ihn, und die zufälligerweise ein Gespräch mit ihm anfingen, brachen bald wieder ab, als sie hörten, dass er ein Maler sei“.

„Man setzte sich zu Tische, er sass fast unten“. „Er fühlte, wie hier das Geld das Einzige sei, was man achte und schätze; er konnte fast kein Wort mitsprechen“ [2]).

И въ произведеніяхъ Гофмана проскальзываютъ такія же мысли объ искусствѣ, хотя менѣе ярко и рѣзко. Въ разказѣ „Die Brautwahl“ комиссіонный совѣтникъ Фосвинкель не соглашается отдать дочь за художника Леезена, которому бросаетъ въ лицо слѣдующія слова: „Feiner Gedanke, dass ich meine Tochter an den Hals hängen soll einem dürftigen, armseligen, nichtswürdigen Farbenkleckser [3]).

Не менѣе грубо объясняется онъ и съ Леонгардомъ, ходатаемъ за Леезена: „Wie kommen sie“, rief der kommissionsrath, „auf diesen albernen, ärgerlichen Schnack? Ich, meine Tochter dem armseligen Pinsler?“ [4]). Да и почтенный Эліасъ Роосъ едва-ли доволенъ своимъ

---

[1]) Lelia, Ed. I. Hetzel. P. 1855, p. 2.

[2]) Sternbalds Wanderungen, deutsche National Litteratur, 145 Band, 135—134.

[3]) Hoffmans sämmtliche Werke, Paris 1841 глава IV, стр. 237.

[4]) Ibidem. глава V, стр. 241.

Библиотека "Руниверс"

будущимъ зятемъ—мечтательнымъ, чувствующимъ влеченіе къ живописи, непрактичнымъ Трауготомъ (Artushût).

Во французской литературѣ соотвѣтствующаго періода рѣзко выдается „Стелло“—рядъ повѣстей А. де Виньи. Герой одной изъ нихъ Чаттертонъ, оскорбленный обществомъ, осмѣявшимъ его поэтическіе опыты, полубольной и полуголодной, сжигаетъ свои произведенія и кончаетъ жизнь самоубійствомъ [1]).

Суровый пріемъ встрѣтила въ обществѣ и Элеонора Полеваго. „Ничего не знала я въ мірѣ: ни отца, ни имени, ни родства, ни семьи, ни любви, ни дружбы, ни привычки къ чему нибудь, знала одинъ позоръ, которымъ заклеймилъ меня этотъ отвратительный свѣтъ, растерзавъ для меня и прошедшее и будущее [2]).

Встрѣтивъ человѣка, котораго полюбила всей душой, Элеонора хочетъ бросить опротивѣвшихъ ей людей и бѣжать съ нимъ. „И голосъ такихъ людей“, обращается она къ Рейхенбаху: „этихъ бездушныхъ, развратныхъ глупцовъ, ты называешь славой? Избавь меня отъ нихъ, Вильгельмъ, они погубили меня! — Спаси меня, мой Арминій, мой Аллоа! Мы убѣжимъ отъ нихъ, убѣжимъ куда тебѣ угодно, на Альпы, въ лѣса Канады, Отаити“! [3]). Какъ среди простодушно-наивныхъ и необразованныхъ мѣщанъ, такъ и среди высшихъ классовъ общества, озлобившаго Элеонору, искусству почти не было мѣста. Мѣщанская среда считала стихотворство „пустымъ дѣломъ“ [4]), а поэтовъ „безумными стихотворцами, занимающимися нехлѣбною глупостью“ [5]). Слово „сочинитель“ было синонимомъ сумасшедшаго [6]).

Дожидаясь въ пріемной барона Калькопфа и недоумѣвая, почему поэзія и наука въ такомъ пренебреженіи, Вильгельмъ, „не зналъ, что если бы Кальдеронъ и Шекспиръ явились и сказали свои имена, то въ передней барона никто не вскочилъ бы отъ удивленія и что

---

[1]) Неправильныя отношенія общества къ искусству не разъ бывали затрогиваемы и русскими писателями. Такъ, Камоэнсъ умираетъ „отечествомъ презрѣнный и забытый“; Импровизаторъ Пушкина холодно принятъ публикой; общество совращаетъ Чарткова; холодное, разсѣянное „какъ жаль“ вызываетъ извѣстіе о смерти Бетховена, донесшееся на шумной великосвѣтскій балъ (Одоевскій); „поэтъ-человѣкъ безъ ума“ рѣшаютъ въ больницѣ, куда посаженъ Тассъ (Кукольникъ).

[2]) Аббадона, ч. I, 184.

[3]) Ibidem, ч. III, 118.

[4]) Ibidem, ч. I, 233.

[5]) Ibidem, ч. I, 265.

[6]) Ibidem, ч. I, 278.

Библиотека "Руниверс"

при имени Гёте тогда только встали бы съ креселъ, когда бы онъ прибавилъ къ имени Іоганнъ Вольфгангъ фонъ-Гете, тайный совѣтникъ Саксенъ Веймарскій" [1]).

Прежде чѣмъ попасть на княжескій вечеръ, Вильгельмъ Рейхенбахъ долженъ былъ поскитаться по переднимъ, посидѣть въ каморкѣ ламповщика и возбуждать всеобщее недоумѣніе.

„Если ты не чувствуешь своего пигмейства, „добрый поэтъ", прибавляетъ отъ себя Полевой; „то неужели не напоминаютъ его тебѣ эти раззолоченные господа, которые поглядываютъ на тебя въ лорнеты и трубочки, какъ на рѣдкую козявку? Неужели не напомнилъ тебѣ твоего состоянія вопросъ каммеръ-юнкера: „и вы приглашены?" [2]).

Подводя итоги подчеркнутымъ нами теченіямъ западно-европейской литературы, мы сразу замѣчаемъ то сильное умственное движеніе, которое зародилось на порогѣ XIX столѣтія. Интересъ къ артистической натурѣ, измѣненный взглядъ на женщину (зачатки женскаго вопроса), гуманное отношеніе къ падшему, протестующій возгласъ противъ общества, стѣсняющаго развитіе искусства и служащаго часто коренной причиной размноженія несчастныхъ — мысли, волновавшія Европу. И русская литература, въ силу своей способности къ воспринятію подобныхъ идей, заимствовала довольно многое изъ литературъ другихъ, опередившихъ ее въ исторической жизни народовъ, и сдѣлалась участницей въ общемъ развитіи европейскаго ума.

Повѣсть Полеваго является любопытнымъ фактомъ въ исторіи повѣсти особенно потому, что она, несмотря на нѣкоторые свои пробѣлы съ чисто художественной стороны, очень ярко и отчетливо отразила въ себѣ современныя ей литературныя направленія.

Итакъ, занесенные романтизмомъ идеи и типы оставили свой отпечатокъ на русской почвѣ, и приглядываясь къ нимъ, видя ихъ устойчивость, нельзя признать ихъ исключительно наносными. Никакой литературный обмѣнъ не происходитъ прежде срока, назначеннаго ему историческимъ закономъ. Въ общихъ сюжетахъ англійскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и русскихъ произведеній видно общее развитіе литературныхъ формъ, а эти формы въ извѣстные промежутки времени отличаются тѣми или другими характерными чертами.

Мы закончили разборъ „Аббадоны".

Эта повѣсть, съ одной стороны, примыкаетъ къ ряду подобныхъ

---

[1]) *Аббадона* ч. II, 61, см. также 69—70.

[2]) Ibidem, ч. III, 214.

Библиотека "Руниверс"

ей русскихъ повѣстей о художникахъ, съ другой—можетъ быть подведена подъ цѣлую серію повѣстей и романовъ западно-европейскихъ. Какъ благопріятные отзывы современной критики тридцатыхъ годовъ, такъ и произведенія иностранныхъ писателей, повліявшихъ на повѣсть и съ жадностью поглощавшихся публикой въ „Московскомъ Телеграфѣ“, указываютъ на то вниманіе, съ которымъ отнесся къ ней читающій классъ, и на тотъ интересъ, какой она представляетъ для изслѣдователя.

Анализъ ея есть анализъ извѣстнаго теченія мысли въ русскомъ обществѣ, теченія, тѣсно связаннаго съ другими, болѣе широкими и болѣе крупными теченіями европейской литературы.

По художественному выполненію повѣсть Полеваго не можетъ идти наравнѣ съ выдающимися твореніями поэтическихъ геніевъ, хотя и не лишена своихъ достоинствъ, какъ созданіе талантливаго, образованнаго и умнаго человѣка.

Н. Козминъ.

Библиотека "Руниверс"

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОБРАЗОВАНІИ РУССКИХЪ НАРѢЧІЙ И РУССКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

Современные русскіе говоры принято дѣлить на три главныя группы (нарѣчія): великорусскую, бѣлорусскую и малорусскую. Дѣленіе это основано не только на данныхъ, представляемыхъ особенностями этихъ говоровъ, но также и на рѣзкихъ отличіяхъ, замѣчаемыхъ въ нравахъ, обычаяхъ, творчествѣ, формахъ быта тѣхъ трехъ народностей русскихъ, по которымъ получили свое названіе и нарѣчія, ими употребляемыя. Такое дѣленіе соотвѣтствуетъ также территоріальному распредѣленію русскихъ народностей: только въ мѣстностяхъ, сравнительно недавно колонизованныхъ, встрѣчаются смѣшанныя поселенія великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ.

Стоитъ ли такое дѣленіе русскаго народа въ связи съ племенными различіями, восходящими къ отдаленнымъ доисторическимъ эпохамъ? Не сложилось ли оно лишь недавно, на памяти исторіи, свидѣтельствующей о великихъ событіяхъ, оторвавшихъ юго-западъ Россіи отъ сѣверо-востока и обособившихъ области западнорусскія? Соотвѣтствуютъ ли современныя границы названныхъ народностей древнерусскимъ племеннымъ границамъ или надо допустить передвиженіе племенъ, а также измѣненіе первоначальной группировки ихъ подъ вліяніемъ политической жизни, сосредоточивавшейся вокругъ Кіева, Москвы, Галича и Вильны? Разрѣшенія этого ряда вопросовъ историкъ языка ждетъ отъ историка народа; послѣдній, въ свою очередь, чувствуя иногда безсиліе, въ виду скудости данныхъ, обращается къ отдѣльнымъ отраслямъ исторической науки и главнымъ образомъ къ той же исторіи языка, живаго свидѣтеля самыхъ отдаленныхъ эпохъ жизни всякаго народа. И дѣйствительно, изученіе русскаго языка въ его настоящемъ и прошломъ, поставленное при этомъ въ связь съ

Библиотека "Руниверс"

исторіей русскаго народа, можетъ дать до извѣстной степени опредѣленные отвѣты на только что поставленные вопросы.

Оно свидѣтельствуетъ прежде всего, что одно изъ главныхъ нарѣчій русскаго языка—великорусское не представляетъ въ частяхъ своихъ того единства, которое можно было бы ожидать отъ него въ томъ случаѣ, если бы это нарѣчіе, по своему происхожденію, восходило къ языку одного какого-нибудь древнерусскаго племени. Великорусское нарѣчіе распадается на три группы говоровъ, рѣзко между собой отличающихся: *южновеликорусскую*, измѣняющую звукъ *о* въ слогахъ неударяемыхъ въ *а* и произносящую согласную *г* близко къ латинскому *h*, тожественно же съ малорусскимъ *г*; *сѣверновеликорусскую*, сохраняющую звукъ *о* въ слогахъ неударяемыхъ и произносящую *г* какъ мгновенную согласную, тожественную съ латинскимъ *g*; группу *смѣшанныхъ* говоровъ, въ фонетикѣ которыхъ совмѣщаются особенности южновеликорусской и сѣверновеликорусской рѣчи; между этими говорами особенно выдающееся мѣсто занимаетъ говоръ города Москвы, какъ въ силу того, что онъ сталъ государственнымъ и литературнымъ языкомъ, такъ и потому, что особенности, характерныя для южной и сѣверной группъ великорусскихъ говоровъ, сочетались въ немъ особенно гармонически: въ Москвѣ произносятъ гласныя по южному, а согласныя по сѣверному. Существованіе смѣшаннаго говора въ Москвѣ ясно показываетъ, что дѣленіе великорусскаго нарѣчія на сѣверную и южную группы восходитъ къ глубокой древности: оно во всякомъ случаѣ старше XIV вѣка—періода образованія и роста московскаго государства. Сравнительное изученіе великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчія показываетъ, что это дѣленіе исконное. Великорусское нарѣчіе можно было бы противоставить, какъ нѣчто цѣльное и единое въ отдаленномъ прошедшемъ, нарѣчію малорусскому; но этого нельзя сдѣлать въ отношеніи его къ нарѣчію бѣлорусскому. Между южной группой великорусскихъ говоровъ и бѣлорусскимъ нарѣчіемъ открывается самая тѣсная связь въ звукахъ и формахъ, связь, рѣшительнымъ образомъ свидѣтельствующая о близкомъ родствѣ между бѣлоруссами и одною частью великоруссовъ: въ Рязанской и Тульской губерніяхъ, населенныхъ южными великоруссами, акаютъ, якаютъ (произносятъ *я* вмѣсто *е*) такъ же, какъ въ губерніяхъ бѣлорусскихъ; согласные звуки *г* и *в*, рѣзко отличающіеся въ рѣчи сѣвернаго и южнаго великорусса, произносятся послѣднимъ сходно съ бѣлорусскою рѣчью.

Близость южно-великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ отмѣчена

Библиотека "Руниверс"

давно уже наукой, и Потебня считалъ себя въ правѣ признать бѣлорусскую группу говоровъ вѣтвью не всего великорусскаго нарѣчія, а только его южнаго поднарѣчія. Съ такимъ взглядомъ нашего знаменитаго языковѣда можно согласиться лишь съ извѣстной оговоркой. Образованіе великорусской и бѣлорусской народностей должно во всякомъ случаѣ поставить въ связь съ образованіемъ московскаго и литовско-русскаго государствъ: только въ XIV—XV вѣкахъ, вмѣсто разнородныхъ и весьма многочисленныхъ политическихъ тѣлъ, на которыя распалась Русь—сѣверо-западная и сѣверо-восточная, появилось два обширныхъ тѣла, поглотившихъ всѣ остальныя; и если теперь на томъ же пространствѣ, видѣвшемъ нѣкогда столько разнообразныхъ племенъ русскихъ, находимъ двѣ народности—великорусскую и бѣлорусскую, мы въ полномъ правѣ заключить, что поглощеніе русскихъ княженій и удѣловъ московскимъ и литовско-русскимъ государствами шло одновременно и параллельно съ поглощеніемъ русскихъ племенъ и нарѣчій—великорусскою и бѣлорусскою народностями. Слѣдовательно, великорусская народность не можетъ быть старше московскаго или предшествовавшаго ему владимирскаго государства, а о бѣлорусской народности можно говорить только со времени образованія государства въ бассейнахъ Западной Двины и Нѣмана. Вотъ почему я не могу признать бѣлоруссовъ вѣтвью южныхъ великоруссовъ и не рѣшаюсь употреблять терминовъ „великорусскій“, „бѣлорусскій“, когда говорю объ эпохахъ, предшествующихъ образованію великорусскаго и бѣлорусскаго государствъ. Признаніе бѣлорусской группы говоровъ вѣтвью южно-великорусскаго поднарѣчія опровергается и свидѣтельствомъ самого языка: южно-великорусскіе говоры пережили рядъ общихъ явленій въ звукахъ и формахъ съ говорами сѣверно-великорусскими, явленій, чуждыхъ говорамъ бѣлорусскимъ; отношу сюда, напримѣръ, переходъ *ы* въ *о* въ случаяхъ какъ слѣпой, мою. вою, или образованіе именительнаго множественнаго числа на *а* въ именахъ мужескаго рода: города́, дома́. Слѣдовательно, признавая говоры Рязанской, Тульской, Калужской губерній великорусскими, мы имѣемъ въ виду рядъ общихъ звуковыхъ явленій, роднящихъ ихъ съ говорами другихъ мѣстностей Великой Россіи—Ярославля, Костромы, Новгорода; основаній же для признанія великорусскими, а слѣдовательно и южно-великорусскими, говоровъ Могилевской или Витебской губерній мы не имѣемъ. Соображая все это и имѣя въ виду, съ одной стороны, исконное родство говоровъ Рязанской, Тульской, Калужской и другихъ губерній съ говорами бѣлорусскими,

Библиотека "Руниверс"

а съ другой—современную близость ихъ къ говорамъ сѣверно-великорусскимъ, мы должны заключить, что, по происхожденію своему, бѣлоруссы и южные великоруссы—это двѣ вѣтви одной общей племенной группы; историческія событія обособили двѣ вѣтви—западную (современные бѣлоруссы) и восточную (современные южно-великоруссы), при чемъ восточная вѣтвь примкнула къ другой племенной группѣ (современные сѣверно-великоруссы) и слилась съ ней въ одной общей, новой по происхожденію народности—великорусской. Такимъ образомъ современнымъ двумъ народностямъ—великорусской и бѣлорусской въ древности соотвѣтствовали также двѣ племенныя группы: одну изъ нихъ назовемъ сѣверною, а другую среднерусскою. Но по составу своему эти двѣ группы не были тожественны съ современными двумя народностями: великорусская народность объединила племена и нарѣчія сѣверной группы съ восточною вѣтвью среднерусской группы, а бѣлорусская народность соотвѣтствуетъ только западной вѣтви этой же среднерусской группы.

Я назвалъ открываемыя при сравнительномъ изученіи современныхъ русскихъ говоровъ древнерусскія племенныя группы—сѣверно-русскою и среднерусскою, имѣя въ виду существованіе еще третьей группы, соотвѣтствующей современной малорусской народности,—южнорусской. Нѣкоторыя звуковыя черты даютъ основаніе предполагать исконное сосѣдство южно-русской группы съ средне-русскою: сравните общее произношеніе ɪ какъ придыхательной согласной въ мало-русскомъ, бѣло-русскомъ нарѣчіяхъ и въ южно-великорусскомъ поднарѣчіи. Мы видѣли выше, что нѣкогда группировка нарѣчій въ средней части Россіи была иная, чѣмъ теперь: вмѣсто одной—среднерусской группы мы находимъ теперь двѣ группы—западную (бѣлорусскую) и восточную, примкнувшую къ сѣверно-русской группѣ. Южнорусская или что то же—малорусская группа не утратила своего единства, но представляетъ въ настоящее время такую группировку говоровъ, которая не можетъ быть исконною: дѣйствительно, въ мѣстностяхъ, вновь колонизованныхъ малорусскимъ племенемъ,—въ губерніяхъ Полтавской, Харьковской, Воронежской и другихъ наблюдаются такіе говоры, которымъ нѣтъ вполнѣ соотвѣтствующихъ на правомъ берегу Днѣпра, въ исконномъ мѣстожительствѣ малороссовъ. Эти говоры объединены нѣкоторыми общими звуковыми чертами, свидѣтельствующими о существованіи особой восточно-украинской группы, имѣющей особое свое нарѣчіе; изслѣдователи указываютъ въ числѣ этихъ характерныхъ чертъ послѣдовательное употребленіе вмѣсто

Библиотека "Руниверс"

исконныхъ *и* и *ы* такъ называемаго *и* средняго, отсутствіе отвердѣнія *р*, отсутствіе отвердѣнія *т* мягкаго въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ, постоянное смягченіе согласныхъ передъ звукомъ і изъ исконнаго о (д'ім) и нѣкоторыя другія. Очевидно, звуковыя особенности восточно-украинскаго нарѣчія не могутъ быть новаго происхожденія: это нарѣчіе сложилось такъ же давно, какъ и другія малорусскія нарѣчія. Теперь оно распространилось во вновь населенныхъ малоруссами областяхъ, но въ древности оно, очевидно, слышалось и въ мѣстахъ первоначальнаго ихъ поселенія. Слѣдовательно, въ древности размѣщеніе малорусскихъ нарѣчій было иное, чѣмъ теперь: всего вѣроятнѣе, что заселеніе Слободской Украйны и вообще степнаго пространства совершилось выходцами изъ южной части правобережной Украйны; поэтому современное восточно-украинское нарѣчіе слѣдуетъ признать южнымъ нарѣчіемъ сравнительно съ современнымъ западно-украинскимъ. Такой выводъ находитъ подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что западно-украинское нарѣчіе представляетъ рядъ звуковыхъ чертъ, роднящихъ его съ сѣверно-малорусскимъ нарѣчіемъ: сравните отвердѣніе, хотя и спорадическое, мягкаго *р*, отвердѣніе, хотя и не постоянное, *т* въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ, произношеніе *ы* вмѣсто восточно-украинскаго средняго *и* и нѣкоторыя другія черты: представляя соединеніе сѣверно-малорусскихъ и южно-(а теперь восточно-) украинскихъ чертъ, западно-украинское нарѣчіе является переходнымъ нарѣчіемъ отъ южно-украинскаго къ сѣверно-малорусскому или, что вѣроятнѣе, это, по происхожденію своему—южно-украинское нарѣчіе, подвергшееся вліянію сосѣднихъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ. Во всякомъ случаѣ предыдущія разсужденія приводятъ насъ къ заключенію, какъ о давнемъ сосѣдствѣ украинскаго и сѣверно-малорусскаго нарѣчій, такъ и о томъ, что южно-русская или малорусская группа исконно дѣлилась на двѣ вѣтви—сѣверную и южную [1]).

Повторю тѣ выводы, къ которымъ мы пришли на основаніи данныхъ современныхъ русскихъ говоровъ. Русскій языкъ еще въ доисторическое время распался на три группы говоровъ: сѣверно-русскую, средне-русскую и южно-русскую. Средне-русская группа состояла изъ двухъ вѣтвей—западной и восточной; южно-русская группа

---

[1]) Галицкіе и карпатскіе говоры, какъ увидимъ ниже, можно относить частью къ сѣверной, частью къ южной вѣтви; собственно галицкое нарѣчіе, по происхожденію своему, принадлежитъ къ южной вѣтви, но оно испытало вліяніе говоровъ сѣверной вѣтви.

Библиотека "Руниверс"

дѣлилась на двѣ же вѣтви—сѣверную и южную. Съ теченіемъ времени западная вѣтвь средне-русской группы совершенно обособилась отъ восточной и легла въ основаніе современнаго бѣлорусскаго нарѣчія; напротивъ, восточная примкнула къ сѣверно-русской группѣ и вмѣстѣ съ ней составила великорусское нарѣчіе, сохранивъ впрочемъ свою индивидуальность въ видѣ южно-великорусскаго поднарѣчія. На югѣ съ теченіемъ времени произошло новое сближеніе южной вѣтви южно-русской группы съ сѣверною вѣтвью той же группы: въ результатѣ, кромѣ южныхъ и сѣверныхъ говоровъ, получился рядъ смѣшанныхъ говоровъ, какъ въ современной Украйнѣ, такъ и въ Галиціи; позже произошло выселеніе той части южной вѣтви, которая не смѣшалась съ сѣверной, на востокъ—въ Полтавщину и Слободскую Украйну.

Сдѣланные выводы должны быть провѣрены и согласованы съ показаніями исторіи русскаго народа. Изученіе данныхъ о древнерусскихъ племенахъ, объ образованіи русскихъ областей, а затѣмъ государствъ подтверждаетъ вполнѣ, какъ мнѣ кажется, тѣ результаты, къ которымъ приходитъ изслѣдователь языка. Рѣшаюсь поэтому предложить свои соображенія о взаимномъ отношеніи древнерусскихъ племенъ и объ образованіи русскихъ народностей.

Повѣсть временныхъ лѣтъ сохранила рядъ весьма цѣнныхъ указаній на разселеніе русскихъ племенъ и на взаимныя ихъ отношенія: сопоставленіе этихъ указаній съ нѣкоторыми данными, извлекаемыми изъ исторіи образованія древне-русскихъ княжествъ, позволяетъ намъ затронуть вопросъ о болѣе крупныхъ дѣленіяхъ русскаго народа, замѣтныхъ, вѣроятно, и въ эпоху того племеннаго раздробленія, въ которомъ исторія застаетъ нашихъ предковъ. Описывая нравы и обычаи древнерусскихъ племенъ, лѣтописецъ говоритъ между прочимъ: „и радимичи и вятичи и сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣхъ, якоже всякий звѣрь ядуще все нечисто, и срамословье в нихъ предъ отьци и предъ снохами“ и т. д. (описываются брачные и погребальные обычаи). Думаю, что это замѣчаніе лѣтописца свидѣтельствуетъ о принадлежности трехъ названныхъ племенъ къ одной группѣ. Близкое родство, сходство въ нравахъ и обычаяхъ сѣверянъ, радимичей и вятичей подтверждаются и тѣмъ, что впослѣдствіи земли ихъ вошли въ составъ одной общей политической единицы. „Сѣверяне, радимичи и вятичи изображаются намъ (первоначальною лѣтописью)... чѣмъ то единымъ“, говоритъ историкъ сѣверской земли. „Я уже не говорю, продолжаетъ онъ, о послѣдующихъ фактахъ, которые вполнѣ под-

Библиотека "Руниверс"

твержданотъ этотъ намекъ лѣтописца, когда, напримѣръ, сѣверяне, радимичи и вятичи всѣ вмѣстѣ входятъ въ составъ сѣверской земли [1])[a]. Имѣя въ виду, что радимичи сидѣли на Сожѣ, лѣвомъ притокѣ Днѣпра, то есть въ нынѣшней Могилевской губерніи, а что вятичи занимали верхнюю и отчасти среднюю Оку [2]), заключаемъ, что племенная группа, состоявшая изъ сѣверянъ, вятичей и радимичей, тожественна съ предположенною выше *средне-русской* племенной группой. Свидѣтельство современнаго языка доказываетъ, что среднерусская группа занимала обширное пространство отъ бассейна Нѣмана до бассейна Оки включительно, такъ какъ средне-русская звуковая черта—аканіе слышится какъ въ Гродненской, такъ и въ Рязанской губерніяхъ. Такое распространеніе средне-русской группы на западъ и востокъ стоитъ, думаю, въ связи съ тѣмъ, что мы знаемъ, съ одной стороны, объ отношеніи радимичей и вятичей къ западнымъ племенамъ, а съ другой стороны—о разселеніи сѣверянъ. Мы имѣемъ свидѣтельство двухъ лѣтописцевъ о происхожденіи радимичей и вятичей отъ рода ляховъ. Составитель Начальнаго свода [3]) говоритъ подъ 984 годомъ: „бѣша же радимичѣ отъ рода ляховъ; пришедше ту ся вселиша и платятъ дань Руси...“ (Новгородская 1-я лѣтопись, стр. 33) [4]). Составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ повѣствуетъ: „радимичи бо и вятичи отъ ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясѣхъ. Радимъ, а другий Вятко и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася вятичи.“ Трудно предположить, чтобы въ этихъ свидѣтельствахъ не отразилось живое народное преданіе, основанное на дѣйствительной правдѣ. Но правда эта состояла не въ происхожденіи радимичей и вятичей отъ польскаго племени, а въ томъ, что

---

[1]) *Багалѣй*, Исторія сѣверской земли до половины XIV столѣтія, с. 118; ср. также с. 5 и сл. Неясно, что имѣлъ въ виду авторъ на с. 47, гдѣ онъ говоритъ о томъ, что сѣверская земля сознавала въ значительной степени свое племенное единство съ полянами.

[2]) *Барсовъ*, Очерки русской исторической географіи, стр. 155; *Багалѣй*, l. c. стр. 14.

[3]) Начальнымъ сводомъ я называю тотъ лѣтописный сводъ, который, въ позднѣйшемъ соединеніи съ новгородскою лѣтописью, дошелъ до насъ въ спискахъ (кромѣ Синодальнаго списка) Новгородской 1-й лѣтописи. Этотъ сводъ лежитъ въ основаніи Повѣсти временныхъ лѣтъ, дополнившей и расширившей его по другимъ источникамъ.

[4]) Это мѣсто Начальнаго свода вошло и въ Повѣсть временныхъ лѣтъ (Лавр. лѣт. с. 82).

Библиотека "Руниверс"

нѣкогда они сидѣли западнѣе того, гдѣ застаетъ ихъ исторія и при томъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ ляхами; вѣсьма вѣроятно, что близость эта была настолько тѣсной, что съ одной стороны вызвала преданіе о соплеменности ихъ съ ляхами, а съ другой имѣла слѣдствіемъ появленіе въ языкѣ ихъ нѣкоторыхъ, общихъ съ польскими говорами звуковыхъ чертъ: дзеканіе и цеканіе въ современной Могилевской губерніи могутъ быть результатомъ тѣснаго общенія радимичей съ польскими племенами. Свидѣтельство лѣтописи о движеніи радимичей и вятичей съ запада на востокъ можетъ подтверждаться и тѣмъ, что среди вятичей, въ мѣстности близъ рѣки Протвы, праваго притока рѣки Москвы, въ XII вѣкѣ жилъ литовскій народецъ Голядь: Барсовъ остроумно объяснялъ появленіе этой литовской вѣтви такъ далеко на востокѣ предположеніемъ, что Голядь могла быть оторвана „отъ массы литовскаго племени" движеніемъ съ запада славянскихъ племенъ—вятичей и радимичей [1]). Допустивъ такимъ образомъ движеніе западной вѣтви средне-русскаго племени къ востоку, мы, во-первыхъ, должны признать радимичей и вятичей отраслью *западной* вѣтви средне-русскаго племени, въ противоположность къ сѣверянамъ—*восточной* вѣтви того же племени, во-вторыхъ, должны заключить о соплеменности радимичей и вятичей съ западными сосѣдями ихъ, которыхъ лѣтопись называетъ дреговичами. Мы не имѣемъ прямыхъ данныхъ, указывающихъ на сосѣдство радимичей съ дреговичами, но указаніе Барсова, принятое и Багалѣемъ [2]), на то, что радимичи сосѣдили съ запада съ кривичами, я считаю ошибочнымъ: оно основывается на смѣшеніи понятія о племенахъ съ понятіемъ о княжествахъ; изъ того, что Минскъ въ началѣ XII вѣка былъ городомъ полоцкаго княжества отнюдь не слѣдуетъ, чтобы въ немъ жили кривичи, въ землѣ которыхъ, по свидѣтельству лѣтописи, находился Полоцкъ. Полоцкое княжество обнимало не только кривичскія земли, но и дреговичскія, какъ это ясно изъ категорическаго утвержденія лѣтописи о томъ, что мѣстность между Припетью и Двиною была населена дреговичами (Лавр. стр. 5). Косвеннымъ указаніемъ на прямое сосѣдство дреговичей (полоцкихъ) съ радимичами могутъ служить на-

[1]) Очерки русской исторической географіи, с. 39, 43—44.

[2]) Очерки русской исторической географіи, с. 124. Исторія сѣверской земли, с. 14.—*Голубовскій*, въ Исторіи смоленской земли до начала XV вѣка, с. 44—45, высказываетъ, какъ мнѣ кажется, совершенно вѣрное мнѣніе о разселеніи дреговичей и принимаетъ, что они дѣйствительно занимали область отъ Припети до самой Двины.

Библиотека "Руниверс"

званія рѣки Дрьють и города Дрьютьскъ (въ восточной части Полоцкаго княжества): написаніе дрѣгьютескъ въ Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ спискахъ Ипатьевской лѣтописи подъ 1116 годомъ (изд., стр. 203, прим.) свидѣтельствуетъ о томъ, что первоначальными формами этихъ названій могли быть Дрьгуть, Дрьгутьскъ (ср. Любутскъ), а это ясно указываетъ на связь ихъ съ дрьговичами (такое написаніе, съ ь, ср. въ Троицк. сп., изд. Лавр. лѣт. стр. 10, прим. 16, въ Ипат. сп. дьрьговичи, изд. стр. 6) [1]). Признавъ такимъ образомъ дреговичей западными сосѣдями радимичей, мы въ правѣ заключать о ихъ сплеменности съ ними: это подтверждается какъ тѣмъ соображеніемъ, что радимичи пришли съ запада, съ ляшской окраины, съ которою несомнѣнно сосѣдили дреговичи, такъ въ особенности тѣмъ обстоятельствомъ, что на западъ отъ древнихъ поселеній радимичей нельзя указать діалектической границы въ предѣлахъ, занимаемыхъ русскими говорами: бѣлорусское нарѣчіе тянется на западъ вплоть до мазовецкихъ говоровъ. Ниже я еще разъ вернусь къ вопросу о сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ границахъ среднерусской племенной группы, а пока ограничиваюсь выводомъ, что къ западной вѣтви этой группы, кромѣ вятичей и радимичей, должно отнести и дреговичей. Восточная вѣтвь средне-русскаго племени—сѣверяне сидѣли, по свидѣтельству лѣтописи, по Деснѣ, по Семи (Сейму) и по Сулѣ, то есть по лѣвымъ притокамъ Днѣпра, занимая такимъ образомъ бассейнъ Десны въ Черниговской, бассейнъ Сейма въ Курской и бассейнъ Сулы въ Полтавской губерніяхъ. Но лѣтописецъ, очевидно, ограничился указаніемъ лишь тѣхъ мѣстностей, занятыхъ сѣверянами, которыя прилегали къ западной границѣ ихъ—къ Днѣпру. Сѣверныя границы сѣверскихъ поселеній выясняются сами собой, такъ какъ онѣ опредѣляются данными о поселеніяхъ радимичей и вятичей; но южныя и восточныя границы сѣверянъ лѣтописцемъ не указаны. Профессоръ Багалѣй собралъ цѣлый рядъ указаній на колонизаціонное движеніе сѣверянъ на югъ и юго-востокъ, движеніе, до-

[1]) Дрьгуть по звуковымъ законамъ древняго языка должно было перейти въ Др'чуть (р'— мягкое р'); ср. выпаденіе ь въ кстити, ъ въ др.-русск. кравый; подъ вліяніемъ мягкаго р должно было смягчиться г; ср. измѣненіе х въ х' подъ вліяніемъ предшествующаго р' въ верхь (уже въ древнерусскихъ памятникахъ XV вѣка); такъ явилось Др'гють или (при произношеніи г какъ придыхательной согласной) Дрjуть, откуда Дрють (совр. и древнее Дрюцкъ). Рядомъ существовало и Дрегуть, какъ при кстити — крестити, откуда подъ вліяніемъ Дрють—Дреють (др.-русск. Дреютескъ).

Библиотека "Руниверс"

ходившее до Донца (Сѣверскаго, какъ онъ назывался въ старину) и Дона. До него Барсовъ высказалъ предположеніе, что въ X и началѣ XI вѣка русскимъ центромъ сѣверской земли служила отдаленная Тмутаракань на Таманскомъ полуостровѣ. Это смѣлое предположеніе во всякомъ случаѣ основано на томъ несомнѣнномъ фактѣ, что въ XI вѣкѣ Тмутаракань тянула къ сѣверской земли и очевидно была заселена сѣверянами: связь съ Тмутараканью не забыта сѣверскими князьями еще въ концѣ XII вѣка (Слово о полку Игоревѣ), а въ спискѣ городовъ, восходящемъ къ XV вѣку, въ *черниговскомъ* княжествѣ указывается Тмуторокань Остречьскый, то есть на Острѣ, притокѣ Десны [1]). Для насъ, въ вопросѣ о разселеніи сѣверянъ, особенно важно рѣшить, какъ колонизована рязанская земля, тѣсно связанная съ сѣверскою, начиная съ XI вѣка. Несомнѣнно, что нѣкогда бассейнъ Оки былъ занятъ финскими племенами; но въ XI вѣкѣ верхнее теченіе Оки, какъ мы видѣли, принадлежало уже русскому племени вятичей, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ концу этого же вѣка въ рязанской землѣ строятся города — Рязань, Переяславль Рязанскій, Пронскъ. Заселеніе средняго и нижняго теченія Оки принадлежало, по мнѣнію Багалѣя и другихъ изслѣдователей, тѣмъ же вятичамъ, которые заняли раньше верхнее ея теченіе. „Главными дѣятелями въ этой мирной колонизаціи, говоритъ историкъ, были конечно, вятичи; этимъ только и можно объяснить тѣсную связь муромо-рязанской земли съ сѣверской.“ П. Н. Мвлюковъ допускаетъ возможность двухъ потоковъ колонизаціи, направлявшейся въ среднее Поволжье и рязанскую землю: одинъ шелъ изъ новгородской области внизъ по Волгѣ; другой изъ смоленской области кривичей и изъ вятичской области (Калужской губерніи) внизъ по Окѣ [2]). Почтенный изслѣдователь, указывая въ другомъ мѣстѣ на тѣсную связь Рязани съ сѣверской землей, находитъ однако, что „не только племена южной Руси, но даже и сосѣдніе вятичи не принимали, повидимому почти никакого участія въ заселеніи пространства между Окой и Волгой. По нѣкоторымъ признакамъ главное колонизаціонное движеніе въ эту область шло прямо съ запада, изъ смоленской области кривичей“ [3]). Мнѣ кажется, что дѣйствительно въ колонизаціи средняго Поволжья

---

[1]) Приложеніе къ Новгородской 1-й лѣтописи по Комисс. сп. XV вѣка (изданіе, с. 447); ср. *Багалѣй*, Исторія сѣверской земли с. 28.

[2]) Очерки по исторіи русской культуры (3-е изд.), с. 47.

[3]) Энц. слов. Брокг. и Ефр. (1895 года) подъ сл. Колонизація Россіи.

Библиотека "Руниверс"

надо различать два теченія: одно йзъ нихъ шло съ сѣверо-востока по Волгѣ и, конечно, принадлежало кривичамъ—смоленскимъ ли, или новгородскимъ, но во всякомъ случаѣ сѣверно-русскому племени; другое теченіе принадлежало средне-русскому племени, какъ это ясно изъ того, что до сихъ поръ въ при-окской области пролегаетъ діалектическая граница сѣверно-великорусскаго и южно-великорусскаго нарѣчій. Но мнѣ представляется мало вѣроятнымъ, чтобы заселеніе рязанскаго края принадлежало изъ средне-русскихъ племенъ исключительно вятичамъ. Въ XII и началѣ XIII вѣка мы встрѣчаемъ въ рязанской землѣ цѣлый рядъ городовъ по Окѣ и ея притокамъ Осетру и Прони, между тѣмъ по верхнему теченію самой Оки, издавна заселенному вятичами, не находимъ ни одного города, а на притокахъ ея здѣсь извѣстны лишь назначительные города, каковы Лопасня и Козельскъ. Невѣроятно поэтому допустить, чтобы вятичи, племя совершенно некультурное еще въ началѣ XII вѣка (ср. извѣстія о принятіи ими христіанства въ позднее время, а также о войнахъ съ русскими князьями въ концѣ XI вѣка),—могли быть строителями городовъ и цивилизаторами рязанскаго края. Мнѣ кажется, что гораздо болѣе основаній можно привести въ пользу предположенія, что рязанская земля заселена сѣверянами. Путь къ среднему Поволжью пролегалъ не „сквозь Вятичи", а по Дону и его сѣвернымъ притокамъ. Изслѣдованія нашихъ историковъ, основанныя между прочимъ на извѣстіяхъ арабовъ, показали, что „въ Хазаріи, простиравшейся по Дону и Волгѣ до кавказскаго хребта, славяне составляли не только значительную часть городскаго населенія, но довольно многочисленное осѣдлое, слѣдовательно деревенское или сельское населеніе... Самый Донъ у многихъ мусульманскихъ писателей, вообще хорошо знакомыхъ съ восточными окраинами Европейской Россіи, называется славянскою рѣкою" [1]). Паденіе хазарскаго царства, появленіе печенѣговъ и половцевъ въ южныхъ степяхъ Россіи имѣли слѣдствіемъ вытѣсненіе русскаго населенія изъ бассейновъ Дона и Донца; оно должно было также покинуть Тмутаракань, постоянная связь которой съ Черниговомъ „могла основываться только на племенномъ или земельномъ сродствѣ ея славянскаго населенія съ населеніемъ Подесенья, Посемья и Посулья и заставляетъ видѣть въ славян-

[1]) *Барсовъ*, Очерки русск. ист. геогр. 149, 150; *Бахтинъ*, l. c., с., 24—28, 132—134.

Библиотека "Руниверс"

скомъ населеніи этого края развѣтвленіе сѣверянъ“ [1]). Мнѣ кажется вполнѣ вѣроятнымъ предположить, что удары кочевниковъ заставили сѣверянъ удалиться къ сѣверу: путь вверхъ по Дону приводитъ ихъ въ при-окскую область, гдѣ они основываютъ города, прямо указывающіе своими названіями, что мы имѣемъ дѣло съ сѣверскими поселеніями: ср. Переяславль рязанскій на Трубежѣ, основанный въ 1095 году, съ Переяславлемъ южнымъ на Трубежѣ, притокѣ Днѣпра. Не отрицая возможности колонизаціи рязанскаго края съ запада, изъ земли вятичей, я думаю, что главное колонизаціонное движеніе шло съ юга и принадлежало восточной вѣтви средне-русскаго племени сѣверянамъ. Весьма важны при этомъ указанія языка: нельзя сомнѣваться въ существованіи въ современныхъ южно-великорусскихъ говорахъ по крайней мѣрѣ двухъ типовъ; одни говоры по своимъ звуковымъ особенностямъ стоятъ къ говорамъ бѣлорусскимъ ближе, чѣмъ другіе, раздѣляя съ ними, напримѣръ, такія явленія, какъ сохраненіе ы подъ удареніемъ въ положеніи передъ *й* (мый) или переходъ ы въ *е* (аднэй, непосредственно изъ адный). Рязанскіе говоры принадлежатъ къ наиболѣе отдаленнымъ по звуковымъ признакамъ отъ бѣлорусскихъ; напротивъ, въ области вятичей—въ современной Калужской губерніи, даже въ восточныхъ ея уѣздахъ, находимъ говоры, мало отличающіеся отъ бѣлорусскихъ и, повидимому, даже дзекавшіе не въ очень отдаленное время [2]). Все это заставляетъ насъ отнести рязанскіе говоры къ восточной, а калужскіе и сосѣдніе съ ними къ западной вѣтви средне-русскаго племени; но отсюда неизбѣженъ выводъ, что Рязань заселена восточными средне-руссами, то-есть сѣверянами, а Калужская губернія западными средне-руссами, то-есть вятичами.

Ниже я еще разъ вернусь къ вопросу о колонизаціонномъ движеніи средне-русскихъ племенъ, а пока остановлюсь на выводѣ, что къ XII вѣку вся средняя Россія и юго-востокъ ея были заняты род-

---

[1]) *Барсовъ*, l. c., с. 151. Особенно важны указанія Срезневскаго въ его статьѣ „Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV вв.“ (Изв. II отд. И. А. Н., т. VIII, с. 313 и сл.): онъ доказалъ, что уже въ XII в. притоки Дона носятъ русскія названія: Воронежь, Быстрая Сосна; ср. также притоки Донца: Сальница, Осколъ. Въ XIV—XV в. встрѣчаемъ названія: Тихая Сосна, Меча, Труды, Черленый Яръ, Хоперъ, Медвѣдица, Иловля. Очевидно, начало ихъ восходитъ къ глубокой древности, когда по берегамъ этихъ рѣкъ жило русское населеніе.

[2]) Ср. произношеніе эля вм. для въ современномъ мещовскомъ говорѣ.

Библиотека "Руниверс"

ственными между собою племенами дреговичей, радимичей, вятичей на западѣ, сѣверянъ—на востокѣ.

Къ сѣверу отъ средне-русскаго племеннаго союза простирались земли, занятыя группою племенъ сѣверно-русскихъ. Повѣсть временныхъ лѣтъ и Начальный сводъ даютъ весьма цѣнныя данныя для опредѣленія состава этой группы. Они начинаютъ историческое повѣствованіе съ эпохи образованія сѣверно-русскаго политическаго союза: въ него вошли русскія племена славянъ новгородскихъ и кривичей, а также финскія племена: Меря (съ городомъ Ростовомъ), Весь (на Бѣлѣ озерѣ), Мурома (въ Муромѣ) и, наконецъ, Чудь. Господствующими элементами въ этомъ союзѣ были, конечно, русскія племена: финны были втянуты въ него русскими, что ясно доказываетъ, какъ далеко на финскій востокъ и сѣверъ зашла уже въ IX вѣкѣ (или можетъ быть нѣсколько раньше) славянская колонизація. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Костомарова и Корсакова, что, напримѣръ, „Меря" въ устахъ лѣтописца было географическимъ терминомъ, подъ которымъ „нельзя разумѣть исключительно только чудскихъ „насельниковъ", аборигеновъ земли, а слѣдуетъ разумѣть, главнымъ образомъ, славянскихъ „находниковъ" [1]). Изъ лѣтописнаго разказа о призваніи князей ясно, слѣдовательно, что кривичи входили въ составъ сѣверно-русскаго политическаго союза; но были ли они сѣверно-русскимъ племенемъ, близкимъ къ новгородскимъ славянамъ? Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ подсказывается цѣлымъ рядомъ соображеній: 1) Полоцкъ, по указанію лѣтописи, населенъ кривичами: сомнительно, чтобы уже въ IX или X вѣкѣ такъ далеко на сѣверѣ заходили средне-русскія поселенія; 2) въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ сохранилось извѣстіе, что Изборскъ, находящійся еще сѣвернѣе Полоцка, былъ городомъ кривичей: вѣроятно здѣсь, равно какъ впослѣдствіи во Псковѣ (въ первые вѣка его существованія), жило населеніе сопленное съ новгородцами, вѣроятно именно потому, что Псковъ былъ сначала новгородскимъ пригородомъ; 3) въ Воскресенской лѣтописи подъ 1471 годомъ приведена рѣчь сторонниковъ московскаго князя на новгородскомъ вѣчѣ, гдѣ Бѣлозерская Весь названа Кривичской [2]); 4) названіемъ Kreewe ла-

[1]) *Корсаковъ*, Меря и Ростовское княжество, с. 49.

[2]) „Потомъ же правнукъ его князь Владимеръ крестися и всѣ земли наши крести: Рускую, и нашу Словѣнскую, и Мерску и Кривичску Весь, рекше Бѣлозерскую, и Муромъ, и Вятичи" (П. С. Р. Л. VIII, 160). Сомнительно, чтобы послѣ Кривичску слѣдовало поставить запятую, какъ предлагаетъ Борзаковскій въ Исторіи Тверскаго княжества: непонятно будетъ слѣдующее „рекше".

Библиотека "Руниверс"

тыши до сихъ поръ называютъ всѣхъ русскихъ: едва ли это не указываетъ на то, что все русское населеніе сѣвера Руси было кривичскимъ; 5) невѣроятно, чтобы заселеніе средняго Поволжья (Суздальской области) совершилось новгородскими славянами: напротивъ, колонизація его кривичами вѣроятна потому, что именно имъ принадлежали верховья Волги (кривичи, иже сѣдять на верхъ Волги... Лавр. 10); но суздальская область, равно какъ и сосѣднія земли ярославскія, костромскія и т. д., были населены несомнѣнно сѣверно-русскимъ племенемъ (окающимъ, а не акающимъ); слѣдовательно, кривичи были сѣверно-руссами. Отмѣчу еще, что до насъ дошло прямое указаніе на связь смоленской земли, принадлежавшей нѣкогда кривичамъ, съ суздальскою областью; въ уставной грамотѣ Ростислава Мстиславича Смоленской епископіи 1151 г. читаемъ: „Суждали залѣская дань, аже воротить Гюрги, а что будетъ въ ней, изъ того Святой Богородици десятина". Существованіе такой дани, какъ это уже отмѣчено нашими историками [1]), доказываетъ древнее подчиненіе Суздаля или нѣкоторыхъ изъ суздальскихъ владѣній Смоленску, подчиненіе, едва ли не объясняемое тѣмъ, что русскіе поселенцы въ область Мери шли изъ земли Кривичей. Противъ высказаннаго предположенія о томъ, что кривичи были племенемъ сѣверно-русскимъ и, какъ таковое, вошли въ составъ *сѣверно-русскаго* политическаго союза, говоритъ какъ будто то обстоятельство, что Смоленскъ, находившійся, по свидѣтельству Повѣсти вр. лѣтъ, въ странѣ кривичей, не названъ въ числѣ городовъ, розданныхъ Рюрикомъ своимъ мужамъ, при чемъ завоевать его пришлось уже Олегу. Кажется, что въ этомъ обстоятельствѣ мы встрѣчаемся съ однимъ изъ тѣхъ явленій, которыя въ историческое время совершенно видоизмѣнили племенной характеръ древней Руси. Смоленская область, если не вся, то въ извѣстной части, была заселена кривичами, но самый Смоленскъ не былъ ихъ племеннымъ центромъ, а тянулъ въ политическомъ отношеніи къ другой области: не находя упоминанія Смоленска въ договорѣ Олега съ греками (гдѣ названы: Кіевъ, Черниговъ, Новгородъ, Полоцкъ, Ростовъ и Любечъ) [2]), мы въ правѣ думать, что Смоленскъ находился въ зависимости отъ одного изъ большихъ городовъ древней Руси. Всего вѣроятнѣе предположить прямую зависимость его отъ

[1]) Ср. *Бѣляевъ*, Какъ образовалось велико-русское племя (Изв. антроп. отд. общ. любит. естествозн. I, М. 1865) и др.

[2]) Въ Тверской и Львовской лѣтописяхъ вставленъ, очевидно, по соображеніямъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ и Смоленскъ.

Библиотека "Руниверс"

Кіева: „кто владѣетъ Смоленскомъ, замѣчаетъ Бестужевъ-Рюминъ, тотъ требуетъ Кіева“ [1]). Обратно, владѣніе Кіевомъ обусловливало, въ особенности въ древнѣйшую эпоху нашей исторіи, зависимость отъ него Смоленска. Взятіемъ Смоленска начался походъ Олега на югъ и покореніе Кіева; въ XI вѣкѣ Смоленскъ тянетъ прямо къ южнымъ городамъ, и послѣ смерти Игоря Ярославича князья Кіевскій, Черниговскій и Переяславскій дѣлятъ Смоленскъ въ 1057 году на три части. Позднѣйшія данныя убѣдили историка Смоленской земли въ томъ, что, при выступленіи Смоленскаго княжества на политическую сцену, замѣчалось этнографическое различіе двухъ его половинъ—сѣверо-восточной и юго-западной [2]). Такимъ образомъ не только зависимость отъ Кіева, но и возможность столкновенія сѣверно-русскихъ кривичей съ средне-русскими радимичами, земли которыхъ вошли въ составъ смоленскаго княжества [3]), могли имѣть слѣдствіемъ недобровольное присоединеніе Смоленска къ сѣверно-русскому союзу, представленному Игоремъ и Олегомъ. Замѣчательно, что радимичи, послѣ вторичнаго покоренія ихъ Владимиромъ Святославичемъ, были обложены данью въ пользу Кіева (Руси) [4]).

Опредѣливъ такимъ образомъ составъ сѣверно-русской племенной группы двумя названными въ нашихъ источникахъ племенами—славянами новгородскими и кривичами, переходимъ къ третьей племенной группѣ—южно-русской. Къ ней принадлежали племена, сидѣвшія на западъ и югъ отъ средне-русской группы, на западъ отъ сѣверянъ, на югъ отъ дреговичей. Приблизительныя границы на сѣверѣ опредѣлялись теченіемъ Припети (впрочемъ, какъ увидимъ ниже, южно-руссы перешли ее еще въ доисторическую эпоху); восточною границей былъ Днѣпръ, который южно-руссы перешли, повидимому, не ранѣе XIV вѣка. Южныя и западныя границы подвергались значительнымъ колебаніямъ, которыя мы разсмотримъ ниже въ самыхъ общихъ чертахъ. Я указалъ основаніе, почему признаю соплеменность дреговичей, радимичей, вятичей и сѣверянъ: это общія звуковыя черты, простирающіяся отъ бассейна рѣки Нѣмана и до бассейна средняго теченія рѣки Оки; равнымъ образомъ соплеменность кривичей, поселенцевъ верхняго и средняго Поволжья, и славянъ новгородскихъ доказывается общностью языка Новгорода и Влади-

[1]) Русск. ист. I, 146.

[2]) *Голубовскій*, с. 86.

[3]) *Голубовскій*, с. 51 и т. д.

[4]) Лавр. подъ 484 г.: „и платять дань Руси; повозъ везуть и до сего дне“.

Библиотека "Руниверс"

мира или Ярославля. Подобное же основаніе можно привести для утвержденія одноплеменности тѣхъ народцевъ, которые исторія застаетъ на юго-западѣ Россіи: мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы современные малоруссы пришли въ Приднѣпровье лишь въ историческое время; мы должны признать ихъ такими же первоначальными поселенцами Россіи, какъ признали кривичей или вятичей. Но малоруссы отъ береговъ Припети вплоть до Чернаго моря, отъ Днѣпра и до Карпатъ говорятъ такими говорами, которые ясно свидѣтельствуютъ объ исконномъ племенномъ ихъ единствѣ. Вотъ основаніе, почему мы должны признать единоплеменность полянъ, древлянъ, волынянъ, тиверцевъ, хорватовъ и другихъ южныхъ племенъ, о которыхъ повѣствуетъ лѣтописецъ. Нѣтъ сомнѣнія, что территорія, занятая малорусскимъ племенемъ, испытала въ историческое время не одинаковую на всемъ своемъ протяженіи судьбу: когда, послѣ татарскаго погрома, разрушившаго русскія поселенія лѣваго берега Днѣпра, южно-руссы стали лицомъ къ лицу со степью, та часть ихъ территоріи, которая была доступна степнякамъ, испытала бѣдствія, мало коснувшіяся лѣсной мѣстности, куда не могла проникать татарская конница. Такимъ образомъ позднѣйшая исторія различно отразилась на жителяхъ лѣсовъ—полѣховъ, и на жителяхъ открытыхъ мѣстностей. Изученіе современныхъ мало-русскихъ говоровъ открываетъ рѣзкія отличія между сѣверно-малорусскими, обнимающими лѣсное пространство—Полѣсье и южно-малорусскими или украинскими говорами. Но отличія эти существовали, вѣроятно, и раньше татаръ: южноруссы издавна дѣлились на лѣсныхъ и степныхъ; такое дѣленіе обусловливалось природою занятой ими страны. Лѣсныя пространства лежали къ сѣверу, степныя — къ югу. Вотъ почему я принимаю исконное дѣленіе южно-русской группы на вѣтви—сѣверную и южную. Но границы между обѣими вѣтвями, хотя и обусловленныя природой страны, не могли быть постоянными въ древнюю эпоху: наша исторія начинается одновременно съ появленіемъ въ южно-русскихъ степяхъ различныхъ тюркскихъ ордъ, грозныхъ предвѣстницъ татарскаго нашествія. Русскія племена, занимавшія степныя пространства, должны уступить ихъ печенѣгамъ и половцамъ: мы видѣли, что средне-русскіе сѣверяне въ X и XI вѣкѣ были вытѣснены съ береговъ Донца и Дона и удалились въ при-окскую страну; несомнѣнно, что удары степняковъ повліяли и на южныя племена южно-русской группы: они должны были двинуться къ сѣверу и потѣснить племена сѣверныя. Лѣтопись сохранила воспоминанія о нѣ-

Библиотека "Руниверс"

которыхъ изъ такихъ столкновеній: въ числѣ южно-русскихъ племенъ Повѣсть временныхъ дѣлъ называетъ дулѣбовъ. Она говоритъ о нихъ не только какъ о древнемъ племени, нѣкогда покоренномъ аварами, но также какъ о племени, существовавшемъ еще въ X вѣкѣ: въ походѣ Олега на Царьградъ участвуютъ, наряду съ древлянами, радимичами и проч., дулѣбы [1]). Лѣтопись опредѣляетъ и мѣсто ихъ жительства: „дулѣби живяху по Богу“ [2]), „гдѣ ныне велыняне“, прибавляетъ неожиданно лѣтописецъ. Впрочемъ, это замѣчаніе не стоитъ одиноко: его слѣдуетъ сопоставить съ читаемымъ нѣсколько выше указаніемъ на то, что волыняне позже другихъ племенъ русскихъ появились на Руси, разумѣя подъ послѣднимъ терминомъ политическую единицу, подчиненную русскимъ князьямъ. „Се бо токмо Словѣнескъ языкъ в Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣже же Велыняне“: такъ говоритъ лѣтописецъ, и мы не имѣемъ основанія подразумѣвать послѣ словъ „послѣже же“ слово „назвашася“, какъ поправилъ это мѣсто лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, или „прозвашася“, какъ читаетъ Тверская лѣтопись.

Итакъ, волыняне заняли территорію дулѣбовъ, жившихъ по Южному Бугу, вѣроятно не ранѣе IX вѣка. Не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ указаніе на то, что *сѣверное* племя дулѣбовъ вытѣснено *южнымъ* племенемъ волынянъ, оставившимъ черноморскія степи? Если это такъ, то движеніе это слѣдуетъ сопоставить съ сохранившимися въ лѣтописи извѣстіями о передвиженіи уличей и тиверцевъ. По свидѣтельству Начальнаго свода, уличи сидѣли внизъ по Днѣпру, а потомъ они перешли въ мѣстность между Южнымъ Бугомъ (Богъ) и Днѣстромъ. Повѣсть временныхъ лѣтъ въ первоначальной своей редакціи, какъ можно предполагать, говорила о жительствѣ тиверцевъ и уличей такъ: „а оуличи и тиверци присѣдяху къ Дунаеви и бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Богу и по Днѣстру оли до моря“ [3]) и т. д.

[1]) Лавр. подъ 907 г. (изд., стр. 29).

[2]) Такъ въ Лавр. сп. (изд., стр. 29, прим.); кажется, Богъ преимущественно означалъ Южный Бугъ, а Бугъ—Западный.

[3]) Въ Лавр., вслѣдствіе написанія Богу какъ бУ (подъ титломъ), явилось неправильное чтеніе: „а улучи, тиверци сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря“. Въ Ипат., Радзив. и Акад. сокращено: „а улучи и тиверци сѣдяху по Бугу и по Днепру“, но въ Переяслав.: „сѣдяхоу по Боугоу и Днѣстроу и до Доуная, и бѣ множьство ихъ и до моря“. Въ Софійск. и сходныхъ сп. близко къ предположенной редакціи: „присѣдяху къ Дунаеви; и бѣ множество ихъ сѣдяху по Днѣстру полны до моря“.

Библиотека "Руниверс"

Очевидно, южныя племена получили толчокъ съ востока, заставившій ихъ оставить Приднѣпровье и сосредоточиться въ такъ называемомъ Побережьѣ, древнемъ Понизовьѣ (мѣстность между Бугомъ и Днѣстромъ). Весьма вѣроятно, что такое движеніе уличей (о нихъ однихъ говоритъ Начальный сводъ) повліяло на движеніе волынянъ къ сѣверу, въ страну дулѣбовъ. Сходное мнѣніе высказано и г. Андріашевымъ въ „Очеркѣ исторіи волынской земли", гдѣ предположено, что распространеніе волынянъ къ сѣверу вызвано давленіемъ сильныхъ племенъ уличей и тиверцевъ, занимавшихъ страну къ югу отъ Волыни (стр. 27), но г. Андріашевъ ошибочно отожествляетъ дулѣбовъ съ волынянами и бужанами (стр. 28). Мы находимъ у этого историка весьма любопытныя соображенія о столкновеніи волынянъ съ древлянами и дреговичами и думаемъ, что въ общемъ онъ далъ намъ вѣрную картину той борьбы, которая происходила между южными племенами въ бассейнахъ Днѣпра и обоихъ Буговъ. Но нѣкоторыя частныя его замѣчанія могутъ вызвать возраженія: такъ, напримѣръ, мнѣ представляется мало вѣроятнымъ, чтобы уличи и тиверцы въ поступательномъ движеніи своемъ къ сѣверу заняли часть позднѣйшей Кіевщины, населенной древлянами и уже пронизанной во всѣхъ направленіяхъ волынянами (стр. 37). Внимательное отношеніе къ этнографическимъ даннымъ нашей лѣтописи указываетъ, во-первыхъ, на то, что уличи и тиверцы могли распространяться на сѣверъ только въ болѣе западномъ направленіи, во-вторыхъ, на то, что въ столкновеніи южно-русскихъ племенъ принимали участіе не только древляне и волыняне, уличи и тиверцы, но также дулѣбы и бужане, которыхъ ни въ коемъ случаѣ нельзя отожествить съ волынянами. Соображая все это, я думаю, что сѣверныя племена были оттѣснены южными съ двухъ сторонъ: сначала, волыняне потѣснили древлянъ и дулѣбовъ: древлянъ они вытѣснили изъ Погорыни, чѣмъ и объясняется, по вѣрному замѣчанію Андріашева, упорная борьба изъ за этой области между кіевскими и волынскими князьями, дулѣбовъ же они частью ассимилировали себѣ, а частью оттѣснили къ сѣверу: вѣроятно, это движеніе дулѣбовъ къ сѣверу имѣло слѣдствіемъ столкновеніе съ ятвягами и оттѣсненіе этого племени къ сѣверо-западу. Ранняя связь ятвяговъ „съ вновь возникшимъ русскимъ государствомъ" (походы 983 и 1038 г.), говоритъ Барсовъ, „приводитъ къ мысли, что въ эпоху начальной лѣтописи они жили гораздо южнѣе, гораздо ближе къ кореннымъ славянскимъ поселеніямъ и къ

Библиотека "Руниверс"

русскимъ предѣламъ“ [1]). Въ настоящее время въ Подляшіи, гдѣ, по всей вѣроятности, жили нѣкогда ятвяги [2]), находится сплошное русское населеніе. Языкъ показываетъ, что это—сѣверные малоруссы, близкіе, но однако не тожественные въ діалектическомъ отношеніи къ восточнымъ или точнѣе юго-восточнымъ своимъ сосѣдямъ — полѣхамъ. Очевидно, южно-русскія племена продвинулись въ Гродненскую и Сѣдлецкую губерніи уже въ историческое время, при чемъ туда пришли, можетъ быть, именно бужане и дулѣбы, тѣснимые съ юга волынянами: по указанію Костомарова, въ Гродненской губерніи есть селеніе Дулебы; это же названіе встрѣчаемъ на югѣ Минской губерніи (въ Игуменскомъ уѣздѣ), что также можетъ свидѣтельствовать о томъ, какъ далеко должны были пройдти къ сѣверу сѣверномалорусскія племена, отступая передъ напоромъ южныхъ. Для доказательства этнографической связи населенія, захватившаго къ XI вѣку сѣверную часть Припетскаго бассейна, гдѣ раньше, согласно преданію, занесенному въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, и согласно показанію позднѣйшихъ лѣтописей, жили дреговичи, весьма важно то, что Туровское и Пинское княжества, нѣкогда тянувшія къ Полоцку [3]), съ XI вѣка соединены съ Кіевскою землею. Равнымъ образомъ любопытно, что Берестейская земля (то-есть, часть Подляшья) сперва принадлежала кіевскому княжеству, а въ половинѣ XII столѣтія перешла въ руки волынскихъ князей [4]): это можно объяснить такъ, что вторженіе волынянъ оторвало бужанъ отъ соплеменнаго имъ населенія Кіевской области. Указаніе на поступательное движеніе къ сѣверу южно-русскихъ племенъ даютъ и археологическія данныя: изслѣдованія Завитневича показали, что южный берегъ Припети былъ заселенъ смѣшаннымъ населеніемъ, древлянско-дреговичскимъ, какъ его опредѣляетъ почтенный ученый, основывающій свои заключенія на погребальныхъ типахъ. Повидимому, это обстоятельство доказываетъ, что первоначально область дреговичей простиралась и на югъ отъ Припети, при чемъ впослѣдствіи они были разрѣжены здѣсь древ-

---

[1]) *Барсовъ*, Очерки русской исторической географіи, стр. 39; *Андріашевъ*, l. c., стр. 118.

[2]) Учебный атласъ по русской исторіи *Замысловскаго* помѣщаетъ ятвяговъ въ западной части Гродненской губерніи.

[3]) Ср. извѣстіе о томъ, что Рогволодъ княжилъ въ Полоцкѣ, а Туры въ Туровѣ, „отъ него же и Туровци прозвашася“ (Лавр., стр. 74).

[4]) *Андріашевъ*, Очерки исторіи волынской земли, стр. 46.

Библиотека "Руниверс"

лянами [1]). Языкъ этой мѣстности, то-есть, Мозырскаго и Пинскаго уѣздовъ, представляетъ до сихъ поръ пеструю смѣсь средне-русскихъ акающихъ (дреговичскихъ) и малорусскихъ (древлянскихъ) говоровъ. Признавъ такимъ образомъ несомнѣннымъ поступательное движеніе къ сѣверу племенъ южно-русскихъ и поставивъ его въ связь со вторженіемъ волынянъ въ область древлянъ, дулѣбовъ и бужанъ, обращаемся къ сходному движенію и на западѣ территоріи, издревле занятой южно-русскою племеной группой. Первоначально, центромъ Галицкой области былъ Перемышль, расположенный на Санѣ, притокѣ Вислы: это былъ городъ хорватовъ, зависѣвшихъ отъ кіевскаго князя. Но въ концѣ XI вѣка рядомъ съ Перемышлемъ видимъ на юго-западѣ самостоятельный удѣлъ Теребовльскій, а въ серединѣ XII вѣка политическій центръ Червоной Руси переносится съ сѣвера на югъ—въ бассейнъ Днѣстра: Галичъ, о которомъ, до второй четверти XII вѣка, совершенно умалчиваютъ лѣтописи, становится стольнымъ городомъ самостоятельнаго княжества, проявляющаго въ борьбѣ съ кіевскимъ княземъ такое могущество, о которомъ несчастный Василько въ концѣ XI вѣка могъ еще только мечтать. Мнѣ кажется, что этотъ ростъ Галицкой области, равно какъ перенесеніе политическаго центра съ сѣвера на югъ, должно объяснять поступательнымъ движеніемъ тиверцевъ и уличей въ область хорватовъ. Замѣчательно, что Перемышль, отошедшій въ 1071 году къ Польшѣ, отвоевывается не кіевскимъ или волынскимъ княземъ, а князьями-изгоями, сыновьями Ростислава Владимировича. Очевидно, они опирались на силы какого-то племени, не входившаго въ составъ тѣхъ княжествъ, на которыя эти изгои, вслѣдствіе родовыхъ отношеній, утратили всякое право: но къ концу XI вѣка изъ русскихъ племенъ таковыми могли быть только тиверцы и уличи, сидѣвшіе, по ясному свидѣтельству лѣтописей, между Богомъ и Днѣстромъ. Итакъ, Ростиславичи, принятые этими племенами, а можетъ быть однимъ изъ этихъ племенъ (тиверцами), содѣйствовали какъ этнографическому ихъ распространенію (захватъ Перемышля), такъ и политическому возвышенію (созданіе Теребовльскаго княжества); уже при сынѣ Володаря Ростиславича—Владимирѣ древнія поселенія тиверцевъ и вновь присоединенная къ русскимъ владѣніямъ перемышльская земля объединяются подъ властью одного князя и тянутъ къ Галичу, несомнѣнно находившемуся въ области тиверцевъ. Итакъ, на западѣ малорусской

[1]) *Грушевскій*, Очеркъ исторіи Кіевской земли.

Библиотека "Руниверс"

территоріи имѣло мѣсто явленіе сходное съ тѣмъ, которое мы прослѣдили на востокѣ: южное племя тиверцевъ двигается въ область сѣвернаго племени хорватовъ; частью оба племени сливаются, а частью хорваты оставляютъ свои прежнія жительства и углубляются въ Карпаты. Такое предположеніе о смѣшанномъ характерѣ населенія современной Галиціи находитъ полное подтвержденіе въ данныхъ языка: во-первыхъ, мы находимъ въ Карпатахъ такіе говоры, которые несомнѣнно должно относить къ сѣверно-малорусской группѣ (ср. переходъ въ нихъ о долгаго въ у), во-вторыхъ, галицкое или червоно-русское нарѣчіе представляетъ на южно-малорусской основѣ рядъ сѣверно-малорусскихъ особенностей, каковы, напримѣръ, отвердѣніе *р*, отвердѣніе *т* въ 3-мъ *л.* обоихъ чиселъ, измѣненіе *а* подъ вліяніемъ предшествующихъ смягченныхъ согласныхъ въ направленіе къ *е*, совпаденіе *ы* и *и* въ звукѣ *ы* и т. д.

Соображая все вышесказанное объ исторической судьбѣ южнорусскихъ племенъ, я заключаю, что къ сѣверной вѣтви южно-русской группы принадлежали хорваты, бужане, жившіе по Западному Бугу, дулѣбы, жившіе нѣкогда по Южному Бугу, древляне, и наконецъ, поляне; къ южной вѣтви этой группы относились тиверцы, уличи и волыняне. Трудно оспаривать соплеменность полянъ съ древлянами: весьма важно, что въ историческое время (начиная съ XI вѣка) польская и деревская земли нерасторжимы; важно и то, что кіевскіе князья борются съ волынскими изъ за коренной области деревлянъ—Погорыни, отторгнутой отъ нихъ вслѣдствіе вторженія волынянъ; любопытно и то, что политическое вліяніе Кіева распространяется вмѣстѣ съ поступательнымъ движеніемъ древлянъ къ сѣверу: на сѣверѣ отъ Припети, Турово-Пинское княжество становится кіевскимъ удѣломъ, очевидно, подъ вліяніемъ древлянской колонизаціи въ область дреговичей. Но лѣтописецъ рѣзкими чертами отдѣлилъ нравы и бытъ полянъ отъ древлянъ: изъ его разказа ясно, что поляне были болѣе культурнымъ племенемъ, чѣмъ древляне, но, разумѣется, отсюда нельзя заключать противъ ихъ единоплеменности. Бо́льшая культурность полянъ была обусловлена географическимъ положеніемъ ихъ поселеній: нѣтъ сомнѣнія, что племя это было немногочисленно; кромѣ Кіева, нельзя назвать другаго значительнаго города на польской территоріи; эта территорія занимала небольшое пространство, окаймленное съ востока Днѣпромъ [1]), съ сѣверо-запада

[1]) За Днѣпромъ Кіеву предполо́жительно принадлежала узкая береговая полоса. *Грушевскій*, Очеркъ исторіи Кіевской земли.

Библиотека "Руниверс"

и сѣвера Тетеревомъ, съ юга Росью, а на западѣ врядъ ли доходившее до верхняго теченія Случа. Въ виду этого весьма вѣроятно предположить, что сѣверно-малорусскіе поляне были весьма немногочисленнымъ племенемъ, рано подвергшимся вліянію культурнаго центра—Кіева, созданнаго, конечно, не одними мирными земледѣльцами, но также военно-торговымъ движеніемъ по рѣкѣ Днѣпру. Позднѣйшее обще-русское значеніе Кіева создалось, какъ объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ исторія, не одними полянами: оно создалось, а вѣрнѣе создавалось нѣсколько разъ политическимъ союзомъ, завязывавшимся на сѣверѣ при помощи варяговъ. Этимъ исключительнымъ положеніемъ Кіева въ значительной степени объясняется то исключительное среди другихъ русскихъ племенъ положеніе полянъ, которыхъ лѣтописецъ, въ противоположность остальнымъ славянамъ, называетъ мужами мудрыми и смысленными. Оно же объясняетъ намъ, почему нѣкоторые древніе памятники, писанные въ Кіевѣ, не содержатъ тѣхъ рѣзкихъ діалектическихъ особенностей, которыми отличаются памятники новгородскіе или даже сосѣднихъ въ Кіевомъ городовъ деревской, волынской, можетъ быть, даже самой польской земли: очевидно, въ обще-русскомъ городѣ создалось такое нарѣчіе, которое утратило или сгладило наиболѣе рѣзкія діалектическія черты. Мы увидимъ ниже, какъ съ теченіемъ времени создалось подобное нарѣчіе, получившее значеніе обще-русскаго языка, въ Москвѣ—одной изъ преемницъ политической роли Кіева. Доказательства того, что въ Кіевѣ говорили иначе, чѣмъ въ сосѣднихъ южно-русскихъ городахъ, у насъ на лицо: они представляются настолько значительными, что побудили лучшаго изслѣдователя исторіи русскаго языка А. И. Соболевскаго сначала допустить въ Кіевѣ присутствіе велико-руссовъ, а впослѣдствіи—одного изъ тѣхъ племенъ, которыя со временемъ образовали великорусское племя [1]). Конечно, предположеніе о смѣшанномъ

[1]) Отмѣчу, что словарный составъ нашихъ кіевскихъ лѣтописей также доказываетъ смѣшанный характеръ кіевскаго говора: лѣтописецъ употребляетъ слово истьба, не извѣстное южно-русскому племени; онъ влагаетъ въ уста Мономаха слово лошадь, описывая Долобскій съѣздъ: въ этой формѣ оно не извѣстно въ мало-русскихъ говорахъ. Несомнѣнно, что на говорѣ князей и дружины, имѣвшихъ обще-русскій характеръ, благодаря постояннымъ ихъ передвиженіямъ, еще ясиѣе должно было отразиться вліяніе разныхъ русскихъ нарѣчій. Слово лошадь, вѣроятно, было извѣстно сѣверянамъ; то же можно утверждать относительно слова изба, такъ какъ заимствованіе его въ языкъ кумановъ (ухъа) ясно доказываетъ употребленіе его русскимъ племенемъ, сосѣдившимъ со степью.

Библиотека "Руниверс"

характерѣ Кіевскаго населенія дѣлаетъ совершенно излишнею гипотезу Соболевскаго, въ значительной степени вызванную теоріей Погодина, признававшаго возможнымъ переселеніе русскаго племени изъ Приднѣпровья въ при-окскую область послѣ татарскаго нашествія. Но во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ основанія не признать кіевскаго населенія южно-русскимъ, хотя оно было въ самомъ городѣ значительно разрѣжено другими русскими племенами и всего вѣроятнѣе сѣверянами, сидѣвшими густыми массами по противоположному берегу Днѣпра: ихъ города Черниговъ и Переяславль соперничали съ Кіевомъ въ политическомъ и торговомъ значеніи, а Переяславль, расположенный отъ Кіева всего въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды, былъ одно время митрополіей. Между тѣмъ допустить, чтобы сѣверяне были одноплеменны съ полянами и прочими южно-русскими племенами, мы не имѣемъ основанія: политическая судьба Чернигова, съ одной стороны, Переяславля, ставшаго отчиной князей владимірскихъ, съ другой, ясно, думаю, свидѣтельствуетъ, что сѣверяне и поляне никогда не могли создать общаго племеннаго центра, а впослѣдствіи, при распаденіи Руси на области, образовать одну общую область.

Подводя итогъ всему вышеизложенному, видимъ, что уже къ началу нашей исторіи русская семья распадалась на три племенныя группы, коихъ составъ и приблизительныя мѣста жительства мы старались выше опредѣлить. Языкъ свидѣтельствуетъ о древности и первоначальности такого дѣленія, такъ какъ уже въ памятникахъ XI вѣка находимъ типичныя особенности сѣверно-русскихъ говоровъ, а въ памятникахъ XII вѣка, какъ это убѣдительно доказалъ Соболевскій, выступаютъ особенности малорусскія. Отсюда слѣдуетъ, что къ тому же времени сложились типическія особенности средне-русскаго нарѣчія, тѣмъ болѣе, что эти особенности (напримѣръ, аканіе), общія всѣмъ говорамъ средне-русскаго нарѣчія, не могли образоваться позже XII вѣка, когда восточная вѣтвь средне-руссовъ и въ политическомъ и въ культурномъ отношеніи начала отдѣляться отъ западныхъ вѣтвей этого племени.

Прежде чѣмъ перейдти къ разсмотрѣнію послѣдующихъ судебъ русскаго народа, содѣйствовавшихъ образованію въ немъ новыхъ народностей и новыхъ нарѣчій, я отмѣчу въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ главныя направленія въ движеніяхъ русскаго населенія, которыя повели сначала къ заселенію Россіи въ тѣхъ пространствахъ, гдѣ застаетъ славянъ древняя лѣтопись, а потомъ къ взаимнымъ столкновеніямъ между отдѣльными племенами русскими. Движеніе въ первое

Библиотека "Руниверс"

время идетъ съ запада на востокъ: это доказывается какъ появленіемъ радимичей и вятичей въ средней Россіи изъ предѣловъ, порубежныхъ съ польскимъ племенемъ, такъ и колонизаціоннымъ движеніемъ кривичей въ области, занятыя финскимъ племенемъ: въ IX вѣкѣ кривичи достигаютъ нижней части бассейна Оки и втягиваютъ Мурому въ сѣверно-русскій политическій союзъ; наконецъ, сѣверяне путемъ частью мирной колонизаціи, а частью и воинственныхъ набѣговъ достигаютъ Дона, осаживаясь тамъ въ значительномъ количествѣ. Одновременно происходитъ движеніе на югъ и притомъ не только на юго-востокъ (Тмутаракань, походы русскихъ къ Каспійскому морю), но и на югъ и юго-западъ [1]). Сѣверно-русскія племена стремятся въ Приднѣпровье и сплачиваются для этой цѣли въ политическіе союзы; вмѣстѣ съ южными племенами они производятъ набѣги на Царьградъ, причемъ походы ихъ имѣютъ главною цѣлью грабежъ и добываніе средствъ къ жизни; въ концѣ X вѣка южно-русскій князь Святославъ становится прочной ногой по ту сторону Дуная и объявляетъ Переяславецъ центромъ своей земли. Но, одновременно съ этой хвастливой рѣчью удалаго князя, на югѣ Россіи происходятъ событія, измѣнившія весь ходъ нашей исторіи. Въ южныя степи вторгаются дикія тюркскія орды, уже не сдерживаемыя культурнымъ царствомъ хазарскимъ, окончательно разрушеннымъ тѣмъ же Святославомъ. Въ концѣ X вѣка онѣ сметаютъ осѣдлое населеніе южной Руси и доходятъ до самаго Кіева; неудачи Святослава, можетъ быть, объясняются появленіемъ у него въ тылу печенѣговъ, въ сраженіи съ которыми онъ и падаетъ у днѣпровскихъ пороговъ. Печенѣги и узы господствуютъ въ южныхъ степяхъ до середины XI вѣка и тревожатъ предѣлы самой византійской имперіи, превративъ при-дунайскія степи въ свои пастбища; ихъ смѣняютъ въ XI вѣкѣ еще болѣе могущественные половцы. Такимъ образомъ и на востокѣ и на крайнемъ западѣ зашедшія на югъ русскія племена частью подверглись истребленію кочевниковъ, а частью подъ напоромъ ихъ были принуждены искать себѣ новыхъ жилищъ. До насъ сохранились указанія на эти движенія русскихъ племенъ: сначала они устрем-

[1]) Весьма любопытныя данныя о древнихъ русскихъ поселеніяхъ на сѣверѣ отъ нижняго Дуная приведены *В. Г. Васильевскимъ* въ его статьѣ „Византія и Печенѣги“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1872 г., декабрь, стр. 299 и слѣд.). Ср. также у *К. Грота*, Моравія и Мадьяры, стр. 63—66 и 279; у *И. Филевича*, Исторія древней Руси.

Библиотека "Руниверс"

ляются съ востока на западъ, не покидая излюбленнаго юга; уличи, сидѣвшіе внизъ по Днѣпру (очевидно до самаго моря), удаляются къ западу и поселяются между южнымъ Бугомъ и Днѣстромъ. Тиверцы и уличи по преданію, занесенному въ лѣтопись, сидѣли нѣкогда гораздо южнѣе, чѣмъ впослѣдствіи: ихъ поселенія доходили до Дуная и до моря; оставленные ими города сохраняли свои имена (а можетъ быть и часть жителей) [1]) до временъ лѣтописца. Это указываетъ уже на послѣдующее за первымъ ударомъ степныхъ ордъ движеніе южно-русскихъ племенъ: не находя безопасности и на юго-западѣ, они устремились къ сѣверу. И это движеніе къ сѣверу, начатое племенами, сидѣвшими въ южно-русскихъ и при-дунайскихъ степяхъ, передается другимъ сосѣднимъ племенамъ. Такимъ образомъ на смѣну прежняго направленія къ югу является другое направленіе русскихъ племенъ—къ сѣверу. На крайнемъ востокѣ вверхъ по Дону поднимаются сѣверяне и осаживаются въ при-окскомъ бассейнѣ, встрѣтившись здѣсь съ кривичами: на берегахъ Оки происходитъ столкновеніе двухъ русскихъ племенъ, столкновеніе, отразившееся и на мѣстныхъ говорахъ. Любопытныя изслѣдованія Е. Ѳ. Будде доказали, что въ за-окской части Рязанской губерніи существовалъ нѣкогда сѣверно-русскій (кривичскій) говоръ, съ теченіемъ времени ассимилировавшійся говорамъ южнымъ, но до сихъ поръ не утратившій своихъ типическихъ сѣверныхъ особенностей [2]): въ Касимовскомъ уѣздѣ, очевидно, сохранились тѣ находники, поселившіеся среди финской Муромы, которые входили въ IX вѣкѣ въ составъ сѣверно-русскаго союза. На юго-западѣ южныя вѣтви южно-русскаго племени тѣснятъ сѣверныя его вѣтви: древляне, дулѣбы и бужане выдерживаютъ нашествіе волынянъ: частью они ассимилируются имъ, сливаются съ ними, но частью они принуждены искать себѣ новыхъ жилищъ. Съ одной стороны, они переходятъ въ территорію дреговичей, уже окончательно оттѣснивъ ихъ и устремившись вслѣдъ за ними за рѣку Припеть; съ другой стороны, они вытѣсняютъ ятвяговъ и занимаютъ оставленную этимъ народомъ страну. Дреговичи въ свою очередь двигаются къ сѣверу и оттѣсняютъ Полоцкихъ кривичей; отсюда они стремятся еще далѣе къ сѣверу и доходятъ до области Изборскихъ кривичей. Изученіе языка полоцкихъ и рижскихъ памятниковъ доказываетъ, что полоцкій говоръ „былъ промежуточнымъ звеномъ между говорами сѣверныхъ

[1]) Ср. исторію Ивана Ростиславича Берладника.

[2]) Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, Казань, 1896 г.

Библиотека "Руниверс"

кривичей съ одной стороны и дреговичей съ другой“ [1]). Такой характеръ полоцкаго говора ясно доказываетъ, что въ Полоцкой области происходили столкновенія, а затѣмъ и смѣшеніе кривичей съ напиравшими на нихъ съ юга дреговичами. Изученіе языка Пскова еще яснѣе показываетъ, какъ далеко зашли уже къ началу XV вѣка дреговичи: Соболевскій, которому принадлежитъ честь открытія псковскаго говора, обнаружилъ въ его памятникахъ странное смѣшеніе буквъ е и ѧ (ꙗ), смѣшеніе, доказывающее, какъ мнѣ кажется, произношеніе неударяемыхъ е и ѣ какъ я въ этомъ говорѣ; это яканіе стоитъ въ тѣсной связи съ обнаруживаемымъ уже въ концѣ XIV вѣка псковскимъ аканіемъ (маскву и т. д.) [2]). Очевидно, кривичи были въ это время уже значительно разрѣжены, а частью, можетъ быть, и вытѣснены дреговичами, втянувшими новгородскій пригородъ Псковъ въ сферу полоцкихъ и литовско-русскихъ интересовъ. Движеніе южныхъ племенъ отразилось и въ Смоленской области: ея древніе поселенцы кривичи отступаютъ подъ напоромъ вятичей и сѣверянъ; въ результатѣ, въ современной Смоленской губерніи мы уже почти не можемъ обнаружить сѣверно-русскихъ особенностей говора [3]), но еще въ XIII столѣтіи видимъ въ памятникахъ, писанныхъ въ Смоленскѣ, почти тѣ же особенности, что въ полоцкихъ, а именно сочетаніе кривичскихъ (сѣверно-русскихъ) и радимичскихъ или вятичскихъ (средне-русскихъ) звуковыхъ чертъ. Переходя далѣе къ востоку, въ область верхняго Поволжья, видимъ такое же движеніе среднерусскаго племени къ сѣверу: согласно показанію Повѣсти временныхъ лѣтъ, истоки Волги находились въ мѣстности, заселенной кривичами, но та же лѣтопись, повторяя при этомъ извѣстіе Начальнаго свода, говоритъ подъ 964 годомъ, что Святославъ нашелъ вятичей не только на Окѣ, но и на Волгѣ; кажется, это сообщеніе можетъ свидѣтельствовать о томъ, что въ концѣ XI вѣка, когда возникъ Начальный сводъ, вятичи, сидѣвшіе раньше на Окѣ, продвинулись дальше къ сѣверу, оттѣснивъ кривичей, а частью смѣшавшись съ ними. Мы увидимъ ниже, что поступательное движеніе вятичей къ сѣверу стало еще рѣшительнѣе въ XIII вѣкѣ, послѣ нашествія татаръ, довершившихъ дѣло печенѣговъ и половцевъ и надолго отвоевавшихъ югъ у русскаго

---

[1]) *Соболевскій*, Смоленско-Полоцкій говоръ въ XIII—XV вв. (Отд. отт. изъ Р. Ф. В.).

[2]) *Соболевскій*, Очерки.

[3]) Впрочемъ, къ такимъ особенностямъ относится замѣненіе ч въ ц въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ уѣздахъ этой губерніи (ср. ниже).

Библиотека "Руниверс"

народа: современныя нарѣчія Тверской губерніи доказываютъ, что вятичскія поселенія захватывали почти всю территорію Тверскаго княжества, кромѣ восточной и сѣверо-восточной его части. Наконецъ, на крайнемъ юго-западѣ имѣетъ мѣсто явленіе, вполнѣ аналогичное съ тѣми, которыя мы можемъ прослѣдить на востокѣ и въ средней Россіи: тиверцы, оттѣсненные отъ Дуная и отъ моря, наводняютъ бассейнъ Днѣстра и частью вытѣсняютъ изъ него хорватовъ, отбрасывая ихъ къ западу за Карпаты, частью сливаются съ ними.

И такъ, броженіе русскихъ племенъ не остановилось и въ историческую эпоху: оно приняло только другое направленіе; будучи сначала наступательнымъ, оно стало оборонительнымъ по отношенію къ кочующимъ на югѣ ордамъ; нельзя уже было искать новыхъ земель на югѣ, надо было вести упорную борьбу частью между собой, частью же съ финнами изъ за мало плодородныхъ земель и лѣсныхъ пространствъ на сѣверѣ. Такимъ образомъ конецъ X вѣка надо считать поворотнымъ въ племенной жизни русскаго народа. Но еще раньше были заложены начала, которыя черезъ нѣкоторое время совершенно измѣнили племенной его бытъ, создавъ новыя формы общественной и политической жизни.

Въ IX вѣкѣ стремленіе къ югу русскихъ, а подъ вліяніемъ ихъ и жившихъ рядомъ съ ними финскихъ племенъ, было особенно напряженно: оно объясняется, вѣроятно, тѣми успѣхами, которые дѣлала русская колонизація, углубляясь къ югу и къ юго-востоку съ одной стороны, къ юго-западу съ другой; но въ благопріятныхъ условіяхъ оказывались только южно-русскія и средне-русскія племена, вошедшія въ политическій союзъ, образованный хазарскимъ царствомъ; радимичи, вятичи, сѣверяне и южно-русскія племена—это данники хазаръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они имѣютъ возможность безпрепятственно расширять свои поселенія, проникая даже въ самую глубь Хазаріи. Въ болѣе стѣсненномъ положеніи находятся племена сѣверно-русскія; свободный доступъ къ югу загражденъ для нихъ сидѣвшими южнѣе ихъ и находившимися подъ покровительствомъ хазаръ племенами. Сѣверно-русскія племена должны пробить себѣ дорогу къ югу и отыскать себѣ ту свободу движеній, которою пользуются ихъ южные сосѣди: для этого они заключаютъ между собою союзъ и ищутъ предводителя. Онъ нуженъ имъ не для того, чтобы судить ихъ и управлять ими, какъ разказываетъ позднѣйшая лѣтопись, а для того, чтобы руководить тѣмъ движеніемъ, которое обусловливалось, конечно, жизненными по-

Библиотека "Руниверс"

требностями,—движеніемъ къ югу, въ мѣста болѣе плодородныя и удобныя для жительства. Предъявляя такія требованія къ князю, признавая его прежде всего вождемъ, сѣверно-русскій союзъ нашелъ его среди воинственныхъ варяговъ, предлагавшихъ и тогда, какъ и впослѣдствіи русскимъ князьямъ, свои услуги за извѣстную плату. Рюрикъ, имя котораго сохранило преданіе, былъ начальникомъ наемной дружины. Вѣроятнѣе всего, что уже этотъ князь началъ борьбу съ сосѣдними племенами, пробиваясь къ югу: наши свѣдѣнія о событіяхъ и отношеніяхъ IX вѣка весьма скудны; память о нихъ была затемнена уже ко времени составленія лѣтописи, что видно хотя бы изъ того, что Начальный сводъ называетъ преемникомъ Рюрика сына его Игоря, а Олега признаетъ воеводой, между тѣмъ какъ Повѣсть временныхъ лѣтъ говоритъ о княженіи Олега въ малолѣтство Игоря. Смѣшеніе преданіемъ понятій князь и воевода весьма характерно: Олегъ, который осуществилъ стремленія сѣверно-русскаго союза и повелъ словѣнъ, кривичей, чудь, мерю и весь сначала къ Смоленску, потомъ къ Кіеву, былъ прежде всего военачальникомъ; въ качествѣ такового, онъ становится во главѣ огромныхъ полчищъ, состоявшихъ изъ племенъ сѣверныхъ, южныхъ и средне-русскихъ, и въ началѣ X вѣка устремляется съ ними къ югу—на Царьградъ. Появленіе къ концѣ IX вѣка одного общерусскаго союза на мѣсто ранѣе того завязавшагося союза сѣверно-русскаго указываетъ прежде всего на то, что средне-русскія и южно-русскія племена преслѣдовали тѣ же задачи, стремились къ той же цѣли, что сѣверно-русскія: имъ надо было расширять свои поселенія къ югу и удовлетворять своимъ воинственнымъ стремленіямъ, охватившимъ ихъ въ то переходное въ ихъ жизни время. Весьма вѣроятно, что эти общія цѣли и задачи, еще раньше образованія обширныхъ племенныхъ союзовъ, содѣйствовали сближенію племенъ между собой: Кіевъ, какъ это видно изъ преданія объ Аскольдѣ и Дирѣ, имѣлъ политическое значеніе и до образованія при Олегѣ обще-русскаго союза; очевидно, онъ былъ центромъ, объединявшимъ нѣкоторыя изъ русскихъ племенъ и всего вѣроятнѣе—полянъ съ сѣверянами. Такимъ образомъ, рядомъ съ разрозненностью племенъ, отсутствіемъ земельнаго единства, замѣчаются централизаціонныя стремленія ихъ: они завязываютъ между собою болѣе или менѣе обширные союзы, создаютъ общіе торговые и политическіе центры. Эти два противоположныя теченія сказались, конечно, и въ языкѣ: древне-русскій языкъ разбился на нарѣчія и говоры, но во многихъ точкахъ соприкосновенія отдѣльныхъ племенъ—въ городахъ

Библиотека "Руниверс"

эти говоры, сближаясь, вліяли другъ на друга и частью сглаживали рѣзкія діалектическія особенности, частью же звуковыя явленія одного говора переносились въ другіе сосѣдніе съ нимъ говоры. Культурное превосходство одного племени давало ему возможность вліять на своихъ сосѣдей: такъ, повидимому, еще въ доисторическое время началось вліяніе сѣверянъ на вятичей и радимичей, вліяніе, сказавшееся впослѣдствіи въ почти полномъ единствѣ языка. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что основанія для обще-русскаго союза были заложены еще ранѣе образованія его при Олегѣ: всѣ русскія племена нуждались въ общемъ военачальникѣ, который направитъ ихъ силы въ наступательномъ движеніи ихъ на югъ. Олегъ, Игорь, Святославъ—это прежде всего предводители того стихійнаго движенія, которое влекло русскія племена къ югу; такъ же, какъ въ эпоху великаго переселенія народа, цѣлый рядъ племенъ и народовъ былъ охваченъ стремленіемъ на югъ и на западъ: лѣтопись указываетъ на число 2.000 кораблей въ походѣ Олега на Царьградъ, греческая хроника приводитъ число 10.000, опредѣляя число гребныхъ лодокъ Игоревыхъ.

Мы видѣли выше, что въ концѣ X вѣка движеніе на югъ стало уже невозможнымъ: ему помѣшали тюркскія орды печенѣговъ и узовъ. Съ этого времени начинается обратное движеніе русскихъ племенъ къ сѣверу. Обще-русскому союзу грозитъ опасность распасться, такъ какъ онъ уже не можетъ осуществить тѣхъ задачъ, для которыхъ возникъ. На смѣну прежнихъ централизаціонныхъ стремленій племенъ выступаютъ ихъ взаимная вражда, ихъ естественная разрозненность. Но единство народное и земельное поддерживается объединительными стремленіями другаго происхожденія и начала: созданная въ предшествующій періодъ центральная власть старается сохранить свое значеніе. Стремленіе къ распаденію сказывается прежде всего на югѣ, то-есть тамъ, гдѣ прежде всего должно было остановиться движеніе: сѣверныя племена съ Владиміромъ во главѣ при помощи наемныхъ варяговъ, возстановляютъ единство. Тотъ же Владиміръ усмиряетъ въ 981—984 гг. вятичей и радимичей, въ 992 г. хорватовъ: эти племена участвовали вмѣстѣ съ полянами и другими племенами въ походѣ Олега на Царьградъ. И такъ, центральная власть, созданная союзомъ племенъ, сама поддерживаетъ единство распадающагося союза, для чего строитъ города, черезъ которые власть исполняетъ свою задачу—поддержать связь отдѣльныхъ земель съ центромъ и обезпечить имъ широкое существованіе. На сѣверѣ, какъ указано, не такъ скоро явились

Библиотека "Руниверс"

стремленія къ разрушенію союза, какъ на югѣ: но за то на югѣ общая опасность отъ кочевниковъ налагаетъ новую обязанность на центральную власть и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышаетъ ея значеніе, поддерживая такимъ образомъ единство союза и здѣсь. Событія, послѣдовавшія за смертью Владимира, показываютъ, однако, какъ непроченъ этотъ союзъ: дреговичи и полоцкіе кривичи совершенно обособляются отъ остальныхъ племенъ. Распавшееся между этими послѣдними единство возстановляется опять-таки сѣверными племенами и наемною варяжскою дружиной Ярослава. Тѣмъ не менѣе средне-русскія племена (сѣверяне), подобно дреговичамъ, долгое время отстаиваютъ свою самостоятельность: они имѣютъ своего князя въ лицѣ Мстислава Владимировича и въ 1024 году побѣдоносно отражаютъ варяговъ и сѣверныя ополченія. Весьма вѣроятно, что только общая опасность отъ печенѣговъ принудила сѣверянъ признать Ярослава своимъ княземъ, тѣмъ болѣе, что южныя племена, какъ это показываютъ событія 1036 года, не могли справится съ дикими кочевниками однѣми своими силами и должны были обратиться за помощью къ новгородцамъ и варягамъ. При Ярославѣ централизація земли достигла высшаго своего напряженія: вѣроятно, князь воспользовался для своего усиленія тѣмъ бродячимъ состояніемъ, въ которомъ находились русскія племена, благодаря движенію съ юга на сѣверъ, движенію, вызванному постоянно прибывавшими силами степныхъ ордъ. Ярославу приходилось вести упорную борьбу съ сосѣдями, которыхъ русскія племена должны были потѣснить въ своемъ стремленіи на сѣверъ: поляки, литва и ятвяги постоянно борются съ кіевскимъ княземъ, которому приходится одновременно строить города и на финскомъ сѣверо-востокѣ, необходимые для наступательнаго движенія туда русской колонизаціи, и на степныхъ южныхъ окраинахъ для охраны отступавшаго къ сѣверу населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ княжеская власть еще со временъ Владимира должна были осуществлять культурную задачу обще-русскаго характера: христіанство распространялось изъ центра и черезъ города проникало въ отдаленнѣйшіе уголки земли русской. Нѣтъ сомнѣнія, что и это поддерживало единство земли и возвышало значеніе князя, подготовляя вмѣстѣ съ тѣмъ совершенное измѣненіе прежнихъ общественныхъ и политическихъ формъ жизни. Пока русскія племена не осѣли вполнѣ на занятыхъ ими земляхъ, пока имъ было возможно мечтать о наступательномъ движеніи и о пріобрѣтеніи новыхъ земель, до тѣхъ поръ на Руси господствовалъ племенной бытъ. Съ прекращеніемъ движенія на югъ, имъ пришлось стать ближе къ землѣ

Библиотека "Руниверс"

и оградить ее отъ захвата сосѣдей, пришлось отвоевывать другъ у друга мѣста, удобныя для поселеній, и размежеваться между собой: племенныя отношенія уступили мѣсто отношеніямъ земельнымъ или областнымъ. Тѣ и другія отношенія не могли, конечно, совпадать между собой: одно и то же племя, занявъ удаленныя другъ отъ друга земли, могло войдти въ составъ различныхъ областей и, напротивъ, близкое сосѣдство племенъ, принадлежащихъ различнымъ группамъ, создавало между ними областное единство и тѣсныя земельныя отношенія. Наконецъ, третьимъ, дѣйствовавшимъ при этомъ началомъ была княжеская власть, исходившая изъ общаго центра, созданнаго въ предшествующую эпоху союзомъ русскихъ племенъ. Центральная власть, племя и земля—вотъ, что создавало и видоизмѣняло общественныя и политическія отношенія первыхъ вѣковъ нашей исторіи: союзъ князя и земли привелъ со временемъ къ уничтоженію племени. „Подъ вліяніемъ княжеской власти, говоритъ Соловьевъ, совершился переходъ народонаселенія изъ племеннаго быта въ областной“, но начало областнаго быта было положено необходимостью прочно осѣсть на землѣ. Со второй половины XI вѣка лѣтописецъ уже не говоритъ о племенахъ: вмѣсто полянъ у него являются кіяне, вмѣсто сѣверянъ—черниговцы и переяславцы, вмѣсто мери—суздальцы, ростовцы; равнымъ образомъ, вмѣсто польской, кривичской, сѣверской земли, онъ употребляетъ названія городовъ: Кіевъ, Смоленскъ, Черниговъ. Но хотя областное дѣленіе и замѣнило со временъ Ярослава прежнее племенное дѣленіе, тѣмъ не менѣе племя пережило образованіе области и въ значительной степени отразило свое вліяніе на тотъ областной бытъ, который характеризуетъ періодъ удѣловъ. Вліяніе это сказалось, во-первыхъ, въ розни, существовавшей между областями и смѣнившей прежнюю племенную рознь; удѣльныя усобицы въ значительной части вызваны не князьями, а самими областями; такъ области не соглашались признавать родовыхъ счетовъ княжескаго дома; поэтому многія изъ нихъ рано выдѣляются изъ системы удѣловъ и становятся вотчиной той или другой княжеской вѣтви; нерѣдко область не признаетъ за княземъ тѣхъ правъ, которыя даетъ ему рожденіе, и принимаетъ къ себѣ младшаго помимо старшаго. Не удѣльная система раздробила русскую землю; сама она стала возможной въ силу того, что земля не сознавала своего единства и переживала въ новомъ областномъ своемъ бытѣ прежнюю племенную вражду. Напротивъ, удѣльная система, какъ это высказалъ Костомаровъ, содѣйствовала объединенію земли, такъ какъ областной и

Библиотека "Руниверс"

прежней племенной разробленности было противоставлено единство княжескаго рода; враждебныя между собою волости видѣли у себя не только родственныхъ между собой князей, но часто объединялись подъ властью одного князя (Черниговъ и Кіевъ при Святославѣ Ярославичѣ, Кіевъ и Ростовъ при Юріи Долгорукомъ и т. д.). Вліяніе племени на областной бытъ отразилось, во-вторыхъ, въ томъ, что оно задерживало развитіе области и княжеской власти въ областномъ центрѣ: среди областей, на которыя въ XII вѣкѣ распалась русская земля, однѣ развиваются быстрѣе другихъ. Развитіе области находится въ самой тѣсной связи съ племенными отношеніями, въ ней господствующими. Въ той области, гдѣ областное населеніе принадлежитъ по составу своему къ одному племени, княжеская власть не можетъ достичь того напряженія, какъ въ областяхъ съ населеніемъ смѣшаннымъ, разноплеменнымъ: она парализуется господствомъ старыхъ, племенныхъ отношеній, не мирящихся съ новыми формами жизни; князь долженъ считаться съ вѣчемъ стольнаго города, и представители племени соперничаютъ въ своемъ вліяніи на князя съ его дружинниками и боярами. Вотъ почему ни въ Черниговѣ, ни въ Переяславлѣ, ни въ самомъ Кіевѣ областной строй не могъ укрѣпиться настолько, чтобы затѣмъ перейдти въ строй государственный; въ Новгородѣ же княжеская власть почти не имѣла развитія, почему земельныя отношенія и приняли здѣсь совершенно своеобразный характеръ. Напротивъ, въ областяхъ съ населеніемъ смѣшаннымъ, гдѣ столкнулось нѣсколько разнородныхъ племенъ, гдѣ къ тому же, рядомъ съ русскимъ населеніемъ, сидѣло инородческое, новыя земельныя отношенія, въ союзѣ съ княжескою властью, создаютъ прочный областной строй и парализуютъ всякія племенныя начала. Таковы были области на окраинахъ русской земли — на сѣверо-востокѣ, сѣверо-западѣ и юго-западѣ ея. Въ Ростовской области, занимавшей среднее Поволжье и сѣверную часть бассейна Оки, столкнулись колонисты двухъ различныхъ племенныхъ группъ—сѣверно-русской и средне-русской. Сѣверно-русскіе кривичи проникли сюда по Волгѣ, а средне-русскіе вятичи по Москвѣ, притоку Оки [1]); кромѣ того, къ концу XI вѣка въ эту же область проникаютъ изъ рязанской земли сѣверяне и осаживаются здѣсь среди русскаго и финскаго населенія [2]). Столкновеніе различныхъ русскихъ

[1]) Въ колонизаціи Ростовско-Суздальской области, по крайней мѣрѣ южной ея части, вятичи издавна принимали дѣятельное участіе (*Барсовъ*, Очерки ист. геогр.).

[2]) Вспомнимъ объ основаніи Переяславля Залѣсскаго на рѣкѣ Трубежѣ въ воспоминаніе какъ южнаго, такъ и рязанскаго Переяславля на рѣчкѣ того же имени.

Библиотека "Руниверс"

племенъ, необходимость поддержки ихъ въ борьбѣ съ мерей, а также огражденія ихъ отъ волжскихъ болгаръ ставятъ мѣстному князю рядъ областныхъ задачъ, возвышающихъ его значеніе и дѣлающихъ его, а не тотъ или другой городъ, средоточіемъ земли: ср. перенесеніе княжескаго стола изъ Ростова въ Суздаль, а потомъ во Владиміръ.

Въ Полоцкой области происходила, какъ мы видѣли, борьба трехъ русскихъ племенъ: на сѣверѣ кривичей, на югѣ дреговичей, тѣснимыхъ въ свою очередь съ юга южно-русскими древлянами; западная граница области была не безопасна отъ такихъ воинственныхъ сосѣдей, каковы литовскія племена, занимавшія прибрежья Балтійскаго моря. Все это требовало отъ князя сильнаго напряженія власти, тѣмъ болѣе что за колонизаціоннымъ движеніемъ древлянъ въ Полоцкую область протягивались руки могущественныхъ князей кіевскихъ и волынскихъ. Вѣроятно, это объясняетъ то значеніе, которое Изяславъ и его потомство получаютъ въ Полоцкой области: они не уступаютъ ея князьямъ другихъ княжескихъ линій, и только временно въ Полоцкѣ можетъ утвердиться тотъ или другой подручникъ южнорусскихъ князей. Червоная Русь, какъ указано выше, сложилась какъ отдѣльная область, послѣ вторженія тиверцевъ въ область хорватовъ: составъ населенія былъ такимъ образомъ смѣшанный, а на югѣ кромѣ того галицкому князю подчинено было довольно значительное волошское населеніе; западная и сѣверная границы, откуда угрожали венгры и поляки, весьма ревниво слѣдившіе за ростомъ Галича, и южная, открытая для набѣговъ кочевниковъ, отрѣзавшихъ тиверцевъ отъ моря,—требовали отъ галицкаго князя военнаго могущества, а это содѣйствовало, по крайней мѣрѣ въ началѣ, его значенію, обезпечивъ такимъ образомъ развитіе государственныхъ началъ въ этой области. Несомнѣнно, что и въ другихъ частяхъ русской земли были условія, которыми могли бы воспользоваться князья для расширенія своей власти, но ясно, что именно на окраинахъ скорѣе всего умолкала племенная рознь, уступая мѣсто интересамъ земли. Въ серединѣ XII вѣка видимъ уже окончательное разрушеніе общерусскаго племеннаго союза: въ значительной степени этому содѣйствуютъ наиболѣе видные представители тѣхъ новыхъ началъ, по которымъ пошла народная жизнь,—князья суздальскій и галицкій. Ихъ союзныя ополченія борются съ энергичнымъ потомкомъ Мономаха Изяславомъ Мстиславичемъ, принужденнымъ искать союза иноплеменниковъ для удержанія за Кіевомъ его первенствующаго значенія, для сохраненія прежнихъ, уже отжившихъ отношеній. Паденіе Кіева при Андрѣ Боголюбскомъ

Библиотека "Руниверс"

было прямымъ слѣдствіемъ паденія общерусскаго племеннаго союза, такъ какъ общерусскій центръ—Кіевъ не имѣлъ того областнаго значенія, которое уже въ то время принадлежало Владиміру или даже Рязани. Долго еще матерь городомъ русскимъ служитъ предметомъ стремленій южно-русскихъ князей, все еще не сознававшихъ того новаго направленія, въ которое вступила жизнь, но событія доказывали, что обладаніе Кіевомъ не было уже связано съ тѣмъ реальнымъ, осязаемымъ могуществомъ, которое могли всякій разъ проявить сильные въ своей области князья сѣверо-восточной и юго-западной Руси.

Вторженіе татаръ не только не измѣнило того теченія, которое приняла народная жизнь, но даже содѣйствовало ему. Татары появились въ южныхъ степяхъ послѣ половцевъ и печенѣговъ, уже давшихъ новое направленіе движенію русскихъ племенъ; нашествіе татаръ только сузило еще больше русскія поселенія съ юга; оно не только смело тѣ остатки русскихъ племенъ на югѣ, которые пощадили половцы, но продвинуло степную черту далеко къ сѣверу. Наиболѣе потерпѣло отъ татаръ то самое русское племя, которое за два съ половиной вѣка передъ этимъ поспѣшно отступило къ сѣверу подъ напоромъ печенѣговъ, а съ тѣхъ поръ выносило на своихъ плечахъ всю тяжесть набѣговъ степныхъ кочевниковъ. Сѣверяне въ Рязанскомъ, Елецкомъ, Курскомъ, Новгородъ-Сѣверскомъ, Переяславскомъ княжествахъ долгое время служили оплотомъ земли русской. Переяславщина, эта украйна русской земли, по выраженію лѣтописца конца XII вѣка, была, повидимому, совершенно опустошена; такой же участи подверглись Новгородъ-Сѣверскіе и восточные Черниговскіе удѣлы. Населеніе ихъ поспѣшно отступало къ сѣверу и весьма вѣроятно, что именно это движеніе его содѣйствовало образованію могущественныхъ политическихъ тѣлъ въ бассейнахъ Оки и Волги, гдѣ, какъ мы видѣли, уже упрочилась областная жизнь. Не подлежитъ сомнѣнію, что и южно-руссы въ Заднѣпровьи подверглись жестокимъ и тяжкимъ ударамъ со стороны татаръ: ихъ орды заходили такъ далеко, куда половцы могли проникнуть только въ качествѣ союзниковъ русскихъ князей. Всѣ историки согласны въ томъ, что Кіевская земля была совершенно опустошена татарами: конечно, невѣроятно, чтобы они превратили ее въ безлюдную пустыню, но во всякомъ случаѣ значительная часть населенія должна была искать болѣе безопасныхъ поселеній и, конечно, двигалась при этомъ къ сѣверу и западу. Вмѣстѣ съ тѣмъ остатки кіевскаго населенія должны были принять совершенно иной характеръ, сравнительно съ

Библиотека "Руниверс"

прежнимъ временемъ: рубежъ русской земли съ лѣвой стороны Днѣпра переносится на правый, и Кіевская земля, постоянно угрожаемая съ востока и юга, становится новою украйною земли русской; порубежники быстро мѣняютъ прежній образъ жизни и привычки, такъ какъ имъ уже не приходится предаваться мирнымъ занятіямъ земледѣльцевъ и торговцевъ. Весьма вѣроятно при этомъ, что населеніе Кіевской земли ассимилируется тому южно-русскому населенію, которое издавна сосѣдило на югѣ со степью,—жителямъ Поросья и Побужья; въ Побужьѣ жили потомки уличей, которымъ событія на югѣ открыли новую историческую роль. Въ XIII вѣкѣ уличи, пользуясь слабостью южныхъ князей, стремятся къ самостоятельности; у нихъ появляются самостоятельные князья, а территорія ихъ выдѣляется изъ сосѣднихъ княженій подъ именемъ Болоховской земли. Нашествіе татаръ, съ которыми они вошли въ особое соглашеніе, еще болѣе отдѣлило ихъ отъ остальной Руси, при чемъ упорное сопротивленіе Даніилу Галицкому показываетъ многолюдство и могущество Болоховской земли. Такимъ образомъ на юго-западѣ Руси нашествіе татаръ вызываетъ явленіе сходное съ тѣмъ, которое послѣдовало за вторженіемъ печенѣговъ въ наши южныя степи: южное населеніе вступаетъ въ борьбу съ сѣвернымъ. Подобно тому какъ древляне и дулѣбы отступили въ результатѣ этой борьбы къ сѣверу, такъ точно, послѣ вторженія татаръ, населеніе Кіевской земли и вѣроятно также Волынской отлило въ Полѣсье, оставляя просторъ для сидѣвшихъ южнѣе жителей Понизовья (мѣстность между Богомъ и Днѣстромъ). Закрѣпивъ, съ одной стороны, своимъ вторженіемъ то направленіе къ сѣверу, которое приняло еще раньше движеніе народныхъ массъ, татары содѣйствовали, съ другой стороны, исчезновенію послѣднихъ слѣдовъ племенной жизни, вызвали необходимость усиленія областныхъ, земельныхъ отношеній и такимъ образомъ въ значительной степени способствовали образованію обширныхъ государствъ на русской территоріи. Исторія нашего народа начинается съ поспѣшнаго отступленія къ сѣверу подъ напоромъ степныхъ кочевниковъ; усиленіе княжеской власти, образованіе областей, ослабленіе племенной раздробленности—все это вызывается тѣми столкновеніями, въ которыя пришли русскія племена, лишь только точно опредѣлилась географическая граница ихъ осѣдлости, и они увидѣли себя окруженными могущественными врагами. Послѣдній ударъ, усилившій всѣ тѣ явленія, которыя мы застали уже въ XIII вѣкѣ, даютъ татары; но этотъ ударъ, благодаря его положительнымъ результатамъ, послужилъ поворотнымъ

Библиотека "Руниверс"

пунктомъ въ исторіи русскаго народа, который не болѣе какъ черезъ сто лѣтъ сначала на юго-западѣ и нѣсколько позже на юго-востокѣ начинаетъ наступательное движеніе къ востоку и къ югу. Однимъ изъ результатовъ татарскаго нашествія, а вмѣстѣ съ тѣмъ всей предшествующей исторіи, было образованіе трехъ великихъ народностей—велико-русской, бѣло-русской и мало-русской.

А. Великорусская народность заключаетъ въ себѣ въ настоящее время потомковъ двухъ различныхъ племенныхъ группъ — сѣверно-русской и средне-русской; діалектическая карта отражаетъ до сихъ ту племенную границу, которой не могли стереть ни новыя теченія народной жизни, ни образованіе государства, ни культура; окающіе и акающіе говоры сохраняютъ до сихъ поръ свои типическія особенности, а географическое отношеніе ихъ другъ къ другу въ мѣстахъ, издавна населенныхъ, то же, что отношеніе сѣверно-руссовъ къ древнимъ средне-руссамъ: окаютъ къ сѣверу, акаютъ къ югу. Но это упорное сохраненіе особенностей языка, не помѣшало сѣверно-руссамъ и средне-руссамъ сблизиться во многихъ другихъ отношеніяхъ: сближеніе это обусловлено и вызвано тяготѣніемъ ихъ къ общимъ центрамъ, откуда распространяется однообразная культура. Кажется, и въ языкѣ великоруссовъ можно указать на нѣсколько общихъ явленій, пережитыхъ ими отдѣльно отъ бѣлоруссовъ и малоруссовъ: сюда относится, напримѣръ, измѣненіе *и*, *ы* передъ *й* въ *е*, *о* подъ удареніемъ (простой, мою, шея, самъ-третей); въ области формъ сюда относится распространеніе окончанія им. мн. на *а* въ именахъ мужескаго рода (города́, дома́). Но особенно важное свидѣтельство дѣйствительнаго сближенія сѣвернорусссовъ и среднерусссовъ даетъ языкъ той широкой полосы, которая проходитъ вдоль границы окающихъ и акающихъ говоровъ. Здѣсь мы найдемъ рядъ говоровъ *смѣшанныхъ*, если разсматривать ихъ въ ихъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ, болѣе отдаленнымъ отъ діалектической границы говорамъ; но многіе изъ этихъ говоровъ представляютъ органическое, недѣлимое тѣло, переживавшее одни явленія вмѣстѣ съ южнымъ, а другія съ сѣверными сосѣдями. Ниже мы укажемъ на такіе говоры. Изъ предыдущаго видно, что велико-русская народность произошла отъ соединенія сѣверно-руссовъ и средне-руссовъ. Отсюда слѣдуетъ, что наиболѣе типическими представителями этой народности должно признать жителей той части Великороссіи, гдѣ сѣверно-руссы издавна сосѣдили съ средне-руссами или, соображаясь съ современными отношеніями, гдѣ акающіе го-

Библиотека "Руниверс"

воры сталкиваются съ окающими. Сюда относится Поволжье и бассейнъ Оки. Но не менѣе типичны и тѣ великоруссы, которые сидятъ на вновь колонизованныхъ мѣстахъ, если колонизація шла одновременно изъ области средне-русскаго и сѣверно-русскаго племени: новые поселенцы еще тѣснѣе сближались между собой и въ результатѣ обогащали великорусскую народность новыми и типическими представителями; такихъ великоруссовъ мы найдемъ въ Нижегородской губерніи и южнѣе по всему Поволжью, включая сюда и Пензенскую губернію.

Начало велико-русской народности, а можетъ быть и нѣкоторыхъ велико-русскихъ говоровъ (то-есть, составившихся изъ смѣшенія сѣверно-русскихъ и средне-русскихъ) относится къ весьма отдаленнымъ временамъ, когда въ бассейнѣ верхняго теченія Волги и затѣмъ Оки кривичи столкнулись съ вятичами, а въ XI вѣкѣ съ сѣверянами: можетъ быть, первыя столкновенія имѣли результатомъ ассимиляцію вятичей—кривичамъ. Вѣроятнымъ кажется мнѣ, что современные окающіе говоры, измѣняющіе *д* мягкое въ *дз*, *т* мягкое въ *ц*, восходятъ къ говорамъ, принадлежавшимъ вятичамъ и измѣнившимся подъ вліяніемъ кривичей: такіе говоры, по Далю и другимъ наблюдателямъ, слышатся въ восточной части Тверскаго уѣзда, въ Корчевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, въ Моложскомъ и Пошехонскомъ уѣздахъ Ярославской губерніи, а также, по сообщенію А. Л. Погодина, въ Боровицкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи [1]). Съ вѣроятностью можно предположить, что вятичи, которыхъ въ X вѣкѣ застаемъ уже на Волгѣ (вмѣстѣ съ кривичами), могли зайдти и сѣвернѣе при общемъ движеніи русскихъ племенъ къ сѣверу. Что вятичи дзекали и цекали, я указалъ выше, выводя это изъ предполагаемаго тождества ихъ языка съ языкомъ до сихъ поръ дзекающихъ потомковъ радимичей. Иной характеръ имѣла встрѣча сѣверно-русскихъ кривичей съ средне-русскими вятичами и сѣверянами въ бассейнѣ Оки: обѣ племенныя группы встрѣтились здѣсь въ значительныхъ массахъ и это сдѣлало невозможную ассимиляцію одного изъ этихъ племенъ другому. Указаніе на извѣстное соглашеніе между шедшими съ юга и шедшими съ сѣвера находниками Поволжья видимъ уже въ XII вѣкѣ: центръ образовавшейся здѣсь области переносится съ сѣвера на югъ, съ Волги на Клязьму, вытекавшую изъ области вя-

[1]) Ср. *Даль*, О нарѣчіяхъ русскаго языка. *Соболевскій*, Опытъ русской діалектологіи, стр. 55—56 и 44.

Библиотека "Руниверс"

тичей, изъ Ростова во Владиміръ, къ границамъ сѣверскаго племени, осѣвшаго въ Рязанской области. Значеніе новаго центра вообще всей Ростовско-Суздальской области обусловлено присутствіемъ въ ней сѣверно-русскихъ и средне-русскихъ элементовъ: это даетъ ей особую притягательную силу, и къ ней одинаково начинаютъ тяготѣть южныя, западныя и сѣверныя земли. „Со времени Юрія Долгорукаго, говоритъ Иловайскій, Муромское княжество все болѣе и болѣе отдѣлялось отъ Рязани и увлекалось подъ суздальское вліяніе, такъ что въ началѣ XIII вѣка сохраняло одну тѣнь самостоятельности". Всеволодъ успѣваетъ подчинить своему вліянію и всю Рязанскую область, воспользовавшись усобицами ея князей. Еще ранѣе, Юрій подчиняетъ Ростовскому княжеству восточныя поселенія вятичей, гдѣ основываетъ Москву и Дмитровъ, и утверждается на верхнемъ Поволжьѣ, откуда грозитъ постоянно Торжку и самому Новгороду. Андрей Боголюбскій посылаетъ своихъ данниковъ въ Заволочье, гдѣ суздальскіе интересы сталкиваются съ новгородскими (Бѣлоозеро издавна тянуло къ Ростову) и установляетъ то довольно зависимое положеніе Новгорода отъ Владимира, которое черезъ нѣсколько столѣтій привело къ покоренію его Москвѣ. На востокѣ Владимирское княжество начинаетъ наступательное движеніе уже съ начала XIII вѣка: основаніе Нижняго Новгорода—это начало захвата всего Поволжья великорусами. Татарское нашествіе еще болѣе способствуетъ тому естественному росту великорусской области, который былъ слѣдствіемъ предшествующаго періода. Но сначала оно невыгодно отражается на единствѣ земли: ослабивъ Владиміръ, унизивъ въ немъ княжескую власть, разрѣдивъ населеніе Нижегородской, Владимирской и Рязанской земель, татарское нашествіе вызываетъ появленіе новаго великорусскаго центра—въ Твери, вотчинѣ князей суздальскихъ. Усиленіе Твери несомнѣнно вызвано приливомъ населенія съ юга и юго-запада: въ первый разъ Тверь упоминается въ лѣтописяхъ въ 1209 году; повидимому, она построена въ концѣ XII вѣка для защиты суздальской земли со стороны Новгорода. Въ началѣ XIII вѣка Тверская земля принадлежитъ княжеству Переяславскому, а около середины этого же вѣка она представляетъ особый удѣлъ: Ярославъ Ярославичъ садится на Твери около 1243 года, то-есть, черезъ пять лѣтъ послѣ татарскаго погрома, когда по выраженію лѣтописца „бысть пополохъ золъ по всей земли, не вѣдяху и сами кто гдѣ бѣжитъ", и за пять лѣтъ до появленія литовцевъ на юго-западной окраинѣ Тверскаго княжества, въ Зубцовѣ. Очевидно,

Библиотека "Руниверс"

Тверь должна была служить мѣстомъ защиты для населенія, которое приливало, съ одной стороны, съ юго-востока и юга, укрываясь отъ татаръ, а съ другой съ юго-запада, спасаясь отъ литовцевъ. До сихъ поръ еще діалектическая карта Тверской губерніи свидѣтельствуетъ о тѣхъ трехъ теченіяхъ, по которымъ двигалось въ Тверскую землю населеніе: сѣверо-восточные уѣзды говорятъ на *о* и принадлежатъ къ области сѣверно-русскихъ (кривицкихъ) говоровъ; въ Тверскомъ, Старицкомъ, Осташковскомъ, Вышневолоцкомъ уѣздахъ отмѣчены аканіе и другія черты средне-русскихъ (вятичскихъ) говоровъ, наконецъ, Ржевскій и Зубцовскій уѣзды примыкаютъ теперь къ области бѣлорусскихъ (радимичскихъ) говоровъ, такъ какъ тамъ между прочимъ дзекаютъ и цекаютъ. Со второй половины XIII вѣка видимъ необычайно быстрый ростъ Твери: опираясь на собственныя силы, тверской князь удачно выдерживаетъ борьбу и съ Новгородомъ и съ Владимиромъ, а въ началѣ XIV вѣка Тверь считалась сильнѣйшимъ княжествомъ сѣверо-восточной Руси. Борьба Твери съ Владимиромъ, а потомъ съ Москвой едва ли не служитъ доказательствомъ этнографической розни Суздальской и Тверской земли и во всякомъ случаѣ показываетъ, что къ XIV вѣку размѣщеніе населенія въ бассейнѣ верхняго теченія Волги было иное, чѣмъ въ началѣ XIII вѣка: очевидно, населеніе въ значительномъ количествѣ придвинулось къ сѣверу. Но замѣчательно, что несмотря на этотъ ростъ Твери и на раздробленность удѣловъ Ростовско-Суздальской земли, въ послѣдней еще живо сознавалось то областное единство, которое было слѣдствіемъ разсмотрѣнныхъ выше событій XI—XII вѣка. Стоило одному изъ удѣльныхъ князей ея усилиться насчетъ другаго, какъ тотчасъ же за этимъ слѣдовалъ новый успѣхъ его, новое пріобрѣтеніе: область стремилась создать общій для всей земли центръ. Въ этомъ убѣждаетъ исторія возвышенія Москвы; едва успѣлъ московскій князь усилить свою область присоединеніемъ къ ней Переяславля-Залѣсскаго, какъ ему подчиняются частью путемъ захвата, а частью добровольно—смоленскій Можайскъ, рязанскія Коломна и Лопасня, черниговскій Звенигородъ, а черезъ двадцать-двадцать пять лѣтъ Москва становится фактически резиденціей не только великаго князя, но и митрополита всея Руси. Въ теченіе 150-200 лѣтъ Москва успѣваетъ объединить всѣ области, занятыя сѣверно-русскимъ племенемъ и большую часть, а именно восточную половину—земель среднерусскихъ: сначала вокругъ нея собирается древняя Ростовско-Суздальская область съ ея великорусскимъ населеніемъ, а также мелкіе

Библиотека "Руниверс"

черниговскіе удѣлы — Боровскъ. Верея. Кашира, Любутскъ, Козельскъ; часть ихъ пришлось доставать у Рязани, а часть пріобрѣтается послѣ борьбы съ литовско-русскимъ государствомъ. при чемъ на границахъ обоихъ государствъ видимъ рядъ княжествъ, долго удерживающихъ свою независимость какъ отъ Москвы, такъ и отъ Литвы (Мценскъ, Новосиль, Одоевъ). Съ теченіемъ времени великорусское государство включаетъ въ свои предѣлы: Рязань, Тверь, Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ. Этотъ политическій успѣхъ Москвы объясняется между прочимъ, конечно, и тѣмъ, что во всѣхъ названныхъ областяхъ она встрѣчала близкое, однородное своей народности населеніе: южныя и западныя области естественно примыкали къ вятичскому и сѣверскому ядру, а сѣверъ, при всемъ стараніи Твери и Новгорода, не могъ обособиться отъ родственныхъ по духу и языку ростовскихъ кривичей; еще естественнѣе тяготѣли къ Москвѣ вновь колонизованныя земли (напримѣръ, нижегородская). а также области, гдѣ происходило столкновеніе разныхъ племенъ, утрачивавшихъ такимъ образомъ свою самобытность: кромѣ Твери и Смоленска, сюда относится и Псковъ, гдѣ смѣшеніе кривичей съ дреговичами не осталось, можетъ быть, безъ вліянія на ту тѣсную связь, въ которую вступаютъ псковичи съ новымъ ихъ вотчинникомъ—московскимъ государемъ. Лучшимъ доказательствомъ, что созданіе Московскаго государства было дѣломъ прежде всего самого народа, служитъ указаніе на то, какіе мѣстные элементы поддерживали великаго князя, когда онъ проводилъ свое вліяніе въ ту или другую область и подготовлялъ ея присоединеніе къ Москвѣ. Черный людъ, младшіе люди, пригороды—вотъ обыкновенные сторонники московскаго князя, который и впослѣдствіи создалъ государственное единство, организуя именно эти дружественные ему элементы и возвышая ихъ путемъ административныхъ мѣръ насчетъ „лучшихъ людей“ и старшихъ городовъ [1]). Такимъ образомъ политическому объединенію отдѣльныхъ областей въ Московскомъ государствѣ предшествовало естественное тяготѣніе населенія ихъ къ Москвѣ, а самое объединеніе не было только внѣшнимъ, такъ какъ вліяніе Москвы быстро проникало въ самый народъ. Этимъ объясняется, что Москва въ скоромъ времени становится не только политическимъ, но и культурнымъ центромъ Великой Россіи, центромъ передъ которымъ совершенно меркнутъ слава и значеніе Владимира и Новгорода, Рязани и Твери.

[1]) Ср. *А. Д. Градовскій*, Ист. мѣст. управл. въ Россіи, стр. 217—218.

Библиотека "Руниверс"

Не подлежитъ сомнѣнію, что изъ великорусскаго центра по всей странѣ распространялся и языкъ Москвы: правда, онъ оказалъ мало вліянія на мѣстные говоры и до послѣдняго времени, до учрежденія сельскихъ школъ, онъ не пытался вступать съ ними въ борьбу; но, можетъ быть, нѣкоторыя звуковыя явленія вызывались именно вліяніемъ Москвы, непосредственно же вліяніемъ мѣстнаго административнаго или торговаго центра, гдѣ мѣстное нарѣчіе смѣнялось московскимъ, получавшимъ такимъ образомъ обще-русское значеніе. Быстрое распространеніе московскаго нарѣчія объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что оно принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ говоровъ, такъ какъ соединило и вмѣстѣ съ тѣмъ сгладило рядъ звуковыхъ особенностей средне-русскихъ и сѣверно-русскихъ говоровъ. Для русскаго слуха московское нарѣчіе кажется наиболѣе „чистымъ", такъ какъ онъ находитъ въ немъ, во-первыхъ, рядъ звуковъ общихъ съ его мѣстнымъ говоромъ, а, во-вторыхъ, поразительную устойчивость и послѣдовательность въ произношеніи.

Б. Несмотря на тяготѣніе къ Москвѣ средне-русскихъ областей, нѣкоторымъ изъ нихъ не скоро удается соединиться съ великорусскимъ ядромъ: это, какъ мы видѣли, объясняется вліяніемъ литовскаго государства, ростъ и возвышеніе котораго, какъ давно уже замѣчено, представляютъ много сходныхъ чертъ съ образованіемъ Московскаго царства. Я указывалъ выше на то, что въ Полоцкой землѣ, такъ же какъ въ Ростовско-Суздальской, племенной бытъ долженъ былъ рано уступить мѣсто областному, такъ какъ здѣсь столкнулось нѣсколько русскихъ племенъ, требовавшихъ отъ власти защиты отъ враждебнаго запада. Развитіе областнаго порядка, усиленіе городовъ облегчаютъ сближеніе воинственныхъ литовцевъ съ полоцкими кривичами и древлянами: русскіе города принимаютъ литовскихъ князей. Еще тѣснѣе становится связь русскаго и литовскаго населенія, когда съ конца XII вѣка на крайнемъ западѣ появляется общій врагъ въ лицѣ ливонскаго ордена. Событія XIII вѣка, когда татарскій погромъ совершенно измѣнилъ политическія отношенія на югѣ и юго-востокѣ, повліяли самымъ рѣшительнымъ образомъ на судьбы русскаго и литовскаго населенія въ бассейнахъ Двины и Нѣмана. Во-первыхъ, сюда стали притекать народныя массы изъ южной Руси и изъ черниговско-сѣверскихъ удѣловъ: выше мы видѣли, какъ усиленіе опасности на югѣ, вызвало, какъ вызывало уже не въ первый разъ, движеніе населенія къ сѣверу. Во-вторыхъ, татары угрожаютъ сѣверо-западной Руси, куда они могутъ легко проникнуть, послѣ того какъ

Библиотека "Руниверс"

опустошили и обезлюдили Поднѣпровье. Общая опасность и избытокъ населенія создаютъ условія, при которыхъ объединеніе края и созданіе областнаго союза ждутъ только появленія энергичнаго князя, смѣлаго характера. Въ серединѣ XIII вѣка Миндовгу, князю дреговичскаго города Новогородка, подчиняется уже весь юго-западъ Полоцкой земли, а его племянникамъ удается утвердиться и на сѣверо-востокѣ—въ Полоцкѣ и Витебскѣ, а также въ сосѣдней области—Смоленской. Къ этому областному союзу, по естественному тяготѣнію, примкнула Литва, а съ юго-востока — средне-русскія области, населенныя потомками сѣверянъ и вятичей. Уже съ середины XIII вѣка видимъ начало наступательнаго движенія литовцевъ на югъ и востокъ: но ихъ дикіе набѣги и безплодные походы съ начала XIV вѣка, когда они втягиваются въ одну общую съ русскимъ населеніемъ жизнь, получаютъ опредѣленное направленіе, преслѣдуютъ уже государственную задачу. Подъ охраной литовско-русскаго государства начинается новое направленіе въ движеніи народныхъ массъ; начиная съ XI вѣка, онѣ удалялись къ сѣверу, уступая шагъ за шагомъ степнымъ кочевникамъ; съ XIV же вѣка начинается обратное движеніе, быстро переходящее въ наступленіе. Литовскіе князья становятся во главѣ этого движенія и, конечно, подъ ихъ охраной въ Подесенье переходятъ изъ южной части Полоцкой и сѣверной части Кіевской земли древляне и смѣшавшіеся съ ними дреговичи: они осаживаются здѣсь среди остатковъ сѣверянъ, которые при содѣйствіи литовскихъ князей возстановляютъ города и на югѣ-востокѣ: въ Новгородъ-Сѣверскѣ, Путивлѣ и даже въ дальнемъ Курскѣ появляются литовскіе князья. Ниже укажемъ на значеніе литовско-русскаго государства въ жизни южно-русскихъ племенъ, а здѣсь отмѣтимъ, что образованіе бѣлорусской народности стоитъ въ тѣсной связи съ объединеніемъ дреговичей и радимичей подъ литовской гегемоніей. Литовско-русское государство въ культурномъ отношеніи было бѣлорусскимъ, такъ какъ господствующимъ, въ отношеніи языка, просвѣщенія и даже правовыхъ понятій, элементомъ были русскіе: бѣлорусское нарѣчіе становится государственнымъ языкомъ литовской Руси, а культурное вліяніе бѣлорусской народности охватываетъ всѣ тѣ средне-русскія области, которыя не попали еще подъ вліяніе Москвы. Такимъ образомъ бѣлорусская народность сложилась изъ тѣхъ элементовъ, которые издавна сталкивались въ предѣлахъ Полоцкаго и Смоленскаго княжествъ: дреговичи и радимичи, съ одной стороны, ассимилировавшіеся господствующему средне-русскому пле-

Библиотека "Руниверс"

мени—кривичи и древляне, съ другой. До сихъ поръ отдѣльные говоры бѣлорусскіе отражаютъ эти три элемента: сѣверо-востокъ—Полоцкъ и Витебскъ—сохраняетъ слѣды сѣверно-русскихъ звуковыхъ особенностей, напротивъ, южная часть Минской губерніи представляетъ рядъ переходныхъ говоровъ отъ малорусскаго къ бѣлорусскому нарѣчію, которое слышится въ наибольшей чистотѣ въ землѣ полоцкихъ дреговичей и смоленскихъ радимичей, то-есть, въ сѣверной части Минской губерніи, въ Могилевской и въ западной части Смоленской губерніи.

В. Выше было указано на то броженіе, которое вызвано было въ населеніи южной Руси нашествіемъ татаръ: южно-руссы должны были устремиться къ сѣверу и западу, избѣгая встрѣчи съ дикими ордами, приблизившимися къ нимъ вплотную съ востока и юга. Но живучесть русскаго племени, его характеръ историческаго народа имѣли слѣдствіемъ то, что татарское нашествіе не только не внесло коренныхъ измѣненій въ народную жизнь, но даже какъ бы завершило то, къ чему подготовили южно-руссовъ предшествовавшія событія: оно открыло новый путь для объединившейся южно-русской народности, которая не позже какъ черезъ столѣтіе перешла въ наступательное движеніе на востокъ и на югъ. Организаціонная дѣятельность Даніила въ значительной степени объясняется тѣмъ состояніемъ броженія, въ которомъ находилось южно-русское племя послѣ татарскаго нашествія: приходилось строить города и собирать разбѣжавшееся населеніе, приходилось искать новый центръ земли русской, которымъ не могъ быть ни Кіевъ, ставшій татарскимъ улусомъ, не подчиненнымъ русскому князю (Антоновичъ), ни Галичъ—живший своими мѣстными интересами и погибавшій отъ внутреннихъ раздоровъ. Даніилъ основываетъ Холмъ близъ польской границы, въ Волынской Украйнѣ: не служитъ ли это указаніемъ на отливъ населенія къ крайнему сѣверу? Замѣчательно, что объединеніемъ страны южная Русь обязана князьямъ волынскимъ: Романъ и Даніилъ опираются главнымъ образомъ на свою дѣдину и отчину—Волынскую область, откуда они добываютъ мятежный Галичъ. Не служитъ ли это указаніемъ на то, что областной строй, созданный энергіей Ростиславичей и ихъ преемниковъ, распадался въ Галичѣ всякій разъ, какъ ослабѣвала власть князя, и что галицкіе бояре—это представители прежнихъ племенныхъ отношеній, поддерживавшихся тѣмъ, что сосѣднее, съ юга и юго-востока, русское населеніе еще не было втянуто въ новый строй жизни? Дѣлу объединенія страны, законченному Даніи-

Библиотека "Руниверс"

ломъ ко времени нашествія татаръ [1]), въ значительной степени содѣйствовало давленіе внѣшнихъ враговъ: венгровъ, поляковъ и въ особенности Литвы, заходившей въ своихъ набѣгахъ уже въ первой четверти XIII столѣтія въ самую глубь Волынской области. Сближеніе южно-русскаго народа съ Литвой, постоянныя отношенія къ ней, то союзныя, то враждебныя, подготовили присоединеніе Южной Руси къ Литовско-русскому государству. Это присоединеніе нельзя признать завоеваніемъ или покореніемъ: въ южной Руси, и прежде всего на Волыни, водворяются литовскіе князья, при чемъ первое время страна, благодаря главнымъ образомъ иноземнымъ на нее вліяніямъ, раздробилась на отдѣльныя области, имѣвшія мало общаго съ прежними, исторически сложившимися областями.

Съ теченіемъ времени Галичъ отходитъ къ Польшѣ, а Волынь и Кіевъ, гдѣ литовскіе князья утвердились еще при Ольгердѣ, входятъ въ составъ государства литовско-русскаго. Съ XIV вѣка южно-руссамъ, страна которыхъ, кажется, не ранѣе XIII вѣка получаетъ названіе Малой Руси, открывается новая задача—колонизовать югъ и юго-востокъ Россіи. Подъ охраной литовскихъ князей и кіевскихъ Олельковичей, малороссы двигаются въ Полтавщину, что можетъ служить весьма сильнымъ аргументомъ противъ предположенія о слишкомъ значительной разрѣженности южно-русскаго населенія послѣ татарскаго нашествія. Кіевское княжество уже въ XV вѣкѣ нашло возможность расширить свои предѣлы до Чернаго моря и Донца ясно, что собственно Кіевщина не могла въ то время нуждаться въ колонистахъ изъ Галиціи или Бѣлоруссіи. Впослѣдствіи новыя событія на востокѣ и въ особенности образованіе крымскаго ханства привели Кіевъ ко вторичному упадку: „широкія границы, начертанныя для Кіевщины Витовтомъ, говоритъ Антоновичъ, исчезли черезъ полъ-вѣка послѣ его смерти подъ напоромъ крымской орды“. Прочное колонизаціонное движеніе малороссовъ въ Полтавщину и Черниговщину возобновляется не раньше XVI вѣка; впослѣдствіи, уже подъ охраной московскаго государства, заселяются южныя степи бѣжавшимъ отъ польскихъ порядковъ малорусскимъ крестьянствомъ. Во второй половинѣ XVII вѣка малороссы занимаютъ современную Харьковскую, западную часть Воронежской и южную часть Курской губерній. Колонизаціонное движеніе съ праваго берега Днѣпра шло, кажется, преимущественно изъ южной Украйны, изъ Побережья, то-

[1]) *Андріашевъ*, Очеркъ исторіи волынской земли, стр. 169.

Библиотека "Руниверс"

есть мѣстности между Бугомъ и Днѣстромъ: населеніе этой части Южной Руси, захвативъ сначала, какъ мы видѣли выше, Кіевщину, двигалось за тѣмъ большими волнами въ заднѣпровскія степи.

Предложенный краткій очеркъ тѣхъ главныхъ событій, которыми обусловливалось и сопровождалось образованіе отдѣльныхъ русскихъ народностей, при всей отрывочности своей, даетъ намъ возможность отвѣтить на поставленные въ началѣ настоящаго изслѣдованія вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ современныхъ русскихъ нарѣчій и говоровъ.

Современная группировка говоровъ по тремъ русскимъ народностямъ—великорусской, бѣлорусской и малорусской не соотвѣтствуетъ древней и первоначальной группировкѣ. такъ какъ великорусская группа говоровъ соединяетъ говоры сѣверно-русской и средне-русской группы, а бѣлорусская заключаетъ лишь западную часть среднерусской группы. Вмѣсто прежнихъ трехъ группъ—сѣверно-русской, средне-русской и южно-русской явились сначала, благодаря распаденію средней группы на восточную и западную половины, четыре группы, но послѣдующія событія соединили восточную часть среднерусской группы съ сѣверно-русскою и образовали группу великорусскую. Такимъ образомъ малорусская группа цѣльнѣе, чѣмъ всѣ остальныя, сохранила свою связь съ древней группой соотвѣтствующихъ ей говоровъ: южно-русская группа X—XI вѣка вполнѣ представлена современной группой—малорусской. Точно также цѣльно, но только одну часть древней группы средне-русскихъ говоровъ, представляетъ современная бѣлорусская группа. Менѣе всего соотвѣтствуетъ древнимъ группамъ—великорусская: объединяющее вліяніе общей политической и культурной жизни создало только въ центрѣ и во вновь захваченныхъ земляхъ болѣе или менѣе однородное цѣлое изъ обоихъ элементовъ—сѣверно-русскихъ и средне-русскихъ. Но даже въ центрѣ, а тѣмъ болѣе на безраздѣльно принадлежавшихъ тому или другому элементу окраинахъ, между ними не создалось единства въ языкѣ: историкъ языка можетъ говорить о малорусскомъ, бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ въ ихъ исторіи, но, переходя къ великорусамъ, ему приходится говорить отдѣльно о сѣверно-великорусскомъ и южно-великорусскомъ нарѣчіяхъ. Поэтому понятіямъ „малорусское“ и „бѣлорусское“ нарѣчіе должно быть противопоставлено понятіе не о „великорусскомъ“ нарѣчіи, а о „сѣверно-великорусскомъ“ и „южно-великорусскомъ“ нарѣчіяхъ. Малорусская и бѣлорусская народность—

Библиотека "Руниверс"

это научныя фикціи, болѣе или менѣе соотвѣтствующія реальной дѣйствительности въ ея настоящемъ и прошломъ; великорусская народность—это научная фикція, находящая оправданіе лишь въ томъ обстоятельствѣ, что историческія событія содѣйствовали образованію общей народности изъ тѣхъ частей сѣверно-русскаго и средне-русскаго племени, которыя оказывались лицомъ къ лицу въ бассейнахъ нижняго теченія Оки и верхняго теченія Волги, а также во вновь колонизованномъ усиліями владимирскаго княжества и московскаго государства среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ. Другія части сѣверно-русскаго и средне-русскаго племени—жители Архангельской или Олонецкой губерніи, съ одной стороны, Орловской или южной части Калужской, съ другой—явно тяготѣютъ къ великорусскому ядру, но до сихъ поръ сохраняютъ настолько своеобразный характеръ, что, напримѣръ, вызываютъ въ изслѣдователяхъ предположенія о томъ, что въ Орловской губерніи живутъ не великоруссы, а „чистѣйшіе“ бѣлоруссы.

Переходимъ къ ближайшему разсмотрѣнію отдѣльныхъ говоровъ и къ установленію связи между современными діалектическими особенностями и древними племенными отличіями.

Малорусская группа говоровъ соотвѣтствуетъ по своему составу древней южно-русской группѣ. Подобно тому какъ южно-русская племенная группа дѣлилась на племена сѣверныя и южныя, малорусское нарѣчіе можно раздѣлить на сѣверное и южное поднарѣчія. Главнымъ признакомъ при такомъ дѣленіи служитъ измѣненіе южно-русскихъ дифтонгическихъ сочетаній *уо*, *їӧ*, *іе* изъ долгихъ *о*, *ӧ*, *е*: въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ дифтонги эти или сохраняются, или переходятъ въ звуки *у*, *ю*, *и* (средній звукъ между *і* и *ы*), *е* и *і*; въ южно-малорусскихъ говорахъ они переходятъ въ *і* (при чемъ *и* на мѣстѣ *о* въ нѣкоторыхъ діалектахъ представляется заимствованіемъ изъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ). Имѣя въ виду этотъ а также и другіе признаки, можемъ дать приблизительно слѣдующее опредѣленіе площади *сѣверно-малорусскаго* поднарѣчія. Оно слышится въ Черниговской губерніи, при чемъ въ южныхъ уѣздахъ ея, сосѣднихъ съ Полтавщиной, преобладаетъ южно-малорусское поднарѣчіе; далѣе въ Полѣсьѣ, а именно въ Радомысльскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, въ сѣверныхъ уѣздахъ Волынской губерніи и въ южныхъ (Мозырскомъ и Пинскомъ) уѣздахъ Минской; къ западу—въ Подляшьѣ въ бо́льшей части Гродненской и во всей почти Сѣдлецкой губерніи; наконецъ, къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію должно отнести и тѣ

Библиотека "Руниверс"

угро-русскіе говоры, которые имѣютъ дифтонгъ *уі* и звуки *у*, *ю* на мѣстѣ древнихъ *о*, *ѣ*: сюда относятся говоры Бережско-Угочскаго, Сатмарскаго и Марамарошскаго и др. комитатовъ на сѣверѣ, галицкихъ и угорскихъ лемковъ на югѣ. „Сѣверно-малорусскіе говоры, говоритъ Соболевскій, за немногими исключеніями, принадлежатъ къ числу или переходныхъ, или смѣшанныхъ, или—вмѣстѣ—и переходныхъ, и смѣшанныхъ. Они обыкновенно составляютъ переходную ступень отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому и отъ сѣверно-малорусскаго поднарѣчія къ южно-малорусскому, или заключаютъ въ себѣ, рядомъ съ бѣлорусскими чертами, примѣсь чертъ южно-русскихъ [1]). Очевидно, говоры сѣверно-малорусскаго поднарѣчія отразили на себѣ судьбы сѣверно-малорусскихъ племенъ: тѣснимые съ юга южно-малоруссами (волынянами и уличами), древляне, дулѣбы и бужане переходятъ на территорію средне-русскихъ дреговичей и смѣшиваются съ ними; но южныя племена продолжаютъ отступать къ сѣверу при всякомъ усиленіи степныхъ кочевниковъ; татарское нашествіе даетъ послѣдній ударъ въ этомъ направленіи; ясно, почему южные малоруссы преслѣдуютъ сѣверныхъ и въ новыхъ мѣстахъ ихъ поселеній, и тамъ, гдѣ они успѣли смѣшаться съ средне-руссами. Оставляя въ сторонѣ вновь заселенную заднѣпровскую часть территоріи, занятой сѣверными малоруссами (Подесенье), видимъ, что въ Радомысльскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, равно какъ въ Овручскомъ, Житомирскомъ, Новоградъ-Волынскомъ, Ровенскомъ уѣздахъ Волынской губерніи, сѣверно-малорусскія черты смѣшиваются съ чертами южно-малорусскими: рядомъ съ дифтонгами *уы*, *юы*, *уо*, *уе*, *юе* и т. д., находимъ і (вінъ), рядомъ съ *т* твердымъ въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ—*т* мягкое, рядомъ съ твердымъ *р*—*р* мягкое. Бѣлорусскихъ особенностей въ указанныхъ мѣстностяхъ нѣтъ, и это является рѣшительнымъ свидѣтельствомъ противъ возможнаго предположенія о томъ, что полѣхи сѣверной части Кіевской и указанныхъ уѣздовъ Волынской губерніи продвинулись сюда съ сѣвера. Въ Подляшьѣ говоры южной части Гродненской и большей (кромѣ сѣверо-восточной и сѣверо-западной) части Сѣдлецкой губерніи въ общемъ представляютъ довольно чистый сѣверно-малорусскій типъ говоровъ, но всѣ они не чужды южно-малорусскихъ особенностей: сравните спорадическое *і* вмѣсто ожидаемаго дифтонга *уо* или его обыкновенныхъ замѣстителей *уы*, *у*, мягкое *т*

[1]) Очеркъ русской діалектологіи, Малорусское нарѣчіе (*Живая Старина*, II, выпускъ 4, стр. 12).

Библиотека "Руниверс"

при твердомъ въ 3-мъ лицѣ единственнаго и множественнаго. Въ Угорской Руси видимъ какъ проникновеніе южно-малорусскихъ особенностей въ говоры сѣверно-малорусскіе (имѣющіе дифтонги и *у* на мѣстѣ южно-малорусскаго *і*), напримѣръ, мягкаго *р* (тепе́рь, де́рьгаты). такъ и тѣсное сосѣдство этихъ говоровъ съ южно-малорусскими (напримѣръ, въ Марамарошскомъ комитатѣ можно отмѣтить существованіе и тѣхъ и другихъ говоровъ). Сближеніе съ бѣлорусскими (средне-русскими) говорами находимъ въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губерніи (здѣсь мѣстами акаютъ и дзекаютъ, 3-е лицо на *цъ* вмѣсто *ть* и др.); къ западу отъ Горыни видимъ смѣшеніе сѣверно-малорусскихъ особенностей не только съ бѣлорусскими, но и съ южно-малорусскими: сюда относятся нѣкоторые говоры Владимиро-Волынскаго уѣзда, а также говоры пинчуковъ, гдѣ, рядомъ съ дифтонгами *уы*, *юы* и замѣняющими ихъ звуками *у*, *ы*, находимъ не только южно-малорусское *і*, но также бѣлорусское смягченіе согласныхъ передъ *е*, дзеканье и аканье.

Замѣчательно, что въ Гродненской губерніи видимъ сближеніе съ бѣлоруссами не на сѣверо-востокѣ, а на сѣверо-западѣ—въ Бѣлостокскомъ и Бѣльскомъ уѣздахъ; такъ называемый заблудовскій говоръ этой мѣстности повліялъ и на сосѣднія части Сѣдлецкой губерніи, гдѣ находимъ аканіе и дзеканіе. Изъ предъидущихъ указаній видно, что въ настоящее время территорія сѣверно-малорусскаго поднарѣчія не представляется сплошною и однородною: во-первыхъ, угро-русскіе говоры совершенно оторваны отъ прочихъ южно-малорусскими говорами Галиціи, во-вторыхъ, между полѣшскими говорами Овручскаго и другихъ уѣздовъ и подляшскими говорами Гродненской губерніи видимъ говоръ пинчуковъ, отличающійся отъ нихъ какъ значительнымъ вліяніемъ, испытаннымъ со стороны говоровъ южно-малорусскихъ, такъ въ особенности бѣлорусскими особенностями, на столько значительными, что изслѣдователи колеблются къ какой семьѣ говоровъ отнести пинчуковъ—къ малорусской или бѣлорусской. Но общія черты въ фонетикѣ разсматриваемыхъ говоровъ позволяютъ отнести къ одному общему поднарѣчію какъ полѣшскіе и подляшскіе, такъ и угро-русскіе говоры; слѣдовательно, мы въ правѣ предположить, что эти говоры занимали раньше сплошную территорію. Современное же ихъ раздробленіе надо объяснить тѣмъ, что они лишь отчасти сохранили за собой первоначальныя поселенія, такъ какъ въ большей своей массѣ сѣверные малоруссы уступили свою территорію южнымъ малоруссамъ и отчасти сами заняли территорію другаго племени—средне-

Библиотека "Руниверс"

русскаго. Сѣверно-малорусское племя наиболѣе устойчиво сохранило свои поселенія на востокѣ, хотя и уступило южнымъ малоруссамъ въ болѣе раннюю эпоху южную часть древлянской земли, а въ болѣе позднюю—территорію полянъ; отступая къ сѣверу, древляне смѣшивались съ дреговичами; вотъ почему на сѣверѣ восточныхъ поселеній сѣверныхъ малоруссовъ мы найдемъ бѣлорусскія, а на югѣ южно-малорусскія особенности. За Горынью жило сѣверно-малорусское племя дулѣбовъ: подъ напоромъ южно-малорусскихъ волынянъ оно двинулось къ сѣверу, но здѣсь встрѣтило дреговичей въ пинскихъ болотахъ: лишь частью осѣвъ среди нихъ и смѣшавшись съ ними, дулѣбы двинулись къ сѣверо-западу, въ территорію ятвяговъ, которую и заняли съ теченіемъ времени. Они встрѣтились здѣсь съ бужанами, которые должны были уступить верхнее и среднее теченіе Западнаго Буга южно-малоруссамъ. Наконецъ, родственные бужанамъ и дулѣбамъ потомки современныхъ угроруссовъ—хорваты, ассимилировавшись южнымъ малоруссамъ (тиверцамъ), сохранили черты своего древняго говора лишь на крайнемъ западѣ—въ Карпатахъ. Цѣлый рядъ соображеній можетъ подтвердить, что именно этимъ путемъ раздробилось прежнее сѣверно-малорусское единство: если бы сѣверные малороссы на востокѣ, въ Мозырскомъ уѣздѣ, сидѣли не на дреговичской землѣ, намъ непонятны были бы бѣлорусскія особенности ихъ говора, тѣмъ болѣе что за Припетью въ томъ же Мозырскомъ и сосѣднихъ съ нимъ уѣздахъ сидятъ теперь не бѣлороссы, а также смѣшанное изъ бѣлороссовъ и малороссовъ населеніе; связь полѣшскихъ и подляшскихъ говоровъ несомнѣнна, но ихъ раздѣляетъ территорія древнихъ дреговичей (современныхъ пинчуковъ): ясно, что восточная и западная вѣтви сѣверно-малорусскаго племени въ своемъ поступательномъ движеніи къ сѣверу заняли территорію другаго племени, которое на востокѣ успѣло тѣснѣе сблизиться съ ними, чѣмъ на западѣ; но у пинчуковъ, кромѣ сѣверно-малорусскихъ особенностей, находимъ и южно-малорусскія звуковыя черты: это указываетъ, что южные малороссы проникли туда вслѣдъ за сѣверными малоруссами, проникли именно потому, что сѣверные малороссы не осѣли здѣсь такими сплошными массами, какъ на востокѣ и на западѣ—въ Подляшьѣ. Наконецъ, территоріальная связь угроруссовъ и галицкихъ карпатороссовъ съ сѣверными малоруссами можетъ быть возстановлена еще и теперь, если мы примемъ во вниманіе, что между ними находятся червонорусскіе говоры, въ значительной части своей фонетики принадлежащіе къ сѣверно-малорусскому нарѣчію: ср., напримѣръ, твердое *р*,

Библиотека "Руниверс"

твердое *т* въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ, бо́льшую близость *и* (изъ *і* и *ы*) къ *ы*, чѣмъ въ южно-малорусскомъ (ср. ниже) и др.

Въ направленіи отъ сѣверно-малорусскаго поднарѣчія къ югу по правую сторону Днѣпра, къ югу и востоку по лѣвую его сторону, къ востоку отъ при Карпатской области тянется территорія *южно-русскаго* поднарѣчія. Это поднарѣчіе, имѣя въ виду теперешнее его географическое распространеніе, можно раздѣлить на двѣ главныя группы: юго-восточную по лѣвую сторону Днѣпра. западную по правую. Главное отличіе обѣихъ группъ заключается въ ихъ отношеніяхъ къ сѣверно-малорусскимъ говорамъ. Между тѣмъ какъ юго-восточная группа почти не содержитъ говоровъ со смѣшанными южно-малорусскими и сѣверно-малорусскими особенностями, въ западной группѣ нельзя указать ни одного говора, который былъ бы свободенъ отъ сѣверно-малорусскаго вліянія. Подобное раздѣленіе южно-малорусскаго поднарѣчія подсказано мнѣ указаніями, данными К. П. Михальчукомъ въ его прекрасномъ изслѣдованіи: „Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины“ [1]). Онъ принимаетъ два дѣленія Украинскаго нарѣчія: первое дѣленіе его различаетъ сѣверное, среднее и южное поднарѣчія, а второе указываетъ на то, что среднее и южное поднарѣчія, „въ существенныхъ чертахъ“ мало отличающіяся другъ отъ друга, можно разсматривать какъ одно цѣлое, распадающееся на двѣ группы: юго-восточную и западную. Къ первой группѣ г. Михальчукъ относитъ Каневско-Полтавское и Слободско-Украинское разнорѣчія, а ко второй—Волынско-Украинское и Побережско-Подольское разнорѣчія, то-есть къ западной группѣ относятся говоры по правую. а къ юго-восточной группѣ говоры по лѣвую сторону Днѣпра. Въ виду приводимыхъ почтеннымъ изслѣдователемъ данныхъ для характеристики сначала средняго и южнаго поднарѣчій, а потомъ западной и юго-восточной группы, я думаю, что мы можемъ рѣшительнымъ образомъ отклонить первое дѣленіе его (то-есть на сѣверное, среднее и южное украинскія поднарѣчія) и также рѣшительно принять второе дѣленіе (на западную и юго-восточную группу). Дѣйствительно. г. Михальчукомъ отмѣчена только одна „существенная“ особенность, отличающая средне-украинское отъ южно-украинскаго поднарѣчія: въ первомъ согласнымъ *д*, *т*, *з*, *с* глагольной основы соотвѣтствуютъ въ 1-мъ л. наст. вр. *дж*, *ж*, *ч*. *ш* (ходжу, вожу, ношу, хочу), а во

[1]) Тр. этногр.-стат. эксп. въ Западно-русскій край, т. VII, вып. 2-й.

Библиотека "Руниверс"

второмъ поднарѣчіи эти согласныя только смягчаются въ указанной формѣ (ходю, хотю, возю, носю). Напротивъ, тотъ же изслѣдователь приводитъ болѣе шести весьма существенныхъ признаковъ, отличающихъ западную и юго-восточную группы [1]). Поэтому принимая, вслѣдъ за Михальчукомъ, двѣ группы южно-малорусскихъ говоровъ—западную и юго-восточную, я считаю сѣверную полосу той и другой группы областью смѣшанныхъ, переходныхъ говоровъ отъ южно-малорусскаго къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію: также смотритъ на эти говоры Михальчукъ, что видно изъ даннаго имъ названія—украинско-полѣшскихъ. Возвращаясь къ дѣленію южно-малорусскаго поднарѣчія, видимъ, что западная группа тамъ, гдѣ она отступаетъ отъ юго-восточной, сходится съ сѣверно-малорусскимъ поднарѣчіемъ: ср. отвердѣніе *р*, произношеніе *л*, произношеніе *и* какъ *ы*, отвердѣніе *т* въ 3-мъ л. и др. Въ виду этого, предполагая первоначальное единство южно-малорусской группы, въ противоположеніи ея къ группѣ сѣверно-малорусской, я думаю, что первоначальныя черты южно-малорусскаго поднарѣчія въ юго-восточной группѣ сохранились въ большей чистотѣ, чѣмъ въ западной, гдѣ сказалось вліяніе сѣверно-малорусскаго поднарѣчія. Такая постановка вопроса позволитъ намъ привлечь къ предложенному Михальчукомъ дѣленію южно-русскихъ говоровъ и галицкіе (червоно-русскіе) говоры. Всю площадь южно-малорусскаго поднарѣчія отъ Карпатъ до Дона можно раздѣлить на юго-восточную, съ одной стороны, западную и сѣверо-восточную половины, съ другой. Западная и сѣверо-восточная половина южно-малорусскихъ говоровъ отличается отъ юго-восточной чѣмъ, что представляютъ рядъ говоровъ переходныхъ, и при томъ въ различное время, при различныхъ условіяхъ смѣшавшихся съ сѣверно-малорусскими говорами; юго-восточная половина сохранила южно-малорусскій типъ во всей чистотѣ. Такъ на крайнемъ западѣ находимъ карпатскіе говоры: нѣкоторые изъ

---

[1]) Въ западной группѣ согласныя зубныя передъ *і* изъ *о* удерживаютъ свою твердость; въ юго-восточной этого нѣтъ; въ зап. гр. *и* = великорусск. и польск. *ы*, въ юго-вост. *и*—среднее между *ы* и *і* острымъ; въ западной группѣ *л* твердое тверже юго-восточнаго (приближающагося по звуку къ *лъ*) и равняется великорусскому и польскому *л*, *ł*; въ западной группѣ *р* никогда не смягчается (но передъ *і* оно принимаетъ видъ мягкости), въ юго-восточной *р* мягкое распространено; въ западной группѣ 3 *л.* един. и мн. оканчивается на *тъ* и *ть*, въ юго-восточной только на *ть*; группы согласныхъ изъ „согласная+j“ въ юго-восточной группѣ произносятся гораздо рѣзче и встрѣчаются чаще, чѣмъ въ западной (юго-восточныя: пірря, бігапня, а въ западной гр. почти: пірья, біганья) и др.

Библиотека "Руниверс"

нихъ мы отнесли выше къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію, другіе, какъ напримѣръ говоры Бойковъ и Гуцуловъ, ближе къ южно-малорусскому поднарѣчію, но и въ нихъ есть сѣверно-малорусскія черты, напримѣръ, *т* въ 3-мъ л. обоихъ чиселъ, переходъ *а* въ *е* послѣ мягкихъ согласныхъ и нѣкоторыя др. [1]); восточнѣе отъ нихъ тянутся галицкіе говоры, гдѣ, рядомъ съ существенными чертами южно-малорусскаго вокализма, находимъ нѣсколько сѣверно-малорусскихъ чертъ, напримѣръ, отвердѣніе *р*, *т* въ 3 л. обоихъ чиселъ, произношеніе *и* близко къ *ы*, и въ особенности переходъ *а* послѣ *j* и смягченныхъ согласныхъ въ *е* (жель, памьеть, щестье) [2]); еще восточнѣе начинаются украинскіе говоры; въ Подоліи и Холмщинѣ находимъ говоры, „въ фонетическомъ отношеніи почти ничѣмъ не отличающіеся“ отъ украинскихъ, но представляющіе и сѣверно-малорусскія черты, ср. въ Холмскомъ уѣздѣ *е* вм. *я* (прийнети); далѣе, какъ въ Подоліи, такъ и въ западной Волыни, *т* въ 3-мъ л. обоихъ чиселъ, отвердѣніе *р* и др. Наконецъ, въ собственной Украйнѣ, какъ отмѣчено выше, рядомъ съ существенными чертами южно-малорусскихъ говоровъ, находимъ нѣкоторыя сѣверно-малорусскія особенности. Чѣмъ ближе къ Полѣсью, то-есть къ сѣверно-малорусской территоріи, тѣмъ болѣе такихъ особенностей: такъ въ Ковельскомъ, Луцкомъ и сосѣднихъ уѣздахъ Волынской губерніи находимъ переходъ *а* въ *е* послѣ смягченныхъ согласныхъ, произношеніе *и* какъ *ы*, отвердѣніе *р*, *т* въ 3 л. обоихъ чиселъ, переходъ *о* не въ острое *і*, а въ *и*, „произносящееся гортанно и дебело“ и переходящее въ *е*, при чемъ рядомъ является и *і* (пипъ, пепъ и піпъ); въ Радомысльскомъ уѣздѣ вм. *і* остраго изъ *о* является и *и* (или *ы*), напримѣръ, братиу, лый и т. п.; въ Кіевскомъ уѣздѣ извѣстно спорадическое *е* вм. *я* (поесъ) и т. д.; Не мало сѣверно-малорусскихъ чертъ найдемъ и южнѣе въ области „средне-украинскаго“ и „южно-украинскаго“ поднарѣчій, по терминологіи Михальчука: такъ въ Липовецкомъ уѣздѣ Кіевской губерніи *т* въ 3-мъ л. произносится твердо, *р* передъ *а* отвердѣваетъ, въ Литинскомъ уѣздѣ Подольской губерніи замѣчается отвердѣніе *р*, въ Ушицкомъ уѣздѣ той же губерніи *т* въ 3-мъ л. ед. и мн. произносятъ твердо

---

[1]) Въ нихъ нѣтъ *у* на мѣстѣ *о* вм. южно-малорусскаго *і*.

[2]) Эта звуковая особенность характеризуетъ сѣверно-малорусскіе говоры и распространена какъ въ полѣшскихъ, такъ и въ подляшскихъ говорахъ; ср. отожествленіе галицкаго и гуцульскаго явленій съ сѣверно-малорусскимъ у *Огоновскаго*, Studien auf d. Geb. der ruth. Spr. 44—45.

Библиотека "Руниверс"

и т. д. Сѣверо-восточные говоры южно-малорусскаго нарѣчія занимаютъ южную часть Черниговской и сѣверную Полтавской губерній, сѣверо-западную полосу Харьковской и западный уголъ Курской губерніи [1]). Мало чѣмъ отличаясь отъ говоровъ западной территоріи мало-русскаго нарѣчія, они также могутъ быть названы переходными отъ южныхъ говоровъ къ сѣверно-малорусскимъ. Такъ въ Лохвицкомъ уѣздѣ Полтавской губерніи встрѣчаемъ на мѣстѣ южно-малорусскаго *і* изъ *о* звукъ средній между *і* острымъ и *и*, а также твердое *р*; такое же *и* вм. *і* является въ Переяславскомъ уѣздѣ, при чемъ *р* преимущественно твердо. Въ Конотопскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи находимъ *и* и *у* на мѣстѣ южно-малорусскаго *і*, иногда *е* вм. *я* и твердое *р* вмѣсто мягкаго; въ Козелецкомъ и Нѣжинскомъ уѣздахъ встрѣчаются дифтонги *уы*, *юи*, *е* вмѣсто *я*, твердое *р* и др. [2]). Въ наибольшей чистотѣ сохраняется южно-малорусское нарѣчіе въ Полтавской, Харьковской, южной части Курской и юго-западной части Воронежской губерній, то-есть въ юго-восточной половинѣ территоріи, занятой малоруссами. Имѣя въ виду, что только что указанныя мѣстности заселены малоруссами сравнительно очень недавно, мы заключаемъ, что предложенное дѣленіе южно-малорусскаго поднарѣчія на юго-восточную группу и группу, заключающую западные и сѣверо-восточные говоры, не можетъ быть древнимъ по географическому своему распредѣленію; ему должно соотвѣтствовать другое, первоначальное распредѣленіе говоровъ южно-малорусскаго нарѣчія и въ той области, которою нѣкогда ограничивалось малорусское племя, то-есть, въ Заднѣпровьѣ. Здѣсь должны были, еще до колонизаціоннаго движенія на востокъ, различаться двѣ группы говоровъ, изъ которыхъ одна соотвѣтствовала бы современной юго-восточной группѣ, а другая заключала бы говоры, соотвѣтствующіе современнымъ западнымъ и сѣверо-восточнымъ. Опредѣляя взаимное географическое отношеніе этихъ обѣихъ группъ въ Заднѣпровьѣ, съ увѣренностью можемъ признать, что говоры, соотвѣтствующіе современнымъ западнымъ и сѣверо-восточнымъ говорамъ, были расположены къ сѣверу отъ говоровъ современной юго-восточной группы, такъ какъ они представляютъ рядъ переходныхъ чертъ къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію. Слѣдовательно, изученіе современныхъ мало-русскихъ говоровъ приводитъ насъ къ заключенію объ ископ-

[1]) *К. П. Михальчукъ*, въ Тр. этногр.-стат. экси. VII, вып. 2-й, с. 473, 474.
[2]) Ср. *Соболевскій*, Очерки русской діалектологіи.

Библиотека "Руниверс"

номъ дѣленіи мало-русскаго нарѣчія на сѣверное и южное поднарѣчія; существованіе цѣлаго ряда смѣшанныхъ говоровъ между обоими этими поднарѣчіями ясно указываетъ на продолжительныя столкновенія между южными и сѣверными малоруссами; столкновенія эти имѣли слѣдствіемъ появленіе южно-малорусскихъ говоровъ на сѣверно-малорусской территоріи, что особенно убѣдительно доказываютъ угро-русскіе и галицкіе говоры, сохранившіе свои сѣверно-малорусскія черты тамъ, гдѣ не такъ скоро могла ихъ ассимилировать южно-малорусская волна; но не менѣе важны указанія и другихъ говоровъ: появленіе сѣверно-малорусскихъ чертъ въ Подольской или южной части Кіевской губерній врядъ ли можно объяснить давленіемъ сѣверныхъ малоруссовъ на южныхъ; историки указываютъ на постепенное оттѣсненіе древлянъ подъ напоромъ волынянъ къ сѣверу, а потому сѣверно-малорусскія черты въ говорѣ южно-малорусскихъ волынянъ можно объяснить какъ результатъ смѣшенія ихъ съ древлянами. Въ сторонѣ отъ этихъ столкновеній оставались наиболѣе южныя племена малорусскія, которыя, какъ видно изъ разсмотрѣнныхъ выше событій XIII вѣка, не вполнѣ втянулись и въ общую политическую жизнь прочихъ племенъ; послѣ колонизаціоннаго движенія, охватившаго сѣверныхъ ихъ сосѣдей, которые заняли южную часть Черниговской и сѣверную Полтавской губерній, наступила очередь и для этихъ южныхъ племенъ, жителей древняго Понизовья, сидѣвшихъ между Богомъ и Днѣстромъ: они заняли Слободскую Украйну и южныя степи, принеся туда свой древній языкъ, мало потерпѣвшій отъ столкновеній съ родственными племенами. Оставленныя ими въ Заднѣпровьѣ мѣста были заняты сѣверными сосѣдями, сидѣвшими между ними и сѣверными малоруссами—полѣхами.

Бѣлорусская группа говоровъ заключаетъ въ себѣ не только среднерусскіе говоры (чисто бѣлорусскіе), но и рядъ переходныхъ говоровъ къ малорусской и сѣверно-великоруской группѣ. Точно также бѣлорусская народность составилась изъ трехъ элементовъ—среднерусскаго, малорусскихъ и сѣверно-русскихъ, изъ которыхъ первые поглотили оба другіе. Въ области языка видимъ, что говоры южной части Бѣлоруссіи въ существенныхъ чертахъ своихъ бѣлорусскіе, хотя они и содержатъ малорусскія особенности; на сѣверо-востокѣ бѣлорусской территоріи поглощенные бѣлорусскою волной сѣверно-руссы оставили лишь незначительное число звуковыхъ особенностей въ воспринятой ими бѣлорусской рѣчи. Все это позволяетъ намъ разсматривать какъ нѣчто единое разнообразные по происхожденію говоры

Библиотека "Руниверс"

отъ Припети до бассейна Западной Двины, отъ польскихъ границъ до истоковъ Волги и Оки. Бѣлорусскую группу говоровъ можно раздѣлить на три полосы: южную, среднюю и сѣверную. *Южная* полоса—это область переходныхъ говоровъ отъ малорусскаго къ бѣлорусскому нарѣчію: на востокѣ она прилегаетъ къ полѣшскимъ, на западѣ къ подляшскимъ говорамъ сѣверно-малорусскаго поднарѣчія; на востокѣ она обнимаетъ южную часть Гомельскаго уѣзда Могилевской губерніи, южные уѣзды Минской губерніи: Рѣчицкій, Мозырскій (сѣверную его часть, а южная за Припетью можетъ быть отнесена къ малорусской территоріи), Бобруйскій, Игуменскій, Минскій и Слуцкій; мы найдемъ здѣсь рядомъ съ бѣлорусскимъ аканіемъ и дзеканіемъ малорусскіе дифтонги *уо*, *ыо*, *уы*, *іе*, а также спорадически твердость согласныхъ передъ *е* (мэтъ вмѣсто мѣдъ); на западѣ южная полоса бѣлорусскихъ говоровъ обнимаетъ сѣверо-западную часть Гродненской губерніи, при чемъ даже на сѣверѣ Гродненскаго уѣзда попадаются спорадическія особенности малорусской рѣчи. *Средняя* полоса бѣлорусской территоріи заключаетъ въ себѣ южные и юго-западные уѣзды Смоленской губерніи (Смоленскій, Красненскій, Ельнинскій, Рославльскій), Могилевскую губернію, сѣверные уѣзды Минской и Виленскую губерніи: она отличается отъ южной полосы тѣмъ, что не имѣетъ малорусскихъ особенностей, а отъ сѣверной тѣмъ, что не знаетъ измѣненія *ч* въ *ц* (цоканія). Повидимому, среднюю полосу бѣлорусской рѣчи можно раздѣлить на восточную и западную половины. Къ восточной половинѣ относятся тѣ говоры, гдѣ рядомъ съ аканіемъ замѣчается измѣненіе звуковъ *о* и *е* въ направленіе къ *ы* и *и* (даже въ слогѣ передъ удареніемъ); къ западной половинѣ относятся говоры съ рѣзкимъ аканіемъ. Быть можетъ, точнѣе говорить о сѣверо-восточной и юго-западной половинѣ средней полосы, имѣя въ виду, что къ первой относятся говоры смоленской, сѣверной и восточной части Могилевской, сѣверо-восточной части Минской губерній, а ко второй относятся говоры западной части Могилевской, средней части Минской губерній и говоры Виленской губерніи. *Сѣверная* полоса бѣлорусской группы заключаетъ въ себѣ рядъ говоровъ, сохранившихъ указаніе на то, что они замѣнили собою сѣверно-русскіе говоры, смѣшавшись съ ними: это—цокающіе говоры сѣверной части Смоленской губерніи (Духовщинскій, Бѣльскій, Порѣцкій уѣзды), юго-западной части Тверской губерніи (Ржевскій и Зубцовскій уѣзды), а также Витебской и Псковской губерній. Замѣчательно, что въ этихъ говорахъ аканіе напоминаетъ не юго-западные говоры средней полосы, а

Библиотека "Руниверс"

прилегающіе къ нимъ сѣверно-восточные говоры средней полосы, а это наводитъ на мысль, что бѣлорусское нарѣчіе издавна распадалось на юго-западную группу (рѣзко акавшую) и сѣверо-восточную (измѣнявшую *о* и *е* въ направленіи не только къ *а*, но и къ *ы*, *и*); дреговичи и радимичи, двигавшіеся къ сѣверу и востоку, были бы представителями второй группы (ср. сходныя явленія въ говорѣ вятичей), а племена, шедшія слѣдомъ за ними съ юго-запада, были бы представителями первой группы. Весьма вѣроятно, что движеніе малороссовъ къ сѣверу отразилось не только на дреговичахъ, частью смѣшавшихся съ малороссами (ср. говоры южныхъ уѣздовъ Минской губерніи), а частью двинувшихся къ сѣверу въ область кривичей, но также и на западныхъ племенахъ бѣлорусскихъ, когда малороссы стали пробиваться къ бассейну Нѣмана: ср. смѣшанные бѣлорусско-малорусскіе говоры въ Гродненскомъ Подляшіи; вотъ эти то племена и двинулись въ Виленскую, а частью въ Минскую и даже Могилевскую губерніи, можетъ быть, въ связи съ переходомъ дреговичей (смѣшанныхъ съ древлянами) за Днѣпръ въ область Подесенья.—На востокѣ бѣлорусскимъ говорамъ пришлось вести упорную борьбу съ восточными говорами средне-русской группы: вятичи, говорившіе сходно съ радимичами, потеряли рядъ особенностей бѣлорусской рѣчи подъ вліяніемъ сѣверянъ; современную область бѣлорусскаго нарѣчія слѣдуетъ на востокѣ ограничивать тѣми предѣлами, до которыхъ доходятъ бѣлорусское дзеканіе и отвердѣніе *р*.

Южно-великорусская группа говоровъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько средне-русскихъ говоровъ, по происхожденію своему родственныхъ тѣмъ говорамъ, которые вошли въ бѣлорусскую группу. Выше было указано, что многіе бѣлорусскіе говоры, кромѣ измѣненія *о*, *е* въ *а*, знаютъ измѣненіе звуковъ *а*, *о*, *е* въ *ы* и *и* даже въ слогахъ передъ удареніемъ. Такіе говоры имѣются и въ южно-великорусской группѣ и при томъ въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ бѣлорусской территоріи: въ восточныхъ уѣздахъ Смоленской губерніи, въ Калужской, Московской и Тульской губерніяхъ, а также въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Орловской губерніи. Выражаясь словами нѣкоторыхъ изслѣдователей, здѣсь нѣтъ *сильнаго* аканія, такъ какъ: во-первыхъ, при извѣстныхъ условіяхъ даже въ слогѣ передъ удареніемъ, *я*, *а* замѣняются черезъ *и*, *ы*, во-вторыхъ при другихъ условіяхъ, а именно подъ вліяніемъ мягкости слѣдующей согласной,—неударяемыя *е*, *я* переходятъ въ *и*, наконецъ, въ-третьихъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ при всякихъ условіяхъ *я* замѣняется черезъ *и*. Замѣчательно при этомъ, что чѣмъ восточнѣе

Библиотека "Руниверс"

говоръ, тѣмъ онъ сильнѣе акаетъ; относительно Калужской губерніи можно указать, что на юго-востокѣ акаютъ сильнѣе, чѣмъ на сѣверо-западѣ. Вывожу отсюда заключеніе, согласованное съ тѣмъ, которое сдѣлано выше относительно бѣлорусской группы: умѣренное аканіе, переходъ *а*, *я* въ *ы*, *и*, характеризуетъ преимущественно говоръ древнихъ вятичей, говорившихъ сходно съ смоленскими радимичами и полоцкими дреговичами; слѣдовательно, сильное аканіе—это черта восточнаго говора средне-русской группы, особенность сѣверскаго говора. Подтвержденіе такому предположенію я нахожу какъ въ томъ обстоятельствѣ, что сильное аканіе слышится въ Рязанской губерніи, заселенной, какъ было указано, сѣверянами, такъ и въ томъ, что оно господствуетъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Курской губерніи, а также въ древней сѣверской области, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ смѣшанныхъ говорахъ Новгородъ-сѣверскаго и сосѣднихъ съ нимъ уѣздовъ [1]). Въ виду этихъ указаній, а также того обстоятельства, что, подвигаясь отъ Смоленской губерніи къ Рязанской, мы находимъ все меньше и меньше звуковыхъ особенностей, характеризующихъ бѣлорусскую рѣчь [2]), мнѣ кажется необходимымъ признать, что говоръ вятичей съ теченіемъ времени ассимилировался говору сѣверянъ, утрачивая свои рѣзкія отличія, какъ напримѣръ, дзеканіе и твердое *р*. Но, какъ указано было выше, остатки дзеканія сохраняются до сихъ поръ въ Калужской губ. (въ Мосальскомъ, Мещовскомъ, а по Далю и Жиздринскомъ уѣздахъ); поэтому вѣроятно, что сѣверское вліяніе долго не могло проникнуть въ вятичскіе говоры, тѣмъ болѣе, что вятичи одно время тянули къ родственнымъ племенамъ, вошедшимъ въ составъ литовско-русскаго государства.

Я указывалъ выше на то, что сѣверяне и вятичи уже съ первыхъ вѣковъ нашей исторической жизни перешли въ наступательное движеніе къ сѣверу, въ область кривичей. Въ результатѣ мы находимъ еще и теперь въ области южно-великорусской рѣчи цѣлый рядъ говоровъ, содержащихъ ясные слѣды своего сѣвернаго происхожденія: наиболѣе интересныя данныя извлекаются изъ касимовскихъ говоровъ Рязанской губерніи, гдѣ, по указанію проф. Будде [3]), находимъ до сихъ поръ сѣверно-русское *г*, а также слѣды сѣвернаго оканія и смѣшеніе *ч*

---

[1]) *Соболевскій*, Опытъ русской діалектологіи, 24.

[2]) Напримѣръ удвоеніе согласныхъ въ случаяхъ какъ судда, свинна; *ы* вмѣсто *о* мыю, крыю; *э* вмѣсто *о*, фонетически же вмѣсто *ы* (аднэй) и т. д.

[3]) Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, Казань 1896.

Библиотека "Руниверс"

и *ц*. Мнѣ неясно еще отношеніе этихъ говоровъ къ южно-рязанскимъ, такъ какъ въ нихъ имѣются южно-великорусскія черты, которыхъ нѣтъ въ южно-рязанскихъ говорахъ: отношу теперь сюда смѣшеніе *у* и *в*, такъ какъ его трудно отдѣлить отъ подобнаго же явленія въ говорахъ тульскихъ и калужскихъ. Если, при ближайшемъ изслѣдованіи, выяснится сходство касимовскихъ говоровъ съ егорьевскими (въ Егорьевскомъ уѣздѣ извѣстна мѣна ч и *ц*), то возможно будетъ предположить, что сѣверная за-окская часть Рязанской губерніи была заселена вятичами, смѣшавшимися здѣсь съ болѣе ранними поселенцами—сѣверно-русскими кривичами, между тѣмъ какъ южная часть этой губерніи была колонизована, по Дону и его притокамъ, зашедшими при благопріятныхъ условіяхъ далеко на югъ сѣверянами. Въ Московской губерніи видимъ рядъ говоровъ по происхожденію своему сѣверно-русскихъ, но принявшихъ южно-великорусскій характеръ. Прежде всего сюда относится говоръ самой Москвы, ставшій языкомъ государственнымъ и литературнымъ: какъ извѣстно, въ немъ съ сѣверно-великорусскимъ произношеніемъ согласныхъ соединяются южно-великорусское произношеніе гласныхъ: имѣя въ виду, что оканье при встрѣчѣ съ аканьемъ обыкновенно уступаетъ ему, я склоненъ допустить, что Московское нарѣчіе по происхожденію своему не южно-великорусскій, а сѣверно-русскій говоръ, принявшій южно-великорусскій вокализмъ; подтвержденіе такому мнѣнію я нахожу какъ въ древнѣйшихъ памятникахъ московскихъ, гдѣ не скоро пробивается аканіе, такъ и въ томъ, что почти на глазахъ современниковъ нарѣчіе это потеряло еще одну сѣверно-русскую особенность, замѣнивъ ее южно-великорусскою; въ XVIII вѣкѣ въ Москвѣ говорили, такъ же какъ теперь въ Ярославской губерніи: смѣляе, добряе, веселяе; теперь вмѣсто этого господствуетъ исключительно произношеніе: смѣлѣй, добрѣй, веселѣй, произношеніе, свойственное прежде всего южно-великорусскимъ говорамъ. Въ своемъ поступательномъ движеніи къ сѣверу, вятичи оставивъ Москву за собой, проникли и въ глубь современной Тверской губерніи, которую, почти въ цѣломъ ея составѣ, пріобщили къ области южно-великорусской: какъ указано было выше, аканіе отмѣчено въ Тверскомъ, Осташковскомъ, Старицкомъ, Вышневолоцкомъ, Новоторжскомъ уѣздахъ. Но консонантизмъ здѣсь оказался также устойчивъ какъ на Москвѣ: *т* твердо въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ, въ родит. падежѣ слышится въ *ı*, а *ı* произносится какъ мгновенная согласная и т. д. Не стану останавливаться здѣсь на смѣшанныхъ говорахъ, образовавшихся въ поволжскихъ губерніяхъ, колонизованныхъ

Библиотека "Руниверс"

какъ сѣверно-руссами такъ и южно-великоруссами; отмѣчу только существованіе акающихъ говоровъ въ Пензенской, Нижегородской, Симбирской, Саратовской губерніяхъ, не имѣющихъ ни придыхательнаго *г*, ни мягкаго *т* въ 3-мъ л., ни многихъ другихъ южно-великорусскихъ особенностей, очевидно утраченныхъ подъ вліяніемъ сѣверно-русскихъ сосѣдей.

Сѣверно-великорусская группа говоровъ, какъ видно изъ предшествующихъ указаній, потеряла цѣлый рядъ областей на югѣ: сѣверно-руссы вытѣснены средне-руссами не только съ береговъ Западной Двины и Чудскаго озера, но также въ средней Россіи съ истоковъ Днѣпра и Волги и съ береговъ Оки. Въ Псковской губерніи кривичамъ удалось сохранить за собой только Порховскій уѣздъ, издавна тянувшій не къ Пскову, а къ Новгороду; насколько извѣстно, здѣсь окаютъ до сихъ поръ, между тѣмъ какъ во всей остальной губерніи акаютъ подъ вліяніемъ бѣлорусскихъ дреговичей, продвинувшихся сюда съ юга. Въ Тверской губерніи сѣверно-руссы удержались только въ сѣверо-восточныхъ (въ Весьегонскомъ и Бѣжецкомъ) и въ восточныхъ уѣздахъ (Корчевскомъ, Калязинскомъ, Кашинскомъ); но вятичи распространили свое дзеканіе и здѣсь; въ Корчевѣ, по указанію Даля, дзекаютъ, какъ дзекаютъ и въ сосѣднемъ Вышневолоцкомъ и Боровичскомъ уѣздахъ; дзеканіе перешло, какъ мы видѣли, и въ Моложскій и Пошехонскій уѣзды Ярославской губерніи. Тѣснимые съ юга кривичи двинулись къ сѣверу и востоку: въ поступательномъ движеніи русскаго племени въ области финскія, а впослѣдствіи и въ Сибирь сѣверно-руссы оказываются впереди всѣхъ. Этимъ объясняется то распространеніе, которое получило сѣверно-великорусское нарѣчіе къ востоку и къ юго-востоку; это же колонизаціонное движеніе сѣверно-руссовъ въ достаточной степени разъясняетъ и то обстоятельство, почему до сихъ поръ изслѣдователямъ не удалось отмѣтить какихъ-нибудь крупныхъ дѣленій въ сѣверно-русской группѣ. Правда, въ ней очень много разнообразныхъ говоровъ, но объединить ихъ въ болѣе обширныя нарѣчія, поднарѣчія не удалось ни Далю, ни Колосову, ни въ послѣднее время Соболевскому. Очевидно, колонизаціонное движеніе, не прекращавшееся съ эпохи общаго движенія русскихъ племенъ къ югу и востоку, принимавшее лишь различныя направленія, не давало возможности сѣверно-руссамъ разбиться на отдѣльныя группы.

Повторю вкратцѣ тѣ выводы, къ которымъ меня привело все предшествующее изслѣдованіе. Русскій языкъ издавна разбился на три

Библиотека "Руниверс"

діалектическія группы, соотвѣтствовавшія и племеннымъ группамъ восточной отрасли славянъ: эти группы можно назвать сѣверной, средней и южной сообразно съ географическими распредѣленіемъ ихъ въ древней Руси. Средне-русская діалектическая группа раздѣлилась на западную и восточную, а южно-русская на сѣверную и южную половины. Въ IX—X вѣкѣ русскія племена сидѣли гораздо дальше на юго-востокъ и юго-западъ, чѣмъ съ конца X вѣка, когда въ южно-русскихъ степяхъ явились тюркскія орды сначала печенѣговъ и узовъ, а потомъ половцевъ; сообразно съ этимъ, сѣверно-русскія и средне-русскія діалектическія границы заходили на югъ гораздо дальше, чѣмъ это можно заключить на основаніи данныхъ, представляемыхъ современными говорами. Подобно тому какъ южно-русскія племена доходили до Чернаго моря и Дуная, западная половина средне-русскаго племени сидѣла частью южнѣе рѣки Припети, а сѣверно-руссы доходили до Западной Двины, верховьевъ Днѣпра и средняго теченія Оки; восточная половина средне-русскаго племени простиралась на юго-востокъ до Дона и Азовскаго моря. Съ тѣхъ поръ какъ событія на югѣ и непосильная борьба мирнаго русскаго населенія съ степными ордами заставили его отступить къ сѣверу, всѣ русскія племена поддаются этому новому движенію и занимаютъ территоріи, принадлежавшія сѣвернымъ ихъ сосѣдямъ. Такъ южная половина южно-руссовъ садится тамъ, гдѣ раньше сидѣли сѣверныя племена южно-русской группы; при этомъ частью происходитъ смѣшеніе племенъ и діалектическихъ особенностей южной и сѣверной половины. Въ свою очередь сѣверная половина южно-руссовъ тѣснитъ западныя вѣтви средне-русскаго племени и заходитъ далеко къ сѣверу, образуя съ средне-руссами смѣшанное племя со смѣшаннымъ нарѣчіемъ. Средне-руссы оттѣсняютъ сѣверно-руссовъ отъ западной Двины, а впослѣдствіи даже отъ Чудскаго озера, направляя ихъ движенія къ сѣверо-востоку и востоку; другія вѣтви средне-русскаго племени отнимаютъ у сѣверно-руссовъ верховья Днѣпра и западную часть верхняго Поволжья, и оттѣсняютъ ихъ отъ лѣваго берега Оки. Здѣсь на Окѣ западная вѣтвь средне-руссовъ (вятичи) сталкивается и съ восточною ихъ вѣтвью (сѣверянами), которая проникаетъ въ рязанскую область съ юго-востока по Дону и его притокамъ. Сѣверно-руссамъ открывается колонизаціонное движеніе на сѣверъ и востокъ, и дѣйствительно они скоро достигаютъ Бѣлаго моря и Урала, подвигаясь вмѣстѣ съ тѣмъ на востокъ, въ союзѣ съ средне-руссами, по Волгѣ. Татарское нашествіе въ значительной степени упрочило то напра-

Библиотека "Руниверс"

вленіе народной жизни, которое она приняла съ тѣхъ поръ, какъ потеряла возможность расширяться къ югу. Вмѣстѣ съ тѣмъ это нашествіе, усиливъ опасность съ юга и востока, сплотило населеніе въ три политическія группы и содѣйствовало образованію трехъ народностей. На юго-западѣ объединеніе земли, достигнутое отчасти уже Романомъ, привело со временемъ къ единству народности, составившейся такимъ образомъ изъ обѣихъ половинъ южно-русской племенной и діалектической группъ. На сѣверо-западѣ земля объединилась къ началу XIV вѣка, и бѣлорусская народность соединила западныя племена средне-русской группы, а также ассимилировавшихся имъ южно-руссовъ на югѣ и сѣверно-руссовъ на сѣверѣ. Объединеніе земли на сѣверо-востокѣ началось уже въ концѣ XII вѣка, при чемъ уже тогда получила свое начало великорусская народность, составившаяся изъ племенъ сѣверно-русскихъ и обѣихъ отраслей средне-русскаго племени — западной (вятичи) и восточной (сѣверяне). Нашествіе татаръ отсрочило объединеніе на долгое время; въ XIV вѣкѣ оно возобновилось, и менѣе чѣмъ въ два столѣтія вокругъ Москвы соединились всѣ русскія земли, не попавшія подъ литовско-русское или польское владычество. Объединеніе земли дало возможность образоваться одной общей народности, и только наиболѣе отдаленныя отъ велико-русскаго ядра мѣстности не поддались ассимилирующему вліянію центра. Но языкъ особенно устойчиво сохранилъ свою индивидуальность: только въ Москвѣ и нѣкоторыхъ пограничныхъ, а также вновь колонизованныхъ мѣстностяхъ образовались смѣшанныя нарѣчія; вообще же великорусскій народъ можно до сихъ поръ дѣлить по языку на двѣ группы — сѣверно-великорусскую, соотвѣтствующую древней сѣверно-русской группѣ, и южно-великорусскую, соединившую западныя и восточныя нарѣчія средне-русской группы.

Такъ на мѣсто трехъ древнихъ діалектическихъ группъ — сѣверной, средней и южной явились четыре новыя — сѣверно-великорусская южно-великорусская, бѣлорусская и малорусская.

А. Шахматовъ.

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ СРЕДНЯГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ [1]).

II.

Сложность и трудность изученія школьнаго вопроса въ Германіи въ настоящее время. — Необходимость принять при изученіи этихъ вопросовъ въ соображеніе существующіе „Союзы" и „Общества", занимающіеся школьнымъ вопросомъ и характеризующіе различныя направленія въ этой области.— Перечисленіе главнѣйшихъ изъ этихъ союзовъ и органовъ ихъ въ печати.— Возникновеніе „Общаго союза дѣятелей по реальному образованію" (allgemeiner Realschulmänner-Verein).—Преимущественная цѣль союза: покровительство и защита реальныхъ училищъ 1-го разряда (реальныхъ гимназій). — Агитаціонная дѣятельность союза. — Полемическая литература связанная съ дѣятельностью союза.—Педагогическая литература, не связанная непосредственно съ дѣятельностью союза, но направленная къ защитѣ реальныхъ гимназій: Паульсенъ, Пицкеръ, Целлеръ, Дильманъ. — Отношеніе къ реальнымъ гимназіямъ университетовъ, общества и правительства. — Заключительныя соображенія о реальныхъ гимназіяхъ.

Новѣйшій періодъ исторіи школьнаго вопроса въ Германіи, къ которому мы теперь приступаемъ, несомнѣнно представляетъ собою одинъ изъ интереснѣйшихъ и поучительнѣйшихъ предметовъ изученія для всякаго, кто интересуется школьнымъ дѣломъ и кто желаетъ слѣдить за общимъ ходомъ его развитія не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ, не исключая нашего отечества, такъ какъ именно въ Германіи болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ этотъ періодъ (то-есть, съ начала восьмидесятыхъ годовъ и до нашихъ дней), получили опредѣленную формулировку и нашли себѣ представителей въ теоріи, а

[1]) *Продолженіе.* См. февральскую кн. *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ.

Библиотека "Руниверс"

частью и на практикѣ, бо́льшая часть разнообразныхъ педагогическихъ направленій и воспитательныхъ стремленій, которыя, хотя въ самыхъ различныхъ формахъ, но повсемѣстно оказываютъ въ настоящее время вліяніе на развитіе средняго образованія во всей Европѣ,—вліяніе, отъ котораго отчасти не ускользнула школа даже въ Англіи.

Но, представляя величайшій интересъ, изученіе указываемаго нами періода, является въ то же время и въ высшей степени сложнымъ, какъ въ виду богатства и разнообразія матеріала, такъ равно и по той трудности, съ которою вообще сопряжено изслѣдованіе современныхъ, еще окончательно нерѣшенныхъ, вопросовъ, всегда въ значительной степени усложняемыхъ массою дробныхъ и нерѣдко случайныхъ явленій текущей жизни и затемняемыхъ борьбою страстей, мѣшающихъ съ достаточною ясностью отличать существенное отъ несущественнаго и всегда вводящихъ во всякое дѣло сбивчивость и путаницу понятій. Различіе взглядовъ и мнѣній по школьному вопросу и разнообразіе требованій, предъявляемыхъ къ школѣ въ наше время такъ велики, что не мудрено было бы заблудиться въ лабиринтѣ всевозможныхъ—часто противорѣчивыхъ и исключающихъ другъ друга теорій, общихъ проектовъ и частныхъ предложеній, если, при самомъ приступѣ къ ихъ изученію, не постараться классифицировать ихъ, сообразно съ ихъ основнымъ направленіемъ и наиболѣе характерными принципами, не увлекаясь при томъ стремленіемъ охватить всю совокупность безконечно разнообразныхъ оттѣнковъ менѣе типичныхъ мнѣній и взглядовъ по школьному дѣлу. Подобная классификація представляла бы, однако, по отношенію къ Германіи, величайшую трудность, обусловливаемую громадностью накопившагося за послѣднее время матеріала, еслибы задача эта въ значительной мѣрѣ не облегчалась тѣмъ широкимъ развитіемъ, которое получило въ нѣмецкомъ обществѣ обыкновеніе образовывать по всевозможнымъ поводамъ кружки и союзы съ цѣлью, какъ разработки интересующихъ общество вопросовъ, такъ и для совмѣстной дѣятельности, благодаря чему за послѣднія 20—25 лѣтъ, въ которыя борьба различныхъ стремленій по школьному вопросу, получила особое развитіе, вся Германія покрылась сѣтью обществъ или союзовъ, въ которыхъ всѣ, сколько нибудь выдающіяся, направленія по этому вопросу нашли себѣ выраженіе и представительство. Такимъ образомъ общества и союзы эти могутъ служить намъ, какъ бы путеводными маяками, указывающими на группировку взглядовъ и мнѣ-

Библиотека "Руниверс"

ній, при чемъ отчеты о ихъ дѣятельности, періодическія изданія, основанныя почти каждымъ изъ нихъ для пропаганды своихъ идей, и литература, которая примыкаетъ къ нимъ, представляютъ собою, хотя и чрезвычайно обширный, но уже сгруппированный по различнымъ направленіямъ, матеріалъ, дающій возможность разобраться въ массѣ противоположныхъ воззрѣній на дѣло обученія и воспитанія и уяснить себѣ значеніе и силу того или другаго теченія общественнаго мнѣнія, замѣчаемаго въ настоящее время въ этой области.

Въ виду этого мы находимъ наиболѣе цѣлесообразнымъ пріурочить, въ предпринятомъ нами настоящемъ очеркѣ, изученіе современнаго положенія школьнаго вопроса, къ изслѣдованію дѣятельности главнѣйшихъ и наиболѣе вліятельныхъ обществъ и союзовъ, образовавшихся въ Германіи въ области школьнаго дѣла, затѣмъ указать на отношеніе ученыхъ коллегій, правительствъ и законодательныхъ собраній къ тѣмъ или другимъ теоріямъ и проектамъ организаціи школы и наконецъ ознакомить нашихъ читателей съ тѣмъ, что именно изъ этихъ теорій и проектовъ уже получило осуществленіе и примѣненіе на практикѣ. Этимъ путемъ намъ удастся, мы надѣемся, несмотря на сложность задачи, выяснить тѣ главнѣйшія направленія, которыя въ настоящее время господствуютъ въ школьномъ дѣлѣ въ Германіи, и представить въ общихъ чертахъ возможно ясную,— хотя, само собою разумѣется, далеко еще не полную—картину современнаго положенія школьнаго вопроса.

Для удобства и ясности изложенія при ознакомленіи съ дѣятельностью указываемыхъ нами обществъ, а равно литературы, соотвѣтствующей разнообразію ихъ стремленій, мы считаемъ прежде всего необходимымъ распредѣлить ихъ на двѣ крупныя категоріи, сообразно тѣмъ двумъ наиболѣе характернымъ направленіямъ, въ которыхъ за послѣдніе годы съ особою опредѣленностью развивались въ Германіи взгляды на среднее образованіе; при этомъ мы отнесемъ къ одной группѣ всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ сохраненія и развитія въ средней школѣ системы образованія, основанной на преимущественномъ изученіи обоихъ древнихъ языковъ; независимо отъ того, стремятся ли они къ сохраненію при этомъ существующей школьной организаціи или же къ болѣе или менѣе коренному ея преобразованію; другую же группу составятъ мнѣнія тѣхъ, которые относятся отрицательно, не только къ существующему школьному устройству, но и вообще къ гуманитарному направленію образованія, неразрывно связанному съ изученіемъ обоихъ древнихъ языковъ, а затѣмъ мы

Библиотека "Руниверс"

войдемъ въ разсмотрѣніе тѣхъ подраздѣленій, на которыя распадаются въ настоящее время взгляды сторонниковъ каждаго изъ двухъ указанныхъ нами главныхъ направленій, и постараемся подвергнуть эти взгляды возможно тщательной оцѣнкѣ и опредѣлить значеніе каждаго изъ нихъ.

Принципіальныхъ сторонниковъ гуманитарной, классической системы образованія можно, намъ кажется, раздѣлить въ настоящее время на три, довольно существенно отличающіяся между собою группы: одни желаютъ сохранить въ общихъ ея основахъ гуманистическую гимназію, въ настоящемъ ея видѣ, не отрицая, однако, само собою разумѣется, желательности и необходимости постояннаго ея улучшенія и усовершенствованія, и не отвергая пользы существованія рядомъ съ гимназіями и другихъ типовъ учебныхъ заведеній. Представителями этого направленія являются множество мѣстныхъ кружковъ и союзовъ, изъ числа коихъ, по нашему мнѣнію особаго вниманія заслуживаютъ: „Союзъ рейнскихъ педагоговъ“ (Verein rheinischer Schulmänner), „Союзъ баварскихъ гимназическихъ учителей“ (bayerischer Gymnasiallehrer-Verein) и „Либеральный школьный союзъ Рейнскихъ провинцій и Вестфаліи“ (der liberale Schulverein Rheinlands und Westfalens), а затѣмъ учрежденный въ Берлинѣ „Гимназическій союзъ“ (Gymnasialverein), распространяющій свою дѣятельность на всю Германію, при чемъ въ послѣднихъ двухъ союзахъ принимаетъ дѣятельное участіе очень значительное число лицъ не педагогическаго званія. Въ спеціальной школьной періодической печати, взгляды сторонниковъ гуманитарнаго образованія находятъ себѣ главнымъ образомъ выраженіе въ берлинскомъ журналѣ „Zeitschrift für das Gymnasialwesen“ и въ издаваемыхъ въ Мюнхенѣ „Blätter für das Gymnasialschulwesen“, при чемъ оба эти журнала посвящены не столько полемикѣ по школьному дѣлу, сколько спокойной и серьезной разработкѣ важнѣйшихъ педагогическихъ вопросовъ, касающихся гимназическаго образованія. Затѣмъ большой интересъ представляетъ издаваемый въ Гейдельбергѣ журналъ „Das humanistische Gymnasium“, служащій непосредственнымъ органомъ „Гимназическаго Союза“ и посвященный главнымъ образомъ обсужденію явленій текущей жизни, такъ или иначе вліяющихъ на положеніе школьнаго вопроса [1]).

---

[1]) Само собою разумѣется, что мы указываемъ въ данномъ случаѣ (точно такъ же, какъ и при разсмотрѣніи мнѣній противниковъ гуманитарнаго образованія) только на нѣкоторыя, наиболѣе типичныя изданія, отличающіяся особенно

Библиотека "Руниверс"

Другіе изъ сторонниковъ гуманитарнаго образованія желали бы слить классическую систему съ реальною путемъ усиленія въ гимназіяхъ въ широкихъ размѣрахъ изученія реальныхъ предметовъ, но при непремѣнномъ условіи сохраненія въ гимназіяхъ преподаванія обоихъ древнихъ языковъ, и съ тѣмъ, чтобы такая преобразованная гуманистическая гимназія была затѣмъ обращена по возможности въ единственный типъ средней школы, готовящей ко всѣмъ видамъ высшаго образованія, что должно повести къ возстановленію того единства культуры образованныхъ классовъ, которое будто бы существовало въ прежнія времена и составляло существенное преимущество ихъ передъ настоящимъ. Стремленіе къ созданію подобной „единой школы“ (Einheitsschule) находитъ себѣ выраженіе въ существующемъ въ Ганноверѣ „Союзѣ единой школы“ (Einheitschulverein), имѣющемъ развѣтвленія въ разныхъ мѣстахъ Германіи и насчитывающемъ не малое число членовъ. Союзъ этотъ періодически издаетъ свои труды, которые далеко не лишены интереса и во многихъ отношеніяхъ представляютъ цѣнный вкладъ въ педагогическую литературу.

Наконецъ въ послѣдніе годы въ средѣ сторонниковъ гуманитарнаго образованія возникло еще новое направленіе, подъ вліяніемъ котораго сперва въ Франкфуртѣ на Майнѣ, а затѣмъ и въ нѣсколькихъ другихъ городахъ, производятся опыты такого преобразованія гимназій, при которомъ цѣли и задачи классическаго образованія не умаляются и не суживаются по отношенію къ своимъ конечнымъ результатамъ, но преподаваніе древнихъ языковъ начинается позднѣе, чѣмъ то принято въ настоящее время, и младшіе классы этой „преобразованной гимназіи“ (Reformgymnasium) могли бы такимъ образомъ служить общею основою (als allgemeiner Unterbau dienen) для дальнѣйшаго прохожденія курса, какъ классической, такъ и реальной (съ однимъ латинскимъ языкомъ) гимназіи, а по возможности и высшаго реальнаго училища (вовсе безъ древнихъ языковъ). Это направленіе съ внѣшней своей стороны очень близко подходитъ къ стремленіямъ сторонниковъ такъ называемой „объединенной школы съ общимъ основаніемъ“ (Einheitsschule mit allgemeinem Unterbau)[1]), но учредители „преобразованной гимназіи“ настойчиво отвергаютъ всякую

опредѣленнымъ характеромъ. Затѣмъ мнѣнія и взгляды, какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ гуманизма разбросаны во множествѣ другихъ педагогическихъ и не педагогическихъ изданій.

[1]) Для упрощенія терминологіи, мы будемъ называть школу этого типа просто „*объединенной* школою“ въ отличіе отъ указанной выше „*единой* школы“.

Библиотека "Руниверс"

солидарность съ подобною „объединенною школою“, такъ какъ послѣдняя относится прямо враждебно къ самому принципу классическаго образованія, сторонники же „преобразованной гимназіи“ имѣютъ въ виду служить интересамъ классицизма и надѣятся оказать ему услуги. До сихъ поръ приверженцы „преобразованной гимназіи“ еще не организовали сколько нибудь самостоятельнаго, крупнаго общества, но литература, вызванная учрежденіемъ новой Франкфуртской и другихъ подобныхъ ей гимназій, вполнѣ уже выяснила направленіе сторонниковъ „преобразованной гимназіи“ и задачи, которыя они стремятся выполнить.

Обращаясь затѣмъ къ противникамъ господствующей въ Германіи классической системы образованія, мы видимъ, что они распадаются на нѣсколько болѣе или менѣе крупныхъ категорій, существенно отличающихся другъ отъ друга, и имѣющихъ при томъ каждая множество разнообразныхъ оттѣнковъ, но сходящихся въ общемъ неудовольствіи не только на существующую организацію средняго образованія, но и на самую систему, на которой она зиждется, а потому одинаково требующихъ ея преобразованія, хотя далеко не на тождественныхъ основаніяхъ.

Изъ числа этихъ группъ, какъ по времени возникновенія, такъ и по значенію, которое они пріобрѣли въ борьбѣ по школьному вопросу, на первый планъ выступаетъ группа сторонниковъ реальныхъ гимназій, добивающихся, еще съ шестидесятыхъ годовъ уравненія правъ этихъ новыхъ, не то реальныхъ, не то классическихъ учебныхъ заведеній, со старою гуманистическою школою. Нѣсколько мѣстныхъ кружковъ и два значительные союза „дѣятелей по реальному образованію“ (Realschulmänner-Verein) въ Берлинѣ и Мюнхенѣ являются представителями этого направленія, при чемъ первый союзъ имѣетъ многочисленныя развѣтвленія во многихъ мѣстахъ. Оба союза имѣютъ свои органы въ печати: „Central-Organ für die Interessen des Realschulwesens“ въ Берлинѣ и „Blätter für das bayerische Realschulwesen“ въ Мюнхенѣ; независимо отъ сего, вопросомъ о реальномъ образованіи въ Германіи весьма серьезно занимается особенно въ послѣднее время „Pädagogisches Archiv“ и „Zeitschrift für das Realschulwesen“, издаваемая въ Вѣнѣ.

Литература, касающаяся реальныхъ гимназій, весьма обширна и чрезвычайно интересна, такъ какъ она въ значительной степени выясняетъ причины и ходъ развитія борьбы по школьному вопросу, охватившей въ послѣднія десятилѣтія всю Германію и въ особенно-

Библиотека "Руниверс"

сти ея Сѣверъ. Въ литературѣ этой въ послѣднее время замѣчается два теченія, изъ которыхъ одно стремится развить въ реальныхъ гимназіяхъ элементы гуманитарнаго образованія, а другое напротивъ поставляетъ себѣ задачею усилить реальный характеръ этихъ заведеній.

Другую группу противниковъ гуманитарной школы составляютъ сторонники „объединенной школы съ общимъ основаніемъ“ (Einheitsschule mit allgemeinem Unterbau), которые въ самомъ принципѣ отвергаютъ классическую систему образованія и если допускаютъ въ настоящее время преподаваніе въ школѣ древнихъ языковъ, то только съ тѣмъ, чтобы изученіе ихъ начиналось пока. въ видѣ переходной мѣры, не ранѣе Unter Tertia (то-есть, четвертаго класса по нашему счету), а затѣмъ было перенесено, въ возможно непродолжительномъ времени, въ шестой классъ, при чемъ, хотя не прямо, но съ достаточною ясностью, выражается надежда. что этимъ путемъ удастся въ недалекомъ будущемъ совершенно исключить древніе языки изъ курса средней школы. Для пропаганды этой идеи въ Берлинѣ образовался „Союзъ реформы школы“ (Verein für Schulreform), который принималъ особенно дѣятельное участіе въ той, небывалой по силѣ и распространенію, агитаціи по школьному вопросу. которая охватила большую часть Германіи въ восьмидесятыхъ годахъ. Въ печати органомъ этого союза является „Zeitschrift für die Reform der höheren Schulen“, а независимо отъ того къ нему примыкаетъ весьма разнообразная литература, которая требуетъ коренной реформы всего средняго образованія на совершенно новыхъ началахъ.

Рядомъ съ „союзомъ реформы“ нельзя не упомянуть о другомъ, менѣе крупномъ, но столь же радикальномъ по направленію, обществѣ, принявшемъ наименованіе „Обще-Германскаго союза реформы—Новая нѣмецкая школа“ (Allgemeiner deutscher Verein für Schulreform—die neue deutsche Schule). Союзъ этотъ, равно какъ и издаваемый имъ журналъ „Die neue deutsche Schule“ были очень не долговѣчны, просуществовавъ всего годъ съ небольшимъ. но тѣмъ не менѣе ихъ нельзя обойдти молчаніемъ, такъ какъ представителями этого союза являлись такіе корифеи школьной агитаціи, какъ Прейеръ, Шмельцеръ, Гёрингъ и др.

При разсмотрѣніи дѣятельности и значенія только что указанныхъ нами двухъ союзовъ, мы коснемся и литературной дѣятельности нѣсколькихъ болѣе выдающихся отдѣльныхъ лицъ, не стоящихъ въ непосредственной связи съ этими союзами, но по своему направленію имѣющихъ съ ними много точекъ соприкосновенія.

Библиотека "Руниверс"

Особое мѣсто занимаетъ затѣмъ „союзъ поощренія высшихъ школъ безъ латинскаго языка“ (Verein zur Förderung des lateinlosen höheren Schulwesens), являющійся представителемъ чисто реальнаго направленія. Союзъ этотъ и издаваемый имъ журналъ „Zeitschrift für lateinlose höhere Schulen“ представляютъ особый интересъ, какъ по тщательности, съ которою ими разработываются педагогическіе вопросы, такъ и по спокойствію и по сравнительной умѣренности своихъ дѣйствій и взглядовъ. И въ этой области образовалась уже довольно обширная литература, вполнѣ заслуживающая изученія.

Наконецъ мы коснемся того значенія, которое имѣютъ по отношенію къ школьному вопросу, нѣкоторые кружки и общества спеціалистовъ, какъ-то инженеровъ, архитекторовъ, техниковъ и т. д., являющихся представителями профессіональнаго образованія, но заинтересованныхъ въ постановкѣ общаго средняго образованія, какъ подготовки къ разнымъ профессіямъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы постараемся выяснить, насколько каждое изъ указываемыхъ нами направленій получило осуществленіе на практикѣ, и какъ къ нимъ относятся ученыя корпораціи, законодательныя собранія и правительства Германскихъ государствъ.

Столкновеніе различныхъ направленій, приведшее къ той борьбѣ по школьному вопросу, которая съ такимъ ожесточеніемъ разыгралась въ Германіи въ восьмидесятыхъ годахъ, готовилось, какъ знаютъ наши читатели, уже давно. Небывалое развитіе наукъ, все возрастающій спросъ на образованіе, въ такихъ даже слояхъ общества, которые еще недавно удовлетворялись въ этомъ отношеніи самыми скромными требованіями, быстрое измѣненіе условій экономической, общественной и государственной жизни—все это создало такое положеніе школьнаго дѣла, при которомъ новыя требованія, предъявляемыя къ образованію, возникали гораздо быстрѣе, чѣмъ возможно было ихъ удовлетворять. Явилась необходимость въ изысканіи новыхъ путей къ образованію, сложились новые взгляды и теоріи воспитанія, которые, какъ всегда бываетъ съ новыми ученіями, стали проповѣдываться съ крайнею страстностью и съ увѣренностью въ своей непогрѣшимости, доходящею до фанатизма, заставляющаго нерѣдко легкомысленно отвергать все, что есть хорошаго въ прошломъ и въ настоящемъ, и стремиться къ разрушенію существующаго во имя скорѣйшаго достиженія не только общаго признанія, но и возможно бо́льшаго господства. Къ тому же все усиливающаяся зависимость самаго существованія школъ отъ правъ, которыя давались имъ правитель-

Библиотека "Руниверс"

ствомъ, задерживала ихъ естественное развитіе и. затрогивая самые разнообразные интересы общества. подготовляла почву особенно благопріятную для возбужденія страстной борьбы.

При этихъ-то обстоятельствахъ, послѣ сравнительнаго затишья, наступившаго по окончаніи волненій 1848 года, уже въ шестидесятыхъ годахъ. въ особенности въ Пруссіи, прежде всего возникла.— какъ мы уже имѣли случай указать,—агитація на почвѣ вопроса о расширеніи правъ реальныхъ училищъ I-го разряда.

По основной своей идеѣ и по первоначальному своему назначенію, училища эти предполагались чисто реальными, но затѣмъ подъ давленіемъ прусскаго правительства они стали мѣнять свое направленіе и, благодаря включенію въ ихъ курсъ обязательнаго и довольно обширнаго (по количеству затрачиваемаго времени) преподаванія латинскаго языка. къ концу пятидесятыхъ годовъ обратились въ полуклассическія. полуреальныя учебныя заведенія, каковой характеръ, какъ мы видѣли, былъ окончательно укрѣпленъ за ними Положеніемъ 1859 года.

Съ этого времени. несмотря на категорическія указанія закона, что реальныя училища I-го разряда предназначены для приготовленія къ тѣмъ занятіямъ и поприщамъ, для которыхъ не требуется университетскаго образованія (die Realschulen haben den gemeinsamen Zweck eine allgemeine wissenschaftliche Vorbildung zu denjenigen Berufsarten zu gewähren, für welche Universitätsstudien nicht erforderlich sind), они въ дѣйствительности перестали соотвѣтствовать этому назначенію. Правда, благодаря поощренію, оказываемому правительствомъ, число реальныхъ училищъ быстро возросло, но на первыхъ же порахъ оказалось, что они не соотвѣтствуютъ потребностямъ своихъ учредителей (преимущественно городскихъ обществъ), нерѣдко приносившихъ почти непосильныя жертвы для ихъ устройства. Высшіе классы пустовали, такъ какъ по отношенію къ общеобразовательному научному развитію курсъ училища I-го разряда далеко не могъ дать того, что давали гимназіи; для тѣхъ же. которые имѣли въ виду ограничиться среднимъ образованіемъ и по окончаніи его прямо вступать въ жизнь, курсъ реальныхъ училищъ I-го разряда представлялся съ одной стороны слишкомъ сложнымъ, а съ другой стороны не достаточно практичнымъ; наконецъ училища эти не могли удовлетворить и тѣхъ, которые готовились къ высшимъ спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ, во-первыхъ, въ виду того, что между ними и сими заведеніями не было установлено никакой связи [1]), и, во-вто-

[1]) Въ этомъ отношеніи прусскія реальныя училища I-го разряда предста-

Библиотека "Руниверс"

рыхъ, въ виду того, что долгое время воспитанникамъ училища I-го разряда доступъ былъ открытъ далеко не во всѣ подобныя заведенія [1]).

Такое положеніе дѣла естественно должно было породить неудовольствіе въ слояхъ общества, заинтересованныхъ въ существованіи реальныхъ училищъ, и вызвало уже извѣстную нашимъ читателямъ „бурю петицій" (Petitionssturm), разыгравшуюся въ 1868 и 1869 годахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и педагогическому составу реальныхъ училищъ пришлось призадуматься надъ судьбою учебныхъ заведеній, представителями которыхъ они являлись, что̀ и подало поводъ къ образованію въ этой средѣ многочисленныхъ кружковъ съ цѣлью изысканія средствъ упрочить положеніе реальнаго образованія. Кружки эти по направленію своему распадались на двѣ главныя группы, одни поставляли себѣ прежде всего задачею теоретическую и практическую разработку вопроса о правильной постановкѣ реальнаго образованія и признавали необходимость такого преобразованія существующей системы реальнаго образованія, при которой положеніе реальныхъ училищъ упрочилось бы путемъ ихъ усовершенствованія и благодаря ихъ внутреннимъ достоинствамъ и качествамъ, при чемъ расширеніе правъ должно было бы явиться уже послѣдствіемъ такого преобразованія [2]). Другіе же напротивъ оставляли—по крайней мѣрѣ до поры до времени—въ сторонѣ вопросы объ организаціи реальнаго образованія, и выдвигали на первый планъ вопросъ о возможно скорѣйшемъ расширеніи правъ реальныхъ училищъ, предлагая предпринять съ этою цѣлью энергичную агитацію [3]).

Послѣдняя партія особенно ободрилась, когда правительство подъ вліяніемъ въ особенности Визе, создателя училищъ I-го разряда и вообще Положенія 1859 года, желая во что бы то ни стало поддержать свое твореніе, вопреки собственнымъ своимъ основнымъ постановленіямъ и вопреки отзывамъ громаднаго большинства университе-

---

являютъ противоположенность вюртембергскимъ чисто реальнымъ училищамъ, которыя, какъ мы указывали въ предшествующей главѣ настоящаго нашего труда, сложились и развивались въ непосредственной и тѣсной связи съ Штутгардскою политехническою школою.

[1]) Доступъ къ высшему образованію по горной и строительной части былъ открытъ воспитанникамъ училищъ I-го разряда только 26-го сентября 1876 года.

[2]) Важнѣйшимъ представителемъ этого направленія являлся „Брауншвейгскій кружокъ сторонниковъ реальнаго образованія".

[3]) Самыми энергичными представителями этого направленія были кружки Рейнскихъ провинцій и въ особенности Дюсельдорфскій.

Библиотека "Руниверс"

товъ въ 1870 году, открыло воспитанникамъ реальныхъ училищъ I-го разряда доступъ въ университеты для изученія математики, естественныхъ наукъ и новыхъ языковъ.

Эта мѣра, вовсе не удовлетворивъ сторонниковъ расширенія правъ реальныхъ училищъ I-го разряда, послужила имъ только поводомъ умножить свои притязанія и вызвала въ нихъ мечты о полномъ уравненіи положенія этихъ училищъ съ гимназіями. Но вскорѣ результаты берлинской октябрской конференціи 1873 года, а затѣмъ категорическое заявленіе министерства народнаго просвѣщенія, разсѣяли эти мечты, послѣ чего, въ связи съ оставленіемъ Визе своей должности въ означенномъ министерствѣ, наступила минута разочарованія, побудившаго сторонниковъ реальныхъ училищъ тѣснѣе сплотиться между собой. При этихъ обстоятельствахъ нѣсколько, болѣе вліятельныхъ членовъ кружковъ, стремившихся къ расширенію правъ реальныхъ училищъ, собравшись въ Кельнѣ въ концѣ 1875 года, рѣшили учредить, сперва прусскій, а затѣмъ обще-германскій союзъ дѣятелей по реальному образованію (allgemeiner Realschulmänner-Verein) предназначенный защищать интересы реальныхъ учебныхъ заведеній и притомъ прежде всего добиваться расширенія ихъ правъ. Учредители этого союза немедленно обратились съ воззваніями ко всѣмъ директорамъ, педагогическимъ совѣтамъ и кураторіямъ (попечительнымъ совѣтамъ реальныхъ училищъ), а равно ко всѣмъ кружкамъ сторонниковъ реальнаго образованія, приглашая ихъ примкнуть къ союзу. Очень многіе отозвались на это приглашеніе, при чемъ тѣ, которые, возражая противъ первенствующаго значенія, придаваемаго вопросу о правахъ, желали направить дѣятельность союза прежде всего на разработку вопроса о лучшей постановкѣ реальнаго образованія и на усовершенствованіе организаціи реальныхъ учебныхъ заведеній оказались въ меньшинствѣ; громадное же большинство согласилось признать главною задачею союза стремленіе къ расширенію правъ реальныхъ училищъ. Письменныя заявленія нѣкоторыхъ лицъ, возражавшихъ противъ такого направленія вновь учреждаемаго союза, были признаны учредителями его не выдерживающими критики (als unhaltbar) и подтверждающими только правильность направленія, избраннаго союзомъ [1]).

---

[1]) Erster Jahresbericht des Allgemeinen deutschen Realschulmännervereins, p. 6. Duisburg, 1877. Тамъ же напечатанъ и текстъ помянутыхъ заявленій, который мы считаемъ не лишнимъ воспроизвести въ подлинникѣ: „Die fundamentalen

Библиотека "Руниверс"

Такимъ образомъ характеръ и направленіе „обще-германскаго союза дѣятелей по реальному образованію“ совершенно ясно опредѣлились при самомъ его возникновеніи: вопросъ объ усовершенствованіи школы и о выработкѣ возможно лучшей ея организаціи, то-есть, самое существо школьнаго дѣла, отошло на задній планъ, а первое мѣсто заняла забота о расширеніи правъ реальныхъ училищъ, при чемъ въ виду того, что вопросъ о правахъ имѣлъ въ сущности серьезное значеніе только для реальныхъ училищъ 1-го разряда, то. хотя при учрежденіи союза и было оговорено, что цѣлью его должна быть защита реальнаго образованія вообще, то-есть, защита интересовъ всѣхъ видовъ реальныхъ учебныхъ заведеній [1]), но въ дѣйствительности все вниманіе союза поглощалось только училищами 1-го разряда (училищами съ обязательнымъ преподаваніемъ латинскаго языка) и при томъ сосредоточивалось почти исключительно на вопросѣ о расширеніи правъ этихъ учебныхъ заведеній. Къ интересамъ же школъ чисто реальнаго направленія, союзъ, во все время

Sätze des Vereins sind nicht annehmbar; im Gegentheil sind Realschule und Gymnasium in ihrer jetzigen Gestalt beide reformbedürftig und statt sich nach aussen um Berechtigungen zu wenden, sollten die Pedagogen ihre Aufmerksamkeit darauf richten sich über die Reform zu verständigen. Jede mehr ins Einzelne gehende These oder Berathung wird die grosse Zersplitterung, die im Lager der Realschule doch wirklich vorhanden ist, nur mehr hervorkehren. Jede Art des Heraustretens in die Öffentlichkeit überhaupt, lenkt die Sorge von dem inneren Gedeihen der Schule ab, deren sie doch so sehr bedarf. Ganz allein durch hervorragende Leistungen können und werden wir auf die Dauer unsere Gegner zur Anerkennung zwingen. Der Öffentlichkeit gegenüber erscheint es niemals taktvoll, wenn diejenigen, welche bei einer Sache unmittelbar betheiligt sind, dieselbe auch nach aussen hin vertreten, und es ist viel geeigneter dies Fernerstehenden zu überlassen, als es selbst zu thun. Unser ganzes öffentliche Leben leidet schon jetzt zu viel an zünftiger Einseitigkeit, und es ist nicht wohlgethan auch die Schule in dasselbe hinein zuziehen. Die Organisation des Schulwesens ist nicht blos Sache der Pädagogen, sondern muss aus dem Bedürfniss der ganzen Nation hervorgehen; namentlich aber sollten Schulmänner aus den vielfachen Arbeiten die für das Schulwesen jetzt nöthig sind, nicht diejenigen herausgreifen, welche wesentlich für die Realschule 1 O. erforderlich sind; dies kann leicht dahin führen die Schulen nach Interessen zu scheiden“.

[1]) Параграфъ 1 Устава гласитъ: Der Verein hat den Zweck die Lehrer und Freunde der deutschen Realschule zu einem gemeinschaftlischen Zusammengehen im Interesse derselben zu vereinigen und das gesammte Realschulwesen nach kräften zu fördern. Но затѣмъ при дальнѣйшемъ развитіи этого параграфа говорится исключительно объ училищахъ 1-го разряда, которыми союзъ въ дѣйствительности только и занимался.

Библиотека "Руниверс"

своего болѣе чѣмъ двадцатипятилѣтняго существованія, относился довольно равнодушно, платонически высказывая лишь изрѣдка сочувствіе по поводу неудачъ, которыя нерѣдко постигали ихъ въ первое время ихъ существованія и только въ самые послѣдніе годы, когда развитіе высшихъ (чисто) реальныхъ училищъ успѣшно двинулось впередъ и когда правительство стало, повидимому, склоняться въ ихъ пользу, онъ сталъ, если позволено будетъ такъ выразиться, заигрывать съ обществомъ, образовавшимся для поощренія школъ этого типа.

Вообще мы думаемъ, что не ошибемся, назвавъ дѣятельность „Общаго союза дѣятелей по реальному образованію" преимущественно агитаціонною, при чемъ не можемъ не обратить вниманія на то, что такое направленіе союза, принятое имъ подъ вліяніемъ въ особенности его предсѣдателя профессора Шмединга, парализовало даже тѣ попытки заняться педагогическою стороною дѣла и разработкою вопросовъ обученія и воспитанія, которыя возникали въ средѣ самаго союза. Такъ, напримѣръ, данное въ 1877 году собраніемъ союза предсѣдателю порученіе, организовать съѣздъ преподавателей, который занялся бы не столько пропагандою, сколько изслѣдованіемъ педагогическихъ вопросовъ, осталось не исполненнымъ, а затѣмъ слѣдующее общее собраніе союза удовлетворилось объясненіемъ предсѣдателя, что онъ не исполнилъ даннаго ему порученія изъ опасенія, что предположенный съѣздъ привлечетъ мало участниковъ, въ виду того, что въ означенномъ году въ Висбаденѣ имѣлъ собраться союзъ педагоговъ-филологовъ, пользовавшійся значительною популярностью [1]). Но можно съ увѣренностью сказать, что нежеланіе подвергать обсужденію вопросы, касающіеся существа школьной организаціи, имѣло болѣе глубокія причины, чѣмъ указывалъ предсѣдатель, и въ дѣйствительности обусловливалось тѣмъ крайнимъ разномыслiемъ, которое постоянно обнаруживалось по этому предмету въ собраніяхъ союза и которое дѣлало невѣроятнымъ соглашеніе хотя бы по основнымъ вопросамъ, касающимся существа организаціи училищъ 1-го разряда [2]).

[1]) Central-Organ für die Interessen d. Realschule, VII Jahrgang, 1879.

[2]) При самомъ основаніи союза, учредители, какъ видно изъ разосланнаго ими воззванія не отрицали существованія разномыслія въ средѣ сторонниковъ реальныхъ училищъ (1-ter Jahrgang, p. 2). Затѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ собраніяхъ союза постоянно обнаруживалась крайняя противоположность взглядовъ: одни отрицали не только желательность какого либо преобразованія реальныхъ училищъ, но противились даже всякому обсужденію вопроса о реформѣ, высказываясь: „gegen alles Reformiren". Затѣмъ и сторонники преобразованія

Библиотека "Руниверс"

благодаря чему въ концѣ концовъ почти единственнымъ звеномъ, соединяющимъ членомъ союза, являлось общее ихъ стремленіе къ расширенію правъ реальныхъ учебныхъ заведеній или вѣрнѣе сказать, собственно училищъ 1-го разряда. Благодаря такому направленію, союзъ, затрачивая всѣ свои силы на агитацію, не имѣлъ возможности — несмотря на то, что въ его средѣ было немало талантливыхъ людей и опытныхъ педагоговъ — оказать какое либо вліяніе на исходъ реформы 1882 г. по существу. Союзъ съ восторгомъ привѣтствовалъ переименованіе, покровительствуемыхъ имъ заведеній въ *реальныя гимназіи*, видя въ этомъ шагъ къ уравненію ихъ съ гуманистическими гимназіями; равнымъ образомъ онъ радовался, заключавшемуся въ этой реформѣ правительственному признанію неосуществимости идеи о „единой школѣ", къ которой союзъ всегда относился крайне враждебно, считая ее несогласною съ его стремленіями. но трудно было бы сказать, соотвѣтствовала ли его желаніямъ сущность реформы, то-есть, усиленіе въ курсѣ реальныхъ гимназій лингвистическаго элемента и въ особенности преподаванія латинскаго языка, такъ какъ въ этомъ отношеніи, какъ до, такъ и послѣ реформы въ собраніяхъ союза, а равно въ литературныхъ произведеніяхъ его членовъ, постоянно выражались самыя противоположныя мнѣнія.

Что же касается до агитаціонной дѣятельности союза, то она по энергіи своей является дѣйствительно изумительною. Немедленно по учрежденіи союза, предсѣдатель и товарищи его по правленію вошли въ сношеніе съ нѣкоторыми членами палаты депутатовъ и рейхстага, симпатіи которыхъ къ реальнымъ училищамъ были извѣстны, и заручились ихъ согласіемъ поддержать интересы этихъ училищъ въ случаѣ, если вопросъ о нихъ будетъ обсуждаться въ рейхстагѣ или въ палатѣ. Затѣмъ въ началѣ 1877 г. [1]) предсѣдатель союза Шмединтъ побудилъ попечительный совѣтъ реальнаго училища въ Дюисбургѣ (Duisburg), гдѣ онъ состоялъ профессоромъ, подать рейхстагу

не сходились между собою, при чемъ одни требовали усиленія въ училищахъ гуманитарнаго элемента въ видѣ расширенія преподаванія латинскаго языка, другіе настаивали напротивъ на усиленіи преподаванія новыхъ языковъ, третьи желали концентраціи преподаванія на математикѣ и графическихъ искусствахъ или на естественныхъ наукахъ, четвертые же отвергали пользу концентраціи вообще, и желая совмѣстить въ курсѣ возможно большее разнообразіе преподаванія, проповѣдывали въ сущности ученіе всему понемножку.

[1]) Zweiter Jahresbericht des allgem. Realschulmänner Vereins abgestattet am 17 April. 1878. Central-Organ, 1879 Januar, p. 9.

Библиотека "Руниверс"

петицію о допущеніи воспитанниковъ реальныхъ училищъ 1-го разряда къ изученію медицины и затѣмъ къ медицинской дѣятельности [1]). Къ этому ходатайству присоединился отъ имени союза директоръ одного изъ реальныхъ училищъ, состоявшій его членомъ, а независимо отъ этого всѣ члены союза приглашались поддержать петицію путемъ уговоровъ и сношеній съ лицами, могущими оказать вліяніе на членовъ законодательнаго собранія.

Но хлопотамъ этимъ не суждено было увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ вскорѣ послѣ подачи петиціи послѣдовалъ роспускъ рейхстага, вслѣдствіе чего ходатайство осталось не разсмотрѣннымъ. Тогда, узнавъ въ серединѣ 1878 г., что въ виду предстоящаго пересмотра „Положенія о медицинскихъ испытаніяхъ", канцлеръ намѣренъ созвать по этому предмету особую спеціальную комиссію, тотъ же Дюисбургскій совѣтъ обратился, по иниціативѣ предсѣдателя союза, къ канцлеру съ просьбою передать на разсмотрѣніе комиссіи вопросъ о допущеніи реалистовъ къ медицинскимъ занятіямъ. Затѣмъ, когда составъ комиссіи сталъ извѣстенъ, правленіе союза разослало членамъ ея цѣлую серію брошюръ и объяснительныхъ записокъ, доказывающихъ пользу и необходимость удовлетворенія вышеуказаннаго ходатайства.

Но и на этотъ разъ союзу пришлось потерпѣть неудачу и при томъ болѣе рѣшительную, чѣмъ при подачѣ петиціи рейхстагу, такъ какъ комиссія рѣшительно отклонила ходатайство, мотивируя свой отказъ предстоящею въ скоромъ времени реформою средняго образованія, при которой уже предполагается усилить въ гимназіяхъ преподаваніе математики и естественныхъ наукъ, и тѣмъ самымъ имѣется въ виду согласовать болѣе противъ прежняго ихъ учебный курсъ съ требованіями, предъявляемыми къ студентамъ-медикамъ.

Но и тутъ правленіе союза не пало духомъ и до опубликованія рѣшенія комиссіи подало рейхстагу новую петицію съ просьбою въ виду неполноты постановленія комиссіи и ошибочности ея выводовъ, до утвержденія новаго положенія о медицинскихъ экзаменахъ, потребовать по сему предмету заключенія профессоровъ математики и естественныхъ наукъ, которые хорошо знакомы съ достоинствами и степенью пригодности къ дальнѣйшему научному образованію абитуріентовъ реальныхъ училищъ, допущенныхъ къ изученію этихъ наукъ въ университетахъ.

---

[1]) Ibid., p. 10.—Dritter Jahresbericht. Cent.-Org. Juni, p. 322.

Библиотека "Руниверс"

Вмѣстѣ съ тѣмъ Дюисбургскій попечительный совѣтъ (Curatorium) обратился къ факультетамъ университетовъ и, препроводивъ на ихъ усмотрѣніе всѣ брошюры и записки, приложенныя къ петиціи, выразилъ надежду, что они дадутъ отзывы, благопріятные реальнымъ училищамъ.

Въ то же время Дюисбургскій совѣтъ подалъ въ прусскую палату депутатовъ петицію, сходную съ тою, которая была направлена въ рейхстагъ [1]). Эта петиція была передана палатою къ свѣдѣнію министру народнаго просвѣщенія, который счелъ нужнымъ обратиться ко всѣмъ существовавшимъ въ то время въ Пруссіи медицинскимъ обществамъ съ просьбою дать заключеніе о томъ, насколько они признаютъ полезнымъ допущеніе реалистовъ къ изученію медицины и затѣмъ къ врачебной дѣятельности.

Узнавъ объ этомъ, правленіе союза обратилось съ воззваніемъ къ врачамъ и разослало медицинскимъ обществамъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ своихъ брошюръ.

Но и тутъ союзу пришлось потерпѣть неудачу. Изъ 161 медицинскаго общества 151 дали отзывы, неблагопріятные для реалистовъ.

Послѣ этого, во время четвертаго годичнаго собранія союза, въ апрѣлѣ 1879 г. до семидесяти директоровъ реальныхъ училищъ обратились къ министру народнаго просвѣщенія съ докладною запискою, въ которой они объясняли, что неблагопріятные отзывы медицинскихъ обществъ основаны на незнакомствѣ врачей съ реальными училищами и на не достаточно ясномъ представленіи о той подготовкѣ, которая требуется для медицинской профессіи, а потому директора просили министра, во-первыхъ, переименовать при предстоящей реформѣ средняго образованія реальныя училища 1-го разряда въ реальныя гимназіи и, во-вторыхъ, допустить воспитанниковъ ихъ на медицинскіе факультеты университетовъ [2]).

---

[1]) Central-Organ, 1879 Juni, p. 31.

[2]) Въ томъ же засѣданіи союза, въ которомъ рѣшена была подача вышеуказанной записки, отзывы медицинскихъ обществъ подверглись самой придирчивой и частью насмѣшливой критикѣ. Докладчикъ особенно поднялъ на смѣхъ проф. Вальденберга (редактора берлинской медицинской газеты), который между прочимъ, высказываясь противъ допущенія воспитанниковъ реальныхъ училищъ 1-го разряда къ изученію медицины, заявилъ, что онъ признаетъ для будущихъ медиковъ необходимымъ прохожденіе курса гуманитарной или реальной гимназіи; выхвативъ эту фразу, докладчикъ доказывалъ, что Вальденбергъ высказалъ будто бы грубое невѣжество, не понимая, что реальное училище и реальная гим-

Библиотека "Руниверс"

Два послѣдующіе года (1880 и 1881) прошли сравнительно спокойно, и въ это время союзъ подалъ министру народнаго просвѣщенія всего одну петицію, прося его не ускорять рѣшенія вопроса о медицинскихъ испытаніяхъ и отложить его до осуществленія обѣщанной въ ближайшемъ будущемъ реформы средняго образованія. Но немедленно по изданіи распоряженія и учебныхъ плановъ 27-го марта 1882 года, сближавшихъ курсъ реальныхъ училищъ съ курсомъ классическихъ гимназій и возбудившихъ въ „союзѣ дѣятелей по реальному образованію“ самыя радужныя надежды, дѣятельность союза вновь закипѣла, и въ 1882 г. были поданы: 1) Петиція директоровъ (по иниціативѣ члена союза, директора реальной гимназіи въ Дюисбургѣ), въ которой они просили министра народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы впредь отъ абитуріентовъ реальныхъ гимназій, желающихъ воспользоваться всѣми правами воспитанниковъ классической гимназіи, дополнительный экзаменъ требовался только по одному греческому языку. 2) По иниціативѣ Дюисбургскаго попечительнаго совѣта, бургомистръ г. Дюисбурга, къ которому присоединились представители многихъ другихъ городовъ, подалъ канцлеру петицію о допущеніи абитуріентовъ реальныхъ гимназій на медицинскіе факультеты. 3) Такую же петицію Дюисбургскій попечительный совѣтъ подалъ непосредственно въ союзный совѣтъ [1]). 4) Директоры реальныхъ гимназій обратились къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою расширить права абитуріентовъ реальныхъ гимназій, выдержавшихъ испытаніе pro facultate на полученіе учительскихъ мѣстъ. Но и эти ходатайства не привели ни къ какимъ результатамъ, и изданное вскорѣ новое положеніе о медицинскихъ испытаніяхъ попрежнему закрывало реалистамъ доступъ къ медицинской карьерѣ. Союзъ, однако, и тутъ не палъ духомъ и въ послѣдующіе годы неоднократно возобновлялъ,

---

назія одно и то же. Между тѣмъ мнѣніе проф. Вальденберга вовсе не обнаруживаетъ подобнаго невѣжества или незнанія дѣла, ибо въ другихъ государствахъ Германіи, гдѣ реальныя гимназіи возникли ранѣе, чѣмъ въ Пруссіи, онѣ существенно отличались не только отъ прусскихъ реальныхъ училищъ 1-го разряда, но и отъ прусскихъ реальныхъ гимназій 1882 (которыя въ то, время когда давались отзывы, кстати сказать, еще и не существовали). Такъ, напримѣръ, основатель Вюртембергской реальной гимназіи Дильманъ всегда съ негодованіемъ отвергалъ и нынѣ отвергаетъ тождество созданнаго имъ учебнаго заведенія съ прусскими реальными училищами.

[1]) Вопросъ объ организаціи медицинской части составляетъ въ Германіи предметъ вѣдѣнія союза, въ то время какъ вопросъ объ организаціи школъ и вообще учебнаго дѣла вѣдается каждымъ государствомъ отдѣльно.

Библиотека "Руниверс"

хотя и безуспѣшно, свои прежнія ходатайства, о которыхъ мы впрочемъ распространяться не будемъ, такъ какъ и безъ того мы удѣлили, быть можетъ, слишкомъ много мѣста описанію агитаціонной дѣятельности союза, но считали это необходимымъ, такъ какъ дѣятельность эта составляетъ типичное и характерное явленіе въ новѣйшей исторіи школьнаго вопроса въ Германіи.

Рядомъ съ энергичною агитаціею въ правительственныхъ сферахъ, „союзъ дѣятелей по реальному образованію“ непрерывно велъ и болѣе мелкую пропаганду, направленную къ распространенію въ публикѣ взглядовъ, благопріятныхъ цѣлямъ союза. Такъ, напримѣръ, въ отчетахъ союза, мы постоянно встрѣчаемъ указанія на поѣздки, предпринимавшіяся его членами въ разныя мѣстности, съ цѣлью вербовать сторонниковъ своего дѣла и за кружкою вина или пива, путемъ веселыхъ бесѣдъ, шутокъ, остротъ и стишковъ популяризировать свои идеи и стремленія [1]). Равнымъ образомъ союзъ одобрительно относился и поощрялъ устройство спектаклей, на которыхъ ставились пьесы, въ которыхъ восхвалялись сторонники идей союза и осмѣивались его противники.

Въ то же время члены союза усиленно работали въ области полемической педагогической литературы. Изъ множества изданныхъ ими брошюръ особаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которыя получили наибольшее распространеніе и служили приложеніями къ петиціямъ, поданнымъ въ законодательныя собранія и министерство или самими членами союза или по ихъ иниціативѣ другими лицами и учрежденіями. Къ числу такихъ брошюръ принадлежитъ: статистическая работа директора Дюсельдорфскаго реальнаго училища. Штейнбарта, озаглавленная „Unsere Abiturienten“ и имѣвшая цѣлью доказать, насколько бывшіе воспитанники реальныхъ училищъ успѣшно выдерживаютъ различные экзамены и вообще преуспѣваютъ на всевозможныхъ поприщахъ. Не меньшее распространеніе получила цѣлая серія работъ Штейнбарта [2]), изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Realschule

---

[1]) Для примѣра сошлемся на 2-ой отчетъ союза 1878 года.

[2]) Работа Штейбарта представляетъ собою громадный трудъ, въ которомъ онъ на основаніи переписокъ съ массою лицъ и разныхъ справокъ старается возстановить біографію до 4.000 бывшихъ воспитанниковъ реальныхъ училищъ. Но свѣдѣнія эти, на насъ по крайней мѣрѣ, не произвели впечатлѣнія достовѣрности, дающей право на какіе либо выводы: не можемъ не указать при этомъ, что выводы Штейбарта во многомъ отвергнуты въ другой статистической работѣ (die brennende Abiturienten Frage), изданной нѣсколько позднѣе д-мъ Рихтеромъ.

Библиотека "Руниверс"

und Gymnasium", направленныхъ къ восхваленію реальныхъ училищъ 1-го разряда (реальныхъ гимназій) и доказательству не только равнаго ихъ достоинства, но и превосходства передъ классическою школою. Брошюры эти, а въ особенности позднѣйшая статья Шмединга: „Zur Frage der realen Bildung", имѣютъ еще то значеніе, что въ нихъ выступаетъ новое педагогическое ученіе, получившее въ послѣднее время довольно значительное распространеніе, почти всецѣло отрицающее значеніе логики и отодвигающее на задній планъ вопросъ о развитіи способности къ логическому мышленію, и силящееся на основаніи отдѣльныхъ явленій физіологіи и теорій психологіи доказать, что занятій, дающихъ сколько нибудь общее развитіе ума и мышленія, въ сущности вовсе нѣтъ, а что все зависитъ отъ отдѣльныхъ впечатлѣній, которыя дѣйствуютъ каждое только на отдѣльныя способности человѣка. При такомъ отрицаніи единства и цѣльности духовнаго существа человѣка, объединяющаго умственную его работу, само собою разумѣется, совершенно отвергается и общеобразовательное и воспитательное значеніе языка, а потому Шмединтъ. хотя и считаетъ нужнымъ съ похвалою отозваться о заслугахъ гимназій въ *прошломъ* и признать великіе результаты, достигнутые гуманитарнымъ образованіемъ [1]), но въ то же время отрицаетъ общее значеніе, которое изученіе языка имѣетъ для развитія логики и мышленія, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что, подрывая въ самой основѣ принципы гуманитарнаго образованія, онъ въ то же время разрушаетъ и основы реальной гимназіи, по отношенію къ которой всѣ ея сторонники, не исключая и самого Шмединга, всегда утверждали и утверждаютъ, что она преслѣдуетъ и достигаетъ совершенно тѣ же цѣли, какъ и классическая школа, пользуясь только для этого другимъ учебнымъ матеріаломъ. Еще менѣе послѣдовательнымъ Шмединтъ является, когда онъ начинаетъ доказывать безполезность изученія древнихъ языковъ и древняго міра для современнаго человѣка, ибо онъ тѣмъ самымъ отвергаетъ самое существо реальной гимназіи, которая тѣмъ и отличается отъ чисто реальныхъ училищъ, что она,

[1]) Нельзя не видѣть одного изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ того прочнаго положенія, которое занимаетъ въ германскомъ обществѣ классическая гимназія, въ томъ, что самые рѣшительные ея противники, изъ опасенія оскорбить общественное мнѣніе и подорвать къ себѣ довѣріе, неизмѣнно считаютъ—даже рядомъ съ самыми рѣзкими нападками на классическое образованіе—своимъ долгомъ, если позволено будетъ такъ выразиться,—расшаркаться передъ классическою школою, прежде чѣмъ приступить къ попыткѣ ее разрушить.

Библиотека "Руниверс"

во-первыхъ, признаетъ изученіе языковъ вообще самою существенною основою общаго образованія и, во-вторыхъ, считаетъ знаніе хотя бы одного древняго языка и знакомство съ древнимъ міромъ необходимымъ элементомъ этого образованія.

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ рядъ брошюръ Крумме и Штарка, написанныхъ спеціально для членовъ рейхстага и палаты съ цѣлью убѣдить ихъ въ необходимости уравненія правъ реальныхъ гимназій съ классическими и доказать вредъ „монополіи приготовленія къ высшему образованію", предоставленной послѣднимъ.

Параллельно съ изданіемъ множества брошюръ, имѣющихъ цѣлью не только защиту реальныхъ училищъ 1-го разряда, но, пожалуй, еще въ большей мѣрѣ осужденіе классическихъ гимназій, всевозможные журналы и газеты переполнялись статьями и замѣтками, преслѣдовавшими ту же цѣль и пользовавшимися каждымъ отдѣльнымъ случаемъ удачно сданнаго реалистомъ служебнаго экзамена, или случаемъ успѣха на какомъ либо поприщѣ, чтобы восхвалять поразительные будто бы результаты, достигаемые реальными гимназіями, и чтобы кстати взвести на классическія гимназіи какое либо обвиненіе, при чемъ, само собою разумѣется, умалчивалось о томъ, что сотни воспитанниковъ этихъ послѣднихъ заведеній всегда оказывали и ежедневно продолжаютъ оказывать подобные же и гораздо большіе успѣхи. Въ статьяхъ и замѣткахъ этихъ не послѣднюю роль игралъ и столь модный въ минувшее десятилѣтіе вопросъ о переутомленіи, хотя впрочемъ къ этому предмету сторонники реальныхъ гимназій относились съ нѣкоторою осторожностью и сдержанностью въ виду того, что въ этихъ заведеніяхъ, какъ извѣстно, и число учебныхъ предметовъ и общее число уроковъ въ теченіе курса, всегда бываетъ нѣсколько больше, чѣмъ въ классическихъ гимназіяхъ, и что статистическія и санитарныя изслѣдованія неизмѣнно подтверждали фактъ, что, если даже признать основательность жалобъ на обремененіе работою учениковъ средне-учебныхъ заведеній, то во всякомъ случаѣ классическія гимназіи занимаютъ въ этомъ отношеніи далеко не первое мѣсто [1]). Вообще нельзя не обратить вниманія на то, что полемика

[1]) Самыя точныя изслѣдованія по вопросу о степени обремененности учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній были произведены въ Швеціи и изложены въ прекрасной книгѣ: Axel Key's Schulhygienische Untersuchungen bearbeitet von Leo Burgerstein (1889). Въ первомъ выпускѣ настоящаго нашего труда, изданномъ въ 1891 году, мы привели выписки изъ книги Аксель Кея указывающія на сравнительное обремененіе воспитанниковъ реальныхъ и классическихъ гимназій

Библиотека "Руниверс"

по школьному вопросу велась въ Германіи до 1882 г., сравнительно съ большею сдержанностью, чѣмъ въ послѣдующее время, каковое обстоятельство, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что реформа означеннаго года, ослабивъ, съ одной стороны, до нѣкоторой степени классическій характеръ гуманитарныхъ гимназій и реальный характеръ реальныхъ гимназій, а съ другой стороны не предоставивъ достаточной свободы развитію чисто реальнаго образованія и не установивъ никакой связи между ними и требованіями тѣхъ профессій, къ которымъ оно должно было готовить, въ сущности никого не удовлетворила, а напротивъ еще болѣе запутала школьный вопросъ, усиливъ общее неудовольствіе и породивъ множество тщетныхъ надеждъ, неосуществленіе коихъ увеличило только взаимное раздраженіе борющихся сторонъ. Въ виду чего въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ и вплоть до декабрьской конференціи 1890 г., послѣ которой наступило сравнительное затишье, борьба различныхъ направленій продолжалась съ необычайною страстностью. Но при этомъ рядомъ съ массою брошюръ, статей и замѣтокъ, отличающихся крайне полемическимъ характеромъ, стали появляться и болѣе крупные и серьезные труды сторонниковъ реальныхъ гимназій, какъ учебныхъ заведеній, стремящихся до нѣкоторой степени совмѣстить реальное направленіе съ гуманитарнымъ. Въ числѣ такихъ трудовъ безспорно первое мѣсто занимаютъ работы берлинскаго профессора Паульсена, страсбургскаго профессора Циглера и доктора Дильмана, основателя реальной гимназіи въ Вюртембергѣ.

Капитальнымъ сочиненіемъ Паульсена является его „Исторія научнаго образованія“ [1]), въ которомъ собранъ и превосходно разработанъ богатѣйшій матеріалъ, относящійся къ исторіи развитія средняго и университетскаго образованія въ Германіи. За этою превосходною книгою нельзя не признать громадныхъ достоинствъ, благодаря кото-

---

въ Швеціи (стр. 21). Въ Германіи былъ произведенъ цѣлый рядъ подобныхъ же, но менѣе общихъ изслѣдованій,—при чемъ всегда оказывалось, что неудовлетворительное гигіеническое состояніе учащихся встрѣчается во всѣхъ видахъ учебныхъ заведеній и замѣчается въ гимназіяхъ никакъ не въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ другихъ школахъ. Весьма интересный матеріалъ въ этомъ отношеніи представляютъ работы комиссіи, созванной въ Гессенѣ въ 1882 г.: Verhandlungen der Comission zur Frage der Ueberbürdung der Schüler der höheren Lehranstalten. Darmstadt. 1882, Staatsverlag.

[1]) Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten. Fr. Paulsen. Leipzig. 1885.

Библиотека "Руниверс"

рымъ она несомнѣнно должна служить настольнымъ руководствомъ для всякаго, кто желалъ бы ознакомиться съ исторіею нѣмецкой школы. Но тѣмъ не менѣе къ заключительнымъ выводамъ Паульсена, несмотря на талантъ, съ которымъ они изложены, надлежитъ относиться съ величайшею осмотрительностью, такъ какъ они не могутъ, намъ кажется, не поразить читателя своею неожиданностью и отсутствіемъ логической связи со всѣмъ предшествующимъ содержаніемъ книги. Изложивъ блистательно, по формѣ и по содержанію, исторію гуманизма за 300 лѣтъ и съ поразительною убѣдительностью выяснивъ, болѣе чѣмъ на 700 страницахъ, насколько развитіе всей современной цивилизаціи и успѣхи всѣхъ наукъ, не исключая и естественныхъ, находятся въ ближайшемъ соотношеніи съ развитіемъ гуманизма, а равно ясно доказавъ, насколько классическая школа въ теченіе столѣтій обнаружила свою способность примѣняться къ самымъ разнообразнымъ условіямъ культурной жизни и удовлетворять всѣ самыя разностороннія требованія этой жизни, Паульсенъ въ краткомъ заключеніи внезапно переходитъ къ осужденію не только классическихъ гимназій въ настоящемъ ихъ видѣ, но и самой классической системы образованія, на которой онѣ основаны, и дѣлаетъ затѣмъ такое предложеніе о коренномъ преобразованіи гимназій, которое доказываетъ отсутствіе практическаго знакомства съ дѣломъ обученія и воспитанія, а равно съ организаціею школы, какъ она слагается на дѣлѣ. Такимъ образомъ Паульсенъ является въ своей книгѣ безспорно талантливымъ и добросовѣстнымъ изслѣдователемъ исторіи школы, но плохимъ судьею въ дѣлѣ воспитанія и организаціи учебнаго дѣла. Чтобы оправдать такое наше сужденіе о выводахъ Паульсена, мы считаемъ необходимымъ вкратцѣ изложить, а затѣмъ разобрать ихъ. Паульсенъ начинаетъ заключительную главу своей книги съ указанія тѣхъ недостатковъ современной школы, которые возбуждаютъ неудовольствіе противъ нея и порождаютъ въ самой школѣ чувство стѣсненія или „недомоганія“ (Unbehagen), какъ картинно выражается Паульсенъ, дѣлающее работу — даже въ томъ случаѣ, когда она по существу своему посильна учащимся — утомительною и трудною. Главнѣйшіе изъ этихъ недостатковъ заключаются по мнѣнію, Паульсена, въ слѣдующемъ [1]): 1) въ томъ, что съ умноженіемъ числа предметовъ преподаванія и по мѣрѣ усложненія задачъ, возлагаемыхъ на гимназіи, и благодаря крайнему разви-

[1]) *Paulsen*, Geschichte, p. 758—760.

Библиотека "Руниверс"

тію предметнаго преподаванія, курсъ гимназій потерялъ всякую стройность и обратился въ безсвязное накопленіе разрозненнаго учебнаго матеріала, при чемъ на мѣсто свободной, послѣдовательной и самостоятельной работы учащихся, явилось несвязное и отрывочное приготовленіе задаваемыхъ уроковъ (zusammenhangslose, aufgegebene Pensenarbeit); 2) въ томъ, что неумолимая, формальная, недопускающая никакихъ отступленій, точность, съ которою проходится курсъ школы, убиваетъ всякую свободу преподаванія и ученія; 3) въ томъ, что учебно-воспитательные пріемы, господствующіе въ школахъ, не дѣлаютъ почти никакой разницы между ученикомъ-ребенкомъ, вступающимъ въ учебное заведеніе, и взрослымъ юношей выпускнаго класса, 4) въ томъ, что въ зависимости отъ вышеуказанныхъ условій, въ которыя поставлена современная школа, она слишкомъ часто ограничивается однимъ лишь внѣшнимъ формальнымъ выполненіемъ своихъ задачъ, благодаря чему учащіеся не овладѣваютъ въ достаточной мѣрѣ сущностью предметовъ, которымъ они обучаются. 5) Наконецъ Паульсенъ указываетъ на неудовлетворительность многихъ, почти общепринятыхъ пріемовъ преподаванія, какъ на одну изъ причинъ малоуспѣшности въ гимназіяхъ.

Вѣрность всѣхъ этихъ указаній Паульсена мы съ своей стороны вполнѣ признаемъ, да едва ли кто либо станетъ отрицать ихъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ ихъ основахъ, но въ то же время мы не можемъ не спросить себя: дѣйствительно ли указываемые Паульсеномъ недостатки составляютъ особенность классическихъ гимназій и необходимую принадлежность классической системы образованія? Думаемъ, что еслибы Паульсенъ поставилъ себѣ этотъ вопросъ, то на основаніи матеріала, заключающагося въ собственной его книгѣ, онъ вынужденъ былъ бы признать, что всѣ указываемыя имъ погрѣшности современной средней обще-образовательной школы вовсе не составляютъ особенности классическихъ гимназій, а присущи, къ несчастію, всѣмъ видамъ современныхъ школъ, совершенно независимо отъ того, преподаются ли въ нихъ древніе языки или нѣтъ, и служатъ ли вообще основою ихъ курса гуманитарныя науки, или же реальные предметы. Очевидно, наличность во всѣхъ видахъ школъ однихъ и тѣхъ же прискорбныхъ явленій, справедливо подмѣченныхъ Паульсеномъ, уже сама по себѣ достаточно доказываетъ, что явленія эти находятся въ зависимости не отъ особенности организаціи того или другаго типа учебныхъ заведеній, не отъ свойства преподаваемыхъ предметовъ и даже не отъ персонала, которому ввѣрено обученіе,

Библиотека "Руниверс"

хотя качество этого персонала безспорно имѣетъ для успѣха школы первенствующее значеніе, а кроются въ тѣхъ общихъ условіяхъ, въ которыя въ наши дни поставлена не только школа во всей ея совокупности (то-есть, учащіе, учащіеся и администрація школы), но вообще все дѣло просвѣщенія. Полная зависимость судьбы людей отъ полученія того или другаго диплома, чисто формальныя, до мелочи регламентированныя требованія, которыми обусловливается полученіе этихъ дипломовъ и связанныхъ съ ними правъ и преимуществъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ малоподвижность школьной организаціи и узость обязательныхъ рамокъ, въ которыхъ она вынуждена вращаться со времени полнаго поглощенія ея государствомъ; безразборчивое примѣненіе къ ней формальныхъ и бюрократическихъ порядковъ и пріемовъ, хотя бы самыхъ совершенныхъ и даже полезныхъ въ другихъ отрасляхъ управленія, но плохо примѣнимыхъ къ дѣлу воспитанія, въ которомъ, какъ по отношенію къ воспитываемому, такъ и по отношенію къ воспитателю, необходимо прежде всего имѣть въ виду живаго человѣка съ его индивидуальными склонностями и способностями; система экзаменовъ и всевозможныхъ испытаній, которымъ въ наше время принято подвергать людей чуть ли не до сѣдыхъ волосъ, и даже тогда, когда они давно вступили въ жизнь и нерѣдко уже дѣйствуютъ самостоятельно на разныхъ поприщахъ, при чемъ значеніе получаетъ не то, *какъ они дѣйствовали и что сдѣлали*, а то, что они вызубрили или повторили ко дню испытанія [1]); наконецъ громадное вліяніе, оказываемое на строй школы все возрастающимъ развитіемъ спеціализаціи, которая поощряетъ въ преподавателяхъ склонность къ крайнему увлеченію исключительно своимъ предметомъ и поощряетъ стремленіе къ выработкѣ детальныхъ программъ, а равно къ требованію спеціальныхъ занятій по каждой наукѣ безъ всякаго соображенія съ работою, которой школа не можетъ не требовать по

---

[1]) Любопытнымъ явленіемъ современной жизни представляется то обстоятельство, что рядомъ со столь модными и распространенными осужденіемъ всякихъ школьныхъ экзаменовъ, тѣ же лица, которыя съ крайнею страстностью требуютъ упраздненія всякихъ испытаній въ учебныхъ заведеніяхъ (въ которыхъ,—что бы ни говорили,—существованіе экзаменовъ все-таки имѣетъ свое оправданіе), съ полнымъ сочувствіемъ относятся къ установленію экзаменовъ (мало отличающихся отъ школьныхъ) для зрѣлыхъ людей, по отношенію къ которымъ система наслоенія испытаній надъ испытаніями является прямо противо-естественнымъ, при чемъ достигаемое этимъ путемъ усугубленіе значенія *формальнаго* образовательнаго ценза привѣтствуется, какъ прогрессъ и успѣхъ просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

другимъ предметамъ; уничтоженіе, благодаря этому, всякой связи между отдѣльными частями учебнаго курса, а вмѣстѣ съ тѣмъ почти полное исчезновеніе той цѣльности и единства учебной организаціи, которыя столь необходимы для достиженія цѣлей и задачъ воспитанія [1]). Крайнее развитіе рядомъ съ спеціализаціею школьныхъ занятій по отдѣльнымъ наукамъ предметнаго преподаванія (Fachstudium, Fachlehrertum), находящее себѣ въ виду громаднаго успѣха и роста всѣхъ наукъ законное объясненіе въ области высшаго образованія, а равно оправдываемаго чисто практическими соображеніями при профессіональномъ обученіи, но составляющаго одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ современной обще-образовательной школы—вотъ, по глубокому нашему убѣжденію, главнѣйшіе источники и причины тѣхъ крупныхъ погрѣшностей школы, которыя Паульсенъ совершенно вѣрно подмѣтилъ, но столь же невѣрно приписалъ собственно классическимъ гимназіямъ; ибо если вникнуть въ эти причины, то нельзя не прійдти къ заключенію, что всѣ онѣ созданы не самою школою, а тѣмъ менѣе какою либо групою школъ и вовсе не тою или другою системою образованія, а глубоко коренятся въ самыхъ основахъ современной государственной и общественной жизни, въ виду чего для устраненія этихъ погрѣшностей недостаточно одного измѣненія учебнаго курса и переработки программъ учебныхъ заведеній, а прежде всего необходимо коренное измѣненіе направленія, если позволено будетъ такъ выразиться, школьной политики, то-есть, измѣненіе отношеній и взглядовъ на школу, какъ государства, такъ и общества. Необходимо, чтобы государство, которое всецѣло взяло школьное дѣло въ свои руки, отказалось отъ слѣпой вѣры въ спасительное будто бы дѣйствіе регламентаціи, стремящейся установить нормы для всѣхъ даже мельчайшихъ подробностей жизни школы и подчинить себѣ самые помыслы учащихся и учащихъ. Необходимо, чтобы въ обществѣ укрѣпилось, и чтобы въ правящія сферы проникло сознаніе, что школа есть живой организмъ, который не переноситъ, безъ яснаго ущерба для развитія просвѣщенія, установленія тѣсныхъ рамокъ, не допускающихъ никакого отступленія отъ заранѣе точно опредѣленнаго и одинаковаго для всѣхъ шаблоннаго пути, и что правильное развитіе школы не возможно, при условіяхъ, подавляющихъ, какъ всякую инціативу со стороны учащихъ, такъ равно и всякую живую и самостоятельную работу учащихся [1]). Не менѣе желательно

[1]) Къ вышеизложенному мы, въ дополненіе къ тому, что уже было сказано нами, считаемъ необходимымъ оговориться самымъ положительнымъ образомъ, что мы от-

Библиотека "Руниверс"

ослабленіе какъ въ обществѣ, такъ и въ правительствѣ вѣры въ силу и значеніе дипломовъ и обузданіе той лихорадочной, можно даже сказать, бѣшеной погони за ними, которая въ наше время искажаетъ всю жизнь школы и даетъ ей совершенно ложное направленіе. Наконецъ необходимо, чтобы спеціализація и система предметнаго пре-

---

нюдь не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые желали бы, чтобы учебный строй школы, и работа, которую она требуетъ, были бы поставлены въ зависимость отъ хотѣнія и вкусовъ учащихся. Мы напротивъ считали бы столь же вредною, какъ и не осуществимою всякую попытку придать школѣ организацію, рекомендуемую нѣкоторыми крайними сторонниками чисто индивидуальнаго воспитанія, при которой отъ учащихся могли бы требоваться только занятія, представляющіяся имъ привлекательными или, какъ принято выражаться, „интересными“. Мы думаемъ, что серьезный и сознательный интересъ къ дѣлу, который правильнѣе было бы назвать призваніемъ, развивается въ людяхъ сравнительно поздно, при извѣстной уже зрѣлости воли и ума, а потому полагаемъ, что къ увлеченію тѣмъ или другимъ занятіемъ, которое нерѣдко встрѣчается въ раннемъ возрастѣ, слѣдуетъ относиться осторожно, при чемъ вовсе не желательно, чтобы это увлеченіе вело къ пренебреженію другими занятіями, и чтобы вся школьная работа находилась такимъ образомъ въ исключительной зависимости отъ хотѣнія ученика, обусловливаемаго часто случайнымъ впечатлѣніемъ или временною прихотью. Мы наоборотъ убѣждены, что даже въ томъ случаѣ, когда способность и склонность къ извѣстной категоріи занятій опредѣлится достаточно твердо и ясно, то и тогда все-таки полезно и необходимо въ интересахъ воспитанія, чтобы какъ ребенокъ, такъ и юноша, привыкъ къ мысли о необходимости заниматься не только тѣмъ, что пріятно и интересно, но и работать надъ тѣмъ, что *нужно и полезно*, хотя, быть можетъ, оно и казалось непривлекательнымъ и даже скучнымъ. Побужденіемъ къ ученію, точно также какъ и ко всякой другой серьезной работѣ, должно прежде всего служить естественное стремленіе человѣка къ достиженію разъ намѣченной цѣли и то чувство удовлетворенія, которое при этомъ ощущается и которое всегда является однимъ изъ самыхъ могущественныхъ стимуловъ человѣческой дѣятельности. Въ виду сего мы находимъ безусловно необходимымъ установленіе ясно опредѣленнаго строя школы и отвергаемъ возможность подчиненія его прихоти или хотѣнію, какъ учащихъ, такъ еще менѣе учащихся. Но находимъ въ то же время, что этотъ строй *не долженъ подавлять ихъ индивидуальность*. Подобно тому какъ человѣку по самой его природѣ свойственно, живя среди другихъ людей, сообразоваться съ требованіями общества и подчинять свои желанія и вкусы условіямъ общежитія, что, однако, при правильной организаціи общества, не уничтожаетъ его личности и не убиваетъ его индивидуальности, точно также и въ школѣ учащій и учащійся, подчиняясь общимъ требованіямъ, не должны быть лишены возможности дѣйствовать въ извѣстной мѣрѣ самостоятельно и развивать свою индивидуальность. Только въ этомъ смыслѣ, то-есть, въ смыслѣ благоустройства школы и такой ея организаціи, которая пріучала бы съ одной стороны къ подчиненію общимъ требованіямъ и труду по обязанности, съ другой стороны поощряла бы самостоятельность работы, мы и высказываемся

Библиотека "Руниверс"

подаванія не пользовались тѣмъ поощреніемъ, которымъ они нынѣ пользуются со стороны какъ высшихъ учебныхъ заведеній, готовящихъ учителей, такъ и со стороны правительства, санкціонирующаго учебный порядокъ школы и устанавливающаго требованія относительно учительскаго образовательнаго ценза.

Все указываемое нами съ полною ясностью вытекаетъ изъ превосходнаго историческаго изслѣдованія Паульсена, но все это забыто имъ въ его заключительныхъ выводахъ, или только вскользь затронуто и при томъ лишь по отношенію къ классической гимназіи, съ очевидною цѣлью взвалить на ея плечи вину, за которую она можетъ отвѣтствовать столь же мало, какъ и всѣ прочія школы.

Одностороннее отношеніе къ дѣлу приводитъ Паульсена къ тому, что для исправленія указанныхъ имъ недостатковъ организаціи средняго образованія онъ предлагаетъ не общія мѣры, какъ то можно было бы ожидать на основаніи его историческаго изслѣдованія, а одно лишь измѣненіе учебнаго курса собственно гуманитарной школы, и при томъ такое измѣненіе, которое, свидѣтельствуя о маломъ практическомъ знакомствѣ Паульсена съ дѣломъ воспитанія, и доказываетъ, что онъ, не вдумавшись въ сущность важнѣйшихъ педагогическихъ вопросовъ, не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что входитъ и можетъ входить въ область средняго, то-есть, общаго подготовительнаго образованія, и что должно быть отнесено къ сферѣ дѣятельности высшихъ учебныхъ заведеній, а потому онъ приходитъ къ результатамъ и выводамъ, которые не разрѣшаютъ школьнаго вопроса, даже въ тѣхъ съуженныхъ предѣлахъ, въ которые онъ самъ его ставитъ.

Прежде всего Паульсенъ, забывая столь блестяще и убѣдительно формулированные имъ доводы въ пользу необходимости открытія возможно большаго разнообразія путей, ведущихъ къ образованію, высказывается въ концѣ-концовъ исключительно въ пользу сохра-

---

противъ той крайней регламентаціи, отъ которой въ 19-мъ столѣтіи школа страдаетъ не только въ Германіи, но и въ большей части европейскихъ государствъ. Въ Германіи, особенно послѣ декабрьской конференціи 1890 г., пробудилось уже сознаніе въ необходимости предоставить школѣ большую свободу и самостоятельность и расширить ея компетенцію при разрѣшеніи вопросовъ, касающихся ея внутренней жизни и способовъ, къ которымъ она прибѣгаетъ для достиженія предначертанныхъ цѣлей. Правда, осуществленіе этихъ стремленій къ нѣкоторой эмансипаціи школы отъ безусловнаго господства устанавливаемой для нея регламентаціи находится еще только въ зародышѣ, но мы вполнѣ сочувствуемъ этому направленію и думаемъ, что оно можетъ облегчить правильное рѣшеніе столь сложнаго школьнаго вопроса.

Библиотека "Руниверс"

ненія одной только гуманитарной школы, но только подъ условіемъ организаціи средняго гуманитарнаго образованія, на предложенныхъ имъ своеобразныхъ основаніяхъ и такимъ образомъ въ сущности отвергаетъ у реальнаго образованія самое право на существованіе, впадая этимъ самымъ въ прямое противорѣчіе съ собственнымъ своихъ историческимъ изслѣдованіемъ, такъ ясно доказывающимъ необходимость развитія именно этого образованія. При этомъ Паульсенъ заходитъ такъ далеко, что отвергаетъ даже мысль о томъ, чтобы, до тѣхъ поръ, пока у нѣмецкаго народа остается капля здраваго смысла, математика и естественныя науки могли составить основу какой либо общеобразовательной школы [1]). Затѣмъ, переходя къ своимъ предположеніямъ о томъ, въ какомъ направленіи желательно преобразованіе средняго образованія, Паульсенъ высказывается за сосредоточеніе гимназическаго курса на преподаваніи философіи и роднаго (то-есть, нѣмецкаго) языка и при томъ на историческомъ изученіи сего послѣдняго. По этому поводу Паульсенъ прежде всего краснорѣчиво указываетъ на богатство и красоту древне-германскаго эпоса и на тотъ интересъ, который для всякаго нѣмца должно представлять знакомство съ происхожденіемъ словъ, оборотовъ рѣчи и вообще съ постепеннымъ образованіемъ современнаго языка и т. д.... Со всѣми этими соображеніями нельзя было бы не согласиться еслибы они ка-

---

[1]) *Paulsen*, Geschichte, p. 763. Мнѣніе, высказываемое Паульсеномъ, такъ характерно, что мы считаемъ не лишнимъ выписать здѣсь въ подлинникѣ мѣсто, на которое мы ссылаемся: „Zunächst scheint mir", говоритъ Паульсенъ, „dass auf keiner Weise Ursache zu der Besorgniss ist, an die Stelle des klassischen Unterrichts werde Mathematik, Physik, Chemie und Naturgeschichte alswichtiges Stück oder, wie man zu sagen pflegt, als Schwerpunkt des ganzen Unterrichts treten. Was die ältere Gymnasial-pädagogik als *sapere et fari*, oder *sapiens et eloquens pietas* bezeichneten, dass wird ja wohl, so lange unserem Volke irgend gesunder Sinn erhalten bleibt, das Ziel des Jugendbildung und im besonderen die Grundlage alles wissenschaftlichen Studiums bleiben; und darüber wird sich wohl schwerlich irgend eine Zeit täuschen, dass die zu diesem Ziele führenden Übungen nicht vorzugsweise im Gebiet des mathematischen und naturwissenschaftlichen, sondern im Gebiet des literarischen und historischen, des philosophischen und religiösen Unterrichts liegen. So weit ich irgend abzusehen im Stande bin, wird also der sogenante Schwerpunkt alles höheren, ebenso wie des niederen Schulunterrichts stets innerhalb der Gesammtheit dieser Disciplinen liegen. Mathematik und Naturwissenschaft können erst im Fachstudium Selbständigkeit gewinnen, auf einer Schule welche die allgemeine geistige Entwickelung zu fördern, aber nicht mit speciellen Berufskenntnissen anzustatten sich zum Ziele setzt, können sie immer nur an zweiter Stelle stehen".

Библиотека "Руниверс"

сались языковѣдѣнія, какъ науки въ широкомъ значеніи этого слова, такъ какъ никто, очевидно, не станетъ отрицать того высокаго интереса и того важнаго значенія, которое имѣетъ для каждаго народа историческое изслѣдованіе родной рѣчи; но совершенно иначе становится вопросъ, когда дѣло идетъ не о научной разработкѣ предмета и не о его популяризаціи, а о школьномъ преподаваніи; въ этомъ случаѣ высокое значеніе, которое можетъ получить научно-историческое изученіе роднаго языка, вовсе еще не разрѣшаетъ вопроса о томъ, насколько подобное изученіе можетъ войдти въ курсъ *школьнаго изученія* въ такихъ размѣрахъ, чтобы стать *центромъ преподаванія*. Мы думаемъ напротивъ, что подобное изученіе языка, составляя одну изъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ задачъ филологіи, можетъ представлять интересъ и стать привлекательнымъ лишь тогда, когда является возможность принимать уже хотя бы нѣкоторое непосредственное участіе въ самомъ научномъ изслѣдованіи, и при томъ подъ условіемъ самостоятельнаго отношенія къ нему, что несомнѣнно требуетъ гораздо большей зрѣлости ума и бо́льшаго умѣнья обращаться съ научнымъ матеріаломъ, чѣмъ то возможно ожидать отъ воспитанниковъ средне-учебныхъ заведеній до окончанія ими курса. Дѣлая свои предположенія о реформѣ средняго образованія, Паульсенъ совершенно упускаетъ изъ вида тѣ существеннѣйшія въ педагогическомъ отношеніи соображенія, заставлявшія во всѣ времена отдавать въ школѣ предпочтеніе параллельному (сравнительному) преподаванію языковъ передъ историческимъ ихъ изученіемъ [1]) и отводить этому послѣднему способу изученія языка первенствующее мѣсто, безъ всякаго соображенія съ тѣми условіями, въ которыхъ по необходимости, въ силу самаго существа дѣла, всегда находится *всякое школьное* преподаваніе. Увлекаясь мечтою объ историческомъ изученіи роднаго языка, какъ о центральномъ предметѣ гим-

[1]) Говоря о сравнительномъ, или, вѣрнѣе, о параллельномъ преподаваніи языковъ, мы отнюдь не имѣемъ въ виду сравнительнаго языковѣдѣнія, какъ науки, имѣющей своею задачею отысканіе основныхъ законовъ языковъ и тѣхъ явленій человѣческой рѣчи, которыя указываютъ происхожденіе различныхъ нарѣчій и устанавливаютъ связь между ними. Задача параллельнаго преподаванія языковъ въ школѣ гораздо болѣе скромная: о какихъ либо изслѣдованіяхъ при этомъ не можетъ быть и рѣчи, а сопоставленіе *точно опредѣленныхъ* и извѣстныхъ формъ одного языка имѣетъ только цѣлью служить болѣе ясному и твердому уразумѣнію другаго, а вовсе не научно-историческому или филологическому изслѣдованію котораго либо изъ нихъ.

Библиотека "Руниверс"

назическаго курса, Паульсенъ вовсе забываетъ о только что упомянутомъ нами, столь важномъ для общаго образованія, сравнительномъ, или, какъ мы предпочитаемъ называть, параллельномъ изученіи языковъ, составляющемъ нынѣ во всемъ цивилизованномъ мірѣ главную основу общеобразовательной школы, и находитъ, повидимому, возможнымъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, замѣнить его по отношенію къ родному языку историческимъ методомъ, точно всѣ пріемы, имѣющіе значеніе при разработкѣ науки, могутъ—независимо отъ своихъ особенностей и свойствъ — быть въ одинаковой мѣрѣ примѣнимы въ области школьнаго воспитанія и обученія. Между тѣмъ, если только вникнуть сколько нибудь внимательно въ существо этихъ двухъ методовъ—параллельнаго (сравнительнаго) и историческаго—цѣлесообразность перваго и малопримѣнимость въ школѣ втораго выясняется сама собою. Въ первомъ случаѣ матеріаломъ для преподаванія служатъ точно опредѣленныя, вполнѣ уже выработавшіяся явленія какого либо языка, сопоставленіе которыхъ съ подобными же положительными данными, встрѣчаемыми въ другомъ языкѣ, но находящими себѣ выраженіе въ другихъ формахъ и оборотахъ, служитъ превосходнѣйшимъ средствомъ, во-первыхъ, для столь же *сознательнаго*, какъ и твердаго усвоенія обоихъ языковъ [1]), во-вторыхъ, въ особенности по отношенію къ родному языку, для обращенія въ сознательное уразумѣніе тѣхъ безчисленныхъ представленій, которыя всякій человѣкъ уже ранѣе пріобрѣлъ безсознательно въ связи съ родною рѣчью, и въ-третьихъ, для развитія болѣе глубокаго и яснаго пониманія всѣхъ оттѣнковъ мысли и для развитія тѣмъ самымъ способности къ логическому и послѣдовательному мышленію.

Во второмъ же случаѣ, то-есть, при историческомъ изученіи языка, какъ цѣль, такъ и методъ преподаванія совершенно измѣняются, а вмѣстѣ съ тѣмъ приходится пользоваться совершенно инымъ матеріаломъ, ибо при историческомъ изученіи языка необходимо прослѣдить происхожденіе всѣхъ, или во всякомъ случаѣ многихъ переходныхъ формъ, дабы прослѣдить постепенное—въ теченіе вѣковъ—образованіе современной рѣчи, а равно необходимо коснуться многихъ,

[1]) Однимъ изъ простѣйшихъ и наглядныхъ примѣровъ изученія одного языка сопоставленіемъ его съ другимъ можетъ служить сравненіе языка, въ которомъ, напримѣръ, глаголъ „быть“ можетъ быть опущенъ, съ такимъ, въ которомъ глаголъ всегда сохраняетъ свое мѣсто; или объясненіе падежей въ языкахъ, въ одномъ изъ которыхъ измѣненіе падежа влечетъ за собою измѣненіе окончанія, а въ другомъ выражается приставкою члена и т. п.

Библиотека "Руниверс"

часто тонкихъ и сложныхъ научныхъ гипотезъ, необходимыхъ для выясненія связи прошлаго съ настоящимъ. Такимъ образомъ въ то время, какъ при изученіи языковъ путемъ ихъ сопоставленія между собою, то-есть, при параллельномъ ихъ преподаваніи, школа имѣетъ дѣло съ конкретными, точно опредѣленными фактами, поясненіе которыхъ путемъ сравненія съ подобными же фактами является сравнительно простымъ,—при историческомъ изученіи языка (будь то роднаго или чужаго—безразлично), по необходимости приходится прибѣгать къ пріемамъ и пользоваться такимъ матеріаломъ, которые, если только не ограничиваться однимъ неосмысленнымъ заучиваніемъ, требуютъ научной подготовки и развитія ума, которыми ученики средне-учебныхъ заведеній обладать не могутъ. Независимо отъ сего историческое изученіе языковъ малодоступно въ школѣ еще потому, что постепенность и послѣдовательность такого изученія опредѣляется не степенью простоты или сложности явленій языка, а историческимъ ходомъ его развитія, благодаря чему правильное распредѣленіе учебнаго матеріала по курсу школы, сообразно съ возрастомъ, силами и развитіемъ учащихся, становится почти невозможнымъ, въ то время какъ при параллельномъ ихъ изученіи такое распредѣленіе достигается безъ затрудненія и устанавливается, можно сказать, само собою.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній едва ли можетъ оставаться сомнѣніе въ томъ, что историческій методъ изученія языковъ можетъ найдти себѣ примѣненіе въ школѣ лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, при чемъ пользоваться имъ надлежитъ съ крайнею осторожностью.

Все это Паульсенъ совершенно упускаетъ изъ вида въ заключительной части своей книги и, сверхъ того, забываетъ, что опыты введенія въ школу историческаго изученія языковъ, въ особенности роднаго, уже неоднократно производились въ Германіи, но неизмѣнно кончались неудачею, что и привело къ устраненію дальнѣйшихъ попытокъ подобной постановки преподаванія.

Не болѣе основательно другое требованіе Паульсена, касающееся введенія въ курсъ гимназій преподаванія философіи, съ присвоеніемъ ей, наряду съ историческимъ изученіемъ роднаго языка, значенія одного изъ основныхъ предметовъ. И это предложеніе, дѣлаемое Паульсеномъ, обнаруживаетъ малое его знакомство съ условіями, при которыхъ слагается организація школы, и страдаетъ при томъ неясностью и неопредѣленностью, которыя лишаютъ читателя возмож-

Библиотека "Руниверс"

ности дать себѣ отчетъ въ томъ, чего собственно Паульсенъ желаетъ, и чего онъ ожидаетъ отъ преподаванія философіи въ гимназіяхъ, ибо, хотя Паульсенъ, говоря объ этомъ преподаваніи, постоянно употребляетъ выраженія: „пропедевтическое изученіе", „элементарное преподаваніе" и т. д., но онъ очевидно понимаетъ эти термины въ какомъ-то неопредѣленномъ и распространительномъ смыслѣ, ибо введеніе въ курсъ гимназій преподаванія философіи въ объемѣ, который общепринято считать элементарнымъ, не требовало бы никакой коренной реформы классическихъ учебныхъ заведеній, и опытъ давно доказалъ, что подобное (то-есть, пропедевтическое или элементарное) преподаваніе вполнѣ совмѣстимо съ самымъ строгимъ проведеніемъ гуманитарной системы образованія. Такъ, напримѣръ, пропедевтическое преподаваніе философіи издавна введено въ гимназіяхъ въ Вюртембергѣ, въ Баденѣ и въ другихъ мѣстахъ Германіи, гдѣ классическій характеръ этихъ заведеній сохранился въ большей полнотѣ, чѣмъ въ Пруссіи, о которой собственно Паульсенъ, повидимому, и говоритъ въ данномъ случаѣ. Въ виду этого невольно приходится думать, что, говоря о включеніи въ программы гимназій философіи, какъ о коренномъ преобразованіи средняго образованія, Паульсенъ имѣетъ въ виду гораздо болѣе расширенное преподаваніе предмета, чѣмъ то, которое въ настоящее время практикуется гдѣ либо, и которое, какъ мы только что сказали, никакого особаго преобразованія гимназической организаціи не потребовало бы. Между тѣмъ Паульсенъ опять таки забываетъ, что въ тѣ времена, когда занятія философіею составляли предметъ общаго увлеченія и были гораздо болѣе распространены, чѣмъ въ наши дни, попытки введенія въ гимназіяхъ расширеннаго преподаванія философіи производились неоднократно, но затѣмъ опытъ неизмѣнно вынуждалъ школу возвращаться къ болѣе скромнымъ требованіямъ и ограничивать преподаваніе философіи одними самыми основными ея элементами.

Вообще, какъ относительно введенія въ курсъ гимназій историческаго изученія языка, такъ и по отношенію къ преподаванію въ средней школѣ философіи, Паульсенъ впадаетъ въ ошибку, свойственную многимъ спеціалистамъ и въ особенности университетскимъ преподавателямъ, которые, поглощенные своими научными трудами и увлекаясь желаніемъ поскорѣе двинуть впередъ преподаваніе своей науки, нерѣдко страдаютъ тѣмъ недостаткомъ, что слишкомъ тяготятся преподаваніемъ первоначальныхъ элементовъ науки, и вслѣдствіе этого желали бы передвинуть хотя бы нѣкоторые изъ нихъ въ

Библиотека "Руниверс"

среднюю школу, вовсе не соображаясь съ тѣмъ, насколько такое перемѣщеніе части университетскаго курса соотвѣтствуетъ самому понятію объ общемъ среднемъ образованіи, а равно тѣмъ средствамъ и условіямъ, съ которыми должна сообразоваться средняя школа.

Такимъ увлеченіемъ только и можно объяснить предложенія, дѣлаемыя Паульсеномъ по отношенію къ реформѣ гимназій,—предложенія, столь же неосуществимыя, намъ кажется, на практикѣ, какъ и не соотвѣтствующія существу средней общеобразовательной школѣ.

Тѣ же заключенія и выводы по вопросу о реформѣ средней школы Паульсенъ повторилъ въ блестящей рѣчи, произнесенной имъ въ 1889 году въ собраніи союза дѣятелей по реальному образованію.

Рѣчь эта, замѣчательная по таланту, съ которымъ она составлена, по живости изложенія и по изящности формы, произвела громадное впечатлѣніе на собраніе, которое при громѣ рукоплесканій приняло высказанное Паульсеномъ положеніе: „das Realgymnasium ist humanistisch“ [1]).

---

[1]) Рѣчь Паульсена появилась отдѣльною брошюркою подъ заглавіемъ „Das Realgymnasium und die humanistische Bildung“ 1889, Verlag v. W. Hertz. Первую часть своей рѣчи, составляющую почти половину брошюры, Паульсенъ посвящаетъ объясненію высокаго значенія гуманитарнаго образованія и, доказывая, что ни математика, ни естественныя или иныя такъ называемыя реальныя науки не могутъ замѣнить собою и занять въ общемъ образованіи мѣста гуманитарныхъ предметовъ, заключаетъ эту часть своей рѣчи словами: „jede Schule, die auf eine allgemeine Bildung—nicht auf eine Fachbildung—ausgeht, ist nothwendig eine humanistische Bildungsanstalt, d. h. dass der Schwerpunct ihres Unterrichts wird in den humanistischen, nicht in realistischen Fächern liegen. Erst in einer Fachschule können diese zum Hauptstück des Unterrichts werden. Вторую часть рѣчи Паульсенъ посвящаетъ развитію своихъ взглядовъ на учебную организацію реальныхъ гимназій, разсматриваемыхъ съ его точки зрѣнія, и повторяетъ тѣ же соображенія и предложенія, которыя изложены въ заключительной части его „Исторіи научнаго образованія“, и начиная эту часть своей рѣчи вопросомъ: kann das Realgymnasium eine humanistische Bildung geben? и отвѣчая на этотъ вопросъ утвердительно, въ концѣ своей рѣчи (стр. 68) говоритъ: „Ich meine gezeigt zu haben, dass das Realgymnasium keineswegs in dem Sinne eine realistische Anstalt ist, dass darin Mathematik und Naturwissenschaften das Hauptstück des Unterrichts bilden, neben denen die übrigen Fächer nur die Rolle geduldeter und halb unterdrückter Nebensachen haben, oder gar eine Anstalt, die es sich zur Aufgabe macht ihre Schüler mit möglichst viel Kenntnissen vollzustopfen die in einem künftigen technischen oder kaufmännischen Beruf bereiteste Verwendung finden“. И далѣе на той же страницѣ: „Das preussische Realgymnasium ist nach Geschichte und Einrichtung nicht eine Fachschule für mathematisch-naturwissenschaftlichen oder technisch-ökonomischen Unterricht, sondern

Библиотека "Руниверс"

Но, вслѣдъ за этимъ провозглашеніемъ принципа преобладанія въ реальныхъ гимназіяхъ гуманитарнаго направленія, не замедлилъ появиться энергичный протестъ, обнаруживший ту глубокую рознь, которая господствуетъ среди сторонниковъ реальныхъ гимназій, даже по отношенію къ кореннымъ началамъ, на которыхъ эти учебныя заведенія основаны.

Иниціативу этого протеста принялъ на себя одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ „Союза по реальному образованію“ математикъ Пицкеръ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій, удостоенныхъ преміи со стороны союза, признавшаго ихъ соотвѣтствующими его цѣлямъ, стремленіямъ и его общему направленію.

Въ брошюрѣ, озаглавленной Humanismus und Schulzweck, Пицкеръ съ большимъ умѣніемъ возражаетъ противъ предложеній Паульсена, доказывая, что математическія и естественныя науки должны имѣть въ школѣ отнюдь не меньшее, а напротивъ равное, и въ практическомъ отношеніи даже большее значеніе, чѣмъ гуманитарные предметы, Пицкеръ съ жаромъ указываетъ на могущественное вліяніе, которое оказываетъ на развитіе ума научное изслѣдованіе причинной связи явленій и свободное, чуждое всякой шаблонности, познаніе закономѣрности этихъ явленій, и то громадное значеніе, которое имѣютъ въ этомъ отношеніи математическія вычисленія и основанныя на нихъ формулы [1]). Въ такихъ разсужденіяхъ Пицкера заключается безспорно много такого, что должно было бы признать совершенно вѣрнымъ, еслибы рѣчь шла о высшихъ научныхъ занятіяхъ и о научномъ творчествѣ, ибо въ этой сферѣ едва ли кто либо станетъ отвергать одинаковую возвышенность и равноправность научныхъ стремленій во всѣхъ областяхъ знаній. Но все, что можно сказать о достоинствахъ и заслугахъ тѣхъ или другихъ наукъ, далеко не относится къ школѣ, и когда рѣчь идетъ о самостоятельной и свободной работѣ ученика въ школѣ, то понятіе о такой работѣ нельзя смѣшивать съ самостоятельнымъ творчествомъ и изслѣдованіемъ въ области

---

eine allgemeine humanistische Bildungsanstalt“. Вообще о рѣчи Паульсена можно сказать, что рядомъ съ чрезвычайно дѣльнымъ изложеніемъ и критикою фактическаго положенія дѣла, и рядомъ съ мѣткою аргументаціею и блестящимъ изложеніемъ, она не можетъ, намъ кажется, не поразить,—также какъ и нѣкоторыя другія сочиненія того же автора,—отсутствіемъ должной связи между конечными выводами и прочимъ ея содержаніемъ.

[1]) Стр. 18. Humanismus und Schulzweck. *F. Pietzker*. 1889. Braunschweig. Verlag von O. Salle.

Библиотека "Руниверс"

самостоятельной разработки науки, поэтому и мѣрило для опредѣленія цѣлесообразности и пользы тѣхъ или другихъ школьныхъ занятій, и необходимость сосредоточенія школьной работы на тѣхъ или другихъ предметахъ опредѣляется вовсе не конечными результатами, которыя можетъ дать та или другая наука, а тѣмъ, насколько она представляетъ матеріалъ, пригодный для достиженія намѣченныхъ школою воспитательныхъ цѣлей, и насколько матеріалъ этотъ соотвѣтствуетъ силамъ учащихся и условіямъ, въ которыя по необходимости поставлена всякая школьная работа. Въ этомъ отношеніи Пицкеръ впадаетъ въ ту же ошибку, какъ и Паульсенъ; вся его весьма серьезная и талантливая аргументація, направленная противъ увлеченій Паульсена чрезмѣрно высокою постановкою философскаго и историко-лингвистическаго преподаванія, можетъ съ успѣхомъ быть обращена противъ самого Пицкера, ибо въ свою очередь онъ предъявляетъ къ школѣ относительно математическихъ наукъ такія требованія, удовлетворить которыя, пожалуй, еще менѣе возможно, чѣмъ осуществить мечтанія Паульсена. Впрочемъ и самъ Пицкеръ отчасти сознаетъ это, а потому оговаривается, что все сказанное имъ о постановкѣ гимназическаго курса онъ относитъ только къ тремъ старшимъ классамъ, которые должны были бы, по его мнѣнію, составить какъ бы особую научную ступень въ видѣ самостоятельной школы, получающей учениковъ изъ шестиклассnаго подготовительнаго заведенія, готовящаго въ равной мѣрѣ къ дальнѣйшему реальному или классическому образованію. При этомъ однако Пицкеръ расходится съ большинствомъ сторонниковъ системы „объединенной школы“ въ томъ, что онъ желаетъ придать своей подготовительной школѣ не чисто реальный характеръ, а напротивъ гуманитарное направленіе, хотя, правда, какъ выражается самъ Пицкеръ, въ Паульсеновскомъ духѣ [1]). Мы не будемъ здѣсь входить въ разборъ самой идеи „объ общемъ основаніи“ (allgemeiner Unterbau) средней школы, на которую указываетъ Пицкеръ, такъ какъ этимъ вопросомъ мы займемся ниже, говоря о сторонникахъ объединенной школы вообще, а потому теперь

[1]) Ibid., p. 42. Такимъ образомъ Пицкеръ признаетъ вмѣстѣ съ Паульсеномъ необходимость серьезнаго изученія въ подготовительной школѣ латинскаго языка, который, по мнѣнію Паульсена, составляетъ необходимый элементъ всякаго общаго научнаго образованія, но не вполнѣ ясно, соглашается ли онъ съ историческимъ и философскимъ методомъ изученія гуманитарныхъ наукъ, который такъ горячо рекомендуетъ Паульсенъ, и который, казалось бы, противорѣчитъ всей предшествующей аргументаціи Пицкера.

Библиотека "Руниверс"

ограничимся только указаніемъ на тѣ заключенія, къ которымъ Пицкеръ въ концѣ концовъ приходитъ относительно реальныхъ гимназій, составляющихъ въ настоящую минуту предметъ нашего изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать, что выводы Пицкера являются вполнѣ отрицательными для этой категоріи учебныхъ заведеній, такъ какъ онъ самымъ категорическимъ образомъ высказывается за развитіе школы въ двухъ только направленіяхъ: въ гуманитарномъ, получающемъ осуществленіе въ гимназіяхъ, и чисто реальномъ, находящемъ себѣ примѣненіе въ высшихъ реальныхъ училищахъ; что же касается до реальныхъ гимназій, то онъ признаетъ учрежденіе подобныхъ заведеній только попыткою къ компромиссу между этими двумя направленіями, являющеюся какъ бы переходною формою, необходимою лишь временно, впредь до полученія двумя вышеуказанными, основными типами научной школы, должной организаціи и развитія [1]).

Такимъ образомъ полемика по поводу рѣчи Паульсена съ полною ясностью раскрываетъ передъ нами ту глубокую, по самому существу своему непримиримую рознь, которая господствуетъ среди сторонниковъ реальныхъ гимназій. Въ глазахъ однихъ, какъ, напримѣръ, Шмединга, онѣ имѣютъ своею задачею осуществить на дѣлѣ новое педагогическое ученіе, основанное на отрицаніи всякой концентраціи школьной работы, а равно на отрицаніи значенія формальнаго образованія ума и возможности общаго развитія логическаго мышленія, въ виду чего въ курсъ этихъ учебныхъ заведеній должно входить возможно большее разнообразіе предметовъ, съ цѣлью воспитывать на нихъ, такъ сказать, по кусочкамъ каждую сторону человѣческаго духа въ отдѣльности. Другіе, представителемъ коихъ является Паульсенъ, желали бы осуществить въ реальныхъ гимназіяхъ свой идеалъ гуманитарнаго образованія, понимаемаго съ ихъ своеобразной точки зрѣнія. Третьи, отвергая для реальныхъ гимназій гуманитарное направленіе, желали бы концентрировать курсъ реальныхъ гимназій на математикѣ и естественныхъ наукахъ, но съ довольно значительнымъ придаткомъ одного древняго (латинскаго) и двухъ новыхъ языковъ. Наконецъ, четвертые, какъ, напримѣръ, Пицкеръ и многочисленные его сторонники, приходятъ въ концѣ концовъ къ отрицанію въ принципѣ самаго существованія реальныхъ гимназій и съ нѣкоторыми только оговорками переходятъ въ лагерь „объединенной школы“, являющейся въ сущности представительницею направленія,

[1]) Ibid., p. 42—43.

Библиотека "Руниверс"

несовмѣстимаго съ самою основною идеею реальной гимназіи. Если же вникнуть глубже въ вопросъ о томъ, что̀ именно составляетъ звено, связующее эти разнообразныя направленія и соединяющее столь разнородные элементы, образовавшіе „Союзъ дѣятелей по реальному образованію“, то нельзя отрицать, что главнымъ стимуломъ дѣятельности, какъ Союза, такъ и отдѣльныхъ его членовъ, является борьба изъ-за правъ, вызванная потребностью расширить тѣсныя рамки, въ которыя поставлено просвѣщеніе, условіями полученія формальнаго образовательнаго ценза, безъ котораго въ наши дни самая жизнь становится, къ несчастію, почти невозможною. Исчезни это условіе, пусть только новыя теченія просвѣщенія получатъ эквивалентъ правъ—не тожественный, но равный—съ тѣми правами, которыми нынѣ пользуется старая гуманистическая школа въ Германіи, или, вѣрнѣе сказать, какъ скоро наконецъ будетъ ослаблена нынѣ дѣйствующая „система правъ“ (Berechtigungswesen), то реальныя гимназіи потеряютъ всякую почву. Это замѣтно уже и въ настоящее время, при очень еще недавнемъ расширеніи сферы дѣятельности, предоставленной въ Германіи людямъ, получившимъ чисто реальное образованіе. Это расширеніе ослабило уже и теперь потребность въ томъ компромиссѣ, представительницею котораго является реальная гимназія, и обусловило замѣтную остановку въ развитіи этихъ учебныхъ заведеній. Но тѣмъ не менѣе едва ли было бы основательно предсказывать быстрое исчезновеніе школъ этого типа. Старыя традиціи такъ сильны въ Германіи, что, несмотря на все болѣе и болѣе развивающееся во многихъ классахъ населенія сознаніе необходимости чисто реальнаго образованія, число тѣхъ, которые не могутъ еще прямо и рѣшительно стать на его сторону, очень велико, и для нихъ переходная форма полуклассической школы представляется еще необходимою, несмотря на то, что по отношенію къ гуманитарному образованію она ни въ какой мѣрѣ не можетъ замѣнить классической гимназіи, а въ области реальныхъ знаній даетъ несоизмѣримо меньше, чѣмъ чисто реальная школа.

Вотъ почему типъ реальной гимназіи продолжаетъ не только существовать, но пока даже до извѣстной степени процвѣтать въ Германіи, находя себѣ защитниковъ въ средѣ просвѣщенныхъ и серьезныхъ людей.

Наконецъ, говоря о литературѣ, относящейся къ реальнымъ гимназіямъ, мы не можемъ умолчать о двухъ выдающихся дѣятеляхъ въ этой области, а именно о Циглерѣ, профессорѣ Страсбургскаго уни-

Библиотека "Руниверс"

верситета, и Дильманѣ, основателѣ реальной гимназіи въ Вюртембергѣ.

Циглеръ принадлежитъ безспорно къ числу самыхъ серьезныхъ и талантливыхъ защитниковъ реальныхъ гимназій. Взгляды свои онъ въ совершенной полнотѣ и съ замѣчательною ясностью изложилъ въ 12 публичныхъ лекціяхъ, появившихся въ печати подъ заглавіемъ „Fragen der Schulreform“ [1]), а затѣмъ вкратцѣ повторилъ въ рѣчи своей, произнесенной въ мартѣ 1894 г. въ собраніи Союза дѣятелей по реальному образованію въ Берлинѣ [2]). Циглеръ является рѣшительнымъ сторонникомъ гуманизма и прямо высказываетъ въ приведенной нами рѣчи (стр. 10) искреннее желаніе укрѣпить и упрочить значеніе классическихъ гимназій, но въ то же время онъ признаетъ существованіе возможно большаго разнообразія учебныхъ заведеній однимъ изъ необходимѣйшихъ условій процвѣтанія и развитія просвѣщенія, особенно въ наше время, которое онъ считаетъ переходною эпохою, требующею возможно большей свободы въ выборѣ путей, ведущихъ къ достиженію дальнѣйшихъ цѣлей, составляющихъ задачу, подлежащую рѣшенію грядущихъ поколѣній. Съ этой точки зрѣнія, разбирая нынѣшнюю организацію классической школы въ Германіи, Циглеръ въ своихъ лекціяхъ весьма мѣтко указываетъ ея недостатки и возстаетъ въ особенности противъ того привилегированнаго положенія, которое классическія гимназіи занимаютъ въ Германіи сравнительно съ другими учебными заведеніями. А потому, хотя онъ и смотритъ на реальную гимназію, какъ на переходную форму школы (стр. 11), но, считая ее въ настоящее время совершенно необходимою, требуетъ уравненія ея правъ съ правами классическихъ гимназій. Но при этомъ Циглеръ желалъ бы преобразованія прусскихъ реальныхъ гимназій и сближенія ихъ съ южно-германскими, въ особенности съ вюртембергскими заведеніями этого типа, въ которыхъ гуманитарное направленіе, — въ особенности постановка преподаванія латинскаго языка,—получило гораздо большее преобладаніе, чѣмъ въ Сѣверной Германіи.

Такимъ образомъ взгляды Циглера почти тожественны съ взглядами Дильмана, которыхъ мы уже касались при изложеніи исторіи

---

[1]) *Prof. Theobald Ziegler*, Die Fragen der Schulreform. Stuttgart. Göschensche Verlagshandlung.

[2]) *Его же*, Nothwendigkeit und Berechtigung des Realgymnasiums. 1894, у того же издателя.

Библиотека "Руниверс"

возникновенія Вюртембергской реальной гимназіи [1]). Между воззрѣніями Дильмана и Циглера существуетъ только тотъ оттѣнокъ, что первый питаетъ большое пристрастіе къ математикѣ и отводитъ ей поэтому въ своей школѣ чрезвычайно широкое мѣсто. Но оба въ одинаковой мѣрѣ придаютъ громадное значеніе тому развитію логическаго мышленія, которое достигается путемъ послѣдовательнаго, систематическаго изученія языка, въ особенности латинскаго, и настаиваютъ поэтому на необходимости возможно серьезной постановки преподаванія этого предмета и непремѣннаго начала этого преподаванія съ перваго же класса гимназіи [2]).

Ограничиваясь сдѣланнымъ нами очеркомъ главнѣйшихъ направленій, замѣчаемыхъ за послѣдніе годы въ литературѣ, относящейся къ реальнымъ гимназіямъ въ Германіи, мы въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи, въ теченіе разсматриваемаго нами періода, къ этимъ учебнымъ заведеніямъ университетовъ и ихъ преподавателей, а равно правительства и общества.

Что касается до отношенія въ восьмидесятыхъ годахъ университетовъ къ вопросу объ открытіи болѣе свободнаго доступа въ нихъ воспитанникамъ реальныхъ гимназій, то въ періодическихъ изданіяхъ и въ педагогической литературѣ того времени [3]) мы встрѣчали ука-

---

[1]) Взгляды Дильмана превосходно изложены въ весьма интересномъ его сочиненіи „Das Realgymnasium". 1884. Stuttgart. Verlag von Krabbe.

[2]) Высказывая сожалѣніе, что послѣ реформы 1890 г. реальныя гимназіи понесли тяжелую утрату вслѣдствіе сокращенія преподаванія латинскаго языка (число уроковъ въ теченіе курса сокращено съ 56 на 48), Циглеръ въ своей брошюрѣ: „Nothwendigkeit und Berechtigung des Realgymnasiums", на стр. 22, говоритъ: „Nein, wo das Lateinische auch nur mit 43 Stunden bedacht ist, da ist es doch eine der Säulen auf denen das Haus ruht. Eine Säule zunächst für die sprachliche Schulung, weil eben diese Sprache sich ganz besonders zu der bescheidenen und doch für die Schule so überaus wichtigen Stellung des grammatischen Knechts eignet. Daher ist meine Meinung auch nach wie vor die, dass wo Lateinisch gelernt wird im Unterricht damit und nicht mit einer modernen Sprache zu beginnen sei. Fügt man es erst später und nachträglich hinzu, so geht dieser ein Hauptwerk völlig verloren. Verauche mit dem Frankfurter Lehrplan lasse ich mir bei meinem Dringen auf Manigfaltigkeit und meiner Abneigung gegen Uniformität darum doch gerne gefallen und sehe ihrem Verlauf mit Interesse zu, umsomehr als ich erst von 1901 an darüber, zu urteilen mich berufen, verpflichtet und befähigt glaube und jede frühere Begutachtung und Anpreisung ihres Gelingens dem Thun der Knaben vergleichen muss, die die Pflänzchen von Zeit zu Zeit aus der Erde reissen um zu sehen ob sie auch wachsen".

[3]) Мы еще не касаемся здѣсь отзывовъ университетовъ о желательности реформы средняго образованія, данныхъ въ самомъ концѣ восьмидесятыхъ годовъ

Библиотека "Руниверс"

занія на постановленія только двухъ университетовъ, ходатайствовавшихъ о подобномъ расширеніи правъ реалистовъ, между тѣмъ, въ мартѣ 1880 г., по иниціативѣ проф. Дройзена, философскій факультетъ (въ составъ котораго въ Германіи входятъ естественныя науки и математика) Берлинскаго университета постановилъ ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы при предстоящемъ обсужденіи реформы средняго образованія не былъ возбуждаемъ вопросъ о расширеніи правъ реалистовъ на поступленіе въ университеты. Подобное же постановленіе состоялось въ Кильскомъ университетѣ, который самымъ рѣшительнымъ образомъ высказалъ, что признаетъ подготовку, даваемую реальными училищами I-го разряда, недостаточною [1]). Въ 1883 г. Лейпцигскій философскій факультетъ далъ отзывъ, въ которомъ признавалъ успѣшность реалистовъ въ университетѣ неудовлетворительною. Въ 1884 г. университетъ въ Галле высказался противъ допущенія къ профессурѣ по какой бы то ни было каѳедрѣ лицъ, получившихъ среднее образованіе въ реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ тотъ же періодъ времени противъ умаленія значенія классическаго образованія, какъ подготовки къ университетскимъ занятіямъ, изъ выдающихся представителей естественныхъ и медицинскихъ наукъ высказались Кирхгофъ, Бунзенъ, Цимсенъ, Петенкоферъ и многіе др., въ томъ числѣ и знаменитый Гельмгольцъ, который позднѣе, на конференціи 1890 г., явился однимъ изъ самыхъ горячихъ защитниковъ необходимости гуманитарнаго образованія для естественниковъ.

Объ отношеніи правительства къ реальнымъ гимназіямъ лучше всего можно судить по дебатамъ въ законодательныхъ собраніяхъ. Само собою разумѣется, что въ собраніяхъ этихъ самыя разнообразныя направленія имѣли своихъ представителей, при чемъ не было не-

---

передъ началомъ конференціи 1890 г., такъ какъ мы будемъ обсуждать эти отзывы ниже, а равно говоримъ только о вопросѣ расширенія правъ собственно абитуріентовъ реальныхъ училищъ 1-го разряда (то-есть, гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ), такъ какъ о допущеніи въ университеты воспитанниковъ чисто реальныхъ училищъ въ разсматриваемый нами періодъ еще не было и рѣчи.

[1]) Свое мнѣніе Кильскій университетъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ: „die Realschulabiturienten gelangen in Folge ihrer ungenügenden Kenntniss der Lateinischen Sprache nie zu einer wissenschaftlichen Auffassung ihres Faches und zeigen nie das Bestreben die Lücken ihrer Schulbildung auszufüllen, sondern gehen über den allerängsten Kreis ihrer Studien nicht heraus".

Библиотека "Руниверс"

достатка въ сторонникахъ реальнаго образованія вообще и реальныхъ гимназій въ частности, а потому въ преніяхъ по вопросу о допущеніи реалистовъ въ университеты, происходившихъ въ законодательныхъ собраніяхъ почти всѣхъ германскихъ государствъ, интересы реальныхъ гимназій имѣли многихъ горячихъ поборниковъ, тѣмъ болѣе, что въ виду значительныхъ затратъ, произведенныхъ многими городами на устройство и содержаніе подобныхъ заведеній, требованіе о расширеніи ихъ правъ стало почти обязательно входить въ программы депутатовъ, избираемыхъ городами; тѣмъ не менѣе, ни въ одномъ изъ государствъ Германіи подобныя требованія не увѣнчались успѣхомъ, и реальныя гимназіи и понынѣ остались всюду, по отношенію къ допущенію ихъ абитуріентовъ въ университеты, при тѣхъ же правахъ, которыя были дарованы имъ въ Пруссіи въ 1870-мъ году.

Затѣмъ серьезное, хотя впрочемъ болѣе теоретическое, чѣмъ практическое, значеніе для вопроса о полуклассическихъ учебныхъ заведеній имѣютъ сужденія берлинской декабрьской конференціи 1890 года. Конференція эта, несмотря на то, что въ ея средѣ находились такіе горячіе защитники реальной гимназіи, какъ Паульсенъ, депутатъ и энергичный членъ союза дѣятелей по реальному образованію Шенкендорфъ, директоръ реальной гимназіи въ Альтонѣ д-ръ Шлее [1]) и другіе, принципіально отвергнувъ необходимость существованія школы промежуточнаго типа между классическими и реальными заве-

---

[1]) Д-ръ Шлее, горячій сторонникъ теоріи Остендорфа о первенствѣ новыхъ языковъ—Priorität der modernen Sprachen, еще въ 1878 году создалъ въ Альтонѣ новый типъ реальной гимназіи, окончательно организованной въ 1881 году, отличавшійся отъ другихъ подобныхъ заведеній тѣмъ, что изученіе чужихъ языковъ (der fremdsprachliche Unterricht) начиналось не съ латинскаго, а съ французскаго языка. По учебному плану Альтонской реальной гимназіи на латинскій языкъ назначено 38 уроковъ въ теченіе всего курса, при чемъ преподаваніе этого предмета начиналось въ 4-мъ классѣ и продолжалось 6 лѣтъ. Попытка эта въ свое время произвела сильное впечатлѣніе и нашла себѣ горячихъ защитниковъ въ педагогической литературѣ. Однимъ изъ самыхъ выдающихся произведеній въ этой области нельзя не признать весьма интересную книгу Фелькера: „Die Reform des höheren Schulwesens auf Grund der Ostendorfschen These“ (G. Völker. Berlin). 1887. Но замѣчательно то обстоятельство, что, несмотря на шумъ, который надѣлало предпріятіе Шлее, оно почти не нашло себѣ подражателей, и Альтонская реальная гимназія стоитъ нынѣ столь же одиноко, какъ и 20 лѣтъ тому назадъ. За то теперь дѣлаются попытки примѣнить принципы Остендорфа, не удавшіяся въ реальныхъ гимназіяхъ, къ классической школѣ.

Библиотека "Руниверс"

деніями, значительнымъ большинствомъ голосовъ высказалась за желательность развитія въ будущемъ средняго образованія въ двухъ только направленіяхъ: чисто классическомъ и чисто реальномъ.

Правда, правительство не нашло возможнымъ—и по нашему мнѣнію вполнѣ основательно — привести въ исполненіе смертный приговоръ, произнесенный конференціею надъ реальными гимназіями. Оно сочло неблагоразумнымъ разрушить почеркомъ пера около ста учебныхъ заведеній, тѣсно связанныхъ съ весьма разнообразными интересами цѣлыхъ классовъ населенія и вызванныхъ при томъ къ существованію мѣрами правительства, хотя, быть можетъ, ошибочными и искусственными, но успѣвшими пустить глубокіе корни. Но тѣмъ не менѣе заключенія конференціи не лишены существеннаго принципіальнаго значенія, и въ будущемъ болѣе чѣмъ вѣроятно окажутъ могущественное вліяніе на дальнѣйшую судьбу реальныхъ гимназій въ Германіи.

Какъ бы то ни было реальныя гимназіи продолжаютъ существовать и послѣ конференціи 1890 г., при чемъ учебными планами 1891 г. сдѣланъ шагъ къ возстановленію учебнаго строя реальныхъ училищъ 1-го разряда, какъ онъ существовалъ въ Пруссіи до реформы 1882 года, въ томъ отношеніи, что преподаваніе латинскаго языка вновь значительно сокращено, и число уроковъ по сему предмету уменьшено съ 54 на 43 въ теченіе девятилѣтняго курса [1]).

Такое сокращеніе преподаванія латинскаго языка, за которымъ все-таки сохранено въ реальныхъ гимназіяхъ первенствующее положеніе, трудно объяснимо, такъ какъ оно впадаетъ въ прямое противорѣчіе съ тѣмъ—почти 25-ти-лѣтнимъ—опытомъ, на которомъ всего 8 лѣтъ передъ тѣмъ (въ 1882 г.) было признано необходимымъ усилить преподаваніе этого языка, такъ какъ всѣми было признано, что при 44 урокахъ, назначенныхъ на этотъ предметъ въ 1859 г., до-

[1]) По учебному плану 1891 г. предметы распредѣляются (при девятилѣтней продолжительности курса) слѣдующимъ образомъ:

Законъ Божій.	Родной языкъ.	Латинскій языкъ.	Французскій языкъ.	Англійскій языкъ.	Исторія и географія.	Математика.	Физика.	Естествовѣдѣніе.	Химія и минералогія.	Чистописаніе.	Рисованіе.	Общее число уроковъ въ теч. курса.
19	28	43	31	18	28	42	12	12	5	4	16	259

Библиотека "Руниверс"

стиженіе удовлетворительныхъ результатовъ являлось невозможнымъ. Въ то же время трудно сказать, чтобъ эта мѣра знаменовала желаніе правительства сблизить реальныя гимназіи съ чисто реальными училищами съ цѣлью облегчить ихъ сліяніе въ будущемъ, такъ какъ рядомъ съ сокращеніемъ латинскаго языка сокращено—хотя, правда, весьма незначительно—время, посвящаемое на изученіе новыхъ языковъ, математики и рисованія, составляющихъ главныя основы чисто реальнаго образованія. Остается предположить, что сокращеніе преподаванія латинскаго языка было вызвано, во-первыхъ, необходимостью сократить общее число уроковъ, дабы таковое не оказалось значительно большимъ, чѣмъ въ классическихъ гимназіяхъ [1]), и, во-вторыхъ, тѣми колебаніями и неустойчивостью взглядовъ, которыя, какъ мы указывали выше, господствовали въ послѣднее время по отношенію къ реальнымъ гимназіямъ.

Наконецъ, что касается до отношенія общества къ реальнымъ гимназіямъ, то едва ли не лучшею мѣркою для сужденія о немъ могутъ служить свѣдѣнія о развитіи этихъ учебныхъ заведеній, объ увеличеніи или уменьшеніи ихъ числа и о ихъ посѣщаемости. Мы уже говорили о томъ, что реформа 1882 г. внесла въ жизнь реальныхъ гимназій нѣкоторое оживленіе. Сближеніе ихъ курса съ курсомъ классическихъ гимназій привлекло на ихъ сторону многихъ поклонниковъ гуманитарнаго образованія, число этихъ заведеній стало возрастать—хотя менѣе быстро, чѣмъ послѣ изданія положенія 1859 года—посѣщаемость этихъ школъ, особенно старшихъ классовъ, замѣтно возросла. Но уже въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ въ этомъ поступательномъ движеніи реальныхъ гимназій стало замѣчаться замедленіе. Число учащихся не только перестало увеличиваться, но напротивъ нѣсколько сократилось, а затѣмъ, хотя число полныхъ реальныхъ гимназій (со всѣми классами) осталось почти безъ перемѣны, сократившись лишь незначительно, но реальныя прогимназіи стали въ послѣдніе годы быстро исчезать, а рядомъ съ этимъ, вслѣдъ за возникновеніемъ „преобразованныхъ гимназій“ (Reform-Gymnasium), то-есть, классическихъ гимназій съ обоими древними языками, но съ болѣе позднимъ началомъ ихъ преподаванія, стала замѣчаться склон-

---

[1]) Тѣмъ не менѣе число уроковъ осталось въ реальныхъ гимназіяхъ нѣсколько большимъ, чѣмъ въ классическихъ, а именно 258 недѣльныхъ уроковъ въ первыхъ, противъ 252 уроковъ въ послѣднихъ. Въ прежнее же время въ реальныхъ гимназіяхъ было 280, а въ классическихъ гимназіяхъ 268 уроковъ.

Библиотека "Руниверс"

ность нѣкоторыхъ городовъ преобразовывать свои реальныя гимназіи въ этотъ новый типъ классической школы [1]).

Наконецъ, не можемъ не указать въ заключеніе на постепенное измѣненіе характера дѣятельности „союза дѣятелей по реальному образованію", какъ на немаловажный симптомъ того положенія, въ которомъ находится вопросъ о реальныхъ гимназіяхъ, то-есть, о полуклассической, полуреальной школѣ. Въ теченіе своей болѣе чѣмъ 20-ти-лѣтней дѣятельности союзъ затратилъ много труда и силы на пропаганду идеи „реальной", то-есть, полуклассической гимназіи, онъ не пренебрегалъ никакими средствами для доставленія торжества своей идеѣ, онъ внесъ въ школьный вопросъ раздоръ и смуту, повредившіе столько же покровительствуемой имъ школѣ, какъ и классической гимназіи, на которую онъ преимущественно направлялъ свои удары, но если вникнуть въ результаты, которыхъ достигъ союзъ, то, несмотря на его постоянныя, хвастливыя заявленія о достигнутыхъ успѣхахъ и объ одержанныхъ побѣдахъ, оказывается, что дѣло, во имя котораго онъ велъ борьбу, осталось въ томъ же и, пожалуй, даже въ худшемъ положеніи, чѣмъ во время его возникновенія: главная, можно сказать, почти единственная цѣль союза—открытіе абитуріентамъ реальныхъ гимназій доступа на всѣ факультеты университетовъ, не достигнута и даже не подвинулась впередъ, и реальныя гимназіи находятся въ настоящее время въ томъ же положеніи, въ которомъ онѣ находились въ 1870 г.; симпатіи общества къ реальнымъ гимназіямъ, повидимому, стали слабѣть; правительство начало сознавать, что реальныя гимназіи не дали результатовъ, которыхъ отъ нихъ ожидали, и что онѣ уклонились отъ цѣли, для которой онѣ были созданы, не давая удовлетворенія тѣмъ классамъ населенія, которые ищутъ образованія, но не стремятся въ университеты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ агитація въ пользу реальныхъ гимназій, нанеся вредъ гуманитарной школѣ, въ то же время существеннымъ образомъ замедлила нормальное развитіе чисто реальнаго образованія, потребность въ которомъ для массы населенія растетъ съ каждымъ днемъ. Агитація эта надолго отвлекла отъ этого образованія многочислен-

[1]) Въ послѣднее время намъ уже нѣсколько разъ встрѣчались въ періодическихъ изданіяхъ указанія на то, что Паульсенъ, этотъ выдающійся сторонникъ реальныхъ гимназій, перешелъ въ лагерь „преобразованной гимназіи", признавая ее школою будущаго. Но заявленій самаго Паульсена въ этомъ смыслѣ мы пока не встрѣчали, а потому не рѣшаемся указывать на это, какъ на достовѣрный фактъ.

Библиотека "Руниверс"

ные классы, которые нуждаются именно въ немъ, и обманывая ихъ призракомъ совмѣщенія гуманитарнаго и реальнаго образованія, увлекла ихъ въ школу, которая не даетъ и не можетъ дать ни того, ни другаго въ объемѣ, котораго требуетъ истинное просвѣщеніе.

Такимъ образомъ, внимательное изученіе прошлаго и настоящаго реальной гимназіи приводитъ насъ къ твердому убѣжденію, что не ей принадлежитъ будущее. Но, тѣмъ не менѣе, мы не сомнѣваемся, что полуреальное образованіе, то-есть, реальная гимназія еще долго просуществуетъ въ Германіи: классъ людей, нуждающихся въ чисто реальномъ образованіи, очень великъ, но привычки и традиціи мѣшаютъ имъ,—какъ мы думаемъ, во вредъ имъ самимъ,—стать безусловно на его сторону, а затѣмъ условія „образовательнаго формальнаго ценза“ (Berechtigungswesen) долго еще будутъ извращать нормальное теченіе просвѣщенія и тормозить свободное развитіе тѣхъ двухъ типовъ школъ, въ которыхъ въ наши дни нуждаются всѣ народы, а именно чисто классической и чисто реальной, къ которымъ затѣмъ примыкаютъ университеты и высшія спеціальныя заведенія.

Мы заканчиваемъ на этомъ обзоръ развитія реальныхъ гимназій и перейдемъ теперь къ изученію другаго направленія, въ которомъ выражаются стремленія къ болѣе коренной реформѣ средняго образованія, а именно къ изученію такъ называемой „объединенной школы“.

Графъ Павелъ Капнистъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Изъ исторіи средневѣковыхъ университетовъ.

P. Heinrich Denifle. Die Universitäten des mittelalters bis 1400. Berlin 1885.

Georg Kaufmann. Die Geschichte der deutschen Universitäten. Erster Band: Vorgeschichte. Stuttgart. 1888. Zweiter Band. Entstehung und Entwickelung der deutschen Universitäten bis zum Ausgang des Mittelalters. Stuttgart. 1896.

Hastings Rashdall. The universities of Europe in the middle ages, 2 volumes. Oxford. 1895.

И. Суворовъ. Средневѣковые университеты. Москва. 1898.

Всѣ эти четыре сочиненія посвящены исторіи средневѣковыхъ университетовъ. При всей однородности предмета сочиненія эти отличаются особенностями, въ значительной мѣрѣ зависящими какъ отъ условій, которыя вызвали появленіе каждаго изъ этихъ трудовъ, такъ и отъ цѣли, которую ставилъ себѣ каждый изъ авторовъ, приступая къ своему труду.

Первымъ появился трудъ ученаго доминканца Денифле и составилъ эпоху въ литературѣ даннаго вопроса: Денифле не только далъ полный сводъ всего, сдѣланнаго въ этой области до него, но и пополнилъ это множествомъ впервые обнародованныхъ новыхъ данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ многочисленныхъ библіотекъ и архивовъ, въ которыхъ ему приходилось работать. Но, давая въ своемъ трудѣ громадный, въ значительной части новый, критически обработанный матеріалъ, Денифле расположилъ его по плану, вызвавшему справедливыя замѣчанія крити-

Библиотека "Руниверс"

ковъ; слѣдуя въ своей работѣ аналитическому методу, „какъ единственному, который открываетъ истинные законы", Денифле излагаетъ исторію возникновенія двухъ главнѣйшихъ средневѣковыхъ университетовъ—Парижскаго и Болонскаго, а затѣмъ главную часть своего труда посвящаетъ исторіи возникновенія 55 университетовъ, существовавшихъ въ Западной Европѣ до 1400 г., при чемъ ограничивается изложеніемъ исторіи одного университета за другимъ, стараясь главнымъ образомъ опредѣлить, когда и какимъ образомъ университетъ возникъ и какими привилегіями пользовался. Собственно книга Денифле представляетъ начало большаго сочиненія, расчитаннаго на пять томовъ, изъ которыхъ первый (настоящій) долженъ заключать въ себѣ исторію возникновенія университетовъ, второй—очеркъ организаціи ихъ, а три послѣдніе—исторію Парижскаго университета. Такимъ образомъ этотъ университетъ, его исторія и стоитъ въ центрѣ всего труда Денифле, а всѣ остальные университеты лишь группируются вокругъ него.

Приступая къ изложенію исторіи 55 университетовъ, Денифле, естественно, долженъ былъ прежде всего рѣшить вопросъ, въ какомъ порядкѣ говорить о нихъ, на какія категоріи ихъ подраздѣлить. Рѣшить этотъ вопросъ можно было различно: 1) можно было руководиться принципомъ *національности*, то-есть говорить объ университетахъ итальянскихъ, французскихъ и т. д., 2) можно было излагать исторію университетовъ въ порядкѣ ихъ возникновенія, то-есть держаться принципа *хронологическаго*, 3) наконецъ, можно было установить принципъ *генетическій*, то-есть указывать, какимъ образомъ существованіе одного университета вызывало возникновеніе другихъ университетовъ. По различнымъ соображеніямъ Денифле отвергъ всѣ эти три принципа и установилъ четвертый—чисто-внѣшній: онъ распредѣлилъ университеты на различныя категоріи въ зависимости отъ тѣхъ *учредительныхъ грамотъ*, которыя имѣлъ тотъ или другой университетъ (см. Denifle, стр. 220). Дѣло въ томъ, что въ средніе вѣка существовало воззрѣніе, что учрежденіе университетовъ есть дѣло универсальныхъ властей, то-есть императора и папы: основывая университетъ, папа или императоръ давали ему въ видѣ учредительной грамоты различныя привилегіи, безъ которыхъ университетамъ трудно было существовать. За властью территоріальною, то-есть за королемъ или княземъ, властвующимъ въ предѣлахъ ограниченнаго территоріальными границами государства, *принципіально* не признавалось права учреждать университеты, но *фактически* они этимъ правомъ

Библиотека "Руниверс"

иногда пользовались. Бывало и такъ, что университетъ, уже имѣя папскую грамоту, испрашивалъ у императора императорскую грамоту (см. Суворовъ, стр. 52—53).

На основаніи различія учредительныхъ грамотъ у различныхъ университетовъ Денифле и подраздѣляетъ всѣ университеты на 6 различныхъ категорій: 1) университеты, которые безъ достаточнаго основанія назывались университетами, 2) университеты, не имѣвшіе учредительной грамоты, 3) университеты, имѣвшіе папскую грамоту, 4) имѣвшіе императорскую, королевскую или княжескую грамоту, 5) имѣвшіе и папскую, и императорскую или королевскую и т. п. грамоту, 6) университеты, которые существовали только номинально. Это подраздѣленіе вызвало справедливыя возраженія критиковъ, особенно Кауфмана, автора одного изъ вышеуказанныхъ трудовъ. Денифле, въ свою очередь, отвѣчалъ Кауфману; между ними возникла цѣлая полемика, въ высшей степени рѣзкая со стороны Денифле. Сущность возраженій, сдѣланныхъ противъ установленнаго Денифле подраздѣленія университетовъ, сводилась къ тому, что такое подраздѣленіе совершенно не выясняетъ отношенія всѣхъ остальныхъ средневѣковыхъ университетовъ къ двумъ основнымъ прототипамъ, то-есть университету Парижскому и Болонскому, разъединяетъ то, что должно быть соединено, и совсѣмъ не указываетъ зависимости одного университета отъ другаго; получается чисто искусственная группировка: Оксфордъ оказывается отдѣленнымъ отъ Кембриджа, Тулуза отъ Парижа и Орлеана, Флоренція отъ Болоньи, Гейдельбергъ отъ Праги и Вѣны.

Другимъ пунктомъ, вызвавшимъ возраженія критиковъ, былъ 1400 г.—дата, до которой Денифле довелъ свое изслѣдованіе въ настоящемъ томѣ. Онъ самъ объясняетъ, почему онъ остановился на этомъ годѣ: въ XV вѣкѣ повсюду обнаружились новыя отношенія; въ нѣкоторыхъ странахъ это было нѣсколько раньше (въ Италіи около половины XIV вѣка), въ другихъ — нѣсколько позже (въ Германіи — приблизительно въ половинѣ XV вѣка), а такъ какъ Денифле писалъ обо всѣхъ европейскихъ университетахъ, а не объ университетахъ какой-нибудь одной страны, то онъ и выбралъ 1400-й годъ, какъ среднюю, приблизительную дату (см. Einleitung, XXVI). Критики возражали на это, что 1400-й годъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться годомъ, заканчивающимъ одинъ и начинающимъ другой періодъ въ исторіи университетовъ, что съ гораздо бо́льшимъ основаніемъ можно было остановиться на 1500 г. (*Kauffmann*, B. I. Einleitung,

Библиотека "Руниверс"

S. XI—XII) или, по крайней мѣрѣ, на 1450 г. (см. *Bruno Gebhardt*, Die deutschen Universitäten im Mittelalter въ Preussische Jahrbücher, April 1897. S. 376—377).

Совершенно иначе построенъ трудъ Кауфмана, появившійся послѣ сочиненія Денифле. Собственно первоначальный планъ Кауфмана заключался въ томъ, чтобы написать исторію нѣмецкихъ университетовъ въ трехъ томахъ: I томъ долженъ былъ заключать въ себѣ исторію этихъ университетовъ въ средніе вѣка, II томъ—исторію ихъ въ XVI и XVII вѣка, то-есть въ переходное время, въ эпоху борьбы католичества съ протестантствомъ, когда реформація разрушила прежній, средневѣковый строй университетовъ. Это переходное время закончилось съ основаніемъ университетовъ въ Галле (1694 г.) и Геттингенѣ (1737 г.), и III томъ своей работы Кауфманъ предполагалъ посвятить исторіи нѣмецкихъ университетовъ въ новое время. Но, какъ извѣстно, въ Германіи долгое время не было своихъ университетовъ; сложилось даже представленіе, что въ Германіи и не должно быть университета, потому что великимъ народамъ Европы даны Богомъ различные дары: германцамъ—имперія (imperium), французамъ—наука (studium), итальянцамъ—священство (sacerdotium) (см. Суворовъ, стр. 67). Только въ 1346 году король богемскій, позднѣе императоръ германскій Карлъ IV поднялъ вопросъ объ основаніи въ его столицѣ—Прагѣ генеральной школы. Такимъ образомъ Кауфманъ скоро убѣдился, что нельзя писать исторію нѣмецкихъ университетовъ, не занявшись сначала исторіей тѣхъ учрежденій, по образцу которыхъ создались нѣмецкіе университеты, притомъ онъ считалъ совершенно невозможнымъ коснуться лишь вскользь этого вопроса, такъ какъ, по его мнѣнію, трудъ его предшественника въ данной области—Денифле—при всей цѣнности заключающагося въ немъ матеріала и отдѣльныхъ изслѣдованій, самъ по себѣ требуетъ изслѣдованія (см. Einleitung, XI). Результатомъ этихъ предварительныхъ занятій и явился первый томъ его труда—Vorgeschichte: здѣсь Кауфманъ, не занимаясь исторіей отдѣльныхъ университетовъ, ставитъ главнымъ образомъ вопросъ объ организаціи университетовъ въ средніе вѣка, располагаетъ университеты по категоріямъ на основаніи ихъ внутреннихъ существенныхъ признаковъ и выясняетъ важнѣйшія черты, послужившія прототипомъ для позднѣе возникшихъ нѣмецкихъ университетовъ. Исторія средневѣковыхъ университетовъ, говоритъ онъ, протекаетъ между схоластикой и гуманизмомъ, они были продуктомъ схоластики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, носителями средне-

Библиотека "Руниверс"

вѣковой схоластической науки. Гуманистическое движеніе шло мимо университетовъ, какъ оппозиція имъ; оно разрушило ихъ отжившую средневѣковую форму и очистило мѣсто для новой организаціи. И свою Исторію средневѣковыхъ университетовъ Кауфманъ начинаетъ (1-я глава I-го тома) опредѣленіемъ схоластики, изложеніемъ ея исторіи и оцѣнкой ея научныхъ заслугъ и заканчиваетъ очеркомъ, посвященнымъ гуманизму (конецъ II-го тома). Собственно нѣмецкимъ университетамъ посвященъ II томъ, заканчивающійся 1500 годомъ. Здѣсь авторъ опять таки не даетъ исторіи отдѣльныхъ университетовъ, а пытается выяснить основныя, общія черты ихъ организаціи, опредѣлить, какія цѣли они преслѣдовали и какое воздѣйствіе оказывали на современное имъ общество и науку.

Совершенно иначе, чѣмъ Кауфманъ, относился къ труду Денифле авторъ третьяго изъ вышеуказанныхъ сочиненій—Rashdall. Трудъ его появился въ свѣтъ уже послѣ трудовъ Денифле и Кауфмана, которыми онъ, такимъ образомъ, уже могъ пользоваться. Въ полемикѣ Денифле съ его критиками Rashdall всецѣло становится на сторону Денифле, отрицаетъ основательность обвиненій Денифле въ ультрамонтанскихъ тенденціяхъ и выражаетъ удивленіе передъ ученостью Денифле, основательностью его труда и глубиной его выводовъ. Изъ всѣхъ новѣйшихъ авторовъ, писавшихъ по данному вопросу, Rashdall считаетъ себя обязаннымъ одному Денифле—въ тѣхъ частяхъ, которыя въ трудѣ Денифле написаны совершенно самостоятельно. Исторію англійскихъ и отчасти Парижскаго университета Rashdall писалъ на основаніи архивныхъ, еще не изданныхъ документовъ. Но несмотря на все его уваженіе къ Денифле, работа его написана по плану совершенно иному, чѣмъ у Денифле (Vol. I, Preface, VII — VIII): онъ задался цѣлью описать съ возможной полнотой три великіе типичные университета: Болонскій, Парижскій и Оксфордскій и дать краткія свѣдѣнія объ основаніи, устройствѣ и исторіи другихъ университетовъ, расположивъ ихъ группами по націямъ. Подобно Кауфману, онъ слѣдитъ за тѣми умственными теченіями, подъ вліяніемъ которыхъ были основаны университеты. Онъ подробно останавливается на исторіи Болонскаго и Парижскаго университетовъ (I томъ), кратко излагаетъ исторію университетовъ во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, кромѣ Англіи (1-я часть II тома), и затѣмъ посвящаетъ цѣлый томъ (2-я часть II тома) исторіи англійскихъ университетовъ, главнымъ образомъ—Оксфордскаго, заканчивая его чрезвычайно интереснымъ очер-

Библиотека "Руниверс"

комъ жизни средневѣковаго студенчества, главнымъ образомъ—англійскаго.

Если, такимъ образомъ, въ центрѣ всего труда Денифле стоитъ исторія Парижскаго университета, у Кауфмана—исторія нѣмецкихъ университетовъ, а у Rashdall'я—исторія англійскихъ университетовъ, то совершенно иное построеніе встрѣчаемъ мы въ трудѣ русскаго ученаго—г. Суворова, профессора церковнаго права въ Ярославскомъ лицеѣ: „занимаясь разработкой различныхъ вопросовъ церковнаго права", говоритъ онъ въ предисловіи, „я не разъ приходилъ къ сознанію необходимости выяснить для себя, въ какомъ отношеніи средневѣковые университеты состоятъ къ церкви. Выясняя же себѣ этотъ вопросъ, я невольно долженъ былъ расширить свою задачу и изслѣдовать, что такое были средневѣковые университеты вообще, какъ и при какихъ историческихъ условіяхъ они возникли, на какихъ основахъ утверждалась и въ какихъ формахъ проявлялась ихъ жизнь и дѣятельность". Результатомъ этихъ занятій и явился настоящій трудъ, главной цѣлью котораго было отвѣтить на вопросъ, оказывающійся спорнымъ въ литературѣ и на самомъ дѣлѣ далеко не легкій для категорическаго разрѣшенія: „какъ смотрѣть на средневѣковые университеты—были ли они церковными, духовными корпораціями (corpus ecclesiasticum или collegium) или свѣтскими, мірскими (corpus или collegium laïcum)? Не только нѣкоторые писатели отстаивали чисто духовный характеръ средневѣковыхъ университетовъ. но и сами университеты иногда называли себя, какъ, напримѣръ, Гейдельбергскій, церковными корпораціями" (стр. 95). Но съ другой стороны великій церковный авторитетъ Ѳома Аквинскій, преподаватель парижскаго университета въ XIII вѣкѣ, когда церковное вліяніе во всѣхъ областяхъ жизни господствовало болѣе, чѣмъ когда нибудь, говорилъ, что „collegium scholasticum" не есть „collegium ecclesiasticum" (стр. 190). Какъ по отношенію къ этому вопросу, такъ и вообще во всемъ своемъ трудѣ Суворовъ слѣдуетъ Кауфману, работу котораго считаетъ лучшей, наиболѣе полной и наиболѣе систематической по исторіи средневѣковыхъ университетовъ (98 стр.).

Хотя авторы четырехъ выше названныхъ трудовъ совершенно различно строили свои работы, различно относились къ тому или другому частному вопросу и преслѣдовали различныя цѣли, все же картина возникновенія и устройства университетовъ въ главныхъ чертахъ у всѣхъ одинакова.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ предпосылаютъ собственно исторіи возникновенія университетовъ анализъ термина „universitas".

Въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется теперь, оно означаетъ совокупность всѣхъ наукъ, всѣхъ отраслей человѣческаго знанія (universitas litterarum). Первоначально же universitas обозначало всякій организованный союзъ людей, всякую корпорацію и въ этомъ смыслѣ прилагалось какъ къ школьной организаціи, такъ и къ городскимъ общинамъ или цехамъ (universitas civium, universitas scholarium, universitas magistrorum et scholarium), тѣмъ болѣе, что исторически первыя начала университетовъ относятся къ той же эпохѣ, на которую падаетъ возникновеніе самостоятельныхъ городскихъ общинъ въ Италіи и сформированіе западно-европейскихъ цеховъ (Суворовъ, стр. 2). Въ актахъ, относящихся къ первоначальной исторіи университетовъ, почти въ одинаковомъ смыслѣ, наряду съ universitas, употреблялись выраженія: corpus, collegium, societas, communio, consortium (Denifle, стр. 31). И нужно считать совершенной случайностью, что слово университетъ, universitas, съ теченіемъ времени получило то спеціальное значеніе, въ какомъ мы его теперь употребляемъ (Rashdall, I, 7). Что же касается до школы, какъ мѣста преподаванія и обученія, то къ ней первоначально (съ XIII вѣка) прилагался терминъ studium generale, при чемъ generale означало не то, что въ этихъ школахъ преподавались всѣ науки (очень немногія изъ средневѣковыхъ генеральныхъ школъ имѣли всѣ факультеты—Rashdall, I, 8), а то, что въ нихъ могли учиться и учились представители всѣхъ націй. И, дѣйствительно, мы видимъ, что очень рано наука и studia generalia, гдѣ она преподавалась, получили какъ бы интернаціональный характеръ, и studia generalia различныхъ странъ какъ бы представляли собой различные факультеты одного всемірнаго университета. Такъ монахъ XIII вѣка Гелинандъ жаловался: ecce quaerunt clerici Parisiis artes liberales, Aurelianis auctores, Bononie codices, Salerni pyxides, Toleti daemones et nusquam mores (Kaufmann, I, 121): для желавшихъ учиться какъ бы не существовали границы государствъ.

Постепенно различіе въ значеніи словъ universitas и studium generale стало забываться, одно слово употреблялось вмѣсто другаго и къ концу XIV и началу XV вѣка окончательно утвердился терминъ universitas. Интересно замѣтить, что слово университетъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его теперь употребляемъ,—германскаго, а не романскаго происхожденія, и что въ Италіи, Франціи и Испаніи всегда

Библиотека "Руниверс"

очень живо было воспоминаніе о первоначальномъ значеніи слова universitas (Denifle, 36). Въ XIV же вѣкѣ образовался и нынѣ употребляемый въ приложеніи къ университету эпитетъ—alma mater: первоначально встрѣчаемъ alma universitas по аналогіи съ alma urbs (это послѣднее выраженіе находится еще въ кодексѣ Юстиніана), mater universitas, затѣмъ постепенно утвердился эпитетъ alma mater:

Какимъ образомъ возникли эти генеральныя школы, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи превратившіяся въ университеты? Первоначальная исторія ихъ связана съ Римомъ и его культурой. Въ Римѣ школьное дѣло было дѣломъ государства и частной предпріимчивости. При крушеніи римской образованности и при глубокомъ мракѣ невѣжества, въ который погрузилась Западная Европа послѣ завоеванія ея варварами, духовенство успѣло сохранить нѣкоторые обломки: все то изъ римской культуры, что сохранилось въ средневѣковой Европѣ, сохранилось, соединившись съ христіанствомъ; многія сотни лѣтъ одни духовныя лица получали образованіе, поэтому до конца среднихъ вѣковъ понятіе образованности не отдѣлялось отъ понятія принадлежности къ церкви.

Въ IV и V вѣкахъ рядомъ съ старыми, хранившими языческія традиціи школами римскихъ грамматиковъ и риторовъ, возникли христіанскія школы, преимущественно при монастыряхъ и большихъ церквахъ, а иногда и по частному почину. Въ VII и VIII вѣкахъ исчезли школы грамматиковъ и риторовъ, за исключеніемъ Италіи, гдѣ онѣ сохранились; монастырскія и церковныя школы также пришли въ упадокъ, многія даже совсѣмъ закрылись. Возрожденіе ихъ произошло при Карлѣ Великомъ; законодательныя мѣры его и его преемниковъ и создали то основаніе, на которомъ развилась вся дальнѣйшая система средневѣковой школы (Kaufmann, S. 106—107). Въ этомъ законодательствѣ Карла Великаго получила полное выраженіе связь между церковью и школой: всякій монастырь и всякая церковь должны имѣть школу для воспитанія молодыхъ клириковъ (Rashdall, I, 28—29). Сначала и были только церковныя и монастырскія школы, предназначенныя для воспитанія мальчиковъ, переданныхъ монастырю и церкви. Но такъ какъ и многіе другіе также стремились учиться, то первоначальная школа раздѣлилась на внѣшнюю и внутреннюю: послѣдняя для будущихъ клириковъ, первая—для постороннихъ. Внѣшняя школа могла развиваться свободнѣе и пользовавшіяся въ свое время громкой извѣстностью школы въ С.-Галленѣ, Шартрѣ, Реймсѣ, Ліонѣ и Парижѣ, вѣроятно, первоначально стояли въ связи именно съ этой

Библиотека "Руниверс"

внѣшней школой, но нѣтъ матеріала, чтобы нарисовать разницу въ судьбахъ внутренней и внѣшней школы (Kaufmann, S. 120). Разцвѣтъ этихъ церковныхъ и монастырскихъ школъ относится къ X и XI вѣкамъ; въ это же время и, конечно, въ связи съ умственнымъ движеніемъ, центромъ котораго были эти школы, въ исторіи средневѣковаго преподаванія замѣчается нѣчто новое, доселѣ невиданное: появляются профессіональные, странствующіе учителя, живущіе отъ своего учительства. Эти magistri или scholastici, какъ ихъ называли въ средніе вѣка (это названіе относилось не къ ихъ образовательному цензу, а лишь къ ихъ профессіи) иногда преподавали въ церковныхъ и монастырскихъ школахъ, а иногда основывали свои собственныя школы: тамъ и здѣсь, въ городѣ или въ деревнѣ, иногда въ совершенно уединенномъ мѣстѣ собирались вокругъ ученаго жаждущіе знанія, приходившіе со всѣхъ концовъ Европы (Kaufmann, I, 121). Дѣятельность такихъ преподавателей носила частный характеръ, учителя легко снова превращались въ учениковъ (Kaufmann, I, 134); иногда самые знаменитые изъ нихъ мѣняли мѣсто преподаванія. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересна біографія Абеляра (Kaufmann, I, 126—131). Иногда школа процвѣтала на пространствѣ нѣсколькихъ поколѣній, такъ какъ учитель приготовлялъ себѣ преемника изъ среды своихъ учениковъ. Аббаты, епископы и другія могущественныя лица приглашали выдающихся преподавателей въ свои церкви, монастыри и города, прося ихъ преподавать у нихъ нѣкоторое время. При такихъ переселеніяхъ учителя часто переселялась съ нимъ и часть учениковъ, и если учитель не выступалъ въ какой нибудь постоянной церковной или монастырской школѣ, имѣвшей строго опредѣленныя правила для учениковъ, то ученики и учитель составляли корпорацію (Kaufmann, I, 123). Свобода преподаванія была полная; она получила признаніе въ законѣ, изданномъ папой Александромъ III на 3-мъ Латеранскомъ соборѣ 1179 года: не только никому не запрещалось открывать свою собственную школу, но и на школы, существовавшія на средства церкви, устанавливался взглядъ, какъ на такія общественныя учрежденія, которыя должны быть открыты для желающихъ не только учиться, но и пробовать свои силы въ качествѣ учителей (Kaufmann, II, 113—116). Если же желающій преподавать возбуждаетъ въ лицахъ, завѣдующихъ школой, сомнѣніе въ своихъ педагогическихъ способностяхъ, то не онъ долженъ доказать свою способность, а, наоборотъ, они—его неспособность (ibid).

При такихъ условіяхъ уже въ X вѣкѣ мы встрѣчаемъ въ различ-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ мѣстахъ Западной Европы много болѣе или менѣе знаменитыхъ школъ: въ Магдебургѣ, Ліонѣ, Рейхенау, Вюрцбургѣ, Турнѣ, но наиболѣе знаменитой была школа въ Реймсѣ при Гербертѣ, къ которому ученики стекались со всѣхъ концовъ міра. Съ этого времени Франція стала центромъ научнаго преподаванія (Kaufmann, I, 121). Но это были еще не университеты: прекращалось преподаваніе учителя, имя котораго привлекало къ себѣ учениковъ, и школа распадалась. Возникновеніе первыхъ университетовъ—Парижскаго и Болонскаго—относится къ XII вѣку и стоитъ въ тѣсной связи съ умственнымъ движеніемъ, носящимъ названіе Возрожденія XII вѣка. Не нужно думать однако, что до XII вѣка въ Парижѣ и Болоньѣ не существовало школы: и тамъ, и здѣсь школа не только была, но и пріобрѣла научный авторитетъ гораздо раньше, чѣмъ составлявшіе ее школяры образовали studium generale въ юридическомъ смыслѣ. Научный авторитетъ Парижскаго университета былъ уже такъ великъ въ XII вѣкѣ, что Генрихъ II въ своемъ столкновеніи съ епископомъ Ѳомой Бекетомъ изъявилъ желаніе подчиниться рѣшенію школяровъ Парижа. Съ другой стороны, относительно Болоньи и ея школы извѣстно, что Фридрихъ Барбаросса во время своей борьбы съ папой встрѣчалъ поддержку въ Болоньѣ съ ея ученіемъ. почерпнутымъ изъ римскаго права, между тѣмъ какъ его противники находили опору въ Парижѣ съ его іерархически настроенной наукой (Kaufmann, I, 137—138). Но еще гораздо раньше, чѣмъ установилась репутація Болонской школы, въ Италіи существовали въ другихъ мѣстахъ школы права: въ Павіи, Веронѣ, Нонантулѣ и особенно—въ Равеннѣ, но ни одна изъ нихъ не превратилась въ университетъ. И въ Парижѣ съ X вѣка выступали болѣе или менѣе знаменитые преподаватели, но собственно возникновеніе Парижскаго университета относится не ранѣе, чѣмъ къ XII вѣку.

Такимъ образомъ мы видимъ, что первые университеты не были основаны, но что они развились изъ бывшихъ уже въ наличности школъ. Какая же существенная перемѣна должна была произойдти въ судьбѣ этихъ школъ, для того чтобы онѣ могли превратиться въ университеты? Другими словами: чѣмъ существенно отличались университеты отъ другихъ средневѣковыхъ учебныхъ заведеній? „Въ Средніе Вѣка“, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей по исторіи средневѣковой школы (Сперанскій, Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ, стр. 100), „отдѣленіе университетовъ отъ низшихъ школъ основывалось преимущественно на внѣшнемъ признакѣ авто-

Библиотека "Руниверс"

номнаго управленія, которое ставило университетъ выше всѣхъ прочихъ школъ. По составу же преподаванія онъ могъ весьма мало отличаться отъ непривилегированныхъ школъ". Эта автономность университетовъ ведетъ свое начало отъ закона, изданнаго Фридрихомъ Барбароссой около 1158 г. и носящаго названіе „Authentica habita" (слово „Authentica" означало на языкѣ средневѣковыхъ юристовъ новеллу, то-есть новый, изданный послѣ юстиніановской кодификаціи императорскій законъ, а слово „Habita" есть начальное слово въ этомъ законѣ, какъ и вообще императорскіе, а равно и папскіе законы принято было называть и цитировать по первымъ словамъ, съ которыхъ они начинаются). (Суворовъ, стр. 5). О событіи, вызвавшемъ этотъ законъ, упоминается въ старинномъ стихотвореніи, воспроизводящемъ тѣ привѣтствія, съ которыми болонскія власти, горожане и школяры обратились къ императору Фридриху Барбароссѣ, когда онъ въ 1155 г. стоялъ лагеремъ подъ Болоньей. Императоръ полюбопытствовалъ узнать отъ школяровъ, каково имъ живется въ Болоньѣ. Одинъ изъ магистровъ отъ имени всѣхъ школяровъ, отвѣтилъ, что, въ общемъ, имъ живется недурно, — худо только то, что горожане за долги одного школяра арестуютъ любаго другаго школяра, и что они, школяры, просили бы императора принять ихъ подъ свое покровительство. Императоръ, посовѣтовавшись съ князьями, издалъ законъ, воспрещавшій арестовать одного за долги другаго и ограждавшій школяровъ отъ возможнаго пристрастія со стороны городскихъ судей созданіемъ для нихъ особой привилегированной подсудности. (Нужно помнить, что въ Болонью, какъ и во всѣ мѣста, гдѣ были болѣе или менѣе извѣстныя школы, стекались со всѣхъ концовъ міра учащіеся, которые, какъ чужестранцы, пришлые люди, должны были сами позаботиться о себѣ, постараться создать для себя гарантіи спокойнаго существованія, такъ какъ городъ оказывалъ защиту только своимъ собственнымъ гражданамъ). Привилегія эта была дарована тѣмъ, кто путешествуетъ ради научныхъ занятій, въ особенности преподавателямъ божественныхъ и священныхъ законовъ (omnibus qui causa studiorum peregrinantur scholaribus et maxime divinarum atque sacrarum legum professoribus). Привилегированная подсудность указана школярамъ, по ихъ выбору, „предъ ихъ *господиномъ* или *учителемъ*, или же предъ мѣстнымъ епископомъ" (coram domino aut magistro suo, vel ipsius civitatis episcopo). Эта привилегія сдѣлалась основой для массы позднѣйшихъ грамотъ, дававшихся университетамъ императорами и другими государями, а привилегіи сдѣ-

Библиотека "Руниверс"

лались гораздо болѣе обширными и разнообразными (см. Суворовъ, стр. 4, 5, 19 и Kaufmann, I, 163—166), но основное значеніе ихъ всѣхъ заключалось въ томъ, что учащіеся во время своихъ странствованій ради ученья и во время самого ученья должны быть подъ защитой императорской или территоріальной власти (landesherrlichen) (Denifle, 59). Ко времени изданія закона Фридрихомъ Барбароссой, вѣроятно, среди школяровъ въ Болоньѣ уже образовались земляческа, подобно тому какъ нѣмецкіе купцы на чужбинѣ образовывали гильдіи: земляки, очутившись ради ученія, на чужбинѣ естественно сближались, можетъ быть, жили вмѣстѣ, вмѣстѣ покупали болѣе дорогія книги; по крайней мѣрѣ, такого рода земляческіе союзы всего легче предположить среди болонскихъ школяровъ на основаніи вышеупомянутаго стариннаго стихотворенія, гдѣ высказывается жалоба на то, что за долги школяра приходится отвѣчать его землякамъ (Kaufmann, I, 166). Но разъ *всѣ* учащіеся, независимо отъ того, откуда они пришли, получили извѣстную привилегію, они естественно должны были образовать одну общую корпорацію—universitas—для того чтобы, съ одной стороны, упрочить пользованіе привилегіей, а съ другой—заставить городскія власти признать привилегію. Корпорація дѣйствительно образовалась и въ послѣднія десятилѣтія XII вѣка получила уже опредѣленную форму подъ именемъ universitas scholarium; представляя собой какъ бы ученый цехъ, она развилась совершенно такъ же, какъ различныя современныя ей collegia, universitates, societates, то-есть купеческія гильдіи и цехи ремесленниковъ и др. Туземные школяры и преподаватели (non forenses, originarii, cittadini) принадлежали къ universitas civium и при возникновеніи universitatis scholarium въ составъ ея не вошли. Съ теченіемъ времени, однако, въ XIII и XIV вѣкахъ, постепенно исчезла эта разъединенность между туземными (scholares cives) и пришлыми учащимися (scholares forenses), такъ что, напримѣръ, во Флоренціи туземцы составляли ядро университетской корпораціи, и лишь въ силу традиціи и изъ подражанія Болоньѣ ректоръ избирался тамъ непремѣнно изъ числа пришлыхъ школяровъ (Kaufmann, I, 184—186).

Казалось бы, что привилегіей, дарованной Фридрихомъ Барбароссой, должны пользоваться какъ пришлые учащіеся, такъ и пришлые учащіе, на самомъ же дѣлѣ мы видимъ нѣчто совершенно иное: пришлые профессора не входили въ составъ корпораціи, то-есть universitatis scholarium, и не участвовали въ выборѣ ректора, который избирался учащимися изъ числа учащихся же и которому профессора—

Библиотека "Руниверс"

scholares discentes—должны были повиноваться. Объясняется это тѣмъ, что значительная часть профессоровъ въ Болоньѣ были или природные болонскіе граждане, или пріобрѣли права гражданства, то-есть принадлежали къ universitas civium, тѣ же пришлые профессора, которые этихъ правъ не имѣли (doctores forenses), должны были присягать городу въ томъ, что они не только не будутъ принимать участія въ переселеніи учащихся изъ этого города въ другой, но по мѣрѣ своихъ силъ будутъ ему препятствовать; а такъ какъ угроза переселиться въ другой городъ, то-есть перенести въ другой городъ университетъ, была самымъ главнымъ оружіемъ школяровъ при всѣхъ ихъ столкновеніяхъ съ городомъ, то профессора, обязавшіе себя такою клятвой, естественно не могли представляться школярамъ надежными союзниками. И вотъ мы видимъ, что рядомъ съ universitas scholarium возникаютъ корпораціи профессоровъ (collegia doctorum) (Kaufmann, I, 188). Конечно, нуженъ былъ большой промежутокъ времени, для того чтобы Болонскій университетъ—universitas scholarium, — заключавшій въ себѣ не одну тысячу человѣкъ (по нѣкоторымъ извѣстіямъ, число учившихся въ Болоньѣ достигало 10.000 человѣкъ и болѣе—см. Суворовъ, стр. 20—21), отлился въ окончательную форму. Около половины XIII вѣка мелкіе земляческіе союзы, входившіе въ составъ одной общей университетской корпораціи, слились въ два большіе союза или землячества (universitates)—universitas citramontanorum и universitas ultramontanorum. Каждый изъ этихъ университетовъ ежегодно избиралъ себѣ ректора; оба ректора со своими помощниками стояли во главѣ единой общей университетской корпораціи, къ которой вышеупомянутые два университета относились, какъ части къ цѣлому. И когда въ XVI вѣкѣ для обоихъ университетовъ былъ избранъ одинъ общій ректоръ, оба университета все-же продолжали существовать отдѣльно (Kaufmann, I, 188—189). Не нужно думать однако, что ректоръ завѣдывалъ учебною частью, былъ rector studii: онъ избирался школярами изъ числа школяровъ же и получалъ судебную и дисциплинарную власть въ корпораціи, былъ rector universitatis scholarium. Настоящими руководителями учебной части были профессора (magistri regentes); школяры входили въ договорное соглашеніе съ тѣми, лекціи кого они желали слушать и подъ руководствомъ кого желали заниматься, но профессора, какъ и школяры, были подчинены власти ректора, и чѣмъ значительнѣе становилась зависимость профессоровъ отъ ректора, тѣмъ ближе становился ректоръ къ учебной части (Denifle, 155). Самое возникновеніе

Библиотека "Руниверс"

профессорскихъ коллегій было слѣдствіемъ стремленія профессоровъ создать предохранительное средство противъ полнаго подчиненія ректорамъ школяровъ (Суворовъ, 22).

Такова была въ общихъ чертахъ организація Болонскаго университета, послужившаго образцомъ для университетовъ верхней Италіи. Эта организація явилась результатомъ взаимодѣйствія, съ одной стороны, корпораціи пришлыхъ школьниковъ, съ другой — городскихъ мѣстныхъ властей. Совершенно иной видъ, на первый взглядъ, представляетъ другой университетъ — Парижскій, который возникъ приблизительно въ одно время съ Болонскимъ, и по образцу котораго создалась бо́льшая часть позднѣе возникшихъ университетовъ.

Парижскія школы, повидимому, рано начали пользоваться привилегіями; обыкновенно первымъ королемъ, давшимъ привилегію, называютъ Людовика VII, но первое документальное извѣстіе о дарованіи привилегіи относится ко времени его сына и преемника Филиппа Августа, къ 1200 г. Есть свидѣтельство хрониста В. Аремориха отъ 1209 г. о большомъ приливѣ учащихся въ Парижскія школы, что́ онъ объясняетъ не только удобнымъ географическимъ положеніемъ Парижа, „sed etiam propter libertatem et specialem praerogativam defensionis, quam Philippus rex et pater ejus ante ipsum ipsis scholaribus impendebant“. Мы видимъ въ Парижѣ такое же ревнивое стремленіе охранить разъ данныя привилегіи, какъ и въ Болоньѣ; нарушеніе ихъ вело къ прекращенію преподаванія и даже къ выселенію университетской корпораціи изъ города (Denifle, 60—61). А такъ какъ города вообще смотрѣли на высшія школы, какъ на сокровище, и видѣли въ нихъ источникъ не только славы, но и благосостоянія города, то они охотно шли на всякія жертвы, чтобы привлечь къ себѣ корпорацію школяровъ, и основать studium generale. Одна Перузская грамота отъ 1321 г. начинается словами: „Cum sit status et honor civitatis Perusii habere in ipsa civitate studium in facultatibus scientiarum et domini Priores artium teneantur magnis penis et etiam juramenti vinculo studium augmentare“. Безмѣрно возвеличиваетъ значеніе университета для Болоньи папа Гонорій III (первая половина XIII вѣка), говоря, что благодаря университету Болонья стала вторымъ Виѳлеемомъ, „domus videlicet panis, qui parvulis frangitur in eadem, ex qua exeunt duces qui regunt populum domini“. (Kaufmann, I, 163). Чтобы удержать въ своихъ стѣнахъ университетскую корпорацію и не допустить переселенія ея въ другой городъ, городскія общины готовы были переносить и дѣйстви-

Библиотека "Руниверс"

тельно переносили многое со стороны членовъ этой корпораціи, которые пользовались полной свободой, въ противоположность строгой до жестокости дисциплинѣ низшихъ, церковныхъ и монастырскихъ школъ и полному отсутствію въ нихъ какой бы то ни было самостоятельности: чѣмъ строже держали школяровъ, когда они были мальчиками, тѣмъ болѣе старались они вознаградить себя за это, достигнувъ высшей школы (Kaufmann, I, 139), и современные памятники полны извѣстій о полной необузданности и распущенности школяровъ. Потребностью бороться съ этимъ печальнымъ явленіемъ объясняетъ, между прочимъ, Кауфманъ возникновеніе извѣстной организаціи, корпораціи и т. п. (Kaufmann, ibid.).

О возникновеніи Парижскаго университета узнаемъ изъ документа „Littera Universitatis magistrorum et scholarium Parisiis studentium" 1254 г.; въ немъ разказывается, что Парижскій университетъ, „sapientiae fons" раздѣляется „in quatuor facultates vid. theologiam, jurisperitiam, medicinam, necnon rationalem, naturalem, moralem philosophiam quasi in quatuor paradisi flumina". Профессора этихъ четырехъ отраслей наукъ, число которыхъ, то-есть профессоровъ, все увеличивается въ связи съ возрастаніемъ числа учащихся, „ut liberius et tranquillius vacare possent studio litterali, si quodam essent juris speciali vinculo sociati, corpus collegii sive universitatis cum multis privilegiis et indultis, ab utroque principe sunt adepti". Изъ этого извѣстія видно, что ядромъ Парижскаго университета, основнымъ, первоначальнымъ элементомъ, изъ котораго потомъ постепенно развилась позднѣйшая организація университета, была корпорація профессоровъ (consortium magistrorum) четырехъ отраслей наукъ. Въ грамотахъ папъ Гонорія III. Иннокентія IV и Александра IV Парижская высшая школа часто называется „universitas doctorum", „magistrorum collegium" „magistrorum consortium" (Denifle, 67—69). Это дало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ, напримѣръ Савиньи въ его Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, противополагать типъ университета, гдѣ ректора избирали школяры (какъ это было въ Болоньѣ), типу университета, гдѣ избирали ректора и имѣли право голоса въ университетскихъ собраніяхъ одни магистры (какъ это было въ Парижѣ): Болонья является въ видѣ universitas scholarium, а Парижъ—въ видѣ universitas magistrorum; строй Болонскаго университета представляется демократическимъ а Парижскаго—аристократическимъ. Но, какъ замѣчаетъ Кауфманъ, не нужно доводить этого противоположенія до крайности: сами Средніе

Библиотека "Руниверс"

вѣка не дѣлали такого различія между этими двумя типами; съ другой стороны, если Болонскій университетъ назывался universitas scholarium, то scholares (чужеземцы) противополагалось не столько понятію magistri, сколько понятію cives. Наконецъ, если Парижскій университетъ назывался часто universitas magistrorum, то еще чаще къ нему прилагалось названіе universitas magistrorum et scholarium, а иногда даже просто universitas или communitas scholarium. Школяры Парижскаго и ему подобныхъ университетовъ (въ Оксфордѣ, Орлеанѣ, Тулузѣ и т. п.) не усматривали въ организаціи своихъ университетовъ учительскаго давленія, а Болонья никогда не восхвалялась въ противоположность Парижу, какъ мѣсто академической свободы (Kaufmann, I, 118).

Гораздо характернѣе другое отличіе Парижскаго и другихъ, образовавшихся по образцу Парижскаго университетовъ, отъ университета Болонскаго, заключавшееся въ тѣсной связи перваго рода университетовъ съ мѣстными церковными учрежденіями. Въ Парижѣ, Тулузѣ, Орлеанѣ и въ обоихъ англійскихъ университетахъ академическая жизнь развивалась подъ сѣнью церковныхъ учрежденій или подъ вліяніемъ церковныхъ властей, особенно епископовъ и ихъ капитуловъ, члены которыхъ, то-есть капитуловъ, занимали очень самостоятельное положеніе по отношенію къ епископамъ. Къ числу самыхъ видныхъ членовъ капитула принадлежалъ канцлеръ: онъ завѣдывалъ печатью капитула, долженъ былъ составлять или наблюдать за составленіемъ писемъ и грамотъ и поставлять учителей въ соборную школу (Kaufmann, I, 160, 243—244). Въ продолженіе всего XII вѣка въ Парижѣ сохранялась свобода преподаванія: кто хотѣлъ выступить учителемъ, тотъ долженъ былъ только заручиться разрѣшеніемъ собственника, на землѣ или въ домѣ котораго онъ хотѣлъ начать преподаваніе. Но такъ какъ наибо́льшей славой пользовались именно школы Парижскаго Собора и Св. Женевьевы, то разрѣшеніе преподавать въ нихъ зависѣло именно отъ соборнаго канцлера и аббата Св. Женевьевы. Затѣмъ, въ 1200 г., вслѣдствіе столкновенія школяровъ съ гражданами, Филиппъ Августъ постановилъ, что школяръ, арестованный за какое нибудь преступленіе, долженъ быть выдаваемъ духовному суду. Съ теченіемъ времени судебная власть надъ школярами, принадлежавшая собственно епископу, перешла въ руки канцлера и въ этомъ лежитъ начало его власти надъ университетомъ (Kaufmann, I, 246—250). Дальнѣйшая исторія Парижскаго университета слагается изъ борьбы университетской корпораціи съ канцле-

Библиотека "Руниверс"

ромъ, котораго корпорація обвиняла въ злоупотребленіи властью. Въ своихъ столкновеніяхъ съ канцлеромъ корпорація аппеллировала обыкновенно къ папѣ, который по бо́льшей части принималъ сторону корпораціи. Поводомъ къ столкновенію часто служило именно право давать licentiam docendi, которое принадлежало канцлеру и которымъ онъ злоупотреблялъ (Kaufmann, I, 253—254).

Въ 1229 г. произошло крупное столкновеніе у школяровъ Парижскаго университета съ Парижскими гражданами. Магистры предъявили свой ultimatum королевѣ Бланкѣ, правившей за малолѣтняго короля, Людовика Св., и, не получивъ удовлетворенія, постановили прекратить на 6 лѣтъ чтеніе лекцій и другіе академическіе акты. Немногіе остались тогда въ Парижѣ; большая часть членовъ университетской корпораціи разсѣялась во всѣ стороны: одни вернулись на родину, другіе продолжали ученіе или преподаваніе въ другихъ школахъ, третьи, наконецъ, основывали тамъ или здѣсь новыя школы (съ этимъ событіемъ связано, между прочимъ, возникновеніе университета въ Оксфордѣ). Сторонники школяровъ нашли въ Римѣ сильную поддержку въ лицѣ папы Григорія IX, который въ 1231 г. издалъ знаменитую буллу „Parens scientiarum“, называемую обыкновенно великой хартіей Парижскаго университета. Она въ главныхъ чертахъ повторяетъ уже ранѣе дѣйствовавшія установленія, но точнѣе формулируетъ спорные пункты между канцлеромъ и университетской корпораціей. Дѣло такимъ образомъ уладилось. Начался новый приливъ учащихся, болѣе сильный, чѣмъ когда-либо (Kaufmann, I, 260).

Что же представляла собой университетская корпорація, какова была ея организація? Какъ уже выше было указано, Парижскій университетъ въ своей первичной формѣ состоялъ изъ корпораціи профессоровъ (consortium magistrorum) различныхъ наукъ (собственно, четырехъ наукъ: теологіи, права, медицины и искусствъ). Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія университета, преподаватели одной и той же отрасли наукъ, сближались тѣснѣе между собой. Такъ постепенно образовались факультеты, которыхъ совсѣмъ не было въ Болоньѣ. Слово facultas, которое первоначально означало (въ началѣ XIII вѣка) отрасль науки, постепенно (съ 1255 года) стало обозначать совокупность магистровъ, преподававшихъ однѣ и тѣ же науки, подобно тому какъ *studium* первоначально означало *занятіе*, а потомъ мѣсто занятій (Denifle, 71—72, 76). Новой опорой въ развитіи факультетовъ послужила выше упомянутая булла папы Григорія IX—Parens

Библиотека "Руниверс"

scientiarum — въ которой всѣ факультеты трактуются отдѣльно, каждый самъ по себѣ (Den., 73). Кромѣ магистровъ въ университетскую корпорацію входили школяры, но безъ права голоса; они пользовались университетскими привилегіями лишь посколько они были учениками кого нибудь изъ преподававшихъ въ университетѣ магистровъ. Общихъ университетскихъ списковъ (матрикулъ) не было; каждый преподаватель самъ долженъ былъ вести списки своихъ слушателей. Если школяръ попадалъ въ заключеніе, то его магистръ долженъ былъ освобождать его и требовать примѣненія къ нему привилегированной подсудности (Kaufmann, I, 263, Denifle, 116).

Совершенно естественно предположить, что школяры, стекавшіеся отовсюду въ Парижъ, составляли землячества, какъ это было и въ Болоньѣ, но лишь въ 1249 году упоминается о четырехъ націяхъ, обнимавшихъ собой всѣхъ школяровъ и, кромѣ того, магистровъ факультета искусствъ. Эти націи были: Gallicorum, Picardorum, Normannorum et Anglicorum. Магистры трехъ другихъ факультетовъ, высшихъ по сравненію съ факультетомъ искусствъ, къ націямъ не принадлежали, магистры же искусствъ принадлежали и къ consortium magistrorum, какъ магистры, и къ націямъ, какъ магистры *искусствъ* (факультетъ искусствъ (artium) или философіи считался низшимъ по сравненію съ другими факультетами, потому что нельзя было учиться ни на одномъ изъ трехъ другихъ факультетовъ, не проведя предварительно нѣсколько лѣтъ на факультетѣ искусствъ (Kaufmann, I, 264); это вполнѣ соотвѣтствовало средне-вѣковому воззрѣнію, согласно которому изученіе artium было лишь подготовкой къ изученію другихъ наукъ (Denifle, 97—98).

Чтобы понять, какъ относилось дѣленіе на факультеты къ дѣленію на націи, нужно помнить, какія цѣли имѣло въ виду то и другое дѣленіе: дѣленіе на націи преслѣдовало цѣли административныя и дисциплинарныя, дѣленіе на факультеты—цѣли научныя. Относительно управленія и дисциплины школяры принадлежали къ націямъ, а относительно преподаванія и всего съ нимъ связаннаго они зависѣли отъ факультетовъ (Denifle, 104—105).

Такимъ образомъ университетская организація въ Парижѣ состояла изъ семи юридическихъ единицъ: изъ трехъ факультетовъ, называвшихся высшими (теологическаго, юридическаго и медицинскаго) и обнимавшихъ собою только *учащихъ*, такъ какъ учащіеся на этихъ факультетахъ, какъ имѣющіе ученую степень по факультету артистовъ, принадлежали къ послѣднему,—и изъ четы-

Библиотека "Руниверс"

рехъ націй, образовавшихъ въ своей совокупности четвертый факультетъ-артистовъ и обнимавшихъ собой и *учащихъ, и учащихся* (магистровъ искусствъ). Во главѣ каждаго изъ трехъ высшихъ факультетовъ стоялъ деканъ, во главѣ каждой націи—прокураторъ; главой прокураторовъ былъ ректоръ, о существованіи котораго впервые упоминается въ 1237 году (Denifle, 112, Kaufmann, I, 269). Долгое время университетъ не имѣлъ одной общей главы; лишь постепенно и не безъ борьбы мѣсто это занялъ ректоръ четырехъ націй или факультета артистовъ (Denifle, 132).

Въ тѣсной связи съ университетомъ въ Парижѣ стояли коллегіи, учрежденія, которыя долгое время и совершенно ошибочно считались спеціальной особенностью англійскихъ университетовъ. Родиной этой коллегіальной системы нужно признавать именно Парижъ, гдѣ ранѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ, появились коллегіи, сначала, конечно, въ зачаточной формѣ (Rashdall, I, 478. 479). Первоначально (въ XII вѣкѣ) это были благотворительныя учрежденія для бѣдныхъ школяровъ, но съ теченіемъ времени характеръ ихъ совершенно измѣнился. Нужно сказать, что вопросъ о помѣщеніяхъ для учащихъ и учащихся, тысячами стекавшихся въ незнакомый имъ городъ, нерѣдко мало обезпеченныхъ, предоставленныхъ всякаго рода искушеніямъ и соблазнамъ, всегда былъ предметомъ заботъ папъ, королей и итальянскихъ городовъ. И вотъ мы видимъ, что въ XIII вѣкѣ въ Парижѣ возникаетъ большое число коллегій, гдѣ находили пріютъ не только бѣдные, но и обезпеченные люди, не только школяры, но и магистры; за небольшую сравнительно плату помѣстившіеся въ коллегіи получали помѣщеніе, содержаніе и книги, обязуясь при этомъ подчиняться извѣстному режиму. Одна изъ древнѣйшихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе извѣстная изъ этихъ коллегій—Сорбонна была основана въ 1257 году Робертомъ Сорбономъ, каноникомъ сначала въ Камбрэ, а потомъ въ Парижѣ, пользовавшимся чрезвычайною милостью короля. Она предназначалась для школяровъ всѣхъ націй, прошедшихъ факультетъ „артистовъ“, выдержавшихъ уже испытаніе на магистра искусствъ или читавшихъ въ качествѣ магистровъ, на факультетѣ искусствъ и теперь желавшихъ посвятить себя теологіи. Люди со средствами, поступая въ эту коллегію, вносили за себя извѣстную сумму, которая за бѣдныхъ вносилась изъ средствъ коллегіи. Члены коллегіи подчинялись извѣстному домашнему обиходу, должны были ѣсть за однимъ столомъ и участвовать въ извѣстныхъ церковныхъ и научныхъ торжествахъ, но въ остальномъ пользовались достаточной

Библиотека "Руниверс"

свободой. Члены коллегіи раздѣлялись на гостей (hospites) и товарищей (socii), послѣднихъ было 36, имъ принадлежало управленіе коллегіей („товарищемъ" могъ сдѣлаться только тотъ, кто получилъ степень на факультетѣ теологіи). Сорбоннская коллегія или Сорбонна достигла блестящаго развитія и пріобрѣла широкую извѣстность. Ея помѣщеніе служило задачамъ всего факультета, и мало-по-малу Сорбонна получила значеніе главнаго театра дѣятельности, нѣкоторымъ образомъ зерна всего теологическаго факультета. Магистры (доктора) коллегіи составляли ареопагъ, на рѣшеніе котораго поступали изъ всѣхъ странъ трудные теологическіе вопросы. Присоединеніе къ титулу доктора парижскаго теологическаго факультета (то-есть къ титулу magister (doctor) facultatis theologiae Parisius) словъ „коллегіи Сорбоннской" (Collegii Sorbonici) придавало ученому особый авторитетъ (Kaufmann, I, 293).

Такова въ главныхъ чертахъ организація Парижскаго университета, который Кауфманъ называетъ типомъ *канцлерскаго* университета, въ противоположность Болоньѣ и ей подобнымъ *городскимъ* университетамъ. Яркими чертами рисуетъ Кауфманъ противоположность между тѣмъ и другимъ типомъ университета: „Болонья, Падуя и т. п. развивались, какъ городскія учрежденія, и имѣли въ своей основѣ рядъ привилегій, которыя смотрѣли на школяровъ, какъ на особый классъ чужеземцевъ; въ Парижѣ и Оксфордѣ школяры образовывали свою корпорацію подъ сѣнью мѣстныхъ церковныхъ властей, и, что съ этимъ неразрывно связано, въ борьбѣ съ ними, то-есть съ епископомъ и капитуломъ или аббатомъ и конвентомъ, и на почвѣ церковной подсудности. Въ Болоньѣ и Верчелли школяры были чужеземцы, пользовавшіеся привилегіями, въ Парижѣ и Оксфордѣ они были привилегированными клириками. Въ Болоньѣ профессора были почетными гражданами города и ихъ коллегіи были видными членами городскихъ общинъ; поэтому они не составляли корпораціи вмѣстѣ съ чужеземцами-школярами, но вмѣстѣ съ общиной гражданъ противостояли общинѣ школяровъ. Въ Парижѣ, Оксфордѣ и т. п., напротивъ, магистры такъ же мало принадлежали къ universitas civium, какъ и школяры, они вмѣстѣ съ школярами составляли корпорацію школяровъ, противостоявшую городской общинѣ, и жили, какъ и школяры, не имѣя ни жалованья, ни дома, ни семьи. Если-бы въ Болоньѣ профессора принадлежали къ корпораціи школяровъ, то они, въ силу своего положенія относительно школяровъ, имѣли бы въ своихъ рукахъ управленіе ею или же, по крайней мѣрѣ, принимали

Библиотека "Руниверс"

бы въ немъ замѣтное участіе. Въ Болоньѣ они не управляли корпораціей школяровъ, потому что они къ ней не принадлежали." (Kaufmann, I, 345—346). Городскіе университеты (типа Болоньи) первоначально совсѣмъ не знали канцлерской должности; она лишь въ послѣдствіи была перенесена къ нимъ изъ Парижа, уже тогда, когда строй университета въ главныхъ чертахъ былъ законченъ, поэтому должность канцлера въ городскихъ университетахъ имѣла далеко не такое важное значеніе, какъ въ Парижскомъ и ему подобныхъ университетахъ (Kaufmann, I, 160).

Кауфманъ устанавливаетъ еще третью категорію университетовъ: это—университеты *государственные*; ихъ мы встрѣчаемъ въ Сициліи и въ Испаніи; они сходны съ городскими университетами, поскольку и тамъ, и здѣсь университеты зависѣли отъ свѣтской власти; разница между тѣми и другими заключалась въ томъ, что въ одномъ случаѣ университетъ зависѣлъ отъ города, въ другомъ—отъ государства (Kaufmann, I, 161). Городскіе университеты возникли въ Италіи, канцлерскіе—во Франціи и Англіи, и это различіе по націямъ стоитъ въ очевидной связи съ общимъ строемъ быта въ этихъ странахъ. Въ Италіи образованіе носило гораздо болѣе свѣтскій характеръ, чѣмъ во Франціи и Англіи, свѣтскіе люди принимали гораздо бо̀льшее участіе въ научномъ движеніи, они изучали право—и это уже обезпечивало юношѣ блестящее положеніе въ обществѣ. Во Франціи и Англіи, напротивъ, свѣтскіе люди, посвящавшіе себя наукѣ, по большей части изучали „искусства" (artes), а затѣмъ имъ обыкновенно ничего болѣе не оставалось, какъ сдѣлаться клириками, послѣ того какъ они долгіе годы пользовались именемъ и привилегіями клириковъ, не будучи ими (Kaufmann, I, 346).

Мы видимъ такимъ образомъ, что, какъ мы уже упоминали выше, древнѣйшіе университеты—Парижскій и Болонскій—не были основаны, но развились постепенно изъ взаимодѣйствія разнообразныхъ общественныхъ силъ. Не такъ было съ позднѣе возникшими университетами: ихъ возникновеніе было обыкновенно связано съ дарованіемъ учредительной грамоты, и вотъ на очередь становится вопросъ, кому принадлежитъ право давать эту грамоту—папѣ или императору (или королю и т. п.)? есть ли такая учредительная грамота—необходимое условіе для возникновенія университета и далѣе: являются ли университеты свѣтскими или церковными учрежденіями? А въ связи съ этимъ возникаетъ общій вопросъ, никогда не поднимавшійся раньше,

Библиотека "Руниверс"

до основанія университетовъ—вопросъ о томъ, принадлежитъ ли право на школу государству или церкви? (Kaufmann, I, 110).

Относительно значенія учредительныхъ грамотъ и права давать ихъ мнѣнія изслѣдователей расходятся. Денифле считаетъ нужнымъ разсматривать отдѣльно университеты, возникшіе *до* 1230 г. и *послѣ* него; у первыхъ учредительныхъ грамотъ не было, но несмотря на это они пользовались всеобщимъ признаніемъ, давали licentiam ubique docendi. Университеты второй категоріи, то-есть, возникшіе послѣ 1230 г., всегда имѣли учредительную грамоту, она была необходимымъ условіемъ ихъ возникновенія. Право давать грамоту, то-есть основывать университетъ, принадлежало прежде всего папѣ: его власть распространялась на всѣ христіанскія земли и именно поэтому разрѣшеніе „ubique docendi" ни въ чьихъ устахъ не имѣло такого значенія, какъ въ устахъ папы (Denifle, 779). Такимъ образомъ большинство университетовъ возникло въ непосредственной зависимости отъ церкви (780). Но императоръ также имѣлъ право основывать высшія школы или университеты и право это вытекало изъ идеи римской имперіи: римскій императоръ былъ какъ бы покровителемъ или властелиномъ *всего* христіанскаго міра, поэтому ему принадлежало право основывать школы, которыя давали licentiam *ubique* docendi (781). Что касается королей и вообще лицъ, властвующихъ въ предѣлахъ очерченнаго территоріальными границами государства, то они, конечно, имѣли право основывать университетъ въ своихъ владѣніяхъ, но для того, чтобы полученныя въ немъ степени пользовались всеобщимъ признаніемъ, нуженъ былъ союзникъ; союзникомъ этимъ скорѣе всего могъ быть папа (789). Свой выводъ относительно этого вопроса Денифле формулируетъ такъ: „Была ли съ половины XIII вѣка папская учредительная грамота необходима для законномѣрнаго существованія университета? Нѣтъ. Была ли необходима грамота императорская или королевская (княжеская и т. п.)? Также нѣтъ. Но необходимымъ условіемъ для возникновенія высшей школы была *или* папская, *или* императорская, *или* королевская грамота" (790). Rashdall лишь слегка касается этого вопроса и соглашается съ Денифле (Rashdall, I, 10—15). Нѣсколько иначе относится къ нему Кауфманъ. Онъ чрезвычайно подробно разсматриваетъ его, посвящая ему конецъ I т. (стр. 366—409) и начало II т. (стр. 1 — 17). Сущность его взгляда на этотъ вопросъ сводится къ слѣдующему: университеты основывались какъ универсальными властями,—папой и императоромъ,—такъ и отдѣльными государствами, городскими общинами и даже отдѣльными ли-

Библиотека "Руниверс"

цами; учредительныя грамоты давались обѣими универсальными властями, но императоромъ гораздо рѣже, и только въ Италіи и королевствѣ Арелатскомъ; въ Германіи въ XIV вѣкѣ онѣ совсѣмъ не встрѣчаются, но появляются въ XV вѣкѣ. Папы, напротивъ, давали учредительныя грамоты во всѣхъ странахъ: въ Англіи, Испаніи, Шотландіи, Ирландіи, Польшѣ, Венгріи, Германіи, Франціи и Италіи. Въ Германіи и сосѣднихъ съ нею на сѣверѣ и востокѣ странахъ, гдѣ не могло быть воспоминаній о самостоятельномъ развитіи и ростѣ университетовъ, получило полное господство ученіе о необходимости папскихъ учредительныхъ грамотъ, дававшихъ различныя привилегіи. Въ другихъ государствахъ, которыя въ XIII вѣкѣ пережили самостоятельное возникновеніе и развитіе университетовъ, все болѣе и болѣе укрѣплялся обычай испрашивать при основаніи университетовъ папскую или императорскую учредительную грамоту, при чемъ нужно замѣтить, что вліяніе папы получало перевѣсъ только въ государствахъ съ спутанными или неопредѣленными правовыми отношеніями или же въ періоды ослабленія правительствъ; что же касается Италіи и Испаніи, Англіи и Франціи, то во всѣхъ этихъ странахъ папская учредительная грамота имѣла значеніе не условія, необходимаго для возникновенія университета, а условія, содѣйствовавшаго признанію за университетомъ обычныхъ правъ и привилегій: папскія грамоты давали университету много различныхъ правъ, но не право на существованіе.

Какъ справедливо замѣчаетъ Br. Gebhardt (Preussische Jahrbücher, April 1897), разница въ отношеніи къ данному вопросу Денифле и Rashdall'я съ одной стороны и Кауфмана—съ другой чисто теоретическаго характера (предшественникомъ Кауфмана въ этомъ вопросѣ былъ Савиньи въ его Geschichte des römischen Rechts III, 415 ff.). Всѣ они согласны въ томъ, что университету необходима была учредительная грамота, для того чтобы за нимъ всѣми признавалось право давать ученыя степени, чтобы онъ давалъ не licentiam docendi только, но licentiam ubique docendi. Разногласіе, слѣдовательно, сводится къ тому, что, какъ думаютъ Савиньи и Кауфманъ, для правоваго существованія университета учредительная грамота не была безусловно необходима, хотя съ XIII вѣка всѣ университеты стремились получать и получали ее, между тѣмъ какъ по мнѣнію Денифле и Ращдалля, съ 1320 г. приблизительно учредительная грамота была необходима.

Остается отвѣтить на вопросъ, были ли университеты свѣтскими

Библиотека "Руниверс"

или церковными учрежденіями? И здѣсь мы встрѣчаемъ различные отвѣты. Сторонники воззрѣнія, что университетъ есть collegium scholasticum, указываютъ на связь университетовъ съ монастырскими и церковными школами, на нѣкоторыя учредительныя грамоты, въ которыхъ университеты представляются органами Св. Духа, на должность канцлера, духовнаго лица, имѣвшаго власть надъ университетомъ, на личный составъ университетской корпораціи, пополнявшійся преимущественно клириками, на чисто церковные статуты, перенесенные въ университетъ, на костюмъ, обязательный для членовъ университета, и т. д. Сторонники противоположнаго воззрѣнія, согласно которому университеты—учрежденія свѣтскія, возражали на это, что если о нѣкоторыхъ университетахъ (Парижскомъ, Оксфордскомъ) можно доказать, что они выросли на церковной почвѣ, то по отношенію къ другимъ университетамъ это утвержденіе представляется совершенно недоказуемымъ и даже неправильнымъ: объ итальянскихъ университетахъ, напримѣръ, можно прямо сказать, что они выросли не изъ церковныхъ, а изъ свѣтскихъ школъ. Бо́льшая часть учредительныхъ грамотъ, дѣйствительно, давалась университетамъ папами—изъ этого ясно только то, что папскія привилегіи цѣнились и не могли не цѣниться, потому что, напримѣръ, одинъ только папа могъ лицъ духовнаго званія, учившихъ или учившихся въ университетахъ, освободить отъ соблюденія каноническаго закона о резиденціи, по которому каждое церковно-должностное лицо обязано находиться на мѣстѣ своего служенія. (Уже въ XII вѣкѣ вошло въ обычай разрѣшать клирикамъ, покидавшимъ на время свой приходъ ради преподаванія или ученія въ университетахъ, пользоваться доходами со своего прихода, не исполняя въ это время своихъ обязанностей по приходу. Въ 1219 г. обычай этотъ получилъ выраженіе въ церковномъ законѣ, изданномъ папой Гоноріемъ III; первоначально этотъ законъ касался только тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя преподавали или изучали теологію, а потомъ дѣйствіе его распространилось и на другіе факультеты — см. Kaufmann, I, 398 — 399). Даже и такія высшія школы, которыя возникли независимо отъ всякихъ учредительныхъ грамотъ, просуществовавъ долгое время, такъ сказать, по обычаю (ex consuetudine), считали нужнымъ заручиться папскою учредительною грамотою, хотя папы вовсе и не думали отрицать закономѣрное существованіе высшихъ школъ за время, предшествующее изданію грамоты (Суворовъ, 99). Къ папѣ обращались, не какъ къ духовной только власти, но какъ къ власти универсальной, къ которой, при религіоз-

Библиотека "Руниверс"

номъ строѣ Среднихъ Вѣковъ и при полномъ смѣшеніи свѣтскаго съ духовнымъ, обращались даже и города, то-есть чисто свѣтскія корпораціи, съ просьбой о дарованіи привилегій, а такъ какъ императоръ считался такою же универсальной властью, какъ и папа, то и императорская грамота теоретически имѣла такое же значеніе, какъ грамота папская (дѣйствительно, нѣкоторые университеты такъ и остались съ одной учредительной императорской грамотой); это одно уже достаточно доказываетъ, что университеты не были церковными учрежденіями (Br. Gebhardt, 392). Денифле, подводя въ концѣ своей книги итоги своего изслѣдованія, говоритъ, что университеты, въ сущности, нельзя считать ни церковными, ни свѣтскими учрежденіями: исторія основанія средневѣковыхъ университетовъ представляетъ удивительную гармонію между церковью и государствомъ, духовнымъ и свѣтскимъ. Единодушіе церкви и государства по отношенію къ университетамъ доказываетъ, какъ могущественно было въ то время господство надо всѣмъ христіанскаго духа, помимо котораго вообще нельзя понять исторіи Среднихъ Вѣковъ: онъ-то и создалъ то гармоническое цѣлое, въ которомъ слились церковь и государство, духовное и свѣтское, безъ ущерба для самостоятельности и своеобразности каждой изъ частей. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что средневѣковые университеты представляются то высшими церковными, то высшими свѣтскими школами. Въ сущности они представляютъ собой созданіе христіанскаго духа, которымъ было проникнуто все, въ которомъ находятъ себѣ подобающее мѣсто папа и свѣтскій властитель, клирикъ и міранинъ (Denifle, 795).

Кауфманъ, съ своей стороны, высказывается относительно этого вопроса такъ: въ XII и XIII вѣкахъ существовало представленіе, что основывать и содержать школы—дѣло похвальное, и что обязанность заботиться о нихъ принадлежитъ преимущественно государству. Государство считало заботу о школѣ своимъ правомъ и своей обязанностью. Въ XIII вѣкѣ города и свѣтскія власти издавали школьныя правила, не встрѣчая возраженій со стороны церкви (I, 109—110). Юристы-теоретики въ XIII вѣкѣ совсѣмъ не поднимали вопроса о томъ, имѣютъ ли право города и государства основывать школы въ формѣ университетовъ: это было само собой понятно, объ этомъ не спорили (I, 382). Основаніе университетовъ въ XIV и XV вѣкахъ есть такая область, гдѣ отдѣльныя государства дѣйствовали вмѣстѣ съ универсальными властями, споря иногда съ ними за преобладаніе вліянія и стараясь охранить свои права (I, 395—396).

Библиотека "Руниверс"

Въ чемъ же заключается разница во взглядахъ на данный вопросъ того и другаго изслѣдователя, и есть ли между ними какая-нибудь разница? Разницы, въ сущности, нѣтъ, и это вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности: по справедливому замѣчанію Br. Gebhardt'a, средневѣковые университеты, не смотря на свое близкое отношеніе въ церкви, были автономными, самостоятельными учрежденіями: sacerdotium, imperium, studium стоятъ рядомъ, какъ три самостоятельныя великія начала исторіи Среднихъ Вѣковъ.

Н. Платонова.

Систематическій сборникъ очерковъ по отечествовѣдѣнію. Составили: *М. Н. Беклемишевъ, В. О. Дерюжинскій, Н. А. Карышевъ, Л. Е. Лебедевъ, О. А. Макшеевъ, В. И. Марковъ, Н. А. Обручевъ, В. В. Степановъ*, баронъ *А. Е. Тизенгаузенъ, А. П. Турчаниновъ* и *В. Г. Ярошкій*. Подъ редакціей генералъ-лейтенанта *О. А. Фельдмана*. Одинъ томъ въ двухъ частяхъ. Изданіе Императорскаго Александровскаго лицея. С.-Пб. 1898. Стр. XVIII+269+168. Цѣна не обозначена.

Сборникъ раздѣленъ на 2 части. Въ первую часть, въ 269 страницъ, вошелъ матеріалъ подъ слѣдующими оглавленіями: Территорія, поверхность, почва и климатъ. Населеніе. Землевладѣніе и переселеніе. Добывающая промышленность. Пути сообщенія. Торговля. Финансы и кредитъ. Народное образованіе и нравственность. Во вторую часть, въ 168 страницъ, вошелъ такого рода матеріалъ: Вооруженныя силы—сухопутныя войска и флотъ. Западная и Средняя Сибирь и Степной край. Приамурское генералъ-губернаторство. Кавказъ. Туркестанское генералъ-губернаторство. Финляндія. Предъ каждою изъ отдѣльныхъ главъ обозначены фамиліи авторовъ ихъ.

Планъ сборника заимствованъ за небольшимъ отступленіемъ изъ извѣстнаго сочиненія В. Де-Ливрона „Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи“ (1874 г.); но въ расположеніи матеріала въ каждой отдѣльной статьѣ авторы ихъ сохранили полную самостоятельность. Въ каждой статьѣ матеріалъ, касающійся однородныхъ предметовъ, но по отношенію къ разнымъ частямъ Россіи расположенъ въ одинаковомъ порядкѣ, что̀ нѣсколько облегчаетъ справки; сверхъ того, всѣ большія статьи подраздѣлены на отдѣльныя рубрики съ обозначеніемъ каждой особымъ шрифтомъ, что также важно при чтеніи книги. За серіезность и точность матеріала книги ручаются имена

Библиотека "Руниверс"

ихъ авторовъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣютъ извѣстность въ наукѣ или въ военной литературѣ.

Впрочемъ, не всѣ главы одинаково важны со стороны содержанія и вообще можно сказать, что наибольшая обстоятельность, наиболѣе новыя и интересныя подробности заключаются въ первой части, именно въ главахъ, касающихся матеріальной культуры, то-есть, такихъ явленій, на которыхъ легче всего можно указать наше прогрессивное движеніе или отсталость. По отношенію къ этому предмету, видно, что авторы тщательно собрали данныя и при томъ новѣйшія, заключающіяся въ разныхъ правительственныхъ изданіяхъ, изданіяхъ ученыхъ обществъ, а равно въ путешествіяхъ и монографіяхъ.

Во второй части наиболѣе обстоятельною должна быть признана статья „Западная и Средняя Сибирь и Степной край", составитель которой по отношенію къ природѣ и естественнымъ богатствамъ края пользовался извѣстнымъ трудомъ П. П. Семенова „Сибирь и сибирская дорога"; но въ этой же части находится статья весьма сухая, лишенная характернаго освѣщенія—это Финляндія.

Примѣненіе сравнительнаго метода, несмотря на всю его важность при изученіи географіи, должно имѣть свои границы, особенно тамъ, гдѣ дѣло касается цыфръ. Служа большею частью только относительно вѣрнымъ показателемъ истины, цыфры почти всегда теряютъ свою дидактическую или, точнѣе говоря. мнемотехническую цѣну, если онѣ накопляются на одной и той же страницѣ учебника и даже учебнаго пособія въ большомъ количествѣ. Редакція сборника повидимому старалась найдти эти границы, почему и допустила относительно небольшое количество сравнительныхъ цыфръ, и это, по нашему мнѣнію, составляетъ достоинство сборника. Но, съ другой стороны, нельзя не пожалѣть, что въ сборникѣ недостаточно отведено мѣста сравнительнымъ описаніямъ или, точнѣе говоря, параллелямъ. Для всякаго образованнаго человѣка, а еще болѣе для лицеиста весьма полезно знать въ конкретныхъ фактахъ, образно, а не въ общихъ чертахъ, какъ, напримѣръ, трудится, съ чѣмъ борется русскій земледѣлецъ въ различныхъ по географическимъ условіямъ областяхъ Россіи, въ чемъ онъ имѣетъ нужду, чѣмъ питается, какъ строится и т. д.; подобныя параллели, съ педагогической точки зрѣнія, важнѣе многихъ статистическихъ данныхъ, которыя оцѣнятся только тогда, когда ученикъ сдѣлается или ученымъ, или администраторомъ, или промышленникомъ.

Въ предисловіи къ названной книгѣ отъ имени ея редактора, ге-

Библиотека "Руниверс"

нералъ-лейтенанта Ѳ. А. Фельдмана, говорится, что „знаніе родины, нужное каждому образованному человѣку, безусловно необходимо воспитанникамъ Императорскаго Александровскаго лицея въ виду дѣятельности, ожидающей ихъ послѣ выпуска изъ заведенія". Далѣе, изъ предисловія видно, что разсматриваемый сборникъ въ началѣ текущаго учебнаго года (1898 — 1899) введенъ въ видѣ руководства для старшаго гимназическаго класса Императорскаго лицея. Въ этомъ выписанномъ мѣстѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе заявленіе господина директора о необходимости хорошо знать каждому образованному человѣку свою родину. Заявленіе это составляетъ какъ бы косвенный упрекъ нашимъ гимназіямъ, въ которыхъ изученію географіи Россіи, по нынѣ дѣйствующимъ планамъ, отводится только 2 урока и при томъ въ среднемъ возрастѣ (въ IV классѣ). На сколько извѣстно, въ лицеѣ географія преподается также въ среднемъ возрастѣ, но при 3-хъ урокахъ. Несмотря на большее относительно число уроковъ и на другія педагогическія преимущества, свойственныя лицею и несвойственныя гимназіямъ, генералъ-лейтенантъ Фельдманъ призналъ однако же необходимымъ ввести еще преподаваніе географіи въ старшемъ классѣ. Эта прекрасная мысль вполнѣ заслуживаетъ подражанія, хотя осуществленіе ея для гимназій, какъ общеобразовательныхъ заведеній, должно бы состояться нѣсколько въ другомъ видѣ и въ другихъ размѣрахъ. Генералъ-лейт. Фельдманъ называетъ свой курсъ „Отечествовѣдѣніемъ", но такого предмета, какъ учебной дисциплины, съ точно опредѣленнымъ содержаніемъ, съ точно опредѣленными границами и методомъ, не существуетъ. Ученые западные географы и наши пытаются ввести Отечествовѣдѣніе въ университетскій курсъ; но при этомъ никакъ не могутъ согласиться о подробностяхъ на счетъ содержанія его. Въ послѣдніе 10—15 лѣтъ въ низшихъ и среднихъ нѣмецкихъ учебныхъ заведеніяхъ утвердилось Родиновѣдѣніе (Heimatskunde), какъ учебный предметъ, имѣющій цѣлью пробудить чувство любви къ родинѣ и подготовить учениковъ къ изученію географіи и исторіи; но матеріалъ этого предмета, по послѣднимъ учебнымъ планамъ прусскихъ гимназій 1891 г., предлагается безъ учебника въ I классѣ. Отечествовѣдѣнія же, какъ особаго предмета, ни въ гимназіяхъ, ни въ реальныхъ училищахъ не существуетъ, а въ тѣхъ и другихъ обстоятельно, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, оканчивая 5-мъ классомъ, изучается отечественная географія.

Во Франціи, какъ извѣстно, послѣ войны 1870 г. правительство обратило особое вниманіе на школьное преподаваніе географіи, и

Библиотека "Руниверс"

этотъ предметъ въ педагогической литературѣ разработанъ у французовъ едва ли не лучше, чѣмъ другіе предметы. По планамъ 1890 года, курсъ географіи во Франціи проходится 3 раза; въ старшемъ курсѣ (реторическомъ) все пройденное по географіи и исторіи объединяется и дополняется новыми свѣдѣніями, заимствованными изъ спеціальныхъ уже наукъ, какъ-то: изъ геологіи, статистики, промышленной географіи, военной исторіи и даже археологіи; но несмотря на эти заимствованія, курсъ, по составу матеріала, удерживаетъ вполнѣ общеобразовательный характеръ, какъ это можно судить по весьма распространенному нѣкогда учебнику Levasseur'a [1]).

Обращаясь къ нашему сборнику, мы находимъ, что въ первой части его только одна первая глава можетъ быть названа вполнѣ отвѣчающею задачѣ отечествовѣдѣнія. Глава эта посвящена физическому описанію Европейской равнины и Сибири. Описаніе дано обстоятельное и мѣстами картинное; упрекъ можно сдѣлать только со стороны нѣкоторой неравномѣрности въ частяхъ; такъ, описанію рельефа русской равнины дано больше мѣста, чѣмъ это нужно; между тѣмъ какъ о почвѣ и особенно о подпочвахъ сообщаются крайне элементарныя свѣдѣнія, хотя, въ виду земледѣльческаго промысла населенія, этотъ предметъ долженъ бы быть изложенъ обстоятельнѣе; къ тому же такое прекрасное пособіе, какъ геологическая карта Ильина могло бы облегчить авторамъ трудъ описанія. Точно также, почти что не отмѣчена связь между температурою, атмосферическими явленіями и вообще характеромъ русской равнины и культурнымъ состояніемъ ея населенія. На стр. 77, въ главѣ „Добывающая промышленность" мы читаемъ: „ячмень занимаетъ крупное мѣсто среди посѣвовъ одной Архангельской губерніи, такъ какъ его можно

[1]) Выписываемъ программу географіи въ реторическомъ классѣ, выполняемую въ 1 годъ, при одномъ часовомъ урокѣ. „Observations sur la configuration, la constitution géologique, le relief du sol, le régime des eaux, le climat. Etude de la France par grandes régions naturelles et par provinces: traits caractéristiques de l'orographie, de l'hydrographie, de la géographie économique. Moeurs, traditions, grands souvenirs historiques. La nationalité française. La population: densité. Le régime administratif étudié particulièrement dans le département et dans la commune. L'organisation militaire. La frontière. Défenses naturelles et places fortes de la France et des pays limitrophes. (Далѣе обозрѣніе французскихъ колоній). Rapports de la France avec les grands pays du globe. L'émigration et l'immigration; échanges. Voies internationales de communication. Comparaison de la puissance économique et militaire de la France avec celle d'autres Etats".

Библиотека "Руниверс"

воздѣлывать сѣвернѣе всѣхъ прочихъ хлѣбовъ". Фактъ этотъ извѣстенъ ученикамъ съ IV, а можетъ быть и съ 1-го класса, а въ курсѣ отечествовѣдѣнія и всего ближе въ 1-й главѣ, слѣдовало бы объяснить и причину такого явленія, тѣмъ болѣе, что учащимся, можетъ быть, извѣстно, что ячмень даже въ Средней Европѣ созрѣваетъ медленнѣе, чѣмъ на сѣверѣ Россіи. Примѣровъ такого опущенія или, точнѣе говоря, невниманія къ подробностямъ климатическимъ и атмосферическимъ можно представить достаточно.

Вторая глава касается вопроса высокой важности въ отечествовѣдѣніи—именно населенія Россіи. Авторъ ея В. В. Степановъ пользовался прекрасными сочиненіями, но сочиненіями статистическаго характера, тогда какъ свойство предмета требовало бы расширить кругъ пособій и изъ нихъ отдать предпочтеніе сочиненіямъ этнографическимъ, историческимъ и бытовымъ. Мы спросимъ, напримѣръ, автора, какой теоретическій или практическій мотивъ найдетъ преподаватель въ 16—17-ти-лѣтнемъ ученикѣ гимназистѣ, чтобы онъ остановилъ вниманіе на такихъ вопросахъ, что браки заключаются большею частью между холостыми и дѣвицами (около 70%); далѣе слѣдуютъ браки вдовцовъ съ дѣвицами (10%), вдовцовъ со вдовами (8%) и холостыхъ со вдовами (3%). Или другой примѣръ: „въ Екатеринбургѣ 114 женщинъ на 100 мужчинъ, Нѣжинъ—113, Архангельскъ—111" и т. д. Матеріалъ такого рода, совершенно условный, неустойчивый, обременяющій память и въ то же время отнимающій мѣсто у свѣдѣній, которыя могли бы расширить кругозоръ учениковъ и осмыслить и сосредоточить пройденное уже ими ранѣе по географіи и исторіи. Таковъ, между прочимъ, матеріалъ, совершенно опущенный авторомъ — это характеристика господствующаго населенія страны на основаніи природы страны и историческихъ условій, значеніе разноплеменности въ Россіи въ отношеніяхъ политическомъ и культурномъ, зависимость плотности населенія отъ историческихъ условій. Повторяемъ, въ названной главѣ ничего подобнаго нѣтъ и, что всего страннѣе, великоруссъ, строитель русскаго государства и колонизаторъ, исчезаетъ въ безразличіи въ ряду другихъ мелкихъ народностей.

Дальнѣйшія главы въ первой части также, за исключеніемъ нѣкоторыхъ §§, не могутъ быть подведены подъ требованія общеобразовательнаго курса. Такъ, глава о землевладѣніи, изложенная проф. Карышевымъ и часть этой главы „Переселенія", составленная А. А. Кауфманомъ, затѣмъ глава о финансахъ и кредитѣ проф. Яроцкаго,

Библиотека "Руниверс"

повторяемъ, эти главы не только по содержанію, но даже по изложенію, языку и по запросамъ на мышленіе читателя, составляютъ предметъ какого-либо университетскаго или другаго высшаго курса по наукамъ политической экономіи, финансоваго права и статистики. Чтобы лучше судить о подробностяхъ, которыя входятъ въ главу о финансахъ, выписываемъ главныя рубрики, по которымъ даются въ книгѣ болѣе или менѣе обстоятельныя разъясненія: классификація и виды государственныхъ расходовъ. Процентныя отношенія обыкновенныхъ расходовъ къ общему ихъ итогу (таблица). Государственные доходы, именно: общественно-правовые или органическіе доходы, куда относятся: поземельный налогъ, подомовый налогъ, промысловый налогъ, налогъ на доходы съ денежныхъ капиталовъ; далѣе разъясняются косвенные налоги, именно: квартирный, питейный акцизъ, табачный акцизъ, акцизъ на сахаръ, на освѣтительныя нефтяныя масла и на спички; далѣе, пошлины, именно: крѣпостныя и явочныя, гербовыя и вексельныя, судебныя пошлины, пошлины за пользованіе водными и шоссейными дорогами, а также сборъ съ пассажировъ и грузовъ большой скорости на желѣзныхъ дорогахъ, пошлины съ наслѣдствъ и безмезднаго перехода имуществъ и пошлины со страхуемыхъ отъ огня имуществъ. Точно также перечисляются всѣ виды частно-хозяйственныхъ или механическихъ доходовъ, правительственныхъ регалій, земскіе и мѣстные доходы и расходы и т. п. Всѣ разъясненія по этимъ предметамъ подкрѣпляются статистическими данными и таблицами, которыя не всегда удобно опускать, а запомнить невозможно.

Далѣе, главы „О добывающей промышленности“ проф. Карышева и „Обработывающая промышленность“ В. В. Степанова, „Водные пути“ Л. Е. Лебедева, „Желѣзныя дороги, почта, телеграфъ и телефонъ“ полковника Макшеева, „Торговля“ В. В. Степанова, по своему характеру могутъ быть назначены только для какихъ-нибудь спеціальныхъ, промышленныхъ торговыхъ школъ, хотя, замѣтимъ кстати, по объему и по обилію разныхъ часто неуловимыхъ для вниманія данныхъ, эти главы въ большей части своихъ страницъ могутъ быть предложены только для чтенія или въ видѣ справокъ. Въ нѣмецкомъ географическомъ учебникѣ Зейдлица, разошедшемся, какъ говорятъ издатели въ предисловіи, въ количествѣ 700.000 экземпляровъ, въ имѣющемся у насъ 21-мъ изданіи 1892 г. спеціальный отдѣлъ о торговлѣ и промышленности, о торговыхъ путяхъ, телеграфѣ изла-

Библиотека "Руниверс"

гается на 26 страницахъ; въ разсматриваемомъ же сборникѣ о тѣхъ же предметахъ трактуется на 130 страницахъ большаго размѣра.

Далѣе, глава „О народномъ образованіи", въ которую входятъ историческія, статистическія свѣдѣнія, о заведеніяхъ общеобразовательныхъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, объ ученыхъ учрежденіяхъ, библіотекахъ; повторяемъ, глава эта, по всей справедливости, составляетъ предметъ спеціальнаго сочиненія краткой исторіи педагогики.

Главы, находящіяся во второй части, по своему объему, ближе подходятъ къ предмету отечествовѣдѣнія, за исключеніемъ главы: „Вооруженныя силы Россіи". Въ послѣднихъ изъ этихъ главъ большая часть §§, какъ-то: Пополненіе арміи унтеръ-офицерами, Пополненіе арміи офицерами и медиками, Военно-конская перепись, Устройство военнаго управленія, Распредѣленія войскъ по территоріи (дислокація арміи), Перечень военныхъ чиновъ и по другимъ подобнымъ подробностямъ умѣстны въ книгѣ для военно-учебныхъ заведеній.

Но при всей полнотѣ и разнообразіи, сборнику недостаетъ такой категоріи фактовъ, которые отдѣльно взятые, можетъ быть, не составятъ новости для учениковъ, но, представленные совмѣстно, въ извѣстной группѣ, въ извѣстномъ освѣщеніи, имѣютъ большое воспитательное значеніе; мы разумѣемъ представленіе въ одной общей картинѣ всѣхъ достопримѣчательныхъ лицъ, ознаменовавшихъ себя на какихъ-либо поприщахъ, а равно перечень всѣхъ городовъ и мѣстностей, достопримѣчательныхъ въ историческомъ и религіозномъ отношеніяхъ и по ландшафту. Сверхъ того, отечествовѣдѣніе, какъ предметъ, не можетъ обойдтись безъ очерка современнаго государственнаго устройства, современнаго политическаго ея могущества, а равно безъ указанія на ея естественныхъ враговъ и друзей въ Европѣ.

Вообще же разсматриваемый сборникъ даетъ только прекрасный точный матеріалъ для извѣстныхъ сторонъ отечествовѣдѣнія; руководствомъ же по отечествовѣдѣнію назвать его ни какъ нельзя. Это не болѣе, какъ весьма полезная книга для преподавателей, студентовъ и для любознательныхъ учениковъ старшаго класса.

Ш. Б.

Библиотека "Руниверс"

Максимъ Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. Томъ 1. Москва. 1898. (Изданіе К. Т. Солдатенкова. Стр. XXXII+762. Цѣна 2 р. 50 коп).

„Издаваемая работа", пишетъ почтенный авторъ въ предисловіи, „не выходитъ изъ области тѣхъ вопросовъ, которымъ посвящена была моя преподавательская и литературная дѣятельность за послѣднія 25 лѣтъ. Написавъ исторію „Происхожденія современной демократіи", естественно было задаться вопросомъ о подготовившемъ его въ прошломъ экономическомъ и политическомъ ростѣ европейской гражданственности. Первой половинѣ этой задачи посвящено издаваемое сочиненіе; оно возникло изъ лекцій, читанныхъ въ разное время въ Москвѣ и за границей и совершенно переработанныхъ, а также изъ монографическихъ изслѣдованій, основанныхъ частью на архивномъ матерьялѣ".

„Богатая нѣмецкая и англійская литература по экономической исторіи среднихъ вѣковъ позволила нерѣдко черпать готовое", но „авторъ ставилъ себѣ болѣе общія задачи, чѣмъ тѣ, какія затрогиваются существующею литературой". Ближе опредѣляются эти задачи новаго труда, посвященнаго „экономистамъ—историкамъ и историкамъ—экономистамъ", въ послѣднихъ словахъ „Вступленія", представляющаго богатый фактами очеркъ параллельнаго развитія экономической жизни и экономическихъ ученій въ исторіи Европы. Авторъ счелъ нужнымъ указать на эту параллельность съ самаго начала, „желая тѣмъ дать читателю руководящую нить въ томъ лабиринтѣ разномѣстныхъ и разновременныхъ явленій, анализъ которыхъ составитъ его ближайшую задачу".

„Въ мои намѣренія" — продолжаемъ говорить словами автора — „входило также показать, — какое значеніе можетъ имѣть предлагаемая мною общая картина хозяйственнаго развитія Европы для исторіи экономической науки... Наконецъ, мнѣ необходимо было сразу указать на то мѣсто, которое въ общемъ процессѣ эволюціи народнаго хозяйства занимаетъ исторія его роста въ государствахъ новой Европы... Нашествіе варваровъ и неудача, постигшая попытку оживить Имперію—попытку, связанную съ именемъ Карла Великаго,—имѣли послѣдствіемъ возрожденіе въ Европѣ того натуральнаго хозяйства, конецъ которому былъ положенъ въ древности, включеніемъ всего цивилизованнаго міра въ предѣлы „Orbis romanus". Характеристикѣ этого натуральнаго хозяйства, въ формѣ хозяйства помѣст-

Библиотека "Руниверс"

наго, и посвящены будутъ ближайшіе два тома моего сочиненія. Постепенно изучены будутъ элементы, вошедшіе въ его образованіе, характерныя особенности, его отличающія, и тѣ внутреннія причины, которыя вызвали процессъ его постепеннаго вымиранія". Изъ этихъ двухъ томовъ, составляющихъ первую часть, посвященную помѣстному хозяйству, передъ нами первый.

По этому можно судить о широтѣ программы и оригинальности замысла новаго большаго труда М. М. Ковалевскаго. Обратимся съ содержанію вышедшаго тома. Авторъ предупреждаетъ читателя „относительно необходимости повѣрять представленные имъ общіе выводы на монографическихъ изслѣдованіяхъ по частнымъ вопросамъ", при чемъ вскроются неизбѣжные недочеты и тѣмъ лучше всего докажутъ автору, „что его книга сдѣлала свое дѣло". Мы стоимъ на той же точкѣ зрѣнія, но оставляемъ за собою право замѣтить, что, если М. М. Ковалевскій интересуется въ своемъ трудѣ вопросами не столь общаго характера и вступаетъ въ споръ съ учеными въ родѣ Фюстель де Куланжа по спеціальнымъ вопросамъ, требующимъ особенной точности изслѣдованія, то онъ избралъ вѣрное средство, чтобы привлечь къ своему труду желаемое отношеніе. Спѣшимъ прибавить, что малоизвѣстные факты изъ источниковъ первой руки, богатыя сопоставленія, многія отдѣльныя мысли и замѣчанія представляются не менѣе цѣннымъ элементомъ въ его трудѣ, чѣмъ „общіе выводы", не всегда новые, далеко не всегда ясно выраженные и согласованные между собою. Если такъ, то критика можетъ найдти себѣ пищу не только въ тѣхъ поправкахъ, какія могутъ быть внесены спеціальными работами въ общее построеніе. Такое представленіе, возникающее при первомъ знакомствѣ съ вышедшимъ томомъ, отчасти предвзятое, только усложняетъ обязанности критики; но въ ея задачи входитъ, прежде всего, усиленіе интереса къ научнымъ явленіямъ, имѣющимъ большія права на общественное вниманіе, и отчасти потому ея достоинствомъ является извѣстная рѣшительность... Но приступимъ къ ближайшему знакомству съ книгой и начнемъ свои замѣчанія со второй главы о Германцахъ Цезаря и Тацита.

Предпосылкою при изображеніи развитія помѣстнаго строя въ Европѣ служитъ М. М. Ковалевскому теорія примитивной родовой общины при захватномъ владѣніи и, первоначально, залежномъ хозяйствѣ,—теорія, которую онъ развиваетъ въ нѣсколькихъ книгахъ и статьяхъ, напечатанныхъ въ Россіи и заграницей. Въ настоящемъ трудѣ онъ ея не развиваетъ и не обосновываетъ, но примѣняетъ

Библиотека "Руниверс"

къ данныхъ средневѣковыхъ источниковъ объ аграрныхъ порядкахъ и соціальныхъ отношеніяхъ народовъ, занявшихъ земли Западной имперіи. Такъ онъ и самъ ограничиваетъ свою задачу. Это однако же не освобождаетъ ни его, ни насъ отъ обязанности отдать себѣ отчетъ въ слѣдующемъ естественномъ вопросѣ: насколько отвѣчаетъ эта теорія современному состоянію вопроса о бытѣ древнихъ германцевъ и, говоря опредѣленнѣе, каково отношеніе автора къ новымъ выводамъ Рихарда Гильдебранда. Это не только дѣло бо́льшаго или меньшаго вниманія—въ настоящемъ трудѣ довольно спорадическаго—къ несогласимымъ направленіямъ исторіографіи; но можно было бы поставить вопросъ: насколько теорія Гильдебранда покрываетъ собою теорію Ковалевскаго, какъ болѣе ярко выраженное и лучше обставленное упраздняетъ прежнюю работу въ томъ же направленіи. Этимъ послѣднимъ представляется сравнительный методъ, предполагающій существованіе типическихъ формъ хозяйства и соціальныхъ отношеній (Kulturstufen), неизбѣжно повторяющихся при наличности извѣстныхъ матеріальныхъ условій быта, и примѣняющій къ полученнымъ, сначала предположительно, типическимъ формамъ данныя, относящіяся къ опредѣленному явленію [1]). Оговариваемся, что мы не ставимъ себѣ такія задачи: излишне было бы оспаривать то, что разбираемый трудъ не обосновываетъ по существу, что не содержится въ его программѣ. Авторъ книги предложилъ все-таки нѣсколько замѣчаній противъ Гильдебранда, составляющихъ, кстати сказать, единственно интересное въ этой небольшой главѣ, написанной къ тому же безпорядочно.

Не столько ради этихъ замѣчаній, сколько ради выводовъ и предположеній Гильдебранда, чтобы облегчить знакомство съ ними въ частности читателямъ трудовъ М. М. Ковалевскаго, которымъ попадутся эти строки, приступимъ къ тому въ настоящемъ мѣстѣ; подобно тому, какъ М. М. Ковалевскій мѣстами ведетъ свое изложеніе на фонѣ полемики съ Фюстель де Куланжемъ, такъ мы изложимъ его замѣчанія противъ Гильдебранда на фонѣ теоріи послѣдняго [2]).

Не въ первый разъ экономисты прокладываютъ новые пути тамъ, гдѣ комментаріи пишутся на комментаріи. Профессоръ національной эко-

[1]) Срав. *J. Kohler*; *R. Hildebrand*, Problem einer allgemeinen Entwickelungsgeschichte des Rechts; *K. Lamprecht*, Beilage zur Münch. Allgem. Zeitung 1898 № 83, der Sitte. Graz, 1894.

[2]) Срав. *R. Hildebrand*, Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen, I Theil. Jena, 1896.

Библиотека "Руниверс"

номіи въ Грацѣ, Рихардъ Гильдебрандъ развиваетъ свои положенія противъ древности общиннаго землевладѣнія и общинныхъ союзовъ (Genossenschaften) во всеоружіи историка, примѣняя критику текста наравнѣ съ построеніями сравнительной этнографіи. Въ качествѣ прототипа книги Гильдебранда, или по крайности ея плана, припоминается одна изъ вступительныхъ главъ въ курсахъ политической экономіи—о естественныхъ ступеняхъ натуральнаго хозяйства; но ея содержаніе далеко выходитъ за границы преемства хозяйственныхъ формъ: съ большою послѣдовательностью и на основаніи большаго матеріала авторъ дедуцируетъ изъ этихъ послѣднихъ основныя черты общественнаго и политическаго быта. Мы касаемся только того, что намъ непосредственно нужно (что, впрочемъ, признается самымъ цѣннымъ въ книгѣ Гильдебранда): объясненія данныхъ Цезаря и Тацита и реконструкціи быта Германцевъ, какъ стоящихъ на ступени перехода къ земледѣлію.

Прежде всего Гильдебрандъ подтверждаетъ на основаніи многихъ данныхъ, что примитивное земледѣліе развивается хронологически независимо отъ скотоводства, притомъ какъ женская работа: мужчины участвуютъ лишь въ расчисткѣ лѣса подъ обработку. Кромѣ женщинъ земледѣліемъ занимаются тѣ, кто не можетъ пропитать себя иначе, не имѣетъ своего скота — бѣдняки, которымъ богатые даютъ рабочій скотъ за часть сбора. Земля не имѣетъ собственной цѣнности, никакихъ правъ собственности на нее не существуетъ, только притязаніе на жатву. Существуетъ лишь естественное право оккупаціи незанятой земли, длящееся, пока въ землѣ есть надобность. Мы замѣтимъ, что сѣверно-русское заимочное „пряво“ не вполнѣ отвѣчаетъ этому положенію вещей. Въ большинствѣ приведенныхъ Гильдебрандомъ наблюденій говорится объ участкахъ, ежегодно расчищаемыхъ и покидаемыхъ послѣ жатвы, никакого другаго владѣнія нѣтъ: то же наблюдается и въ степномъ хозяйствѣ германцевъ Цезаря. При русскомъ примитивномъ же подсѣчномъ хозяйствѣ пашня служитъ нѣсколько лѣтъ; а право на заимку въ Сибири существуетъ неограниченное число лѣтъ, и лишь при возрастаніи населенія сроки залежности ограничиваются 20 и менѣе годами, спускаясь до трехъ. Мы имѣемъ въ виду прямое противорѣчіе этого процесса съ тѣмъ, который изображается М. М. Ковалевскимъ во вступленіи стр. XI: „съ возрастаніемъ числа жителей... заимки изъ годовыхъ становятся все болѣе и болѣе продолжительными“... Подъ вліяніемъ все той же основной причины—прогрессивнаго роста насе-

Библиотека "Руниверс"

ленія, при переходѣ къ трехполью, а затѣмъ къ многополію (при общинныхъ порядкахъ) „связь пахаря съ почвой становится постоянною. Одно уже это обстоятельство порождаетъ если не частную собственность, то по крайней мѣрѣ частное владѣніе при общинной собственности, родовой или мірской". Итакъ, подъ вліяніемъ утѣсненія и перехода къ трехпольному хозяйству „годовая заимка" перерождается въ постоянное владѣніе. Такой процессъ если и наблюдался авторомъ на Украйнѣ, во всякомъ случаѣ подходитъ подъ понятіе не развитія общины, но ея разложенія, не торжества, но гибели уравнительнаго начала; и здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ значеніемъ заимки, которое не соотвѣтствуетъ общепринятому понятію заимки сибирской, переживающей на глазахъ современныхъ наблюдателей процессъ совершенно обратный.

Но вернемся къ Гильдебранду. На такой именно культурно-хозяйственной ступени, доказываетъ онъ, стояли германцы Цезаря и Тацита. Изъ показаній Цезаря въ VI и IV книгахъ слѣдуетъ, что германцы его времени мало занимались земледѣліемъ, жили скотоводствомъ и охотой. Ихъ поселенія поэтому были окружены лѣсами, подъ пашню занимались отдаленные и уединенные участки. Земельной собственности поэтому не существовало, но „magistratus ac principes" отводили gentibus cognationibusque hominum qui una coierant земли для обработки на одинъ годъ, заставляя въ слѣдующемъ году сѣять на другомъ мѣстѣ. Земля такимъ образомъ оставалась нераздѣленною,— никакихъ межей не существовало. Цезарь говоритъ о родовыхъ группахъ или о нѣсколькихъ семьяхъ родичей, живущихъ въ одномъ поселеніи (ср. подобныя явленія въ бытѣ татарскихъ и монгольскихъ племенъ); но изъ словъ Цезаря не слѣдуетъ 1) никакихъ союзовъ родичей, 2) ни общинныхъ полей съ системою надѣловъ, 3) никакого общиннаго землевладѣнія съ выборными властями. При этомъ Гильдебрандъ стоитъ одиноко противъ почти всѣхъ изслѣдователей. Его доказательства слѣдующія: 1) родичи, будучи связаны происхожденіемъ, не нуждаются ни въ какомъ договорѣ, разъ они остаются жить вмѣстѣ. Поэтому нельзя примѣнять къ gentes cognationesque Цезаря терминъ Genossenschaften—корпораціи или Verbände—союзы. 2) Системы постоянныхъ общинныхъ полей съ надѣлами не встрѣчается ни у одного народа, для котораго земледѣліе служитъ только подспорьемъ въ хозяйствѣ, а слова о принудительномъ перемѣщеніи пашень каждый разъ означаютъ не мѣну надѣлами, но расчистку новыхъ участковъ; 3) въ общественномъ строѣ господствовала почти полная анархія.

Библиотека "Руниверс"

Цезарь говоритъ VI, 23: in pace nullus est communis magistratus, sed principes regionum atque pagorum inter suos ius dicunt. Слова эти указываютъ на господство патріархальнаго строя: въ мирное время одни старѣйшины благодаря своему личному вліянію на родичей, творили судъ и расправу inter suos, то есть между лицами, принадлежащими къ ихъ gens или cognatio. Эти principes, впрочемъ, не тождественны съ majores natu (противъ Зибеля), но между ними были и юноши, что видно изъ Taciti Germ. c. 13 (но не изъ Цезаря!): principis dignationem etiam adolescentulis assignant. Слова principis dignationem должно понимать (вслѣдъ за Фюстель де Куланжемъ) въ смыслѣ: „достоинство старѣйшины“ (а не въ смыслѣ пожалованія со стороны старѣйшины, какъ Вайцъ и др.). Эти principes не были властями, органами общественнаго союза, ибо dignatio означаетъ фактическое вліяніе, а не санъ (dignitas). Поэтому principes Цезаря суть только вліятельныя лица, primi inter pares. (Иначе во времена Тацита, передающаго о выборныхъ principes—судьяхъ, Germ. 12). Во времена Цезаря германцы не имѣли постоянныхъ властей, и ихъ „сборища“ (concilia) не сопровождались постановленіями, имѣющими обязательную силу. Не было ни государственныхъ, ни общинныхъ союзовъ: только народности (племена), роды, семьи и отдѣльныя личности—въ этомъ отношеніи германцы Цезаря ни на волосъ не отличаются отъ бедуиновъ, татаръ или древнихъ кельтовъ Уэльса. Гирке признаетъ, что „абстракція государства или общины была неизвѣстна. Единство было разсѣяно между всѣми („in Alle war die Einheit zerstreut“): на это Гильдебрандъ замѣчаетъ, что единство, разсѣянное между всѣми, есть не единство, но множество. Образуемое естественнымъ образомъ сожительство нѣсколькихъ лицъ не есть еще корпорація, Genossenschaft, которая требуетъ опредѣленной цѣли, чего въ эпоху господства личнаго своеволія—по крайности въ мирное время—и предполагать невозможно.

Итакъ, Гильдебрандъ (какъ Зибель, отчасти Зикель и Фюстель де Куланжъ) видитъ въ magistratus предводителей на время войны, а въ principes—фактически вліятельныхъ старѣйшинъ: можно ли, продолжаетъ онъ, при такихъ условіяхъ говорить о какой либо общей организаціи и потому о какой либо общинной собственности? Чтобы доказать присутствіе послѣдней, ссылались на общую оккупацію, ведущую къ общей Volksland (Гриммъ и др.). Но общая оккупація, говоритъ Гильдебрандъ, не влечетъ за собою съ необходимостью общность права или общее право (корпоративное), но лишь право

Библиотека "Руниверс"

каждаго изъ участниковъ захвата. Права каждаго существовали и ранѣе оккупаціи новыхъ земель, народъ не возникаетъ въ одинъ пріемъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера, но населеніе разростается постепенно изъ отдѣльныхъ семействъ въ племена и народности.

Право или притязаніе на пользованіе землею является первоначально и повсюду; у германцевъ Цезаря передъ нами не право общины или общности (Gesammtheit), но каждаго хозяина въ отдѣльности, основанное не на принадлежности къ общинѣ-государству, но на кровныхъ правахъ происхожденія и потомства. Примитивная аристократія представляется явленіемъ неизбѣжнымъ, коренясь въ степеняхъ родственной близости къ первоначальному владѣльцу, что идетъ параллельно и неразрывно съ фактическимъ неравенствомъ богатства, силы и вліянія. Въ клановомъ строѣ валлисцевъ, описанномъ Сибомомъ, наблюдается этотъ процессъ весьма ясно. Principes древнихъ германцевъ вызваны такимъ естественнымъ, прирожденнымъ и экономическимъ неравенствомъ, и не какимъ либо перенесеніемъ на нихъ правъ, отвлеченныхъ отъ идеи общины-государства, какимъ-то приложеніемъ contrat social. Всякія права члена общины сами по себѣ суть позднѣйшая фикція, о которой первобытное или варварское человѣчество не имѣетъ представленія: понятіе соціально-политической корпораціи появляется вмѣстѣ съ обостреніемъ соціальныхъ противорѣчій и борьбы.

Выдвинувъ этотъ господствующій моментъ первобытнаго строя, Гильдебрандъ примѣняетъ его къ ученію объ общиномъ землевладѣніи древнѣйшихъ германцевъ. Ложенъ распространенный взглядъ, будто земля, не находящаяся въ частномъ владѣніи, находится во владѣніи общемъ: такъ вѣдь не было до появленія какъ частнаго, такъ и коллективнаго общиннаго владѣнія. Этотъ ложный взглядъ вызванъ смѣшеніемъ юридическаго (логическаго) пониманія вещей съ историческимъ (эволюціоннымъ) и „mental operations“ съ „substantive realities“ (Мэнъ): въ ту же ошибку впалъ бы тотъ, кто сталъ бы выводить исторію языка изъ его грамматики. Германцы Цезаря просто не знали никакой собственности, и если бы ихъ спросили, кого они считаютъ владѣльцемъ занятой ими земли, то имъ подобный вопросъ показался бы не меньшимъ абсурдомъ, какъ вопросъ: кому принадлежитъ воздухъ, которымъ они дышатъ (O. Seeck). Только жатва имѣла для нихъ цѣнность, не было потому ни собственности, ни римскаго владѣнія, но лишь послѣдствія захвата, то naturalis possessio или κατοχή, о которомъ говоритъ Павелъ въ началѣ титула „de

Библиотека "Руниверс"

adquirenda et amittenda possessione (и о чемъ читаемъ у Савиньи въ Recht des Besitzes § 1: Detention).

Сторонники первобытной общинной собственности, развиваетъ Гильдебрандъ свою мысль, должны были бы послѣдовательно усматривать въ фактѣ свободнаго пользованія лѣсомъ и пастбищемъ внутри области, занятой племенемъ охотниковъ или номадовъ, существованіе и тамъ общинной поземельной собственности; такъ и пишетъ Лавелэ, признавая въ указанныхъ стадіяхъ наличность коллективной поземельной собственности всего племени. Но это значитъ, какъ возражаетъ Гильдебрандъ, присвоивать поземельной собственности такое значеніе, при которомъ утрачиваются ея отличительные признаки. Такимъ путемъ вопросъ о природѣ собственности не разъясняется, наоборотъ, „die feineren Unterschiede fallen dabei einfach unter den Tisch, und es geht so immer ein Stück Leben verloren".

Описанный Цезаремъ VI, 22 процессъ отвода земли подъ обязательно одногодичное пользованіе не поддается никакой юридической конструкціи. Какъ объяснить его? Мотивы, которые передаетъ Цезарь—нежеланіе осѣдлости и неравенства, понятны въ устахъ римлянина, но не варвара. Мейценъ объясняетъ тѣмъ, что переходъ къ земледѣлію влечетъ будто бы за собою экономическую эмансипацію бѣднаго слоя населенія отъ скотовладѣльцевъ; Гильдебрандъ замѣчаетъ, что на пастушеской ступени не существуетъ долговыхъ обязательствъ, и сила богатства выражается лишь въ возможности быть щедрымъ (ср. „отроци Свѣпельжи изукрашены суть оружіемъ и порты" съ Tac. Germ. 14). Долговыя обязательства возникаютъ при появленіи земледѣлія, съ необходимостью занимать рабочій скотъ у владѣльцевъ. Потому наоборотъ, переходъ къ земледѣлію является для скотовладѣльцевъ выгоднымъ съ этой стороны, но невыгоднымъ по причинѣ сокращенія лѣсовъ и пастбищъ. Поэтому богатые скотовладѣльцы отводили нуждающимся въ ихъ рабочемъ скотѣ земледѣльцамъ участки для обработки въ отдаленіи и на короткое время, съ наименьшимъ для себя ущербомъ. Вотъ какое объясненіе дается Гильдебрандомъ извѣстіямъ Цезаря: „magistratus ac principes gentibus cognationibusque... quantum et quo loco visum est agri adtribuunt... et post annum transire cogunt".

Родовыя группы gentes, внутри себя могли имѣть нераздѣльную пашню, какъ большая семья, ведущая большое совмѣстное хозяйство, что впрочемъ чаще на позднѣйшихъ ступеняхъ культурнаго развитія: примитивный такъ называемый Hordenclusommunus—фикція. Нераз-

Библиотека "Руниверс"

дѣльность пашни, если допускать ее внутри gentes Цезаря, объясняется не семейными чувствами и не выгодами общаго хозяйства (какъ Brunner), ибо на ступени примитивнаго земледѣлія только расчистка лѣса ведется общими силами, но тѣмъ, что участокъ земли, особенно небольшихъ размѣровъ, не такъ легко дѣлится, какъ стадо.

Переходя къ Тациту, Гильдебрандъ напоминаетъ по даннымъ источника, что земледѣліемъ занимаются не свободнорожденные германцы, но кромѣ женщинъ, стариковъ, слабосильныхъ, которымъ поручается cura (не cultura) agrorum, преимущественно „servi" и „liberti". Эти servi вели свое хозяйство на отведенныхъ имъ участкахъ самостоятельно, не служили предметомъ торговли, какъ кабальные; они подобны римскимъ холопамъ; „ut colonus", но, оговариваетъ Гильдебрандъ, они не тожественны съ servus quasi colonus Дигестъ (адскриптиціи Родбертуса). Эти servi Тацита не потомки покореннаго кельтскаго или древнѣйшаго населенія, какъ полагаютъ Маурeръ, Ковалевскій и др., но природные германцы—потомки тѣхъ „людей", homines, которые входили въ составъ cognationes Цезаря и занимались тѣмъ же земледѣліемъ; въ противоположность ingenui, которые проводили время на войнѣ и охотѣ („ipsi habent"). Германскій servus Тацита является дальнѣйшею стадіей въ процессѣ соціальнаго подчиненія, которое выражается у Цезаря словами „adtribuunt" и „cogunt".

Изъ Germ. 16 о поселеніяхъ германцевъ нельзя заключить объ исключительно подворномъ характерѣ поселеній: и въ этой главѣ, и въ другихъ мѣстахъ книги Тацита упоминается vicus. Тогда какъ Сибомъ и Декмэнъ Россъ видятъ въ этихъ vici мэноріальное селеніе, зависимую общину помѣстья, на подобіе vicus при римской виллѣ у Фронтина, Гильдебрандъ считаетъ ихъ родовыми поселками свободныхъ владѣльцевъ, жившихъ совмѣстно съ сервами. Это были группы нѣсколькихъ дворовъ, стоявшихъ въ отдаленіи другъ отъ друга, согласно словамъ Тацита. Каждый дворъ располагалъ свое хозяйство (colunt), гдѣ ему удобнѣе, discreti ac diversi, ut fons, ut campus, ut nemus placuit: такъ что не было ни общинныхъ полей съ надѣлами, ни прилегающихъ другъ къ другу усадебъ.

Что германцы Тацита не знали ни мѣстныхъ союзовъ (Ortsverbände), ни сельскихъ общинъ (Dorfgemeinden), видно изъ Germ. 28: (gentium) sedes promiscuas adhuc et nulla regnorum potentia divisas, что по мнѣнію, Гильдебранда, указываетъ еще на не полную осѣдлость; но такая утилизація словъ с. 28 представляется не безспорною.

Библиотека "Руниверс"

Сознавая, повидимому, это, Гильдебрандъ присоединяетъ слѣдующій аргументъ: по всему, что извѣстно о происхожденіи общины, она вызвана внѣшними причинами, прежде всего принудительнымъ обложеніемъ со стороны носителей власти (пока это не доказано. Гильдебрандъ допускаетъ petitio principii). Никакого общественнаго договора въ первобытномъ обществѣ не могло быть, всѣ члены родовой или племенной группы не могли согласиться возложить на себя бремя, рѣшеніе большинства не было обязательно для меньшинства, хотя бы самаго незначительнаго (ср. архаическое liberum veto съ римскимъ ученіемъ о corpus, выражающемъ свою волю черезъ голосъ большинства членовъ); слѣдовательно, для образованія германской общины было необходимо принужденіе съ властной стороны. „Вообще", замѣчаетъ Гильдебрандъ, во всякомъ общежитіи—въ общинѣ и государствѣ — обязанности древнѣе правъ". Германцы же, по извѣстіямъ Тацита, не терпѣли никакихъ налоговъ, ни принужденія властей, но каждый (viritim) приносилъ добровольные (ultro) дары или пожертвованіе (pro honore, с. 15).

По всему этому, заключаетъ Гильдебрандъ, vici Тацита были поселеніемъ отдѣльныхъ семействъ (Familienniederlassungen), отличавшимся отъ aedificia Цезаря только тѣмъ, что состояли изъ нѣсколькихъ дворовъ. Между владѣльцами-сосѣдями была только родственная, генеалогическая связь, и никакого корпоративнаго союза. Система германскихъ поселеній—по Тациту точно та же, какая наблюдается у народностей совершенно другаго этнографическаго корня, но стоящихъ на той же ступени культурно-хозяйственнаго развитія.

Изъ приведенныхъ Гильдебрандомъ аналогій упомянемъ и мы нѣкоторыя. Прокопій (Goth. III, с. 14) пишетъ: славяне живутъ въ жалкихъ хижинахъ, расположенныхъ на большомъ разстояніи другъ отъ друга, и всѣ изъ нихъ перемѣняютъ по обыкновенію мѣсто жительства. Палацкій пишетъ, что древнія села Чехіи были многочисленны, но не велики, такъ какъ обыватели первоначально образовывали одну семью: когда родительскій домъ не вмѣщалъ все молодое поколѣніе, строились новые дома возлѣ стараго. И г-жа Ефименко, съ трудами которой Гильдебрандъ знакомъ при посредствѣ сочиненіе Keussler'a, документально доказала, что древнія русскія деревни состояли рѣдко изъ 5—8 дворовъ, обыкновенно изъ 1—4, зачастую населенныхъ членами одной разросшейся семьи; уединенные поселки сѣвера Россіи напоминаютъ Гильдебранду „colunt discreti, ac diversi" Тацита. Такіе же родовые поселки, легко переносимые съ

Библиотека "Руниверс"

мѣста на мѣсто, упоминаются Ведами подъ именемъ grama (Leist) и наблюдаются въ различныхъ областяхъ современной Индіи (Baden-Powell). На замѣчаніе Бруннера, что забота о безопасности сама по себѣ должна была вызвать концентрацію населенія въ селахъ-городищахъ. Гильдебрандъ отвѣчаетъ, что слова Тацита достаточно опредѣленны. Общинныя поселенія въ смыслѣ сравнительно крупныхъ и сомкнутыхъ мѣстечекъ встрѣчаются на почвѣ помѣстья-вотчины при отсутствіи свободныхъ земель, что замѣтилъ еще Юстусъ-Мезеръ.

Гильдебрандъ переходитъ къ важнымъ, но загадочнымъ извѣстіямъ Germ. c. 26: agri pro numero cultorum ab universis invices occupantur... arva per annos mutant et superest ager. Слова ab universis, доказываетъ Гильдебрандъ, требуютъ соотвѣтствующаго существительнаго, но таковымъ не можетъ быть cultoribus, ибо земледѣльцами были не свободные, но servi, не участвовавшіе въ раздѣлѣ и не различавшіеся по своему соціальному положенію (dignatio). Слова in vices всегда указываютъ на взаимность между лицами. Если такъ, то какой смыслъ можетъ имѣть фраза „agri ab universis in vices occupantur", при отсутствіи постоянныхъ полей и отмежеванныхъ надѣловъ. Не безъ филологическаго искусства Гильдебрандъ доказываетъ необходимость конъектуры „*vicinis*" вмѣсто „invices".

Такъ какъ общая оккупація создаетъ не право общины, но право каждаго изъ участниковъ оккупаціи, будутъ ли послѣдніе эксплоатировать занятую всѣми землю каждый самъ по себѣ (пашни) или же совмѣстно (пастбища, лѣса), то слова „ab universis occupantur" не даютъ основанія говорить о собственности общинной. При обиліи земель, повторяетъ Гильдебрандъ, вообще никакая поземельная собственность не развивается. Но что же значитъ въ такомъ случаѣ извѣстіе о раздѣлѣ, „quos (agros) mox inter se partiuntur". Эти слова Тацита вскрываютъ слѣдующую аграрную систему: домохозяева-vicini дѣлятъ занятую землю сообразно съ числомъ рабочихъ рукъ между собою. Внутри каждаго участка или заимки пашни ежегодно перемѣщаются, что возможно при большой площади каждой заимки. Итакъ, передъ нами захватно-родовая система землепользованія при подсѣчномъ хозяйствѣ, и никакихъ открытыхъ полей, съ принудительнымъ сѣвооборотомъ (Flurzwang), надѣлами (Hufen) и т. п. Къ заключенію во многомъ сходному съ этимъ пришелъ Инама-Штернеггъ.

Сибомъ намекнулъ на возможность такого сопоставленія. Россъ сблизилъ dignatio Тацита съ раздѣломъ per stirpes, который по Lex

Библиотека "Руниверс"

Salica (текстъ Герольда) долженъ быть замѣненъ раздѣломъ наслѣдства per capita (ср. порядки древне-русскаго княжескаго наслѣдованія). Такой смыслъ извѣстія Тацита представляетъ новое доказательство отсутствія общинной собственности у древнихъ германцевъ, такъ какъ каждый наслѣдуетъ по своему кровному праву. Происхожденіе собственности коренится не только въ утѣсненіи, но именно также въ политическомъ, прежде всего въ соціальномъ неравенствѣ и первородствѣ: право возникаетъ тамъ, гдѣ есть возможность защищать его силою, и собственность появляется впервые у носителей политической власти. Въ первобытномъ обществѣ чья рука сильнѣе, того и право лучше: отсюда различіе bocland и folkland.

Слѣдить за мыслью Гильдебранда доставляетъ истинное удовольствіе, но мы опустимъ дальнѣйшее развитіе его теоріи происхожденія собственности и только упомянемъ о его доказательствахъ, направленныхъ непосредственно противъ Markgenossenschaft, общиннаго землевладѣнія древнѣйшихъ германцевъ. Здѣсь становится замѣтною его зависимость отъ выводовъ Фюстель де Куланжа. Какъ примѣняется теорія Гильдебранда къ объясненію de migrantibus, эдикта Хильперика и прочихъ традиціонныхъ затрудненій, этого не миновать при знакомствѣ съ третьей главой Ковалевскаго. Здѣсь отмѣтимъ, что вмѣшательство вициновъ въ наслѣдованіе (jus retractus, Heimfallsrecht), одинъ изъ корней вицинитета, выводится Гильдебрандомъ изъ необходимости передѣла заимокъ при каждой новой оккупаціи—объясненіе во всякомъ случаѣ простое и цѣнное. Гильдебрандъ сближаетъ retractus вициновъ съ подобными правами древне-римскихъ gentiles, которые также были сосѣдями.

Слова „secundum dignationem“ указываютъ на неравныя доли, что и понятно въ варварскомъ обществѣ, гдѣ въ противность теоретикамъ общинности, égalité и fraternité существовали только между рабами. Уравнивающимъ моментомъ является прежде всего власть вотчинника, и равныя гуфы указываютъ на ихъ сравнительную молодость. Относительно трирскихъ Gehöferschaften Маурера это доказано Ламprехтомъ.

Но такъ какъ всѣ участники дѣлежа—vicini были свободные хозяева, согласно приведеннымъ выше доказательствамъ Гильдебранта, и вѣроятно, членами одного рода, то dignatio можетъ означать лишь генеалогическое старшинство, сопровождаемое обыкновенно экономическимъ неравенствомъ и большимъ числомъ рабочихъ рукъ. Естественно поэтому, что первому въ родѣ нужно было отвести — или

Библиотека "Руниверс"

признать за нимъ — бо́льшій участокъ. Тѣ же порядки наблюдаются въ клановомъ быту кельтскихъ племенъ, описанныхъ Сибомомъ и Мэномъ: родовые порядки объясняютъ необходимость при новой оккупаціи, при новой расчисткѣ, приступать къ новому раздѣлу: мысль Гильдебранда о связи не періодическихъ передѣловъ среди родичей съ каждой новой Ausrodung представляется чрезвычайно цѣнною. О періодическомъ передѣлѣ Тацитъ не говоритъ ни слова, ибо слова arva per annos mutant говорятъ о подсѣчномъ хозяйствѣ внутри заимки, неизмѣнной до новой оккупаціи или расчистки. Гильдебрандъ указываетъ, что Пейскеръ [1]) первый сблизилъ отчеты ирландскаго комиссара Дэвиса (XVII вѣка) и его извѣстіе о раздѣлахъ „soloque son antiquity“ съ secundum dignationem Тацита; но вѣдь тамъ также являлись наслѣдниками умершаго родичи при отсутствіи агнатовъ, при чемъ, по заключенію Моммсена, наслѣдовалъ не родъ (gens), какъ корпорація, но родичи въ силу ихъ личныхъ правъ, раздѣляя наслѣдство — даже это допускаетъ Моммсенъ (Staatsrecht III, 28), — ближе неизвѣстнымъ способомъ между собою. Нельзя не отмѣтить, насколько такое пониманіе вмѣшательства gentiles гармонируетъ съ индивидуальностью древне-римскаго права, рельефно выраженной Іерингомъ, и не подходитъ подъ теорію общинно-родоваго быта, напримѣръ, Соловьева. (Сочиненія, т. I).

Русская община не доказываетъ примитивнаго общиннаго землевладѣнія, пишетъ Гильдебрандъ на послѣднихъ страницахъ. Чичеринъ указалъ, а за нимъ Кейсслеръ повторилъ, что русская община имѣетъ фискальное происхожденіе и создана правительствомъ принудительно. Совершенно также произошла сельская община въ Пенджабѣ (Baden-Powel) и въ Уэльсѣ (Seebohm). Если указываютъ, что русская община искони обладала правомъ раздѣла земли между хозяевами, то это фактъ сводится Гильдебрандомъ на „чисто административное полномочіе (Befugniss), аналогичное праву экспропріаціи“, но и въ этомъ Гильдебрандъ не видитъ права собственности общины. Переходъ отъ долеваго обложенія къ фиксированному вызываетъ круговую поруку сельскаго общества и въ Россіи, и въ Индіи (и въ Римской имперіи). Отсюда присвоеніе сельскому обществу административныхъ полномочій раздѣла земли и уравненія тяготъ, полномочій, исходящихъ отъ государственной власти непосредственно или вотчинника, отвѣчающаго за поступленіе податей. Отсутствіе

[1]) *Peisker*, Die Knechtschaft in Böhmen. Prag, 1890.

Библиотека "Руниверс"

права общины отчуждать свою землю служитъ Гильдебранду подтвержденіемъ его взгляда. И каждый членъ русской общины, продолжаетъ Гильдебрандъ, могъ отчуждать свой надѣлъ лишь подъ условіемъ передачи возложенныхъ повинностей, что указываетъ не на собственность, но на пользованіе (однако же примѣръ римскаго декурдоната?). Такъ называемая общинная земля нигдѣ первоначально не была объектомъ чьей-либо собственности—ни общины, ни отдѣльнаго хозяина, и не было понятія собственности. Между судьбою римскаго колоната и прикрѣпленіемъ русскаго крестьянства существуютъ существенные пункты сходства. „Loin d'être la propriété collective, le *mir* est un servage collectif" (Fustel de Coulanges).

Теорія первобытнаго общиннаго землевладѣнія сводится, по Гильдебранду, къ слѣдующимъ четыремъ „недоразумѣніямъ": 1) смѣшенію res nullius съ res communis, 2) приравненію къ общинной собственности нераздѣленной и совмѣстной собственности (pro indiviso и condominium), 3) собственностью сельскаго общества считались пастбища и лѣса, отведенные въ пользованіе (объ этомъ ниже), 4) послѣдствіемъ земельной собственности общины считалось примѣненіе общиной возложенныхъ на нее административныхъ полномочій.

Такова въ существенныхъ чертахъ теорія Гильдебранда. Прежде всего, она направлена противъ ученія о первобытномъ общинномъ землевладѣніи и соціально-политическихъ союзахъ на порогѣ германской исторіи: это пережитки Contrat social и римской системы корпорацій, пересенной на почву исторіографіи юристами со временъ рецепціи и вплоть до Гирке. Въ этой своей части теорія Гильдебранда движется по слѣдамъ Фюстель де Куланжа, дополняя выводы незабвеннаго историка этнографическими сближеніями и анализомъ методологическихъ погрѣшностей, допущенныхъ писателями школы первобытныхъ общинныхъ союзовъ и землевладѣнія. Болѣе оригинальною, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе спорною, является положительная сторона его системы подворно-родоваго владѣнія, основаннаго на оккупаціи. Внутри этой положительной половины опять-таки болѣе оригинальною и встрѣчающею возраженія является не столько система подворнаго владѣнія древнихъ германцевъ, сколько его взглядъ на мѣсто личнаго владѣнія внутри родоваго строя общества. Именно кельтскія и другія аналогіи, исключаемыя М. М. Ковалевскимъ изъ программы этого труда, повидимому, привели Гильдебранда къ его пониманію dignatio и германскаго вицинитета. Родовой бытъ въ своемъ развитіи связанъ съ появленіемъ движимаго имущества, прежде всего скота, и постольку

Библиотека "Руниверс"

общъ всѣмъ народамъ на извѣстной культурно-хозяйственной ступени. Родовой бытъ не противополагается (какъ коммунизмъ) личнымъ правамъ, но является торжествомъ прирожденныхъ личныхъ притязаній во всей ихъ первобытной безусловности: власть домохозяина надъ его семействомъ такъ же неограниченна, какъ власть надъ его имуществомъ, и въ древне-римскомъ понятіи familia сливаются понятія семьи и осѣдлаго домохозяйства. Родъ не есть союзъ или корпорація, но естественное послѣдствіе раздробленія личныхъ правъ родоначальника между его потомствомъ—совладѣльцами и сонаслѣдниками. Прирожденное право каждаго, то-есть степень кровной близости къ родоначальнику опредѣляетъ мѣсто каждаго въ родѣ и его долю въ землѣ, занятой родомъ. Для потребностей земледѣлія часть территоріи признается за отдѣльными хозяевами, „сосѣдями", остальная часть территоріи остается въ общемъ пользованіи подъ пастбищами и лѣсами. Земледѣліе требуетъ раздѣла, скотоводство общности (Гриммъ). Присутствіе нераздѣленныхъ communia, compascua, almend не только не отрицаетъ, но предполагаетъ участки личнаго владѣнія, какъ „ager dictus qui a divisoribus relictus est ad pascendum communiter vicinis" (Isidorus, Grom. vet. I p. 369), предполагаетъ личные agri вициновъ. Понимали ли варвары отношенія condominium и пр. въ томъ совершенствѣ, какъ это могли Римляне, не столь важно, какъ установленіе той истины, что первобытное человѣчество соблюдало прирожденныя права личности, но не въ смыслѣ „правъ человѣка и гражданина".

Гильдебранду указываютъ (проф. A. v. Halban въ *Zeitschrift für Social-und Wirthschaftsgeschichte*, her. v. Bauer und Hartmann, 1898 Heft I s. 108—109), что его пониманіе dignatio какъ кровной близости къ родоначальнику представляетъ собою опасность для высказаннаго самимъ Гильдебрандомъ взгляда на природу юридическихъ послѣдствій оккупаціи: „если мы примемъ, что вытекающее изъ оккупаціи право каждаго покоится не на его фактическомъ, непосредственномъ содѣйствіи при оккупаціи, но на его прирожденныхъ правахъ, тогда должно будетъ сказать, что оккупація семействомъ приводитъ къ тому же, что оккупація народомъ", то-есть какъ каждый „Volksgenosse" получилъ право на землю „народа" въ силу своей принадлежности къ народу, такъ и родичъ получалъ землю потому, что онъ былъ членъ рода; но такъ какъ родъ не есть корпорація, и земля принадлежитъ совокупности родичей, не представляющей изъ себя союза, то Гильдебранду остается, по мнѣнію рецензента, одно

Библиотека "Руниверс"

изъ двухъ: или признать, что земля принадлежала роду на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и государству, и тѣмъ не только смѣшать корпорацію съ совокупностью ея членовъ, но и присвоить семьѣ-роду несвойственныя ему общественно-правовыя функціи; или же отказаться отъ своего взгляда на dignatio и признать раздѣлъ въ силу непосредственной оккупаціи. Не говоря о томъ, что это возраженіе Хальбана основано на противоположеніи рода какъ гражданской организаціи народу, какъ политической организаціи—и съ помощью такой посылки легко найдти противорѣчіе внутри системы Гильдебранда, который приходитъ къ выводу объ отсутствіи у древнихъ германцевъ не только постоянной государственной организаціи, но и права поземельной собственности;—единовременная „непосредственная оккупація" не объясняетъ извѣстія „inter se secundum dignationem partiuntur" и даже очевидно имъ противорѣчитъ. Какъ и слѣдовало ожидать, теорія Гельдебранда вызвала оживленный споръ и на страницахъ журналовъ, и на съѣздѣ нѣмецкихъ историковъ въ Нюренбергѣ (судя по отчетамъ); отношеніе большинства германскихъ изслѣдователей отразилось въ обстоятельной и полезной рецензіи Dr. Kötzschke (Leipzig), въ журналѣ *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, her. von Prof. Seeliger, 1897—1898, Vierteljahreshefte, стр. 269—316.

Перейдемъ, однакоже, къ замѣчаніямъ М. М. Ковалевскаго. „Если нельзя не присоединиться къ г-ну Гильдебранду, когда онъ утверждаетъ, что земледѣліе имѣло въ бытѣ древнихъ германцевъ второстепенное значеніе, то съ другой стороны приходится разойдтись съ нимъ вполнѣ, едва рѣчь заходитъ о ближайшихъ послѣдствіяхъ этого факта въ сферѣ отношеній народа къ землѣ". Во-первыхъ, продолжаетъ М. М. Ковалевскій, Цезарь говоритъ, что воинственные свевы ежегодно посылали тысячу воиновъ въ походъ и поручали остальнымъ заботу о продовольствіи. „Если у насъ только часть населенія ежегодно и поочереди избавлена была отъ участія въ народномъ производствѣ, пишетъ нашъ авторъ, то отсюда очевидно можетъ быть сдѣланъ только тотъ выводъ, что у германцевъ сельско-хозяйственныя заботы падали какъ общее правило безразлично на всѣхъ или, выражаясь языкомъ Цезаря, на всѣ роды и на всѣ союзы сожительствующихъ родственниковъ". По справедливости, изъ словъ М. М. Ковалевскаго можно сдѣлать только тотъ выводъ, что онъ не присоединился къ г-ну Гильдебранду по поводу подспорнаго значенія земледѣлія въ хозяйствѣ древнихъ германцевъ и не принялъ во вниманіе имъ же приведенныхъ словъ Цезаря, о тѣхъ же свевахъ: „они

Библиотека "Руниверс"

питается хлѣбомъ мало, больше молокомъ и мясомъ, много также заняты охотой". „Регламентація этой хозяйственной дѣятельности, продолжаетъ нашъ авторъ, принадлежала правителямъ и старѣйшинамъ (magistratus ac principes). Обращаю вниманіе на то обстоятельство, что эти два термина ни мало не покрываютъ другъ друга... Помимо общихъ magistratus, назначаемыхъ на время войны для цѣлей civitas, могли существовать власти, поставленныя во главѣ отдѣльныхъ regiones или областей и отличныя отъ тѣхъ principes pagorum. Снова подчеркиваемъ тотъ фактъ, что Цезарь отличаетъ regiones отъ pagi, между обоими стоитъ слово atque *и*, а не *или*. Поэтому, не признавать у германцевъ, какъ это дѣлаетъ Гильдебрандъ, иного начальства, кромѣ наиболѣе выдающихся... личностей, пользующихся и авторитетомъ между своими единокровными, членами одного съ ними рода, и считающихся поэтому только primi inter pares, значитъ насиловать тексты, подгоняя ихъ подъ напередъ сложившуюся теорію". Передъ нами какъ будто отголоски спора Зибеля съ Вайцемъ и примѣръ вторженія М. М. Ковалевскаго въ спорные спеціальные вопросы, требующіе прежде всего исчерпывающаго филологическаго изученія. Авторъ высказалъ мысль: почему Цезарь говоритъ о principes regionum atque pagorum, а не vicorum, отвѣчающихъ теоріи Гильдебранда. Ему можно было бы поставить встрѣчный вопросъ: почему онъ считаетъ вѣрнымъ, что regiones и pagi не могутъ означать территоріи занятой родичами, sui Цезаря, и что могло бы значить противоположеніе principes и communis magistratus, если бы pagi и regiones означали округа, занятые нѣсколькими группами родичей-хозяевъ, группами, не связанными между собою узами родства; такія составныя территоріальныя дѣленія требуютъ именно постояннаго communis magistratus, и если бы таковые были и въ мирное время на лицо, то regiones и pagi обладали бы, въ противность словамъ Цезаря, постоянными общественными органами, которыхъ не имѣло общее имъ политическое цѣлое—civitas. „Толкованіе Гильдебранда кажется мнѣ тѣмъ болѣе произвольнымъ, продолжаетъ М. М. Ковалевскій, что такой первобытной анархіи не знаютъ близко стоящія къ германцамъ, живущія однимъ (?) съ ними родовымъ бытомъ кельтическія и славянскія племена, не говоря уже о грекахъ временъ Гомера". Славяне имѣли родовыхъ князей, кельты имѣли клановыхъ вождей, и германцы должны были имѣть „начальниковъ по старшинству, отличныхъ отъ главъ cognationes „сожительствующихъ родственниковъ", этого требуютъ извѣстія о „dignatio и antiquity". Не видно

Библиотека "Руниверс"

ближе, почему извѣстіе Повѣсти временныхъ лѣтъ о славянскихъ князьяхъ того періода, когда „сидяху кождо съ родомъ своимъ“, и аналогія съ ирландцами временъ коммиссара Дэвиса разрушала бы теорію Гильдебранда о германскомъ родовомъ вицинитетѣ и предполагали развитіе германскаго vicus въ кланъ. Основаніемъ для Ковалевскаго служитъ много разъ цитированное извѣстіе Цезаря о gentes cognationesque, руководимыхъ, однакоже, одними и тѣми же principes. Самъ же авторъ нѣсколько ниже отожествляетъ cognationes Цезаря съ propinquitates Тацита, то-есть болѣе численными, въ сравненіи съ familia, союзами родственниковъ, выступающими въ походъ generatim по выраженію Цезаря. Почему же онъ предполагаетъ особыхъ „начальниковъ по старшинству“ для gentes, отличая ихъ отъ cognationes? Вообще, слова Цезаря о gentes cognationesque не могутъ быть достаточнымъ фундаментомъ для научнаго построенія, хотя бы и не были „Verlegenheitsphrase“, какъ выразился упомянутый критикъ Гильдебранда, A. v. Halban.

Свою теорію общинно-родоваго быта германцевъ М. М. Ковалевскій здѣсь не излагаетъ, отсылая къ книгѣ „Первобытное Право“, появившейся двадцать лѣтъ тому назадъ. Однако же, „онъ готовъ сказать вновь“, что землею владѣютъ у германцевъ „роды и болѣе тѣсные союзы живущихъ вмѣстѣ родственниковъ. Что такое эти послѣдніе, какъ не семейныя общины“?

На это повторимъ вслѣдъ за Dr. Koetzschke, что въ текстѣ Цезаря стояло (пропущенное Гильдебрандомъ согласно обычному чтенію) „qui *tunc* una coierunt“. Такое чтеніе, очевидно, не даетъ права говорить о постоянныхъ союзахъ сожительствующихъ родственниковъ. Но, конечно, не на этомъ текстѣ М. М. Ковалевскій основалъ свой взглядъ о господствѣ среди древнихъ германцевъ семейно-общиннаго строя. Авторъ признаетъ, что Тацитъ не говоритъ о семейныхъ общинахъ, но „описываетъ отдѣльные признаки ихъ“. Во-первыхъ, семейная собственность германцевъ нераздѣльна: вира идетъ въ пользу universa domus, и женщины устраняются отъ наслѣдства. Сюда же привлекается извѣстіе Тацита (а также молчаніе салической и рипуарской правдъ) объ отсутствіи у германцевъ testamentum: но вѣдь это послѣднее появляется и у римлянъ вѣроятно послѣ XII-ти таблицъ [1]) и наслѣдовать можно и безъ письменнаго завѣщанія. Если М. М. Ковалевскій пишетъ: при господствѣ нераздѣльной семейной соб-

[1]) *Voigt*, Römische Rechtsgeschichte I, 75—76 Anm.

Библиотека "Руниверс"

ственности домовладыка не въ правѣ самовольно отчуждать ея: *поэтому* Тацитъ отрицаетъ testamentum у германцевъ,—то такъ говорить не основательно. Если женщины устраняются отъ наслѣдства, то очевидно наслѣдованіе существовало; кромѣ того, этотъ фактъ (равно какъ и даръ жениха вмѣсто приданаго невѣсты) характеризуетъ родовой бытъ, но еще не семейно-общинное землевладѣніе: постояннаго землевладѣнія во времена Тацита не существовало, и, кромѣ того, нераздѣльность семейнаго имущества (universae domus), хотя бы до третьяго поколѣнія, не есть еще семейная община, нераздѣльная семья не есть коммуна или союзъ, но раздробленіе объективныхъ правъ отца между его потомками-наслѣдниками. Здѣсь, по нашему мнѣнію, нужно было бы М. М. Ковалевскому установить свое отношеніе къ явленіямъ германскаго сосѣдства и совладѣнія, развивающимся изъ родоваго строя первобытныхъ германцевъ [1]). Далѣе не лишнимъ было бы оцѣнить и отмѣтить рѣзко выраженное Гильдебрандомъ ученіе о совмѣстимости и связи семейно-родоваго строя съ началомъ личной, а не коммунистической собственности (въ смыслѣ Detention). Самъ терминъ „семейная община“ содержитъ въ себѣ contradictio in adjecto, и для ясности его слѣдовало бы замѣнить болѣе подходящимъ (напр., „нераздѣльная“, или еще лучше, „нераздѣлившаяся семья“).

Изъ того, что „во всѣхъ сторонахъ правовой жизни въ V и слѣдующихъ столѣтіяхъ сказывается вліяніе родоваго начала“, и gentes cognationesque Цезаря владѣли землею на началахъ кровнаго единенія, вѣроятно, и въ эпоху Тацита,—еще не слѣдуетъ, чтобы cultores Germ. c. 26 были главами нераздѣльныхъ семействъ: это противорѣчитъ тексту „agri pro numero cultorum ab universis occupantur“. Принимать ли чтеніе vicinis или нѣтъ, но М. М. Ковалевскій призналъ не только то положеніе Гильдебранда, что „vicini могли быть только членами разросшагося двора или рода“, но и второй существенный моментъ той же теоріи: „мы все же необходимо придемъ къ заключенію, пишетъ Ковалевскій, что раздѣлъ занятой площади на неравныя доли secundum dignationem или согласно личному достоинству отдѣльныхъ участниковъ объяснимъ только при допущеніи, что занимщики стояли въ разной степени родства съ дѣйствительнымъ или мнимымъ родоначальникомъ“. И неравенство участ-

[1]) *Karl Lamprecht*, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. B. I, Кар. 1

Библиотека "Руниверс"

ковъ при господствѣ „родовой общины“ составляетъ столь видную особенность послѣдней, что было отмѣчено и до Ковалевскаго и до Гильдебранда. Неразрывность внутри понятія dignatio генеалогическаго первенства и экономическаго перевѣса указана и Ковалевскимъ, и Гильдебрандомъ.

Кромѣ признанія родоваго строя и, въ связи съ этимъ, общественнаго хозяйственнаго неравенства, у обоихъ изслѣдователей является общимъ указаніе на захватный характеръ первобытнаго землевладѣнія германцевъ по типу русскаго (и индусскаго) заимочнаго свободнаго пользованія, а не въ смыслѣ теоріи общинной оккупаціи и, на этомъ основаніи, общинныхъ союзовъ и владѣнія. Оба они отрицаютъ общинныя поля, гуфы въ примитивномъ строѣ и вмѣшательство общинно-уравнительнаго начала. Обоимъ нужно объяснить, насколько захватное начало пользованія землею, въ быту германцевъ Тацита, терпѣло вмѣшательство со стороны общественной организаціи, и въ какихъ формахъ это начало могло бы найдти примѣненіе внутри родоваго строя, при господствѣ семейно-родовыхъ группъ. Во многихъ случаяхъ то, что у Гильдебранда является понятнымъ и согласованнымъ, у Ковалевскаго сбивчиво, требуетъ отъ читателя для уразумѣнія бо́льшаго усилія, не всегда притомъ успѣшнаго.

Повидимому, оба полагаютъ, что вмѣшательство общественной организаціи въ аграрныя отношенія выражалось только въ утвержденіи фактически состоявшихся заимокъ домохозяевъ сообразно съ потребностями каждаго, и въ томъ смыслѣ нужно понимать attribuant (transire cogunt) Цезаря и partiuntur Тацита. Такое пониманіе хорошо согласуется съ выводами и предположеніями Гильдебранда о патріархальномъ строѣ общества; а спеціально для извѣстія Цезаря: post annum transire cogunt у Гильдебранда имѣется красивое объясненіе вліяніемъ скотовладѣльцевъ на экономически зависимыхъ пахарей. Ковалевскій признаетъ существованіе общественной организаціи съ постоянными властями еще въ эпоху Цезаря. Пока земля имѣется въ изобиліи, пассивное отношеніе общественныхъ органовъ къ размѣрамъ занятыхъ участковъ является понятнымъ; спрашивается, при возрастаніи населенія (рѣшающій моментъ для Ковалевскаго) въ какомъ направленіи выразится вмѣшательство общественной организаціи? Изъ порядковъ русскаго заимочнаго пользованія извѣстно, что ростъ населенія влечетъ за собою сохраненіе сроковъ залежности, то-есть сроковъ владѣнія занятою, но не эксплоатируемою землей, тѣснота ведетъ къ вмѣшательству общины въ пользу трудоваго на-

Библиотека "Руниверс"

чала и уравнительности. Для Ковалевскаго коллективно-родовое владѣніе является исконнымъ, и еще partiuntur Тацита, въ противность „Фюстель де Куланжу, Сэбому (?), Денманъ Россу, Гильдебранду (?)“ означаютъ не „окончательный раздѣлъ“, но „простое владѣніе“, въ противоположность „дворовой собственности“, являющейся позже.

Цѣннымъ пунктомъ въ теоріи Гильдебранда представляется указаніе, по слѣдамъ Сибома, на связь того общественнаго акта, который описывается Тацитомъ въ словахъ „ab universis occupantur и partiuntur“, на связь этого повторяющагося занятія съ каждымъ новымъ корчеваніемъ за предѣлами уже существующихъ заимокъ: это послѣднее является причиною многократныхъ, но не періодическихъ, раздѣловъ или перемѣщенія заимокъ, остающихся при томъ свободно выбранными сообразно хозяйственной силѣ каждаго заимщика, неравными участками съ вполнѣ независимымъ хозяйствомъ, не разсчитаннымъ на извѣстный срокъ. Заимка создаетъ новое отношеніе хозяина къ землѣ, качественно отличное отъ общаго пользованія лѣсомъ и пастбищами марки. Основаніемъ для заимки является корчеваніе, потребность земледѣлія, естественно приводящаго къ раздѣлу, какъ замѣтилъ Гриммъ. Не на общей оккупаціи основано личное владѣніе хозяина его участкомъ, не на его принадлежности къ общинному союзу— наоборотъ, общая оккупація вызывается личною инціативой заимщика, идущею въ разрѣзъ съ общимъ пользованіемъ лѣсами и пастбищами. Теорія общей оккупаціи и правъ Dorfgenosse отчасти основана на смѣшеніи юридическаго пониманія сложившагося порядка вещей съ ихъ генезисомъ. Чѣмъ объясняетъ М. М. Ковалевскій, съ точки зрѣнія своей системы семейно-родовой общины, повторяемость раздѣловъ Тацита и неустойчивость владѣнія, признавая въ то же время преобладаніе земледѣльческихъ интересовъ и обиліе свободныхъ земель; видитъ ли онъ въ этихъ непериодическихъ, неравныхъ раздѣлахъ переживаніе коллективной собственности, притомъ въ отношеніяхъ между семейными общинами, и не между членами одной и той же группы родичей-домохозяевъ, въ смыслѣ системы Гильдебранда?

Хозяйственною единицей является для Ковалевскаго именно семейная община, для Гильдебранда дворъ свободнаго вицина-родича. Въ первомъ случаѣ имѣемъ захватно-родовое владѣніе, во второмъ— захватно-дворовое, внутри родовой группы. Извѣстіе о dignatio-antiquity подходитъ къ тому и другому типу, ко второму, повидимому, ближе. Легче представить себѣ перемѣщеніе единоличныхъ заимокъ внутри родовой территоріи, чѣмъ неустойчивость семейно-

Библиотека "Руниверс"

родоваго владѣнія внутри границъ общины-марки, въ связи съ каждою новою совмѣстною оккупаціей. Легче признать сказывающееся въ dignatio право первородства между членами одного рода, чѣмъ между нѣсколькими „семейными общинами".

Преобладающимъ типомъ германскихъ поселеній М. М. Ковалевскій признаетъ „хуторъ", противополагаемый селу, vicus. Хуторъ соотвѣтствуетъ замкѣ, vici же сближаются съ городищами, при чемъ М. М. Ковалевскій, повидимому, не замѣчаетъ противорѣчія этого предположенія съ приводимыми на той же страницѣ показаніями Тацита о расположеніи германскихъ vici. Онъ же возражаетъ противъ Мейцена, опредѣляющаго районы поселеній кельтовъ и германцевъ преобладаніемъ селъ (германскихъ) надъ хуторами (кельтскими), возражаетъ на томъ основаніи, что не психическія свойства націи, но условія защиты и хозяйства опредѣляютъ характеръ поселеній. Вся эта несогласованность, можетъ быть, вызывается его взглядомъ на семейную общину, какъ на соціально-хозяйственную единицу въ періодъ германскаго родоваго строя. Въ servi Тацита авторъ видитъ покоренное кельтское и доарійское населеніе; только онъ напрасно думаетъ, что Гильдебрандъ основалъ свою гипотезу о принадлежности сельскихъ рабовъ Тацита къ германцамъ на томъ обстоятельствѣ, что Тацитъ не упоминаетъ о ихъ продажѣ: это предположеніе органически связано со всею системою родоваго неравенства при подспорномъ значеніи земледѣлія.

Перейдемъ, однако, къ примѣненію теоріи семейной общины къ аграрнымъ отношеніямъ германцевъ на римской почвѣ.

Римскому помѣстью отведена первая глава (30 стр.). Въ какой мѣрѣ авторъ признаетъ вліяніе римскаго прошлаго въ процессѣ сложенія средневѣковаго помѣстнаго хозяйства и въ насколько опредѣленное отношеніе онъ становится къ романской теоріи, ясно имъ не формулируется. Многое уже сдѣлано, въ этомъ направленіи, говоритъ М. М. Ковалевскій, и никѣмъ болѣе, какъ Фюстель де Куланжемъ. Упрекъ, какой можно сдѣлать этому писателю и въ еще большей мѣрѣ его фанатическимъ послѣдователямъ,... лежитъ въ добровольномъ игнорированіи контраста, какой римскій земельный строй представляетъ съ древне-германскимъ, и того видоизмѣняющаго вліянія, какое воздѣйствіе этого столь различнаго по природѣ элемента должно было оказать на характеръ помѣстнаго устройства въ VI, VII и VIII вѣкахъ. Говоритъ, какъ это дѣлаетъ напр. Ашлэ, о не прекращающемся существованіи даже въ такой слабо романизованной странѣ, какой была

Библиотека "Руниверс"

Англія, всѣхъ особенностей римскихъ земельныхъ порядковъ и о незамѣтномъ переходѣ „виллы“ въ норманскій „маноръ“. можно только при большой вѣрѣ въ verba magistri, слабомъ знакомствѣ съ источниками и отсутствіи всякаго критическаго такта. Можно и не раздѣлять столь строгаго сужденія о писателяхъ школы Фюстель де Куланжа; и при томъ выдвинуть впередъ то обстоятельство, что ихъ односторонность проявляется не столько въ „игнорированіи контраста“ между германскими и римскими поземельными отношеніями, сколько въ вопросѣ о вліяніи германскаго элемента на сложеніе средневѣковаго помѣстья и сельской общины; и во всякомъ случаѣ труднѣе выяснить переходъ отъ Markgenossenschaft или даже отъ родовой общины къ соціальнымъ основамъ феодальнаго строя, чѣмъ отъ виллы къ манору-сеньеріи. Романисты, конечно, не собираются „думать, что англосаксы и датчане пришли упрочивать римскіе порядки“, но защищаютъ въ данномъ случаѣ то мнѣніе, что аграрныя отношенія обладаютъ высокою степенью устойчивости, даже противъ такихъ факторовъ, какъ германское нашествіе; и если сложные и спорные вопросы исторіографіи не входятъ въ планъ настоящаго труда, то, по крайности въ интересахъ читателей, едва ли не лучше было бы совсѣмъ не касаться этихъ вопросовъ, чѣмъ затрагивать такъ бѣгло и осуждать писателей такъ безповоротно.

Нашъ авторъ, впрочемъ, признаетъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ германцы поселились въ качествѣ hospites и гдѣ романское населеніе сохранило отчасти свои земли, „римская помѣстная система, очевидно, должна была уцѣлѣть, съ естественными, впрочемъ, измѣненіями“. Отсылая читателя, въ вопросѣ о галльской виллѣ въ эпоху Сидонія Аполлинарія, къ „тщательнымъ“ изслѣдованіямъ Фюстель де Куланжа, М. М. Ковалевскій въ этой главѣ останавливается на аграрныхъ отношеніяхъ въ Италіи VI и слѣдующихъ столѣтій. Онъ обращается прежде всего къ вопросу о преемствѣ территоріальныхъ единицъ и терминовъ; и въ этомъ экскурсѣ обнаруживаются тѣневыя стороны его исторической методы. Вопросъ требуетъ точнаго, кропотливаго изученія, какое посвятили ему напримѣръ Гераръ, Фюстель де Куланжъ; Ковалевскій собралъ не мало данныхъ изъ различныхъ источниковъ, расположилъ ихъ нѣсколько безпорядочно, и не выяснивъ ни одного термина, какъ того требуетъ дѣло, мѣстами критикуетъ Фюстель де Куланжа. Правда, М. М. Ковалевскому знакомо мнѣніе Флака, что метода Фюстель де Куланжа, придерживаясь буквы источниковъ, „состоитъ въ томъ, чтобы признавать за терминами какой-

Библиотека "Руниверс"

то сакраментальный характеръ",—„il s'en tient à la lettre. L'institution s'incarne en un mot sacramental"; однако, идя по тропѣ, проложенной Фюстель де Куланжемъ, начиная съ разъясненія аграрныхъ терминовъ, и Флакъ и Ковалевскій признаютъ тѣмъ самымъ первостепенную важность вопросовъ исторической терминологіи для разъясненія мало извѣстныхъ и по природѣ неустойчивыхъ явленій переходной эпохи.

М. М. Ковалевскій не раздѣляетъ взгляда Ф. де Куланжа о повсемѣстномъ господствѣ виллы, какъ территоріально-аграрной единицы на захваченныхъ варварами земляхъ имперіи. „Римская помѣстная система", замѣчаетъ онъ, подверглась уже значительному видоизмѣненію съ II и III вѣковъ, а тѣмъ болѣе со временъ Горація, эпохи, которую постоянно имѣетъ передъ глазами французскій историкъ; это замѣчаніе представляется тѣмъ болѣе непонятнымъ, что именно Фюстель де Куланжъ представилъ особенно ярко процессъ перерожденія виллы и ея населенія со временъ Варрона и Колумеллы до временъ утвержденія колоната и мелкаго хозяйства. Въ доказательство неприложимости теоріи о господствѣ виллы къ Италіи VI и слѣдующихъ вѣковъ, М. М. Ковалевскій готовъ признать, для Италіи того времени, господство если не латифундій (хотя онъ замѣтно злоупотребляетъ и этимъ словомъ), то во всякомъ случаѣ болѣе крупныхъ территоріальныхъ единицъ, чѣмъ вилла, какъ она ему рисуется, большихъ владѣній, обработываемыхъ руками крѣпостныхъ и несвободныхъ земледѣльцевъ, то-есть путемъ большаго числа мелкихъ хозяйствъ. Онъ припоминаетъ мысль, высказанную Гейстербергкомъ, что конкуренція хлѣбородныхъ провинцій заставила Италію перейдти къ экстенсивнымъ формамъ хозяйства, къ скотоводству въ крупныхъ размѣрахъ (латифундіи Плинія); сейчасъ же ограничиваетъ это обратное приложеніе закона Тюнена выводомъ Моммсена о господствѣ мелкаго хозяйства при крупномъ владѣніи въ Италіи императорскаго времени. Крупное владѣніе не предполагаетъ необходимости крупныхъ территоріальныхъ единицъ. Частое употребленіе термина saltus должно, по мнѣнію автора, указывать на распашку запущенныхъ „мѣстныхъ (лѣсныхъ?) и гористыхъ пространствъ" какъ на одинъ изъ источниковъ распространенія крупныхъ помѣстій; однако же автору извѣстны доказательства Шультена о значеніи saltus въ позднѣйшую эпоху—какъ крупныхъ частныхъ территорій внѣ коммунальной организаціи, при чемъ saltus могъ включить въ себя нѣсколько простѣйшихъ территоріальныхъ единицъ. Едва ли не лучшимъ доказательствомъ М. М. Ко-

Библиотека "Руниверс"

валевскаго является неупотребительность термина saltus въ источникахъ для исторіи Италіи VI вѣка. У насъ подъ рукою нѣтъ данныхъ чтобы судить, насколько точно утвержденіе М. М. Ковалевскаго, что „терминъ *massa* въ IV (VI?) вѣкѣ вытѣсняетъ собою ранѣе употребительный терминъ villa", судя по перепискѣ Григорія, и насколько не вѣрно утвержденіе Фюстель де Куланжа, что въ Италіи VI и VII вѣка сельское помѣстье (domaine) обозначается безразлично терминами fundus, villa, curtis (Alleu, 31). Но мы думаемъ, что massa, въ качествѣ составной величины (по гречески переводится черезъ σύγκτησις ὅλη), не можетъ замѣнить простѣйшей единицы, которою является помѣстье-вилла, подъ какимъ бы именемъ послѣднее ни было извѣстно. Это можно было бы видѣть изъ приведеннаго у автора нѣсколько ниже текста: concedimus massam cum fundis et colonis suis. Авторъ полагаетъ даже, что „ускользнуло отъ вниманія Фюстеля" и появленіе термина casale; но изъ примѣровъ, приводимыхъ самимъ авторомъ, видно, что casale означало долю помѣстья (fundus), приписанную къ casa арендатора, при чемъ приходитъ на умъ сравненіе съ colonica по даннымъ Полиптика Ирминона. Еще менѣе способно замѣнить виллу conduma. Значеніе этого термина не опредѣляется съ достовѣрностью. Переписка Григорія говоритъ о conductores singulae condumae, и затрудненіе усугубляется спорнымъ смысломъ термина conductor [1]).

Отмѣтимъ, что Моммсенъ и Шультенъ видятъ въ conductores Григорія арендаторовъ податей кондумы, понимаемой ими въ смыслѣ самостоятельной территоріальной единицы, но не арендаторовъ земли, тогда какъ Фабръ и въ настоящее время Beaudouin [2]) приводятъ доказательства необходимости считать conductores арендаторами именно земли, и даже именно господской половины помѣстья или terra indominicata, сопоставляя свое предположеніе съ тѣмъ фактомъ, что conductores, сбирая со всѣхъ колоновъ въ свою пользу vilicitia и excerpta (не отсюда ли ἀερικόν, по крайней мѣрѣ терминъ, производя его отъ αἴρω, іон. ἀείρω),—имѣли въ то же время свой собственный участокъ; и принимая въ соображеніе приводимую у Дюканжа глоссу s. v. conduma: domus cum curia et caeteris necessariis. М. М. Ковалевскій склоненъ видѣть въ conduma не совокупность нѣсколькихъ надѣловъ

[1]) Объ этомъ институтѣ см. статью *М. Ростовцева* въ эпиграфическомъ словарѣ Ruggiero.

[2]) *Revue historique du droit français et étranger*, 1898, p. 212 ss.

Библиотека "Руниверс"

или держаній, то-есть составную, хотя и дробную въ отношеніи къ fundus единицу, но отдѣльный хуторъ, „дворовую общину"; проф. Виноградовъ, привлекая позднѣйшія данныя лангобардскихъ грамотъ, считаетъ conduma большимъ хозяйствомъ не раздѣлившихся родичей, чѣмъ-то вродѣ юго-славянской задруги.

Въ Равеннскомъ регистрѣ, продолжаетъ М. М. Ковалевскій, „болѣе тѣсною земледѣльческою единицей" является уже не villa, а нѣчто, отличное отъ нея,—plebe, поздн. pieve—приходъ, имѣющее своимъ первообразомъ римскій vicus, селеніе, построенное по сосѣдству съ виллою или усадьбою помѣщика для рабовъ и колоновъ. Такая замѣна терминовъ объясняется „перемѣщеніемъ центра тяжести въ приходъ изъ дворца помѣщика, переселившагося въ городъ; такъ, напримѣръ, fundus Cabardiacus превратился въ приходъ Caverzago (примѣръ Шультена). Это не значитъ, однако, замѣчаетъ самъ авторъ, что источникамъ VII вѣка не извѣстно болѣе помѣстье, отличное отъ massa или saltus. Понятіе его передается терминомъ fundus. Это есть постоянная и не составная единица, носящая по традиціи имя ея перваго владѣльца, и какъ простѣйшая единица, fundus дѣлится на унціи. Ужъ не fundus ли, по мнѣнію автора, замѣнило собою виллу? Если вопросъ идетъ только о замѣщеніи одного термина другимъ въ словоупотребленіи источниковъ, то этимъ М. М. Ковалевскій еще не разрушаетъ теоріи Фюстель де Куланжа. Однако, у М. М. Ковалевскаго, повидимому, другія намѣренія. „Въ папской области и вообще всюду, гдѣ жива была римская традиція, и сохранилось точное представленіе о первоначальномъ значеніи отдѣльныхъ терминовъ классической латыни, немыслимо то безразборчивое употребленіе слова villa въ его новомъ смыслѣ селеніе или совокупности земель или владѣній нѣсколькихъ сосѣднихъ собственниковъ (а сонаслѣдники, совладѣльцы одной виллы могли ли фигурировать въ качествѣ такихъ сосѣднихъ собственниковъ?), какое позволяютъ себѣ одновременно франкскія, бургундскія и аллеманскія грамоты, то-есть, тѣ источники, на буквальной передачѣ которыхъ и построена главнымъ образомъ теорія Фюстель де Куланжа о продолженіи римской помѣстной системы въ меровингской Франціи и имперіи Карла Великаго. Вмѣсто villa въ документахъ римской куріи и равеннскаго епископа стоитъ casale или fundus, а понятіе села передается его „синонимомъ приходомъ (plebe)" Посмотримъ, однакоже, что значитъ въ „классической латыни" слово fundus, и раскроемъ для того хотя Пандекты Виндшейда. Dig. 50. 16, de Verborum signifi-

Библиотека "Руниверс"

catione, 115 Javolenus: fundus est omne quidquid solo tenetur. l. 211 eodem; Florentinus: Fundi appellatione omne aedificium et omnis ager continetur. sed in usu urbana aedificia aedes, rustice villae dicuntur. locus vero sine aedificio in urbe area, rure autem ager appellatur. idemque ager cum aedificio fundus dicitur. Въ болѣе узкомъ смыслѣ слова fundus противополагается строенію: D. 43, 16, 1 § 3 и 6, Ulpianus. Ср. Gaj. II, 42. Мы прибавимъ къ тому для большей ясности, что fundus по гречески переводится словомъ ἀγρός. которое въ свою очередь иногда противополагается πόλις, и значитъ деревенское имѣніе; но кромѣ того имѣетъ и другія значенія. Theoph. Paraphr. IV 6, 2, cf. Proch. XXVII. 14. Zach. Nov. p. Just. Coll. I, nov. 5 β′. nov. 9 β′. Proch. XXXV 7; VIII ult. Harmen. IV 8, 52 cf. Dig. 23, 3, 56, § 3. Harm. IX, λ cf. Dig. 23, 3, 73 § 1. Не усматривается потому достаточной причины, почему теорія Фюстель де-Куланжа о виллѣ галло-римской не можетъ быть приложена къ италійскимъ fundi VI и слѣд. вѣковъ.

Однако, продолжаетъ М. М. Ковалевскій, изслѣдованіе Лоньона и Флакка въ послѣднее время показали, что и въ примѣненіи къ Галліи выводы Фюстель де Куланжа страдаютъ односторонностью и неполнотою. Оказывается, что онъ игнорировалъ многочисленные остатки древнихъ кельтскихъ vici, говоря, что по даннымъ Григорія Турскаго извѣстны тысячи помѣстій и всего 50 vici. Фюстель хотѣлъ доказать, что эти послѣднія 50 селъ были въ дѣйствительности виллами; но его новѣйшій критикъ, Флаккъ, наоборотъ доказываетъ, что въ меровингскую эпоху многія виллы обратились въ села, и vicus стали синонимомъ виллы, потому рѣдко и встрѣчаются. М. М. Ковалевскій усматриваетъ въ этомъ взглядѣ Флакка подтвержденіе своихъ словъ въ статьѣ о древне-германской маркѣ (это, однако, извѣстно и Вайцу, и всѣмъ читавшимъ источники): „villa или селеніе не всегда обозначаетъ собою частное имѣніе; въ ней можетъ быть нѣсколько владѣльцевъ. Источники говорятъ о сосѣдяхъ, vicini, какъ объ участникахъ въ передачѣ права собственности на ту или другую villa". Замѣтимъ—для того не надо читать Гильдебранда,—что такое положеніе могло получиться путемъ частичнаго отчужденія и, еще понятнѣе, путемъ раздробленія собственности между сонаслѣдниками. И по духу, и по буквѣ римскаго права; vicinitas не вызываетъ общности права, Recht der Gesammtheit, но только права каждаго изъ vicini въ отдѣльности. Vicinitas не создаетъ сама по себѣ никакого союза, никакой юридической личности, corpus. При отчужденіи соб-

Библиотека "Руниверс"

ственности кого либо изъ vicini, прочіе пользуются преимуществами, сначала какъ совладѣльцы, потомъ какъ заинтересованные сосѣди: по образцу ли сервитутныхъ установленій изъ области частнаго права, или въ силу новой законодательной конструкціи, вызванной посторонними причинами, напримѣръ потребностями государства.

Что vicus (римскій, не кельтскій, описанный Сибомомъ) не исключаетъ виллы, но уживается съ нею рядомъ и мало того, является ея составною частью, видно изъ классическихъ текстовъ, приводимыхъ Фюстель де Куланжемъ и другими, вродѣ слѣдующихъ словъ Фронтина: vici circa villam in modum munitionum (не municipiorum).

Изъ возраженій противъ теоріи о почти исключительномъ господствѣ виллы выдвигается приведенное у Флака замѣчаніе Ленинга, что церкви строились въ селахъ, а не въ помѣстьяхъ [1]), такъ что и въ Галліи центръ тяжести перемѣщается изъ domaine въ village, аналогично итал. plebe. Господство помѣстья въ Галліи эпохи занятія ея германцами не оспаривается ни Флаккомъ, ни Ковалевскимъ, лишь слегка касающимся этого важнаго вопроса. Флаккъ оспариваетъ исключительность критикуемой имъ теоріи Фюстель де Куланжа, составляющую не рѣдкій, но красивый недостатокъ построеній знаменитаго ученаго; когда же Флаккъ, переходя въ наступленіе, доказываетъ, что многія виллы меровингской эпохи являются ничѣмъ инымъ, какъ селами, то онъ привлекаетъ вниманіе, какъ намъ думается, къ болѣе плодотворному вопросу: исключаютъ ли villa и населенное *зависимыми* земледѣльцами vicus другъ друга въ меровингскую эпоху? Не лучше ли вмѣсто терминологическихъ и топографическихъ изысканій о степени распространенія villa и vicus, обратиться къ рѣшенію задачи: насколько vicus и villa предполагаютъ и дополняютъ другъ друга, являются органически связанными элементами помѣстнаго строя. Не думаемъ, чтобы смѣшеніе обоихъ терминовъ въ Политикѣ Ирминона являлось случайнымъ. Доманіальное происхожденіе англо-саксонской сельской общины, воспитанной на нѣкогда романской почвѣ, выясняется Сибомомъ, доказывается для германской общины Гильдебрандомъ, и до него американцемъ Денманъ Россомъ; насколько оно можетъ быть выяснено для романскихъ странъ, для Франціи, на основаніи служившаго Герару, Фюстель де Куланжу матеріала; насколько доманіальное происхожденіе (не родовой) сельской общины можетъ быть доказано, какъ обще-европейское, коренящееся болѣе въ сложныхъ

[1]) Срав. *Imbert de la Tour* въ *Rec. hist.* 1896 г.

Библиотека "Руниверс"

условіяхъ хозяйства и въ матеріальныхъ потребностяхъ жизни, чѣмъ въ неразложимыхъ и неразрѣшимыхъ національныхъ традиціяхъ? Много могло бы помочь разъясненію этого вопроса основанное на надлежащихъ подготовительныхъ работахъ изслѣдованіе тѣхъ же пережитковъ и дальнѣйшихъ судебъ римскаго vicus на почвѣ Византіи.

Переходя къ внутренней организаціи римскаго помѣстья, авторъ замѣтно ускоряетъ темпъ своего изложенія и обходится съ затруднительными вопросами во многихъ случаяхъ слишкомъ небрежно; напримѣръ, упоминая объ glebae adscripti, онъ только замѣчаетъ неопредѣленно: юридическая защита имъ дана со временъ Юстиніана. Если подъ „юридическою защитой" разумѣть запрещеніе разлучать адскриптиціевъ съ ихъ участками, то законъ (C. I. XI, 48, 7), на который авторъ ссылается, изданъ гораздо ранѣе Юстиніана. Экономическія причины перехода рабства въ крѣпостничество передаются согласно Родбертусу. Еще болѣе важными измѣненіями въ способахъ хозяйственной эксплоатаціи М. М. Ковалевскій называетъ эмфитеозу и колонатъ. Въ русской научной литературѣ есть обстоятельное изложеніе вопроса объ эмфитеозѣ—въ одной изъ главъ „Происхожденія феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи" проф. Виноградова; но оно уже нѣсколько устарѣло. Нашъ авторъ обозначаетъ эмфитеозу, какъ „долгосрочную (?) и наслѣдственную аренду", опредѣленіе, подъ которое подойдутъ такъ называемые jus perpetuum и даже jus vectigale, но имъ понятіе эмфитеозы не покрывается. Эмфитеоза относится къ арендѣ, то смѣшивается съ conductio, то отличается отъ нея юристами; ея источникомъ является исключительно договоръ, обыкновенно при помощи торговъ; простая оккупація невоздѣланныхъ земель съ юридическими послѣдствіями эмфитеозы (какъ въ Lex Hadriana de rudibus agris) болѣе не упоминается. Эмфитевтъ пользуется землею на правахъ безсрочнаго арендатора, и земля можетъ быть отъ него отобрана только въ двухъ случаяхъ: если онъ не улучшаетъ свой участокъ или если онъ не платитъ канона. Хотя эмфитевтъ имѣлъ вещное право на землю, а не договорное право по отношенію къ отдавшему ему землю, и пользовался не какъ арендаторъ, но какъ собственникъ, такъ какъ actio in rem противъ третьяго лица, но онъ не считается собственникомъ (dominus) своего имѣнія (fundus) и потому не имѣетъ права отпускать на волю приписанныхъ къ его землѣ рабовъ; однако онъ можетъ передавать участокъ по наслѣдству и отчуждать его при жизни. Въ IV вѣкѣ подъ эмфитеозу отдавались исключительно земли patrimonium императора и земли горо-

Библиотека "Руниверс"

довъ, тогда какъ на земляхъ res privata (наши удѣлы, собственность короны, не личная собственность императора) господствовало jus perpetuum. Со второй половины V вѣка эмфитеоза вытѣсняетъ jus perpetuum и остается единственною обычною формой наслѣдственной аренды на общественныхъ и коронныхъ земляхъ. Ко времени Юстиніана jus perpetuum было до того забыто, что юристы Corpus juris объясняютъ jus perpetuum черезъ эмфитеозу; но въ прежнія времена, напримѣръ въ III вѣкѣ, jus perpetuum было обычною формой наслѣдственной аренды, а эмфитеоза, наоборотъ, исключительною, примѣнявшеюся для разработки заброшенныхъ земель. Съ конца V вѣка эмфитеоза встрѣчается и на частновладѣльческихъ земляхъ, не говоря о церковныхъ, черезъ что институтъ эмфитеозы переходитъ въ область частнаго права; и такимъ образомъ является необходимость установить ея юридическій характеръ, какъ замѣтилъ профессоръ *Пернице*. Это и случилось черезъ указъ Зинона C. I. 4, 66, 1 при помощи опредѣленія Гая jus in agro vectigali [1]).

Еще болѣе кратокъ М. М. Ковалевскій, переходя къ „третьему нововведенію"—къ римскому колонату. „Генезисъ колоната не долженъ отвлечь наше вниманіе отъ главной цѣли—воспроизведенія картины сельско-хозяйственнаго строя въ періодъ варварскихъ нашествій". Авторъ потому ограничивается общимъ замѣчаніемъ, что „экономическія и фискальныя причины, болѣе или менѣе выясненныя работами Родбертуса, Гейстербергка, Виноградова и Фюстель де Куланжа, не говоря о болѣе раннихъ изслѣдователяхъ, повели къ тому результату, что въ IV вѣкѣ Италія сочла нужнымъ сдѣлать болѣе „широкій опытъ соединенія преимуществъ мелкой культуры съ крупнымъ земледѣліемъ. Готовымъ матеріаломъ для этого опыта (?) явились задолженные фермеры". Чтобы обезпечить, расплату „съ помѣщикомъ" и исправный взносъ государственныхъ податей, послѣдовало прикрѣпленіе этихъ арендаторовъ; но чтобы сохранить за ними „присущую ихъ состоянію свободу", законы фиксировали не повинности, а платежи. Можно было бы удѣлить и больше вниманія романскому источнику европейскаго крѣпостничества. Оставивъ въ сторонѣ происхожденіе колоната съ богатою литературой этого вопроса, можно было бы заняться юридическимъ положеніемъ колоновъ IV—VI вѣковъ, ближайшимъ опредѣленіемъ „присущей ихъ состоянію свободы", не одинаковой для различныхъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ колоната;

[1]) См. *His*, Die Domänen der Kaiserzeit. Leipzig, 1896.

Библиотека "Руниверс"

указать, каково было ихъ отношеніе къ поссессору и государству. Что это былъ за „опытъ соединенія преимуществъ мелкой культуры съ крупнымъ землевладѣніемъ“ и повелъ ли колонатъ къ усиленію производительности сельскаго хозяйства? Возможное разъясненіе этихъ вопросовъ было бы далеко не лишнимъ не только для соціально-экономической исторіи Европы, но и для „картины сельско-хозяйственнаго строя въ періодъ варварскихъ нашествій“. М. М. Ковалевскій даетъ, впрочемъ, обстоятельную картину внутренняго устройства помѣстья Италіи этого переходнаго времени и подробно описываетъ повинности колоновъ. Руководящею мыслью повсюду выступаетъ указаніе аналогій между колонатомъ и крѣпостничествомъ, что отчасти выкупаетъ недостаточность изображенія имъ сложившагося колоната. Матеріалъ у него хорошій — письма Григорія, въ затруднительныхъ случаяхъ авторъ руководится выводами Моммсена; въ то же время онъ приводитъ интересныя аналогіи изъ другихъ эпохъ средневѣковой исторіи. Такъ, упоминая о conductores, онъ передаетъ взглядъ на нихъ Моммсена и не считается съ возраженіями Фабра, но приводитъ важную аналогію—монастырскихъ firmarii въ Англіи и Германіи, которымъ проф. Виноградовъ отказывается дать объясненіе. Далѣе, М. М. Ковалевскій указываетъ на необходимость различать между недѣльными барщинами и между operae et iuga, являющимися традиціонною общественною повинностью, „общественною помочью“, ограниченною немногими, обыкновенно шестью, днями въ году. Замѣтимъ, что эта повинность извѣстна не только по доманіальнымъ Saltus африканскихъ надписей, но и изъ Lex Coloniae Genetivae, что еще опредѣленнѣе выдѣляетъ ея общественный характеръ, какъ extraordinarium munus. Барщины же являются естественною формой эксплоатаціи одушевленныхъ орудій сельско-хозяйственнаго производства, какими являются или становятся зависимые и крѣпостные люди на земляхъ помѣстья.

Продолжая искать черты сходства между римскимъ колонатомъ и крѣпостничествомъ феодальной эпохи, М. М. Ковалевскій допускаетъ наличность римскаго прообраза для такъ называемыхъ banalités или привилегій сеньеріальнаго хозяйства на устройство и эксплоатацію въ свою пользу мельницъ и тому подобныхъ доходныхъ предпріятій; онъ опирается на описи имѣній при ихъ отчужденіи; меровингскія и папскія формулы перечисляютъ въ такихъ случаяхъ: cum aquis... molendinis furnis etc. Этого очевидно недостаточно, такъ какъ сущность баналитета состоитъ не въ присутствіи мельницы или известковой

Библиотека "Руниверс"

печи въ помѣстьѣ, но въ привилегіи сеньера, въ сопряженіи съ поземельною собственностью публичныхъ правъ, датирующемъ, впрочемъ, еще со временъ привилегій владѣльцевъ saltus. Допуская римскій корень этого вотчиннаго права, М. М. Ковалевскій не желаетъ, однако же, подвергнуть сомнѣнію гипотезу Віолле, что въ основѣ вотчинныхъ монополій лежатъ „мірскія права пользованія", узурпированныя феодальными владѣльцами.

Еще ближе для писателя школы примитивнаго общиннаго владѣнія та мысль, что сеньеріальныя права на лѣса и пастбища происходятъ отъ общинныхъ правъ того же содержанія. Но какъ быть съ этимъ предположеніемъ на римской почвѣ, гдѣ не существовало общиннаго землевладѣнія? М. М. Ковалевскій, впрочемъ, не раздѣляетъ этого послѣдняго общераспространеннаго взгляда. „Ager communis, communia, communiones, compascua", пишетъ онъ,—вотъ выраженія, подъ которыми юристамъ золотаго вѣка и сельско-хозяйственнымъ писателямъ равно извѣстны какъ общая собственность, собственность, такъ сказать, товарищеская или компанейская, такъ и коммунальная или общинная, состоящая въ совокупномъ пользованіи (!) жителей одного или нѣсколькихъ селеній, весьма часто городовъ. На послѣдній видъ собственности, на мірское владѣніе (!), указываетъ на мой взглядъ, слѣдующее мѣсто Фронтина De controv. agr. p. 15 Lachmann: Ea compascua multis in locis in Italia communia appellantur, quibusdam provinciis pro indiviso. Толковать этотъ текстъ въ томъ смыслѣ, что подъ владѣльцами сообща разумѣется опредѣленное число лицъ, тѣмъ или другимъ путемъ пріобрѣвшихъ общую собственность, значитъ жертвовать истиной интересамъ теоріи" Но если М. М. Ковалевскаго не остановили слова pro indiviso, то предложимъ ему корреспондирующій текстъ того же самаго Фронтина p. 48—49: relicta sunt et multa loca quae veteranis data non sunt. haec variis appellationibus per regiones nominantur: in Etruria communalia vocantur quibusdam provinciis pro indiviso. haec fere pascua certis personis data sunt depascenda tunc cum agri adsignati sunt. haec pascua multi per impotentiam invaserunt et colunt. et de eorum proprietate solet ius ordinarium moveri, non sine interventu mensurarum quoniam demonstrandum est quatenus sit adsignatus ager. Въ этомъ текстѣ передъ нами слѣдующее положеніе: государство отводитъ территорію подъ устройство колоніи, часть этой территоріи остается нераздѣленною, по той или другой причинѣ не пошедшею въ надѣлы ветерановъ. Эта лишняя земля сдается certis personis, то-есть, какъ разъ *опредѣ-*

Библиотека "Руниверс"

леннымъ лицамъ, во владѣніе или пользованіе, *при самомъ устройствѣ колоніи и отводѣ надѣловъ*. Такъ какъ эти пастбища, отданныя certis personis, часто бывали распахиваемы сильными лицами, то противъ виновныхъ рекомендуется вести дѣло гражданскимъ порядкомъ, привлекая и землемѣровъ для выясненія установленныхъ при устройствѣ колоніи границъ этихъ compascua. Передъ нами типичное совмѣстное пользованіе опредѣленныхъ лицъ или ихъ наслѣдниковъ, и такія же точно compascua, какъ тѣ, о которыхъ упоминаетъ Hygin. p. 117: compascua quae pertinerent ad proximos quosque possessores, гдѣ, какъ почему то признаетъ самъ М. М. Ковалевскій, „разумѣется, дѣло идетъ не о мірскомъ, а о компанейскомъ владѣніи". Нельзя не разъяснить, что никакого другаго совладѣнія кромѣ „компанейскаго" римское право не знаетъ, требуя для наличности права присутствіе опредѣленнаго субъекта, будь это личность натуральная или юридическая или же совокупность тѣхъ и другихъ. Земли колоніи, муниципіи, государства принадлежатъ имъ самимъ какъ publicae personae, corpora; пользоваться землею или угодьями на правахъ члена общественнаго союза и пользоваться землею при отсутствіи всякаго права на нее какъ въ примитивной общинѣ,—двѣ вещи совершенно разныя, и послѣдствія ихъ различны; одной изъ характерныхъ особенностей римскихъ юристовъ является то, что они отличаютъ права общности отъ совокупности правъ лицъ, въ нее входящихъ, возвысившись до отвлеченнаго понятія о корпораціи самой по себѣ, до чего не дошли греческіе мыслители; и плоды теоріи римлянъ пожинаетъ современное культурное человѣчество съ его богатымъ развитіемъ общественныхъ союзовъ... Итакъ, между нераздѣленною собственностью юридическаго лица, въ данномъ случаѣ колоніи, и между состояніемъ неразвитости или атрофіи личныхъ правъ, какими являются общинные порядки, есть разница: напримѣръ, при общинномъ сервитутѣ въ наши права никто не можетъ вступиться, а при общинномъ строѣ каждый новый членъ можетъ предложить намъ потѣсниться. Въ Dig. VIII 5 si servitus vindicetur, 20 читается: plures ex municipibus qui diversa praedia possidebant saltum communem ut jus compascendi haberent, mercati sunt: idque etiam a successoribus eorum observatum est. „Я рѣшительно не могу понять", пишетъ М. М. Ковалевскій, „какъ можетъ Фюстель де Куланжъ говорить въ примѣненіи къ этому тексту о собственности, купленной сообща нѣсколькими лицами для выпаса ихъ стадъ. По моему, дѣло идетъ о многихъ муниципіяхъ, владѣющихъ разными участками и покупающихъ общую (сообща?) пустошь

Библиотека "Руниверс"

для выпаса; потомство оставляетъ ее въ нераздѣльности". Не говоря о различіи между municipibus и municipiis, рѣшительно нельзя понять, какъ бы можно было толковать этотъ текстъ противъ Фюстель-де-Куланжа. Если М. М. Ковалевскаго соблазняетъ слово communem, то ему не мѣшало бы заглянуть хотя въ сосѣдній титулъ Дигестъ, communia praediorum urbanorum et rusticorum, гдѣ говорится о сервитутахъ, объ одномъ изъ характернѣйшихъ послѣдствій логически строго проведеннаго начала индивидуальной собственности и пользованія. Если видно изъ Дигестъ, продолжаетъ М. М. Ковалевскій, что села и города владѣли собственностью и управляли ею черезъ посредство своихъ выборныхъ властей, то почему въ числѣ ихъ земель не могли быть „нераздѣльныя угодья, частью оставляемыя въ мірскомъ пользованіи, частью сдаваемыя частнымъ лицамъ подъ выпасъ. certis personis depascenda". Присутствіе нераздѣльныхъ угодій, какъ мы видѣли, засвидѣтельствовано источниками, объ этомъ никто не споритъ, зная, что муниципіи имѣли свою недвижимую собственность и эксплоатировали свои доходныя статьи различными способами; но самый тотъ фактъ, что эти угодья могли отдаваться въ исключительное пользованіе „извѣстныхъ лицъ", доказываетъ, что колонисты могли обходиться безъ этихъ compascua, и что эти послѣднія не могутъ быть приравниваемы къ выгонамъ при системѣ общиннаго хозяйства. Вѣдь эти compascua были обыкновенно непригодные для надѣловъ отрѣзки, пустоши удаленныя отъ поселенія; и поселенцы не нуждались въ нихъ. Именно, ветераны получали удобную землю для пашни и въ продажу участокъ лѣса—пастбища на тѣхъ же правахъ собственности, какъ и участки пахотной земли [1]). Безплодные, болотные и каменистые участки, говоритъ Рудорффъ, не раздавались въ надѣлы; и тѣ„ обрѣзки" (laciniae etc.), которые упоминаются въ libri coloniarum наряду съ полными центуріями, должны быть истолкованы въ томъ смыслѣ, что не однѣ центуріи дѣлились на надѣлы-югеры, но и въ различныхъ другихъ мѣстахъ (variis locis) по расцѣнкѣ добротности земли (pro aestimio ubertatis) были отводимы участки изъ лѣсныхъ saltus, путемъ assignatio. (Libri coloniarum, ed. Lachmann" p. 211, 4—5; 262, 6). Мы же видѣли въ приведенномъ текстѣ Фронтина, что compascua при той-же самой

[1]) См. *Rudorff*, Gromat. Institut. (Feldmesser II), 360, 361 и приведенные имъ тексты Horat. ep. I, 14, 1, villice silvarum et mihi me reddentis agelli; l. 93 § 4 D. de legatis III (то-есть XXXII): praedia cum silvis quae ei cedere solent. Бывали даже исключительно лѣсные и луговые надѣлы, *Rudorff* l. cit.

Библиотека "Руниверс"

assignatio были оставлены нераздѣленными, и слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не должны быть смѣшиваемы съ лѣсными надѣлами поселенцевъ. При томъ, изъ того-же самаго текста мы видимъ, что compascua сдавались въ ususfructus „извѣстнымъ лицамъ“ при самомъ основаніи колоніи ветерановъ и при самомъ актѣ размежеванія ихъ земель, что исключаетъ мысль объ общинномъ пользованіи этими угодьями со стороны членовъ колоніи, не бывшихъ этими „certae personae“. Что нераздѣльныя земли считались собственностью колоніи и какъ юридическаго лица, а не какой то примитивною общинною собственностью каждаго изъ ея членовъ, доказываетъ запрещеніе всякой оккупаціи (занимки) на этихъ compascua lex Thoria c. 10 (Rud. l. c.). Опять передъ нами категорическій текстъ того же самаго Фронтина p. 49, 7: Nunc ad publicas personas redeamus, coloniae quoque loca quaedam habent adsignata in alienis finibus quae loca solemus praefecturas appellare. * solent et privilegia quaedam habere beneficiis principum ut *longe semotis locis saltus quosdam reditus causa acceperint.* * Sunt et aliae proprietates quae municipiis a principibus sunt concessa. Передъ нами лѣсныя, отдаленныя угодья, saltus, пожалованныя государственною властью колоніямъ и эксплоатируемыя ими reditus causa, то-есть, какъ доходныя статьи хозяйства, въ пользу и доходъ колоніи, а не уступаемыя членамъ въ безвозмездное пользованіе, чего не допускала сама ихъ отдаленность, longe semotis locis.

Во всемъ источникѣ, называемомъ libri coloniarum, усматривается опредѣленная цѣль—опредѣлить для каждой колоніи ея размежеванную и надѣленную территорію, ея ager divisus adsignatus. Нѣтъ ни одного пункта, говоритъ Моммсенъ, гдѣ бы не выступало на первый планъ divisio и его противоположеніе ager divisus такъ называемому ager arcifinius или территоріи съ неправильными естественными границами. Если же встрѣчаются въ текстѣ очевидныя вставки, гдѣ говорится о соблюденіи такъ называемый finitiones или естественныхъ границъ, то эти вставки принадлежатъ варварскому времени, котораго слѣды очевидны и въ языкѣ этихъ вставокъ [1]). При такой тенденціи не только libri coloniarum, но еще больше теоретическихъ трудовъ римскихъ землемѣровъ, являющихся и въ построеніи своихъ руководствъ и на каждомъ шагу своего изложенія подражателями юристамъ, напрасно искать во всемъ Corpus agrimensorum какого-либо признанія или добровольнаго упоминанія о менѣе совершенныхъ примитив-

[1]) *Mommsen*, De libri coloniarum: *Feldmesser* II pp. 163—165, 170.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ формахъ владѣнія; и для нихъ совмѣстное владѣніе значитъ, какъ и для юристовъ, то же самое, что „компанейское"; другой въ римскихъ источникахъ и нѣтъ. Слѣды болѣе примитивныхъ формъ землевладѣнія могли существовать лишь на территоріяхъ покоренныхъ римлянами общинъ; но и тамъ не только преобразованіе этихъ общинъ въ колоніи, но и простое регулированіе ихъ владѣній путемъ обмѣна и для устраненія черезполосности (agri redditi) сопровождалось не только assignatio, но и divisio [1]).

„Самъ Фюстель не рѣшается, продолжаетъ М. М. Ковалевскій, отрицать одного вида общинныхъ угодій, какія оставлены были въ нераздѣльности между членами основываемыхъ на ager publicus колоній ветерановъ". Фюстель де Куланжу и въ голову не приходило считать ager divisus et adsignatus чѣмъ другимъ, кромѣ собственности, если и не совершенной, то во всякомъ случаѣ личной [2]). Мы же читали выше текстъ Фронтина, относящійся до communia resp. pro indiviso именно колоній ветерановъ, гдѣ эти пастбища сдавались въ пользованіе извѣстнымъ лицамъ при самомъ выводѣ колоніи, то-есть, гдѣ колонисты никогда ими не пользовались законнымъ путемъ, если не вступали въ число этихъ certae personae уже не въ силу своей принадлежности къ колоніи, но путемъ договора.

„На этихъ земляхъ (колоній ветерановъ) мы находимъ также единственный дошедшій до насъ отъ римской древности образецъ системы общихъ полей, въ которыхъ въ черезполосицу лежатъ неогороженные надѣлы колонистовъ". Если участки ager divisus adsignatus не были огорожены, то они были основательно обмежеваны съ соблюденіемъ всѣхъ сакральныхъ церемоній и поставлены подъ защиту Термина и уголовнаго закона на вѣчныя времена; англійскія open fields послѣ жатвы разгораживались и обращались подъ пастбище. Сибомъ не на этихъ исключительныхъ фактахъ основалъ теорію римскаго происхожденія открытыхъ полей въ саксонской половинѣ Англіи. Черезполосица (если понимать подъ нею разбросанность частей надѣла каждаго колониста по различнымъ полямъ) не доказываетъ

---

[1]) *Mommsen* o. c., 155.

[2]) Отводъ участковъ (assignatio) производился „viritim nominibus". По этому поводу не могу не замѣтить, что Рудорффу было хорошо извѣстно, что такое значитъ nomen. *Rudorff*, o. c., p. 311: compascua.. welche den *Einzelnen* zum.. fructus und usus überlassen sind (nominibus data Grom. 54, 19). Ср. замѣчаніе Фохта, приведенное въ статьѣ *И. М. Гревса* въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1897, октябрь, стр. 293, прим. 3.

Библиотека "Руниверс"

общинности землевладѣнія—отвести весь надѣлъ въ одной межѣ могло быть практически невозможно при неравномъ достоинствѣ земель, особенно въ гористыхъ областяхъ Италіи, и при единовременной необходимости уравнять долю каждаго изъ членовъ новой колоніи.

Эту первую главу—нельзя сказать чтобы она въ общемъ была особенно удачна—авторъ заканчиваетъ интересными свидѣтельствами лангобардскихъ грамотъ VIII столѣтія о надѣлахъ колоновъ на отведенной имъ половинѣ виллы, но эти данныя не относятся сюда ни по своему времени, ни по содержанію, такъ какъ рисуютъ намъ порядки сходные съ тѣми, съ которыми мы встрѣтимся въ Полиптикѣ Ирминона, и не имѣющіе, повидимому, ничего общаго съ порядками римскихъ колоній, кромѣ существованія надѣловъ и имени Colonus.

Б. Панченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Книжныя новости.

Русскій Біографическій Словарь.—Ибакъ-Ключаревъ. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества *А. А. Половцева*. С.-Пб. 1897. Въ 1896 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ этого обширнаго, давно задуманнаго изданія; онъ заключалъ біографіи русскихъ дѣятелей съ именами на букву А и окончился обширною біографіей императора Александра II. Въ концѣ 1897 года вышелъ еще томъ этого изданія, заключающій біографіи русскихъ дѣятелей въ алфавитномъ порядкѣ, начиная съ Ибака, служилаго царевича, и кончая Өед. Петр. Ключаревымъ, московскимъ почтъ-директоромъ въ 1812 г. Томъ этотъ заключаетъ 752 страницы убористой печати въ два столбца и содержитъ свыше 1000 біографій. Въ настоящей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду сообщить только нѣсколько свѣдѣній о составѣ этого тома, отнюдь не думая вдаваться въ оцѣнку исполненія этого обширнаго и крайне труднаго предпріятія. Наиболѣе крупною статьею настоящаго тома является біографія Іоанна Грознаго, написанная С. М. Середонинымъ: она занимаетъ 44 страницы; затѣмъ идетъ біографія Іоанна III Васильевича, написанная Н. Д. Чечулинымъ и занимающая 36 страницъ. Статья объ И. В. Кирѣевскомъ, написанная Г. М. Князевымъ, занимаетъ 21 страницу; по 15—16 страницъ посвящено К. Д. Кавелину (ст. Д. А. Корсакова), генералу графу Н. М. Каменскому (ст. П. А. Гейсмана), графу Канкрину (ст. проф. В. А. Лебедева) и графу П. Д. Киселеву; около 12 — 13 страницъ занимаютъ статьи о Н. М. Карамзинѣ (К. Н. Бестужева-Рюмина), В. Н. Каразинѣ (В. И. Срезневскаго), М. Н. Катковѣ (С. А—ва) и фельдмаршалѣ Θ. М. Каменскомъ (П. А. Гейсмана и А. Н. Дубовскаго); около полулиста посвящено каждому изъ слѣдующихъ дѣятелей: художнику А. А. Ива-

Библиотека "Руниверс"

нову (статья Н. П. Собко), Патріарху Іову (ст. С. П — ва), графу Каховскому (ст. П А. Гейсмана), Г. Ѳ. Квиткѣ (ст. А. И. Маркевича), князю А. Д. Кантеміру (ст. А. Г. Шалыгина), св. митрополиту Кипріану (ст. Гл.) и св. Кириллу Туровскому. Изъ статей меньшаго размѣра отмѣтимъ біографіи гравера Іордана и живописца Кипренскаго (ст. Н. П. Собко), статьи, посвященныя оріенталистамъ Ильминскому, о. Іакинову Бичурину, Казембеку, Кастрену, Клапроту, занимающія вмѣстѣ около 10—11 страницъ, написанныя Н. И. Веселовскимъ, статьи объ профессорѣ русской исторіи Н. А. Ивановѣ (написана Д. А. Корсаковымъ), архіепископѣ Иннокентіѣ Борисовѣ (Н. И. Барсова), св. Іосифѣ Волоцкомъ (В. И. Жмакина), Н. В. Калачевѣ (А. П. Воронова), К. Д. Калайдовичѣ (А. І. Лященки), П. В. Кирѣевскомъ (Г. М. Князева), А. И. Клушинѣ (Б. Модзалевскаго), Ѳ. Ѳ. Кесслерѣ (В. Шимкевича), графѣ Кейзерлингѣ (Н. Ч.), П. П. Кепленѣ, М. Т. Каченовскомъ и т. д. Нѣкоторыя статьи, и очень незначительныя по объему, представляютъ очень большой интересъ; такъ, особенно выдается небольшая статья В. Сантова, посвященная полузабытому литератору первой половины XIX вѣка, Н. Д. Иванчину-Писареву. Сколько-нибудь полной, можно сказать, даже просто связной біографіи его не существовало; г. Сантовъ, со своими огромными свѣдѣніями въ области исторіи русской литературы XVIII и XIX вѣковъ, собралъ изъ самыхъ разрозненныхъ, мелкихъ свѣдѣній довольно полныя данныя о дѣятельности Иванчина-Писарева; такъ же впервые въ настоящемъ изданіи является сколько-нибудь обстоятельная біографія близкаго къ Крылову литератора А. И. Клушина. Для этой послѣдней біографіи удалось воспользоваться совершенно неизвѣстными данными, оказавшимися въ матеріалахъ, давно собираемыхъ секретаремъ Императорскаго русскаго историческаго общества Г. Ѳ. Штендманомъ. Во многія біографіи внесены совершенно доселѣ неизвѣстныя и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно точныя данныя, по дѣламъ Сената, по формулярамъ — такія данныя, напримѣръ, находимъ въ біографіи Ѳ. П. Ключарева, графа Ивелича и др. О многихъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ дѣятеляхъ XVIII, XIX и даже XVII вѣка собраны свѣдѣнія, не превосходящія иногда подробности формулярнаго списка, но до сихъ поръ остававшіяся совершенно неизвѣстными. такъ какъ ихъ привелось собирать въ полномъ смыслѣ по крохамъ, въ разныхъ актахъ и въ полномъ собраніи законовъ — таковы, напримѣръ, біографіи дьяковъ Ивановыхъ, Автонома, Ларіона, Алмазова, такова біографія ген. Клячки и др. Самое печатаніе этого тома продолжалось въ теченіи 4 слишкомъ лѣтъ; это обстоятельство можетъ объяснить, почему въ ссылкахъ не вездѣ указаны послѣднія по времени произведенія, хотя и помимо этого, конечно, указанія литературы останутся и здѣсь больнымъ мѣстомъ и наиболѣе легко уязвимымъ. Нѣтъ, конечно, ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ этомъ томѣ „Словаря“, какъ вѣроятно, и въ другихъ его томахъ, и какъ во всѣхъ подобныхъ предпріятіяхъ, не мало встрѣтится промаховъ и ошибокъ; но не можетъ быть все-таки сомнѣнія въ пользѣ подобнаго изданія, равно какъ не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что всякій безпристрастный судья и человѣкъ, сколько-нибудь знакомый съ условіями, при которыхъ приходится у насъ вести подобнаго рода изданій признаетъ вполнѣ извинительными многіе и очень многіе ошибки и промахи. Но во всякомъ слу-

Библиотека "Руниверс"

чаѣ, лица, работавшія надъ этимъ томомъ словаря, могутъ утѣшаться мыслью, что если окажется и не мало недостатковъ въ ихъ нелегкомъ трудѣ, то, безъ сомнѣнія, найдутся люди, которые будутъ дѣлиться свѣдѣніями, какія имѣются у нихъ и какія въ Словарѣ пропущены и что такимъ образомъ недостатки изданія будутъ пополнены и оно принесетъ всю ту пользу, какую можетъ принести подобное изданіе.

С. Шумаковъ. Тверскіе акты. Выпускъ I. Акты 1506—1647 гг. Тверь, 1896 г. — Подъ вышеписаннымъ заглавіемъ Тверская ученая архивная комиссія издала 5 грамотъ, 58 данныхъ, по 3 закладныхъ, купчихъ и мѣновыхъ и 4 духовныхъ акта, входящихъ въ обширное собраніе „грамотъ“ коллегіи экономіи, хранящееся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Перечисленные акты за 141 г. составляютъ I выпускъ предпринятаго С. Шумаковымъ изданія; во „второмъ онъ предполагаетъ помѣстить „систематическое и научное обозрѣніе выписокъ изъ книгъ и судебныхъ и межевыхъ актовъ 1539—1646 гг., и всѣхъ актовъ 1649—1761 гг. по Тверскому уѣзду“, и наконецъ, въ третьемъ обзоръ актовъ по остальнымъ уѣздамъ Тверской губерніи. Польза подобнаго изданія весьма очевидна: приводимые акты почти всѣ впервые появляются на свѣтъ Божій, они всѣ представляютъ важнѣйшій источникъ не только для исторіи русскаго права, но и для русской исторіи вообще. Поэтому ознакомленіе съ нимъ должно быть необходимо для русскаго историка, тѣмъ болѣе, что оно значительно упрощается предисловіями г. С. Шумакова и его подстрочными примѣчаніями. Въ отдѣлѣ грамотъ помѣщены: одна *губная* 1541 г., обслѣдованная г. Шумаковымъ еще въ его книгѣ „Губныя и земскія грамоты Московскаго государства“ (М. 1895 г.), три *жалованныхъ* и отрывокъ четвертой, также называемой имъ „жалованною“. Жалованныя грамоты, данныя монастырямъ Іосифову, Тверскому-Отрочу и Троице-Сергіеву (двѣ), предоставляютъ финансовыя и судебныя (№ 6) льготы и относятся ко времени 1506—1589 гг. Одна изъ грамотъ (подъ № 3) была напечатана въ нѣсколько измѣненномъ видѣ въ I т. „Актовъ археографической экспедиціи“, подъ № 146. Во второмъ отдѣлѣ „Юридическіе акты“, какъ уже выше указано, наиболѣе *„данныхъ“*—58, называемыхъ иногда и *„вкладными“*. За исключеніемъ двухъ актовъ (№№ 34 и 79), всѣми ими жертвуются въ монастыри села, деревни и пустоши въ разныхъ станахъ и волостяхъ Тверскаго уѣзда, причемъ нѣкоторыми еще и храмы сельскіе, деньги, хлѣбъ и другая движимость. Въ трехъ-четырехъ актахъ сообщаются подробности о числѣ четвертей въ имѣніи, дворовъ и о количествѣ засѣваемаго хлѣба. Любопытно при этомъ, что кромѣ 3 актовъ (№№ 13, 19 и 20), всѣ остальные дѣлаютъ пожертвованія монастырямъ безъ доклада государю, вопреки постановленіямъ соборовъ 1503, 1550, 1573 и 1580 гг., которыми категорически воспрещалось отдавать вотчины въ монастыри безъ доклада государю. Въ награду за дары на монастыри возлагались: 1) поминъ вкладчиковъ и ихъ родныхъ (объ этомъ упоминаютъ почти всѣ акты), 2) постриженіе вкладчика и принятіе его въ служки монастыря, въ случаѣ его желанія, и 3) погребеніе его въ монастырѣ. Наиболѣе „данныхъ“ Троице-Сергіеву монастырю—45, за время 1540—1631 гг., затѣмъ 12—Іосифову-Волоколамскому монастырю, за время 1511—1574 гг. и одна Остроганскому монастырю 1639 г.,

Библиотека "Руниверс"

самая поздняя. *Закладныя* (1566 — 1632 гг.), *купчія* (1571—1636 гг.) и *меновыя* (1577—1629 гг.), въ которыхъ также наиболѣе фигурируетъ Троице-Сергіевъ монастырь, не представляютъ ничего особеннаго отъ другихъ подобнаго рода грамотъ. Не желая „больше возвращаться“ къ купчимъ, г. С. Шумаковъ помѣщаетъ въ отдѣлѣ ихъ краткое описаніе трехъ купчихъ XVIII вѣка, найденныхъ также среди грамотъ коллегіи экономіи по Тверскому уѣзду. Что касается, наконецъ, *духовныхъ*, то всѣ онѣ вообще содержатъ духовныя распоряженія о движимости и недвижимости завѣщателя. Наиболѣе любопытенъ актъ подъ № 151 (№ LXVII), по богатству своего содержанія. Въ немъ сообщается длинный перечень лицъ должныхъ завѣщателю по кабаламъ и безкабально; говорится о похоронахъ и поминѣ завѣщателя, подробно перечисляется движимость и недвижимость, отдаваемыя въ Троице-Сергіевъ монастырь и другіе, и родственникамъ завѣщателя. Древнѣйшая духовная 1543 г., а позднѣйшая 1647 г. Всѣ акты сопровождаются со стороны издателя краткимъ ихъ внѣшнимъ описаніемъ. Въ концѣ книги, въ видѣ „Приложенія“, „для большей цѣльности и законченности“, помѣщены: 1) опись актамъ до уложенія 1649 г., находящимся среди грамотъ коллегіи экономіи по Тверскому уѣзду, „которыхъ“, говоритъ г. Шумаковъ, „мы еще не имѣли случая касаться до сихъ поръ“, и 2) грамоты: а) грамота патріарха Филарета Никитича 1630 г., 17-го марта; б) грамота царя Михаила Ѳеодровича, 1637 г., 8-го февраля; в) межевая память 1637 года и г) отказная книга на с. Никольско9 и Казачью слободу 1645 г.

К. Ф. Хартулари. Право суда и помилованія, какъ прерогативы россійской державности. (Сравнительное историко-законодательное изслѣдованіе). Т. I. Общая и особенная части. Т. II. Приложенія къ особенной части. С.-Пб. 1899. — Обширное изслѣдованіе г. Хартулари восполняетъ ощущавшійся доселѣ пробѣлъ въ нашей историко-юридической литературѣ по затронутому имъ вопросу о спеціальномъ разсмотрѣніи права монаршаго суда и помилованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ является вполнѣ своевременнымъ и имѣющимъ насущный интересъ трудомъ. Какъ слышно, въ самомъ ближайшемъ времени предстоитъ преобразованіе вѣдающей указанныя прерогативы монаршей власти Канцеляріи по принятію прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ. Въ „Общей части“ своего труда авторъ разсматриваетъ единственную у западныхъ властителей прерогативу—право помилованія, исходя изъ римскаго законодательства и заканчивая „современнымъ положеніемъ права помилованія и амнистіи, какъ прерогативъ суверенитета“ во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ и взглядами политическихъ мыслителей, публицистовъ и критиковъ на это право. Въ „Особенной части“, болѣе обширной, онъ изслѣдуетъ право суда и помилованія русскихъ монарховъ. Указавъ въ самомъ началѣ I главы на то, что непосредственнымъ источникомъ власти на Руси было родовое начало, онъ затѣмъ опредѣляетъ права и обязанности княжеской власти, останавливаясь преимущественно на судебной расправѣ, и доказываетъ, что до временъ удѣльной эпохи народъ особенно дорожилъ княжескимъ судомъ и считалъ князя „лучшимъ судьей“. Въ главѣ III и слѣдующей авторъ говоритъ о фактѣ установленія единодержавія и самодержавія и затѣмъ только переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса о прерогативахъ верховной власти, начиная съ XVI вѣка.

Библиотека "Руниверс"

Уже въ XVI вѣкѣ подъ вліяніемъ политическихъ, соціальныхъ и другихъ условій прежній непосредственный судъ князя пріобрѣтаетъ значеніе суда исключительнаго и становится недоступнымъ для народа, которому строго воспрещается обращаться съ своими челобитными прямо къ Государю, минуя установленные органы. Но изъ собранныхъ авторомъ данныхъ видно, что и въ XVI вѣкѣ и во всѣ послѣдующіе наше правительство безуспѣшно боролось съ просителями, которые видѣли „правду“ въ одномъ только „Батюшкѣ-Царѣ“. Причиною такой безуспѣшности было „неправосудіе“, неустановленность законодательства; „противъ челобитчиковъ выступилъ Петръ Великій, установившій смертную казнь за жалобу на Сенатъ, а за всякое прошеніе, поданное самому Государю, лишеніе чиновъ и имѣній для служилыхъ людей и жестокое наказаніе для „подлыхъ“; но и онъ, видя, что его мѣры „ничуть не вразумляютъ просителей“, долженъ былъ „въ интересахъ послѣднихъ“ учредить въ 1722 г. должность рекетмейстера, впослѣдствіи называвшагося генералъ-рекетмейстеромъ, „для управленія дѣлъ челобитчиковыхъ“, какъ сказано въ указѣ (VIII гл.). Александръ I рѣшилъ, наконецъ, узаконить право обращенія къ Монаршей власти, учредивъ въ 1810 г. „Комиссію прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ“ (гл. IX). Что касается второй прерогативы верховной власти — права помилованія, то изъ изложенія нашего автора (гл. XI—XVI), видно, что послѣднее въ началѣ имѣло незначительное примѣненіе и выражалось, главнымъ образомъ, въ „печалованіи“ духовенства; самостоятельнымъ же политическимъ институтомъ оно становится „не ранѣе конца XVII вѣка“. Относительно „Печалованія“ авторомъ собраны и освѣщены почти всѣ имѣющіеся въ нашихъ печатныхъ источникахъ матеріалы. Въ связи съ этимъ вопросомъ онъ много говоритъ и вообще объ отношеніи духовной власти къ свѣтской. Закончивъ изложеніе по вопросу о помилованіи данными самаго позднѣйшаго законодательства, г. Хартулари передаетъ въ слѣдующемъ третьемъ отдѣлѣ исторію учрежденій, вѣдавшихъ указанныя выше прерогативы, и начинаетъ её съ Адашевскаго „такъ-называемаго статсъ-секретаріата или комиссіи“. Комиссіи прошеній онъ посвящаетъ особую главу и подробно слѣдитъ за всѣми ея преобразованіями, устанавливая не только историческую часть, но и процессуальную, что дѣлаетъ одинаково и по отношенію ко всѣмъ предыдущимъ Комиссіи учрежденіямъ. Закончивъ исторіей Комиссіи „историческій обзоръ исполнительныхъ органовъ Россійской Верховной Власти, по примѣненію прерогативы суда, помилованія и внѣзаконныхъ милостей“, авторъ въ послѣдней (XIX) главѣ предлагаетъ свои „соображенія историческаго и политическаго характера“, которыя могли бы лечь въ основу новой реформы нынѣ существующей Канцеляріи Прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ. Главныя его мысли сводятся къ тому, во-первыхъ, что преобразуемое учрежденіе должно основываться исключительно на коллегіальномъ началѣ и имѣть строго регламентированные компетенцію и порядокъ исполненія; во-вторыхъ, что новое учрежденіе слѣдуетъ слить съ состоящимъ при Государственномъ Совѣтѣ особымъ присутствіемъ, и въ-третьихъ, чтобы предоставить министру юстиціи болѣе широкое посредничество между осужденными и Верховною Властью. Въ устанавливаемыхъ имъ категоріяхъ компетенціи преобразуемаго учрежденія обращаетъ особенное вниманіе одна изъ нихъ, которая подводитъ подъ дѣйствіе

Библиотека "Руниверс"

монаршаго милосердія „прошенія, имѣющія предметомъ общіе вопросы, направленные къ достиженію общихъ цѣлей". Развивая подробнѣе мысль объ этого рода прошеніяхъ, Ѣ. Хартулари высказываетъ пожеланію, чтобы снова были подчинены дѣйствію монаршаго милосердія просьбы о сложеніи дисциплинарныхъ взысканій, налагаемыхъ въ дисциплинарномъ порядкѣ. Останавливаясь, наконецъ, на „Приложеніяхъ къ особенной части", составляющихъ цѣлый томъ въ 19 печатныхъ листовъ, мы должны сказать, что они представляютъ преимущественно историческій интересъ. Главнымъ содержаніемъ ихъ служатъ челобитныя (начиная съ XV вѣка) и всеподданнѣйшія прошенія (начала царствованія Александра I). Тѣ и другія заимствованы изъ всевозможныхъ историческихъ сборниковъ и журналовъ, но въ числѣ послѣднихъ есть и такія, которыя въ книгѣ г. Хартулари являются впервые въ печати. Прошенія эти относятся къ 1801 и 1802 гг. и принадлежатъ слѣдующимъ лицамъ: кронштадскому цензору Григорію Глинкѣ, кн. Ивану Михайловичу Долгорукому, извѣстному мемуаристу (2 прошенія), сенатору П. Д. Мансурову, литератору конца XVIII и начала XIX вѣковъ Мих. Ив. Антоновскому, кн. Николаю Трубецкому, генералъ-лейтенанту Ивану Каспарову, тайному совѣтнику Ивану Селецкому, извѣстному дипломату барону Ив. Ив. Местмахеру, Екатеринѣ Эльфинстонъ, рожденной де-Крузе (на французскомъ языкѣ) и Л. Ѳ. Ушакову. Въ нихъ названныя лица просятъ о денежныхъ вспомоществованіяхъ, о принятіи на службу, о дарованіи чина и т. п.; вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ немало заключается и біографическаго матеріала. Выбирая тѣ или другія челобитныя и прошенія, авторъ руководился взглядами, чтобы они „наиболѣе характеризовали современные нравы и современную общественную жизнь", и дѣйствительно его собраніе является и характернымъ и интереснымъ. Отъ его вниманія не ускользнули даже самые новѣйшіе сборники грамотъ и документовъ, въ родѣ, напримѣръ, Сборника актовъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря, появившагося въ половинѣ 1898 г. Для удобства чтенія и пониманія документовъ даны подстрочныя примѣчанія характера библіографическаго, біографическаго, историческаго и другаго рода. Вслѣдъ за всеподданнѣйшими прошеніями помѣщены: извѣстное „Письмо барона В. И. Штейнгеля къ императору Николаю Павловичу" (тутъ же въ примѣчаніи хотя и краткая, но едва ли не самая полная изъ имѣющихся въ печати біографія Штейнгеля); „Учрежденіе Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ", 1895 г., и „Высочайше утвержденныя 21-го марта 1890 г. Правила о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ; на Высочайшее имя приносимыхъ" Обѣ книги изданы весьма тщательно и посвящены памяти Императора Александра III.

И. Дашкевичъ. Литературныя изображенія Императрицы Екатерины II и ея царствованія. Кіевъ. 1898. 63 стр.—Очень цѣнная монографія проф. Дашкевича восполняетъ значительный пробѣлъ въ юбилейной литературѣ 1897 года, посвященной Екатеринѣ,—„остались въ моментъ помиокъ внѣ надлежащаго вниманія, пересмотра и объясненія съ точки зрѣнія вѣковой перспективы памятники, наиболѣе важные и интересные для всесторонней оцѣнки личности и дѣятельности Екатерины II—литературныя произведенія, во многомъ объяс-

Библиотека "Руниверс"

няющія тайну популярности этой царицы въ ея время",—эти произведенія о Екатеринѣ „являются теперь весьма важными историческими документами суда надъ нею ея современниковъ"—а потому историкъ долженъ съ ними считаться: это и дѣлаетъ проф. Дашкевичъ. Вотъ почему работа его, посвященная характеристикѣ литературныхъ изображеній Екатерины, вносящая въ екатерининскую литературу и новый матеріалъ, и новую постановку вопроса, должна быть искренне привѣтствована. На первыхъ же порахъ наталкивается почтенный изслѣдователь на два совершенно различныя отношенія къ личности просвѣщенной монархини: хвалебное и строго порицательное. Это разнорѣчіе наблюдается и въ иностранной литературѣ и въ нашей русской. Авторъ старательно подводитъ итоги этимъ разнорѣчивымъ отзывамъ, освѣщаетъ ихъ историческими объясненіями и выходитъ, въ концѣ концовъ, какъ и слѣдовало ожидать, на средній путь, склоняясь, впрочемъ, скорѣе въ сторону хвалебную. Онъ много говоритъ объ отношеніи къ Екатеринѣ философовъ, французскаго правительства, иностранныхъ путешественниковъ, а затѣмъ переходитъ къ обстоятельному выясненію отношеній русскаго общества къ Екатеринѣ: русская ода XVIII вѣка, отзывы Дашковой, Щербатова, Радищева,—даютъ ему богатый матеріалъ для рѣшенія интереснаго вопроса. Въ итогѣ этого обозрѣнія авторъ приходитъ къ заключенію, это „важно уяснить за *что* и какъ прославляли" Екатерину „просвѣщенные и даровитые современники ея".—„Фелица" Державина и „Слово" Карамзина даютъ ему обстоятельный отвѣтъ на поставленный вопросъ: подробнѣйшимъ анализомъ этихъ двухъ произведеній заканчивается монографія: „Державинъ, по словамъ автора, оказывается въ „Фелицѣ", поэтомъ-сердцевѣдцемъ, исполненнымъ благороднаго одушевленія. Въ Карамзинѣ же, какъ въ авторѣ „Похвальнаго Слова" Екатеринѣ, можно признать благороднаго, весьма образованнаго и умнаго патріота". Въ заключеніе, авторъ говоритъ, что „нельзя признать совсѣмъ правыми ни хвалителей, ни порицателей Екатерины, но если производить сравнительную оцѣнку сужденій тѣхъ и другихъ, то нельзя не сказать, что первые ближе вторыхъ подошли къ справедливости". Безспорно, Екатерина много помогла движенію русскаго народа „въ духѣ новоевропейской гражданственности", соединенной „съ поднятіемъ личнаго достоинства, ростомъ народнаго самосознанія и дѣйствительнымъ проникновеніемъ лучшими началами культуры". „Заслуга эта была хорошо понята и отмѣчена лучшими русскими литераторами".

Г. Александровскій. Н. А. Некрасовъ и его поэзія. Кіевъ. 1898, 50 стр.—Любопытную свою работу авторъ начинаетъ съ указанія того разномыслія, съ какимъ относится къ Некрасову русская критическая литература: „съ того времени, какъ впервые выяснился съ достаточною ясностью отличительный характеръ его поэзіи, тотчасъ же обнаружились чрезвычайно несходные, нерѣдко противоположные взгляды въ оцѣнкѣ его поэтической дѣятельности. Жаркіе его поклонники признаютъ въ немъ могучаго поэта, пѣвца протестующаго духа, истиннаго пророка и выразителя своего времени, съ его скорбными думами, съ его тревожнымъ озлобленіемъ и унынiемъ, но порою и съ глубокой вѣрою; другіе, напротивъ, будто бы во имя высшихъ законовъ искусства, а чаще подъ вліяніемъ своего особаго міросозерцанія, отвер-

Библиотека "Руниверс"

гаютъ вовсе его поэтическій талантъ и готовы видѣть въ его произведеніяхъ плодъ холоднаго ригоризма, искусно приспособлявшагося къ условіямъ того времени". Некрасова или зло бранили, или восхваляли,—но „не характеризовали, не опредѣляли, не объясняли". Работа г. Александровскаго является попыткой, и довольно удачною восполнить этотъ пробѣлъ въ исторіи нашей критики: не вдаваясь въ крайности, повидимому, всѣми силами стараясь уйдти отъ нихъ, г. Александровскій съ теплымъ участіемъ всматривается въ поэзію и личность Некрасова, подчеркивая въ ней все хорошее, но не закрывая глаза и на дурное. „Разбирать дѣятельность поэта, говоритъ онъ, не уяснивши себѣ предварительно его личности и условій, подъ которыми она слагалась, это все равно, что судить человѣка за какой-нибудь поступокъ, невыяснивши всѣхъ предшествовавшихъ обстоятельствъ дѣла"—руководясь этимъ убѣжденіемъ, авторъ довольно удачно обрисовалъ условія житейскія, въ которыхъ выросъ Некрасовъ, перечислилъ тѣ вліянія, которыя тяжело ложились на его воспріимчивую душу,—и если авторъ и выступилъ не въ роли судьи, какъ это обѣщалъ самъ, а въ роли адвоката, то, во всякомъ случаѣ его работа отъ этого не теряетъ интереса: Некрасовъ, глубоко страдавшій самъ изъ-за того разлада, между идеалами и жизнью, разлада, который былъ и ему самому слишкомъ замѣтенъ, заслуживаетъ, во всякомъ случаѣ, снисходительнаго сужденія.

А. С. Архангельскій. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Первые опыты миѳологическихъ изученій. Казань. 1898. 1—52, 85 к.—Эта работа—сжатой, умѣлый конспектъ по исторіи русской миѳологіи, точно такъ же онъ богатъ библіографическими указаніями, характерными выдержками и характеристиками. Начинаетъ авторъ съ указанія, какъ относились въ XVIII вѣкѣ къ народу псевдо-классики, а затѣмъ романтики; послѣднимъ принадлежитъ честь начать исторію изученія народа. Перси, Макферсонъ, а затѣмъ—Гердеръ, братья Гриммы, Шлегели занимаютъ въ исторіи этнографіи мѣсто, первое по времени и значенію. Послѣ этого небольшаго вступленія проф. Архангельскій переходитъ къ выясненію того, какъ у насъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ относились къ народной поэзіи; цѣлый рядъ именъ привлекаетъ авторъ для рѣшенія этого вопроса, и, приведя перечень сборниковъ XVIII вѣка по народной поэзіи, переходитъ къ обозрѣнію работы Строева (по миѳологіи „славянъ россійскихъ"), и взглядовъ Карамзина по этому же вопросу. Особенно долго останавливается проф. Архангельскій на характеристикѣ трудовъ Сахарова и Терещенки; затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію работъ Снегирева, которымъ отводитъ въ своей книгѣ 8 страницъ. Охарактеризовавъ затѣмъ отношеніе къ народной поэзіи русской науки въ концѣ 40-хъ годовъ, назвавъ цѣлый рядъ видныхъ дѣятелей той эпохи, авторъ излагаетъ взгляды Бодянскаго и Костомарова, затѣмъ переходитъ къ дѣятельности Срезневскаго, съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на работахъ Буслаева и Аѳанасьева и заключаетъ свою работу краткою характеристикой взглядовъ Веселовскаго, Ягича и ихъ послѣдователей.

А. С. Архангельскій. Изъ лекцій по исторіи русской литературы: Первые труды по изученію языка. Казань. 1898. 53—133 стр., 85 к.—Настоящій

Библиотека "Руниверс"

трудъ проф. А. С. Архангельскаго представляетъ очень цѣнную историографическую работу, посвященную обзору первыхъ статей по изученію русскаго языка. Почтенный авторъ послѣдовательно, въ хронологическомъ порядкѣ, переходитъ отъ характеристики одного филолога, сколько-нибудь замѣтнаго въ исторіографіи русскаго языка, къ другому, то подробно излагая содержаніе ихъ главнѣйшихъ трудовъ, съ большими выдержками, и критическими отзывами о нихъ, то ограничиваясь однимъ перечнемъ трудовъ, менѣе значительныхъ. Такимъ образомъ, какъ справочная книга, работа проф. Архангельскаго очень цѣнна. Начинаетъ свою работу почтенный авторъ съ краткой характеристики той исторіи, которую пережило изученіе языка на западѣ, а затѣмъ переходитъ къ русской наукѣ и ея дѣятелямъ. Особенно долго останавливается авторъ на дѣятельности Востокова: выводы его ученыхъ изысканій, характеристика его изданій,—все это найдемъ мы въ книгѣ г. Архангельскаго. Попутно онъ касается и исторіи „описаній рукописей“ у насъ, и исторіи „русскихъ словарей“ и грамматическихъ учебниковъ того времени. Затѣмъ авторъ останавливается съ такимъ же вниманіемъ на дѣятельности Буслаева, Павскаго и Каткова, приводя иногда большія цитаты изъ ихъ работъ. Затѣмъ онъ характеризуетъ Надеждина, Бетлинга и переходитъ къ дѣятельности Срезневскаго. Многостороняя дѣятельность этого ученаго также встрѣчаетъ въ лицѣ проф. Архангельскаго очень внимательнаго историка. Обозрѣніе работъ Лавровскаго заставляетъ его сдѣлать экскурсъ въ область изученія исторіи діалектологіи русской; при этомъ авторъ останавливается на дѣятельности Даля и работахъ Академіи надъ словарями русскаго языка. Заканчивается книга проф. Архангельскаго библіографіей дальнѣйшихъ работъ по изученію языка; къ сожалѣнію, работы Грота, Потебни, Колосова и др. нашли мѣсто только въ этомъ спискѣ и, такимъ образомъ, не представлены авторомъ съ желательною полнотою.

А. С. Архангельскій. Къ лекціямъ по исторіи русской литературы. Программа лекцій съ указаніемъ источниковъ и пособій. Вмѣсто введенія.—I. Памятники устнаго творчества. Казань. 1898. 38 стр. Эта брошюра проф. Архангельскаго представляетъ несомнѣнное значеніе для всякаго приступающаго къ научному знакомству съ исторіей русской литературы. Подробная программа курса даетъ ему толковый, ясный планъ его занятій, а богатая библіографія введетъ его безъ труда въ сокровищницу русской науки, поможетъ разобраться въ ея богатствахъ. Недовольствуясь одною программой, почтенный авторъ даетъ сжатое изложеніе исторіи изученія языкознанія на западѣ и у насъ, а затѣмъ послѣдовательно сообщаетъ библіографію литературы по разнымъ отдѣламъ народной поэзіи. Пожелаемъ автору скорѣйшаго появленія дальнѣйшихъ его работъ въ этомъ направленіи.

Г. Александровскій. Этюды по психологіи художественнаго творчества. „Ревизоръ“ *Гоголя.* Кіевъ. 1898. Вопросъ о психологіи художественнаго творчества въ нашей современной литературѣ—одинъ изъ самыхъ модныхъ. Заинтересовался имъ и г. Александровскій: какъ иллюстрацію для тѣхъ теоретическихъ положеній, о которыхъ онъ говоритъ въ своемъ небольшомъ введеніи, онъ беретъ анализъ творчества Гоголя во время созданія имъ „Ревизора“. Къ сожалѣнію, въ результатѣ у г. Александровскаго „Этюды по

Библиотека "Руниверс"

психологіи художественнаго творчества" не получилось, а появился толковый пересказъ тѣхъ страницъ изъ „Матеріаловъ" Шенрока, въ которыхъ говорится о „Ревизорѣ". Такимъ образомъ, въ результатѣ, у г. Александровскаго получился этюдъ, главнымъ образомъ, изъ *„литературной исторіи"* „Ревизора", а вовсе не изъ психологіи автора, и, къ сожалѣнію, этюдъ, написанный на основаніи такихъ „Матеріаловъ", которые никакому серьезному изслѣдователю ничего путнаго не дадутъ: хотя г. Александровскій и называетъ работу г. Шенрока „прекрасной", но еслибы онъ пересмотрѣлъ подлинные матеріалы по біографіи Гоголя, а не довольствовался бы выдержками, собранными къ тому же безпорядочно и въ зависимости отъ личнаго вкуса г. Шенрока, то, можетъ быть, его работа была бы гораздо интереснѣе и полезнѣе.

Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующіе книги:

— *Соболевскій, д-ръ А. В.* Основы трезвости. (Опытъ руководства для школъ). С.-Пб. 1898.

— Палестинскій Патерикъ. 9-й выпускъ. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества. С.-Пб. 1899.

— *Берендтсъ, Эдуардъ.* Описаніе русскихъ монетъ музея Ярославской ученой архивной комиссіи, пожертвованныхъ И. А. Вахрамѣевымъ. Ярославль. 1898.

— Раскопки могильника на Черной горѣ, въ окрестностяхъ села Великаго Ярославской губерніи и уѣзда. Ярославль. 1898.

Отчетъ о дѣятельности ярославской ученой архивной комиссіи за 1899—1898 годъ. Ярославль. 1899.

— Отчетъ о дѣятельности Комитета общества для доставленія средствъ Высшимъ женскимъ курсамъ за 1897—1898 годъ. С.-Пб. 1899.

— *В. В. Сиповскій.* Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника" Съ приложеніемъ: 1) статьи „Новиковъ, Шварцъ и московское масонство", 2) „Матеріаловъ для полнаго собранія сочиненій Карамзина". С.-Пб. 1899. Ц. 3 р. 50 к.

— *Шостьинъ. А.* Нравственно-воспитательное значеніе музыки, по воззрѣніямъ Платона и Аристотеля. Сергіевъ Посадъ. 1899.

— *Шумаковъ, Сергѣй.* Угличскіе акты. (1400—1749 гг.). М. 1899.

— *Лаппо-Данилевскій, А. С.* Русскія промышленныя и торговыя компаніи въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Историческій очеркъ. С.-Пб. 1899. (Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія).

— Альбомъ картинъ по географіи Европы, со вступительною статьею д-ра *А. Гейстбека.* Переводъ съ нѣмецкаго *А. П. Нечаева.* Съ предисловіемъ *Д. А. Коробчевскаго.* Съ 233 рѣзанными на деревѣ рисунками. С.-Пб. 1899.

— *Ганзенъ, П.* Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. Пе-

Библиотека "Руниверс"

чатано по распоряженію канцеляріи Ея Величества Государыни Императрицы Александы Ѳеодоровны. С.-Пб. 1899.

— *Фауль*, *Т.* Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. (T. Fowle. The Poor law). Переводъ съ англійскаго *А. М. Бѣлова*. С.-Пб. 1899.

— *Графъ д'Оссонвиль*, членъ французской академіи. Нужда, порокъ и благотворительность. (Comte d'Haussonville, Etudes sociales). Переводъ съ французскаго и введеніе *Б. К. Ордина*. С.-Пб. 1899.

— Строительная книга города Пензы. Съ предисловіемъ *В. Борисова*. М. 1899.

— Православный Палестинскій Сборникъ. 49-й выпускъ. Томъ XVII, выпускъ первый. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества. *Аркульфа*, Разказъ о святыхъ мѣстахъ, записанный *Адамнаномъ*, издалъ и перевелъ *И. Помяловскій*. С.-Пб. 1898.

— *Витбергъ*, *Ѳ. А.* Ревнители русскаго слова прежняго времени. (Чтенія и бесѣды въ союзѣ ревнителей русскаго слова. Выпускъ I). С.-Пб. 1899 (Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія).

— *Витбергъ*, *Ѳ. А.* Яковъ Петровичъ Полонскій. (Тоже, вып. II). С.-Пб. 1899.

— *Залѣсскій*, *Ап.* Географическая секція X съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ. С.-Пб. 1899. (Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія).

— *Гуторъ*, *В. П.* Матеріалы для первоначальнаго преподаванія музыки. Выпускъ I. Первые уроки пѣнія. Нотная грамота и хрестоматія. М. 1899.

— Эллада. Очерки и картины древней Греціи для любителей классической древности и для самообразованія. Сочиненіе д-ра *В. Вагнера*. Переводъ *П. Евстафьева*. Четвертое русское исправленное и значительно дополненное изданіе подъ редакціей проф. *В. И. Модестова*. С.-Пб. 1899. (Вып. I).

— Статистика Россійской Имперіи. XXII. Главнѣйшія данныя поземельной статистики по обслѣдованію 1887 г. Витебская губернія. С.-Пб. 1898.—XLIII. Мірскіе доходы и расходы за 1894 г. въ 50-ти губерніяхъ Европейской Россіи. С.-Пб. 1898.—XLIV. Военноконная перепись 1896 г. С.-Пб. 1898.—XLV. Движеніе населенія въ Европейской Россіи за 1894 г. С.-Пб. 1898. Изданіе Центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ.

— Временникъ Центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ. № 42. Библіографическій обзоръ русскихъ статистическихъ изданій. № 43. Земская сельско-хозяйственная статистика. Очеркъ. № 44. Пожары въ Россійской Имперіи въ 1888—1894 г. С.-Пб. 1897.

— *Карѣевъ*, *Н.* Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ II. Исторія XVI и XVII вѣковъ.—Часть II. Тридцатилѣтняя война, французскій абсолютизмъ и англійская революція. Выпускъ IV. С.-Пб. 1899.

— *Хвольсонъ*, *О. Д.* Курсъ физики. Томъ третій. Ученіе о теплотѣ. Съ 230-ю рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1899.

Библиотека "Руниверс"

— *Рейнеръ, М. А.* Христіанское государство. (Къ вопросу объ отношеніи государства и церкви). Томскъ. 1899.

— *Сперанскій, М.* Изъ исторіи отреченныхъ книгъ. Гаданія по псалтири. Тексты гадательной псалтири и родственныхъ ей памятниковъ и матеріалъ для ихъ объясненія. (Памятники древней письменности. (XXIX). С.-Пб. 1899.

— *Розановъ, В. В.* Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Изданіе *П. Перцова*. С.-Пб. 1899.

— Философскія теченія русской поэзіи. Избранныя стихотворенія съ критическими статьями. С. А. Андреевскаго, Д. С. Мережковскаго, Б. В. Никольскаго, П. П. Перцова и Вл. С. Соловьева. Составилъ *П. Перцовъ*. Изданіе второе. С.-Пб. 1899.

— *Мережковскій, Д. С.* Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірой литературы. Изданіе второе. С.-Пб. 1899.

— *Барсовъ, Н. И.* Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. С.-Пб. 1899.

— *Кулюкинъ, С. П.* Законы мышленія съ психологической точки зрѣнія. Харьковъ. 1899.

— *Васильевскій, В. Г.* Синодальный кодексъ Метафраста. С.-Пб. 1899. (Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія).

— *Витбергъ, Ѳ. А.* В. Я. Стоюнинъ, какъ педагогъ и человѣкъ. (Извлечено изъ журнала „Педагогическій Сборникъ"). С.-Пб. 1899.

— Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. I. Переписка князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. 1812—1819. Изданіе графа *С. Д. Шереметева*. Подъ редакціей съ примѣчаніями *В. И. Саитова*. С.-Пб. 1899.

— Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1895 годъ. С.-Пб. 1898

— Русская Историческая Библіотека, т. XVIII. Донесенія дѣла.—Книга первая. С.-Пб. 1898.

— Отчетъ Воронежской публичной библіотеки и ея филіальныхъ отдѣленій имени А. В. Кольцова и И. С. Никитина въ Воронежѣ и отдѣленіи въ городѣ Бобровѣ за 1898 г. 35-й годъ существованія. Воронежъ. 1899.

— Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Томъ X. № 2. 1899. Февраль. (Bulletin). С.-Пб. 1899.

— Чтенія въ Императосскомъ Обществѣ Исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1899. Книга первая. Сто восемьдесятъ восьмая. Издана подъ завѣдываніемъ *Е. В. Барсова*.—Содержаніе: Угличскіе акты. 1400 - 1749, съ предисловіемъ *С. А. Шумаксва*.—Строельная книга города Пензы, съ предисловіемъ *В. Л. Борисова*.—Донетровская Русь въ ея литературѣ, по лекціямъ *Ѳ. И. Буслаева* Е. И. В. Наслѣднику Цесаревичу В. К. Николаю Александровичу 1859—1860 г., *А. И. Кирпичникова*.—„Невсіо и не ничего". Журналъ 1786 г., Текстъ съ предисловіемъ *Е. А. Ляпкаю*.—Изъ разказовъ Донъ-Хуана Персидскаго. Путешествіе персидскаго

Библиотека "Руниверс"

посольства черезъ Россію отъ Астрахани до Архангельска, въ 1599—1600 г. Переводъ съ испанскаго, *С. И. Соколова.*—Сочиненія Константина Багрянороднаго: О Ѳемахъ и о народахъ, съ пред. *Г. Лясскима.*—О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михаиловича (1672—1674), *В. О. Эйнгорна.*—Смѣсь.

Въ мартовской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* необходимо исправить слѣдующія опечатки:

Стр.:	*строка:*	*напечатано:*	*должно быть:*
155	1 св.	увеличеніе	увлеченіе
165	9 сн.	въ этомъ „предисловіи“	объ этомъ въ „предисловіи“
168	1 сн.	Forschungen deutschen	Forschungen zur deutschen
173	4 св.	prostratum	prostratus
182	2 сн.	отвуиѣ	отказѣ
183	14 св.	положенія	положеніе
185	14 сн.	дѣйствіями	бѣдствіями

Библиотека "Руниверс"

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Бріо и Буке. Прямолинейная тригонометрія. Второе изданіе. Переводъ, свѣренный съ послѣднимъ французскимъ изданіемъ, *Н. И. Мамонтова.* Москва. 1898. Цѣна 50 коп. Стр. IV+114.

Тригонометрія Бріо и Букэ принадлежитъ къ числу лучшихъ руководствъ для изученія этого предмета. Въ ней съ замѣчательнымъ искусствомъ совмѣщены: краткость (а слѣдовательно, и малый объемъ) съ полнотой и богатствомъ содержанія, простота и ясность опредѣленій и выводовъ—съ научною строгостью; методъ изложенія избранъ такой, что онъ служитъ какъ бы подготовкой къ введенію въ высшій анализъ. Эта тригонометрія подраздѣлена на два отдѣла, названные книгами; первый („о круговыхъ функціяхъ") состоитъ изъ четырехъ главъ: 1) опредѣленіе круговыхъ функцій и обратныхъ круговыхъ, 2) о проекціяхъ, 3) основныя формулы и 4) таблицы круговыхъ функцій; во второмъ отдѣлѣ (озаглавленномъ „прямолинейная тригонометрія") три главы: 1) свойства треугольниковъ, 2) рѣшеніе треугольниковъ и 3) приложенія.

Переводъ нельзя назвать вообще неудовлетворительнымъ, но въ немъ встрѣчаются неясности, неудачныя выраженія и даже ошибки (или, можетъ быть, опечатки), изъ которыхъ не всѣ маловажны. Напримѣръ:

---

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

На стр. 11 не ясно изложено окончаніе § 11 [о не полной опредѣленности функціи $y = \operatorname{arctang} x$]; не вполнѣ удачно также начало § 12 [о функціи $y = \arcsin x$]. На стр. 3, вмѣсто разсматриванія возрастанія x отъ -2π до 0, отъ -4π до -2π, отъ -6π до -4π, удобнѣе было бы говорить о послѣдовательномъ уменьшеніи x отъ 0 до -2π, -4π и т. д. На стр. 5 на чертежѣ невѣрно размѣщены буквы T и T′. На стр. 25 напечатано: „по направленію, указанному знакомъ“, между тѣмъ на чертежѣ такого знака нѣтъ. На стр. 26 напечатано OC, вмѣсто OP. На стр. 52 напечатано „справа“, вмѣсто „слѣва“. Таблицы Каллета названы таблицами „Каллэта“, и т. под.

Примѣрами болѣе важныхъ ошибокъ [или опечатокъ], которыхъ нельзя не назвать грубыми, могутъ служить нижеслѣдующія:

1) На стр. 9 читаемъ: „$\sec(-x) = -\sec x$“.

2) На стр. 66 напечатано: $\frac{\pi}{6}$, вмѣсто $\frac{\pi}{4}$.

3) На стр. 112: вмѣсто $\frac{S}{r^2}$ напечатано $\frac{2S}{r^2}$, а вмѣсто $\frac{pr}{2R^2}$ напечатано $\frac{pr}{R^2}$.

Не имѣя подъ рукой французскаго оригинала, нельзя рѣшить, сдѣланы ли эти промахи переводчикомъ или заимствованы изъ оригинала; во всякомъ случаѣ переводчикъ обязанъ былъ замѣтить ошибки и не вводить ихъ въ свой переводъ.

Не выдерживаетъ критики § 100 („Тріангуляція“), въ которомъ на чертежѣ изображена сѣть треугольниковъ, составлявшихъ тріангуляцію Пикара, и вершины обозначены буквами [тѣми же, какими ихъ обозначалъ Пикаръ], а въ текстѣ, вмѣсто буквъ, говорится о названіяхъ: Мальвуазинъ, Вилльжюнфъ, Жювизи, Даммартинъ и т. д., но остается неизвѣстнымъ, какая буква соотвѣтствуетъ тому или другому названію, а потому сказанное въ текстѣ имѣетъ характеръ загадки. Въ особенности непонятны и лишены смысла послѣднія три строки этого параграфа:

„Пикаръ довелъ свои работы до Амьена при помощи двухъ треугольниковъ и *привязалъ къ своей сѣти башни на храмѣ Парижской Богоматери и обсерваторію*“.

На чертежѣ нѣтъ Амьена, а крайній пунктъ (N) Сурдонская колокольня; подразумѣваются два треугольника, связывавшіе этотъ пунктъ съ Амьеномъ и не включенные въ чертежъ. Какимъ же образомъ читатель, не знающій этого обстоятельства, можетъ о немъ

Библиотека "Руниверс"

догадаться и понять вышеприведенныя строки? Почему также онъ узнаетъ, что соборъ Парижской Богоматери обозначенъ на чертежѣ, а именно—буквою Р?

Желательно, чтобъ Н. И. Мамонтовъ, въ слѣдующихъ изданіяхъ своего перевода, исключилъ § 100 или изложилъ его обстоятельно и исправилъ всѣ другія ошибки. Желательно также, чтобы въ нашихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ тригонометрія излагалась по методу, подобному принятому гг. Бріо и Букэ.

А. Серре. Курсъ ариѳметики. Перевелъ съ нѣкоторыми измѣненіями *Н. Юдинъ*, преподаватель Константиновскаго Межеваго Института и Коммисаровскаго Техническаго Училища. Пятое изданіе. Москва. 1889. Стр. 354. Цѣна 1 р. 25 к.

Классическій курсъ ариѳметики Серре, носящій заглавіе „Traité d'Arithmétique", былъ подвергнутъ авторомъ, въ сотрудничествѣ съ Комберусомъ, при 6-мъ изданіи, значительнымъ измѣненіямъ съ цѣлью приноровленія его къ официальнымъ программамъ французскихъ школъ.

Настоящее 5-е изданіе русскаго перевода ариѳметики Серре представляетъ курсъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ впервые составленъ авторомъ, и это обстоятельство должно быть отнесено къ числу достоинствъ русскаго изданія, такъ какъ ариѳметика Серре, въ своемъ *первоначальномъ* видѣ, отличается полнотою, отчетливостью и строгою послѣдовательностью въ изложеніи истинъ ариѳметики. Особенно цѣнна глава, посвященная несоизмѣримымъ числамъ. Нельзя было бы не порадоваться, что переводъ книги Серре является въ 5-омъ изданіи, показывающемъ, что книга имѣетъ распространеніе среди учащагося юношества, если бы настоящее изданіе не было испорчено 6-ю главою, прибавленною переводчикомъ и заключающею въ себѣ изложеніе именованныхъ чиселъ и тройныхъ правилъ. Въ этой главѣ на стр. 305 и 306 помѣщены совершенно невѣрныя и не соотвѣтствующія нынѣ дѣйствующимъ узаконеніямъ свѣдѣнія о существующей русской монетной системѣ, и автору слѣдовало бы перепечатать эти страницы. И вообще, тѣ изъ авторовъ и переводчиковъ ариѳметикъ и ариѳметическихъ задачниковъ, которые помѣщаютъ подробныя описанія русской монетной системы, не ограничиваясь указаніями, что русскія единицы денегъ суть *рубль* и *копѣйка*, должны помѣщать точныя свѣдѣнія объ этой системѣ.

Библиотека "Руниверс"

Deutsches Lesebuch für mittlere und obere Klassen der mittleren Lehranstalten. Mit Anmerkungen und Wörterbuch von *I. Grosspietsch.*

Нѣмецкая Хрестоматія для среднихъ и старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Съ примѣчаніями и словаремъ составилъ *І. Гроспичъ.* Москва. 1898. Стр. VII + 356. Цѣна 1 руб. 15 коп.

Матеріалъ, предлагаемый въ вышепомѣщенной Хрестоматіи для чтенія и перевода на русскій языкъ, довольно богатый, число статей, отчасти въ прозѣ, отчасти стихотвореній — 166; выборъ ихъ можно признать довольно удачнымъ; большею частью онѣ заимствованы изъ лучшихъ нѣмецкихъ писателей, какъ Лессингъ, Гете, Шиллеръ, Уландъ, Кернеръ, Геллертъ, Крummахеръ, или же изъ другихъ общеупотребительныхъ какъ въ германскихъ школахъ, такъ и въ нашихъ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣмецкихъ хрестоматій. Есть въ книгѣ и немалое число статей, содержаніе которыхъ взято изъ русской жизни и русской исторіи, какъ напримѣръ, № 92 Der Kaukasus, № 145 Gordon und Peter der Grosse, № 146 Napoleons Zug gegen Russland, № 147 Moscau, № 148 Kaiser Alexanders I Entschlossenheit и другія.

Но при всемъ богатствѣ матеріала, предлагаемаго въ разбираемой хрестоматіи, мы, къ сожалѣнію, не могли найдти въ ней положительно никакой системы, никакого опредѣленнаго порядка при размѣщеніи этого матеріала, ни историческаго, ни литературнаго.

Равнымъ образомъ и то столь важное для каждаго учебника правило, по которому вездѣ требуется постепенный переходъ отъ легкаго къ трудному, отъ знакомаго къ незнакомому, при составленіи хрестоматіи г. Гроспича совершенно оставлено безъ вниманія: рядомъ съ легкими во всѣхъ отношеніяхъ статейками стоятъ большія и весьма трудныя какъ по формѣ, такъ и по содержанію статьи. Примѣромъ могутъ служить статьи подъ №№ 6—10 и 11, 13 и слѣдующія;— №№ 66—67 и 68 и слѣдующія статьи, № 101 и № 102 и другія.

Но въ виду того, что число примѣчаній, данныхъ подъ текстомъ отдѣльныхъ статей, довольно велико, къ тому же алфавитный словарь, приложенный въ концѣ книги, достаточно подробенъ и составленъ весьма тщательно, чѣмъ, конечно, значительно облегчается трудъ учениковъ при переводѣ предлагаемыхъ статей на русскій языкъ, причемъ и типографская сторона книги вполнѣ удовлетворительна, мы все-таки полагаемъ, что предложенная г. Гроспичемъ нѣмецкая хрестоматія въ рукахъ опытнаго преподавателя, который самъ съумѣетъ

Библиотека "Руниверс"

дѣлать необходимый выборъ статей, можетъ принести пользу ученикамъ при изученіи нѣмецкаго языка.

Cours de correspondance commerciale française à l'usage des écoles de commerce et des classes commerciales des écoles réales par *P. Ducommun*, maître de langue française à l'école réale de Moscou et à l'école de commerce de M-r Mazing. Курсъ французской торговой корреспонденціи для коммерческихъ училищъ и для коммерческихъ классовъ реальныхъ училищъ. Составилъ *П. Дюкоммюнъ*, учитель французскаго языка въ Московскомъ реальномъ училищѣ и въ коммерческомъ училищѣ К. К. Мазингъ. Москва. 1898. Изданіе книжнаго магазина В. Думнова. Стр. IV + 138 + 124. Цѣна 1 р. 25 коп.

Въ учебной литературѣ нашей не было до сихъ поръ сборника образцовъ коммерческой корреспонденціи на французскомъ языкѣ, что естественно ставило въ немалое затрудненіе преподавателей этого языка въ коммерческихъ отдѣленіяхъ реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія и вообще въ коммерческихъ училищахъ. Г. П. Дюкоммюнъ, преподаватель французскаго языка въ Московскомъ реальномъ училищѣ и въ коммерческомъ училищѣ К. К. Мазинга, взялъ на себя трудъ восполнить этотъ пробѣлъ нашей учебной литературы. Сборникъ, или какъ составитель назвалъ его, курсъ французской торговой корреспонденціи, состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) французскіе образцы корреспонденціи; 2) образцы русскіе для перевода на французскій языкъ и 3) алфавитный французско-русскій словарь.

Въ первомъ отдѣлѣ дано 205 французскихъ коммерческихъ писемъ, которыя представляютъ собою образцы всякаго рода торговыхъ писемъ, раздѣленныхъ на группы, соотвѣтственно главнѣйшимъ отраслямъ коммерческой дѣятельности, какъ-то: циркуляры или общія заявленія объ открытіи учрежденій для торговой дѣятельности, предложеніе услугъ для исполненія коммерческихъ порученій, письма рекомендательныя и кредитивы на торговые дома и банки, банкирская переписка, товарная переписка, справки и увѣдомленія, текущіе счеты, образцы векселей и другихъ торговыхъ обязательствъ. Передъ всякой изъ этихъ группъ даны на французскомъ языкѣ указанія какъ для составленія, такъ и для уясненія текста каждаго рода писемъ, относящихся къ этой группѣ, и точныя объясненія общеупотребительныхъ терминовъ въ этихъ письмахъ; вслѣдъ за каждымъ изъ нихъ помѣщены, въ формѣ выносокъ, неизвѣстные ученикамъ торговые

Библиотека "Руниверс"

термины и выраженія съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. Въ этомъ же отдѣлѣ даны на французскомъ языкѣ образцы разныхъ счетовъ и документовъ, какъ напримѣръ: росписокъ въ полученіи и выдачѣ, обратныхъ счетовъ, счетовъ о продажѣ и покупкѣ, фактуръ, коноссаментовъ и проч.

Во второмъ отдѣлѣ русскія письма предназначаются для упражненія учениковъ въ переводѣ съ цѣлью лучшаго усвоенія ими французскихъ коммерческихъ терминовъ и выраженій, которые даются въ обратномъ переводѣ. Эти русскія письма подобраны такъ, что, по своему составу и содержанію соотвѣтствуютъ примѣрнымъ французскимъ письмамъ.

Третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ подробный французско-русскій словарь торговыхъ терминовъ и выраженій. Судя по значительному количеству выраженій подъ весьма многими заголовочными словами, нужно признать, что словарь этотъ составленъ старательно и вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію.

Сборникъ г. Дюкоммюна напечатанъ на очень хорошей бумагѣ, свѣжимъ, четкимъ, но нѣсколько мелкимъ шрифтомъ, какъ въ текстѣ, такъ въ выноскахъ и въ словарѣ; опечатокъ встрѣчается очень мало.

Grammaire française à l'usage des écoles russes. Школьная грамматика французскаго языка, составленная *Е. Конофъ*, преподавательницей французскаго языка 3-й Московской гимназіи, Москва. 1898. Изданіе магазина „Сотрудникъ школъ“ А. К. Залѣсской. Стр. XVIII + 254. Цѣна 90 коп.

Трудъ г-жи Конофъ представляетъ французскую грамматику, изложенную въ общепринятомъ порядкѣ частей рѣчи, но которая отличается отъ обыкновенныхъ теоретическихъ грамматикъ тѣмъ, что въ ней за правилами слѣдуютъ упражненія въ ихъ примѣненіи на матеріалѣ, спеціально приспособленномъ для этой цѣли. Грамматика эта написана на французскомъ языкѣ и назначается для изученія тогда, когда учащіеся пріобрѣли уже, при помощи такъ называемаго натуральнаго метода (то-есть чисто практическаго), значительный лексическій матеріалъ и научились свободно имъ пользоваться. Упражненія г-жи Конофъ составлены также на французскомъ языкѣ и отъ учащихся требуется только измѣнить данныя въ начальной формѣ слова соотвѣтственно предложенному правилу или указанію преподающаго. Такъ какъ грамматика эта назначается для элементарнаго

Библиотека "Руниверс"

курса въ видахъ замѣны методическаго учебника, то составительница ея ограничилась главными правилами этимологіи и необходимыми положеніями изъ синтаксиса, оставляя исключенія, особенности и тонкости языка до болѣе подробнаго и серіознаго изученія его впослѣдствіи. Выборъ правилъ и синтаксическихъ положеній сдѣланъ г-жею Конофъ разумно и въ надлежащей мѣрѣ; изложены они просто, ясно и вразумительно; упражненія въ ихъ примѣненіи приспособлены очень хорошо. Съ научной стороны трудъ г-жи Конофъ оказывается вполнѣ удовлетворительнымъ, напечатанъ хорошимъ, достаточно крупнымъ шрифтомъ, на очень хорошей бумагѣ и заключаетъ лишь нѣсколько незначительныхъ опечатокъ. Не совсѣмъ удачнымъ нужно признать пріемъ г-жи Конофъ объяснять правила образованія временъ при помощи формъ неправильныхъ глаголовъ (стр. 80 — 86): во всякомъ случаѣ естественнѣе воспользоваться для этого формами глаголовъ правильныхъ и то не заключающихъ въ своей темѣ никакихъ особенностей и уклоненій. Нельзя считать также удобнымъ и то, что г-жа Конофъ ввела въ упражненія №№ 6, 7, 8 и 9 (на стр. 93 и 94) массу неправильныхъ глаголовъ, которые, по ходу преподаванія, не могли быть еще изучены во всей ихъ совокупности, такъ какъ общая таблица и полное спряженіе ихъ, а равно и таблицы вспомогательныхъ и правильныхъ глаголовъ, вынесены въ конецъ книги и составляютъ какъ бы приложеніе къ ней, даже съ особою пагинаціей.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что трудъ г-жи Конофъ не согласованъ съ указаніями учебнаго плана и примѣрныхъ программъ, предполагающихъ послѣдовательное теоретико-практическое изученіе французскаго языка по методическому руководству, и потому не можетъ быть употребляемъ въ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Но въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ имѣются приготовительные классы и практическое изученіе иностранныхъ языковъ предшествуетъ теоретическому, грамматика г-жи Конофъ, въ рукахъ умѣлой преподавательницы, можетъ служить хорошимъ учебнымъ руководствомъ.

В. Я. Стоюнина. Педагогическія сочиненія. С.-Пб. 1892. 567 стр. Цѣна 3 руб.

В. Я. Стоюнинъ имѣетъ большую репутацію искуснаго педагога; кто знакомъ со Стоюниномъ лишь по его сочиненіямъ, тотъ, вѣроятно, получитъ не точное представленіе о его значеніи. По всей вѣроятности вліяніе нравственныхъ качествъ этого крупнаго педа-

Библиотека "Руниверс"

гога послужило главнымъ основаніемъ для репутаціи [1]), сочиненія же г. Стоюнина служили лишь къ поддержанію извѣстности, пріобрѣтенной на иномъ поприщѣ.

Въ педагогическихъ сочиненіяхъ г. Стоюнина слѣдуетъ различать двѣ категоріи, первая имѣетъ отношеніе къ исторіи культуры и исторіи педагогики, вторая—посвящена педагогическимъ вопросамъ современности (Стоюнинъ умеръ 4-го ноября 1888 года—его біографъ къ сожалѣнію забылъ упомянуть о годѣ смерти).

Первая категорія статей, къ которой относятся: „Наша семья и ея историческія судьбы", „Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ XVIII столѣтіи", „Изъ исторіи воспитанія въ Россіи въ началѣ XIX столѣтія"—представляетъ рядъ очерковъ, написанныхъ живо, съ знаніемъ дѣла, безъ претензій на ученость, вообще производитъ хорошее впечатлѣніе; второй очеркъ „Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ XVIII столѣтіи", написанный по поводу книги г. Лавровскаго „О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой" вноситъ существенное дополненіе къ разбираемой г. Стоюнинымъ книгѣ, а именно даетъ характеристику дѣятельности извѣстнаго Бецкаго и разказываетъ событія его жизни. Этотъ очеркъ, написанный въ 1857 году, и до настоящаго времени имѣетъ нѣкоторое значеніе.

Вторая категорія статей г. Стоюнина производитъ менѣе благопріятное впечатлѣніе; эти статьи написаны на чисто педагогическія темы; эта категорія можетъ быть въ свою очередь подраздѣлена на два отдѣла; къ первому относятся статьи написанныя по поводу педагогическихъ сочиненій, особенно поразившихъ г. Стоюнина, ко второму—самостоятельныя статьи г. Стоюнина. Въ первый отдѣлъ мы помѣщаемъ статью „Педагогическія задачи Пирогова", написанную въ 1885 году и „Лучъ свѣта въ педагогическихъ потемкахъ" (1884 года). Вторая написана подъ вліяніемъ книги профессора Лесгафта „Школьные типы". Пироговъ и Лесгафтъ имѣли, очевидно, рѣшающее значеніе при образованіи взглядовъ г. Стоюнина. Онъ ими такъ увлекается, что не замѣчаетъ тѣхъ промаховъ логическаго характера, которые онъ дѣлаетъ вслѣдъ за своими руководителями. Для примѣра приведу стр. 494, гдѣ разказывается о введеніи Пироговымъ въ Кіевскомъ округѣ „суда товарищей", результатомъ коего была

[1]) Г. Сиповскій предпослалъ педагогическимъ сочиненіямъ Стоюнина біографическій очеркъ послѣдняго, написанный очень тепло и хорошо рисующій жизнь и значеніе Стоюнина.

Библиотека "Руниверс"

смерть одного изъ учениковъ. Само собой разумѣется, что мѣра, которая могла привести къ такому результату, должна почитаться неудачною и ссылка на то, что и прежде, то-есть, до введенія суда товарищей, бывали подобные случаи, но они оставались скрытыми— не можетъ служить оправданіемъ неудачнаго мѣропріятія. Стоюнинъ же находитъ, что эта мѣра достигла своей цѣли.

Менѣе всего значенія имѣютъ самостоятельныя статьи г. Стоюнина: онѣ лишены настоящей оригинальности и, хотя свидѣтельствуютъ объ опытности автора въ педагогическомъ дѣлѣ, но заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе критическаго содержанія, чѣмъ положительныхъ указаній. Извѣстно, что въ педагогикѣ чрезвычайно легко указывать на недостатки и труднѣе указать пути для искорененія недостатковъ. Именно въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Стоюнинъ переходитъ отъ критики къ предложенію мѣропріятій, долженствующихъ улучшить дѣло, особенно чувствуется слабость его воззрѣній. Относительно самой критики г. Стоюнина слѣдуетъ сказать, что она ведется имъ осторожно и въ сферѣ идей, а не мелочной дѣйствительности, и это придаетъ нѣкоторое постоянное значеніе его критикѣ. Общія идеи, положенныя въ основу критики г. Стоюнина частью совершенно правильны—напримѣръ (стр. 343) требованіе, чтобы школа и программы ея служили только педагогическимъ цѣлямъ, а не постороннимъ по отношенію къ школѣ, какъ то политическимъ; частью же являются плодомъ нѣкотораго увлеченія и не лишены противорѣчія. Напримѣръ, г. Стоюнинъ ратуетъ за то, чтобы опека государства надъ школой была снята (стр. 382), находя, что государство можетъ только стѣснять правильное развитіе школы; однако на слѣдующей же страницѣ говоритъ вотъ что: „За государствомъ остается право утверждать учебныя программы и то только въ самыхъ общихъ чертахъ, нужныхъ для опредѣленія объема курса, право требованія ихъ приблизительнаго выполненія, пресѣкать судомъ открывающіяся злоупотребленія въ школахъ, *подготовлять* знающихъ педагоговъ, къ которымъ можно бы относиться довѣрчиво". Но если государству предоставляется право подготовлять педагоговъ, то этимъ, въ противорѣчіе съ высказаннымъ г. Стоюнинымъ принципомъ, признается и право контроля государства надъ школой. Такимъ же внутреннимъ противорѣчіемъ отмѣчено разсужденіе г. Стоюнина о школьныхъ контролерахъ изъ центральныхъ управленій (стр. 384—385). „Ревизоръ можетъ ревизовать канцелярскія книги, цѣлость имущества, гигіеническія условія школы, но умственная и нравственная сторона школь-

Библиотека "Руниверс"

наго воспитанія для него всегда останутся неуловимы". Г. Стоюнинъ рекомендуетъ возложить контроль на общество и видитъ выгоду общественнаго контроля въ томъ, что онъ не соединяется съ властью (стр. 386). Но г. Стоюнинъ только утверждаетъ и не даетъ доказательствъ. Онъ подробно говоритъ о низкомъ уровнѣ нашей семейной жизни, почему контроль ея врядъ-ли желателенъ всегда и вездѣ въ школѣ. Въ главѣ „Школа и церковь" (стр. 396 и слѣд.) самой значительной по объему статьи г. Стоюнина „Замѣтки о русской школѣ" (1881—1882 года), говорится о томъ, что главный недостатокъ нашего духовенства какъ сословія—это недостатокъ учительства и отсюда авторъ дѣлаетъ заключеніе относительно неподготовленности законоучителей къ педагогической дѣятельности. Въ общемъ слѣдуетъ сказать, что изъ статей г. Стоюнина врядъ-ли можно почерпнуть много полезныхъ указаній, хотя критическія его замѣчанія и имѣютъ значеніе и такъ какъ критика его поставлена на идейную почву, то вреда она принести не можетъ. Г. Стоюнинъ хотя въ общемъ и стоитъ за гуманитарное образованіе, но идеаломъ его являются гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ (стр. 258 и 295). Укажу въ заключеніе на стр. 279, въ которой г. Стоюнинъ защищаетъ гимназіи отъ обвиненій распространенныхъ въ обществѣ.

М. И. Демковъ. Русская педагогика въ главнѣйшихъ ея представителяхъ. Опытъ педагогической хрестоматіи. Москва. Изданіе Тихомирова. 1898. XI+480+II стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Г. Демковъ находитъ, что „настало время познакомить русскую образованную публику съ тѣмъ, что сдѣлано русскими въ области педагогической литературы", для этой цѣли г. Демковъ выбралъ отрывки „изъ лучшихъ педагогическихъ писателей старыхъ и новыхъ" и предпослалъ имъ краткія біографическія и библіографическія данныя. Идея г. Демкова несомнѣнно заслуживаетъ вниманія и вопросъ можетъ быть поднятъ лишь относительно того, насколько удачно выполнена самая идея, то-есть, насколько удачно сдѣланъ подборъ авторовъ и представлены-ли дѣйствительно характерные для каждаго автора отрывки. Что касается перваго пункта, выбора авторовъ, то, конечно, можно, а пожалуй и *должно* спорить съ авторомъ. Въ хрестоматію должны входить образцовые писатели, образцовые какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны формальной, а въ педагогическую хрестоматію, какъ само собой разумѣется, должны попасть педагоги. Между тѣмъ не видно, чтобы у автора было ясное пред-

Библиотека "Руниверс"

ставленіе о томъ, что такое педагогъ; во всякомъ случаѣ этимъ терминомъ авторъ пользуется въ очень широкомъ значеніи; въ числу педагоговъ попали Владиміръ Мономахъ и Екатерина Великая. Поученіе Владиміра Мономаха, конечно, имѣетъ весьма малое отношеніе къ педагогикѣ; Екатерина Великая тоже не можетъ быть причислена къ педагогамъ, хотя и весьма живо интересовалась вопросами воспитанія. Н. Н. Страховъ, вѣроятно, протестовалъ бы противъ причисленія его къ классу педагоговъ. Точно также лишь косвенное отношеніе къ педагогикѣ имѣютъ Я. К. Гротъ, Г. С. Сковорода, Г. Е. Струве и И. А. Сикорскій. Извѣстность, пріобрѣтенная упомянутыми лицами, принадлежитъ не педагогической сферѣ. Если Страховъ причисленъ къ педагогамъ по той причинѣ, что самое раннее его произведеніе называется „О методѣ естественныхъ наукъ и ихъ значеніе въ общемъ образованіи“, то на этомъ основаніи всякаго ученаго, пишущаго о методѣ своей науки можно отнести къ педагогическимъ писателямъ. Итакъ, благодаря нѣкоторой неопредѣленности термина „педагогъ“ въ хрестоматію г. Демкова попало изрядное количество писателей, которые могли бы быть опущенными; съ другой стороны не совсѣмъ ясно, чѣмъ руководствовался г. Демковъ, выбирая и помѣщая, изъ числа настоящихъ педагогическихъ писателей, тѣхъ, которые попали въ хрестоматію. Почему, напримѣръ, помѣщены: В. П. Острогорскій и А. Н. Острогорскій и Н. Ѳ. Бунаковъ, а опущены педагоги имѣвшіе во всякомъ случаѣ не меньшее значеніе въ исторіи русской школы, какъ напримѣръ, г. Паульсонъ или даже г. Ельницкій. Правда, г. Демковъ обѣщаетъ въ будущемъ новый выпускъ хрестоматіи, въ которомъ пробѣлы будутъ заполнены; но не лишнее было бы г. Демкову во введеніи опредѣлить, что онъ разумѣетъ подъ педагогомъ и почему онъ въ своемъ выборѣ остановился именно на этихъ, а не на иныхъ писателяхъ.

Что касается, самаго выбора отрывковъ, то въ большинствѣ случаевъ слѣдуетъ выборъ признать удачнымъ. Какъ интересны, напримѣръ, тѣ немногія страницы, которыя принадлежатъ перу С. А. Рачинскаго. Есть однако и блѣдные отрывки, и даже не вполнѣ удачные въ стилистическомъ отношеніи, къ такимъ я отношу страницы написанныя г. Бунаковымъ (стр. 380—384) и г. В. П. Острогорскимъ (стр. 409—421).

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЧТО ДАЛО АВСТРІИ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ 50-ТИ ЛѢТНЕЕ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ФРАНЦА-ІОСИФА.

(По даннымъ юбилейной выставки въ Вѣнѣ).

Бросивъ бѣглый взглядъ на прошедшее и настоящее состояніе народнаго образованія въ Австріи, не трудно замѣтить, что если страна и не заняла пока въ культурномъ отношеніи среди другихъ Европейскихъ государствъ выдающагося положенія, то во всякомъ случаѣ 50 лѣтъ царствованія Франца-Іосифа не пропали для нея безслѣдно.

Несмотря на неблагопріятныя условія, при которыхъ императоръ вступилъ въ 1848 году на престолъ и напряженное вниманіе, съ какимъ правительству приходилось относиться ко всѣмъ инымъ вопросамъ государственнаго управленія, дѣло народнаго образованія неуклонно шло впередъ, хотя по временамъ и замедлялось, какъ подъ вліяніемъ дѣятельности клерикальной партіи (въ 1855, 1883 и 1888 гг.), такъ и въ силу экономическаго разстройства въ 1883 г. сопровождавшаго извѣстный промышленно-хозяйственный кризисъ, поразившій австрійскую имперію.

Въ 1848 году учреждено было самостоятельное министерство народнаго просвѣщенія, дѣятельность котораго намѣчена въ проектѣ „Основаніе для организаціи народнаго образованія въ Австріи“, составленномъ Фейхтерслебеномъ.

Послѣдній предлагалъ увеличить число учебныхъ заведеній, сдѣлать обученіе безплатнымъ и обязательнымъ, расширить школьныя

Библиотека "Руниверс"

программы включеніемъ въ нихъ естествовѣдѣнія и отчизновѣдѣнія, вести обученіе на родномъ языкѣ учащихся, увеличить число библіотекъ, поднять образовательный цензъ учителей и улучшить ихъ положеніе, устроить учительскія семинаріи съ 2-хъ или 3-хъ годичнымъ курсомъ и привлечь къ участію въ устройствѣ и содержаніи школъ въ случаѣ нужды, помимо общинъ и областныхъ учрежденій, и общегосударственныя средства и организовать наконецъ надлежащую инспекцію.

Всѣ эти идеи легли въ основу дѣятельноси графа Лео Туна1849—1855 г., при которомъ были устроены учительскія семинаріи, съ двухгодичнымъ курсомъ, городскія школы высшаго типа—такъ называемыя „Bürgerschule“, и начали свою дѣятельность первые „учительскія общества“ и педагогическіе журналы.

Но послѣднее пятилѣтіе дѣятельности графа Туна 1855 — 1860 временно затормозило движеніе впередъ и сильно отразилось на общемъ ходѣ народнаго развитія. Въ 1855 г. былъ возобновленъ конкордатъ съ римскою куріей, въ силу котораго какъ общественныя, такъ и частныя школы были переданы въ завѣдываніе католическаго духовенства. Конкордатъ узаконялъ строго-исповѣдный характеръ народной школы, все образованіе должно было быть проникнуто духомъ католицизма, учителя подчинялись надзору духовенства и теряли свою самостоятельность.

Подъ вліяніемъ клерикаловъ издано было распоряженіе 1857 г., которымъ запрещалось учителямъ сообщать свѣдѣнія не изложенныя въ учебникѣ и курсъ ариѳметики ограничивался четырьмя правилами.

Печальныя событія неудачной войны съ Пруссіей, пораженіе подъ Садовой, дали толчокъ для развитія національнаго самосознанія въ Австріи и среди правительства и общества интересъ къ народному образованію значительно возросъ. Выработаны были главнѣйшія черты народнаго образованія, сохранившія силу и до настоящаго времени.

Основныя положенія изъ организаціи народной школы были изложены въ законахъ 21-го декабря 1867 г. (die Staatsgrundgesetze), 28-го мая 1868 г. (Maigesetz) и 14-го мая 1869 г. (Reichsvolksschulgesetz).

По § 17 закона 1867 г. установлены слѣдующіе принципы: „наука и преподаваніе ея—свободно; каждое лицо, обладающее опредѣленнымъ образовательнымъ цензомъ, имѣетъ право устраивать учебно-воспитательныя учрежденія и преподавать въ нихъ. Домашнее образова-

Библиотека "Руниверс"

ніе освобождается отъ всякаго вмѣшательства. Государству принадлежитъ общее руководство и надзоръ за всѣмъ дѣломъ народнаго просвѣщенія. Духовенству предоставляется заботиться о надлежащей постановкѣ преподаванія Закона Божія по соотвѣтствующимъ вѣроисповѣданіямъ".

Майскій законъ 1868 г. объявилъ свѣтскую школу свободною отъ вмѣшательства духовныхъ властей и установилъ для завѣдыванія ею рядъ гражданскихъ учрежденій — мѣстные общинные совѣты (Ortsschulräthe, Bezisksrchulräthe) и областные — (Landesschulräthe).

Наконецъ законъ 1869 г. увѣнчалъ начатое дѣло, устанавливая срокъ обязятельнаго безплатнаго обученія въ теченіе 8 лѣтъ (съ 6 до 14). — такъ какъ исполненіе школьной повинности, „необходимо для духовнаго, умственнаго и экономическаго развитія населенія и блага страны"; вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлена была обязательность для общинъ строить школы [1]), установлены программы преподаванія, учебная организація, порядокъ подготовленія учителей и устройства школьныхъ библіотекъ и учительскихъ курсовъ. Въ этомъ же году учреждаемы должности уѣздныхъ правительственныхъ инспекторовъ, которые должны были слѣдить за приведеніемъ въ исполненіе законовъ 1867—1869 г. и руководить вновь возникавшими и преобразованными начальными училищами. Опредѣленіе ближайшихъ подробностей по веденію учебнаго дѣла предоставлено закономъ 1869 г. въ извѣстной мѣрѣ и провинціальнымъ ландтагамъ, они имѣть право участія въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся постройки школьныхъ зданій, выбора учителей и назначенія имъ содержанія, порядка надзора за посѣщеніемъ учащимися школъ и веденіемъ учебнаго дѣла, что, представляя преимущество въ смыслѣ децентрализаціи, вызываетъ однако отсутствіе единства дѣйствія и отсталость нѣкоторыхъ провинцій, въ которыхъ преобладающее значеніе имѣла клерикальная партія. Подъ вліяніемъ послѣдней, а также глав-

[1]) Начальная народная школа должна быть устроена въ каждой такой мѣстности, гдѣ окажется въ теченіи пятилѣтняго періода не менѣе 40 дѣтей школьнаго возраста, которыя живутъ дальше чѣмъ въ 4-хъ километрахъ отъ ближайшей уже существующей школы. Относительно низшихъ училищъ высшаго типа (городскихъ училищъ—Bürgerschule) въ разныхъ провинціяхъ существуютъ различныя постановленія. Въ большинствѣ коронныхъ земель такія школы признается необходимымъ имѣть въ каждомъ школьномъ округѣ, хотя на практикѣ это правило не всегда исполняется.

Библиотека "Руниверс"

нымъ образомъ по экономическимъ соображеніямъ, въ восьмидесятыхъ годахъ правительство, не отступая отъ основныхъ положеній закона 1869 года, пошло на нѣкоторыя уступки, нашедшія выраженіе въ узаконеніи 2-го мая 1883 г. (die Novelle). Хотя обязательное восьмилѣтнее посѣщеніе школъ сохранено въ принципѣ, но законъ предоставляетъ возможность освобожденія учениковъ на 7-мъ и 8-мъ году отъ регулярнаго обученія въ училищѣ, при условіи посѣщенія ими въ зимнее время повторительнаго курса по нѣсколько часовъ въ недѣлю. На практикѣ въ нѣкоторыхъ округахъ учащіеся съ 12 до 14 лѣтъ бываютъ въ школѣ не болѣе 60 часовъ въ теченіи учебнаго года, чего впрочемъ послѣ 6 лѣтъ обученія въ школѣ оказывается совершенно достаточнымъ. Въ Россіи, какъ извѣстно, и шестилѣтній курсъ является пока недостижимымъ идеаломъ, хотя за послѣдніе годы стремленіе къ увеличенію продолжительности курса у насъ довольно часто—въ начальныхъ школахъ онъ увеличивается съ трехъ до 4-хъ лѣтъ, ощущается потребность въ двухклассныхъ школахъ съ пятилѣтнимъ курсомъ и второклассныхъ съ шестилѣтнимъ. Узаконеніемъ 1883 г. въ Австріи введены также полдневныя школы, существующія и теперь. Есть школы, гдѣ вслѣдствіе недостатка помѣщенія всѣ дѣти дѣлятся на двѣ смѣны при одномъ учителѣ, въ другихъ же такое раздѣленіе примѣняется къ учащимся въ младшихъ отдѣленіяхъ, большею частью переполненныхъ, въ старшихъ же занятія продолжаются весь учебный день.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ со времени вступленія во власть графа Таафе обостряются отношенія по школьнымъ вопросамъ между нѣмцами и другими народностями. Учреждаются нѣсколько школьныхъ союзовъ и обществъ со стороны нѣмцевъ и славянъ, которые поставили себѣ цѣлью поддержаніе и устройство школъ съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣти соотвѣтствующей національности, составляя меньшинство, должны были бы обучаться на языкѣ большинства.

Среди учителей усиливается корпоративный духъ; происходитъ цѣлый рядъ съѣздовъ, на которыхъ обсуждаются всѣ текущіе вопросы школьной жизни и высказываются пожеланія относительно пересмотра учебныхъ плановъ, и программъ, назначенія инспекторовъ изъ состава сельскихъ или городскихъ учителей, повышенія уровня городскихъ училищъ, упрощенія правописанія и прочее.

Въ 1888 году княземъ А. Лихтенштейномъ при поддержкѣ ультрамонтановъ, землевладѣльческой партіи и федералистовъ была пред-

Библиотека "Руниверс"

принята, какъ въ рейхстагѣ, такъ и въ обществѣ очень энергичная и упорная борьба противъ принциповъ, легшихъ въ основу законовъ 1867—1869 годовъ.

Князь Лихтенштейнъ, сторонники котораго пользовались иногда нелестнымъ прозвищемъ „Dunkelmänner“ предлагалъ принять рядъ мѣръ въ смыслѣ религіозной нетерпимости, съ предоставленіемъ церковнымъ установленіямъ права наблюденія за школами и находилъ нужнымъ сократить программы, время обученія и прочее. Хотя въ общемъ въ Австріи вліяніе католическаго духовенства очень сильное, но уроки прошлаго не прошли для нея безплодно, принципъ верховенства государства въ дѣлѣ просвѣщенія народа укоренился такъ незыблемо, что никакія усилія опозиціи не могли ничего сдѣлать. Проектъ князя Лихтенштейна потерпѣлъ полную неудачу въ рейхстагѣ, при чемъ *въ противовѣсъ* этому реакціонному направленію начинается дѣятельность д-ра Гауча, проводившаго мысль о томъ, что „народное образованіе есть самая первая и самая жизненная задача правительства“.

Таковъ былъ ходъ теоретической постановки вопроса; на сколько она осуществилась, можно убѣдиться съ одной стороны по нѣкоторымъ сравнительнымъ статистическимъ даннымъ, съ другой—по тому матеріалу, который дала выставка 1898 года, посвятившая начальному и профессіональному образованію въ Австріи особые отдѣлы [1]).

Въ настоящей статьѣ мы коснемся перваго изъ нихъ, представленнаго въ такъ называемомъ „Jugendhalle“. Отдѣлъ этотъ былъ устроенъ по плану д-ра К. Стейскаль, инспектора народныхъ училищъ, который почти цѣликомъ приведенъ въ исполненіе и поражаетъ своею послѣдовательностью и систематичностью, дѣлая руководящею нитью не интересы частныхъ экспонентовъ, а группировку матеріала по типамъ школъ и отдѣльнымъ областямъ учебно-воспитательнаго дѣла. Обзоръ этого отдѣла въ связи съ указаннымъ выше печатнымъ матеріаломъ и посѣщеніемъ нѣсколькихъ школъ въ Вѣнѣ, даетъ возможность съ одной стороны уяснить себѣ въ извѣстной мѣрѣ результаты, достигнутые за истекшія 50 лѣтъ, а съ другой—является указаніемъ на тѣ улучшенія, къ которымъ стремится современная австрійская школа.

---

[1]) Zur Geschichte und Statistik des Volksschulwesens im In—und Auslande. Zugleich Katalog des Jubiläums Sonderausstellung Jugendhalle. Wien. 1898. Mit 1 Plan und 5 colorierten Diagrammen. Preis 1 krone.

Библиотека "Руниверс"

Мы остановимся въ настоящей статьѣ лишь на тѣхъ особенностяхъ низшаго народнаго образованія въ Австріи, которыя, какъ намъ казалось, могутъ представить интересъ для русскихъ читателей и отсылаемъ лицъ, желающихъ получить болѣе систематическія свѣдѣнія, собственно по организаціи школьнаго дѣла и школьной статистикѣ къ только что вышедшему сочиненію Э. Левассера—„Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ, изданіе О. Н. Поповой". Глава VII этого труда посвящена Австро-Венгріи.

II.

Въ учебно-воспитательномъ отдѣлѣ не затронуто ни среднее, ни высшее образованіе: его область—тѣ 8 лѣтъ обязательнаго безплатнаго обученія, черезъ которыя должно пройдти все малолѣтнее населеніе страны, воспитаніе и призрѣніе нормальныхъ дѣтей до школьнаго возраста и учебно-воспитательныя учрежденія для ненормальныхъ дѣтей.

Первая группа посвящена воспитанію маленькихъ дѣтей; она представляетъ собою два помѣщенія: 1) съ образцовыми яслями, и 2) съ классною комнатой для дѣтскаго сада.

Первыя ясли были устроены въ Вѣнѣ въ 1849 году, въ настоящее время ихъ 6; всѣ они содержатся центральнымъ обществомъ яслей, состоявшимъ подъ покровительствомъ покойной Императрицы. Общество это взяло на себя организацію на выставкѣ—модели образцовыхъ яслей, соединивъ въ одномъ помѣщеніи то, что въ дѣйствительности должно быть размѣщено въ трехъ комнатахъ. Посѣтитель можетъ по экспонатамъ ознакомиться съ дѣятельностью ясель, преслѣдующихъ три главныя цѣли: подкармливаніе грудныхъ дѣтей молокомъ требуемой консистенціи и температуры, уходъ за малолѣтками, начинающими ходить и заботы о воспитаніи и развитіи дѣтей, у которыхъ уже пробудилось сознаніе. Дѣти находятся въ ясляхъ все то время, пока ихъ матери на работѣ; принимаются грудныя и до 3-хлѣтняго возраста. Ясли подлежатъ вѣдѣнію санитарной полиціи.

Въ 1873 году было въ Австріи 14 ясель съ 2.154 дѣтьми, въ 1880 году—21, а въ 1894 году—30 съ 2.109 дѣтьми. Наибольшее число дѣтей въ ясляхъ было въ 1886 году—3.092 человѣка. На 3 году дѣти занимаются уже по фребелевской методѣ, а на 4 могутъ поступать въ дѣтскій садъ, который и представляетъ переходную ступень между яслями и школой. Начало дѣтскимъ садамъ положено

Библиотека "Руниверс"

тоже благодаря общественной инициативѣ. Первый дѣтскій садъ былъ открытъ въ Вѣнѣ въ 1863 году, а въ 1868 году основалось Общество для распространенія дѣтскихъ садовъ; тогда же основываются учрежденія для подготовленія дѣтскихъ садовницъ. Въ законѣ 1869 года упоминается о дѣтскихъ садахъ, ихъ предоставляется открывать при школахъ и самостоятельно. Школьные сады не могли бы, однако, получить широкаго распространенія, если бы учрежденіе и содержаніе ихъ лежало всецѣло на однихъ только частныхъ обществахъ. Въ силу министерскаго распоряженія отъ 22-го іюня 1872 года устройство дѣтскихъ садовъ возлагается и на мѣстныя учрежденія и если садъ устроенъ при школѣ, то онъ считается общественнымъ. Сады находятся въ вѣдѣніи учебнаго начальства, преподаваніе учебныхъ предметовъ въ нихъ строго запрещено, допускаются только игры, образовательныя занятія и наглядное устное обученіе. Кромѣ залы при дѣтскомъ садѣ долженъ быть непремѣнно или садъ или большой дворъ для игръ. Въ дѣтскихъ садахъ помѣщаются дѣти въ возрастѣ между 3 и 6 годами.

Въ Австріи различаются два вида дѣтскихъ садовъ—Kindergarten дѣтскій садъ въ собственномъ смыслѣ слова и Kinderbewahranstalten дѣтскій садъ съ дневнымъ пріютомъ, которые теперь отличаются только тѣмъ, что въ послѣднихъ дѣти остаются цѣлый день и получаютъ пищу и иногда одежду.

Въ 1873 году изъ числа дѣтей въ возрастѣ между 3—6 годами обоего рода учрежденія посѣщали 1,5%, а въ 1894 году—5,2. Въ абсолютныхъ цифрахъ успѣхъ этотъ выражается такъ: въ 1873 году было 234 дѣтскихъ сада съ пріютами съ 28 тысячами дѣтей, а въ 1894 году—468 съ 59 тысячами дѣтей. Дѣтскихъ садовъ въ 1880 году было 195 съ 17 тысячами дѣтей, въ 1894 году 624 съ 63 тысячами, всего въ 1894 году 122 тысячи дѣтей посѣщали дѣтскіе сады. Указаніемъ, насколько общество заинтересовано вопросомъ объ устройствѣ и наилучшемъ веденіи школьныхъ садовъ, могутъ служить тщательно, съ любовью представленные многочисленные экспонаты, въ числѣ которыхъ обращала на себя вниманіе модель образцоваго дѣтскаго сада, пожалуй даже слишкомъ роскошнаго по обстановкѣ (въ немъ большой залъ, 2 класса и 4 отдѣльныхъ помѣщенія). Модель была выставлена центральнымъ обществомъ дѣтскихъ садовъ, которое кромѣ того представило нѣсколько изданныхъ имъ сборниковъ разказовъ для дѣтей до-школьнаго возраста. Дѣтскія занятія ведутся по хорошо знакомой у насъ методѣ Фребеля: та же лѣпка

Библиотека "Руниверс"

изъ глины, вырѣзываніе, наклеиваніе, плетеніе и складываніе бумаги. Нѣкоторую новинку представляетъ садовая игра. — составленіе узоровъ изъ камешковъ на пескѣ.

Руководство дѣтскими садами можетъ быть поручаемо молодымъ дѣвушкамъ не моложе 24 лѣтъ, окончившимъ 8-ми-лѣтнюю начальную школу и прошедшимъ трехъ-мѣсячный подготовительный курсъ. Въ Вѣнѣ требуется окончаніе городской школы. Обладая достаточными свѣдѣніями и въ то же время не стремясь, благодаря высшимъ запросамъ, которые влекутъ за собой большое умственное развитіе. — къ осуществленію цѣлыхъ педагогическихъ системъ и теорій, эти садовницы вносятъ больше живой непосредственности и бодрости въ занятія съ дѣтьми, ближе стоятъ къ нимъ. Подъ ихъ руководствомъ дѣти охотно играютъ, маршируютъ, поютъ маленькія пѣсенки съ аккомпаниментомъ гармоніума и чувствуютъ себя весело и свободно.

Въ Россіи ни ясли, ни дѣтскіе сады не получили еще развитія. Между тѣмъ, въ городахъ и фабричныхъ центрахъ ясли и дневные пріюты значительно могли бы облегчить работницъ, а въ деревняхъ этимъ путемъ можно было бы предупредить не мало увѣчій, несчастныхъ случаевъ, пожаровъ и проч., происходящихъ оттого, что дѣти остаются цѣлые дни безъ призора. Какъ много добра могли бы сдѣлать въ этомъ направленіи многія молодыя дѣвушки, которыя живя въ деревнѣ, не знаютъ куда дѣвать свой досугъ.

III.

Двѣ слѣдующія ступени Volks [1]) и Bürgerschule [2]) (начальная и городская школа) представлены параллельно рядомъ экспонатовъ, состоящихъ изъ пособій извѣстныхъ фирмъ, которыя расположены по усмотрѣнію и выбору организаціонной комиссіи, работъ и упражненій

---

[1]) Начальныя школы — Allgemeine Volksschulen — имѣютъ отъ одного до 8 классовъ при восьмигодичномъ срокѣ обученія. Составъ курса слѣдующій: Законъ Божій, чтеніе и письмо, языкъ, на которомъ ведется преподаваніе, ариѳметика въ связи съ элементарными понятіями по геометріи, необходимыя свѣдѣнія по естествовѣдѣнію, географіи и исторіи преимущественно отечественныхъ, рисованіе, пѣніе, женскія рукодѣлія и гимнастика (для дѣвочекъ не обязательно).

[2]) Bürgerschulen состоятъ изъ трехъ классовъ, составляющихъ продолженіе пятаго года начальной школы (въ Галиціи 4-го года). Онѣ могутъ быть слиты съ начальною школой и состоять подъ управленіемъ одного директора — (Allgemeine-Volks-und Bürgerschulen); курсъ городской школы состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: Законъ Божій, языкъ, на которомъ ведется преподаваніе, географія и

Библиотека "Руниверс"

учениковъ по различнымъ предметамъ, а также плановъ, проектовъ и моделей, составленныхъ учителями.

По школьной статистикѣ графическій матеріалъ не великъ, имѣются два плана города Вѣны, съ обозначеніемъ школъ 1848—1849 года и 5 картограммъ сельскихъ мѣстностей. Матеріала этого однако вполнѣ достаточно, чтобы получить понятіе о распредѣленіи школъ въ различныхъ районахъ. Обозначеніе школъ на нѣкоторыхъ картограммахъ довольно сложное, напримѣръ по округу Нейкирхенъ каждое школьное зданіе представлено въ видѣ цвѣтнаго кружечка обведеннаго цѣлымъ рядомъ концентрическихъ разноцвѣтныхъ круговъ. По краскамъ можно судить о времени открытія школы, (до начала царствованія Императора Франца Іосифа, въ половинѣ, или въ настоящее время), а также есть ли при училищѣ дополнительный классъ, дѣтскій садъ, библіотека, школьный садъ, пасѣка, преподается ли въ немъ ручной трудъ и даются ли завтраки для дѣтей. Въ этой же секціи размѣщены планы хорошихъ школьныхъ построекъ, устроенныхъ согласно техническимъ и гигіеническимъ требованіямъ, указаннымъ въ законѣ. модель школьнаго зданія и цѣлый рядъ фотографій училищныхъ построекъ. Есть также и примѣрный планъ школьнаго сада.

Внутренняя обстановка школы представляетъ тѣмъ большій интересъ, что многія усовершенствованія образцовой классной комнаты Jugendhalle уже примѣняются на практикѣ. Комната разсчитана на 32 ученика. ея высота на глазомѣръ $6^1/_2$ — 7 аршинъ: окна расположены слѣва на вышинѣ $2^1/_2$ аршина отъ полу и занимаютъ всю стѣну до потолка. Эта система можетъ представить въ одноэтажныхъ зданіяхъ извѣстное удобство: 1) свѣтъ, падая сверху, равномѣрнѣе освѣщаетъ помѣщеніе, 2) отъ оконъ не дуетъ и 3) подъ окнами вдоль стѣны можно развѣсить картины, таблицы и карты. Впрочемъ эти преимущества спорныя, важно чтобы такъ или иначе площадь оконъ составляла 20% площади пола и чтобы свѣтъ падалъ слѣва. Стѣны, крашенныя, моющіяся, полъ изъ петролигнита; вентиляція разныхъ системъ, представленная экспонентами: судить о ней въ лѣтнее время при открытыхъ окнахъ трудно; повидимому, ничего новаго она не представляла. На стѣнѣ градусникъ, соединенный электрическимъ

исторія преимущественно отечественныя, естественныя исторія, физика и химія, ариѳметика и бухгалтерія, геометрія и геометрическое черченіе, рисованіе, чистописаніе, пѣніе, женскія рукодѣлія и гимнастика (обязательно только для мальчиковъ).

Библиотека "Руниверс"

звонкомъ съ комнатой сторожа и предупреждающій его о повышеніи въ классѣ температуры выше нормы. Эти градусники, устанавливаемые теперь вездѣ, гдѣ устраивается искусственная вентиляція — примѣняются, какъ намъ пришлось замѣтить, и въ вѣнскихъ школахъ. Нельзя не порадоваться всякому движенію впередъ по этому вопросу. Наши учебныя заведенія, особенно среднія, какъ показали данныя Нижегородской выставки, очень плохо поставлены въ этомъ отношеніи, что отражается гибельно и на здоровьи учащихся и учащихъ. Скамейки поставлены треҳъ системъ Шлимпа, Стейскаля и Боснинской фабрики Фишеля въ Нимѣ (Niemes). Послѣдняя система обнаруживаетъ съ перваго взгляда свое происхожденіе: она солидна, но сложна и дорога,—что конечно выгодно фабриканту; изъ двухъ первыхъ одна скамья съ откиднымъ столикомъ и сидѣньемъ тоже слишкомъ сложна, а другая—только съ подвижнымъ столикомъ—(нижняя половина столика надвигаясь на верхнюю, даетъ возможность мальчику встать), но на практикѣ при быстромъ вставаніи будетъ постоянное затрудненіе съ книгами и тетрадями, которыя, если ихъ не убрать въ ящикъ, что не всегда возможно, могутъ скатиться на полъ Само собою понятно, что размѣры и соотвѣтствіе отдѣльныхъ частей скамеекъ соблюдены сообразно съ требованіями школьной гигіены,— но капитальный недостатокъ этихъ образцовыхъ скамеекъ тотъ, что онѣ сдѣланы на двухъ учениковъ, между тѣмъ раціональная скамейка должна быть расчитана на одного только ученика, что согласно наблюденіямъ нашимъ въ школахъ Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ весьма существенное гигіеническое и педагогическо-дисциплинарное значеніе. Усовершенствованныя скамьи введены въ вѣнскихъ городскихъ школахъ. На выставкѣ въ особомъ павильонѣ города Вѣны поставлены для сравненія двѣ скамьи, одна 1848 года, узкая, неудобная съ положительною дистанціей, а другая современная.

Комиссія, устраивавшая образцовую комнату, не высказалась въ пользу какой либо скамьи и вообще на выставкѣ не было чего либо подобнаго той прекрасной монографіи посвященной школьной мебели, которая была издана ко времени нашей выставки Кіевскимъ учебнымъ округомъ.

Остальная обстановка классной комнаты не представляла интереса. Въ ней повторена была та-же неправильность, которая встрѣчается и въ городскихъ школахъ, а именно: умывальникъ ставится въ классной комнатѣ, что очень неряшливо; весьма негигіеничнъ

Библиотека "Руниверс"

также обычай помѣщать въ классѣ въ начальныхъ училищахъ вѣшалки съ верхнимъ платьемъ.

Наряду съ заботами объ улучшеніи гигіеническихъ условій школьной обстановки въ австрійской школѣ обращается теперь большое вниманіе на правильное физическое развитіе ученика. Въ Jugendhalle былъ устроенъ образцовый гимнастическій залъ со всевозможными приспособленіями, которыя очень легко убираются и даютъ просторъ для дѣтскихъ подвижныхъ игръ.

Какъ на новинку, устраняющую возможность паденія при прыжкѣ, намъ показали веревку изъ двухъ частей такимъ образомъ замыкаемую по серединѣ, что она расцѣпляется при ударѣ объ нее ноги. По системѣ — аппараты ничѣмъ не отличаются отъ общепринятыхъ— шведскихъ. Гири разнаго вѣса, во избѣжаніе ошибокъ, окрашены въ разные цвѣта. Всѣ принадлежности австрійскаго производства; стоимость приспособленій для образцоваго гимнастическаго зала исчислена въ 2.000 гульденовъ—1.600 руб.

Въ Вѣнѣ при многихъ начальныхъ школахъ уже существуютъ подобные залы и замѣтно стремленіе ввести ихъ всюду.

Матеріалъ, знакомящій съ ходомъ обученія, программами, пособіями и успѣхами учениковъ, расположенъ по отдѣльнымъ предметамъ;—первый изъ нихъ Законъ Божій.

На *религіозное* воспитаніе обращено въ Австріи большое вниманіе; эта сторона школьнаго дѣла, какъ мы уже сказали выше, находится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ соотвѣтствующихъ церковно-административныхъ установленій. Всѣ пособія по Закону Божію проходятъ предварительно черезъ духовную цензуру. День въ классѣ начинается общею молитвой, которую дѣти повторяютъ вслухъ вслѣдъ за учителемъ, при чемъ ученики иныхъ исповѣданій молча присутствуютъ тутъ-же. При ознакомленіи съ Новымъ и Ветхимъ Завѣтомъ стараются вести его наглядными путемъ, показывая и объясняя рядъ соотвѣтствующихъ картинъ, многія изъ которыхъ по своей отчетливости и живости могутъ быть названы образцовыми [1]).

Главный предметъ, обученіе *родному языку* въ смыслѣ пособій,

---

[1]) Прекрасныя учебныя пособія (картины) выставили фирмы S. T. Wisskött, Breslau (черныя картины) и Z. Schreifer, Esslingen (два альбома раскрашенныхъ картинъ по 30 въ каждомъ), Старый и Новый Завѣтъ,—два изданія—католическое и протестантское.

Библиотека "Руниверс"

обставленъ небогато: подвижныя азбуки, довольно блѣдныя картины, учебники безъ рисунковъ, нѣсколько бюстовъ. полное отсутствіе учебныхъ пособій для объяснительнаго чтенія — самодѣльныхъ, какія были на выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, или приготовленныхъ въ мастерскихъ для продажи (каковы многія французскія и нѣмецкія пособія въ видѣ стѣнныхъ таблицъ). Въ этомъ отношеніи Jugendhalle даетъ гораздо меньше, чѣмъ напримѣръ наша гатчинская коллекція на Нижегородской выставкѣ. Но въ самомъ ходѣ занятій. при посѣщеніи какъ народной. такъ и средней школы. бросаются въ глаза двѣ очень симпатичныхъ черты: 1) стремленіе заставить ученика говорить правильно и отчетливо. ради чего требуются безусловно полные отвѣты и исправляется малѣйшая грамматическая ошибка; 2) успѣшное обученіе выразительному чтенію, при чемъ преподаватель заставляетъ читающаго глубже вдумываться въ смыслъ прочтеннаго.

Исторія. какъ предметъ непосредственно примыкающій къ родному языку, сосредоточена для народной школы на фактахъ, касающихся родины, но въ Bürgerschule уже дается очеркъ всемірной исторіи. Пособія—то-есть картины, бюсты замѣчательныхъ людей— очень хороши, почти художественны; народная школа обходится исключительно ими въ связи съ устнымъ изложеніемъ учащаго. Преподаваніе идетъ концентрически; начинается характеристикой крупныхъ дѣятелей и ихъ біографіей, второй кругъ возвращаясь къ нимъ, даетъ картины отдѣльныхъ эпохъ, представителями которыхъ они были и наконецъ третій — выясняетъ спѣпленіе фактовъ, постепенность въ переходѣ отъ одной эпохи къ другой и по возможности ихъ общее культурное значеніе. Замѣчается стремленіе остановить вниманіе не столько на войнахъ и внѣшней политикѣ, сколько на внутреннемъ устройствѣ и развитіи культуры страны. Исторіей за эти 8 лѣтъ пользуются вообще широко, какъ средствомъ пробужденія патріотизма.

Въ *географическомъ* отдѣлѣ есть нѣчто совершенно новое для нашей школы и существующее даже въ Австріи въ самомъ зародышѣ,— это рельефы горныхъ странъ, воспроизводимые путемъ вырѣзыванья и подклеиванія, которое даетъ какъ бы ступеньки постепеннаго повышенія страны. Карты или остаются въ такомъ видѣ или сверху все заливается парафиномъ и раскрашивается, такъ что уступы сглаживаются и получается обыкновенная рельефная карта. Карты эти очень наглядны. Пока ихъ исполняютъ сами учителя. но постепенно

Библиотека "Руниверс"

пріучаются и школьники, при чемъ однако можетъ возникнуть вопросъ, не отнимаетъ-ли это занятіе слишкомъ много времени. Пропагандируетъ ихъ профессоръ М. Кларъ изъ Вѣнскаго Нейштадта. Изъ другихъ пособій прекрасны этнографическія картинки фирмы „Pichler u. Sohn“ [1]), изображающія сцены изъ жизни разныхъ народностей, способныя заинтересовать ученика и стереоскопы, очень рельефно передающіе разные виды, зданія и проч.

Для облегченія изученія физической географіи выставлена примѣрная школьная *обсерваторія* съ нужными инструментами. По окончанію выставки, эти инструменты будутъ установлены въ одной изъ городскихъ школъ столицы. Небольшія наблюденія невооруженнымъ глазомъ дѣлаются и теперь. Въ секціи находилось нѣсколько работъ ученицъ одной изъ „Bürgerschule“, изображающихъ звѣздное небо, отдѣльныя созвѣздія и проч.

Метеорологическія наблюденія производятся во многихъ школахъ, хотя конечно необязательно и примитивнымъ образомъ (температура, осадки).

Элементарный курсъ *естествовѣдѣнія* входитъ въ программу начальныхъ и городскихъ школъ. Австрійцы раздѣляютъ естествовѣдѣніе на два отдѣла: естественную исторію Naturgeschichte (зоологія, ботаника, минералогія) и Naturlehre—физика, химія и технологія. Въ начальной школѣ нѣтъ, конечно, курса указанныхъ наукъ; школа задается цѣлью возбудить въ дѣтяхъ интересъ и любовь къ природѣ и развить ихъ наблюдательность. Свѣдѣнія сообщаются устно по возможности при помощи наглядныхъ пособій, на живыхъ растеніяхъ, во время прогулокъ въ школьномъ саду. Изъ области трехъ царствъ (если воспользоваться этимъ устарѣвшимъ теперь выраженіемъ сохранившимся еще въ австрійской программѣ) берутся преимущественно тѣ минералы, растенія, животныя и проч., которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ человѣку съ указаніемъ на пользу или вредъ, который они приносятъ. Въ Bürgerschule—курсъ систематиченъ и проходится по учебнику. Въ третьемъ классѣ изучается человѣческое тѣло съ необходимыми свѣдѣніями по гигіенѣ и указаніемъ на помощь, которая должна быть оказываема въ несчастныхъ случаяхъ.

---

[1]) Фирма A. Pichlers Witwe und Sohn (Buchandlung und Lehrmittelanstalt, Wien, V Margaretenplaz 2) одна изъ самыхъ крупныхъ въ Австріи, она очень добросовѣстна и широко развила свое дѣло. На выставкѣ она отчасти терялась, потому что экспонаты ея были разбиты по секціямъ.

Библиотека "Руниверс"

Среди экспонатовъ было нѣсколько учебныхъ коллекцій, составленныхъ учителями самостоятельно или съ помощью учениковъ—преимущественно гербаріевъ.

Особое вниманіе обращала на себя очень тщательно и съ большой любовью составленная (въ 100 ящикахъ) коллекція насѣкомыхъ, представляющая самихъ насѣкомыхъ (жуковъ и бабочекъ), метаморфозы ихъ, поврежденія, которыя они производятъ и проч. Она была выставлена учителемъ одной Вѣнской школы г. Гейденомъ. Та же система, которая принята при преподаваніи естественной исторіи въ начальной школѣ, примѣняется и при ознакомленіи дѣтей съ элементарными понятіями изъ міра физическихъ и химическихъ явленій. Въ городской школѣ обученіе химіи и физикѣ ведется концентрически, при чемъ, согласно министерскаго распоряженія отъ 1-го апрѣля 1884 года, въ третьемъ классѣ каждая школа нѣсколько спеціализируется: въ промышленныхъ мѣстностяхъ обращается большее вниманіе на химію въ связи съ технологіей, въ другихъ—естествовѣдѣніе дополняется сельско-хозяйственными свѣдѣніями. При выборѣ матеріала учащіе должны приноравливаться къ мѣстнымъ условіямъ. Конечно, при трехгодичномъ курсѣ всѣ эти свѣдѣнія многаго не стоятъ, но за то они способствуютъ развитію дѣтей и, выходя въ жизнь, учившіеся все-таки знаютъ изъ естествовѣдѣнія, говоря словами одного французскаго педагога, то, чего нельзя не знать въ настоящее время человѣку, вступающему въ жизненную борьбу. Въ этомъ отношеніи учившіеся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Австріи, равно какъ и Франціи да и нѣкоторыхъ другихъ странъ, поставлены лучше нашихъ гимназистовъ, которые вовсе не проходятъ ни естественной исторіи и почти не проходятъ химіи.

По своему содержанію небольшіе физическій и химическій кабинетики, составленные торговыми фирмами на основаніи министерскихъ инструкцій, мало интересны, такъ какъ въ составъ ихъ входятъ общеизвѣстные приборы; но важно съ одной стороны признаніе необходимости такихъ коллекцій при школѣ, а съ другой—указанное выше весьма своеобразное стремленіе приноровить сообщаемыя учащимся понятія къ мѣстнымъ условіямъ. Большой интересъ представляютъ всякаго рода попытки учителей переработать приборы согласно школьнымъ требованіямъ и удешевить ихъ,—а также особый типъ проекціоннаго аппарата фирмы Lenoir und Forster въ Вѣнѣ, приспособленный для демонстрированія въ классѣ на экранѣ картинъ, микроскопическихъ препаратовъ и показыванія различныхъ опытовъ по физикѣ и химіи.

Библиотека "Руниверс"

Попутно при преподаваніи естествовѣдѣнія, а такъ же и вообще при всякихъ удобныхъ случаяхъ школьной жизни, учащіе должны выяснять дѣтямъ вредное вліяніе на организмъ человѣка *наркотическихъ веществъ* и преимущественно алкоголя.

Вѣнское общество трезвости назначило въ прошломъ году особую премію за наилучшее руководство по вопросу о борьбѣ съ пьянствомъ при посредствѣ школы. Премія эта выдана д-ру Кларку, въ брошюрѣ котораго выяснено, какъ велика и серьезна можетъ быть роль школы въ предпринимаемомъ нынѣ почти повсемѣстно походѣ противъ того врага человѣчества, который, какъ сказалъ покойный Гладстонъ, страшнѣе голода, холеры и чумы, вмѣстѣ взятыхъ. Этому вопросу мы посвятимъ особую статью.

Въ секціяхъ *математики*, *рисованія* и *чистописанія* на выставкѣ ничего выдающагося не было. Отмѣтимъ только, что по ариѳметикѣ дѣти очень сильны въ устномъ счетѣ, на который обращается усиленное вниманіе, занятія ведутся по методѣ Грубе; по рисованію — преподаваніе классное, употребленіе пособій (линеекъ, циркуля и пр.) при рисованіи отъ руки воспрещено.

Учителя должны въ силу особой инструкціи наблюдать, не имѣется ли среди учениковъ одаренныхъ художественнымъ талантомъ, и заниматься съ ними особо для того, чтобы такіе ученики могли, если того дѣйствительно заслуживаютъ, получить дальнѣйшій ходъ.

Тетради по чистописанію обнаруживаютъ борьбу двухъ направленій между австрійскими педагогами. Подъ вліяніемъ врачей-гигіенистовъ часть педагоговъ стала склонятся къ прямому письму, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики наступило разочарованіе и теперь замѣчается обратное движеніе въ пользу косаго письма, хотя окончательно вопросъ еще не рѣшенъ.

Изъ остальныхъ предметовъ заслуживаетъ особаго вниманія *пѣніе*, которое обязательно въ младшихъ классахъ для всѣхъ учениковъ. такъ что дѣти путемъ навыка развиваютъ себѣ слухъ, даже не будучи особенно музыкальны отъ природы. Пѣніе преподается, какъ церковное, такъ и свѣтское; въ составъ послѣдняго входятъ народныя пѣсни. Учащіе обязательно должны играть на скрипкѣ или на гармоніумѣ. Пѣніе служитъ какъ и исторія средствомъ къ подъему патріотическаго духа.

Послѣднее время замѣтно сильное стремленіе къ изученію *иностранныхъ* языковъ, то-есть, по преимуществу французскаго. Онъ сдѣланъ обязательнымъ предметомъ для Bürgerschule въ

Библиотека "Руниверс"

Вѣнѣ. Судя по экспонатамъ и собраннымъ нами свѣдѣніямъ, преподаваніе ведется почти исключительно практически, по таблицамъ и картинамъ, пользуясь такъ называемымъ натуральнымъ методомъ обученія живымъ языкамъ; грамматика играетъ второстепенную роль. По отзывамъ австрійскихъ педагоговъ методъ этотъ, возбудившій и продолжающій возбуждать въ Россіи такъ много споровъ—оказывается на практикѣ очень полезнымъ. Суть дѣла заключается въ надлежащемъ умѣніи учителя вести преподаваніе, не входя въ крайности, и наличности подходящихъ пособій; отбросить совсѣмъ грамматику однако нельзя, она необходима тоже, но какъ пособіе, а не какъ исходный пунктъ.

IV.

Вышеизложеннымъ можно закончить спеціально учебный отдѣлъ современной низшей Австрійской школы и перейдти къ занятіямъ дѣтей по *ручному труду*, который пока необязателенъ ни въ начальныхъ, ни въ бюргерскихъ школахъ. Тѣмъ не менѣе онъ весьма интересуетъ мѣстныхъ педагоговъ. Существуетъ особое общество, имѣющее задачею способствованіе его распространенію. На выставкѣ были представлены работы по двумъ системамъ, шведской — переработанной инспекторомъ Ж. Урбаномъ и вѣнской — авторъ которой А. Брунсъ. Послѣдняя нѣсколько подходитъ къ французской.

Всѣхъ моделей 50. Учащіеся ознакомливаются между прочимъ съ разными видами соединенія дерева, и въ концѣ курса дѣлаютъ рядъ законченныхъ предметовъ, часть которыхъ можетъ служить пособіями при изученіи естествовѣдѣнія: полиспастъ, модель водянаго колеса, ворота, а также скворешня, улей, модели крыши и др. Затѣмъ слѣдуетъ 20 упражненій по плоской рѣзьбѣ.

Вѣнская система находится еще въ періодѣ образованія и не вполнѣ закончена. Въ этой же секціи помѣщались нужные для работъ инструменты и нормальная обстановка мастерской ручнаго труда, составленная по указанію особой коммиссіи. *Женскія рукодѣлія* входятъ въ курсъ начальной и городской школы. Въ Вѣнскихъ городскихъ школахъ они обязательны, но только конечно, для дѣвочекъ, такъ какъ только у скандинавовъ отъ занятій съ иглою и крючкомъ не освобождены въ школахъ и мальчики. Обучаютъ частью преподавательницы общеобразовательныхъ предметовъ, частью особыя учительницы рукодѣлій. Въ начальныхъ школахъ на рукодѣліе пола-

Библиотека "Руниверс"

гается три часа въ недѣлю въ теченіе 8 лѣтъ; въ городскихъ—4 часа въ первомъ и второмъ классахъ и 6 ч. въ третьемъ.

Результаты при такомъ числѣ часовъ, судя по экспонатамъ, недостаточны. Хотя ученицы и проходятъ послѣдовательно обычныя работы, входящія въ курсъ начальнаго рукодѣлія, но онѣ не могутъ въ концѣ курса скроить самостоятельно самой простой вещи—блузы, кофточки, даже передника. Многія работы грязны (не запылены, а грязны), что указываетъ на недостаточное вниманіе со стороны учительницъ. Чистота рукъ у ученицъ, когда они приступаютъ къ занятіямъ, является однимъ изъ весьма существенныхъ условій, и дѣвочекъ съ самаго начала слѣдуетъ пріучать къ самой строгой чистоплотности и аккуратности въ исполненіи работъ. „Если у насъ плохо поставлено преподаваніе рукодѣлія въ низшихъ школахъ, говорили намъ, то посмотрите, какіе результаты получаются въ спеціальныхъ (частныхъ) женскихъ профессіональныхъ школахъ". Но это не утѣшеніе, такъ какъ такихъ школъ всегда будетъ относительно мало.

При обученіи разнымъ элементамъ шитья, вышивки и вязанья существуетъ цѣлый рядъ прекрасныхъ пособій, въ видѣ стѣнныхъ таблицъ, наглядно изображающихъ выполненіе различныхъ швовъ и вязанья. Рукодѣліе поставлено въ связи съ рисованіемъ.

Отдѣлъ *дѣтскихъ игръ*, входящихъ въ Jugendhalle, свидѣтельствуетъ объ интересѣ, пробудившемся въ Австріи за послѣднее время къ подвижнымъ играмъ на свѣжемъ воздухѣ и стремленіи доставлять дѣтямъ средства къ этому, при чемъ, конечно, преобладающимъ элементомъ въ такихъ забавахъ являются мальчики. Иниціатива этого движенія въ Вѣнѣ принадлежитъ особому обществу „Verein zur Pflege des Jugendspieles".

Общество заботится объ устройствѣ игръ на воздухѣ и развитіи среди дѣтей любви къ спорту въ дополненіе къ узаконеннымъ двумя часамъ, посвящаемымъ въ школахъ гимнастикѣ и гимнастическимъ движеніямъ. Для дѣвочекъ и эти 2 часа гимнастики не обязательны. Въ настоящее время въ Вѣнѣ имѣется 72 мѣста для игръ въ городѣ и 9—въ городскомъ паркѣ—Пратерѣ. Изъ числа 51.000 мальчиковъ изъ городскихъ начальныхъ школъ 1897 г. гимнастикой занималось въ круглыхъ цифрахъ 94%, играми — 7%, плаваньемъ — 15%, катаньемъ на конькахъ — 26%, другими видами спорта 8% и только $2^3/_4$% не имѣли никакихъ физическихъ упражненій.

Среди дѣвочекъ замѣтно меньше стремленія къ такимъ занятіямъ. Изъ 52.000 дѣвочекъ гимнастикой занимались 55%, играми — 3%,

Библиотека "Руниверс"

плаваньемъ—9%, катаньемъ на конькахъ 15% и другими спортами—2%, внѣ упражненій 35%, что сравнительно много.

Очень большое воспитательное значеніе имѣетъ *дѣтское чтеніе*. Образцовыя библіотеки, составленныя извѣстными фирмами, показываютъ, что собственно австрійская дѣтская литература еще невелика, что большинство книгъ выписывается изъ Германіи; но сознаніе великаго значенія хорошей книги въ рукахъ ребенка проникло въ австрійское общество, и есть надежда, что чисто экономическія препятствія къ изданію собственныхъ книгъ будутъ устранены, а всякая попытка писать для юношества получитъ нужную поддержку сверху. Содержаніе дѣтской литературы, сообразно съ понятіями австрійскихъ педагоговъ, должно знакомить читающихъ съ прошлымъ страны, давать въ популярной формѣ знаніе дѣйствительности и по возможности подымать нравственный уровень и будить любовь къ родинѣ.

V.

Все указанное выше относится къ воспитанію нормальныхъ дѣтей; но нельзя пройдти молчаніемъ заботы объ умственномъ развитіи *ненормальныхъ* дѣтей. Въ Jugendhalle есть три комнаты, въ которыхъ обстановка и экспонаты знакомятъ посѣтителя съ характерными особенностями воспитанія и обученія слабоумныхъ, глухонѣмыхъ и слѣпыхъ дѣтей. Не входя въ подробное описаніе этихъ отдѣловъ, можно отмѣтить, что, судя по положеннымъ тутъ же письменнымъ работамъ и рукодѣліямъ, преподавателямъ удается достичь блестящихъ результатовъ. Есть еще одно очень симпатичное благотворительное заведеніе въ Вѣнѣ, такъ называемое *Kinderhort* (*дѣтское убѣжище*), куда собираются дѣти въ внѣ школьное время въ семейную почти обстановку, гдѣ имъ представляется возможность, съ пользой и удовольствіемъ провести послѣ школьное время. Убѣжище содержится на средства особаго общества. Статистика показываетъ, что въ 20 лѣтъ существованія этотъ домъ пріютилъ болѣе полумилліона дѣтей, остающихся безъ присмотра родителей въ свободные часы. Kinderhort соотвѣтствуетъ отчасти шведскимъ такъ называемымъ Arbetstugor—рабочимъ комнатамъ, съ которыми можно ознакомиться въ Стокгольмѣ. Это тоже убѣжища, куда собираютъ дѣтей послѣ классовъ, чтобы они проводили время, пока ихъ родители за работой, подъ надзоромъ старшихъ, обучаясь какому либо мастерству, кото-

Библиотека "Руниверс"

рое можетъ дать имъ потомъ заработокъ. Въ описываемомъ убѣжищѣ въ XVIII участкѣ города Вѣны дѣти тоже обучаются картонажнымъ работамъ, переплетному дѣлу и ручному труду, но больше для того чтобы дать имъ занятія. Кромѣ того они тамъ же подъ руководствомъ учителей готовятъ свои уроки и исполняютъ письменныя работы, заданныя въ школѣ. При убѣжищѣ есть садъ, обрабатываемый питомцами, каждому изъ нихъ отведенъ участочекъ, за которымъ онъ долженъ наблюдать. Урожай съ этого участка идетъ въ его пользу. Для пріученія дѣтей къ бережливости въ убѣжищѣ устроена школьная сберегательная касса. Кромѣ описаннаго убѣжища, въ Вѣнѣ существуетъ еще общество для устройства вообще такихъ убѣжищъ, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ (съ 1896 года). Въ обществѣ уже 2.000 человѣкъ. Мальчиковъ въ убѣжищѣ будутъ обучать ремесламъ, а дѣвочекъ домоводству. Къ юбилею императора былъ выработанъ проектъ нормальнаго образцоваго убѣжища для юношества Jugendhort'a, который и предположено осуществить въ ближайшемъ будущемъ. Въ Россіи, насколько намъ извѣстно, нѣтъ ни такихъ пріютовъ, ни рабочихъ комнатъ, а между тѣмъ въ большихъ городахъ они могли быть очень полезны. Такое заведеніе можетъ оказать несравненно лучшее нравственное воздѣйствіе чѣмъ *исправительныя* колоніи, которыя тоже представили на выставку довольно яркія доказательства своей успѣшной дѣятельности; дѣтское убѣжище можетъ предупредить то зло, которое исправительному заведенію приходится устранять.

VI.

Послѣдніе два отдѣла касаются уже не учениковъ, а *преподавателей* народной школы, ихъ *подготовки*, положенія и взаимныхъ отношеній, что представляетъ не меньшій интересъ.

Въ отдѣлѣ много матеріала даютъ экспонаты учительской семинаріи въ Wiener-Neustadt, знакомящіе съ ходомъ практическихъ занятій учениковъ семинаріи въ имѣющейся при ней для этой цѣли Übungsschule (образцовой школѣ). Объяснительное чтеніе ведется съ помощью интересныхъ таблицъ, приноровленныхъ къ отдѣльнымъ статьямъ книги для чтенія. На нихъ ученику показываютъ какой либо предметъ въ его натуральномъ видѣ и рядомъ съ этимъ всѣ продукты, которые изъ него получаются. Тутъ же пользуются соотвѣтствующими картинами, а если будущій учитель обладаетъ спо-

Библиотека "Руниверс"

собностями, то онъ можетъ иллюстрировать прочтенное рисунками на доскѣ. Подобный рисунокъ имѣлся на выставкѣ. Къ особенностямъ учительскихъ семинарій въ Австріи надо отнести возможность для учащихся поступать по экзамену прямо въ старшіе классы, минуя младшіе, если они имѣютъ соотвѣтствующую подготовку. Для каждаго класса въ началѣ года директоромъ семинаріи избирается общій руководитель, называемый предсѣдателемъ класса (Classenvortand), который ближайшимъ образомъ завѣдуетъ учебною и воспитательною частью ввѣреннаго ему класса. Курсъ семинаріи четырехлѣтній. Проектъ относительно прибавки пятаго года еще не осуществленъ. Кромѣ обычныхъ предметовъ въ учительскихъ семинаріяхъ обращается вниманіе и на обученіе кандидатовъ въ учителя садоводства и огородничества въ связи съ нѣкоторыми сельско-хозяйственными свѣдѣніями. Объясняется это тѣмъ, что въ виду повсѣмѣстнаго распространенія въ Австріи школьныхъ садовъ, общины охотнѣе принимаютъ учителей знакомыхъ съ садоводствомъ. Такіе учителя состоятъ также низшими агентами министерства земледѣлія. Еще большее требованіе предъявляется на музыку. На нее положено по 5 часовъ въ недѣлю. Подъ выраженіемъ музыка понимается теорія музыки и пѣнія, пѣніе, игра на піанино, скрипкѣ, органѣ. По закону учитель, обладающій слухомъ и музыкальными способностями, имѣетъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, преимущество передъ другими кандидатами на полученіе мѣста.

Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ учениковъ знакомятъ также съ пріемами обученія слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, а дѣвушекъ съ устройствомъ и веденіемъ дѣтскихъ садовъ. Для практики въ послѣднемъ случаѣ при семинаріи устраивается кромѣ образцовой школы и дѣтскій садъ.

Окончившіе курсъ получаютъ аттестатъ зрѣлости, который даетъ право поступить учительскимъ помощникомъ или исполняющимъ должность учителя. Для полученія штатнаго мѣста въ начальной школѣ необходимо удостовѣреніе объ успѣшной двухлѣтней педагогической практикѣ, а для городской школы трехлѣтней.

Содержаніе учителямъ и учительницамъ опредѣляется для каждой провинціи особо. Оно колеблется между 350 и 900 гульденами въ годъ для учителей въ сельскихъ школахъ и отъ 700 до 1.000 для городскихъ. За завѣдываніе школой добавляется отъ 50 до 250 г. для первыхъ и до 300 для вторыхъ. Квартирныя деньги составляютъ отъ 15 до 40% содержанія, смотря по стоимости квартиръ въ разныхъ мѣстахъ.

Учительницы получаютъ или одинаковое содержаніе или немного

Библиотека "Руниверс"

меньше учителей, приблизительно процентовъ на 20; а помощники—отъ 40 до 60% содержанія учителей.

Затѣмъ, по мѣрѣ выслуги, штатные учителя къ своему обычному жалованью получаютъ періодическія прибавки обыкновенно за каждыя 5 лѣтъ въ размѣрѣ около 10% содержанія. Съ 1887 года установлена сверхъ того ежегодная прибавка, выдаваемая въ видѣ награды въ размѣрѣ 50 гульденовъ для учащихъ, прослужившихъ отъ 15 до 20 лѣтъ. Учителя, учительскіе помощники, ихъ вдовы и сироты имѣютъ право на пенсію. Оставленіе службы безъ уважительныхъ причинъ лишаетъ учителя права на пенсію и другія пособія. Самовольнымъ отказомъ отъ службы признается бракъ учительскаго помощника, учительницы или временнаго учителя безъ согласія училищнаго начальства. Въ Богеміи, Гарцѣ, Каринтіи, Зальцбургѣ, Тиролѣ и Форальбергѣ всякій бракъ учительницы разсматривается какъ добровольный отказъ отъ занимаемаго ею мѣста. Въ первый годъ поступленія учащаго на службу, а равно и при каждомъ позднѣйшемъ повышеніи, изъ содержанія его вычитается по 10% въ пенсіонный капиталъ, куда поступаютъ еще 2% отчисляемыхъ ежегодно. Величина пенсіи учителя находится въ зависимости отъ количества лѣтъ, которыя онъ прослужитъ и отъ размѣра получаемаго имъ содержанія. Учащій, вышедшій въ отставку при выслугѣ *менѣе* десяти лѣтъ, получаетъ единовременное пособіе въ *полутора-годовомъ* размѣрѣ своего содержанія, а въ Тиролѣ—въ годовомъ. Десять лѣтъ службы даютъ право на $^1/_2$, а въ Галиціи на $^1/_4$ содержанія. За 15-лѣтнюю службу полагается $^3/_8$ содержанія и затѣмъ, за каждые 5 лѣтъ размѣръ пенсіи повышается на $^1/_8$—$^1/_{10}$ содержанія. Послѣ 40 лѣтъ службы учитель имѣетъ право требовать себѣ отставку.

Если умершій учитель не дослужилъ полныхъ десяти лѣтъ въ учительскомъ званіи, его вдовѣ полагается единовременное пособіе въ размѣрѣ $^1/_4$ до $^1/_3$ его годоваго содержанія и пенсія въ размѣрѣ $^1/_3$ содержанія послѣдняго года службы ея покойнаго мужа. Сироты получаютъ пособіе на воспитаніе, а круглыя сироты пенсію въ общей сложности въ размѣрѣ $^1/_6$ до $^1/_4$ годоваго содержанія учителя, пока имъ не исполнится 18—20 лѣтъ. На издержки по погребенію осиротѣвшимъ выдается отъ 50 до 200 гульденовъ.

Учительницы и въ Австріи, какъ и всюду, постепенно вытѣсняютъ учителей; въ 1875 году они составляли всего 7% — общаго числа преподающихъ, а въ 1895 г. мы находимъ уже 22%.

Библиотека "Руниверс"

Учительницы занимаются въ смѣшанныхъ и въ женскихъ начальныхъ и городскихъ школахъ; въ мужскія онѣ допускаются лишь въ низшія отдѣленія.

VII.

Начавъ свою дѣятельность, народный учитель имѣетъ возможность слѣдить за всѣми послѣдними успѣхами педагогической теоріи и практики, благодаря обширной и вполнѣ доступной педагогической журналистикѣ [1]). Общеніе между преподавателями и обмѣнъ мыслей достигаются съѣздами по округамъ и провинціямъ, а главное путемъ различныхъ обществъ (Verein), которыя ставятъ своею задачей не только матеріальную взаимопомощь, но и духовное товарищеское общеніе. Очень интересенъ какъ по задачамъ, такъ и по разнообразію и размѣрамъ своей дѣятельности, Lehrerhaus-Verein въ Вѣнѣ, вывѣсившій въ учебномъ отдѣлѣ свои отчеты, таблицы и проекты. Цѣль общества—забота о благѣ учителей и учительницъ не только въ Вѣнѣ, но по всей имперіи. Ради этого оно считаетъ необходимымъ устроить особый „учительскій домъ“ въ Вѣнѣ и подобные ему въ значительныхъ городахъ Австріи.

„Учительскій домъ“ — Lehrerhaus—долженъ заключать въ себѣ: 1) центральную педагогическую библіотеку, 2) постоянную выставку педагогическихъ пособій, 3) собственное страховое учрежденіе, включающее въ себя ссудо-сберегательную и вспомогательную кассу, 4) Lehrerhus долженъ служить центромъ всевозможныхъ педагогическихъ собраній, засѣданій, вечеровъ, способствующихъ духовному общенію членовъ,—и наконецъ 5) имѣть квартиры для пріѣзжающихъ временно учителей и учительницъ и особое бюро, которое будетъ исполнять порученія иногородныхъ учителей.

Общество основано въ 1886 году. За неимѣніемъ свободныхъ средствъ для постройки или покупки собственнаго дома оно начало свою дѣятельность въ наемномъ помѣщеніи. Дѣла общества пошли сразу блестяще. Какъ среди учителей, такъ и среди лицъ, относящихся

---

[1]) Въ читальной залѣ учебнаго отдѣла было собрано до 400 педагогическихъ журналовъ, между ними очень много австрійскихъ на нѣмецкомъ, венгерскомъ, польскомъ, чешскомъ, русскомъ и другихъ языкахъ. Не было только журналовъ изъ Россіи. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, я, по просьбѣ завѣдующаго залой, обратился письменно къ редакторамъ русскихъ педагогическихъ журналовъ съ просьбой прислать таковые въ отдѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

съ интересомъ къ разнымъ вопросамъ народнаго образованія, задачи общества встрѣтили горячее сочувствіе. Число членовъ быстро росло и за 12 лѣтъ достигло 8 тысячъ, а капиталъ дошелъ до весьма значительной по нашему масштабу цифры въ 260.000 кронъ, то-есть свыше ста тысячъ рублей. Членскій взносъ невеликъ. Учителя платятъ 1 гульденъ (80 коп.), а члены соревнователи 2 гульдена. Главный же доходъ общества слагается изъ отчисленій съ его оборотовъ. Въ настоящее время дѣятельность общества выражается главнымъ образомъ въ слѣдующемъ. Оно вошло въ сношеніе съ фабрикантами, складами и магазинами, по всевозможнымъ отраслямъ торговли и промышленности, которые обязались дѣлать скидку 5—10—15% съ продаваемыхъ имъ товаровъ. Скидка не выдается на руки покупателю, а поступаетъ въ опредѣленные сроки въ кассу общества, откуда распредѣляется въ концѣ года между соотвѣтствующими членами общества. Въ прошломъ году такимъ образомъ обществомъ было выдано около 73.000 кронъ. Кромѣ того общество добилось для своихъ членовъ удешевленія входной платы на выставкахъ, въ театрахъ и другихъ увеселительныхъ мѣстахъ, на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ, пароходныхъ линіяхъ, конно-желѣзныхъ дорогахъ, въ баняхъ и ваннахъ, гостинницахъ и проч. Перечисленіе всѣхъ такихъ привилегій членовъ общества составляетъ цѣлую книжечку. Прекрасно идутъ и ссудо-сберегательныя операціи общества. Онѣ начались въ 1890 г. съ 177 участниками, а теперь ихъ болѣе тысячи и оборотъ достигъ $1^1/_2$ милліона гульденовъ. Сравнительно недавно, съ 1897 г., общество занялось и страховыми операціями. Учителя и учительницы могутъ обезпечить себѣ, при минимальномъ взносѣ по два гульдена, на случай смерти выдачу единовременной суммы на похороны, капитала дѣтямъ по достиженію ими совершеннолѣтія или ежегодной ренты лично на старость вдовы, дѣтямъ и проч. Въ теченіе же перваго года оборотъ по страховымъ операціямъ достигъ $75^1/_2$ тысячъ гульденовъ. Особенность этихъ операцій общества состоитъ въ томъ, что оно соглашается на застрахованіе въ самыхъ небольшихъ суммахъ, которыхъ обыкновенныя промышленныя общества избѣгаютъ какъ не стоющихъ вниманія. Уменьшеніе размѣра взносовъ оказывается возможнымъ потому, что общество освобождено отъ уплаты казенныхъ пошлинъ. Въ настоящее время оно такъ окрѣпло, что рѣшилось осуществить свою давнишнюю мечту—построить въ Вѣнѣ свой собственный домъ, приспособленный къ выполненію указанныхъ выше задачъ. Изъ изложеннаго видно, что описанное общество по-

Библиотека "Руниверс"

няло, какія потребности назрѣли среди учащихъ и съумѣло ихъ удовлетворить. Учителя идутъ туда такъ охотно потому, что чувствуютъ необходимость объединиться и путемъ взаимопомощи нѣсколько улучшить и облегчить свое существованіе. Примѣръ Феррейна Учительскаго Дома указываетъ, что среди педагогическаго персонала существуетъ цѣлый рядъ нуждъ, которыя съ успѣхомъ могутъ быть облегчены при помощи соотвѣтствующихъ обществъ. Учителя, желающіе обезпечить себѣ удешевленное лѣченіе (40 спеціалистовъ), выдачу лекарствъ со скидкою (20%) и льготы по пребыванію въ курортахъ, должны внести одинъ гульденъ. Пользованіе журналами въ читальной залѣ и книгами изъ библіотеки безплатное. Общество имѣетъ отдѣленія въ провинціи. Феррейнъ Учительскаго Дома не преслѣдуетъ никакихъ политическихъ цѣлей. Совершенную противоположность ему въ этомъ отношеніи составляютъ два Феррейна, съ дѣятельностью которыхъ намъ тоже пришлось познакомиться: союзъ—нѣмецкихъ школъ и общество чешскихъ школъ имени Коменскаго. Задача Deutschen Schulverein'a устраивать и поддерживать нѣмецкія школы въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣмцы составляютъ меньшинство, съ тѣмъ, чтобы распространять этимъ способомъ нѣмецкій языкъ. Въ такихъ, конечно, преподаваніе ведется не на языкѣ большинства. Общество очень энергично работало. Въ послѣднемъ его отчетѣ балансъ его равняется 660.000 гульденамъ. Къ 1-му января 1897 года у него было 27 своихъ школъ съ 64 классами. Такія школы устраиваются тамъ, гдѣ нѣмецкое населеніе не можетъ сразу взять на себя содержаніе училища; они дѣйствуютъ на правахъ частныхъ школъ. Затѣмъ, когда населеніе соберется съ силами, то открывается общественное училище съ субсидіей или безъ субсидіи отъ Феррейна, который основываетъ новую школу въ другомъ мѣстѣ. Дѣтскихъ садовъ было 41 съ 47 отдѣленіями; 34-мъ начальнымъ школамъ и 48-ми дѣтскимъ садамъ выдаются постоянныя ежегодныя субсидіи. Затѣмъ были выданы пособія за обученіе Закону Божію и вознагражденіе учителямъ нѣмецкаго языка, на веденіе ремесленныхъ занятій, на дополнительные классы, на обученіе музыки, ремонтъ и постройку школьныхъ зданій. Кромѣ того общество разсылало учебники, книги для чтенія и разныя учебныя пособія, выхлопотало нѣсколькимъ учителямъ почетныя и денежныя награды и оказывало пособія бѣднѣйшимъ ученикамъ.

Общество имени Коменскаго возникло для распространенія чешскихъ школъ и чешскаго языка. Въ немъ между прочимъ нашло вы-

Библиотека "Руниверс"

раженіе постепенно усилившееся и развившееся въ послѣднее время національное самосознаніе чеховъ, такъ ярко выразившееся въ ихъ борьбѣ съ нѣмецкою національною партіей и въ празднествахъ данныхъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ память „отца чешскаго народа" историка Франца Палацкаго. Кругъ дѣятельности общества Коменскаго—Вѣна и провинціи Нижней Австріи, гдѣ чехи, составляя меньшинство, могли бы быть задавлены нѣмцами. Хотя въ статьѣ 1-й статута и говорится, что общество не имѣетъ политическихъ дѣлей, но, въ сущности говоря, въ нихъ то и есть его настоящее значеніе. Общество основано въ 1871 году. Оно успѣшно ведетъ свое дѣло и въ 1897 г. доходы его достигли уже 22 т. гульденовъ.

Подобно нѣмецкому Феррейну общество устраиваетъ и субсидируетъ дѣтскіе сады, убѣжища, школы, ремесленные и дополнительные классы и заботится о приглашеніи особыхъ учителей для обученія дѣтей чешскому родному языку, если число ихъ настолько незначительно, что школы для нихъ невозможно устроить. Какъ затрудняется иногда дѣятельность общества со стороны нѣмцевъ, можно судить по тому факту, что одна школа, основанная обществомъ въ Вѣнѣ, въ теченіе 14 лѣтъ, несмотря на настойчивыя просьбы и офиціально удостовѣренную хорошую организацію ея, не принимается городскимъ управленіемъ города Вѣны въ число общественныхъ школъ, въ угоду нѣмецкой партіи.

Въ настоящее время Австрія представляетъ чрезвычайно интересное поле для наблюденій въ отношеніи распространенія языковъ. Борьба какъ со стороны нѣмцевъ, такъ и со стороны славянъ, велась жестокая и къ счастью для послѣднихъ, нѣмцамъ не удалось ихъ сломить. Но конечно отчужденіе различныхъ національностей другъ отъ друга и невозможность объединить ихъ при помощи одного языка, не въ интересахъ государства. Поэтому примѣръ Австріи является очень поучительнымъ, такъ какъ показываетъ, что пока есть возможность, то не надо терять времени въ дѣлѣ распространенія государственнаго языка и переработки населенія при посредствѣ государственной школы.

Національныя стремленія въ Австріи находятъ поддержку въ клерикально-антисемитской партіи, которая дѣйствуя очень энергично, стремится подчинить школу вліянію духовенства [1]), подрывая въ то-же время авторитетъ государственной школы.

[1]) О клерикально-антисемитскомъ движеніи въ Австріи см. статью П. Теплова № 5—6 и 7 „Образованія".

Библиотека "Руниверс"

Въ прошломъ году во время поѣздки по Венгріи и въ нынѣшнемъ году въ Прагѣ, насъ нѣсколько разъ поражала не враждебность къ нѣмецкому языку и нежеланіе говорить на немъ, а малое знаніе его. и если только славяне, сильные своею численностью, возьмутъ верхъ въ Австріи, то имъ придется въ отношеніи нѣмцевъ сдѣлать то-же, что послѣдніе не успѣли и не могли во-время привести въ исполненіе въ отношеніи ихъ, и что мадьяры продѣлываютъ съ успѣхомъ надъ нѣмцами, румынами, славянами и др. народностями. Франція въ 20 лѣтъ искоренила всѣ мѣстные языки и нарѣчія и все подростающее поколѣніе говоритъ въ ней по французски; эта операція была не легка. Бретонцы боролись съ упрямствомъ имъ свойственнымъ и не желали уступать, — хотя въ концѣ концовъ и они при помощи школы и жизни были вовлечены въ общее національно-культурное движеніе. Но для успѣха такого дѣла надо много школъ и такихъ, которыя дѣйствительно давали-бы образованіе, а не только нѣсколько умѣній, легко утрачиваемыхъ за отсутствіемъ достаточныхъ случаевъ для ихъ примѣненія, и чѣмъ скорѣе и сознательнѣе идти на такую борьбу,—тѣмъ лучше.

VIII.

Посѣщеніе учебнаго отдѣла давало возможность познакомиться не только съ преподаваніемъ и его успѣхами, но и съ самими дѣтьми. Внутри прямоугольника, который описываетъ павильонъ, находится большой, убитый щебнемъ и покрытый пескомъ дворъ, куда ежедневно собирались дѣти изъ различныхъ вѣнскихъ школъ и проводили время въ подвижныхъ играхъ, физическихъ упражненіяхъ и пѣніи подъ руководствомъ учителей. Тутъ же былъ устроенъ образцовый залъ для чтеній съ туманными картинами, которыя повторялись ежедневно въ присутствіи дѣтей и постороннихъ посѣтителей. Дѣти держали себя очень непринужденно и кажется находили большое удовольствіе въ этомъ увеселеніи на людяхъ. Такія посѣщенія отдѣла сопровождались сверхъ того и осмотромъ другихъ павильоновъ подъ руководствомъ учителей.

24-го іюня новаго стиля былъ торжественнымъ днемъ для дѣтей, обучающихся въ вѣнскихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Они принесли въ этотъ день свои поздравленія маститому Монарху, пройдя передъ нимъ въ торжественномъ шествіи. Всѣхъ дѣтей изъ 89 округовъ города было 82.000. Погода оказалась очень благопріятною. У

Библиотека "Руниверс"

Hofburg былъ построенъ павильонъ, въ которомъ находился Императоръ со свитой приглашенныхъ и городскими властями, напротивъ него устроено возвышеніе для дѣтскаго хора. Въ 10 часовъ утра всѣхъ дѣтей собрали на площади у городской ратуши, выстроили правильными колоннами и подъ звуки музыки началось праздничное шествіе. Во главѣ процессіи шелъ городской голова Люгеръ, который приблизившись къ Императору произнесъ рѣчь, прося отъ имени учащихъ и учащихся принять выраженіе ихъ вѣрноподданической преданности и любви. Проходя мимо Императора дѣти привѣтствовали его, тогда какъ хоръ пѣлъ народный гимнъ и патріотическія пѣсни. Дѣти шли стройнымъ маршемъ, при чемъ шествіе прерывалось костюмированными въ древне-германскомъ духѣ группами и знаменоносцами. Мальчики были украшены медалями съ портретомъ Императора и несли въ рукахъ флаги, дѣвочкамъ черезъ плечо повязали шарфы національныхъ цвѣтовъ. Императоръ повидимому былъ очень тронутъ, ласково улыбался своимъ маленькимъ подданнымъ, неоднократно выражалъ удовольствіе при видѣ ихъ правильныхъ и ловкихъ движеній и благосклонно благодарилъ хормейстера, подойдя къ павильону, гдѣ стояли поющіе дѣти. Шествіе обошло всѣ главныя улицы, встрѣчая вездѣ сочувственный пріемъ со стороны публики. На дѣтей праздникъ произвелъ тоже очень сильное впечатлѣніе и несомнѣнно очень способствовалъ подъему ихъ патріотическаго духа. Мальчики нѣсколько дней не хотѣли разставаться со своими медалями и долго съ очень важнымъ видомъ щеголяли съ ними по улицамъ.

IX.

На юбилейной выставкѣ въ Вѣнѣ былъ особый отдѣлъ, который непосредственно примыкаетъ по своему содержанію къ описанному выше,—это такъ называемая „Уранія“, состоящая изъ большаго временнаго театральнаго зала, въ которомъ ежедневно происходили чтенія, приспособленныя къ пониманію взрослаго человѣка изъ народа. Матеріаломъ для чтеній служатъ историческіе факты, путешествія и прочее. Чтенія иллюстрируются свѣтовыми картинами, отражаемыми при помощи очень сильнаго электрическаго фонаря. Картины прекрасныя, многія спеціально изготовлены для даннаго чтенія, нѣкоторыя изъ нихъ съ движеніемъ. Кромѣ картинъ каждое чтеніе иллюстрируются по возможности еще и діорамами, которыя устраиваются на особой стѣнѣ за экраномъ и своей рельефностью производятъ вне-

Библиотека "Руниверс"

чатлѣніе на зрителей. Къ залу примыкаетъ рядъ небольшихъ кабинетовъ по физикѣ, химіи, зоологіи, бактеріологіи, механики, горному дѣлу и др., снабженныхъ коллекціями, аппаратами и машинами. Посѣтители могутъ видѣть и сами продѣлывать нѣкоторые наиболѣе интересные опыты и выслушать простое и толковое ихъ объясненіе, даваемое приглашенными для этого лицами. Тутъ же библіотека, небольшая обсерваторія для наблюденій звѣзднаго неба и маленькій образцовый садикъ съ рѣдкими растеніями, снабженными ярлычками съ названіемъ и указаніемъ ихъ родины. Словомъ—„Уранія“ является образовательнымъ учрежденіемъ, дающимъ возможность рабочему классу пріятно и съ пользою провести свободные часы. Оно можетъ имѣть также большое просвѣтительное значеніе и для учащихся различныхъ учебныхъ заведеній и лицъ, стремящихся путемъ самообразованія наполнить свои знанія и расширить свой кругозоръ. Вѣнская Уранія была устроена на подобіе Уранія въ Берлинѣ, которая однако обставлена гораздо лучше. Въ текущемъ году возникло предположеніе объ устройствѣ подобнаго же учрежденія и въ С.-Петербургѣ. Починъ въ этомъ дѣлѣ взяло на себя с.-петербургское городское попечительство о народной трезвости, состоящее подъ предсѣдательствомъ Его Высочества принца А. П. Ольденбургскаго.

X.

Чтобы отвѣтить на вопросъ, поставленный въ качествѣ заглавія, надо привести сравнительныя цифры, которыя показывали бы насколько народное просвѣщеніе подвинулось за время полувѣковаго царствованія Императора Франца Іосифа.

Рядъ цифръ мы находимъ въ каталогѣ учебнаго отдѣла, а тѣ, которыя касаются не низшаго образованія, въ таблицахъ, выставленныхъ въ правительственномъ павильонѣ.

Въ 1848 году расходовалось на начальную школу 2.800.000 гульденовъ, такъ что на одного жителя приходилось 15 крейцеровъ, учащихся было 1.425 т., изъ нихъ: мальчиковъ 745 т. и дѣвочекъ 680 т., ихъ обучало 18.980 учащихъ, въ томъ числѣ 16.750 учителей и 2.230 учительницъ, школьныхъ зданій было 12.700.

Въ 1895—1896 году по этимъ рубрикамъ произошли слѣдующія измѣненія: расходъ на образованіе достигъ теперь до 45 милліоновъ гульденовъ—увеличеніе въ 16 разъ, такъ что на каждаго жителя падаетъ 1 гульденъ 90 крейцеровъ расхода, то есть въ $12^1/_2$ разъ

Библиотека "Руниверс"

больше; учащихся 3.400 т. (въ 2½ раза), изъ нихъ: мальчиковъ 1.710 т., а дѣвочекъ — 1.690 т. Учащихъ 70 т.. изъ нихъ: 51 т. учителей и 19 т. учительницъ. Отношеніе между мальчиками и дѣвочками, и учителями и учительницами улучшилось для послѣднихъ.

Въ 1848 году дѣвочки составляли 41%, учительницы 13%, а теперь—ученицъ почти 49%, учительницъ 37%.

Число школьныхъ зданій тоже увеличилось въ значительной пропорціи: теперь ихъ 19.300, то есть за эти 50 лѣтъ, прибавилось, 6.600, такъ что увеличеніе получилось болѣе, чѣмъ въ 50% противъ 1848 года.

Общее число начальныхъ школъ теперь въ Австріи—17.951, изъ нихъ: одноклассныхъ—8.332, двухклассныхъ—4.426, трехклассныхъ—2.080, четырехклассныхъ—1.210, пятиклассныхъ, шести-и-семиклассныхъ—1.933. Городскихъ школъ (Bürgerschulen)—612. Показатель народнаго образованія 13,5. Стоимость одного учащагося 17 гульденовъ въ годъ. Очень интересны три таблицы, приложенныя къ каталогу и указывающія графически на повышенія % учащихся въ школахъ, въ отношеніи къ числу дѣтей школьнаго возраста. Наиболѣе рѣзкія цифры получились въ Буковинѣ, Галиціи и Далмаціи: въ 1848 году въ Буковинѣ въ школахъ было всего 14% дѣтей, въ Галиціи—15%, въ Далмаціи—26%, теперь же цифры возросли такъ: 76%, 77% и 80%.

Въ Нижней Австріи, Форальбергѣ и Тиролѣ число дѣтей, не посѣщающихъ школы, менѣе 1%. Если взять среднюю цифру по всей Австріи, то получится слѣдующее: въ 1848 году посѣщало школъ 68%, а теперь 92%, то есть на 24% больше, но все таки 8% пока внѣ школъ.

Для сравненія распредѣленія учащихся по національностямъ имѣются данныя только съ 1860 года. Въ этомъ періодѣ дѣтей нѣмцевъ и дѣтей славянъ было по ровну—по 48%, затѣмъ было 3% итальянцевъ 1% иностранцевъ. Теперь же нѣмцевъ всего 40%, славянъ—54%, (изъ нихъ 31% чеховъ и 11% поляковъ), итальянцевъ—4% и иностранцевъ—2%. Вѣроисповѣдный составъ тоже нѣсколько измѣнился, въ 1848 году: католиковъ было—96%, теперь ихъ всего 88%, увеличилось число православныхъ на 5% (вмѣсто 1%—6%) и евреевъ на 3% (вмѣсто 1%—4%).

Для города Вѣны выстроенъ на выставкѣ особый павильонъ, гдѣ тоже представлены нѣкоторыя данныя по народному образованію. Городъ тратитъ на послѣднее 10% своего бюджета—4.500 т. гульде-

Библиотека "Руниверс"

новъ и содержитъ 266 начальныхъ школъ съ 753 классами и 73 городскихъ школы, въ которыхъ 73 т. учащихся. Если сравнить число учащихся не только въ начальныхъ училищахъ, но во всѣхъ вообще учебныхъ заведеніяхъ Австріи, то увидимъ тоже довольно значительное увеличеніе.

Въ 1895—1896 году было:

I. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ — 92.401, учащихся изъ нихъ: въ мужскихъ классическихъ гимназіяхъ—50.300, женскихъ нормальныхъ школахъ (Normalschulen) — 23.600, въ реальныхъ гимназіяхъ—5.850, педагогическихъ учебныхъ заведеніяхъ для учителей—8.183 и для учительницъ—4.468.

II. Въ профессіональныхъ школахъ—111.566, изъ нихъ: въ коммерческихъ и торговыхъ школахъ—14.080, въ техническихъ и ремесленныхъ—92.756 и въ сельско-хозяйственныхъ—4.730.

III. Въ высшихъ спеціальныхъ и духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ—24.990, всего считая упомянутыя раньше—3.400 т. учащихся, въ низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ—3.628.957 человѣкъ.

Въ 1848 году во всякаго рода учебныхъ заведеніяхъ было $1^1/_2$ милліона учащихся (1.460.488), увеличеніе на истекшій періодъ болѣе чѣмъ на 2 милліона учащихся (2.168.489), что по сравненіи съ началомъ царствованія, даетъ возрастаніе равное почти 150%.

Цифры эти, какъ и предъидущія, подтверждаютъ, что въ Австріи народное образованіе шло постепенно впередъ, хотя далеко еще не достигло полнаго развитія и ей не мѣшало бы поучиться у другихъ государствъ, у которыхъ показатель народнаго образованія гораздо выше и дѣло просвѣщенія населенія поставлено лучше. Достаточно сопоставить австрійскій показатель—13,5 и венгерскій—12,5, съ показателями: Соединенныхъ Штатовъ—22,36. Саксоніей—16,6, Швеціей—16, 3, Пруссіей—16,2 и др.

Приведенныя цифры взяты нами изъ графической таблицы, составленной извѣстнымъ статистикомъ профессоромъ Hiemann'омъ и приложенной въ каталогѣ къ той части, въ которой собраны краткія характеристики народнаго образованія въ разныхъ государствахъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Но если Австріи приходится учиться у другихъ странъ, то и у нея можно бы кое-чѣмъ позаимствоваться, хотя бы напримѣръ, въ затронутомъ сейчасъ вопросѣ о статистикѣ.

Почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ ведется теперь правиль-

Библиотека "Руниверс"

ная центральная статистика по народному образованію, согласованная по возможности и съ требованіями международной статистики.

У насъ пока она не организована. Свѣдѣнія собираются по низшимъ учебнымъ заведеніямъ не по однороднымъ таблицамъ, и поступаютъ въ министерство не въ сыромъ видѣ, а подвергшись переработкѣ въ губернской администраціи и въ округахъ, что вызываетъ разновременность въ полученіи матеріала и сильное запозданіе его. Между тѣмъ необходимость въ текущей, срочной, общей статистикѣ дѣлается все настойчивѣе, и министерство, и различныя общества, и земства, и города, какъ только зайдетъ какой нибудь вопросъ, или должны пользоваться неполными и устарѣвшими данными, или предпринимать каждый разъ новое собираніе и разработку сложнаго статистическаго матеріала.

Съ выставкой въ Вѣнѣ произошелъ такой же случай. Австрійское посольство обратилось черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ съ вопросными пунктами, съ цѣлью полученія свѣдѣній для упомянутой выше работы по международной статистикѣ. Другія страны, получившія такіе запросы, послали въ отвѣтъ свои печатные статистическіе труды. Намъ же пришлось собирать весь матеріалъ, который началъ поступать весной, въ сыромъ видѣ, и окончательно былъ обработанъ и напечатанъ лишь въ концѣ октября [1]). Впрочемъ отсутствіе этихъ данныхъ не помѣшало редакціи каталога составить, по имѣющимся печатнымъ даннымъ, небольшой очеркъ, опредѣливъ нашъ показатель почти вѣрно. Показатель Россіи 3,021, а въ таблицѣ цифра—3. Въ отношеніи Финляндіи профессоромъ Гимманомъ допущена очень грубая неправильность, показатель Финляндіи 12,65, а не 3,2, какъ полагаетъ австрійскій статистикъ.

Для Нижегородской выставки, чтобы имѣть своевременно нужныя свѣдѣнія пришлось обратиться къ инспекторамъ и директорамъ народныхъ училищъ, которые доставляли свѣдѣнія непосредственно въ выставочную коммиссію, но и этотъ способъ не можетъ быть признанъ вполнѣ соотвѣтствующимъ требованіямъ быстрой и точной статистики. Наиболѣе подходящимъ исходомъ было собираніе свѣдѣній въ опре-

[1]) Этотъ сборникъ составленный департаментомъ народнаго просвѣщенія озаглавленъ: „Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской Имперіи за 1896 годъ“, изданъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и представляетъ первый опытъ подобнаго рода работъ. Слѣдующее изданіе за 1898 годъ выйдетъ къ парижской выставкѣ. Предполагается выпускать ихъ періодически.

Библиотека "Руниверс"

дѣленные сроки, по карточной системѣ, по каждой школѣ и подсчетъ ихъ на счетныхъ машинахъ, употребляемыхъ для сведенія матеріала по всероссійской переписи. По окончаніи дѣятельности переписной коммиссіи машины эти останутся безъ дѣла, и ихъ могли бы раздать въ тѣ вѣдомства, которыя въ нихъ нуждаются, или передать въ центральное статистическое бюро министерства внутреннихъ дѣлъ, которое сводило бы цифры, могущія для каждаго подлежащаго министерства послужить вѣрнымъ и неустарѣвшимъ матеріаломъ, какъ для отчетовъ о дѣятельности, такъ и для всякаго рода дѣловыхъ соображеній. Аналогичныя мысли по этому вопросу, намъ пришлось слышать отъ г. Тройницкаго, предсѣдателя переписной коммиссіи.

Хотя наша статистика не полна и всегда очень запаздываетъ, но и въ ней можно найдти подчасъ очень краснорѣчивыя указанія.

Есть въ Россіи города, которые тратятъ на образованіе всего по нѣсколько рублей, есть цѣлый рядъ селъ, богатыхъ и населенныхъ, гдѣ нѣтъ совсѣмъ школъ, есть наконецъ даже цѣлые уѣзды, гдѣ имѣется всего по 3—4 школы, на пространство равное нѣмецкому герцогству [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ экономическія обстоятельства этихъ поселеній таковы, что содержаніе школы для нихъ совсѣмъ непосильно, но такихъ случаевъ не много. Въ большинствѣ случаевъ дѣйствуетъ отсутствіе интереса и иниціативы, недостаточно развитое сознаніе, что школа нужна, и прочія условія, противъ которыхъ единственнымъ орудіемъ является обязанность для общинъ и городовъ, съ извѣстнымъ населеніемъ и обезпеченностью, устраивать необходимое число школъ, или цѣликомъ на мѣстныя средства, или при участіи уѣздныхъ или губернскихъ учрежденій, или наконецъ, при поддержкѣ казны. Если вопросъ о введеніи въ Россіи личной школьной повинности еще не назрѣлъ, то установленіе обязательности устройства и содержанія школъ, при соблюденіи, конечно, строгаго соотвѣтствія требованій, со всѣми факторами, могущими обусловить ихъ справедливость и исполнимость—по нашему убѣжденію вполнѣ своевременно. Какъ часто въ деревняхъ не открывается школы, потому что въ сходѣ главную роль играютъ крестьяне, неимѣющіе дѣтей школьнаго возраста, вслѣдствіе недовѣрія, или опасенія, что школа, содержаніе которой опредѣлено въ такой то цифрѣ, обойдется дороже, или въ виду того, что нѣтъ „бумаги отъ начальства“, или по-

[1]) Въ Россіи есть 22 уѣзда и 92 города въ которыхъ нѣтъ ни *одной* одноклассной правильно организованной школы!

Библиотека "Руниверс"

тому что и въ сосѣднемъ селѣ нѣтъ школы, значитъ и намъ не надо и прочее. И какъ часто рядомъ съ такой деревней, гдѣ нѣтъ совсѣмъ училищъ, есть такія, гдѣ ихъ два,—безъ дѣйствительной надобности, а просто потому, что два начальства хлопотали, каждый о своемъ.

Намъ лично пришлось на одномъ сходѣ говорить четыре часа подрядъ, объ открытіи школы, на содержаніе которой требовалась ничтожная сумма въ 60 рублей въ годъ, потому что все остальное давалось со стороны. Вожакъ „опозиціи", подходя къ столу—въ промежуткахъ между общими разсужденіями, убѣжденнымъ и недопускающимъ сомнѣнія голосомъ, говорилъ: „Не надо намъ школы,—потому не желаемъ"; а когда осенью школа была все-таки открыта, то первый послалъ въ нее своего сына, и былъ очень доволенъ, что мальчикъ будетъ грамотенъ. Вотъ и мы дождались школы, сообщалъ онъ всѣмъ съ радостнымъ видомъ.

XI.

Нѣкоторый интересъ представляетъ для насъ существованіе въ Австріи мѣстныхъ школьныхъ совѣтовъ (Ortsschulrathe), такъ какъ они въ извѣстной степени соотвѣтствуютъ проектируемымъ у насъ школьнымъ попечительствамъ.

Въ составъ школьнаго совѣта входитъ отъ 2 до 5 членовъ, выбранныхъ общиннымъ совѣтомъ, при чемъ, старшина въ нѣкоторыхъ провинціяхъ входитъ въ составъ его по должности, въ другихъ нѣтъ, учитель—непремѣнный членъ совѣта съ правомъ голоса, мѣстный священникъ тоже входитъ въ составъ совѣта, но имѣетъ голосъ только въ вопросахъ религіознаго воспитанія; въ Богеміи, Силезіи и Зальцбургѣ—духовныя лица участвуютъ въ совѣтѣ, какъ непремѣнные члены. Члены совѣта, назначенные Общиннымъ Совѣтомъ, не могутъ отказываться отъ исполненія возложенныхъ обязанностей подъ страхомъ штрафа отъ 20 до 250 гульденовъ.

Совѣтъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ учебную часть, хотя членамъ и предоставлено посѣщать школу, но безъ права дѣлать какія либо замѣчанія учителю. Совѣтъ завѣдуетъ хозяйственною стороной училищъ, имѣющихся въ общинѣ, исключая, впрочемъ, школъ правительственныхъ и частныхъ: на немъ лежитъ забота о ремонтѣ школьныхъ зданій, своевременной доставкѣ топлива, наблюденіе за школьнымъ имуществомъ, сборъ платы за ученіе, гдѣ она еще со-

Библиотека "Руниверс"

хранилась и посредничество между педагогическимъ персоналомъ и общиной.

Въ отношеніи учителей очень важны указанныя выше заботы австрійскаго правительства о пенсіи для нихъ, періодическихъ прибакахъ и съѣздахъ. Впрочемъ и у насъ проектъ объ устройствѣ эмеритуры для учителей теперь поставленный на очередь, надо надѣяться будетъ скоро разработанъ и внесенъ въ государственный совѣтъ. Для учащихъ эмеритура представляется весьма существеннымъ шагомъ къ улучшенію ихъ участи.

О полезности съѣздовъ для учителей и лучше всего поуѣздныхъ, различныхъ обществъ взаимопомощи, повторительныхъ и дополнительныхъ для нихъ курсовъ, и устройствѣ и развитіи какъ школьныхъ такъ и центральныхъ учительскихъ библіотекъ, педагогическихъ музеевъ и проч., здѣсь я полагаю нечего и упоминать,—дѣло говоритъ само за себя. Достаточно вспомнить только слова Дистервега: „Учитель учитъ до тѣхъ поръ, пока самъ учится. Кто бросилъ ученіе, пересталъ образоваться, тотъ не можетъ образовывать другихъ".

Не совсѣмъ нормально положеніе учителя, который былъ обученъ и географіи, и отечественной исторіи и не можетъ передать ихъ ученикамъ, потому что этихъ предметовъ нѣтъ въ программѣ начальной школы. Происходитъ такое явленіе оттого, что мы, обладая 23 типами низшихъ учебныхъ заведеній, не имѣемъ всетаки никакого простора при устройствѣ школы. Типы эти различаются по подвѣдомственности, по узаконеніямъ, въ силу которыхъ они возникли, но въ общемъ это или варіаціи одной и той же школы грамотности, или высшіе типы низшихъ школъ, или училища открываемыя только по особымъ правиламъ (2-хъ классныя, министерскія, второклассныя) или въ опредѣленныхъ территоріальныхъ единицахъ городскія, окружныя въ области войска Донскаго, горскія, и проч. Между тѣмъ жизнь предъявляетъ требованія иногда на 2-хъ годичную школу, иногда на 3-хъ 4—5 и даже на 6 годичную. Если мѣстечко велико и есть желающіе учиться до 13—14 лѣтъ, и мѣстныя средства на содержаніе такой школы, то остается только радоваться, что хотя нѣкоторое количество дѣтей получатъ необходимыя знанія по исторіи и географіи родной страны и ознакомятся съ явленіями внѣшняго міра. При 3-хъ годичномъ курсѣ такія свѣдѣнія могутъ быть сообщаемы только попутно при объяснительномъ чтеніи и конечно въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Наблюдая австрійскую школу, намъ приходила высказанная нами и раньше мысль, что если бы у

Библиотека "Руниверс"

насъ была допущена такая начальная школа, которая не ограничивалась бы почти исключительно грамотностью, а заключала въ концентрическомъ 6 лѣтнемъ курсѣ все то, что признается необходимымъ для начальнаго образованія, то это представило бы большое удобство. На практикѣ такихъ школъ можетъ быть оказалось бы не очень много, но была бы возможность переходить отъ 3-хъ лѣтней къ 4-хъ лѣтней, отъ послѣдней къ 5-ти лѣтней—наконецъ къ 6-ти лѣтней. И теперь при трехлѣтнемъ курсѣ, при объяснительномъ чтеніи даются свѣдѣнія по исторіи и географіи Россіи, но ихъ очень и очень немного.

Существуетъ очень много начальныхъ школъ гдѣ дѣти обучаются фактически четыре года, но онѣ не имѣютъ большей программы сравнительно съ тѣми, гдѣ есть три отдѣленія. При существованіи, какъ въ Германіи, ряда комбинацій начальной школы, идущихъ преемственно отъ низшаго къ высшему (какъ по программѣ, такъ и по числу учителей), мѣстность, нуждающаяся въ школѣ, могла бы выбирать себѣ именно тотъ типъ, который ей въ данное время подходитъ, прибавляя классы до установленнаго предѣла, а иногда и понижая его по мѣрѣ того какъ въ этомъ явится потребность. Невозможность, безъ большихъ задрудненій перейдти отъ трехлѣтней школы къ школѣ съ нѣсколько болѣе повышенною программой, вызываетъ иногда задержку въ развитіи населенія, которую въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было бы избѣжать. Насколько мало распространены у насъ историческія свѣдѣнія—извѣстно всякому. Намъ припоминается при этомъ всегда ужасно обидный для русскаго самолюбія разказъ г. Яковлева, который, сидя во время выставки въ саду у памятника Минину и князю Пожарскому, услышалъ такой разговоръ двухъ фабричныхъ лѣтъ 20—25.

„Кому это памятникъ то поставленъ?"—спросилъ одинъ.

— Генералу Минину Пожарскому, что въ двѣнадцатомъ году съ французами дрался,—отвѣтилъ другой.

Очевидно, что фабричный съумѣлъ прочитать фамиліи, но уразумѣть читанное не былъ въ состояніи, не имѣя понятія о томъ, чѣмъ были Мининъ и князь Пожарскій для Россіи!

Австрійская школа дѣлаетъ очень много въ отношеніи развитія въ дѣтяхъ патріотическаго духа и любви къ родинѣ, знакомя дѣтей, какъ мы замѣтили выше, съ дѣятельностью національныхъ героевъ.

Въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ нами было отмѣчено, что боль-

Библиотека "Руниверс"

шинство нововведеній по части призрѣнія, воспитанія и образованія дѣтей, оказавшихся пригодными на практикѣ и привившихся теперь окончательно, могли первоначально осуществиться благодаря частной иниціативѣ, таковы ясли и убѣжища, дѣтскіе сады, ручной трудъ и проч. Частной иниціативѣ не только въ Австріи, но и вездѣ, приходится часто дѣлать опыты и начинать то, на что ни правительство, ни общественныя учрежденія не могутъ рѣшиться, не имѣя соотвѣтствующихъ убѣдительныхъ и твердыхъ данныхъ въ ихъ необходимости и полезности.

Вотъ нѣсколько бѣглыхъ мыслей, на которыя наводитъ обозрѣніе учебнаго отдѣла на юбилейной выставкѣ въ честь Франца Іосифа, царствованіе котораго, какъ мы видимъ, дало не мало для просвѣщенія австрійскаго народа, заложивъ фундаментъ для его дальнѣйшаго культурнаго развитія.

Е. Ковалевскій.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Мартъ, 1889 года.

I.

Я уже не разъ писалъ вамъ о кризисѣ, переживаемомъ у насъ классическимъ образованіемъ и обученіемъ въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Достовѣрно, что въ послѣднихъ число воспитанниковъ уменьшается, а въ заведеніяхъ, содержимыхъ духовенствомъ, оно увеличивается. Палата депутатовъ, пораженная такимъ обстоятельствомъ, пригласила правительство изслѣдовать состояніе средней школы, къ чему и было приступлено въ январѣ текущаго года. Программа изслѣдованія, начертанная палатой, касается статистики средняго образованія, режима въ лицеяхъ и коллегіяхъ, воспитанія, организаціи преподаванія, баккалаврства и инспекціи воспитательныхъ учрежденій. Съ января мѣсяца министерство собрало уже огромное число показаній ученыхъ преподавателей. По полученіи и приведеніи въ порядокъ всѣхъ этихъ матеріаловъ, оно напечатаетъ обширный и, по видимому, любопытный трудъ. А между тѣмъ отдѣльныя лица продолжаютъ заявлять свои мнѣнія по этому вопросу въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Альфредъ Фулье выпустилъ въ свѣтъ блестящее сочиненіе: „Классическая школа и демократія“ (Les Etudes classiques et la Démocratie). Идеалистъ и убѣжденный стороникъ нашихъ національныхъ традицій, Фулье заявляетъ, что Франція унизитъ себя, оставивъ преданія, измѣнивъ латинской цивилизаціи въ угоду англо-саксамъ, германцамъ и славянамъ. „Имѣй Американская республика за собою прошлое и славу Франціи“, восклицаетъ онъ,—„ея блистательную литературу, ея просвѣтительную философію и ослѣпительныя произведенія искусствъ, не подняла бы

Библиотека "Руниверс"

она руки на уничтоженіе собственныхъ традицій, не стала бы отрицать свое дворянство и не стремилась бы къ паденію". Фулье—идеалистъ и философъ, но вотъ и Гуивэ, чистый практикъ, бывшій депутатъ и президентъ одной изъ судебныхъ палатъ, издалъ одновременно книгу: „Греческій и латинскій языки и новое среднее преподаваніе". (Le Grec, le Latin et l'Enseignement secondaire moderne. Гуивэ, какъ и всѣ наши чиновники, убѣжденный гуманистъ — для себя лично. Но онъ полагаетъ, что мы не греки и не римляне а французы XIX и скорѣе даже XX столѣтія, такъ что намъ необходимо образованіе, приноровленное къ нуждамъ нашего времени, для созданія людей готовыхъ, подъ страхомъ упадка, бороться противъ чужестранцевъ. Онъ признаетъ, что и греческій. и латинскій языки могли бы имѣть преимущества, еслибы ихъ дѣйствительно знали при выходѣ изъ заведеній; но такъ какъ языковъ этихъ не знаютъ, то онъ и отдаетъ предпочтеніе *новому* среднему образованію, замѣняющему мертвые языки двумя новыми языками и отводящему законное мѣсто точнымъ наукамъ. Онъ полагаетъ, что „новое" образованіе можетъ культивировать умъ также хорошо, какъ классическое, открывая путь къ школамъ юридической и медицинской. Въ подкрѣпленіе своего заключенія Гуивэ могъ бы привести блестящій примѣръ: президентъ, котораго мы только что лишились, получилъ исключительно коммерческое образованіе; это былъ, какъ говорятъ американцы, a self made man. Его чисто реальное образованіе, не мѣшало ему быть прекраснымъ депутатомъ, весьма хорошимъ министромъ и такимъ же хорошимъ главою государства, какимъ могъ быть гуманистъ, какъ Греви.

Въ Парижѣ основалось, по примѣру уже существующихъ въ провинціи, общество друзей Парижскаго университета. Оно намѣрено собирать средства для созданія новыхъ каѳедръ въ различныхъ факультетахъ, для выдачи пособій лабораторіямъ и библіотекамъ, для организаціи конференцій и лекцій внѣ-факультетскихъ, для выдачи премій и наградъ въ поощреніе занятій, для путешествій и изысканій и для выдачи пособій студентамъ. Оно думаетъ издавать свой періодическій бюллетень, и я намѣренъ извѣщать васъ о дѣйствіяхъ этого общества.

II.

Еще недавно я сообщалъ вамъ о драматическихъ представленіяхъ для учениковъ школъ, даваемыхъ въ нѣкоторыхъ театрахъ Парижа (Французская комедія, Одеонъ) съ цѣлью знакомить учащихся съ

Библиотека "Руниверс"

классическими произведеніями французскихъ и иностранныхъ писателей. Представленіямъ этимъ предшествуютъ сообщенія, объясняющія произведенія, которыя имѣютъ быть представлены. Сообщенія дѣлаютъ такіе выдающіеся люди, какъ Брюнетьеръ, Франсискъ Сарсе, Фагэ, Ларрумэ, Лантильякъ. Лантильякъ — одинъ изъ устроителей драматическихъ спектаклей и имѣетъ наибольшій успѣхъ; онъ задумалъ собрать въ одну книгу всѣ читанныя имъ за десять лѣтъ сообщенія, озаглавивъ ихъ: „Conférences dramatiques“. Это одинъ изъ лучшихъ нашихъ преподавателей въ средней школѣ, написавшій нѣсколько дѣльныхъ этюдовъ по французской литературѣ. Къ книгѣ его присоединено весьма живо написанное введеніе, въ которомъ авторъ излагаетъ свой взглядъ на ораторское искусство и на программу драматическихъ сообщеній. Сообщенія, слѣдующія за введеніемъ, посвящены Шекспиру, Корнелю, Расину, Данкуру, Мариво, Вольтеру, Бомарше, Шиллеру, Этьенну; они изложены живо, отличаются большимъ знаніемъ предмета и могутъ быть особенно полезны иностранцамъ, интересующимся нашею драматическою литературой.

Рядомъ съ книгой Лантильяка несомнѣнно слѣдуетъ упомянуть о книгѣ Эмиля Фагэ: „Drame ancien, drame moderne“. Это уже не просто сборникъ отдѣльныхъ статей, какъ у Лантильяка, а цѣльное изложеніе теоретическихъ соображеній о театрѣ. Фагэ задаетъ вопросъ: что̀ служитъ источникомъ драматическаго возбужденія? Затѣмъ подвергаетъ изученію античную трагедію и классическій духъ французовъ, отношенія театра къ другимъ искусствамъ, греческую драму, современную драму (какъ ее поняли англичане) французскую трагедію, и наконецъ, въ главѣ подъ названіемъ „Три системы“ проводитъ сравненіе между театрами греческимъ, англійскимъ, французскимъ. Греческая трагедія вполнѣ художественна, трагедія англійская отличается глубиной мысли, а трагедія французская — созданіе логики, ораторства, дидактики; онъ признаетъ греческаго поэта истиннымъ поэтомъ, англійскаго драматурга — историкомъ и философомъ, французскаго — діалектикомъ, ораторомъ, проповѣдникомъ морали. Греческая муза есть красота, англійская — жизнь, французская — разумъ. Книга полна тонкихъ и высокихъ идей, своеобразно высказанныхъ.

Издатели педагогическихъ сочиненій печатаютъ постоянно руководства риторики и трактаты о стилѣ. Я не интересуюсь сочиненіями этого рода, построенными большею частью по одному образцу; но для одного изъ нихъ, написаннаго Антуанемъ Альбалà, подъ за-

Библиотека "Руниверс"

главіемъ „L'Art d'écrire enseigné en vingt leçons" сдѣлаю исключеніе. Автора я не знаю; еслибъ онъ состоялъ гдѣ-либо преподавателемъ, то выставилъ бы это на заглавномъ листѣ книги; онъ издалъ уже два тома по вопросамъ литературной критики и два романа. Владѣетъ ли онъ литературнымъ талантомъ—не знаю. Но можно думать, что его остроумно написанная книга принесетъ пользу: онъ не слѣдуетъ обычнымъ путямъ трактатовъ по риторикѣ, но дѣлаетъ серьезныя нововведенія, удачно доказывая примѣрами и анализомъ, какъ слѣдуетъ писать и какъ не слѣдуетъ. Преподаватели литературы могутъ воспользоваться этимъ любопытнымъ трудомъ.

Жозефъ Текстъ тоже мнѣ не извѣстенъ, но о книгѣ его: „Жанъ Жакъ Руссо и начало космополитизма въ литературѣ" я писалъ вамъ. Это сочиненіе было увѣнчано Французскою академіей. Недавно напечатана имъ серія этюдовъ, доказывающихъ, что Текстъ — не только остроумный критикъ, но и отличается осторожностью и ученостью. Книга его подъ заглавіемъ „Etudes de litterature européenne", заключаетъ въ себѣ статьи о вліяніи Италіи на Францію, о почти позабытомъ англійскомъ моралистѣ Генри Броунѣ, въ которомъ авторъ находитъ сходство съ нашимъ Монтенемъ, объ англійскомъ поэтѣ Китсѣ, о которомъ Тэнъ не упоминаетъ въ своей исторіи англійской литературы и котораго называли англійскимъ Андре Шенье, о Уильямѣ Уордсвортѣ и школѣ лэкистовъ, о нѣмецкомъ вліяніи во Франціи, о Елизаветѣ Броунингъ, о литературной гегемоніи во Франціи.

Текстъ изучаетъ преимущественно англійскую и германскую литературы, Лежеръ—литературы славянскія, которыя и преподаетъ во Французской коллегіи. Онъ издалъ у Гашетта третій томъ серіи, озаглавленной: „Russes et Slaves" и служащей въ свою очередь продолженіемъ трехъ томовъ его „Славянскихъ этюдовъ", изданныхъ Леру. Вышедшій нынѣ томъ заключаетъ въ себѣ этюды о Радищевѣ и о либеральныхъ идеяхъ въ Россіи XVIII вѣка, о преподаваніи русскаго языка, о русскихъ путешественникахъ во Франціи (Фонвизинъ, Карамзинъ, Батюшковъ), о Мицкевичѣ и Пушкинѣ, о своевременной чешской литературѣ. Статья о русскомъ языкѣ имѣетъ чисто педагогическій характеръ. Вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ нѣкоторые русскіе ежегодно переселяются во Францію съ цѣлью преподавать русскій языкъ въ общественныхъ или частныхъ школахъ, но большею частью не имѣютъ успѣха. Они не даютъ себѣ отчета въ трудности русскаго языка и въ способѣ преподаванія его французамъ. Послѣ трехлѣтнихъ занятій встрѣчаются ученики, не могущіе отли-

Библиотека "Руниверс"

чить прилагательнаго отъ существительнаго. Лежеръ требуетъ, чтобы преподаваніе русскаго языка было предоставлено французамъ, получившимъ классическое образованіе; требуетъ, чтобы на первый разъ преподаваніе это ограничивалось университетами, и полагаетъ, что только тогда можно будетъ ввести преподаваніе русскаго языка въ лицеяхъ, когда университеты образуютъ достаточно подготовленныхъ учителей, усовершенствовавшихся еще долгимъ пребываніемъ въ Россіи. Къ сожалѣнію, наши лицеисты вовсе не склонны къ изученію языковъ; для нихъ и такъ страшно тягостно изучать одновременно греческій, нѣмецкій и латинскій языки.

Не смотря на медленность, съ которою мы изучаемъ русскій языкъ, Россія уже не представляется, какъ прежде, terra incognita, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ французскихъ ученыхъ (правда, еще не многочисленныхъ). Вамъ уже извѣстно сочиненіе Жюля Легра: „Au pays russe“ и диссертація этого молодаго профессора о „Письмахъ русскаго путешественника“ — Карамзина. Легра написалъ еще новую книгу: „En Sibérie“. Не дожидаясь окончанія сибирскаго пути, онъ проѣхалъ всю Сибирь до Владивостока; онъ имѣлъ большое преимущество предъ прежними французскими путешественниками: свободно владѣя русскою рѣчью, онъ могъ такимъ образомъ самъ судить о людяхъ и предметахъ; книга его, написанная съ юморомъ и талантомъ, заставитъ несомнѣнно нѣкоторыхъ молодыхъ людей послѣдовать его примѣру. Легра состоитъ профессоромъ иностранныхъ литературъ въ Дижонскомъ факультетѣ и читаетъ тамъ курсъ русскаго языка, привлекающій многихъ слушателей. Это драгоцѣнный преподаватель русскаго языка въ нашей странѣ.

Ж. Жюссеранъ—замѣчательный дипломатъ и въ то же время одинъ изъ лучшихъ знатоковъ англійскаго языка и литературы. Онъ преподавалъ эти предметы, въ качествѣ помощника Г. Гизо, во Французской коллегіи и могъ бы сдѣлаться прекраснымъ преподавателемъ, но предпочелъ дипломатію, дающую и бо̀льшій почетъ, и бо̀льшія средства. Все же часы досуга своего онъ посвящаетъ трудамъ объ Англіи и ея литературѣ. Въ послѣдней своей книгѣ онъ изучаетъ весьма любопытный вопросъ: „Shakespeare en France sous l'ancien régime“. Отдѣленные отъ Англіи узкимъ моремъ, французы стараго времени мало знали языкъ и литературу своихъ сосѣдей. Въ „Théâtre du monde“, большомъ географическомъ сочиненіи, изданномъ въ 1645 году въ Амстердамѣ, Жанъ Блау называетъ городъ Стратфордъ-на-Авонѣ мѣстомъ рожденія одного епископа и одного юрисконсульта,

Библиотека "Руниверс"

но имени Шекспира совершенно не упоминаетъ. Въ то время знали еще англичанъ, писавшихъ на латинскомъ языкѣ, напримѣръ, Miltonius, и читали его политическіе памфлеты, но не знали его „Потеряннаго Рая". Этюдъ Жюссерана превосходно объясняетъ, какимъ образомъ французы, поглощенные исключительно изученіемъ италіанскаго и испанскаго языковъ, обратили наконецъ вниманіе на своихъ сѣверныхъ сосѣдей. Въ 1665 году *Journal des savants* задумалъ найдти сотрудника по части англійской литературы; но Шекспиръ только въ XVIII вѣкѣ дѣйствительно перешелъ черезъ Ла-Маншъ; Вольтеръ особенно содѣйствовалъ распространенію во Франціи вкуса къ англоманіи, а первая попытка перевести Шекспира на французскій языкъ относится къ 1745 году. Съ этого времени начинается вліяніе его произведеній на французскую сцену, но особенно сильно это вліяніе обнаружилось только въ XIX вѣкѣ. Надо надѣяться, что и тотъ томъ, который Жюссеранъ посвятитъ этому новому періоду вліянія Шекспира, будетъ столь же любопытенъ.

Друзья французской поэзіи съ удовольствіемъ прочтутъ книгу Эрнеста Жиромскаго „Lamartine poète lyrique". Жиромскій—полякъ по происхожденію, но воспитаніе получилъ во Франціи; учился въ Нормальной школѣ и теперь состоитъ экстраординарнымъ профессоромъ университета въ Бордо. За послѣднее время о Ламартинѣ вышло много сочиненій: Помероль посвятилъ ему томъ восторженныхъ этюдовъ, Эрнестъ Дешанель—два тома серьезныхъ изслѣдованій; наконецъ Жиромскій нашелъ сказать еще много новаго. Онъ считаетъ источникомъ вдохновенія Ламартина Библію, Шатобріана, Руссо, Оссіана, которымъ Ламартинъ искренно восхищался и въ достовѣрности котораго никогда не сомнѣвался, наконецъ Петрарку и картины Италіи, которую онъ такъ часто посѣщалъ и воспѣвалъ. Жиромскій отрицаетъ теорію *среды*, которую распространялъ Тэнъ; онъ находитъ, что поэтъ самъ создаетъ свою среду и преобразуетъ ее по волѣ своей фантазіи. Въ этой увлекательно написанной книгѣ авторъ высказалъ много тонкихъ наблюденій на счетъ великаго поэта, обладавшаго несомнѣнно большою силой лиризма.

Родольфъ Рейссъ выпустилъ въ свѣтъ второй томъ своего сочиненія „Эльзасъ въ XVII вѣкѣ" (L'Alsace au XVII siècle). Это—одно изъ самыхъ значительныхъ историческихъ сочиненій нашего времени. Первый томъ авторъ посвятилъ географіи и политической исторіи Эльзаса, второй — исторіи общественной, умственной и религіозной жизни. Въ цѣломъ рядѣ тщательно разработанныхъ главъ авторъ го-

Библиотека "Руниверс"

воритъ о положеніи дворянства, буржуазіи и крестьянъ, о состояніи гигіены и общественной помощи, о литературѣ, изящныхъ искусствахъ, народномъ просвѣщеніи края (Страсбургскій университетъ, академія въ Мюльсгеймѣ), о положеніи католиковъ, протестантовъ и евреевъ. Авторъ состоялъ преподавателемъ протестантской гимназіи въ Страсбургѣ и городскимъ библіотекаремъ. Оставивъ обѣ должности, онъ переселился во Францію, гдѣ занимаетъ въ настоящее время мѣсто преподавателя въ Школѣ высшихъ знаній. Онъ одинъ могъ написать такую прекрасную, такую полную монографію, проработавъ надъ нею болѣе четверти вѣка.

Книжная фирма Алькана издаетъ „Библіотеку современной исторіи", о нѣсколькихъ томахъ которой я уже писалъ вамъ (напримѣръ, о „Племенахъ и народностяхъ Австро-Венгріи" Ауэрбаха). „Библіотека" эта пополнилась двумя любопытными книгами: „Восточный вопросъ отъ начала до нашихъ дней" (La question d'Orient depuis les origines jusqu'à nos jours) Е. Дріо, профессора лицея въ Орлеанѣ, и „Исторія отношеній между церковью и государствомъ во Франціи отъ 1789 до 1870 года" (L'Histoire des rapports de l'église et de l'état en France de 1789 à 1870), А. Дебидура. Книга Дріо о восточномъ вопросѣ, по видимому,—первый трудъ молодаго преподавателя. Чтобы познакомить его съ читателями, Габріель Моно написалъ къ книгѣ любопытное введеніе. Восточный вопросъ вызвалъ цѣлую литературу; большею частію писали о немъ, вдохновляясь событіемъ даннаго времени, защищая ту или другую тэму, но не писали въ чисто научномъ духѣ. Дріо попытался сдѣлать это, хотя и въ сжатомъ видѣ; изъ всѣхъ нашихъ историковъ онъ первый изложилъ восточный вопросъ ясно и полно, въ самомъ широкомъ его значеніи, то-есть, изложилъ исторію сношеній исламизма съ христіанскимъ міромъ. Въ сущности Европа продолжаетъ, подъ разнообразными формами, вести по прежнему крестовый походъ противъ мусульманъ. Дріо слѣдитъ за развитіемъ восточнаго вопроса отъ начала его, со времени поселенія славянъ на Балканскомъ полуостровѣ; но этимъ онъ не ограничился и описалъ исторію усилій англичанъ и русскихъ въ Азіи, возрожденіе греческой національности и славянскихъ народовъ, исторію Египта, Судана, Эѳіопіи. Все это обработано очень обстоятельно и хорошо изложено. Что касается сочиненія Дебидура объ отношеніяхъ церкви къ государству во Франціи съ 1790 по 1870 годъ, то оно представляетъ интересъ нѣсколько болѣе частный, но впрочемъ является значительнымъ эпизодомъ въ общей политической исторіи Европы. Наполеонъ III, освобо-

Библиотека "Руниверс"

давъ Италію побѣдами при Маджентѣ и Сольферино, остановился предъ разрѣшеніемъ римскаго вопроса. Чтобы объединить Италію, слѣдовало лишить папу его свѣтской власти; но Наполеонъ, дорожившій расположеніемъ къ нему католическаго духовенства, не могъ рѣшиться предоставить свободу дѣйствій Виктору-Эммануилу. Политика такого рода оттолкнула отъ него итальянцевъ, которые въ иномъ случаѣ, быть можетъ, и пришли бы къ нему на помощь въ 1870 году. Дебидуръ, набросавъ картину сношеній церкви и государства при старомъ порядкѣ вещей, объясняетъ, какимъ образомъ революція сдѣлала государство совершенно мірскимъ, и какимъ образомъ католическая религія, подвергавшаяся преслѣдованію во время террора и директоріи, была возстановлена во Франціи при Наполеонѣ I, который однако не замедлилъ впрочемъ вступить въ борьбу съ папскимъ престоломъ; затѣмъ онъ говоритъ о религіозной реакціи, совершившейся во время реставраціи, о вліяніи церкви на школьное преподаваніе, о стараніи Наполеона III беречь церковные интересы, о дѣятельности Пія IX до момента захвата Церковной области Италіей, Дебидуръ—рѣшительный сторонникъ преобладанія государства надъ церковью, но онъ въ то же время и рѣшительный сторонникъ свободы совѣсти. Онъ остановился на 1870 годѣ, чтобы книга его осталась совершенно чуждою современнымъ страстямъ.

Та же фирма Алькана выпустила въ свѣтъ двѣ книги изъ области соціальныхъ наукъ. Первая изъ нихъ: „Ouvriers du temps passé“ („Прежніе рабочіе“) написана Гозе, профессоромъ словеснаго факультета въ Клермонъ-Ферранѣ. Она вошла въ составъ новаго собранія „Bibliothèque générale des sciences sociales“, издаваемаго подъ наблюденіемъ частной Школы соціальныхъ наукъ, основанной въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Книга посвящена изслѣдованію быта рабочихъ во Франціи отъ половины XV до начала XVII вѣка. Въ XIII и XIV вѣкахъ Франція пользовалась организаціей труда относительно однообразною и прочною; это былъ золотой вѣкъ управленія промышленныхъ общинъ, и условія жизни самихъ рабочихъ были не дурны. Съ XVII вѣка возникаетъ новый корпоративный режимъ, сильно организованный и поставленный подъ управленіе государства; онъ былъ уничтоженъ Тюрго и революціей. Этотъ долгій періодъ особенно любопытенъ. Гозе послѣдовательно изображаетъ положеніе ученика и подмастерья, условія работы и ея организацію, размѣры вознагражденія, свободу труда, трудъ женщинъ, рабочія общества. При этомъ въ книгѣ выясняетъ, какъ мало по малу расшатывался

Библиотека "Руниверс"

режимъ промышленныхъ общинъ, имѣвшихъ во времена Людовика Святого даже религіозный оттѣнокъ, и какъ государство стремилось пріобрѣсти въ экономическомъ значеніи тотъ авторитетъ, какого наконецъ дѣйствительно достигло въ XVII вѣкѣ. По изобилію фактовъ и основательности ихъ изслѣдованія книга можетъ одинаково удовлетворить какъ историка, такъ и экономиста.

Книга Эспинаса: „Соціальная философія XVIII вѣка и Революція" всецѣло относится къ соціальнымъ наукамъ. Эспинасъ занимаетъ въ Сорбоннѣ новую каѳедру по этой наукѣ; основана она на средства богатаго мецената, графа де-Шамбрена, устроившаго также на свой счетъ соціологическій музей. Эспинасъ — спеціалистъ по философіи, напечатавшій сочиненія объ экспериментальной философіи въ Италіи, и объ исторіи экономическихъ доктринъ, о происхожденіи технологіи и наконецъ почтенный трудъ: „Республика Платона". Книга, которую онъ издалъ теперь, есть собраніе лекцій, читанныхъ имъ въ Сорбоннѣ.

Классическое образованіе все болѣе и болѣе у насъ скудѣетъ, и мнѣ лишь рѣдко приходится писать вамъ о хорошихъ изданіяхъ греческихъ и латинскихъ авторовъ для употребленія въ нашихъ лицеяхъ. Исключаю однако три книги Мориса Краузе, посвященныя Гомеру. Морисъ Краузе — братъ члена академіи надписей Альфреда Краузе и такой же, какъ онъ, превосходый елленистъ. Три тома его труда заключаютъ въ себѣ: 1) Избранныя мѣста изъ Гомера, (пѣсня I изъ Иліады и пѣсни I и II изъ Одиссеи) съ общимъ введеніемъ о гомеровскомъ вопросѣ, обѣихъ поэмахъ и языкѣ Гомера; 2) Избранныя мѣста изъ Иліады; 3) Избранныя мѣста изъ Одиссеи. Литературный, а также и грамматическій комментарій превосходны; текстъ заимствованъ изъ изданія Тейбнера, съ небольшими поправками. Но, не смотря на всѣ свои усилія, Краузе не спасетъ Гомера отъ пренебреженія, съ которымъ относится къ нему молодое поколѣніе. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ не встрѣтишь человѣка, могущаго цитовать не только Гомера, но и Виргилія; это будетъ также трудно, какъ трудно встрѣтить теперь цитирующаго изъ Зендавесты или говорящаго по санскритски.

„Большая Энциклопедія" быстро идетъ впередъ. Издатели этого колоссальнаго предпріятія желаютъ окончить его къ выставкѣ 1900 года. 24-й томъ идетъ отъ *Mo* до *No*. Онъ заключаетъ въ себѣ важныя статьи по французской литературѣ: *Мольеръ*, *Монтень*, *Монтескье*, сочиненныя Газье, профессоромъ въ Сорбоннѣ; *Mongolie*—

Библиотека "Руниверс"

Блеше, *Moteur* (со множествомъ чертежей)—инженера Муту; *Musique*—разныхъ авторовъ *Mythologie*—Тутэня, *Napoleon*—Монена, *Noblesse*—Гозе. По своемъ окончаніи „Большая Энциклопедія" составитъ цѣлую библіотеку.

Всѣ интересующіе у васъ славянскою филологіей, и особенно церковно-славянскимъ языкомъ, знаютъ знаменитое Евангеліе, написанное частью кириллицей, частью глаголицей и извѣстное подъ названіемъ „Texte du sacre", такъ какъ, сохраняясь въ Реймсскомъ соборѣ, оно употреблялось во время коронованія нѣкоторыхъ Французскихъ королей. Воспроизведеніе этой славной рукописи вышло въ свѣтъ въ 1842 году; оно было приготовлено извѣстнымъ каллиграфомъ-палеографомъ Сильвестромъ и издано на средства императора Николая I. Затѣмъ въ 1846 году появилось малое изданіе Ганки въ Прагѣ, подъ названіемъ: Сазаво-Емаусское святое Благовѣствованіе. Нынѣ рукопись находится въ библіотекѣ города Реймса; но провѣркѣ съ нимъ изданія Сильвестра оказалось, что оно не всегда точно. При посѣщеніи Франціи Его Величествомъ Императоромъ Николаемъ II А. Рамбо, бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія, позволилъ себѣ обратить вниманіе Высокаго Посѣтителя на памятникъ, который интересовалъ уже нѣсколькихъ его предшественниковъ, между прочимъ императрицу Екатерину II. Рукопись, привезенная изъ Реймса, показана была Его Величеству во время посѣщенія имъ Sainte Chapelle въ Парижѣ, вмѣстѣ съ извѣстною хартіей съ русскою подписью королевы Анны. Это событіе обратило на рукопись вниманіе одного реймсскаго библіотекаря, предпринявшаго фотографировать ее. Къ сожалѣнію, снятіе фотографій было произведено при дурныхъ условіяхъ, при дурномъ свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе Реймсская національная академія пожелала издать ее и поручила этотъ трудъ профессору Л. Лежеру. Извѣстный мастеръ снимать снимки съ рукописей посредствомъ геліогравюры Дюжарденъ взялъ на себя матеріальную часть работы. Знаменитая рукопись была снова перенесена въ Парижъ и вновь фотографирована въ особомъ помѣщеніи Національной библіотеки, для того приспособленномъ. Число экземпляровъ, разумѣется, будетъ ограниченное, крайняя цѣна за экземпляръ (малый in quarto, формата оригинала), отпечатаннаго на голландской бумагѣ, съ историческимъ и критическимъ введеніемъ, 100 франковъ. Желающіе пріобрѣсти могутъ подписываться заранѣе по слѣдующему адресу à M. Dujardin, héliograveur 22 Rue Vavin (Paris). Я еще буду писать вамъ по поводу этого любопытнаго изданія.

Л. Л—ръ.

Библиотека "Руниверс"

М. С. КОРЕЛИНЪ.

(Некрологъ).

3-го января безвременно скончался въ Москвѣ отъ паралича сердца одинъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ профессоровъ всеобщей исторіи Михаилъ Сергѣевичъ Корелинъ. Смерть похитила его во цвѣтѣ лѣтъ, полнаго силъ, такъ много обѣщавшаго... Еще слишкомъ свѣжо впечатлѣніе отъ утраты талантливаго ученаго, профессора и безкорыстнаго общественнаго дѣятеля, отличавшагося любовью къ истинному просвѣщенію и нравственною чистотою. Достойная оцѣнка его широкой дѣятельности принадлежитъ будущему; мы же только помянемъ эту прекрасную, цѣльную личность. Покойный провелъ дѣтство далеко не въ культурной обстановкѣ: онъ родился въ 1855 году и происходилъ изъ крестьянской семьи. Грамотѣ обучался онъ у сельскаго дьячка, а первоначальное образованіе получилъ въ уѣздномъ училищѣ. „Ему было шесть лѣтъ, когда по его деревнѣ разнеслась вѣсть о манифестѣ освобожденія,—и онъ вынесъ изъ этой эпохи ту твердую вѣру въ прогрессъ, ту страсть ко всеобщему просвѣщенію и тотъ жизнерадостный оптимизмъ, которые служили украшеніемъ его симпатичной личности“ [1]). Поступивъ въ 1-ю московскую гимназію, онъ рано познакомился съ суровою дѣйствительностью, такъ какъ ему пришлось бороться съ нуждою и лишеніями. Эта борьба пріучила его къ выносливости, закалила его и выработала въ немъ духовную самостоятельность.

Онъ поступилъ, по окончаніи гимназіи, въ московскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ, и занялся все-

[1]) *Русскія Вѣдомости* № 8, 1899. Изъ рѣчи профессора *В. И. Герье* на могилѣ Корелина.

Библиотека "Руниверс"

общею исторіей, исторіей всеобщей литературы и искусства. Еще во времена „западническаго" теченія всеобщая исторія въ московскомъ университетѣ сдѣлалось предметомъ глубокаго вниманія, и ей впервые было отведено самостоятельное мѣсто. Она заняла высокое положеніе въ эпоху воодушевленія и общественнаго движенія сороковыхъ годовъ. Славныя имена Грановскаго, Кудрявцева и Ешевскаго надолго дали окраску преподаванію всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ внесеніемъ въ историческую науку культурно-прогрессивной точки зрѣнія. Эту научную традицію поддерживаетъ и профессоръ В. И. Герье, подъ руководствомъ котораго работалъ Корелинъ. Такимъ образомъ, ученая индивидуальность Михаила Сергѣевича складывалась подъ вліяніемъ незабвенныхъ традицій Грановскаго и „историческаго семинарія" профессора Герье, давшаго ему основные пріемы научной работы. Живая, талантливая натура Корелина рано сказалась въ его увлеченіи западно-европейскою литературой и ея геніальными произведеніями. Еще въ университетѣ онъ написалъ изслѣдованіе легенды о Фаустѣ, за которое получилъ золотую медаль. (Часть этого сочиненія напечатана въ *Вѣстникѣ Европы* за 1882 годъ, №№ 11 и 12 подъ заглавіемъ „Западная легенда о Фаустѣ"). Здѣсь, между прочимъ, онъ устанавливаетъ фактъ связи между распространеніемъ книги о докторѣ Фаустѣ и протестантизмомъ. Окончивъ курсъ со степенью кандидата въ 1880 году, онъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Съ этого времени начинается его усиленная преподавательская дѣятельность, при чемъ въ качествѣ лектора онъ впервые выступилъ на высшихъ женскихъ курсахъ профессора В. И. Герье, на которыхъ читали лекціи многіе выдающіеся профессора. Готовясь къ магистерскому экзамену, онъ давалъ уроки въ нѣсколькихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, читалъ лекціи по исторіи культуры въ московской консерваторіи и былъ преподавателемъ въ Лазаревскомъ институтѣ. Какъ преподаватель, онъ вносилъ постоянно въ преподаваніе освѣжающій духъ науки и всегда привлекалъ къ себѣ симпатіи учениковъ и ученицъ, отдаваясь всею душою своему дѣлу. Въ промежутокъ отъ 1880 года до 1885 года онъ напечаталъ нѣсколько статей и солидныхъ рецензій разнообразнаго содержанія; въ нихъ виденъ его глубокій интересъ къ личному началу въ исторіи и къ эпохѣ гуманизма, которая сдѣлалась потомъ его любимымъ, задушевнымъ предметомъ занятій. Въ 1880 году онъ напечаталъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* „Новые мемуары о революціонной эпохѣ XVIII вѣка", въ 1883 года,

Библиотека "Руниверс"

тамъ же (№№ 7, 8 и 9) „Торквато Тассо и его вѣкъ". На судьбѣ великаго Тассо онъ слѣдитъ за измѣненіями, которыя претерпѣло гуманистическое движеніе въ XV и началѣ XVI вѣка. „Тассо жилъ и умеръ мученикомъ" говоритъ Корелинъ. Въ Тассо боролись два начала: античное міросозерцаніе и традиціонныя воззрѣнія католичества. Эта мучительная борьба, происходитъ ли она въ душѣ передовой личности или въ жизни цѣлаго народа, одинаково захватывала вниманіе историка. Въ *Запискахъ Учителя* помѣщена его рецензія на этюдъ В. Михайловскаго „Серветъ и Кальвинъ", въ 1885 году онъ напечаталъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* „Прошлое современной дипломатіи", а въ *Вѣстникѣ Европы*—большой отзывъ о книгѣ Кертинга („Эпоха возрожденія и германофилы", *Вѣстникъ Европы* № 12), гдѣ подвергъ его взгляды на гуманизмъ серіозной критикѣ. Всѣ эти, и нѣкоторыя другія мелкія работы свидѣтельствуютъ о большой его эрудиціи. Выдержавъ магистерскій экзаменъ, онъ былъ командированъ для научныхъ занятій заграницу, гдѣ провелъ два года, съ 1885 года до 1887 года. Здѣсь съ удивительною энергіей и замѣчательнымъ трудолюбіемъ онъ отдался изученію итальянскаго гуманизма и собралъ массу драгоцѣннѣйшаго архивнаго матеріала, въ Миланѣ, во Флоренціи, въ Ватиканской библіотекѣ, въ Парижской національной библіотекѣ и въ Британскомъ музеѣ. Онъ изучилъ множество рукописнаго матеріала и неизданныя произведенія раннихъ итальянскихъ гуманистовъ, познакомился съ ихъ интимною жизнью, создавая въ этой атмосферѣ свой будущій трудъ. Погрузившись въ чтеніе рукописей, онъ, какъ и гуманисты, жизнерадостный и бодрый, присматривается къ суетѣ жизни и откликается на всякое выдающееся общественное явленіе, дѣлясь своими мыслями со своей родиной. Въ *Вѣстникѣ Европы* за 1886 годъ онъ напечаталъ „Два юбилея въ Берлинѣ", „Студенческія корпораціи въ берлинскомъ университетѣ", „Какъ потратили саксонцы французскую контрибуцію" и др. Цѣлью его занятій былъ гуманистъ Лаврентій Валла, для біографіи котораго онъ собралъ обширный матеріалъ. Но изслѣдованіе о немъ ему не суждено было довести до конца. По возвращеніи изъ заграницы Михаилъ Сергѣевичъ возобновилъ свои лекціи и уроки, читалъ лекціи на женскихъ курсахъ до ихъ закрытія. Такъ какъ онъ былъ хорошо знакомъ съ исторіей искусства, то университетъ поручилъ ему чтеніе лекцій по искусству въ качествѣ приватъ-доцента, а скоро онъ сталъ читать историческіе курсы. Онъ принималъ участіе въ систематическихъ публичныхъ лекціяхъ, гдѣ прочиталъ два

Библиотека "Руниверс"

превосходныхъ, ярко написанныхъ курса: „Важнѣйшіе мотивы въ исторіи средневѣковаго папства“ (напечатано въ *Русской Мысли* за 1890 годъ) и „Культурный кризисъ въ римской имперіи“ (изданъ отдѣльно въ 1895 году подъ заглавіемъ „Паденіе античнаго міросозерцанія“). Оба эти курса, превосходные по изложенію и замыслу, составлены съ культурно-соціальной точки зрѣнія. У Корелина богатая особенность сживаться съ изслѣдуемою имъ эпохою, живо представлять себѣ ея интересы и стремленія. Оттого эти очерки такъ жизненны и пластичны. Но онъ не ограничивался вѣрнымъ и живымъ представленіемъ прошлаго, а старался выяснить общія нормы развитія историческаго процесса даннаго момента времени. Онъ мастерски нарисовалъ возникновеніе и ростъ средневѣковаго папства и выяснилъ его культурное значеніе въ разные моменты его жизни. „Паденіе античнаго міросозерцанія“—тема глубоко-захватывающая своимъ драматизмомъ. Корелина, какъ и Грановскаго, интересовали „переходныя“ эпохи въ исторіи человѣчества. По выраженію Грановскаго, въ нихъ есть „трагическая красота“. „Въ цѣлой исторіи человѣчества едва ли найдется отдѣлъ въ такой степени поучительный и вызывающій къ раздумью, какъ послѣднія столѣтія римскаго міра“, говорилъ Грановскій [1]). Въ страшной схваткѣ одряхлѣвшаго язычества и христіанства, Корелина интересуютъ не соціальныя, политическія и экономическія причины торжества христіанства, а психологическія условія эпохи. И здѣсь, *индивидуализмъ* у него на первомъ планѣ. Его интересуютъ представители культурныхъ классовъ, которые вели отчаянную борьбу съ новымъ нравственнымъ идеаломъ и которые пали въ этой борьбѣ. Рядъ увлекательно написанныхъ страницъ языческаго религіознаго движенія I и II столѣтія, психологія культовъ, великолѣпные портреты Адріана, стоиковъ, эпикурейцевъ и неоплатониковъ дѣлаютъ его небольшую книжку въ высшей степени поучительною, а свойственный Корелину изящный, картинный языкъ придаютъ ей ту особенную прелесть, какою отличаются напримѣръ, сочиненія Буасье. Среди этихъ разнообразныхъ занятій, основнымъ нервомъ его ученой жизни былъ итальянскій гуманизмъ. Семь лѣтъ работалъ онъ надъ огромнымъ матеріаломъ, пока написалъ въ 1892 году свою диссертацію. До выхода ея въ свѣтъ онъ напечаталъ нѣсколько статей, относящихся къ эпохѣ гуманизма, искусству, помѣстилъ много тонко написанныхъ, художественныхъ и театральныхъ рецензій. Въ *Русской Мысли* за

[1]) Сочиненія, т. II, 240.

Библиотека "Руниверс"

1888 годъ (№№ 7 и 8) напечатана его статья „Петрарка, какъ политикъ". Въ ней онъ объясняетъ интересъ Петрарки къ политикѣ его патріотизмомъ, его вѣрой въ могущество личности. Средствомъ для политическаго вліянія была народившаяся въ эпоху гуманизма публицистика. Въ политикѣ Петрарка былъ практикомъ, а не теоретикомъ, и по своимъ политическимъ пріемамъ является предшественникомъ Макіавелли. Въ другой своей статьѣ „Искусство и дѣйствительность" (*Русская Мысль* 1889 г., № 4) онъ опредѣляетъ существенные признаки художественнаго произведенія. Подъ искусствомъ онъ понимаетъ „идеальное или типическое воспроизведеніе жизни, предназначенное, вполнѣ или отчасти, для удовлетворенія эстетическихъ потребностей" [1]). Ему важно выяснить задачу исторіи искусства, которую, какъ входящую въ составъ общей исторіи культуры, онъ считаетъ необходимымъ разсматривать съ всемірно-исторической точки зрѣнія; тогда задача эта сведется къ генетической классификаціи художественныхъ памятниковъ. Въ 1892 году онъ закончилъ свою диссертацію „Ранній италіанскій гуманизмъ и его исторіографія" (Москва, 1892 года). Этотъ капитальный трудъ—(VIII + 1087 + 73 стр.) Корелинъ скромно представилъ въ Московскій университетъ въ качествѣ *магистерской* диссертаціи, но факультетъ далъ автору *докторскую* степень и каѳедру всеобщей исторіи. Въ отзывѣ, представленномъ въ факультетъ, сказано объ этомъ замѣчательномъ трудѣ, что съ нимъ „долженъ будетъ знакомиться всякій, занимающійся въ Россіи всеобщей исторіей", а проф. Н. И. Карѣевъ, написавшій подробный разборъ этого труда, выразился, что трудъ этотъ „сдѣлалъ бы честь любой литературѣ" [2]). Академія Наукъ увѣнчала сочиненіе Корелина преміей митрополита Макарія такъ какъ оно—„весьма крупный, важный и цѣнный ученый трудъ, самостоятельный, вносящій много новаго въ науку, существенно ее обогащающій новыми фактами, наблюденіями и воззрѣніями" [3]). Бо́льшую половину своего изслѣдованія Корелинъ посвятилъ изслѣдованію на основаніи исключительно документальныхъ источниковъ самого гуманизма, опредѣленію сущности гуманистическаго движенія, его причины и результатовъ;

---

[1]) *Русская Мысль*, 1889 г., № 4, стр. 64.

[2]) Итальянскій гуманизмъ и новый его изслѣдователь. *Вѣстникъ Европы*, 1893, августъ, сентябрь, октябрь, IX, 563 стр. См. также „Отчетъ о шестомъ присужденіи Академіею Наукъ преміи митрополита Макарія"—отзывъ *Н. И. Карѣева* о сочиненіи Корелина.

[3]) „Отзывъ" проф. *Н. И. Карѣева*, стр. 30.

Библиотека "Руниверс"

меньшая половина посвящена исторіографіи. Пользуясь, главнымъ образомъ, рукописнымъ матеріаломъ, онъ изслѣдовалъ научно-литературную дѣятельность Салютато и Бруни и *первый* разсмотрѣлъ сочиненія Дж. да Ровенна. Въ кругу гуманистовъ, Корелинъ чувствуетъ себя совершенно, какъ среди близкихъ людей. Его обширная эрудиція рядомъ съ хорошею методологическою подготовкой дали ему полную возможность распоряжаться въ области критики и комбинаціи источниковъ. Онъ представилъ читателю глубокій анализъ сочиненій выдающихся гуманистовъ и нарисовалъ картину эволюціи гуманизма. Сущность гуманизма заключается, по его опредѣленію, „въ критическомъ отношеніи къ средневѣковымъ формамъ культуры во имя новыхъ индивидуальныхъ потребностей и въ стремленіи выработать основанное на нихъ новое міросозерцаніе, то-есть новую этику, педагогику, политику и науку, при чемъ авторитетная классическая древность служила только оружіемъ для борьбы со старой культурой и опорой для выработки новаго міросозерцанія“ [1]). Съ особеннымъ вниманіемъ отнесся Корелинъ къ интереснѣйшей личности перваго гуманиста,—къ Петраркѣ, которому въ его книгѣ всего больше мѣста (около 250 стр.).

„Его біографія можетъ служить ключемъ для пониманія начальной исторіи самого движенія“ (283 стр.). Замѣчательно деликатно разбирается Корелинъ въ самыхъ сокровенныхъ изгибахъ души Петрарки, чутко прислушивается къ тону его переписки и даетъ тонкій анализъ его сочиненій, которыя служатъ ему для воспроизведенія личности перваго гуманиста. То же сдѣлано и по отношеніи къ Боккачіо. Но выдающіяся фигуры первыхъ гуманистовъ не заслонили передъ историкомъ и скромныхъ поклонниковъ Петрарки. Онъ проникаетъ въ ту среду, гдѣ приходилось дѣйствовать Петраркѣ и вызываетъ къ свѣту цѣлую галлерею современниковъ, друзей, учениковъ и послѣдователей первыхъ гуманистовъ. Въ диссертаціи Корелина счастливо сочетались глубокая ученость и увлекательность изложенія. Тема поставлена такъ широко и жизненно, что его громадный трудъ сдѣлается достояніемъ всего образованнаго общества, а не однихъ ученыхъ. Цѣлый рядъ статей и публичныхъ лекцій, появившихся послѣ диссертаціи, касаются, главнымъ образомъ, любимаго его вопроса — гуманизма. Въ 1894 году имъ прочитана была лекція въ пользу комитета грамотности о „Первой гуманисткѣ“ (*Русская Мысль*,

[1]) *Корелинъ*, Ранній италіанскій гуманизмъ, стр. 1076.

Библиотека "Руниверс"

1894 г.), потомъ объ „Л. Б. Альберти и его отношеніи къ наукѣ и искусству“ (напечатано тамъ же), въ 1895 году въ *Вопросахъ Философіи* появилась его статья: „Этическій трактатъ Лоренцо Валла“ (*Вопросы Философіи и Психологіи*, 1895 г., № 29 и 30), а въ 1896 году онъ издалъ „Очерки итальянскаго возрожденія“—небольшую, изящную книжку, отъ которой вѣетъ свѣжестью, бодростью и поэзіей. Въ ней собрано 6 его статей. (Что такое „Возрожденіе“. Петрарка, какъ политикъ. Первая гуманистка. Л. Б. Альберти и его отношеніе къ наукѣ и искусству, Casa giojosa. Отношеніе гуманистовъ къ вещественнымъ памятникамъ классической древности). Съ 1897 года открывается рядъ статей въ *Вопросахъ Философіи* подъ заглавіемъ: „Очерки развитія философской мысли въ эпоху возрожденія“. Въ этихъ очеркахъ онъ начинаетъ съ міросозерцанія Петрарки, которому „предстояла трудная задача выработать новую эпоху“ [1]), такъ какъ „истинной философіи, какъ ее понималъ Петрарка, не оказалось ни у древнихъ, ни у средневѣковыхъ писателей“. Давъ анализъ воззрѣній Петрарки, Корелинъ говоритъ, что его міросозерцаніе „иллюстрируя связь новой мысли съ предыдущими эпохами, формулируетъ исходные пункты, пріемы и основныя положенія философіи Возрожденія“ [2]). Этическій трактатъ Лоренцо Валла его интересуетъ потому, что онъ представляетъ собою первую попытку дать теоретическое обоснованіе и моральное оправданіе настроенія большинства гуманистовъ, ихъ единомышленниковъ и покровителей [3]). На археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ имъ былъ прочитанъ рефератъ „Первые шаги классической археологіи“.

Въ своей ученой и профессорской дѣятельности М. С. оставался гуманистомъ, въ лучшемъ и широкомъ смыслѣ этого слова. Его интересуетъ *человѣкъ*. Вездѣ онъ находитъ и освѣщаетъ живую личность, вездѣ придаетъ большое значеніе индивидуальности въ разработкѣ біографій онъ обнаруживалъ особую силу и особенное мастерство тщательнаго анализа, основательной и оригинальной оцѣнки. Въ исторіи онъ выдвигаетъ преимущественно ея идейную сторону. Онъ представитель культурнаго направленія въ наукѣ, съ ея глубокимъ интересомъ къ внутреннему міру человѣка, религіи, философіи, моральнымъ и политическимъ идеямъ, наукѣ, литературѣ

[1]) *Вопросы Философіи и Психологіи*, 1897, № 1, стр. 53.
[2]) Тамъ же, № 2, стр. 381.
[3]) *Вопросы Философіи и Психологіи*, 1895, № 30, стр. 557.

Библиотека "Руниверс"

и искусству. Гуманизмъ—самая дорогая для него тема — былъ для него чѣмъ-то родственнымъ по своему оптимизму, жизнерадостному настроенію и широкому индивидуализму, любви къ просвѣщенію, наукѣ и поэзіи. Во всѣхъ его произведеніяхъ господствуетъ всемірно-историческая точка зрѣнія, которая такъ ясно сказывается при изученіи имъ отдѣльныхъ дѣятелей эпохи гуманизма. У него было широкое пониманіе исторической науки и глубокая вѣра въ нее. Широта его научнаго воззрѣнія, разнообразные и живые историческіе интересы придаютъ жизненный характеръ его сочиненіямъ. Исторія, какъ наука, находится у него въ связи съ философіей, но онъ отрѣшился отъ узко-утилитарнаго взгляда на исторію. Наукѣ онъ придавалъ общественное, воспитательное значеніе, видѣлъ въ ней могучую культурную силу и стремился, науку связать съ жизнью, чтобы она была руководительницей общества. Этимъ объясняется его замѣчательно широкая и разнообразная дѣятельность. Онъ не оставался кабинетнымъ ученымъ. „Общественное значеніе каждой науки", говоритъ онъ [1]), „заключается въ ея просвѣтительномъ вліяніи и начинается съ того момента, когда результаты научнаго изслѣдованія выходятъ изъ кабинета или изъ лабораторіи, становятся достояніемъ болѣе или менѣе широкихъ круговъ общества и оказываютъ воздѣйствіе на мысль и черезъ нее на жизнь". Нравственный долгъ и общественное служеніе ученаго, говоритъ онъ далѣе, „есть популяризація науки". Самъ онъ находитъ высокое наслажденіе въ томъ, чтобы пускать въ оборотъ свои знанія. Какъ преподаватель средней школы, онъ былъ превосходнымъ популяризаторомъ. Однако, популяризація многаго требуетъ, иначе она теряетъ общественное значеніе. Популяризаторъ долженъ показать „существованіе тѣсной связи между различными сторонами общественной жизни" [2]). Наконецъ, онъ особенно подчеркиваетъ важность популяризаціи для народнаго чтенія. Въ популяризаціи каждой науки Корелинъ видитъ не только образовательное, но и практическое значеніе, которое заключается въ моральномъ и политическомъ воспитаніи читателя. Въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ даетъ всемірная исторія. „Ознакомленіе съ факторами этого прогресса ясно покажетъ необходимость интереса отдѣльной личности къ общественнымъ дѣламъ, нравственную обя-

[1]) Что можно дать для народнаго чтенія изъ всемірной исторіи. (Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета, стр. 40.

[2]) Тамъ же, стр. 43.

Библиотека "Руниверс"

занность общественнаго служенія, разовьетъ чувство долга по отношенію къ обществу и государству“ [1]). Воспитательное значеніе всеобщей исторіи состоитъ еще въ томъ, что она развиваетъ чувство справедливости. Она можетъ научить „*уважать* чужеземца, показавъ его превосходство во многихъ отношеніяхъ“ [2]), Важно отмѣтить здѣсь еще ту строго-научную точку зрѣнія, которую Корелинъ прилагалъ и къ популяризаціи науки. Его отталкиваетъ всякое отступленіе отъ этой точки зрѣнія. Народная литература—не проповѣдь: „всякія лирическія отступленія и назидательныя поученія здѣсь совершенно излишни“ [3]). Съ такими взглядами пошелъ онъ, съ огненною энергіей, на встрѣчу народному образованію, много и неустанно работая въ Московскомъ обществѣ грамотности. Онъ выступилъ лекторомъ на воскресныхъ чтеніяхъ, организованныхъ обществомъ распространенія техническихъ знаній и прочиталъ рядъ художественно составленныхъ, идейныхъ лекцій о „Египетскихъ богахъ, ихъ храмахъ и изображеніяхъ“, объ „Ассирійскомъ народѣ и его богахъ-покровителяхъ“, о „Финикійскихъ мореплавателяхъ и ихъ культурѣ“. о „Средневѣковой церковной готикѣ и ея историческихъ основахъ“. Потомъ эти лекціи вышли отдѣльно подъ заглавіями „Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи“. Они могутъ служить прекраснымъ образцомъ талантливой популяризаціи исторіи. Какъ членъ правленія Общества Комитета Грамотности и предсѣдатель его редакціонной комиссіи, онъ много думалъ объ организаціи народныхъ чтеній и написалъ весьма интересную статью о томъ, „что можно дать для народнаго чтенія изъ всемірной исторіи“. Въ *Дѣтскомъ Чтеніи* за октябрь и ноябрь 1898 г. онъ напечаталъ живые очерки—„Кто были наши предки, гдѣ и какъ они жили“. Просто и занимательно знакомитъ онъ маленькихъ читателей съ археологіей, ея развитіемъ и значеніемъ для исторіи, съ до-историческимъ періодомъ, памятниками и бытомъ каменнаго вѣка, антропологическими расами и теоріями объ арійской расѣ. Такъ умѣлъ онъ внести научность, гуманность и художественность не только въ ученую литературу, но и народную. Но живой умъ Корелина не ограничивался этимъ. Будучи солиднымъ спеціалистомъ и выдающимся ученымъ, онъ въ тоже время былъ широко образованнымъ человѣкомъ. Это была тонкая, художественная, эсте-

---

[1]) Сборникъ въ пользу студентовъ, стр. 44.
[2]) Тамъ же, 45.
[3]) Тамъ же, 47.

Библиотека "Руниверс"

тическая натура, интересовавшаяся всевозможными явленіями жизни. Съ тонкой наблюдательностью умѣлъ онъ схватывать, найдти и оттѣнить свѣтлыя стороны общественныхъ явленій, сразу выдвинуть назрѣвшій вопросъ и активно принять участіе въ его разрѣшеніи. Множество статей, рецензій, театральныхъ рецензій и замѣтокъ, разбросанныхъ въ *Русской Мысли*, *Артистѣ*, и газетѣ *Курьеръ* свидѣтельствуютъ о его необыкновенной разносторонности. Его статьи въ въ *Русской Мысли* о современномъ искусствѣ богаты цѣнными замѣчаніями, въ которыхъ виденъ строгій. безпристрастный, справедливый критикъ, не только умѣвшій найдти прекрасное въ разныхъ произведеніяхъ искусства и передать свои художественныя впечатлѣнія, но видѣвшій свою задачу въ томъ, чтобы развивать эстетическій вкусъ читателя и вліять на его эстетическія чувства. Въ искусствѣ Корелинъ не сторонникъ публицистики, но каждый художникъ имѣетъ неотемлемое право „проводить въ жизнь путемъ художественнаго творчества свои религіозныя этическія и историческія воззрѣнія, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы эти идеи не искажали художественной правды и не оскорбляли эстетическаго чувства [1]). Искусство „требуетъ совершенства формы“ писалъ онъ въ посмертномъ своемъ обозрѣніи художественной выставки [2]), а „мазки и пятна, какъ бы они удачны не были, еще не составляютъ истиннаго искусства“. По вопросамъ общаго образованія мы находимъ много статей въ *Курьерѣ* за 1898 годъ, гдѣ Корелинъ работалъ подъ заголовкомъ „Изъ записной книжки стараго педагога“. Замѣтки этого „стараго педагога“ написаны широко, свободно, горячо и правдиво. Онъ откликается на каждый вопросъ, поднятый въ педагогическомъ мірѣ. Рѣзко онъ высказывается противъ централизаціи и регламентаціи, которыя вредятъ „такому живому дѣлу, какъ школьное образованіе“ [3]), нѣсколько разъ возвращается къ вопросу о подготовленіи учителей для средней школы. Въ № *Курьера* отъ 4-го января, вышедшемъ послѣ его смерти, Корелинъ высказался противъ проекта устава педагогическихъ семинарій. Одновременно съ замѣтками, касавшимися народнаго образованія, онъ помѣщалъ въ *Курьерѣ* до конца своей жизни яркіе, остроумные очерки заграничной жизни—„За рубежомъ“. Здѣсь фиксировалась имъ каждая новинка, литературная или политическая. Мы находимъ здѣсь сообщенія о

[1]) *Русская Мысль* 1898 г., № 11, стр: 201.
[2]) *Русская Мысль* 1899 г. январь, стр. 178.
[3]) *Курьеръ*, 1898 г. № 294.

Библиотека "Руниверс"

новыхъ романахъ Нордау, Сарду и т. д., знакомимся съ всевозможными курьезами европейской жизни, находимъ часто массу юмора и свѣжести.

До послѣднихъ минутъ работалъ свѣтлый умъ Корелина; но сердце не выдержало... Онъ стойко поддерживалъ умственныя и нравственныя традиціи сороковыхъ годовъ, „и онъ будетъ жить въ памяти того университета, съ жизнью котораго слилась его такъ преждевременно прерванная жизнь“ [1]).

П. Конекій.

---

[1]) Надгробная рѣчь проф. *В. И. Герье*. — Памяти Корелина посвящена теплая статья въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, № 6.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОНОМАТОЛОГІИ.

1. Ἀχαιοί.

Древнѣйшимъ общимъ названіемъ всего греческаго народа считается слово Ἀχαιοί, весьма часто употребляемое въ поэмахъ Гомера, для обозначенія всѣхъ грековъ, ополчившихся на Трою или оставшихся дома въ Греціи. Не такъ часто употреблены другія два общія названія Ἀργεῖοι и Δαναοί. Вся Эллада „ахейская земля", Ἀχαιίς γαῖα, γῆ (Ил. 1, 254; 7, 124; Од. 11, 166; 480), Ἀχαιίς αἴη (Од. 13, 249) или просто Ἀχαιίς (Од. 23, 68). Въ противоположность къ этому широкому значенію, Ахеею въ историческія времена звали еще двѣ отдѣльныя области Эллады, одну—лежавшую на сѣверномъ прибережьѣ Пелопоннеса, а другую—занимавшую югъ Ѳессаліи, Фтіотиду. Для объясненія такого двойнаго примѣненія имени представляются три возможности. Или имя Ахея, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ историческихъ переворотовъ, потеряло свое прежнее общее значеніе и отъ обширной территоріи ахейцевъ остались только небольшія области, пелопоннисская и ѳессалійская. Вторая возможность та, что широкое значеніе имени Ахеи развилось изъ болѣе ограниченнаго. Третьею же возможностью считаемъ, что значеніе имени было такое, что одновременно возможно было называть Ἀχαία и всю Грецію, и извѣстныя отдѣльныя ея области. Первая возможность по отношенію къ пелопоннисской Ахеѣ была принята древними историками и комментаторами Гомера [1]). Возникла теорія, что въ эпоху троянской войны, предшествовавшей вторженію въ Пелопоннисъ дорійцевъ, ахейское племя, управляемое династіею Атридовъ, занимало весь полуостровъ. Вытѣс-

[1]) Страбонъ, 8, 365; 383; ср. Геród., 8, 73 и Полив., 2, 41.

Библиотека "Руниверс"

ненные повсюду дорійскими завоевателями, ахейцы отступили на сѣверное прибережье и, отнявъ его у іонійцевъ, отстояли тамъ свою независимость. Такимъ образомъ, великая Ахея, извѣстная Гомеру, превратилась въ Ахею позднѣйшую [1]).

Право населенія двѣнадцати городовъ пелопоннисской Ахеи считаться потомками древнѣйшаго населенія всего полуострова подлежитъ сильному сомнѣнію. Греческая діалектологія показываетъ, что жители пелопоннисской Ахеи, какъ и населеніе ахейскихъ колоній Италіи, говорили на одномъ изъ сѣверо-дорійскихъ нарѣчій, распространенныхъ по областямъ средней Греціи, лежавшей по ту сторону Патрасскаго залива. Настоящее же древнѣйшее населеніе Пелопонниса, судя по нарѣчіямъ аркадянъ и кипрскихъ грековъ, вышедшихъ, по видимому, изъ Лаконіи, рѣзко отличалось отъ дорійскаго типа. Очевидно, Ахея, южный берегъ Патрасскаго залива, получила свое населеніе не съ юга, изъ Пелопонниса, а скорѣе съ сѣвера, съ противолежащаго берега залива, изъ средней Греціи. А такъ какъ у ахейцевъ Фтіотиды опять было свое самостоятельное нарѣчіе, близкое къ діалектамъ Ѳессаліи, нѣтъ никакого основанія устанавливать прямую историческую или этнографическую связь какъ между ахейцами Пелопонниса и Ѳессаліи, такъ и между этими двумя единицами и ахейцами Гомера.

Теорія, только что разбираемая, старалась изъ обширнаго ахейскаго народа Гомера вывести спеціальныхъ ахейцевъ Пелопонниса, не обращая при этомъ вниманія на ѳессалійскую Ахею. Вторая теорія налегаетъ исключительно на ахейцевъ Ѳессаліи, выводя изъ нихъ всеахейцевъ Гомера. Теорія эта сводится къ такому предположенію: Иліада образовалась изъ болѣе древнихъ поэмъ, героями которыхъ были Ахиллъ и его народъ, ѳессалійскіе ахейцы обыватели Фтіотиды. Имя Ἀχαιοί, разъ установившееся для обозначенія народа, осаждавшаго Трою, впослѣдствіи было уже перенесено и на другихъ героевъ и ихъ войска не ахейскаго происхожденія, которые мало-по-малу прибавлялись къ Ахиллу въ разныхъ пересказахъ саги. Въ результатѣ получилось общее названіе всего греческаго народа [2]). Это объясне-

[1]) Hinze, Entwickelung der homer. Poesie 254; Бузольтъ, Gr. G., 2-е изд. 1, 190.

[2]) Догадка эта предложена Бузольтомъ Gr. G., 2-е изд. 192, а еще ранѣе подобная мысль была высказана Бенедиктомъ Hinze Entw. d. Hom. Poesie 254. По его предположенію, однако, неправильно обобщено было названіе народа Агамемнона, не Ахилла, пелопоннисскихъ ахейцевъ, не ѳессалійскихъ.

Библиотека "Руниверс"

ніе съ перваго взгляда кажется остроумнымъ, однако тѣмъ оно неудобно. что заставляетъ оперировать съ такими неопредѣлимыми и темными факторами, какими являются предположенія о происхожденіи гомеровскаго эпоса. При всемъ этомъ остается неразрѣшеннымъ вопросъ о самомъ значеніи термина Ἀχαιοί. Пуститься въ догадки о происхожденіи и развитіи термина, не зная опредѣленнаго его значенія, едва ли можно назвать научнымъ рѣшеніемъ вопроса. Мы думаемъ обратить свое вниманіе именно на эту часть задачи, на этимологическій разборъ слова Ἀχαιοί. Узнавъ его значеніе, мы будемъ въ состояніи съ бо́льшею увѣренностью судить о различныхъ способахъ его примѣненія.

Древнѣйшее свидѣтельство о словѣ Ἀχαιοί доставили намъ древнеегипетскіе памятники. Въ пятый годъ царствованія фараона Меренптаха (около 1225 г. до Р. Хр.) прошедшія чрезъ Сирію полчища сѣверныхъ приморскихъ народовъ напали на дельту, въ союзѣ съ ливійцами, но были разбиты фараономъ. Въ надписи, повѣствующей о побѣдѣ, перечислены народы акайваша. руку, турша, шакаруса и шардена. Въ „акайваша“ вполнѣ справедливо усматриваютъ греческое слово Ἀχαιϝός. Форма суффикса подтверждается латинскою транскрипціею Achivus [1]). Слѣдуетъ ли разумѣть подъ этими ахейцами грековъ вообще или жителей какой-нибудь частной Ахеи, невозможно рѣшить. Нельзя все-таки не обратить вниманія на фактъ, что судя по вѣроятному маршруту чрезъ Сирію [2]) и сообщничеству ликійцевъ (Ruku), акайваша, вѣроятно, пришли изъ Малой Азіи. Тутъ въ сосѣдствѣ ликійцевъ на прибережьѣ Памфиліи и Киликіи съ древнихъ временъ поселились греческіе колонисты. Еще во время Геродота (7, 91) было извѣстно, что сосѣдніе киликійцы ранѣе назывались Ὑπαχαιοί, то-есть, живущіе подъ Ахеею, за Ахеею. Далѣе, часть сѣвернаго прибережья острова Кипра, обращеннаго къ той же Памфиліи, называли Ἀχαιῶν ἀκτή [3]). Изъ этихъ двухъ фактовъ возможно вывести предположеніе, что въ Памфиліи и Киликіи была

---

[1]) Сл. Гесса, Zur Aussprache des Griechischen (Indogerm. Forsch. 6, стр. 129) и Штрейтберга, тамъ же, стр. 134.

[2]) В. Максъ Мюллеръ, Asien und Europa nach aegyptischen Denkmälern, стр. 356.

[3]) Страбонъ 14, стр. 682; Птолемей 5, 14, 4. Ἀχαιῶν ἀκτή, сѣверный берегъ того узкаго полуострова, который составляетъ сѣверо-восточную оконечность Кипра. Къ сожалѣнію, не извѣстно названіе другаго, южнаго берега того же полуострова.

Библиотека "Руниверс"

Ахея, третья частная область такого названія, а изъ нея-то, можетъ быть, происходили ахейцы, напавшіе на царство фараоновъ.

'Αχαιϝός есть ἐθνικόν, производное отъ названія страны 'Αχαία; слѣдовательно, это послѣднее имя должно служить предметомъ этимологическаго разбора. Съ именемъ критскаго города 'Αχαία связывается (въ схоліи на Аполлонія Род. Arg. 4, 175) названіе особой породы оленей ἔλαφος ἀχαΐνης или, по формѣ предпочитаемой поэтами, ἀχαιΐνης, въ женскомъ родѣ ἀχαϊνέη [1]). Сюда же относится ἀχαΐνας ἄρτος, особенно большой хлѣбъ, который пекли въ одинъ изъ дней празднества Θεσμοφόρια, въ день называемый Μεγαλάρτια [2]).

Имя существительное ἀχαιΐνης, ἀχαΐνης и прилагательное ἀχαιΐνεος посредствомъ суффиксовъ—ίνης (ср. ἐλαφίνης, ἐργατίνης, κεντρίνης, ὀξίνης) и—ίνεος (ср. ἐλαΐνεος, λαΐνεος, φηγίνεος и др.) производятся отъ основы ἀχα-, ἀχαι-, которая, по видимому, кроется также въ 'Αχαία, 'Αχαιοί. Выяснить значеніе основы намъ поможетъ синонимное названіе оленя ἀχαιΐνης, а именно σπαθίνης [3]). Словомъ σπάθη, какъ извѣстно, означаются разные предметы, широкіе и плоскіе, какъ то лопатка, бердо, широкій конецъ весла (πλάτη), мечъ, стебель у листьевъ пальмы и др. Итакъ, σπαθίνης или σπαθιναῖος ἔλαφος [4]), очевидно, порода оленей, отличающаяся особенно широкими, лопато-образными рогами [5]). Подобная порода дѣйствительно водится въ Греціи, какъ и въ другихъ странахъ, окружающихъ Средиземное море; это ланъ (cervus dama). Такъ какъ ἀχαΐνης, ἀχαιΐνης тотъ же олень съ широкими рогами, а ἀχαΐναι ἄρτοι употребляемыя въ празднество Μεγαλάρτια большіе, широкіе хлѣба, невольно напрашивается сближеніе нашихъ словъ со словомъ ἀχανής, собственно сильно зіяющій (χαίνω, χάσκω), разверстый, открытый, обширный, пространный, необъятный. Въ томъ и другомъ словѣ отмѣтимъ такъ называемое α intensivum или двѣ

---

[1]) Аристт. Hist. an. 9, 5: ἤδη δ' εἵληπται ἀχαίνης ἔλαφος. — Аполлоній Arg. 4, 175: ἣ ἐλάφοιο Γίγνεται, ἣντ' ἀγρῶσται ἀχαινέην καλέουσιν. — Оппіанъ Cyneg. 2, 426: Κερόεσσαν ἀχαινέην. — Вабр. fab. 95, 87 Τοιαῦτα κωτίλλουσα τὴν ἀχαΐνην Ἔπεισεν ἐλθεῖν δὶς τὸν αὐτὸν εἰς Ἅιδην. — Антол. Палат. 6, 195, 2 Καὶ σκόλος μφιδόρου στικτὸν ἀχαΐνεω. Ср. Наука Aristoph. Byz. fragm. стр. 123.

[2]) Athe 3, p. 109: ἀχαΐνας. τούτου τοῦ ἄρτου μνημονεύει Σῆμος ἐν ὀγδόῳ Δηλιάδος λέγων ταῖς θεσμοφόροις γίνεσθαι, εἰσὶ δὲ ἄρτοι μεγάλοι, καὶ ἑορτὴ καλεῖται Μεγαλάρτια, ἐπιλεγόντων τῶν φερόντων· ἀχαΐνην στέατος ἔμπλεων τράγον.

[3]) Евстаѳій, стр. 711: εἰ μὴ ἄρα οἱ ἀχαΐναι καὶ σπαθῦναι λεγόμενοι, ἡλικί διαφέρουσιν ἢ εἴδει, καὶ κεράτων ἰδιότητι καὶ μεγέθει.

[4]) Схол. Аполл. Род. 4, 175.
Наукъ Aristoph. Byz. fragm., стр. 124.

Библиотека "Руниверс"

разновидности двусложнаго корня, относящіяся къ одной основѣ. χα — съ прибавленіемъ детерминанта ν (ср. χαίνω, χανεῖν, χάνος, χανδόν; другой детерминантъ *ϝ* является въ χάϝος, χαῦνος) и χαι (ср. дрвн. geinôn, дрсл. зѣяти). Пониженіемъ основы представляются въ лат. hio, hisco, hiatus, дрвн. ginen, дрсл. зіяти [1]).

Какъ ἀχανής служитъ опредѣленіемъ открытаго, обширнаго, необъятнаго пространства, напримѣръ, земли, моря, равнины (χώρα, πέλαγος, πεδίον), также, полагаемъ, Ἀχαία есть пространство, неразграниченное точными или узкими предѣлами. Подобное опредѣленіе подходило къ равнинамъ, и дѣйствительно три частныя Ахеи, ѳессалійская, сѣверопелопоннисская и памфилійская представляли собою равнины, безгорныя плоскія страны. Съ другой стороны, въ противоположность къ узкому ограниченному объему острова или полуострова необъятно широкимъ пространствомъ является материкъ. О такомъ именно понятіи о материкѣ явно свидѣтельствуетъ названіе обитаемаго нами материка. Въ извѣстномъ классическомъ мѣстѣ, являющемся древнѣйшимъ для насъ свидѣтельствомъ о географическомъ названіи Εὐρώπη, въ гомеровомъ гимнѣ въ честь дельфійскаго Аполлона (ст. 72) сказано:

ἠμὲν ὅσοι Πελοπόννησον πίειραν ἔχουσιν,
ἠδ' ὅσοι Εὐρώπην τε καὶ ἀμφιρύτας κατὰ νήσους,
χρησόμενοι.

Къ дельфійскому оракулу будутъ являться для воспрошенія и приношенія гекатомбъ всѣ, которые обитаютъ полуостровъ, Пелопоннисъ, и которые обитаютъ острова и, наконецъ которые обитаютъ „страну обширную", Εὐρώπη, то-есть материкъ Эллады [2]). Слово Εὐρωπη (γῆ), съ дифференціацею ударенія, обычною для именъ собственныхъ, ничто другое какъ имя прилагательное εὐρωπός, произведенное отъ εὐρύς, подобно тому какъ аналогичное στενωπός произведено отъ στενός, „узкій" [3]). Ахея Гомера европейская Греція, греческій материкъ со включеніемъ Пелопоннниса, только безъ острововъ, какъ видно изъ словъ Одиссеи 11, 166: οὐ γάρ πω σχεδὸν ἦλθον Ἀχαιΐδος, οὐδέ πω ἀμῆς γῆς ἐπέβην. Одиссей говоритъ, что ни разу еще не

[1]) Родство двухъ корней, двусложнаго ἀχα(:)ν— и односложнаго χαν—видно изъ упомянутаго у Гесихія глагола ἀχαίνει· σαίνει, παίζει, κολακεύει, если только вспомнить, что и χαίνω зѣвать принимаетъ значеніе „ѣстить".

[2]) См. Пиндара Нем. 4, 69 ἀπότρεπε αὖτις εὐρωπᾶν ποτὶ χέρσον ἔντεα ναός. До Бергка обыкновенно читалось Εὐρώπαν ποτὶ χέρσον.

[3]) Фикъ Bezz. Beitr. 22, 225; авторъ усматриваетъ въ εὐρωπός и στενωπός еще слово ὀπή „отверстіе".

Библиотека "Руниверс"

подъѣзжалъ близко ни къ ахейской землѣ, ни къ своей собственной, острову Ионакѣ, хотя, съ другой стороны, и послѣдняя иногда не исключается изъ общаго понятія Ἀχαιίς, какъ названія европейской Греціи, въ противоположность къ отдаленной азіатской Троѣ [1]). Выраженіе Ἀχαιοί, какъ и Εὐρώπη, намъ кажется, возникли на островахъ и могло бы служить довольно явнымъ указаніемъ на происхожденіе гомеровской поэзіи на какомъ-то островѣ, примѣрно Лесбосѣ или Хіосѣ, считаемомъ родиною поэта и его потомковъ, Гомеридовъ.

Проводя параллель между терминами Ἀχαία и Εὐρώπη, упомянемъ еще что богиня Димитра въ Віотіи и Аттикѣ носила эпитетъ Ἀχαία, а въ той-же Віотіи, въ Ливадіи, эпитетъ Εὐρώπα [2]). Въ Аѳинахъ чтили Димитру Ἀχαία κουροτρόφος (C. I. A, 3, 373), а такъ какъ κουροτρόφος значитъ „вскармливающая дѣтей или юношей", эпитеты Ἀχαία и Εὐρώπη, вѣроятно, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ nominis agentis, „расширяющая, увеличивающая, придающая ростъ" [3]). Впрочемъ, въ Давніи былъ храмъ Аѳины, также называемой Ἀχαία (Аристот. mirab. ausc. c. 117).

Въ заключеніе упомянемъ, что названіе Ἀχαιοί въ болѣе поздніе времена давалось одному изъ кавказскихъ народовъ, стяжавшихъ себѣ довольно громкую извѣстность въ качествѣ опасныхъ морскихъ разбойниковъ на Черномъ морѣ. Хотя греческіе ученые по обыкновенію своему не преминули, по кажущемуся сходству имени, привести ихъ въ историческую связь съ ахейцами Гомера, на самомъ дѣлѣ едва-ли была какая-бы то ни была связь между тѣми и другими. Греки, какъ извѣстно, очень любили измѣнять варварскія имена собственныя, придавая имъ видъ греческихъ [4]). Мнимыхъ ахейцевъ Чернаго моря Шифнеръ производилъ отъ абхазскаго слова áquâ „жители прибережья". (Паули-Виссова 1, 204).

Мы должны, по скудости дошедшихъ до насъ свѣдѣній, оставить открытымъ вопросъ, въ какихъ значеніяхъ слѣдуетъ понимать названія Ἀχαία одного критскаго города (схол. на Аполлонія Род. 4, 175).

---

[1]) Од. 13, 249 Τροίην—τήνπερ τηλοῦ φασὶν Ἀχαιΐδος ἔμμεναι αἴης; 23, 68 αὐτὰρ Ὀδυσσεὺς ὦλεσε τηλοῦ νόστον Ἀχαιΐδος, ὤλετο δ' αὐτός.

[2]) См. Преллера-Роберта Gr. Myth. 1, 752.

[3]) Сыномъ пресловутой царевны Европы былъ Μίνως, то-есть уменьшитель (см. μείων, μινύθω). Это настоящее названіе царя преисподней, обыкновенно δι' εὐφημίαν называемаго Πλούτων, то-есть умножитель.

[4]) Примѣръ можно найти въ рецензіи Фикка на Юсти Iran. Namenbuch въ Bezz. Beitr. 24, стр. 310.

Библиотека "Руниверс"

укрѣпленнаго мѣста около Ялиса на островѣ Родосѣ (Діод. 5, 57; Аѳиней 8, 360 e), источника близъ города Анданіи въ Мессеніи (Павс. 4, 33, 7) и наконецъ, холма лежавшаго недалеко отъ города Кариста на Эввіѣ (Стеф. Визант. s. v.). Непонятно также, почему названы Ἀχαιῶν λιμήν (Achaeorum portus) гавани въ разныхъ мѣстахъ, въ Эолидѣ, Мессеніи и на берегу Понта (Паули-Виссова 1, 205). Не менѣе загадочны, по выше указанной причинѣ, Ἀχαΐχαροι (отъ χάρος, χαρόω?), родъ жрецовъ-прорицателей въ Воспорскомъ царствѣ (Страбонъ 16, 762), и Ἀχαιομάντεις, къ которымъ относится довольно неясная глосса Гесихія: οἱ τὴν τῶν θεῶν (?) ἔχοντες ἱερωσύνην ἐν Κύπρῳ. Позволительно думать о такомъ родѣ прорицанія, который практиковался, между прочимъ, въ Додонѣ такъ называемыми Σελλοὶ χαμαικοῖται. Откровенія получались во время сна на землѣ. Если догадка наша могла-бы быть подтверждена какими-нибудь вѣскими данными объ Ἀχαιομάντεις и Ἀχαΐχαροι, тогда ἀχαία здѣсь имѣла значеніе низкаго мѣста, почвы, земли.

А. Эшманъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

АРХАИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ СЪ ОСТРОВА СИКИНА.

Въ іюнѣ 1895 года баронъ Гиллеръ-фонъ-Гертрингенъ и Альфредъ Шиффъ наткнулись на островѣ Сикинѣ случайно на небольшую надпись или, вѣрнѣе, на небольшой обломокъ надписи, которую мы имѣемъ полное право считать одною изъ самыхъ древнихъ греческихъ надписей. Найдена надпись на разстояніи одного метра къ востоку отъ церкви Ἐπισκοπή. Цвѣтъ камня—желтовато-синій. Длина его—0,55 м., ширина—около 0,20 м., толщина—0,15—0,16 м. Лѣвая часть камня, то-есть первые 0,12 м. съ краю, сохранилась не вполнѣ. такъ какъ лицевая сторона ея отбита. Края камня не выровнены, такъ что начало надписи могло быть и выше первой строки. Вотъ точный снимокъ съ камня:

Первая буква верхней строчки слѣва можетъ быть или η, или знакъ густаго придыханія, какъ это мы видимъ изъ надписей Θиры, Милоса и другихъ острововъ Эгейскаго моря. Второй знакъ—или σ, или ι. Третій—или ο, или ω. Четвертый—ν. Пятый—ε. Шестой—π. Седьмой—ο. Первый знакъ второй строчки слѣва—очевидно, η; вто-

Библиотека "Руниверс"

рой—или μ (въ такомъ случаѣ второй знакъ первой строчки—σ), или такъ называемое tsade, то-есть ς; третій—α; послѣдній—ν.

Проще всего, конечно, принять 4 послѣднихъ знака за конецъ надписи. Тогда третій съ конца знакъ долженъ быть ς. Мы читаемъ, стало быть: ησαν. Къ этому какъ нельзя лучше примыкаютъ 3 послѣдніе знака первой строчки: επο, такъ что получается: ἐπόησαν или, добавляя ι послѣ ο,—ἐποίησαν. Первые 4 знака мы можемъ прочесть въ такомъ случаѣ: ηίων, hίων или ήιον, дополняя слѣдующимъ образомъ: ὁ δεῖνα καὶ Δ]ηίων (отъ √ δε; ср. δέος страхъ, δείδω δειλός, δεινός) или Ἐκ]hίων или Ἀμπ]hίων и т. п.; или: ὁ δεῖνα καὶ ὁ δεῖνα, οἱ τοῦ δεῖνος παῖδες τὸ σαμ]ήιον ἐποίησαν. Окончаніе—ησαν слѣдуетъ представить себѣ помѣщеннымъ подъ срединою предыдущей строки.

Такъ читаетъ надпись Гиллеръ. Кирхгофъ находитъ *возможнымъ* иное чтеніе, принимая второй знакъ первой строчки за ς, второй знакъ второй строчки—за μ. Въ такомъ случаѣ первыя 4 буквы слѣдуетъ понимать, какъ часть собственнаго имени, напримѣръ: ΤΛ(ΗΣΟΝ)=Τλήσων, далѣе ἐπο[ίει]; во второй строкѣ мы могли бы ожидать, напримѣръ, имя отца, и Кирхгофъ находитъ возможнымъ дополнить 4 буквы такъ:

hο Σ]ημάν—
[τορος],

при чемъ, однако, является то затрудненіе, что часть камня послѣ ν не обнаруживаетъ никакихъ слѣдовъ надписи, такъ что волей-неволей приходится предположить, что рѣзчикъ безъ всякой видимой причины перенесъ послѣднія 5 буквъ въ новую строку, сокративъ предпослѣднюю сравнительно съ предыдущими.

Интересно то обстоятельство, что если мы примемъ первое чтеніе, то надпись по своему алфавиту примыкаетъ къ древнѣйшей изъ извѣстныхъ до сихъ поръ надписей о. Милоса (Παῖ Διὸς Ἐχφάντωι.....); если же принять второе чтеніе, то алфавитъ ея оказывается наиболѣе близкимъ къ алфавиту о. Накса, и именно двухъ надписей: Никандры и Динагора, относящихся къ VI вѣку до Р. Х. (Впрочемъ, надпись Никандры написана βουστροφηδόν, и знакъ для η и густаго придыханія — закрытый: ⊟; надпись же Динагора имѣетъ σ о 4 линіяхъ: Σ). Разстояніе о. Сикина отъ обоихъ упомянутыхъ острововъ одинаковое. Впрочемъ, въ виду большей вѣроятности перваго чтенія, скорѣе слѣдуетъ сблизить надпись съ древнѣйшей надписью о. Милоса (въ которой іота пишется еще ломаною линіею, тогда какъ во

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ остальныхъ милосскихъ надписяхъ она обозначается вертикальной чертою). Время нашей надписи, стало быть, приблизительно первая половина VI вѣка до Р. Х., къ каковой эпохѣ относится именно надпись Экфанта.

Надпись наша, очевидно, имѣла отношеніе къ какому-то предмету, часть котораго она, быть можетъ, и составляла. Что касается до мѣста ея изготовленія, то нѣтъ необходимости полагать, что она представляетъ непремѣнно алфавитъ письменности *мѣстнаго* населенія: надпись могъ вырѣзать и иноземецъ и привезти затѣмъ на о. Сикинъ, могъ даже вырѣзать и на самомъ о. Сикинѣ буквами знакомаго ему алфавита. Поэтому мы пока еще не можемъ на основаніи ея одной вывести какое-либо положительное заключеніе о томъ, было ли населеніе острова въ то время, къ какому относится надпись, дорійское или іонійское. *Когда* явилось на островъ іонійское населеніе, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ.

Ф. Видеманъ.

Библиотека "Руниверс"

ЭЛЕКТРА.

Трагедія Еврипида, сына Мнесархова; была поставлена на аѳинскую сцену, вѣроятно, на городскихъ Діонисіяхъ, весною 413 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА,

въ порядкѣ ихъ появленія на сцену.

Микенскій пахарь. III.
Электра, его названная жена. I.
Орестъ. II.
Пиладъ (безъ рѣчей).
Хоръ изъ мѣстныхъ дѣвушекъ.
Корифей—старшая дѣвушка.
Старый дядька Агамемнона.
Вѣстникъ.
Клитемнестра, при ней свита изъ фригійскихъ плѣнницъ. } III.
Діоскуры (говоритъ Касторъ).

Дѣйствіе происходитъ въ Аргосѣ, недалеко отъ границы, передъ бѣдной деревенской хижиной.

Библиотека "Руниверс"

ПРОЛОГЪ.

Лунная ночь на исходѣ. Бѣдная лачуга. Вдали спускъ къ рѣкѣ, въ волнахъ которой, колеблясь, отражается луна. Передъ домомъ бѣдный алтарь Аполлона.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПАХАРЬ.

(Выходитъ изъ лачуги, неся въ рукахъ упряжь).

О, древній край Аргосскій, о, Инахъ!
Изъ вашихъ водъ когда-то Агамемнонъ
Свой гордый флотъ подъ Трою уводилъ,
Чтобъ тамъ, убивъ державнаго Пріама,
Дарданскія твердыни сокрушить
И варварской безсчестною добычей
Измѣрить высь аргосскихъ храмовъ... Да... (Пауза).
Онъ за̀ моремъ былъ счастливъ, а въ Микены
Вернулся чтобъ погибнуть, отъ сѣтей
Своей жены, подъ дланію Эгиста.

(Пріостанавливается, потомъ тише и измѣнившимся голосомъ)

Когда, свой древній скипетръ уронивъ,
Сраженный царь упалъ, Ѳіеста чадо
Пріяло тронъ Атридовъ, и его
Жену, Тиндара дочь. Атридомъ дѣти
Оставлены здѣсь были—до войны—
Дитя Орестъ и нѣжный цвѣтъ Электра,—
Такъ мальчика Ѳіестовъ сынъ убить
Готовился, да спасъ его кормилецъ
И къ Строфію, Фокидскому царю,
Украдкою дитя унесъ, а въ отчемъ
Чертогѣ дочь осталась. И ее
Чуть разцвѣла, со всей Эллады сватать
Съѣзжалась знать.
Трепещущій Эгисѳъ,
Да не родитъ царевна отъ вельможи,
Атриду внука—мстителя, ее

Библиотека "Руниверс"

Отъ жениховъ запряталъ дальше въ теремъ,
Но не обрѣлъ покоя: будто сына
Вельможѣ дать нельзя и подъ замкомъ. (Помолчавъ)
Къ дѣтенышу и у волчихи въ сердцѣ
Любовь живетъ, и Клитемнестра—мать
Электру отъ ножа его спасаетъ...
Вѣдь чтобъ зарѣзать мужа хоть предлогъ
Она имѣла, а за кровь дѣтей
Ей ненависть грозила безъ пощады.
Ѳіестовъ сынъ придумалъ наконецъ:
За голову бѣжавшаго Ореста
Онъ золота убійцамъ посулилъ,
А дочь царя мнѣ въ жены онъ вручаетъ.
Микенецъ я исконный: древній родъ
Порочить свой, конечно, я не буду.
Но что она, благая кровь, коль ей
Богатствомъ не вѣнчаться? Злая бѣдность
Задушитъ славу имени. Эгисѳъ
Расчитывалъ, что, обручивъ царевну
Ничтожному, онъ на ничто сведетъ
И самую опасность. Вѣдь, пожалуй,
Вельможный зять молву-бы окрылилъ,
Онъ карой-бы грозилъ убійцѣ тестя... (Помолчавъ)
О, избранный Эгисѳомъ бѣдный мужъ
Царевнина не опорочилъ ложа:
Она чиста—Кипридою клянусь.
Да, я-бы счелъ позоромъ надъ дѣвицей,
Рожденною въ чертогѣ, коль ее
Мнѣ случай въ жены отдалъ, издѣваться...
И стоны грудь вздымаютъ мнѣ, когда
Подумаю, что *если* нареченный
Нашъ зять Орестъ вернется въ Аргосъ и
Несчастный бракъ сестры своей увидитъ...
И если кто безумцемъ назоветъ
Меня за то, что ложа дѣвы юной
Я, мужъ ея, коснуться не дерзну,
Пускай своей другихъ не мѣритъ мѣрой
И скромнаго хоть вчужѣ да почтитъ...

(Отходитъ въ сторону и перебираетъ упряжь).

Библиотека "Руниверс"

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Изъ дома выходитъ Электра худая, блѣдная, съ воспаленными юрящими глазами; черные остриженные волосы, темный и грубый пеплосъ; ставитъ на голову кувшинъ, готовясь идти къ рѣкѣ за водою.

ЭЛЕКТРА.

О, ночь, о, мать, свѣтила золотыя
Вскормившая... Царевну и кувшинъ
На головѣ у ней и спускъ ты видишь
Къ рѣкѣ... О, знай, что не нужда
Меня подъемлетъ съ ложа, злая дерзость
Эгисѳова шлетъ стоны изъ моей
Груди въ просторъ небесъ къ отцовской тѣни...
Злодѣйка мать въ угоду своему
Любовнику, Электрѣ Тиндарида,
Закрыла дверь чертога и, прижив,
Другихъ дѣтей съ Эгисѳомъ, мнѣ и брату
У очага пріюта не даетъ.

ПАХАРЬ. (Видя ее, подходитъ и ласково)

Что мучишься, несчастная? тебѣ ли
Нашъ грубый трудъ? ты въ нѣгѣ рождена...
Не я-ль просилъ: „Электра, брось работать“.

ЭЛЕКТРА.

Ты золъ моихъ позоромъ не вѣнчалъ:
Какъ бога, чту тебя я. О, для смертныхъ
Въ несчастіи найдти врача такого,
Какимъ ты мнѣ явился—это кладъ...
И буду-ль ждать приказа я, чтобъ бремя
Твоихъ трудовъ дѣлить съ тобою, милый?
Иль мало въ полѣ дѣла у тебя...
Оставь мнѣ домъ! Пріѣхавъ съ нивы, пахарь
Пойдетъ ли самъ къ обѣду за водой?...

ПАХАРЬ. (Улыбаясь)

Ну, потрудись, коли своя охота,
Да благо-жъ и вода не далеко...

Библиотека "Руниверс"

А мнѣ сбираться видно... чуть забрезжетъ,
Быковъ веду на ниву—нынче сѣвъ.
Да, кто лѣнивъ, пусть съ устъ его не сходятъ
Слова молитвъ, а хлѣба не сберетъ.

(Уходятъ оба. Электра спускается на рѣку и долго видна, пахарь въ полѣ налѣво).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Справа входятъ Орестъ и Пиладъ съ небольшой свитой; они въ короткихъ и темныхъ перекидкахъ, вмѣсто шлемовъ у нихъ войлочныя шляпы, вродѣ той, въ которой изображаютъ Гермеса, и короткіе мечи.

Орестъ.

О, мой Пиладъ, для бѣднаго Ореста
Ты—первый и послѣдній другъ: когда
Эгисеъ и мать моя проклятая
Вдвоемъ отца убили и пришлось мнѣ
Весь этотъ ужасъ пережить, одинъ
Ты отъ меня, Пиладъ, не отвернулся.
Сюда, въ Аргосскій край, меня ведетъ
Вѣщаніе оракула—объ этомъ
Я никому не говорилъ, но *кровь*
Отцовская здѣсь отольется кровью
Его убійцъ. Сегодня ночью тамъ,
У гроба я и плакалъ, и воло́съ
Оставилъ первый локонъ—кровь овечью
Тайкомъ отъ новаго владыки я проли́лъ,—
Но въ городъ не войду я: двѣ причины
На это есть: во-первыхъ, если насъ
Шпіонъ какой узнаетъ, можно скрыться
Въ сосѣдній край; да и желалъ-бы я
Сестру найдти—по слухамъ, замужъ вышла
Она, и теремъ дѣвичій забытъ.
А въ мести мнѣ сестра поможетъ, вѣрно...
Черезъ нее узна́ю, что̀ у насъ
Творится въ домѣ отчемъ... (Встаетъ).
Но на небѣ
Свой бѣлый ликъ заря ужъ кажетъ: да,

Библиотека "Руниверс"

Приходится съ пути свернуть—быть можетъ,
Иль пахаря мы встрѣтимъ, иль рабу,
И намъ они откроютъ, гдѣ жилище
Электрино...

(Оглядывается и видитъ приближающуюся Электру, которая идетъ, еле передвигая ноги, поднимаясь въ гору, съ тяжелымъ кувшиномъ на головѣ).

Смотри, Пиладъ, какъ разъ
Служанка по-воду къ рѣкѣ спускалась, видно,
Кувшинъ несетъ; послушаемъ, изъ устъ
Не вырвется-ль у ней на наше счастье
Намекъ какой.... довольно слова... тс.с....

(Прячется, и свита, по знаку Ореста, тоже. Зрителямъ они видны, но не замѣтны ни Электрѣ, ни хору, который долженъ скоро войдти на сцену. Во время двухъ слѣдующихъ явленій—между ними мимическая сцена).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Электра.

Строфа I.

О, не медли, не медли, заря встаетъ...
И выше, выше, плача, вздымайся....
О, тяжко!
Я отъ корня Атридова,
Тиндарида жестокая
Нѣжный цвѣтъ принесла царю...
Но въ Аргосскихъ слыву устахъ
Я бѣдной Электрой.
Зломъ и мукой повита я,
Горемъ вспоена.
Ты-жъ, отецъ, адской тьмой одѣтъ,
Ложа брачной подругой убитъ, лежишь
И Эгисѳомъ съ нею зарѣзанъ.... (Плачетъ).
Улетайте, рыдая, стоны!
Сердцу пить чашу слезъ такъ сладко...

Антистрофа I.

О, не медли, не медли заря, встаетъ...
И выше, выше, плача, вздымайся....

Библиотека "Руниверс"

О, тяжко!
Гдѣ твой городъ, гдѣ домъ, скажи.
Бѣдный братъ? съ кѣмъ ты дѣлишь хлѣбъ?
И зачѣмъ среди зла и слезъ
Въ отчемъ теремѣ кинулъ ты
Электру, Электру?
Ты придешь ли къ страдалицѣ,
Цѣпь сорвать съ нея?
Боже вышній, за кровь отца
Принести сюда алчущій мести мечъ
Дай, о Зевсъ, скитальцу Оресту!
Улетайте, рыдая, стоны!
Сердцу пить чашу слезъ такъ сладко...

Строфа II.

(Приходитъ къ хижинѣ и, снявъ кувшинъ, ставитъ его на землю).

Тяжкое бремя... Довольно... (Простирая руки къ небу).
а ты, что рыданьемъ
Ночи оплаканъ... Заря занялась.
Слышишь, родимый?
О, внемли же пѣснѣ надгробной!
Плача, я изъ могилы зову тебя.
День и ночь, день и ночь я
Изнываю—ланиты въ кровь
Острымъ ногтемъ разорваны,
И избито чело мое
Въ честь тебя, царь-отецъ мой...

Месодъ. (Царапая лицо).

Не жалѣй, не жалѣй ланитъ.
Слышишь: тамъ
У ручья и тоскуетъ и мечется,
Плача, лебедь—дѣтенышъ отца зоветъ,
Крѣпкой сѣтью покрытаго,
Такъ въ слезахъ я зову тебя,
Такъ, несчастный, тебѣ я молюсь, отецъ.

Антистрофа II.

Только что тѣло омыть ты склонился, родимый,
Смерти объятья открылись тебѣ...

Библиотека "Руниверс"

О, что за мука!...
О, сѣкиры ударъ ужасный,
И въ чертогахъ о ужасъ свиданія!...
Не въ цвѣтахъ, и не съ лентами
Клитемнестра тебя ждала,
А съ сѣкирой отточенной,
Чтобъ Эгисоу царя отдать,
Ложа хитрому другу..

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

На сцену поднимаются дѣвушки изъ окрестныхъ мѣстностей. Во время слѣдующаго парода онѣ располагаются вокругъ алтаря.

Хоръ.

Строфа I.

(Первое полухоріе).

Здравствуй, дочь Агамемнона!
Я, о царевна, и въ этой глуши не забыла Электру

(Подходя къ царевнѣ).

На молокѣ вспоенъ,
Горный пастухъ вчера,
Вѣсть изъ Микенъ принесъ:
Завтра къ владычицѣ
Герѣ въ Аргосскій храмъ
Дѣвы сбираются:
Праздникъ, Электра, намъ.

Строфа II.

Электра.

О, душа не рвется, дѣвы,
Изъ груди моей къ веселью.
Ожерелья золотаго
Не хочу я, и ногою
Гибкой я межъ дѣвъ Аргосскихъ
Въ хороводѣ ужъ не буду
Попирать родимой нивы.
Пляску мнѣ замѣнятъ слезы...

Библиотека "Руниверс"

Посмотри—гдѣ локонъ нѣжный?
Видишь—пеплосъ весь въ лохмотьяхъ...
Это-ль доля дочки царской,
Гордой дочери Атрида?
И на то ли Агамемнонъ
Трою царственную рушилъ?

Антистрофа I.

Хоръ.

(Второе полухоріе)

(подавая Электрѣ роскошно заткапный пеплосъ и золотое ожерелье)

О, не спорь съ великой Герой!
Вотъ тебѣ платья расшитыя, ты ихъ надѣнешь Электра.
А золотой уборъ,
Какъ онъ пойдетъ къ тебѣ!
Или слезами ты,
Если боговъ не чтишь,
Станешь сильнѣй врага.
Лучше молись, дитя:
Будешь блаженна ты...

Антистрофа II.

(Обращаясь ко второму полухорію).

О, давно, со дня убійства
Ни одинъ изъ нихъ, безсмертныхъ,
Отъ Электры горемычной
Жертвы, дѣва, не пріемлетъ.
Горе вамъ, останкамъ отчимъ,
Горе и скитальцу брату,
Въ той землѣ, куда прибрелъ онъ,
Гдѣ, въ толпѣ рабовъ затерянъ,
Къ очагу онъ не подходитъ,
Онъ, наслѣдникъ славы отчей.
А сестра его въ лачугѣ
Изнываетъ: въ домѣ отчемъ
Для нея угла не стало.
Тамъ на крови незамытой...
Мать съ любовникомъ пируетъ...

Библиотека "Руниверс"

Корифей.

Для Эллиновъ и для семьи твоей
Не мало бѣдъ пошло отъ Тиндариды,
А теткою доводится тебѣ...

Электра. (Увидѣвъ Ореста и Пилада).

О, не до слезъ намъ, дѣвушки, глядите
Глядите; тамъ чужіе.... Вотъ они
Вотъ, вотъ они... На насъ... Въ засадѣ были
Бѣгите же, скрывайтесь—я—домой...
О, да спасутъ насъ ноги отъ злодѣевъ!...

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Электра. Орестъ и Пиладъ.

Орестъ преграждаетъ ей дверь. Пиладъ становится позади ея, свита окружаетъ ее, а она бросается къ алтарю. Дѣвушки сначала бѣгутъ, а потомъ изъ любопытства останавливаются, видя, что ихъ не преслѣдуютъ.

Орестъ.

Постой, дитя несчастное... не бойся....

Электра (обнимая алтарь)

Фебъ Аполлонъ! спаси насъ отъ убійцъ!

Орестъ (улыбаясь).

О, для ножа я выбралъ бы инаго... (хочетъ взять ее за руку).

Электра.

Прочь... Не твоя, не трогай, говорятъ...

Орестъ.

По праву я руки твоей касаюсь.

Библиотека "Руниверс"

Электра.

А мечъ зачѣмъ? Засада для чего? (Хочетъ уйдти).

Орестъ.

О, не бѣги, скажу—и вмигъ повѣришь.

Электра.

(останавливается и не борется съ нимъ).

И такъ стою, коль силой не уйдти.

Орестъ.

Я прихожу къ тебѣ посломъ отъ брата.

Электра (съ живостью)

О, дорогой! онъ живъ или убитъ?

Орестъ.

Живъ, чтобъ открыть посольство доброй вѣстью.

Электра (кланяется).

За эту рѣчь всѣхъ благъ тебѣ, посолъ!

Орестъ.

Обоимъ намъ, обоимъ счастья, боги!

Электра.

Несчастный, гдѣ-жъ теперь его пріютъ?

Орестъ.

Спроси-ка: гдѣ онъ бѣдъ не натерпѣлся!

Электра.

По крайней мѣрѣ сытъ ли онъ, скажи?

Орестъ.

Не голоденъ, но жалокъ, какъ изгнанникъ.

Электра.

Сюда-жъ зачѣмъ тебя направилъ братъ?

Библиотека "Руниверс"

ОРЕСТЪ.

Узнать, жива ли ты, легко-ль живется?

ЭЛЕКТРА (протягивая руки)

Скажи-жъ ему, какъ исхудала я...

ОРЕСТЪ.

Морщины слезъ твоихъ предъ нимъ оплачу...

ЭЛЕКТРА.

Про волосы скажи—скосила ихъ.

ОРЕСТЪ.

Терзалъ тебя, царевна, жребій брата?
Убитаго отца терзала тѣнь?...

ЭЛЕКТРА.

Да, міръ людей мнѣ ужъ не дастъ дороже...

ОРЕСТЪ.

А брату есть ли кто тебя милѣй?

ЭЛЕКТРА.

Милъ, да далекъ... Здѣсь руку не протянетъ...

ОРЕСТЪ (избѣгая продолженія разговора)

Въ такую даль зачѣмъ ты забралась?

ЭЛЕКТРА.

Я замужемъ... О, легче бы въ могилу...

Пауза.

ОРЕСТЪ.

Жаль брата мнѣ... Микенецъ что-ли мужъ?

ЭЛЕКТРА (вздохнувъ).

Да, о другомъ мечталъ отецъ когда-то...

Библиотека "Руниверс"

ОРЕСТЪ.

Но кто же онъ? Какъ брату передать?

ЭЛЕКТРА (указывая на лачугу)

Вотъ домъ его... да, отъ Микенъ не близко.

ОРЕСТЪ (оглядывая лачугу)

Домъ пастуха иль пахаря пріютъ.

ЭЛЕКТРА.

Мужъ захудалъ, но знатенъ—я въ почетѣ...

ОРЕСТЪ (иронически).

Электру чтитъ супругъ, ты говоришь?

ЭЛЕКТРА.

На ложе онъ ея не посягаетъ!

ОРЕСТЪ.

Что-жъ, далъ обѣтъ, иль брезгаетъ женой?

ЭЛЕКТРА.

Нѣтъ брака онъ не признаетъ законнымъ:
Въ Эгисѣ правъ отца не признаетъ?...

ОРЕСТЪ.

Такъ, такъ: его пугаетъ месть Ореста?

ЭЛЕКТРА.

Отчасти да, но духъ его высокъ.

ОРЕСТЪ.

Достойный мужъ, награды мужъ достойный...

ЭЛЕКТРА.

Вотъ погоди—вернется съ поля онъ..

ОРЕСТЪ (погруженный въ свои мысли).

А мать, тебя носившая, молчала?

Библиотека "Руниверс"

Электра (со злобой).

Что дѣти ей, ей были бы мужья...

Орестъ.

Но надъ тобой съ чего-жъ Эгисѳъ глумился?

Электра.

Онъ нищихъ мнѣ велитъ плодить Эгисѳъ....

Орестъ.

А ты бъ могла дать мстителя Атриду.

Электра.

О, мнѣ за бракъ отвѣтитъ онъ, постой...

Орестъ.

А знаетъ онъ, что ты еще дѣвица?

Электра.

Нѣтъ, отъ него, о гость, таимся мы.

Орестъ (указывая на хоръ).

А эти насъ не выдадутъ въ Микенахъ.

Электра.

Шпіоновъ нѣтъ—ты можешь говорить...

Орестъ (помолчавъ какъ бы вскользь).

Здѣсь въ Аргосѣ, есть дѣло для Ореста?

Электра.

Какой позоръ! И ты отвѣта ждешь?

Орестъ (нѣсколько смущенный).

Съ убійцами покончить способъ нуженъ.

Электра.

Иль нѣтъ его? Убили же отца.

Библиотека "Руниверс"

ОРЕСТЪ.

Ты вмѣстѣ съ нимъ, съ Орестомъ, мать, Электра
Родимую пошла-бы убивать?

ЭЛЕКТРА (съ живостью).

Топоръ готовъ, и кровь отца не смыта.

ОРЕСТЪ.

Смотри—я такъ и брату передамъ.

ЭЛЕКТРА.

Зарѣжу мать... А тамъ казните дочку...

ОРЕСТЪ.

О!
О, еслибы Орестъ тебѣ внималъ.

ЭЛЕКТРА.

Увы! его узнать я не могла бы.

ОРЕСТЪ.

Не мудрено. Васъ развели дѣтьми.

ЭЛЕКТРА.

Но есть одинъ: онъ другъ и помнитъ брата...

ОРЕСТЪ.

Тотъ, что́ его еще ребенкомъ спасъ?

ЭЛЕКТРА.

Да и отца взростилъ, маститый старецъ...

ОРРСТЪ.

Могилою почтенъ-ли твой отецъ?

ЭЛЕКТРА.

Какъ не почтенъ!—изъ дома въ поле брошенъ.

Библиотека "Руниверс"

Орестъ.

Увы, увы! что говоришь, жена?
Терзаютъ насъ и въ чужѣ злыя муки.
Но если тяжекъ будетъ твой разказъ,
Все-жь передать его я долженъ брату.
И если жалость не дана въ удѣлъ
Сердцамъ невѣждъ, а только мудрымъ сердцемъ,
То диво ли, что мы платить должны
Страданіемъ за чуткость состраданья...

Корифей.

Желаніемъ и я горю узнать:
Мы изъ дворца имѣемъ вѣсти рѣдко,
И бѣдствія тревожатъ тайной умъ.

Электра.

Приходится разказывать—отъ друга
Не смѣю я бѣды своей таить,
И тяжкой доли отчей. Но, посланникъ,
Уста мои раскрывшій, не укрой
Изъ повѣсти печальной отъ Ореста
Ни слова, я молю—скажи: въ какомъ
Здѣсь пеплосѣ я сохну—муки нищей
Въ лачугѣ послѣ царскаго чертога,
Все, все ему повѣдай—я сама
Вотъ это платье выткала, ина́че
Я голою осталась-бы... Сама
Кувшинъ ношу къ источнику и плачу...
Какъ чистая чуждаюсь женъ, но путь
И въ хороводъ дѣвичій мнѣ заказанъ,
И праздниковъ Электрѣ нѣтъ. Увы!
Царь Ка́сторъ нѣкогда въ мужья царевнѣ
Назначенный и кровный ей—теперь
Межъ звѣздами сіяетъ тамъ, въ эѳирѣ.
А надъ добычею Троянской мать
Ея царитъ и передъ тропомъ жены
Фригійскія, добытыя отцомъ,
Блистаютъ позолотою аграфовъ,

Библиотека "Руниверс"

Гдѣ по стѣнамъ еще Атрида кровь
Гноится и чернѣетъ. Самъ убійца
Руками неомытыми схватилъ
Отцовскій жезлъ—онъ въ колесницѣ ѣздитъ,
Въ которой ѣздилъ царь, и какъ онъ гордъ!
Никто не смѣй полить могилы царской,
Украсить вѣткой миртовой... костеръ
Вождя не видѣлъ жертвы, а могилу
Тиранъ вина пьянѣй ногами топчетъ...
И камнями тревожа мраморъ плитъ
Кричитъ вождю убійца: „гдѣ-же сынъ твой?
„Что не идетъ твой прахъ оборонять?“
Все, все молю тебя повѣдай брату—
За многихъ здѣсь языкъ мой говоритъ:
За руки, и за губы, и за сердце,
За голову обритую, отца
За имя славное... скажи: позоромъ будетъ,
Коль за царя, что̀ Трою рушилъ, сынъ,
Во цвѣтѣ лѣтъ и крови благородной,
Съ убійцею покончить не дерзнетъ...

Корифей.

А вотъ и онъ, Электра, твой супругъ:
Съ посѣва, знать, домой идетъ на отдыхъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и пахарь (слѣва)—онъ несетъ въ рукахъ упряжь.

Пахарь (остановившись поодаль).

Ба... это что за люди? не пойму,
Что привело ихъ къ сельскому порогу.
Коль дѣло есть, не къ ней же (громко), и не слѣдъ
Простаивать замужней съ молодежью.

Электра.

(съ улыбкой идя ему на встрѣчу)

О дорогой! Такъ дурно о женѣ
Пожалуста, не думай: эти люди

Библиотека "Руниверс"

Мнѣ принесли Орестовы слова... (Оресту)
Прости мнѣ, гость—смолчать я не умѣла.

ПАХАРЬ (съ живостью)

Онъ живъ и солнце видитъ, нашъ Орестъ?

ЭЛЕКТРА.

Такъ говорятъ, и хочется мнѣ вѣрить...

ПАХАРЬ.

А память золъ семейныхъ онъ хранитъ?...

ЭЛЕКТРА.

Въ туманѣ, да—какъ нищій и скиталецъ...

ПАХАРЬ.

Имъ что-нибудь велѣлъ онъ передать?

ЭЛЕКТРА.

Про бѣдствія мои прислалъ развѣдать.

ПАХАРЬ.

(Указывая на домъ и на Электру. Сдержанно)
У нихъ глаза, а у тебя языкъ...

ЭЛЕКТРА.

Ужъ знаютъ все, распросовъ ихъ не бойся!

ПАХАРЬ.

Такъ что-жъ во дворъ воротъ не распахнешь?
(открываетъ двери настежь и приглашаетъ жестомъ царевичей)
Прошу войдти... за дорогія вѣсти
Чѣмъ богъ послалъ, мы рады угостить. (Свитѣ)
Вы, спутники, несите въ домъ доспѣхи
(свита не рѣшается входить безъ знака Ореста)
(къ Оресту и Пиладу)
Не спорьте, нѣтъ: вы у меня въ гостяхъ...

Библиотека "Руниверс"

И этотъ домъ, конечно, очень бѣденъ,
Но къ очагу зовутъ васъ не рабы...
(съ поклономъ уходитъ въ домъ).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же безъ пахаря

Орестъ (къ Электрѣ)

Такъ вотъ онъ мужъ Электры и союзникъ,
Хранящій честь Атридовыхъ дѣтей...

Электра.

Да, это мужъ царевны горемычной.

Орестъ.

Узнай поди, какая кровь течетъ
У человѣка въ жилахъ: разберись
Въ сердцахъ людей, средь этой ткани пестрой:
Въ семьѣ вельможъ ростетъ негодный сынъ,
И добрыя у злыхъ выходятъ дѣти.
Богачъ въ душѣ пустыню обнажитъ,
А свѣтлый умъ подъ рубищемъ таится.
Чего-чего не наглядишься. Гдѣ-жъ
И въ чемъ искать мѣрила? Если—въ деньгахъ,
Обманешься... И въ бѣдности—загонъ:
Нужда—плохой учитель. Средь военныхъ?
Но кто-жъ оцѣнитъ доблесть ихъ въ бою?
Свидѣтели тамъ развѣ есть? Не проще-ль
Игру судьбы признать и покориться...
Вотъ человѣкъ—ни власти у него,
Ни родичей прославленныхъ, и въ мірѣ
Не прогремитъ молва о немъ—межъ тѣмъ
Найдется-ли среди Аргосцевъ лучшій?
О, гордецы, оставите-ль вы насъ
По знатности дѣлить, забывши душу?
Иль въ жизни кровь, не мягкій нравъ людей
Достойными являетъ? Да, изъ добрыхъ
Хозяева и граждане. а тѣ.

Библиотека "Руниверс"

Вельможами рожденные, не только-ль
Статуями на площадяхъ стоять
Прилично имъ? О силѣ рукъ, пожалуй,
Подумаешь, чтобъ подкрѣпить копье,
И то не такъ—копье у храбрыхъ мѣтче...
А храбрости душа пріютъ даетъ...
Но насъ зовутъ войдти... Гостепріимство
Орестовыхъ пословъ не оскорбитъ,
И самого пославшаго Ореста
Оно бы не унизило... Рабы,
Ступайте въ домъ. (Рабы входятъ въ ворота).
У бѣдняка радушный
Пріемъ милѣй, чѣмъ ласки богача... (Электрѣ)
Мнѣ нравится твой мужъ... Но какъ-то грустно,
Что не Орестъ сегодня насъ ведетъ
На свѣтлый пиръ въ Микенскіе чертоги...
Дождемся-ль мы? О, да... Вѣдь Феба рѣчь
Не прозвучитъ безслѣдно... Не гаданье
Изъ праздныхъ устъ его глаголъ святой.

(Орестъ и Пиладъ уходятъ въ домъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Электра и пахарь, который выходитъ изъ дому послѣ слѣдующихъ словъ Корифея.

Корифей.

О, радуйся-жъ, Электра... будто солнце
Зимой изъ тучъ пригрѣло насъ, судьба
Твоя чуть-чуть, но къ благу измѣнилась.

Электра (съ сердцемъ къ мужу)

Ты потерялъ разсудокъ—изъ угловъ
Нужда глядитъ, а онъ—вельможъ къ обѣду.

Пахарь.

О, если видъ ихъ дýши отразилъ,
Надъ нищетой они не посмѣются.

Библиотека "Руниверс"

Электра (нѣсколько успокоенная).

Назвать назвалъ... а только какъ же ихъ
Накормимъ мы... Къ отцовскому кормильцу
Ступай скорѣй. Живетъ онъ на Танаѣ,
Который, черезъ Аргосъ пробѣжавъ,
Спартанскіе предѣлы орошаетъ.
Приходъ гостей повѣдавъ старику,
Ты на обѣдъ проси припасовъ... Боги,
Какъ будетъ радъ узнать онъ отъ тебя,
Что живъ Орестъ когда-то имъ спасенный.
Къ царицѣ-жъ намъ теперь заказанъ путь:
Иль, горестной внимая вѣсти, стала-бъ
Она пословъ Ореста угощать?..

Пахарь.

Изволь, изволь. Отъ стараго ни слова
Не утаю... Ты жъ по угламъ пошарь,
Сготовь что́ есть. Въ нуждѣ-ль не извернется
Хорошая хозяйка. Вѣдь гостямъ
Насытиться бы только на сегодня —
Ужъ будто ты и хлѣба не найдешь?
Поразсудить, такъ деньги намъ потребны
На два конца: принять друзей да ихъ
Врачамъ платить, коль занемогутъ. Точно,
Безъ денегъ здѣсь бѣда. А сытымъ быть
И завтра, и сегодня можетъ всякій,
И за двоихъ богачъ едва-ли съѣстъ.

(Уходятъ: пахарь въ поле, Электра въ домъ).

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТЪ.

Строфа I.

Славой горды, когда-то тріэры во Троѣ
Миріадами плещущихъ веселъ
Въ вихорь пляски морскихъ увлекали нимфъ,
А межъ нихъ очарованный
Трелью флейты дельфинъ игралъ,
Віяся межъ синихъ...

Библиотека "Руниверс"

Онъ за сыномъ Ѳетиды плылъ.
Что съ Атридомъ царемъ къ Иліону.
Бурь соперникъ, направилъ бѣгъ
Къ шумнымъ волнамъ Симунта.

Антистрофа I.

Въ оны дни изъ Евбеи богини мо́ря
Съ наковальни Гефеста златой
Дивный трудъ оружейный любя несли
Черезъ Пелій, чрезъ горныхъ глубь
Славной Оссы святыхъ долинъ,
Чрезъ выси нагія,
Межъ тѣнями скиталецъ нимфъ,
Въ край, гдѣ выростилъ конникъ Пелей
Славу Эллиновъ, чадо волнъ
И соперника вихрей...

Строфа II.

Щитъ твой, о сынъ Нереиды, восторгомъ объятъ,
Въ портѣ бывшій Навпліецъ
Рѣчью мнѣ такъ прославилъ:
Дивный сводъ окружали тамъ
Образы, ужасомъ сердце хитро наполняя:
Въ ободѣ, щитъ обѣгающемъ,
Голову срѣзавъ Горгонѣ лютой,
На окрыленныхъ стопахъ Персей
Моремъ летѣлъ, съ нимъ и Гермесъ, Маи рожденье
Нивъ плодородныхъ хранитель дивный.

Антистрофа II.

А по срединѣ щита, ослѣпляя, сіялъ
Гелій ликомъ лучистымъ,
Быстрыхъ коней владыка...
Тамъ кружились созвѣздія
Яркихъ Гіадъ и Плеядъ, Пріамида сразившихъ.
Шлемъ же златой его сфинксами
Такъ и горѣлъ, и въ когтяхъ у вѣщихъ
Билась добыча, а грудь ему

Библиотека "Руниверс"

Левъ украшалъ, что̀ за конемъ дивно крылатымъ
Огненнымъ взоромъ слѣдилъ такъ жадно.

Эподъ.

Дре́вко копья его хищнаго быстрые красили кони
И черный прахъ вокругъ летѣлъ...
Такихъ бойцовъ владыку ты
Тиндарова дочь, о злая жена, рѣшилась убить.
Но смерть и тебѣ суждена
Безсмертными, и я когда нибудь
Въ твоей груди увижу мечъ тяжелый,
Облитый кровью мщенья...

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Старикъ съ ягненкомъ и корзиной (справа), *вскорѣ затѣмъ Электра.*

Старикъ.

Гдѣ, гдѣ-жъ она, царевна молодая,
Юница дочь великаго царя,
Котораго ребенкомъ я лелѣялъ
Увы, давно...
О, какъ тяжелъ подъемъ
Къ ея жилью для дряхлыхъ ногъ, а все-же
Дрожащія колѣни старый горбъ
Къ друзьямъ несутъ...

(Медленно подходитъ къ дому Электры и видитъ ее стоящую на порогѣ)

О, дочь моя, ягненка
Отборнаго я изъ-подъ матки взялъ

(ставитъ корзину и вынимаетъ изъ нея провизію)

Вамъ на обѣдъ. вотъ пироги въ корзинѣ,

(доставая изъ за спины мѣхъ)

И цвѣтъ сыровъ, и Вакха старый даръ.
Немного здѣсь его осталось, правда,
Но если имъ домашнее вино

Библиотека "Руниверс"

Заправишь ты, то дивнымъ ароматомъ
Оно сердца гостей твоихъ плѣнитъ.
Иди же, столъ уставь дарами старца.

(Электра хочетъ идти, но видитъ слезы старика и останавливается).

А у меня такъ слезы и бѣгутъ,
И край плаща за ними не поспѣетъ...

Электра.

О, старый другъ! Росою слёзъ, скажи,
Какая скорбь лицо твое покрыла?
Скорбишь ли ты, что послѣ долгихъ дней
Меня узрѣлъ и въ рубищѣ, и въ цѣпяхъ?
О братѣ ли изгнанникѣ скорбишь?
Иль объ отцѣ, котораго баюкалъ
Ты для себя и для друзей напрасно?

Старикъ.

Напрасно, но смирился и молчу...
Лишь нынче я съ пути свернувъ, къ могилѣ
Хотѣлъ припасть и, благо глазъ вокругъ
Тамъ не было, поплакать на свободѣ,
И только что изъ мѣха, гдѣ гостямъ
Я несъ вино, свершилъ я возліянье
И миртой гробъ Атрида увѣнчалъ...
Какъ въ очи мнѣ овечья кровь мелькнула,
Пролитая недавно, и волосъ
Отрѣзанный и золотистый локонъ...
И подивился я, ужели-жъ кто
Изъ Аргоса придти дерзнулъ къ могилѣ?
Не можетъ быть... Иль прахъ отца почтить
Сюда твой братъ явился гостемъ тайнымъ?

(Пріостанавливается. Электра всматривается въ него глазами, потомъ глубоко задумывается).

Вотъ эта прядь

(подаетъ ей золотой локонъ, развернувъ его. Электра молча и внимательно разсматриваетъ его, не думая сравнивать со своими).

Прикинь ее къ своимъ:
Подходитъ ли по цвѣту—съ кровью отчей
Подобіе вселяется въ дѣтей...

Библиотека "Руниверс"

ЭЛЕКТРА (отстраняетъ его руку).

Изъ мудрыхъ устъ такія рѣчи странны.
Иль думаешь, что мой отважный братъ
Здѣсь прятаться бы вздумалъ отъ Эгисеа?...
А эта прядь? да развѣ цвѣтъ волосъ
Царевича, возросшаго въ палестрѣ,
И нѣжный цвѣтъ взлелѣянныхъ гребнемъ
Дѣвичьихъ косъ сберечь могли бы сходство?
Иль не роднитъ и кровью чуждыхъ масть?
Нѣтъ, локономъ почтилъ его могилу,
Конечно, кто-нибудь заѣзжій, а не то
Украдкою Аргосецъ помолился.

СТАРИКЪ.

А если слѣдъ сандаліи сравнить
Съ твоей ногой, дитя, найдемъ ли сходство?

ЭЛЕКТРА.

На камнѣ слѣдъ? Что говоришь, старикъ?
Да еслибъ слѣдъ его и оставался,
Неужто же у брата и сестры
Подобиться размѣромъ ноги могутъ?

СТАРИКЪ.

Скажи еще: работу дѣтскихъ рукъ,
Узнаешь ли, Орестову одежду,
Которую ты выткала ему
Предъ тѣмъ, какъ мнѣ нести его въ Фокиду?

ЭЛЕКТРА.

Иль бредишь ты? Да вѣдь тогда, старикъ,
Ребенкомъ я была: хламиду эту
Неужто братъ надѣнетъ и теперь?
Иль, можетъ быть, ростутъ одежды съ нами?

СТАРИКЪ

(продолжаетъ въ томъ же спокойномъ тонѣ).

А гости гдѣ? Мнѣ повидать бы ихъ
И распросить хотѣлось объ Орестѣ.

Библиотека "Руниверс"

ЭЛЕКТРА (заглядывая во дворъ).

Они идутъ сюда... и спѣшенъ шагъ...

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и ОРЕСТЪ и ПИЛАДЪ со свитой.

СТАРИКЪ (про себя).

Вельможи, да. Но развѣ не бываетъ,
Что онъ и князь, а низкая душа? (Громко, кланяясь)
А все-таки
— Привѣтъ вамъ, чужестранцы.

ОРЕСТЪ

(оглянувшись на старика).

Здорово, дѣдъ (Къ Электрѣ) Какого друга тѣнь
Передъ тобой, царевна, этотъ дряхлый?

ЭЛЕКТРА.

Онъ вынянчилъ отца Электры, гость.

ОРЕСТЪ.

Что говоришь? И сохранилъ Ореста?

ЭЛЕКТРА.

Когда-то да, не знаю какъ теперь...

(Старикъ между тѣмъ пристально всматривается въ Ореста).

ОРЕСТЪ.

Ба!...
Онъ глазъ съ меня не сводитъ, какъ съ монеты
Сверкающей... Похожъ я на кого?

ЭЛЕКТРА.

Ты любъ ему, мой гость, какъ сверстникъ брата

ОРЕСТЪ.

И другъ его...

(указывая ей на старика, который обходитъ его съ внимательнымъ осмотромъ).

Онъ пляшетъ вкругъ меня.

Библиотека "Руниверс"

ЭЛЕКТРА (покачивая головой вполголоса).

Дивлюсь сама, что̀ сдѣлалось со старымъ. (Пауза).

СТАРИКЪ (останавливаясь и громко).

Царевна, дочь моя, молись, молись...

ЭЛЕКТРА.

А за кого молиться: за отшедшихъ,
Иль за живыхъ молиться мнѣ, старикъ?

СТАРИКЪ.

Сокровище тебѣ послали боги.

ЭЛЕКТРА (воздѣвая руки къ небу).

Я имъ молюсь... Но только за кого?

СТАРИКЪ (тихо, трогая Ореста за руку).

Вотъ за кого, дитя—желанный другъ.

ЭЛЕКТРА (Оресту).

Боялась я давно, что онъ помѣшанъ.

СТАРИКЪ (съ живостью).

Помѣшанъ я? Иль это не Орестъ? (Пауза).

ЭЛЕКТРА.

Старикъ, зачѣмъ будить надежду въ сердцѣ?.

СТАРИКЪ (торжественно).

Передъ тобой Агамемноновъ сынъ...

ЭЛЕКТРА.

Но признаки... Иначе... Какъ повѣрю...

СТАРИКЪ.

А этотъ шрамъ надъ бровью?

(Электра всматривается въ лицо Оресту).

Помнишь, вы

Библиотека "Руниверс"

За телкою гонялись и, свалившись,
Онъ бровь ссадилъ. Ты видишь этотъ знакъ?

(Нѣсколько секундъ улыбка воспоминанія бродитъ по лицу Электры. Въ промежуткахъ она бросаетъ на Ореста быстрые взгляды).

Ты бредишь... Шрамъ?... О, нѣтъ... О да, о да!

(Разцвѣтаетъ улыбкою).

СТАРИКЪ.

И медлишь ты обнять его, Электра?

ЭЛЕКТРА.

О, больше нѣтъ, старикъ: вѣдь это-жъ братъ...
О, какъ мнѣ сладко вѣрить? (Обнимая Ореста)
Мой желанный,
Ты здѣсь? Ты здѣсь?

ОРЕСТЪ (отвѣчая ей).

И наконецъ съ сестрой.

ЭЛЕКТРА.

Ждала ли я?

ОРЕСТЪ.

Мечталъ ли я, скиталецъ?

ЭЛЕКТРА.

Ты, ты—Орестъ?...

ОРЕСТЪ.

Единый мститель твой...
И только бы не оборвалась петля,
Не дрогну я,—Коль боги не обманъ,
А истина не *подъ* пятой обиды.

(Разгорается жаркій полдень).

ХОРЪ.

Загорѣлся ты, о желанный день!
Какъ сигналъ въ ночи яркимъ пламенемъ
Далеко летишь... Изъ изгнанія

Библиотека "Руниверс"

Онъ блуждая пришелъ...
Это богъ, это богъ намъ побѣду опять
Подаетъ, сестра,
Къ небу-жъ вы, персты... Въ небеса—уста!...
О, молись со мной, чтобы счастливо
Для тебя вступилъ въ отчій городъ братъ...

(Во время пѣсни хора Электра ласкаетъ брата).

Орестъ (мягко отстраняясь).

Ну, будетъ же!...
Какъ нѣжны вы объятья!
Но развѣ насъ опять разлука ждетъ?...
А ты, старикъ, ты благо здѣсь, совѣтомъ
Наставь меня злодѣю отомстить
Отцовскому и матери, его
Союзницѣ на ложѣ нечестивомъ.
Хоть нѣсколько осталось ли, скажи,
У насъ друзей среди Аргосцевъ? или
За златомъ вслѣдъ исчезли и друзья?...
Кого-жъ возьму въ союзники и ночью
Иль днемъ и какъ проникнуть во дворецъ?

Старикъ.

Дитя мое, у бѣднаго Ореста
Здѣсь нѣтъ друзей. И часты ли они
Друзья пировъ, дѣлящіе невзгоду?...
Ты разоренъ до тла, ты понялъ, зги
Надежды намъ, твоимъ послѣднимъ вѣрнымъ,
Во тьмѣ невзгодъ твоихъ не различить.
Остались намъ рука съ мечомъ и жребій,
Лишь тамъ твои—и золото, и тронъ.

Орестъ.

О, цѣль ясна... Но средства, старецъ, средства...

Старикъ.

Два трупа—мать съ Эгисѳомъ, и конецъ...

Библиотека "Руниверс"

ОРЕСТЪ.

Побѣдный лавръ... Но какъ его добьешься?

СТАРИКЪ.

Ну, во дворцѣ трудненько, это такъ.

ОРЕСТЪ.

Охрана тамъ надежная—все копья?

СТАРИКЪ.

Да, труситъ онъ. И по ночамъ не спитъ...

ОРЕСТЪ.

Такъ, такъ... Еще сообрази, подумай... (Пауза).

СТАРИКЪ.

Не знаю что и вздумать... развѣ... вотъ...

ОРЕСТЪ.

Тебѣ—совѣтъ, а мнѣ бы—разумѣнье...

СТАРИКЪ.

Эгисоа я, какъ шелъ сюда, видалъ...

ОРЕСТЪ.

Извѣстіе пріятное... далеко?

СТАРИКЪ.

Близь здѣшнихъ нивъ, на пастбищѣ коней.

ОРЕСТЪ.

Что дѣлалъ онъ? Мелькаетъ лучъ надежды.

СТАРИКЪ.

Въ честь нимфъ Эгисоъ готовилъ торжество.

ОРЕСТЪ.

Благословить въ утробѣ плодъ иль чадо?

Библиотека "Руниверс"

Старикъ.

Не знаю... Я видалъ коровъ и ножъ...

Орестъ.

Великъ ли былъ отрядъ, или только слуги?

Старикъ.

Чужіе все... Аргосцевъ ни души.

Орестъ.

Какъ думаешь: меня бы не узнали?

Старикъ.

Изъ нихъ никто тебя и не видалъ.

Орестъ.

А, въ случаѣ побѣды, челядь наша?

Старикъ.

Ты счастливъ—да: гдѣ сила, тамъ и рабъ.

Орестъ.

А какъ-бы мнѣ къ Эгисеу подобраться?

Старикъ.

Ну, разъ—другой въ глаза ему метнись.

Орестъ.

А далеко-ль отъ нивъ его дорога?..

Старикъ.

О, зовъ на пиръ до слуха долетитъ.

Орестъ.

На горькій пиръ, коли богамъ угодно,

Старикъ.

Какъ дальше быть, увидишь самъ, Орестъ...

Библиотека "Руниверс"

ОРЕСТЪ.

Спасибо, дѣдъ. Но гдѣ-же мать найду я?

СТАРИКЪ.

Та въ Аргосѣ... Лишь подъ вечеръ—на пиръ...

ОРЕСТЪ.

Что-жъ такъ, старикъ, зачѣмъ не вмѣстѣ съ мужемъ?

СТАРИКЪ.

Глумленія Аргосскаго бѣжитъ.

ОРЕСТЪ.

Ее клянутъ, и это ей извѣстно?..

СТАРИКЪ.

А что-же ихъ безбожныхъ прославлять? (Пауза).

ОРЕСТЪ.

Но какъ же мнѣ убить обоихъ разомъ?..

ЭЛЕКТРА.

Оставь мнѣ мать: я заманю её.

ОРЕСТЪ.

Съ Эгисѳомъ же я и одинъ покончу.

ЭЛЕКТРА.

А ты, старикъ, обоимъ помогай!

СТАРИКЪ.

Отказа нѣтъ. Но въ чемъ же планъ царевны?

ЭЛЕКТРА.

Ступай сейчасъ къ царицѣ во дворецъ.

СТАРИКЪ.

Иль передать что надо Тиндаридѣ?

Библиотека "Руниверс"

ЭЛЕКТРА.

Скажи, что ей я внука родила.

СТАРИКЪ.

А какъ давно? иль только что, царевна?

ЭЛЕКТРА.

Десятый день, день жертвы и молитвъ...

СТАРИКЪ.

Но гдѣ-жъ тутъ смерть? мнѣ не въ домекъ, Электра!

ЭЛЕКТРА.

Иль дочь она поздравить не придетъ?

СТАРИКЪ.

О, бѣдная, ты-ль у царицы въ думахъ?

ЭЛЕКТРА (со злобой).

Поплачемъ съ ней надъ долею внучатъ...

СТАРИКЪ.

Ну, можетъ быть... Но гдѣ-жъ мета? Ты сбилась...

ЭЛЕКТРА (со смѣхомъ).

Тутъ будетъ ей, проклятой, и конецъ...

СТАРИКЪ.

Я не пойму. Ну за ворота ступитъ...

ЭЛЕКТРА.

Иль въ адскія ихъ долго обратить?

СТАРИКЪ (мечтательно).

Глаза смежить, насытивъ пиромъ мести!

ЭЛЕКТРА.

Скорѣй же путь разказывай ему...

Библиотека "Руниверс"

СТАРИКЪ.

Туда, гдѣ жрецъ готовитъ нимфамъ тёлку?

ЭЛЕКТРА.

А словъ моихъ царицѣ не забылъ?

СТАРИКЪ.

Такъ передамъ—сама не скажешь лучше...

ЭЛЕКТРА.

Смѣлѣе, братъ! Начало за тобой.

ОРЕСТЪ.

Ну, проводникъ! Готовы, собирайся!..

СТАРИКЪ.

Не откажусь... и радъ, что мы идемъ...

ОРЕСТЪ.

О, Зевсъ, о богъ отцовъ моихъ и кара
Враговъ отца. Унылъ нашъ жребій, сжалься!

ЭЛЕКТРА.

Насъ, кровь свою, Зевесъ, ты пожалѣй!

ОРЕСТЪ.

Владычица Микенскихъ алтарей,
Коль правы мы, не отнимай побѣды.

ЭЛЕКТРА.

И отомстить за кровь отца позволь...

ОРЕСТЪ.

О нашъ отецъ, подземный мракъ узрѣвшій,
Несчастіемъ убитый, о земля
Владычица, къ тебѣ простерты длани,
Спаси дѣтей царя—онъ насъ любилъ.

Библиотека "Руниверс"

Электра.

Отецъ, съ собой товарищей похода
Фригійскаго зови къ намъ, если спятъ
Они въ гробахъ, всѣхъ тѣхъ веди, которымъ
Безбожный врагъ здѣсь сердце отравилъ...

Орестъ.

Ты слышишь насъ, о жертва Тиндариды?

Электра.

Все слышитъ онъ

Пора, пора, Орестъ!

Сразн-жъ его. Рыдая, умоляю:
Не промахнись, царевичъ. Если-жъ бой
Тебя пожретъ, не думай, что останусь
Я жить. Съ мечомъ двуострымъ въ сердцѣ развѣ (Орестъ уходитъ съ Пиладомъ, старикомъ и свитою).

(Хору). Вы, женщины, какъ загорится бой,
Мнѣ дайте знать. Съ желѣзомъ и готова
Я буду вся—одно вниманье, жены.
И если трупъ Орестовъ подберутъ
Его враги, не дожидаясь мести
Я мертвая глумленья ихъ приму. (Уходитъ).

ВТОРОЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТЪ.

Строфа I.

Эту сказку заводитъ сѣдая молва...
Какъ у матери нѣжной возславилъ плодъ
Тамъ на высяхъ аргосскихъ
Панъ хранитель полей и царь
Дивно слаженной флейты.
Сладкимъ пѣньемъ и пляской прославленъ былъ
Златорунный ягненокъ.
Чу... постой... Съ выси мраморной вдаль летитъ
Зычный голосъ герольда:
„На базаръ, на базаръ живѣй!

Библиотека "Руниверс"

„И любуйся, микенскій людъ,
„На добычу владыкъ своихъ,
„Грозно—дивное знаменье".
Славятъ люди дворецъ царя,
И весельемъ горитъ чертогъ.

Антистрофа I.

Эту сказку мнѣ шепчетъ сѣдая молва:
Распахнулась сіяя тамъ храмовъ высь,
И алтарное ярче
Будто вспыхнуло пламя въ мигъ...
Флейта-жъ, музы рабыня,
Лучшихъ пѣсенъ своихъ не жалѣла намъ
Въ честь руна золотаго.
Не дремалъ той порою Ѳіестовъ чертогъ:
Къ ложу тайныхъ объятій
Онъ Атрея жену манитъ,
Съ ней и диво къ себѣ влечетъ,
Золотаго ягненка царь.
И вернулся да гражданамъ
Такъ кричитъ: „у меня теперь
„Нашихъ горъ златорунный цвѣтъ".

Строфа II.

И свѣтилъ золотые пути
Въ этотъ мигъ Кронидъ передвинулъ,
Жгучій блескъ передвинулъ солнца
И зари мерцающій ликъ.
И на югъ, по склонамъ небеснымъ,
Дивно пламенный зной потекъ,
А къ медвѣдицѣ влажныя тучи
Потянулись. Палимъ съ тѣхъ поръ,
Изнываетъ отъ жажды тронъ Аммона
Безъ отрады Зевсовыхъ ливней.

Антистрофа II.

Такъ молва говоритъ, но словамъ
Этой сказки мало я вѣрю.

Библиотека "Руниверс"

Что мы ей, колесницѣ бога?
И неужто покинетъ путь,
Чтобы люди мукой платили
За обиду другихъ людей?
Страха божія ради сложила
Эту сказку молва въ міру,
Но забывъ ее, мужа убила ты,
О, сестра прославленныхъ братьевъ!

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Послѣ первыхъ словъ корифея изъ дому выходитъ Электра съ ножемъ.

(За сценой стоны).

Корифей.

Но тише, тише, чу...
Вы слышите-ль, подруги, странный шумъ?
Иль у меня въ ушахъ гудитъ?... Но будто,
Подземный громъ... раскатами... Яснѣй,
Яснѣй теперь... Тамъ кто-то дышитъ... стоны
Вздымаются... Сюда, сюда, царевна!...

Электра.

Я вамъ нужна, иль ужъ оконченъ бой?

Корифей.

Кровавому стенанію мы внемлемъ...

Электра (прислушивается).

Да это стонъ... Далекій все же стонъ...

Корифей.

Не близокъ путь, но какъ онъ ясенъ, слышишь?

(Прилегаетъ къ землѣ; стоны продолжаются)

Библиотека "Руниверс"

Электра.

А стонетъ другъ иль чуждыя уста?

Корифей.

Не разберешь... на всѣ лады тамъ стонутъ...

Электра.

Чего-жъ я жду... Иль ножъ мой не готовъ?
(Заноситъ надъ горломъ мечъ. Корифей удерживаетъ ея руку).

Корифей.

Остановись... Еще не ясенъ жребій.

Электра.

Орестъ разбитъ—оттуда нѣтъ гонцовъ.

Корифей.

Не птицы-же. Иль такъ имъ царь и сдался?

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Вѣстникъ
(съ той же стороны откуда проходили стоны)

О, славныя микенскія юницы!
Побѣды вѣсть Орестовой несу...
Тамъ на землѣ лежитъ цареубійца
Эгисѳъ, богамъ молитесь—онъ убитъ.

Электра (съ нѣкоторымъ недовѣріемъ).

Но кто же ты? и какъ тебѣ повѣрю?

Вѣстникъ.

Я въ свитѣ былъ у брата твоего.

Электра.

Прости мнѣ, другъ... Отъ ужаса и память
Измѣнитъ намъ. Я узнаю теперь
Твое лицо... И такъ—злодѣя нѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

библіографическій журналъ. (*Библіографъ*, вѣстникъ литературы науки и искусства, ежемѣсячный журналъ, изд. подъ редакціей Н. Лисовскаго. Спб. 1884, № 1, 1885, №№ 1 — 4). — 1885, ч. 239, іюнь, отд. II, стр. 346—351.

6076. **В. И. Саитовъ.** Замѣтки и разъясненія къ опыту россійской библіографіи В. С. Сопикова.—1878, ч. 197, іюнь, отд. II, стр. 247—291.

6077. **А. И. Соболевскій.** Польскій библіографическій трудъ. (О трудѣ: Karol Appel i A. A. Kryński.. Przegląd bibliograficzny prac naukowych o języku polskim. Warsz. 1886).— 1886, ч. 248, декабрь, отд. II, стр. 367—369.

6078. Указатель вновь вышедшихъ книгъ на русскомъ языкѣ. — 1869, ч. 141, январь, отд. II, стр. 278—289, февраль, отд. II, стр. 542—552; ч. 142, мартъ, отд. II, стр. 308 — 319, апрѣль, стр. 488—506; ч. 143, май, стр. 251—264, іюнь, стр. 437—441; ч. 144, іюль, отд. II, стр. 231—250; ч. 144, августъ, отд. II, стр. 409—428; ч. 145, сентябрь, отд. II, стр. 190 — 198, октябрь, отд. II, стр. 434 — 452; ч. 146, ноябрь, отд. II, стр. 163—182, декабрь, отд. II, стр. 425—445.

6079. Указатель вновь вышедшихъ книгъ на русскомъ языкѣ. — 1870, ч. 147, январь, стр. 1—2 (въ приложенія), февраль, стр. 13—32; ч. 148, мартъ, стр. 1—22, апрѣль, стр. 1—19; ч. 149, май, стр. 1 — 23, іюнь, стр. 1—21; ч. 150, іюль, стр. 1—24, августъ, стр. 1—17; ч. 151, октябрь, стр. 1 — 16, въ прилож. — ч. 152, декабрь, стр. 1—29.

Б. Рецензіи.

6080. *Joseph Banquier.* Bibliographie de la Chanson de Roland. Heilbronn. 1877.—Рец. **А. К.** 1878, ч. 195, февраль, отд. II, стр. 430—431. (Нов. ин. лит.).

6081. Изводъ за српске граматике, за ученьике средних школа, изд. *Іован Бошковић*. Београд. 1867.—Рец. (въ ст. **Л. Каравелова**: южно-славян. библіографія). 1868, ч. 138, отд. II, стр. 891.

6082. Обозрѣніе географическихъ сочиненій оригинальныхъ и переводныхъ на русскомъ языкѣ (Рецензіи *Васильковскаго, Мостовскаго и Страхова*).—1868, ч. 138, апрѣль, отд. II, стр. 232—252.

6083. Россійская библіографія. Указатель новыхъ произведеній литературныхъ, ученыхъ и художественныхъ, изд. *Э. Гартье*. Спб. 1880. №№ 1 — 3. — Рец. **Л. Ст.** 1880, ч. 208, мартъ, отд. II, стр. 174—180.

6084. *Вл. Ивацевичъ.* Собираніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ славянъ (библіографическое обозрѣніе). Спб. 1883.—Рец. **П. Сырку.** 1883, ч. 225, февраль, отд. отд. II, стр. стр. 458—459.

6085. *Karol Appel i A. A. Kryński.* Przegląd bibliograficzny prac naukowych o języku polskim. Varszawa. 1886.—Отзывъ въ статьѣ **А. Соболевскаго**: Польскій библіографическій трудъ.

6086. Descriptio codicum slovenicorum, qui in bibliotheca universitatis Jagiell. inveniuntur cura et opera *Aemiliani Kałużniacki*, confecta etc. MDCCELXXI со снимками. Krakòw. 1871. — Рец. **И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.** 1874, ч. 176, ноябрь, отд. II, стр. 193—195.

6087. Библіографъ. Вѣстникъ литературы, науки и искусства, ежемѣ-

Библиотека "Руниверс"

сячный журналъ, изд. подъ редак. *Н. Лисовскаго*. Спб. 1884. № 1, 1885, № 1—4. О всѣхъ сн. статью К. А. О—го: Новый русскій библіографическій журналъ.

6088. Библіотека графа С. Д. Шереметева, т. I. Собраніе Волочановское и В. С. Шереметева въ с. Михайловскомъ, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи. Спб. (описалъ *Хр. М. Лопаревъ*).—Рец. 1890, ч. 269, іюнь, отд. II, стр. 385—386. (Кн. новости).

6089. Систематич. каталогъ русскимъ книгамъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ Ал. Ѳеод. Базунова. Сост. *В. И. Межовъ*. Спб. 1869.—Рец. 1869. ч. 146, ноябрь, отд. II, стр. 159—162.

6090. Алфавитный указатель именъ авторовъ, переводчиковъ и другихъ лицъ, упомянутыхъ въ Опытѣ россійской библіографіи В. Сопикова (т. II — V). Сост. *П. Мороховецъ*: Спб. 1877. — См. Вл. Саитова. Замѣтки и разъясненія къ Опыту россійской библіографіи В. С. Сопикова.

6091. Историја српске књижевности. Нап. *Стојан Новаковић*. Београд. 1867.—Рец. (въ ст. Д. Караваелова: Южно-славян. библіографія за 1867 г.). — 1868, ч. 138, іюнь, отд. II, стр. 903—904.

6092. Србско-далматински магазинъ за годину 1867. кн. XXVI. — Рец. (въ ст. Д. Караваелова: Южно-славян. библіографія за 1867 г.—1868. ч. 138, іюнь, отд. II, стр. 890—891.

6093. Указатель къ научнымъ трудамъ Александра Николаевича Веселовскаго. 1859 — 1885. Спб. — Рец. 1885, ч. 256, апрѣль, отд. II, стр. 535—536. (Кн. новости).

6094. Bibliothèque de l'Ecole des hautes études publiées sous les auspices du ministère de l'instruction publique. Sciences philologiques et historiques. Quarante troisième fascicule. De saturnio Latinorum versa — scripsit *L. Havet*. Paris. 1880. — Рец. въ статьѣ Корпуса: De Saturnio Lationorum versa.

6095. Catalog der hebräischen Bibelhandschriften der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek in St.-Petersburg. von *A. Harkavy* und *H. L. Strack*. St. Peters. 1875.—Рец. Г. М. Страна.—1876, ч. 185, май, отд. II, стр. 175+148 153 (пагинація перепутана).

6096. Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности *А. А. Цагарели*. Вып. 1. Спб. 1886.—Рец. 1886. ч. 245, май, отд. II, стр. 194. (Кн. новости).

XII. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1) НЕКРОЛОГИ.

6097. *И. С. Аксаковъ*. Некрологъ.—1886, ч. 243, февраль, отд. IV, стр. 102—103.

6098. *И. В. Понядовскій. П. И. Аландскій*. Некрологъ.—1884, ч. 231, январь, отд. IV, стр. 18—26.

6099. *Я. М. Петръ Петровичъ Алексѣевъ*. Некрологъ.—1891, ч. 275, май, отд. IV, стр. 84—86.

6100. *А. А. Альбовскій*. Некрологъ.—1869, ч. 141, январь, отд. IV, стр. 44—45.

Библиотека "Руниверс"

6101. *Иванъ Ефимовичъ Андреевскій.* Некрологъ.—1891, ч. 276, августъ, отд. IV, стр. 111—114.

6102. *П. В. Анненковъ.* Некрологъ.—1887, ч. 250, апрѣль, отд. IV, стр. 68—69.

6103. *Н. Я. Аристовъ.* Некрологъ. — 1882, ч. 223, октябрь, отд. IV, стр. 109—110.

6104. **Л. Н. Майковъ.** *А. И. Артемьевъ.* Некрологъ. — 1874, ч. 176, ноябрь, отд. IV, стр. 94—109.

6105. **Д. А. Корсаковъ.** *Архимандритъ Леонидъ* (Кавелинъ). Некрологъ.—1891, ч. 278, декабрь, отд. IV, стр. 126—146.

6106. **К. Бестужевъ-Рюминъ.** *А. Н. Аванасьевъ.* Некрологъ.—1871, ч. 157, октябрь, отд. IV, стр. 319—321.

6107. **В. Г. Васильевскій.** *В. В. Бауеръ.* Некрологъ.—1884, ч. 236, декабрь, отд. IV, стр. 134—141.

6108. **Гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ.** Воспоминаніе о *В. В. Бауерѣ.* — 1885, ч. 237, февраль, отд. IV, стр. 115—122.

6109. *Е. В. Березинъ.* Некрологъ. — 1887, ч. 249, январь, отд. IV, стр. 117—122.

6110. *Петръ Спиридоновичъ Билярскій.* Некрологъ.—1867, ч. 133, февраль, отд. III, стр. 248—250.

6111. **А. И. Воейковъ.** *М. Н. Богдановъ.* Некрологъ. — 1888, ч. 256, апрѣль, отд. IV, стр. 139—143.

6112. **А. В.** *Л. Боткинъ,* французскій переводчикъ Беовульфа. Некрологъ.—1882, ч. 223, октябрь, отд. IV, стр. 110—112.

6113. **А. В.** *Ф. К. Брунъ.* Некрологъ.—1880, ч. 211, октябрь, отд. IV, стр. 106—115.

6114. *А. М. Бутлеровъ.* Некрологъ.—1886, ч. 247, сентябрь, отд. IV, стр. 17—18.

6115. Памяти *А. М. Бутлерова.* — 1887, ч. 249, февраль, отд. IV, стр. 149—151.

6116. **Г. И. Гельмерсенъ.** *К. М. Бэръ.* Некрологъ.—1877, ч. 189, февраль, отд. IV, стр. 115—117.

6117. **К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.** *А. Ѳ. фонъ-Видертъ.* Некрологъ. — 1888, ч. 257, іюнь, отд. IV, стр. 113—114.

6118. **Н. Собко.** *А. Е. Викторовъ.* Некрологъ.—1883, ч. 229, сентябрь, отд. IV, стр. 52—61.

6119. **А. И. Введенскій.** Научная дѣятельность *М. И. Владиславлева.*— 1890, ч. 269, іюнь, отд. IV, стр. 181—211.

6120. Князь *П. А. Вяземскій.* Некрологъ.—1878, ч. 200, декабрь, отд. IV, стр. 244—246.

6121. Князь *П. П. Вяземскій.* Некрологъ.—1888, ч. 258, августъ, отд. IV, стр. 79—84.

6122. *И. В. Гаврилов.* Некрологъ.—1890, ч. 268, мартъ, отд. IV, стр. 22—23.

6123. *В. П. Гаевскій.* Некрологъ. — 1888, ч. 256, апрѣль, отд. IV, стр. 144—145.

6124. **А. Г. Брикнеръ.** *Э. А. Германнъ.* Некрологъ.—1884, ч. 236, декабрь, отд. IV, стр. 141—144.

6125. **И. Цвѣтаевъ.** *К. К. Геркъ.* Некрологъ.—1883, ч. 226, мартъ, отд. IV, стр. 49—51.

6126. *К. В. Геттлинъ.* Некрологъ.—1869, ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 486—487.

6127. *Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.* Некрологъ.—1887, ч. 254, ноябрь, отд. IV, стр. 35—38.

6128. *Ѳ. Н. Глинка.* Некрологъ. — 1880, ч. 208, мартъ, отд. IV, стр. 88—91.

6129. *С. С. Гогоцкій.* Некрологъ. — 1889, ч. 264, августъ, отд. IV, стр. 54.

6130. *Я. Ѳ. Головацкій.* Некрологъ.—

Библиотека "Руниверс"

1888, ч. 257, іюнь, отд. IV, стр. 110—113.

6131. *А. В. Головинъ.* Некрологъ.— 1886, ч. 248, декабрь, отд. IV, стр. 85—87.

6132. *М. А. Голубевъ.* Некрологъ. — 1869, ч. 145, сентябрь, отд. IV, стр. 118—120.

6133. **Т. И. Филипповъ.** *А. В. Горскій.* Некрологъ. — 1875, ч. 182, ноябрь, отъ. IV, стр. 69—78.

6134. *А. Д. Градовскій.* Некрологъ.— 1889, ч. 266, декабрь, отд. IV, стр. 95—96.

6135. *Ник. Ив. Гречъ.* Некрологъ. — 1867, ч. 133, февраль, отд. III, стр. 240—247.

6136. *В. И. Григоровичъ.* Некрологъ.— 1877, ч. 189, февраль, отд. IV, стр. 117—122.

6137. **Н. Всеволожскій.** *В. В. Григорьевъ.* Некрологъ. — 1882, ч. 220, мартъ, отд. IV, стр. 65—86.

6138. *Ромуальдъ Михайловичъ Губе.* Некрологъ.—1890, ч. 272, декабрь, отд. IV, стр. 82 — 84, 87 (пагинація перепутана).

6139. *А. Ю. Давидовъ.* Некрологъ. — 1886, ч. 243, январь, отд. IV, стр. 30—31.

6140. **Н. Н. Страховъ.** *Н. Я. Данилевскій.* Некрологъ.—1885, ч. 242, декабрь, отд. IV, стр. 206—209.

6141. Князь *М. А. Дондуковъ-Корсаковъ.* Некрологъ.—1869, ч. 145, сентябрь, отд. IV, стр. 121—122.

6142. **С. П.** *П. П. Дубровскій.* Некрологъ. — 1882, ч. 224, декабрь, отд. IV, стр. 98—101.

6143. **А. И. Соболевскій.** *А. Л. Дювернуа.* Некрологъ. — 1886, ч. 245, май, отд. IV, стр. 67—70.

6144. Извѣстіе о кончинѣ *Д. Д. Зайковскаго.* — 1867, ч. 133, мартъ, отд. III, стр. 407.

6145. *Спиридонъ Замбелій.* Некрологъ. (Извлечено изъ статьи проф. С. Ламбра (Λαμπρος).—1882, ч. 219, февраль, отд. IV, стр. 58—61.

6146. **В. П. Васильевъ.** Воспоминаніе о *И. И. Захаровѣ.*—1885, ч. 242, ноябрь, отд. IV, стр. 94—110.

6147. *К. К. Зейдлицъ.* Некрологъ. — 1885, ч. 238, мартъ, отд. IV, стр. 94—96.

6148. *Н. Н. Зининъ.* Некрологъ. — 1880, ч. 208, мартъ, отд. IV, стр. 86—87.

6149. **А. Котляревскій.** *Н. А. Ивановъ.* Некрологъ.—1869, ч. 142, апрѣль, отд. IV, стр. 263—266.

6150. *А. А. Ильинъ.* Некрологъ. — 1889, ч. 266, декабрь, отд. IV, стр. 96.

6151. **И. В. Помяловскій.** *Александръ Осиповичъ Іонинъ.* Некрологъ.—1883, ч. 225, январь, отд. IV, стр. 59—62.

6152. **К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.** *К. Д. Кавелинъ.* Некрологъ. — 1885, ч. 239, іюнь, отд. IV, стр. 78—80.

6153. *Н. В. Калачовъ.* Некрологъ. — 1885, ч. 242, декабрь, отд. IV, стр. 209—213.

6154. **Е. В. Барсовъ.** *Геннадій Ѳедоровичъ Карповъ.* Некрологъ.—1890, ч. 269, іюнь, отд. IV, стр. 212—215.

6155. *М. Н. Катковъ.* Некрологъ. — 1887, ч. 252, августъ, отд. IV, стр. 135—137.

6156. **И. В.** *К. А. Коссовичъ.* Некрологъ.—1883, ч. 226, мартъ, отд. IV, стр. 35—42.

6157. *А. А. Котляревскій.* Некрологъ. —1881, ч. 218, ноябрь, отд. IV, стр. 60—63.

6158. *Н. И. Костомаровъ.* Некрологъ. —1885, ч. 239, май, отд. IV, стр. 33—37.

6159. **С. Вершадскій.** *Михаилъ Осиповичъ Кояловичъ.* Некрологъ.—1891, ч. 277, октябрь, отд. IV, стр. 33—38.

6160. **А. Ѳ. Вычковъ.** *П. А. Лавровскій.* Некрологъ.—1886, ч. 244, апрѣль, отд. IV, стр. 54—71.

Библиотека "Руниверс"

6161. К. Нейлисовъ. *Г. И. Лапшинъ.* Некрологъ.—1884, ч. 233, май, отд. IV, стр. 73—79.

6162. *В. И. Лапшинъ.* Некрологъ.—1889, ч. 261, январь, отд. IV, стр. 49—50.

6163. Е. Ѳ. *П. М. Леонтьевъ.* Некрологъ.—1875, ч. 178, апрѣль, отд. IV, стр. 145—147.

6164. А. И. Георгіевскій. Рѣчь о П. М. Леонтьевѣ въ засѣданіи Московскаго отд. Общества классич. филологіи и педагогики. — 1875, ч. 179, май, отд. V, стр. 59—65.

6165. В. Е. Тизенгаузенъ и Н. И. Веселовскій. *П. И. Лерхъ.* Некрологъ.—1884, ч. 236, ноябрь, отд. IV, стр. 57—66.

6166. В. К. Ернштедтъ. *К. Я. Люгебиль.* Некрологъ. — 1888, ч. 256, апрѣль, отд. IV, стр. 126—138.

6167. *Герногъ де-Люнь.* Некрологъ.—1869, ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 483—486.

6168. *Р. К. Маакъ.* Некрологъ.—1886, ч. 248, декабрь, отд. IV, стр. 88.

6169. Чествованіе памяти митрополита Московскаго *Макарія* въ Самарѣ.—1883, ч. 228, августъ, отд. IV, стр. 65—66.

6170. А. Будиловичъ. *В. В. Макушевъ.* Некрологъ. — 1883, ч. 226, апрѣль, отд. IV, стр. 76—83.

6171. *М. В. Малаховъ.* Некрологъ. 1885, ч. 237, февраль, отд. IV, стр. 114.

6172. *И. Д. Мансветовъ.* Некрологъ. —1886, ч. 243, январь, отд. IV, стр. 29—30.

6173. К. Вестужевъ-Рюминъ. *П. Ив. Мельниковъ.* Некрологъ.—1883, ч. 226, мартъ, отд. IV, стр. 43—49.

6174. А. И. Соболевскій. *Францъ Миклошичъ.* Некрологъ. — 1891, ч. 274, апрѣль, отд. IV, стр. 162—166.

6175. К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. *О. Ѳ. Миллеръ.* Некрологъ.—1889, ч. 264, іюль, отд. IV, стр. 12—15.

6176. *Н. Н. Миклуха-Маклай.* Некрологъ. — 1888, ч. 257, май, отд. IV, стр. 41—42.

6177. В. Г. Васильевскій. Баронъ В. Розенъ. *Иванъ Павловичъ Минаевъ.* Некрологъ.—1890, ч. 270, іюль, отд. IV, стр. 36—40.

6178. *Д. Е. Минъ.* Некрологъ.—1885, ч. 242, декабрь, отд. IV, стр. 215—217.

6179. *Н. Н. Мурзакевичъ.* Некрологъ. —1883, ч. 230, декабрь, отд. IV, стр. 81—89.

6180. Н. Барсовъ. *А. И. Никитскій.* Некрологъ (изъ № 248 „Варшавскаго Дневника“).—1886, ч. 248, декабрь, отд. IV, стр. 89—94.

6181. В. П. Вузескулъ. *М. Н. Петровъ.* Некрологъ. — 1887, ч. 250, мартъ, отд. IV, стр. 42—47.

6182. *М. П. Погодинъ.* Некрологъ.—1876, ч. 183, январь, отд. IV, стр. 42—44.

6183. *И. С. Поляковъ.* Некрологъ.—1887, ч. 251, май, отд. IV, стр. 39—40.

6184. *А. Н. Поповъ.* Некрологъ.—1877, ч. 194, декабрь, отд. IV, стр. 148—154.

6185. *Андрей Николаевичъ Поповъ.* Некрологъ.—1881, ч. 216, іюль, отд. IV, стр. 36—41.

6186. *Апол. Андр. Поповъ.* Некрологъ. —1885, ч. 241, октябрь, отд. IV, стр. 64—66.

6187. *И. Я. Порфирьевъ.* Некрологъ. —1890, ч. 272, декабрь, отд. IV, стр. 89—90.

6188. И. П. Минаевъ. *Н. М. Пржевальскій.* Некрологъ.—1888, ч. 260, ноябрь, отд. IV, стр. 49—50.

6189. В. Н. Вузескулъ. *Леопольдъ Ранке.* Некрологъ.—1886, ч. 246, іюль, отд. IV, стр. 50—61.

6190. *Серѣй Егоровичъ Рождествен-*

Библиотека "Руниверс"

скій. Некрологъ.—1891, ч. 277, октябрь, отд. IV, стр. 39—40.

6191. *П. Н. Рыбниковъ*. Некрологъ.—1885, ч. 242, декабрь, отд. IV, стр. 217—221.

6192. **К. Бестужевъ-Рюминъ.** *Петръ Григорьевичъ Редкинъ*. Некрологъ.—1891, ч. 274, апрѣль, отд. IV, стр. 167—170.

6193. *А. Е. Светилинъ*. Некрологъ.—1887, ч. 254, ноябрь, отд. IV, стр. 30—33.

6194. **Л. Л—ръ.** *Сектъ-Бёвъ*. Некрологъ.—1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 397—405.

6195. **М. М. Владиславлевъ.** *Протоіерей Ѳедоръ Ѳедоровичъ Сидонскій*. Некрологъ.—1874, ч. 171, январь, отд. IV, стр. 50—55.

6196. **Н. Веселовскій.** *К. А. Скачковъ*. Некрологъ.—1883, ч. 227, іюнь, отд. IV, стр. 98—103.

6197. *С. К. Смирновъ*. Некрологъ.—1889, ч. 262, апрѣль, отд. IV, стр. 31—33.

6198. **Н. И. Янчукъ.** *Янъ-Эрнестъ Смоляръ*. По поводу годовщины его смерти.—1885, ч. 240, августъ, отд. IV, стр. 25—42.

6199. Памяти *С. М. Соловьева*. **Е. Замысловскій.**—1879, ч. 206, ноябрь, отд. IV, стр. 25—37.

6200. **Л. Н. Майковъ.** *И. И. Срезневскій*. Некрологъ.—1880, ч. 208, мартъ, отд. IV, стр. 81—85.

6201. *Л. Э. Стефани*. Некрологъ.—1887, ч. 252, іюль, отд. IV, стр. 74—75.

6202. *В. Я. Стоюнинъ*. Некрологъ.—1888, ч. 260, декабрь, отд. IV, стр. 89—90.

6203. *Гр. С. П. Строгановъ*. Некрологъ.—1882, ч. 220, апрѣль, отд. IV, стр. 147—149.

6204. *Н. А. Съверцовъ*. Некрологъ.—1885, ч. 238, мартъ, отд. IV, стр. 93—94.

6205. **К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.** *Владиміръ Павловичъ Титовъ*. Некрологъ.—1891, ч. 278, декабрь, отд. IV, стр. 123—126.

6206. *Ю. В. Толстой*. Некрологъ.—1878, ч. 195, февраль, отд. IV, стр. 157—160.

6207. Кончина графа *Дмитрія Андреевича Толстаго*.—1889, ч. 263, май, отд. IV, стр. 1—10.

6208. **И. В. Помяловскій.** *К. М. Трессъ*. Некрологъ.—1886, ч. 245, іюнь, отд. IV, стр. 82—83.

6209. **К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.** *Гр. А. С. Уваровъ*. Некрологъ. (Изъ „Живописнаго Обозрѣнія“).—1885, ч. 237, февраль, отд. IV, стр. 123—125.

6210. Незабвенной памяти *гр. А. С. Уварова*. М. 1885.—Рец. 1886, ч. 243, февраль, отд. II, стр. 371. (Кн. новости).

6211. *Н. В. Ханыковъ*. Некрологъ.—1879, январь, ч. 201, отд. IV, стр. 91—107.

6212. **Фр. Штифтеръ.** *Ю. О. Цафъ*. Некрологъ.—1874, ч. 175, октябрь, отд. IV, стр. 107—110.

6213. *Л. С. Ценковскій*. Некрологъ.—1887, ч. 254, ноябрь, отд. IV, стр. 33—35.

6214. *Е. В. Чешихинъ*. Некрологъ.—1888, ч. 256, апрѣль, отд. IV, стр. 146.

6215. *Ѳ. В. Чижовъ*. Некрологъ.—1877, ч. 194, декабрь, отд. IV, стр. 155—157.

6216. *П. А. Чихачевъ*. Некрологъ.—1890, ч. 272, декабрь, отд. IV, стр. 87—89.

6217. *Я. А. Чистовичъ*. Некрологъ.—1885, ч. 242, декабрь, отд. IV, стр. 213—215.

6218. **Л. Л.** *М. Б. Чистяковъ*. Некрологъ.—1885, ч. 242, ноябрь, отд. IV, стр. 122—123.

6219. *И. Б. Штейнманъ*. Некрологъ.

Библиотека "Руниверс"

—1872, ч. 160, апрѣль, отд. IV, стр. 164—166.

6220. *П. К. Щебальскій.* Некрологъ.—1886, ч. 245, май, отд. IV, стр. 70—71.

6221. **Г. Данилевскій.** *Н. Ѳ. Щербина.* Некрологъ.—1869, ч. 142, апрѣль, отд. IV, стр. 259—262.

6222. **Н. Зографъ.** *Г. Е. Щуровскій.* Некрологъ. (Изъ „Московскихъ Вѣдомостей".).—1884, ч. 233, май, отд. IV, стр. 67—73.

6223. *Евгеній Николаевичъ Эдельсонъ.* Некрологъ.—1868, ч. 137, январь, отд. III, стр. 117—121.

6224. **Э. А. Вольтеръ.** *И. В. Юшкевичъ.* Некрологъ.—1886, ч. 246, августъ, отд. IV, стр. 106—108.

6225. **И. А. Водуэнъ де-Куртенэ.** Замѣтка къ некрологу *И. В. Юшкевича.*—1887, ч. 250, мартъ, отд. IV, стр. 47—48.

6226. *И. С. Якимовъ.* Некрологъ.—1885, ч. 239, іюнь, отд. IV, стр. 80—81.

6227. *Людвигъ Янъ.* Некрологъ.—1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 431—433. (Нов. ин. уч. лит.).

6228. **Г. Дестунисъ.** *А. К. Ярославцевъ.* Некрологъ.—1884, ч. 233, май, отд. IV, стр. 79—82.

2) ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ, ОБЩЕСТВА, КОНГРЕССЫ, СЪѢЗДЫ, ТРУДЫ И ОТЧЕТЫ ИХЪ.

А. Статьи.

6229. Императорская **Академія Наукъ.**—1869, ч. 141, январь, отд. II, стр. 266—269. (Отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ; отчетъ по отд. русскаго языка и словесности за 1868)—ч. 142, мартъ, стр. 187—250, апрѣль, стр. 433—440; ч. 143, май, стр. 172—182, іюнь, стр 393—400, августъ, стр. 348—351; ч. 145, октябрь, стр. 323—343; ч. 146, декабрь, стр. 328—336.

6230. Императорская **Академія Наукъ.** О трудахъ ея по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ, за 1869 (Рѣчь **К. С. Веселовскаго**). — 1870, ч. 147, февраль, отд. II, стр. 416—431.

6231. Императорская **Академія Наукъ.** Отчетъ по отдѣленію русскаго языка и словесности за 1869, составленный **А. В. Никитенкомъ.**—1870, ч. 147, февраль, отд. II, стр. 431—439.

6232. Императорская **Академія Наукъ.** Физико-математическое отдѣленіе.—1870, ч. 147, январь, отд. II, стр. 75—87; ч. 149, май, стр. 191—198; ч. 152, ноябрь, стр. 89—96.

6233. Императорская **Академія Наукъ.** Отдѣленіе русскаго языка и словесности. — 1870, ч. 149, іюнь, отд. II, стр. 443—450 (январь—мартъ 1870).

6234. Императорская **Академія Наукъ.** Историко-филологическое отдѣленіе.—1870, ч. 149, май, отд. II, стр. 198—203; ч. 152, ноябрь, стр. 96—99.

6235. Отчетъ Императорской **Академіи Наукъ** по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ, за 1870 годъ.—1871, ч. 153, февраль, отд. II, стр. 317—344.

6236. Императорская **Академія Наукъ.**—1871, ч. 153, январь, отд. II, стр. 145—153.

Библиотека "Руниверс"

6237. Обозрѣніе дѣятельности II-го отдѣленія Императорской **Академіи Наукъ** за 1874 г. — 1875, ч. 178, апрѣль, отд. IV, стр. 81—102.

6238. Отчетъ о дѣятельности II-го отдѣленія Императорской **Академіи Наукъ** за 1876 г. (сост. акад. **А. В. Никитенкомъ**). — 1877, ч. 190, апрѣль, отд. IV, стр. 56—62.

6239. К. Веселовскій. Отчетъ Императорской **Академіи Наукъ** по физико-математическому и историко-филологическому отдѣлу за 1876 и 1877 года. — 1878, ч. 196, апрѣль, отд. IV, стр. 165—189.

6240. А. Бычковъ. Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской **Академіи Наукъ** за 1877 г. — 1878, ч. 196, мартъ, отд. IV, стр. 1—35.

6241. Отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ Императорской **Академіи Наукъ** за 1878 г. (составленъ **К. С. Веселовскимъ**).— 1879, ч. 201, февраль, отд. IV, стр. 109—126.

6242. Отчетъ по отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской **Академіи Наукъ** за 1878 г. (составленъ **М. И. Сухомлиновымъ**). — 1879, ч. 201, февраль, отд. IV, стр. 127—150.

6243. Отчетъ Императорской **Академіи Наукъ**, по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1879 годъ.— 1880, ч. 208, мартъ, отд. IV, стр. 1—23.

6244. Второе отдѣленіе Императорской **Академіи Наукъ** въ 1879 г.— 1880, ч. 207, февраль, отд. IV, стр. 51—68.

6245. Отчетъ Императорской **Академіи Наукъ** по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1880 г., (составленный академикомъ **К. С. Веселовскимъ**). — 1881, ч. 213, февраль, отд. IV, стр. 77—102.

6246. Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской **Академіи Наукъ** за 1880 годъ (составленный академикомъ **А. Ѳ. Бычковымъ**). — 1881, ч. 213, февраль, отд. IV, стр. 111—158.

6247. Отчетъ Императорской **Академіи Наукъ** по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1881 годъ.— 1882, ч. 220. мартъ, отд. IV, стр. 1—29.

6248. Отчетъ Императорской **Академіи Наукъ** по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1882 годъ.— 1883, ч. 225. февраль, отд. IV, стр. 63—84.

6249. Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской **Академіи Наукъ** за 1882 годъ (составленный **А. Н. Веселовскимъ**). — 1883, ч. 225, февраль, отд. IV, стр. 85—100.

6250. Отчетъ Императорской **Академіи Наукъ** по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1883 годъ.— 1884, ч. 231, февраль, отд. IV, стр. 27—47.

6251. Отчетъ по второму отдѣленію Императорской **Академіи Наукъ** за 1883 годъ.— 1884, ч. 231, февраль, отд. IV, стр. 48—56.

6252. К. С. Веселовскій. Отчетъ Императорской **Академіи Наукъ** по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1884 годъ.—1885, ч. 237, февраль, отд. IV, стр. 51—73.

6253. Я. К. Гротъ. Отчетъ о дѣятельности втораго отдѣленія Императорской **Академіи Наукъ** за

Библиотека "Руниверс"

1884 годъ.—1885, ч. 237, февраль, отд. IV, стр. 74—92.

6254. Императорская **Академія Наукъ** въ 1885 году (I. Отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленію, составленный **К. С. Веселовскимъ**. II. Отчетъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, составленный **А. Н. Веселовскимъ**. III. Рѣчь **Л. И. Шренка** о снаряженіи Академіей экспедиціи на Новосибирскіе о-ва и въ Привислянскій край). — 1886, ч. 243, февраль, отд. IV, стр. 33—77.

6255. Императорская **Академія Наукъ** въ 1886 году. I. Отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ, составленный **К. С. Веселовскимъ**. 1887, ч. 249, февраль, отд. IV, стр. 123—148. II. Отчетъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, составленный **А. Ѳ. Вычковымъ**.— 1887, ч. 250, мартъ, отд. IV, стр. 1—20.

6256. Императорская **Академія Наукъ** въ 1887. (I. Отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отд.) —1888, ч 256, мартъ, отд. IV, стр. 1—27; (II. Отчетъ отд. рус. языка и словесности).— 1888, ч. 256, апрѣль, стр. 87—104.

6257. Императорская **Академія Наукъ** въ 1888 году. — 1889, ч. 261, февраль, отд. IV, стр. 51—88.

6258. Императорская **Академія Наукъ**. I. Отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1889 годъ. Составленъ **К. С. Веселовскимъ**. II. Отчетъ по отд. русскаго языка и словесности, составленъ **Л. Н. Майковымъ**. — 1890, ч. 267, февраль, отд. IV, стр. 49—91.

6259. Императорская **Академія Наукъ** въ 1890 году. — 1891, мартъ, ч. 274, отд. IV, стр. 1—43.

6260. Торжественное собраніе Императорской **Академіи Наукъ** 29-го декабря 1876 г. по случаю празднованія ея стопятидесятилѣтняго юбилея.—1877, ч. 190, апрѣль, отд. III, стр. 21—55.

6261. **В. Мажушевъ**. Труды филологическаго отдѣленія Краковской **Академіи Наукъ** съ 1874 по 1880 годъ. (Отзывъ о трудахъ: 1) **Малиновскаго**. Beiträge zur slavischen Dialectologie. Ueber die Oppelnische Mundart in Ober-Schlesien. Lpz. 1873. 2) Modlitwy Wacława.—Изданіе **Малиновскаго**. 3) Slady dyalectyczne w oznaczaniu samogłosek nosowych w kilku zabytkach języka polskiego w. XV i XVI. — **Малиновскаго**. 4) Głoski nosowe w gwarze ludowéj we wsi Kasinie oraz niektóre inne w łąsciwosci téj gwary. Его-же. 5) Изд. **Малиновскаго**: Quadragesimale super epistolas. Głosy polskie z końca p. połowy w. XV. 6) Изд. **Малиновскаго**: Magistra Jana z Szamotuł, dekretow doktora, Paterkiem zwanego Kazania o Maryi Pannie czystéj. 7) Объ изслѣд. **Гануша**: Materyjały do historii form deklinacyjnych w języku staropolskim; o zakończeniu instrumentalu i lokativu w j. polsk.; o samogłoskach nosowych w narzeczu Słowincow Pomorskich, Slady niektórych odcieni dyjalectycznych w Kazaniach gnieźnienskich z r. 1419. 8) Объ изслѣд. **Б. Шомко**: Wykaz form przypadkowych zawartych w Rotach przysiąg krakowskich. 9) **Р. Завалинскаго**. Gwara Brzezińska. 10) **С. Матуська**. Gwara lasowska w okolicy Tarnobrzega. 11) **В. Вислоцкаго**: Legenda o św. Aleksym. 12) Изд. **Вислоцкаго**: Glossa super epistolas perannum dominicales. Kodeks łacińsko-polski XV w. и Katalog rękopisów Biblijoteki Uniwersytetu Jagiellońskiego. 13) О

Библиотека "Руниверс"

трудѣ Р. Пилята. Pieśń Bogarodzica. 14) Объ изд. А. Калины. Artykuły Prawu Magdeburgskiego. 15) Изслѣд. И. Коперницкаго. Spostrzeżenia nad właściwościami językowemi w mowie Górali Bieskidowych. 16) Ѳ. Войцѣховскаго. O rocznikach polskich X—XV w. 17) Мехержинскаго. Wawrzyniec Korwin z Nowegotargu, poeta szląski. 18) Гр. С. Тарновскаго. Krzysztof Warszewicki. 19) Изслѣд. А. Бѣлевскаго о С. Шимановичѣ. 20) С. Венцлевскаго. O poezyjach. And. Krzyckiego. 21) В. Серядынскаго. Andrzeja Morsztyna niewydane poezyje. 22) Тарновскаго. Andzej Maksymilian Fredro. 23) Огоновскаго. O przyimkach w języykach starostow. rusk. i polsk. 24) А. Петрова. Głosownia Dalnołużyckiego języka. 25) И. Карловича. O języku litewskim — и о другихъ трудахъ. — 1881, ч. 215, май, отд. II, стр. 127—163.

6262. **О. В. Струве.** Извлеченіе изъ годоваго отчета Николаевской главной **астрономической обсерваторіи.**—1875, ч. 180, августъ, отд. IV, стр. 123—140.

6263. Николаевская главная **астрономическая обсерваторія** въ 1878—1879 году.—1880, ч. 210, іюль, отд. IV, стр. 1—17.

6264. Николаевская главная **астрономическая обсерваторія** въ 1880 году.—1881, ч. 216, августъ, отд. IV, стр. 43—56.

6265. Николаевская главная **астрономическая обсерваторія** въ 1881 году. — 1882, ч. 223, октябрь, отд. IV, стр. 61—74.

6266. Николаевская главная **астрономическая обсерваторія** въ 1882 и 1883 годахъ. — 1884, ч. 234, августъ, отд. IV, стр. 61—81.

6267. Пятидесятилѣтіе Николаевской главной астрономической **обсерваторіи.** — 1889, ч. 265, сентябрь, отд. IV, стр. 1—4.

6268. Пятидесятилѣтіе Казанской **астрономической обсерваторіи.** —1888, ч. 258, іюль, отд. IV, стр. 1—4.

6269. Торжественное засѣданіе Римскаго археологическаго **Института** 24-го апрѣля 1869 г.—1869, ч. 145, октябрь, отд. II, стр. 430—431. (Новости учен. литературы).

6270. О трудахъ археографической **коммиссіи** за 1866—1868 года — 1868, ч. 138, май, отд. III, стр. 135—152.

6271. Археографическая **коммиссія.**—1871, ч. 157, сентябрь, отд. II, стр. 143—161.

6272. **К. Родохлибъ.** Центральный **архивъ** и археографическая **коммиссія** въ Кіевѣ.—1873, ч. 165, февраль, отд. IV, стр. 99—111.

6273. **К. Царевскій.** Замѣтка по поводу ст. г. Родохлиба: „Центральный **архивъ** и археографическая **коммиссія** въ Кіевѣ". — 1873, ч. 169, сентябрь, отд. IV, стр. 65—68.

6274. Дѣятельность Археологической **коммиссіи** въ царствованіе Императора Александра II.—1880, ч. 209, іюнь, отд. IV, стр. 109—131.

6275. Пятидесятилѣтіе археографической **коммиссіи.** — 1885, ч. 237, февраль, отд. IV, стр. 92—105.

6276. Императорская Археографическая **коммиссія.** — 1886, ч. 245, іюнь, отд. IV, стр. 79—81.

6277. Виленская **коммиссія** для разбора древнихъ актовъ. — 1871, ч. 155, май, отд. II, стр. 139—142.

6278. Второй философскій конгрессъ въ Франкфуртѣ. (Новости иностранной ученой литературы).— 1870, ч. 151, сентябрь, отд. II, стр. 168—173.

6279. **П. Е. П—въ.** Международный статистическій **конгрессъ** въ С.-Пе-

Библиотека "Руниверс"

тербургѣ. — 1872, ч. 163, октябрь, отд. II, стр. 330—366.

6280. Третій международный конгрессъ оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ въ августѣ 1876. — 1876, ч. 188, ноябрь, отд. IV, стр. 1—58.

6281. А. Г. Столѣтовъ. Конгрессъ электриковъ въ Парижѣ.—1882, ч. 219, февраль, отд. IV, стр. 1—16. Поправки (опечатки: ч. 220, мартъ, отд. II, стр. 146).

6282. Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ. Международный геологическій конгрессъ въ Лондонѣ въ сентябрѣ 1888 года. — 1889, ч. 261, январь, отд. IV, стр. 26—37.

6283. А. Ю. Гиршгорнъ. VII интернаціональный гигіеническій и демографическій конгрессъ въ Лондонѣ. (Отъ 10-го до 17-го августа (новаго стиля) 1891 г.).—1891, ч. 278, декабрь, отд. IV, стр. 112—122.

6284. Африканская географическая конференція въ Брюсселѣ —1876, ч. 188, декабрь, отд. IV, стр. 63—76.

6285. Минусинскій музей.—1887, ч. 249, январь, отд. IV, стр. 32—40.

6286. Московскій Публичный и Румянцевскій музей съ 1876 по 1878 годъ.—1880, ч. 207, февраль, отд. IV, стр. 69—81.

6287. Московскій Публичный и Румянцевскій музей съ 1879 по 1882 годъ. — 1884, ч. 235, сентябрь, отд. IV, стр. 1—9.

6288. Московскій Публичный и Румянцевскій музей въ 1882 — 1885 годахъ. — 1886, ч. 247, сентябрь, отд. IV, стр. 1—7.

6289. Московскій Публичный и Румянцевскій музей въ 1886 — 1888 годахъ. — 1890, ч. 270, августъ, отд. IV, стр. 41—46.

6290. Пятидесятилѣтіе Румянцевскаго музея.—1881, ч. 215, май, отд. IV, стр. 83—100.

6291. Празднованіе пятидесятилѣтія Румянцевскаго музея.—1882, ч. 222, іюль, отд. IV, стр. 1—2.

6292. Императорскій Россійскій историческій музей.—1883, ч. 228, іюль, отд. IV, стр. 25—33.

6293. Церковно-археологическій музей и церковно-археологическое общество при Кіевской Духовной Академіи за первое десятилѣтіе ихъ существованія (1872 — 1882, — 1883, ч. 228, іюль, отд. IV, стр. 9—24.

6294. Императорское Русское археологическое Общество. — 1871, ч. 154, мартъ, отд. II, стр. 70 — 76 (Предварительный комитетъ С.-Петербургск. Археологическ. съѣзда).

6295. О дѣятельности Импер. Русскаго Археологическаго Общества въ 1876 г.—1877, ч. 191, май, отд. IV, стр. 31—34.

6296. Императорское Русское Археологическое Общество въ 1877 г.—1878, ч. 197, іюнь, отд. IV, стр. 59 63.

6297. Императорское Русское Археологическое Общество въ 1878 г. — 1879, ч. 203, май, отд. IV, стр. 48—51.

6298. Императорское Русское Археологическое Общество въ 1879 г. —1880, ч. 208, апрѣль, отд. IV, стр. 105—110.

6299. Императорское Русское Археологическое Общество въ 1880 году. — 1881, ч. 215, май, отд. IV, стр. 71—82.

6300. Императорское Русское Археологическое Общество въ 1881 г. — 1882, ч. 221, май, отд. IV, стр. 66—80.

6301. Императорское Русское Археологическое Общество въ 1882 г. — 1883, ч. 228, іюль, отд. IV, стр. 1—8.

6302. Императорское Русское Археологическое Общество въ 1883 г.— 1884, ч. 233, май, отд. IV, стр. 12—16.

Библиотека "Руниверс"

6303. Императорское Русское **Археологическое Общество** въ 1884 г. —1885, ч. 238, апрѣль, отд. IV, стр. 101—106.

6304. Императорское Русское **Археологическое Общество** въ 1885 г. — 1886, ч. 245, іюнь, отд. IV, стр. 73—78.

6305. Императорское Русское **Археологическое Общество** въ 1886 г. — 1887, ч. 251, іюнь, отд. IV, стр. 47—49.

6306. Императорское **Русское Археологическое** Общество въ 1887 г. — 1888, ч. 257, іюнь, отд. IV, стр. 43—45.

6307. Императорское **Русское Археологическое** Общество въ 1888 году. — 1889, ч. 263, май, отд. IV, стр. 11—13.

6308. Императорское Русское **Археологическое Общество** въ 1890 г. — 1891, августъ, ч. 276, отд. IV, стр. 55—58.

6309. Восточное отдѣленіе Императорскаго Русскаго **Археологическаго Общества.** — 1869, ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 450—453.

6310. Московское **Археологическое Общество** въ 1879 году. — 1880, ч. 209, іюнь, отд. IV, стр. 132—144.

6311. Московское **Археологическое Общество** въ 1880 году. — 1881, ч. 214. апрѣль, отд. IV, стр. 193—204.

6312. Императорское Московское **Археологическое Общество** въ 1881 году.—1882, ч. 221, іюнь, отд. IV, стр. 105—113.

6313. Императорское Московское **Археологическое Общество** въ 1882 году. — 1883, ч. 227, май, отд. IV, стр. 11—22.

6314. Императорское Московское **Археологическое Общество** въ 1883 году.—1884, ч. 233, іюнь, отд. IV, стр. 91—98.

6115. Императорское Московское **Археологическое Общество** въ 1884 году. — 1885, ч. 239, іюнь, отд. IV, стр. 39—46.

6316. Императорское Московское **Археологическое Общество** въ 1885 году.—1886, ч. 244, апрѣль, отд. IV, стр. 25—40.

6317. Императорское Московское **Археологическое Общество** въ 1886 году.—1887, ч. 251, май, отд. IV, стр. 1—20.

6318. Императорское Московское **Археологическое Общество** въ 1888 году. — 1888, ч. 257, іюнь, отд. IV, стр. 46—59.

6319. Императорское Московское **Археологическое Общество** въ 1888 году.—1889, ч. 263, іюнь, отд. IV, стр. 37—55.

6320. Императорское Московское **Археологическое Общество** въ 1889 году.—1890, ч. 270, іюль, отд. IV, стр. 1—9.

6321. Императорское Московское **Археологическое Общество** въ 1890 году. — 1891, ч. 275, май, отд. IV, стр. 70—83.

6322. Псковское **археологическое Общество.**—1883, ч. 229, октябрь, отд. IV, стр. 63—72.

6323. Общество **археологіи, исторіи и этнографіи** при Казанскомъ университетѣ. — 1879, ч. 206, ноябрь, отд. IV, стр. 13—20.

6324. Казанское **общество археологіи, исторіи и этнографіи** въ 1879 году.—1880, ч. 209, іюнь, отд. IV, стр. 145—151.

6325. **Общество археологіи, исторіи и этнографіи** при Казанскомъ университетѣ въ 1880 году. — 1881, ч. 216, іюль, отд. IV, стр. 10 — 14.

6326. **Общество археологіи, исторіи и этнографіи** при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ въ 1881 году. — 1882, ч. 222, іюль, отд. IV, стр. 3—6.

Библиотека "Руниверс"

6327. Императорское Русское историческое Общество въ 1878 г. — 1879, ч. 203, май, отд. IV, стр. 41—48.

6328. Императорское Русское историческое Общество въ 1879 году.— 1880, ч. 208, апрѣль, отд. IV, стр. 111—117.

6329. Императорское Русское историческое общество въ 1880 и 1881 годахъ.—1882, ч. 221, май, отд. IV, стр. 60—65.

6330. Императорское Русское историческое Общество въ 1882 году.— 1883, ч. 227, іюнь, отд. IV, стр. 71—78.

6331. Императорское Русское историческое Общество въ 1883 году.— 1884, ч. 233, іюнь, отд. IV, стр. 83—90.

6332. Императорское Русское историческое Общество въ 1884 году.— 1885, ч. 238, мартъ, отд. IV, стр. 70—81.

6333. Императорское Русское историческое Общество.—1886, ч. 245, май, отд. IV, стр. 1—5.

6334. Императорское Русское историческое Общество въ 1886 году.— 1887, ч. 250, апрѣль, отд. IV, стр. 49—53.

6335. Императорское Русское историческое Общество въ 1887 и 1888 годахъ.—1889, ч. 262, апрѣль, отд. IV, стр. 13—19.

6336. Императорское Русское историческое Общество въ 1889 г.— 1890, ч. 268, апрѣль, отд. IV, стр. 25—32.

6337. Восьмидесятилѣтіе Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ.—1884, ч. 233, май, отд. IV, стр. 1—11.

6338. Императорское Общество исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ съ 1882 по 1884.—1885 ч. 239, май, отд. IV, стр. 1—16.

6339. Императорское Общество исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ въ 1885 году. — 1886, ч. 245, май, отд. IV, стр. 6—18.

6340. Императорское Общество исторіи и древностей Россійскихъ въ 1886 году. — 1887, ч. 252, августъ, отд. IV, стр. 77—84.

6341. Императорское Общество исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ въ 1887 году.—1888, ч. 259, сентябрь, отд. IV, стр. 1—9.

6342. Одесское Общество исторіи и древностей. Отчеты съ 14 ноября 1867 по 14 ноября 1868 года.—1869, ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 453—464.

6343. Императорское Одесское Общество исторіи и древностей въ 1882 году. — 1883, ч. 227, іюнь, отд. IV, стр. 79—82.

6344. Императорское Одесское Общество исторіи и древностей въ 1883 году. — 1884, ч. 232, апрѣль, отд. IV, стр. 43—46.

6345. Императорское Одесское Общество исторіи и древностей въ 1884 году. — 1885, ч. 238, апрѣль, отд. IV, стр. 107—114.

6346 Императорское Одесское Общество исторіи и древностей въ 1885 году. — 1886, ч. 246, іюль, отд. IV, стр. 1—2.

6347. Пятидесятилѣтіе Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей. — 1890, ч. 267, январь, отд. IV, стр. 1—4.

6348. И. П. Хрущовъ. Историческое общество Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ. — 1863, ч. 166, мартъ, отд. IV, стр. 32—36.

6349. Курляндское Общество литературы и искусствъ. — 1884, ч. 232, мартъ, отд. IV, стр. 18—20.

Библиотека "Руниверс"

6350. Литовское литературное общество въ Тильзитѣ.—1880, ч. 211, сентябрь, отд. IV, стр. 22—25.

6351. Л. Н. Майковъ. Общество любителей древней письменности.—1877, ч. 190, апрѣль, отд. IV, стр. 105—115.

6352. Начальная дѣятельность Общества любителей древней письменности.—1878, ч. 196, апрѣль, отд. IV, стр. 294—307.

6353. Общество любителей древней письменности въ 1878 году. — 1879, ч. 204, августъ, отд. IV, стр. 126—131.

6354. Общество любителей древней письменности въ 1879 году. — 1880, ч. 211, октябрь, отд. IV, стр. 86—89.

6355. Общество любителей древней письменности въ 1880 году. — 1881, ч. 216, іюль, отд. IV, стр. 1—9.

6356. Общество любителей древней письменности въ 1881 году. — 1882, ч. 223, сентябрь, отд. IV, стр. 1—21.

6357. Императорское Общество любителей древней письменности въ 1882—1883 годахъ.—1884, ч. 233, май, отд. IV, стр. 17—35.

6358. Общество любителей россійской словесности. — 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 456 — 458; ч. 146, декабрь, стр. 345—348.

6359. Общество любителей россійской словесности.—1870, стр. 148, мартъ, отд. II, стр. 127—133.

6360. П. Сырку. Журналъ Болгарскаго литературнаго общества.— Рец. 1) Периодическо списание на Българското Книжовно Дружество. Учрежда се отъ дѣловодителятъ на дружество В. Д. Стоянова. Год. I, кн. I—XII, и 2) Периодическо списание на Българското Книжевно Дружество въ Срѣдецъ. Редакторъ В. Д. Стояновъ. Кн. I. 1882).—1882, ч. 222, августъ, отд. II, стр. 355—371.

6361. Краткій отчетъ о дѣятельности С.-Петербургскаго отдѣла Славянскаго благотворительнаго комитета (по 11 мая 1896).—1869, ч. 144, августъ, отд. IV, стр. 234—261.

6362. Отчетъ о дѣятельности С.-Петербургскаго отдѣла Славянскаго благотворительнаго комитета съ 11-го мая 1869 по 11-е мая 1870 г.— 1870, ч. 151, октябрь, стр. 1—6, въ приложеніи.

6363. Краткій отчетъ о дѣятельности С.-Петербургскаго отдѣла Славянскаго благотворительнаго комитета, съ 11-го мая 1870 по 1-е января 1872 г.—1872, ч. 159, январь, отд. IV, стр. 116—139.

6364. Отчетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за 1866 г.—1867 ч. 135, іюль, отд. III, стр. 67—74.

6365. Московское Общество любителей духовнаго просвѣщенія въ 1885 г.—1886, ч. 243, январь, отд. IV, стр. 1—5.

6366. І. Е. Соловьевъ. Общество любителей духовнаго просвѣщенія за двадцать пять лѣтъ своего существованія (1863 — 1888). — 1889, ч. 261, январь, отд. IV, стр. 13—25.

6367. О дѣйствіяхъ въ 1870 году Высочайше утвержденнаго Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи.—1871, ч. 156, іюль, отд. IV, стр. 103—119.

6368. Mémoires de la Société de linguistique de Paris. f. I. Paris 1868.— Рец. (въ ст. Новости иност. ученой литерат., 1869, ч. 141, февраль, отд. II, стр. 510—511.

6369. А. И. Георгіевскій. Рѣчь о П. М. Леонтьевѣ въ засѣданіи Московскаго отд. Общества классич.

Библиотека "Руниверс"

филологіи и педагогики. — 1875, ч. ч. 179, май, отд. V, стр. 59—65.

6370. Отчетъ о дѣятельности Москов. отдѣленія Общества классической филологіи за 1876 и 1877 г. — 1878, ч. 200, декабрь, отд. V, стр. 221—223.

6371. Протоколъ XXXII засѣданія Моск. отд. общества классич. филологіи. (29 апрѣля 1878 г.).—1878, ч. 200, декабрь, отд. V, стр. 223—224.

6372. Отчетъ С.-Петербургскаго Общества классической филологіи и педагогики за 1874—1877 г. — 1878, ч. 196, апрѣль, отд. V, стр. 1—10, въ приложеніи.

6373. Протоколъ засѣданія Общества классической филологіи и педагогики 28-го февраля 1878 г.—1878, ч. 197, май, отд. V, стр. 223—224.

6374. Протоколъ засѣданія отдѣленія Общества классической филологіи и педагогики 28-го марта 1878 г.—1878, ч. 197, іюнь, отд. V, стр. 1—3.

6375. Протоколъ засѣданій С.-Петербургскаго отдѣленія Общества классической филологіи и педагогики 25-го апрѣля 1878 г.—1878, ч. 200, декабрь, отд. V, стр. 219—221.

6376. Отчетъ С.-Петербургскаго отдѣленія Общества классич. филологіи и педагогики за 1878 г.—1879, ч. 202, апрѣль, отд. V, стр. 1—5.

6377. Филологическое Общество при С.-Петербургскомъ университетѣ.—1869, ч. 143, іюнь, отд. II, стр. 400—404; ч. 144, августъ, стр. 351—356.

6378. Филологическое Общество при С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1881—1882 г.—1882, ч. 224, декабрь, отд. IV, стр. 87—88.

6379. Романо-германское отдѣленіе филологическаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ.—1886, ч. 246, августъ, отд. IV, стр. 63—93.

6380. Романо-германское отдѣленіе филологическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.—1891, ч. 277, октябрь, отд. IV, стр. 13—32.

6381. Нео-филологическое общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, за 1890 годъ.—1891, ч. 278, ноябрь, отд. IV, стр. 1—20.

6382. **А. Головачевскій.** Занятія въ русскомъ филологическомъ обществѣ въ Лейпцигѣ.—1878, ч. 198, іюль, отд. V, стр. 30—36.

6383. Императорское Русское Географическое Общество.—1869, ч. 143, май, отд. II, стр. 183—197; ч. 144, іюль, стр. 124—169; августъ, стр. 356—385, ч. 145, сентябрь, стр. 138—159; ч. 146, ноябрь, стр. 136—148.

6384. Императорское Русское Географическое Общество въ 1870 году.—1871, ч. 154, апрѣль, отд. II, стр. 189—202.

6385. Имп. Русское Географическое Общество. Его отдѣлы: Кавказскій, Сибирскій и Оренбургскій въ 1870 г.—1871, ч. 155, май, отд. II, стр. 142—148.

6386. Императорское Русское Географическое Общество въ 1878 г. —1879, ч. 203, іюнь, отд. IV, стр. 208—229.

6387. Императорское Русское Географическое Общество въ 1879 г. —1880, ч. 210, іюль, отд. IV, стр. 18—28.

6388. Императорское Русское Географическое Общество въ 1880 г. —1881, ч. 214, мартъ, отд. IV, стр. 36—61.

6389. Императорское Русское Гео-

Библиотека "Руниверс"

графическое Общество въ 1881 г. —1882, ч. 220, апрѣль, отд. IV, стр. 87—125.

6390. Императорское Русское Географическое общество въ 1882 г. —1883, ч. 228, августъ, отд. IV, стр. 67—71.

6391. Императорское Русское Географическое общество въ 1883 г. —1884, ч. 232, апрѣль, отд. IV, стр. 33—42.

6392. Сибирскіе отдѣлы Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1883 году.—1884, ч. 236, декабрь, отд. IV, стр. 87—90.

6393. Императорское Русское Географическое Общество въ 1884 г. —1885, ч. 238, мартъ, отд. IV, стр. 57—69.

6394. Кавказскій отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1884 г.—1885, ч. 242, декабрь, отд. IV, стр. 125—131.

6395. Императорское Русское Географическое Общество въ 1885 г. —1886, ч. 244, мартъ, отд. IV, стр. 7—15.

6396. Императорское Русское Географическое Общество въ 1886 г. —1887, ч. 251, іюнь, отд. IV, стр. 41—46.

6397. Православное Палестинское Общество въ 1882 и 1883 гг.—1883, ч. 229, сентябрь, отд. IV, стр. 1—9.

9398. И. В. П. Ученая дѣятельность Православнаго Палестинскаго Общества въ 1884—1885 гг. 1886, ч. 243, январь, отд. IV, стр. 6—8.

6399. Императорское Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.—1869, ч. 143, іюнь, отд. II, стр. 404—406; ч. 146, декабрь, стр. 336—345.

6400. Императорское Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ.—1879, ч. 206, ноябрь, отд. IV, стр. 21—24.

6401. Годичное засѣданіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи (15 октября 1880 г.)—1880, ч. 212, ноябрь, отд. IV, стр. 21—26.

6402. Годичное засѣданіе Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ.—1881, ч. 218, декабрь, отд. IV, стр. 65—67.

6403. Годичное засѣданіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи (15-го октября 1884 года.) —1884, ч. 236, декабрь, отд. IV, стр. 83—86.

6404. Годичное засѣданіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.—1885, ч. 242, декабрь, отд. IV, стр. 135—138.

6405. Годичное засѣданіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ.—1886, ч. 248, декабрь, отд. IV, стр. 41—56.

6406. Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.—1888, ч. 260, декабрь, отд. IV, стр. 51—55.

6407. М. В. Малаховъ. Уральское общество любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ. — 1885, ч. 237, февраль, отд. IV, стр. 106 —114.

6408. Императорское Московское общество испытателей природы.—1869, ч. 142, апрѣль, отд. II, стр. 440—443; ч. 143, іюнь, стр. 406—406; ч. 146, декабрь, стр. 348 —352.

6409. Императорское Московское

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИСТА-ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(мартъ и апрѣль 1899 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

СТРАН.

1. (11-го ноября 1898 года). Объ отпускѣ изъ казны суммъ на содержаніе зданій Московской 1-й гимназіи 3

2. (11-го ноября 1898 года). Объ учрежденіи въ Псковской губерніи третьей должности инспектора народныхъ училищъ . . 4

3. (11-го ноября 1898 года). Объ утвержденіи второй должности инспектора народныхъ училищъ въ Тургайской области —

4. (11-го ноября 1898 года). Объ учрежденіи второй должности помощника классныхъ наставниковъ при Рязанской четырехклассной прогимназіи . . . 5

5. (18-го ноября 1898 года). Объ учрежденіи при Новозыбковскомъ реальномъ училищѣ средняго сельско-хозяйственно-техническаго училища и объ утвержденіи штата сего училища . 6

6. (11-го ноября 1898 года). Объ открытіи низшей ремесленной школы въ усадьбѣ „Григорьевцево", Солигаличскаго уѣзда, Костромской губерніи . . . 9

7. (18-го ноября 1898 года). Объ учрежденіи при Кіевской 2-й гимназіи — четвертой, а при Московской 7-й гимназіи — третьей должностей помощниковъ классныхъ наставниковъ —

8. (15-го декабря 1898 года). Объ увеличеніи средствъ канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа . 10

Библиотека "Руниверс"

стран.

9. (15-го октября 1898 года). Объ установленіи форменной одежды для воспитанниковъ учительскихъ семинарій и школъ . . . 11

10. (16-го сентября 1898 года). Объ утвержденіи формы двубортнаго сюртука для студентовъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи . . . . . —

10. (3-го декабря 1898 года). Объ учрежденіи при Пинскомъ реальномъ училищѣ стипендіи въ память Священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 47

11. (3-го декабря 1898 года). О присвоеніи Батумской гимназіи наименованія: „Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича гимназіи“ 48

12. (9-го декабря 1898 года) Объ учрежденіи въ гор. Темрюкѣ, Кубанской области, Маріинскаго женскаго училища —

13. (9-го декабря 1898 года). О преобразованіи Бѣльской 6-ти-классной прогимназіи въ полную гимназію 49

14. (15-го декабря 1898 года). О предоставленіи окружнымъ инспекторамъ Московскаго учебнаго округа права на полученіе суточныхъ денегъ при разъѣздахъ по округу 50

15. (15-го декабря 1898 года). Объ учрежденіи въ Варшавскомъ учебномъ округѣ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ и помощника инспектора училищъ города Варшавы и объ увеличеніи содержанія инспектору училищъ города Варшавы и канцелярскихъ его средствъ . . . . . —

16. (15-го декабря 1898 года). Объ отпускѣ средствъ на снаряженіе экспедиціи для градусныхъ измѣреній на остр. Шпицбергенѣ . . . 52

17. (15-го декабря 1898 года). Объ объединеніи дѣятельности метеорологическихъ учрежденій . . . . . —

18. (15-го декабря 1898 года). Объ утвержденіи новаго штата Геологическаго музея Императорской Академіи Наукъ . . . 54

19. (4-го января 1899 года). Объ учрежденіи въ м. Хони, Кутаисской губерніи, Маріинскаго женскаго училища . 56

20. (4-го января 1899 года). О преобразованіи Юрьевскаго Маріинскаго женскаго училища въ женскую гимназію 57

21. (18-го января 1899 года). Объ учрежденіи въ гор. Самаркандѣ женской гимназіи —

Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія.

16-го января 1899 года 12
24-го января 1899 года 20
29-го января 1899 года 24
5-го февраля 1899 года 25
15-го февраля 1899 года . 58
19-го февраля 1899 года 65
5-го марта 1899 года —
12-го марта 1899 года 72

Библиотека "Руниверс"

Министерскія распоряженія.

стран.

1. (30-го ноября 1898 года). Положеніе о стипендіи имени ардатовскаго купца Алексѣя Ивановича Николаева при Арзамаскомъ городскомъ четырехклассномъ по положенію 31-го мая 1872 года училища 25

2. (18-го января 1899 года). Положеніе о стипендіи имени ксендза Антонія Фердинандовича Дубисса-Крачака при Каменецъ-Подольской мужской гимназіи . . 26

3. (19-го января 1899 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго управляющаго кѣлецкою казенною палатою, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Якова Александровича Ржепишевскаго при одномъ изъ среднихъ учерныхъ заведеній Кѣлецкой губерніи. 27

4. (21-го января 1890 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго Рижскаго и Митавскаго, нынѣ Казанскаго и Свіяжскаго архіепископа Арсенія, при Рижской Александровской гимназіи . 28

5. (22-го января 1899 года). Положеніе о стипендіяхъ имени умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Андреевича Макарова при Владимірскомъ Мальцевскомъ ремесленномъ училищѣ . 29

6. (22-го января 1899 года). Положеніе о стипендіяхъ имени надворнаго совѣтника Ивана Васильевича Михайлова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ . 30

7. (27-го января 1899 года). Положеніе о стипендіи гор. Чистополя при Казанскомъ промышленномъ училищѣ. . 31

8. (27-го января 1899 года). Положеніе о стипендіи имени Варвары Михайловны Бурмистровой, рожденной Рукавишниковой, при общежитіи братства Свв. Кирилла и Меѳодія для бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи . 33

9. (27-го января 1899 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Михайловича Рукавишникова при общежитіи братства Свв. Кирилла и Меѳодія для бѣдныхъ учениковъ Нижегородской гимназіи . . . . —

10. (28-го января 1899 года). Положеніе о стипендіи имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 34

11. (30-го января 1899 года). Положеніе о стипендіи имени врача Александра Константиновича Леонова при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра . 35

12. (30-го января 1899 года). Положеніе о стипендіи имени владѣльца Корнинскаго сахарнаго завода потомственнаго почетнаго гражданина Николая Яковлевича Сеггофера при Кіевскомъ Александровскомъ городскомъ ремесленномъ училищѣ 36

13. (10-го февраля 1899 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ . 77

14. (18-го февраля 1899 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ . 79

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

15. (12-го марта 1899 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ . . . . . —

16. (15-го марта 1899 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ 80

17. (7-го декабря 1898 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы статскаго совѣтника Маріи Ѳедоровны Ушаковой при Казанской Ксенінинской женской гимназіи 81

18. (9-го декабря 1898 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго смоленскаго уѣзднаго предводителя дворянства Александра Александровича Гернгроса при Смоленской Маріинской женской гимназіи 82

19. (17-го декабря 1898 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника К. П. Воскресенскаго при Верейскомъ трехклассномъ городскомъ, по положенію 31-го мая 1872 года, училищѣ . . 83

20. (25-го декабря 1898 года). Положеніе о стипендіи имени бывшаго городскаго и училищнаго врача Владиміра Михайловича Квасовскаго при Ольгопольскомъ двухклассномъ городскомъ училищѣ по положенію 26-го мая 1869 года . 84

21. (22-го декабря 1898 года). Положеніе о стипендіи имени вдовы коллежскаго совѣтника Софіи Федоровны Урель въ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ 85

22. (30-го декабря 1898 года). Положеніе о двухъ стипендіяхъ имени тайнаго совѣтника Евгенія Васильевича Богдановича при Муромскомъ городскомъ по положенію 31-го мая 1872 года училищѣ 86

23. (8-го января 1899 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Елизаветы Ивановны Короваевой при Вятской Маріинской женской гимназіи 87

24. (5-го февраля 1899 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Антона Даниловича Люстиха при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ . —

25. (11-го февраля 1899 года). Положеніе о стипендіяхъ имени контръ-адмирала Геннадія Александровича Ратькова-Рожнова и супруги его Надежды Андреевны при Нижегородскомъ Владимірскомъ среднемъ механико-техническомъ училищѣ 88

26 (12-го февраля 1899 года). Положеніе о стипендіяхъ имени ихъ Императорскихъ Величествъ при Шушинскомъ реальномъ училищѣ . 89

27. (12-го февраля 1899 года). Положеніе о стипендіяхъ имени потомственнаго почетнаго гражданина Константина Никитича Лытикова при Рыбинскомъ механико-техническомъ училищѣ и ремесленной при немъ школѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Комарова . . 91

28. (15-го февраля 1899 года). Положеніе о стипендіяхъ профессора бывшаго Виленскаго университета Захарія Нѣмчевскаго при Ковенской гимназіи. 92

29. (15-го февраля 1899 года). Положеніе о стипендіяхъ доктора философіи Іосифа Володзько при Ковенской гимназіи. . 93

30. (15-го февраля 1899 года). Положеніе о стипендіяхъ ротмистра Іосифа Радвилловича при Ковенской гимназіи. 95

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

31. (17-го февраля 1899 года). Положеніе о пятой стипендіи имени поэта В. А. Жуковскаго при Тульской мужской гимназіи. 96

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 37 и 97

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 39 и 100

Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому образованію. 43 и 102

Открытіе училищъ. 44 и 103

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Н. Я. Марръ. Изъ поѣздки на Аѳонъ 1

М. М. Богословскій. Смоленское шляхетство въ XVIII вѣкѣ 25

А. Н. Веселовскій. Три главы изъ исторической поэтики 66 и 224

Н. Козминъ. „Аббадона“ 290

А. А. Шахматовъ. Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей . 324

Графъ П. Капнистъ. Историческій очеркъ развитія средняго образованія въ Германіи (*продолженіе*) 385

Критика и библіографія.

В. Г. Васильевскій. Византійскій Временникъ за пять лѣтъ . 132

Ѣ. П. Бузескулъ. Новое изслѣдованіе по исторіи папства въ XI вѣкѣ . . 155

І. Покровскій. Отвѣтъ г. Б. В. Никольскому 190

Н. Р. Ланге. Отвѣтъ Э. Л. Радлову . 201

Э. Л. Радловъ. Нѣсколько замѣчаній по поводу возраженія проф. Ланге . . . 212

Н. Н. Платонова. Изъ исторіи средневѣковыхъ университетовъ. 430

Н. Б. Систематическій сборникъ очерковъ по отечествовѣдѣнію. Составили: *М. Н. Беклемишевъ*, *В. Ѳ. Дерюжинскій*, *Н. А. Карышевъ*, *Л. Е. Лебедевъ*, *Ѳ. А. Макшеевъ*, *В. И. Марковъ*, *Н. А. Обручевъ*, *В. В. Степановъ*, баронъ *А. Е. Тизенгаузенъ*, *А. П. Турчаниновъ*, и *В. Г. Ярошкій*. Подъ редакціей генералъ-лейтенанта *Ѳ. А. Фельдмана*. Одинъ томъ въ двухъ частяхъ. Изданіе Императорскаго Александровскаго лицея. С.-Пб. 1898 456

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

Б. А. Панченко. *Максимъ Ковалевскій.* Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. Томъ I. Москва. 1899. Изданіе *К. Т. Солдатенкова* . . . 462

Книжныя новости 216 и 498

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература 1 и 13

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Р—цы. Вопросъ о Босніи и Герцеговинѣ въ литературѣ и въ дѣйствительности . . 1

С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы въ 1897—1898 академическомъ году . 48

Е. М. Ковалевскій. Что дало Австріи по народному образованію 50-ти-лѣтнее царствованіе императора Франца-Іосифа 69

Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа . . 105

П. Конскій. М. С. Корелинъ (*некрологъ*) . 115

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ѳ. Ѳ. Соколовъ. По поводу книги С. А. Жебелева . 83

А. І. Маленинъ. Древнѣйшая Ватиканская рукопись Марціала . 104

С. А. Жебелевъ. Архонтъ Ѳрасифонтъ и архонты списка С. І. А. II 859 . . 115

А. Векштремъ. Неизданные отрывки Руфа Эфесскаго . 121

А. Ѳ. Энманъ. Изъ области древне-греческой географической ономатологіи . . 1

Ф. Э. Видеманъ. Архаическая надпись острова Сикина 8

И. Ѳ. Анненскій. Электра. Трагедія Еврипида . . . 11

Въ ПРИЛОЖЕНІИ.

Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофиціальной части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за время съ 1867 по 1891 годъ (лл. 23, 24 и 25) 354—385

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

(10-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Содержаніе имѣющей выйдти 2-го апрѣля мартовской книжки „Русской Школы" слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія; 2) Очерки современнаго состоянія начальнаго образованія во внѣевропейскихъ странахъ. **М. И. Страховой**; 3) Очерки по исторіи русской школы (Школа эпохи Петра Великаго). **Э. В.**; 4) Къ вопросу о взаимномъ отношеніи педагогики и психологіи. **Прив.-доцента А. П. Нечаева**; 5) Къ психологіи нашихъ подростающихъ поколѣній. **Н. Н. П.**; 6) Мысли о воспитаніи и обученіи (Продолженіе). **К. П. Яновскаго**; 7) Къ вопросу объ организаціи нашей средней общеобразовательной мужской школы. **Н. С.**; 8) Къ вопросу объ организаціи педагогической подготовки преподавателей для среднихъ учебныхъ заведеній. **А. И. Анастасіева**; 9) Общее и спеціальное образованіе въ техническихъ школахъ. **В. Я. Гебеля**; 10) Два направленія въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія (Къ 35 ти-лѣтію земскихъ учрежденій). **И. Петровича**; 11) Вопросы народнаго образованія въ губернскихъ земствахъ сессіи 1898 года. **И. П. Бѣлокопскаго**; 12) О постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій. **П. А. Селиванова**; 13) О значеніи генетическаго принципа въ методикѣ начальной ариѳметики. **К. И. Тихомирова**; 14) Замѣтки о преподаваніи роднаго языка на первой ступени. **В. П. Вахтерова**; 15) **Критика и библіографія** (болѣе 10-ти рецензій); 16) **Педагогическая хроника** (около 20-ти статей и замѣтокъ; 17) **Разныя извѣстія и сообщенія**; 18) **Объявленія**.

Журналъ „РУССКАЯ ШКОЛА" въ 1899 году будетъ выходить **ежемѣсячно** книжками не менѣе **пятнадцати** печатныхъ листовъ каждая.

Вслѣдствіе увеличенія объема книжекъ подписная цѣна увеличена на одинъ рубль. Подписная цѣна въ С.-Петербургѣ безъ доставки—**СЕМЬ** руб.; съ доставкой—**7 р. 50 коп.**; для иногородныхъ съ пересылкою—**ВОСЕМЬ** руб.; заграницу—**ДЕВЯТЬ** руб. въ годъ.

Но сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ по прежнему получать журналъ **ЗА ШЕСТЬ** рублей въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экземпляровъ, пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул. 1, Гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" и Карбасникова.

Журналъ „РУССКАЯ ШКОЛА" за 1896 и 1897 годы одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ средне-учебныхъ заведеній, а также для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ.

Редакторъ-издатель ***Я. Г. Гуревичъ.***

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"